

ИСТОРИЯ
ВОЕННОЙ
СТРАТЕГИИ
РОССИИ

РОССИЙСКАЯ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИНСТИТУТ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РФ

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Под редакцией академика РАЕН
генерал-майора В. А. Золотарева

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
ПОЛИГРАФРЕСУРСЫ
2000

**Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации
Международная Академия наук о природе и обществе
Российская Академия естественных наук**

**ББК 68.5/7
И90**

История военной стратегии России / Под ред. В. А. Золотарева. — М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. 592 с.

В предлагаемом читателю труде впервые в отечественной историографии раскрывается сложный путь развития, характерные черты и специфические особенности отечественной военной стратегии, исследуются исторические корни, этапы ее формирования, становления и развития, начиная с IX и, фактически, до конца XX столетия.

Значительное место в книге занимает показ национальной самобытности военной стратегии России в дореволюционную эпоху и в советский период. Одну из своих задач авторы видели и в том, чтобы выявить закономерности становления военной стратегии Российской Федерации на современном историческом этапе, в условиях переустройства государства. При этом главное внимание они уделили теории и практике военной стратегии 1990-х годов после распада Советского Союза, анализу изменившихся условий и новых подходов к разработке военной стратегии России на ближайшую и отдаленную перспективу. Значительный упор сделан на анализ факторов, влиявших на формирование этой области военного искусства в последнее десятилетие XX в. Важную часть книги составляют схемы и таблицы, способствующие всестороннему раскрытию предмета исследования.

Настоящий труд призван способствовать разработке рациональных военно-стратегических взглядов, учитывающих как позитивный, так и негативный опыт, который за долгий путь развития высшей области отечественного военного искусства стал бесценным национальным историческим достоянием.

Данная работа предназначена для специалистов, генералов, адмиралов, офицеров Вооруженных Сил и широкого круга читателей, интересующихся военной историей Отечества, вопросам военной стратегии.

Авторский коллектив:

В. О. Дайнес, А. А. Данилевич (руководитель), В. А. Пронько (зам. руководителя), О. В. Саксонов, Г. Ф. Чекмарев

Концепция труда: В. А. Золотарев, А. А. Данилевич

ISBN 5-86090-064-3

**© Текст, схемы — коллектив авторов,
ответственный редактор, 2000**

ВВЕДЕНИЕ

Национальная безопасность современного Российского государства основывается сейчас на более сложном, чем прежде, комплексе многоплановых политических, дипломатических, экономических, технологических, идеологических, военных и иных мер. Решающее значение среди них имели и имеют средства преимущественно политического характера, направленные на создание благоприятной для страны внешней и внутренней обстановки, устранение существующих и потенциальных военных угроз, их локализацию, упрочение международного положения государства, обеспечение устойчивых геополитических позиций, надежной защиты его интересов от посягательств извне и разрешение назревающих противоречий мирным путем. Однако эти меры могут быть эффективными лишь при том условии, если они органически сочетаются с действиями военного оборонительного характера, активным сдерживанием возможного агрессора, блокированием его попыток оказывать политическое и экономическое давление, а тем более силой оружия добиться политических целей.

В разные периоды российской истории военные средства либо выдвигались на первый план, либо отодвигались на второе место, либо выступали в качестве последнего, решающего средства защиты государственности России. Иногда они активно служили реализации имперской российской политики, но чаще всего обеспечивали защиту государства от агрессии, его оборону, свободу и независимость от посягательств извне. Во всяком случае, чем непримиримее и активнее становилась внешняя экспансионистская политика России, тем большую роль в ней играла военная сила. Напротив, чем больше Россия была заинтересована в поддержании международной стабильности, тем меньшее значение в ее внешнеполитической деятельности имело прямое применение вооруженных сил.

Так или иначе, вся история России, как, впрочем, и большинства других государств, органически связана с ее неоднократным участием в оборонительных или наступательных войнах, вооруженных столкновениях и конфликтах. Периоды мирного развития и в далеком прошлом, и в наше время не раз прерывались годами военного лихолетья. С давних времен России пришлось отражать многочисленные вражеские нашествия, когда ее судьба висела на волоске. Вместе с тем она неоднократно выступала в качестве защитника других дружественных народов и стран, помогая им отстаивать свою свободу и независимость. В то же время и сама Российская империя во многих случаях предпринимала крупные завоевательные походы, укрепляя свои позиции в мире и расширяя государственные границы. Рост Российского государства осуществлялся не только в результате добровольного присоединения к нему

соседних стран, искавших в ней защиту от врагов, но и путем покорения других народностей и государств силой оружия.

Военные аспекты обеспечения национальной безопасности России в любом случае базировались на решении в том или ином сочетании сложного комплекса военно-политических, стратегических, экономических, дипломатических и научно-технических задач. Особо важное значение при этом имела выработка рациональной военной политики, строго соответствующей конкретной обстановке и вытекающим из нее политическим целям, стоявшим перед армией и страной, ее реальным экономическим и военным возможностям. Соответственно этой политике создавалась военная организация государства, формировалась военная доктрина, определялась и проводилась национальная военная стратегия.

Безусловно, в минувшие эпохи и в наше время все эти структурные элементы механизма военной безопасности имели разный смысл, как правило, отличались по своему содержанию и характеру. Однако, не переставали действовать и некие общие принципы, обусловленные историческими традициями, национальными чертами народа, а также особенностями географического и геополитического положения Российского государства, которые, обладая определенной устойчивостью, так или иначе проявлялись на всех стадиях его развития. В значительной мере они сохраняют свою силу и сейчас.

Если говорить конкретно о военной стратегии России, то к таким особым непреходящим ее чертам можно было бы отнести: национальную самобытность, опору главным образом на собственные национальные силы; континентальность; периферийную направленность; поочередную нейтрализацию угроз с запада, востока и юга; пропорциональное развитие сил с преимущественной ставкой на сухопутные войска; решительность действий, гибкое сочетание наступления и обороны, позиционных и маневренных форм борьбы.

Раскрытие этих общих черт и характерной специфики российской военной стратегии, сложной цепи ее эволюционного развития и резких революционных скачков, особенно в последние десятилетия, и посвящается данный труд. Основная его цель — выявить исторические корни и истоки отечественной военной стратегии, этапы ее формирования и совершенствования; исследовать особенности военной стратегии России в дореволюционную эпоху и в советский период; установить закономерность ее становления на современном этапе, в условиях переустройства Российского государства. При этом главное внимание предполагалось уделить прежде всего теории и практике военной стратегии последних лет, анализу изменившихся условий и новых подходов к разработке военной стратегии России на ближайшую и отдаленную перспективу.

Естественно, военную стратегию России нельзя рассматривать изолированно от общего процесса развития военного искусства в мире. Ее основные принципы, категории, положения, установки и требования тесно связаны с достижениями военной стратегии других государств. Российская военная стратегия, учитывая все полезное, использовала их для достижения своих целей, либо вырабатывала линию противодействия стратегическим усилиям врагов, противопоставляя их стратегическим усилиям и действиям свои стратегические планы и способы действий. В этом диалектическом переплетении военная стратегия России, постоянно обогащаясь, вместе с тем оказывала обратное влияние на стратегию других стран. Поэтому невозможно уяснить ее сущность и содержание без параллельного рассмотрения общих основ военной стратегии. Как известно, военная стратегия, являясь составной частью военного искусства, его высшей областью, охватывает теорию и практику подготовки страны и вооруженных сил к войне, планирование и ведение войны и крупномасштабных стратегических операций.

Теория военной стратегии как система научных знаний изучает закономерности, характер войны и способы ее ведения, разрабатывает теоретические основы использования военных сил государства для достижения политических целей, планирования, подготовки, ведения войны и стратегических действий всех видов. Как область практической деятельности военная стратегия занимается решением вопросов, связанных с определением в конкретных условиях стратегических задач вооруженных сил и необходимых для их выполнения сил и средств, разработкой и осуществлением мероприятий по подготовке вооруженных сил, театров военных действий, экономики и населения страны к войне; планированием войны и стратегических операций; организацией развертывания вооруженных сил и руководства ими при ведении операций стратегического масштаба, а также изучением соответствующих возможностей вероятного противника.

Стратегия как область практического искусства, полководческой деятельности военачальников (высшего звена) известна с древних времен. Теория стратегии как составная часть военной науки сформирована намного позже в результате обобщения накопленного военно-исторического опыта, систематизации и развития знаний о войне. Ее роль быстро растет. Сейчас она приобретает решающее значение не только в плане правильного понимания все более сложных военных явлений, но и реализации постоянно расширяющихся возможностей военного искусства в свете предъявляемых к нему чрезвычайно высоких требований.

Различают два уровня военной стратегии: стратегию ведения войны в целом и стратегию ведения крупномасштабных операций. Они объединены общими принципами, но различаются по масштабам, характеру рассматриваемых вопросов, содержанию задач и подходам к их рассмотрению.

Стратегия ведения войны связана с разработкой ее общих проблем, ближайших, последующих и дальнейших политических и стратегических целей, очередности и порядка их достижения, форм и способов подготовки и ведения вооруженной борьбы, определением и осуществлением политического, дипломатического, экономического и собственно стратегического планов войны, отдельных военных кампаний, созданием для этого необходимой материальной базы и ее использованием, организацией развертывания сил, проведением экономической и войсковой мобилизаций. На этом уровне вырабатывается общий характер действий в войне, политического и военного маневрирования силами, пути успешного завершения войны. Данная область имеет решающее значение для оценки долгосрочных прогнозов и определения перспектив войны.

Стратегия ведения операций имеет дело с составными частями войны, определяет системы операций вооруженных сил государства при ведении различных войн, цели, формы и способы стратегических действий. На этом уровне осуществляются выработка планов операций и стратегических действий, порядок согласования усилий различных видов вооруженных сил, устанавливаются порядок подготовки театров военных действий и организация управления вооруженными силами.

Безусловно, нельзя не учитывать условности такого деления, но, чем сложнее становится война, тем острее проявляется необходимость подобного условного расчленения.

Как в прошлом, так и тем более в настоящее время военная стратегия занимает ведущее, главенствующее место в военном искусстве. Она диктует отправные требования оперативному искусству и тактике, ставит перед ними задачи, определяет единые цели, достижению которых они должны быть подчинены. Бой и операции, не соответствующие условиям стратегии, в конечном счете могут оказаться не только бесполезными, но и стать причиной поражения. Вместе с тем, как и прежде, тактика и оперативное искусство поставляют исходный материал стратегии, именно через них стратегия в основном реализует свои возможности. Конечно, традиционная

взаимобусловленность между стратегией, оперативным искусством и тактикой, при которой тактические успехи суммировались в оперативный успех, а сумма оперативных успехов давала конечный стратегический результат, становится не столь простой. Военная стратегия сейчас получила в свое распоряжение мощные средства, позволяющие ей непосредственно достигать поставленных целей. В свою очередь результаты оперативных действий иногда могут оказаться весьма значительными, и достигать стратегического уровня.

Анализ мировых и локальных войн, а также военных конфликтов показывает, что одной из эффективных форм вооруженной борьбы были партизанские действия. Они отличались высокой результативностью особенно тогда, когда цели, задачи и интересы государственных прогрессивных сил, применявших партизанские формы борьбы, и регулярной армии полностью совпадали с интересами и задачами большей части населения страны, как это было, например, в Отечественных войнах 1812 и 1941—1945 гг.

Существенно усложняются взаимосвязи военной стратегии с политикой, дипломатией, экономикой и идеологией. Военная стратегия, как и во все времена, целиком подчинена политике, определяется ею и обслуживает ее. Во всяком случае, политика ныне в еще большей мере, чем когда бы то ни было раньше, оказывает решающее влияние на военную стратегию, определяет ее цели, задачи, характер и общую направленность. Она подготавливает войну, формирует материальную базу и создает благоприятную обстановку для ее ведения, мобилизует для ведения войны все силы и ресурсы государства. Исходя из требований политики избираются способы стратегических действий вооруженных сил, главные и второстепенные театры войны, основные объекты приложения военных усилий, союзники и противники. Как свидетельствует новая и новейшая история, недалёковидная политика подталкивает стратегию на авантюру. Ее ошибки и просчеты решающим образом сказываются на ходе военных действий. С другой стороны, военная стратегия оказывает мощное обратное влияние на политику. Во всяком случае, во время войны, а иногда и до войны политика часто вынуждена считаться с соображениями военной стратегии, ограничивать или пересматривать свои цели и способы их достижения. Более того, бываю случаи, когда военный фактор на какое-то время становится определяющим.

Бытующее, к сожалению, мнение о том, что политики должны заниматься политикой, а военные — оборонными вопросами, крайне ошибочно. Политики в чистом виде не существует. Она лишь тогда жизненна и эффективна, когда в совокупности учитывает экономические, социально-политические, идеологические и оборонные аспекты. При недооценке одной из этих составляющих политика становится ущербной. Следовательно, политикам и военным необходимо работать рука об руку. Образно говоря, прелюдия Великой Отечественной войны советского народа и ее динамика должны стать учебником не только для политиков, но и для тех государственных чиновников, от которых зависит военная безопасность страны. 22 июня 1941 г. армия в результате несогласованности их действий была поставлена в противоясственное положение: в условиях начавшейся агрессии ей запретили при нанесении контрударов пересекать границу. Многие командиры с опаской отдавали приказ на открытие огня по врагу.

Как правило, усилия военной стратегии и дипломатии координируются с политикой. При этом накануне и в ходе войны дипломатия обычно подчиняется интересам военной стратегии, активно используется для того, чтобы подтолкнуть процесс политической изоляции враждебных государств, привлечь на свою сторону возможно больше союзников, добиться благоприятной ориентации нейтральных стран, укрепить политические позиции собственного государства и дружеские союзы, расстроить коалицию врага. В целом она призвана способствовать созданию такой обстановки, которая позволила бы избежать военных столкновений в нежелательный момент и

формирования неблагоприятной международной ситуации. В ряде случаев она может также выступать в качестве одного из средств стратегической дезинформации в интересах решения тех или иных военных задач.

Но главное — с течением времени постоянно усиливается прямая и косвенная зависимость военной стратегии от экономики. Экономические условия оказывают многогранное и разностороннее влияние на стратегию. Они обычно являются первопричиной возникновения войн, определяют ее характер и силы, средства и способы ведения. В конечном счете ход и исход войны, облик вооруженных сил, их потенциал зависят от экономического фактора, материальных ресурсов государства. Этим определяются направленность военной стратегии и ее планирование.

В то же время и военная стратегия оказывает обратное влияние на экономику. Руководству страны при принятии всех экономических решений так или иначе приходится считаться с требованиями возможной войны. Исходя из стратегических соображений определяется размещение промышленности, направленно развиваются производство и наука, разрабатываются и внедряются новые технологии, создаются запасы материальных средств. С началом войны экономика полностью перестраивается на военный лад: осуществляется мобилизация промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, изменяется структура производства, перераспределяются трудовые и материальные ресурсы, перестраивается финансовая система страны. Все это становится первоочередным условием успешной реализации принципов стратегии не только в крупномасштабной, но и в локальной войне.

Тесная органическая взаимосвязь существует между военной стратегией и идеологией. Она проявляется в различных аспектах: в порядке влияния идеологии на характер стратегии, использовании стратегией средств и методов идеологической борьбы для укрепления своих вооруженных сил и сил народа, психологического ослабления противника, учета морального фактора в стратегических решениях и действиях. И здесь также существуют как прямые, так и обратные связи, поскольку эффективная стратегия активно способствует росту морально-духовных сил армии и народа, упрочению тех или иных идеологических принципов. Наконец, должна учитываться также взаимосвязь военной стратегии с военной доктриной государства. Рациональная стратегия обычно исходит из требований военной доктрины и руководствуется ими в решении практических задач. Одновременно в той или иной степени она опирается на данные военной науки, а также на выводы и решения военной проблематики других общественных, естественных и технических наук.

Содержание и характер военной стратегии, равно как ее место и роль в военном искусстве, не являются постоянными. Они возникали, видоизменялись и развивались в каждой стране в зависимости от социально-политического строя, политики, состояния экономики, географических условий, национальных традиций народа и других факторов.

Военная стратегия начала складываться с появлением армии и возникновением войн. Ее формирование связано с образованием рабовладельческих государств. В войнах этого периода, особенно Древнего Египта, греко-персидских войнах (V—IV вв. до н. э.), Пунических войнах (III—II вв. до н. э.), Галльских походах Юлия Цезаря и многих других, зарождались и стали оказывать существенное влияние на ход и исход военных действий такие принципы, способы и формы стратегического применения вооруженных сил, как внезапность, сосредоточение усилий на решающих направлениях против главного противника, маневрирование, осада крепостей, морские блокады и т. п.

Большое влияние на развитие военной стратегии как искусства оказала практическая военная деятельность великих полководцев древности: Эпаминонда, впервые применившего принцип неравномерного распределения войск по фронту в целях

сосредоточения сил для главного удара на решающем участке, Александра Македонского, который организовывал и вел военные действия на основе дальновидного, глубоко продуманного плана войны, тщательного согласования усилий армии и флота, стремился к полному сокрушению противника, закреплению захваченных территорий в политическом и военном отношениях, превратил кавалерию в главную ударную и маневренную силу войск. Особыми чертами отличалось стратегическое творчество карфагенского полководца Ганнибала, придававшего решающее значение правильной оценке военно-политической обстановки, организации разведки и четкому взаимодействию пехоты с конницей. Существенный вклад в стратегию того времени внес Юлий Цезарь, который так же, как Александр Македонский, проявлял особую заботу о разработке планов войны, согласованном применении различных средств и форм борьбы, расчленении противника и разгроме его по частям.

Первые попытки привести в систему накопленные знания в области стратегии были предприняты полководцами и историками Древнего Китая — Конфуцием, Суньцзы, Уцзы. Они обобщили и сформулировали некоторые общие правила ведения войны, которые не утратили своего значения и сейчас. В дальнейшем появляется так называемая «Бехистунская надпись», содержащая обобщенные сведения о походах персидского царя Дария в Среднюю Азию. Разностороннему исследованию греко-персидских войн была посвящена «История» Геродота, а войн Древней Греции — «История» Фукидида. Важные положения по военной стратегии раскрывались в трудах видного древнегреческого мыслителя Ксенофонта («Анабасис», «О всадническом искусстве»), в работах Юлия Цезаря («Записки о Галльской войне», «Записки о гражданской войне»). В начале новой эры появляются первые обобщенные военно-теоретические труды. Значительные из них: «Наставление военачальникам» Онисандра (в конце IV — начале V вв. н. э.), «О военном деле» Вегеция (390—410) и др. Указанные работы касались в основном вопросов тактики и обучения войск, но содержали и некоторые принципиальные установки по ведению войны в целом.

При всем своем разнообразии военная стратегия государств рабовладельческой эпохи подчинялась их политическим целям, базировалась на рабовладельческой экономике с вытекающим отсюда низким уровнем развития военной техники. Важнейшим поворотным пунктом в то время было совершенствование холодного оружия, создание тяжелого защитного вооружения и осадных средств.

Уже на раннем этапе оформились основные элементы стратегического планирования и руководства вооруженной борьбой. Определились специфические подходы к выбору момента начала войны, объектов главного удара, места и времени сражений. В последующем, по мере возрастания масштабов вооруженной борьбы, увеличивалась продолжительность военных походов (с нескольких недель до нескольких лет и даже десятков лет), более мощными становились группировки борющихся сторон. Соответственно усложнялась военная стратегия. Были выработаны принципы ведения войны одновременно с несколькими противниками, на разных театрах военных действий, определился порядок создания опорных баз для развертывания военных действий.

Переход к новой общественно-экономической формации — феодализму — означал и переход к новой ступени развития стратегии. В период раннего феодализма (V—XI вв.) в силу государственной раздробленности Западной Европы важнейшее значение приобрела стратегия ведения многочисленных войн между мелкими феодальными государствами с ограниченными целями, использование рыцарских, наемных и ополченских армий. Одновременно на Востоке совершенствовалась стратегия войн с применением значительных войсковых масс для широких завоеваний. Большое значение в это время приобрели достижение поставленных целей путем нанесения внезапных стремительных ударов, сочетание обороны и наступления, штурм крепо-

стей. Значительные изменения в военной стратегии произошли в XVI—XVII вв. в связи с образованием централизованных государств. Особенно крутой революционный скачок в стратегии произошел в связи с созданием и широким применением огнестрельного оружия, что не только решающим образом повлияло на ведение войны, но и на всю систему военно-политических отношений между государствами. В военной стратегии большинства западноевропейских стран высшим достижением стратегии в это время считали захват территории врага без решительных сражений, умение вынудить его армию к отступлению. С целью противодействия маневру войск противника и обороны своей территории возводились мощные крепости. Войска располагались равномерно (по крепостям и опорным пунктам), прикрывая по возможности все направления. Подобная стратегия получила название кордонной стратегии. Английский военный теоретик Г. Ллойд (1720—1780), которого называли «отцом науки стратегии», считал, что основным ее содержанием должен быть выход на коммуникации противника, а непосредственной задачей — угроза его материальной базе (магазинам). Последователь Ллойда прусский военный теоретик А. Бюлов (1757—1807) сводил всю стратегию к науке о передвижениях и маневре войск, а в качестве основного способа стратегических действий рассматривал достижение победы путем «измора» врага. Однако во многих других государствах, особенно на востоке и юге европейско-азиатского континента, в том числе и в России, эти принципы не нашли признания и практического применения. Их стратегические установки по-прежнему строились на решительных и смелых действиях, активности, умелом сосредоточении основных усилий на решающих направлениях, упорной борьбе за стратегическую инициативу.

В XVIII — начале XIX вв. с утверждением капиталистических отношений, созданием массовых армий, ростом производительных сил, развитием науки и техники, совершенствованием огнестрельного оружия на смену кордонной стратегии пришла стратегия «сокрушения» врага. Для нее было характерным последовательное ослабление противника с его решительным разгромом в генеральном сражении.

Обобщение опыта войн конца XVIII — начала XIX вв. способствовало дальнейшему оформлению военной стратегии в систему знаний. Появились многочисленные военно-теоретические труды, в том числе работы видных военных теоретиков Запада — А. Жомини, К. Клаузевица, в России — Н. В. Медема и П. А. Яковлева. Клаузевиц в труде «О войне» вывел положение о связи войны и политики. Используя диалектический метод Ф. Гегеля, он разработал положение о соотношении обороны и наступления и сформулировал некоторые стратегические принципы ведения войны. Положив в основу своих исследований опыт наполеоновских войн, Клаузевиц видел задачи стратегии в организации генерального сражения, для которого рекомендовал сосредоточить все силы и средства.

Значительное развитие теория военной стратегии получила во второй половине XIX столетия. Строительство железных дорог, изобретение принципиально новых средств — телефона и телеграфа, замена парусного флота паровым, внедрение скорострельного нарезного оружия расширили возможности стратегии, увеличили размах операций. Все это нашло отражение в военной практике и получило соответствующее освещение в ряде научных работ. Х. Мольтке Старший, в частности, продолжая придерживаться стратегии генерального сражения, придавал первостепенное значение широкому использованию железных дорог для сосредоточения крупных масс войск. Русский теоретик Г. А. Леер в своих трудах продолжил исследование особого характера взаимосвязей военной стратегии с политикой. Ему принадлежит prerogativa в определении стратегической операции как части кампании или войны.

С вступлением капитализма в стадию империализма в характере и содержании войны и военной стратегии произошли новые существенные изменения. Определя-

ющее влияние на это оказали политика крупнейших мировых держав, направленная на передел уже поделенного мира, и участие в войнах широких народных масс.

Создание крупных заводов и промышленных комплексов, новых отраслей промышленности (моторостроительной, автомобильной, химической и др.), рост механического транспорта, машинизация основных процессов производства позволили оснащать вооруженные силы в больших количествах многообразной военной техникой, в том числе автоматическим оружием, повысили роль экономического фактора в войне. Все это обусловило возрастание размаха и напряжения стратегических действий, дальнейшее расчленение их в пространные и во времени, усложнило управление войсками и обеспечение их действий.

Новые черты военной стратегии эпохи империализма проявились впервые в испано-американской (1898) и англо-бурской (1899—1902) войнах. В них начали зарождаться элементы армейской, а в русско-японской войне (1904—1905) и фронтовой операций. Осмысление и обобщение новых явлений в развитии военного дела этого периода находят отражение в работах А. Шлиффена (Германия), Ф. Фоша (Франция), Ф. Коломба (Англия), А. Мэхэна (США), русского военного теоретика Н. П. Михневича.

Наиболее ярко характерные черты военной стратегии ведущих государств проявились в первой и во второй мировых войнах. Стратегические концепции, исходившие из возможности достижения победы в непродолжительной маневренной войне, оказались несостоятельными. Уже к концу первого года первой мировой войны коалиции обеих сторон вынуждены были перейти к ведению стратегической обороны на сплошных позиционных фронтах большой протяженности. В этом сказался прежде всего неполный учет воюющими государствами новых экономических возможностей коалиции и резко возросшей боевой мощи вооруженных сил в связи с оснащением их новыми средствами борьбы, в том числе танками и самолетами.

Для всех воюющих сторон было характерным централизованное объединение военного и политического руководства, наличие высших политических и стратегических органов управления вооруженной борьбой. Большую роль приобрели проблемы коалиционной стратегии: выработка единых планов действий, создание единого командования, организация стратегического взаимодействия.

В этот период возникла новая форма ведения войны — длительная борьба на сплошных позиционных фронтах с необходимостью проведения ряда крупных операций, осуществляемых одновременно или последовательно на различных фронтах и театрах военных действий. Значительное развитие получила стратегическая оборона тыла. В основном была решена проблема тактического прорыва. Но важнейшие вопросы подготовки и ведения наступательных операций на большую глубину претворить в жизнь не удалось.

Военная стратегия дореволюционной России развивалась по тем же магистральным направлениям и все же новым, особым путем. По крайней мере два принципиальных обстоятельства отличают ее исторический путь. Первое: Россия избежала рабовладельческой фазы развития общества, а следовательно, и соответствующей ей системы военно-стратегических взглядов. Второе: Россия пережила ряд периодов централизации и распада, падения и возрождения, национальной замкнутости и активного внешнего давления, локальной и имперской политики. Это и предопределяло многократную смену ее военной стратегии, особо сложный и многогранный ее характер.

Во второй мировой войне определяющее влияние на военную стратегию оказало дальнейшее развитие производительных сил, развертывание на этой основе ведущими государствами мира многомиллионных армий, появление новых родов войск с использованием в военных действиях крупных масс танков, авиации, артиллерии, возду-

шных десантов, средств противовоздушной обороны, авианосцев и других сил. Решающее значение, однако, имело резко изменившаяся расстановка военно-политических сил: участие в войне Советского Союза с авторитарным режимом социалистической направленности и Германии с тоталитарным фашистским режимом откровенно расистской, агрессивной природы. Столкновение этих сил придало войне, а вместе с тем и стратегии всех воевавших стран и коалиций невиданно решительный и бескомпромиссный характер. При этом каждая из воевавших стран придерживалась своей стратегии. Основу стратегии фашистской Германии и Японии составляла авантюристическая теория молниеносной войны, предусматривавшая внезапное нападение без объявления войны и разгром противника в одной кратковременной кампании. Эта стратегия, однако, очень скоро потерпела полный крах, в связи с чем и Германия, и Япония в ходе войны вынуждены были отказаться от своих первоначальных стратегических установок, перейти к стратегии поэтапных действий, а затем затягивания войны, которая, однако, с таким же треском в конце концов провалилась.

В ходе войны резко менялась также стратегия СССР, США и Великобритании, но она эволюционировала в диаметрально противоположном направлении. Стратегия всех стран антигитлеровской коалиции, особенно стратегия СССР, приобретала все более решительный, активный, наступательный характер, что и явилось одной из важнейших причин их всемирно-исторической победы во второй мировой войне.

С окончанием этой войны военная стратегия всех победивших государств некоторое время развивалась с учетом приобретенного опыта, расстановки военно-политических сил в мире и дальнейшего развития традиционных средств вооруженной борьбы при полной механизации и моторизации армий. В последующие годы, однако, стратегия пережила по крайней мере пять крупнейших революционных сдвигов. В конце 40-х и начале 50-х годов они были связаны с созданием ядерного оружия, в 60-х годах — с массовым оснащением вооруженных сил ракетами различных видов и назначения, в 70-х — с установлением так называемого стратегического равновесия между СССР, США, ОВД и НАТО, в 80-х годах — с появлением высокоточного обычного оружия, наконец, в начале 90-х годов — в связи с крутым поворотом военно-политической обстановки, развалом Варшавского договора, распадом СССР, расчленением единых советских вооруженных сил, переориентацией политики восточноевропейских стран и образованием целого ряда новых самостоятельных государств, в том числе и Российской Федерации как правопреемницы СССР. При этом каждый раз полной ломке подвергались все военно-стратегические взгляды, основополагающие доктринальные установки, взгляды на средства, формы и способы ведения войны.

Последний период продолжается и поныне. Он связан с коренным пересмотром политики большинства государств, их военных доктрин, всех стратегических концепций, но не по военно-техническим, а по геополитическим мотивам.

На новейшем этапе своей истории Россия располагает семидесятилетним опытом советской власти в составе СССР, в военных вопросах опирается на советскую военную доктрину и соответствующую ей военную стратегию, на основе которой СССР вел гражданскую и Великую Отечественную войны, участвовал во многих локальных войнах и конфликтах.

Зачастую период советской власти рассматривается как разрыв в истории российской военной стратегии. На самом деле это не так. По существу это была особая стадия ее развития. Фактически советская военная стратегия явилась продолжением российской военной стратегии, только базировалась она на принципиально иной идеологической и политической основе, другой экономической и государственной системе, не утратив при этом своих важнейших национальных черт.

Советский период развития российской военной стратегии наложил на нее глубокий отпечаток, ее сущность, содержание и формы значительно изменились. Это

отразилось на всех областях оборонного строительства, развитии военной мысли, подготовке кадров. Выросли по крайней мере три поколения военачальников, воспитанных на ее идеях. Сложилась целая научная система, которая определила направленность стратегического мышления и характер практической деятельности всех органов управления вооруженными силами. В результате сформировался ряд новых устойчивых традиций, во многом сохраняющих свою силу и сейчас.

Важное значение имело то обстоятельство, что советская военная стратегия рождалась в ходе ломки старой военной машины в огне революции и гражданской войны. На протяжении дальнейшей своей истории она безраздельно была подчинена военной политике советского государства и коммунистической партии. Основные ее положения: строго классовый подход ко всем вопросам военного дела; единство политического и военного руководства, марксистско-ленинский подход к анализу факторов, определяющих ход и исход войны, и их учет при стратегическом планировании и руководстве военными действиями; использование противоречий в стане врага, предельная решительность и бескомпромиссность действий; оптимальное определение направления главного удара и сосредоточения основных усилий для решения наиболее важных задач; гибкое маневрирование резервами; рациональное расходование сил и средств; последовательное наращивание усилий на избранных направлениях вплоть до полного разгрома противника, умелое создание и эффективное использование крупных резервов выдержали испытание временем..

Отличительной чертой советской военной стратегии всегда было рациональное сочетание многообразных видов, форм и способов военных действий. При этом решающая роль всегда отводилась наступлению, хотя оно и не абсолютизировалось. Во всех войнах наряду со стратегическим наступлением широко применялись также стратегическая оборона, контрнаступление и отход. Большой размах приобретали партизанские действия.

Вершиной развития советской военной стратегии стала Великая Отечественная война 1941—1945 гг. В ходе ее были найдены и успешно применены принципиально новые формы стратегических действий — операции групп фронтов. Они осуществлялись на важнейших стратегических направлениях, характеризовались решительностью целей, большим пространственным размахом, динамичностью и результативностью в решении стратегических задач. В эти годы удалось успешно решить такие проблемы, как стремительный прорыв тактической, оперативной и стратегической обороны противника, окружение и уничтожение крупных его группировок, проведение совместных операций объединениями и соединениями Сухопутных войск, авиации дальнего действия, Военно-Морского Флота и Войск ПВО страны. Военная стратегия обогатилась опытом стратегического руководства массовыми вооруженными силами, в том числе коалиционного состава, на фронтах огромной протяженности.

В послевоенные годы советская военная стратегия продолжала быстро развиваться. При этом все разрабатываемые стратегические концепции были направлены на противостояние США и НАТО, а в 70-х годах и Китаю. В короткий срок была создана теория стратегии ракетно-ядерной войны. В дальнейшем она постоянно уточнялась и совершенствовалась с учетом глубоких изменений, происходивших в военно-политической обстановке, состояния вооруженных сил, технических средств ведения войны и взглядов вероятных противников. Со временем на смену многовариантности стратегических концепций неограниченного, в том числе упреждающего применения ядерного оружия, пришла стратегия поэтапного ввода его в действие. Затем последовала стратегия отражения агрессии вначале обычными средствами с последующим переходом на опасной стадии развития конфликта к ядерной войне. Наконец, была выработана концепция равной готовности как к ядерной, так и к

обычной войне, которая сменилась стратегией преимущественной готовности к обычной войне в новых ее формах.

Историография развития советской (российской) военной стратегии в этот период весьма обширна: первые теоретические труды по советской военной стратегии начали создаваться сразу же после окончания гражданской войны. В числе предвоенных трудов следует особо выделить работы М. Н. Тухачевского «Стратегия национальная и классовая», «Вопросы современной стратегии», «Война как проблема вооруженной борьбы», теоретические труды М. В. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия», «Фронт и тыл в войне будущего», «Основные военные задачи момента», капитальное исследование А. А. Свечина «Стратегия», монографию Б. М. Шапошникова «Мозг армии». Важное значение имели работы А. В. Голубева, С. Н. Красильникова, В. К. Триандафиллова, Е. А. Шиловского, Г. С. Иссерсона, А. Н. Лапчинского, раскрывавшие возможный характер будущей войны и обосновывавшие новую теорию «глубоких операций».

В годы Великой Отечественной войны крупнейший вклад в теорию и практику военной стратегии внесли выдающиеся советские полководцы: Г. К. Жуков, А. М. Василевский, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков, Л. А. Говоров и многие другие.

В развитии новой военной стратегии — стратегии ядерного века — большую роль сыграли работы В. Д. Соколовского, Р. Я. Малиновского, М. В. Захарова, С. П. Иванова, А. А. Гречко и других военачальников и видных военных ученых. Особое значение имели вышедшие в то время фундаментальные исследования: «Военная стратегия» (1968), «Современная война» (1978), «Локальные войны: История и современность» (1975) и др.

С распадом СССР наступил качественно новый этап российской военной стратегии. При этом в ее рамках многие установки советской военной стратегии в уточненном виде сохранили свое влияние и силу. Формирование военной стратегии Российской Федерации продолжается.

Расширение НАТО, о котором так долго говорили политики, 12 марта 1999 г. стало фактом. Послы трех восточноевропейских стран, некогда входивших в один с Россией военный союз, передали госсекретарю США документы о присоединении Польши, Венгрии и Чехии к Североатлантическому альянсу. С приемом в НАТО новых членов боевой состав европейской группировки сил блока увеличился почти на 13 дивизий, пополнился примерно 360 тыс. военнослужащих и более чем 8 тыс. единиц боевой техники практически целиком советского производства, включая 3600 танков, более 4000 бронетранспортеров и боевых машин пехоты, почти 400 боевых самолетов. В Европе снова нарушился баланс сил. В новом тысячелетии для нашей страны это создает множество проблем.

Продвижение блока на восток стало холодным душем для многих либеральных российских политиков. Этим решением США и их союзники развеяли свой романтический ореол «борцов с тоталитаризмом» и предстали в виде жестких прагматиков, ни в грош не ставящих прежние устные обещания и желающих извлечь максимальную выгоду из временной слабости вчера еще грозного противника. Альянс создал уникальную возможность включить стратегически важный регион Восточной Европы в зону своего устойчивого геополитического контроля. Продвижение блока к границам России — важный шаг на пути к установлению американской мировой гегемонии.

Возникшая угроза в определенной степени консолидировала национальную элиту России, во всех остальных отношениях разобщенную идеологическими противоречиями. Негативное отношение к продвижению НАТО на Восток стало едва ли не единственным примером согласия ведущих политических сил страны.

Война на Балканах, цинично и нагло развязанная натовцами в марте того же года против Югославии, тотальное уничтожение не только военной, но и хозяйственной инфраструктуры этой страны, бомбардировки одной из красивейших столиц Европы — Белграда на глазах всего мирового сообщества, это не что иное, как завершающий аккорд установления нового миропорядка на планете. Политикам — вершителям судеб простых людей, есть о чем задуматься.

После развала СССР и советских Вооруженных Сил в России в течение нескольких лет декларировалось проведение военной реформы, конверсии военной промышленности. На деле под пропагандистский шум о том и другом шло разрушение военной сферы: выводилась из строя военная промышленность, разрушались основы и демонтировались сложившиеся механизмы мобилизации страны на случай военной угрозы, становилась все менее надежной хорошо отлаженная система комплектования вооруженных сил личным составом, была ликвидирована система подготовки молодежи к воинской службе, снижались уровни боевой подготовки и воинского воспитания в армии и на флоте, деформировалось и дезориентировалось оборонное сознание народа. Пагубные последствия таких действий наглядно доказали события в Чечне. В то же время оказались мифом утверждения российских поклонников западной цивилизации о том, что Запад миролюбиво и дружески относится к реформируемой России.

Важно осознать, что с учетом изменившейся роли России в мире, ее ограниченных экономических возможностей, обеспечение военной безопасности страны является достижимым лишь при условии правильного выбора приоритетов в военном строительстве, в становлении и развитии отечественной военной стратегии. Следует также подчеркнуть, что, если Россия не сохранит мощные СЯС, способные в значительной мере нивелировать отставание в более дорогих обычных вооружениях от ведущих стран мира, все разговоры о военной безопасности государства будут беспредметными: наша страна будет просто обречена на раздел на сферы влияния между ведущими мировыми центрами.

Военная стратегия Российской Федерации призвана определять реальные и эффективные пути и средства обеспечения военной безопасности России как независимого государства применительно к его современному геополитическому и геостратегическому положению в современном мире. Она должна не приспосабливаться к политике отдельных партий и движений, находящихся у власти или борющихся за нее, а обеспечивать защиту подлинных национальных интересов России.

При ее разработке необходимо учитывать глубокие сдвиги в мировой военно-политической и стратегической обстановке, внутренней ситуации в стране, радикальные изменения в политическом и экономическом положении России, ее внутренней и внешней политике, задачах, структуре и состоянии вооруженных сил. Исходя из этого требуется выработать принципиально новые взгляды и военно-стратегические установки. Но, разумеется, при всем этом важно сохранить все позитивное и прогрессивное, что было накоплено и апробировано за долгий путь развития теории и практики дореволюционной российской и послереволюционной советской военной стратегии.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ

Срединное положение земель, населенных восточными славянами, а затем и созданного ими государства, изначально играло доминирующую роль. Именно то, что оно находилось в центре огромного европейско-азиатского региона, на стыке трех мировых цивилизаций, где пересекались и сталкивались жизненные интересы многих народов и государственных образований, решающим образом отразилось на исторических судьбах России, предопределило общую направленность ее внешней политики, специфику социально-экономического развития, не говоря уже об основополагающих чертах русского национального характера. Все это, впрочем, как и некоторые другие особенности геополитического положения России, а главное — постоянно менявшееся окружение, то враждебное, то дружественное, оказали неизгладимое влияние на все сферы жизни и деятельности российского общества, в том числе и на военную область, иными словами, на цели и содержание военной политики, военную организацию и военную доктрину, а следовательно, и на военную стратегию.

Оказавшись на магистральных путях великого переселения народов, а затем на рубеже столкновения западной и восточной цивилизаций, Россия постоянно подвергалась непрекращавшемуся натиску враждебных сил с севера и юга, запада и востока. Русские земли не раз становились объектом нашествий и бесчисленных набегов, ареной многих кровопролитных войн. С начала X столетия нашим предкам пришлось отражать около двухсот пятидесяти вторжений, а за последние пятьсот лет Россия провела в войнах в общей сложности более трехсот лет. Вот так, в ожесточенных схватках с несметными кочевыми ордами, нормандскими, шведскими, тевтонскими, польско-литовскими и иными завоевателями, в борьбе с нахлынувшими из азиатских степей татаро-монгольскими полчищами, в жестком противостоянии и неоднократно повторявшихся военных столкновениях с Речью Посполитой, Османской империей, а потом и с западноевропейскими странами складывалась и формировалась военная мощь России.

Вся тысячелетняя история России — это одновременно история ее беспримерной борьбы за продолжение славянского рода, за сохранение и утверждение российской государственности. Борьба эта принимала различные формы: оборонительные и наступательные войны, отражения вторжения врагов и военные походы, национально-освободительная борьба и военная помощь соседним славянским народам. Безусловно, далеко не всегда военная деятельность России ограничивалась решением только

оборонительных задач. Да, бывали периоды, когда на чаше весов ее военной политики перевешивали имперские мотивы и тенденции. И тем не менее во всей многовековой военной истории России главенствующее место занимают войны, связанные с отражением агрессии или ответной реакцией на эту агрессию. Этим обстоятельством и обуславливаются многие своеобразные черты российской военной стратегии в досоветский период ее развития.

И хотя в большинстве случаев военная стратегия России с честью выполняла свои исторические задачи, бывали периоды, когда она, в силу определенных условий, оказывалась в застое. К счастью, российская военная мысль и военная практика всегда находили правильные пути своего дальнейшего развития. В конечном счете исторический прогресс отечественной военной стратегии знаменателен прежде всего тем, что он явился закономерной цепью выдающихся военных успехов и великих побед русского оружия.

1. Военные походы как воплощение военной стратегии древнерусского государства

К IX в. относится объединение восточных славян в единое древнерусское государство, столицей которого в 882 г. стал Киев. Быстро укреплявшаяся и территориально расширявшаяся Киевская Русь к началу XI в. представляла собой огромное государство. На севере его границы проходили по берегам Онежского и Ладожского озер, на юге — южнее Киева по линии Галич—Корсунь—Курск, на западе — по верховьям Днестра, Прута и западнее Буга, а на востоке — по верховьям Волги. Главенствующее государство — великому князю — подчинялись «светлые» князья — наместники областей (княжеств) и земель.

В своих руках киевские князья крепко держали главные торговые пути, в первую очередь путь «из варяг в греки». «Кто владел Киевом, тот держал в своих руках ключ от главных ворот русской торговли и ключ обороны всей страны от внешних покушений», — отмечал в 1909 г. известный военный историк профессор А. К. Байов, служивший в то время в Генеральном штабе. — «Отсюда ... будучи важен в экономическом и военном отношении для всех восточных славян, Киев неминуемо должен был стать и центром политического объединения этих народов»¹. Отчетливо понимали это и киевские князья. Они стремились не только защитить границы своего государства, но и расширить собственные владения. Вот тут-то и пришлось Руси столкнуться на юге с печенегами и Византией, на востоке — с Волжской Булгарией, а на юго-востоке — с Хазарским каганатом².

Высвобождение из-под власти хазар полян, северян, радимичей и вятичей, борьба за удержание восточнославянских территорий — галицкой, воынской и древлянской, равно как и включение в состав Киевской Руси тиверцев и угличей, обострили проблему, которая, по мнению историка Б. Д. Грекова, являлась «самой жизненной и необходимой, равнозначущей с вопросом быть или не быть Киевскому государству»³.

В этот период основным воплощением военной стратегии стали военные походы, вернее, целая система взаимосвязанных походов, предпринимавшихся на важнейших направлениях с различными целями. Следовавшие один за другим, они обычно базировались на общем политическом замысле и едином стратегическом плане, а весь расчет строился, как правило, на последовательном разгроме врага. Так как военная опасность возникала тогда то на юге, то на севере, то на западе, а то и на востоке, то первый удар чаще всего наносили против главного противника, но нередко, чтобы обезопасить свой тыл, он нацеливался и на более слабого врага.

Выбор того или иного направления военных усилий обуславливали экономические и политические соображения, характер и степень военной угрозы, и, конечно, складывавшаяся обстановка. Чаще всего, походы предпринимались для установления контроля за важнейшими торговыми путями, покорения более слабых племен с последующим принуждением выплаты «дани», срыва готовившихся ударов или отражения уже начавшегося нападения.

Первые киевские князья Рюрик, Олег и Игорь в IX—X вв. совершили целый ряд крупных военных походов на Византию. Вначале это были походы в византийские владения на побережье Черного моря, а затем в 860, 907 и 941 гг. непосредственно на столицу Византии Царьград. В 880, 909—910 и 913—914 гг. было предпринято несколько военных экспедиций на Нижнюю Волгу, в Персию и Закавказье. Одновременно Киевской Руси пришлось вести ряд оборонительных войн против соседних государств на западе и северо-западе.

Несомненно, что для совершения столь крупных военных походов, продолжавшихся иной раз месяцы, а то и годы, когда войнам приходилось преодолевать расстояние в сотни и тысячи километров, киевским князьям было не обойтись без большого и сильного войска. Как совершенно справедливо отмечает Б. Д. Греков, «у примитивного государства, каким было Киевское, равно как и у других европейских государств этого же типа, главным средством разрешения стоявших перед ним задач была война. Следовательно, и вопрос организации военных сил был важнейшим»⁴.

Военные силы Киевского государства в IX—X вв. состояли из дружин, ополчения и наемных отрядов. Дружина являлась постоянным ядром вооруженных сил Руси, в то же время она принимала самое непосредственное участие во всех делах киевского князя, причем и политического, и военного характера. По своему составу великокняжеская дружина была неоднородной, она делилась на два разряда — старшую дружину и младшую. В старшую дружину входили местные князья и бояре, которые имели собственные военные отряды. Младшая дружина — это рядовые воины («детские», «отроки», «гридни»). Набираемые из вольных людей, они составляли главную силу. Княжеские и боярские дружины были относительно немногочисленными. Поэтому во время больших походов князьям приходилось собирать ополчение из сельского и городского люда. Ратники ополчения — «вой» — выступали в поход со своим оружием и в зависимости от материального положения несли конную или пешую службу.

Когда предстоял большой поход, киевские князья прибегали к найму военных отрядов, чаще всего тюркских. В летописях печенеги, торки, берендеи и другие тюркские народы иногда называются одним общим термином «черные клобуки»⁵. Военные отряды кочевников были конными, действовали стремительно, и их смелые удары были внезапными для противника.

О том, что Древняя Русь располагала значительными военными силами, свидетельствует численность княжеских и боярских дружин, ополчения и наемников. В исключительных случаях она достигала 40—50 тыс. человек⁶. В обычных походах войско князя не превышало 15—20 тыс. Чаще всего многие свои задачи киевские князья решали только с помощью собственных дружин. Основным родом войск была пехота, которая в зависимости от вооружения делилась на тяжелую и легкую. Хотя начиная с XI в. существенно возрастает роль конницы, пехота по-прежнему остается царицей полей сражений⁷. Самостоятельной частью войска были лучники. Располагались они обычно впереди своих войск и в интервалах боевой линии.

При организации, а тем более в самом походе отчетливо проявлялись общие черты, характерные для военной стратегии того периода. И все же каждый киевский князь, будь то Олег, Святослав, Владимир, Ярослав, Владимир Мономах, привносил что-то свое, новое в военную стратегию. Выдающихся военных деятелей того времени

отличали тщательная подготовка похода, большое внимание разведке войск противника, выбору направления удара или объекта похода, согласованным с союзниками действиям и не в последнюю очередь внезапности.

Так, в 860 г. флот, состоявший из 200—300 ладей, внезапно появился у стен Константинополя. По словам очевидца событий — греческого патриарха Фотия, нападение на Византийскую столицу было организовано блестяще, «неожиданно и незамечено» для византийцев. Поход был предпринят в ту пору, когда император Михаил III с войсками отражал на юге нападение арабов. «Неожиданный и незамеченный противник так грозно и так быстро нахлынул на наши пределы, как морская волна, и истребил живущих на этой земле, как полевой зверь траву, или тростник, или жатву»⁸.

Как в этом, так и во всех последующих походах киевские князья большое внимание уделяли сбору военных данных о противнике. «Киевская Русь, — писал В. О. Ключевский, — не только хорошо знала морской путь к Царьграду, но и умела добывать своевременные сведения о делах Византии, сами греки дивились нечаянности и скорости нападения»⁹. Приоритетную роль в сборе разведанных играли русские купцы, а кроме них специальные послы и представители. Они-то и поставляли в Киев разнообразную информацию о соседних государствах, в том числе и военную.

Характерными чертами военной стратегии того времени являлись внезапность действий, стремление бить противника по частям, согласованное использование пехоты и сил флота, но предварительно создавалась благоприятная военно-политическая обстановка. В этом отношении показателен поход киевского князя Олега (879—912) на Царьград, предпринятый им в 906—907 гг. Судя по летописи, в этом походе участвовали объединенные силы всех славянских племен, входивших в состав древнерусского государства. Дружины ильменских словен, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, чуди и меря составили довольно многочисленную рать. Присоединились к ним и союзники киевского князя — хорваты, дулебы и тиверцы. Это потребовало хорошей организации снабжения и умелого управления войском.

Ладейная флотилия с пехотой двинулась по Днепру, а затем вдоль западного берега Понта Эвксинского до самого Царьграда. Конница добиралась самостоятельно. Поход был проведен с максимальной для того времени стремительностью, что и обеспечило его успех. Подойдя к Царьграду, пехота высадилась на берег. «Выйдя Олег на берег, и воевати нага и много убийство сотвори около града грехов и разбиша много полати, и пожогша церкви ... и ина много творяху Русь грекам, елико же ратными творять», — говорит летопись¹⁰.

А вот что, ссылаясь на мнение Константина Багрянородного, пишет по поводу этого похода выдающийся русский историк Н. М. Карамзин: «Олег наскучив тишиною, опасною для воинственной державы ... и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с Империею... Днепр покрылся двумя тысячами легких судов; на каждом было сорок воинов; конница шла берегом... Надлежало победить не только врагов, но и природу такими чрезвычайными усилиями, которые могли бы устрашить самую дерзкую предприимчивость нашего времени и кажутся едва вероятными. Кочевники осмелились пройти через днепровские пороги с двумястами судов... Россияне в сим плавании... бросались в воду, искали гладкого дна и проводили суда между камнями; но в некоторых местах вытаскивали свои лодки на берег реки, влекли берегом или несли на плечах, будучи в то же время готовы отражать неприятеля. Мужественный Олег приблизился, наконец, к греческой столице. Греки... сидели в Константинополе и смотрели на ужасы опустошения вокруг столицы; но князь российский привел в трепет и самый город... Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распушенных парусах, сухим путем шел с флотом к Константинополю... Греки, утраченные сим намерением, спешили предложить Олегу мир и дань»¹¹. Византийский император ради спасения своей столи-

цы не только выплатил крупную контрибуцию, но и закрепил клятвой договор с Русью на весьма выгодных для последней условиях.

После смерти Олега киевским князем стал Игорь (912—945). Продолжая объединять под своей властью земли восточных славян, он в то же время укреплял и международные связи Руси. В 912—913 гг. русы совершили длительный поход на Каспий и в Закавказье. Восточные источники сообщают, что флотилия русов в пятьсот ладей по Днепру спустилась в Черное море и, обогнув берега Крыма, достигла Керченского пролива. Затем русы поднялись вверх по течению Дона вплоть до изгиба реки. Здесь они волоком перетаскили свои суда в Волгу и, спустившись вниз по течению, вышли в Каспийское море. «Русские суда распространились по этому морю, толпы их бросились на Джиль, Дайлен, на города Табаристана, на Абаакум, который находился на джурджанском берегу... и достигли нефтяных берегов в области Шарвана, известного под названием Баку»¹². Военные нападения русов на страны в бассейне Каспийского моря продолжались несколько месяцев. В военно-стратегическом отношении это были скорее морские походы, в ходе которых происходили и морские сражения.

Когда же русы с богатой добычей возвращались домой, на них в районе Итиля — столицы Хазарского каганата, напали хазары. Русы выбрались из ладей на сушу. Сражение продолжалось три дня. Последнее слово осталось за хазарской конницей, с которой пешим русам было не совладать. Поход показал, что, пока хазары сильные, русам Волги не видать. Не будет ошибкой предположить, что опыт этого похода, а его можно назвать, судя по масштабам, стратегическим, был учтен впоследствии князем Святославом.

Князь Игорь, продолжая военную политику своего предшественника в отношении Византии, дважды предпринимал против нее военные походы. Поход 941 г. оказался совсем неудачным: Игорь потерпел поражение. Его ладейный флот понес большие потери от «греческого огня». «И пущати нача трубами огонь по ладье Русския, и бысть видети страшно чудо»¹³. Второй поход против Византии был предпринят через три года. При его организации Игорь учел и собственный печальный опыт (ладьи с небольшими силами), и опыт успешного комбинированного похода Олега, который использовал и ладьи, и коней. Игорь решил византийской коннице противопоставить свою конницу. Собрав значительные силы, он, как и Олег осуществил комбинированный поход. В то время, как пешие воины на судах плыли по реке, по берегу продвигалась сильная конница. Византийский император Роман, получив известие, что против него идут русы, и, видимо, мало надеясь на «греческий огонь», и конницу, послал своих представителей для мирных переговоров. Предложенные византийцами условия были приняты киевским князем. Игорь, заключив мирный договор, возвратился в Киев.

Наибольшего расцвета военная стратегия Древней Руси достигла при сыне Игоря — Святославе (957—972). Он настойчиво продолжал политику своих предшественников, стремясь увеличить территорию государства, защитить его границы, обезопасить волжский торговый путь и взять в свои руки весь великий торговый путь «из варяг в греки», что способствовало дальнейшему росту и укреплению древнерусского государства¹⁴.

Свою военную деятельность Святослав развернул на огромном пространстве — от Волги до Дуная. Первый его поход на Оку и Волгу, предпринятый в 964 г., был вызван необходимостью включить в состав Киевской Руси вятичей. Дело в том, что они продолжали платить дань хазарам, а это был главный враг киевских князей на восточных рубежах. Уже в следующем, 965 г., Святослав двинулся на Волгу с целью решить наконец-то хазарскую проблему. Хазарский каганат — восточный сосед Киевской Руси, преграждал славянам путь не только по Волге к Каспию, но и в

Азию. Но и это еще не все. Главное, что хазары часто совершали набеги на русские земли.

Первый удар Святослав нанес на северо-востоке. В результате были разбиты волгокамские булгары и буртасы (мордва). Подчинение булгар и мордовских племен открыло путь к Волге, что способствовало развертыванию более успешных действий против войск Хазарского каганата. Направившись дальше вниз по Волге, Святослав в крупном сражении разгромил хазар, взял и разрушил их столицу Итиль, а затем продвинулся к Северному Кавказу, где победил ясов и касогов (осетин и черкесов), захватил побережье Азовского моря, оставил в Тмутаракани (бывшем греческом городе Таматархи) часть дружины, положив этим начало русскому Тмутараканскому княжеству.

Походы Святослава даже сегодня поражают грандиозностью, а еще более — своей организованностью. 3 тыс. км по суше и 1,5 тыс. км по воде были преодолены за 7—8 месяцев. Это несомненное свидетельство полководческого таланта Святослава. Его восточный поход имел большое политическое и стратегическое значение. Разбив хазар и булгар, он, с одной стороны, обезопасил русские земли от нападения с востока, а с другой, — обеспечил себе свободу действий в походах на Византию.

В стратегическом отношении способ ведения войны с хазарами и другими восточными кочевниками определял традиционный боевой клич Святослава: «хочу на вы ити»¹⁵. Оповещая о собственных намерениях, киевский князь по сути стремился устроить противника, дать ему почувствовать свое превосходство, а в итоге захватить стратегическую инициативу. Этот боевой клич отражал принцип уверенного в своих силах полководца: заставить противника сконцентрировать войска, чтобы потом разбить их в одном сражении¹⁶.

После походов, обезопасивших восточные рубежи Киевского государства, Святослав устремляется на юг — в Дунайскую Болгарию. Здесь, по мнению историка В. В. Мавродина, «он стремится к созданию могучей славянской русско-болгарской державы»¹⁷. Поход на Дунай имел для древнерусского государства важное политическое, экономическое и военное значение. Захватив Балканы, Святослав создал плацдарм для удара с суши по главному врагу — Византии.

По своей подготовке и осуществлению поход в Болгарию значительно отличался от предыдущих походов киевских князей. На сей раз Святослав отказался от стратегии, принесшей ему успех на востоке. Он не посылает к болгарам своего гонца с обычным предупреждением «хочу на вы ити». Теперь Святослав придерживается другого принципа — добиться внезапности. Вот почему подготовка к походу проводится скрытно. Огромное для того времени войско, включавшее союзные отряды венгров и печенегов, имело задачу нанести по противнику внезапный и сокрушительный удар. Добиваясь внезапности, Святослав изменил маршрут похода. Он отказывается от ладейного флота. Русские впервые за много лет двинулись на Балканы по суше, переправляясь через Буг и Днестр, к Дунаю. Тем самым был избран путь, с которого болгары не ждали нападения. Противник узнал о нависшей угрозе, когда Святослав появился уже у берегов Истра¹⁸.

Все это является свидетельством того, что и боевой вызов «хочу на вы ити», и противоположное ему внезапное нападение применялось Святославом с учетом конкретной обстановки, оценки своих сил и сил противника. Неоднозначными были и действия Святослава при организации походов. Если в восточный поход он не брал обозов, то, следуя с большим войском в Болгарию, князь имел специальные «обозные отряды»¹⁹. Тщательная организация похода против болгар позволила ему добиться победы. На берегу Дуная Святослав разгромил 30-тысячное болгарское войско, что предрешило исход первого года кампании. Вскоре Святослав завоевал почти всю Восточную Болгарию. Обосновавшись в Переяславце, он решил про-

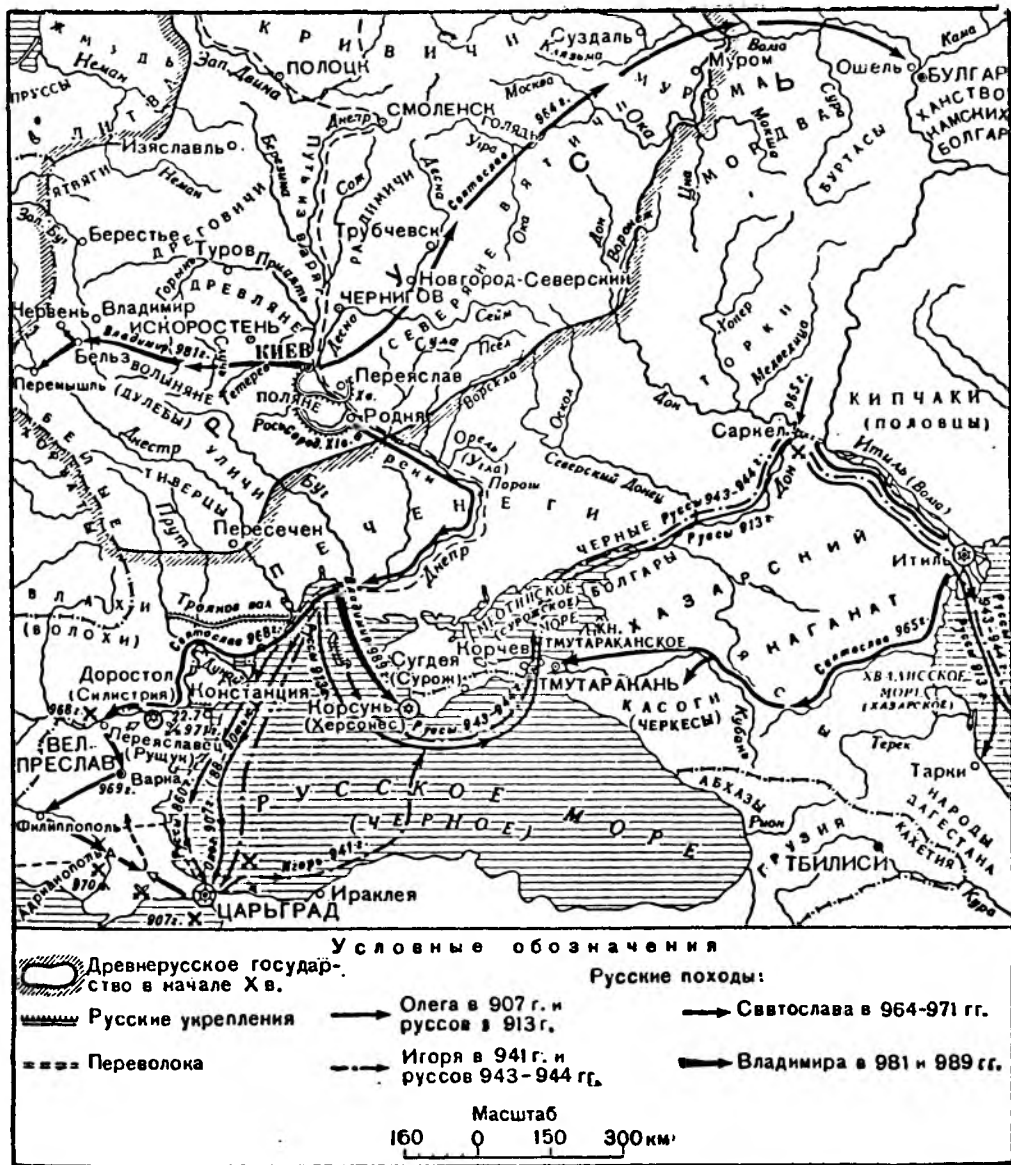

Схема 1. Походы киевских князей в X в.

должить осуществление намеченного плана — создать огромную славянскую державу со столицей в этом городе. Но неожиданные события заставили князя временно отказаться от своих намерений на Дунае. Печенеги, пользуясь отсутствием Святослава и дружины, напали на Киев. Он спешно покинул Болгарию. Но тут и византийцы не на шутку встревожились продвижением на Балканы киевского князя. Вот почему они приступили к осуществлению целого ряда мероприятий, направленных на укрепление своих позиций в Болгарии и вытеснение оставшейся части русского войска.

Второй поход Святослава на Балканы относится к 971—972 гг. Он был направлен против византийского войска, которое возглавлял император Иоанн Цимисхий. Святослав, покинув Киев, не оставлял надежды закрепиться в Болгарии, но притягивала его и Византия. А в это время Цимисхий выслал войско в пограничные районы Болгарии. Произошло несколько сражений, наиболее важное, — при Доростоле. Имея в наличии гораздо меньше сил, чем у византийцев, Святославу пришлось избрать оборонительный план. Он рассредоточил отряды в разных местах. Оценив это, Цимисхий начал интенсивные военные действия. Святослав принял решение дать сражение Цимисхию, опираясь на крепость Доростол. 26 апреля произошло первое сражение. В течение последующих трех месяцев продолжалась осада Доростола. Святослав использовал активную оборону. Русское войско, окруженное в крепости, своими ежедневными вылазками не давало покоя противнику. За это время не раз происходили столкновения русских с византийцами.

24 июля произошла последняя битва. Превосходство в силах и средствах было на стороне византийцев. Понимая это, перед началом битвы Святослав обратился к своим войнам с такими словами: «...да не посрамям земле Русские, но ляжем костями мертвые бо срама не имам, аще и погибнем, срам имам, ни имам убежати, но станем крепко, аз же перед вами пойду: аще моя глава ляжет, то про собою», и реша вои: «где же глава твоя, ту и свои главы сложим»²⁰. Сражение под Доростолом закончилось неудачно для русских. Пришлось Святославу заключить мир с византийским императором, по условиям которого русская рать оставляла Болгарию, отказавшись от дальнейших завоеваний.

Тем не менее этот поход Святослава так же, как и походы его предшественников, объясняются важностью военно-политических целей, которые преследовали русы на Волге и Северном Кавказе, в бассейне Черного моря и на Балканах. Стремление Киевской Руси обеспечить безопасность на всех внешних рубежах должно было, в свою очередь, способствовать усилению ее могущества. У Святослава четко прослеживается определенная последовательность в решении стратегических задач. Вначале он направляет свой главный удар на восток и юго-восток, а, добившись там стабильности, переносит основные усилия на запад. Конечная цель для него — завоевание Византии, этой весьма могущественной обладательницы ключа от выхода из Черного моря в Средиземное. Но для достижения такой цели Святослав должен был предварительно решить промежуточную задачу — утвердиться в Болгарии.

Все свои походы Святослав проводил весьма энергично. Даже вынужденный обстоятельностью переходить к обороне, он ведет ее чрезвычайно активно. Князь стремился сначала разбить противника, а затем уже брать города и занимать территории. Походы велись решительно; отыскать и разбить главные силы врага было основной задачей русского войска. Вместе с тем, стратегия Святослава не была лишена недостатков. В первую очередь к ним относится недостаточное обеспечение своего операционного направления, вследствие чего противник и смог отрезать войско Святослава от метрополии.

Сын Святослава, Владимир (980—1015), тоже воевал немало, однако больше, чем отец, уделял внимание освоению внутренних территорий своего разросшегося государства. Многие военные походы Владимира, проведенные с целью укрепления

личной власти внутри государства, либо для расширения границ или защиты их от нападения многочисленных противников, ставят его в один ряд с искусными полководцами Древней Руси. Воюя с Польшей (поход 981 г.), он присоединил к Руси западную окраину восточно-славянских земель (Червонную Русь). Победив ятвягов, князь Владимир совершил значительное продвижение в направлении к Балтийскому морю. Походы Владимира на хорватов, радимичей, вятичей, камских болгар и на Византию также были успешными.

Одной из важнейших стратегических проблем древнерусского государства являлась организация обороны своих владений. В это время особо тяжелой и напряженной оставалась обстановка на юге Руси. Кочевники, в первую очередь печенеги, были постоянной угрозой с юга для русских князей. Летописи отмечают, что за период княжения Владимира было восемь крупных войн с печенегами, и все с целью укрепления южной границы. По рекам Десна, Остер, Трубеж, Суха и Стучка были построены новые заграждения и восстановлены старые. Для наблюдения за кочевниками насыпались курганы и организовывалась сторожевая служба. На важных направлениях сторожевые курганы соединялись земляными валами и частоколом. Так впервые была создана укрепленная черта, имевшая стратегическое значение для защиты древнерусского государства от набегов кочевников. Однако чисто оборонительные мероприятия не обеспечивали полной безопасности границ от нападений воинственных соседей. Поэтому князья использовали против печенегов не только оборону, но и походы. И тем не менее можно утверждать, что именно тогда стали зарождаться начальные формы активной стратегической обороны.

Во второй половине XI в., т. е. вскоре после смерти сына Владимира Ярослава Мудрого, начался распад Киевского государства, сопровождавшийся непрерывными междоусобными столкновениями, войнами с Польшей и печенегами. В результате возник ряд самостоятельных образований. В большинстве своем там утверждались местные княжеские династии. Попытки предотвратить распад государства не имели положительных результатов. Русских князей чаще всего сплачивала только внешняя опасность. Теперь она надвигалась со стороны половцев. Новый враг, довольно сильный, впервые появился на Руси в 1054 г. под Переяславлем. С этого времени и до 1210 г. половцы совершили 46 крупных набегов: 19 — на Переяславскую землю, 4 — на Киевскую, 7 — на Северскую, 12 — на Поросье, 4 — на Рязань²¹.

В борьбе с половцами видоизменилась и военная стратегия Руси. На удары половцев она неоднократно отвечала наступательными походами в глубь половецких степей. Среди русских князей, которые вели успешную борьбу с половцами, особо выделяется Владимир Мономах (1113—1125), талантливый государственный деятель и крупный полководец. Став киевским князем, Владимир Мономах сделал последнюю попытку объединить русские земли вокруг единого центра — Киева. Хотя всем его надеждам не суждено было осуществиться, временное восстановление какого-то подобия прежних политических отношений дало в руки Мономаха значительные военные силы для борьбы с внешними врагами Руси²². Даже сама организация совместных походов княжеских дружин, охваченных междоусобной борьбой, требовала исключительных усилий. И с этой стратегической задачей, от решения которой во многом зависел исход борьбы с половцами, Владимир Мономах блестяще справился. За свою более чем пятидесятилетнюю жизнь он совершил немало военных походов. В «Поучении», оставленном Мономахом детям, он сам подвел итог своей военной деятельности: «Всех походов моих было восемьдесят и три великих, а других маловажных не упомню»²³.

Стратегия Владимира Мономаха была направлена на нанесение ударов по половцам в их же степях. В условиях раздробленности государства борьба до сих пор сводилась к пассивной обороне. Русь не имела возможности предупреждать набеги,

а князьям не удавалось настичь половцев при преследовании. Единственным, что иногда давало положительные результаты, был выход к путям отхода половцев для того, чтобы отбить пленных. Но ни о каких решительных формах борьбы говорить не приходится, так как это касалось незначительных по численности групп кочевников. Новая стратегия была удачно применена Владимиром Мономахом в 1103 и 1111 гг. Заслуга его как полководца заключается в изменении стратегических форм борьбы. Это выразилось в переходе от пассивной обороны к наступательным действиям, иначе говоря, к переносу войны в глубь половецких степей. Владимир Мономах вырвал из рук противника инициативу и все, связанные с нею, преимущества.

Существенным вкладом Владимира Мономаха в стратегию явилось изменение времени (сроков) походов. Он ввел в военную практику за правило начинать поход ранней весной, когда еще лежал снег, и кони половцев после зимней бескормицы не способны были совершать большие переходы, а половцы, следовательно, действовать стремительно. Мономах, так же, как и Святослав, добивался в походах высоких темпов передвижения. Так, в 1111 г. русское войско всего за 22 дня прошло свыше 500 км. Чтобы они могли быстро маневрировать, Мономах посадил пехоту на сани. Владимир Мономах отчетливо понимал роль каждого рода войск и важность их взаимодействия. Ведь пешая рать без сильной конницы не годилась для стремительного рывка, а тем более для борьбы против степных наездников. Именно тогда Русь начинает применять легкую конницу. Практические результаты новой стратегии Владимира Мономаха по праву оценены потомками. «Могущество половцев было несомненно сломлено... Степь лежала уже не прежней грозой», — писал Б. Д. Греков²⁴.

В ходе многочисленных войн и военных походов, которые вело древнерусское государство, сложились, оформились и получили свое развитие важнейшие принципы отечественной военной стратегии. Правда и то, что нередко войны носили завоевательный характер, ибо предпринимались с целью расширения и укрепления древнерусского государства, а многие походы против кочевников преследовали чисто оборонительные цели. И все же стремление захватить стратегическую инициативу приуще многим полководцам Древней Руси.

Военные походы велись с решительными целями, а исход их определялся в ходе одного сражения. Найти и разгромить главные силы врага было основной задачей войска русов. При этом широко применялся принцип внезапности как стратегический фактор. Древнерусские полководцы уделяли большое внимание созданию морального перевеса сил и выработке единства действий. Подготовка и политическое обеспечение войны, умелая организация походов, управление соединенными войсками — все это свидетельствует о высоком уровне военной стратегии древнерусского государства.

2. Решение военно-стратегических задач в период раздробленности Руси

К середине XII в. в древнерусском государстве резко усилился процесс политической, экономической и военной дезинтеграции. Развивались новые центры — Суздаль, Ростов, Владимир и др., которые стремились выйти из-под власти Киева. Некогда могучее государство, имевшее огромную территорию, распалось на ряд самостоятельных княжеств и земель. Процесс политического дробления государства усиливался за счет существовавшего порядка наследования княжеств. Они превращались в наследственные уделы. В дальнейшем новые полугосударственные образования раздробились на десятки мелких владений. Так, в одной только Владимирско-Суз-

дальской земле в XIII в. насчитывалось свыше ста удельных княжеств²⁵. Власть великого князя становится чисто номинальной.

С изменением политического устройства древнерусского государства изменялся и характер его вооруженной организации. В каждом княжестве были свои вооруженные силы, которые, несмотря на местные особенности, имели общие черты. Постоянным ядром вооруженной организации по-прежнему оставалась княжеская дружина. Правда, она превратилась в княжеский «двор», в отряд вооруженных слуг. Такие дружины являлись опорой князей в проведении ими сепаратистской политики. Однако княжеские дружины были относительно малочисленные. Обычно они насчитывали несколько сот воинов, а потому не могли противостоять внешней экспансии.

Другую половину составляли отряды удельных князей и бояр-землевладельцев — «вотчинников». За постоянное или временное пользование земельными владениями князь обязывал их нести военную службу, причем за их же счет, а в случае военной необходимости являться с вооруженным отрядом. Правда, это была ненадежная часть войска, так как «вотчинники» обладали правом «отъезда», т. е. они могли в любое время вместе со своими людьми уйти к любому другому князю. В момент наибольшей опасности князья набирали ополченцев, которые составляли пешую рать. В отдельных княжествах в военное время ополчение достигало 10—30 тыс. человек. Так, в начале XIII в. владими́ро-суздальские князья отправляли против немецких рыцарей в Прибалтику 20-тысячное войско, а Новгород Великий выставил 15-20-тысячное ополчение²⁶.

В совокупности русские княжества имели значительные военные силы для отражения любой агрессии. Но беда в том, что отсутствовало единство в организации и вооружении, не было и единого командования, а значит, отсутствовало единство действий. Все вопросы стратегии решались на совете князей и воевод. Но даже принятые там решения не являлись обязательными для всех. Многие князья действовали по своему собственному усмотрению.

Период раздробленности Руси насыщен внутренними войнами и княжескими усобицами. За 234 года (с 1228 по 1462) в летописях встречаются 90 сообщений о междоусобных войнах, причем в 35 случаях говорится о взятии своих же городов²⁷. Политическая децентрализация Руси привела к тому, что ее военные силы оказались разобщены. Ведь каждое княжество теперь представляло собой самостоятельный военный организм. Разумеется, это ослабляло военную мощь Руси, а главное — затрудняло выполнение стратегической задачи — ведение борьбы с многочисленными внешними врагами русского народа. В этот трудный для Руси период на нее нападали и половцы, и шведы, и поляки, и венгры.

Борьба Руси с половцами продолжалась и на рубеже XII—XIII вв. В 1185 г. князь Игорь Северский предпринял поход против половцев. Не отличался он ни своей организацией, ни оригинальностью замысла, к тому же и закончился неудачей. Тем не менее наши соотечественники знают о нем со школьной скамьи, потому что именно с ним связано одно из самых замечательных произведений древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве».

Главным просчетом в военной стратегии русских князей в этот период являлось стремление самостоятельно решить задачи защиты отечества от внешней агрессии. На полях сражений, как правило, выступали вооруженные отряды отдельных, а в случае особой опасности — нескольких феодальных княжеств. Даже в Куликовской битве, когда на поле боя решался вопрос о независимости Руси, под знаменем Дмитрия Донского не оказалось новгородского боярского войска²⁸. Более того, зачастую некоторые русские князья сами призывали половцев на русскую землю, заключая с ними временные военно-политические союзы для достижения своих корыстных целей. Однако внешняя опасность не раз заставляла князей объединять силы для отпора

врагу. По сути Русь явилась тем барьером, который защищал Западную Европу от кочевников.

Борьба Руси с половцами имела важное историческое значение. «Эта почти двухвековая борьба Руси с половцами, — писал В. О. Ключевский, — имеет свое значение в европейской истории. В то время, как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, когда и на Пиренейском полуострове началось такое же движение против мавров, Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Но эта историческая заслуга стоила ей очень дорого: борьба сдвинула ее с насыщенных днепровских мест и злуго изменила направление ее дальнейшей жизни»²⁹.

В период нашествия татаро-монгольских войск на Русь половцы были рассеяны. «Половцев перебили татары, некоторые убежали от их лица, а другие обращены ими в рабство, однако весьма многие из бежавших возвращаются к ним»³⁰. Уже первое столкновение русских с татарами в 1223 г. показало, что даже в случае временного объединения нескольких князей единой военной стратегии не было выработано. Не было ни единого плана, ни единого военачальника. Все это привело к поражению русских войск в битве при р. Калка.

В 1236 г. татаро-монгольские войска под предводительством Батыея (Бату-хана) начали поход на Запад. В течение совсем непродолжительного времени Батый завоевал Дештын-кипчака, Булгар, Крым и Кавказ до Дербента. В 1237 г. он вторгся в пределы Руси, покорил лежавшие на его пути русские княжества. Владимиро-Суздальское войско во главе с Юрием Всеволодовичем было разбито на р. Сити 4 марта 1238 г. При повторном походе (1230—1240) Батый взял Киев (1240) и другие южно-русские города. Опустошив Русь, татаро-монголы вторглись в Польшу, Венгрию и другие западные земли. Летом 1242 г. Батый повернул обратно. Результатом походов Батыея в Восточную Европу было завоевание огромных территорий, покорение Руси и образование большого государства — Золотой Орды. После смерти Чингизхана завоеванные русские земли перешли в подчинение золотоордынскому хану.

Так, впервые через несколько столетий после нашествия гуннов татаро-монгольские войска принесли миру тотальное уничтожение целых народов и их культуру. В этом отношении монгольское нашествие оставило далеко позади себя все беды, связанные с междоусобными распрями и половецкими набегами. В период походов Батыея захватчики ради грабежа или сиюминутной мести уничтожали целые регионы и государства. Военная доктрина монголов, основанная на жестоком бессмысленном насилии, не отличалась политической мудростью. Это и привело в конце концов к тому, что далеко не всеми результатами своих побед они смогли воспользоваться³¹.

Военное превосходство татаро-монголов было временным явлением. В ходе изнурительных крупных и мелких войн даже обескровленная и разделенная на части Русь продолжала оказывать героическое сопротивление захватчикам. С годами татары уже не отваживались на широкомасштабные акции, предпочитая ограничиваться угрозами, дипломатическим нажимом или осторожным маневром. На просторах Руси наступательный порыв завоевателей иссяк. Ее борьба за независимость имела поистине всемирное значение. «Русь сделала то, что не смогли сделать ни Китай, ни державы хорезмшахов, ни Грузия, ни половцы — Русь остановила Батыея на пороге Европы и невольно спасла европейскую цивилизацию», — писал Б. А. Рыбаков³². Но наше Отечество заплатило огромную цену. Монгольское нашествие превратило в пепел целые районы Руси, оно сопровождалось неисчислимыми жертвами. Почти вся Южная Русь и часть Северо-Восточной Руси, некогда процветавшие, фактически стали пустыней. А вот как об этом пишет летописец: «О сироте бо тогда и обнища великая наша Русская земля, и отъявся слава и честь ея, но не веки, и поработися богомерску царю ... от Батыива времени»³³.

Схема 2. Русь в XIII в.

Монгольское вторжение явилось, по словам того же Рыбакова, печальным рубежом в истории русской культуры, ибо задержало ее развитие на 150—200 лет, причем именно в тот момент, когда передовые страны Западной Европы начали особенно быстро развиваться³⁴. Хотя зависимая и платящая дань Русь имела собственных князей, т. е. свою власть, в Золотой Орде русские князья рассматривались как ее вассалы. От хана они получали ярлыки на владение своими княжествами. Причинами этого явилась раздробленность Руси и, как следствие, слабость ее в военном отношении.

Тяжелое внутривосточное положение Руси — междоусобные распри удельных князей, раздробленность — ослабляло силу сопротивления внешним врагам. С юго-востока — нашествие татаро-монгольских полчищ, на северо-западе в наступление перешли отряды немецких, шведских и датских рыцарей. Ослабленная междоусобными распрями и нашествием татаро-монголов Русь казалась им легкой добычей. В этих сложных условиях отечественная военная стратегия успешно решала значительные по своим масштабам задачи. Основные тенденции в развитии стратегии лучше всего проявились в ходе борьбы князя Александра Невского против немецко-шведских рыцарей и князя Дмитрия Донского против татаро-монголов.

Немецкие рыцари в 1240 г. попытались захватить важные стратегические пункты Руси на северо-западе — Новгород и Псков, а шведские — устье Невы и город Ладогу³⁵. В то время как в южно-русских областях татаро-монголы ограничивались сбором дани, крестоносцы, обосновавшись в Прибалтике, стремились к захвату всей Северо-Западной Руси. Главным организатором этих крестовых походов против славян был глава католической церкви — Папа Римский Иннокентий IV. Он намерился объединить силы Ордена меченосцев, епископов Риги и Дерпта, феодалов Швеции и Дании. На переговорах, которые в 1239 г. вел Папа Римский, речь шла как раз о совместном наступлении на Русь. Шведы, к тому времени захватившие Финляндию, должны были наступать на Новгород с севера, от реки Невы, а немецкие и датские рыцари — через Изборск и Псков³⁶.

Основную тяжесть борьбы с немецко-шведскими захватчиками пришлось вынести новгородцам. Войско Новгородской республики состояло из дружин князя, приглашенного на княжение в Новгород, «передней дружины», куда входили главным образом бояре с их отрядами, и «черные люди», преимущественно ремесленники и крестьяне, призывавшиеся к оружию в особо важных случаях. В военном отношении Новгороду как главному городу всей новгородской земли были подчинены все остальные города, или, как они назывались, пригороды³⁷.

В Новгороде с 1236 г. княжил Александр — сын великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича (1220—1265). Несмотря на молодость, Александр Ярославович был искусным политиком и выдающимся стратегом. Понимая, что ослабленные русские княжества не в состоянии вести вооруженную борьбу на два фронта, князь Александр старался сохранять мирные отношения с татаро-монголами. Этим он обеспечивал тыл Северо-Западной Руси для нелегкой борьбы с немецко-шведской агрессией.

В 1240 г. шведские рыцари предприняли попытку захватить русские земли. Шведское войско под командой зятя короля — Я. Биргера — вместе с отрядами норвежцев и финнов на кораблях вошло в Неву и высадилось у впадения в нее р. Ижоры. Шведское войско стремилось захватить устье Невы и город Ладогу, чтобы отрезать Руси главный путь, связывающий ее с северо-западными европейскими государствами. Получив сведения о появлении противника, новгородский князь решил его атаковать, причем внезапно. Задача состояла в том, чтобы разгромить шведское войско, которое было гораздо многочисленнее русского, одним стремительным ударом. Внезапность требовала активных действий. Князь Александр принял решение вы-

ступить против шведов, усилив свою дружину лишь новгородскими добровольцами и отрядом ладожан.

15 июля новгородцы внезапно атаковали шведское войско. Нападение было столь неожиданным, что захваченное врасплох войско Биргера не успело построить свои боевые порядки и оказать организованное сопротивление. Новгородцы рубили врагов, а те со всех ног бежали к своим кораблям. Александр лично «избил множество бесчисленных римлян, и самому королю возложи печать на лице острым своим мечом», — отмечали историки³⁸. Шведское войско было разгромлено, три шведских корабля потоплено. За эту победу Александр Ярославовича народ назвал Невским.

Победа над шведами имела большое военно-политическое значение. Она наглядно показала возможность успешной борьбы с врагами Руси. Шведам не удалось отрезать Новгород от моря и захватить побережье Невы и Финского залива. Невская победа важна была и в стратегическом отношении. Отразив нападение сильного противника, изготовившегося нанести удар по Новгороду с севера, русское войско сорвало намерения шведских и немецких войск действовать согласованно. Теперь правый фланг и тыл псковского района военных действий были надежно обеспечены для борьбы с немецкими рыцарями в Прибалтике.

Общему стратегическому плану крестоносцев был нанесен чувствительный удар. Тем не менее немецкие рыцари предприняли очередное наступление в начале осени 1240 г. Немецкое войско, включавшее орденских рыцарей с их оруженосцами, военные силы епископств, вассалов орденских и епископских, а также «людей датского короля», вторглось в псковскую землю, имея своей целью захватить Изборск — ключ к Пскову, затем и сам Псков, а далее, утвердившись там, перейти к захвату Новгорода и его земель³⁹.

Первый сильный удар немцы нанесли по Изборску и после штурма взяли его. Хорошо укрепленный Псков являлся для крестоносцев серьезной преградой. Не сломив сопротивления псковичей силой оружия, немцы решили одолеть его хитростью. Они вступили в переговоры с некоторыми видными горожанами. Изменники сдали Псков.

С падением Пскова стратегическая обстановка для Новгорода Великого резко ухудшилась: начались набеги немцев на его земли. Зимой 1240/1241 гг. рыцари напали на область Воды (Водскую пятину), что прилежала к Финскому заливу, и в Копорье построили крепость. В стратегическом отношении сооружение крепости имело большое значение для дальнейшего развертывания немецкого наступления на Новгород⁴⁰. Отсюда немецкие рыцари напали на Тесово, дошли до Луги и Сабли. Отдельные немецкие отряды появлялись в 30 верстах от Новгорода.

Вернувшись в 1241 г. в Новгород, Александр Невский быстро собирает нужные ему силы. Первый удар он наносит на Копорье — важный стратегический пункт немцев. Быстрота, стремительность и внезапность удара привели к блестящей победе. Сильнейшая крепость немцев в Водской пятине была взята и разрушена. Обеспечив в результате взятия Копорья северо-западные границы новгородской земли, Александр Невский бросает свое войско на решающий участок — к Пскову — и в ходе стремительного штурма овладевает им.

После потери Пскова крестоносцы попытались было сосредоточить свои силы в пределах Дерптского епископства. Здесь собрались, как сообщает летопись, почти все его рыцари с «мейстером» (магистром — *Ред.*) во главе», «с всеми бискуны (епископами — *Ред.*) своими, и с всем множеством языка их, и власти их, что ни есть на сей стране, и с помочью королевою», то есть здесь были немецкие рыцари, местное население и войско короля шведского⁴¹.

Александр Невский решил не ждать врага, а перенести военные действия в занятую немцами Прибалтику. Таков был стратегический план русского полко-

водца. Для нанесения решительного удара русское войско было к тому времени вполне подготовлено. В исторической битве на льду Чудского озера, состоявшейся 5 апреля 1242 г., рыцарское войско было окружено и наголову разбито. Этой победой великий полководец Александр Невский прославил русское оружие далеко за пределами Руси. Благодаря ей немецко-шведская агрессия на Северо-Западную Русь была остановлена.

Новгородское войско защищало свою землю и еще от одного противника — литовцев. Александр Невский понимал, что успех борьбы в немалой степени зависел от объединения сил Новгорода и Полоцкого княжества. Не забывая об одновременно и об укреплении юго-западной границы новгородской земли. По его приказу там были построены укрепления. В 1245 г. новгородское войско под командованием Александра Невского разбило литовское войско под Торопцом, у озера Жизца и под Усвяты на территории Смоленского и Полоцкого княжеств. Эти победы обеспечили безопасность юго-западной границы новгородской земли.

Успех в борьбе с внешними врагами стал возможен только благодаря политике, которую проводил Александр Невский. Она была направлена прежде всего на объединение сил русских земель, предотвращение княжеских междоусобиц. Проводимая князем Александром внешняя политика основывалась на правильном учете соотношения сил и оценке обстановки. Стратегия Александра Невского подразумевала высокую активность. Стратегические цели достигались с помощью последовательных ударов, которые обеспечивали фланги и тыл новгородского войска в очередном походе. Так, разгром шведов был необходим для успешной борьбы с немецкими рыцарями, а победы над немцами создали предпосылки для борьбы с литовскими феодалами. Умелый выбор направления главного удара (сначала Копорье, затем Псков), тщательная подготовка похода и его искусная организация, быстрое совершение маршей и стремительные, внезапные удары всеми силами — свидетельство стратегического искусства Александра Невского. Высокий уровень русской стратегии позволял достичь решительных целей как в полевых сражениях (например, Ледовое побоище 1242 г.), так и при штурме крепостей (Копорье, Псков, Изборск в 1241—1242 гг.).

Дальнейшее свое развитие отечественная военная стратегия получила в период усиления борьбы русского народа за освобождение от татаро-монгольского ига. К XIV в. стратегия стала практически неотделима от политики. Пожалуй, именно в это время их тесная связь превращается в ту неразрывную цепочку, которая остается актуальной и до сего времени. Успехи внешней и внутренней политики Руси не только формировали стратегию, но и придавали ей новое качество, а цели, казавшиеся ранее достижимыми лишь с помощью военных усилий, стали возможными благодаря искусству дипломатии, подкрепленной военной мощью государства.

В XIV в. на Руси сложились крупные княжества: Владимиро-Суздальское, Тверское, Рязанское, Московское и др. Собирательницей русских земель стала Москва. Московские князья, начиная с Ивана Калиты, проводили политику, направленную на преодоление междоусобной раздробленности Руси. Для этой цели они использовали различные средства: договоры между князьями, покупку новых вотчин, власть ханов Золотой Орды и даже войны. Все это и определяло военную стратегию Москвы.

«Вполне сознавая, что по их генеалогическому положению они не достигнут по праву Великокняжеского стола, московские князья, пользуясь своими богатыми средствами, сознавая всю силу власти татар над Русью, стали угодничать и ухаживать за ханом и ездить к нему на поклон с богатыми подарками. Благодаря этому Московский князь, по генеалогии младший среди других князей, добился старшего Великокняжеского стола: за исполнение приказания хана — с его войсками наказать Тверского князя за восстание — Московский князь Иван Калита получил Великокняжеский стол, который уже с тех пор не выходил из-под Московского князя», —

отмечал А. К. Баянов⁴². Московское княжество при Иване Калите (1328—1340) не только расширило свои границы, но и получило новое политическое значение. Власть московского князя ощутимо усилилась.

После смерти Ивана Калиты борьбу за объединение русских земель продолжили московские князья Семен Гордый (1340—1353), Иван Красный (1353—1359), но особенно Дмитрий (1359—1389). Уже в первые годы княжения Дмитрия под знамена Москвы собрались Суздаль и Ростов (Ярославский), Серпухов и Можайск, Ярославль и Углич, Брянск и Новосиль, Таруса и Звенигород, Муром и Кашин, Дмитров и Стародуб. «Всех князей Русских привожаше подь свою волю, а которых не повиновахуся воле его, а на техъ нача посегати», — сообщает о Дмитрии летописец⁴³.

Князь Дмитрий понимал, что интересы борьбы против татар действительно требуют образования единого государства, к тому же мощного в военном отношении. Объединение военных усилий перед лицом опасного противника, согласованное применение союзных войск под одним командованием — характерная черта русской военной стратегии того периода. Примером может служить приобщение сильного Тверского княжества к борьбе против общего врага, что стало возможным благодаря успешному походу Дмитрия Ивановича на Тверь в 1375 г.

Надо заметить, что тверской князь был союзником Литвы и сторонником хана Золотой Орды, т. е. основных врагов Руси в то время. В походе вместе с московским князем принимали участие все подвластные Москве князья. Пришлось тверскому князю заключить с Дмитрием Ивановичем договор, в котором предусматривалось совместное выступление против Золотой Орды. Таким образом Дмитрий не только избавился от одного из сильнейших своих противников, но и объединил в основном все земли Северо-Восточной Руси для борьбы с татаро-монголами.

Последовательность в решении военно-стратегических задач прослеживается в действиях князя Дмитрия и позднее. Победа над тверским князем, а затем смерть литовского князя Ольгерда в 1377 г. и начавшаяся борьба за княжеский престол между его сыновьями значительно ослабили могущество Литвы — западного противника Москвы. Это дало возможность Дмитрию все усилия сосредоточить на выработке стратегии борьбы с главным врагом Руси — Золотой Ордой.

Проводя политику объединения русских земель, Дмитрий внимательно следил за внутренней борьбой в Золотой Орде. В 60-х — 70-х годах XIV в. ее тоже раздирали междоусобицы. В течение 20 лет (с 1360 по 1380), т. е. до прихода к власти в Золотой Орде Тохтамыша, там перебивалось 25 борющихся между собой ханов⁴⁴. Это значительно ослабило Золотую Орду и дало возможность Дмитрию, в отличие от своих предшественников, проводить достаточно независимую политику, готовить силы для вооруженной борьбы против татар. Но Орда все еще оставалась сильным противником, и для борьбы с ней требовалась выработать особую стратегию. Прежде всего предстояло позаботиться о вооружении: это луки и стрелы, мечи, копья, длинные и короткие топоры, кистени, не говоря уже о предохранительном снаряжении — доспехах⁴⁵. Изготовлением оружия и снаряжения занимались многие города, даже те, что были расположены на окраинах Московского княжества. Это дало возможность в исключительно короткий срок оснастить вооружением огромное войско. Именно при князе Дмитрии появилось на Руси огнестрельное оружие и было налажено производство пороха. «В это время, — сообщают авторы очерков «Из истории Москвы», изданных еще в 1836 г., — введено было у нас огнестрельное оружие и заведен был «свой зеленый», или пороховой, завод. Примечательно, что наша столица довольствовалась своими русскими строителями... литейщиками»⁴⁶.

Наряду с изготовлением большого количества оружия и снаряжения Дмитрий уделял большое значение строительству укреплений в ряде пограничных городов, позднее составивших единую стратегическую оборонительную линию. В Москве в

1367 г. был построен каменный Кремль. Все это значительно укрепляло обороноспособность Московского княжества.

Князь Дмитрий ставил военно-стратегические цели, исходя из строгого учета политических и материальных возможностей Московского княжества, морального состояния русского народа, а также возможностей своего противника. Вся военная система Руси существенным образом усилилась. Объединение русских земель вокруг Московского княжества, значительный рост городов способствовали созданию многочисленного и хорошо вооруженного войска. В свою очередь сильно возросшее войско потребовало более совершенной его организации. Заслуга Дмитрия и в том, что он привел организацию русских войск в полное соответствие с новыми условиями вооруженной борьбы. Именно он положил начало созданию организационных форм, полностью соответствовавших периоду образования единого и мощного государства, перед которым стояла важная стратегическая задача — избавиться от монгольского ига.

Русское войско состояло из пехоты и конницы. Стратегическое значение конницы Дмитрию было хорошо известно из предшествовавшей истории Руси. В сравнительно короткий срок ему удалось создать многочисленные конные дружины. Пехота включала главным образом ополченцев из городов и сел. Все русское войско делилось на полки⁴⁷. Дружина Дмитрия, как и при его предшественниках, составляла постоянное ядро войска. Особенно он беспокоился об ее оснащении и подготовке. В основу своей стратегии Дмитрий положил наступательные действия, прекрасно понимая, что добиться победы можно только в решительном сражении путем уничтожения войска Золотой Орды.

Большое внимание Московский князь уделял стратегической разведке. Велась она одновременно на нескольких направлениях, т. е. против всех вероятных противников, прежде всего татарских войск хана Мамай, литовских войск князя Ягайло и рязанского князя Олега, примкнувшего к противникам Руси. Благодаря хорошо организованной разведке русские знали намерения и действия противника, что обеспечивало их войскам свободу действий. Важно и то, что Дмитрий обладал умением правильно определить основную цель в своих действиях, а потом все силы и средства направить на ее достижение.

Куликовская битва ярко проявила талант Дмитрия как стратега, прозванного народом после этой битвы Донским. Татарский хан Мамай в 1380 г. предпринял поход с целью полного подчинения Руси Золотой Орде. Для ее достижения он, собрав огромное войско, двинулся в пределы русских княжеств, рассчитывая уже 1 сентября соединиться со своими союзниками Ягайло и Олегом на р. Ока. Дмитрий решил переправиться через Дон и нанести удар по войскам Мамай, ибо они представляли наибольшую угрозу, а кроме того надо было не допустить объединения литовских и рязанских сил с Мамаем. Словом, решительный разгром главных сил противника отвечал основной военно-стратегической цели — освобождению от монгольского ига. Вместе с тем это позволяло Московскому князю удерживать инициативу в своих руках, что давало возможность громить противников по частям.

Дмитрий, хорошо знакомый со стратегическими и тактическими приемами татар, а к тому же уверенный в своих войсках, избрал для генерального сражения такую местность, которая во многом способствовала успешным действиям русских и, наоборот, ограничивала татарскую конницу в маневре. Боевой порядок русского войска целиком и полностью соответствовал основной стратегической идее полководца — решительным ударом уничтожить врага.

Куликовская битва явилась образцом классического применения резерва, в данном случае засадного полка. Введенный в решающий момент на направлении главного удара, он во многом предопределил исход сражения.

Активный характер стратегии Дмитрия полнее всего проявился в стремлении добиться от сражения наибольшего эффекта. Еще в 1378 г. в сражении на р. Вожа он завершил победу преследованием, что позволило уничтожить остатки разбитого войска противника. В Куликовской битве способы преследования противника получили дальнейшее развитие. Русское войско преследовало врага около 50 км, в результате, по словам летописца, «мамаевы полци погании побегоша... обратиша плещи свои на язвы, и мнози оружием падаша, а друзии въ реце истопоша, и гнаша ихъ до реки до Мечи, и тако множество ихъ губиша, а друзии погрязоша въ воде и потонуша»⁴⁸. В эпоху средневековья немного найдется примеров столь хорошо организованного преследования и, в конце концов, достижения таких блестящих результатов.

К концу XIV в. Москва становится политическим, экономическим и военным центром Руси. Многолетняя вооруженная борьба против различных внешних противников, постоянные княжеские распри показали, что только сильное государство может обеспечить независимость Руси. Создание военного союза русских княжеств под руководством Москвы привело к возникновению военной централизации, от которой в значительной мере зависело дальнейшее развитие военной стратегии. А для нее было характерно последовательное решение военно-стратегических задач, определение способа ведения войны в зависимости от политической и военной обстановки (например, борьба с Тверью и Литвой, поход на Дон и Куликовская битва, борьба с нашествием хана Тохтамыша). Основным способом военных действий являлось стратегическое наступление, в котором осторожность сочеталась с быстротой действий. Оборона использовалась в основном для выигрыша времени, подготовки и сосредоточения главных сил. Направление главного удара выбиралось с таким расчетом, чтобы разгромить основную группировку противника.

3. Особенности развития военной стратегии русского централизованного государства

После смерти Дмитрия Донского его сын, Василий Дмитриевич, в течение своего многолетнего княжения (1389—1425) продолжал дело отца — собирал земли вокруг Москвы. Его политику также определяли внутривнутриполитические и экономические условия, необходимость укрепления обороны, формирование русского централизованного государства. Процесс покорения удельных князей и объединения русских земель завершился в период княжения Ивана III (1440—1505). Великий князь московский Иван III в 1462 г. принял титул «великого князя всея Руси», а в сношениях с другими странами и народами он называл себя не иначе, как царем⁴⁹.

Образование централизованного государства и усиление великокняжеской власти встречали сильное сопротивление со стороны местных князей и бояр. Упорную борьбу центру пришлось вести с Новгородом. В 1471 и 1478 гг. были предприняты походы, в результате которых Новгород был включен в состав Московского государства. Вслед за ним лишились самостоятельности Тверское и Рязанское княжества, а их земли также были присоединены к Московскому княжеству. К концу XV в. территория русского централизованного государства увеличилась в три раза. Его земли простирались от р. Печора и Северного Урала до устьев рек Невы и Нарвы, от Васильурска на Волге до Любеча на Днепре⁵⁰.

Московское государство в XV—XVII вв. вынуждено было вести многочисленные внешние войны. Соседство со шведами, литовцами, поляками, татарами ставило русское государство в положение «вооруженного лагеря», так как оно с трех сторон было окружено потенциальными врагами⁵¹. И если борьба на северо-западе со Шве-

цией, Ливонией, Литвой и Польшей изредка прерывалась (с 1492 по 1595 гг., т. е. за 103 года, Русь находилась в состоянии войны с ними примерно 50 лет), то на юго-востоке шла изнурительная непрерывная борьба. Здесь не было ни мира, ни перемирий⁵². Да и татары по-прежнему нападали постоянно на русские земли.

Войны со Швецией и Ливонией велись за выход к Балтийскому морю, в котором остро нуждалась экономика Московского государства, с Литвой и Польшей — за освобождение захваченных ими русских земель. На юге и востоке шли войны с возникшими после распада Золотой Орды Казанским, Астраханским, Крымским, Сибирским ханствами и Ногайской Ордой.

Следовательно, внешняя политика Московского государства была направлена на разрешение трех проблем: балтийской, белорусско-украинской и татарской. И решить их можно было только в ходе военных походов. Впрочем, войны вызывались не только этими проблемами, но и стремлением московских князей приобрести новые территории. Все это и определяло характер военной стратегии того периода.

В новых политических и экономических условиях растущего централизованного государства прежних военных возможностей было явно недостаточно. Поэтому одним из основных направлений военной стратегии становится увеличение численности и укрепление вооруженных сил. Их реорганизация началась в последней четверти XV в. и стала главной заботой центральной власти. Первым делом московские князья запретили отъезд служилых людей к другим князьям, а кроме того, постарались привлечь землевладельцев со своих земель к несению военной службы. Другой путь — расширение великокняжеского двора. В состав войска вошли все категории служилых людей княжества, прежде всего бывшие удельные князья и их бояре.

В процессе объединения русских земель многие князья и бояре со своими вотчинами и дворами добровольно переходили на службу к Московскому князю. С этого момента они все становились его боярами. Служилые князья содержали вооруженные отряды. По первому требованию великого князя они обязаны были выступить в поход лично или послать своих воевод с ратными людьми. О том как много было служилых князей при Иване III свидетельствует хотя бы тот факт, что из 16 воевод, участвовавших в битве при р. Ведроше, 11 имели княжеский титул⁵³. Ядром Московского князя продолжал оставаться великокняжеский двор, состоявший из служилых людей, дворян и детей боярских, которые несли постоянную военную службу.

Новой формой материального обеспечения служилых людей в конце XV в. стало поместное землевладение. Земля давалась при обязательном условии несения военной службы. Помещик должен был по первому требованию являться в назначенное время для несения военной службы «конен, оружен и люден»⁵⁴. Зарождалась так называемая поместная система, являвшаяся формой условного землевладения. Дальнейшее развитие она получила в XVI в.⁵⁵ Образование поместного ополчения — крупное достижение княжеской власти в организации вооруженных сил. Численность их значительно возросла, упрочилось и военное устройство государства.

Второй составной частью войска продолжали оставаться городовые полки, набравшиеся из горожан. Третьей частью войска стала «посошная» рать, собираемая с определенного количества сох — податной единицы⁵⁶.

Вооружение русских воинов качественно улучшилось и стало разнообразнее. Оружием ударного действия были: копья, сулицы, рогатины, мечи, сабли, палаши, бердыши, кистени, топоры, чеканы, шестоперы; метательным оружием служили луки и самострелы.

Во второй половине XV в. для усиления вооруженных сил страны большое значение имело создание артиллерии — «наряда». В Москве при Иване III возникло пушечно-литейное производство. Имеются упоминания обустройства в 1475 г. «пушечной избы», преобразованной в 1547 г. в пушечный литейный двор⁵⁷. В конце

XV в. русское централизованное государство имело уже достаточно сильную артиллерию. Возросшее боевое значение орудий отразилось и на организации русской артиллерии. «Наряд» в составе войска стал самостоятельной частью, во главе «наряда» стояли особые воеводы.

Во второй половине XV в. организация войска получила окончательное устройство. Каждая самостоятельная рать состояла теперь из трех полков (большой, передовой и сторожевой — так называемый «малый разряд») или из пяти полков (большой, передовой, правой руки, левой руки, сторожевой — «большой разряд»)⁵⁸. Военную стратегию этого периода отличает то, что деление войска на три или пять полков проводилось не только во время походов и на поле боя, как это было раньше, но и на месте формирования. Создание поместного ополчения, подчинение вооруженных отрядов отдельных служилых князей и бояр, а также посошной рати давало великим князьям возможность иметь более или менее определенный контингент ратных людей, а значит, заранее создавать установленные военные формирования.

Вначале стратегическое руководство всеми вооруженными силами и в мирное, и в военное время осуществлял великий князь лично или назначенный им большой воевода, что обеспечивало единство командования. В процессе образования централизованного государства сформировался государственный аппарат — приказы. На рубеже XV—XVI вв. возникает особое военное управление — Разрядный приказ, сыгравший важную роль в строительстве вооруженных сил и развитии некоторых направлений военной стратегии⁵⁹. В непрерывной борьбе с внешними врагами Московское государство выработало такое военное устройство и такие формы ведения войны, которые вполне отвечали ее государственным интересам. Общее руководство войсками осуществлял Разрядный приказ, который стал высшим военным органом. В соответствии с политической задачей, поставленной правительством, в Разрядном приказе разрабатывался стратегический план.

Особый упор делался на подготовку к войне. Заблаговременно определялось общее количество войск, необходимое для похода, а уже в соответствии с этим — количество войск от каждой области. При этом строго учитывалось численное соотношение родов войск конницы и пехоты, а также степень их вооружения огнестрельным и холодным оружием. Каждой области предписывалось поставить в войско определенное число всадников и пехотинцев, а также установленное количество повозок и запасов продовольствия.

При подготовке к войне по приказу правительства укреплялись города, расположенные на территории, пограничной с противником, или возводились новые, которым предстояло служить опорными пунктами. Так, Иван III, готовясь к войне за побережье Балтийского моря, построил в 1492 г. рядом с Нарвой Ивангород. Василий III, подготавливая взятие Казани, построил Васильсурск, а Иван IV с этой же целью — Свияжск. В стратегическом плане учитывалось и обеспечение второстепенных направлений. Ведя войну на западе, нужно было быть всегда готовым для отражения нападения татар с востока. Чтобы предотвратить постоянные набеги татар, московские великие князья приказали создать укрепленные полосы — «черты» вдоль оборонительных рубежей, а также организовать сторожевую и станичную службу для наблюдения за продвижением татар. Ее вели отряды наблюдения — «сторожа» и «станции». Укрепленные полосы тянулись на сотни километров. Они состояли из цепи укрепленных городов, острогов и острожков, лесных засек (завалов), тына (вбитых в землю бревен), а в безлесных промежутках — рвов и валов.

Организация сторожевой и станичной службы не ограничивалась оборонительными мероприятиями. Как только наступала весна, на берегах Оки сосредоточивались значительные силы — до 35 тыс. человек. Эта так называемая «береговая служба» имела своей задачей нанести удар по вторгшемуся врагу и разгромить его, а если он

оказывался сильнее, то задержать или хотя бы замедлить его продвижение. Сложная система боевого наблюдения позволяла войску сосредоточиваться в определенных пунктах, а не располагаться кордоном, то есть в линию. Вся система оборонных южных пограничных рубежей носила активный характер и отличалась четкой организацией.

Заранее намечался пункт сбора войска, тщательно устанавливались время и порядок совершения марша к намеченному объекту. При разработке плана использовали карты. Походы совершались по суше и по рекам. В борьбе, например, с татарами часть войск, артиллерия, боеприпасы и продовольствие перебрасывалось на судах по рекам Москва, Клязьма, Ока, Волга. Располагаясь станом около рек, войска делали укрепления в виде рвов, валов, линий из повозок. Военные действия велись главным образом вокруг городов-крепостей. Большие полевые сражения были явлением редким.

Русскому государству неоднократно приходилось вести войны одновременно с несколькими противниками. Это, разумеется, требовало немалых усилий от центральной власти, войска и полководцев. Благодаря искусно проводимой внешней политике нередко удавалось уже в ходе войны выводить из строя одного из противников или вызвать конфликт между ними. Примером может служить стратегический план войны против хана Большой Орды Ахмата, которому обещал поддержку король Польши Казимир IV. Получив известие о вторжении Ахмата (второй поход в 1480 г.), Иван III быстро собрал войско и направил его навстречу Ахмату. В то же время по его приказу сильный отряд на судах спустился вниз по Волге для нападения на ордынские улусы (в тыл врага), а союзник князя крымский хан Менгли-Гирей двинулся против Казимира IV. Казалось бы благоприятная для хана Ахмата обстановка вдруг резко изменилась: Казимир подвергся нападению крымских татар, а русский отряд громил улусы Большой Орды. Простояв на р. Угра больше месяца, Ахмат наконец поспешно покинул позиции, но, отступая, решил отомстить Казимиру, опустошив часть литовских земель⁶⁰. «Стоянием» на Угре по сути закончилось 240-летнее татаро-монгольское иго. Поход 1480 г. ускорил окончательное разложение Золотой Орды. В 1481 г. хан Ахмат был убит, а в 1502 г. Золотая Орда сама пала под ударами крымских и тюменских татар⁶¹.

А тем временем перед русским государством встали новые военно-стратегические задачи: воссоединение русских земель, захваченных соседями, а также надежное обеспечение северо-западных районов и западных границ. Выполнить все это можно было лишь с помощью военных действий против Польши, Литвы и Ливонского ордена. В войнах против западных противников (1480—1503, 1512—1522) военная стратегия Московского государства получила дальнейшее развитие. В принципе она явилась продолжением политики «собирания Руси». Стратегическими целями войны стало отвоевание русских земель, захваченных поляками, литовцами и ливонцами в период татарского ига. Весьма важно было вернуть Смоленск и Чернигов — старинные русские города, которые служили опорными пунктами обороны на западной границе страны. Стратегическое значение Смоленска, как дальнего подступа к Москве, хорошо понимали московские великие князья. Но для государства этот город имел и огромное экономическое значение. Через Смоленск проходил самый короткий путь в Западную Европу. Он был узлом торговых путей из Прибалтики, Польши и Поднепровья.

Московские князья всегда умело использовали выгоды политической обстановки. Так, Иван III заключил союз с молдавским господарем, установил дружественные отношения с венгерским королем и укрепил союз с крымским ханом Менгли-Гиреем. На высоком уровне был разработан стратегический план, по которому русским

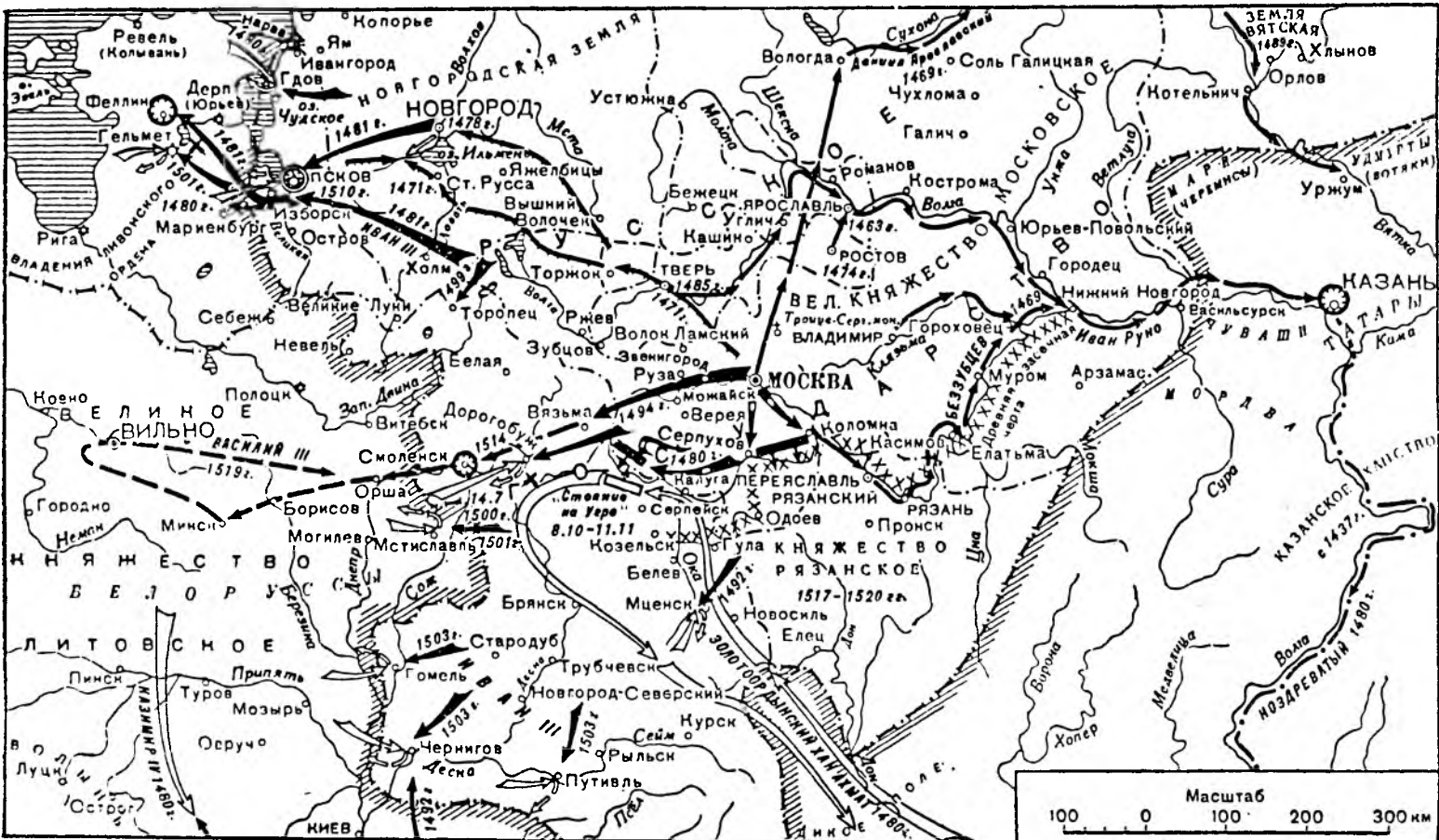

Схема 3. Походы московской рати в конце XV — начале XVI вв.

и татарским войскам предстояло выступать в тесном взаимодействии. Пожалуй, впервые за триста лет татары становятся союзниками Москвы не на тактическом, а на стратегическом уровне. План этот был основан на последовательном разгроме противников, в первую очередь Ливонии. Предпринятый в 1481 г. поход завершился заключением перемирия, которое было подписано в 1482 г.

Достигнув успеха в борьбе с ливонцами, Иван III начал войну с Литвой. Отличительной чертой военной стратегии в тот период было то, что русское командование перенесло военные действия на территорию противника. Хотя война оказалась тяжелой и на отдельных ее этапах русские войска решали оборонительные задачи, все-таки в целом в ней преобладали наступательные действия. Вторжение на территорию противника осуществлялось несколькими группировками с разных направлений, что в значительной мере затрудняло врагу оказание сопротивления. Направления для действий войск выбирались с таким расчетом, чтобы наступление имело охватывающую форму. Командование русского войска стремилось захватить и удержать стратегическую инициативу в своих руках.

В XV в и первой половине XVI в., когда происходил процесс формирования централизованного государства, тревожная внешняя обстановка превратила страну в своеобразный военный лагерь. В связи с тем, что она была вынуждена вести почти непрерывные войны, усложнилась и ее военная стратегия.

Взросшая численность войска, достигавшая иногда 100 тыс. и более, потребовала более совершенного стратегического руководства⁶². К тому же перед московским правительством всегда стояла проблема обеспечения готовности к войне одновременно на двух, а то и на трех направлениях. Да и в случае войны с одним противником никогда не исключалась возможность нападения другого, что вынуждало обеспечивать пограничные рубежи достаточным количеством войска. Чаще всего военные действия разворачивались вокруг крепостей, что, однако, не исключало больших полевых сражений, в особенности с татарами.

Во второй половине XVI в. основные направления военной стратегии не претерпели больших изменений, так как перед русским государством стояла непростая задача — утвердить свое международное значение. Однако достижению этого по-прежнему всячески препятствовали соседние государства. Практически открытой оставалась восточная граница. Здесь Москва постоянно угрожало Казанское ханство, которое к тому же перекрыло русским волжский торговый путь. А на юго-востоке Астраханское ханство закрывало пути в Прикаспийский регион и Персию. Крымские татары преграждали путь к Черному морю. Западные соседи всячески стремились изолировать Московское государство от Европы. Для налаживания политических, экономических и культурных связей с Западной Европой необходим был выход в Балтийское море.

Исходя из сложной внешнеполитической обстановки русское государство стремилось последовательно решить свои насущные проблемы. Многие из них нашли свое разрешение в царствование Ивана IV Грозного (1530—1584). В 1549—1556 гг его основные усилия были сосредоточены на борьбе с Казанским ханством. Если Смоленск открывал путь на Запад, то Казань открывала путь на Восток. Поход в Казанское ханство — это одно из звеньев борьбы с распавшейся, но все еще грозной Золотой Ордой. После успешных действий на востоке, основные стратегические усилия переносятся на запад. В 1558 г. началась ливонская война, которая продолжалась почти 25 лет⁶³.

Задачи в области внешней и внутренней политики Иван IV мог решить только при наличии мощных вооруженных сил, состояние которых не соответствовало его грандиозным замыслам. Без коренной военной реформы ему было никак не обойтись. Реформы осуществлялись на протяжении всего царствования Ивана Грозного. В

ходе их значительно усовершенствовалась вся военная система государства, значительно повысилась боеспособность войск.

Что касается Казанского похода, то несомненно, он выгодно отличался от предыдущих. Стратегический план военных действий правильно определял направление главного удара — на Казань, как основную базу татар, а его искусное осуществление привело к ликвидации угрозы с востока. При наличии точных разведывательных данных о противнике войска сосредоточивались и разворачивались в полном соответствии с реальной обстановкой и на основе опыта предыдущих военных действий. Особого внимания заслуживают последовательность и настойчивость русского командования в достижении намеченных стратегических целей. На регулярно собираемых военных советах определялся характер действий войск на каждом этапе похода, с учетом всех возможностей распределялись силы и средства. Уже здесь можно наблюдать зачатки организации централизованного снабжения войск⁶⁴. Заметно улучшилась организация похода, осадных работ и штурма крепости, возросла роль артиллерии.

С завоеванием в 1552 г. территории Казанского ханства и присоединением спустя четыре года Астрахани значительно снизилась военная напряженность на восточных рубежах русского государства. Торговый путь по Волге был наконец освобожден, что позволило активизировать взаимовыгодные экономические связи между Московским государством и Азербайджаном, Персией и Индией, с Сибирью и Средней Азией. Вместе с тем включение в состав русского централизованного государства Казани и Астрахани создало благоприятные предпосылки для того, чтобы решить давно назревшие проблемы на западе.

Ливонская война — самая крупная из всех войн, которые вела Москва в XVI в. Для ее ведения потребовалось напряжение всех сил государства. Однако цель оправдывала средства: выход в Балтийское море стоил этого. В свою очередь, со стороны Ливонии, Литвы и Польши война велась за сохранение блокады Руси при поддержке многих западных стран. Ливонскую войну русскому государству пришлось вести одновременно с несколькими противниками и на нескольких направлениях. Благодаря умело осуществляемой внешней политике Ивану Грозному удавалось в ходе войны заключать временные перемирия с польско-литовским правительством и со Швецией, а также вести искусные переговоры с германским императором. Хотя это было лишь временным средством, но все же способствовало достижению главной цели в войне.

В стратегическом отношении особый интерес представляют действия войск на различных направлениях, причем как против нескольких противников, так и против одного, например, Ливонского ордена в первые годы войны. Ливонию с ее многочисленными городами-крепостями, где сосредоточивались все военные силы, можно было сокрушить лишь после захвата этих городов. Аналогичных действий придерживались польско-литовские и шведские войска.

К 1570 г. внешнеполитическая обстановка для Руси резко ухудшилась в связи с тем, что закончилась шведско-датская война, продолжавшаяся семь лет, и Швеция получила возможность вступить в войну с Русью. А объединение Литвы и Польши в одно единое государство Речь Посполитую (Люблинская уния 1569 г.), разумеется, также ослабляло военно-стратегическое положение Руси. К тому же полякам удалось вовлечь в войну Турцию и крымских татар. В 1571 г. крымский хан совместно с турецкими янычарами совершил поход на Москву и сжег московский посад.

Военные действия в Ливонии продолжались почти непрерывно. В 1579 г. Иван IV снова готовился предпринять решительный поход в Ливонию, но в начале августа польский король Стефан Баторий, нарушив заключенное до того перемирие, с большим войском осадил, а затем взял Полоцк. В 1581 г. тот же Баторий привел свои

войска под стены Пскова. Осада города продолжалась четыре с половиной месяца. Защитники его совершили множество вылазок. Исключительная стойкость русских не позволила Баторию, располагавшему почти 100-тысячным войском, взять город. Пока Псков находился в осаде, шведские войска под командованием Я. Делагарди захватили Нарву, Ивангород и Ямгород. В январе 1582 г. Ивану IV удалось на 10 лет заключить перемирие с Баторием, правда, по условиям этого перемирия русским пришлось временно отказаться от Ливонии. Но игра стоила свеч: теперь можно было все силы сосредоточить против Швеции. Однако вскоре, несмотря на заключенное перемирие, польско-литовское правительство вмешалось в войну России со Швецией и потребовало от русского царя прекращения военных действий. В начале 1583 г. Иван IV заключил трехлетнее перемирие со Швецией.

Так и не решив поставленную задачу, — выйти к Балтийскому морю — закончилась 24-летняя Ливонская война. Правда в ходе ее был уничтожен Ливонский орден — плацдарм немецкой агрессии в Прибалтике. Столь продолжительная война из-за неудач последних трех лет ухудшила положение русского государства на северо-западной и западной границах. Враждебно настроенные соседние государства заняли выгодные позиции для дальнейших и еще более глубоких вторжений, которые были предприняты в начале XVII в.

Московское государство в первые годы XVII столетия переживало один из самых тяжелых этапов своей истории — Смутное время. Самое страшное — польские войска оказались в Москве. Король Сигизмунд стремился закрепить за Польшей огромную территорию по линии Торопец—Ржев—Дмитров—Москва—Ярославец—Путивль. Шведские интервенты, пользуясь благоприятным моментом, захватили Новгород и продвинулись на Псков, Полоцк и Тихвин.

Не осталась в стороне и Англия, разрабатывавшая планы силой оружия овладеть русским Севером, а потом — волжским путем, чтобы проникнуть в бассейн Каспийского моря. Агент английской разведки купец Джон Меррик в своем докладе в Лондон писал: «Довольно известно, в каком жалком и бедственном положении находится народ Московии последние восемь или девять лет ... большая часть страны, прилегающая к Польше, разорена, выжжена и занята поляками. Другую часть со стороны пределов Швеции захватили и удерживают шведы под предлогом помощи... Север — та часть России, которая еще более всех отделена от опасности как поляков, так и шведов, самая выгодная для нас и самая удобная для торговли». По его мнению, «Россия должна стать складом восточных товаров Англии»⁶⁵.

Внутриполитическое положение Московского государства было просто катастрофическим. Прежний государственный аппарат распался. Не было ни центрального правительства, ни казны, ни войска. Между различными группировками шла отчаянная борьба за власть. Угроза полной потери национальной независимости нависла над русским государством. В этих тяжелых условиях развернулось национально-освободительное движение русского народа. Значительную роль в решении военно-стратегических задач по освобождению своей страны от захватчиков сыграло народное ополчение.

Народные вооруженные выступления показали и сильные, и слабые стороны освободительного движения. Главное, что моральное превосходство было на стороне народа, это-то и явилось в конечном итоге залогом успеха. Тем не менее недостаточная организованность, отсутствие единого военного руководства, слабое вооружение не позволяли добиться ощутимых успехов. В процессе борьбы против иноземных захватчиков различные слои населения все больше убеждались в пагубности сепаратизма, в неэффективности разрозненных отрядов. Центром организации народного ополчения стал Нижний Новгород, а в качестве вождей его выступили Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский.

Схема 4. Войны второй половины XVI века за восстановление русских земель

Военная стратегия Минина и Пожарского была целиком подчинена идее освобождения от интервентов. Ее характерными черты: мобилизация духовных и материальных сил народа, накапливание боевого потенциала народного ополчения, тщательная политическая, материальная и военная подготовка предстоящих боевых действий, разработка стратегического плана, предусматривавшего мирные переговоры со шведами для сосредоточения основных усилий на освобождении Москвы, а потом и разгроме противника по частям. Все это в конечном итоге привело к победе и созданию благоприятных возможностей для полного очищения территории русского государства от захватчиков.

После освобождения Москвы военные действия на русских землях продолжались еще несколько лет, так как в руках интервентов оставались многие русские города, в том числе Смоленск у поляков, Новгород у шведов, которые задумали отторгнуть все новгородские земли. Народное ополчение после освобождения Москвы было распушено.

В 1613 г. собравшийся наконец Земский собор утвердил на царствование Михаила Федоровича Романова (1613—1645). Перед его правительством стояла огромной важности военно-стратегическая задача — закончить освобождение государства от иноземных захватчиков и ликвидировать последствия интервенции. Прежде всего необходимо было воссоздать боеспособные вооруженные силы. В качестве первого шага было увеличено число служилых дворян и детей боярских, составлявших дворянское ополчение. В то же время за счет роста числа городских стрельцов стрелецкое войско превысило размеры дворянского ополчения. К 30-м годам XVII в. общее количество ратных людей было доведено до 100 тыс. человек, но из них в полковой службе находилось не менее 20 тыс. человек, выполнявших пограничную службу⁶⁶. В 1630—1632 гг. создаются шесть солдатских (пехотных) и рейтарский полки. Они стали основой полков нового строя⁶⁷.

Укрепление русского государства после успешно завершившейся борьбы с интервенцией позволило правительству предпринять шаги к возвращению русских земель. Борьба, направленная на то, чтобы воссоединить русские земли, а также отвоевать территории Украины и Белоруссии продолжалась на протяжении всего XVII в. Важнейшими военными событиями этого периода явились русско-польские войны (1632—1634, 1654—1667), русско-шведская война (1656—1658), война с Турцией — Чигиринские походы (1677—1678).

Если в начале XVII в. Московия вынуждена была занимать стратегическую оборону и отражать нашествие в центре своего государства, то в середине этого столетия русская армия перешла к наступательным действиям с целью освободить исконно русские земли, захваченные соседями, а также получить выход к Балтийскому морю. В связи с тем, что достижение этих целей являлось жизненно необходимым для дальнейшего развития государства, военная стратегия приобрела активный характер.

Русская армия нацелена была на то, чтобы нанести решительный удар каждому из противников в отдельности. В результате Речь Посполитая потерпела поражение в 1654—1656 гг., а Швеция — в 1656—1657 гг., хотя достаточных сил для разгрома объединившихся противников у Московского государства не было. Тем не менее последствия этих войн имели важное значение. В результате войны с Польшей Левобережная Украина была окончательно присоединена к России.

Разумеется, активность и решительность в стратегии русского государства в середине и второй половине XVII в. явились отражением политического и экономического усиления государства. Однако эта стратегия еще не была достаточно последовательной в достижении главной стратегической цели, не всегда правильно использовались противоречия между противниками. Слабость военной стратегии этого периода объясняется ограниченностью военных сил государства.

В ходе военных действий русская армия неоднократно показывала свою подготовленность к совершению маршей на значительные расстояния с сохранением боеспособности, большую для своего времени подвижность, умение переносить главные усилия с одного направления на другое. Если началу войны с Польшей предшествовала тщательная подготовка театра военных действий и войск, то в войну со Швецией русская армия вступила без какой-либо предварительной подготовки. Несмотря на это, ее высокая боеспособность позволила перебросить войска с территории Белоруссии в район Прибалтики, нанести по шведской армии мощный удар и в итоге добиться больших территориальных успехов.

Именно во второй половине XVII в. в военной стратегии зародились те характерные черты, которые в начале следующего столетия всесторонне развил Петр I. В этом отношении связь времен неоспорима. «Преклоняясь перед гением великого императора-полководца, мы, однако, далеки от мысли, якобы до него не существовало самостоятельных начал в русском военном искусстве ... Основанием петровских реформ служили, главным образом, положения, выработанные допетровской армией, что он исходил из них, а не исключал, заменив их иноземными, без всякого внимания к выработанному вековым опытом «русского боя», — писал военный историк XIX в. Д. Масловский⁶⁸.

4. Военная стратегия Российской империи в XVIII в.

Россия на рубеже XVII—XVIII вв. была мощным, быстро развивающимся государством. Она представляла собой крупнейшую континентальную державу с населением более 13 млн. человек, занимала обширную территорию от верховья Днепра на западе до Тихого океана на востоке и от берегов Ледовитого океана на севере до границ Китая на юге.

Вместе с тем, значительная часть исконно русских земель, захваченных Польшей, Турцией и Швецией в XVII в., оставались еще чужеземным владением. Россия была лишена естественных выходов к берегам Черного и Балтийского морей, что задерживало ее дальнейшее развитие. Особенно важной для русского государства стала задача возвращения выхода к Балтийскому морю, захваченного шведами. Швеция всячески стремилась изолировать Россию от важнейших морских торговых путей. Шведский король Густав-Адольф писал: «Нева и Нарва могут служить для шведской территории воротами, которые легко во всякое время запереть для русских. Русские совершенно отрезанные от Балтийского моря, так что они на волны его не могут опустить даже лодки»⁶⁹. В конце XVII в. перед Россией встала и вторая важная задача — борьба за выход к Черному морю. Решить обе эти задачи можно было лишь военным путем, что отразилось на всех аспектах российской внешней и внутренней политики.

Первая четверть XVIII столетия неразрывно связана с резкой активизацией внешнеполитической деятельности России и глубокими преобразованиями во всех областях ее общественной жизни — в экономике, административно-политическом устройстве, в культуре и особенно в военном деле. Радикальному реформированию подверглись все государственные структуры. Создавались предпосылки для превращения российского государства в могущественную империю. Постепенно Россия преодолевала свою вековую отсталость от Запада. Одновременно формировались элементы новой, имперской, политики и соответствовавшие ей элементы военной стратегии. Важнейшая роль в этом принадлежит Петру I (1689—1725), который с 1721 г. стал первым российским императором. Его решительные нововведения, по образному выражению современников, «подняли Россию на дыбы».

Для разрешения вставших перед Россией новых внешнеполитических задач Петр провел глубокие военные реформы, что позволило коренным образом реорганизовать ее вооруженные силы. Много новшеств он внес как в военную политику, так и в стратегию. Новые направления в стратегии Петра I обозначились уже в ходе войны с Турцией, которую Россия вела в 1695—1700 гг. В ходе ее предполагалось решить две основные стратегические задачи: обезопасить юг страны от постоянных набегов крымских татар и выйти к Черному морю, на берегах которого беспредельно господствовала Оттоманская Порта. Из двух Азовских походов (1695 и 1696) первый оказался неудачным. Однако заслуживает внимание то оригинальное стратегическое решение, которое принял молодой царь. Во всех предыдущих походах против Турции русские войска, как правило, продвигались через Украину, вдоль Днепра, чтобы выйти непосредственно в Крым. В отличие от своих предшественников Петр отказывается от крымского направления, как главного, и решает вначале овладеть Азовом. В этом замысле отразилось все своеобразие петровской военной стратегии, иначе говоря, умение учитывать конкретные условия обстановки и соразмерять выдвигаемые стратегические задачи с наличными средствами.

Однако взять Азов в 1695 г. не удалось. Войска, в том числе и командный состав, еще не были достаточно подготовлены, чтобы справиться с осадой крепости. Выявилась полная непригодность существующей организации войск, а также слабость их комплектования и обучения. В войсках не хватало артиллерии, да и действия ее оказались малоэффективными. К тому же отсутствие флота не позволяло России блокировать крепость с моря и со стороны р. Дон. Давало о себе знать и отсутствие единого командования войсками. Тем не менее неудачный штурм Азова, понесенные крупные материальные затраты и боевые потери в войсках не обескуражили Петра I. Более того, он проявил одно из ценнейших качеств истинного полководца — умение всесторонне учитывать боевой опыт, делая правильные выводы из допущенных ошибок.

Подготовка ко второму Азовскому походу была проведена в стратегическом отношении гораздо лучше, ее отличали масштабность и невиданные для того времени темпы. В Воронеже и его окрестностях развернулось строительство 1 300 стругов, 300 морских лодок, 22 галер и 4 брандеров, заложены 2 крупных морских корабля⁷⁰. Одновременно усиливались сухопутные войска. Их численность, по сравнению с первым походом, возросла вдвое и была доведена до 70 тыс. человек⁷¹.

Осада Азова в 1696 г. была тщательно спланирована и всесторонне организована. Взаимодействие пехоты и флота позволило блокировать Азов как с суши, так и с моря, что лишило гарнизон крепости всякой помощи извне. Но больше всех отличились казаки: подобравшись к турецкой эскадре на лодках, они сожгли ее. Успех осады был обеспечен. 19 июля 1696 г. турецкому гарнизону пришлось сдать крепость. Несомненный успех русских войск под Азовом был обусловлен хорошо разработанным стратегическим планом, четкими совместными действиями армии и флота, установлением единого стратегического руководства.

Наконец-то Россия получила выход к морю, правда, пока только Азовскому. Однако сам по себе Азов не мог стать военно-морской базой для завоевания господства на этом море и дальнейших действий против Крыма. Поэтому в 1698 г. было решено построить новую крепость у Таганрога — Троицкую и приступить к сооружению большого флота. Для этого было создано 49 «кумпанств». Все они обязались спустить на воду по одному кораблю. К 1702 г. на Таганрогском полуострове было сооружено еще три крепости: Оленовская, Павловская и Черепихинская. Каждый год в строй вступали все новые боевые корабли. Появление русского флота в Азовском море заставило турок ускорить заключение мира с Россией⁷². Словом, хотя Петру I и не удалось полностью решить черноморскую проблему, взятие Азова

и устройство морских баз позволили резко улучшить стратегическое положение на юге России.

Азовские походы явились для русского царя первой серьезной боевой школой. Приобретенный опыт наложил отпечаток на всю его последующую полководческую деятельность. Главное, он понял, какое значение для успеха войны имеет тщательно продуманная и заблаговременно проведенная подготовка вооруженных сил и театра предстоящих военных действий. Вместе с тем Азовские походы наглядно убедили его в том, насколько отсталой является военная организация России, как плохо подготовлены в боевом отношении стрельцы и поместная конница, сколь необходимо иметь регулярную армию и сильный военно-морской флот. Такие неутешительные выводы заставили Петра I еще решительнее реформировать вооруженные силы.

Военные реформы имели своей главной целью создание регулярной армии и флота на основе новой системы комплектования войск. Указом Петра I в 1705 г. вводится рекрутская повинность. И отныне ежегодно государство с помощью рекрутских наборов из податных сословий крестьян и горожан комплектовало рядовой состав. Рекруты отбирались из расчета один человек с 20 дворов⁷³. Всего с 1705 по 1725 гг. было проведено свыше 50 таких наборов, они дали вооруженным силам почти 400 тыс. человек⁷⁴. Рекрутская повинность была передовой по тем временам системой, так как давала возможность иметь большую постоянную национальную армию. Установленный единый принцип комплектования стал важным звеном в создании регулярной армии и флота. Комплектование командного состава осуществлялось путем узаконенной обязательной государственной службы дворян. Для подготовки офицеров был учрежден ряд военных школ. В целом, введенная царем новая система комплектования армии и флота солдатами и офицерами позволила создать вооруженные силы, способные успешно решать крупные внешние и внутренние задачи государства. Армия получила мощный источник пополнения, что положительно сказалось на ходе Северной войны (1700—1721).

Одновременно происходили важные изменения в организации и устройстве войск. В первое десятилетие XVIII в. вооруженные силы России состояли из полевой армии, гарнизонных войск, ландмилиции и иррегулярных частей. На основе опыта Северной войны в 1711 г. было разработано штатное расписание, в соответствии с которым полевая армия имела теперь 2 гвардейских, 5 гренадерских, 35 пехотных, 33 драгунских и артиллерийский полки. Они сводились в отдельные армии, дивизии и бригады непостоянного состава⁷⁵. Гарнизонные войска размещались в крупных городах для поддержания там внутреннего порядка. Кроме этого они выполняли функции запасных войск и резервов для полевой армии, готовили, обучали и поставляли рекрутов.

Полностью новая организация войск оформилась к 1716 г. Ее положения были закреплены царем в «Уставе воинском». Этот документ с полным правом можно назвать выдающимся, так как он подводил итог целой исторической эпохи русской армии и обобщал ее боевой опыт⁷⁶. Основной принцип организации полевой армии был изложен в этом уставе следующим образом: «Нужно иметь армию свою, смотря неприятельской силы и онаго намерения, дабы его во всех делах упреждать и всячески искать неприятеля опровергнуть»⁷⁷.

В ходе военных реформ была проведена и коренная реорганизация всей системы военного управления. Существовавшие ранее приказы были упразднены. С 1720 г. учреждается Военная коллегия, как орган центрального управления войсками. Фельдмаршал А. Д. Меншиков был назначен первым президентом Военной коллегии. Управление Военно-морским флотом осуществляла Адмиралтейств-коллегия. В военное время во главе действующей армии стоял главнокомандующий, подчиненный непосредственно царю, при котором создавался Военный совет, игравший роль сове-

щательного органа, и полевой штаб во главе с генерал-квартирмейстером. По сути квартирмейстерская служба явилась прообразом службы Генерального штаба. В обязанности генерал-квартирмейстера входило изучение района предстоящих боевых действий, организация передвижения и размещения войск, сбор сведений о противнике, подготовка карт, руководство строительством укреплений, мостов и пр.

В Воинском уставе 1716 г. чину генерал-квартирмейстера придается особое значение, а потому назначать на эту должность необходимо «мудрого, разумного и искусного человека», обладающего к тому же знаниями по географии, фортификации и артиллерии, «а особливо надлежит ему генеральную оную землю знать, в которой свое и неприятельское войско обретается»⁷⁸.

Проводимое в рамках военных реформ перевооружение армии завершилось к 1709 г. Пехота получила однотипное огнестрельное оружие: гладкоствольные ружья с ударно-кремневым замком и трехгранным штыком. Артиллерии было уделено особое внимание. Принятая единая система типов и калибров облегчила их производство и использование в боевых действиях. Наряду с реорганизацией армии Петр I продолжал развертывание военно-морского флота, без которого невозможно было утвердиться на Балтийском море. К 1722 г. флот на Балтике насчитывал уже 130 (из них 32 линейных) парусных и почти 400 гребных судов⁷⁹. Военные реформы осуществлялись Петром I в период практически непрекращавшихся военных действий. Тем не менее ему полностью удалось претворить в жизнь задуманное.

Планируя и в дальнейшем борьбу с Турцией за выход в Черное море, Петр пытается расширить коалицию государств, готовых выступить против нее. И это ему удается. Сразу же после взятия Азова в Вене был заключен договор с Австрией и Венецианской республикой, по которому союзники обязались вести совместную борьбу с Турцией. Но такой, довольно слабый в военном отношении, союз не мог обеспечить быструю и решительную победу. Поэтому Петр I делает попытку привлечь к нему ряд других западноевропейских государств. В Европу направляется «Великое посольство». В этой поездке участвует и сам Петр I, но инкогнито. Миссия посольства успеха не имела, так как Англия, Франция, Голландия и другие государства были озабочены предстоящей войной за испанское наследство, и им не было дела до войны с Турцией. Тем не менее путешествие по странам Западной Европы дало возможность Петру вникнуть в характер международных отношений на рубеже XVII—XVIII вв. Выяснилось также, что внешнеполитическая обстановка вполне благоприятствует разрешению более важной для России задачи — возвращению выхода к Балтийскому морю. Достигнуть этой цели можно было одним способом — войной со Швецией.

Петр начинает активную дипломатическую подготовку этой войны. Прежде всего Россия должна была добиться мира с Турцией. Заключенный в 1699 г. союз с Данией и Саксонией был направлен на совместную борьбу со шведами. Дания и Саксония обязались открыть военные действия, Россия же — присоединиться к ним сразу после заключения мира с Турцией⁸⁰, а кроме того поддерживать саксонского курфюрста Августа II в его притязаниях на польский престол. 9 августа 1700 г. Петр получил сообщение о мирном договоре, подписанном с Турцией, и уже на следующий день Россия объявляет войну Швеции.

В соответствии с соглашением, достигнутым Россией с Данией и Саксонией, предусматривался следующий стратегический план. Дания первой должна начать активные действия против шведских провинций в Голштинии и других районах, а также развернуть борьбу на море. Одновременно Саксония начинает военные действия в Прибалтике с задачей овладеть Ригой, а далее перенести усилия в Курляндию и Эстляндию. России предстояло открыть военные действия в Карелии и Ингерманландии. Дания имела сравнительно небольшую армию — 15—20 тыс. человек.

Саксония могла выставить около 20 тыс. человек. Россия располагала 40 тыс. человек. Причем силы союзников были разбросаны на разных театрах войны. Швеция же кроме крупного флота обладала сильной армией численностью 140 тыс. человек⁸¹.

Шведская армия, хорошо вооруженная и обученная, по праву считалась лучшей в Западной Европе, а король Швеции Карл XII — крупным полководцем. Он отличался решительностью в военных действиях. В отличие от общепринятого в то время правила Карл XII предпочитал сражение бесплодному маневрированию на коммуникациях противника. Свой стратегический план он построил на расчете вывести из войны сначала Данию, затем Польшу, после чего всеми силами обрушиться на Россию.

Северная война продолжалась более 20 лет и включала три периода (1700—1706, 1706—1709 и 1710—1721). Первый ее период — это в основном борьба России за овладение устьем Невы и всей Ингрией (Ижорской землей). Петр I добивался осуществления единого плана действий всей коалиции. Учитывая благоприятную политическую обстановку, он стремился действовать быстро, решительно, последовательно. В соответствии со стратегическим планом Петра, русская армия вступила в Ингрию с целью овладеть устьем Невы. Уже в ходе этого предполагалось решить главную стратегическую задачу — достигнуть выхода к Балтийскому морю. При этом принималось во внимание то обстоятельство, что здесь, в самом уязвимом месте в системе неприятельских крепостей, построенных Швецией вдоль всей границы с Россией, удастся без особого труда разбить противника.

Свой стратегический план Петр обеспечил соответствующей группировкой войск и созданием баз на театре военных действий. Новгород и Псков стали тыловыми базами. Такой план резко отличался от канонов маневренной стратегии, целиком соответствовал обстановке, задачам и особенностям театра войны, а главное — исходил из реального соотношения сил. Его осуществление обеспечивала созданная группировка русских войск. Но план так и остался планом. В значительной мере неудача объясняется действиями датской и саксонской армий. Пассивность союзников вынудили Петра внести коррективы в свои действия: перенести главные усилия с устья Невы на Нарву.

Стремясь захватить инициативу, Карл XII заключил с Англией военное соглашение. С помощью англо-голландской эскадры он высадил войска на территорию Дании и двинулся на Копенгаген⁸². Король Дании немедленно капитулировал. Такого рода повороты в военных событиях были весьма характерны для малых государств Западной Европы в то время.

После победы над Данией Карл XII повел наступление против русской армии, осаждавшей Нарву. Сражение под Нарвой состоялось 19 ноября 1700 г. В то время как русские войска насчитывали около 34 тыс. человек и 145 орудий, у шведов было 23—25 тыс. человек и 37 орудий⁸³. Несмотря на численное превосходство, русская армия потерпела сокрушительное поражение, лишившись 8 тыс. человек убитыми и пленными. Главной причиной поражения явилось то, что русская армия представляла собой слабо обученные, не имевшие боевого опыта части, не готовые к войне с таким опасным противником, как шведы. «Единым словом сказать, — писал Петр I, — все то дело, яко младенческое игранье было, а искусству ниже вида; то какое удивление такому старому обученному и практикованному войску над таким неискусным сыскать викторию»⁸⁴.

Карл XII, уверенный, что Россия после поражения под Нарвой быстро не восстановит свои силы, двинул войска в Польшу и Прибалтику. Используя это, Петр I начинает интенсивную перестройку армии, мобилизовав для этого все внутренние ресурсы страны. Проведенная им огромная работа по укреплению военно-экономической мощи государства и строительству вооруженных сил дала свои плоды. Россия в ко-

роткие сроки получила возможность снова вступить в борьбу с главными силами Швеции.

С 1701 по 1704 гг. соприкосновения главных сил не было, хотя военные действия почти не прекращались. Стратегия Петра I в эти годы состояла в сосредоточении основных усилий на том, чтобы вернуть России устье реки Невы, а также в стремлении добиться изменения соотношения сил к моменту решающих сражений. Выполняя этот стратегический план, русские войска в 1702 г. в ходе штурма взяли две крепости — Мариенбург и Нотебург (Шлиссельбург), затем овладели шведской крепостью Ниеншанц. Выход к Финскому заливу был завоеван. У устья Невы была сооружена первая морская крепость — Петропавловская. Под ее защитой 16 мая 1703 г. был заложен Санкт-Петербург⁶⁵.

В следующем году Петр сосредоточил основные усилия на том, чтобы овладеть Нарвой. С 30 мая началась осада крепости. Русские войска насчитывали 22 тыс. человек и 100 орудий, а шведские — 4,5 тыс. человек и 529 орудий. 9 августа после штурма гарнизон крепости сложил оружие. Потери русских войск составили 1 650 человек убитыми и ранеными, шведские потери — 2 700 человек убитыми и ранеными, 1 800 человек сдались в плен. Овладение Нарвой существенно улучшило положение России в Прибалтике. Противник был отброшен на линию Ревель—Пернунв—Рига. Русская армия очистила от шведов Ингерманландию, Эстляндию и Лифляндию. Чтобы обезопасить Петербург, надо было спешить с созданием сильного флота на Балтийском море.

Только что завершившиеся военные действия показали, что стратегический план Петра отвечал условиям сложившейся обстановки. При недостатке сил главное внимание обращалось на накопление резервов и быстрый маневр войсками. В результате активных действий в 1701—1704 гг. удалось разбить по частям все шведские войска в районе Финского залива и на берегах Невы. При общем оборонительном плане войны Петр I уже в тот период сумел достичь первой части стратегической задачи. Россия получила долгожданный выход к Балтийскому морю. Молодая русская армия приобрела боевой опыт и поверила в свои силы. «Наконец достигли мы того, — писал Петр, — что шведов уже побеждаем»⁶⁶.

Накопив значительные силы, Петр в 1705 г. переходит к более активной стратегии. Теперь основные усилия переносятся в Польшу, куда было направлено около 40 тыс. пехоты и 20 тыс. конницы. Наступление главных сил русской армии в Польше было обусловлено военно-политической необходимостью, так как Август II, потерпев ряд поражений, уже подумывал о заключении мира со Швецией. Именно здесь Петр I показал образец выполнения союзнических обязательств, понимание требований коалиционной стратегии. Теперь предстояло вести борьбу на новом, весьма трудном театре военных действий. Начался второй период Северной войны.

Русские войска, действуя по двум стратегическим направлениям (Полоцк, Шяуляй и Вильно, Гродно), нависли над флангом и тылом шведов. Карлу XII пришлось ослабить наступательные действия против польско-саксонских войск. Петр I добился своего: Август II не вышел из войны, существенно улучшилась для России политическая обстановка в Польше. Вместе с тем активные боевые действия на западном театре содействовали закреплению позиций, завоеванных русскими в Прибалтике, а главное — было выиграно время для дальнейшего укрепления армии и флота.

Однако уже в начале 1706 г. Карл XII, воспользовавшись уходом саксонских войск из-под Гродно в Саксонию, нанес внезапный удар по Гродно, который обороняли 35 тыс. русских. В марте русская армия вырвалась из окружения и отошла к Киеву. Этот маневр сорвал план шведов по разгрому русской армии. Но тем временем осложнилось положение в Польше. Шведский король двинулся основными силами на Волынь, где нанес сокрушительный удар по польско-саксонским вой-

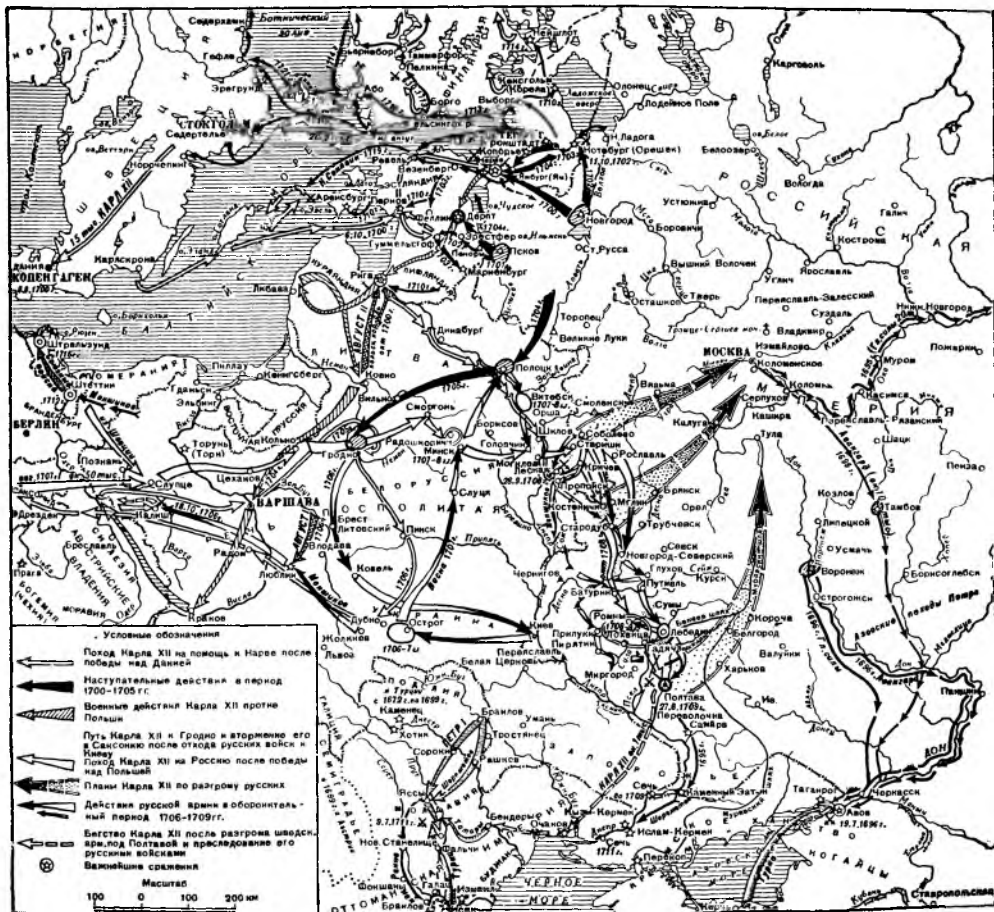

Схема 5. Северная война и другие войны, веденные Россией при Петре I

скам. Осенью 1706 г. Карл XII занял большую часть центральной Польши, что вынудило Августа II подписать унижительный Альтранштадский мир, в соответствии с которым Польша разрывала союз с Россией. Это позволило шведам окончательно закрепиться в Польше и перейти в наступление против русской армии. Свой главный удар Карл XII на этот раз нацелил на Москву. Шведская армия начала стремительное продвижение из района Средней Вислы. Выйдя на коммуникации русской армии, шведы отрезали часть ее в западных районах Белоруссии. Русские войска оказались в очень тяжелом положении: наступала зима, фураж и продовольствие были на исходе, крупные силы врага вклинились между разрозненными группировками русских войск. К счастью, Петр I проявил себя как настоящий стратег. Он посчитал, что в таком случае «лучше здоровое отступление, нежели безмерный газарт» (азарт — *Ред.*)⁸⁷.

В декабре 1706 г. в местечке Жолкиеве, что под Львовом, собрался военный совет, на котором был разработан план дальнейшего ведения войны. Жолкиевский план имел в своей основе организацию активной обороны в районах Польши и Белоруссии, чтобы ослабить армию противника и создать для русских более выгодные условия. Участники совета сошлись на том, чтобы «встретить противника в Польше, но решительного сражения в Польше не давать, понеже ежели какое несчастье учинилось, то бы трудно иметь ретираду и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимость требовать будет; а в Польше на переправах и пасах, также оголошение провианта и фуражу, томить неприятеля»⁸⁸.

В конце декабря 1707 г. армия Карла XII начала поход на Россию. План шведов заключался в том, чтобы главными силами, насчитывавшими 44,5 тыс. человек, наступать на Москву через Смоленск. Корпусу генерала Либекера (14 тыс. человек) ставилась задача овладеть Петербургом, а корпусу А. Левенгаупта (16 тыс. человек) — выдвигаться из Риги на соединение с главными силами для последующих действий на московском направлении.

Петр I разгадал этот замысел противника. Он противопоставил ему свой стратегический оборонительный план. Сосредоточив основные силы для прикрытия московского направления, он с боями отводил их в глубь страны, изматывая силы противника в оборонительных боях, уничтожая их по частям ударами подвижных отрядов, нарушая коммуникации, снабжение и т. д. Противник очень скоро стал испытывать острый недостаток в продовольствии и фураже. На русской земле не оправдалось привычное для шведов правило — «война должна питать войну». Вот почему Карл XII уже в октябре 1708 г. вынужден был отказаться от похода на Москву и повернуть на Украину. Искусными действиями Петр I добился изменения стратегической обстановки⁸⁹.

Именно в этот период Петр I разработал и использовал новые формы активных военных действий. Отныне маневр стал не самоцелью, а средством создания наиболее благоприятных условий для генерального сражения и полного разгрома армии неприятеля. С большим умением Петр применяет летучие отряды, выделенные от главных сил. Их задача — наносить удары по разнуженым коммуникациям врага. Дальнейшее развитие получает линейный боевой порядок, который позволял в полной мере использовать силу стрелкового оружия.

Самым знаменательным событием в тот период явилась победа русских войск при р. Лесной. 28 сентября 1708 г. там был разгромлен корпус Левенгаупта. Соотношение сил сразу же изменилось в пользу русской армии. Одновременно войска Ф. М. Апраксина нанесли поражение корпусу Либекера. В результате стратегическая инициатива перешла в руки Петра I. Зимой 1708/1709 гг. международная обстановка складывалась в лучшую для России сторону. Продолжавшаяся война за испанское наследство не позволила включиться в Северную войну европейским державам.

Петр I добился изоляции шведских войск от Польши, а искусной дипломатией сорвал все попытки Карла XII втянуть в войну Турцию.

Шведской армии до самой весны не удалось пополнить свои материальные запасы. Стратегия «малой войны» (постоянные удары регулярных войск и партизан) подрывала ее силы. Весной 1709 г. Карл XII в надежде выбраться из стратегического тупика решил быстро овладеть Полтавой, где он рассчитывал дожидаться подкреплений из Турции и Крыма. Оборона Полтавы на три месяца сковала шведские войска, что позволило русской армии сосредоточить в том районе свои главные силы.

27 июня развернулось генеральное сражение Северной войны — Полтавская битва. К тому времени русская армия насчитывала 42 тыс. человек, шведские войска — около 30 тыс. Отразив первоначальный натиск шведов, русские сами нанесли мощный удар. Опрокинув противника, они перешли к его преследованию. Почти вся шведская армия была разгромлена. Ее потери убитыми и ранеными составили 9,2 тыс. человек, пленными — 14,8 тыс.

Полтавская битва имела не только важное стратегическое значение, но и политическое. Она стала поворотным пунктом всей войны, что существенно упрочило внешнеполитические позиции России. Восстановленный на престоле Август II возобновил союз с Россией, Дания вновь примкнула к антишведскому союзу. Масштабы войны расширились: она велась теперь в Прибалтике, Германии, Финляндии, на Балтийском и Северном морях⁹⁰.

Победа под Полтавой — результат тщательно подготовленного и искусно осуществленного стратегического плана. Вместе с тем Петр I проявил себя в этой битве как хороший тактик. Об этом говорят пересеченная местность, выбранная им для генерального сражения, укрепление позиций редутами, построение глубокого боевого порядка, усиление атакующих войск резервами, искусное применение конницы, что во многом и определило успех.

Битва под Полтавой завершила второй период Северной войны и стала ярким свидетельством нарастающей военной мощи России. Ее военная стратегия оказалась непревзойденной. Плановость решения задач, организация военных действий на основе, с одной стороны, точного учета собственных возможностей, а с другой — тщательной оценки противника в сочетании с широтой стратегических замыслов, высокой активностью, стремлением добиться победы путем разгрома главных сил неприятеля в генеральном сражении — все это выгодно отличало русскую военную стратегию от «маневренной стратегии» западноевропейских армий, наглядно проявившей себя в войне за испанское наследство.

После Полтавской битвы главным театром военных действий становится Прибалтика. Разгромив основные силы шведской армии на Украине, Петр решает развить наступление на Ригу, Выборг и Кексгольм с тем, чтобы, овладев этими стратегическими пунктами, приступить к непосредственной борьбе за господство в Балтийском море. И на этом этапе поражает его целеустремленность в решении столь грандиозных задач. Ведь одновременно с мероприятиями по развитию вооруженных сил, в первую очередь по строительству морского флота, предстояло овладеть Ригой, Выборгом и Кексгольмом⁹¹.

Однако, несмотря на успешные для русских военные действия в Прибалтике, их пришлось временно прекратить. Дело в том, что в ноябре 1710 г. Турция, при прямой поддержке Австрии и Франции, объявила войну России. В 1711 г. 40-тысячная русская армия дошла до Прута. Здесь она была окружена в несколько раз превосходящими силами турок. Положение оторванной от баз и окруженной армии было исключительно тяжелым. Петр I немедленно начал переговоры, в результате которых Россия уступила Турции Азов и обязалась срыть укрепления в Таганроге⁹². Прутская кампания 1711 г. завершилась для России неудачно. Однако было бы

ошибкой рассматривать ее изолированно от политики и стратегии Петра I в Северной войне. В Прутском походе он намеревался нанести поражение Турции и тем самым обеспечить успешное ведение Северной войны. Понимая, что выступление Турции неизбежно, Петр тем не менее оставался верным своей главной стратегической линии — добиваться победы над Швецией и закрепить позиции России в Прибалтике. Поэтому план Прутского похода имел в основе своей идею мощного удара в направлении низовья Дуная, чтобы там, привлекая на свою сторону поработанные Турцией народы Балкан, нанести ей крупное поражение. Петр стремился, опередив противника, вывести русские войска к Дунаю до того, как главные силы турок переправятся через реку. В выходе на этот рубеж, а тем более в преодолении районов, бедных продовольствием и водой, он видел важное условие успеха. Однако достичь этого ему не удалось: на сей раз он недооценил силы противника. Пришлось русскому царю отказаться от наступления.

Одной из причин неудач, постигших русских в Прутском походе, было незнание истинного расположения турецких войск, в чем, конечно, виновата разведка, а также ограниченные возможности русской армии.

В инструкции, направленной послам России за границей после Прутского похода, Петр I сообщает: «Объявляем вам, что с великой ревностью шли к Дунаю, дабы турок предварить и получить довольство в провианте, но турки нас упредили и встретились с нами у Прута, где престрашные бои были...»⁹³. Но до полной победы Турции было далеко. Поэтому она пошла на заключение мира, а главное — позволила русской армии уйти с оружием и, что еще важнее, — отказалась от вмешательства в Северную войну.

Теперь Петр I вновь мог развернуть наступление в Прибалтике. Первоочередной задачей для него стало изгнание шведов из Финляндии. Одновременно русские войска под командованием Меншикова действовали в Померании. В то время это была уже провинция Швеции. Стратегическое руководство военными действиями в Финляндии оказалось на высоте — особенно в части организации объединенных усилий армии и флота, особого галерного, лучше всего приспособленного к маневру в изрезанной прибрежной полосе. Весной 1713 г. была снаряжена русская экспедиция под командованием Апраксина. Войску в 17 тыс. человек на гребных судах предстояло овладеть Гельсингфорсом и изгнать шведов из Финляндии, откуда они получали продовольствие и сырье. В указе командующему экспедицией Петр писал: «Ничем так шведов к резону и к склонности к миру не приведем как Финляндией, откуда всем они довольствуются»⁹⁴.

Овладение Гельсингфорсом стало победой стратегического значения, так как русские войска получили военно-морскую базу, удобную для дальнейших действий в Финляндии, а шведы лишились важного опорного пункта на Балтийском море. Хорошая подготовка экспедиции, внезапность и решительность, сочетавшиеся с искусными действиями моряков и десанта, обеспечили этот успех.

Итак, шведские войска в Финляндии разгромлены, сухопутной армии Швеции нанесен чувствительный урон. Однако Швеция все еще оставалась сильной на море. Поэтому для третьего периода Северной войны характерен перенос стратегических усилий на морской театр. Развернувшиеся широкие действия военно-морских сил совместно с высадкой ряда десантов дали свои плоды. Русский флот одерживает блистательные победы у мыса Гангут (1714), и у о-ва Эзель (1719). Теперь для окончательного реванша над Швецией необходимо было перенести военные действия на территорию самой Швеции. Боевые действия шли на суше и на море. В 1719 г. русский флот высадил десант в районе Ваксхольма. Успешно действуя, он стал угрожать Стокгольму. К этому времени русский флот достиг уже полного превосходства на море, что подтвердила победа русских моряков над шведской эскадрой у Гренгама

(1720). Разгромив шведов, русский флот окончательно завоевал господство на Балтийском море.

Война, продолжавшаяся более 20 лет, до предела истощила Швецию. Начались переговоры о заключении мира. 30 августа 1721 г. был заключен долгожданный мир. По условиям Ништадтского мира Россия получила устье Невы и значительную часть побережья Балтийского моря, а также южный берег Финского залива с Выборгом и Кексгольмом. Так Россия возвратила себе выходы к Балтийскому морю.

Северная война 1700—1721 гг. имела большое значение для развития русского военного искусства, ибо армия Петра I выработала и применила самые передовые в то время способы ведения войны. В области стратегии была наглядно продемонстрирована связь войны и политики. Стратегия русской армии исходила из учета конкретной международной обстановки, но определялась государственной политикой.

Отличительная черта русской стратегии — решительность в достижении поставленной в войне цели. В эпоху господства в Европе кордонной стратегии, в основе которой лежало стремление во что бы то ни стало прикрыть жизненно важные центры страны, русское высшее военное командование разрабатывает и на практике осуществляет совершенно иную концепцию — сосредоточение сил и маневрирование ими на всем театре войны. Сражение, а не бесплодное маневрирование на коммуникациях противника — вот главное средство достижения победы, а значит, и решения стратегических задач. Для этого обеспечивалось превосходство в силах за счет умелой перегруппировки войск на главное направление.

Для стратегии русской армии в это время был характерен искусный выбор направления главного удара и форм борьбы. Русское командование в большинстве случаев целесообразно определяло направление сосредоточения основных усилий войск как в целом, так и на отдельных этапах войны (Нарва, Полтава). В русской стратегии, как правило, рационально определялись те способы ведения военных действий, которые диктовались условиями борьбы. Причем эти способы были всегда различны. Так, на одном этапе войны на первый план выступает активная оборона, на другом — наступление, на третьем — высадка десантов на территорию врага.

В ведении военных действий со шведами русская армия широко применяла разгром противника по частям, окружение, преследование, осаду крепостей, а также малые формы войны. Основу последних составляли удары летучих отрядов по тылам, коммуникациям и отдельным пунктам дислокации армии неприятеля. В ходе Северной войны было подготовлено и осуществлено стратегическое контрнаступление. При Петре I были заложены основы наступательной стратегии с решительными целями. Сам Петр был убежденным последователем такой стратегии. Стремление активными действиями добиться успешного окончания войны выразилось в нанесении последовательных ударов по противнику. Впоследствии эту форму стратегии развили П. А. Румянцев, А. В. Суворов и М. И. Кутузов.

Для петровской эпохи было характерно искусное взаимодействие армии и флота. Военные действия на море велись столь же решительно, как и на суше. Петр I и его сподвижники разработали стратегическую систему базирования флота и умело организовывали оборону вновь построенных баз. Создание баз и организация обороны на всем побережье Балтийского моря позволили надежно обеспечить завоеванные в ходе войны позиции.

В целом, в первой четверти XVIII в. были заложены принципиальные основы имперской военной стратегии. Большая роль в этом принадлежит Петру I — выдающемуся полководцу и военному организатору.

Во второй половине XVIII в. особенно активную внешнюю политику Российская Империя проводила с целью укрепления своих внешних рубежей, завоевания широкого выхода к Черному морю, закрепления собственных позиций на Балтике. Не менее

важной задачей было дальнейшее соби́рание земель — воссоединение с Россией белорусского и украинского народов.

Наступательный характер внешней политики России не мог не отразиться и на ее стратегии. Никогда ранее Россия не вела такого количества войн, причем на протяжении сравнительно небольшого исторического периода. Во второй половине XVIII в. она практически непрерывно находится в состоянии войны. Русские вооруженные силы принимают участие в восьми войнах: Семилетняя война (1756—1763), война со Швецией (1788—1790), две русско-турецкие войны (1768—1774 и 1787—1791), три войны с Польшей (1768—1772, 1792 и 1794), война против Франции (1799) в составе второй антифранцузской коалиции. В отдельные годы русской армии и флоту приходилось вести борьбу одновременно на двух далеко отстоящих друг от друга театрах военных действий.

Столь крупные внешнеполитические цели требовали соответствующих вооруженных сил. К середине столетия русская сухопутная армия насчитывала по штатам 331 тыс. человек, в том числе в полевой (действующей) армии было 172 тыс., в гарнизонных войсках — 74 тыс., в поселенных войсках — 28 тыс., в артиллерийско-инженерном корпусе — 13 тыс. человек, в иррегулярных войсках — 44 тыс. человек. В случае войны Россия способна была выставить до 220 тыс. человек, оставляя для несения внутренней службы свыше 110 тыс.⁹⁵

Россия обладала также крупными военно-морскими силами. Так, Балтийский флот включал две эскадры. Кронштадская эскадра имела 14 линейных кораблей с 954 орудиями, 5 фрегатов, праму и 2 бомбардирских судна. В Ревельскую эскадру входили 6 линейных кораблей с 372 орудиями и 3 фрегата. В Ревеле имелся еще галерный флот, насчитывавший 42 галеры⁹⁶.

В середине XVIII в. на характер российской стратегии свое влияние оказала резко обострившаяся обстановка в Европе. Сложное переплетение противоречий и интересов государств, в первую очередь это касалось Франции и Англии, привело к созданию коалиций, а потом и к военному столкновению между ними, вылившемуся в Семилетнюю войну (1756—1763). Англия заключила союз с Пруссией, а Франция с Австрией и Россией, несколько позже к ним присоединились Саксония и Швеция. Борьба между сильными морскими державами Англией и Францией, т. е. главными участниками войны, велась с имперскими целями. Австрия, которая рассматривала Пруссию как основного соперника в борьбе за гегемонию в Германии, свою главную цель в войне усматривала в возвращении богатой Силезии, захваченной в 1740 г. прусским королем Фридрихом II. В свою очередь Пруссия стремилась расширить свои границы за счет германских княжеств и Прибалтики.

Россия в этой войне преследовала цель не допустить усиления прусского влияния в Прибалтике и обезопасить там свои земли. «Пруссия по близости соседства и великой угрожаемой силе представляет первую и главную опасность России», — отмечал российский канцлер А. П. Бестужев-Рюмин⁹⁷.

Основную роль в Семилетней войне играло противоборство прусской армии под командованием Фридриха II и русской армии, которой командовали последовательно фельдмаршал С. Ф. Апраксин, генералы В. В. Фермор, П. С. Салтыков, фельдмаршал А. Б. Бутурлин. С самого начала высшим органом военного руководства России стала созданная при императрице Елизавете I Конференция, которая сосредоточила в своих руках разработку всех планов войны. Командующие войсками превратились в простых исполнителей, лишенных какой бы то ни было самостоятельности.

Семилетняя война вылилась в пять кампаний. В кампании 1756—1757 гг. Фридрих нанес ряд поражений австрийским и французским войскам. Но, начиная с лета 1757 г., в военные действия активно включились русские войска. Стратегическую

цель этой кампании Конференция определила как овладение Восточной Пруссией. Для этого русская армия фельдмаршала Апраксина численностью 65 187 человек⁹⁸ сосредоточилась в районе Ковно. Силам русской армии в Восточной Пруссии противостоял корпус фельдмаршала Левальда в составе почти 30 тыс. человек⁹⁹.

План кампании, разработанный Конференцией, содержал следующее требование при наступлении в Восточную Пруссию: «... находящемуся во оной войску ретираду пресечь и тем к даче генеральной баталии принудить»¹⁰⁰.

Но, несмотря на значительное превосходство в силах, командование русской армии действовало нерешительно. Войска продвигались очень медленно, хотя Конференция раз за разом настойчиво требовала от главнокомандующего разгромить силы Левальда и наступать на Кенигсберг. Но Апраксин не торопился. Воспользовавшись этим, Левальд решился нанести встречный удар. Он рассчитывал не только на внезапность, но и на качественное превосходство своих войск. 19 августа у деревни Гросс-Егерсдорф произошло сражение. Внезапно атакованная русская армия сумела в условиях лесистой местности быстро перестроить свои боевые порядки. Русские воины не только отразили нападение противника, но и разбили его. Однако после сражения Апраксин не воспользовался расстройством рядов армии неприятеля и не решился доверить победу энергичным его преследованием. Более того, он дал приказ отступить. Свое решение главнокомандующий мотивировал тем, что нет достаточного запаса продовольствия и фуража, да и армия слишком удалена от магазинов, то есть от тыловых баз снабжения. Иначе говоря, Апраксин действовал в тех «лучших» традициях маневренной стратегии, что господствовали тогда в Европе. К сожалению, то передовое, что приобрела русская армия при Петре I в области стратегии, было предано забвению.

Конференция не примирилась с неудачным походом в Восточную Пруссию. Русская армия, отошедшая на зимние квартиры в Литву и Курляндию, была приведена в порядок. Апраксина заменил генерал Фермор. В январе 1758 г. в короткий срок Восточная Пруссия была занята русскими войсками¹⁰¹. Этому способствовало то, что Фридрих II направил армию Левальда в Померанию, а оборону Восточной Пруссии доверил слабым частям. Его подвела уверенность в том, что русская армия не способна к наступлению в зимних условиях. Внезапное наступление русских лишило пруссаков возможности организовать сопротивление. К 10 января русские войска, по докладу командующего, «благополучно без урону и без малейшего со стороны обывателей сопротивления»¹⁰² заняли Кенигсберг. Восточная Пруссия была присоединена к владениям русского государства. Так успешно была решена важная стратегическая задача, намеченная правительством России при вступлении в войну.

Заняв Восточную Пруссию, русская армия начала подготовку к новому наступлению. Однако ее силы были разбросаны на большом пространстве, четкого плана на летнюю кампанию не было. Отчасти подобное положение объяснялось разногласиями в Конференции, но не в меньшей степени позицией Австрии — основного союзника России, ибо Вена не желала дальнейших успехов русской армии, а потому часто меняла свои планы.

Основной целью летней кампании стало овладение крепостью Кюстрин — важным стратегическим пунктом, узлом дорог и переправ при слиянии Одера и Варты, к тому же Кюстрин прикрывал путь на Берлин. Конференция считала, что, «овладев Кюстрином, можно по справедливости удовольствоваться тем, почти на всю кампанию нам и нашим союзникам»¹⁰³. Таким образом, стратегическая цель кампании была весьма ограниченной и не была направлена на разгром главных сил противника, т. е. носила черты все той же маневренной стратегии.

Фридрих II, опасаясь за Берлин, в начале августа прибыл со своей армией в район действий русских войск. 14 августа 1758 г. у деревни Цорндорф между русскими

и прусскими войсками произошло большое сражение. Продолжалось оно около десяти часов, но не принесло победы ни одной из сторон. Знаменитая «косая атака» пруссаков разбилась о стойкость русских воинов. Русские потеряли около 20 тыс. человек, пруссаки — 12 тыс.¹⁰⁴

После Цорндорфа Фермор присоединил к своим войскам свежий корпус Румянцева. Это позволило ему получить значительный численный перевес над прусской армией, тем более что Фридрих ушел с частью сил в Саксонию. Но ошибкой Фермора было то, что он не делал никаких попыток атаковать неприятеля. Фермор маневрировал или стоял в районах восточнее Одера. Правда, он предпринял осаду Кольберга, но не добился успеха. В ноябре он и вовсе вернулся на прежние зимние квартиры, расположенные на Нижней Висле.

Таким образом, кампания 1758 г., начавшаяся для русской армии весьма успешно, в конце концов к решительному изменению стратегической обстановки не привела. Только отсутствие единства в действиях армий коалиции позволило Фридриху II избежать полного разгрома. Свою отрицательную роль сыграли нерешительность австрийского главнокомандующего Л. Дауна и бездарное руководство русской армией со стороны Фермора.

В 1759 г. Конференция наметила стратегический план очередной кампании. Русская армия должна была развернуть военные действия в Померании, прежде всего овладеть Кольбергом и Штеттином. Этот план в наибольшей степени соответствовал обеспечению интересов России в Прибалтике. Однако от него пришлось отказаться. Союзники России, Австрия и Франция, потребовали выдвижения русской армии на среднее течение р. Одер для совместных действий с австрийцами против главных сил Фридриха II.

В середине июня русская армия сосредоточилась в Познани. Сюда же прибыл новый ее главнокомандующий генерал-аншеф Салтыков, назначенный вместо Фермора. Отсюда русская армия двинулась в район города Кроссен, где должна была соединиться с австрийцами, но их там не оказалось. У австрийского командующего Дауна были свои расчеты: он хотел, переложив на русских все тяготы борьбы с пруссаками, сохранить свои силы. Исходя из этого он продолжал настаивать, чтобы русская армия продвигалась в Силезию. Иными словами, собирався полностью использовать ее для борьбы за интересы Австрии. Притязания Дауна категорически отверг Салтыков. Русский главнокомандующий решил захватить Франкфурт-на-Одере и уже отсюда угрожать отсюда прусской столице — Берлину. Даун, недовольный самостоятельными действиями генерала Салтыкова, всячески препятствовал его наступлению на Берлин.

Поскольку австрийцы уклонились от совместных действий, русская армия 21 июля 1759 г. самостоятельно овладела Франкфуртом-на-Одере. Вместо выдвижения главных сил к этому городу Даун направил туда только корпус Лаудона численностью 18 тыс. человек. Положение русского главнокомандующего было незавидным: Петербург требовал совместных действий с австрийцами, те же все время нарушали свои обязательства и проводили линию, прямо противоречившую интересам русской армии, да и всей подлинно коалиционной стратегии. А ведь решительное наступление на Берлин привело бы к скорому и победоносному окончанию войны. Но Австрия уклонилась от такого плана, не желая допустить дальнейшего роста силы и владений России¹⁰⁵.

Фридрих, понимая, что главная опасность грозит ему со стороны русской армии, решил во что бы то ни стало разбить ее. Он переправился ниже Франкфурта через Одер и атаковал русских, занявших позиции у деревни Кунерсдорф. Это сражение явилось самым крупным за период Семилетней войны. Закончилось оно полным разгромом прусской армии, которая потеряла 19 тыс. человек, в то время как русская — около 5 тыс. После сражения Фридрих бежал со своим ближайшим окру-

Схема 6. Семилетняя война. Кампания 1759—1761 гг.

жением. В одном из писем по поводу своего поражения он писал: «Я несчастлив, что еще жив...»¹⁰⁶. Но по воле австрийского командования открывшаяся тогда русским возможность занять прусскую столицу и добиться окончания войны так и не была реализована.

В кампании 1760 г. генерал Салтыков перенес главные усилия русской армии в Померанию, а часть войск направил в рейд на Берлин. В результате, русский корпус генерала З. Г. Чернышева, насчитывавший 23 тыс. человек, 9 октября занял Берлин. Волей-неволей пришлось австрийской армии активными действиями сковать главные силы армии Фридриха II, но и на этот раз австрийцы не выполнили своих союзнических обязательств. Фридрих получил возможность повести свою армию к Берлину. Вот почему генерал Чернышев, уничтожив военные склады и другие военные объекты, со своим корпусом отступил на соединение с главными силами русской армии в район Франкфурта, где русская армия расположилась на зимние квартиры. Салтыков из-за болезни сдал командование армией. Конференция назначила главнокомандующим генерал-фельдмаршала А. Б. Бутурлина. В целом, кампания 1760 г. не принесла русским войскам крупных стратегических результатов, хотя прусская столица на какое-то время и оказалась в их руках.

Самое важное событие кампании 1761 г. — это взятие 16 декабря русскими войсками под командованием генерала Румянцева сильной крепости — Кольберга. Утвердившись таким образом в Померании, русская армия установила связь со шведской армией для совместного удара на Берлин с севера. В кампании 1761 г. Пруссия потеряла Южную Силезию, но что хуже всего — она была отрезана от Польши, которая обеспечивала продовольствием, и от Балтийского моря. Казалось, Фридрих II окончательно загнан в угол. Но все изменилось 5 января 1762 г., когда умерла императрица Елизавета Петровна. Вступивший на престол Петр III, ярый поклонник прусского короля, вывел Россию из войны, более того, он вернул Пруссии всю занятую русскими войсками территорию и заключил с ней союзный договор, чем спас Пруссию от полного разгрома. Вступившая в июне 1762 г. на престол Екатерина II расторгла союз с Пруссией, но войну не возобновила.

Семилетняя война стала последней крупной войной, которая велась по принципам маневренной стратегии, рассчитанной на истощение противника бесконечным маневрированием, т. е. избегавшей решительных действий. В целом, Россия также придерживалась такой стратегии, однако ее армия обладала рядом черт, выгодно отличавших ее от других армий Европы. В частности, заслуживает внимания идея, заложенная в план Конференции на 1759 г.: «дать решительную баталию» и «всей войне конец сделать»¹⁰⁷. Блестящие победы русской армии под Кунерсдорфом, Берлином и Кенигсбергом были достигнуты не маневрированием, а решительными действиями, направленными на достижение поставленных целей.

Новыми явлениями в области стратегии стали активные действия русских войск в зимних условиях (наступление в Восточной Пруссии в январе 1758 г., взятие Кольберга в 1761 г.), а также совместные согласованные действия сухопутных войск и военно-морского флота при осаде того же Кольберга.

Заслуживает внимания опыт Конференции — коллективного органа стратегического военного руководства. В первую очередь, — это четкое разграничение сфер деятельности Конференции и главнокомандующего на театре военных действий, направленное на то, чтобы не сковывать самостоятельность последнего, а в то же самое время оказывать ему разумную помощь. Богатый боевой опыт, приобретенный русской армией в Семилетней войне, способствовал дальнейшему развитию отечественной военной стратегии.

Семилетняя война показала, что различие политических интересов, преследуемых каждым участником коалиции, ведет к несогласованности военных действий. В своем

стремлении всячески препятствовать усилению России Австрия и Франция срывали стратегические планы русского командования, что было на пользу их общему врагу.

После Семилетней войны центр тяжести военных усилий России был перенесен на южные рубежи. Главной проблемой стало присоединение причерноморских территорий. Практическое решение этой задачи неизбежно вело к военному столкновению с Турцией. На протяжении двух десятилетий одна за другой следуют две войны России с Турцией — с 1768 по 1774 и с 1787 по 1791 гг. В этих войнах столкнулись интересы не только двух этих империй. В них отчетливо просматриваются глобальные вопросы всей европейской политики. Развитые страны Западной Европы, не заинтересованные в усилении России, предпочли принять сторону Турции. Для России ситуация осложнялась еще и тем, что одновременно с русско-турецкой войной в 1768—1774 гг. ей пришлось вести войну с польскими конфедератами, а параллельно со следующей русско-турецкой войной разразилась русско-шведская война 1788—1790 гг. Австрия в течение первых четырех лет войны 1768—1774 гг. занимала по отношению к России враждебную позицию. Пруссия угрожала военным вмешательством в пользу Турции в 1768—1774 гг., Англия — в 1787—1791 гг. Лишь в двух кампаниях (1788 и 1789) Россия действовала против Турции, имея в качестве союзника Австрию. Все это отвлекало значительную часть русских сил на направления, весьма удаленные от театра войны с Турцией.

Достижение такой крупной политической цели, как присоединение причерноморских земель и закрепление на Черном море, ставило перед стратегией России весьма сложную задачу. Театр войны имел огромную протяженность (от Верхнего Днестра до среднего течения Терека) и очень большую глубину. Столицу Турции — Стамбул и самые крупные ее города в европейской части прикрывали несколько естественных рубежей, усиленных крепостями Хотин, Бендеры и Аккерман на Днестре. Далее следовала мощная водная преграда — Дунай с цепью хорошо укрепленных крепостей, а южнее — Балканский хребет. К западу и юго-западу от Днестра простирались степные безводные пространства. А на Черном море полностью господствовал турецкий флот. Ближневосточные владения Турции — Малая Азия, Сирия, Египет — представляли собой недосыгаемый для неприятеля тыл и в то же время служили ей обширным источником пополнения вооруженных сил. Для русской стратегии складывалась весьма противоречивая ситуация: с одной стороны, политические цели требовали применения самых решительных активных действий, а с другой, — условия театра войны сильно ограничивали возможности добиться успеха таким путем.

Осенью 1768 г. Турция под воздействием Франции и Австрии объявила войну России. Борьба развернулась одновременно на трех театрах: Балканском, Кавказском и Польском. Особо сложной была борьба на Балканах, так как русская армия находилась на большом удалении от своих баз. Возникли серьезные проблемы с пополнением ее людскими ресурсами и снабжением войск.

Стратегический план турецкого командования предусматривал сосредоточение 300-тысячной армии на границе с Польшей. Оно предполагало, что в районе Хотина к ней присоединится армия польских конфедератов, а это позволит нанести совместный удар через Каменец-Подольск на Киев и Смоленск. Кроме главной армии должны были выступить две вспомогательные: одна из Крыма — на Украину, а другая — с Северного Кавказа на Астрахань¹⁰⁸.

Русский стратегический план, разработанный Военным советом, который был создан вместо Конференции, имел целью воспрепятствовать совместным действиям турецких и польских сил. Россия создала две армии. 1-я под командованием А. М. Голицина численностью 65 тыс. человек должна была действовать на главном направлении. 2-й армии под руководством Румянцева в количестве 60 тыс. человек пред-

стояло прикрывать районы Украины. На Кубань и в Грузию направлялись два небольших отряда.

В соответствии со стратегическим планом, главный удар наносился на Хотин, хотя это ограничивало цели наступления. Румянцев предлагал наступать не на Хотин, а на Очаков, что имело бы более решительные цели, но его план был отвергнут. Кампания 1769 г. велась нерешительно из-за крайне вялых действий Голицина, правда Хотин был взят¹⁰⁹. Осенью Голицин был отозван в Петербург, командующим 1-й армией был назначен Румянцев. Командование 2-й армией поручили П. П. Панину.

Стратегический план кампании 1770 г. сводился к взятию крепости Бендеры силами 2-й армии. 1-я армия должна была прикрывать Бендеры со стороны Дуная. Таким образом, план, разработанный в Петербурге, обрекал главные силы на пассивные действия.

Ознакомившись с планом Военного совета, Румянцев представил Екатерине II свой замысел. Он указывал, что лучшее средство воздействия на противника — это наступление всеми силами, причем целесообразнее всего провести его «между Прутом и Серетом, имея на Пруте мосты»¹¹⁰. И более того, он считал необходимым иметь плацдарм на правом берегу Прута в районе Ясс. По существу, Румянцев предложил совершенно новый план кампании, по которому его армии предстояло наступать на решающем направлении — во фланг и тыл главным силам противника. По мнению Румянцева, это должно было помочь 2-й армии овладеть Бендерами и дать возможность перейти в наступление значительными силами в направлении нижнего течения Дуная. Доклад Румянцева явился образцом творческой военно-стратегической мысли. Хотя его предложения и не были одобрены в Петербурге, он добился предоставления свободы действий.

С апреля 1770 г. Румянцев приступил к реализации намеченного плана. Русская армия перешла в решительное наступление. Ее главные силы, насчитывавшие около 30 тыс. человек при 112 орудиях полевой и 142 орудиях полковой артиллерии, из района Хотина начали продвигаться в междуречье Прута и Серета, то есть общем направлении на Галац.

В кампании 1770 г. сухопутными силами осуществлялось стратегическое взаимодействие с флотом. Направленный из Кронштадта и Ревеля русский флот оперировал в Средиземном море, отвлекая внимание противника. Затем русский флот, блокируя Дарданеллы, нарушал коммуникации турецкой армии с азиатской Турцией. Эти действия являлись первым случаем в военной истории применения метода дальней блокады¹¹¹.

В свою очередь турецкое командование, переправив 150-тысячную армию через Дунай, у Исакичи, двинуло ее в направлении Ясс, предусматривая одновременное выдвижение 80-тысячной конницы крымских татар в направлении Кишинева¹¹².

В июне русские войска сосредоточились у Рябой Могилы. В течение месяца произошло три сражения (у Рябой Могилы, при р. Ларга и Кагуле), в ходе которых турецкие войска потерпели поражение. Особо примечательно то, что русская армия в несколько раз была меньше турецкой: в сражении у Рябой Могилы — 39 тыс. русских против 70 тыс. противника, в сражении при р. Ларга — 39 тыс. против 80 тыс., в сражении при Кагуле — 27 тыс. русских войск против 150 тыс. турецкого визиря Галил-бея и 80 тыс. татарской конницы. «С малым числом разбить великие силы, — говорил фельдмаршал Румянцев, — тут есть искусство и сугубая слава»¹¹³. Во всех этих сражениях командующий 1-й армией распределял свои войска не равномерно по всему фронту. Вместо фронтальной атаки русские наносили главный удар по решающему пункту позиции неприятеля. Широко применял Румянцев боевые порядки колонн и рассыпного строя. Он же впервые использовал дивизионные каре,

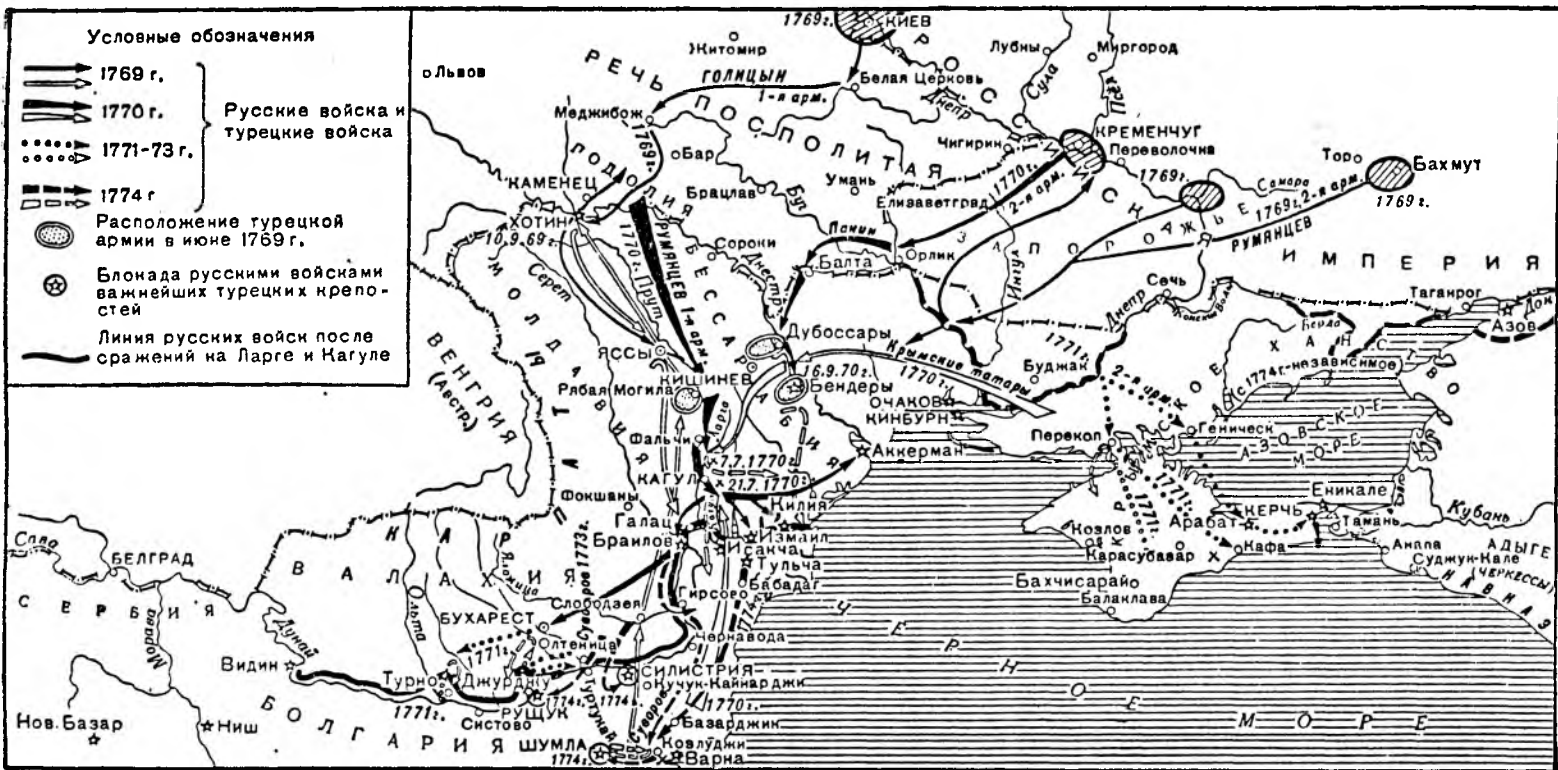

Схема 7. Русско-турецкая война 1768—1774 гг.

располагая конницу в интервалах между ними и на флангах. Дивизионные каре оказались неуязвимыми для атак многочисленной конницы турок. Каре имели возможность маневрировать на поле боя, взаимодействовать между собой. Их атаки подготавливались массированным огнем артиллерии.

Разбив главные силы противника, Румянцев решил использовать свою победу для достижения общего успеха всей кампании. Целесообразнее всего было овладеть системой турецких крепостей в низовьях Дуная. В короткие сроки русские войска под его командованием занимают Измаил, Килию, Аккерман и Браилов. Успехи 1-й русской армии облегчали задачу 2-й армии. Пришлось ее командиру Панину действовать более решительно. Вскоре войска 2-й армии взяли Бендеры.

Победы русских войск на сухопутном театре были дополнены успехами на море. Русский флот под руководством адмирала Г. А. Спиридова, хотя официально командующим считался граф Алексей Орлов, 7 июля в Чесменской бухте уничтожил турецкий флот. В этом сражении Спиридов еще раз доказал, что русская военноморская теория по праву считается передовой. Русский флот, развивая лучшие традиции петровского времени, пройдя большую стратегическую школу, являлся в ту пору одним из лучших в мире.

Крупных успехов удалось добиться и на Кавказе. Грузинские войска под командованием Ираклия II (1794—1798) разгромили турецкую армию в Аспинзском сражении. Одновременно отряд русских войск, действовавший в Имеретии, освободил занятые турками крепости Цуцкват, Шоропни и Кутаис¹¹⁴.

Итак, кампания 1770 г. была успешно завершена на всех театрах войны. Тем не менее она не привела к окончанию войны. Столь крупных успехов русских войск явно испугались в Европе. Поэтому Австрия начала сближаться с Турцией. Враждебную России позицию заняли Пруссия и Швеция. Ободренная этим Турция решила не прекращать войну. На Балканах были подготовлены к обороне все крепости и усилены их гарнизоны.

Разработанный Военным советом России план на 1771 г. предусматривал развитие военных действий, на сей раз главным образом в Крыму. На других направлениях планировалось закрепить успехи предыдущей кампании. Главный удар по Крыму должна была наносить 2-я армия под руководством только что назначенного генерал-аншефа В. М. Долгорукого. 1-я армия Румянцева получила приказ помешать турецким войскам форсировать Дунай.

На Балканском театре к тому времени турки располагали 120-тысячным войском, а русские — 45-тысячным¹¹⁵. Не имея возможности прикрыть такими слабыми силами линию в тысячу километров, Румянцев разделил свою армию на три группы, поставив задачу нападать на крепости и держать турецкие войска в постоянном напряжении. Его замысел удался. В короткие сроки 1-я армия овладела рядом крепостей (Тульча, Исакча и др.), а попытка турок переправиться через Дунай и развить успех была пресечена. Осенью русские войска взяли Мачин, Гирсово и Журжу.

На Крымском театре 2-я армия заняла все важные стратегические пункты и заставила турецкие силы оставить полуостров. Овладение Крымом имело огромное стратегическое значение, так как удалось ликвидировать угрозу ударов противника во фланг и тыл войскам, действовавшим на Балканах и Кавказе. Но это еще не все: сложились благоприятные условия для создания Черноморского флота.

Турция, потерпев поражение на Дунае и в Крыму, вынуждена была согласиться на перемирие. Переговоры продолжались до марта 1773 г. В апреле Турция снова открыла военные действия. Румянцев предложил Военному совету продолжать вести активную оборону, нанося по противнику отдельные удары, и таким образом подготовить общее наступление. Но ему было приказано наступать. Не обладая достаточными силами для широкого наступления, русские войска тем не менее развили

активные действия, выразившиеся в поисках. Наиболее успешными были поиски отряда А. В. Суворова. Но решающий стратегический успех в этом году достигнут не был.

Неудача кампании 1773 г. подействовали отрезвляюще на Военный совет. Румянцев получил свободу действий. Новый план кампании, выработанный Румянцевым, преследовал одну цель — вынудить Турцию заключить мир. Румянцев решил перебросить свои главные силы за Дунай, и уже там нанести сильные удары по полевой армии турок. Часть войск должна была блокировать турецкие гарнизоны в крепостях. Имея 55-тысячную армию, Румянцев для блокады Рушчука выделил 10 тыс., Силистрии — 12 тыс. человек. Дивизии М. Ф. Каменского и А. В. Суворова численностью 24 тыс. человек Румянцев двинул в направлении Шумлы против войск великого визиря¹¹⁶.

Наступление русской армии началось в апреле 1774 г. и протекало весьма успешно. Самое значительное столкновение произошло под Козлуджей, где Суворов одержал крупную победу. Поражение сильно повлияло на моральный дух турок. А тут еще дивизия Салтыкова разбила их сильный отряд под Туртукаем. Тяжкое положение турецких войск, блокированных в крепостях, а также появление русских отрядов на Балканах вынудили великого визиря начать переговоры о мире, которые закончились Кучук-Кайнарджийским миром. Россия получила Керчь, Азов, Еникале, Кинбурн и значительную территорию между Днепром и Бугом, а на Кавказе — Малую и Большую Кабарду. Крым был признан независимым от Турции.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. внесла много нового в развитие отечественной военной стратегии, и в этом большая заслуга принадлежит выдающемуся полководцу П. А. Румянцеву. Румянцев полагал, что военная стратегия должна исходить из политической и стратегической обстановки, учета сил и средств противоборствующих сторон. В своих военно-теоретических трудах он подчеркивал, что военная мощь зависит от состояния экономики страны, доказывал необходимость «соразмерно способа доходов своим ополчаться» и в то же время «весьма уважать их источник, который мы поныне один к содержанию воинских дел имеем: я разумею народ, дающий для войска и людей, и деньги»¹¹⁷.

В разработке стратегических планов Румянцев на первое место ставил взаимоотношение политики и стратегии, однако исходить нужно, по его мнению, из всей совокупности условий. Он рассматривал войну как явление, вытекающее из политических интересов государства, но подчеркивал приоритет политики. В соответствии с этим он стремился направить усилия армии в русло требований политики, ибо, по его словам, политика дает «правила военным».

Румянцев настоятельно советовал отказаться от кордонной стратегии. Единственная возможность, как он считал, добиться решения стратегических вопросов — это не бесплодное маневрирование, не осада крепостей, а полевое сражение. Блестящие победы Румянцева под Ларгой и Кагулом явились бесспорным доказательством правильности его выводов. Румянцев один из первых создал элементы решительной наступательной стратегии. В противовес западным военным доктринам того времени главной целью он определял разгром армии противника. По его мысли, только стратегическая целеустремленность и действия сосредоточенными силами могут принести победу.

В то же время фельдмаршал Румянцев всегда отдавал должное правильному соотношению наступления и обороны. При недостатке сил и средств он организовывал активную оборону, а при благоприятных условиях переходил в решительное наступление на главном направлении. Тем не менее фельдмаршал никогда не рассматривал наступление как просто продвижение вперед. В его полководческом искусстве (и в этом он был уникален) сочетались решительность, предусмотрительность и осто-

рожность. «Стою я непременно в том правиле, что, не обеспечивавши надежно оставляемого за собой, большими шагами нельзя вступить вперед», — писал он¹¹⁸.

При крайне слабых средствах связи Румянцев показал образцы управления войсками на театре военных действий. В большинстве случаев ему удавалось управлять войсками, перегруппировывать их и подчинять единой стратегической цели. Своими деяниями на этом поприще он утвердил приоритет военной стратегии России.

В конце 80-х годов бассейн Черного моря продолжал оставаться узлом острых противоречий. Англия, весьма враждебно встретившая успехи внешней политики России в этом регионе, резко усилила давление на Турцию. Турция, стремясь восстановить утраченное монопольное положение на Черном море, требовала отказа России от Кучук-Кайнарджийского договора, ухода русских войск из Крыма и Грузии, установления контроля над русскими судами, проходившими Средиземноморье через проливы. Временным союзником России стала Австрия. У нее была своя цель: использование мощи России для ослабления позиций Турции на Балканах.

Противоречия между Турцией и Россией постоянно нарастали и наконец вылились в новую русско-турецкую войну (1787—1791). Она началась в сложных для России условиях: довольно враждебную позицию заняли Пруссия и Франция, Швеция вела приготовления к вступлению в войну против России, заключив союз с Турцией. Турция разработала стратегический план ведения войны в расчете на превосходство своего флота. Главная его задача — захватить Крым, а затем и Кавказ. Было решено сначала нанести удар по Кинбурну и Херсону, а потом по Севастополю. По мнению турецкого командования, для выполнения этого стратегического плана не требовалось больших сухопутных сил. Их предполагалось развернуть лишь в ходе войны.

В 70-е — 80-е годы в России активно продолжался процесс наращивания военной мощи. Возросла численность армии, увеличилось количество егерей в пехоте, совершенствовалась материальная часть артиллерии, полным ходом шло строительство Черноморского флота. Севастопольская эскадра насчитывала уже 23 боевых судна с 864 орудиями и экипажем около 5 тыс. человек. Днепровская эскадра речной флотилии имела 20 судов, правда, еще не вооруженных¹¹⁹. И все же Россия оказалась не полностью подготовленной к войне. Только в ходе ее началось спешное формирование двух армий — Екатеринославской (75 тыс. человек) и Украинской (40 тыс. человек). Кроме них к боевым действиям готовились Кубанский и Крымский корпуса.

Военно-политическое руководство войной осуществлялось теперь в России несколько иначе, чем в предыдущие кампании. Не стало ни Конференции, ни Военного совета. Общее руководство сухопутными и морскими силами осуществлял командующий 1-й Екатеринославской армией фельдмаршал Г. А. Потемкин. Стратегический план, принятый Потемкиным, предусматривал оборону Крыма и Кинбурн-Херсонского района, а также развертывание активных действий на Кубани и в районе р. Прут.

В кампании 1787 г. турецкое командование намеревалось высадить десант на Кинбурнской косе, овладеть крепостью Кинбурн, а затем захватить Херсон и уничтожить русские верфи. В последующем намечалась высадка крупного десанта в Крыму с задачей нанести удар по Севастополю с суши¹²⁰. Словом, для русских оборона Крыма и Кинбурн-Херсонского района приобрела стратегическое значение. Ее организацию и проведение фельдмаршал Потемкин поручил Суворову.

Основное внимание Суворов уделил укреплению Кинбурнской косы, расположенной как раз напротив Очакова — главного оплота Турции на северном побережье Черного моря. Здесь базировался турецкий флот и имелись значительные сухопутные силы. С присущей ему проницательностью Суворов разгадал турецкий план неприятеля. В письмах Потемкину он доказывал, что если Севастопольская эскадра

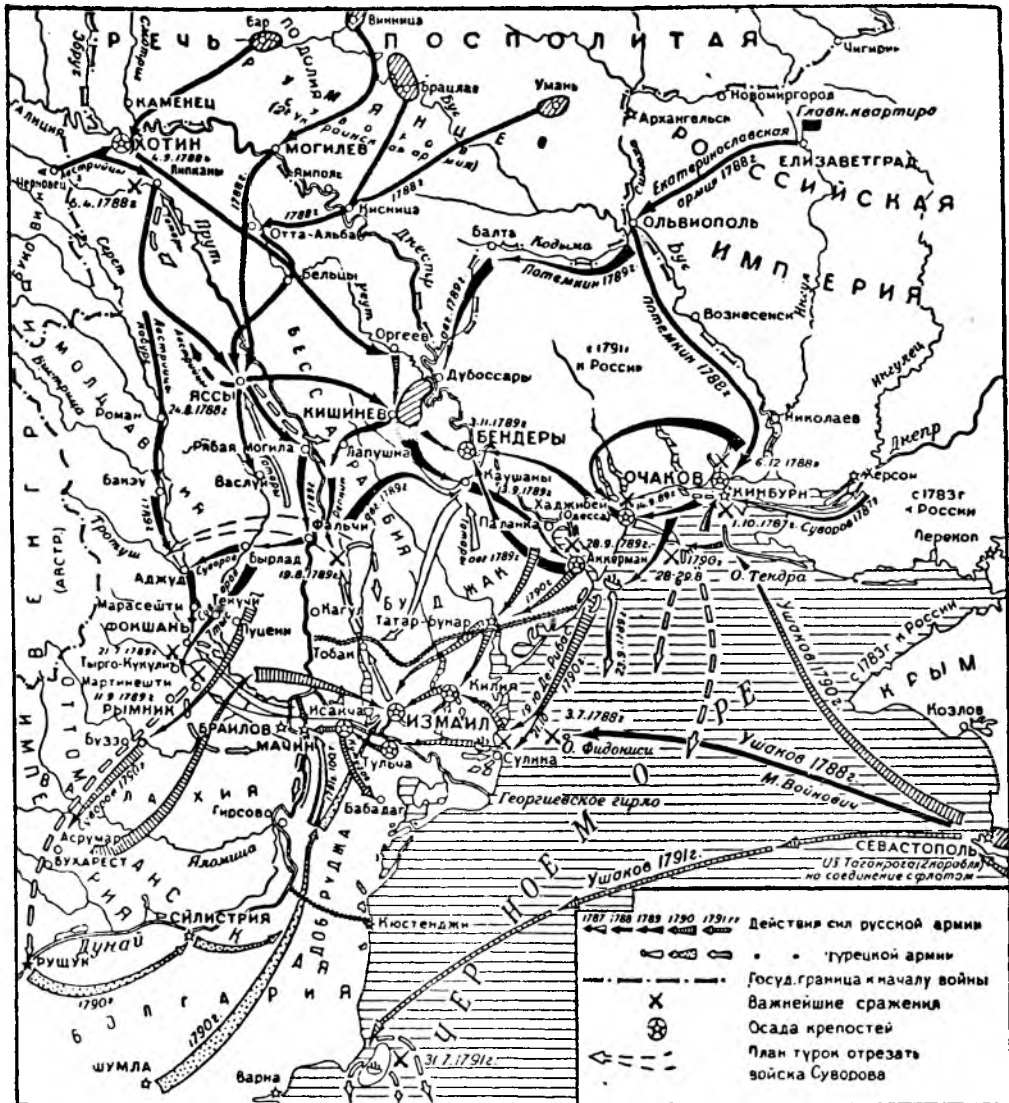

Схема 8. Русско-турецкая война 1787—1791 гг.

при атаке нанесет поражение турецкому флоту, то опасность вторжения противника будет полностью ликвидирована. Более того, сам Очаков окажется блокированным с моря, а наличие русских войск, уже сосредоточенных на юге Украины, станет крупным фактором стратегического значения¹²¹. По сути, кроме глубокого всестороннего анализа стратегической обстановки письма содержали верное решение на перспективу, что свидетельствовало о его полководческом даровании.

В противовес общепринятым в то время способам ведения пассивной обороны Суворов повсеместно организует оборону активную. Именно Кинбурн вошел в историю как выдающийся пример такой обороны¹²². Турки высадились у Кинбурна. В октябре русские войска во главе с Суворовым нанесли им жестокое поражение. Военными действиями у Кинбурна завершилась кампания 1787 г. Удачные действия Суворова под Кинбурном приобрели стратегическое значение. Замысел турок был сорван, было выиграно необходимое время для активизации военных действий против турецких баз, угрожавших русской армии и флоту, в первую очередь, против Очакова.

В кампании 1788 г. Россия смогла выставить против Турции на европейском театре войны около 100 тыс. человек. Австрия, объявившая войну Турции в январе, развернула на границе с ней армию численностью свыше 120 тыс. человек¹²³. Этих сил было вполне достаточно для широкомасштабных действий. Однако из-за нерешительности австрийского правительства действующая армия была кордоном растянута вдоль границы с Турцией — от Днестра до побережья Адриатического моря, что обрекло австрийцев на пассивные действия.

Положение России осложнилось в связи со вступлением в войну Швеции. Начавшиеся боевые действия вынудили правительство России держать Балтийский флот в Финском заливе, а для защиты Петербурга сосредоточить значительные силы. Противники добились своего: России пришлось воевать на двух театрах одновременно,

На юге основное содержание кампании свелось к борьбе за Очаков. Без успешных действий русского флота овладеть им было невозможно. Севастопольская эскадра под командованием адмирала М. И. Войновича перешла к активным действиям. 29 июня русская и турецкая эскадры встретились у острова Тендра. Турецкая эскадра попыталась было уклониться от боя. Решение Войновича было однозначным — преследовать ее. Авангард Севастопольской эскадры под командованием Ф. Ф. Ушакова 3 июля настиг турок у острова Федониси. Ушаков, применив удар сосредоточенными силами по главным силам флота противника, выиграл сражение еще до подхода основных сил эскадры¹²⁴.

Победа, одержанная под руководством Ушакова, позволила блокировать Очаков с моря. 5 декабря крепость была взята, что изменило стратегическую обстановку на всем театре. Русская армия и флот могли теперь решать более сложные задачи на Балканах.

Проведенные неудачно кампании 1787 и 1788 гг. заставили Турцию сосредоточить на Балканах около 150 тыс. человек и перевести главные морские силы из Средиземного на Черное море. Русская армия, имея 70 тыс. человек, располагалась вдоль Днестра и Прута. Австрийские войска — в основном в Трансильвании, в районе военных действий находился лишь 18-тысячный корпус Кобурга. Для связи с австрийскими войсками была выделена дивизия Суворова.

Учитывая расположение своих противников, турки решили нанести удар в стык русской и австрийской армий, а затем, разъединив их, разбить поодиночке. Но Суворов, который уделял огромное внимание непрерывной глубокой войсковой и даже агентурной разведке, своевременно установил, что главные турецкие силы концентрируются не в Измаиле, как считал Потемкин, а у Фокшан. Понимая в каком опасном положении может оказаться русская армия, Суворов настойчиво добивается разре-

шения наступать на Фокшаны, чтобы сорвать наступление противника. Пока между Суворовым и Потемкиным продолжалась переписка, турки перешли в наступление и начали теснить австрийцев.

Австрийское командование запросило о срочной помощи. Во главе 7-тысячного отряда Суворов двинулся к Фокшанам и преодолел стремительным маршем 60 км за 28 часов. Это был один из знаменитых суворовских переходов.

Перед атакой превосходившего в силах противника Суворов отдал приказ: «Войска выступают в два часа ночи тремя колоннами, среднюю составляют русские. Противителя атаковать всеми силами, не занимаясь мелкими поисками, вправо и влево, чтобы на заре прибыть к р. Путьна, которую и перейти, продолжая атаку. Говорят, что перед нами турок тысяч пятьдесят, а другие пятьдесят — дальше; жаль, что они не вместе, — лучше было бы покончить с ними разом»¹²⁵. В сражении под Фокшанами Суворов одержал блестящую победу, продемонстрировав свой полководческий талант. Он не только разгадал замысел противника, но и осуществил внезапный контрудар. Разработанный им план имел в своей основе идею решительного наступления. Сражение под Фокшанами резко изменило стратегическую обстановку. Однако главнокомандующий Потемкин, который по-прежнему думал, что главная опасность грозит со стороны Измаила, так и не использовал результаты победы Суворова. Ошибка фельдмаршала позволила турецкому командованию без помех закончить переправу своих главных сил через Дунай. Теперь в районе Измаила они имели 30 тыс. человек, а в районе Браилова — еще 100 тыс.

Имитацией наступления со стороны Измаила турки стремились отвлечь внимание Потемкина для того, чтобы главными силами обойти русские войска, а затем, последовательно разгромив австрийскую армию и корпус Суворова, нанести удар по главным силам русской армии. Но вновь этот план был сорван. Объединив под своим командованием 7 тыс. русских войск и 18 тыс. австрийских, Суворов, используя стратегическую внезапность, стремительно атаковал 100-тысячную армию турок в районе р. Рымник и полностью разгромил их. Блестяще осуществил он и стратегический план, разработанный на лето 1789 г. В основе его лежало нанесение сокрушительного удара на главном направлении с целью уничтожения основной группировки противника и последующим занятием всей территории вплоть до Дуная. Свой замысел Суворову пришлось воплощать в сложных условиях. При наличии незначительных сил и средств, он был ограничен в свободе действий.

Блестящая победа Суворова в районе р. Рымник, успехи русского флота на Черном море резко изменили обстановку на Балканах в пользу России. Но Потемкин вновь не использовал результатов победы, хотя представлялась блестящая возможность развить этот успех в общее стратегическое наступление. Он ограничился занятием Бендер. Правда, затем русские взяли крепость Гаджибей. Именно там был заложен город Одесса.

Таким образом, в кампании 1789 г. новый способ ведения войны столкнулся со старым. Большая часть русской армии во главе с главнокомандующим в прежних традициях кордонной стратегии «осаждала крепости и забирала крепостцы, в то время как Суворов с небольшим войском разгромил вначале сильный отряд турок, а потом и их главную армию в генеральном сражении»¹²⁶.

Несмотря на впечатляющие успехи, достигнутые в 1789 г. на Балканах, международное положение России становилось все более напряженным. Настроенные враждебно Англия и Пруссия заставили Австрию выйти из войны и в 1790 г. заключить сепаратный мир с Турцией. Продолжать войну на двух театрах без союзников России было трудно. Лишь в августе 1790 г. Швеция вышла из войны после ряда поражений. Заставить Турцию прекратить войну можно было только одержав убедительную победу.

Россия предложила Турции заключить мир, но та отказалась. Потемкин решил перенести усилия за Дунай. Но прежде нужно было овладеть Измаилом — мощной крепостью с 35-тысячным гарнизоном, занимавшей важное стратегическое положение в низовьях Дуная. Однако предпринятая главнокомандующим кампания решительностью не отличалась.

В это время значительных успехов добился Черноморский флот Адмирал Ушаков нанес ряд крупных поражений турецкому флоту. Победы русских моряков у Синопа, в Керченском проливе и Гаджибее позволили русскому флоту овладеть стратегической инициативой. Теперь он практически контролировал весь бассейн Черного моря.

Победы русского флота имели важное значение и для успешных боевых действий армии. Под прикрытием эскадры Ушакова в Дунай вошла гребная флотилия Х де Рибаса. Разгромив турецкую флотилию, она завершила блокаду Измаила, прервав его коммуникации по Дунаю¹²⁷. 11 декабря 1789 г. в ходе штурма, в подготовке и проведении которого вновь решающую роль сыграл Суворов, Измаил был взят. Весь левый берег Дуная теперь находился в руках русских. Путь на Балканы был открыт.

Штурм Измаила и победы, одержанные русским флотом на море, решили исход войны. По заключенному в 1791 г. Ясскому договору Турция подтвердила условия Кучук-Кайнарджийского мира, признала присоединение Крыма к России и новую границу с ней по Днестру.

В ходе русско-турецкой войны 1787—1791 гг. отечественная военная стратегия получила новый толчок в своем развитии. В первую очередь это связано с именем выдающегося русского полководца Суворова. Продолжая творчески развивать положения, разработанные фельдмаршалом Румянцевым, Суворов применил их на практике и добился ряда блестящих побед над турецкими войсками, доказав тем самым превосходство русского военного искусства. В своем знаменитом наставлении «Наука побеждать» Суворов обобщил передовой опыт русской армии. В войне 1787—1791 гг. русское военное искусство обогатилось новым опытом стратегического взаимодействия армии и флота.

Свое дальнейшее развитие русская военная стратегия получила в войне с Францией (1798—1799), в которой Россия участвовала в составе второй антифранцузской коалиции. Русским войскам пришлось действовать на весьма удаленном от метрополии театре войны — в Северной Италии и Швейцарии. Это, безусловно, негативно отразилось на их действиях. Тем не менее Россия с честью выполнила свои союзнические обязательства.

Российские вооруженные силы в последние годы XVIII в., когда царствовал Павел I (1796—1801), пережили целый ряд потрясений. Его правление разрушительным ураганом пронеслось над русской армией, немало переломав и испортив то, что ей досталось от Румянцева и Суворова. Сразу же после вступления на престол этот приверженец прусского вахтпарада перевел в гвардию на ключевые посты 132 преданных ему гатчинских офицеров. В армии возобладало «экзерциргаузное направление», в основе которого лежало положение, что солдат — это механизм, артикулом предусмотренный. Прежние принципы, ставившие превыше всего долг, честь, личный пример офицера, заменялись утрашением. В итоге русская армия почти во всех отношениях оказалась отброшенной на полвека назад. Преклонение перед реакционной прусской военной системой и ее слепое копирование имели пагубные последствия, прежде всего для боевой подготовки войск. Переучиваясь на прусский лад, армия теряла драгоценный опыт, который она приобрела в войнах второй половины XVIII в. Другими словами, армия оказалась целиком дезориентированной.

После Великой Французской революции (1789—1793) молодая Французская республика резко активизировала свою внешнюю политику, направленную как на

расширение территориальных границ, так и на захват колоний, важных рынков сбыта. Республиканская армия, возглавляемая Наполеоном Бонапартом, стала самой передовой и боеспособной армией в Западной Европе. Она выгодно отличалась умелым применением новых для того времени способов ведения войны, рожденных в ходе буржуазной революции. В основе военной стратегии республики лежали решительные наступательные действия против полевой армии противника, а их доминантой являлся разгром неприятеля в генеральном сражении.

Основным автором этих новаций явился Наполеон Бонапарт. Французские войска в короткие сроки усвоили действия колоннами в сочетании с рассыпным строем, что, безусловно, давало в ходе сражения неоспоримые преимущества над противниками, продолжавшими исповедовать давно устаревшую линейную тактику. На поле боя французская армия отличалась подвижностью, а в походных маршах — быстротой. Наличие в окружении Наполеона молодых и способных военачальников позволяло ему успешно вводить в практику новшества военного искусства, причем одновременно на различных театрах военных действий. Все это дало возможность в первые годы революции защитить молодую республику в ходе оборонительных войн. Почувствовав, что военная мощь быстро возросла, окрыленная первыми победами Франция перенесла свои военные действия за пределы государства.

Экспансия Франции была направлена на восток. Итальянский поход Наполеона завершился захватом Северной Италии. Затем, заняв Ионические острова и побережье Адриатического моря, Наполеон подготовил новый плацдарм для наступления против Австрии и Турции. Следующий его шаг — Египетский поход, который представлял угрозу не только Турции, но и владениям Англии. Впрочем, затрагивал он и интересы России, так как в перспективе вырисовывалась возможность появления Франции в Черном море.

Турция обратилась за помощью к России, Австрии и Англии. В 1798 г. между этими державами был подписан договор. В результате была создана вторая антифранцузская коалиция. В соответствии с договором Россия обязалась выставить 65-тысячную армию для совместных действий на сухопутном театре с Австрией, 2 эскадры для действий с Англией на Балтийском море, а также эскадру для объединенных действий с Турцией и Англией в Средиземном море. Австрия обязалась выставить около 225 тыс. человек. Англия ограничилась морскими силами¹²⁸.

Общего коалиционного плана войны с Францией у союзников тем не менее не было. Пока они сосредоточивали свои силы, войска Директории перешли в наступление и нанесли ряд поражений австрийским войскам, очистив от них Швейцарию и всю Северную Италию.

Военные действия развернулись и в Средиземном море. Русская эскадра под командованием Ушакова провела ряд блестящих морских десантных операций в районе Ионических островов, в том числе и на о-ве Корфу¹²⁹. Широкое использование морских десантов силами флота явилось значительным вкладом в развитие русского военного искусства.

Несмотря на успехи в бассейне Средиземного моря, военно-стратегическая обстановка для союзников к середине 1799 г. складывалась неблагоприятно. Дело в том, что войска Французской республики стали угрожать непосредственно самой Австрии, в то время как 86-тысячная австрийская армия Меласа находилась в северо-восточной части Италии. Австрийское и английское правительства, убедившись в невозможности успешных действий против войск Франции, обратились к Павлу I с настоятельным требованием назначить во главе союзных войск непобедимого Суворова. При этом имелось в виду использовать его полководческий гений, а заодно русскую армию и флот в своих интересах. 5 апреля 1799 г. Суворов вступил в командование. Начался знаменитый Итальянский поход.

Однако, уже в самом начале кампании внутри коалиции вскрылись политические противоречия, обнаружилось принципиальное расхождение в подходе к важнейшим вопросам военной стратегии. Австрийский гофкригсрат (главный штаб) попытался навязать Суворову план методического вытеснения французских войск, основанный на принципах кордонной стратегии. Русский полководец решительно отказался им руководствоваться. Он и раньше, в 1797 г., оценивая ход военных действий в Европе, резко критиковал кордонную стратегию Австрии и Англии. В письме русскому послу в Вене А. К. Разумовскому от 27 февраля Суворов так оценивает обстановку: «Бонапарте концентрируется. Гоф-Кригс-Рект его мудро охватывает от полюса до экватора. Славное делает раздробление, ослабевая массу»¹³⁰.

Догмам кордонной и маневренной стратегии австрийских и английских генералов русский полководец противопоставил совершенно новую стратегическую концепцию. Главное в ней сводится к достижению подвижности масс войск, сосредоточению сил на избранном направлении, ведению решительного наступления. Суворов настаивал на том, чтобы добиваться разгрома главных сил противника в полевых сражениях, избирать формы борьбы без всякой предвзятости, но в соответствии с обстановкой¹³¹. Он четко представлял себе политические и стратегические цели участников коалиции. Еще находясь в ссылке, предвидел развитие событий и сформулировал основные положения стратегии на случай войны с Францией: «1. Ничего, кроме наступления. 2. Быстрота в походах, стремительность, горячность в атаках. 3. Не нужно методизма — хороший глазомер. 4. Полная власть генерал-аншефу (командующему — *Ред.*). 5. Неприятеля атаковать и бить в открытом поле. 6. Не терять время в осадах... брать главным образом крепости штурмом или открытой силой. При этом потери меньше. Никогда не разделять сил для охранения разных пунктов... Неприятель их обошел — тем лучше; он подходит для того, чтобы быть разбитым... Никогда не загружать себя бесплодными маневрами, контр-маршами или так называемыми военными хитростями, которые годятся только для бедных академиков... 8. Итак, нужен только обсервационный корпус на Страсбург, еще подвижный на Люксембург; его острие продвинуть с непрерывными боями до самого Парижа как главного пункта»¹³².

Суворов, верный своему принципу «все обнять одним взглядом»¹³³, при разработке плана предстоящей кампании в Италии взвешивает и учитывает все факторы, характеризующие обстановку не только в Италии, но и в Швейцарии, и в бассейне Средиземного моря.

Прибыв на театр военных действий, Суворов убедился в правильности своих предварительных выводов: успех союзникам может принести только решительное наступление в Северной Италии. По его мнению, прежде всего необходимо было овладеть Ломбардией и Пьемонтом, что позволяло создать базу для удара в направлении Лион, Париж. Он считал, что решительное наступление в Северной Италии, а затем на Париж должно проводиться одновременно с наступлением в Швейцарии, Южной Германии и Бельгии. Возглавляемая Суворовым в сражении в районе р. Ада союзная русско-австрийская армия численностью 48,5 тыс. человек нанесла поражение армии Ж. Моро, а затем почти за 6 недель заняла всю Северную Италию. Французские армии генералов Ж. Макдональда и Ж. Моро в июне было попытались охватывающими ударами окружить и уничтожить союзную армию. Но в сражении возле р. Треббия Суворов нанес армии Макдональда такой сильный удар, что Моро, опасаясь разделить его участь, отступил. В августе русско-австрийские войска под командованием Суворова разгромили объединенную французскую армию Б. Жубера у Нови. В результате этих побед, а также успешного Средиземноморского похода Ушакова Италия была освобождена от французского господства. В ходе этой кампании Суворов применил новые формы вождения войск и управления ими на театре военных

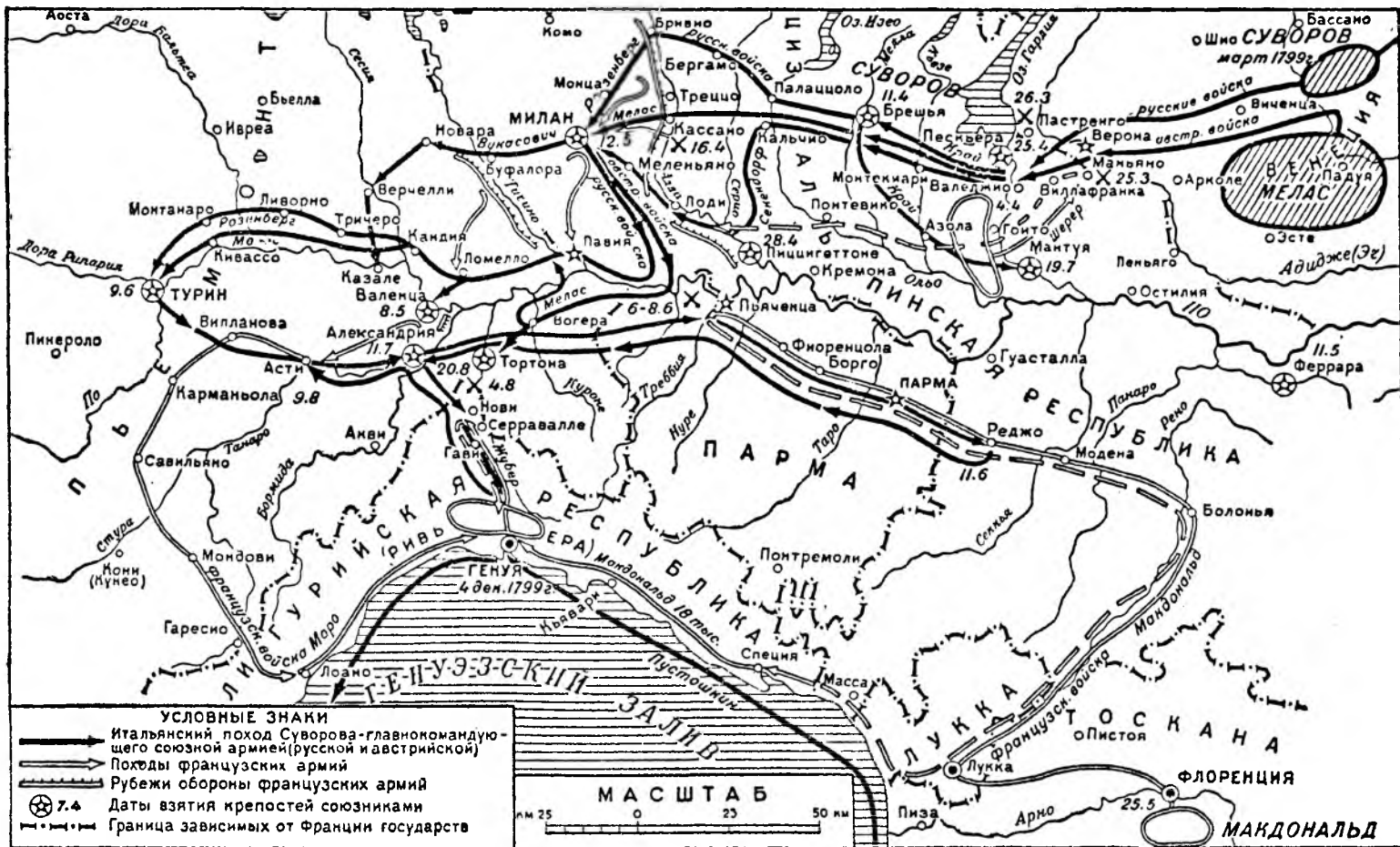

Схема 9. Итальянский поход Суворова в 1799 г.

действий. Причем самостоятельные действия отдельных групп войск, выполнявших частные задачи, были направлены на решение общего замысла полководца.

Поход Суворова по темпам наступления, а главное — по своим результатам, оказался гораздо эффективнее Итальянской кампании Бонапарта. Россия вновь доказала миру, что военное искусство русской армии — самое передовое, что Суворову нет равных среди военных стратегов.

После освобождения Северной Италии войска Суворова были направлены в Швейцарию, чтобы, соединившись там с русским корпусом А. М. Римского-Корсакова и австрийскими войсками, предпринять наступление на Францию. Однако, выяснилось, что австрийское командование предоставляет лишь незначительную часть своих войск. К тому же над русско-австрийскими войсками нависла угроза быть разбитыми французской армией генерала А. Массены. Суворов решил прорваться к своим кратчайшим путем через Альпы, то есть в тыл французских войск, а этого они, конечно, никак не ожидали. Овладев перевалом Сен-Готард, войска под руководством Суворова, перешли через Чертов мост. При подходе к Люцернскому озеру выяснилось, что противник не оставил никаких сколь-нибудь пригодных переправочных средств, а корпус Римского-Корсакова разбит в сражении под Цюрихом. Суворов принял решение повернуть на восток. Русские войска, окруженные втрое превосходившими силами неприятеля, имея ограниченное количество боеприпасов и продовольствия, с боями преодолели ряд перевалов и вышли наконец на территорию Австрии, избежав таким образом неминуемого разгрома.

Итак, созданная Петром I регулярная армия России в многочисленных войнах, сражениях и кампаниях XVIII в. практически всегда и везде одерживала блестящие победы. Это явилось следствием высокой боевой выучки, мастерства и, безусловно, мужества русских солдат. Русская армия под руководством выдающихся полководцев демонстрировала высочайший уровень военного искусства. Много передового было привнесено как в теорию, так и в практику военной стратегии.

В течение всего XVIII в. сформировалась русская военно-теоретическая школа, основу которой заложил Петр I. В дальнейшем она получила свое развитие у Румянцева, а наиболее яркое и глубокое выражение — у великого Суворова. Задолго до Клаузевица именно они сформулировали в теории, а затем реализовали на практике связь войны с политикой: раз война начата, то все должно быть направлено на успешное ее окончание. Причем непереносимое условие — это активные действия, с учетом характера войны, особенностей противника и местности. Главным в войне определялся разгром живой силы неприятеля. Как считали полководцы, осуществление этой задачи было достижимо только путем решительного поражения противника в полевом сражении.

Основным видом военных действий в русской военной стратегии того времени считалось наступление. Если же обстановка вынуждала переходить к обороне, то она использовалась для создания условий, необходимых для последующего перехода в наступление. Судьбу войны, в соответствии с российскими стратегическими взглядами XVIII в., определить могло только генеральное сражение, которое рассматривалось как кульминация всей кампании. Главная задача — уничтожение армии противника.

В последние годы XVIII в. Суворов развил это положение, подойдя к новому способу решения стратегических задач. Так, в кампании 1799 г. он применил систему нескольких последовательных ударов, направленных на поочередное уничтожение сил противника. Подобная система действий требовала от полководца умелого выбора группировки противника, которую нужно было разгромить в первую очередь; искусного применения маневра, обеспечивавшего концентрацию сил и средств на решающем направлении; стратегической и тактической внезапности. После разгрома

Схема 10. Швейцарский поход Суворова в 1799 г.

армии противника Суворов считал необходимым овладеть экономическими и политическими центрами страны. Эта суворовская стратегия опережала свое время. По сути она предвосхитила стратегию массовых армий, принятую лишь в следующем веке

5. Развитие отечественной военной стратегии в XIX в.

В XIX в. в развитии военной стратегии России отчетливо прослеживаются три этапа. Первый (в начале столетия) — дальнейшее совершенствование передовых положений, разработанных Румянцевым и Суворовым. Второй (середина века) — не только отход от них, но и забвение. Третий (вторая половина века) — попытка возрождения лучших принципов отечественной военной стратегии.

Первое десятилетие XIX в. прошло в Европе под знаком военного гения Наполеона. Франция в результате успешных действий против сил второй коалиции в 1800 г. заставила выйти из войны и заключить Люневильский мир сначала Австрию, а через два года Амьенский мир заключила Англия. Естественно, с выходом их из войны коалиция распалась. Установившийся мир оказался, однако, весьма непрочным. Уже вскоре стало ясно, что Наполеон стремится к господству над Европой, что его агрессивные замыслы затрагивают интересы всех стран Европы, в том числе и России.

Главным содержанием внешней политики России начала века стала борьба с захватническими тенденциями Наполеона и борьба за установление легитимизма в Европе. Свою политику она воплощала в ходе целого ряда войн. Войны России с Наполеоном в составе коалиций (1805 и 1806—1807), с Ираном (1804—1813), Швецией (1808—1809) и Турцией (1806—1812)¹³⁴ явились единым комплексом событий, завершившихся Отечественной войной 1812 г.

Союзные силы антифранцузской коалиции как в 1805 г., так и 1806—1807 гг. не смогли оказать достойного сопротивления армии Наполеона. Одна из причин — отсутствие общего командования всеми войсками, действовавшими против него. Кроме того, в войне 1805 г. из состава третьей коалиции, куда входили Англия, Австрия, Россия, Швеция и Королевство обеих Сицилий, военные действия вели фактически только Австрия и Россия. Причем Австрия имела почти 300 тыс. человек, а Россия смогла выставить всего около 100 тыс., да и то рассредоточенных в различных регионах. У границы с Австрией была расквартирована одна армия М. И. Кутузова численностью 50 тыс. человек¹³⁵.

В стратегическом отношении план коалиции, разработанный австрийским штабом, базировался на принципах кордонной стратегии, давным-давно устаревшей. Наполеон противопоставил своим противникам стратегию, в основе которой были маневр на театре войны, стратегический обход флангов, стремление решить судьбу кампании в одном генеральном сражении. Разбив неприятеля, он довершал дело его стратегическим преследованием. Это позволило Наполеону одержать ряд крупных побед. После поражения под Аустерлицем третья коалиция распалась.

В сражении под Аустерлицем вскрылась вся порочность маневренной стратегии и линейной тактики, которых придерживались союзники, в первую очередь Австрия. Вместе с тем война 1805 г. показала, что в лице Кутузова Наполеон имел достойного противника. Русский полководец, продолжая лучшие отечественные традиции, искал и находил в новых условиях новые формы ведения войны.

В следующем году Англия и Пруссия образовали очередную коалицию против Наполеона. К ней примкнули Россия, Швеция и Саксония. Несогласованные действия союзников привели к тому, что силы их не были собраны в единый кулак. Наполеон, внимательно наблюдавший за их действиями, решил внезапно перейти границу Прус-

сии, разгромить сначала прусскую, а затем и русскую армии. Прусскую армию он разбил за шесть недель.

Пруссию привели к поражению формы стратегии и тактики, как бы застывшие со времен Фридриха II, ограниченность военной мысли, неподготовленность ее армии к решению стратегических задач. А примененная Наполеоном стратегия генерального сражения вместе с тактикой колонн и рассыпного строя полностью оправдала себя. В сражениях под Иеной и Ауэрштедтом Наполеон продемонстрировал образец разгрома и стратегического преследования противника.

Теперь единственным противником Наполеона оставалась Россия. Однако она в то время еще вела войны с Ираном и Турцией. Все это, разумеется, сильно осложняло положение России. В 1806—1807 гг. Наполеон вел борьбу с Россией. В этой войне противостояние русской и французской армий на территории Восточной Пруссии убедили Наполеона, что перед ним сильный противник. На этот раз ему не удалось воплотить в жизнь стратегию генерального сражения, то есть одним ударом покончить с русской армией ни в сражении под Пултуском, ни под Прейсиш-Эйлау. За всю кампанию он выиграл одно-единственное сражение под Фридландом, которое, впрочем, и определило исход борьбы: коалиция потерпела очередное поражение. Был заключен Тильзитский мир, по которому Франция еще больше укрепила свои позиции в Европе.

Одной из причин неудачных действий России было то, что Наполеон вынудил ее воевать одновременно на трех фронтах — на Кавказе, в районе Дуная и в Восточной Пруссии, что, конечно, сильно ослабило русские войска на решающем участке борьбы. Хотя заключенный мир и был невыгоден для России, ей приходилось учитывать возможность успешного завершения войны на юге¹³⁶. На способ ее ведения и характер военных действий свое влияние оказали неудача русских войск под Аустерлицем и устоявшаяся уже репутация Наполеона как непобедимого полководца. Отсюда осторожность в стратегии и даже робость в выполнении общего плана войны.

В ходе войны против Турции (1806—1812) русские войска нанесли ее армии ряд поражений на Балканах и Кавказском театрах, а в Дарданельском и Афонском сражениях флот России одержал победы над турецким. Исход войны решил разгром турок Дунайской армией под командованием Кутузова в сражении под Рущуком. Окруженная в районе Слободзеи, она вынуждена была капитулировать.

Начало, ход военных действий и их окончание определялись задачами всей политики России в целом. Способ ведения войны выбирался на основе анализа соотношения сил противостоявших сторон. В этой войне Россия не имела возможности выставить достаточное количество сил для быстрее решения задач, так как ее главные силы почти непрерывно были задействованы на более важных театрах. Второстепенное значение Дунайского театра войны со всеми вытекающими из этого негативными последствиями ставило командование действовавших здесь русских войск в сложное положение. Даже полководческий талант командующих, в первую очередь Кутузова, не позволил решить все стратегические задачи.

Войны первого десятилетия XIX в., в которых принимала участие Россия, являлись звеньями общей цепи событий, которые неуклонно развивались под влиянием обострившихся международных отношений, главным образом усиления агрессивных замыслов Наполеона. Необходимость противопоставления силам Бонапарта достаточно мощной армии, прежде всего соответствовавшей новым условиям, поставила на повестку дня вопросы лучшей организации вооруженных сил России.

В области военной стратегии складывались те ее черты, которые окончательно оформились в Отечественную войну 1812 г. Носителем и продолжателем передовых традиций русского военного искусства являлся, безусловно, Кутузов. Хотя в проведенных в этот период войнах гений Кутузова еще не раскрылся во всей своей полноте,

было уже совершенно очевидно, что в его лице Россия имеет великого стратега.

В Отечественной войне 1812 г. военная стратегия России достигла еще одной вершины. Накануне ее Наполеон стал полновластным хозяином Европы и строил планы завоевания мирового господства. «Через пять лет я буду господином мира; остается одна Россия, но я раздавлю ее», — уверенно заявлял он в 1811 г.¹³⁷ Россия оказалась главным препятствием на пути к мировой империи Наполеона.

Еще задолго до войны 1812 г. Наполеон предпринимал попытки поставить Россию в зависимое положение путем ее экономического и военного ослабления. Дело в том, что одним из тяжелых условий Тильзитского договора было присоединение России к континентальной блокаде Англии. Так как Великобритания являлась главным торговым партнером России, вынужденный разрыв с ней привел к резкому сокращению оборота русской внешней торговли.

Обострились и политические противоречия между Францией и Россией. Политика Наполеона, направленная на поглощение Францией ряда мелких государств в Европе, снижала престиж России и затрагивала династические интересы российского императорского двора. Особо серьезные трения вызывала французская политика в Польше. Созданное по условиям Тильзитского договора герцогство Варшавское было превращено Наполеоном в плацдарм для нападения на Россию. Антирусская направленность французской дипломатии накануне войны усилилась и на юге — в Иране и Турции. Франция оказывала разнообразную помощь Ирану в войне против России, всячески помогала турецкому султану.

Обострение франко-русских отношений самым неожиданным образом проявилось в столкновении интересов двух династий. Когда Наполеон задумал посвататься к сестре императора Анне Павловне, Александр I категорически отказался породниться с ним.

Таким образом, после Тильзита русско-французские отношения настолько обострились, что война стала неизбежной. В ноябре 1811 г. Александр I писал: «Мы... постоянно настороже: все обстоятельства такие острые, все так натянуто, что военные действия могут начаться с минуты на минуту»¹³⁸.

Наполеон к тому времени уже имел огромные ресурсы. Вооруженные силы Франции, подчиненных ей государств и союзников достигали к началу 1812 г. 1 187 тыс. человек. Из них непосредственно для похода в Россию Наполеон сформировал «великую армию». Она насчитывала 608 тыс. человек, в том числе 100 тыс. нестроевых, при 1 372 орудиях, а также 156 тыс. строевых и обозных лошадей¹³⁹.

Армия России накануне войны составляла примерно 540 тыс. Но для ведения военных действий на западе она смогла сосредоточить всего лишь 210 тыс. Войска были сведены в три группировки. 1-я армия под командованием генерала М. Б. Барклай-де-Толли (120 тыс. человек, 550 орудий) прикрывала петербургское направление; 2-я армия под командованием генерала П. И. Багратиона (45—50 тыс. человек, 170 орудий) сконцентрировалась на московском направлении; 3-я армия под командованием генерала А. П. Тормасова (40 тыс. человек и 168 орудий) располагалась на киевском направлении. Северные границы прикрывала войска Нарвского корпуса, южные — Дунайская армия и войска, расположенные в Закавказье¹⁴⁰.

Наполеон довольно продолжительное время разрабатывал стратегический план войны против России. В основе его лежало стратегическое наступление. За счет стремительного вторжения в пределы России он намеревался с первых же шагов захватить в свои руки инициативу. Главный удар Наполеон намеревался нанести на Москву. «Если я займу Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее в сердце», — говорил он¹⁴¹. По его мнению, наступление на Москву отвечало требованиям политической и стратегической обстановки. Имея целью полное завоевание России, Наполеон накануне втор-

жения — 14 мая 1812 г. в разговоре с михельнским архиепископом Прадтом так охарактеризовал свой замысел: «Я иду на Москву, и в одно или два сражения все кончу. Император Александр будет на коленях просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россию. Меня ждут там; Москва — сердце империи; без России континентальная система есть пустая мечта»¹⁴².

В свою очередь и в России уже с 1810 г. разрабатывались и рассматривались планы предстоящей войны. Первоначальный план войны против Наполеона подготовил военный советник императора — генерал Фуль. Его рекомендации сводились к следующему: «...отступая с той из армий, против которой направляются главные силы противника, из одной крупной позиции на другую, ослабляя его постепенно, направить в то же время ему в тыл другую нашу армию»¹⁴³. Фуль исходил из того, что Наполеон предпримет наступление в направлении на Вильно или Гродно. Поэтому на Западной Двине, у Дриссы, был создан большой укрепленный лагерь, опираясь на который 1-й армии предстояло удерживать противника с фронта.

2-я армия должна была, опираясь на борисовские укрепления, действовать во фланг и тыл неприятеля. В своем плане Фуль по сути желаемое принимал за действительность. Предпринятое в соответствии с ним разделение сил на части, заведомо обрекало их на ограниченные действия, что выгодно было одному Наполеону. Содержание русского стратегического плана, по которому войска перед лицом сильного противника рассредоточивались на отдельные группировки, причем на широком фронте, соответствовало основной цели замысла Наполеона: врезаться между разделенными русскими армиями, не дать им возможности соединиться и, зажав в клещи, уничтожить каждую в отдельности.

Помимо крупных стратегических просчетов в плане Фуля весьма важным упущением было отсутствие общего главнокомандования. Александр I, осуществлявший стратегическое руководство как глава государства, единолично отдавал все распоряжения по развертыванию войск на западной границе. Однако приказа о своем вступлении в главнокомандование всеми армиями император не отдал. Реально, русские армии оставались без единого главнокомандующего.

Хотя к войне готовились давно и ждали ее, вторжение Наполеона в Россию оказалось неожиданным. В ночь на 12 июля наполеоновская армия перешла границу по трем мостам, наведенным через Неман, и без объявления войны вторглась в пределы России.

Невыгодное стратегическое положение русских войск, превосходство противника в силах и средствах вынудили русское командование отдать приказ 1-й и 2-й армиям на отступление. Для войск особенно трудным и сложным явился первый период отступления — от Вильно до Смоленска. Расчлененные крупными силами французов, 1-я и 2-я русские армии совершали отход на большом удалении друг от друга.

Командование обеих армий стремилось объединить свои усилия. Отступление русских сопровождалось ожесточенными арьергардными боями, в которых французы несли большие потери. 22 июля армии соединились наконец у Смоленска. Это было важнейшим событием в первый период войны. Хотя русские войска за 38 дней прошли более 600 км, им удалось сохранить свои основные силы. Намерение Наполеона разгромить русскую армию в приграничном генеральном сражении так и осталось несбывшейся мечтой¹⁴⁴.

4—6 августа произошло Смоленское сражение — одно из крупнейших в войне 1812 г. Однако оно не переросло в генеральное сражение, как того желал Наполеон. Причина этого в том, что командование русской армии не ввело в сражение своих главных сил, понимая необходимость сохранения армии в условиях явного преимущества противника в силах. Смоленское сражение имело важное стратегическое значение, так как показало, с одной стороны, растущую силу сопротивления

русской армии, а с другой, — обнаружило провал в расчетах Наполеона на быструю победу. Хотя в руках французов оказались крупные опорные пункты на пути к Москве, Наполеон не достиг главной цели — разбить русскую армию в одном генеральном сражении.

Именно в это время император назначает фельдмаршала Кутузова главнокомандующим всеми русскими войсками. Армия его знала как ученика Суворова и выдающегося полководца, а поэтому восприняла его назначение с ликованием. Приход нового главнокомандующего означал применение новой стратегической линии, иных, чем прежде, путей и способов решения судьбы войны.

Еще в Петербурге, перед отъездом в войска, Кутузов собрал все необходимые сведения о состоянии вооружения регулярных войск, об ополчении и общем количестве резервов. Он прибывает в армию с намерением сразу же перейти к активным действиям, но, за три дня уяснив обстановку на месте, отказывается от намеченного было сражения при Царево-Займище, где сосредоточилась русская армия, и отдает приказ отступать. Фельдмаршал понимал, что рассчитывать на успех сражения можно было лишь в том случае, если пополнить армию, а значит уравнивать шансы на победу. Лишить противника численного превосходства за счет увеличения коммуникационной линии, заставить Наполеона путем активных действий в тылу выделить для ее прикрытия значительные силы, выиграть время для пополнения своих сил — таков был замысел. «Усилиясь таким образом ... в состоянии буду для спасения Москвы отдаться на произвол сражения», — докладывал Кутузов императору¹⁴⁵.

7 сентября произошло Бородинское сражение. Наполеон, который по-прежнему следовал своей стратегии, рассматривал это сражение как генеральное. Русская армия (120 тыс. человек и 640 орудий), умело маневрируя резервами, отразила мощный фронтальный удар французов (135 тыс. человек и 587 орудий). Урон, нанесенный армии Наполеона, серьезно подорвал наступательные возможности противника. Потери наполеоновских войск составили 38 тыс. человек, русских — 38,5 тыс. Сам Кутузов вовсе не считал сражение при Бородино генеральным. Для него важно было дать понять Наполеону, что русская армия не намерена сдавать Москву без боя. Не последнюю роль сыграла необходимость сохранить доверие к нему армии. Однако, видя, что сохранить боеспособную армию можно только одним способом — оставив Москву, Кутузов так организовал отход войск, что наполеоновский принцип «война кормит войну» оказался неосуществимым. При отходе русские войска уничтожали и увозили все материальные и продовольственные запасы. Оказавшись в Москве, Наполеону пришлось больше думать не о победе, а о немедленном заключении мира, о спасении своей армии от разложения и голода. Три раза он делал Александру I предложение о заключении мира и все три раза получал отказ.

Русская армия отступила по рязанской дороге, но внезапно свернула на запад, к Подольску, затем — в Тарутино. При этом части сил Кутузов приказал отходить на Рязань. Этот марш-маневр вошел в историю Отечественной войны 1812 г под названием Тарутинского. Он по праву является достижением полководческого таланта Кутузова, ибо русские войска получили возможность оторваться от неприятеля, а, прикрыв Калугу, Тулу и Брянск, они заставили Наполеона отказаться от плана двинуть свою армию на Петербург.

Став лагерем в Тарутино, русская армия начала подготовку к контрнаступлению. Целью его было не вытеснение, а истребление армии Наполеона. После тщательной и всесторонней подготовки в материальном, военном и моральном отношении русская армия перешла к активным действиям. Кутузов запланировал переход армии в контрнаступление как целый ряд последовательных, целеустремленных действий. Исключительно умело он выбрал место и время для удара. 6 октября русские войска возле реки Чернишне внезапно атаковали войска Мюрата. Сильный удар 12-тысячного

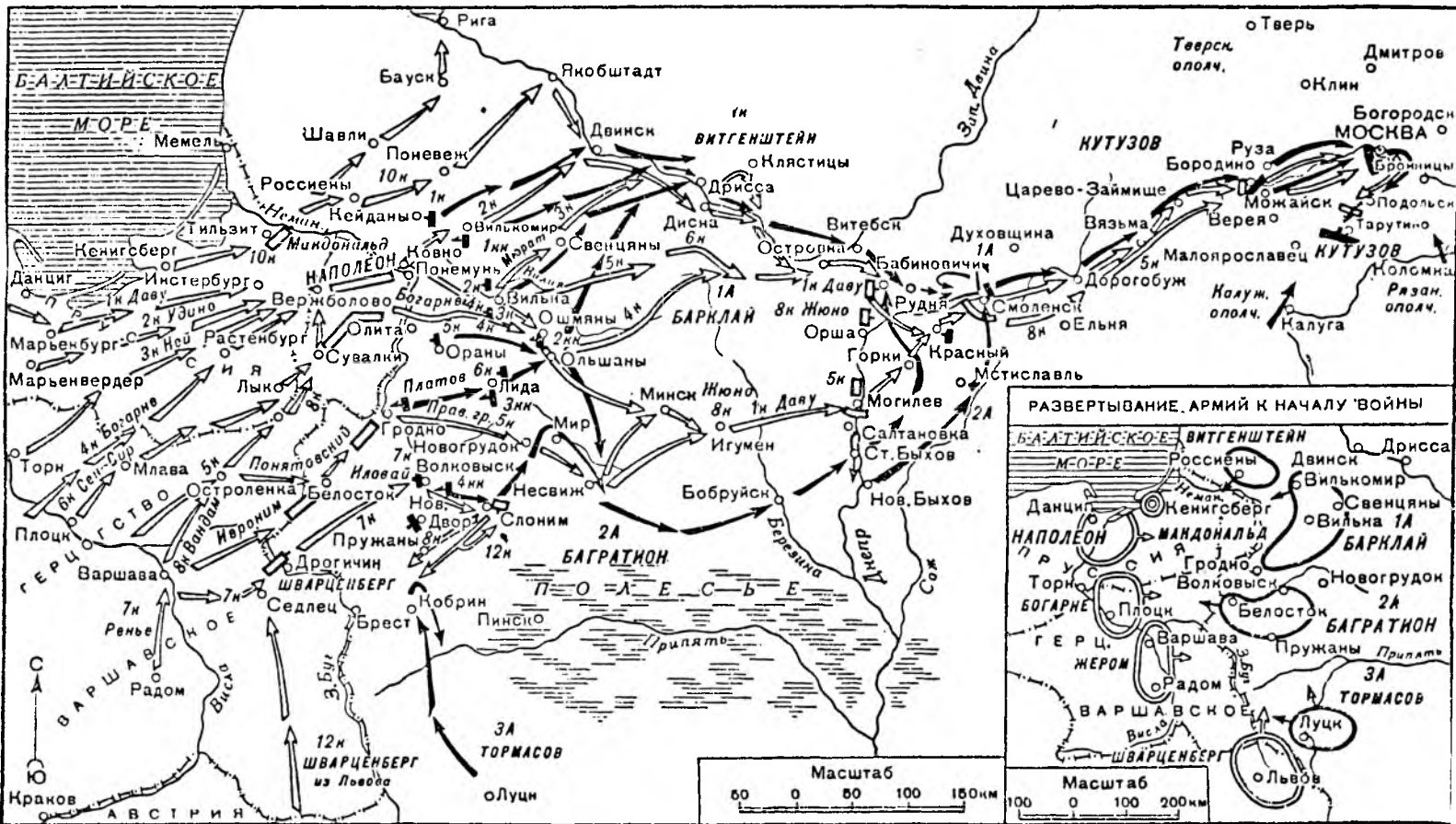

Схема 11. Наступление армий Наполеона в 1812 г.

русского отряда буквально опрокинул 50 тыс. французов. Это сражение явилось первым ударом, который ускорил переход главных сил русской армии в общее контрнаступление.

Узнав о разгроме армии Мюрата, Наполеон решил оставить Москву и пробиваться в Калугу. Бегство было поспешным, но свое отступление Наполеон попытался обставить так, будто он совершает наступательный маневр в направлении Калуги. Однако Кутузов предвидел все дальнейшие шаги противника и не допустил его осуществления. Русская армия преградила французам дорогу в сражении у Малоярославца и заставила их отступить. Упредив Наполеона и у Медыни, Кутузов вынудил его повернуть на разоренную смоленскую дорогу. Иначе говоря, вырванную у Наполеона стратегическую инициативу Кутузов творчески использовал для подготовки общего контрнаступления, основным способом ведения которого стало стратегические преследование. «Думаю нанести Наполеону величайший вред параллельным преследованием и действовать на его операционном пути», — делился фельдмаршал своими мыслями¹⁴⁶.

Стратегическое преследование в сочетании с боями и сражениями, а также активными действиями партизанских отрядов, организованных Кутузовым, имело целью не вытеснение, а полное уничтожение противника. Для этого русские войска наносили французам непрерывные последовательные удары. В операциях под Малоярославцем и Вязьмой, в районе деревни Ляхово и возле р. Воль, в районе Соловьевской переправы и Дорогобужа, около Смоленска и Красного русские войска совместно с партизанами уничтожили большую часть сил противника.

В соответствии с точным расчетом Кутузова уцелевшая после разгрома под Красным часть армии Наполеона попала в полное окружение возле р. Березина. Именно на этой реке французская армия прекратила свое существование как военная сила. Сражение на Березине стало последним этапом Отечественной войны 1812 г. Дальнейшее отступление некогда великой армии превратилось в беспорядочное бегство. К началу декабря 1812 г. русские войска своими главными силами заняли Вилькомир, Вильно, Воложин, причем отдельные части достигли линии Россияна—Ковно—Гнезно—Воложин—Ковель. Из Вильно Кутузов писал императору: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля»¹⁴⁷.

Отечественная война 1812 г. завершилась полной победой России. В борьбе за национальную независимость и государственную самостоятельность России отечественная военная стратегия качественно совершенствовалась. В лице Кутузова военная теория унаследовала все лучшее, что создала русская национальная военная школа со времен Петра I, Румянцева и Суворова. Кутузов поднял русское военное искусство на новую ступень.

Заслуга Кутузова состоит и в его особой дальновидности: он весьма точно определил сильные и слабые стороны Наполеона и его армии. Фельдмаршал всесторонне учел новые условия ведения войны, выявившиеся еще в начале XIX в. Кутузов выдвинул военную стратегию, основанную на всестороннем учете всех факторов войны, состоянии вооруженных сил, в том числе морально-боевых качеств личного состава. Впервые план разгрома неприятеля вылился в форму контрнаступления. Стратегии генерального сражения, исповедуемой Наполеоном, русский полководец противопоставил стратегию, основанную на всем многообразии форм вооруженной борьбы: стратегическое отступление в сочетании с системой отдельных сражений, стратегический маневр на главном театре войны, активные действия на второстепенных направлениях, активная оборона с последующим переходом в контрнаступление, стратегическое преследование. Впервые в истории действия партизан были включены в общестратегический план войны и заняли в нем достойное место

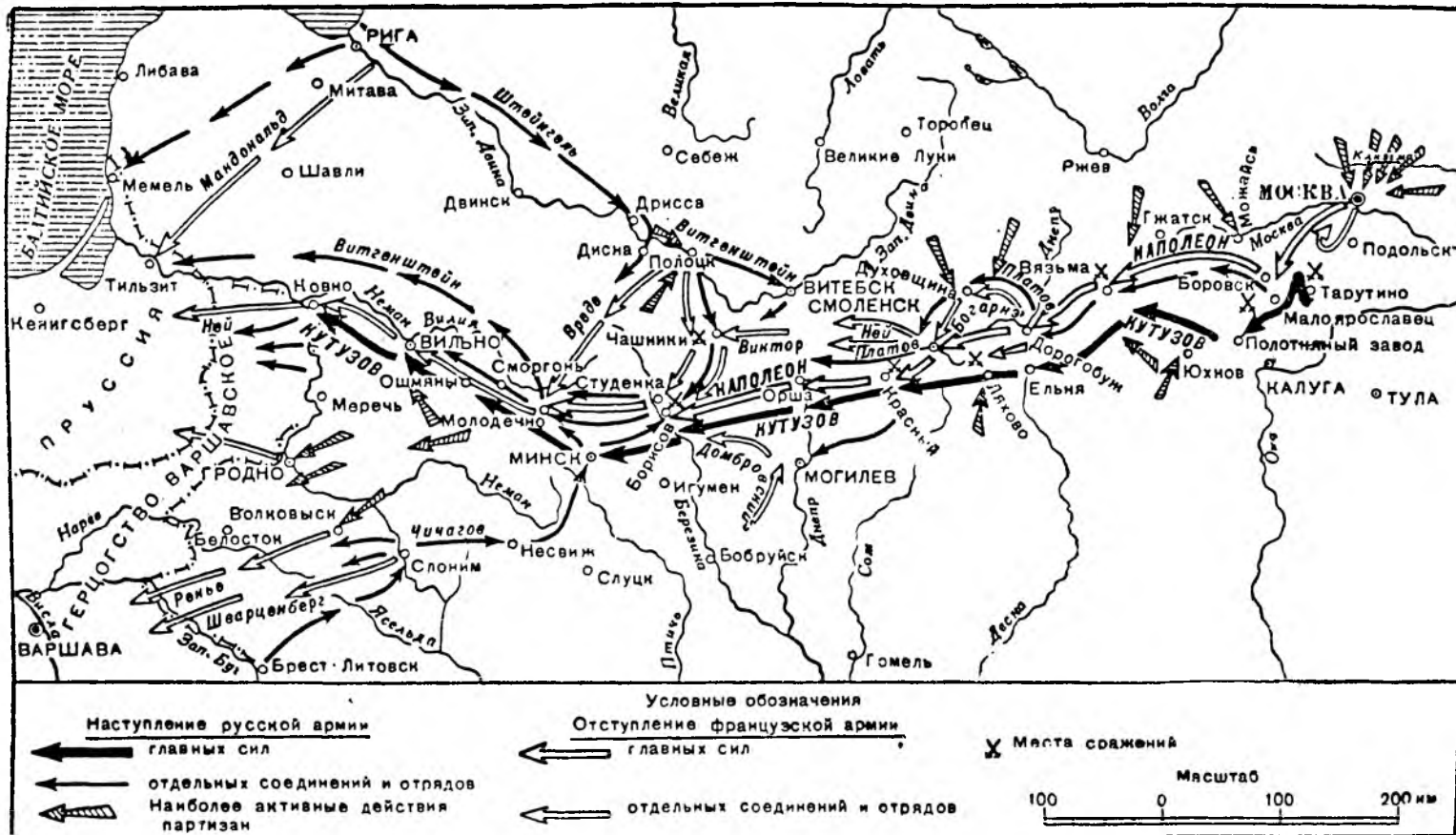

Схема 12. Наступление русской армии и уничтожение армии Наполеона

Отечественная война 1812 г., а также заграничные походы 1813—1814 гг. оказали особенно большое влияние на развитие военно-теоретической мысли. Наряду с такими западными военными теоретиками, как А. Бюлов, А. Жomini, эрцгерцог Карл, К. Клаузевиц, Г. Ллойд, русская военная мысль билась над разрешением вопросов о роли военной науки, сущности военной стратегии, способах ведения как войны в целом, так и боевых действий в частности. В своих работах И. Г. Бурцев, Ф. Н. Глинка, П. И. Пестель, Н. М. Муравьев дали характеристику понятиям «стратегия» и «тактика»¹⁴⁸. В определении стратегии и тактики они поднялись до понимания того, что стратегия есть наука о войне в целом, а тактика — наука о бое. Большое внимание уделялось разработке вопросов о связи войны и политики, значении морального фактора в войне.

Реакция, наступившая в России после разгрома 14 декабря 1825 г. восстания на Сенатской площади, отразилась прежде всего на армии, а значит, и на военной науке. Широкое распространение в России получили теоретические воззрения А. Жomini. Участник ряда наполеоновских войн, он перешел на русскую службу. Получив поддержку официальных кругов, Жomini в своих трудах всячески возвышал военную стратегию Наполеона и, наоборот, умалчивал об опыте русской военной школы, как бы забыв о новаторских идеях Суворова и Кутузова.

Однако это не означает, что совсем не развивалось отечественное военное искусство. Труды Н. В. Медема, Д. А. Милютина, Н. Д. Неелова, П. А. Языкова, которые были посвящены как раз основным проблемам теории военной стратегии, служат прекрасным подтверждением этого¹⁴⁹. Среди них стоит особо выделить работы Языкова. Считая стратегию важнейшей частью военно-теоретических знаний, он писал: «Стратегия даже в неполном своем объеме, как она существует ныне, заслуживает особенного внимания людей просвещенных, ибо по важности практических действий, к которым эта теория прилагается, она должна занимать важное место в области познаний человеческих»¹⁵⁰. По его определению, «стратегия есть искусство наивыгоднейшего употребления вооруженных сил на театре войны для достижения определенной политической цели»¹⁵¹.

Далее Языков анализирует связь политики со стратегией. Ряд выдвинутых им положений свидетельствуют о глубоком понимании рассматриваемого вопроса. «Цель войны, — указывал он, — составляет политическую идею, определяется политическими обстоятельствами, следовательно, политика дает главное направление военным действиям»¹⁵². Языков выделил два направления в теории стратегии: первое — «свод стратегических истин, предшествующих рассмотрению вопроса об употреблении вооруженных сил на театре войны»; второе — «свод стратегических истин, относящихся к рассмотрению вопроса об употреблении вооруженных сил на театре войны». Под первым направлением подразумевался анализ основания для действий, предметы действий, стратегические пункты, стратегические свойства крепостей и укрепленных лагерей, стратегические линии. Второе направление составляли характеристика театра, операционных линий (общих и местных), организация тыла, снабжения армии, управление войсками, роль и место сражения, значение партизанских действий в стратегическом отношении.

Подводя итоги, Языков отмечал: «Свод стратегических понятий, если он изложен систематически и отчетливо, должен верно изображать положение теории стратегии в настоящем ее развитии, предоставляя времени дальнейшее развитие науки, ибо теория стратегии должна усовершенствоваться и развиваться подобно всем отраслям познаний человеческих»¹⁵³.

В целом к середине XIX в. отечественная военно-теоретическая мысль достигла серьезных успехов. Были определены критерии, обуславливавшие необходимость

научного обоснования основных положений военной стратегии, намечены тенденции в ее дальнейшем развитии. Все это предполагало активное наращивание военнo-научных изысканий в области стратегии, широкое внедрение новых идей в практику подготовки государства и вооруженных сил к будущим военным действиям. Но для этого с учетом новых условий необходимо было провести крупные преобразования всей военной системы России. Однако практика показала совсем иное. Если воспользоваться современной терминологией, то можно сказать, что в период царствования Николая I (1825—1855) государство находилось в состоянии застоя. К середине XIX в. Россия сильно отставала от западноевропейских стран по многим показателям, но прежде всего в сфере промышленности и военном отношении. В то время как в Европе шел активный процесс перехода к массовым армиям, в России незыблемой оставалась рекрутская система комплектования войск, которая в отличие от воинской повинности не обеспечивала вооруженные силы достаточным контингентом обученного резерва. В свою очередь замедленное развитие промышленности и техники производства отрицательно сказывалось на состоянии и возможностях военных предприятий, которые не обеспечивали потребности армии.

Неудовлетворительным было положение с производством оружия и боеприпасов. Сложности финансового характера не позволили полностью вооружить войска новыми капсюльными и нарезными ружьями-штуцерами. К 1851 г. количество штуцеров в пехоте не превышало 4—5%¹⁵⁴. Да и артиллерия находилась не в лучшем состоянии. Ее гладкоствольные полевые и осадные орудия мало чем отличались от артиллерийских систем, принятых в армии еще в начале XIX в.

Русские военно-морские силы были представлены Балтийским и Черноморским флотами, Архангельской, Каспийской и Камчатской флотилиями. Но в основном флот был оснащен парусными кораблями, на вооружении которых была все та же гладкоствольная артиллерия. А боевых паровых судов насчитывалось к началу Крымской войны (1853—1856) всего 15 единиц¹⁵⁵.

Появившиеся в 30-е годы XIX в. железные дороги не смогли существенно повысить военно-экономический уровень России, так как их строительство продвигалось очень медленно. К 1853 г. страна имела всего 986 верст железнодорожных путей. На юге России вообще не имелось ни одной железнодорожной колеи¹⁵⁶.

Крупные недостатки в военной системе Российской Империи безусловно отрицательно влияли на военную стратегию. Даже Главный штаб — ведущий орган военно-стратегического руководства, а также созданная в 1832 г. Императорская военная академия не стали «мозгом армии», центрами развития военного искусства, способными творчески перерабатывать и внедрять все новое в области военной стратегии. В русской армии насаждались официально возведенные в военную доктрину образцы наполеоновской стратегии.

Войны, которые вела Россия в 20-е — 40-е годы, мало повлияли на военную стратегию. Считалось, что русско-иранская (1826—1828), русско-турецкая (1828—1829) войны, не говоря уже о военных действиях в Кавказской войне (1802—1864), имели специфический характер из-за особенностей театров войны и ограниченного количества привлекаемых сил. Вот почему соответствующих выводов, которые повлияли бы на военную стратегию, сделано не было. Но их ход, особенно русско-турецкой войны, впрочем, как и подготовка к ним, выявили настоятельную необходимость перехода от системы рекрутских наборов к воинской повинности. Пришлось проводить военные кампании с теми войсками, которые имелись. Понесенные при этом большие потери приводили к тому, что в решающий момент у России не оказалось резервов для достижения полной победы. Причем выяснилось, что стратегические планы оказались плохо обеспечены в материальном отношении: военные заводы не были готовы к увеличению производства вооружения и боеприпасов.

Войны еще раз подтвердили зависимость стратегии от политики вообще и от внутренней политики в частности. Выявились также, что стратегические планы войны необходимо разрабатывать лишь с учетом всего комплекса отношений, причем как с противной стороной (Ираном и Турцией), так и с многочисленными народами, населявшими Центральный Кавказ, Закавказье и Балканы. Опыт этих войн показал также возросшую роль разработки и осуществления стратегического взаимодействия не только между войсками, действовавшими на различных театрах войны, но и с военно-морским флотом.

Однако в целом, из опыта этих малых войн официальная военно-теоретическая мысль должных обобщений и выводов не сделала. К середине века военная стратегия России придерживалась тех же положений, что и в начале его. С полной отчетливостью это проявилось в Крымской войне.

В начале 50-х годов центральное место в Европе занимал восточный вопрос. В то время как Турецкую империю раздирали внутренние противоречия, внешнеполитические устремления Англии, Франции и России пересеклись на Ближнем Востоке. Если Англия и Франция стремились утвердить в этом регионе свое господство, то Россия дипломатическим путем традиционно продолжала бороться за черноморские проливы, хотя и не прочь была усилить свое влияние на Балканах. Напряженная внешнеполитическая борьба не смогла разрешить противоречия между ведущими державами Европы. Ряд дипломатических промахов Николая I привел к тому, что почти вся Европа ополчилась против России.

В разразившейся в 1853 г. Крымской (Восточной) войне России пришлось противостоять коалиции государств в составе Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства. Россия смогла выставить армию в 700 тыс., а ее противники — почти 1 млн. человек¹⁵⁷.

Русские войска были рассредоточены на различных театрах войны. Из-за угрозы вмешательства в войну Австрии, Пруссии и Швеции Россия вынуждена была держать значительную часть армии на своей западной границе, а большую часть сил флота — в Балтийском море. Неблагоприятная внешнеполитическая обстановка вынудила отказаться от плана активных действий и перейти к пассивной обороне. Стратегический план России не отличался особой конкретностью, так как нападения можно было ожидать отовсюду, а потому войска пришлось держать наготове на всех направлениях.

По существу, у Турции тоже не было сколь-нибудь ясно выраженного стратегического плана. На Дунае она придерживалась оборонительной позиции. Активные действия предполагались главным образом на Кавказе, где войскам ставилась задача овладеть Закавказьем. Затем намечалось выйти к Центральному Кавказу, где горцы Шамиля вели борьбу против русских¹⁵⁸.

Англия и Франция также не имели согласованного стратегического плана. В данной войне их больше беспокоили, впрочем как и ранее, лишь собственные интересы. Отсутствие единства в целях приводило к разрозненным действиям.

Война началась военными действиями между Россией и Турцией. В первый год кампании русская армия под командованием генерала М. Д. Горчакова в составе 82 тыс. человек вела ограниченные боевые действия на Балканах против турецкой армии Омер-паши, насчитывавшей около 150 тыс. человек.

По другому разворачивались события на Кавказе. Русские войска отразили попытки турецкой армии развернуть наступление на Александрополь и Тифлис. Свои действия турки собирались совместить с выступлением Шамиля. Но после поражения главных сил турецких войск в сражениях под Ахалцике и Башкадыкларом Шамиль изменил свои намерения. Несмотря на неудачи в Закавказье, турецкое командова-

ние не оставило попыток захватить Кавказ. Сосредоточив крупные силы у Синопа, оно предполагало с помощью флота высадить десант у Сухум-Кале¹⁵⁹.

Русский флот под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова блокировал турецкий флот в северных портах и в Синопском морском сражении уничтожил турецкую эскадру Осман-паши. Эта победа имела стратегическое значение. Она сорвала замысел коалиционного командования по высадке крупного десанта на Кавказе.

Победы России на суше и на море выявили военную несостоятельность Турции, что ускорило вступление в войну Англии и Франции. В кампании 1854 г. англо-французский флот предпринял широкие диверсионные операции против русских портов в Балтийском, Черном, Белом, Баренцевом морях, а также на Тихом океане. Однако все эти разрозненные операции ожидаемого успеха не принесли. Гарнизоны Одессы, Петропавловска-Камчатского, Соловецкого монастыря, Гангута, хотя и многочисленные, дали достойный отпор десантам противника.

Потерпев фиаско на разных театрах, англо-французское командование решило сконцентрировать совместные усилия в бассейне Черного моря. Осенью основные события развернулись в Крыму, где высадилась англо-французская армия численностью в 62 тыс. человек под командованием А. Ж. Сент-Арно и Ф. Дж. Раглана. Коалиционные войска на р. Альма нанесли поражение русской армии А. С. Меншикова, имевшей 34 тыс. человек, а затем блокировали Севастополь. Балаклавское и Инкерманское сражения, а также героизм русского гарнизона при обороне Севастополя, которой блестяще руководили адмиралы В. А. Корнилов, П. С. Нахимов и В. И. Истомин, заставили англо-французское командование отказаться от попыток штурмом овладеть Севастополем. Началась его длительная осада.

Продолжались военные действия на Кавказе. В сражении под Кюрюк-Дара 18-тысячный русский отряд нанес поражение 60-тысячной турецкой армии. Примененные русскими ракеты сильно повлияли на моральный дух противника¹⁶⁰. Лишь остатки турецких войск укрылись в крепости Карс. И опять надежды на Шамиля не оправдались. Его попытка захватить Владикавказ не удалась. Более того, русские войска блокировали его в горах.

В 1855 г. военные действия велись на всех театрах, включая акватории Балтики и Тихого океана, но решающим по-прежнему оставался Крым. Несмотря на героическую борьбу русские войска под нажимом превосходивших сил противника вынуждены были оставить Севастополь. Правда, на Кавказе корпус генерала А. И. Муравьева блокировал турецкий гарнизон в Карсе и заставил его капитулировать. В конце года военные действия фактически прекратились.

20 марта 1856 г. Россия подписала Парижский трактат, по коему она потеряла прилегающую к Дунаю южную часть Бессарабии и, следовательно, перестала быть дунайской державой. Это позволило Австрии почти полностью монополизировать судоходство на Дунае. Россия теряла право покровительства над славянскими народами Балкан и дунайскими княжествами. Отныне их брали под свое покровительство европейские державы. России пришлось отказаться от протектората над православными христианами в Турции, вследствие чего российские официальные круги потеряли одно из важнейших средств воздействия на правительстве Турции. Черное море было объявлено нейтральным и открытым для торгового флота всех стран. России было запрещено иметь там военный флот. Парижский трактат нанес сильный удар по ее престижу. Международное влияние России в Европе и на Ближнем Востоке было подорвано как никогда ранее.

Выводы из опыта Крымской войны явились фундаментом для коренного пересмотра основных положений военной доктрины государства и его военной стратегии. Ни у кого не вызывало сомнения, что нужна решительная перестройка всей военной системы, дискредитировавшей себя в ходе войны. Главный вывод был однозначным:

необходима массовая армия, сформированная на основе изменения системы комплектования войск, то есть введения всеобщей воинской повинности.

Второй задачей, причем не менее важной, считалось перевооружение создаваемой армии. Для этого предстояло в корне реформировать не только военную промышленность, но и всю экономику государства в целом. Стремительно развивающиеся средства связи и транспорта по-новому ставили вопрос о районах дислокации войск и их переброске на отдельные театры войны. Уже давно назрело время создать широкую сеть стратегических железных дорог.

В предыдущих стратегических планах как войны в целом, так и отдельных кампаний связь стратегии с политикой учитывалась слабо. Поэтому не приходится удивляться, что в Крымскую войну со всей очевидностью проявилось несоответствие между поставленными целями и теми возможностями, которыми располагала Россия. Все стратегические планы строились только из расчета существующего контингента войск. А медленное сосредоточение и развертывание войск, столь же медленное маневрирование ими на театрах войны обуславливались отсутствием достаточного количества средств передвижения. В довершение ко всему высшее командование в большинстве своем оказалось не способным осмыслить новые формы борьбы, что не позволяло русской армии успешно решать стратегические задачи.

Война показала недостаточную подготовку театров войны в инженерном отношении. Лишь две базы Балтийского флота — Кронштадт и Свеаборг оказались подготовленными к обороне. Все остальные морские крепости были в неудовлетворительном состоянии. По существу, любая из морских границ России была открыта для вторжения. Только благодаря героическим действиям гарнизонов удалось отразить десанты противника.

Наконец, война поставила вопрос о реорганизации органов стратегического военного руководства и перестройки форм управления войсками.

В целях ликвидации военной отсталости России в 60-е — 70-е годы были проведены военные реформы под руководством военного министра Д. А. Милютин. Рекрутскую повинность заменила всесословная воинская повинность. Отныне к службе в армии привлекались лица мужского пола, достигшие 21 года. Срок службы в сухопутных войсках сократился с 20 до 6 лет, на флоте — до 9 лет.

Закон о воинской повинности решил одну из основных задач реорганизации армии. Он положил начало формированию запаса обученных резервов и создал условия для увеличения численности армии. Источники комплектования войск были расширены почти на 20%. К началу русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в армии насчитывалось 1 474 500 человек, из них находились в запасе около 752 тыс., в строю — более 722 тыс.¹⁶¹

Кардинальным изменениям подверглась система военного управления. Фактически до сих пор в России не было единого высшего военного органа, способного направлять развитие вооруженных сил в соответствии с требованиями обстановки. К 1868 г. в военном министерстве удалось сосредоточить все командные, военно-административные и хозяйственные функции, т. е. достичь единства высшего руководства войсками.

Благодаря тому же Милютину была введена военно-окружная система управления войсками, образовано 15 военных округов. Создание их сделало систему управления вооруженными силами более гибкой, а главное — приблизило ее к войскам. С образованием военных округов, а затем губернских и уездных военных управлений, утвердилась практика составления мобилизационных планов, что обеспечивало быстрое отмобилизование и развертывание армии на случай войны. Стало возможным проводить мобилизацию за 30—40 дней вместо прежних 3—6 месяцев¹⁶².

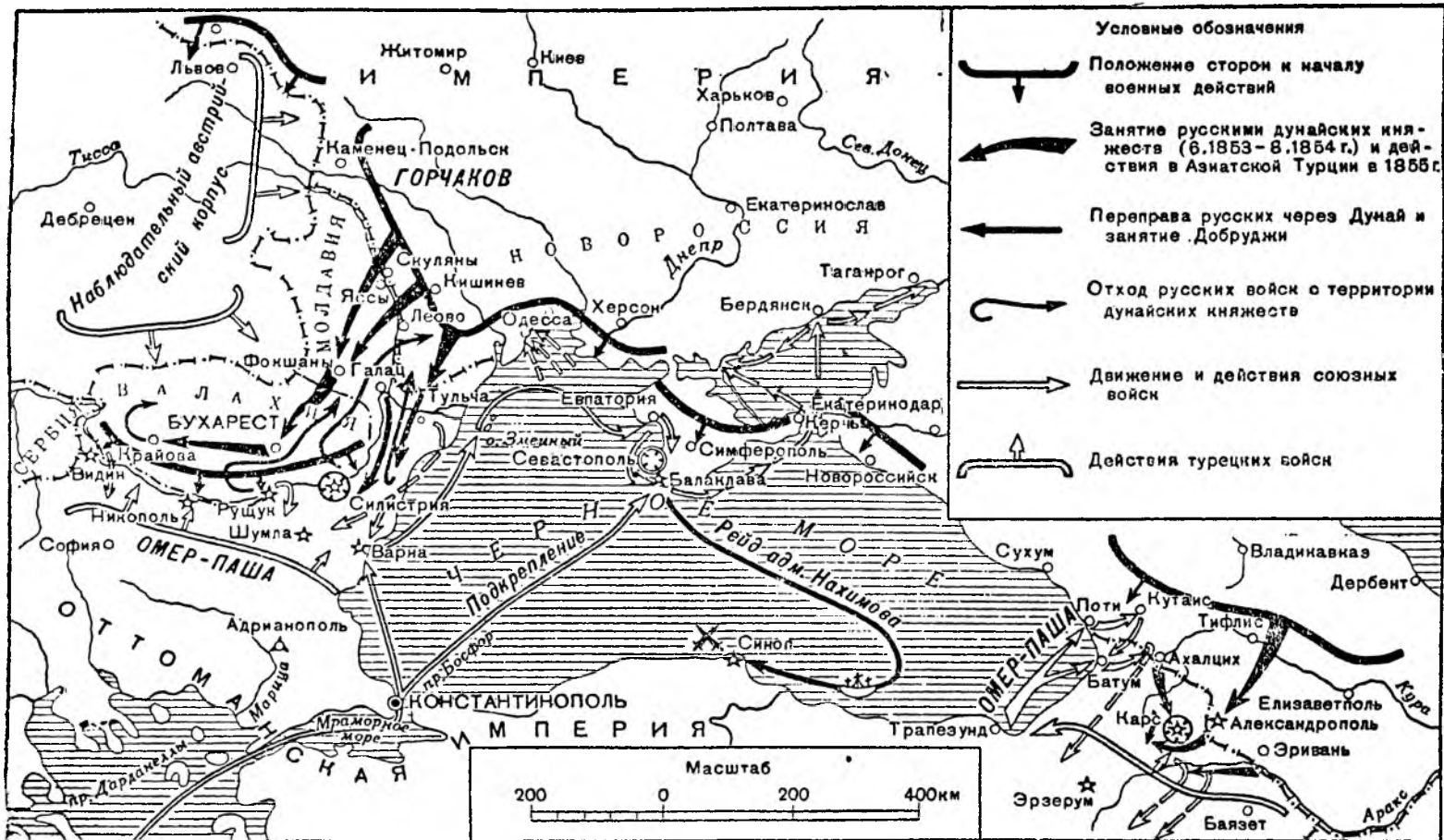

Схема 13. Крымская война 1853—1857 гг.

С целью совершенствования управления войсками в период ведения военных действий было утверждено новое «Положение о полевом управлении войсками в военное время». В связи с изменениями в тактике, вызванными усовершенствованием средств борьбы (перевооружением армии нарезным стрелковым оружием и артиллерией), были разработаны новые уставы и наставления. Изменилась вся система подготовки офицерских кадров. Кадетские корпуса преобразовали в военные гимназии, расширили сеть военных училищ. Для подготовки офицеров из лиц, не имевших среднего образования, были созданы юнкерские училища. В военных академиях теперь больше внимания уделялось практической подготовке военных специалистов. Была проведена военно-судебная реформа. В армии отменялись телесные наказания. В результате военных реформ русская армия стала более современной, а ее боеспособность значительно повысилась. Коренные изменения в военной системе Российского государства самым положительным образом отразились и на его военной стратегии. Это отчетливо проявилось в ходе очередной русско-турецкой войны (1877—1878).

Крупные реформы 60-х — 70-х годов XIX в., в русле которых проводились и военные реформы, позволили России значительно укрепить свою экономическую и военную мощь. Благодаря этому она смогла активизировать свой внешнеполитический курс, направленный в первую очередь на решение восточного вопроса. России необходимо было избавиться от позорного для нее Парижского договора. Не последнюю роль играло стремление обеспечить русским судам свободный выход в Средиземное море, а также образовать на Балканах самостоятельные государства, полностью избавленные от турецкого ига. Так как интересы России в восточном вопросе сталкивались с интересами других великих держав, противоречия на Балканах и Ближнем Востоке оставались трудноразрешимыми.

В 1875—1876 гг. южные славяне на Балканах неоднократно поднимали национально-освободительные восстания против своих завоевателей. С невероятной жестокостью все они были подавлены турецким султаном. В русском обществе широко развернулось движение помощи восставшим братьям по крови и вере. В феврале 1877 г. правительство России потребовало от Турции проведения некоторых реформ в пользу славянского населения Балкан. Турция, подстрекаемая Англией, отвергла предложения России. 24 апреля 1877 г. в России был объявлен манифест о войне с Турцией.

Стратегический план войны с Турцией был разработан генералом Н. Н. Обручевым. Понимая всю сложность международной обстановки, он исходил из того, что войну необходимо закончить в самые короткие сроки, т. е. еще до того, как европейские державы успеют направить свои силы в помощь султану. План предусматривал развертывание наступательных действий на двух театрах: Балканском — главном и Кавказском — вспомогательном. Основной целью русских войск был выход к Босфору и захват Стамбула. Чтобы выполнить такую задачу, предполагалось как можно быстрее форсировать Дунай, а затем частью сил действовать в Северной Болгарии, а главной группировкой армии нанести стремительный удар через Балканский хребет. При выборе направления главного удара на Балканском театре были учтены политические и стратегические факторы. Русская армия, действовавшая на Кавказе, получила задачу удерживать возможно больше сил турок в Анатолии, захватить Карс, Эрзерум и Батум.

В общем план Обручева, основанный на анализе внешнеполитической и военно-стратегической обстановки, отвечал целям и задачам войны. Это явное свидетельство того, что русский Главный штаб сумел поставить свою работу на уровень, отвечавший новым условиям вооруженной борьбы.

Схема 14. Русско-турецкая война 1877—1878 гг.
Общий ход военных действий на Балканах

Предназначенные для ведения боевых действий русские войска еще в марте 1877 г. были сосредоточены в районе Кишинева. Командование армии заблаговременно спланировало их переброску в соседнюю Румынию походным порядком и по железной дороге.

На Балканах Дунайской армии численностью 185 тыс. человек противостояло 206-тысячная турецкая армия. Кавказская армия численностью 75 тыс. человек вела боевые действия против Анатолийской армии турок, насчитывавшей также почти 75 тыс. человек. После переправы через Дунай русские войска овладели крепостями Ловча и Плевна и, заняв Шипкинский перевал, отразили контраступление турецкой армии. На Кавказе русские заняли крепости Баязет и Ардаган. В Авлиар-Аладжинском сражении Анатолийская армия потерпела поражение, русские овладели крепостью Карс. В 1878 г. совместно с вступившей в войну Сербией и при содействии местного населения русская армия нанесла сокрушительный удар по турецкой армии при переходе через Балканы, в сражениях у Шейново, Пловдива и Адрианополя. Наконец, русские вышли к Босфору и Стамбулу. А на Кавказе в это время русская армия овладела Батумом и блокировала Эрзерум. Война закончилась Сан-Стефанским мирным договором. Русско-турецкая война способствовала освобождению балканских народов от турецкого ига, позволила им создать национальное государство, а Румынии, Сербии и Черногории обеспечила национальную независимость.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. сыграла огромную роль в развитии отечественной военной стратегии. По сути, она явилась первой войной, в которой участвовала русская массовая армия, а потому в подготовке и ведении ее прослеживаются принципиально новые черты.

Накануне войны Россия провела две мобилизации, в результате которых в армию были призваны 372 тыс. солдат и унтер-офицеров из лиц, состоявших в запасе. Общую численность армии удалось довести до 1 548 432 человек¹⁶³. Обе мобилизации прошли в сжатые сроки и обеспечили быстрое формирование корпусов, чему способствовала созданная военно-окружная система. В ходе войны пополнение армии продолжалось. Вместе с тем, еще при мобилизациях выявился значительный недостаток офицерских кадров. Так, по мобилизационным планам требовалось не менее 6 тыс. офицеров, но запаса практически не было. Поэтому пришлось производить в офицеры портупей-юнкеров и унтер-офицеров, делать досрочные выпуски в военных училищах, принимать на службу отставных офицеров¹⁶⁴.

Впервые было проведено сосредоточение войск и средств материального обеспечения на театрах войны с широким использованием железных дорог. В соответствии с «Положением об управлении военными сообщениями действующей армии и войск, в тылу ее находящихся», военное ведомство, хотя и с большим трудом, все же смогло сконцентрировать в своих руках управление всеми частными железными дорогами, мобилизовать подвижной состав. Несмотря на трудности, план сосредоточения войск к юго-западной границе России был выполнен с опозданием всего на неделю¹⁶⁵.

Хотя и ранее военные действия разворачивались на двух театрах, но теперь русская армия на Балканах вела боевые действия на фронте шириной до 240 км, а глубина наступления достигала 400 км. Возросла численность армий на театрах войны. К концу ее русские войска на Балканах и на Кавказе имели 630 тыс. человек, а всего с обеих сторон в ней участвовало свыше 1 млн. человек¹⁶⁶. Такой размах борьбы был бы невозможен без координации действий войск на нескольких операционных направлениях.

Новым явлением в русской военной стратегии стало форсирование крупной водной преграды, р. Дунай, организованное и проведенное в стратегическом масштабе. Налицо взаимодействие сухопутных сил и флота. Вплоть до первой мировой войны

ни одной из западноевропейских армий не удалось осуществить что-нибудь подобное. А преодоление Балканского хребта в зимних условиях на фронте до 150 км опрокинуло все представления зарубежных военных теоретиков о невозможности наступления подобного рода.

Не менее поучителен опыт организации стратегического преследования неприятеля на глубину 200—250 км подвижными конными авангардами, главной целью которых было довершить разгром турецкой армии, быстро захватить важные политические и стратегические центры противника.

Война определила новые направления в развитии управления войсками. На повестку дня встал вопрос о полноценном использовании штабов, состоящих из целых коллективов офицеров и генералов, для организации непрерывности управления. Их деятельность была бы невозможной без новых технических средств связи. Новые формы борьбы немыслимы без полководцев и военачальников нового типа. Процесс их отбора шел в ходе всей войны. Как крупные военачальники особо проявили себя Д. А. Милютин, Н. Н. Обручев, И. В. Гурко, Ф. Ф. Радецкий, М. И. Драгомиров, М. Д. Скобелев и др.

И в последние два десятилетия XIX в. теория военной стратегии в России не стояла на месте. В работах Г. А. Леера, А. Н. Петрова, Е. И. Мартынова, П. А. Гейсмана, А. А. Гулевича¹⁶⁷ и других особое внимание уделялось разрешению ее коренных вопросов: характеру и продолжительности будущей войны, подготовке вооруженных сил и страны к войне, планированию, подготовке и способам ведения стратегических операций. Однако внутривосточные события, происходившие в России, привели к свертыванию реформ как в общественно-политической и экономической сферах, так и в военной. Не удалось в полной мере решить целый ряд важных задач, в том числе внедрить в практическую подготовку высших органов военного управления новые положения отечественной военной стратегии.

6. Военная стратегия России накануне и в ходе первой мировой войны

В начале XX в. Россия вновь столкнулась с целым комплексом сложнейших проблем как внутри страны, так и за ее пределами. Произошли размежевание и коренная перегруппировка военно-политических сил с одновременным объединением ведущих государств в противоборствующие союзы, в первую очередь военные. В силу исторически сложившихся условий Российская Империя продолжала выступать в качестве ведущей державы. Особое геополитическое положение, огромные экономические и людские ресурсы, мощные вооруженные силы (в 1903 г. их численность составляла 1 082 993 солдата и офицера¹⁶⁸) позволяли ей решать крупные международные задачи в собственных интересах. Запад отчетливо понимал ее роль и значение в мире. Поэтому, с одной стороны, Франция и Англия, с другой, — противостоявшая им Германия активно стремились заключить с Россией военно-политический союз. В этом соперничестве выиграла Антанта, к которой в 1907 г. примкнула Россия.

Сколачивая свой военно-политический блок, западные державы торопили правящие круги России провести как можно быстрее серьезные преобразования в военной области. Особую настойчивость в этом отношении проявляла Франция. Многочисленные архивные документы наглядно свидетельствуют, что с ее стороны делалось все возможное для усиления военного могущества России. С этой целью Франция оказывала ей финансовую поддержку, выражавшуюся в многомиллиардных займах, львиная доля которых направлялась на военные нужды. На своих неоднократных встречах начальники генеральных штабов вооруженных сил Франции и России

корректировали и согласовывали планы будущих совместных военных действий¹⁶⁹. В конце 1907 г. к давлению на Россию активно подключается Англия. Как всегда преследуя собственные интересы, она стремилась ограничить проникновение России в Центральную Азию и на Ближний Восток, заставить ее повернуть свои силы против Германии в Европе.

Со своей стороны и российское правительство осознавало необходимость проведения военной реформы, особенно после русско-японской войны 1904—1905 гг., закончившейся политическим и военным поражением России. Опять ее внешнеполитические позиции оказались значительно подорванными, а влияние в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке, в Центральной Азии снизилось. Восстановить утраченную военную мощь страны, а следовательно, и позиции на международной арене, можно было только путем коренных военных преобразований.

Не в меньшей степени к этому же вынуждали внутривнутриполитические противоречия. Разразившаяся первая русская революция (1905—1907) показала, что армия не в состоянии решительно выполнять свою внутреннюю функцию — защиту правящего режима.

Наконец, необходимость реформ вызывалась глубокими сдвигами в сфере материально-технической базы войны. Да и вообще Россия не могла оставаться в стороне от технического прогресса. Однако в силу ряда причин здесь она столкнулась со значительными трудностями. Прежде всего возник серьезный разрыв между общими политическими целями Российской империи, ее традиционной ролью в мировой политике и реальными экономическими возможностями. Она не могла угнаться за ведущими государствами в области перевооружения и технического переоснащения вооруженных сил, а без этого она была не в состоянии проводить активную военную политику.

Русско-японская война вскрыла все слабые стороны российской армии и флота. Во «Всеподданнейшем докладе» по военному министерству за 1905 г. отмечалось: «Минувшая война с Японией подвергла нашу армию жестокому испытанию, выяснила и подчеркнула все недостатки и пробелы в ее комплектовании, подготовке, снабжении и проч. Откровенное, без всякого самообмана признание этих недостатков является первым условием для их устранения в будущем»¹⁷⁰.

Война показала также, что многие положения русского военного искусства, особенно в области военной стратегии, уже не отвечают изменившимся требованиям. Более того, выяснилось, что понимание сущности военного искусства и военной науки давно устарело.

Так, в военной энциклопедии, изданной в 1912 г. давалось такое определение: «Военное искусство имеет задачей с возможно меньшей затратой сил, средств и времени достичь на войне победы над врагом. Это наиболее сложное и наитруднейшее из всех человеческих искусств... В области военного искусства все военные операции должны удовлетворять двум главным требованиям: 1) по мысли (замыслу) отвечать основным идеям военной науки; 2) по исполнению представлять законченное целое, в котором все частные эпизоды являлись бы необходимым следствием развития одной общей мысли, положенной в основание операции»¹⁷¹. А в статье «Военная наука» отмечалось, что «военная наука занимается всесторонним исследованием войны. Она изучает: 1) явление в жизни общества; 2) силы, средства и способы для ведения борьбы. Первая область исследований входит в социальную динамику, вторая — технически военная, теория военного искусства»¹⁷². Далее указывалось, что «военное искусство выражается в умении пользоваться различными силами и средствами (духовными и материальными) для достижения победы на войне. Оно имеет свои основы, принципы, выражающие сущность творчества в его области ... Задача теории военного искусства состоит в том, чтобы прочно установить основные

его принципы, изучить важнейшие элементы обстановки и указать, как под влиянием обстановки применяются принципы на войне»¹⁷³. По мнению автора, и в этом он был не одинок, военное искусство включает в себя ряд «второстепенных (конкретных) военных наук»: военную администрацию, тактику, артиллерию, фортификацию, военную топографию, военную статистику, военную историю, историю военного искусства, военную психологию и др. «Все эти науки, — писал ведущий военный теоретик Н. П. Михневич, а именно он был автором статей «Военная наука» и «Военное искусство», — стремятся, конечно, к возможным обобщениям в своей области. Окончательная же сводка всех этих обобщений производится в стратегии, стремящейся выработать рациональную теорию искусства ведения войны... Стратегия (тактика театров военных действий) — синтез выводов вспомогательных (конкретных) отделов теории военного искусства»¹⁷⁴. Таким образом, хотя стратегия признавалась главным элементом военного искусства, ее задачи неоправдано сужались.

Между тем изменения, происходившие в военно-политической, военно-экономической и военно-технической сферах, резко повысили роль именно военной стратегии, еще более усиливали ее связь с военной наукой и военной доктриной. Это отчетливо понимали многие русские военные теоретики. И не случайно, что в период военной реформы военно-стратегические взгляды начинают бурно развиваться. В 1906 г. выходит второе, а в 1911 г. — третье исправленное и дополненное издание труда Н. П. Михневича «Стратегия». В 1909 г. был издан капитальный труд А. Г. Елчанинова «Ведение современных войн и боя», в 1910 г. — «Основы современного военного искусства» В. А. Черемисова, а в следующем году — книга А. А. Незнамова «Современная война»¹⁷⁵. Авторы стремились привести русскую военную стратегию в соответствие с новыми требованиями. К сожалению, не все выдвинутые ими теоретические положения были приняты на официальном уровне.

Стоило бы особо отметить, что в официальных документах того времени различались два основополагающих стратегических понятия: «общий план обороны государства», являвшийся концентрированным выражением военной доктрины и включавший комплекс мероприятий правительства, а отчасти и общественных органов по созданию и развитию вооруженных сил; и «план войны», в котором должны были содержаться чисто стратегические соображения, предусматривающие оперативное употребление вооруженных сил при той или иной политической комбинации¹⁷⁶.

В более конкретном виде под планом войны понимались «все предварительные соображения относительно: 1) характера предстоящей войны, 2) определения сил и средств, необходимых для достижения преследуемой цели, и 3) создания того исходного положения, с которого войска должны начать действия...». Михневич утверждал: «План войны, — определяет все подготовительные стратегические операции (создание армии, подготовка театра военных действий в инженерном отношении — крепости и пути сообщения, мобилизацию, перевозку войск и запасов по железным дорогам — и, наконец, стратегическое развертывание армии, на проведение которых в жизнь требуются многие годы»¹⁷⁷.

Как бы в развитие ранее существовавших взглядов Зайончковский отмечал, что «под планами войны правильнее было бы понимать не только распределение по разным театрам и фронтам вооруженных сил, но и установление тех общих оснований ведения войны, которые приводили бы к достижению поставленной политической цели»¹⁷⁸. Соглашаясь с ним, другой военный теоретик В. А. Меликов писал: «План войны по своей сущности относится к области стратегии, которая охватывает собой все вопросы подготовки данного государства к обороне и ведению войны и руководства ею»¹⁷⁹.

До начала русско-японской войны военное ведомство при составлении планов войны около 30 лет руководствовалось положениями, выдвинутыми военным

министром Д. А. Милютиным¹⁸⁰. Разработанный им проект действий России на Европейском театре был направлен против возможной коалиции государств. И действительно, уже в 1879 г. сформировался Двойственный союз, превратившийся в Тройственный, куда вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия. Предполагаемая коалиция превратилась в реальность. Это, как писал А. М. Зайончковский, «привело русский Генеральный штаб по крайней мере к трем следующим выводам: 1) что враждебный союз, и в особенности Германия, опередили Россию в деле боевой подготовки; 2) при современных условиях еще в мирное время должны быть составлены не только общие соображения об употреблении вооруженных сил в случае войны, но и тщательно разработанные расчеты о сроках и районах сосредоточения их, и 3) вследствие преимуществ в скорости сосредоточения войск враждебной стороны, наши соображения должны быть для начального периода кампаний приурочены к обороне, а наша военная подготовка направлена на усиление границ и на улучшение существующих крепостей»¹⁸¹.

С учетом указанных выводов в начале 1880 г. были разработаны и утверждены «Соображения о планах ведения войны», составленные начальником Главного штаба генералом Н. Н. Обручевым. Его предложения сводились к тому, чтобы, сдерживая противника на одном театре, готовиться к решительному наступлению на другом. Причем все действия отдельных армий необходимо было связать единым верховным командованием. По мнению генерала, в начале кампаний выгоднее притормаживать оборонительного образа действий — против Германии и наступательного — против Австрии. Главные силы русских войск следовало развертывать по обоим берегам Вислы, где были построены три большие крепости — Новогеоргиевск, Варшава и Ивангород. Обеспечивая свободу маневра, эти крепости представляли собой плацдарм для наступления и в то же время серьезную преграду для противника в случае форсирования им Вислы. Правый фланг Привислинского района со стороны Восточной Пруссии планировалось обеспечить естественным оборонительным рубежом — линией рек Бобр и Буго-Нарева, усиленным крепостями Осовец, Ломжа, Остроленка, Рожаны и Пултуск. Левый фланг имелось в виду обеспечить только одной крепостью Брест-Литовск, потому что именно здесь предполагалось наступать в первую очередь. Стратегическое развертывание и сосредоточение войск намечалось прикрыть большей частью армии мирного времени, дислоцированной в западных приграничных округах¹⁸².

Столь подробно разработанный план войны в России появился впервые. Несмотря на превосходство противника в скорости сосредоточения, он носил явно активный характер. Все последующие планы отличались от него лишь в частности, а основная идея существенному изменению не подвергалась¹⁸³.

Так, в принятом в 1900 г. и уточненном в 1902—1903 гг. плане общая идея развертывания оставалась прежней, но отвлечение сил и внимания России на восток заставило военное министерство во главе с А. Н. Куропаткиным ввести в группировку войск некоторые изменения. Для противодействия Германии Неманская армия перемещалась в район р. Бобр, а фронт ее развертывания сокращался. Численность войск, направленных против Австро-Венгрии, увеличивалась. Для этого 4 пехотные и кавалерийская дивизии переводились в виде частного резерва с Кавказа на западной границе общие силы были доведены до 1 524 батальонов, 1 078 эскадронов и 4 802 орудий, не считая технических войск. Предполагалось, что противник выставит на театре от 926 батальонов, 487 эскадронов и 2 972 орудий до 1 327 батальонов, 682 эскадронов и 5 092 орудий. Это зависело от того, 5 или 18 корпусов направит Германия против России¹⁸⁴. Для ведения войны русские войска развертывались в Северный фронт, состоявший из 3 армий, против Германии и Южный фронт — в количестве 4 армий — против Австро-Венгрии. Кроме них создавались общий ре-

зерв и группировка для обороны побережья. В целом рассмотренный план войны исходил из следующих основных установок военной стратегии.

Во-первых, характер будущей войны представлялся как столкновение России с союзом двух или более государств. Предусматривался и такой вариант: Россия в союзе с Францией против Тройственного союза. Война рассматривалась как кратковременное столкновение, к которому и должны были готовиться вооруженные силы. В качестве основного довода о неизбежности быстротечной войны приводилось господствовавшее в ту пору в Европе мнение о финансово-экономической неспособности государств выдержать затяжную войну. Правда, некоторые русские военные теоретики перспективы войны и роль экономики оценивали несколько по-другому. Так, в 1898 г. А. А. Гулевич писал, что именно массовость армии и наличие подготовленного запаса «заставляют ожидать не быстрого завершения будущей войны громовыми ударами на полях сражений, а наоборот, долгой, упорной и продолжительной борьбы. А потому вопрос о материальных средствах, имеющихся в распоряжении сторон для ведения войны на возможно продолжительное время, получает ныне особенно важное значение»¹⁸⁵. Но это утверждение официальными кругами не воспринималось всерьез.

Во-вторых, целей войны предполагалось достичь одним мощным стратегическим усилием в одной или в двух кампаниях. Исходя из этого, война представлялась как ряд непродолжительных по времени столкновений пехотных масс при содействии конницы и поддержке артиллерии, причем преимущественно средних калибров.

В-третьих, перед вооруженными силами ставилась стратегическая цель — добиться решающих успехов в первом же столкновении с главными силами противника, которые нужно либо в короткий срок уничтожить, либо лишить возможности дальнейшего сопротивления. Соответственно считалось необходимым сосредоточить основные усилия на разработке методов энергичного ведения военных действий, в основном опираясь на опыт военного искусства Наполеона и Мольтке. И не случайно все учебники и труды по стратегии были насыщены в то время примерами из наполеоновских походов, а также выведенными из их опыта принципами военного искусства. Например, Г. А. Леер писал: «...по отношению к сущности стратегического искусства в целом после Наполеона I нечего его и совершенствовать, а можно и должно совершенствовать его только в частном»¹⁸⁶. Тем самым принято было считать, что общий характер предстоящих военных действий будет немногим отличаться от того, каким он был в войнах XIX столетия.

В-четвертых, военно-стратегические интересы России были прикованы в основном к западноевропейской границе, и лишь отчасти к Кавказу и Туркестану, но главенствующим признавался Европейский театр военных действий. В соответствии с этим первостепенной задачей русской армии считалось возможно быстрое развертывание на западной границе главных сил. Общая продолжительность их сосредоточения определялась в 32 дня. В то же время Австро-Венгрия заканчивала сосредоточение на 16-ый день, а Германия, по предварительным расчетам 1902 г., могла начать наступательные действия на 12-ый день¹⁸⁷. Такое запаздывание в сосредоточении войск русское командование пыталось компенсировать изменением в дислокации их. В западной приграничной полосе располагалась большая часть полевых, т. е. самых боеспособных войск. Например, из 25 имевшихся в 1902 г. корпусов в Виленском, Варшавском и Киевском военных округах находилось 16, что составляло около 43% всего личного состава русской армии мирного времени. Хотя подобная дислокация позволяла несколько сократить сроки перехода в наступление, она создавала большие организационные сложности в проведении мобилизации, так как требовала крупных и дорогостоящих перевозок.

В-пятых, так как русское командование признавало в общем-то только наступательную войну, оно стремилось использовать для ее ведения выдвинутое на запад положение Привислинского района, особенно его левобережный участок, для нанесения ударов на Вену и Берлин. Однако опасность охвата сосредоточенных здесь войск неприятелем недооценивалась.

В-шестых, инженерная подготовка театра войны, особенно выдвинутого вперед польского мешка, осуществлялась с двойным расчетом: обеспечить прикрытие сосредоточения войск, а вместе с тем и свободу маневра, кроме того, — оборудовать исходную позицию для перехода в наступление¹⁸⁸.

В-седьмых, невозможность наступательных действий сразу против двух государств заставила выбрать в качестве главного объекта наступления Австро-Венгрию, а против Германии вести оборону. Тем не менее, силы и средства между северным и южным фронтами распределялись практически равномерно.

Что касается Азиатского и Кавказского театров, то характер действий на них предполагался один и тот же. Операции намечалось вести по немногочисленным долинам, избрав Эрзерум в качестве главного объекта начальных действий.

Большое внимание уделялось также планированию Босфорской десантной операции, или, как ее тогда называли, «Экспедиции на Босфор». Общая численность войск, мобилизованных для нее к 6-му дню, определялась в 94 тыс. человек. На 9-ый день мобилизации эти войска должны были сосредоточиться в черноморских портах, а к концу 11-го дня им предстояло начать высадку у Босфора. К 14-му дню собирались мобилизовать еще 78 тыс. человек. Планировалось, что к 19-му дню с начала мобилизации в операции примет участие уже около 170 тыс. человек. Проведенные детальные расчеты вселяли надежду на ее успех, тем более, что турки могли выставить для защиты Босфора к 16-му дню не более 215 тыс. человек, из которых свыше 60% были редифы (запасные), совершенно необученные¹⁸⁹.

Реализация намеченного плана требовала срочного проведения реформ, однако их осуществление не всегда было последовательным. Особые затруднения возникли в 1905—1909 гг. Дело в том, что в условиях снизившегося военного потенциала после проигранной русско-японской войны России трудно было рассчитывать на решительные действия своих войск. Поэтому все планы несли на себе отпечаток осторожности, исходили из превосходства вероятного противника.

Больше всего в России опасались Германии. Австро-Венгрия не считалась серьезным противником, ибо для русского Генерального штаба военная слабость этой «лоскутной империи», раздираемой к тому же острейшими внутренними противоречиями, не была тайной. Зато германские вооруженные силы, одержавшие блистательную победу в войне с Францией (1870—1871), на фоне проходившей болезненную реорганизацию русской армии рассматривались в высших военных кругах как грозный и опасный враг. В докладе Генштаба от 30 сентября 1908 г., отмечалось, например, что сухопутные силы Германии включают 46 корпусов (из них 23 резервных) и 19 кавалерийских дивизий, в том числе 8 резервных. Указывалось далее, что из этих сил подавляющую массу войск Германия направит против главного противника¹⁹⁰.

Поскольку главный удар ожидался против Франции, то считалось, что на русском фронте Германия выставит 18 корпусов, из них, по мнению составителей доклада, от 10 до 13 корпусов могут быть сосредоточены между Млавой и юго-восточным выступом Мазурских озер, 1,5 корпуса — на Среднем Немане, а остальные — рассредоточены по линии Бромберг—Познань—Бреславль.

Имевшиеся в распоряжении Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) документы позволяли судить и о возможном развертывании австро-венгерской армии. Вероятнее всего считалось, что 4 корпуса будут развернуты на участке Тернополь—

Красное, а 9 корпусов — на фронте Львов—Соколов. Готовность к наступлению противника определялась к 19-му дню мобилизации, а полная готовность — к 18—19-му дню. Но готовность боевых войск к действиям оценивалась не ранее, чем через 15 дней¹⁹¹. Такой расчет был явно завышенным: во всяком случае 18—20 корпусов, то есть почти половину армии, германский генеральный штаб, следуя замыслу А. Шлиффена о молниеносной войне на западе, никак не мог оставить на второстепенном направлении. Поэтому в Восточной Пруссии можно было ожидать максимум 4—5 корпусов, что в 4—4,5 раза меньше, чем предполагали в Генеральном штабе России.

На основании проведенных расчетов обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба полковник Ю. Н. Данилов¹⁹² представил доклад по новому стратегическому развертыванию русских войск¹⁹³. Определив количество развертываемых соединений в военное время в европейской России и на Кавказе в 30 корпусов, отдельную дивизию, 7 стрелковых бригад и 32 резервные дивизии, Данилов включил в боевое расписание на западную границу 28 корпусов, пехотную и 32 резервные дивизии. Расположенные в Закавказье 2 корпуса, резервная дивизия Северного Кавказа и корпуса в Средней Азии в боевое расписание им даже не включались. В окрестностях Петербурга и Финляндии предполагалось оставить 3 корпуса и пехотную дивизию на случай высадки противником десанта. 18 резервных дивизий планировалось разместить по крепостям взамен полевых войск, а оставшиеся 25 корпусов и 13 резервных дивизий распределить по армиям, сосредоточенным на западной границе.

Исходя из завышенных данных о численности германских войск было решено оттянуть сосредоточение формируемых армий с линии рек Висла и Нарев в глубь страны, на фронт Белосток, Брест, и эшелонировать их в две линии. По мысли Данилова, отнесение районов сосредоточения должно было снять опасность выхода германских войск в тыл передовым войскам. В первой линии он предлагал развернуть 16 корпусов и 44 резервные дивизии, т. е. две трети вооруженных сил, предназначенных для действий на западе. Оставшуюся треть — 7 корпусов и 7 резервных дивизий — намечалось развернуть на второй линии. В их задачу входил не разгром противника, а опять-таки только прикрытие своих флангов. Лишь после этого допускалась возможность наступления, причем «действуя по обстановке»¹⁹⁴.

Анализируя предложения обер-квартирмейстера, Зайончковский отмечал, что план 1908 г. «показывает психическое воздействие увлечения гаданием за противника и стремлением все прикрыть и предвидеть на характер стратегического мышления... Мы всюду видим тот же тенденциознооборонительный, осторожный и склонный даже к отступательной стратегии взгляд и нигде не видим намека на проявление какой-либо наступательной тенденции, на желание навязать свою волю противнику»¹⁹⁵. Эта критика, во многом справедливая, вместе с тем игнорировала реальные возможности русских войск. Впоследствии и сам Данилов писал: «Я не могу охарактеризовать иначе период времени с 1905 по 1910 гг. включительно, как назвав его периодом полной военной беспомощности»¹⁹⁶.

И хотя благодаря серьезным преобразованиям боевой потенциал русской армии к концу 1909 г. несколько возрос, утвержденное 26 июня 1910 г. мобилизационное расписание № 19 вместе с прилагаемыми к нему указаниями на случай войны отличалось еще большей осторожностью. А из директивы Генерального штаба за подписью его начальника генерала Е. А. Гернгросса следует, что в основных вопросах «Германия, Австро-Венгрия и Румыния, являясь главными противниками, находятся в неизменно лучшем положении... то есть по скорости мобилизации и сосредоточения, вооружению и боевой подготовке... Пользуясь этим обстоятельством, они, вероятно, начнут войну быстрым вторжением в пределы нашего отечества. Такой способ для

них возможен даже в случае, если Германия разделит свои силы для одновременной войны с нашей союзницей Францией»¹⁹⁷.

Следствием подобных умозаключений явился перенос рубежа развертывания главных сил в глубь империи. Всем армиям ставилась задача: сосредоточиться в избранных районах с этой целью, чтобы, задержав наступление австрийцев активными действиями войск, собранных к югу от Полесья, к северу от него создать возможно более благоприятную обстановку для перехода совокупными силами в общее наступление. Лейтмотивом последовавших затем директивных указаний войскам было стремление Генерального штаба провести сосредоточение предназначенных для Европейского театра военных действий русских сил и их развертывание в полной безопасности. Достигалось это ценой отвода русских войск с передового театра, где, в единственной крепости Новогеоргиевск, оставались всего лишь 2 пехотные дивизии. Таким образом, противник получал прекрасную возможность объединить войска, действовавшие из Восточной Пруссии, с австрийскими войсками, наносившими удар из Галиции, а следовательно, наступать единым фронтом.

Так как план 1910 г. противоречил требованиям франко-русской конвенции, все командующие и начальники штабов военных округов, нелицеприятно высказались против него. Вот что по этому поводу писал В. А. Меликов: «В то время когда го-генцоллернская Германия «посмела» в сотнях тысяч экземплярах распространить по Европе карту будущей Германии, в которой Курляндия, Литва, русская Польша и ряд областей Франции и Бельгии были окрашены под цвет германской территории: в это время Гернгросс и Данилов составили капитулянтский план войны со стратегическим развертыванием царских армий назад, с оставлением передового театра... Получив этот план, все военные округа забили тревогу, заговорили о политическом неблагополучии в Генеральном штабе, который как бы подготавливал этим планом удар в спину «сердечному согласию» с Францией»¹⁹⁸.

Тем не менее, военные реформы 1905—1912 гг. позволили существенно укрепить военное положение в России. Подвергались пересмотру и планы по мобилизационному расписанию № 19. Начальником Генерального штаба вместо Гернгросса был назначен генерал Я. Г. Жилинский. Под его руководством началась работа по подготовке нового плана стратегического развертывания. 23 февраля 1912 г. военный министр В. А. Сухомлинов провел в Москве совещание, на котором присутствовали начальник Генерального штаба, командующие войсками и начальники штабов военных округов, руководители отделов Главного управления Генерального штаба.

Особое внимание заслуживает выступление на совещании начальника штаба Киевского военного округа генерала М. В. Алексеева. В записке, предложенной вниманию присутствующих под названием «Общий план действий»¹⁹⁹, он подчеркнул, что современная политическая и военная обстановка подсказывает необходимость пересмотра общей идеи военных действий в будущей войне. По его мнению, прежде всего надо было отказаться от системы стратегического развертывания и инженерной подготовки театра военных действий, принятой в 1910 г., перенести район развертывания русских войск западнее, что позволяло придать передовому театру и крепостям на Висле первостепенное значение. Алексеев предложил два варианта действий: нанесение главного удара или по австрийским, или по германским войскам, но с четким указанием способа нанесения таких ударов. Однако в любом случае он настаивал на отказе от фронтальных ударов, которые по плану 1910 г. считались неизбежными при развертывании, и предлагал заменить их глубоким охватом из правобережного района Вислы, который, по его расчетам, должен был привести к более решительным результатам²⁰⁰.

Подготовленный с учетом этих соображений проект нового плана обсуждался 12 марта 1912 г. в Петербурге на совещании командующих войсками округов под

председательством самого Николая II. Наконец, 1 мая план был утвержден. В соответствии с ним предусматривались два варианта развертывания, причем в зависимости от обстановки, которая могла сложиться к началу войны. Первый — с направлением большей части войск против Австро-Венгрии (план «А»). Второй — с направлением их против Германии (план «Г»). По плану «А» 3 армии в составе 45 пехотных дивизий, 18,5 кавалерийских дивизий и 3 стрелковых бригад сосредоточивались против Австро-Венгрии, а остальные 2 армии в составе 29 пехотных, 9,5 кавалерийских дивизий и 2 стрелковых бригад — против Германии. По плану «Г» 3 армии в составе 41 пехотной, 13,5 кавалерийских дивизий и 2 стрелковых бригад наносили главный удар против Германии, остальные 2 армии в составе 33 пехотных, 14,5 кавалерийских дивизий и 3 стрелковых бригад выставлялись против Австро-Венгрии.

Такой план давал возможность главнокомандующему не позднее 11-го дня мобилизации решить, по какому из вариантов лучше действовать и в каком направлении наносить главный удар. Зайончковский по этому поводу писал: «Если анализировать в деталях весь проект 1912 г., то можно усмотреть, что полководцу при подвозе главных масс войск к театру войны легко было комбинировать в деталях ту или иную группировку по фронтам в зависимости от его оперативной идеи. Развертывание войск на широком фронте с охватом флангов двух вдавшихся в русскую территорию неприятельских клиньев не только облегчало перегруппировку войск в смысле лучшего использования рельсовой сети, но и давало в руки полководцу более широкие возможности в смысле разнообразного применения его оперативных идей»²⁰¹.

В отличие от предыдущих план 1912 г. ставил общей задачей стратегического развертывания «переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы»²⁰². Словом, несмотря на превосходство противника в сроках мобилизации и развертывания, решено было сразу поставить перед войсками активные задачи.

При этом имелось в виду, что русские армии первыми начнут наступление и в кратчайший срок перенесут свои боевые действия на территорию противника. Далее предполагалось разгромить 8-ю немецкую армию в Восточной Пруссии, а на юге, окружив и уничтожив основные силы австро-венгерских войск, овладеть Галицией, после чего развернуть наступление на Берлин, Вену и Будапешт. Намечалось, что основные цели войны будут достигнуты уже через 1,5—2 месяца, поскольку Германия окажется зажатой в тисках двух фронтов.

Основные положения плана и директивных указаний от 1 мая 1912 г. сохранили свою силу вплоть до начала первой мировой войны, так как уточненное мобилизационное расписание № 20 от 1913 г. к началу войны оставалось в Генеральном штабе лишь на бумаге и до войск не дошло. Сравнивая планы 1910 и 1912 гг., нельзя не отметить, что первый из них исходил из состояния военной системы России на первом этапе военной реформы, когда о каких-то серьезных наступательных операциях в самом начале войны и думать не приходилось. В свою очередь план 1912 г. был основан не только на реальных результатах второго этапа военной реформы, но и на совершенствовании всей военной организации России, что соответствовало перспективному плану государственной обороны. «Русский оперативный план 1912 г. был как бы нацелен на будущее, исходил из приращения в ближайшие два-три года необходимых сил для осуществления обеих наступательных операций»²⁰³.

Тем не менее к 1914 г. возможности для одновременного наступления на двух направлениях еще не были созданы. К тому же русское правительство России под давлением союзников обязалось начать наступление на 16—19-й день мобилизации, тогда как для завершения стратегического развертывания ей требовалось не менее двух месяцев.

Таким образом, стратегические взгляды в России коренным образом изменились всего за два года. Конечно, это потребовало не только громадной творческой, но и исключительно объемной практической работы. Касаясь этой проблемы, В. А. Меликов ставил такой вопрос: «Что значит составить план стратегического развертывания армии данного государства на случай войны?». И сам отвечал: «...это значит — надо рассчитать, подсчитать, проверить большую сумму данных в отношении политико-экономической конъюнктуры, вооружения, снаряжения, людского запаса, провозоспособности железных дорог, транспортных и перевозочных средств, инженерной подготовки театра военных действий и т. д. и пр., как у себя, так и у противника. Ибо без этой работы можно лишь расставить на картах красно-синим карандашом кружки и кружочки различных диаметров, которые ни уму, ни сердцу ничего говорить не будут»²⁰⁴.

Новый стратегический план исходил из уточненных представлений о возможном характере предстоящей войны. Теперь она рассматривалась не просто как коалиционная, а как европейская, то есть с участием большинства государств Европы. Изменились взгляды и на возможный пространственный размах войны. Если до этого было принято считать, что главные цели ее будут достигаться вооруженной борьбой на одном театре военных действий, то к 1912 г. было признано возможным ведение военных действий сразу на 2—3 театрах, хотя и в пределах одного евроазиатского континента. Наконец, Генеральный штаб в своих планах и других документах признавал, что в будущей войне дело не ограничится только столкновением армий и флотов, в нее неизбежно будет вовлечена вся страна. Считалось, что войну государствам придется вести многомиллионными армиями. С достаточной достоверностью были определены вероятные группировки противоборствующих сторон, созданных и вполне сформировавшихся к тому времени военных блоков. Вместе с тем, несмотря на предупреждения ряда отечественных военных ученых, официальная русская военная стратегия в оценке возможной войны продолжала допускать серьезные ошибки. В первую очередь это относится к определению ее продолжительности. Как и до русско-японской войны, так и после нее теоретически обосновывалась кратковременность войны. Поэтому все планирование проводилось с расчетом ее завершения в течение нескольких месяцев.

В соответствии с такой оценкой решались и все практические задачи, связанные, в частности, с проведением мобилизации, инженерной подготовкой театра военных действий, определением целесообразных способов военных действий и организацией стратегического руководства.

Хотя система войсковой мобилизации в те годы была значительно усовершенствована, она все еще оставалась довольно громоздкой. В пределах европейской части России и на Кавказе вводилась территориальная система комплектования вооруженных сил по мобилизации. На этих территориях определялись особые районы пополнения войск: корпусные, дивизионные и полковые. Пехотные полки вместе с формируемыми при них резервными полками и этапными частями укомплектовывались из своих полковых районов; артиллерийские бригады совместно с развертываемыми при них второочередными бригадами — из дивизионных районов соответствующих пехотных дивизий; саперные батальоны, мортирные дивизионы и все части, входившие в состав корпусов, — из корпусных районов; армейские тыловые части — из района всего округа.

Общие потребности армии для перевода ее на военное положение исчислялись следующем количестве: 2 291 780 солдат, 912 840 лошадей, 51 654 повозок и 79 117 комплектов упряжек. В европейской части России потребность укомплектования удовлетворялась на 97% за счет введения территориальной системы²⁰⁵. В округах

Азиатской России территориальная система из-за недостаточного числа запаса так и не была введена.

В отношении инородцев, то есть людей нерусской национальности, распределение запаса планировалось так, чтобы в Варшавском округе состав польского элемента не превышал 25—30% общего состава каждой части. В прибалтийских губерниях и в Закавказье местные жители не должны были превышать трети всего состава части. Что касается евреев, то их предельная норма была не свыше 6% военного состава каждой части, в крайнем случае не должна была превышать 10%.

На основе неудачного опыта русско-японской войны, показавшей все недостатки прежней системы мобилизации в случае малой войны, были разработаны варианты частных мобилизаций. Конечным результатом внесенных в мобилизационное расписание изменений стало то, что сроки готовности войск и тылов несколько сократились. Предполагалось, что в пограничных округах (Виленском, Варшавском, Киевском и Одесском) пехота с полевой артиллерией, мортирными дивизионами и обозами будет готова к 4—6 дню мобилизации, тылы — к 6—10 дню, Кавказский округ — только к 7—12 дню, а Приамурский — к 5—10 дню. Внутренние округа отмобилизовывались за 5—8 дней, резервные — за 16—36 суток. Половина второочередных дивизий доукомплектовывалась за 14 дней, а остальные — за 28 дней. В то же время в Германии полевые дивизии могли быть готовы уже на 7—9-ый день, а резервные — на 9—11-ый. В Австро-Венгрии готовность полевых войск устанавливалась на 6—8-ой день, ландверных частей — на 9—10-ый день, а маршевых бригад — на 14-ый день.

Одновременно с этим была проведена передислокация русских войск с таким расчетом, чтобы 60% их можно было сосредоточить в сроки, приближенные к отмобилизованию войск противника. Темпы мобилизации и стратегического развертывания в огромной степени зависели от подготовленности театра военных действий в инженерном отношении. В первую очередь для этого требовалось дальнейшее развитие дорожной сети и увеличение пропускной способности железнодорожных направлений. Состояние железнодорожной сети считалось важнейшим критерием готовности и способности вооруженных сил осуществить быстрое развертывание, так как большинство отмобилизованных частей и соединений предполагалось перебрасывать в районы боевых действий только по железным дорогам.

Другой не менее важный элемент подготовки театра военных действий — модернизация крепостей, служивших опорными пунктами и базами снабжения для уже сосредоточившихся и развертывающихся войск. На это особое внимание высшего руководства страны обратил еще генерал Ю. Н. Данилов в своем докладе от 14 августа 1909 г.: «Ввиду настойчивых указаний законодательных учреждений (Государственной Думы — *Ред.*) придется, однако, приступить к выработке общего плана постройки сети стратегических путей и притом для полноты вопроса на всех вероятных театрах военных действий»²⁰⁶.

И такая программа была выработана. Осуществить ее предполагалось в 1911—1914 гг. Суть состояла в том, чтобы за этот срок преодолеть отсталость России в развитии железнодорожной сети. В то время со стороны России к германской границе подходили всего 10 колеи, к австрийской — 7, к румынской — 2 колеи, со стороны вероятных противников к границе соответственно выводили 18, 14 и 4 колеи. Конкретные меры, предпринимавшиеся военным ведомством для достижения поставленной цели, сводились к следующему. Во-первых, постройка новых дорог и прокладка вторых путей, в первую очередь на северо-западной границе, в районе Вильно, Лида, Белосток, Бельск. Во-вторых, развитие узловых станций, в особенности Минска. Барановичей, Брянска, Малкина, Гомеля и Белостока. В-третьих, улучшение пропускной способности этих дорог. Наконец, развитие станций и разъездов, постройка высадочных

платформ, устройство связи и т. д. Разрабатывались также меры по совершенствованию железнодорожной сети на Кавказе, в Туркестане, Сибири и на Дальнем Востоке. Однако намеченная программа по различным причинам была выполнена лишь частично.

Изменение плана войны потребовало серьезной корректировки всей системы имевшихся крепостей. В соответствии с планами 1908 и 1910 гг. об отводе линии стратегического развертывания в глубь страны сохранялись и переустраивались крепости Свияжск, Выборг, Кронштадт, Усть-Двинск, Ковель, Осовец, Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Очаков и Севастополь. Подлежали упразднению крепости Варшавского района: Ивангород, Зерж, Ломжа, Остроленка, Рожаны, Пултуск и Керчь, т. е. на передовом театре сохранялась лишь одна крепость — Новогеоргиевск. С введением плана 1912 г. на линии развертывания должны были укрепляться Ковно, Гродно, Осовец и Брест. Но их переустройство завершено не было, а упраздненные крепости восстановить не успели. Вот так и случилось, что к началу первой мировой войны Россия на своем Западном театре военных действий практически имела лишь одну современную крепость.

Наконец, были существенно уточнены взгляды на способы стратегических действий вооруженных сил. Главным их видом всеми однозначно признавалось наступление. Однако военное командование не совсем точно представляло себе реальные условия и возможности наступательных действий. Причина состояла в том, что недостаточно глубоко был изучен опыт русско-японской войны. Несмотря на многочисленные исследования, ей посвященные, многие поучительные выводы остались вне поля зрения Главного управления Генерального штаба, не говоря уже о других ведомствах военного министерства. Разница в размахе боевых действий, в плотности насыщения фронта личным составом и артиллерией, особенно в продолжительности операций в русско-японской войне, по сравнению с войнами даже недавнего прошлого, была столь велика, что было величайшей ошибкой не обратить на это внимание²⁰⁷

К сожалению, в высших военных кругах укоренилась точка зрения не отечественного, а германского военного теоретика Ф. Бернгарди, труды которого не раз издавались в тот период. Он писал: «Последняя русско-японская война носит совершенно особый характер; хотя во время ее и произошел ряд боев, веденных целыми армиями, нет никаких оснований предполагать, что то же самое повторится и в будущем»²⁰⁸. В итоге сложилось вполне конкретное мнение, будто боевой опыт таких войн может иметь отношение только к неевропейским условиям и совершенно неприемлем к большой войне на Западно-европейском ТВД. Исходя из этого, не учитывалось в полной мере значение появившихся в русско-японской войне позиционных форм борьбы.

В целом, военная стратегия оценивала ход предстоящих военных действий не по характеру, целям и средствам войны, а по району, размаху и соотношению огня и удара, то есть, в сущности, по критериям тактики. Считалось, что военные действия будут носить ярко выраженный маневренный характер. Наступательные операции предполагалось вести отдельными группировками войск, путем нанесения фронтальных ударов, которые будут сочетаться с обходом флангов противника для его последующего окружения. Основное поражение ему намечалось нанести на линии боевого соприкосновения в пределах досягаемости огня полевой артиллерии, то есть на глубину 4—5 км. Так называемую стратегическую конницу собирались использовать для разведки и преследования отходящего неприятеля. Что касается стратегической обороны, то она предполагалась только на второстепенных направлениях, причем в течение относительно короткого времени.

С учетом таких установок совершенствовалась вся система стратегического руководства и управления войсками. Уже в первые годы XX столетия, именно в

России, а не в других странах, намечалось создание фронтовых управлений, которые должны были объединять по 2—4 армии. И это совершенно естественно, потому что в условиях борьбы одновременно против нескольких противников при такой значительной протяженности западной границы главнокомандующий был бы не в состоянии один направлять операции всех подчиненных ему армий, в случае перехода их в наступление, когда им придется действовать по расходящимся направлениям. Потому-то и было решено создать промежуточную командную инстанцию — фронты²⁰⁹. Предполагалось, что главное командование будет управлять действиями фронтов, а фронты — армиями.

Вследствие увеличения размаха военных действий значительно возросла роль штабов. На них планировалось возложить более широкий круг задач: сбор данных об обстановке, организацию операции, разработку директив и приказов войскам, анализ донесений из войск и на их основе подготовку предложений старшему начальнику, установление и поддержание связи с подчиненными войсками и вышестоящими штабами. Все эти обязанности довольно полно расписаны в «Положении о полевом управлении войск в военное время»²¹⁰. Однако, как всегда в России, принятие этого положения неоправдано затянулось.

Впоследствии генерал Данилов так писал по этому поводу: «Венцом всех работ по реорганизации армии должна была послужить переработка «Положения о полевом управлении войск в военное время». Этим положением должны были определяться: организация высших войсковых соединений, управление ими, устройство тыла и служба всякого рода снабжений. Действовавшее положение было издано в 90-х годах прошлого столетия (в 1894 г. — *Ред.*) и при современных условиях являлось совершенно неприменимым. Это показала еще война 1904—1905 гг., в период которой пришлось внести массу коренных изменений. Несмотря на ряд комиссий, работавших над новым проектом, дело не клеилось, и только к январю 1913 г., когда составление проекта по ходатайству отдела генерал-квартирмейстера было изъято из тормозивших его комиссий и сосредоточено при названном отделе Генерального штаба, работу удалось закончить. Проект встретил, однако, много возражений, преимущественно со стороны ведомств, занимавших привилегированное положение и желавших видеть своих представителей более самостоятельными, нежели это было определено общей схемой. Рассмотрение его затянулось на срок свыше года, и только надвинувшиеся события 1914 г. ускорили благополучное разрешение дела. То, что казалось неразрешимым при мирных условиях жизни в течение многих месяцев, было разрешено в предвидении войны в одном ночном заседании. Только 29 июля 1914 г., то есть всего за три дня до начала войны, было утверждено верховной властью одно из самых важных для военного времени положений»²¹¹.

Союзники России свою стратегию ведения будущей войны основывали на пассивно-выжидательных действиях. Франция заведомо предполагала уступить инициативу противнику, а в наступление перейти только после того, как русские войска отвлекут на себя основные силы Германии. Англия главной целью своих стратегических действий ставила сохранение и укрепление господства на море, а содействие Франции на сухопутном театре планировала оказывать силами одной экспедиционной армии. Что же противопоставили своим предполагаемым противникам страны — участники Тройственного союза?

Стратегический план Германии, известный под названием «плана Шлиффена», заключался в том, чтобы стремительными и сокрушительными ударами разгромить сначала Францию, а затем Россию, избежав тем самым войны на два фронта. Для осуществления этого замысла первоначально намечалось сосредоточить главные усилия (7 полевых армий) на Западном театре войны. Причем главная ударная группировка войск, развернутая на правом крыле, должна была нанести внезапный удар

во фланг и тыл французской армии, отбросить ее к крепостям Лотарингии, после чего окружить и уничтожить в одной быстротечной операции.

На Восточном фронте предусматривалось прикрыть Восточную Пруссию силами одной 8-й армии. Лишь после победы над Францией планировалось в короткий срок перегруппировать сюда главные силы и уже совместно с Австро-Венгрией нанести поражение русским войскам. Войну намечалось закончить за два-три месяца.

Стратегический план Австро-Венгрии был, по существу, составной частью германского плана. Вначале она, пока Германия вела активные операции на западе, должна была обороняться, а затем объединенными с союзником силами обрушиться на Россию и победоносно завершить войну.

Но, как известно, разработанные накануне войны стратегические взгляды проверяются реальной практикой в огне сражений.

С самого начала войны выявились крупные недостатки в подготовке всех государств к ее ведению. В России уже 24 июля в ответ на военные приготовления Германии и Австро-Венгрии, последовавшие после убийства в Сараево австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда, на заседании Совета министров было решено объявить мобилизацию четырех военных округов — Киевского, Одесского, Московского и Казанского, а также флота. На следующий день это решение было подтверждено, однако с такой оговоркой: «...пока не объявлять мобилизации, но принять все подготовительные меры для скорейшего ее осуществления в случае надобности»²¹².

Указ о всеобщей мобилизации Николай II подписал 29 июля после совещания, на котором была признана неизбежность войны с Германией. Неожиданно в тот же день император получил телеграмму от Вильгельма II с заверением выступить посредником между Россией и Австрией, а главное — с просьбой не ускорять военных приготовлений. Николай II принял решение отменить всеобщую мобилизацию и провести лишь частичную в четырех военных округах, причем только против Австрии.

Ввиду того, что таких планов не существовало, а проведение частичной мобилизации лишь в четырех округах нарушало стройность общего мобилизационного плана, Генеральный штаб принял все меры к тому, чтобы эти мероприятия не состоялись. 30 июля министр иностранных дел С. Д. Сазонов после совещания с военным министром и начальником Генерального штаба вполне резонно доказывал императору: «Лучше, не опасаясь вызвать войну нашими к ней приготовлениями, тщательно озаботиться последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутым ею врасплох»²¹³. На другой день Николай II согласился ввести в действие указ о всеобщей мобилизации. До начала войны оставались сутки. Такая непоследовательность в принятии решений отнюдь не способствовала эффективности проведения мобилизации, а тем более стратегического развертывания, и без того протекавших в более сложных по сравнению с противником условиях.

Количественное превосходство в силах и средствах на северном крыле Восточного фронта было за Россией. Русские полевые армии Северо-Западного и Юго-Западного фронтов (6 армий) имели одну общую задачу: перейти в наступление и перенести военные действия в пределы Австро-Венгрии и Германии. Однако, хотя страна давно готовилась к войне, войска не смогли начать наступление сразу же после официального объявления Россией войны. Из-за недостатка транспорта и низкой пропускной способности железных и шоссейных дорог войска сосредоточивались медленно. Так, в Восточной Пруссии развертывание германских сил (без части подразделений тыла) было закончено уже 10 августа, тогда как в России лишь 8 августа начались оперативные перевозки войск. Полностью русская армия (без ополчения) завершила мобилизацию только на 45-ый день.

В таких условиях резко возросла роль оперативного прикрытия. Однако оно было организовано недостаточно умело. Авиаразведка в силу малочисленности авиации

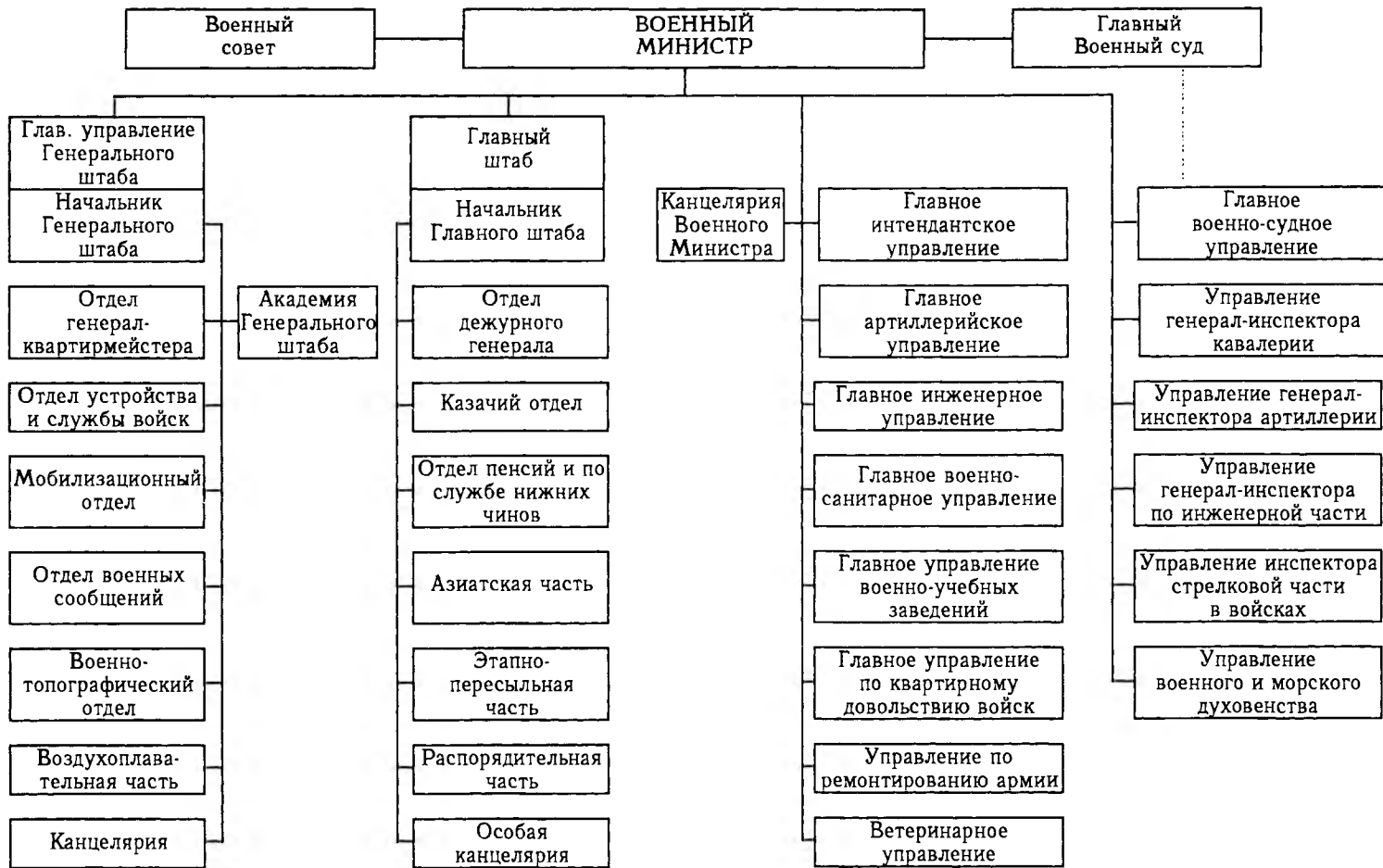

Схема 15 Организация военного министерства России накануне первой мировой войны

Таблица 1. Соотношение сил сторон на Восточно-европейском театре к началу военных действий

Государство, армия	Пехотные дивизии	Кавалерийские дивизии	Орудия
Россия			
Северо-Западный фронт			
1-я	6,5	5,5	402,0
2-я	11,0	3,0	702,0
Итого	17,5	8,5	1104,0
Юго-Западный фронт			
4-я	6,5	3,5	426,0
5-я	8,0	3,0	516,0
3-я	12,0	3,0	685,0
8-я	8,0	3,0	472,0
Итого	34,5	12,5	2099,0
Всего на восточно-европейском театре	52,0	21,0	3203,0
Германия и Австро-Венгрия			
8-я герм.	15,0	1,0	1044,0
Корпус Войрша	2,0	—	72,0
Группа Куммера	2,5	1,0	106,0
1-я австр.	9,0	2,0	450,0
4-я австр.	9,0	2,0	436,0
3-я австр.	6,0	3,0	288,0
Группа Кевеса	9,0	3,0	448,0
Всего на восточно-европейском театре	52,5	12,0	2844,0

не могла вскрыть сосредоточение и развертывание неприятельских войск. Огромное превосходство в коннице, которое имел Северо-Западный фронт (9 кавалерийских дивизий и около 12 полков войсковой конницы против кавалерийской дивизии немцев), казалось, позволяло русскому командованию организовать активные разведывательные операции, однако и эта возможность не была использована²¹⁴.

Не лучше обстояло дело и в полосе Юго-Западного фронта. Мало того, отрывочные данные разведки на этом стратегическом направлении убедили Ставку и командование фронта, что австро-венгерский штаб развертывает свои армии по тому варианту плана, что имелся у русского Генерального штаба, тогда как в действительности развертывание было отнесено глубоко назад.

В период приграничных сражений на ту же конницу возлагался срыв стратегического развертывания противника нанесением внезапных ударов, рейдовыми действиями и налетами. Но несмотря на благоприятные условия и с этим справиться ей в полной мере не удалось. Поэтому русский Генеральный штаб и Ставка вынуждены были принимать решение наугад. Так, согласно плану войны 1912 г. уже к 10 дню мобилизации Главковерх должен был располагать вполне достоверными разведанными, которые позволили бы ему определиться, к какому из вариантов развертывания («А» или «Г») приступить. Хотя таких всеобъемлющих данных собрать не удалось, в Ставке к 7 дню мобилизации было доподлинно известно, что главные силы Германии брошены против Франции. А если учесть, что 2-я армия австро-венгров двинулась на юг, то в качестве основного плана обстановка почти

однозначно выдвигала вариант «А», то есть нанесение главного удара на юго-западном направлении.

Тем не менее директивы Ставки от 10 и 12 августа свидетельствуют, что Верховное командование русской армии все еще колебалось с принятием решения, но больше склонялось ориентироваться на вариант «Г». В связи с этим, а также учитывая просьбу французского генерального штаба было решено наряду с выдвиганием в Восточную Пруссию наступать в направлении Познани, а далее на Берлин. Для этого начала формироваться новая 9-я армия, потом и 10-я, из корпусов, выделенных 1-й армией генерала П. К. Ренненкампа. Стоит напомнить, что предвоенные планы такого наступления даже не предусматривали. Стремление везде наступать и одновременно все прикрыть привело лишь к распылению сил и средств. В результате в начале войны так и не была создана определенная группировка, которая готовила бы главный удар на решающем направлении. Вместо этого войска растягивались вдоль границы с немалой долей импровизации.

Ко всему этому не лишне добавить стремление русского командования во что бы то ни стало начать наступление, причем мало заботясь о том, что развернувшемуся противнику противостоят разрозненные корпуса и дивизии, лишенные обозов и тылов. Особенно усердствовал в этом плане генерал Я. Г. Жилинский — командующий Северо-Западным фронтом, чья подпись стояла под франко-русской военной конвенцией. 10 августа 1914 г. он предложил Ставке направить уже 15 августа в Восточную Пруссию 3-й корпус. Жилинский утверждал, что этим «мы хоть отчасти выполняем наши обязательства в отношении Франции...»²¹⁵. Ставка не утвердила предложение ретивого генерала, справедливо полагая, что разгром этому корпусу обеспечен еще до подхода других корпусов, которые в то время только сосредоточивались.

Первые две-три недели войны составили ее начальный период. Основным содержанием его стало проведение мобилизации, стратегического сосредоточения и стратегического развертывания главных сил воюющих сторон. Лишь войска прикрытия и передовые части для вторжения вели тогда боевые действия в приграничных районах с ограниченными целями. На Западном фронте Германия стремилась захватить переправы на р. Маас, чтобы создать благоприятные условия для наступления главных сил. Здесь в 580-километровой полосе она развернула 7 армий (почти 88 пехотных и кавалерийских дивизий) общей численностью 1 600 тыс. человек. Им противостояли 5 французских, английская и бельгийская армии (100 пехотных и кавалерийских дивизий) — около 1 600 тыс. человек.

На Восточно-европейском театре военных действий против России были развернуты 1 германская, 3 австро-венгерские армии и 2 армейские группы (приблизительно 65 пехотных и кавалерийских дивизий) численностью свыше 1 млн. человек. Как уже указывалось, Россия против них выставила 6 армий (73 пехотные и кавалерийские дивизии), в составе которых было 850 тыс. человек.

Здесь уместно поведать об оперативно-стратегической игре, состоявшейся в Киеве с 20 по 24 апреля 1914 г. Показательна она в том отношении, что на ней были допущены, по существу, те же просчеты и ошибки, которые выявились в августе 1914 г., причем совершали их одни и те же лица из числа высшего командования. Речь идет о генералах Я. Г. Жилинском, П. К. Ренненкампе, В. А. Орановском, Н. И. Иванове, М. В. Алексееве, Н. В. Рузском. По итогам игры они заслужили в лучшем случае благодарность за «решительные действия». На практике же это вылилось в авантюрное наступление не до конца сосредоточенными корпусами, да еще без тылов, приведшее к трагедии 2-й армии генерала А. В. Самсонова. Так русская армия поплатилась за политические и стратегические промахи своего военно-политического руководства, за упрощенческий подход к важнейшим вопросам ведения

войны, недооценку значения материального обеспечения войск, игнорирование реальных расчетов соотношения сил и сроков развертывания. Ссылка на устаревшую многих формулу, будто «перевозки и весь тыл фронтов и армий работают без задержек и перебоев» не помогла²¹⁶. Из-за нежелания заниматься скучными, по их собственным словам, вопросами материального обеспечения главный интендант генерал Шуваев, начальник Управления военных сообщений генерал Добрынин и главный военно-санитарный инспектор генерал Евдокимов оказались на той самой игре просто-напросто в роли безмолвных наблюдателей. Правда, Алексеев в докладных записках пытался доказать необходимость соотношения темпов наступления с вопросами работы тыла, но, к сожалению, его толковые мысли остались без должного внимания со стороны руководителей военной игры.

Несмотря на очевидность результатов, эта военная игра так и была похоронена в сейфах русского Генерального штаба, а ее выводы затушеваны. Однако первые же дни войны не только напомнили о ее поучительных выводах, но и подвели им своеобразный итог. На сей раз русский генералитет не в игре, а на полях сражения получил жестокие уроки.

Вопреки всем предвоенным прогнозам война растянулась на долгих 4 года.

Кампания 1914 г. связана с провалом стратегии быстротечной войны и переходом от маневренных к позиционным формам борьбы. На западе она началась оккупацией Люксембурга (2 августа), вторжением германских войск в Бельгию (4 августа) и последующим приграничным сражением между германскими и англо-французскими армиями (21—25 августа). На востоке 17 августа русские войска вступили в Восточную Пруссию.

На Западноевропейском театре ударной группировке германских войск удалось вторгнуться в Северную Францию и развернуть наступление на Париж. Однако в связи с возникшей угрозой на востоке немецкому командованию пришлось срочно перебросить в Восточную Пруссию 2 армейских корпуса и кавалерийскую дивизию. Воспользовавшись этим, французская армия предприняла сильный контрудар и в сражении у р. Марны (5—12 сентября) нанесла серьезное поражение германским войскам, отбросив их на 50—60 км к северу. В дальнейшем обе стороны стремились обойти открытый северный фланг противника («бег к морю»), что привело к образованию сплошного фронта от Северного моря до Швейцарии. Истощив наступательные возможности и не имея резервов, противостоящие войска перешли к жесткой позиционной обороне.

А на Восточно-европейском театре войска Северо-Западного фронта генерала Жилинского во встречном сражении под Гумбинненом нанесли крупное поражение 8-й германской армии генерала П. Гинденбурга, но достигнутый успех не был использован. Между двумя русскими армиями, которые вторглись в Восточную Пруссию и наступали на Кенигсберг, образовался разрыв. Используя это и введя в сражение подошедшие резервы, германское командование сосредоточило превосходящие силы против 2-й армии генерала Самсонова и в сражении у Мазурских озер (26—31 августа) разгромило ее. Затем немцы всеми силами обрушились на бездействовавшую 1-ю армию генерала Ренненкамппа и отбросили ее за Неман.

Более успешными были действия войск Юго-Западного фронта, которым командовал генерал Иванов. В ходе Галицийской битвы (19 августа—21 сентября) они нанесли ряд поражений австро-венгерским войскам, отбросили их на 200 км к западу, овладели Галицией и вышли в предгорья Карпат. Но и этот успех развить не удалось.

Наряду с главными театрами военных действий вооруженная борьба развернулась на Балканах, в Закавказье, на Ближнем и Дальнем Востоке. Образовались Кавказский, Балканский, Сирийский, Месопотамский и другие фронты, но в общем ходе войны они играли вспомогательную роль. Активные операции начались на морских и оке-

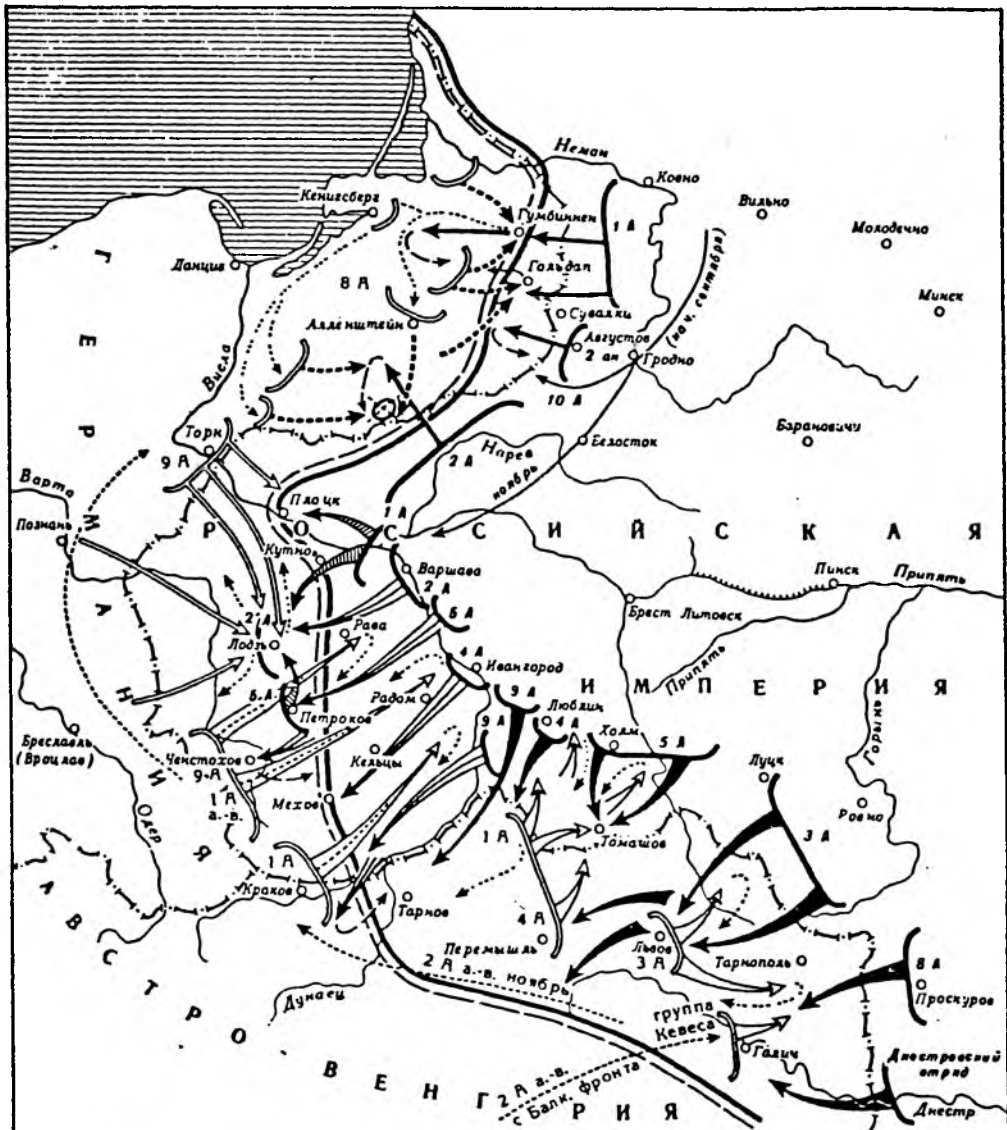

Схема 16. Кампания 1914 г. на Восточно-европейском театре

анских театрах военных действий. При этом Англии удалось сохранить свое господство на море и установить морскую блокаду Германии.

В целом, военная кампания 1914 г., вследствие крупных обоюдных ошибок с обеих сторон, завершилась крушением исходных стратегических планов. Армии понесли огромные потери, а заранее накопленные мобилизационные запасы оказались полностью израсходованы. В военных действиях образовалась длительная оперативная пауза, которую каждый из участников пытался использовать для перестройки экономики страны на военный лад, мобилизации новых людских и материальных ресурсов для продолжения войны.

Военная кампания 1915 г. характеризовалась дальнейшим наращиванием стратегических усилий сторон и образованием позиционного тупика. Германия перенесла свои главные усилия на восток с целью вывести из войны Россию и избавиться от необходимости вести войну на два фронта. В результате Горлицкого прорыва, предпринятого германской армией в ходе августовского наступления, наступления в районе Вильно и последовавшего затем Свенцянского прорыва, а также ряда других операций русские войска вынуждены были оставить Галицию, Польшу и Литву. Однако попытки вывести Россию из войны провалились. Русские армии сумели избежать окружения, приковав к себе главные силы германско-австрийского блока; а на Кавказе, в ходе Алашкерской наступательной операции, стабилизировать линию фронта и создать хорошие предпосылки для дальнейшего наступления в пределы Турции. В этой кампании русско-германский фронт стал главным фронтом войны.

На Западноевропейском театре Англия и Франция вначале ограничивались стратегической обороной. Проведенные частные операции у Ипра, в Артуа и Шампани, а также Дарданелльская десантная операция успеха не имели.

На второстепенных театрах бои шли с переменным успехом. К германско-австрийскому блоку примкнула Болгария, а к Антанте — Италия. Попытки стран Антанты вывести из войны Турцию не удалась.

Кампания 1916 г. тоже не выявила решающего преимущества ни одной из воюющих сторон. Германия оказалась вынужденной продолжать войну на два фронта, да еще в тисках морской блокады. Страны Антанты должны были искать новые способы решения возникших перед ними сложных военно-политических и стратегических задач.

1916 г. отмечен дальнейшим развитием и ужесточением позиционной войны, хотя обе стороны пытались найти выход из позиционного тупика. Германия вновь перенесла основные усилия против Франции. Главный удар был нанесен в районе Вердена. Верденская операция началась 21 февраля после 9-часовой артиллерийской подготовки. Но, несмотря на всю мощь первоначального удара, осуществить оперативный прорыв не удалось. Наступление приняло затяжной характер. По сути, оно вылилось в борьбу на истощение с методическим прогрызанием обороны. За шесть с половиной месяцев германские войска продвинулись всего на 7—10 км и в конце концов вынуждены были перейти к обороне. В осенних боях они были отброшены на исходные позиции.

1 июля 1916 г. войска Антанты после 7-дневной артиллерийской подготовки начали крупную наступательную операцию возле р. Сомма (июль—ноябрь). В ходе ее английское командование впервые применило танки. Вначале союзники имели успех, но вскоре наступление захлебнулось. Ожесточенные позиционные бои продолжались вплоть до глубокой осени, но опять безрезультатно. Обе стороны понесли огромные потери: англо-французские войска — 800 тыс., германские войска — 500 тыс. человек.

На Восточно-европейском театре важнейшим событием кампании 1916 г. стало наступление русского Юго-Западного фронта под командованием генерала А. А. Бру-

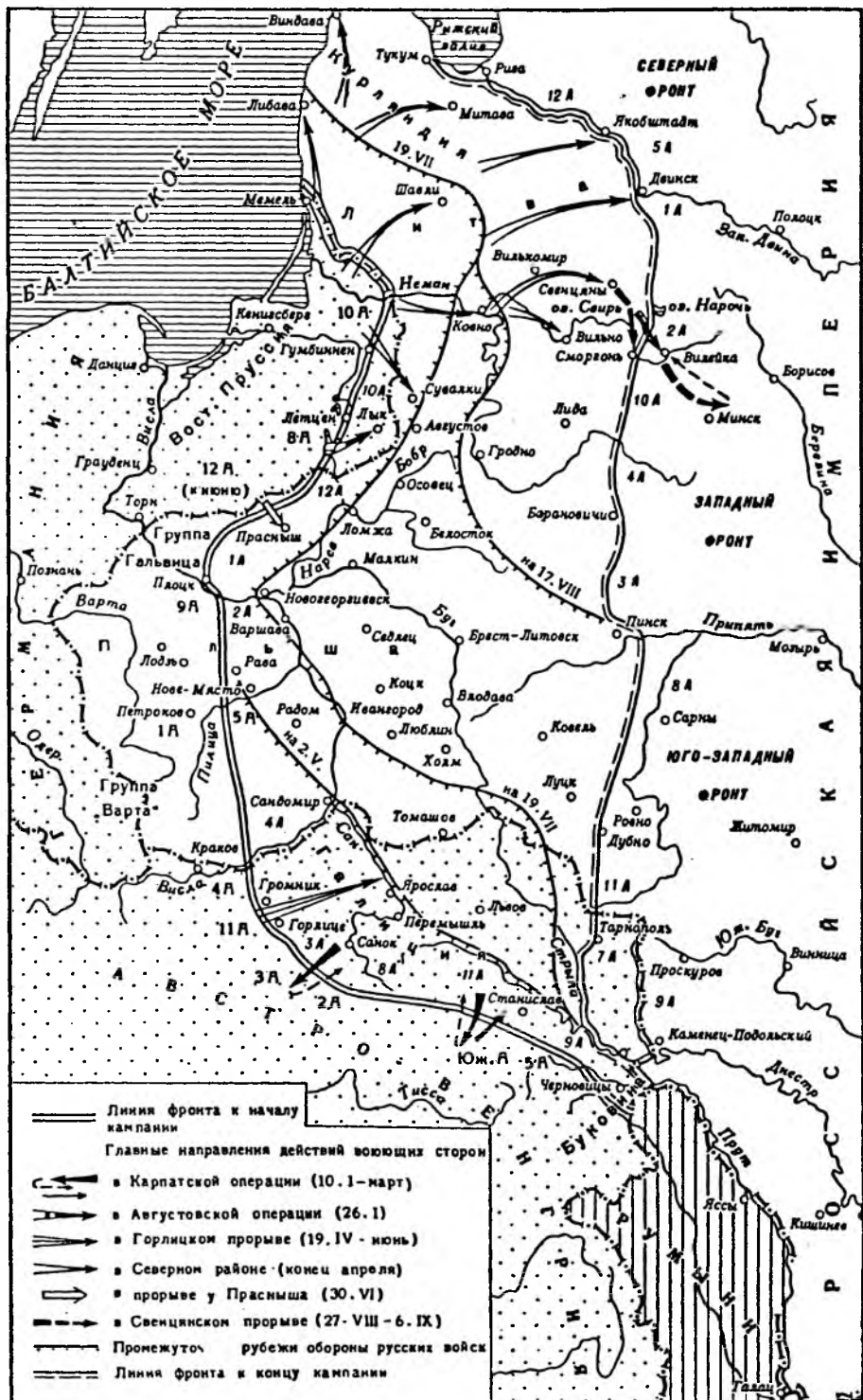

Схема 17. Кампания 1915 г. на Восточно-европейском театре

силова, вошедшего в историю под названием Брусиловского прорыва (июнь—август). В ходе его русские войска, прорвав оборону противника на фронте около 550 км, продвинулись на глубину 80—120 км. Германские и австро-венгерские войска потеряли свыше 1,5 млн. человек, в том числе 450 тыс. пленными. Противник был вынужден перебросить сюда с Западного и Итальянского фронтов 34 дивизии, что существенно облегчило положение англо-французских армий, а итальянские войска спасло от разгрома в Трентинской операции.

На Кавказском направлении русские армии успешно провели несколько наступательных операций против Турции. На Балканском и Месопотамском фронтах войска Антанты активизировали военные действия. Важное значение имело Ютландское морское сражение — самое крупное за всю войну. В итоге британский флот укрепил свое господствующее положение в Атлантике, а германскому командованию пришлось расстаться с надеждой прорвать морскую блокаду. В целом кампания 1916 г. закончилась потерей Германией стратегической инициативы и поворотом войны в более благоприятную для Антанты сторону.

Военную кампанию 1917 г. характеризуют попытки сторон перейти к новой стратегии ведения войны. План Антанты предусматривал нанесение по противнику ряда частных ударов с последующим переходом в общее стратегическое наступление. Германия решила вести стратегическую оборону на всех фронтах с тем, чтобы, накопив резервы, только на следующий год возобновить военные действия. Россия предполагала провести ряд операций, нацеленных на улучшение ее стратегического положения. Вступление в войну Соединенных Штатов Америки окончательно изменило соотношение сил в пользу Антанты.

Однако апрельское наступление союзников, предпринятое с целью разгрома противника на Западноевропейском театре, не привело к успеху. Не изменили существенно обстановку и частные операции в районе Ипра, Мессина, под Верденом и у Камбре, хотя в последних применялись новые средства борьбы — танки и авиация.

Организованная Временным правительством России Митавская операция и июньское наступление Юго-Западного фронта тоже закончились провалом. Перешедшие в контрнаступление германские и австро-венгерские войска ликвидировали первоначальный успех русских и отбросили их на восток.

Таким образом, германо-австрийский блок на сухопутных театрах сумел отразить удары Антанты, некоторого успеха Германия добилась в предпринятой ею тотальной подводной войне.

На дальнейшие планы и действия сторон серьезно повлиял выход России из войны. Потерю столь важного стратегического союзника Антанта лишь частично компенсировала осенью 1917 г., когда на Западноевропейском театре появились американские войска. Но решающее значение имело то, что силы Германии и Австро-Венгрии уже иссякали.

Завершающая военная кампания 1918 г. проходила в сложной и напряженной военно-политической обстановке. В первой половине года инициативой временно овладела Германия. Перейдя в наступление в Пакардии, на реках Эн и Марна, немецкие войска с марта по июль на ряде участков прорвали оборону противника и продвинулись на глубину 30—40 км, однако из-за отсутствия резервов развить успех не смогли.

Отразив германские удары и используя свое подавляющее превосходство в силах и средствах, войска Антанты провели несколько частных наступательных операций в районе Амьена (август), Сен-Миель (середина сентября), у р. Марна (июль—август). 26 сентября они перешли в общее наступление. Германии пришлось признать себя побежденной. Вслед за ней капитулировала и Австро-Венгрия.

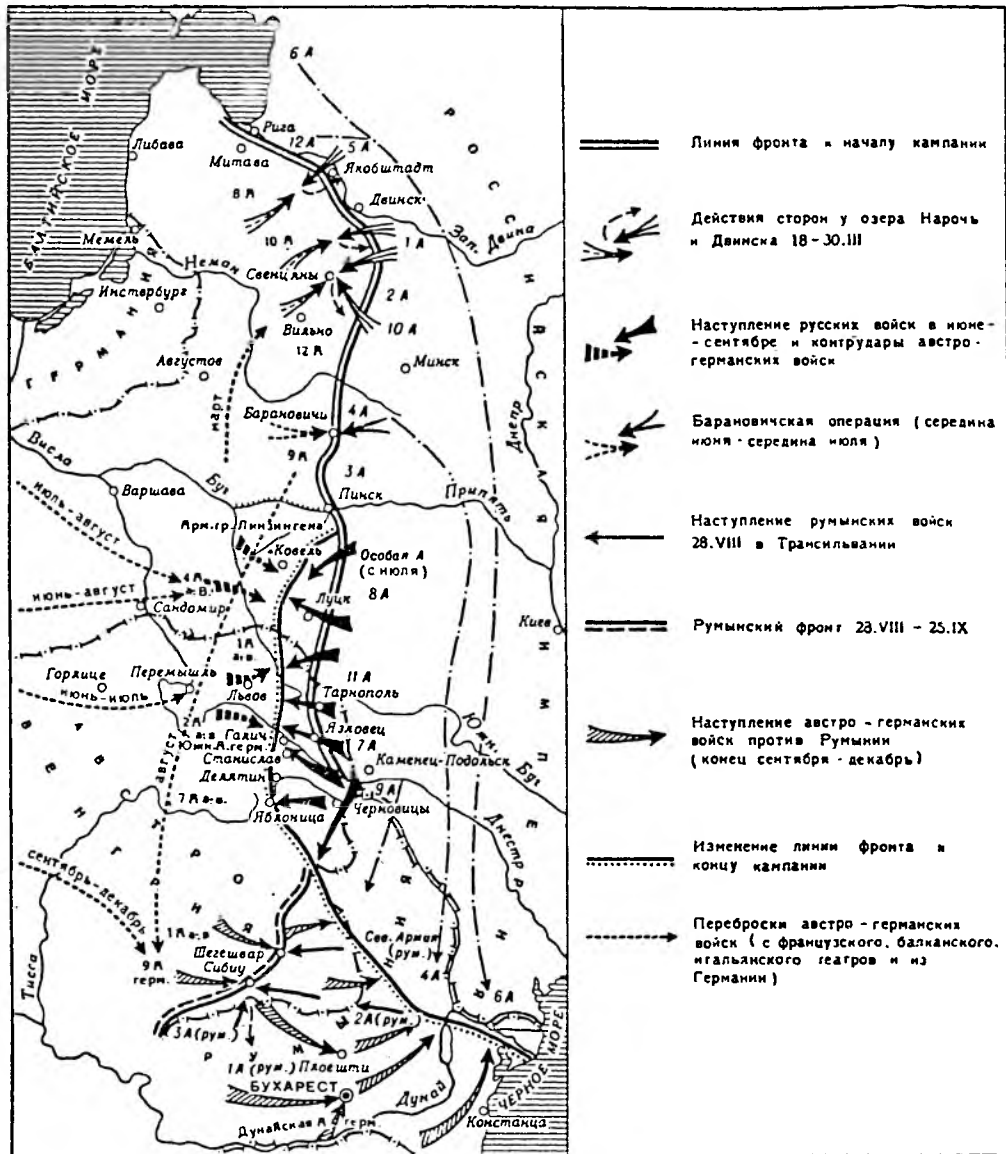

Схема 18. Кампания 1916 г. на Восточно-европейском театре

В целом первая мировая война продолжалась 1 568 дней и ночей. В ней приняли участие 38 государств с населением 1,5 млрд. человек. В ряды вооруженных сил были мобилизованы около 73,5 млн. человек. Протяженность фронтов превысила 4 тыс. км. Потери сторон убитыми и умершими от ран составили более 9,5 млн. человек, не говоря уже о 20 млн. раненых, что превысило потери всех европейских стран за тысячу лет.

Результаты войны оказали огромное влияние на весь последующий ход мировой истории.

Самое активное участие в войне принимала Россия, мобилизовавшая в общей сложности 15,7 млн. человек или 8,7% населения страны. Русский фронт, простиравшийся от берегов Балтики до Черного моря, оказался главным, а происходившие на нем события влияли на весь ход войны. К сентябрю 1915 г., т. е. через год после начала войны, число австро-германских дивизий на русском фронте уже достигало 166 пехотных и 24 кавалерийских, в то время как на Западном фронте действовали соответственно 86 и 10 дивизий. Во всех кампаниях русская армия вела активные боевые действия, не раз спасая от разгрома своих союзников. За свое участие в войне Россия заплатила дорогую цену: только убитыми она потеряла 2,3 млн. человек. За время войны русские войска на Восточно-европейском и Кавказском театрах провели свыше 25 фронтовых операций.

Первая мировая война заставила пересмотреть многие устоявшиеся положения военной стратегии. Прежде всего она окончательно вынудила отказаться от превалявавшей до сих пор стратегической концепции о возможности достижения победы в одном генеральном сражении. Опыт ее убедительно подтвердил, что, когда в противоборство вступают массовые армии, исход войны может решить только длительная, напряженная борьба при полном использовании всех экономических и моральных возможностей страны. Уже в конце 1914 г. всем стало очевидно, что расчетам воюющих сторон на победоносное завершение войны в течение нескольких месяцев не суждено сбыться. И не случайно ни одно государство в полной мере так и не смогло осуществить свой стратегический план как в начале войны, так и в последующие годы.

Достижение победы в войне стало возможным только в результате ряда последовательных военных кампаний, в каждой из которых вооруженные силы проводили по нескольку операций. Вместе с тем и цели военных кампаний приобрели принципиально новый характер. Теперь они представляли собой совокупность большого числа одновременных и последовательных операций различного вида и масштаба, проводимых на значительной территории по фронту и в глубину, связанных единством цели и замысла.

Не оправдались и установки предвоенной военной стратегии о маневренном характере войны. Участие многомиллионных армий, способных создать огромные сплошные фронты, мощная оборона и отсутствие средств для одновременного ее подавления, в то же время недостаток резервов, малая подвижность войск привели к тому, что вооруженная борьба непременно должна была принять упорный позиционный характер. Сложилась новая форма ведения военных действий на сплошных позиционных фронтах, сокрушить которые можно было лишь путем глубокого стратегического прорыва.

Для российской военной стратегии в этой войне основными задачами являлись определение важнейших фронтов, целесообразное распределение сил и средств, а также создание на главных стратегических направлениях необходимого превосходства над противником. Пришлось изменить сам подход к оценке соотношения сил и средств, определиться в критериях превосходства. Если в предыдущих войнах русское военное командование исчисляло соотношение сил и средств в основном

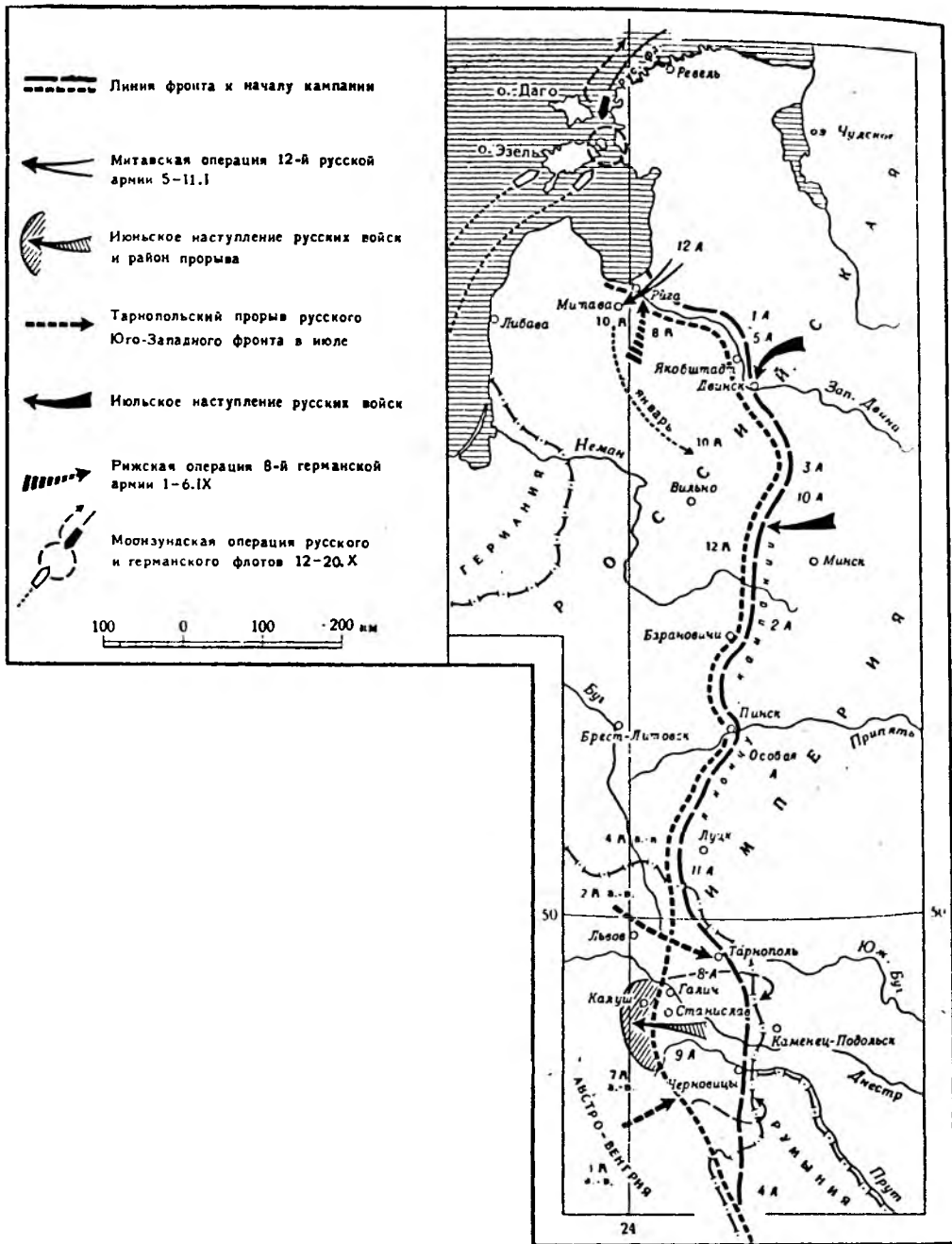

Схема 19. Кампания 1917 г. на Восточно-европейском театре

дивизиями, то теперь во внимание принимались не только войсковые соединения, но и артиллерийские, танковые, инженерные и другие части. Одновременно для каждой группировки войск стал необходим расчет потребного количества материальных средств и транспорта.

В зависимости от обстановки российское военное командование сосредоточивало основные усилия на Северо-Западном, Западном, или Юго-Западном фронтах. Поэтому приходилось перебрасывать крупные силы на большие расстояния, в частности: на завершающем этапе Восточно-Прусской и Варшавско-Ивангородской операций, при ликвидации Горлицкого и Свенцкойского прорывов, при развитии июльского наступления, осуществленного Юго-Западным фронтом в 1916 г., при восстановлении Румынского фронта и в ряде других случаев. Однако масштабы маневра ограничивало слабое развитие фронтальных и рокадных коммуникаций, не говоря уже о хроническом недостатке транспорта. Поэтому нередко противник, имея возможность маневрировать по своим внутренним операционным направлениям, упреждал русские войска в перегруппировке сил, и те были не в состоянии своевременно наращивать усилия и развивать наметившийся успех.

Серьезные проблемы пришлось решать русской стратегии в связи с выбором целесообразных форм и способов стратегических действий. Следует напомнить, что Россия вступила в войну, полная надежд с самого ее начала проводить решительные наступательные операции вплоть до охвата флангов противника и окружения его основных сил. Именно это лежало в основе ее стратегического плана войны. Однако очень скоро выяснилось, что добиться поставленной цели можно лишь путем проведения разнообразных видов операций, причем различного масштаба. Потребовалось также радикально пересмотреть способы их ведения.

Основными видами стратегических действий русских войск являлись стратегическая оборона и стратегическое наступление, где решающая роль принадлежала сухопутным войскам. В кампании 1915 г. было успешно осуществлено несколько контрнаступлений, а проведенное стратегическое наступление сорвало попытку германского командования окружить русские армии на левом берегу р. Вислы.

Чаще всего стратегические задачи решались группами армий. Следует сказать и о зарождении фронтовой операции. Правда, полного развития она не получила, продолжая оставаться, по существу, суммой ряда армейских операций, проведенных по общему замыслу и плану. Одновременно выявилась необходимость в организации более масштабных операций. Так, Галицийская битва развернулась на 400-километровом фронте и продолжалась около месяца. Она состояла из нескольких одновременных и последовательных операций групп армий. Многие операции приобрели комбинированный характер. Например, Восточно-Прусская операция начиналась как наступательная, а закончилась обороной. Горлицкая операция, наоборот, начиналась обороной, а закончилась контрнаступлением. Нередко операции начинались на одном направлении, а затем распространялись на смежные направления и т. п.

Наступательные операции групп армий, а затем и фронтов, преследовали, как правило, стратегические цели. Обычно они проводились в полосах протяженностью 300—400 км, в течение 20—30, а иногда и более, суток. В кампании 1914 г. наступательные операции обычно планировались на большую глубину. Так, перед Северо-Западным фронтом в 1914 г. была поставлена цель овладеть всей Восточной Пруссией с последующим наступлением на Берлин. Целью наступательной операции Юго-Западного фронта являлось вторжение в Венгерскую долину, с последующим овладением Веной и Будапештом. Однако действительность опрокинула все первоначальные расчеты Генерального штаба и командования фронтов. Возросшая мощь огневого воздействия противника, слабая подвижность войск, постоянный снарядный «голод» не позволили русским развивать наметившийся было успех. Наступавшие

войска несли большие потери, а потому быстро теряли боеспособность. Поэтому результативность почти всех наступательных операций оказалась значительно ниже расчетной, следствием чего явилась необходимость планирования большинства наступательных операций 1915—1916 гг. на сравнительно ограниченную глубину. Причем поставленные задачи выполнялись далеко не всегда.

В этот период стратегии пришлось решать такую важную проблему, как прорыв фронта обороны противника. Опыт показал, что позиционную оборону удавалось прорвать лишь при условии значительного превосходства над противником на направлении главного удара и надежного его огневого подавления. Сначала пытались осуществлять прорыв на узких участках фронтов на одном или нескольких направлениях путем фронтального удара. Причем полоса наступления дивизии постепенно сокращалась с 10—12 км до 5—6, а затем и до 2,5—3 км. Обычно прорыву предшествовала длительная артиллерийская подготовка с плотностью 40—50 орудий на 1 км фронта. Для прорыва применялись дислоцированные боевые порядки типа «волна цепей». Это отвечало требованиям методического фронтального наступления, но сковывало маневр войск и вело к большим потерям.

С 1916 г. как на Западном, так и на Восточном фронтах стали предприниматься попытки выхода из позиционного тупика с помощью новых способов прорыва. При этом англо-французское командование делала главную ставку на дальнейшее масширование сил, увеличение продолжительности артиллерийской подготовки и применение танков. В русской армии особое значение придавалось достижению внезапности, совершенствованию организации огневого подавления противника, но прежде всего — действиям войск при прорыве, которые наносили одновременные и последовательные удары на широком фронте. Наиболее ярко это проявилось при организации наступления Юго-Западного фронта, так называемого Брусиловского прорыва. Тогда главный удар наносился на левом крыле фронта силами 8-й армии на участке 21 км; остальные три армии наносили вспомогательные удары, прорывая оборону противника на участках по 7—11 км. В целом прорыв осуществлялся на 13 участках (4 армейских и 9 корпусных) в 450-километровой полосе. На направлении главного удара средняя артиллерийская плотность достигала 40—50, а на вспомогательных — 15—20 стволов на 1 км. Продолжительность артиллерийской подготовки составляла от 6 до 46 часов. Как уже отмечалось, в этой операции был достигнут крупный успех. И лишь запоздалое решение Ставки о переброске на это направление стратегических резервов с Западного фронта не позволило завершить разгром противника.

Большой прогресс в годы первой мировой войны был достигнут в организации и ведении стратегической обороны. По существу, оборона составляла основу военных действий. На Восточно-европейском театре, например, русские войска находились в большей частью в обороне (около 3/4 времени ведения боевых действий). Разумеется, это не могло не изменить самым коренным образом взгляды на характер и способ ведения обороны. Так, уже кампания 1914 г. показала, что оборона, опиравшаяся на удержание крепостей, полностью себя изжила. В результате обе противоборствовавшие стороны повсеместно перешли к организации полевой позиционной обороны с длительным удержанием занимаемых рубежей. Следствием этого явилось создание сплошных фронтов эшелонированной в глубину и оборудованной в инженерном отношении системой полос и позиций, основу которых составляла система траншей.

Постепенно менялись также представления о целях и содержании обороны. Вначале стратегическая оборона носила в основном пассивный характер и была рассчитана на выигрыш во времени. В последующих кампаниях ее стали применять для удержания занимаемых рубежей и стратегически важных районов, истощения

противника и нанесения поражения его наступающим войскам. Дальнейшее совершенствование обороны шло в направлении увеличения глубины ее эшелонирования, улучшения инженерного оборудования местности, повышения активности действий войск. При этом возросла роль маневра и контрударов для восстановления утраченного положения. В конце войны появились элементы противотанковой и противотанковой артиллерийской обороны. Стала применяться так называемая эластичная оборона. Суть ее заключалась в том, что допускалась возможность временной утраты передовых позиций и перенесения огня в глубину с тем, чтобы, когда наступление противника иссякнет, нанести ему поражение сильными контрударами с фронта и флангов.

Повышению эффективности стратегического наступления и обороны способствовало развитие способов применения всех родов войск. Так, в годы войны были разработаны новые методы артиллерийской подготовки и поддержки наступления, в том числе путем последовательного сосредоточения огня, одиночного и двойного огневого вала. Стала применяться артиллерийская контрподготовка. Были разработаны основы боевого применения танков и авиации. Начала зарождаться войсковая противовоздушная оборона.

Первая мировая война внесла огромные изменения во взгляды на создание и использование стратегических резервов. Накануне ее преподаватель Академии Генерального штаба полковник А. А. Незнамов утверждал: «...Непосредственно в тылу держать общий резерв бесполезно...». Ему вторил его ученик Николаев: «...резерв в стратегии с боевой целью есть дело преступное...»²¹⁷. Вряд ли стоит упрекать обоих в консерватизме, ибо такие установки вытекали из общепринятого представления о кратковременности будущей войны. Однако уже первые операции показали, что без планомерной подготовки, накопления, а главное — рационального использования стратегических резервов успешное ведение войны немислимо. Именно отсутствие резервов явилось одной из причин трагедии русских войск, разыгравшейся в Восточно-Прусской операции.

В последующие годы стратегические резервы создавались в основном за счет новых формирований. Большие сложности, однако, возникали с их выдвиганием в районы боевых действий. Тем не менее эта проблема, хотя и с трудом, успешно решалась. Уже в сентябре—октябре 1914 г. Ставка перегруппировала, частью по железной дороге, частью походным порядком 4-ю, 5-ю и 9-ю армии с краковского направления на Среднюю Вислу, а 2-ю армию направила из района р. Нарев под Варшаву²¹⁸. В 1915 г. умелая переброска резервов спасла Северо-Западный фронт от сильного удара немцев. В 1916 г. с Западного и Северо-Западного фронтов были перегруппированы на Юго-Западный фронт 10 корпусов и 11 пехотных дивизий. Чаще всего резервы применялись для восстановления нарушенного стратегического фронта, усиления обороны и наращивания усилий в ходе наступления.

В ряде случаев на использование стратегических резервов влияли союзнические обязательства. Верные своему долгу русские нередко направляли резервы не туда, где того требовали собственные стратегические интересы, а с расчетом помочь союзникам выйти из затруднительного положения.

Особое значение в ходе войны приобрела задача восстановления боеспособности войск. Прежде всего — их комплектование людскими ресурсами. Известно, что в мирное время численность русской армии составляла 1 300 тыс. человек. В связи с мобилизацией были призваны еще 3 500 тыс., из них 2 200 тыс. предназначались для доукомплектования армии до штатов военного времени, а 1 300 тыс. потребовались для развертывания запасных частей и тыловых учреждений. Считалось, что из каждых 1 500 тыс. человек населения Россия сможет развернуть одну дивизию, тогда как Германия, впрочем, и Франция тоже, планировали из такого же расчета раз-

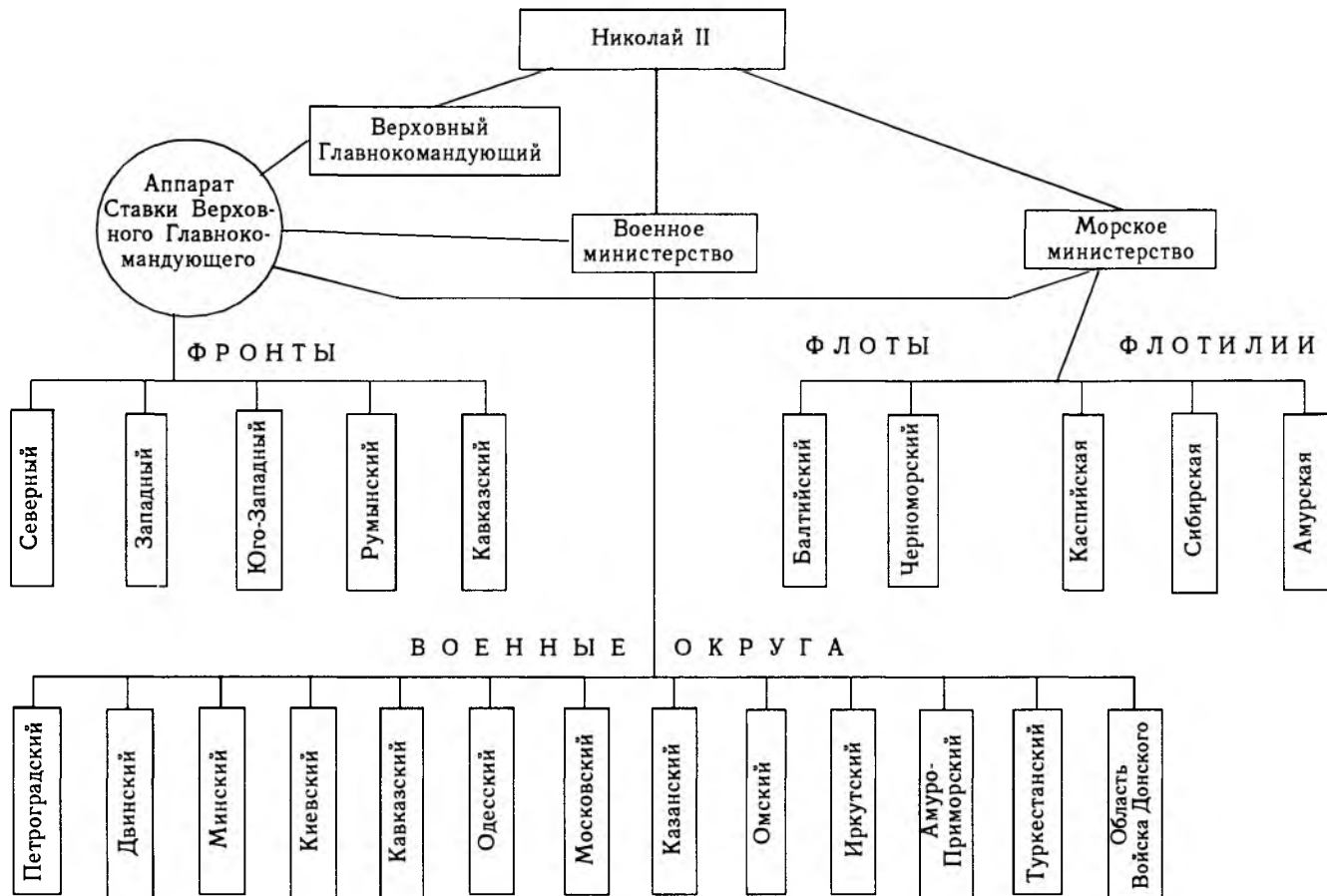

Схема 20. Организация руководства Вооруженными Силами России в первой мировой войне

вернуть по три дивизии²¹⁹. Поэтому не случайно, что России пришлось в ходе войны мобилизовать военнообязанных в 4,5 раза больше. Часть их пошла на формирование резервов, а главная масса в виде маршевого пополнения — на восстановление боеспособности войск.

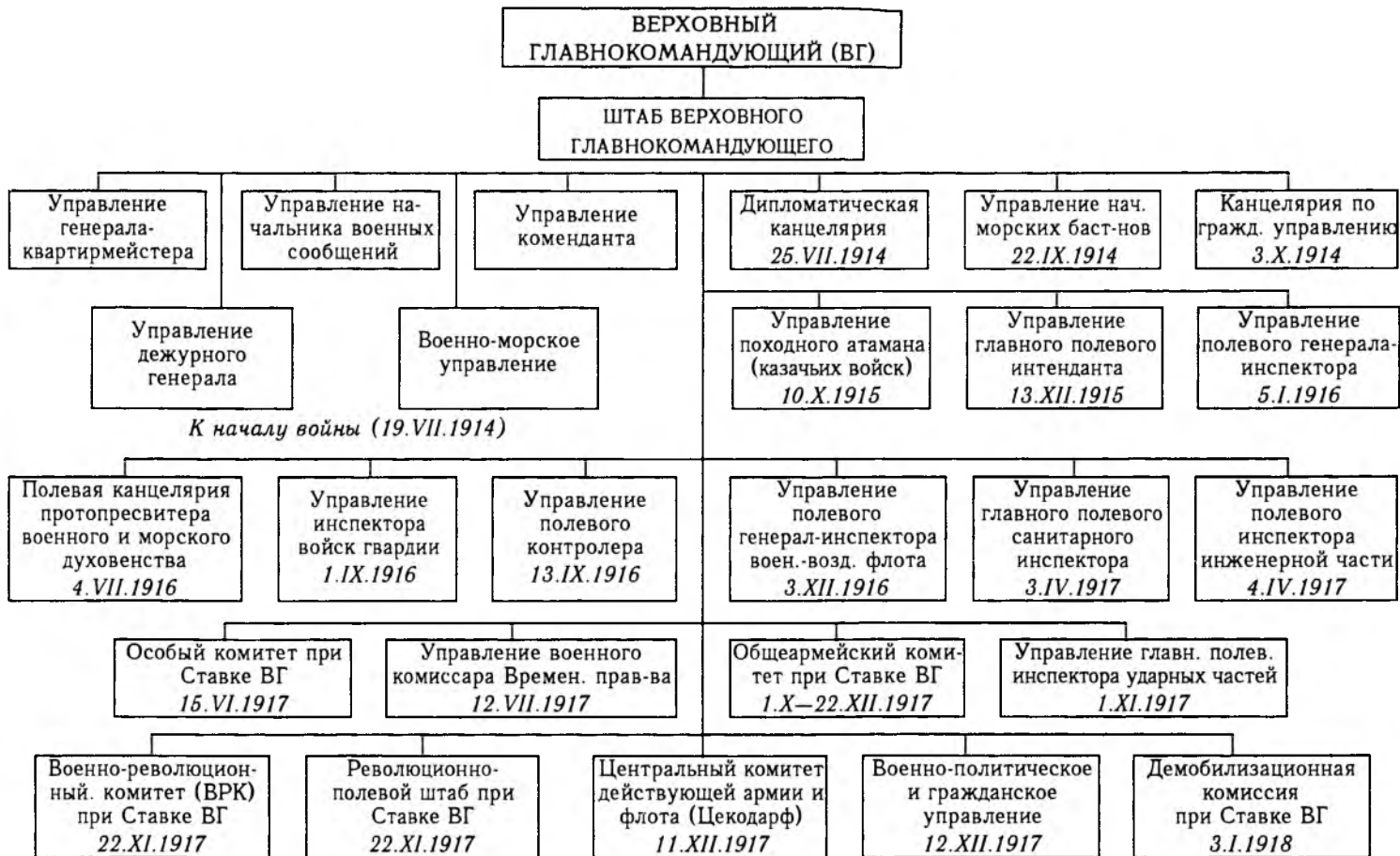
Очень остро встал вопрос об обеспечении действующей армии оружием, военной техникой и особенно боеприпасами. Уже к середине августа 1914 г., когда была завершена мобилизация, весь запас винтовок и револьверов (4 652 тыс. и 424 тыс. соответственно) пошел на вооружение 5-миллионной армии. К следующей осени полки имели всего четверть положенного им по штату оружия²²⁰. Возможности Тульского, Сестрорецкого и Ижевского оружейных заводов оказались весьма ограничены, а доставка из-за рубежа слишком затруднена. И хотя русская армия все же получила 1 800 тыс. винтовок из Франции, Италии, Англии, Японии и даже 650 тыс. винтовок из Америки, покрыть все возрастающие потребности армии эти поставки не могли. Только за 1914—1916 гг. потери в винтовках составили огромную цифру — около 7 млн. штук²²¹. Еще более тяжелая ситуация сложилась с обеспечением войск пулеметами, артиллерией и всеми видами боеприпасов.

Принципиальные изменения произошли в организации стратегического руководства вооруженными силами. Основным органом его стала Ставка Верховного главнокомандующего. Вначале ее функции сводились к оперативному планированию и применению войск. Однако вскоре ей пришлось взять на себя и другие задачи, связанные с ведением войны, в том числе военно-политического и военно-экономического характера. На более высокий уровень поднялось стратегическое планирование. В Ставке решались важнейшие вопросы стратегического взаимодействия, разрабатывались планы военных кампаний и стратегических операций, их тылового обеспечения. Однако своеобразие общественно-политических условий в России не позволило достичь полного единства политического, военного и экономического руководства. К сожалению, на деятельность Ставки большое влияние оказывали придворные круги, что не способствовало достаточной ее твердости в управлении войсками.

Тем не менее, уже к середине 1916 г. в Ставке и Генеральном штабе установилась определенная система оценки обстановки и принятия решений. Обычно, Ставка после анализа ситуации принимала предварительное решение и доводила его до главнокомандующих фронтами, а после анализа учета мнений командования фронтов отдавала окончательную директиву. При принятии особо важных стратегических решений Ставка проводила совещания с главнокомандующими фронтами. Такие совещания прочно вошли в практику деятельности Верховного главнокомандования.

По мере развития войны совершенствовалась система руководства: Ставка— фронт—армия. Хотя подобная система была принята еще накануне войны, на практике Верховное главнокомандование оказалось не готовым к ее реализации. Уже в первые месяцы войны, когда было развернуто всего два фронта, Ставка проявила полную неспособность руководить ими. Лишь с внедрением новых технических средств связи и приобретением соответствующего опыта ей удалось добиться большей централизации и оперативности в управлении фронтами и армиями, действовавшими на различных направлениях.

Первая мировая война, как и предполагалось стала войной коалиционной. Было совершенно очевидно, что успех ее во многом зависит от согласованных действий союзников и координации их военных усилий. Очевидно и то, что ни одно из государств не разработало перед войной теоретические основы коалиционной стратегии. Какие-либо договорные документы по военному сотрудничеству России с Англией накануне войны вообще не подготавливались. А военные отношения между Россией и Францией строились на основе военной конвенции 1892 г. и военно-морской конвенции 1912 г., а потому предусматривали только взаимные консультации нача-

Органы Ставки ВГ, образованные после Октябрьской революции

Схема 21. Организация Ставки Верховного главнокомандующего

льников генеральных штабов. Надо отдать должное: консультации проводились ежегодно с 1900 по 1913 гг. Анализ протоколов совещаний показывает, что во взглядах военных руководителей было немало общего, что сыграло определенную положительную роль в согласовании стратегических планов обеих держав²²². Однако они по-разному подходили к решению многих вопросов. Противоречия между союзниками, каждый из которых преследовал в войне свои цели и старался их достичь за счет другого, приводили к тому, что стратегические соображения зачастую подчинялись политическим задачам, а иногда они и вовсе игнорировались, что не могло не повлиять на общий ход войны.

Правда и то, что возникавшие проблемы союзники пытались решать на военно-политических конференциях в декабре 1915 и в ноябре 1916 гг., когда обсуждались планы кампаний 1916 и 1917 гг. Но оперативная координация действий союзных войск по-прежнему осуществлялась плохо. Объединенное командование союзными армиями Антанты было создано только в 1918 г., т. е. за несколько месяцев до конца войны²²³, и уже без России. Между тем, на всем протяжении войны она стремилась добросовестно выполнять взятые на себя обязательства. Так, в кампании 1914 г. наступление русских армий в Восточной Пруссии помогло сорвать стратегический план германского командования по разгрому Франции и выводу ее из войны. В кампании 1916 г. переход в наступление Юго-Западного фронта ранее запланированного срока позволил ослабить натиск немецких войск против Франции под Верденом и австро-венгерских войск против Италии в Тироле. По признанию самих союзников, русские «дали больше, чем обещали»²²⁴.

Что касается Англии и Франции, то они весьма часто пытались решать свои задачи за счет России. Отчетливее всего это проявилось в кампании 1915 г., когда Германия перенесла основные усилия на Восточный фронт с целью разгромить русскую армию и вывести Россию из войны. В то время как ее войска отражали натиск превосходивших сил противника, англо-французские армии особой активности на своем фронте не проявили. Союзники, как отмечал британский историк Б. Лиддел Гарт, «сделали мало, чтобы отплатить России за жертвы, понесенные для них последней в 1914 г.»²²⁵. В мае 1916 г. великий князь Николай Николаевич просил главнокомандующего французскими войсками Жоффра ускорить наступление. Дав свое согласие, англо-французское командование тем не менее слишком медленно готовило обещанную операцию. Наступление в Шампани и Артуа началось лишь в сентябре, когда русская армия вынуждена была под напором противника оставить Галицию и Польшу.

Непредвиденно сложный характер войны и изменение стратегических взглядов на ее ведение оказали большое влияние на строительство российских вооруженных сил, что в свою очередь вызывало необходимость уточнения и развития новых положений военной стратегии. Многие характерные черты военной стратегии, сложившиеся в те годы, стали базой для дальнейшего ее развития в советский период.

Первая мировая война выдвинула ряд видных военных деятелей России. Среди них генералы М. В. Алексеев, А. А. Брусилов, Н. И. Иванов, Н. В. Рузский, Д. Г. Щербачев и др. К сожалению, многие имена героев оказались преданы забвению. Не сохранились и достойные по своему замыслу памятники, увековечивавшие подвиги русских солдат и офицеров в войне. Все они были разрушены после революции.

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1917—1922 гг.

В конце октября (по старому стилю) 1917 г. большевики, опираясь на вооруженные отряды рабочих и солдат, свергли Временное правительство и захватили власть в свои руки в Петрограде. Вслед за этим контролируемые ими же Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов сравнительно быстро утвердились в Москве и большинстве провинциальных центров России. В стране была провозглашена новая форма государственности — власть Советов. Это событие вызвало противодействие политических партий и организаций, отражавших интересы тех социальных слоев, которые теряли свое господствующее или привилегированное положение в экономической и политической жизни. Одни стремились восстановить монархию, другие отстаивали принципы демократии, добиваясь передачи власти в России Учредительному собранию, третьи, в надежде на лучшее будущее, пошли за большевиками.

Октябрьская социалистическая революция вызвала острую международную реакцию. Ведущие державы, обеспокоенные крушением капиталистических устоев в России, ее сепаратным выходом из мировой войны, а главное — попытками большевиков разжечь пожар мировой революции, открыто выступили в поддержку всех антибольшевистских сил.

Все это в сочетании с усилившимися сепаратистскими тенденциями в Российской империи, в обстановке взаимной классовой ненависти, стремления одной стороны удержать захваченную власть, при не менее твердой решимости другой стороны возратить утраченное, не говоря уже о непомерных амбициях многочисленных враждующих друг с другом партий, стремившихся достичь своих политических целей, очень скоро привело к прямому вооруженному противоборству. Кровопролитная гражданская война распространилась по всей огромной территории страны и продолжалась долгих пять лет.

Бескомпромиссность политических целей сторон, участвовавших в гражданской войне, обусловила ее исключительно ожесточенный характер, привела к большим человеческим жертвам, разрушению народного хозяйства страны, ухудшению материального положения населения. В войне столкнулись две основные силы: сторонники коммунистического преобразования общества во главе с большевиками и сторонники белого движения, включавшего кадетов, монархистов, либералов, умеренных социалистов и другие политические течения. За каждой из этих группировок стояли огром-

ные людские массы, определенные общественно-социальные слои. Красных поддерживало большинство фабричных рабочих, беднейшее крестьянство и казачество, некоторая часть интеллигенции. На стороне белых выступали буржуазия, помещики, зажиточное казачество и крестьянство, основная часть интеллигенции. Среднее крестьянство и часть квалифицированных рабочих постоянно колебались. В конечном счете в войну так или иначе оказалось вовлеченным почти все дееспособное население России.

Немаловажным фактором явилось и то, что с самого начала в развернувшуюся борьбу активно вмешались внешние силы — страны Четверного союза, государства Антанты, отделившиеся от России малые страны, а также различные зарубежные политические группировки. Расстановка этих сил не была однозначной, потому что под влиянием многих объективных и субъективных причин она не раз менялась. Это придавало гражданской войне чрезвычайно сложный, многогранный и динамичный характер. В ней переплелась борьба внутренних сил с военной интервенцией, восстаниями и мятежами, националистическими движениями.

1. Особенности гражданской войны в России и ее влияние на военную стратегию

Гражданская война в России развивалась в соответствии с общими закономерностями, характерными для гражданских войн различных эпох. Но вместе с тем она имела и ряд отличий по своим целям, политическому и военному содержанию, условиям, формам и способам борьбы.

Главная особенность войны заключалась в ее беспримерной бескомпромиссности и беспощадности. Она и не могла закончиться иначе, как полной и безраздельной победой одной стороны и столь же безоговорочным поражением другой стороны. Возможность примирения, заключения каких-либо, пусть даже временных, соглашений или половинчатых решений в большинстве случаев полностью исключалась. Вопрос стоял однозначно: кто кого? Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Это вызывалось несовместимостью интересов и целей противостоявших друг другу группировок, противоположностью их идеологий, безмерной взаимной враждебностью. Отсюда предельная решительность военной стратегии, ее наступательный характер.

Эту особенность войны подчеркивали лидеры как одной, так и другой стороны. «Войны международные, — писал В. И. Ленин, — всегда кончались сделками между имущими классами, и только в гражданской войне угнетенный класс направляет усилия к тому, чтобы уничтожить угнетающий класс до конца, уничтожить экономические условия существования этого класса»¹. В равной мере и руководители белого движения постоянно подтверждали свою решимость при любых условиях довести борьбу с большевиками до конца².

Таким образом, вопрос стоял не только о полном уничтожении неприятельских вооруженных сил, но и всей политической и экономической системы. Это обусловило тотальный характер войны. Соответственно военная стратегия обеих сторон была направлена на достижение победы любой ценой.

Другая особенность гражданской войны заключается в тесной ее взаимосвязи, с одной стороны, с революцией, а с другой — с развернувшейся с самого начала войны военной интервенцией. Захват власти большевиками стал главным катализатором гражданской войны, решающим образом повлиял на расстановку военных и социальных сил в войне, предопределил тесную взаимосвязь борьбы на основных фронтах с не менее напряженной борьбой в тылу. Причем характерно, что в ходе войны обе

стороны почти постоянно одновременно действовали на многочисленных внешних и внутренних фронтах. Последние возникали либо внезапно, либо в результате постоянно назревавших кризисов, массовых восстаний и мятежей, нередко распространявшихся на огромные пространства и, естественно требовавших привлечения немалых сил. Поэтому перед стратегией и той и другой стороны не раз возникала задача подавления повстанческо-партизанских выступлений в своем тылу и одновременной поддержки аналогичных действий в тылу врага, неременного согласования с ними операций, проводимых регулярными войсками.

Так как гражданская война решала главный вопрос — вопрос о власти, то не случайно на всем ее протяжении политические и социально-экономические задачи брали верх над соображениями чисто стратегического порядка.

Между Гражданской войной и военной интервенцией существовала неразрывная связь. Начавшаяся интервенция резко расширила содержательные, пространственные и масштабные рамки гражданской войны, подняла внутренний военный конфликт в России на международный уровень.

Вмешательство в войну Четверного союза, а затем стран Антанты, США, Японии, проявившееся вначале в форме оказания белому движению материальной и моральной помощи, очень скоро вылилось в поддержку его военной силой. В результате образовался своего рода союз, правда неоформленный, внешних и внутренних антибольшевистских сил. Но и большевистское руководство со своей стороны стремилось заполучить себе союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. С этой целью были заключены мирные договоры с Германией, Эстонией и другими государствами³.

Все это, безусловно, самым решительным образом отражалось на условиях и развитии политической, дипломатической и вооруженной борьбы, придавало военным действиям необычайно сильный и противоречивый характер. Соответственно обе стороны формировали и стратегию. В ее рамках определенно важное значение стали приобретать элементы коалиционных стратегических действий, координация усилий армий и вооруженных формирований различной государственной принадлежности.

Особенность войны состоит и в том, что образующивавшиеся чисто формально военные союзы были весьма неустойчивыми, они менялись в зависимости от многих объективных обстоятельств, в основном когда сталкивались противоречивые интересы. В большей степени это относится к белому движению. В отличие от него большевистское руководство, сумело создать единое государственное образование — Советскую Россию, с которой в июне 1919 г. заключили военный союз номинально существовавшие Украинская, Белорусская, Латвийская и Литовская советские республики, а главное — сформировать единые вооруженные силы. В белом движении не было единства во мнениях ни по политическим целям войны, ни по вопросу о будущем государственном устройстве России; закончились неудачей и все попытки создать объединенные вооруженные силы под общим командованием. В стане противников большевиков остро сталкивались не только интересы Германии и Антанты, но и сопредельных стран и лидеров белогвардейских сил. Их безоговорочные требования о воссоздании «единой и неделимой России» вызывали острое неприятие в руководящих кругах только что отделившихся от Российской империи Польши, Литовской и Латвийской республик, Финляндии, усматривавших в этом прямую угрозу своему суверенитету. Следствием этого явилось их постоянное лавирование, готовность поступиться общей целью, т. е. уничтожением большевизма, ради собственных национальных выгод.

Не было полного согласия и между самими русскими белогвардейскими лидерами и их армиями: шла острейшая борьба за первенство. Вооруженные силы Юга России,

состоявшие из таких разнородных в политическом отношении частей, как Добровольческая, Донская и Кубанская армии, так и не удалось объединить, потому что каждая из них преследовала свои цели. Дело в том, что верхушка донского и кубанского казачества защищала автономистские устремления, что противоречило устремлениям Добровольческой армии, рвавшей нанести удар на Москву. Белые правительства и атаманы разного толка зачастую признавали лишь одних себя.

Образовавшуюся в результате этого в белом движении и поддерживавших его внешних силах серьезную трещину активно использовали большевики. «Мы, — утверждал Ленин, — победили в войне не потому, что были сильнее, а потому, что, будучи слабее, мы использовали вражду между капиталистическими государствами»⁴.

Для понимания характера гражданской войны в России исключительно важной является такая ее особенность, как органическая зависимость хода и исхода вооруженной борьбы от решения крестьянского, казачьего и национального вопросов. Именно это в значительной мере и предопределило состав воюющих армий, мобилизационную возможность сторон, степень напряженности военных действий, а в конце концов победу одних и поражение других.

Большевики, опубликовав декреты о мире и земле, сразу же сумели привлечь на свою сторону основную массу крестьян и казаков, что позволило им относительно быстро создать Красную Армию и Флот. Однако введенная летом 1918 г. продовольственная диктатура и в соответствии с декретом Совнаркома РСФСР от 29 мая настоящий крестовый поход против деревенской буржуазии оттолкнули от советской власти большую часть зажиточных крестьян — так называемых середняков. А ведь они составляли 60% всего сельского населения. Именно в этом одна из главных причин неудачи мобилизаций в военных округах и роста дезертирства в Красной Армии. В начале следующего года значительная часть казачества перешла на сторону антибольшевистских сил в связи с развязанным массовым террором против казаков, основанием для которого послужило циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г.⁵ Политический проигрыш красных обернулся для белых стратегическим выигрышем: увеличился приток казаков в ряды Вооруженных сил Юга России и соответственно уменьшилась их численность в Красной Армии, что повлекло за собой изменение общего соотношения сил и позволило белому движению временно перехватить стратегическую инициативу.

В неменьшей мере на военную стратегию оказывал влияние национальный вопрос, который в России ввиду ее многонационального состава всегда стоял очень остро. Большевики подходили к нему более осмотрительно и дальновидно, во всяком случае в пропаганде, в то время как белогвардейские лидеры, безоглядно продолжали прежний великодержавный курс.

Правда и то, что в гражданской войне влияние политики на расстановку сил сказывалось далеко неоднозначно. На разных ее этапах позитивные и негативные стороны проявлялись в необычном сочетании. Так, провозглашение партией большевиков права наций на самоопределение по-разному было использовано различными политическими партиями и националистическими группировками для создания суверенных национально-территориальных образований. Первоначально, к концу 1918 г., возникло 10 советских республик и коммун, 16 республик и правительств, созданных на территориях, не подвластных большевикам, причем позиции этих образований в зависимости от прихода к власти тех или иных сил неоднократно менялись. В свою очередь это приводило к серьезным сдвигам в военно-политической и стратегической обстановке, тем более, что каждая республика, создавая собственную армию, занимала либо нейтральную позицию, либо принимала участие в войне на той или иной стороне. В таких условиях от органов политического и военного руководства противоборствующих сторон требовался очень строгий учет нацио-

нальных моментов. Эффективность разрабатываемых планов операций и боевых действий находилась в прямой зависимости от верного прогноза позиций различных национальных образований и групп, возможного их участия в войне в качестве или вероятных противников, или союзников. Большие сложности возникали в связи с недостаточной определенностью вероятного развития событий, а следовательно, и предполагаемой расстановки сил. Хотя реальный состав регулярных войск сторон и поддавался приблизительноному учету, трудно было заранее со всей очевидностью утверждать, какая конкретно сила будет сражаться на той и другой стороне. В принципе это общая закономерность любой гражданской войны, но в период гражданской войны в России она проявлялась особенно остро.

Отличительная черта той войны — довольно четкое географическое размежевание сторон. Большевики и созданная ими Красная Армия опирались главным образом на центральные, самые развитые в индустриальном отношении регионы. Наоборот, белое движение базировалось преимущественно на периферийные районы, в большинстве своем сельскохозяйственные. Это отражалось на потенциальных возможностях вооруженных сил сторон, их комплектовании, оснащении и способах стратегического применения в войне.

То обстоятельство, что большевистская Россия длительное время находилась в кольце фронтов, наложило свой отпечаток на ее военную стратегию, ибо Красная Армия действовала главным образом по внутренним стратегическим направлениям. Для большевиков особенно важно было своевременно и правильно установить, откуда угрожает наибольшая опасность, чтобы на данном направлении сосредоточить основные силы и средства. Уже с учетом этого предстояло определить, какого противника надо разбить в первую очередь, какие виды стратегических действий нужно применить на различных фронтах, а также какие стратегические перегруппировки осуществить для создания необходимого перевеса в силах.

В стратегическом плане на характер гражданской войны непосредственно влияли и другие объективные обстоятельства. Так обе стороны располагали относительно небольшим составом вооруженных сил, что не позволяло создавать им сплошные фронты с достаточно высокими плотностями войск и сил. Вооруженная борьба велась одновременно на нескольких обширных театрах военных действий, многие из которых не были в необходимой мере подготовлены и оборудованы в оперативном отношении. Военные действия охватывали огромные пространства с различными физико-географическими и природно-климатическими условиями. Протяженность фронтов постоянно то увеличивалась, то резко сужалась. Не раз основные события перемещались с одного фронта на другой и т. п. Все это требовало гибкого маневра силами и средствами, творческого мышления, инициативы и самостоятельности. Отсутствие сплошной линии фронта и наличие значительных промежутков в построении войск создавали выгодные условия для применения противоборствующими сторонами активных, мобильных операций, проведения глубоких ударов и рейдов по тылам противника. Вопрос заключался в том, какая из сторон сможет лучше использовать свои возможности.

Исключительно своеобразными были экономические условия ведения гражданской войны. Тыл обеих сторон был одинаково нестабилен. Да и не могло быть по-другому, когда народное хозяйство разорено, многие предприятия встали, отсутствовали достаточные запасы сырья и топлива, железные дороги работали с огромным перенапряжением, переживало тяжелейший кризис сельское хозяйство. К тому же сложившиеся экономические связи в стране оказались полностью нарушенными. Причем основной промышленный комплекс был разорван линиями фронтов на многие части. Из 5 402 военных заводов России на территории, контролируемой белыми армиями, осталось около 3 500⁶. Более 1 900 заводов находились в районах, занятых Красной

Армией. Однако ни та, ни другая сторона не могла их достаточно эффективно использовать для налаживания военного производства. Огромные сложности возникли с использованием запасов оружия русской армии, значительная часть которых была захвачена войсками Германии и ее союзниками. Так, по данным Всероссийской коллегии по организации и управлению РККА, 10 апреля 1918 г. на складах большевистской России находилось всего 977 артиллерийских орудий различных систем, 4 669 пулеметов, около 1,25 млн. винтовок, 2,4 млн. снарядов, 512,2 млн. патронов⁷. Еще меньшими запасами вооружения располагали белые армии.

Выход из создавшегося положения большевистское руководство попыталось найти в переходе к политике «военного коммунизма» и милитаризации всей экономики. В соответствии с постановлением ЦК РКП(б), СНК РСФСР, Совета рабочей и крестьянской обороны и Реввоенсовета республики были приняты чрезвычайные меры по мобилизации промышленности Москвы, Петрограда, Тулы, других промышленных центров. А по мере вытеснения белых армий из восточных и южных районов страны к производству вооружения и ремонту военной техники привлекались все новые и новые заводы. В результате, со второй половины 1918 по 1920 гг. в советской части России было произведено и отремонтировано 2,97 млн. винтовок, 20 729 пулеметов, 2 770 полевых орудий, выпущено 1 373,3 млн. патронов, 10 млн. снарядов⁸. Тем не менее этого количества вооружения и боеприпасов постоянно не хватало для развертывания и обеспечения боевой деятельности армии и флота. Главком И. И. Вацетис в мае 1919 г. докладывал в Совет обороны: «Вопросы снабжения обостряются особенно остро с винтовками и патронами; последний, повторяю, близок к катастрофе, так как через два-три месяца при решительных действиях на фронтах в нашем распоряжении как в тылу, так и на фронтах может не оказаться ни одного патрона»⁹. И все же безжалостная для населения политика «военного коммунизма» позволила большевикам с максимальной эффективностью использовать ограниченные материальные ресурсы Советской России. Но она же привела к жесткой централизации управления, принудительному распределению предметов потребления, полуголодному существованию населения и к другим деформациям, что сказалось на колебаниях крестьянства и в определенной мере отразилось на затягивании войны.

Активные, правда менее успешные меры, по организации военного производства приняло руководство белых армий. Но столкнувшись с ограниченностью производственной базы и саботажем рабочих, они так и не смогли преодолеть возникших трудностей, а в последние годы войны даже обеспечить возмещение понесенных потерь. В этих условиях был взят курс на получение помощи от стран Антанты. Только с октября 1918 по конец 1919 гг. вооруженные силы адмирала А. В. Колчака и генерала А. И. Деникина получили из-за рубежа до 800 тыс. винтовок, 13 тыс. пулеметов, свыше 1 300 артиллерийских орудий, сотни танков и огромное количество боеприпасов¹⁰. По свидетельству Деникина, основные поставки оружия, техники и снаряжения шли из Англии и Франции, правда, как он считает, «в размерах, недостаточных для нормального обеспечения наших армий, но все же это был главный, жизненный источник их питания»¹¹.

Слабая материально-техническая база ограничивала боевые возможности вооруженных сил обеих сторон, отрицательно сказывалась на решении стратегических задач. Но тем не менее обе стороны и в тех условиях сумели успешно провести немало операций большого масштаба.

Особую роль в гражданской войне играл моральный фактор. Он строго учитывался, а затем использовался и в Красной Армии и в белом движении при разработке и проведении большинства операций, хотя база для этого была различной. Белые сражались под лозунгами «защиты веры», «обеспечения интересов трудящегося на-

селения», но прежде всего «сохранения за собственниками их прав на земли»¹², привилегий ранее господствовавших классов. Красная Армия, так по крайней мере утверждала большевистская пропаганда, боролась «за свободу», возможность «пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»¹³, «за ликвидацию всех форм эксплуатации», за «построение коммунистического общества», а также в надежде своей победой «зажечь пожар мировой революции». Простые по своей сути и очень созвучные настроению обездоленных россиян призывы находили глубокий отклик. Этим гордятся и сами лидеры большевистской партии, и вынуждены признать их враги. «Большевики оказались мастерами в искусстве сочетать действия морального порядка с чисто военными, — отмечал французский генерал Серриньи. — Их боевым операциям в Сибири, Польше, на Кавказе всегда предшествовали в нужный момент агиткампании, направленные параллельно к внесению деморализации в ряды армии и в народную толщу противной стороны. Последовавшие результаты были изумительны и заслуживают глубочайшего изучения»¹⁴.

Всемерные попытки использовать моральный фактор для достижения своих целей предпринимало, разумеется, и командование белогвардейских армий, рассчитывая не только на высокий моральный дух большей части офицерского состава, но и на недовольство большевистской политикой, которое испытывало значительная часть крестьянства и казачества. Нередко это удавалось, особенно в период успехов на фронтах. Но едва армии белых режимов терпели поражения, наступало, как правило, их быстрое разложение. Дело в том, что настойчивое стремление восстановить в России прежние порядки, неопределенность обещаний, особенно по решению земельного вопроса, отталкивали солдатские массы, порождали дезертиров, а главное — способствовали развитию процессов морального падения в войсках. Это вынуждены были признать и сами белогвардейские лидеры. Например, генерал Деникин в своих воспоминаниях писал: «За гранью, где кончается «военная добыча» и «реквизиция», открывается мрачная бездна морального падения: насилия и грабежа. Они пронеслись по Северному Кавказу, по всему югу, по всему российскому театру гражданской войны, наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все «цвета» военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага... Боролись ли с недугом? Мы писали суровые законы, в которых смертная казнь была обычным наказанием... Мы — и я, и военачальники — отдавали приказы о борьбе с насилиями и грабежами, обиранием пленных и т. д. Но эти законы и приказы встречали иной раз упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа, их вопиющей необходимости»¹⁵.

Столь же серьезные трудности в использовании морального фактора испытывали и войска интервентов, вынужденные сражаться на чужой земле за цели, не вполне ясные широким солдатским массам. Зато в полной мере роль этого фактора проявилась в 1920 г., когда войска Красной Армии вступили на этническую территорию Польши. Патриотический подъем в стране, вызванный стремлением отразить нашествие, стал главным условием для проведения успешной мобилизации призывных контингентов в польскую армию и для ее развертывания.

В целом же стратегия обеих сторон во время гражданской войны в России подчинялась общим законам войны и принципам военного искусства. Однако при ее практическом применении далеко не все общие закономерности сохраняли свою силу. Это подчеркивали военные руководители обеих сторон. Так, М. Н. Тухачевский отмечал: «Не отрицая вечных основ стратегии ... мы хотим указать те новые данные стратегии гражданской войны, которые нам раньше не приходилось учитывать». Далее он указывал, что в отличие от обычной войны «план гражданской войны не может быть составлен до ее начала», что «гражданская война, начинаясь обычно в не-

больших размерах, быстро разрастается до размеров большой ожесточенной войны». Именно особые условия ее ведения позволяют «небольшими силами завоевать большие пространства», а для достижения успеха в такой войне «как никогда, надо быть смелым, быстрым... надо уметь маневрировать... необходимо уметь произвести научно-критический анализ условий ведения нашей войны»¹⁶.

А вот что писал по этому поводу генерал Деникин: «Стратегия внешней войны имеет свои законы войны, неизменные, одинаково присущие эпохам Цезаря, Ганнибала, Наполеона и минувшей мировой войне. Но условия войны гражданской, не опрокидывая самоценность незыблемых законов, нарушают их относительное значение, — иногда в такой степени, что в глазах поверхностного наблюдателя двоятся мысль: не то ложен закон, не то совершается тяжкое его нарушение...»¹⁷.

Одна из важнейших причин, обусловивших такое положение, состоит в особых условиях формирования и строительства вооруженных сил, участвовавших в гражданской войне.

2. Создание и развитие вооруженных сил противоборствующих сторон в ходе гражданской войны

Для ведения гражданской войны в России обе стороны были вынуждены фактически заново создавать свои вооруженные силы. Это совсем не означает, что красная и белая армии формировались на пустом месте. В действительности для их развертывания использовались остатки разваливающейся российской армии, ее кадры, личный состав, вооружение. Иными словами силы, по существу, черпались из одного источника. Тем не менее большевистские вожди и руководители белого движения, исходя из политических и идеологических установок, решали задачу формирования своих армий по-разному.

В своих решениях и действиях большевики руководствовались положениями, в свое время сформулированными еще К. Марксом и Ф. Энгельсом о том, что для вооруженной защиты нового общества необходимо сломать буржуазную государственную машину и создать новую военную организацию пролетарского государства. Хотя эта идея многим казалась сомнительной, она была взята на вооружение и осуществлена после Октябрьской революции советским правительством. Первоначально намечалось заменить старую армию пролетарской милицией. Ее прообразом явились Красная гвардия и поддерживавшие большевиков революционные солдаты и матросы, тем более, что они успешно решили задачи подавления антибольшевистских мятежей. Но когда возникла реальная угроза германского и австро-венгерского вторжения, а затем и гражданской войны, то выяснилось, что Красная гвардия ни по своему составу (463,1 тыс. человек)¹⁸, ни по структуре, ни по принципам комплектования и боевого применения не способна противостоять регулярным вооруженным силам. Импровизированная отрядная организация, слабая дисциплина, невысокий уровень подготовки командного состава, низкая выучка большинства красногвардейцев при недостаточной их вооруженности не позволяли рассчитывать на успех при решении не только стратегических, но и крупных оперативных задач. Тем более абсолютно нереальным было даже ставить вопрос о реорганизации и использовании российской армии для защиты советской власти, причем не только потому, что большинство ее офицерского состава и часть солдат враждебно относились к новому режиму, но и оттого, что эта армия по существу к концу 1917 г. почти полностью утратила свою боеспособность из-за стихийной демобилизации. Большевикам нужна была новая армия, созданная на классовой основе с жесткой военной дисциплиной и централизованным управлением.

Вот почему 15(28) января 1918 г. Совнарком РСФСР принял декрет «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии». В нем особо подчеркивалось, что Красная Армия «создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс». Новая армия формировалась на добровольческой основе, причем указывалось, что «в Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма». Ровно через две недели, 29 января (11 февраля) 1918 г., СНК принял декрет «Об организации Социалистического Рабоче-Крестьянского Красного Флота»¹⁹, который строился на тех же принципах, что и Красная Армия.

Формирование новой армии было возложено на Всероссийскую коллегию при народном комиссариате по военным делам, созданную 15(28) января того же года. Основным источником создания и обучения резервов для фронта стал 1-й корпус РККА, который был сформирован в конце января в Петрограде. Уже к 20 апреля Красная Армия насчитывала 195,9 тыс. человек²⁰. Они то и составили ее ядро. Однако приток добровольцев отставал от реальных потребностей государства и условий складывавшейся обстановки. Широкие массы слишком устали от первой мировой войны, а потому с неохотой вступали в ряды вооруженных сил. Кроме того, добровольческий принцип затруднял планомерную подготовку пополнений и не позволял создавать необходимые резервы. Вот почему он просуществовал только до лета 1918 г.

Еще более серьезные трудности возникли с укомплектованием Красной Армии квалифицированными кадрами оперативно-стратегического звена. В таких условиях большевистское руководство было вынуждено принять решение о привлечении на военную службу офицеров и генералов российской армии. 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) наркомвоен издал приказ, согласно которому офицеры штабов, управлений и заведений военного ведомства увольнялись из армии лишь в том случае, если занимаемые ими должности можно было без ущерба заменить соответственно подготовленными лицами²¹. 10 июля 1918 г. была объявлена мобилизация бывших офицеров. В результате, к середине января следующего года удельный вес военных спецов, как их тогда называли, составил в Красной Армии более 75% от общего числа командных кадров. Из 250 тыс. офицеров и генералов старой русской армии в Красной Армии служили 75 тыс. человек²². С целью контроля за деятельностью военных специалистов и осуществления политического руководства в армии и на флоте в марте 1918 г. вводится институт военных комиссаров, а в апреле создается Всероссийское бюро военных комиссаров — Всебюровоенком. В последующем на них было возложено также руководство партийно-политической работой в армии и на флоте. Одновременно создаются политические органы — политотделы и политуправления, наделенные как партийными, так и политико-административными функциями. Следует отметить, что в становлении и развитии Красной Армии они сыграли довольно противоречивую роль.

Трудно не согласиться с М. В. Фрунзе, который писал: «Кто вносил элементы порядка и дисциплины в ряды создавшихся под гром пушечных выстрелов наших молодых красных полков? Кто в часы неудач и поражений поддерживал мужество и бодрость бойцов и вливал новую энергию в их пошатнувшиеся ряды? Кто налаживал тыл армии, насаждал там Советскую власть и создавал советский порядок, обеспечивая этим быстрое и успешное продвижение наших армий вперед? Кто своей настойчивой и упорной работой разлагал ряды врага, расстраивал его тыл и тем подготовлял грядущие успехи? Это делали политические органы армии, и делали, надо сказать, блестяще. Их заслуги в прошлом — безмерны»²³

Но в то же самое время политические органы нередко сковывали творческую деятельность командных кадров и штабов, вселяли неуверенность при принятии решения

Постепенно сама жизнь вынудила большевиков перейти в строительстве Красной Армии к общепринятым во всем цивилизованном мире принципам организации и развития регулярных вооруженных сил. Важным шагом в этом направлении стали постановление ВЦИК от 29 мая 1918 г. «О принудительном наборе в рабоче-крестьянскую Красную Армию» и постановление V Всероссийского съезда Советов от 10 июля 1918 г. «Об организации Красной Армии»²⁴. Кроме того были осуществлены и другие политические и организационные мероприятия. Среди них образование военных округов с развитой сетью органов местного военного управления, отмена выборности командного состава в армии и на флоте, введение «социалистической клятвы», организация системы всеобщего военного обучения, создание центральных органов военного руководства и т. п.

Важное значение в преодолении пережитков партизанщины в Красной Армии имели решения VIII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1919 г. Съезд дал решительный отпор «военной оппозиции», выступавшей против создания регулярной армии, введения железной воинской дисциплины и привлечения военных специалистов. В резолюции по военному вопросу и в военном разделе программы РКП(б), принятой съездом, четко указывалось на необходимость создания регулярной Красной Армии, обученной, вооруженной и организованной по последнему слову военной науки. Отмечалось, что армия должна иметь централизованное управление и строиться на строго классовой основе. Первоочередное значение придавалось подготовке и воспитанию командного состава из рабочих и крестьян, разработке новых военных уставов, организации военного обучения трудящихся и т. п.²⁵

Уже к началу 1919 г. Вооруженные силы РСФСР приобрели четкие организационные формы. Они включали Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА), Морские силы Республики (Рабоче-Крестьянский Красный Флот), войска внутренней службы и вспомогательного назначения, запасные войска. Основной костяк Вооруженных сил составляла РККА, которая делилась на действующую (полевую) армию и войска внутренних военных округов. При этом общая их численность во много раз превышала численность боевого состава войск действующей армии. Так, в январе 1919 г. Вооруженные силы РСФСР имели 788,3 тыс. человек, к 1 декабря — 3 млн., к 1 ноября 1920 г. — 5,4 млн. человек²⁶. В то же время в составе действующей армии соответственно находилось: в феврале 1919 г. — 383,2 тыс. штыков и сабель, в ноябре — 410 тыс., в ноябре 1920 г. — 778 тыс.²⁷ Войска внутренних военных округов в феврале 1919 г. насчитывали 60 тыс. штыков и сабель, а в июне того же года — 36,8 тыс.²⁸

Главным родом войск РККА являлась пехота (с октября 1918 г. — стрелковые войска), составлявшая к 1 января 1921 г. свыше 88% общей численности Красной Армии²⁹. Важнейшими направлениями в ее развитии были постепенное повышение ударной силы и огневой мощи, увеличение маневренности частей и соединений, совершенствование управления.

Высшим тактическим соединением являлась стрелковая дивизия, состоявшая из трех стрелковых бригад. В октябре 1918 г. в действующей армии имелось 30 пехотных, а в сентябре 1919 г. — 62 стрелковые дивизии³⁰. Всего за годы войны состоялось 199 формирований и переформирований стрелковых соединений. По штату 1919 г. в стрелковой дивизии предусматривалось иметь около 60 тыс. человек, 500 пулеметов, 116 орудий. Однако в реальной жизни дивизии в среднем насчитывали 15—20 тыс. человек (8—10 тыс. активных штыков), 250—350 пулеметов, 30—40 орудий и 3—4 тыс. лошадей.

Основным подвижным родом войск являлась кавалерия. Ее интенсивное формирование началось с осени 1919 г. В следующем году ее численность составляла уже 3,86% от общей численности Красной Армии. Главными направлениями в разви-

тии кавалерии были повышение ударной силы, оперативно-тактической самостоятельности, маневренности и постепенное укрупнение формирований. В среднем в кавалерийской дивизии (2 кавбригады по 2 кавполка) насчитывалось по 3,5—4,5 тыс. сабель, 200 пулеметов, 12 орудий и 3—6 тыс. лошадей. В последующем часть кавдивизий была объединена в конные корпуса, а затем и в конные армии (1-ю и 2-ю) по 3—4 кавдивизии в каждой. Это позволило не только успешно противостоять крупным кавалерийским соединениям белых армий, но и решать задачи развития оперативного успеха в стратегический на важнейших театрах военных действий.

В ходе войны непрерывно возрастала роль артиллерии. В русской армии к октябрю 1917 г. насчитывалось около 18 тыс. орудий. Однако основная часть их была захвачена немецкими интервентами во время наступления в феврале 1918 г. Потребовались колоссальные усилия, чтобы в условиях сильнейшей разрухи в народном хозяйстве воссоздать артиллерию как род войск. За годы гражданской войны количество ее в Красной Армии непрерывно увеличивалось. Так, если в мае 1918 г. в действующей армии имелось около 1 300, то к маю 1919 г. — 2 050 орудий, а к концу 1920 г. — 2 790 орудий³¹.

К тому времени артиллерия составляла уже 2,8% от общей численности РККА. Она делилась на войсковую, армейскую, зенитную и резерв Главного командования — тяжелую артиллерию особого назначения (ТАОН). Основными ее организационными единицами являлись артиллерийские дивизионы (по 12 орудий), а в ТАОН — бригады, предназначавшиеся для усиления армий и фронтов.

Зенитная артиллерия была представлена главным образом отдельными батареями на конной тяге. Кроме того, имелось 7 батарей на механической тяге и 3 батареи на железнодорожных платформах. Все они являлись средством командующих армиями и в основном применялись для прикрытия наиболее важных объектов. В войсках борьба с воздушным противником велась непосредственно ружейным огнем подразделений или пулеметами, специально приспособленными для стрельбы по воздушным целям.

Маневренный характер гражданской войны потребовал создания в Красной Армии бронесил, которые включали бронепоезда, автобронетанковые и автотанковые отряды, десантные отряды пехоты, воздухоплавательные отряды при бронепоездах и другие части. В годы войны эти силы непрерывно развивались. Если к концу 1918 г. в Красной Армии имелось всего 23 бронепоезда и 23 автобронетанкового отряда, то через два года их число возросло соответственно до 122 и 55³². В ходе войны у белогвардейцев и интервентов было захвачено 90 танков, из которых сформировано 11 автотанковых отрядов. Бронесилы использовались преимущественно на важных направлениях в качестве усиления стрелковых и кавалерийских соединений, а также для решения самостоятельных задач.

Инженерные части составляли по отношению к общей численности Красной Армии 2,76%. В основном они использовались централизованно фронтовым и армейским командованием. Строительные части (военно-полевые строительства) применялись для выполнения оборонительных работ в армейском и фронтовом тылу.

Неотъемлемой частью Красной Армии являлись Военно-Воздушные Силы (Рабоче-Крестьянский Красный Воздушный флот). Его численность не превышала 0,42% от общего состава армии, тем не менее он решал важные задачи по поддержке наземных войск и сил флота. Состав ВВС постоянно возрастал. Если в ноябре 1918 г. он включал всего 38 авиаотрядов, то к весне 1919 г. их количество увеличилось до 61, а в декабре 1920 г. — до 83 авиаотрядов (в том числе 18 морских). Все-го в годы гражданской войны на фронтах одновременно действовало до 350 самолетов.

Для выполнения оперативных и оперативно-стратегических задач соединения действующей армии сводились в крупные объединения.

Основным оперативным объединением действующей армии была общевойсковая (полевая) армия. В нее обычно входило от 3 до 5, а иногда и до 12 дивизий. Боевой и численный состав войск армии на определенных этапах войны, а также в зависимости от важности операционных направлений, на которых они действовали, был различным. Так, в 1918 г. и первой половине 1919 г. он колебался в пределах от 5 до 30 тыс. штыков и сабель, от 100 до 900 пулеметов, от 90 до 120 орудий, 1—2 бронепоезда; в последующие годы армия насчитывала от 50 до 140 тыс. человек, от 50 до 160 орудий, от 330 до 1 100 пулеметов, от 5 до 10 бронепоездов. Всего за годы гражданской войны были сформированы 22 общевойсковые и 2 конные армии, из них на различных фронтах одновременно действовали от 9—10 до 15—18 армий.

Стратегическим объединением Красной Армии являлся фронт. Обычно он развертывался на определенном театре военных действий, на одном или нескольких стратегических направлениях. В зависимости от обстановки и важности театра в состав фронта чаще всего входили 2—6 полевых, иногда 1—2 конные армии. Общая численность войск фронта, как правило, составляла от 150 до 500 тыс. человек. Всего в ходе войны было образовано 12 фронтов. Основными из них были Восточный, Южный, Юго-Западный, Западный, Кавказский, Северный и Туркестанский. Командование армий в зависимости от одержанных побед или поражений очень часто менялось. Аналогичная картина наблюдалась и со сменой командования фронтов. Дольше других фронтами командовали бывшие полковники В. М. Гиттис, А. И. Егоров, С. С. Каменев, В. И. Шорин, генералы В. Н. Егорьев, П. П. Сытин, поручик М. Н. Тухачевский, а также вольноопределяющийся М. В. Фрунзе.

Несмотря на континентальный характер театров гражданской войны, большевики огромное значение придавали созданию военно-морских сил. К осени 1917 г. русский флот имел свыше 1 100 боевых кораблей и вспомогательных судов. Однако из-за вторжения интервентов РСФСР была отрезана от большинства морей. К 1919 г. военно-морской флот России фактически состоял из одного Балтийского флота, в состав которого входили 2 линкора, 2 крейсера, 24 эскадренных миноносца, 6 подводных лодок и различные суда³³. В годы гражданской войны было сформировано свыше 30 морских, речных и озерных военных флотилий. Самыми крупными из них являлись: Волжская, Каспийская, Днепровская, Онежская, Северо-Двинская и Азовская. Совместно с войсками фронтов флотилии участвовали в наступательных и оборонительных операциях, вели борьбу с кораблями противника, нарушали его коммуникации.

Войска внутренней службы использовались для охраны тыла страны, борьбы с диверсиями на транспорте и в промышленности, с антибольшевистскими восстаниями. Войска вспомогательного назначения (около 180 тыс. штыков в июне 1919 г.)³⁴ включали пограничную охрану, войска Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), караульные части, войска охраны водных путей и сахарного производства, железнодорожной обороны и охраны железных дорог, продовольственные армии. В конце 1920 г. к войскам вспомогательного назначения относили авиацию, броневые, железнодорожные, автомобильные, этапные (воинские части для охраны и обслуживания военных дорог действующей армии) и войска связи³⁵. Они участвовали в боевых действиях, решали задачи по обеспечению перевозок военных грузов и содержанию военных дорог. Запасные войска (армии, полки, батальоны) предназначались для подготовки маршевых пополнений для действующей армии.

В целом Вооруженные Силы РСФСР, созданные в ходе гражданской войны, в основном отвечали своему назначению и условиям ведения военных действий. Они превосходили противника по составу, оснащению, а в ряде случаев и по моральному состоянию. Характерная черта Вооруженных Сил — социальный состав, вытекавший

из соотношения классовых сил в стране. Отличительной особенностью Красной Армии являлись также партийно-политические органы и та роль, которую они играли в ней. К концу 1920 г. удельный вес рабочих составлял 15%, крестьян — 77%, представителей других социальных групп — 8%, а партийно-комсомольская прослойка в армии и на флоте — около 7%. В рядах Вооруженных Сил сражались представители почти 50 национальностей, из них 77,6% русские, 13,7% — украинцы, 4% — белорусы, 4,7% — другие национальности³⁶. Несмотря на изменившийся социальный и национальный состав, это была все та же российская армия с национальными традициями доставшимися от предков, но воевавшая за иные, чем прежде, социально-политические цели.

Какие же силы ей противостояли в гражданской войне с другой стороны?

Формирование белых армий началось сразу же после Октябрьского переворота. Особенностью их строительства явилось то, что в первые два года в зависимости от места формирования, наличия призывного и добровольческого контингента, оружия и военной техники, органов военного управления создавались прежде всего подразделения, а уже потом части и соединения, которые сводились в армии. В ряде случаев сразу образовывались армейские объединения с присущими регулярным войскам характерными чертами. В конце 1918 и начале 1919 гг. стали создаваться вооруженные организации различных государственных образований.

На Юге России в ноябре 1917 г. под руководством генерала М. В. Алексеева из офицеров, юнкеров, кадетов, студентов и гимназистов начала формироваться Алексеевская военная организация, а в январе следующего года она была развернута в Добровольческую армию. К началу 1919 г. эта армия включала 1-й, 2-й и 3-й армейские, Крымско-Азовский добровольческий, 1-й и 2-й Кубанские конные корпуса. В январе 1919 г. Добровольческая армия была переименована в Кавказскую Добровольческую, а с мая 1919 г. она снова Добровольческая армия. В июне в нее входили 1-й армейский и 2-й конный корпуса, 2-я Кубанская пластунская отдельная бригада и отдельные части. Армия просуществовала до декабря 1919 г., когда из-за больших потерь ее войска были сведены в Добровольческий корпус, с января 1920 г. — Отдельный Добровольческий корпус.

В Донской области под руководством генерала П. Н. Краснова, придерживавшегося прогерманской ориентации, с мая 1918 г. стала создаваться на основе всеобщей воинской повинности Донская (действующая) армия. В июне она включала 6 оперативных групп общей численностью в 27 тыс. штыков и 30 тыс. сабель при 175 орудиях, 610 пулеметах, 4 бронепоездах и 20 самолетах. Одновременно формировались постоянная армия, названная «молодой», потому что состояла из казаков 19—20-летнего возраста, и Южная армия (3 корпуса). Последняя, насчитывавшая не более 9 тыс. штыков, в начале 1919 г. вошла в состав Добровольческой армии. Тогда же генералы Краснов и Деникин подписали соглашение, согласно которому Донская армия была в оперативном отношении подчинена Главнокомандующему только что созданными Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). В мае 1919 г. Донская армия была реорганизована. Теперь она включала 1-й, 2-й и 3-й Донские, а немного позднее 4-й отдельные корпуса. В ее составе имелись 56 легких и конных артиллерийских батарей, а также бронепоездная железнодорожная бригада, броневтомобили и самолеты.

Вооруженные силы Юга России (Главнокомандующий — генерал Деникин) кроме Добровольческой и Донской армий включали Крымско-Азовскую Добровольческую и Кавказскую (с февраля 1920 г. — Кубанская) армии, войска Закаспийской (отдельная Туркестанская армия) и Киевской областей, Терско-Дагестанского края (с августа 1919 г. войска Северного Кавказа), силы Черноморского флота, Каспийской морской и нескольких речных военных флотилий.

Развертывание Вооруженных сил Юга России в значительной степени зависело от помощи держав Антанты. Так, только в 1919 г. Англия предоставила им 198 тыс. винтовок, 6 177 пулеметов, 500 млн. патронов, 1 121 орудие, более 1,9 млн. снарядов, около 60 танков и 168 самолетов. В свою очередь Франция и США, по неполным данным, направили генералу Деникину 105,5 тыс. винтовок, 47 пулеметов, более 3,2 млн. патронов³⁷.

Боевой и численный состав Вооруженных сил Юга России на протяжении всего периода их существования постоянно менялся. Если в начале 1919 г. они насчитывали 118 тыс. штыков и сабель, то в конце июля — 104,5 тыс. штыков и 50,9 тыс. сабель, а к началу 1920 г., после сокрушительного разгрома их в ходе общего наступления Южного и Юго-Восточного фронтов Красной Армии, — 61,4 тыс. штыков и 36,2 тыс. сабель³⁸. В марте 1920 г. Вооруженные силы Юга России были окончательно разгромлены, большая их часть сдалась в плен Красной Армии, а остатки, при помощи флота интервентов, переправились в Крым. 4 апреля генерал Деникин, сложив с себя полномочия Главнокомандующего, назначил своим преемником генерала П. Н. Врангеля.

Основным оперативным объединением Вооруженных сил Юга России являлась армия. Свое наименование она получала по способу комплектования (Добровольческая) или по месту формирования и действий (Донская, Кавказская). В состав армии (за исключением отдельной Туркестанской армии, включавшей дивизию и бригады) обычно входили 3—4 корпуса, в том числе 1—2 кавалерийских (конных)³⁹. Имевшей незначительное количество собственной кавалерии Добровольческой армии иногда придавались в оперативное подчинение несколько кавалерийских (конных, казачьих) дивизий или 1—2 конных корпуса из состава Донской и Кавказской армий.

Высшим тактическим соединением был корпус (армейский, кавалерийский, конный). Армейский корпус состоял из 3—4 пехотных (из них 1—2 стрелковые) дивизий, пехотных (стрелковых) и кавалерийских (конных) полков, отдельных пехотных батальонов⁴⁰. Главной ударной силой сухопутных войск являлись кавалерийские (конные) корпуса, создание которых белогвардейское командование уделяло большое внимание. Этому способствовало достаточное количество хорошо обученных казачьих войск, располагавших многочисленными кадрами кавалерийских офицеров. В состав кавалерийского (конного) корпуса входили 2—3 кавалерийские (конные, казачьи) дивизии. В ряде случаев кавалерийскому (конному) корпусу придавались 1—2 пехотные дивизии⁴¹.

Пехотные (стрелковые), кавалерийские (конные, казачьи) дивизии являлись тактическими соединениями. Пехотная (стрелковая) дивизия включала 2—4 пехотных (стрелковых) полка, иногда 1—2 кавалерийских (конных) полка, а также артиллерийские и технические подразделения. Кавалерийская (конная, казачья) дивизия состояла из 3—4 кавалерийских (конных, казачьих) полков. Иногда в кавалерийскую (конную, казачью) дивизию включались стрелковый полк, отдельные пехотные, артиллерийские, кавалерийские и технические подразделения⁴².

По сравнению с другими белогвардейскими армиями Вооруженные силы Юга России по праву считались наиболее мощными формированиями по составу, обученности, технической оснащенности и боеспособности. В то же время существенные разногласия, с одной стороны, между донским и кубанским казачествами, а с другой, между их руководителями и генералом Деникиным — по вопросам государственного устройства России, земельному и национальному вопросам — ослабляли единство ВСЮР, что, разумеется, сказывалось на руководстве ими. А вечное беспокойство за свои тылы вынуждало белогвардейское командование направлять для его умирения регулярные воинские части и соединения.

Достаточно сильные армии были созданы на востоке России. Их формирование облегчали просчеты, допущенные большевиками: сибирское крестьянство, не получив от новой власти реальной поддержки, не сразу встало на их сторону, а зажиточные крестьяне вообще враждебно отнеслись к насильственным реквизициям хлеба. К тому же надо учесть, что Сибирь слишком удалена от крупнейших промышленных центров, а сибирский рабочий класс был малочисленным; большой удельный вес в том регионе принадлежал казачеству, стремившемуся во что бы то ни стало сохранить свою самостоятельность. Базой для развертывания вооруженных сил на востоке России послужили 6 корпусов, которые были дислоцированы в Сибири еще до первой мировой войны⁴³.

Особенностью строительства вооруженных сил на этом театре военных действий в 1918 г. являлось то, что создавались они различными государственными образованиями, а потому были полностью самостоятельными, различаясь между собой как в организационно-штатном, так и в материально-техническом отношении. Уже в начале 1918 г. на Дальнем Востоке при помощи английских офицеров началось формирование отрядов под командованием есаула Забайкальского казачества Г. М. Семенова и атамана Уссурийского казачества есаула И. М. Калмыкова. В Харбине, на территории Китая, создание отрядов велось под руководством генерала Д. Л. Хорвата, в правительстве которого адмирал А. В. Колчак возглавил военное ведомство.

В июне 1918 г. была сформирована Западно-Сибирская отдельная армия (Средне-Сибирский, Степной Сибирский, Уральский армейские корпуса), переименованная вскоре в Сибирскую армию, просуществовавшую до конца декабря 1918 г.⁵¹ В апреле 1918 г. создается Уральская (с января 1919 г. — Уральская отдельная), в октябре — Юго-Западная (с декабря 1918 г. — отдельная Оренбургская, а с мая 1919 г. — Южная отдельная, с сентября — вновь Оренбургская), в июне — Народная армия Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), в декабре — Сибирская, в январе 1919 г. — Западная армия.

Процесс объединения всех этих армий начался в ноябре 1918 г. после прихода к власти адмирала Колчака, который стал Верховным правителем и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. В июне следующего года он издал приказ о создании единой Российской (Русской) армии, которая по штату должна была насчитывать около 1,3 млн. офицеров, чиновников, строевых и нестроевых солдат и добровольцев⁴⁵. Из Великобритании для Российской армии с октября 1918 по октябрь 1919 гг. было поставлено 600 тыс. винтовок, 6 831 пулемет, 192 орудия, 346 млн. патронов, а из США — 393 тыс. винтовок, 15,6 млн. патронов, 100 самолетов⁴⁶.

В состав Российской армии входили Сибирская (в июле 1919 г. она была разделена на 1-ю и 2-ю Сибирские армии), Западная (с июня 1919 г. — 3-я), Южная отдельная (с сентября 1919 г. — Оренбургская) армии, Дальневосточная и Семиреченская группы войск, отдельный Сибирский казачий корпус, 5 кадровых пехотных дивизий, 3 сводные пехотные и кадровая кавалерийская бригады, а в оперативном отношении подчинялась Уральская отдельная армия. В мае—июле 1919 г. с целью улучшения управления войсками, принимавшими участие в сражениях с Красной Армией, адмирал Колчак образовал стратегические объединения — Восточный, Северный и Северо-Западный фронты.

Как основное оперативное объединение армии были двух типов — полевая и казачья. Полевая армия (Сибирская, Западная) включала 4—5 армейских (в Западной армии еще один горный) корпуса, а казачья армия (Оренбургская, Уральская) — 2—3 казачьих корпуса. В армейский (горный) корпус входили 2—3 стрелковые (пехотные, горные) дивизии, отдельная пехотная бригада, иногда 1—2 кавалерийские (казачьи) бригады, пехотный, кавалерийские (казачьи) полки⁴⁷.

Российскую армию явно ослабляла нехватка опытных командных кадров. Поэтому вместе с набором офицеров-добровольцев в возрасте до 50 лет были приняты меры по подготовке командного состава в военно-учебных заведениях. В Иркутском и Хабаровском военных училищах, во Владивостокской военной школе и Омской школе прапорщиков готовились для пехоты командиры среднего звена управления, в Омской авиационной школе — для авиации, во Владивостокском офицерском училище — для флота. Офицеры для старшего и высшего звеньев управления обучались на действовавших в Томске ускоренных курсах Академии Генерального штаба.

После разгрома Красной Армией войск адмирала Колчака зимой 1920 г. их остатки отошли в Забайкалье, где сосредоточивалась Дальневосточная армия (войска Российской восточной окраины) генерала Г. М. Семенова. Эта армия в ноябре 1920 г. вынуждена была отступить в Южное Приморье, в мае 1921 г. она была переименована в резерв милиции, а в ноябре — в белоповстанческую армию⁴⁸.

На Севере России вначале также создавались отдельные подразделения и части, которые затем сводились в соединения. Однако недоверие местного населения к интервентам, а следовательно, и к тем, кто их поддерживал привело к тому, что к январю 1919 г. численность русских войск Северной области составила всего-навсего 9,4 тыс. штыков и сабель⁴⁹. Поэтому началось формирование частей из числа красноармейцев, попавших в плен, что позволило довести численность войск на Севере до 25 тыс. человек.

В мае адмирал Колчак назначил Главкомандующим всеми сухопутными и морскими силами на Северном фронте генерала Е. К. Миллера. В его состав входили 6 стрелковых бригад, Славяно-британский легион и авиационный корпус, а также флотилия Ледовитого океана и 2 речные военные флотилии. Всего в феврале 1920 г. в войсках Северной области насчитывалось более 54,7 тыс. офицеров и солдат при 161 орудии и 1,6 тыс. пулеметов⁵⁰. В том же месяце, когда Архангельск был взят частями Красной Армии, войска Северной области прекратили свое существование.

На северо-западе России при поддержке германского командования летом 1918 г. началось формирование Северной армии, Железной дивизии и добровольческих стрелковых батальонов. В октябре именно они, за исключением Железной дивизии, составили основу Отдельного Псковского добровольческого корпуса Северной армии под командованием генерала А. Е. Вандама. В конце ноября этот корпус, потерпев поражение в боях с частями Красной Армии, отступил на эстонскую территорию, где был переформирован в Отдельный корпус. До июля 1919 г. он находился в подчинении эстонского командования, а затем был развернут в Северную (Северо-Западную) армию. Великобритания направила ей 30 тыс. винтовок, 20 млн. патронов, 32 орудия, 4 танка, 6 самолетов и 59 тыс. снарядов. Армия состояла из 2 стрелковых (с октября 1919 г. — армейских) корпусов, стрелковой дивизии, артиллерийских, броневых и технических частей. Всего в ней насчитывалось 17,8 тыс. штыков, 700 сабель, 500 пулеметов, 56 орудий, 4 бронепоезда, 2 броневомобиля и 6 танков⁵¹.

Северо-Западная армия подчинялась генералу Н. Н. Юденичу, Главкомандующему всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Северо-Западного фронта, образованного по приказу адмирала Колчака в июне 1919 г. Армия в основном формировалась на добровольческой основе. Однако высокой боеспособностью она не отличалась. И причин тут немало: серьезные разногласия среди высшего командного состава; натянутые отношения с эстонским правительством, значительно сократившим поставки белогвардейским войскам; недостаток оружия, боеприпасов и транспортных средств; непрочный тыл ввиду нейтрального, а иной раз и открыто враждебного отношения к армии местного населения⁵². В конце 1919 г. Северо-Западная армия была разгромлена совместными усилиями 7-й и 15-й советских армий,

а затем отброшена на территорию Эстонии, где в конце января 1920 г. окончательно прекратила свое существование.

В Риге в конце 1918 г. из офицеров русской и германской армий были сформированы три особых отдельных стрелковых батальона. В январе 1919 г. в Либаве из русских офицеров и добровольцев был создан Либавский добровольческий стрелковый отряд, развернутый в июне в Добровольческий корпус (несколько отрядов, рот, батарей) под командованием А. П. Ливена⁵³. В июле 1919 г. корпус вошел в состав Северо-Западной армии и был реорганизован в 5-ю Ливенскую стрелковую дивизию.

В начале 1919 г. на территории Германии полковник П. Р. Бермондт-Авалов начал формировать из русских военнопленных Отдельный добровольческий партизанский отряд. В июле он был развернут в Западный Добровольческий имени графа Келлера корпус, который включал отдельные части и подразделения. В сентябре все белогвардейские войска, сосредоточенные в Прибалтике, были сведены в Западную Добровольческую армию, вошедшую в состав Северо-Западного фронта. Армия включала 1-й и 2-й Западные добровольческие корпуса, Железную дивизию, германский легион, корпус полковника Дибича и отдельные части общей численностью около 45 тыс. офицеров и солдат при 600 пулеметах, 100 орудиях, 3 бронепоездах, 10 броневых автомобилях и 120 самолетах⁵⁴. В октябре армия была выведена из состава Северо-Западного фронта, а уже в декабре она прекратила свое существование.

В Крыму генерал Врангель, сменивший генерала Деникина в мае 1920 г., преобразовал остатки Вооруженных сил Юга России в Русскую армию. Она включала 1-й и 2-й армейские, Донской и конный корпуса, группу войск особого назначения. В сентябре они были развернуты в 1-ю (1-й армейский, Донской и конный корпуса) и 2-ю (2-й и 3-й армейские корпуса) армии общей численностью до 35 тыс. офицеров и солдат⁵⁵.

Армейский корпус как высшее тактическое соединение включал 2—3 пехотные дивизии, 1—2 кавалерийские (конные) дивизии или бригады. В состав конного корпуса входили 2 конные и пешая дивизии, а также артиллерийский дивизион. Пехотная (пешая) дивизия являлась тактическим соединением. Она имела 3 пехотных полка, артиллерийскую бригаду, кавалерийский дивизион и запасный батальон⁵⁶. Кавалерийские (казачьи) дивизии состояли из 2 бригад и запасного кавполка. Из-за недостатка лошадей многие кавалерийские части были вынуждены действовать частично или даже полностью в пешем строю.

Броневые силы были сведены в отдельные отряды, которые придавались кавалерийским дивизиям. Авиацию представляли 8 авиационных отрядов и групп. Военно-морские силы включали корабли различных классов из бывшего Черноморского флота России, в том числе линейный корабль, крейсера и миноносцы. На Азовском море действовала флотилия, в состав которой входили канонерские лодки, плавучие батареи, сторожевые корабли.

В отличие от всех других белогвардейских формирований Русская армия Врангеля была небольшой по численности. Так, в начале октября 1920 г. она насчитывала 41,3 тыс. штыков и 17,2 тыс. сабель⁵⁷. Этот недостаток надеялись компенсировать развитием технических родов войск, созданных как за счет поставок союзников, так и за счет производства на месте. В сентябре 1920 г., например, была выпущена партия броневых автомобилей на базе грузовиков «Дорман-Дюкро», формировались мотоциклетные подразделения. Армия Врангеля получила значительное количество военной техники из Англии. В начале октября 1920 г. на ее оснащении состояло 988 пулеметов, 249 орудий, 19 бронепоездов, 19 танков, 26 броневых автомобилей и 34 самолета⁵⁸. Однако недостаток горюче-смазочных материалов и слабая ремонтная база ограничивали боевое применение технических средств.

Эту армию отличали железная дисциплина, которую ее командование поддерживало самыми беспощадными методами. В то же время постоянная скрытая борьба между генералами бывшей русской армии и молодыми офицерами, нежелание насильно мобилизованных солдат воевать, полная зависимость от поставок оружия, техники и боеприпасов извне подтачивали ее силы изнутри.

Кроме перечисленных выше, большевикам противостояли армии государств, до 1917 г. входивших в Российскую империю, а также войска стран Антанты и Четверного союза.

В Эстонии к концу ноября 1918 г. на основе всеобщей воинской повинности и добровольчества была сформирована Народная армия. В декабре 1919 г. она включала 3 пехотные дивизии, несколько отдельных пехотных полков и батальонов, дивизию бронепоездов и авиационный отряд. На территории Латвии в начале 1919 г. стала создаваться Южная группа, а в Эстонии — Северная группа латвийской армии. К лету 1920 г. в ее составе находились 3 пехотные дивизии, гусарский и артиллерийский полки, технические части общей численностью в 20,5 тыс. штыков и 750 сабель. Литовская армия, состоявшая из пехотных полков и отдельных подразделений, насчитывала почти 10 тыс. человек⁵⁹.

На Украине правительство Украинской Народной Республики к началу 1918 г. сформировало Запорожский корпус и ряд отдельных частей. После прихода в ноябре того же года к власти Украинского национального союза головным атаманом республиканских войск был назначен С. В. Петлюра. После проведенной им реорганизации украинские войска включали Запорожский корпус, Осадный корпус сичевых стрельцов, 6 дивизий, Запорожскую сечь, несколько отдельных частей. Летом 1919 г. действующая армия Украинской Народной Республики насчитывала 35 тыс. штыков и 10 тыс. сабель при 533 пулеметах, 177 орудиях, 9 бронепоездах, 6 броневых автомобилях и 26 самолетах⁶⁰. Осенью 1920 г., потерпев поражение в сражениях с Красной Армией, остатки украинских войск отошли на территорию Польши, где были интернированы.

В конце 1918 г. правительство Западно-Украинской Народной Республики на основе всеобщей воинской повинности начало формирование Украинской Галицийской армии. Она состояла из 3 корпусов и насчитывала около 70 тыс. человек⁶¹. В ноябре 1919 г. армия вошла в состав Вооруженных сил Юга России, затем перешла на сторону Красной Армии, а в апреле 1920 г. влилась в состав войск Украинской Народной Республики. Осенью того же года часть Украинской Галицийской армии была интернирована в Польше, а часть отошла в Закарпатье.

На территории Закавказья в 1918 г. были сформированы Мусульманский, Грузинский армейский и Отдельный Армянский корпуса. Они послужили основой для создания национальных армий закавказских республик. В состав армии Азербайджана входили 2 пехотные и конная дивизии, Каспийская военная флотилия, артиллерийские и технические части, всего около 25 тыс. человек⁶². Вооруженные силы Грузии в 1920 г. включали регулярную армию (3 пехотные и 1 кавалерийская дивизии, 4 артиллерийских и танковый дивизион, автоброневой отряд), флот (19 судов) и Народную гвардию (24 батальона, конный полк и артиллерийская бригада) общей численностью в 30 тыс. человек⁶³. В Армении в июне 1920 г. в состав армии входили 4 пехотные и 3 кавалерийские бригады, 6 артиллерийских дивизионов, технические части, а всего более 29 тыс. штыков и сабель, 325 пулеметов и 77 орудий⁶⁴.

Правительства стран Четверного союза и Антанты, оказывая экономическую, финансовую и военную помощь лидерам белых режимов и независимых республик, одновременно направили в Россию свои войска. Они решали различные задачи. Кроме участия в боевых действиях, главным образом на западе, севере и юге, они охраняли тыловые коммуникации и обеспечивали перевозку военных грузов.

Самой сильной группировкой являлись войска Германии и Австро-Венгрии, сосредоточенные на Восточном фронте, и насчитывавшие более 1,7 млн. человек, 92,5 пехотных и 18 кавалерийских дивизий⁶⁵. Они были представлены 3 группами армий и полевой армией (3—6 армейских и 1—2 кавалерийских корпуса). После ноябрьской революции в Германии в 1918 г. ее войска по соглашению с правительством Советской России были эвакуированы с оккупированных ими территорий.

В отличие от Австро-Венгрии и Германии страны Антанты использовали для интервенции в России не объединения (армии, группы армий), а соединения, в том числе и сводные (экспедиционные корпуса, дивизии, бригады, легионы), части (полки), подразделения (батальоны, отряды, роты, батареи, взводы).

На русском Севере находились английские, шотландские, американские, канадские, французские, австрийские, итальянские, сербские, польские, финские подразделения, части и соединения. Среди них крупным формированием был британский Северный русский экспедиционный корпус. Кроме того, у французов и англичан на временной службе (по контракту) находились подразделения и части, сформированные из русских офицеров. Общая численность войск интервентов достигала 23,2 тыс. человек⁶⁶. В Балтийском море действовала британская 6-я легкая крейсерская эскадра (21 корабль), а также 26 французских, 17 американских и 2 итальянских военных корабля. Осенью 1919 г. интервенционистские части были эвакуированы на родину.

На Юге России с марта 1919 по март 1920 г. находились 47-я эскадрилья королевских ВВС, танковый отряд Великобритании, а на Черном море в 1920 г. 95 боевых кораблей интервентов⁶⁷. На Кавказе в мае 1919 г. сосредоточились британская 27-я пехотная дивизия, артиллерийские и технические части. В состав французских экспедиционных сил на Юге России входили 1-я группа пехотных (156-я и 30-я) дивизий, 4-й полк африканских конных егерей, 21-й полк и этапный батальон туземных стрелков, а также индокитайский батальон, 10-й полк алжирских стрелков, 129-й батальон сенегальских стрелков, артиллерийские и технические подразделения, всего 8 тыс. человек. Действовавший здесь же Греческий экспедиционный корпус (2-я и 3-я пехотные дивизии) насчитывал около 30 тыс. человек⁶⁸.

В Финляндии для ведения боевых действий против большевиков были сформированы Олонечкая добровольческая армия (около 3 тыс. человек), 1-й финский добровольческий отряд и полк «Северные парни». Одновременно на территории Прибалтики в 1919 г. действовали Шведский (178 человек) и Датский балтийский (225 человек) вспомогательные корпуса⁶⁹.

Польская армия формировалась главным образом с помощью Франции. Ее основу составили: 3 бригады, образованные еще в период первой мировой войны австрийским командованием; 5 дивизий, сформированных во Франции генералом Ю. Халлером из поляков-иммигрантов; 3 корпуса, созданные в России и на Украине; вооруженные формирования нелегальной «Польской военной организации», возглавляемой Ю. Пилсудским, который в ноябре 1918 г. стал Верховным главнокомандующим польской армией. В начале польская армия создавалась путем набора добровольцев, а с января 1919 г. — в соответствии с Уставом о всеобщей воинской повинности. Одновременно из кадровых польских офицеров и солдат, ранее служивших в германской армии, формировалась Познанская (Великопольская) армия⁷⁰. В августе 1919 г. она была подчинена Пилсудскому.

Воинская служба слагалась из действительной (служба в постоянной армии, запасе, резерве, краевой обороне, во всеобщем вооружении) и вспомогательной служб. До марта 1920 г. в польских вооруженных силах не было постоянных армейских объединений, а существовали оперативные группы в составе пехотной дивизии и кавбригады или 4 пехотных дивизий, входившие в состав фронтов. В марте польское командование приступило к развертыванию своих вооруженных сил. Все войска

были сведены в 7 армий, а фронтовые объединения ликвидированы. Летом были образованы Северо-Восточный и Юго-Восточный фронты, реорганизованные затем в Северный, Средний и Южный фронты по 1—3 армии в каждом. В их составе против советской России действовали войска общей численностью 148,5 тыс. человек.

Армия являлась основным оперативным объединением сухопутных войск. Она включала 2—3 пехотные дивизии, 1—2 кавалерийские бригады или кавалерийскую дивизию. В ходе войны боевой состав армии в зависимости от решаемых ею задач менялся. Так, в августе 1920 г. в нее входили от 2 до 5 пехотных дивизий, кавалерийская бригада или дивизия. В некоторых армиях имелись 2 пехотные и 5 кавалерийских групп⁷¹.

Высшим тактическим соединением польской армии являлась пехотная дивизия, включавшая 2 бригады, дивизион конных стрелков, полк легкой и полк тяжелой артиллерии, а также технические подразделения⁷². В кавалерийскую бригаду входили 3 полка, дивизион конной артиллерии, телеграфно-телефонная рота, автоколонна и подразделения обслуживания

На характер подготовки польских войск, штабов и командиров значительное влияние оказывали французские офицеры, которые находились при всех командных инстанциях — от частей и выше. Для подготовки унтер-офицеров были созданы унтер-офицерские школы, а офицеров — военные школы и школа Генерального штаба. Кроме того, имелись школы подхорунжих, пулеметчиков, саперов и др.

Активное участие в боях с Красной Армией принимали Отдельный чехословацкий и 1-й польский корпуса. Отдельный чехословацкий корпус был сформирован в России осенью 1917 г. из военнопленных австро-венгерской армии, перебежчиков, добровольцев чехов и словаков. В его состав входили 2 дивизии и запасная бригада общей численностью около 30 тыс. человек. После заключения Брест-Литовского мирного договора корпус был объявлен автономной частью французской армии. В мае—августе 1918 г. он совместно с белогвардейскими отрядами поднял восстание. В декабре его отвели с фронта, а в феврале 1919 г. он был переименован в Чехословацкую армию. Ее части выполняли задачу по охране Сибирской железнодорожной магистрали. В 1920 г. через Владивосток армия была эвакуирована на родину. С июля 1917 г. по май 1918 г. существовал 1-й польский корпус легионеров (3 пехотные дивизии), насчитывавший до 25 тыс. человек. Активного участия в военных действиях он не принимал.

Войска интервентов отличались неоднородностью как по своему составу, так и по моральному духу. Высокую боеспособность проявляли германские части. С помощью умело организованной пропаганды им внушалась идея необходимости оккупации России якобы с целью защиты интересов собственного государства и спасения русского народа от большевиков. Для войск стран Антанты самый отличительный признак — высокий уровень технического оснащения, но солдаты, как, впрочем, и офицеры, не горели желанием умереть на чужой земле. Многих мучил один и тот же вопрос: зачем они оказались в России? Явное недовольство личного состава вооруженной борьбой с русским народом вынуждало командование войск Антанты использовать их главным образом для несения тыловой и охранной служб.

Таким образом, на фронтах гражданской войны в России с обеих сторон действовали чрезвычайно разнообразные группировки войск, резко отличавшиеся по своему боевому составу, оснащенности и уровню боеспособности. Их численность и состояние постоянно менялись. Преимущества добывалась то одна, то другая сторона. Соотношение сил колебалось в значительных пределах. То в одном, то в другом регионе создавалась острая кризисная ситуация. Этим предопределялся сложный характер военной стратегии, ее динамичность, поэтапное развитие с неоднократной сменой форм и способов вооруженной борьбы, переходом инициативы от Красной

Армии к белым армиям и наоборот. Цели стратегии вынуждено соразмерялись с возможностями сторон, но иногда выходили и за эти рамки. При всем этом требовалось большое искусство, чтобы потенциальные возможности превратить в действительность.

3. Органы стратегического руководства вооруженными силами и характер их деятельности

В процессе создания и развития органов стратегического руководства обе стороны использовали все самое ценное из прошлого опыта. В то же время созданная в годы гражданской войны система органов руководства вооруженной борьбой имела существенные отличия. Особенно это касается Советской России, где все проблемы военной политики и экономики, строительства Вооруженных Сил решались под непосредственным руководством ЦК РКП(б) и его Политбюро. Такой подход обусловлен тем, что партия большевиков являлась правящей политической партией, и потому ее центральные органы постоянно держали под своим неослабным контролем все стороны жизни страны. На пленумах ЦК РКП(б) и заседаниях его Политбюро иногда рассматривались и вопросы, связанные с подготовкой разгрома белых армий, в том числе адмирала Колчака (пленумы ЦК от 13 апреля и 4 мая, заседание Политбюро от 23 апреля 1919 г.), генерала Деникина (решения июльского и сентябрьского пленумов ЦК, Политбюро от 15 октября и 14 ноября 1919 г.) и др. В соответствии с принятыми решениями Главное командование Красной Армии и Полевой штаб Реввоенсовета Республики разрабатывали оперативные директивы, ставили задачи фронтам, армиям, флоту (флотилиям) для достижения тех целей, которые выдвигало политическое руководство.

Центральный Комитет партии большевиков принимал меры к обеспечению строго централизованного руководства военными действиями Красной Армии на многочисленных фронтах. Через ВЦИК, Совнарком, Совет обороны, а также через членов партии коммунистов в армии и на флоте ЦК РКП(б) направлял и контролировал деятельность Реввоенсовета Республики, Главного командования, Политического управления РВСР и других органов высшего военного командования. Члены ЦК РКП(б) входили в состав Реввоенсовета Республики, реввоенсоветов фронтов и армий, государственных органов, ведавших мобилизацией людских резервов и материальных ресурсов, выезжали на фронты и в тыл в качестве уполномоченных ЦК для выполнения важных военных заданий. Кроме того, Центральный Комитет непосредственно занимался переводом партийных кадров на военную работу и их распределением.

В период между съездами партии и пленумами конкретизация основных директив ЦК РКП(б) и разработка вытекающих из них указаний органам стратегического руководства по военным вопросам осуществлялись Политбюро. Решения, директивы, указания Политбюро формулировали, как правило, В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий (Бронштейн) и уже от имени Политбюро они направляли их Реввоенсовету Республики и на фронты за своей подписью или подписью трех-четырех членов Политбюро.

Возглавляемый Лениным Совнарком РСФСР в соответствии с декретом о создании Красной Армии от 15(28) января 1918 г. являлся «верховным руководящим органом» РККА⁷³. Непосредственное руководство и управление армией осуществлял Народный комиссариат по военным делам через Всероссийскую коллегию. Одновременно Совнарком занимался решением задач по организации материально-технического обеспечения Вооруженных Сил. С целью введения военного режима в военной промышленности, продовольственном и транспортном деле ВЦИК 30 ноября 1918 г. учредил Совет Рабочей и Крестьянской Обороны. В его состав вошли

Ленин (председатель), представители Реввоенсовета Республики, ВЦИК, наркоматов путей сообщения, продовольствия и др. В ходе войны Совет Обороны, наделенный военно-экономическими функциями, в зависимости от обстановки в стране и на фронтах решал и иные задачи. На его заседаниях периодически заслушивались доклады Главкома о стратегическом положении республики, характере предстоящих операций, состоянии стратегических резервов и снабжения армии, мерах по укреплению фронтов и др.⁷⁴

Непосредственное руководство вооруженной борьбой осуществляли специально созданные органы, которые прошли сложный и противоречивый путь развития. В первые недели после прихода большевиков к власти управление войсками, находившимися на фронтах, осуществлял Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской республики генерал Н. Н. Духонин через штаб Ставки Верховного главнокомандования, возглавляемый генералом М. Д. Бонч-Бруевичем.

26 октября (8 ноября) 1917 г. декретом II Всероссийского съезда Советов был образован Комитет по делам военным и морским⁷⁵, преобразованный 3(16) ноября в Совет народных комиссаров по военным и морским делам. На Совет возлагались задачи по демократизации старого военного аппарата, контролю за военным министерством и его слому, демобилизации старой армии. В состав Совета вошли подпоручик В. А. Антонов-Овсеенко, матрос П. Е. Дыбенко, прапорщик Н. В. Крыленко, представители Военной организации при ЦК партии, Петроградского Военно-революционного комитета. В последующем структура и функции Совета были уточнены. 9(22) ноября Крыленко был назначен Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами Российской республики. 14(27) ноября Дыбенко возглавил Верховную морскую коллегию, а 21 ноября (4 декабря) был назначен Народным комиссаром по морским делам⁷⁶. Непосредственное руководство наркоматом по военным делам осуществлял Н. И. Подвойский, назначенный 11(24) ноября заместителем наркома по военным делам.

Наряду с вышеперечисленными структурами создавались и другие органы высшего военного руководства. Так, 26 октября (8 ноября) был образован Военно-морской революционный комитет, 10(23) ноября — Бюро комиссаров авиационных и воздухоплавательных частей Петроградского гарнизона, 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.) — Всероссийская коллегия по управлению воздушным флотом. При Ставке Верховного главнокомандующего 9(22) ноября 1917 г. были созданы Временный военно-революционный комитет (ВРК), а на следующий день — Революционный полевой штаб по борьбе с контрреволюцией, действовавший параллельно с реорганизованным штабом Верховного главнокомандующего. В декабре 1917 г. Временный ВРК при Ставке преобразован в Центральный комитет действующих армий и флота (Цекодарф), который решал задачи по руководству жизнью и деятельностью армий и флота и по их снабжению⁷⁷. Функции руководства революционными силами в различных регионах страны выполняли чрезвычайные комиссары. В декабре 1917 г. учреждается должность Главнокомандующего советскими войсками по борьбе с контрреволюцией на Юге России. В январе 1918 г. руководство оперативной деятельностью флота было возложено на Морской генеральный штаб.

Наличие многочисленных органов управления, их разобщенность, отсутствие единой централизованной системы снижали эффективность стратегического руководства. Поэтому после декрета о создании Красной Армии были приняты меры по внедрению новой системы стратегического руководства. Однако они не всегда отвечали сложившейся обстановке, что в ряде случаев приводило даже к нарушению ранее созданной системы стратегического руководства. Так, в феврале 1918 г. Крыленко принял решение упразднить Ставку, а непосредственное руководство войсками возложить на командующих фронтами⁷⁸. В результате войска, противостоявшие австро-

венгерской и германской армиям, могли остаться без централизованного управления. Генерал Бонч-Бруевич, будучи хорошим профессионалом, по мере возможности затягивал выполнение данного решения, что позволило штабу Ставки принять посильное участие в планировании и руководстве операциями, направленными против германских войск, которые предприняли наступление 18 февраля 1918 г. Однако к тому времени возможности Ставки были ограничены начавшейся ее реорганизацией и сокращением. Это, разумеется, сказалось на планировании операций, так как помешало в полной мере учитывать обстановку на различных стратегических направлениях.

Вопросами, связанными с отражением наступления войск Германии и Австро-Венгрии, занимались кроме того Революционный полевой штаб по борьбе с контрреволюцией при Ставке, Комитет революционной обороны Петрограда, Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа, штабы фронтов и другие. Каждый из них действовал независимо от других, что приводило к путанице, изданию порой взаимоисключающих директив и приказов, нарушению взаимодействия между фронтами и армиями. Проблема, как выйти из создавшегося положения, требовала немедленного решения.

Совнарком РСФСР 3 марта 1918 г. принял постановление о создании Высшего военного совета (ВВС) для руководства военными операциями⁷⁹. В его состав вошли военный руководитель генерал М. Д. Бонч-Бруевич, политические комиссары левый эсер П. П. Прошьян (О. П. Тер-Аракелян) и большевик К. И. Шутко. После подписания в марте 1918 г. Брест-Литовского мирного договора подали в отставку в знак протеста Верховный главнокомандующий Крыленко, нарком по морским делам Дыбенко, член ВВС Прошьян. В связи с этим СНК РСФСР 13 марта 1918 г. постановил назначить наркомом по военным делам Троцкого, а 18 марта утвердил новый состав Высшего военного совета: председатель Л. Д. Троцкий (с 6 апреля он же нарком по морским делам), член Совета Н. И. Подвойский, их заместители К. А. Мехоношин и Э. М. Складанский⁸⁰. На следующий день Совнарком принял новое постановление, в котором отмечалось, что «во главе дела обороны ставится Высший военный совет»⁸¹. На него возлагались разработка основных заданий по обороне государства и организации Вооруженных Сил страны, объединение деятельности армии и флота, наблюдение за выполнением военным и морским ведомствами возложенных на них задач. В состав Высшего военного совета, кроме перечисленных выше лиц, вошли члены коллегии наркомвоена и два специалиста по военно-морскому делу.

Высший военный совет являлся коллегиальным органом. Первоначально при нем не было штаба, а потому все оперативные вопросы находились в ведении генерал-квартирмейстера и нескольких его помощников по оперативной части. 14 мая 1918 г. создаются оперативное и организационное управления, а 20 июня — штаб Высшего военного совета.

Одновременно продолжалась работа по упорядочению структуры других органов высшего военного управления. 8 мая 1918 г. наркомвоен издал приказ о создании Всероссийского главного штаба (Всероглавштаб) вместо существовавших до того Всероссийской коллегии по формированию РККА, Главного управления Генерального штаба, Главного штаба, Главного комиссариата военно-учебных заведений и Управления по ремонту (закупке и распределению конного состава) армии⁸². Он стал высшим органом по руководству учетом и мобилизацией военнообязанных, формированию, устройству и обучению войск. На него возлагалась также разработка штатов, уставов, наставлений, инструкций и положений для войск; ему же подчинялись внутренние военные округа и все местные военные органы. Всероглавштаб возглавлял Совет в составе двух военных комиссаров и начальника штаба. По решению коллегии наркомвоена оперативный отдел Московского окружного комиссариата по военным делам был 12 мая передан в ведение Наркомата по военным делам. Он стал на-

зываются оперативным отделом наркомвоена⁶³. Одновременно за базе Всероссийской коллегии по управлению воздушным флотом было образовано Главное управление Рабоче-Крестьянского Красного Военного воздушного флота (Главвоздухофлот).

После проведенной реорганизации оперативными вопросами занимались штаб ВВС, оперативные отделы наркомвоена и Всероглавштаба. Так как между ними не было тесного контакта, они чаще всего дублировали друг друга, что сказывалось на эффективности управления войсками. Это не осталось без внимания со стороны ряда высших должностных лиц. Так, А. И. Егоров, председатель Высшей аттестационной комиссии, а в недавнем прошлом полковник, 20 августа 1918 г. направил специальный доклад Ленину, где выразил свою обеспокоенность происходящим: «Обозрение всех операций, ведущихся на различных фронтах, указывает, что в них нет определенной единой мысли и воли»⁶⁴. Свой вывод Егоров подкрепил сообщением, что у высших военных органов отсутствуют планы войны, новых формирований и операций на фронтах. С целью «объединения военной мысли, руководящей всеми операциями на всех фронтах», он предлагал назначить ответственного перед Совнаркомом Верховного главнокомандующего, а при нем сформировать соответствующий штаб.

Проект Егорова получил одобрение со стороны руководителей наркомвоена. 2 сентября 1918 г. ВЦИК принял постановление о превращении Советской республики в военный лагерь и образовании Революционного военного совета Республики (РВСР) с одним Главнокомандующим, а 30 сентября утвердил положение об РВСР⁶⁵. В соответствии с этим положением РВСР превращался в орган высшей военной власти в стране, которому передавались все права коллегии наркомвоена и упраздненного Высшего военного совета. Деятельность РВСР направлялась и контролировалась ЦК РКП(б). Установление основ организации Вооруженных Сил РСФСР по Конституции принадлежало Всероссийскому съезду Советов и Всероссийскому Центральному исполнительному комитету, а общее управление Вооруженными Силами — Совету народных комиссаров.

В Реввоенсовете Республики под председательством Троцкого были сосредоточены оперативные и административные функции по управлению Вооруженными Силами. Однако в его компетенцию не входили вопросы транспорта, военной промышленности, снабжения войск продовольствием. Приказы РВСР не имели обязательной силы для Высшего совета народного хозяйства, народного комиссариата продовольствия, других наркоматов и ведомств, несмотря на то, что по положению ВЦИК от 30 сентября все советские учреждения были обязаны в первую очередь рассматривать и удовлетворять требования РВСР. В целях обеспечения централизации руководства Вооруженными Силами в составе Реввоенсовета было создано Бюро, включавшее председателя РВСР, Главкома и одного члена РВСР.

В состав Реввоенсовета Республики, кроме политических комиссаров, входил и Главнокомандующий всеми Вооруженными силами Республики. Положение о Главкоме было объявлено постановлением СНК РСФСР от 5 декабря 1918 г. В постановлении указывалось, что Главком «есть боевой начальник всех сухопутных и морских вооруженных сил Республики, входящих в состав действующей армии»⁶⁶. Все остальные части и крепости подчинялись ему в оперативном отношении. Главком получал директивы от ЦК РКП(б), Совнаркома или Совета обороны через председателя Реввоенсовета Республики и пользовался полной самостоятельностью во всех вопросах оперативно-стратегического характера. Однако опыт войны показал, что Главком (вначале бывший полковник Вацетис, а с июля 1919 г. — полковник Каменев) получал директивы и указания не только через председателя РВСР, но в некоторых случаях непосредственно от ЦК партии и Ленина как председателя Совнаркома и Совета обороны. В результате повышалась оперативность в работе Главного коман-

дования Красной Армии, так как своевременно обеспечивалось принятие мер по улучшению руководства фронтами и отдельными армиями.

Разработанные положения о Реввоенсовете и Главнокомандующем всеми Вооруженными Силами Республики определили принципы управления войсками в условиях, когда высшие командные должности занимали беспартийные военные специалисты. Вся полнота военной власти принадлежала коллективному органу — Реввоенсовету Республики, причем без подписи одного из его членов директивы и приказы Главкома считались недействительными. Наиболее важные решения РВСР и Главного командования обретали силу только после утверждения их ЦК партии. Реввоенсовету Республики отныне подчинялись Всероссийский главный штаб, Полевой штаб РВСР, Всероссийское бюро военных комиссаров, Центральное (с 1919 г. — Главное) управление снабжений, Военно-законодательный совет, Высшая военная инспекция и другие центральные органы военного управления⁸⁷.

Оперативным рабочим органом Реввоенсовета Республики и Главкома являлся Штаб РВСР, переименованный 2 октября в Полевой штаб РВСР (начальники: капитан П. М. Майгур, генералы Н. И. Раттэль, Ф. В. Костяев, М. Д. Бонч-Бруевич, П. П. Лебедев). Начальник Полевого штаба был единственным человеком, кто докладывал РВСР и Главкому по всем делам оперативного управления и состояния армии. Помощник начальника Полевого штаба занимался вопросами тылового обеспечения и инспектирования войск, что давало возможность начальнику Полевого штаба сосредоточиться на чисто оперативно-стратегических вопросах и направлять деятельность подчиненных ему органов⁸⁸.

Основными функциональными обязанностями Полевого штаба являлись: планирование и обеспечение руководства стратегическими операциями; разработка директив и оперативных заданий фронтам, периодических докладов о стратегическом положении на фронтах; оценка сил и средств противника; подготовка всех родов войск и служб и их инспектирование; организация и осуществление стратегических перегруппировок войск; военно-историческое описание боев и операций; переписка с народным комиссариатом иностранных дел по дипломатическим вопросам, требующим специального с военной точки зрения заключения и др.⁸⁹

Руководство Военно-воздушными силами вместо Главвоздухофлота с сентября 1919 г. стало осуществлять Полевое управление авиации и воздухоплавания действующей армии (АВИАДАРМ). Еще в июне 1918 г. было создано Главное военно-инженерное управление (ГВИУ), 30 августа — Центральное броневое управление (подчинялось ГВИУ), преобразованное 31 января 1919 г. в Главное броневое управление. В октябре 1918 г. была введена должность командующего морскими силами Республики (Коморси). Правда, уже в декабре коллегия наркомата по морским делам была упразднена и создан Морской отдел РВСР, а Коморси включен в состав Реввоенсовета Республики. Во второй половине того же года подверглась реорганизации и система партийно-политического аппарата. 2 октября политическое отделение наркомвоена было переименовано в политический отдел РВСР, а 9 октября Всероссийское бюро военных комиссаров подчинено Реввоенсовету Республики⁹⁰. 13 ноября политотдел РВСР был слит с Всебюровоенкомом, которое стало единым центральным политическим органом Вооруженных сил Республики.

В 1919—1920 гг. совершенствование органов стратегического руководства осуществлялось на основе решений VIII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1919 г. Съезд потребовал реорганизовать Полевой штаб РВСР, урегулировать работу Реввоенсовета Республики и Всероссийского главного штаба. В соответствии с решением съезда штатный состав РВСР был сокращен до 6 человек, что позволило повысить оперативность в его работе. Регистрационное (разведывательное) управление и Центральное управление военных сообщений (ЦУПВОСО) подчинялись теперь

непосредственно Реввоенсовету Республики. В сентябре Высшая военная инспекция была расформирована, ее заменили военная и морская инспекции при РВСР. При Полевом штабе еще в апреле были учреждены секретариат РВСР и инспекция кавалерии, в октябре — Управление связи Красной Армии, 17 марта 1920 г. — инспекция броневых частей. Полевое управление авиации и воздухоплавания 25 марта 1920 г. преобразуется в Штаб воздушного флота, морская авиация объединяется с сухопутной и создается Управление снабжения воздушного флота. В июне 1919 г. Морской отдел РВСР был ликвидирован и воссоздан наркомат по морским делам. На базе Морского генерального штаба 3 июля образуется Штаб командующего морскими силами Республики, переименованный 3 июля 1920 г. в Штаб всех морских сил РСФСР.

Значительное изменение претерпела и структура партийно-политического аппарата армии и флота. 18 апреля 1919 г. упраздняется Всебюровоенком и вновь создается Политический отдел, преобразованный 26 мая в Политическое управление РВСР на правах военного отдела ЦК РКП(б). На Политуправление возлагалось ведение всей партийной, политической и культурно-просветительной работы в армии и на флоте.

Не менее сложным был процесс развития органов тыла Вооруженных Сил. С ноября 1917 г. вопросы тылового обеспечения решали отдел снабжения Петроградского ВРК, Главный штаб Красной гвардии Петрограда и центральные штабы Красной гвардии других городов страны, межфронтная комиссия снабжения войсковых организаций (фронткомснаб), а с января 1918 г. — Всероссийская коллегия по формированию РККА. Однако столь многочисленные органы снабжения, совершенно не связанные между собой, не в состоянии были обеспечить бесперебойное материально-техническое снабжение войск и сил флота. В целях устранения этих недостатков 1 июня 1918 г. учреждается Центральное управление снабжений (ЦУС) Красной Армии, что способствовало некоторому улучшению тылового обеспечения, рациональному и планомерному распределению материальных средств. Но Центральное управление снабжений занималось только распределением, а потому не имело возможности влиять на работу военной промышленности. Таким органом стала Чрезвычайная комиссия по производству предметов военного снаряжения при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ), созданная 16 августа 1918 г.

С образованием в сентябре 1918 г. оперативных и оперативно-стратегических объединений стали создаваться соответствующие тыловые органы — главные начальники снабжений фронтов и армий. 2 ноября Совнарком РСФСР принял постановление о преобразовании Чрезвычайной комиссии по производству предметов военного снаряжения в Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии (Чрезкомснаб)⁹¹. На Чрезкомснаб возлагались контроль за деятельностью артиллерийских, военно-инженерных и морских заводов, мобилизация предприятий военной промышленности для нужд армии, регулировка и контроль заграничных заказов на предметы военного снаряжения.

В 1919 г. в соответствии с решениями июльского пленума ЦК РКП(б) было завершено создание централизованной системы тыла Вооруженных сил. ВЦИК 9 июля принял декрет об учреждении должности Чрезвычайного уполномоченного Совета обороны по снабжению Красной Армии и Красного Флота (Чусоснабарм)⁹². Возглавивший его А. И. Рыков отвечал за снабжение армии и флота всеми видами довольствия (кроме продовольствия), за поднятие производительности труда на заводах, работающих на оборону, и распределение предметов снабжения на фронте и в тылу. Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии была упразднена. 16 августа на базе аппарата упраздненной Центральной комиссии по снабжению армии продовольствием в соответствии с постановлением ВЦИК создается Главное управление по снабжению Красной Армии и Флота (Главснабпродарм). Оно как орган нар-

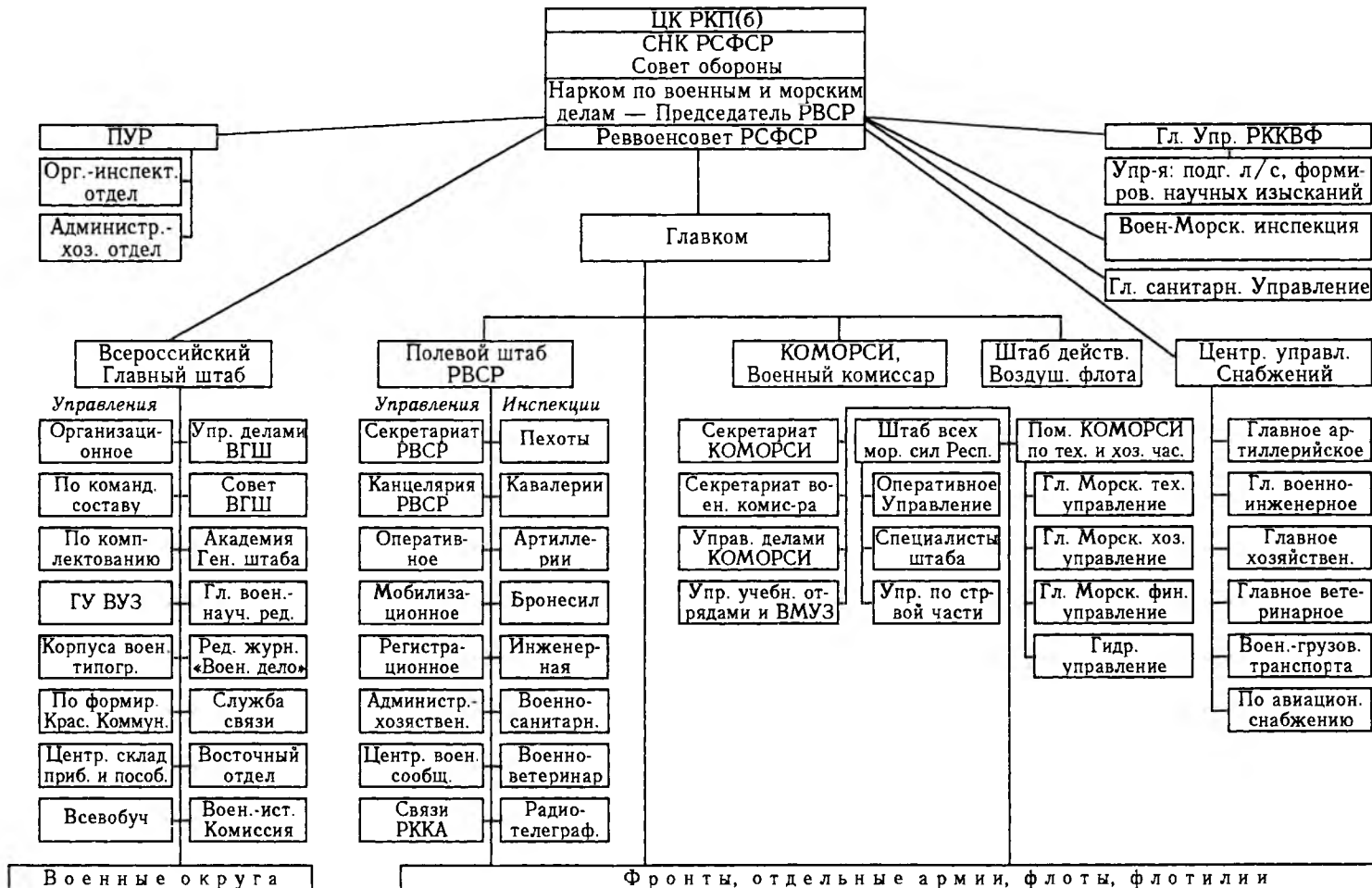

Схема 22. Система органов стратегического руководства советскими Вооруженными Силами в Гражданской войне

компрода руководило особыми продовольственными комиссиями (опродкомы) фронтов, армий, дивизий и бригад.

В Военно-морском флоте техническим обеспечением ведало Главное управление кораблестроения, а остальными видами материальных средств — Главное морское хозяйственное управление. В авиации вопросы тылового обеспечения вначале решала Всероссийская коллегия по управлению воздушным флотом, с мая 1918 г. — Главное управление рабоче-крестьянского красного Воздушного флота, а с марта 1920 г. — Управление снабжения РККВФ.

Важным шагом на пути совершенствования структуры стратегического руководства явилось создание фронтовых и армейских объединений. В соответствии с приказом наркомвоена от 31 мая 1918 г. был образован Чехословацкий, а 14 июня — Северо-Урало-Сибирский фронты⁹³. Одновременно все отдельные отряды, части и соединения сводятся в армии. Вскоре войска Чехословацкого и Северо-Урало-Сибирского фронтов были объединены и подчинены реввоенсовету Восточного фронта. Однако свой официальный статус он получил только 11 сентября 1918 г., когда Реввоенсовет Республики издал приказ об образовании Северного, Восточного и Южного фронтов⁹⁴. СНК РСФСР 5 декабря утвердил положения о командующем армиями фронта и командующем армией, входящей в состав фронта⁹⁵. Согласно этим положениям фронты и армии теперь возглавляли революционные военные советы, являвшиеся не только органами военного управления, но и политического руководства войсками. В соответствии с этими документами Полевой штаб РВСР разработал «Положение о полевом управлении войсками в военное время», утвержденное 26 декабря 1918 г. Реввоенсоветом Республики⁹⁶.

С образованием стратегических объединений руководство вооруженной борьбой стало осуществляться в звене Главком—фронт или отдельная армия. Свою эффективность и жизненность оно доказало на протяжении всей войны. В некоторых случаях на отдельном стратегическом направлении создавался и промежуточный орган стратегического руководства, например помощник Главкома по Сибири. Этот орган был учрежден 24 апреля 1920 г. Реввоенсоветом Республики, а 26 сентября было утверждено положение о нем⁹⁷. Назначение помощника Главкома по Сибири обусловливалось необходимостью приблизить руководство к войскам и партизанско-повстанческим формированиям в Сибири, повысить устойчивость и оперативность управления ими, координировать деятельность всех управлений, учреждений, заведений и войсковых частей Сибири. Помощник Главкома подчинялся непосредственно РВСР, а в оперативном отношении — Главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики. Помощник Главкома по Сибири управлял войсками Восточно-Сибирского военного округа, 5-й отдельной армии и укрепленными районами в Сибири⁹⁸.

В ходе гражданской войны свое развитие получила и система органов руководства вооруженной борьбой в лагере противников Советской России. В основном она базировалась на опыте первой мировой войны, но видоизменялась с учетом особенностей гражданской войны.

Разработка проблем стратегии, направленной странами Антанты на достижение своих военно-политических целей, и руководство вооруженной борьбой против Советской республики осуществлялись различными органами. Наиболее важные вопросы, касающиеся военной интервенции в России, решались на конференциях глав правительств стран Антанты с участием министров иностранных дел. Так, 15 марта 1918 г. в Лондоне состоялась встреча премьер-министров и министров иностранных дел Великобритании, Франции и Италии, где было принято окончательное решение о вооруженной интервенции в Сибири и на Севере Советской России⁹⁹.

В системе стратегического руководства большое место занимала переписка между главами правительств, министрами иностранных дел в том числе и с лидерами

белого движения адмиралом Колчаком, генералами Деникиным, Врангелем и др., с целью координации усилий на различных театрах военных действий. Например, 16 марта 1918 г. министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур сообщил правительству США решение конференции глав правительств Великобритании, Франции и Италии о возможности использования Японии для интервенции в Сибири¹⁰⁰.

Важнейшие вопросы ведения военных действий в России решались на двусторонних встречах глав правительств или министров иностранных дел, или военных министров и Верховного главнокомандующего союзными армиями в Европе маршала Ф. Фоша. Так, в начале марта 1919 г. военный министр Великобритании У. Черчилль специально встретился в Париже с маршалом, чтобы обсудить положение союзных войск на Черноморском побережье¹⁰¹.

Широко применялись такие формы общения, как консультации и переписка между послами стран Антанты в России со своими министерствами иностранных дел (государственным департаментом США) или военных министров с представителями военных миссий при белогвардейских армиях и с главнокомандующими (командующими) союзными войсками в России. Например, 21 февраля 1918 г. американский посол в России Д. Френсис направил госсекретарю США Р. Лансингу телеграмму с предложением об оккупации Владивостока, Мурманска и Архангельска, а 4 апреля член французской военной миссии в России майор Ж. Пишон представил своему правительству доклад «О планах интервенции в Сибири».

Аналогичные вопросы неоднократно обсуждались на заседаниях Парижской мирной конференции, которая работала (с перерывами) с 16 января 1919 г. по 21 января 1920 г. с целью выработать и подписать мирные договоры со странами Четверного союза. Высшим органом Парижской мирной конференции являлся Верховный совет, причем состав его неоднократно менялся. Вначале это был Совет десяти: главы правительств и министры иностранных дел США, Великобритании, Франции, Италии и два специальных представителя от Японии. С марта 1919 г. вместо Совета десяти был создан Совет четырех (представители Великобритании, Франции, США и Италии), а в конце июля — Совет пяти (или Совет глав делегаций). Помимо членов Совета четырех он включал еще одного представителя от Японии. На заседаниях Верховного совета обсуждались такие вопросы, как состояние союзных войск и военное положение в России, создание комиссии для координации планов интервенции, использование сил государств Восточной Европы против Советской России и др.¹⁰²

Главным органом, специально занимавшимся вопросами ведения войны в России, должен был стать созданный в ноябре 1917 г. Высший военный совет¹⁰³. В его состав входили председатель и по одному военному представителю «от каждого союзного правительства», при котором действовал постоянный аппарат (штаб). Однако вследствие постоянных разногласий между союзниками, стремления главнокомандующих союзными армиями к автономии, Высший военный совет с самого начала оказался неспособным осуществлять единое командование.

Исполнительным органом Высшего военного совета стал образованный 2 февраля 1918 г. Межсоюзный (исполнительный) комитет в составе четырех постоянных военных представителей под председательством маршала Фоша¹⁰⁴. Межсоюзный комитет на своих заседаниях рассматривал различные вопросы: о переброске американских войск на Север России (июнь 1918 г.); о подготовке армий Польши, Румынии, Прибалтийских стран и белогвардейских войск к совместным действиям против Советской республики (январь 1920 г.); о поставках оружия и боеприпасов белогвардейцам в Польшу (январь, июль 1920 г.) и др.¹⁰⁵. Иногда эти вопросы еще до вынесения их на обсуждение Межсоюзного комитета военных представителей рассматривали председатель Высшего военного совета совместно с министрами обороны стран Антанты. В некоторых случаях решения комитета направлялись руко-

водителям государств Антанты, лидерам белых режимов или главам военных миссий при них.

В апреле 1918 г. непосредственное руководство вооруженной борьбой в России было возложено на Верховного главнокомандующего союзными армиями во Франции маршала Фоша¹⁰⁶. Вопросы планирования операций против Красной Армии решал теперь Генеральный штаб Главного командования союзных армий, созданный еще в годы первой мировой войны. В его функции входило определение целей интервенции, уточнение обязанностей каждой страны по выполнению общего плана и задач союзных армий. Он же решал, где высадить войска Антанты на территории России, а также какое количество сил и средств, необходимо для выполнения задач на различных театрах военных действий. В его компетенции были подбор кандидатур на посты главнокомандующих (командующих) союзными войсками в России и согласование их действий с белогвардейскими армиями и др.¹⁰⁷

Важное место в деятельности стратегического руководства войск Антанты отводилось созданию органов для управления войсками непосредственно на театрах военных действий. На Севере России союзные и белогвардейские части и соединения возглавлял британский генерал Ф. Пуль, а с сентября 1919 г. — его соотечественник генерал В. Э. Айронсайд. Союзными войсками в Восточной России и Сибири командовал французский генерал М. Жанен. Главнокомандующим союзными войсками на Дальнем Востоке был назначен японский генерал Отани, в Закавказье — английский генерал Л. Денстервилль, в Туркестане — англичанин генерал У. Маллесон.

Иными словами, руководство вооруженной борьбой против Советской России осуществлялось посредством довольно сложной системы: Совет десяти (Совет четырех, впоследствии — Совет пяти) — Высший военный совет — Межсоюзный комитет военных представителей — Верховный главнокомандующий союзными войсками — Генеральный штаб Верховного главнокомандующего — штабы главнокомандующих (командующих) союзными и белогвардейскими войсками на театрах военных действий. Несмотря на эту, казалось бы на первый взгляд, стройную систему, она с самого начала стала давать сбои, ибо оказалась неспособной объединить усилия всех противников Советской России. Главной причиной этого явились непримиримые противоречия между державами Антанты в вопросах о будущем государственном устройстве России и о сферах своего влияния на ее территории.

Лидеры белых режимов создавали свои собственные органы руководства вооруженной борьбой, которые по сути действовали независимо друг от друга.

Верховным правителем Российского государства и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России с ноября 1918 г. формально считался адмирал Колчак. В январе 1919 г. он заключил соглашение с представителями Антанты о координации планов и действий с интервентами, а также собственных планов операций с директивами Верховного главнокомандования союзных войск. Связующим звеном должен был стать командующий союзными войсками в Восточной России и Сибири генерал Жанен. В свою очередь он получил право осуществлять общий контроль на фронте и в тылу, иметь своих офицеров в белогвардейских штабах, учреждениях и частях, утверждать общие для белогвардейцев и союзных войск планы операций. При генерале Жанене находился штаб, который при решении общих оперативных вопросов тесно сотрудничал со штабом адмирала Колчака и в то же время непосредственно руководил войсками интервентов. Главным советником адмирала Колчака по вопросам тыла, организации армии и снабжения фронта всеми необходимыми средствами являлся глава британской военной миссии в Сибири генерал А. Нокс.

Адмирал Колчак как Верховный главнокомандующий сосредоточил в своих руках всю полноту политической, административной и военной власти. Ему непосредственно

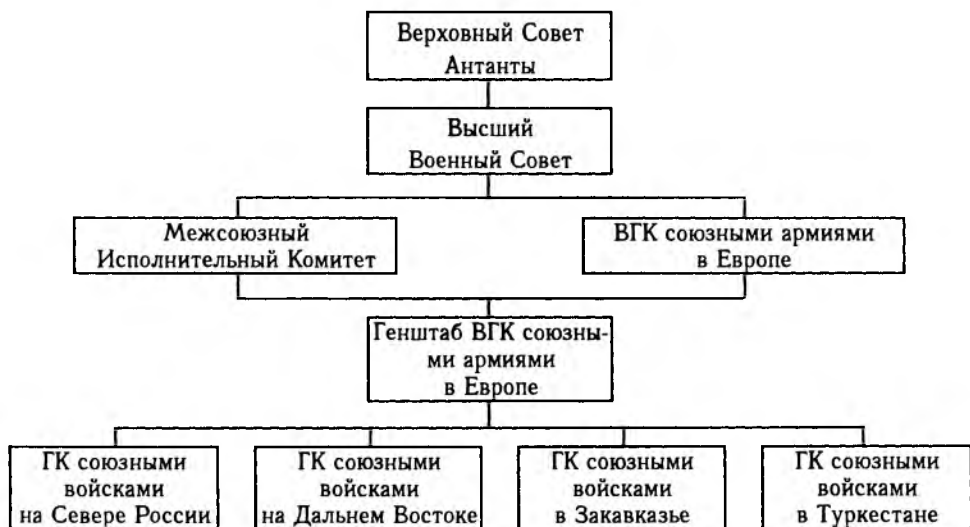

Схема 23. Система органов стратегического руководства Вооруженными силами белых режимов и интервентов (июль 1919 г.)

подчинялся штаб Верховного главнокомандующего (начальник штаба — генерал Д. А. Лебедев), решавший все вопросы по подготовке и использованию армий Колчака, планированию операций и повседневному руководству военными действиями¹⁰⁸. Управление войсками осуществлялось через командующих армиями, группами войск и их штабы, командиров корпусов. При штабе Верховного главнокомандующего находились отделы контрразведки и военного контроля, которые занимались вопросами организации разведывательной и контрразведывательной службы, а также борьбы против партизан¹⁰⁹. В июле 1919 г. адмирал Колчак упразднил громоздкую Ставку Верховного главнокомандующего, а управление армиями (корпусами) возложил на штаб Главнокомандующего войсками Восточного фронта генерала М. К. Дитерихса.

Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал Деникин управление войсками осуществлял через штаб во главе с генералом И. П. Романовским. В середине ноября 1919 г. Деникин назначил двух помощников Верховного главнокомандующего (один из них являлся одновременно начальником штаба Вооруженных сил Юга России)¹¹⁰. Генералу Деникину подчинялись командующие армиями, отдельными группами войск и командиры отдельных корпусов. При них имелись соответствующие штабы, которые включали отделы (оперативный, дежурного генерала, санитарный), управления (генерал-квартирмейстера, начальника снабжений, интенданта, инспектора артиллерии, начальника военных сообщений и др.) и различные отделения¹¹¹.

В конце мая 1919 г. генерал Деникин под нажимом союзников вынужден был признать адмирала Колчака Верховным правителем и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России, на деле все вопросы стратегического руководства генерал по-прежнему решал самостоятельно.

А с адмиралом Колчаком в определенной мере взаимодействовали назначенные им же Главнокомандующий войсками Северного фронта генерал Миллер и Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Юденич. Но в связи со значительной удаленностью этих фронтов от Ставки адмирала Колчака в Омске, оба главнокомандующих действовали чаще всего тоже совершенно самостоятельно.

Главнокомандующий Русской армией генерал Врангель руководил действиями своих войск через штаб (начальник штаба — генерал П. Н. Шатилов), командиров корпусов (с октября 1920 г. — командующих армиями) и их штабы. В непосредственном подчинении Главкома находились группа войск особого назначения, артиллерийский и танковый дивизионы, запасные части, флотилия¹¹².

В целом структура стратегического руководства белогвардейскими вооруженными силами была во многом сходна с той системой, что сложилась в первую мировую войну, и строилась в основном в соответствии с Положением о полевом управлении войсками, разработанном в 1914 г. Однако каждая белогвардейская группировка в зависимости от состава, возможностей и решаемых задач имела свои специфические особенности. Единого командования всеми белогвардейскими формированиями не было, хотя и существовал Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Но титул этот был лишь формальным, так как каждый главнокомандующий действовал по собственному усмотрению под воздействием представителей тех стран Антанты, которые имели наибольшее влияние в том или ином регионе России.

Руководство вооруженной борьбой в государствах отделившихся от России осуществлялось примерно по той же схеме. Так, в армиях Украины, прибалтийских и закавказских республик имелись свои главнокомандующие и штабы. В вооруженных силах Польши Верховный главнокомандующий осуществлял руководство военными действиями через Генеральный штаб и командующих фронтами. В состав полевого

управления Верховного главнокомандующего входили: адъютантура; генеральные инспекторы родов войск, санитарной и технической служб; Генеральный штаб; начальники служб связи, авиации, военных сообщений и другие учреждения¹¹³.

Органы стратегического руководства противоборствующих сторон значительное внимание уделяли вопросам, связанным с развитием военной стратегии, подготовкой и ведением стратегических операций.

4. Развитие военной стратегии в гражданской войне

Долгое время существовала версия об особом характере советской военной стратегии. Считалось, что она возникла после октября 1917 г. на принципиально иной политической и социальной базе, т. е. коренным образом отличалась от буржуазной военной стратегии, которая лежала в основе действий антибольшевистских сил. Эта версия теоретически обосновывалась выдвинутым еще Энгельсом и развитым Лениным положением о том, что победивший пролетариат создаст свой особый пролетарский способ ведения войны. Однако гражданская война и последующие войны XX столетия не подтвердили этот вывод. Историческая практика показала, что и капиталистические, и социалистические государства применяют в войне в основном тождественные средства и способы ведения вооруженной борьбы.

Поэтому можно полагать, что в период гражданской войны в России: борьба шла между двумя ветвями одной и той же национальной российской военной стратегии, преследовавшими различные политические цели. Последнее обстоятельство дает основание говорить и о советской военной стратегии и о военной стратегии белого движения, хотя обе стороны и использовали одинаковые средства борьбы, и базировалась на единых национальных традициях, вытекали из одной и той же научной школы, осуществлялись в соответствии с однотипными принципиальными установками, проводились в жизнь военными кадрами, выросшими на одной и той же национальной почве.

Отсюда, естественно, вовсе не следует, что стратегия большевиков и стратегия белого движения абсолютно тождественны, что у той и другой стороны не было различия в теории, характере стратегических планов и действий. Так или иначе, но коренные различия в политике не могли не отразиться как на стратегии ведения крупномасштабных операций советской России, так и на стратегии России, контролируемой белым движением. Перед красной и белой армиями ставились прямо противоположные военно-политические цели и стратегические задачи. Иной была и общая направленность стратегии большевиков и антибольшевистских сил на различных этапах войны. Немало характерных черт имели также конкретные операции, проведенные вооруженными силами противоборствовавших сторон. На всем протяжении войны стратегия Красной Армии, основанная на последовательном разгроме противника, круговой обороне и эксцентрическом наступлении противостояла стратегии белых армий и других антибольшевистских сил, в основе которой лежали преимущественно концентрические действия, удержание захваченных районов и нанесение последовательных ударов то на одном, то на другом направлении. И в этом плане правомерно говорить о советской и о белой военной стратегии.

В годы войны военная стратегия Красной Армии прошла через ряд этапов, на каждом из которых реализовывался определенный стратегический план войны, развивалась как практика, так и теория стратегии. В формировании стратегических взглядов, учитывавших особые условия войны, активно участвовали прежде всего бывшие офицеры и генералы российской армии, занимавшие ответственные должности в системе органов стратегического руководства. Вместе с тем, определенный

вклад вносили и некоторые политические и военные деятели советского государства, в том числе Троцкий, Фрунзе и др.

Важный вклад в развитие стратегии внесли сотрудники Полевого штаба РВСР, занимавшиеся обобщением опыта стратегических операций и доведением его до высшего командного состава. Оперативное управление Полевого штаба подготовило «Стратегический очерк боевых действий Красной Армии», «Краткий очерк боевых операций Красной Армии», «Стратегический обзор района Восточного фронта», военно-географический очерк «Влияние климатических условий Волжско-Камской системы на весеннюю операцию Восточного фронта» и др.¹¹⁴ Были изданы труды, разработанные сотрудниками штабов оперативных объединений, известными военачальниками и преподавателями Академии Генерального штаба¹¹⁵. Проблемы стратегии обсуждались на страницах центрального военно-теоретического журнала «Военное дело»¹¹⁶. Большую работу провела Комиссия по исследованию и использованию опыта первой мировой войны¹¹⁷. Разумеется, теоретическая деятельность в области стратегии во время войны была сильно ограничена. Новое рождалось главным образом в реальной практике стратегических действий вооруженных сил.

На начальном этапе гражданской войны (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.) основную опасность для только что созданного советского государства представляли антибольшевистские силы, утвердившиеся на Дону, Кубани, Украине, в Закавказье и в Прикаспии. В тех условиях стратегический план командования Красной Армии заключался в разгроме противника, причем до того, как он успеет консолидировать свои силы для нанесения главного удара. Прежде всего предполагалось уничтожить войска генерала А. М. Каледина на Дону, затем, не мешкая, разгромить войска Центральной рады на Украине и оренбургские казачьи формирования полковника А. И. Дутова. При реализации этого плана военные действия велись преимущественно вдоль железнодорожных направлений с целью овладеть крупными городами и узлами связи, где были сосредоточены основные запасы вооружения и продовольствия. В частности, разгром донских антибольшевистских сил был осуществлен путем концентрического наступления пяти сводных колонн, продвигавшихся одновременно по пяти направлениям, в основном вдоль железных дорог. Такой способ действий вошел в историю под понятием «эшелонная война».

На следующем этапе — при отражении вторжения германских войск (февраль—май 1918 г.) и в обстановке, сложившейся после заключения Брест-Литовского мира, основная суть стратегии большевиков заключалась в том, чтобы «...уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время»¹¹⁸. Еще в конце декабря 1917 г. только что назначенный Верховным главнокомандующим Крыленко отмечал, что действующая армия «едва ли в силах будет противостоять в ближайшем будущем серьезному натиску противника, во избежание этого необходимо иметь ввиду возможность упорядоченного и заблаговременно продуманного отступления в глубь страны»¹¹⁹. С этой целью Крыленко наметил конечный рубеж, где предстояло закрепиться армиям. Он проходил по линии Ревель—Вейсенштейн—Юрьев—Изборск—Остров—Дрисса—Борисов—Бобруйск—Мозырь—Овруч—Житомир—Могилев на Днестре—Ямполь—Оргеев—Бендеры—Аккерман. Там же вместо прежней системы непрерывной кордонной линии предполагалось создать систему «сильных и сплоченных групп в стратегических важных пунктах»¹²⁰.

Однако претворить в жизнь этот замысел не удалось из-за стихийно начавшейся демобилизации русской армии. Положение усугубило то обстоятельство, что 18 февраля 1918 г. в наступление перешли германские войска. Через три дня штаб Верховного главнокомандования принял решение о преднамеренном отходе и организации обороны на подступах к Нарве, Пскову, Острову, Невелю, Витебску, Орше,

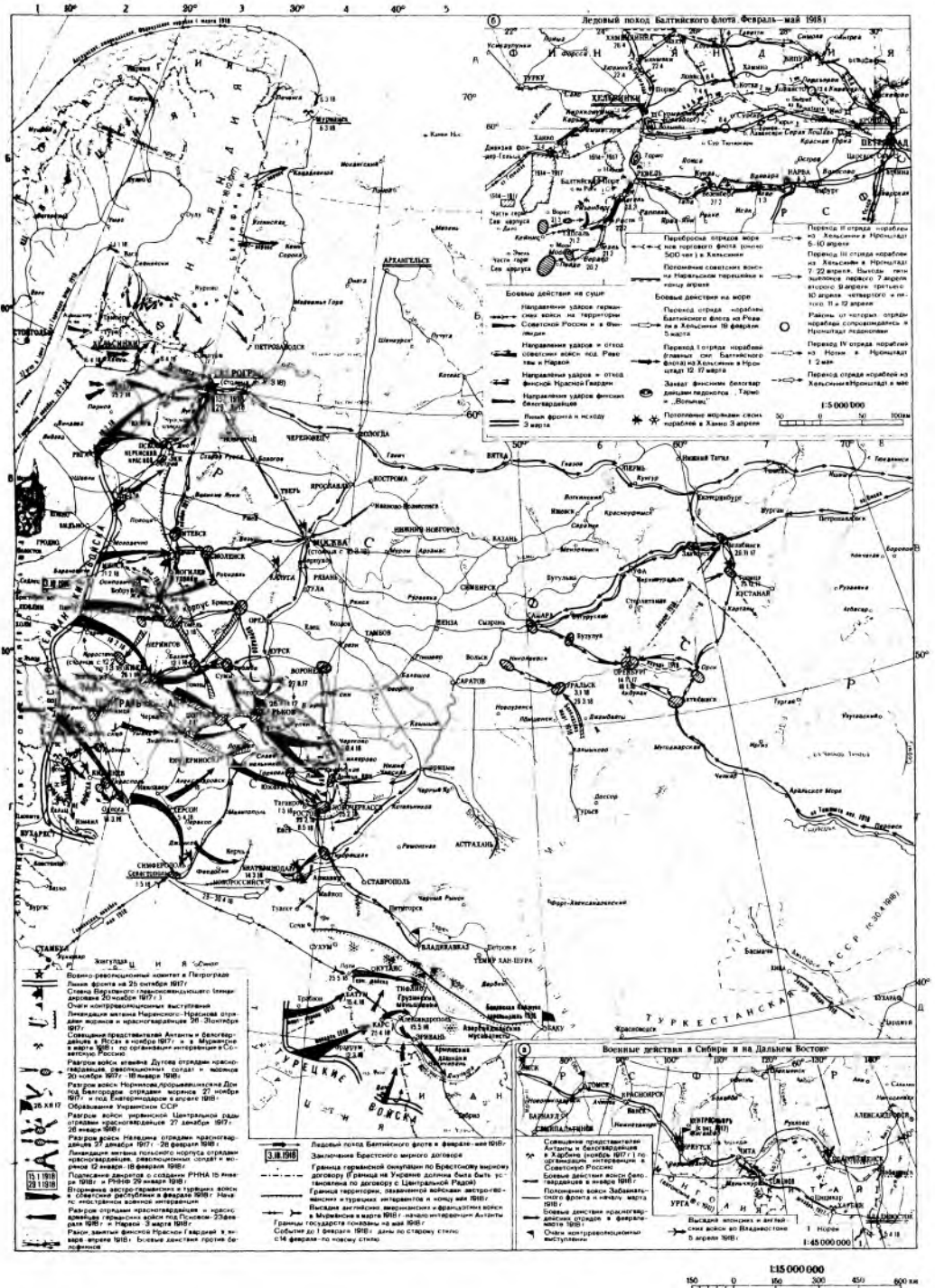

Схема 24. Начало гражданской войны и военной интервенции в России. Октябрь 1917 г. — май 1918 г.

Могилеву, Жлобину, Мозырю, Бердичеву, Вапнярке и Одессе. На командующих Северным и Западным фронтами, а также на советы городов в прифронтовой полосе возлагалась задача собрать все отступающие подразделения и части, а затем использовать их для обороны наиболее важных пунктов, подступов к крупным городам и железнодорожных узлов. Но и этот план в полном объеме не удалось реализовать. Тем не менее, в последующем именно на его основе была создана система прикрытия границ, а затем развернуты действующие фронты.

На третьем этапе, когда Советская Республика оказалась в кольце фронтов (май 1918 — март 1919 гг.), главной целью военной стратегии большевиков состояла в удержании важнейших районов страны, расширении контролируемой ими территории, срыве попыток держав Антанты создать единый антибольшевистский фронт, и в конце концов в нанесении поражения войскам интервентов и белогвардейцев порознь. С лета до осени 1918 г. основные усилия большевиков были сосредоточены на востоке страны с целью подавления чехословацкого восстания и разгрома отдельных белогвардейских формирований, а с конца года они были перенесены на юг — против армии Краснова, войск интервентов и поддерживавших их антибольшевистских сил. Первоначально оборона сочеталась с нанесением ударов по отдельным направлениям, а с конца 1918 г. Красная Армия перешла в наступление на всех фронтах.

На четвертом этапе (март 1919 г. — март 1920 г.) развернулись решающие сражения. Ведя борьбу против вооруженных сил белого движения, большевики строили свой стратегический план на последовательном разгроме армий Колчака, Деникина и Юденича путем отражения их ударов и перехода в решительное контрнаступление. При этом с весны до середины 1919 г. главным являлся Восточный фронт, где решалась важнейшая стратегическая задача — отражение наступления армии Колчака и ее разгром.

С осени 1919 г., когда генерал Деникин предпринял решающее наступление на Москву, основные усилия были перенесены на южное направление. Здесь с помощью сил, переброшенных с других направлений, и резервов были подготовлены и проведены несколько крупных операций, в результате которых противник был остановлен, обескровлен, а затем и разбит решительными контрударами с последующим переходом в контрнаступление и общее наступление. Одновременно на этом же этапе часть сил решала частные стратегические задачи по завершению разгрома войск Колчака, обороне Петрограда, разгрому армии генерала Юденича.

На пятом этапе (апрель—ноябрь 1920 г.) стратегический план большевиков также основывался на последовательном поражении, причем, вначале польских армий, а затем Русской армии генерала Врангеля. Как и в предыдущих случаях, большевики расчет строили свой на противоречиях между различными группировками противника, разгроме их по частям с быстрой переброской сил с одного направления на другое.

В дальнейшем (ноябрь 1920—1922 гг.) перед Красной Армией стояли частные военно-политические и стратегические задачи, связанные с ликвидацией оставшихся очагов сопротивления антибольшевистских сил, главным образом в Закавказье, Средней Азии и на Дальнем Востоке. Одновременно безжалостно подавлялись многочисленные крестьянские восстания, вспыхивавшие то в одном, то в другом районе.

За годы войны успехи Красной Армии постоянно чередовались с серьезными неудачами. А причина в том, что политическое и военное руководство РСФСР не раз допускало крупные ошибки. Вооруженные силы, несмотря на то, что они в ряде случаев имели численное превосходство, неоднократно терпели поражение и несли при этом огромные потери. Особенно тяжелые последствия имели Пермская катастрофа, которую пришлось пережить 2-й и 3-й армиям Восточного фронта в декабре

1918 г., развал Каспийско-Кавказского фронта в январе 1919 г., потеря Донбасса войсками Южного фронта летом 1919 г., поражение Западного фронта в районе р. Висла в 1920 г. Но тем не менее окончательная победа оказалась на стороне Красной Армии, которая в ходе пятилетней упорной борьбы разгромила своих противников. Решающую роль в этом сыграла, с одной стороны, разобщенность противников, а с другой — преимущества, вытекающие из центрального положения районов, где утвердились большевики (превосходство в людских и материальных ресурсах), проводимая ими политическая пропаганда среди населения и личного состава армии, а также созданная большевиками административно-государственная система, твердость и решимость руководства, а зачастую и более искусное ведение вооруженной борьбы.

В ходе войны Красная Армия успешно применяла все формы и виды стратегических действий, самые разнообразные способы решения стратегических задач. При этом, как правило, строго учитывались конкретные условия обстановки, всесторонне оценивалось и сопоставлялось соотношение сил и средств сторон, принимались во внимание политические и экономические факторы, ближайшие и долгосрочные последствия предпринятых действий. В этом отношении довольно характерен следующий пример. 21 апреля 1919 г. Главком Вацетис запросил Ленина, насколько с политической точки зрения допустимо продвижение частей Красной Армии в Галицию и Буковину и какую задачу можно поставить при этом войскам. Ленин на это ответил: «Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией. Эту задачу надо решить быстрее и прочнее, а за пределами этой задачи никакое занятие Галиции и Буковины не нужно, ибо украинская армия безусловно и ни в каком случае не должна отвлекаться от своих главных задач, именно: первая важнейшая и неотложнейшая — помочь Донбассу. Этой помощи надо добиться быстро и в большом размере. Вторая задача — установить прочную связь по железным дорогам с Советской Венгрией»¹²¹.

Нельзя не отметить, что политические и экономические соображения играли решающую роль при подготовке и ведении многих других операций: в борьбе с войсками адмирала Колчака и генерала Деникина, отражении наступления эстонской, финской и польской армий.

В целом при планировании и организации военных действий советское командование проявляло достаточную осмотрительность, гибкость и дальновидный расчет, хотя иногда не обходилось без попыток ставить войскам явно нереальные задачи. Но в основном силы и средства распределялись целесообразно, правильно выбирались направления и время нанесения ударов по врагу, а главное — постоянно присутствовало стремление навязать ему свою волю.

Главным видом стратегических действий Красной Армии являлось стратегическое наступление. Ведь из 31 месяца войны (с мая 1918 г. по ноябрь 1920 г.) войска красных вели наступательные действия 25 месяцев, а это составляет около 80% общей продолжительности вооруженной борьбы. Такой характер действий обуславливался теми решительными целями, которые ставились войскам, а потому вполне соответствовал маневренному характеру гражданской войны.

Уже в первые годы своего существования Красная Армия приобрела некоторый опыт наступательных операций, что позволило выработать основные принципы активного ведения войны. Так, в сентябре 1918 г. группа сотрудников Оперативного отдела наркомвоена во главе с капитаном Г. И. Теодори представила Троцкому доклад о военно-политической обстановке, сложившейся на фронтах. В докладе отмечалось, что бывшие союзники России создали три группы вторжения (северную, восточную и южную) и что необходимо разгромить их поочередно, «используя свое центральное положение и действуя по внутренним операционным линиям путем проведения

последовательных наступательных операций». С этой целью в докладе на каждом фронте были намечены главные операционные направления, а для достижения успеха составители доклада предлагали сформировать мощные подвижные силы (сверхтанковые дивизионы)¹²². О необходимости действий по внутренним операционным линиям указывал в своем докладе Реввоенсовету Республики от 29 октября 1918 г. Главком Вацетис. Он писал: «Мы должны будем снимать войска с фронта, наименее опасного, и перебрасывать их на фронт, наиболее угрожаемый, или на тот фронт, где мы собираемся нанести противнику удар»¹²³.

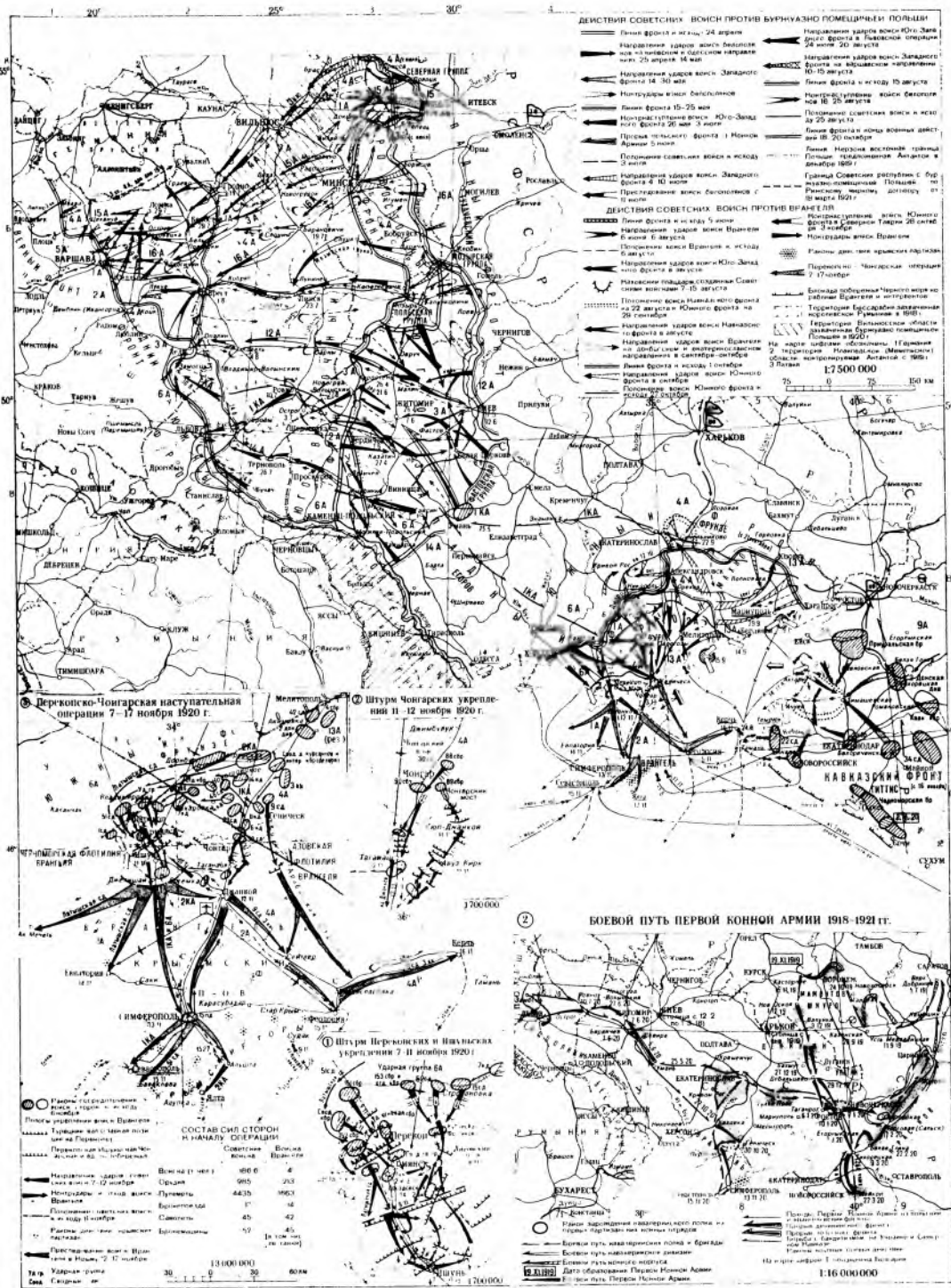
Способы ведения стратегического наступления постоянно совершенствовались и развивались. Уже в 1919 г. такое наступление представляло собой систему одно-временных и последовательных фронтовых и армейских наступательных операций, и операций групп армий, проведенных по единому замыслу Главного командования Красной Армии. Наряду с фронтами в ряде стратегических операций участвовали речные и озерные военные флотилии, а также партизанско-повстанческие формирования.

В ходе стратегического наступления обычно решались крупные задачи: нанести поражение основным группировкам войск интервентов и белогвардейцев, захватить стратегическую инициативу, овладеть важными в стратегическом и политико-экономическом отношениях районами, осуществить разгром главных группировок противника на важнейших театрах военных действий.

На различных этапах гражданской войны количество фронтов, одновременно участвовавших в стратегическом наступлении, было разным. Так, осенью 1918 г. и зимой 1918/1919 г., и ровно через год наступательные действия велись одновременно на пяти фронтах, летом 1920 г. — на двух, а осенью того же года — только на одном фронте. В большинстве случаев в результате наступления резко менялась военно-политическая обстановка, достигались те или иные военно-стратегические цели войны.

В стратегических наступательных операциях (важнейшие из них представлены в таблице 1) участвовали значительные силы: от 15 до 44 дивизий, от 67 до 150 тыс. штыков и сабель, от 260 до 900 орудий, от 1 100 до 3 800 пулеметов и т. п. При этом (кроме операций на Юге в конце 1919 и в 1920 гг.) войска Красной Армии чаще всего не имели превосходства в силах и средствах над противником или оно было незначительным.

В таких условиях исключительно важное значение приобретали решительное массирование войск, умелый выбор направлений главных ударов и создание на них подавляющего преимущества в силах и средствах над врагом. На это особо указывал уже в своем докладе Теодори, который рекомендовал «выбирать для удара наиболее важные места противника и, следовательно, наиболее опасные для нас»¹²⁴. Обычно направление главного удара на том или ином фронте определяло Главное командование Красной Армии. Иногда, что бывало редко, оно рассматривалось и утверждалось либо ЦК РКП(б), либо Политбюро и РВСР. Главный удар наносился чаще всего там, где можно было достичь наибольших военно-политических результатов, причем в кратчайшие сроки. При этом в комплексе учитывались не только военные, но и политические, экономические и даже географические факторы. Например, в операции по разгрому Вооруженных сил Юга России, которая была осуществлена объединенными усилиями Южного и Юго-Восточного фронтов, главный удар был нанесен через Харьков и Донецкий бассейн на Ростов с учетом того, что представлялась возможность рассеять основную группировку противника на две части. Но не последнюю роль играло и то обстоятельство, что на этом направлении население в основном сочувствовало большевикам, а кроме того имелись развитая железнодорожная сеть, уголь, продовольствие.

ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПРОТИВ БУРНУКОЗНО-ПОМЕЩИЧЬИХ ПОЛКОВ

Полное освобождение Киева, Зап. фронты в Бабкинской операции 24-26 августа 1920 года

Нарывление украин войск Закарпатского фронта на восточные карпатские 10-15 августа

Линия фронта и исходы 15 августа

Нарывление украин войск Савинской линии 18-20 августа

Полное освобождение восточных районов Польши, карпатские Армавы в декабре 1920 г.

ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПРОТИВ ВРАНГЕЛЯ

Линия фронта и исходы 9 июля

Нарывление украин войск Врангеля в южные Крымские горы 10-15 августа

Полное освобождение восточных районов Украины 20 сентября

Мониторинг войск Врангеля

Пересечение деп. восточных областей Украины «Червонная Армией» 7-17 ноября

Блокада «белого» Черного моря на побережье Врангеля и восточные Крымские горы 15-20 ноября

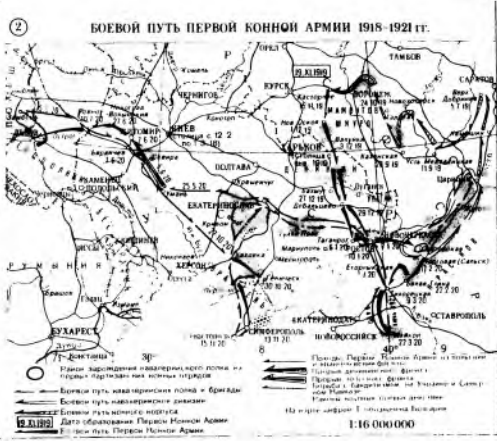
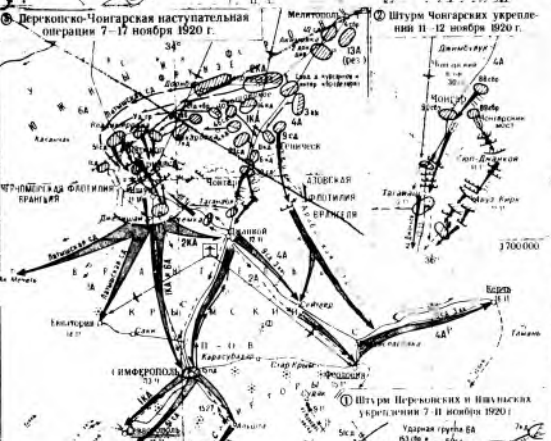
Турецкие Бурджасские захватывали Украину Румынией в 1920 г.

Грузинские Восточные области Украины освобождены 15 января 1921 года

2-й Украинский фронт (Мониторинг) Южная территория Врангеля в 1920 г.

1:7500000

75 км 150 км

СОСТАВ СИЛ СТОРОН НАЧАЛУ ОБОЮДНОСТИ

	Советские воюющие	Воюющие Врангеля
Вискоза (в чистом)	490 0	
Общая	995	263
Пулеметы	4435	965
Взрывчатые снаряды	3	46
Самолеты	45	42
Взрывчатые снаряды	67	16
Пистолеты-револьверы и револьверы	13 000	12 000
Удара оружие	30	30
Снаряды	30	30

1:3 000 000

Схема 27. Советско-польская война. Разгром Русской армии генерала П. Н. Врангеля. Апрель—ноябрь 1920 г.

Таблица 2
*Размах важнейших стратегических наступательных операций Красной Армии**

Операции, время проведения	Силы и средства к началу операции				Полоса наступления км	Глубина наступления км	Продолжитель- ность наступ- ления суток
	дивизии (бригады)	штыки и сабли тыс. шт.	орудия шт.	пулеметы шт.			
Наступление Восточного фрон- та (05.09.1918—28.02.1919)	12	75,0/70,0	260/220	1130/720	2000	150—900	177
Контрнаступление Восточного фронта (28.04.—20.06.1919)	16(7)	123,5/132,0	450/320	2000/1400	1500	350—450	54
Наступление Восточного фрон- та (05.09.1918—28.02.1919)	16(7)/43	130,0/129	500/320	2450/1230	1800	3500	201
Контрнаступление Южного фронта (11.10—18.11.1919)	20(3)/18	115,5/69,5	500/260	1950/790	750	70—160	39
Общее наступление Южного и Юго-Восточного фронтов (19.11.1919—10.01.1920)	43(6)/49	144,0/165,5	890/800	3800/3300	1500	350—550	53
Северо-Кавказская операция (17.1—07.04.1920)	31/28(2)	70,3/58,6	590/440	2730/1070	800	330—360	72
Наступление Западного и Юго-Западного фронтов (23.07—25.08.1920)	39(4)/24(2)	126,4/135,5	700/750	3370/3280	800	300—600	104
Наступление Южного фронта (28.10—17.11.1920)	23(8)/15	143,1/38,1	530/210	2660/1660	350	180—350	21

* Составлена по Гражданская война в СССР Т 1—2; Документы Российского государственного военного архива (округленные): в числителе — по войскам Красной Армии, в знаменателе — по белогвардейским и интервенционистским войскам.

В ходе операций усилия сосредоточивались, как правило, против наиболее сильной и опасной группировки противника с расчетом достижения в короткие сроки крупных политических и стратегических результатов, которые могли бы решающим образом повлиять на дальнейший ход войны.

Обычно главный удар в стратегическом наступлении осуществлялся в полосе, составлявшей 20—50% от общей ширины полосы наступления фронта. При этом степень массирования сил и средств постоянно возрастала. Так, если в 1918 г. и начале 1919 г. на направлении главного удара сосредоточивалось всего около 20% штыков и сабель, 10% пулеметов и 15% орудий, то в последующем — уже 45—70% штыков и сабель, 40—80% пулеметов, 40—80% орудий¹²⁵.

Главное командование Красной Армии неоднократно требовало от командующих фронтами более решительного массирования сил и средств на направлениях главных ударов. Так, в приказе Главкома Каменева от 26 сентября 1919 г. говорилось о необходимости на важнейших направлениях фронтов «своевременно группировать соответствующие силы и ими наносить противнику решительные удары»¹²⁶. Однако в условиях общего недостатка сил выполнение такого требования было сопряжено с большими трудностями. Обычно задача решалась за счет создания и использования стратегических резервов, а то и путем широкого маневра войсками, переброски сил и средств со вспомогательных направлений.

В состав ударных группировок, как правило, включались самые боеспособные армии, корпуса и дивизии, а также бронесилы и авиация. Особое внимание при этом уделялось использованию кавалерийских масс. Конные корпуса и армии зачастую применялись на главных театрах военных действий и важнейших направлениях. Так, в наступлении Южного и Юго-Восточного фронтов против войск Деникина в 1919—1920 гг., а также в стратегической наступательной операции Западного и Юго-Западного фронтов против польской армии в 1920 г. основу ударной группировки составляла 1-я конная армия, а в наступлении Южного фронта против войск генерала Врангеля в 1920 г. — 1-я и 2-я конные армии. Чаще всего они решали задачи, связанные с развитием тактического прорыва в оперативный, расчленением и окружением основных группировок противника и быстрым переносом усилий с одного направления на другое. Но иногда они, по опыту 2-й конной армии действовали в первом оперативном эшелоне.

В качестве главной цели стратегического наступления почти всегда ставился разгром вооруженных сил противника, его живой силы и техники. Вместе с тем большое значение придавалось также захвату важных в политическом и экономическом отношениях районов и центров, без которых страна не могла жить, а армия воевать. В этом плане особенно показательны стратегическая наступательная операция по разгрому войск Колчака, в ходе которой Красная Армия овладела Уралом и Сибирью, а также операция по разгрому армий Деникина, когда в качестве важнейшей цели ставился захват Донбасса и других индустриальных центров Украины, городов Ростова и Новороссийска.

Огромная протяженность линии фронта, достигавшая на различных этапах войны от 2,5 тыс. до 8 тыс. км, создавала свои трудности. Тем не менее, Красной Армии приходилось неоднократно переносить усилия с одного театра военных действий на другой, если там возникала главная угроза. Да и на каждом из театров нельзя было рассчитывать на достижение целей одним ударом. Это обуславливалось, с одной стороны, тем, что нередко нужно было ограничить наступательные действия, так и не завершив разгрома противника, ибо срочно требовалось перебросить силы в другой район. А с другой стороны, противник во многих случаях выводил силы из-под удара и восстанавливал разбитые группировки за счет очередных мобилизаций или иных чрезвычайных мер, а также благодаря помощи союзных держав.

Вот почему почти на всех театрах военных действий Красная Армия была вынуждена проводить ряд последовательных стратегических наступательных операций. В свою очередь каждая стратегическая операция состояла из ряда следовавших друг за другом фронтовых операций и операций групп армий, тесно взаимосвязанных по замыслу. Успешное завершение первой операции создавало условия для последующих действий. А результаты, достигнутые на одном стратегическом направлении или театре военных действий, позволяли активизировать действия на другом направлении или даже ином театре военных действий.

В ходе стратегического наступления применялись, органически сочетаясь между собой, различные виды военных действий. Чаще всего стратегическое наступление фронтов начиналось с контрнаступления. В случае успешного его развития оно перерастало в общее наступление, а последнее, если оно не завершалось достижением конечной цели на данном театре военных действий, нередко сменялось обороной. Впрочем, к обороне приходилось не раз прибегать и между последовательными операциями фронтов и армий.

Переход в контрнаступление осуществлялся обычно вслед за вынужденным отходом войск либо после более или менее продолжительной стратегической обороны на определенном рубеже. Чаще всего оно предпринималось тогда, когда ударные группировки противника теряли свой наступательный порыв, его резервы иссякали, а войска растягивались на широком фронте, обнажая свои фланги. Другими словами, выбирался момент когда противник оказывался в критическом положении, а обороняющиеся войска могли хотя бы частично восстановить свою боеспособность.

В контрнаступлении основным объектом действий, как правило, являлась глубоко вклинившаяся в оборону группировка противника. Внезапный удар наносился чаще всего во фланг или в тыл, но иногда и с фронта, чтобы расчлнить наступающие войска врага, разгромить их порознь. Так, при контрнаступлении Восточного фронта против войск адмирала Колчака умело сочетались удары с фронта с ударами на флангах. Переход в контрнаступление Южного фронта осенью 1919 г. был осуществлен фланговыми ударами в районе Орла и Воронежа по Добровольческой армии — главной ударной силе Вооруженных сил юга России, которые затем переросли в общий рассекающий удар на Харьков, Донбасс, Ростов. В контрнаступлении Южного фронта против Русской армии осенью 1920 г. было нанесено несколько фланговых ударов с целью окружить противника в Северной Таврии.

В рамках контрнаступления и последующего общего наступления каждый фронт, проводил одну за другой по две или более фронтовых наступательных операций либо операций групп армий. Так, с апреля по июнь 1919 г. в ходе контрнаступления Восточного фронта против войск адмирала Колчака были проведены три наступательные операции (Бугурусланская, Белебейская и Уфимская) силами Южной группы армий (1-й, 4-й, 5-й и Туркестанской), а также одна наступательная операция Северной группой армий (2-й и 3-й) на ижевском и глазовском направлениях. В результате основная группировка противника (Западная армия генерала М. В. Ханжина) потерпела поражение, а остатки ее были отброшены к предгорьям Урала. Затем с целью полного разгрома противника и захвата Урала Восточный фронт перешел в общее наступление, продолжавшееся с конца июня 1919 г. по начало января 1920 г. Оно включало наступательные операции групп армий — Пермскую, Екатеринбургскую, Петропавловскую, Омскую, и Новониколаевскую, а также армейские операции — Златоустовскую, Челябинскую, Красноярскую.

Дальнейшее наступление на иркутском направлении вела одна 5-я Отдельная армия. Общая глубина стратегического наступления войск Красной Армии на восточном театре военных действий составила 3,5 тыс. км и завершилась она выходом к озеру Байкал.

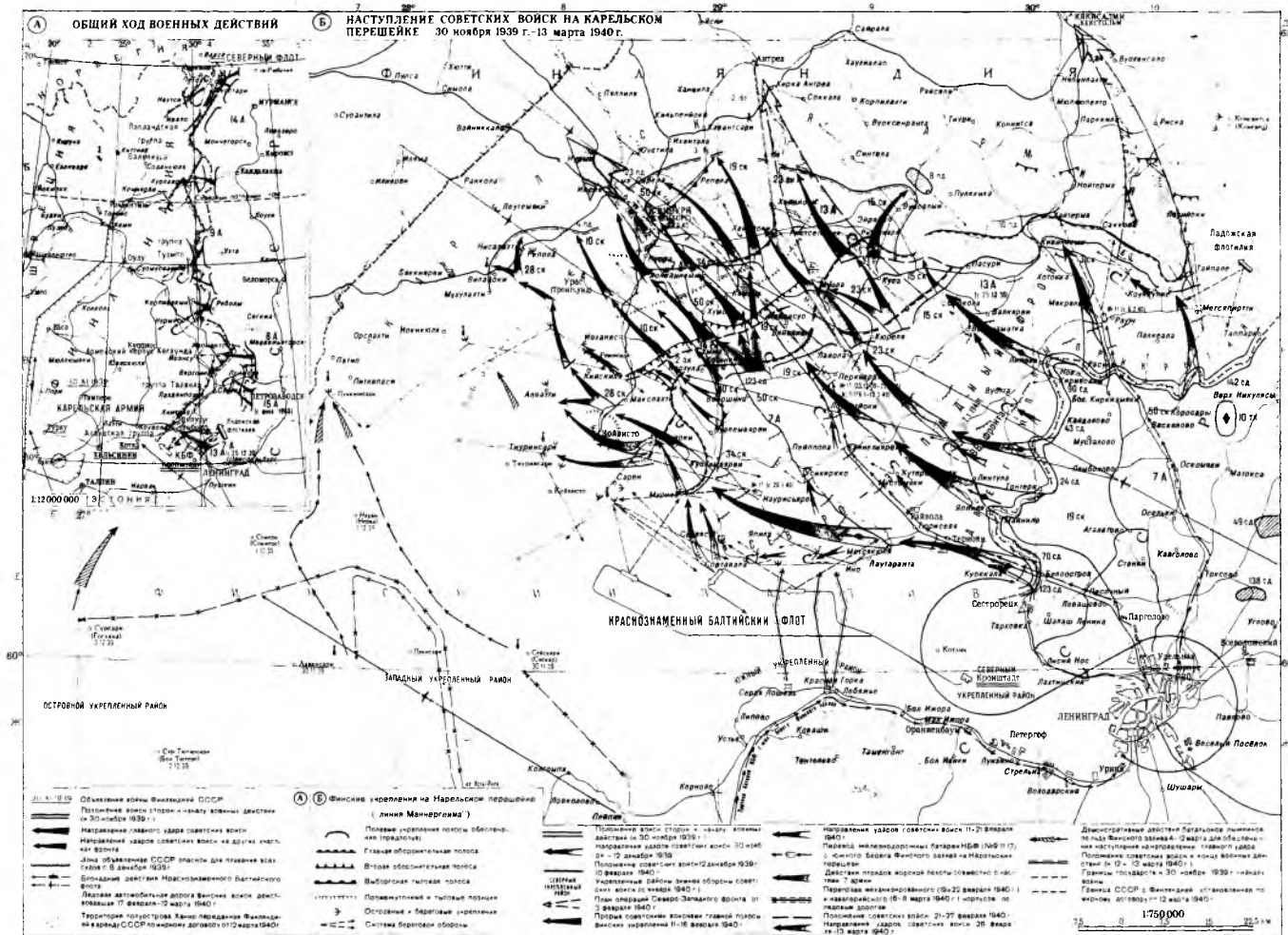

Схема 28 Разгром белофинских войск и изгнание интервентов с Дальнего Востока. Апрель 1920 г. — октябрь 1922 г.

Контрнаступление Южного фронта против войск генерала Деникина было осуществлено в ходе двух операций группы армий: Орловско-Курской (13-я и 14-я армии, а также ударная группа), продолжавшейся с 11 октября по 18 ноября в центре полосы фронта, и Воронежско-Касторненской (часть сил 13-й армии, 8-я армия и конный корпус) с 13 октября по 16 ноября 1919 г. на левом крыле фронта. В результате действовавшая на главном, московском направлении Добровольческая армия потерпела поражение. В то же время были созданы благоприятные условия для перехода в общее наступление войск Южного и Юго-Восточного фронтов. Они провели ряд последовательных операций различного масштаба: одну фронтовую (Харьковскую), две операции группы армий (Донбасскую и Ростово-Новочеркасскую) и ряд армейских операций. В итоге главная группировка Вооруженных сил Юга России была разгромлена, остатки их отброшены на Северный Кавказ. Общая глубина продвижения (от Орла до Ростова) войск Красной Армии составила почти 900 км.

С 17 января по 7 апреля 1920 г. войска Кавказского фронта провели Северо-Кавказскую стратегическую наступательную операцию. Ее цель — завершить разгром войск генерала Деникина на Дону и Северном Кавказе. На тихорецко-екатеринодаро-новороссийском направлении она также состояла из ряда последовательных наступательных операций нескольких армий, а на других направлениях — из отдельных армейских наступательных операций, осуществленных по единому замыслу. Общая глубина продвижения войск фронта в этой операции составила около 500 км. Операция завершилась полным разгромом Вооруженных сил Юга России и эвакуацией их остатков в Крым.

В 1920 г. Красная Армия провела две стратегические наступательные операции. Первую — силами Западного фронта против польской армии на минско-варшавском направлении, Юго-Западного фронта — на киевско-львовском направлении. Вторую — силами Южного фронта против Русской армии генерала Врангеля в Северной Таврии и Крыму. В первой операции войска, продвинувшись на 300—600 км, вышли на подступы к Варшаве, Люблину и Львову, но потерпели поражение в результате мощного контрнаступления польской армии в районе р. Вислы и были отброшены к Гродно и Брест-Литовску. Во второй операции были разгромлены на первом ее этапе основные силы противника в Северной Таврии, а на втором этапе — в ноябре 1920 г. полностью занят Крым. Общая глубина продвижения войск составила 180—350 км..

Приведенные примеры свидетельствуют, что в стратегическом наступлении задачи решались на больших, чем в первую мировую войну, фронтах и на большую глубину. Причем в большинстве случаев Красной Армии удавалось на довольно продолжительное время захватывать стратегическую инициативу и удерживать ее в своих руках. Удары по противнику обычно наносились с нарастающей силой, практически без продолжительных пауз, что не давало ему возможности закрепиться на промежуточных рубежах.

Новым явлением в стратегии Красной Армии в этот период стало проведение стратегических наступательных операций группой (двумя) фронтами. Правда, в те годы эта форма еще не получила законченного развития, но основные принципы ее организации сложились уже достаточно четко. К такого рода операциям могут, в частности, быть отнесены совместная операция Южного и Юго-Восточного фронтов в ноябре 1919 г. — январе 1920 г. против войск генерала Деникина, а также операции Западного и Юго-Западного фронтов в июле—августе 1920 г. против польской армии. Как правило, они отличались большим пространственным размахом и крупными оперативно-стратегическими результатами.

Существенное развитие в те годы получили также формы и способы ведения стратегических наступательных операций. В зависимости от их целей, соотношения

сил и средств, характера театра военных действий, группировки сил, протяженности и начертания линии фронта — фронты наносили концентрические, охватывающие или рассекающие удары. Например, летом 1919 г. Восточный фронт, развивая успех, нанес по противнику глубокий рассекающий удар. Осенью 1919 г. и зимой 1919/1920 гг. Южный и Юго-Восточный фронты осуществили аналогичный удар при проведении операции против войск генерала Деникина. В результате стратегический фронт белых армий был разорван, что позволило ввести в образовавшиеся бреши крупные кавалерийские силы и развить успех на большую глубину.

Широко применялась и такая форма действий, как нанесение серии дробящих ударов (2—4 и даже более) с целью изоляции и разгрома отдельных группировок противника по частям. Например, в контрнаступлении Восточного фронта в апреле—июне 1919 г. В некоторых операциях использовалось сочетание различных способов действий. Так, в стратегической наступательной операции Южного фронта, проведенной осенью 1920 г. против Русской армии, рассекающие удары сочетались с попыткой окружения оперативных группировок врага в районе Верхние и Нижние Серогозы. Еще осенью 1918 г. операции на окружение планировалась и на Восточном фронте, но из-за отсутствия достаточного количества подвижных сил и средств, которые смогли бы обеспечить быстрый выход на фланги и в тыл противника, она не удалась. На Южном фронте осенью 1920 г. окружение вражеской группировки также не увенчалось успехом, поскольку было нарушено взаимодействие между смежными армиями фронта. 4-я и 13-я армии, вынужденные преодолевать сильно укрепленную оборону противника, не смогли своевременно использовать успех 1-й конной армии, которая вышла в тыл вражеской группировке.

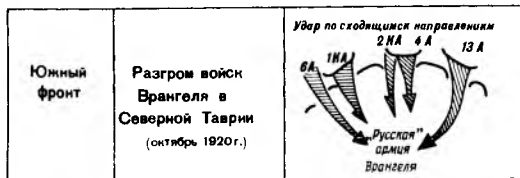
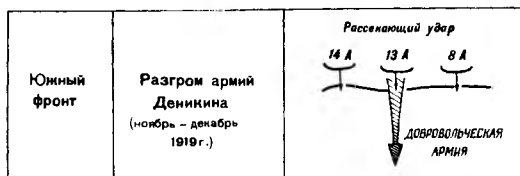

Схема 29. Основные способы разгрома противника в годы гражданской войны

фронта в октябре—ноябре 1919 г., а также Северо-Кавказская стратегическая наступательная операция в 1920 г.

В целом проблема прорыва обороны в гражданскую войну не стояла так остро, как это было в первую мировую войну, тем не менее фронтам приходилось решать и такую задачу. Обычно прорыв осуществлялся путем массирования сил и средств на направлениях наносимых ударов, образования бреши в оперативном построении

Опыт гражданской войны подтвердил зависимость успеха стратегических наступательных операций от мощи и внезапности первого удара, способности войск быстро прорываться в глубину вражеской обороны и высокими темпами развивать достигнутый успех. Так, мощный удар в конце апреля — начале мая 1919 г. главных сил Южной группы армий Восточного фронта способствовал тому, что они за 16 суток прорвались на глубину 120—150 км, что позволило им перейти к стремительному преследованию противника. Однако из-за недостатка сил и средств, сосредоточенных к началу операции, первый удар во многих случаях оказывался недостаточно эффективным. Противнику обычно удавалось подвести силы с неатакованных участков и наступление приобретало затяжной характер. Примером могут служить контрнаступление Южного

противника, ее расширения в стороны флангов и в глубину. Огромное значение придавалось развитию успеха за счет умелого наращивания усилий из глубины, использования резервов и решительных действий подвижных кавалерийских соединений. Широко применялось фронтальное и параллельное преследование отступающего противника. Особенно успешно оно практиковалось при завершении разгрома войск адмирала Колчака 5-й армией Восточного фронта, а также при действиях 1-й и 2-й конных армий в Крыму против войск генерала Врангеля.

Вместе с тем на протяжении всей гражданской войны в Красной Армии явно недооценивался такой принцип стратегии, как закрепление достигнутого успеха. Это явилось причиной целого ряда крупных поражений, особенно на советско-польском фронте в августе—сентябре 1920 г.

Важным показателем, определявшим характер и особенности стратегических наступательных операций Красной Армии в годы гражданской войны, являются данные об их размахе. Пределы, в рамках которых они колебались, были чрезвычайно широкими. Многое здесь зависело от условий театра военных действий, состава вооруженных сил сторон и других факторов. Ширина полосы наступления составляла 350—1 500 км, а иногда превышала 2 000 км. Глубина продвижения войск не превышала в некоторых операциях 70—350 км, хотя в среднем она составляла 300—600 км, в редких случаях достигала 900 и даже 3 500 км, как это было в наступлении Восточного фронта в 1919—1920 гг. Продолжительность операции обычно составляла от 20 до 72 суток, но порой превышала 3—5 месяцев, а на Восточном фронте достигла почти 7 месяцев. Среднесуточный темп наступления в 1919—1920 гг. — 7—8 км в сутки, хотя в отдельные дни войска продвигались за сутки на 15—20 км и более.

Один из отличительных критериев успешности наступательных операций — это потери, ценой которых достигалась победа. В этом отношении показатели весьма противоречивы, к тому же дело усложняется предвзятостью советской статистики.

И все же следует сказать, что абсолютные потери во многих наступательных операциях из-за ограниченности участвовавших в них войск были не столь велики. Однако применительно к первоначальному составу войск относительные потери характеризуются весьма внушительными цифрами. Так, Южный фронт за время наступления в октябре—ноябре 1919 г. потерял лишь убитыми 2,5 тыс. человек, а ранеными, контужеными, больными и попавшими в плен 38,2 тыс. человек, или 35,3% от первоначального боевого состава фронта¹²⁷. Свыше 50% от общих потерь составляли пропавшие без вести и дезертиры, что было обусловлено политическими колебаниями среднего крестьянства, нежеланием части красноармейцев отрываться от родных мест и усталостью населения от войны.

Немалые потери понес и противник. Например, одна только Добровольческая армия при отражении этого контрнаступления потеряла убитыми, ранеными и пленными около 30 тыс. человек, или 50% своего состава¹²⁸.

На Западном фронте с середины ноября до конца декабря 1919 г. потери одной ее 7-й армии составили убитыми, ранеными, контужеными, попавшими в плен, дезертирами, больными, обмороженными, замерзшими или отравленными газами около 8 тыс. человек, т. е. 22% от общего числа штыков и сабель¹²⁹. Но бывали случаи, когда успех достигался и при незначительных потерях. Так, войска 5-й армии с середины декабря 1919 г. до середины января 1920 г., действуя на направлении главного удара Восточного фронта, потеряли всего 8 человек убитыми, а раненых — 31 человека. За этот же период армия сама захватила в плен около 71,5 тыс. солдат и офицеров противника¹³⁰. Но такое случалось относительно редко, так как в большинстве других операций войска, как правило, несли ощутимые потери. Особенно значительный урон (безвозвратные потери составили 368 тыс. человек) Красная

Армия понесла в операциях против Вооруженных сил Юга России, войск генерала Врангеля и польской армии в 1919—1920 гг.¹³¹

В годы гражданской войны Красная Армия была вынуждена прибегать и к стратегической обороне. В теории и практике советской военной стратегии такая оборона рассматривалась как вынужденный вид действий. Обычно она предпринималась и велась с целью сорвать наступление крупных группировок противника на определенном театре военных действий или стратегическом направлении, удержать важные рубежи и районы, создать условия для перехода в контрнаступление.

Сложность организации и ведения стратегической обороны в 1918 г. и начале 1919 г. заключалась в том, что ее приходилось организовывать и осуществлять в условиях, когда Красная Армия не завершила еще стратегическое развертывание. Отличительная ее особенность в это время — отсутствие сплошных фронтов, высокая маневренность и активность.

Стратегические оборонительные операции проводились на всех этапах гражданской войны. В основном они предпринимались тогда, когда противнику удавалось захватывать инициативу. В общем балансе военных действий они занимают по времени примерно 20%.

Главная особенность стратегической обороны Красной Армии заключалась в сочетании обороны на одном театре военных действий или стратегическом направлении со стратегическим наступлением на других направлениях или театрах. Например, весной и летом 1919 г. одновременно велась стратегическая оборона за Западным театром и стратегическое наступление на Восточном. Не менее характерной чертой стратегической обороны было то, что она велась активно, на широких фронтах, в течение длительного времени, при почти равном соотношении сил и средств. Так, оборона Восточного фронта весной 1919 г. против наступавших войск адмирала Колчака велась на фронте более 1800 км в течение 55 дней. При этом в составе войск фронта в начале марта насчитывалось 94,8 тыс. штыков, 8,9 тыс. сабель, тогда как противостоящие армии имели в своем составе 118,5 тыс. штыков и сабель¹³². А войска Южного фронта к середине июля перешли к стратегической обороне почти на 2500-километровом фронте. К этому времени они насчитывали 157,6 тыс. штыков и 25,8 тыс. сабель, а противостоявшие ему Вооруженные силы Юга России — 104,5 тыс. штыков и 50,9 тыс. сабель¹³³.

Активность стратегической обороны выражалась в упорном удержании позиций, чтобы как можно сильнее измотать и обескровить противника, лишить его свободы маневра, а кроме того попытаться нанести сильные контрудары во фланг и в тыл его группировкам с расчетом создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление. В этом отношении особенно показательны активная оборона Восточного фронта зимой 1918/1919 гг. и весной 1919 г., Южного фронта летом и осенью того же года, Юго-Западного фронта в конце апреля и начале мая 1920 г. Причем наибольшего успеха достигали в тех случаях, когда контрудары наносили по флангам наступавшего противника и в разрывы между его войсками, как было, например, при организации контрудара войсками Восточного фронта по левому флангу Западной армии и войск Южного фронта в районах Орла и Воронежа по обоим флангам Добровольческой армии. В ходе стратегической обороны войска Красной Армии не раз оказывались в тяжелом, а то и критическом положении.

Одна из сложных проблем — создание и восстановление стратегического фронта обороны. Именно такая проблема со всей остротой встала в связи с начавшимся наступлением армий Германии и Австро-Венгрии, последующей оккупацией ими Белоруссии и Украины. Чтобы положить «предел распространению германцев внутри страны» Комитет революционной обороны Петрограда 3 марта 1918 г. принял постановление о создании Северной и Западной групп войск, Украинского и Южного

участков отрядов завесы, организации обороны важнейших военно-политических центров страны — Москвы и Петрограда

План обороны Москвы разработал военный руководитель Московского района К. К. Баиов, бывший генерал. 20 марта 1918 г. он в виде доклада был представлен в Высший военный совет. План предусматривал решение ряда последовательных задач: сдерживание противника на вероятных направлениях его наступления; оборону отдельных узлов на подступах к Москве; оборону Московского железнодорожного узла; возможное оставление Москвы и сдерживание германских войск восточнее города до подхода стратегических резервов. При этом Баиов учитывал, что для создания сплошной линии фронта вряд ли хватит времени, и сил, и средств. «Поэтому фортификационные работы, — отмечал он — должны заключаться в создании на всех важнейших направлениях узлов сопротивления, которые в своей совокупности и в соединении с имеющимися местными препятствиями в виде рек составят стратегические позиции войск района»¹³⁴. Словом, намечался переход к маневренной обороне с элементами сильно укрепленных позиций на стратегически важных направлениях. При этом предусматривалось возвести несколько оборонительных линий (рубежей). Первая линия включала отдельные укрепленные позиции, построенные в 200 км от Москвы вокруг важнейших железнодорожных узлов. В 50—100 км от города должна была проходить вторая линия, состоявшая из нескольких промежуточных позиций, а в 25—35 км — общая укрепленная позиция протяженностью около 100 км. Эта третья линия должна была охватывать Москву с севера, запада и юга, а ее емкость была рассчитана на 12—15 пехотных дивизий. Проект получил поддержку со стороны военного руководителя Высшего военного совета Бонч-Бруевича, правда, он считал, что из-за недостатка инженерных сил и средств претворить план в жизнь не представляется возможным.

В то же самое время под руководством Высшего военного совета решалась задача по организации обороны Петрограда. На подступах к городу намечалось создать ряд оборонительных рубежей. Для этой цели собирались привлечь инженерно-строительные дружины Центрального комитета военно-технической помощи и местное население¹³⁵. Однако работы велись слишком медленно, а главное — они не были увязаны с общей организацией обороны Республики. Поэтому 31 мая 1918 г. Бонч-Бруевич представил Троцкому свой доклад. Его предложение сводилось к тому, чтобы создать «общую систему фортификационной подготовки обороны страны» на случай войны с Германией¹³⁶. Проект такой системы был разработан коллегией по обороне государства Главного военно-инженерного управления под руководством военного инженера К. И. Величко. В соответствии с ним предусматривалось оборудовать укрепленную полосу из 2—3 линий общей протяженностью более 1 тыс. км. Полоса должна была огибать Онежское озеро, а далее проходить по линии р. Свирь—Ладожское озеро—Петроград—р. Волхов—озеро Ильмень—Холм—Невель—Слоним—Брянск—Орел. Для ее занятия намечалось выделить 16 пехотных дивизий. Стоимость инженерного оборудования укрепленной полосы оценивалась в 1,5 млрд. руб.¹³⁷ Однако данный проект не удалось осуществить: не нашлось ни денег, ни сил, ни времени. Поэтому укрепленные позиции были возведены только в районе Петрограда, Холма и Смоленска. И все-таки не это было главным. Дело в том, что по дополнению к Брест-Литовскому мирному договору германские войска отводились от демаркационной линии на запад. Вот почему Реввоенсовет Республики в сентябре 1918 г. решил приостановить все инженерные работы, за исключением тех укреплений, что были готовы на 50% и более¹³⁸.

Идея инженерной подготовки обороны страны получила свое дальнейшее развитие в докладе Главкома Вацетиса Совнаркому и Реввоенсовету Республики от 7 октября 1918 г. Главком предложил отказаться от строительства сплошных оборонитель-

ных линий и полос, но создать в каждом оборонительном районе свою систему оборонительных пунктов и усиленных «в инженерном отношении местных предметов». Всего на Северном фронте предусматривалось оборудовать 3 оборонительных района, на Восточном — 12, на Южном фронте — 5, а из-за недостатка сил в Западном районе обороне подготовить на важнейших железнодорожных узлах полевые позиции кругового типа¹³⁹.

Предложения Главкома нашли отражение в проекте общей системы заблаговременного укрепления фронтов, разработанном к ноябрю 1918 г. под руководством Величко. Ее основой служили полевые укрепленные районы, которые предназначались для прикрытия главных операционных направлений и защиты важных в политическом, экономическом и стратегическом отношениях центров. В апреле следующего года на совещании инспекторов инженеров фронтов были выработаны «Указания по укреплению полевых позиций». Их предполагалось создать в виде «прерывчатого ряда укрепленных опорных пунктов (участков) с более или менее значительными промежутками между ними». А в случае, если борьба за них приобретет решающее для фронта значение, предусматривалось развить оборону в глубину «до двух линий по типу укрепленной группы»¹⁴⁰. Всего в 1918—1920 гг. построили свыше 20 укрепрайонов, среди них самые крупные: Петроградский, Московский, Самарский, Саратовский, Тульский.

Одновременно с организацией полевой обороны под руководством Высшего военного совета, а затем Реввоенсовета Республики проводилась работа по организации противовоздушной обороны Москвы, Петрограда и других административных и промышленных центров. Так, с марта по май 1918 г. в подчинении начальника воздушной обороны Петрограда находились 3 авиационных отряда, 2 автомобильные и 6 железнодорожных зенитных батарей¹⁴¹. В мае Высший военный совет назначил начальника воздушной обороны Москвы, на которого была возложена разработка плана ПВО. Для противовоздушной обороны войск, прикрывавших тем летом демаркационную линию на западе страны, привлекалось 6 авиационных отрядов¹⁴². В целях предупреждения о налетах вражеской авиации развертывались сигнальные посты — посты воздушного наблюдения, оповещения и связи — в 100—120 км от городов.

С началом гражданской войны создание и восстановление стратегического фронта обороны осуществлялось с учетом особенностей стратегического развертывания Вооруженных Сил, исходя из конкретной обстановки и используя силы действовавших на соответствующих направлениях армий и фронтов. Основу обороны обычно составляли развернутые в линию общевойсковые (полевые) армии. Конные армии и корпуса, как правило, использовались для усиления обороны и ликвидации противника на важнейших направлениях и театрах военных действий. Образовавшиеся в обороне бреши чаще всего укрепляли за счет перегруппировки войск с соседних направлений или ввода в сражение резервов Главного командования.

В дальнейшем стратегическая оборона велась действующими и вновь создаваемыми фронтами, с учетом конкретной обстановки. В частности, летом 1920 г. ее вели Восточный и Западный фронты. Наиболее крупные и важные оборонительные операции Красной Армии представлены в таблице 3 (стр. 176).

Следует отметить, что нередко Красная Армия в одно и то же время на одних направлениях оборонялась, а на других вела наступление. Так, Западный фронт весной и летом 1919 г. находился в обороне, а Восточный на своем центральном участке наступал, а на фланге оборонялся.

Стратегическая оборона осуществлялась чаще всего в форме оборонительных операций фронтов или части сил одного фронта. Главная ее цель состояла в том, чтобы измотать противника, обескровить его, высвободить силы для действий на главных направлениях, а в последующем создать благоприятные условия для перехода

Таблица 3.

Размах важнейших стратегических оборонительных операций Красной Армии*

Операции, время проведения	Силы и средства к началу операции				Полоса обороны, км	Продолжитель- ность наступ- ления. суток
	дивизии (бригады)	штыки и сабли, тыс. шт.	орудия, шт.	пулеметы, шт.		
Оборона Восточного фронта (25.05—2 08 1918)		<u>53,7</u> 82,0—85,0	137	390	более 1000	70
Оборона Восточного фронта (03.03—27.04.1919)		<u>103,7</u> 116,6	<u>360</u> 303	<u>1880</u> 1358	1800	52
Оборона Южного фронта (03.07—13.08.1919)	<u>25</u> 54	<u>115,6</u> 109,5	<u>566</u> 384	<u>2712</u> 1206	2500	42
Оборона Южного фронта (13.09—10.10.1919)	<u>28(7)</u> 34	<u>152,3</u> 94,4	<u>799</u> 335	<u>3138</u> 1327	2500	28
Оборона Юго-Запад- ного фронта (03.07—13.08.1920)	<u>12</u> 8(1)	<u>20,2</u> 39,3	<u>314</u> 348	<u>1866</u> 840	более 600	31
Оборона Южного фронта (21.09—27.10.1920)	<u>25</u> 15	<u>114,8</u> 44,5	<u>768</u> 193	<u>3312</u> 998	более 600	37

в контрнаступление. При этом в рамках стратегической обороны применялись не только оборонительные, но и наступательные операции оперативного масштаба.

Оборона носила, как правило, очаговый характер в расчете на удержание наиболее важных районов, рубежей, населенных пунктов, командных высот и различного рода дефиле. Особое внимание уделялось обороне городов. Они превращались в мощные узлы сопротивления. Например, на подступах к Петрограду в 1919 г. было построено 3 оборонительных рубежа, сам город разделен на 11 узлов сопротивления, а дома, улицы и площади подготовлены к обороне. Тщательно готовилась оборона Царицына, Уральска, Оренбурга и других городов. По типу обороны городов в ряде случаев организовывалась и оборона важных рубежей. Например, на каховском плацдарме в 1920 г. было создано 3 линии обороны (внешняя, основная и предместная) с целой системой окопов, площадок для пулеметов, ходов сообщения, укрытий, проволочных и других заграждений. Впервые тогда в Красной Армии была сделана попытка организовать противотанковую оборону: установлены орудия для стрельбы прямой наводкой по танкам, фугасы; предусматривался маневр так называемых маневренных артиллерийских батарей и взводов на танкоопасные направления. В целом оборона была неглубокой, а построение войск одноэшелонным при наличии весьма ограниченных резервов: 1—2 дивизии и несколько бригад во фронте.

При ведении обороны упорное удержание рубежей и позиций сочеталось с гибким маневром силами и нанесением решительных контрударов и контратак, что соответствовало общему маневренному характеру войны. Примером высокой активности обороны может служить контрудар 13-й и 8-й армий Южного фронта (август 1919) на харьковском направлении. Благодаря ему более чем на полмесяца удалось задер-

* Составлена по материалам автора В числителе — по войскам Красной Армии, в знаменателе — по ее противникам.

жать наступление Добровольческой армии на Курск и выиграть время для усиления войск фронта резервами Главного командования и частями, переброшенными с других фронтов.

В то же время следует отметить, что далеко не всегда войска могли удерживать назначенные им рубежи. В целом ряде случаев белые армии прорывали фронт и наносили поражение отдельным группировкам. Иногда положение становилось просто критическим. Порой для ликвидации прорывов, организованного вывода сил из-под удара противника и стабилизации линии фронта принимались чрезвычайные меры. Отступление допускалось как крайняя мера обороны для того, чтобы обеспечить более благоприятную обстановку для подготовки решительного наступления. При отходе или отступлении командование Красной Армии обычно заранее устанавливало их пределы, требуя от подчиненных железной стойкости и самоотверженности. Отход, как правило, начинался с наступления темноты и осуществлялся под прикрытием сильных арьергардов, создаваемых из стрелковых частей, конницы и автобронепотрядов. Пока одни армии (соединения) оборонялись на занимаемом рубеже, другие отходили на последующий рубеж. Например, в то время как Восточный фронт наступал против войск адмирала Колчака, армии Южного фронта отходили в центральные районы страны. Осенью 1919 г., когда борьба с войсками генерала Деникина вступила в решающую фазу, войска Восточного фронта под давлением превосходивших сил противника временно отошли к р. Тобол, причём глубина отступления колебалась от 180 до 390 км.

В Красной Армии как в стратегическом наступлении, так и в стратегической обороне, активно использовались все виды Вооруженных Сил. Правда, решающая роль отводилась сухопутным войскам, хотя организационно они еще не оформились в обособленный вид.

Основная часть задач возлагалась на стрелковые войска и артиллерию. Кавалерийские соединения и объединения, как правило, использовались на главных направлениях для действий в оперативной глубине. Бронесилы применялись для усиления стрелковых и кавалерийских соединений на главных направлениях. Большая роль в операциях отводилась авиации. Основные усилия ВВС были направлены на поддержку наземных войск и борьбу с вражеской авиацией, ведение оперативной и стратегической разведки на главных направлениях на глубину от 100 до 150 км. Командование стремилось использовать авиацию массированно в интересах фронтов, решавших главные задачи.

Военно-морской флот в гражданской войне действовал, как правило, во взаимодействии с сухопутными войсками. Основными его задачами являлись: прикрытия приморских флангов армий; участие в обороне морского побережья; борьба против морских сил противника; содействие приморским и речным флангам сухопутных войск огнем береговой и корабельной артиллерии, а также высадкой десантов; осуществление морских перевозок. Значительная часть моряков (около 75 тыс. человек) принимала активное участие в боевых действиях на сухопутных фронтах¹⁴³. Однако флот предпринимал и самостоятельные операции: вел противоблокадную борьбу с флотом интервентов в Финском заливе, разведку и дозорную службу; устанавливал минные заграждения, проводил траление и т. д. Обычно такие операции осуществлялись вблизи своего побережья и в районах военно-морских баз.

В 1918 г. была осуществлена уникальная операция, вошедшая в историю под названием Ледового похода: тогда Балтийский флот был перебазирован из Ревеля (Таллинна) и Гельсингфорса (Хельсинки) в Кронштадт. Всего было переведено 236 боевых кораблей и вспомогательных судов, которые затем сыграли важную роль в совместных действиях с сухопутными войсками.

В некоторых операциях флот привлекался для огневого подавления противника, десантных действий и обеспечения форсирования водных преград. Подобные задачи ему пришлось решать, например, при обороне Петрограда и Кронштадта в 1918—1919 гг., форсировании устья Днепра и в районе каховского плацдарма в 1920 г. Крупный десант был высажен в ходе Энзелийской операции. Волжско-Каспийская военная флотилия осуществляла демонстративный обстрел побережья западнее г. Энзели, наносила артиллерийский удар с моря по береговым батареям и сухопутным позициям противника, а одновременно восточнее Энзели высадила десант численностью в 2 тыс. человек¹⁴⁴.

Военные флотилии играли важную роль. Так, летом 1920 г. Азовская военная флотилия оказала существенную помощь стрелковым войскам в их борьбе с превосходящими силами генерала Врангеля на Кубани. В разгроме десантов противника она применяла различные способы и методы: постановку мин на путях вероятного движения десанта, его блокирование с моря и поражение огнем корабельной артиллерии. Как флот, так и речные флотилии широко применяли минные постановки. Активнее всего минные заграждения в сочетании с прикрывающей их береговой артиллерией и корабельными дозорами (минно-артиллерийские позиции) использовались на Балтийском, Черном и Азовском морях, а также на реках.

Гражданская война характеризовалась широким размахом партизанско-повстанческой борьбы, которая иногда приобретала стратегическое значение. Для централизованного руководства партизанско-повстанческими формированиями в январе 1918 г. при Оперативном отделе Наркомвоенкома был создан Центральный штаб партизанских отрядов, преобразованный в сентябре того же года в Особое разведывательное отделение Оперативного отдела Полевого штаба РВСР. Кроме того, создавалась специальная сеть партийных органов. С сентября 1918 г. на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, после оккупации их германскими войсками, действовало Центральное бюро коммунистических организаций оккупированных областей при ЦК РКП(б). Со второй половины 1919 г. это руководство осуществляли ЦК компартий республик: на Украине — через Зафронтовое бюро ЦК КП(б)У, а в Белоруссии и Литве — через Бюро нелегальной работы. В Донбассе, на Дону, Кубани и Северном Кавказе еще в сентябре 1918 г. было образовано Донское бюро РКП(б), реорганизованное в сентябре 1919 г. в Донской комитет РКП(б). С октября 1917 г. по апрель 1920 г. общее руководство повстанческими и партизанскими формированиями в Закавказье и на Северном Кавказе осуществлял Кавказский краевой комитет РКП(б), преобразованный затем в Кавказское бюро ЦК РКП(б). На Урале и в Сибири на правах отдела ЦК действовало Сибирское бюро ЦК РКП(б), созданное в декабре 1918 г., на Дальнем Востоке с марта 1920 г. — Дальневосточное бюро ЦК РКП(б), а в Причерноморье — Северо-Кавказский областной комитет РКП(б), преобразованный в марте 1920 г. в Кубано-Черноморский обком РКП(б).

Партизанско-повстанческие формирования своими внезапными ударами парализовывали работу вражеского тыла, дезорганизовывали снабжение и управление войсками, оттягивали на себя с фронта часть сил армий противника.

Командование фронтов и армий поддерживало тесную связь с партизанами, координировало и направляло их усилия на решение общих задач по разгрому противника. По мере возможности партизанам оказывалась помощь оружием и боеприпасами, пропагандистской литературой и т. д. Многие города освобождались от противника совместными усилиями войск Красной Армии, партизан и восставших рабочих.

Вместе с тем, как Главное командование Красной Армии, так и командование фронтов весьма опасались возможного негативного влияния партизанщины на регулярные войска. Так, по докладу начальника Полевого штаба П. П. Лебедева Ревво-

енсовет Республики 1 декабря 1919 г. постановил прекратить формирование партизанских отрядов, а существующие отряды передать в состав отрядов особого назначения, запасных частей или вовсе их распустить¹⁴⁵. Это постановление нашло свое развитие в решениях реввоенсоветов фронтов и армий с учетом конкретной обстановки и состояния партизанских формирований. Например, РВС 5-й армии Восточного фронта 15 декабря 1919 г. «во избежание заражения партизанщиной наступающих красных полков и повторения махновщины» приказал отвести всех партизан в тыл, где уволить всех недисциплинированных, усилить партизанские отряды преданными советской власти командирами и комиссарами, а в случае отказа партизан подчиниться подвергать их «беспощадной каре» и не выдавать им «никакого снабжения»¹⁴⁶. Всего с декабря 1919 г. по март 1920 г. в состав 5-й армии вошли следующие партизанские части и подразделения: 20 пехотных и 3 конных полка, 6 кавалерийских и 1 инженерный дивизион, 1 пехотный и 2 железнодорожных батальона¹⁴⁷.

В ходе гражданской войны командование Красной Армии, опираясь на мировой опыт, вместе с тем весьма оригинально и своеобразно решало многие вопросы военной стратегии, особенно те, что связаны с организацией стратегического развертывания Вооруженных сил, планированием операций, проведением стратегических перегруппировок войск, созданием и использованием стратегических резервов.

В отличие от войн прошлого стратегическое развертывание красных и белых армий осуществлялось не по заранее разработанному плану, а распорядительным порядком на театрах военных действий и направлениях, не подготовленных в оперативном отношении. Только после более или менее четкого географического размежевания сторон оно приобрело относительно планомерный характер, но и в дальнейшем не проявилось каких-либо ярко выраженных граней между составными элементами развертывания — от мобилизации, сосредоточением сил на театре военных действий и оперативным развертыванием. Все эти задачи, как правило, решались параллельно и в центре страны, и на периферийных территориях, и в угрожаемых районах, и в зонах военных действий.

Первые план стратегического развертывания был рассмотрен и одобрен членами РВСР 9 сентября 1918 г. По предложению Главкома Вацетиса предусматривалось развернуть Северный фронт по линии железной дороги Вятка—Вологда и севернее, Восточный — в Поволжье, Южный — на Дону, Украине, Нижней Волге и Северном Кавказе, Западный район обороны — вдоль демаркационной линии¹⁴⁸. В январе 1919 г. в связи со складывавшейся военно-политической обстановкой и решаемыми Красной Армией задачами был создан Украинский фронт, в феврале — Западный, в августе — Туркестанский, в октябре — Юго-Восточный фронт. В последующем фронты развертывались в прямой зависимости от ситуации.

Несколько необычные формы приобрела система стратегического планирования операций. В начале гражданской войны планирование не всегда было возможно оттого, что органы высшего военного руководства находились еще в начальной стадии формирования, не было подготовленных кадров, отсутствовал опыт планирования военных действий в крупных масштабах да еще применительно к особенностям гражданской войны. К тому же при разработке стратегических планов штабы еще не научились учитывать объективную политическую и военную обстановку, расстановку сил внутри страны и на международной арене.

Первый стратегический план военных действий Красной Армии, разработанный Главкомом Вацетисом, в начале октября 1918 г. был направлен в ЦК РКП(б) и РВСР. Ближайшая стратегическая цель по этому плану должна была состоять в разгроме противника на Южном фронте, где сосредоточивались к тому времени главные силы Красной Армии. Восточному фронту надлежало продолжать наступление до выхода на линию Екатеринбург, Челябинск и далее в глубь Сибири. Стра-

тегический резерв Вацетис предполагал развернуть на основе двух формируемых стрелковых дивизий. Этот замысел с рядом поправок был одобрен. В апреле 1919 г. реввоенсовет Восточного фронта представил Главкому план перехода в контрнаступление с целью разгрома войск адмирала Колчака¹⁴⁹.

Главком регулярно представлял в РСВР (копии в ЦК РКП(б), Совнарком, Совет обороны) доклады о стратегическом положении на фронтах с развернутой оценкой военно-политической обстановки в стране в целом и по театрам военных действий, краткими сведениями о группировках противника и своих войсках, с задачами фронтам и замыслами операций по театрам военных действий, мероприятиями по стратегическим перегруппировкам своих войск и инженерной подготовке ТВД и др.¹⁵⁰

Детальным планированием стратегических операций и организацией их всестороннего обеспечения занимался Полевой штаб РВСР. Он разрабатывал планы, директивы и распоряжения фронтам, центральным и главным управлениям, отдельным армиям, организовывал их стратегическое взаимодействие. Одновременно проводились мероприятия по созданию стратегических группировок и их всестороннему обеспечению, организации и проведению межтеатровых и межфронтовых перегруппировок, контролю за ходом подготовки войск (флотилий) и штабов к боевым действиям. Особое внимание Главное Командование Красной Армии обращало на скрытность подготовки операций и внезапность их проведения¹⁵¹.

Основным методом работы Главного командования и Полевого штаба был распорядительный метод. В ходе переговоров по прямому проводу Главком и начальник Полевого штаба давали командующим и начальникам штабов объединений указания по подготовке соображений по дальнейшему ведению военных действий, о порядке пополнения личным составом и снабжения войск, возможных сроках готовности. Одновременно обсуждались различные варианты задач, порядок организации и проведения перегруппировок. Применение этого метода работы способствовало приближению руководства к войскам, повышению оперативности управления ими, что обеспечивало координацию действий фронтов и армий.

После разработки плана стратегической операции фронтам направлялись директивы за подписью Главкома, одного-двух членов РВСР или военкома Полевого штаба, начальника Полевого штаба. В директивах указывались цель операции, задачи войскам, порядок взаимодействия с соседними фронтами или армиями, привлекаемые силы, направление главного удара и массирование сил на нем, сроки готовности и др.¹⁵² В развитие директив фронт дополнительно получал указания, приказания Главкома и начальника Полевого штаба Реввоенсовета Республики по отдельным оперативным и организационным вопросам.

Иногда РВСР и Главком требовали от реввоенсоветов и командующих фронтами соображений на проведение операций. В ряде случаев командующие фронтами и по собственной инициативе представляли свои соображения. Примером могут служить доклад командующего Южным фронтом Фрунзе Главкому от 11 октября, а также доклады в ЦК РКП(б), Ленину и РВСР от 19 и 26 октября 1920 г. Подобная система постановки задач наряду с обеспечением жесткой централизации стратегического руководства давала возможность командующим фронтами (отдельными армиями) проявлять широкую инициативу.

Реже применялся последовательный метод работы. В этом случае объединения получали директивы Главкома, в которых указывались цель операции, задачи войск, иногда вопросы взаимодействия, срок готовности к операции и представления плана. Затем начиналась работа в штабах фронтов и отдельных армий.

При разработке планов стратегических наступательных и оборонительных операций важное значение придавалось организации и ведению стратегической разведки. Получение возможно более полных данных о военном потенциале противника, рас-

положении его сил, резервах, замыслах и планах повышало реальность и эффективность стратегического планирования.

В сложной обстановке гражданской войны, когда против власти большевиков выступали различные политические силы и страны, необходимо было оценивать противника не только в военном, но и в политическом и идеологическом отношениях. Первоначально эти требования не всегда выполнялись, что нередко приводило к серьезным просчетам. Поэтому Главком Вацетис в телеграмме председателю ВЦИК Серьезову и председателю СНК Ленину от 25 ноября 1918 г. писал: «...Считаю необходимым, чтобы в моем распоряжении находились более точные политические сведения, так как противное ведет к неожиданным результатам в работе наших штабов»¹⁵³. Просьба Главкома была удовлетворена, и уже в его докладе о стратегическом положении РСФСР от 1 декабря содержалась довольно точная оценка военно-политической обстановки на различных фронтах.

И все же анализ противника, особенно на фронтах, во многих случаях основывался на поверхностных и далеко неполных данных. Это вынудило начальника Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяева в октябре 1918 г. указать командующим фронтами: «Сведения о противнике крайне скудны. Не только неизвестны его силы, но неизвестна даже его группировка». В связи с этим он потребовал: «немедленно прислать данные о противнике и усилить разведку на важнейших операционных направлениях»¹⁵⁴.

Крупные просчеты в оценке обстановки неоднократно допускало и само Главное командование Красной Армии. Так, при подготовке контрнаступления Южного фронта в августе—сентябре 1919 г. оно планировало главный удар нанести левым крылом Южного фронта, т. е. от Царицына на Ростов через Донскую область, где казачье население из-за жесткой политики советской власти и проведенного ею «расказачивания» относилось к Красной Армии враждебно. Недооценка политической ситуации, а также нарушение взаимодействия между Особой группой В. И. Шорина и Ударной группой В. И. Селивачева привели к неудаче наступления войск Южного фронта.

При планировании операций органы стратегического руководства уделяли неослабное внимание контролю и оказанию практической помощи командованию фронтов и отдельных армий в проведении всего комплекса подготовительных мероприятий. Для этого на фронты выезжали Троцкий, члены РВСР, Главком, начальник Полевого штаба. Как правило, на местах они занимались решением вопросов подготовки резервов, обеспеченности войск военной техникой, оружием, боеприпасами, продовольствием, обмундированием. В то же время они давали указания по целесообразному применению сил и средств в операциях и уточнению задач, проверяли точность выполнения решений ЦК РКП(б), РВСР и Главкома, принимали меры для их как можно полного претворения в жизнь.

Значительную помощь фронтам центральные органы стратегического руководства оказывали также в ходе операций, особенно по обеспечению своевременного наращивания усилий, повышению устойчивости обороны и организации управления войсками. В этот период Главком и Полевой штаб осуществляли контроль за выполнением боевых задач преимущественно путем переговоров по прямому проводу с командующими, членами реввоенсоветов и начальниками штабов фронтов и отдельных армий, а в некоторых случаях с командующими армиями и даже с начальниками дивизий. В результате детального изучения обстановки часто вносились изменения в ранее принятые планы, уточнялись разграничительные линии, вводились в сражение стратегические резервы.

В ходе гражданской войны главное внимание органов стратегического руководства сосредоточивалось на создании, накоплении и использовании стратегических резервов. В начале войны большая работа по этим вопросам была проведена Ваце-

тисом, который уже в октябре 1918 г., т. е. через месяц после своего вступления в должность, разработал план формирования 11 пехотных дивизий в качестве резерва Главного командования. Одновременно по его же предложению в полосе Южного фронта началось создание резервной армии (5 стрелковых дивизий), находившейся в оперативном подчинении самого Главкома¹⁵⁵. В январе 1919 г. Вацетис сообщал председателю СНК, что в стадии еще не полной готовности находятся 7 резервных дивизий, но их хватило бы лишь для развития решительных действий на одном фронте. «Если же последние придется развивать против превосходящих сил противника на нескольких фронтах, — отмечал Главком, — то формирующихся у нас в настоящее время в тылу резервов будет недостаточно и Республика наша с точки зрения достаточности вооруженной силы для защиты не может считаться вне условий угрожаемости»¹⁵⁶.

Положение со стратегическими резервами не улучшилось и весной. По данным Полевого штаба РВСР, в резерве Главкома имелось всего 60 тыс. штыков, которые испытывали недостаток в вооружении. По подсчетам Полевого штаба, для ликвидации угрозы со стороны многочисленных противников и закрепления занимаемой Красной Армией территории стратегический резерв должен был составлять не менее 150—200 тыс. штыков¹⁵⁷.

Проблема подготовки стратегических резервов решалась двумя способами: вневоинским и воинским. Первый способ заключался в обязательном военном обучении рабочих и крестьян, «не эксплуатирующих чужого труда» (так называемый Всевобуч). Лица, прошедшие обучение по 96-часовой программе, подлежали учету как военнообязанные и по первому призыву правительства РСФСР должны были «пополнить кадры Красной Армии». По данным Главного управления Всеобщего военного обучения с сентября 1918 г. по сентябрь 1920 г. в системе Всевобуча были подготовлены около 3,7 млн. человек, сформированы и переданы Красной Армии стрелковая дивизия и бригада, 6 стрелковых и конный полк, 9 кадров резервных пехотных полков, 27 рот и 24 команды лыжников-разведчиков¹⁵⁸. Этих формирований было явно недостаточно для усиления фронтов, о чем неоднократно Вацетис сообщал в Совет обороны и РВСР. Так, в докладе от 23 апреля 1919 г. он отмечал: «...Боевое напряжение восточной половины РСФСР ослаблено необъятной организацией Всевобуча, который поглощает огромную массу командного состава и политических деятелей. Если сравнивать число командного состава (инструкторов) во Всевобуче и число таких в запасных частях Красной Армии, то оказывается, что в запасных частях на всей территории Республики число командного состава равно 5 350 человек, тогда как во Всевобуче их есть 24 000»¹⁵⁹.

Исходя из того, что Всевобуч готовит «контингенты для отдаленного будущего», Главком предложил ликвидировать его, а комсостав распределить по запасным частям Восточного фронта. Предложение Вацетиса было частично поддержано Лениным. С мая 1919 г. число обучающихся в системе Всевобуча стало сокращаться, и уже к 1 июля было отправлено на фронт или передано военкоматам для отправки в действующую армию 5 542 бывших офицера и 24 392 унтер-офицера¹⁶⁰.

В связи с тем что вневоинской способ подготовки резервов себя не оправдал, основным источником их накопления стал воинской способ: путем создания запасных и резервных формирований Главного командования, Всероссийского Главного штаба (запасные части в военных округах), фронтовых и армейских запасных и боевых формирований.

В непосредственном распоряжении главного и фронтового командования находились запасные армии. В отличие от запасных частей военных округов и действующей армии они могли не только готовить маршевые пополнения, но и укомплектовывать в весьма короткие сроки подразделения, части и соединения. В приказе

Реввоенсовета Республики от 7 августа 1919 г. указывалось: «Для создания резерва Главного командования как в виде готовых войсковых частей и соединений, так и в виде вполне подготовленных укомплектований Реввоенсовет Республики постановил: образовать в районе Средней Волги и восточных губерний запасную армию»¹⁶¹. Главком Каменев отмечал, что наиболее боевые фронты на 40% были укомплектованы Запасной армией Республики, которая дала фронтам 34% пополнения¹⁶². С сентября 1919 г. по декабрь 1920 г. в Запасной армии были сформированы и отправлены в действующую армию 2 стрелковые и 2 кавалерийские дивизии, 18 стрелковых и 4 кавалерийские бригады, 3 стрелковых и 12 кавалерийских полков, 201 маршевый батальон и 27 эскадронов, 19 артиллерийских дивизионов и 14 батарей, 26 рот, команд и батальонов других родов войск¹⁶³.

Важным способом создания резервов был вывод соединений из действующих фронтов, а также проведение местных мобилизаций. Так, к моменту перехода армий Восточного фронта за Урал их состав почти наполовину обновился за счет мобилизованных уральских рабочих. В ряде случаев проводились партийные, комсомольские и профсоюзные мобилизации. Однако они не давали существенного прироста сил. Например, к июню 1919 г. в Красную Армию были мобилизованы всего лишь 18,4 тыс. коммунистов; в мае 1920 г. на Западный и Юго-Западный фронты направлены 4,5 тыс., а в августе того же года — 5,3 тыс. коммунистов¹⁶⁴.

Стратегические резервы применялись как для создания ударных группировок, так и для решения важных задач в ходе стратегического наступления или обороны. Основная их масса использовалась, как правило, на главных направлениях с целью наращивания усилий войск. Так, в октябре 1919 г. в полосе Южного фронта, на орловско-курском направлении, была сосредоточена Ударная группа в составе Латышской стрелковой дивизии, стрелковой и кавалерийской бригад. В ходе общего наступления Южного и Юго-Восточного фронтов стратегические резервы использовались для наращивания усилий на главном — курско-харьковско-донбасском — направлении. Иногда стратегические резервы применялись для переноса усилий с одного театра военных действий на другой. С этой целью Главком вывел весной 1920 г. в свой резерв 1-ю конную армию, которая затем была переброшена с Южного театра на Западный, а осенью того же года — наоборот с Западного на Южный театр.

В оборонительных операциях стратегические резервы использовались преимущественно для создания второго стратегического эшелона в тылу фронта (например, Московско-Тульский оборонительный район на Южном фронте в 1919 г.), организации прочной обороны на вспомогательных направлениях и флангах (например на Юго-Восточном фронте в период контрнаступления Южного фронта в октябре 1919 г. и на Кавказском фронте зимой 1920 г.), для борьбы с группировкой противника, прорвавшейся во фронтовой тыл (Южный фронт в октябре 1919 г.), а также для нанесения контрударов и восстановления утраченного положения.

Главное командование Красной Армии, исходя из условий обстановки и предвидения дальнейшего хода событий, постоянно пополняло свой резерв, осуществляло перегруппировки и усиливало те направления, где ввод свежих сил мог оказать наибольший эффект. Благодаря этому достигался перевес в силах и средствах на главных направлениях, что в свою очередь обеспечивало успешное решение задач, возникавших в ходе операций. В декабре 1918 г. в резерве Главкома имелись Резервная армия (2 стрелковые и 1 кавалерийская дивизии), в январе 1919 г. — 7 дивизий, в апреле — 2 стрелковые дивизии и 2 бригады, в сентябре — Запасная армия Республики (2 стрелковые дивизии), в апреле 1920 г. — Запасная и 4 трудовые армии¹⁶⁵.

Один из самых эффективных способов активного воздействия на обстановку в стратегическом масштабе — это проведение межтеатровых и межфронтовых стра-

тегических перегруппировок. Обычно они осуществлялись с целью переноса усилий с одного ТВД или стратегического направления на другое, изменения состава или создания новых ударных группировок. Общее руководство стратегическими перегруппировками и контроль за их проведением осуществляли Главное командование Красной Армии и Полевой штаб РВСР. В первую очередь с одного театра военных действий на другой перебрасывались стратегические резервы из военных округов и Западной армии Республики. Вместе с тем предпринимались и перегруппировки войск, снимаемых со второстепенных участков фронта.

Успех перегруппировок зависел от следующих факторов: использование благоприятной обстановки; заблаговременная подготовка, тщательное планирование и четкая организация маршей и перевозок; быстрота и скрытность передвижений войск; эффективное использование всех видов и путей сообщения; всестороннее обеспечение; устойчивое и непрерывное управление; постоянный контроль со стороны командования и штабов.

Главное командование Красной Армии и Полевой штаб требовали от командующих фронтами и начальников штабов постоянно следить за ходом перегруппировок и немедленно сообщать о всех войсках отправляемых на другие фронты, или прибывающих к ним частях¹⁶⁶. В приказах на перегруппировку обычно указывалось количество перебрасываемых войск, исходный район, район сосредоточения, маршруты, норма перевозки, порядок отправки, ответственные за осуществление перегруппировки, порядок контроля, срок представления плана перевозки. В оперативной сводке и специальном донесении штабы фронтов и отдельных армий два раза в сутки передавали в Полевой штаб РВСР сведения о перевозке войск. Кроме того, ежедневно вечером дежурный по Полевому штабу запрашивал дежурных по штабам фронтов (отдельных армий) о ходе перевозки. Судя по опыту переброски из Сибири 27-й и 51-й стрелковых дивизий, средняя скорость передвижения эшелонов в 1920 г. составляла: в июле немногим более 400 км в сутки, а в сентябре — 400—500 км¹⁶⁷.

О размахе межтеатровых и межфронтовых перегруппировок свидетельствуют и такие данные. Летом 1919 г. на Южный фронт, ставший к тому времени главным фронтом Республики, были переброшены с Восточного и Западного фронтов 8 стрелковых дивизий и 5 бригад¹⁶⁸. В ходе решающих операций Южного и Юго-Восточного фронтов против войск генерала Деникина с сентября 1919 г. по март 1920 г. с других фронтов им было переброшено 10 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, 7 стрелковых и 2 кавалерийские бригады, а также большое количество отдельных частей и подразделений различных родов войск. Кроме того, командованию Юго-Восточного фронта были переданы из Туркестанского фронта 11-я армия, Астраханский укрепрайон и Волжско-Каспийская военная флотилия, а Южному фронту — 12-я армия из Западного фронта¹⁶⁹.

Показательна по своим масштабам и целям перегруппировка летом 1920 г. своим ходом 1-й конной армии с Северного Кавказа в район Умани в полосу Юго-Западного фронта. В октябре того же года она опять же своим ходом была переброшена с Юго-Западного на Южный фронт, в район Берислава. При этом в перегруппировке участвовали 4 кавалерийские дивизии, 2 отдельные кавалерийские бригады, около 21,1 тыс. бойцов, а всего 67,9 тыс. человек¹⁷⁰. В целом в годы войны 70% всех дивизий перебрасывались с одного фронта на другой, из них 52% дивизий действовала на двух, а 18% — на трех-четыре и даже пяти фронтах¹⁷¹. Некоторые дивизии перегруппировывались с одного фронта на другой по 5—7 раз и более.

Значительный опыт был накоплен в организации и проведении перегруппировок сил флота и военных флотилий. Так, летом 1918 г., когда Восточный фронт стал главным, была образована Волжская военная флотилия. В начале августа для ее пополнения из состава Балтийского флота по Мариинской водной системе были

направлены на Волгу 4 миноносца, около 120 орудий и свыше 65 тыс. снарядов¹⁷². А для защиты Астрахани и борьбы с интервентами на Каспийском море была создана Астрахано-Каспийская флотилия. На ее усиление в ноябре 1918 г. из состава Волжской военной флотилии прибыли 6 эскадренных миноносцев и 3 миноносца, а с Балтийского флота по железной дороге доставлены 4 подводные лодки¹⁷³.

Особо ответственной задачей для органов стратегического руководства во время войны были организация и поддержание стратегического взаимодействия. Основным его содержанием было согласование усилий видов Вооруженных Сил, а также тех фронтов и армий, что проводили операции на различных театрах военных действий или на стратегических направлениях одного театра. В зависимости от конкретных условий вооруженной борьбы применялись следующие способы организации стратегического взаимодействия: согласование усилий стратегических группировок войск; согласование усилий группы (двух) фронтов и родов войск, действовавших на одном театре или стратегическом направлении и решавших единую задачу; согласование усилий Красной Армии с партизанско-повстанческими формированиями.

Стратегическое взаимодействие было направлено на создание благоприятных предпосылок для успешных действий войск, выполнявших главные задачи. Это достигалось путем поддержки их действий активными операциями на других направлениях. Так, в период контрнаступления Южного фронта войска правого крыла Юго-Восточного фронта (9-я армия и Сводный конный корпус) своими активными действиями сковали главные силы Донской армии противника и лишили его возможности использовать ее соединения для усиления Добровольческой армии, по которой на орловско-курском направлении войска Южного фронта наносили главный удар.

При разгроме армий адмирала Колчака было организовано взаимодействие между Северной и Южной группами войск Восточного фронта, а при борьбе с войсками генерала Деникина — между Южным (Юго-Западным) и Юго-Восточным (Кавказским) фронтами. Так, в конце мая 1919 г. Главком Вацетис потребовал от командующих Южным и Восточным фронтами «обратить самое серьезное внимание на установление прочной и тесной связи между 11-й армией и правофланговой армией Восточного фронта»¹⁷⁴.

В оборонительных операциях при организации взаимодействия особое внимание обращалось на согласование усилий войск, наносивших контрудары или оборонявшихся на смежных направлениях. Не менее важно было сковать своими активными действиями силы противника на второстепенных участках с тем, чтобы не допустить переброски на главные направления действовавших там его войск. Например, в результате упорной обороны Астрахани и Царицына в 1918 г. войска Южного фронта сковали значительные силы противника и тем самым надежно прикрыли правое крыло Восточного фронта, решавшего главную задачу.

В большинстве случаев в ходе стратегических операций удавалось поддерживать устойчивое взаимодействие. Но было и немало примеров, когда оно нарушалось. Особенно это наглядно проявилось в действиях войск Западного и Юго-Западного фронтов в войне с Польшей в 1920 г. Вместо того чтобы сосредоточить основные усилия Юго-Западного фронта на правом крыле и далее нацелить 1-ю конную армию на Люблин и Варшаву для взаимодействия с ударной группировкой Западного фронта, как это и предусматривал стратегический замысел, главные силы Юго-Западного фронта были перенацелены на Львов, что нарушило согласованность в действиях фронтов. А все оттого, что реввоенсовет Юго-Западного фронта, неправильно оценив общеполитическую и стратегическую обстановку, не выполнил требования Главного командования. Одна ошибка повлекла за собой другие. Переоценив первоначальные действия фронтов, командование не учло возможности про-

тивника. Со своей стороны и Главком не проявил должной твердости в руководстве фронтами.

В ходе гражданской войны большое внимание Главное командование и Полевой штаб РВСР уделяли руководству тылом Вооруженных сил. Тыловое обеспечение строилось в соответствии со стратегическими планами, конкретно складывавшейся обстановкой и задачами фронтов и флота (флотилии) в стратегических операциях. В его основу был положен принцип ответственности вышестоящего командования за всестороннее, полное и своевременное материальное, транспортное и медицинское обеспечение подчиненных войск. В приказе председателя РВСР Троцкого от 17 декабря 1919 г. отмечалось: «Важнейшими вопросами нашего военного строительства является централизованная и в то же время гибкая, приспособляющаяся к местным условиям организация снабжения»¹⁷⁵. Основные усилия тыла сосредоточивались на обеспечении той группировки войск, которая выполняла главную задачу. Непрерывность наступательных операций достигалась часто благодаря тому, что войска действовали по принципу — «базы впереди», т. е. на основе использования местных средств.

Первые недели и даже месяцы после начала гражданской войны Красная Армия обеспечивалась в основном за счет тех запасов материальных средств, что остались от российской армии. Когда они закончились, возникла необходимость в создании новой системы снабжения. Учреждение в июле 1919 г. должностей чрезвычайного уполномоченного Совета обороны по снабжению (Чусоснабарм) и чрезвычайных уполномоченных фронтов, которые были введены в состав реввоенсоветов соответствующих фронтов, введение жесткой централизации снабжения позволили рационально использовать все виды довольствия, удовлетворять в первую очередь потребности тех фронтов, что в данный момент выполняли главную стратегическую задачу. Но бывали случаи, когда войска не получали из глубокого тыла многих видов довольствия, особенно в ходе наступления против армий адмирала Колчака и генерала Деникина. Тем не менее органы тыла Вооруженных Сил в тесном взаимодействии с местными органами власти и гражданскими ведомствами выполнили значительный объем задач по тыловому обеспечению армии и флота. Только с августа 1918 г. по август 1920 г. военные заготовители совместно с местными органами и аппаратом наркомпрода заготовили 334 млн. пудов хлеба. В 1919—1920 гг. по железным дорогам было пропущено 33 410 воинских поездов¹⁷⁶. Это позволило не только обеспечить своевременную переброску войск на решающие фронты, но и подвезти необходимые материальные средства для обеспечения войск.

Наряду с организацией центральных довольствующих учреждений осенью 1919 г. был создан оперативный тыл. Его глубина составляла 500 км и более. Оперативный тыл был громоздким и малоподвижным, что отрицательно сказывалось на развитии операции. Во фронтовом тылу предусматривалось иметь в наличии двухмесячный запас материальных средств, но фактически их было меньше в 3—4 раза.

Сложной проблемой была организация медико-санитарного обеспечения военных действий. Потребовалась огромная работа по развертыванию госпитальной базы в оперативном тылу и в глубине страны. Если в 1918 г. в Красной Армии госпитальная база насчитывала всего лишь 20 тыс. коек, то в 1920 г. их было уже 400 тыс. В ходе гражданской войны по всей стране, в том числе и в Красной Армии, распространились различные эпидемии, особенно свирепствовал тиф. На тысячу человек личного состава армии в 1919 г. приходилось 216 человек, а в 1920 г. — 305 человек, заболевших тифом. Но, несмотря на эти и многие другие трудности, проблема всестороннего тылового обеспечения Красной Армии в ходе напряженной вооруженной борьбы в основном была решена.

Особой задачей явилась организация охраны тыла. Она решалась путем создания специального, не входившего в состав Красной Армии, корпуса войск ВЧК (1918), а затем войск внутренней охраны Республики (ВОХР). Основной их задачей являлась борьба с бандитизмом и «контрреволюционными мятежами». Общая численность этих войск достигла 120 тыс. человек. Они состояли из отдельных бригад (каждая по 4—6 стрелковых батальонов и нескольких кавалерийских эскадронов). В наиболее трудные периоды гражданской войны войска ВОХР использовались как стратегический резерв Главного командования, а во втором полугодии 1919 г. более половины соединений войск ВОХР пришлось включить в состав действующей армии.

В военной стратегии белых армий имелось много общего со стратегией Красной Армии. И там и здесь основным видом военных действий было стратегическое наступление. Его главной целью являлся разгром войск Красной Армии на том или ином театре военных действий, овладение важнейшими политическими и экономическими центрами. Однако по сравнению с операциями Красной Армии стратегические наступательные операции белых отличались относительно небольшим размахом по фронту и глубине. Так, в марте и апреле 1919 г. армии адмирала Колчака вели наступление на глубину от 180 до 360 км, а в сентябре и октябре — от 90 до 120 км. Вооруженные силы Юга России в августе и сентябре 1919 г. проводили стратегические наступательные операции на глубину от 50 до 120 км, а в сентябре и октябре — от 170 до 200 км. Русская армия генерала Врангеля в сентябре и октябре 1920 г. наступала на глубину от 70 до 180 км.

Стратегическое наступление белых армий обычно развивалось непрерывно в течение 1—3 месяцев и включало ряд последовательных операций, объединенных единым замыслом. Особенно характерным в этом отношении является наступление войск генерала Деникина в июле—октябре 1919 г. Но чаще всего наступление белых, несмотря на первоначальные успехи, не приводило к достижению поставленных стратегических целей и полному разгрому войск Красной Армии. Это объясняется тем, что между различными группировками отсутствовало единство действий, а кроме того не хватало резервов и материальных средств. Интервенционистские войска, ввиду отсутствия в их составе объединений, стратегические наступательные операции самостоятельно не планировали и не проводили, а лишь принимали участие в операциях белогвардейцев.

При подготовке стратегического наступления командование белых армий тоже уделяло большое внимание выбору направления главного удара. Обычно он наносился на направлении, которое в кратчайшие сроки выводило к жизненно важным экономическим и военно-политическим центрам, либо он был направлен против той группировки, от поражения которой зависела устойчивость стратегического фронта Красной Армии. В ходе войны белогвардейцы тоже наносили удары с разных направлений. Так, весной 1919 г. главный удар был нанесен на востоке страны, а летом вся тяжесть борьбы против Красной Армии была перенесена на юг, в полосу действий Вооруженных сил Юга России. В соответствии с «московской директивой» генерала Деникина в июле 1919 г. белые нанесли главный удар на Москву¹⁷⁷. Одновременно предусматривалось проведение вспомогательных ударов на Москву — с севера войсками генерала Миллера, с северо-запада — генерала Юденича, с запада — польской армией, с востока — войсками адмирала Колчака. Осуществить этот план им не удалось, погубило стремление лидеров белых режимов действовать самостоятельно.

Основным способом ведения наступления являлся прорыв обороны на двух и более участках с целью развития успеха по сходящимся направлениям для последующего окружения и уничтожения оборонявшихся группировок. Но из-за недостатка сил и средств ни одной операции на окружение белогвардейцам завершить не

удавалось. Кроме того, они применяли и такие способы, как расщепление и дробление обороны (наступление ВСЮР осенью 1919 г.), фронтальный удар в целях расчленения противостоявших группировок войск Красной Армии, стремительный выход в оперативную глубину и захват важных оперативно-стратегических объектов.

В оборонительных операциях характерной особенностью было широкое применение контрударов. Судя по опыту Вооруженных сил Юга России, они осуществлялись крупными силами пехоты и кавалерии при поддержке артиллерии, танков и бронемашин. Контрудары, как правило, наносились по флангам советских армий с целью охвата главных сил, их окружения и уничтожения. Часто они наносились и по стыкам между дивизиями или армиями.

Белогвардейское командование умело применяло маневр силами и средствами. При этом перегруппировки проводились как межармейские, так и межтеатровые. В качестве примера межтеатровых перегруппировок можно назвать переброску осенью 1919 г. кавалерийских соединений и частей с Кавказа на Донбасс с целью усиления Добровольческой армии. Широкое применение нашли и межармейские перегруппировки. Так, в июне 1919 г. из состава Добровольческой армии на усиление Кавказской армии, действовавшей на царичинском направлении, были переброшены 7-я пехотная дивизия и танковый дивизион¹⁷⁸.

В отличие от Красной Армии развертывание белогвардейских армий осуществлялось в районах, в тылу которых имелись морские коммуникации. Благодаря этому обеспечивалось их снабжение материально-техническими средствами за счет поставок Антанты. На Восточном и Южном театрах военных действий, которые являлись главными, стратегическое развертывание армий адмирала Колчака и генерала Деникина проходило вдоль важнейших путей сообщения, пересекавших сельскохозяйственные регионы, где имелась прочная опора в лице зажиточных крестьян и казачества. Хотя эти пути и имели значительную протяженность, они тем не менее позволяли привлечь необходимые силы, а главное — в кратчайшие сроки войти в пределы Центрально-промышленного района

На Севере белогвардейские и интервенционистские войска тоже развертывались на выгодных операционных направлениях, имея в тылу удобную для снабжения морскую коммуникационную линию. Однако малонаселенность края, сочувственное отношение большинства местного населения к Советской власти, тяжелые природно-климатические условия не позволили создать на этом театре массовые вооруженные силы.

Оборона считалась временным видом военных действий и, как правило, организовывалась поспешно. Целью оборонительных операций являлся срыв наступления войск Красной Армии, удержание захваченной территории, выигрыш времени для накопления сил и подготовки контрнаступления. Оборонительные группировки создавались в ходе боевых действий. В ряде случаев интервенты и белогвардейцы применяли на пассивных участках фронта проволочные заграждения¹⁷⁹. Иногда оборонительные позиции и рубежи оборудовались в инженерном отношении заблаговременно. Так, во второй половине 1920 г. войска генерала Врангеля при содействии французских военных специалистов создали в своем тылу на Перекопском и Чонгарском перешейках мощную долговременную оборону. Польские войска в июле-августе того же года использовали для обороны линию германских позиций, сохранившихся со времен первой мировой войны. Она включала долговременные оборонительные сооружения с бетонированными блиндажами и пулеметными гнездами. Примером хорошо оборудованной обороны являются позиции войск адмирала Колчака на р. Вагай, в полосе действий 3-й армии Восточного фронта. Здесь были открыты окопы полного профиля с тремя рядами колючей проволоки на обоих берегах реки¹⁸⁰

Опираясь на естественные рубежи (крупные реки, перешейки на Крымском полуострове), белогвардейское командование рассчитывало стабилизировать фронт.

Хуже всего у белогвардейцев и интервентов обстояло с резервами. Несмотря на ряд насильственных мобилизаций в прифронтовой полосе и в глубоком тылу, они так и не смогли создать крупные стратегические резервы. Поэтому белогвардейское командование было вынуждено снимать с фронта и отводить в тыл сильно потрепанные части, где они по возможности пополнялись личным составом, а затем образовывали резерв армии или корпуса. Именно так в декабре 1919 г. поступило командование Добровольческой армии. В этом же месяце командование Вооруженных сил Юга России предприняло попытку создать стратегический резерв в районе Царицына путем формирования 5-го Кавказского конного и сводного пехотного корпусов¹⁸¹. Однако стремительное продвижение войск Южного фронта к предгорьям Северного Кавказа сорвало этот план.

* * *

Гражданская война в России велась в небывало ожесточенных и кровопролитных формах. Ее последствия в течение многих лет отражались на всех сторонах жизнедеятельности государства и состоянии российского общества. Страна была разрушена. Ущерб, причиненный интервенцией, в стоимостном выражении составил около 50 млрд. золотых рублей. Промышленное производство сократилось до 20—40% от уровня дореволюционной России, а сельскохозяйственное производство уменьшилось вдвое.

Общие демографические потери, по неполным данным, составили около 13 млн. человек. Тяжелейший урон понесли и вооруженные силы обеих сторон. К сожалению, сведения о них противоречивы и до сих пор не могут считаться исчерпывающими. По исследованиям, проведенным в последние годы, Вооруженные силы РСФСР в 1918—1920 гг. потеряли 5 024 088 человек, из них безвозвратные потери составили 701 847 человек, или 14% по отношению ко всем потерям. В 1921—1922 гг. общие потери составили 2 707 450 человек, в том числе 237 908 человек — на безвозвратные потери¹⁸². Всего за годы гражданской войны Красная Армия потеряла 7 731 538 человек, причем безвозвратные потери составили 939 755 человек.

Точные сведения о потерях противников Красной Армии (белых армий, интервентов и других сил) отсутствуют. Предположительно они составляют около 2,5 млн. человек¹⁸².

При анализе потерь обязательно надо иметь в виду хотя бы два обстоятельства, характерные для гражданской войны. Первое: значительную часть безвозвратных потерь составляют так называемые небоевые потери, в том числе дезертиры. В армиях противоборствовавших сторон дезертирство приняло массовый характер. Только в Красной Армии с 1 января 1919 г. по 1 декабря 1920 г. были выявлены и возвращены на службу 2 846 тыс. человек, из них 837 тыс. задержаны при облавах¹⁸³. Количество дезертиров свидетельствует о том, что население безмерно устало от войны.

Среди санитарных потерь основная часть приходилась на эпидемии. Тиф, холера, дизентерия, оспа не щадили никого. Лишь в 1918—1920 гг. в Красной Армии количество инфекционных больных составило 2 253 405 человек, из них умерли 283 079 человек¹⁸⁴.

Огромные цифры потерь свидетельствуют не только о напряженном характере военных действий, но и об издержках в военном искусстве, главным образом в области стратегии. Для достижения поставленных целей политическое и военное руководство обеих сторон шло на крайние меры, бросало в сражения недостаточные

обученные войска, начинало недостаточно подготовленные операции, в ряде случаев стремилось решить задачи, не считаясь ни с чем.

И тем не менее при всем этом в годы гражданской войны российская военная стратегия добилась значительных успехов, сумела разрешить целый ряд очень сложных проблем, связанных с особенностями вооруженной борьбы того времени.

Был найден выход из позиционного тупика, который возник еще в первую мировую войну. Основным видом стратегических действий у обеих сторон стало решительное стратегическое наступление, а главным способом его ведения — нанесение глубоких фронтальных и фланговых ударов по противнику с целью рассеяния его фронта и уничтожения основной группировки противостоявших войск по частям. В годы войны зародилась такая новая форма стратегического наступления, как операция группы фронтов. Начала применяться система последовательных операций, увязанных единым замыслом.

Вместе с тем война подтвердила, что достигнуть победы можно лишь при умелом сочетании различных видов, форм и способов стратегических действий. В связи с этим дальнейшее развитие получила стратегическая оборона.

Среди многих проблем, которые пришлось решать военной стратегии в ходе войны, наиболее острыми и трудными были проблемы организации управления, стратегического взаимодействия, обеспечения, подготовки и проведения стратегических перегруппировок, создания и накопления стратегических резервов. В их успешном решении главную роль сыграла жесткая централизация, в основу которой был положен принцип ответственности вышестоящих органов и командования. Возрастающее влияние на все стороны военных действий в годы войны оказывали морально-политические и боевые качества личного состава войск. Опыт в области военной стратегии, накопленный в годы гражданской войны, послужил основой для творческого развития ее теории и практики в последующие годы.

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНАМИ

После окончания гражданской войны правящая партия большевиков и правительство СССР, наряду с восстановлением народного хозяйства, особое внимание уделяли решению военных задач. Это логически вытекало, с одной стороны, из политических установок на построение социализма в одной, отдельно взятой стране, а, с другой — из опасения нового нападения на советскую страну. Так, в постановлении X съезда РКП(б), состоявшемся в марте 1921 г., указывалось, что империалисты готовят в ближайшее время войну, в которую будут втянуты народы Америки, Азии и Европы¹. Исходя из этого, считалось необходимым принять все меры по укреплению обороны государства, реконструкции Вооруженных Сил и повышению их боеготовности, а также по развитию военного искусства, в том числе и военной стратегии. При этом особую актуальность приобретал вопрос, какой может быть будущая война.

1. Взгляды на характер будущей войны

От выработки единых взглядов на возможный характер будущей войны зависел переход к решению других проблем. В первую очередь это позволяло установить к какой войне и с каким противником следует готовиться, какие задачи предстоит решать Вооруженным Силам, как осуществлять их строительство, какого напряжения потребует война от народа. Только уяснив характерные черты такой войны, можно правильно определить формы и способы вооруженной борьбы, выработать обоснованные требования к военной экономике, морально-политическому воспитанию воинов, установить целесообразные направления, содержание боевой и оперативной подготовки войск, командных кадров и штабов.

Вполне закономерно, что в то время к исследованию проблем характера будущей войны было приковано внимание политиков, военных теоретиков, научных организаций, руководителей стратегических органов управления Вооруженными Силами. Выступая на III съезде Советов СССР в 1925 г. с докладом «Красная Армия и оборона Советского Союза», народный комиссар по военным и морским делам, председатель РВС СССР М. В. Фрунзе говорил: «Система обороны всякой страны должна базироваться на точном и четком представлении характера возможных для этой страны военных столкновений. Характер столкновений должен нами расцениваться на основе учета трех основных моментов: 1) его социально-классового содер-

жания, 2) с точки зрения учета количества врагов и численности их сил и 3) с точки зрения учета тех технических средств, которые могут и должны быть использованы в грядущих войнах»².

При решении этой проблемы очень важен был объективный анализ исторической эпохи, реальной расстановки военно-политических сил, перспектив развития средств вооруженной борьбы, состояния и возможностей собственной армии и флота, научно-экономического потенциала страны. Несмотря на то, что все эти факторы принимались во внимание, на характер сделанных выводов больше влияли субъективные моменты, идеологические наслоения марксистско-ленинского мышления, положения официальной науки, которая в силу многих причин приноровилась давать преимущественно классовую оценку всем явлениям общественной жизни, включая и войну. Противоречия между по-настоящему научным и так называемым «партийным» подходом к проблемам военного дела и не могла не привести к серьезным расхождениям во взглядах на войну.

Политический характер войны.

При определении политического характера возможной войны отечественная военно-теоретическая мысль исходила из положения Ленина о том, что «всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия»³. Из этого, естественно следовал вывод, что будущая война против СССР не что иное, как «воспроизведение на расширенной основе классовой борьбы между империалистской буржуазией и победоносным пролетариатом»⁴. Раскрывая это положение, заместитель председателя Реввоенсовета СССР И. С. Уншлихт в 1925 г. считал, что война будет «последней схваткой мирового капитала с мировым пролетариатом»⁵.

Классовый характер возможной войны декларировался не только в официальных материалах и выступлениях политических деятелей. Он обосновывался почти во всех вышедших в то время советских теоретических трудах, принимали его как аксиому и большинство военных руководителей Красной Армии. Любые иные на этот счет высказывания рассматривались как буржуазные, а значит, глубоко чуждые, и потому беспощадно клеймились.

В марте 1922 г. было проведено совещание командного и комиссарского состава войск Украины и Крыма. Командующий в ту пору войсками Фрунзе заявил, что в будущем предстоит воевать с коалицией империалистических государств, т. е. вести войну не национальную, а революционно-классовую, чтобы обеспечить «завоевания нашей революции от покушения внутренних и внешних классовых врагов пролетариата»⁶. Аналогичной точки зрения придерживались Вацетис, Каменев, Тухачевский и др.

Что касается причин и условий возникновения будущей войны, то Тухачевский, опираясь на Ленина, например, доказывал, будто все войны — продукт классовых противоречий в обществе и развязывание их предопределено сущностью общественных антагонизмов. По его мнению, источник войн, «их генезис», лежит в самой природе капитализма пока он будет существовать, сохранится и опасность возникновения новых войн. В статье «Война как проблема вооруженной борьбы» Тухачевский отмечал: «Без новых переделов мира империализм не может существовать, ибо, как говорил Ленин, капиталистам теперь не только есть из-за чего воевать, но и не воевать, если хотеть сохранить капитализм, ибо без насильственного

передела колоний новые империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (и менее сильные) империалистские державы»⁷.

Еще более определенно на этот счет высказывался Буденный. Основываясь на положениях Ленина, он в 1930 г. делил возможные войны будущего на империалистические, колониальные, национально-освободительные и революционно-классовые. К последнему типу он относил войну между СССР и «коалицией империалистических великих держав или с их вассалами»⁸. Вывод Буденного сводился к следующему: Советский Союз будет стремиться превратить такую войну «в войну гражданскую между всемирным пролетариатом и мировой буржуазией»⁹.

О перерастании империалистической войны в войну гражданскую или национально-освободительную писали многие другие военные теоретики, в том числе А. В. Голубев. В своих рассуждениях он исходил из того, что империализм, ведя войну между своими отдельными группировками, будет «вынужден одновременно вести войну и против рабочего класса воюющих стран»¹⁰. Р. С. Циффер в своей статье «Характеристика предстоящей войны» утверждал, что в случае нападения на СССР война примет классовый характер с элементами гражданской войны¹¹. Аналогичной точки зрения придерживается и Г. С. Иссерсон в статье «Эволюция оперативного искусства». По его мнению, революционно-классовый характер будущей войны предрешает наступление новой эпохи военного искусства.

Идеологизированный подход к оценке политического характера будущей войны был закреплён и в официальных документах. Так, во Временном полевом уставе Красной Армии 1925 г. отмечалось: «Противоречия интересов буржуазных государств и СССР, при резком обострении их, могут привести к открытой организованной вооруженной борьбе, т. е. к войне». Далее подчеркивалось, что совпадение интересов Красной Армии и угнетенных трудящихся всего мира «дает ей огромный моральный перевес над армиями буржуазных государств»¹².

В 30-е годы ориентация на революционно-классовую сущность будущей войны приобрела еще более ярко выраженный характер. В периодической печати главный упор был сделан на разработку «ленинского этапа в области военной теории», преодоление «всех буржуазных военных теорий», разгром «контрреволюционных кадров и их пораженческих теорий»¹³.

И. В. Сталин всячески поощрял эти требования, постоянно твердил о приближении новой войны и о том, что следует готовиться к смертельной схватке с врагом и в политическом, и в моральном, и в военно-техническом плане. Одновременно он подчеркивал важность использования классового расслоения в стане противника. На XVII съезде ВКП(б), состоявшемся в 1934 г., Сталин говорил: «Она (война — *Ред.*) будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран»¹⁴.

В обстановке зарождавшегося культа личности одна за другой в периодической печати стали появляются статьи, полные восхваления мудрости вождя, его взглядов на войну и различные проблемы военного дела. В этом отношении особенно показательны статья Ворошилова «Сталин и Красная Армия», а также статьи, опубликованные на страницах журнала «Военная мысль», которые принадлежали перу различных авторов. Так, за 1939 г. примечательны статьи А. Кононенко «Учение Ленина-Сталина о современных войнах» и Н. А. Левицкого «Полководческая деятельность товарища Сталина». Последний утверждал, что высказывания Сталина по военно-теоретическим вопросам «составляют классические образцы практического боевого

руководства и марксистского военного мышления, на которых будут учиться поколения командиров Красной Армии»¹⁵.

В приказах наркома по военным и морским делам (с 1934 г. наркома обороны) Ворошилова в качестве первоочередной задачи требовалось изучать марксистско-ленинское учение о войне и армии. В учебных задачах на 1934 г. начсоставу РККА предлагалось быть «во всеоружии революционного учения Маркса-Ленина-Сталина, крепко помня, что нет такого участка практической работы в Красной Армии, где можно обойтись без марксистско-ленинской теории»¹⁶.

Особое внимание стало уделяться разработке так называемого нового «пролетарского» способа ведения войны на основе учения Ленина о войне и работ Сталина. В рецензии на сборник «Против меньшевистствующего идеализма в вопросах войны и военного дела» отмечалось: «Сейчас мы вступили в тот этап, когда армейское руководство и армия в целом практически выковывают это оружие мировой пролетарской революции, этот новый способ ведения войны, который есть военное выражение новых общественных отношений»¹⁷. Проповедником марксистско-ленинской теории в военном деле по праву считалась военная секция Коммунистической академии, члены которой активно боролись с любым инакомыслием в своей среде.

В целом в 20-е — 30-е годы советская военная стратегия исходила из возможности войны как между империалистическими державами, так и коалиции их против СССР. Причем в определении, какая из этих войн наиболее вероятна, единства не было. Часть военных теоретиков считала, что возможно всего война между ведущими империалистическими державами из-за дележа мира. Но большинство исходило из того, что она возникнет между империалистическими странами и Советским Союзом. Этой же точки зрения придерживался Сталин. Однако уже после второй мировой войны, которая целиком опровергла подобный вывод, он дал такое объяснение случившемуся: «...Теоретически противоречия между капитализмом и социализмом были сильнее, но на практике противоречия внутри капиталистического мира на данный момент оказались более острыми, что и привело к столкновению империалистических держав прежде всего между собой»

Надо признать, оценка возможной расстановки военно-политических сил в будущей войне против СССР в теоретических исследованиях и в практике стратегического планирования в период между гражданской и Великой Отечественной войнами неоднократно менялась. В 1926 г., например, военный теоретик Я. М. Жигур в своей статье «Угроза войны» доказывал, что основная военная опасность для страны создается на его западных границах. По его мнению, это обуславливалось следующими аспектами: возобновлением польско-румынского военного союза, направленного своим острием против СССР; заключением Румынией договоров и военных соглашений с Италией и Францией; существованием фактического военного сотрудничества Польши, Латвии и Эстонии; наличием польско-французского союзного договора и военной конвенции, соглашений Польши с Чехословакией, Малой Антантой, Латвией и Эстонией, Румынии с Чехословакией и Югославией. «В се это вместе взятое, — писал Жигур, — создало значительные внешнеполитические предпосылки для подготовки наших соседей под прямым нажимом Англии к войне против нашего Союза»¹⁸.

Примерно такая же оценка лежала и в основе реального стратегического планирования. Штаб РККА в 20-х и начале 30-х годов считал, что явно враждебными по отношению к Советскому Союзу государствами являются прежде всего Великобритания, Франция, Польша и Румыния, а отчасти Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Считалось, что, в случае нападения этих стран на СССР, США, Чехословакия, Венгрия, Югославия, Болгария и Греция могут примкнуть к ним или предоставят в их распо-

ряжение свои военно-экономические ресурсы и коммуникации. На Дальнем Востоке в 20-х годах в качестве реального противника рассматривался Китай. С захватом в 1931 г. японцами Маньчжурии главным врагом СССР на Дальнем Востоке естественно стала Япония. Предполагалось, что, в случае возникших для Советского Союза затруднений в войне на Европейском театре, Япония может воспользоваться ими, чтобы предъявить свои права на Дальний Восток.

Соответственно с этим в тот период предусматривалось три возможных варианта будущей войны:

— нападение на границы СССР вооруженных сил Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы при поддержке их материально-техническими средствами Великобритании и Франции, но нейтралитете Германии;

— нападение на западные границы Союза вооруженных сил сопредельных государств, частично поддержанных вооруженными силами Великобритании, Франции и других крупных империалистических держав; при этом ВМС и ВВС Великобритании постараются использовать базы Эстонии, Латвии и Литвы;

— нападение одновременно на западные, южные и восточные границы СССР вооруженных сил Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Франции и Великобритании (через Турцию, Персию, Афганистан), маньчжурских милитаристов и Японии»¹⁹.

Впрочем, предпочтение отдавалось первому варианту.

С середины 30-х годов, когда оформился военно-политический блок Германии, Италии и Японии, оценки в СССР круто поменялись. Считалось, что он должен быть готов к войне на два фронта: на западе — против нацистской Германии и ее союзников, а на востоке — против Японии. Большие опасения вызывала в то время позиция Великобритании, Франции и США. Многие советские политические и военные деятели были убеждены, что цель западных демократий — натравить Германию и Японию на СССР. На сей счет в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии прямо заявлялось: «В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия»²⁰. В конце 30-х годов, в связи с той непримиримой позицией к СССР, которую заняли западные державы в период войны с Финляндией, к потенциальным противникам СССР, кроме Германии и Японии, добавились Великобритания и Франция.

В 1941 г., в самый канун Великой Отечественной войны, в Советском Союзе определились наконец с главными противниками. Считалось, что это будут Германия и Япония. Надо отметить, что в теории советской военной стратегии и до того эти два государства определялись как основные источники военной угрозы, но уровень ее явно недооценивался. Так, Л. С. Амирагов в статье «О характере будущей войны» еще в 1934 г. писал, что следует ожидать вполне возможным образование против СССР коалиции стран во главе с Германией и Японией. Но, по его словам, эта коалиция не может быть единой из-за внутриклассового антагонизма, вследствие чего источники сил антисоветской коалиции будут сужены. Тем не менее, война против СССР, подчеркивал все тот же Амирагов, «превратится в целую систему революционных, национально-освободительных войн», исход которых решится на фронтах СССР. «Это будет война, — писал он, — где противник наш будет иметь не-

сколько внешних фронтов большой войны и сплошной фронт гражданской войны в тылу, внутри страны»²¹.

Непримиримый классовый характер войны предполагал решительные и ожесточенные формы ее ведения. Отмечая это, Фрунзе в своем докладе на заседании Военно-научного общества говорил еще в 1925 г.: «Это не будет столкновение из-за пустяков, могущее найти быстрое разрешение. Нет, это будет война двух различных, исключаящих друг друга общественно-политических и экономических систем»²². А раз так, то это будет борьба не на живот, а на смерть, это будет борьба до конца, до победы той или другой стороны.

Военные теоретики полагаали, что во всех случаях победу одержит именно Советский Союз. Эта непререкаемая уверенность была основана на том, что только он является государством с передовым общественным, государственным и экономическим строем, пользующимся поддержкой трудящихся всего мира. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии указывалось: «Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран»²³. Уверенность в победе основывалась прежде всего на растущей мощи Советского Союза и его Вооруженных Сил, а также на моральной поддержке трудящихся всех стран, якобы «кровно заинтересованных в сохранении мира». Отмечалось, что в случае нападения империалистических держав на СССР в них вспыхнет революция, а в ходе своего наступления советские войска встретят поддержку рабочих и крестьян этих стран. Последующие события показали, что уверенность в победе СССР не была умозрительной, но наивными оказались расчеты на мировую революцию.

В предверии войны ЦК ВКП(б) и правительство СССР так и не сумели до конца избавиться от прежних иллюзий. В то же время они стали проявлять большую осмотрительность, чтобы не дать втянуть страну в войну на двух фронтах, а главное — против коалиции ведущих держав. С этой целью руководство Советского Союза всячески лавировало, стремясь использовать разногласия между другими государствами. В расчет не принимались никакие этические нормы, зачастую использовались шантаж и обман, и все это мотивировалось интересами защиты Советского Союза.

Стратегия гибкого лавирования нашла свое отражение в договорах, подписанных СССР: с Францией и Чехословакией о взаимной помощи в 1935 г., с Китаем в 1937 г., в попытках заключить с Францией и Великобританией соглашение накануне второй мировой войны и, наконец, в подписанном 23 августа 1939 г. с Германией договора о ненападении и секретных протоколах к нему о разграничении сфер влияния, а также в договоре о нейтралитете с Японией 1941 г. Все это явилось крутым поворотом во внешнеполитическом и стратегическом курсе СССР. В какой-то мере это, вольно или невольно, вошло в условия развязывания второй мировой войны, хотя, конечно, в ее основе лежали более глубокие причины.

Война была неизбежна, а решение Гитлера о нападении на Польшу предопределено еще раньше. Вместе с тем, надо признать, что в значительной степени действия правительства СССР были вынужденными. С одной стороны, они опрокинули расчеты на создание единой антисоветской коалиции, а с другой — позволили советскому руководству выиграть время для укрепления обороны страны.

Стратегический характер войны

В столь же сложной борьбе формировались взгляды на стратегический характер возможной войны. Дело в том, что из опыта минувших войн делались самые

различные выводы, что, разумеется, не могло не отразиться и во взглядах на то, какой будет новая война.

Уже в 20-е годы оформились и столкнулись две противоположные точки зрения. Одну из них представляли А. И. Верховский, А. А. Свечин, Н. А. Морозов, Н. Е. Какурин, М. А. Баторский и некоторые другие военные теоретики. В ее основе лежало утверждение, что в техническом оснащении Красная Армия не может сравниться с армиями ведущих капиталистических держав. Поэтому она должна исходить из тех способов борьбы, где можно в полной мере использовать свои преимущества в огромных людских ресурсах и моральном потенциале. Бывший подполковник Баторский, в 1921 г. начальник штаба Западного фронта, писал, например, что «относительное богатство техникой, особенно в классовой войне, не имеет столь большого значения, как соответствующая подготовка командования и войск и их моральное превосходство»²⁴.

Ярким представителем старой школы был видный военный теоретик и историк Свечин, в те годы преподаватель Академии Генерального штаба РККА.

В своих капитальных трудах «Стратегия», «Эволюция военного искусства», «История военного искусства» и др. он дал блестящий обзор развития военной стратегии, обосновал важнейшие ее принципы, сформулировал основы разработки и реализации политического, стратегического, экономического и дипломатического планов войны. И все же в оценке перспектив он исходил из упрощенной схемы, не разглядел уже обозначившихся новых тенденций. Свое внимание он сконцентрировал на двух основных стратегических концепциях возможной войны: стратегии сокрушения и стратегии измора. Сам-то он, в принципе, отдавал предпочтение стратегии сокрушения, так как стратегия измора, по его собственным словам, вела «к затрате гораздо больших средств, чем короткий сокрушительный удар в сердце неприятеля»²⁵. Тем не менее, учитывая объективные возможности Красной Армии, он полагал, что в будущей войне ей придется придерживаться главным образом именно этой стратегии.

Безусловно для таких выводов в 20-е годы имелись некоторые основания. Но они не соответствовали общим тенденциям развития военного дела, а главное — противоречили целям и планам советского руководства. Другое направление представляло более молодое поколение военных специалистов, а также часть военных деятелей, выдвинувшихся в ходе гражданской войны. Наиболее дальновидными среди них были Фрунзе, Тухачевский, Триандафиллов и др. В основе их взглядов лежало предположение, что предстоящая война будет основываться на широком применении новейшей военной техники, явится войной многомиллионных механизированных армий, а поэтому неизбежно примет самые решительные и активные формы.

Среди тех, кто яростно критиковал идеи Свечина и его сторонников стратегии измора, особенно выделялся Тухачевский. На публичном разборе труда «Стратегия», состоявшемся в 1931 г. в Коммунистической академии, он назвал Свечина «агентом интервенции империализма», а его труд «пораженческим» применительно к СССР²⁶. Ему вторил Голубев, который заявил, что теория измора Свечина является «по существу вредительской для Красной Армии»²⁷. А М. Р. Галактионов в своей статье «Задачи большевистской критики на военно-научном фронте» отмечал, что «развернутое наступление социализма по всему фронту есть одновременно наступление марксистско-ленинской теории на всех участках теоретического фронта»²⁸. Далее он, не обременяя себя доказательствами, отнес взгляды Свечина к числу «вредных» и выступил против механического противопоставления стратегии сокрушения и измора, так как, по его мнению, в эпоху империалистических войн и пролетарских революций будет иметь место борьба противоречивых тенденций — сокрушительного удара и борьбы на истощение²⁹.

А тем временем начатая травля набирала обороты. Огульному шельмованию подверглись взгляды не только Свечина, но и Верховского, Морозова и других теоретиков. Так Б. М. Фельдман в своей книге «К характеристике новых тенденций в военном деле», вышедшей в свет в 1931 г., подчеркивал, что «нам совершенно классово-враждебны тенденции отрицания стратегии сокрушения и подмены ее философией о войне на измор»³⁰. Он утверждал, что теория войны на измор имеет известный базис только в капиталистических странах.

Следует иметь в виду, что новая теория стратегии, в первую очередь система взглядов на будущую войну, формировалась не только в столкновении различных точек зрения внутри страны, но и в борьбе с военными теориями, рождавшимися за рубежом. Причем надо отметить, что вначале к этому относились довольно терпимо: труды ряда западных военных теоретиков были не только переведены на русский язык, но и опубликованы. Однако и на Западе в вопросе о будущей войне господствовал полный разнобой.

Немецкий генерал Э. Людендорф и англичанин Джемс, например, исходили из того, что в войне с Советским Союзом могут оправдаться принципы военных действий, сложившиеся в годы первой мировой войны. Другой британский генерал В. Лефебюр в своей книге «Решающее наступательное значение новых боевых средств» доказывал, что война, которая примет решительный характер, будет вестись с широким применением химического и бактериологического оружия, танков и авиации. Итальянский генерал Э. Бастико обосновывал маневренный характер будущей войны, не исключая, однако, возникновения позиционных форм борьбы³¹. Его поддерживал французский генерал Ф. Кюльман. В своей «Стратегии» он писал о возможности ведения как маневренных, так и позиционных операций, но при этом подчеркивал, что война не может быть длительной.

В противовес ему некоторые военные теоретики предсказывали затяжной характер будущей войны. Это, в частности, обосновывал в своем труде «Современное развитие способов ведения (методов) войны» французский генерал Рекен. Генерал Д. Фуллер, Х. Сект, Б. Лиддел Гарт, наоборот, преувеличивали роль наземных войск в войне, особенно механизированных, малых, профессиональных армий. В свою очередь итальянский генерал Д. Дуэ был сторонником ведения воздушной войны «независимой воздушной армией», которая сначала должна завоевать господство в воздухе, а затем нанести удар по наземным силам противника, чтобы сломить его моральное и материальное сопротивление³².

Надо признать, что среди всей этой мозаики весьма противоречивых установок советская военная стратегия сохранила свою национальную самостоятельность, и ее дальнейшее развитие шло также самостоятельным путем.

Советские военные теоретики уже в 20-х годах исходили из того, что в своей основе предстоящая война будет всеобъемлющей, длительной и предельно напряженной. В ходе ее военные действия приобретут исключительно активный, преимущественно наступательный и главным образом маневренный характер. Это будет война техники, война моторов, но вместе с тем величайшим состязанием морально-боевых качеств воинов.

Эти положения в концентрированной форме были сформулированы еще Фрунзе. В статье «Фронт и Тыл в войне будущего» он писал: «Опыт войны показал, что достижение целей войны в современных условиях стало делом значительно более сложным, чем прежде... Даже полное поражение армий противника, достигнутое в определенный момент, не обеспечивает еще конечной победы, поскольку разбитые части имеют за собой экономически и морально крепкий тыл. При наличии времени и пространства, обеспечивающих новую мобилизацию людских и материальных ресурсов, необходимых для восстановления боеспособности армии, последняя может

легко воссоздать фронт и с надеждой на успех повести дальнейшую борьбу... При столкновении первоклассных противников решение не может быть достигнуто одним ударом. Война будет принимать характер длительного и жестокого состязания, подвергающего испытанию все экономические и политические устои воюющих сторон. Выражаясь языком стратегии, это означает переход от стратегии молниеносных, решающих ударов к стратегии истощения»³³.

Правда Тухачевский первоначально отрицал возможность прогнозирования войны на далекую перспективу. В своей брошюре «Вопросы современной стратегии», изданной в 1926 г., он утверждал, что «ответить на вопрос — какой характер будет иметь вся будущая война — невозможно, ибо по мере своего развития война меняет свои формы, свой характер и предугадать их заранее нельзя». Далее он писал: «Мы можем предугадать, предусмотреть формы будущей войны лишь для ее первого периода на основе характера развития вооруженных сил, подготовки и милитаризации промышленности стран, вступающих в войну, и т. д. Мы можем на основе постоянного изучения этих основных факторов сделать заключение, дать приближенную фотографию характера первого периода войны. Но нет никакого сомнения в том, что формы войны в дальнейшие периоды ее будут, развиваясь и вытекая друг из друга, изменяться». И все же он приходит к такому выводу: «Основной чертой современных войн является грандиозный размах и по тем экономическим средствам, которые применяются в войне, и по людским ресурсам, которые ее питают, и по пространству, занимаемому воюющими, и, наконец, по продолжительности»³⁴.

Выяснению стратегического характера будущей войны большое внимание уделяли И. И. Вацетис, Б. М. Шапошников, А. М. Зайончковский, А. И. Корк, А. М. Вольпе, А. Н. Лапчинский и др. Несмотря на отдельные разногласия, все они исходили из того, что будущая война станет мировой, приобретет огромный размах и будет характеризоваться рядом новых черт как по количеству участвующих в ней людских масс, пространству и продолжительности, так и по экономическим средствам, питающим войну. Они были убеждены, что воевать будут многомиллионные армии, оснащенные самым современным оружием и военной техникой. Военными действиями будут охвачены огромные территории на суше, на море и в воздухе. Воевать будет весь народ, вся страна, величайшее напряжение испытает весь государственный организм. Поэтому к войне надо заблаговременно готовить всю страну в экономическом, военном и моральном отношениях.

В своем труде «О военной доктрине будущего», изданном в 1923 г., Вацетис писал, что новая военная техника (авиация, подводные лодки, радио) раскрепостила традиционную стратегию и раздвинула границы театров военных действий до бесконечных пределов. В результате армии европейских государств, за исключением России, не будут иметь тыла, так как «театр воздушной войны покрывает всю территорию Западной Европы и ее воды»³⁵. К аналогичному выводу пришел и Зайончковский, считавший, что война будущего станет коалиционной, охватывающей огромные пространства, «бескомпромиссной по характеру действий»³⁶. О необходимости готовиться к «длительному и интенсивному напряжению в будущей войне» писал также Шапошников³⁷. Этой же точки зрения придерживался ряд других теоретиков и практиков военного дела.

Положение о всеобъемлющем характере будущей войны было закреплено постановлением III съезда Советов СССР. В нем подчеркивалось, что современная война ведется не только вооруженной силой, но и всей страной в целом, требуя напряжения всех производительных сил. В этих условиях подготовка государства к обороне требует не только воспитания широких слоев населения в военном отношении, но и такого развития промышленности и сельского хозяйства, которое, не нарушая «нормального роста производительных сил, создавало бы вместе с тем прочную базу для

нужд обороны»³⁸. Это положение нашло соответствующее отражение и в решениях VI конгресса Коминтерна в 1928 г. «Грядущая мировая империалистическая война, — отмечалось в его тезисах, — будет не только механизированной войной, во время которой будут использованы громадные количества материальных ресурсов, но вместе с тем войной, которая охватит многомиллионные массы и большинство населения воюющих стран. Границы между фронтом и тылом будут все более и более стираться»³⁹.

Эти оценки стратегического характера будущей войны явились определяющими в подготовке к ней страны. Был сделан вывод, что для ведения ее потребуются перевод на военные рельсы не только оборонной промышленности, но и всего народного хозяйства.

Другой характерной чертой стратегического облика будущей войны советская военно-стратегическая мысль считала ее наступательную направленность. Предполагалось, что в основе действий как агрессора, так и стороны, отражающей его нападение, будут лежать преимущественно активные наступательные действия. В первую очередь это требование относилось к Красной Армии, что вытекало из основных принципов большевистской внешней политики, особенно в военной сфере. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии указывалось: «Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было и — тем более — напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны. Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получают сокрушительный отпор»⁴⁰. А еще ранее, на XVI съезде ВКП(б), было прямо заявлено, что мы «ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому»⁴¹.

Из вышеизложенного вытекал и наступательный характер советской военной стратегии. Это нашло отражение как в стратегическом плане, так и в требованиях соответствующих уставных документов. Так, во Временном полевом уставе РККА (1936) отмечалось: «Всякое нападение на социалистическое государство рабочих и крестьян будет отбито всей мощью вооруженных сил Советского Союза, с перенесением военных действий на территорию врага. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение. Достижение решительной победы и полное сокрушение врага являются основной целью в навязанной Советскому Союзу войне»⁴².

Еще более четко наступательный характер стратегии отражен в проекте Полевого устава 1939 г.: «Оборона нашей Родины есть активная оборона. На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушительным ударом, всей мощью своих Вооруженных Сил... Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападающих армий. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории»⁴³.

Исходя из этого перед армией и флотом ставилась задача воспитывать воинов в духе активности, готовить их к защите завоеваний революции путем энергичных, решительных и смело проводимых операций. Наступательность стратегии отвечала политическим целям и характеру вооруженной борьбы с использованием новых боевых средств.

Сложнее обстояло с вопросом, примет ли будущая война маневренные или позиционные формы. На этот счет высказывались различные мнения. Фрунзе и Вацетис доказывали вероятность как маневренных, так и позиционных форм ведения военных действий, но при преобладающей роли первых. «Никакая наиманевреннейшая

война, — писал Фрунзе, — никогда не обходится без элементов позиционности»⁴⁴. В противовес этому Какурин считал, что весь опыт позиционной войны может иметь только историческое значение⁴⁵. Еще раньше, в 1923 г. эту же точку зрения высказал Тухачевский: «Наши будущие боевые столкновения ... будут маневренного характера, т. е. решительного и подавляющего»⁴⁶.

Но все-таки большинство военных теоретиков и военачальников исходили из того, что маневренные и позиционные формы борьбы придется органически сочетать. Так, Вольпе в своем труде «Фронтальный удар» подчеркивал: «Между позиционной и маневренной войной вообще нет резкой непреодолимой грани. Война может быть или более маневренной, или более позиционной. Нельзя дать гарантии, что в будущей войне можно будет совершенно избежать позиционных форм, периодов, участков и т. д.»⁴⁷. К аналогичному заключению в 1937 г. пришел и Тухачевский. Анализируя новый Полевой устав РККА, он указывал, что «в будущей войне позиционные фронты вполне возможны; если будут недооценены средства современной обороны, если не будут созданы в необходимых размерах наступательные средства борьбы и если войска не будут достаточно обучены сложному искусству современного наступательного боя»⁴⁸.

Особое место в системе советских стратегических взглядов относительно характера будущей войны занимали установки, касающиеся ее материальной основы, а следовательно, и способов ведения. Детализируя тенденции развития военного дела, советская военно-теоретическая мысль пришла к выводу, что предстоящая война будет войной самой разнообразной военной техники, но прежде всего войной моторов. В успешном ее ведении главная роль будет принадлежать преимущественно умелому массовому использованию новых технических средств, особенно танков, артиллерии и авиации. К таким выводам Фрунзе пришел еще в 1925 г. Уже тогда он заявил: «Мы должны иметь армию, вооруженную по последнему слову техники, армию, которая в этом отношении будет стоять на равной доске, если не выше, с армией любого буржуазного государства. Надо помнить, что в грядущих военных испытаниях мы будем иметь против себя силу, гораздо более серьезную, чем противники эпохи гражданской войны. Техника Колчака, Деникина, Врангеля, техника белополяков — лишь слабый намек на то, что в будущем выставят против нас наши враги. Этой силе мы должны противопоставить собственную мощь»⁴⁹.

Но в 20-х годах из-за технической отсталости и разрухи в народном хозяйстве, вызванной первой мировой и гражданской войнами, советская военная промышленность не могла обеспечить армию и флот современным оружием, потому в техническом отношении они намного отставали от вооруженных сил ведущих держав мира. Вот почему в СССР предусматривалось противопоставить технически более сильному противнику маневренность, ночные и партизанские действия, а кроме того, широко проводить политическое разложение его войск.

Оснастить армию и флот новейшей военной техникой удалось в 30-х годах на базе индустриализации страны, осуществленной в ходе выполнения пятилетних планов развития народного хозяйства СССР. В результате произошел коренной поворот во взглядах на характер и всю стратегию ведения войны. Правда, на этот процесс сильно повлияли репрессии против руководящего состава Красной Армии. Идеи, высказанные еще Тухачевским и другими «врагами народа», либо замалчивались, либо преподносились под другим авторством. Только 13 января 1941 г. Сталин, выступая на заседании Главного военного совета, вынужден был признать, что настало время «расклевать опыт гражданской войны» и взять на вооружение новый опыт. Далее он заявил: «Современная война будет войной моторов. Моторы на земле, моторы в воздухе, моторы на воде и под водой. В этих условиях победит тот, у кого будет больше моторов и больший запас мощностей»⁵⁰.

Придавая огромное значение оснащению Вооруженных Сил военной техникой, советская военная стратегия, тем не менее, не фетишировала ее и не противопоставляла человеку. Считалось, что воздействие нового оружия и военной техники на военное дело осуществляется не само собой, а через личный состав войск, который применяет это оружие. В этом вопросе военная стратегия четко исходила из ленинского положения о том, что при всем громадном значении нового оружия «без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне». Иными словами, новая военная техника абсолютно бесполезна, если отсутствуют люди, способные со знанием дела использовать новейшие достижения научной мысли.

Неутешительные уроки советско-финляндской войны 1939—1940 гг. показали, однако, что не только в строительстве и подготовке Вооруженных Сил, но и в развитии военного искусства, в том числе и в стратегии, обстоит все далеко не благополучно: между теоретическими представлениями о характере войны и реальной действительностью выявился угрожающий разрыв. В организационной структуре Вооруженных Сил, их техническом оснащении и боеготовности обнажились многие слабые места. Наркомат обороны не справлялся с решением многих назревших вопросов.

После обсуждения итогов этой войны на мартовском (1940) пленуме ЦК ВКП(б) и проверки наркомата обороны с занимаемой должности был снят Ворошилов. Новым наркомом обороны в мае 1940 г. был назначен С. К. Тимошенко. В то же время были разработаны и стали приниматься деятельные меры по устранению накопившихся недостатков. К сожалению, в условиях начавшейся второй мировой войны времени для этого уже не оставалось. Но главное — из опыта военных действий этой войны не были сделаны правильные выводы, а многие ее новые явления не были замечены и должным образом оценены.

На состоявшемся в конце декабря совещании высшего командного и начальствующего состава Тимошенко, который правильно отметил крупные изменения в оперативном искусстве воевавших армий, тем не менее, заявил: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового...»⁵¹. Это было непростительное заблуждение, ибо уже тогда на Западе наглядно проявились глубочайшие сдвиги в формах и способах развертывания войны, ее масштабах, организации стратегического развертывания вооруженных сил, в ведении первых и последующих стратегических операций, системе управления и др. Правда, в докладах генералов Г. К. Жукова, И. В. Тюленева, Д. Г. Павлова и выступлениях некоторых других участников совещания отчасти затрагивались отдельные проблемы, даже высказывались предложения по поводу их решения, но, к сожалению, на это не было обращено должного внимания со стороны военно-политического руководства и в последующем они не нашли соответствующей всесторонней разработки.

2. Развитие Вооруженных Сил

В межвоенный период в СССР велась усиленная работа по подготовке Вооруженных Сил, населения и страны в целом к неизбежной войне. Эта подготовка опиралась на форсированную индустриализацию государства, милитаризацию его экономики, подчинение целям обороны всех социальных программ.

Создание материально-технической базы

Уже к началу 30-х годов народное хозяйство СССР было способно удовлетворить минимальные потребности Вооруженных Сил, но для ведения большой войны страна и армия еще не были готовы. При определении жесткого курса на форсиро-

ванную индустриализацию особый упор был сделан на развитие тех отраслей тяжелой промышленности, что имели первостепенное значение в обеспечении экономической независимости Советского Союза.

В директивах XV съезда партии по составлению первого пятилетнего плана (1929—1933) подчеркивалось: «Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время»⁵². Аналогичными были требования при разработке второго пятилетнего плана. В резолюции «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1933—1937 гг.» XVII съезд партии ориентировал трудящихся на создание новых опорных пунктов индустрии на востоке страны с таким расчетом, чтобы в случае нападения на СССР империалистических государств они находились вне досягаемости их авиации.

За годы так называемых «сталинских пятилеток» ценой невероятных усилий народа экономический потенциал государства резко возрос. Была осуществлена коренная реконструкция промышленности, создан ряд новых промышленных отраслей, имеющих важное оборонное значение, среди них тракторная, автомобильная, авиационная, химическая и др. Одновременно самым радикальным образом были модернизированы черная и цветная металлургия, машиностроение, на востоке страны образована топливно-энергетическая база

Особенно резкий скачок в наращивании темпов промышленного производства наметился в годы третьей пятилетки, прерванной, правда, начавшейся войной. В 1940 г. в стране было выплавлено 18,3 млн. тонн стали и 14,9 млн. тонн чугуна, добыто 165,9 млн. тонн угля и 31,1 млн. тонн нефти, выработано 48,3 млрд. квт/ч электроэнергии. Валовая продукция всей промышленности в 1940 г. увеличилась по сравнению с 1913 г. в 7,7 раза, а производство средств производства — в 13,4 раза.

Быстрее всего развивалась военная промышленность. Были построены новые авиационные, артиллерийские и танковые заводы, реконструированы старые предприятия по производству вооружения и боеприпасов. На Урале, в Сибири, в Поволжье и на Дальнем Востоке были созданы мощные опорные пункты оборонной промышленности. По темпам роста валовой продукции она значительно опережала другие отрасли. Так, в ходе третьей пятилетки ежегодный прирост продукции всей промышленности составлял в среднем 13%, а оборонной — 39%. Если в 1939 г. продукция всей промышленности увеличилась на 16%, то продукция оборонной промышленности — на 46,5%. Ее предприятия в первую очередь снабжались сырьем, оборудованием, топливом, электроэнергией. За 3,5 года третьей пятилетки капиталовложения в оборонную промышленность составили более четверти всех капиталовложений в промышленность. В оборонной промышленности трудились лучшие ученые, конструкторы, инженеры, техники, рабочие.

С началом второй мировой войны были приняты чрезвычайные меры по развитию оборонной промышленности. Они предусматривали резкое расширение военного производства, прежде всего по выпуску новых типов самолетов, танков, противотанковых орудий, средств связи. В 1940 г. и начале 1941 г. развернулось строительство 9 новых и было реконструировано 9 старых авиазаводов, а на 7 заводах начался выпуск авиационных двигателей. Для увеличения производства танков были привлечены Харьковский, Челябинский, Сталинградский, Саратовский и другие заводы. В стране создавались повышенные мобилизационные запасы стратегических материалов и сырья.

Но все это было еще впереди. А в 20-х годах страна вышла из гражданской войны в состоянии полной экономической разрухи. В упадке находились все отрасли народного хозяйства. В 1920 г. выпуск продукции тяжелой промышленности по сравнению с 1913 г. упал в 7 раз. Большая часть фабрик и заводов не работала из-за отсутствия топлива и сырья. Железнодорожный транспорт был дезорганизован. Хватало трудностей политического и социального характера. В этих условиях предстояло осуществить перевод Вооруженных Сил с военного положения на мирное. Причем требовалось перейти к такой системе строительства РККА, которая была бы не очень обременительной для государства, но в то же время обеспечивала бы военную подготовку всего мужского населения и гарантировала безопасность страны.

В декабре 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов принял решение к 15 января следующего года сократить армию с 5,3 млн. до 3,3 млн. человек. Тогда же Полевой штаб РВСР разработал соответствующий план, смысл которого сводился к тому, чтобы «сохранить мощную полевую армию за счет сокращения тылов и всего обслуживающего элемента, а также войск внутренней службы»⁵³. Однако начавшийся в стране голод внес свои коррективы в этот план. В результате, к концу 1921 г. численность армии уменьшилась до 1,6 млн. человек, а в октябре 1922 г. — до 796,9 тыс.⁵⁴ В последующие годы состоялось дальнейшее сокращение армии. Заместитель председателя Реввоенсовета СССР Уншлихт в декабре 1925 г. отмечал: «Затруднительное финансовое положение СССР в связи с неурожаем 1924 г., одновременно необходимость качественного улучшения армии заставили пойти на сокращение Вооруженных Сил с 610 тыс. до 562 тыс.»⁵⁵.

Со второй половины 20-х годов численность Вооруженных сил СССР снова неуклонно возрастает. Это обуславливалось как опасением военной угрозы для СССР со стороны капиталистических государств, так и сохранившимися надеждами на мировую революцию. Так, если на 1 октября 1927 г. численность Вооруженных Сил составила 610,3 тыс. человек, то в 1935 г. — 930 тыс., в 1938 г. — 1,5 млн., а к середине 1941 г. — более 5 млн. человек⁵⁶.

Наряду с этим совершенствовалась система комплектования, организационно-штатная структура, управление войсками, боевая и оперативная подготовка. Еще в марте 1921 г. X съезд РКП(б) установил, что «на ближайший период основой наших вооруженных сил должна являться нынешняя Красная Армия, по возможности сокращенная за счет старших возрастов, с повышенными пролетарским и коммунистическим составом»⁵⁷. Съезд допускал частичный переход к милиционным формированиям, причем в тех районах, где преобладает пролетарское население, в первую очередь в Москве, Петрограде и на Урале. Однако переход этот осуществлялся медленно. В июне 1921 г. в Петрограде создается первая милиционная бригада, и только в январе—феврале 1923 г. на территориально-милиционное положение переведено 10 кадровых дивизий⁵⁸. Более быстрое их формирование началось после издания 8 августа 1923 г. декрета ЦИК и СНК СССР «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся». В 1925 г. насчитывалось уже 46 стрелковых и 1 кавалерийская территориальная дивизия⁵⁹.

Смешанная система (кадровая и милиционная) строительства армии позволила сократить расходы на ее содержание и количество стрелковых частей, но в то же время увеличить число технических и специальных частей. Одновременно были созданы условия для обучения контингента военнообязанных без длительного отрыва от производства, сохранения значительного числа соединений с их аппаратом управления и основными командными кадрами. Они служили ядром для развертывания армии в случае войны. В конце 20-х годов удельный вес территориальных соединений составлял 60%. Так, в 1928 г. в Красной Армии имелась 81 стрелковая и кавалерийская дивизия, из них только 38 кадровых. Однако, как показал опыт,

территориальные войска не отличались высоким уровнем боевой подготовки, их дислокация не соответствовала плану обороны страны, недоставало постоянных кадров, а переменный состав не в состоянии был в короткий срок овладеть сложной военной техникой. Поэтому уже с начала 30-х годов в строительстве Вооруженных Сил наметился планомерный переход к кадровой системе комплектования армии. К концу 1935 г. уже 77% дивизий стали кадровыми⁶⁰. Перевод Вооруженных Сил на кадровое положение был юридически завершен принятием Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 г. Закона о всеобщей воинской обязанности.

Коренная реорганизация, причем неоднократная, затронула органы управления Вооруженными Силами. К концу гражданской войны центральный военный аппарат представлял собой довольно громоздкую структуру, насчитывавшую 11 тыс. сотрудников, а кроме того, было выделено 9 тыс. красноармейцев и рабочих для их обслуживания⁶¹. Полевой штаб РВСР, Всероссийский главный штаб и другие центральные органы часто дублировали друг друга, что сказывалось на качестве руководства Вооруженными Силами. ЦК РКП(б) в январе 1921 г. на основании предложений видных военачальников Вацетиса, Каменева, Тухачевского и других принял постановление «Об укреплении Красной Армии», предусматривающее реорганизацию и сокращение центрального военного аппарата. В соответствии с этим постановлением РВСР издал 1 февраля приказ о реформировании Полевого штаба и Всероглаштаба в единый Штаб РККА, через Главкома подчиненный непосредственно наркомату по военным и морским делам⁶². В результате удалось в два раза сократить общее число управлений и отделов, в определенной степени устранить параллелизм в их работе и уточнить функции различных органов. В апреле были упразднены Регистрационное управление РВСР и разведывательная часть Оперативного управления Штаба РККА, а вместо них создано Разведывательное управление.

В последующие годы структура центрального военного аппарата неоднократно подвергалась уточнениям, и к концу 1923 г. его численность составляла 4 407 человек⁶³. В том же году Реввоенсовет республики был преобразован в Реввоенсовет СССР, а наркоматы по военным и морским делам в целях дальнейшей централизации управления Вооруженными Силами объединены в Народный комиссариат по военным и морским делам.

Однако, несмотря на принятые меры, в деятельности органов военного управления по-прежнему хватало недостатков. Они дали о себе знать осенью 1923 г., когда осложнилась международная обстановка в Европе и пришлось неотложно решать ряд оборонных задач. В октябре в Гамбурге вспыхнуло восстание рабочих, подготовленное Коминтерном. Правительства ряда западноевропейских стран, в том числе и Франции, заявили, что если в Германии произойдет пролетарская революция, то они подвергнут ее блокаде и даже интервенции. Созданное в Гамбурге пробольшевистское правительство, до того настроенное весьма решительно, заколебалось, тем более, что обещанной поддержки других городов Германии и Советского Союза не последовало. Восстание было быстро подавлено. «Как вы помните, — говорил заместитель председателя РВС СССР Фрунзе 18 апреля 1924 г., выступая в Военной академии РККА, — эта обстановка расценивалась тогда очень серьезно. Угроза войны вплотную надвинулась на Западную Европу, а Красная Армия должна была быть в готовности в любой момент выступить на поле брани. Исходя из этой перспективы, Красная Армия и повела соответствующую работу». Однако опыт этой работы, по словам Фрунзе, показал «нашу слабую подготовленность к разрешению серьезной военной проблемы»⁶⁴.

Специальная комиссия, образованная Центральной контрольной комиссией РКП(б), которой руководил сначала В. В. Куйбышев, а затем С. И. Гусев (Я. Д. Драбкин), в марте 1924 г. представила в ЦК РКП(б) доклад по итогам инспектирования военно-

го ведомства. Пленум ЦК в своем постановлении констатировал «наличие в армии серьезных недочетов (колоссальная текучесть, полная неудовлетворительность постановки дела снабжения и пр.), угрожающих армии развалом»⁶⁵. Фрунзе придерживался несколько иного мнения, нежели комиссия. «Большинство всех выявившихся недочетов, — заявил он в апреле, — связано с общим положением нашего государства. Они упираются в факт недостаточных финансовых ассигнований, упираются в нашу хозяйственную бедность и т. д. И до тех пор пока эта сторона дела не будет разрешена, говорить о том, что мы, даже улучшив систему управления, кадр руководителей и развив самую бешеную энергию, смогли бы коренным образом изменить обстановку, — не приходится. Дело может идти только о некоторых улучшениях, но отнюдь не о полном и радикальном изменении обстановки»⁶⁶.

Члены специальной комиссии предложили максимально упростить аппарат управления, устранить параллелизм и бюрократизм, разграничить функции между различными органами, приспособить организацию мирного времени к организации военного времени, повысить квалификацию сотрудников, сократить штаты. ЦК РКП(б) и Реввоенсовет СССР одобрили эти предложения и установили срок перехода на новую организацию с 15 апреля 1924 г.

В соответствии с разработанной схемой реорганизации была упразднена должность Главкома, необходимость в которой в мирное время и в самом деле отпала. Начальнику снабжения РККА были подчинены все учреждения, ведавшие обеспечением войск техническим имуществом. Штаб РККА был разделен на три самостоятельных органа: административный штаб — Управление (с декабря 1924 г. — Главное управление) РККА, штаб подготовки войск — Инспекторат РККА, оперативный штаб — Штаб РККА. Однако уже в сентябре выяснилось, что Штаб РККА «перегружен делопроизводством по многим мелочным вопросам, требующим к себе большого внимания и потому мешающим сосредоточиться на основной работе»⁶⁷. Не удалось разграничить и функции между Инспекторатом и Штабом РККА. Поэтому по докладу заместителя начальника Штаба РККА Тухачевского Инспекторат РККА в сентябре—октябре расформировывается, а в составе Штаба РККА создаются инспекции родов войск, упраздняется Управление боевой подготовки, вопросы комплектования и войсковой мобилизации из Штаба РККА передаются в Главное управление РККА.

В 1925 г. проводится очередная реорганизация центрального военного аппарата. К тому времени борьба за власть между Сталиным и Троцким достигла своего апогея. О том, что Троцкий проиграл ее, свидетельствовало освобождение последнего от должности председателя Реввоенсовета СССР и народного комиссара по военным и морским делам. На этих постах его сменил Фрунзе, после смерти которого в октябре 1925 г. председателем РВС СССР и наркомвоенмором стал Ворошилов, не имевший, как и его предшественники, военного образования.

В 1925 г. специальная комиссия во главе с заместителем начальника Штаба РККА С. А. Пугачевым разработала новые предложения по реорганизации центральных управлений Наркомвоенмора, которые в октябре получили одобрение со стороны РВС СССР. Численность центрального аппарата была сокращена до 3 598 человек. Инспекторат РККА снова был выделен в самостоятельный орган, созданы единый шифровальный отдел Наркомвоенмора и Управление делами РВС СССР. Но уже через год в связи с кампанией «режима экономии» вновь ставится вопрос о сокращении и реорганизации управленческого аппарата. В июле 1926 г. РВС СССР одобрил соответствующие предложения комиссии, которой на сей раз руководил заместитель председателя Реввоенсовета Уншлихт. «Существенным моментом новой организации центрального аппарата, действующей с небольшими поправками и в настоящее время, — отмечалось в «Краткой исторической справке об организации

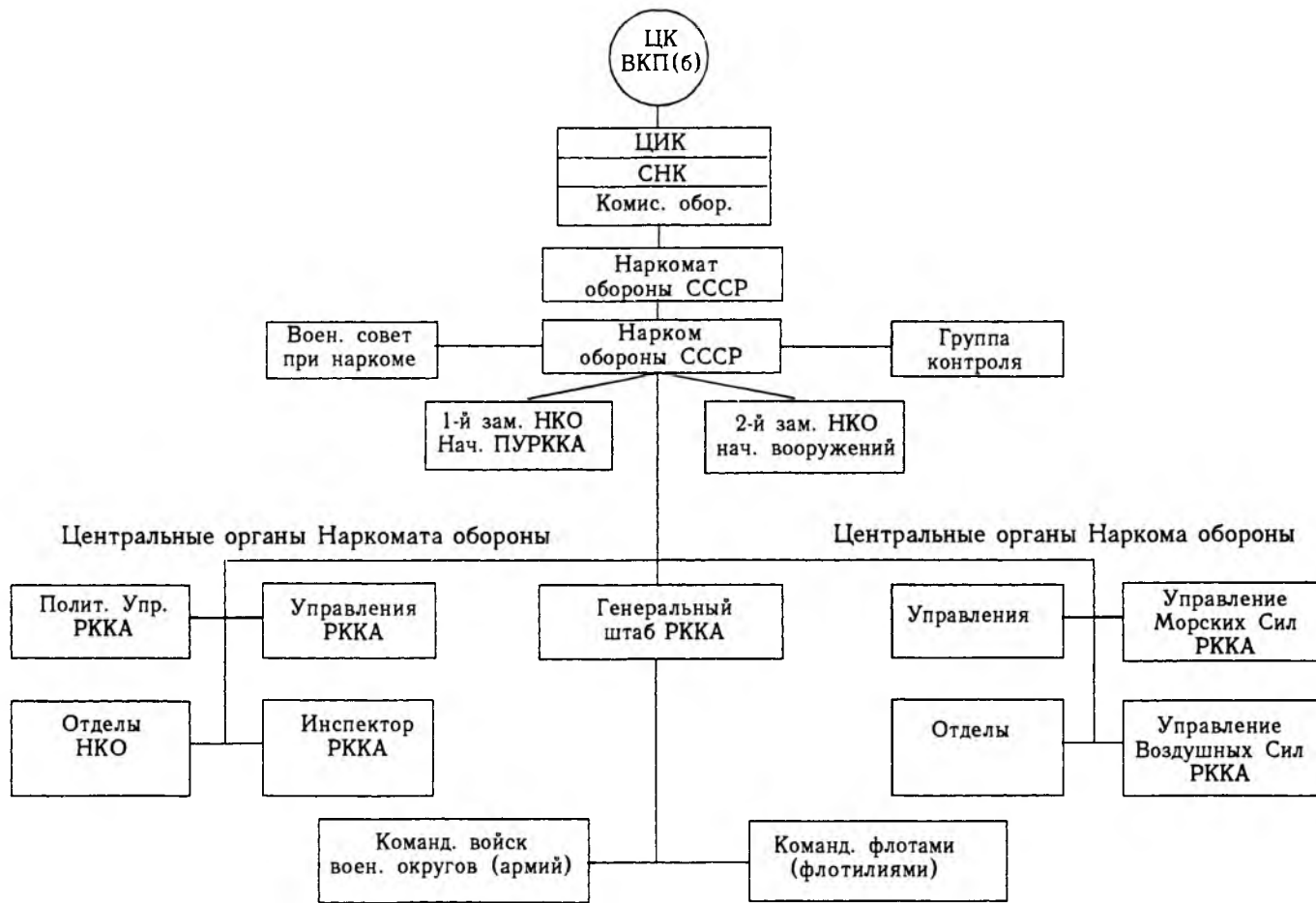

Схема 30. Система органов стратегического руководства ВС СССР в середине 30-х годов

центрального военного управления РККА», составленной в июне 1928 г., — является наиболее полное объединение вопросов обороны страны в Штабе РККА, и администрирования — в ГУ РККА»⁶⁸. Инспекторат РККА был снова расформирован, инспекции родов войск вместе с Управлением военно-учебных заведений подчинены Главному управлению РККА, ему же из Штаба РККА передано Военно-топографическое управление.

В опубликованных в советский период работах отмечалось, что реформа центрального военного управления «сыграла огромную роль в укреплении Вооруженных Сил страны, в укреплении обороноспособности СССР»⁶⁹. В действительности дело обстояло совсем иначе. Отсутствие у высших военных руководителей четкого представления о месте и роли центральных органов управления, не говоря уже об их неоднократной реорганизации (то слияние, то наоборот, разукрупнение) никогда не способствовали успешной работе данных органов. Не принесла пользы и частая смена руководства «мозга армии» — Штаба РККА. До апреля 1924 г. его возглавлял бывший генерал П. П. Лебедев, затем до февраля 1925 г. бывший вольноопределяющийся М. В. Фрунзе, которого сменил бывший полковник С. С. Каменев, в ноябре того же года начальником Штаба РККА стал бывший поручик М. Н. Тухачевский, в мае 1928 г. — бывший полковник Б. М. Шапошников и в июне 1931 г. — бывший полковник А. И. Егоров, который руководил Штабом (Генеральным штабом до мая 1937 г.). Все они имели богатый боевой опыт, но из-за кратковременного пребывания в должности (кроме Егорова) не могли довести до конца начатое дело.

В 1928 г. Шапошников предложил провести новую реорганизацию, которая была осуществлена в январе 1930 г. В состав Штаба РККА были переданы из Главного управления РККА все вопросы мобилизации, комплектования и подготовки начсостава запаса. В 1933—1934 гг. под руководством Егорова работа по уточнению структуры центрального аппарата продолжалась. В результате мобилизационные вопросы были снова переданы в ГУ РККА, а из Штаба РККА выведено Разведывательное управление с переподчинением его непосредственно Наркомвоенмору. В июне 1934 г. ЦИК СССР упразднил Реввоенсовет СССР, а Наркомат по военным и морским делам переименовал в Наркомат обороны (НКО). Вместо Реввоенсовета при наркомате обороны был создан Военный совет совещательного характера. Преобразованный в 1938 г. в Главный совет РККА, он стал функционировать на правах бывшего РВС Вскоре и Военный совет при Наркоме ВМФ был реорганизован в Главный военный совет ВМФ. Еще в сентябре 1935 г. Штаб РККА был преобразован в Генеральный штаб (ГШ) РККА, из состава которого был выведен отдел боевой подготовки, развернутый в соответствующее самостоятельное управление.

В 1937—1939 гг. деятельность центрального военного аппарата была фактически парализована; в ходе борьбы с «врагами народа» под репрессии попали начальник Генерального штаба Егоров, его заместители В. Н. Левичев и С. А. Меженинов, 22 начальника и 30 ответственных работников НКО СССР и Генерального штаба. В мае 1940 г. в акте о приеме наркомата обороны Тимошенко от Ворошилова были отмечены такие существенные недостатки в деятельности центральных органов военного управления, как отсутствие мобилизационного и оперативного планов, плана подготовки и пополнения комсостава запаса для полного отмобилизования армии по военному времени, данных о состоянии прикрытия границ, указывалось на запущенность учета личного состава и др.⁷⁰ Для устранения выявленных недостатков были намечены соответствующие меры, но за год, оставшийся до начала Великой Отечественной войны, претворить их в жизнь не удалось.

Одним из важнейших мероприятий по совершенствованию управления войсками явилось введение единоначалия, которое частично существовало еще в годы Гражданской войны. 28 июля 1924 г. ЦК РКП(б) принял постановление о переходе

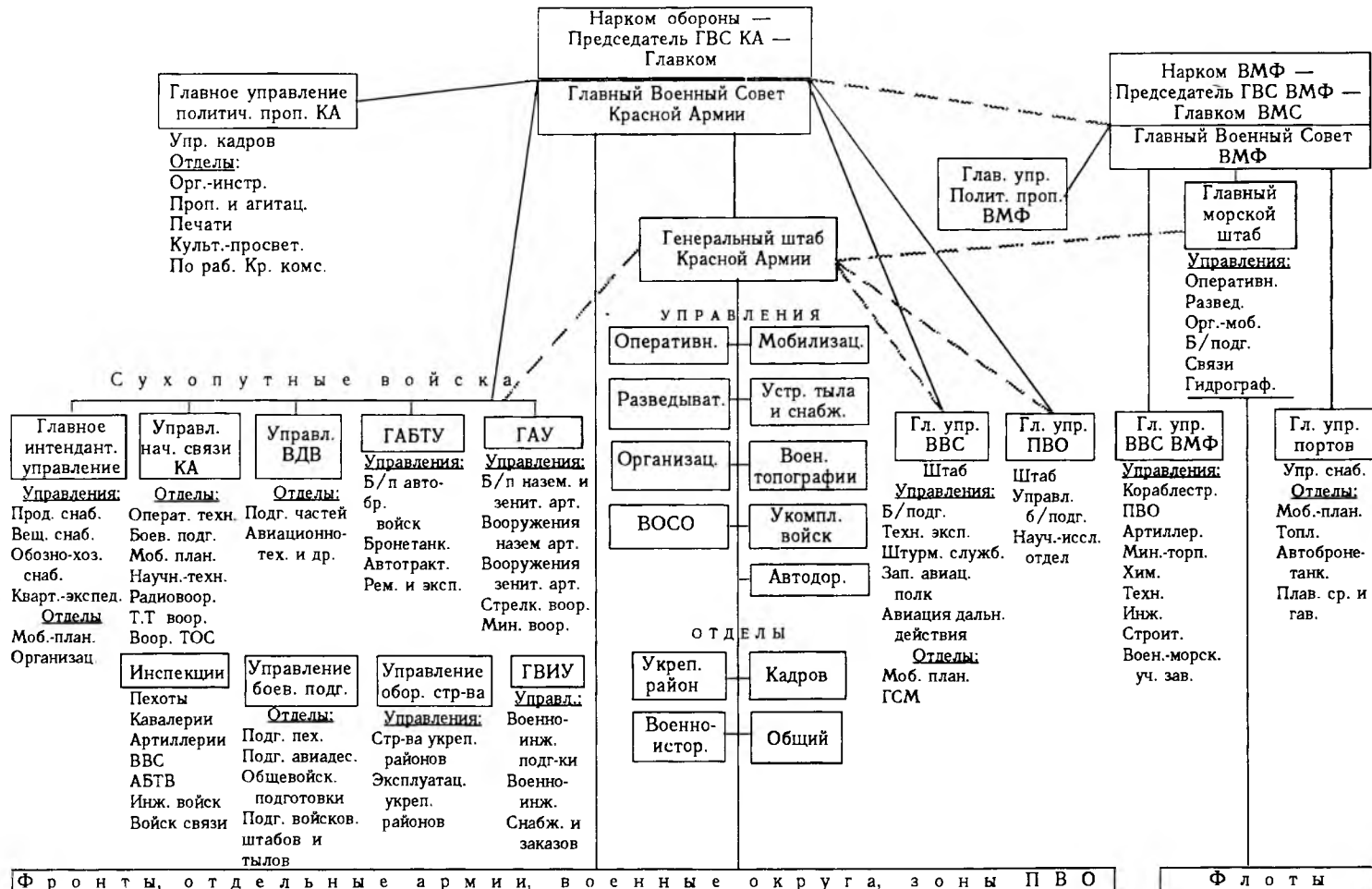

Схема 31. Система органов стратегического руководства Вооруженными Силами СССР накануне Великой Отечественной войны

к единоначалию. В соответствии с ним РВС СССР в конце года разработал и утвердил инструкцию о его практическом осуществлении, а 2 марта издал приказ о введении единоначалия в армии. К 1928 г. командиры-единоначальники составляли: среди командиров корпусов — 84%, дивизий — 74%, полков — 48% и командиров подразделений — 42%⁷¹. В последующем их удельный вес неуклонно повышался, а за комиссарами сохранялись лишь функции партийного и политического руководства, они же несли ответственность за политико-моральное состояние частей и соединений. В мае 1937 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение снова ввести в воинских частях и соединениях, штабах, управлениях и учреждениях институт военных комиссаров, вновь упраздненный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1940 г.

Техническая реконструкция Вооруженных Сил

Особенно сложной и многогранной задачей, от решения которой зависели боеготовность Вооруженных Сил и их стратегические возможности, явилось перевооружение армии и флота. Как уже отмечалось, гражданскую войну Красная Армия закончила при крайне низком уровне ее технического оснащения. Такое положение сохранялось и в первые годы после ее окончания. Главной тягловой силой в войсках являлись лошади, число которых к концу 1922 г. составляло 159,3 тыс.⁷² По данным Полевого штаба РВСР, в октябре 1920 г. в действующей армии насчитывалось 2 616 орудий, 10 559 пулеметов, 122 бронепоезда, около 300 броневых автомобилей, до 80 танков, почти 300 самолетов⁷³. К середине 20-х годов несколько увеличилась численность оружия и военной техники, в основном за счет ремонта и восстановления ранее неисправных систем. В 1927 г. создаются новая 76-мм полковая пушка, опытные образцы легкого танка Т-18 (МС-1) и броневых автомобилей БА-27. Одновременно были разработаны, а в 1925—1928 гг. стали поступать на вооружение истребители И-2, И-2 бис, разведчики Р-1, Р-5, бомбардировщики ТБ-1 и ТБ-2. В результате, к исходу 1928 г. число орудий полевой артиллерии возросло до 7 200, а зенитной — до 590, самолетов — до 1 400, танков — до 92⁷⁴. Тем не менее по уровню технической оснащенности Красная Армия продолжала отставать от армий передовых капиталистических государств, что в условиях резко обострившейся международной обстановки, особенно после прихода к власти в Германии в 1933 г. Гитлера, становилось чрезвычайно опасным.

Учитывая это, Реввоенсовет СССР разработал первый пятилетний план развития РККА (1929—1933), который являлся составной частью общего пятилетнего плана развития народного хозяйства страны. Он предусматривал полностью перевооружить армию и флот новейшими образцами военной техники, создать новые технические рода войск (авиацию, бронетанковые войска) и специальные войска (химические, инженерные и др.), повысив их удельный вес в системе Вооруженных Сил, а кроме того модернизировать старое оружие и военную технику, моторизовать пехоту, кавалерию и артиллерию, осуществить массовую подготовку технических кадров⁷⁵. По численности войск РККА должна была не уступать вероятным противникам на главном театре военных действий — Западном, а по технике — быть сильнее противника по трем решающим видам вооружения, а именно: самолетам, артиллерии и танкам.

В последующие пять лет (1933—1937) намечалось завершить техническую реконструкцию РККА с таким расчетом, чтобы закрепить за ней превосходство над капиталистическими армиями по всем решающим средствам борьбы. Это позволило бы СССР вести борьбу с любой коалицией капиталистических держав, нанести им сокрушительные удары и даже поражение в случае их нападения.

В результате реализации этих планов, начиная с 1932 г., в войска в возрастающих количествах стали поступать новые системы оружия и военной техники. Сухопутные войска получили усовершенствованный станковый пулемет «Максим», модернизированную трехлинейную винтовку С. И. Мосина образца 1891/30 гг., а затем новые ручные, зенитные, танковые и авиационные пулеметы. Количество автоматического оружия в армии быстро росло. Так, если в октябре 1928 г. на оснащении войск находилось 24 230 станковых и 8 811 ручных пулеметов, то к началу 1937 г. насчитывалось соответственно 60 тыс. и около 95 тыс. единиц⁷⁶.

В 1930 г. удалось завершить модернизацию старых артиллерийских систем, а с 1931 по 1937 гг. на вооружение артиллерии стали поступать 37-мм и 45-мм противотанковые пушки, новые, причем более дальнобойные и скорострельные 122-мм и 152-мм пушки, 76-мм зенитные пушки, 203-мм гаубицы и 82-мм минометы. Общее число орудий за 9 лет возросло с 8 600 до 30 тыс., из них 1 672 зенитных⁷⁷. Это позволило увеличить огневую мощь стрелковых и кавалерийских соединений более чем в два раза.

Благодаря быстрому развитию танковой промышленности в войска во все возрастающем количестве поступала новая бронетанковая техника: легкие танки Т-18, Т-26, БТ-2 и БТ-5, средние и тяжелые танки Т-28 и Т-35, танкетки Т-27, плавающие танки Т-37 и Т-38. Всего с 1930 по 1939 гг. было выпущено 15 тыс. танков, из них около 12 тыс. основных образцов и 1 426 бронемашин⁷⁸. Их положительное качество — высокая скорость, а слабым местом остались недостаточно мощные вооружение и броня.

Войска связи получили более совершенные радиостанции типа 6 пк, 5 ак, телефонные аппараты УНА-Ф-31, ТАМ, телеграфные аппараты НОТА-34, СТ-35 и др. В инженерные войска стали поступать переправочные парки Н2П и НЛП, легкопереправочные средства, средства механизации и электрификации инженерных работ, проволочные малозаметные препятствия, противопехотные и противотанковые мины.

Постепенно наращивалось производство автомобилей и тракторов. Если в 1928 г. в армии насчитывалось всего около 1 200 грузовых автомобилей, то к концу 1935 г. — свыше 35 тыс. автомобилей и почти 6 тыс. тракторов.

Быстро развивались Военно-воздушные силы. Уже к началу 30-х годов на их оснащение стали поступать более совершенные истребители И-5, тяжелые бомбардировщики ТБ-2, легкие бомбардировщики Р-5 (они же самолеты-разведчики), штурмовики ТШ-2. Еще более крупные успехи были достигнуты в годы второй военной пятилетки. В массовом количестве поступали скоростные и маневренные истребители И-14, И-15, И-15 бис, И-16, Пе-1 и Пе-4, тяжелые бомбардировщики ТБ-4 и ДБ-3, фронтовые бомбардировщики СБ и штурмовики ТШ-3, которые по скорости и высоте полета в 1,5—2 раза превосходили прежние типы самолетов. Изменилось и соотношение родов авиации. Если в 1928 г. в составе ВВС преобладали разведывательные самолеты (82%), то теперь соотношение изменилось в пользу бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей.

Определенные успехи были достигнуты в области военно-морского строительства. Если в начале 30-х годов в основном создавались легкие подводные и надводные силы, то с 1934 г. судостроительная программа была нацелена на создание прежде всего крупных надводных сил — линкоров, тяжелых крейсеров, превосходивших по своим качествам аналогичные иностранные корабли. Продолжалось строительство надводных легких и мощных подводных сил.

И все же темпы и направленность технической реконструкции Вооруженных Сил далеко не соответствовали быстро усложнявшимся условиям ведения войны и ее характеру. Это наглядно выявилось в 1938 г. в ходе боев у озера Хасан, в 1939 г. в районе р. Халхин-Гол, но особенно, в советско-финляндской войне 1939—1940 гг.

Боевой опыт показал, что большинство видов оружия и военной техники морально устарело. Поэтому непосредственно перед началом Великой Отечественной войны были приняты спешные меры по разработке и внедрению в войска более современных образцов вооружения. Среди них автоматические винтовки Ф. В. Токарева (СВТ-40), пистолет-пулемет Г. С. Шпагина, 76-мм дивизионные пушки, 122-мм дивизионные гаубицы, 85-мм зенитные пушки, средние танки Т-34, тяжелые танки КВ-1, истребители Як-1, МиГ-3, штурмовики Ил-2, бомбардировщики Пе-2, радиолокационные станции РУС-1 и РУС-2, приборы управления огнем зенитной артиллерии (ПУАЗО-3), понтонные парки С-19, более совершенные противопехотные и противотанковые мины, радиостанции РАФ и РСБ. Всего в 1939 г. и первой половине 1941 г. Красная Армия получила 105 тыс. ручных, станковых и крупнокалиберных пулеметов, более 100 тыс. автоматов, свыше 7 тыс. танков и 17 745 боевых самолетов. Одновременно началась работа по изучению возможности осуществления взрывной ядерной реакции, приводящей к взрыву с выделением огромной энергии.

Но для массового производства новых видов оружия и техники и последующего перевооружения армии требовалось не менее двух лет. Пока же войска имели их в ограниченном количестве. Так, к началу войны в Вооруженные Силы поступил всего 1 861 новый средний и тяжелый танк, а Военно-воздушные силы получили 2 739 современных самолетов⁷⁹. Не удалось полностью ликвидировать и другие узкие места в техническом оснащении армии и флота, особенно по минометам, средствам артиллерийской тяги, противотанковым средствам, автоматическому оружию и др. Все это резко снижало оперативные и стратегические возможности Вооруженных Сил, а в дальнейшем явилось одной из причин, которая не позволила им успешно отразить удары противника и развернуть операции в соответствии с намеченными планами.

Организационное развитие Вооруженных Сил

Наряду с техническим переоснащением армии и флота совершенствовалась и их организационная структура. Ее развитие осуществлялось с учетом повышения ударной силы, огневой мощи и подвижности войск.

В августе 1923 г. был принят новый штат стрелковой дивизии. С бригадной организации она переводилась на полковую. В состав дивизии входили 3 стрелковых и 1 кавалерийский полки, 2 артиллерийских дивизиона, подразделения обеспечения и обслуживания. Одновременно вводится корпусное звено управления. К концу года количество управлений стрелковых корпусов было доведено до 17. На следующий год дивизии вновь реорганизуются. В соответствии с принятым осенью штатом вместо двух артиллерийских дивизионов создается артиллерийский полк, а вместо кавалерийского полка — эскадрон.

Более основательная организационная перестройка сухопутных войск начинается в 30-х годах. В состав стрелковой дивизии впервые включается танковый батальон. В два раза увеличивается количество пулеметов, в 2,7 раза — артиллерийско-минометное вооружение. В стрелковый корпус вместо двух корпусных артдивизионов включаются два артиллерийских полка, вводятся отдельный зенитно-артиллерийский дивизион и саперный батальон.

После советско-финляндской войны полностью пересматривается организационно-штатная структура всех родов войск. В апреле 1941 г. стрелковые соединения постепенно переводятся на штаты, по которым в их составе в военное время предполагалось иметь три стрелковых, легкий артиллерийский и тяжелый гаубичный полки, противотанковый и зенитный дивизионы, разведывательный и саперный батальоны, батальон связи, другие подразделения обеспечения и тыла. Из штата дивизии

были исключены кавэскадрон и танковый батальон. Всего в дивизии намечалось иметь 14 483 человека, 558 пулеметов, 210 орудий и минометов, 16 легких танков, 13 бронемашин, 558 автомашин, 9 тракторов и 3 039 лошадей⁶⁰. Устанавливался сокращенный штат на мирное время: для пограничных военных округов — дивизия численностью в 10 300 человек, для внутренних округов — 5 850 человек. Стрелковый корпус стал более усиленного состава. Он включал 2—3 стрелковые дивизии, 2 артиллерийских полка (72 орудия), отдельный зенитный дивизион, батальон связи и саперный батальон.

Существенной реорганизации подверглась конница. С 1926 г. кавалерийская дивизия стала включать вместо трех бригад две и пулеметный эскадрон. Затем в ее состав включаются танковые подразделения и увеличивается количество орудий. Но одновременно общая численность кавалерии резко сокращается. Так, если к концу 1937 г. в Красной Армии имелось 32 кавалерийские дивизии, то к началу 1941 г. — только 13, причем 8 из них были сведены в 4 кавалерийских корпуса. Большая часть личного состава конницы была обращена на формирование бронетанковых войск. По штату 1941 г. в состав кавалерийской дивизии входили 3 кавалерийских и 1 танковый полк, конно-артиллерийский и зенитный дивизионы. Дивизия насчитывала около 9 тыс. человек, 8 тыс. лошадей, 64 танка и 51 орудие. Высшим оперативно-тактическим соединением являлся кавалерийский корпус, объединявший 2—3 кавдивизии.

Организационное развитие артиллерии осуществлялось в направлении укрупнения ее частей и соединений. Уже в 30-е годы удельный вес дивизионной артиллерии уменьшился с 82% до 64%. В то же время состав корпусной артиллерии возрос с 12% до 22%. Существенно увеличилась также артиллерия резерва Главного командования. К началу Великой Отечественной войны в ее составе имелись 74 гаубичных и пушечных полка. Были сформированы также отдельные дивизионы артиллерии особой мощности. С начала 40-х годов все внимание сконцентрировали на развитии противотанковой артиллерии. В апреле 1941 г. началось формирование 10 противотанковых артиллерийских бригад РКК двухполкового состава, но к началу войны завершить эту работу не удалось.

Наиболее крупные и радикальные организационные мероприятия проводились в области строительства и развития бронетанковых войск. В 20-х годах впервые были сформированы: бригада бронепоездов, автотанковая бригада и эскадрон танков. В 1925 г. эскадрон танков реорганизуется в отдельный танковый полк, бронепоезда сводятся в полки, а автоброневые отряды — в дивизионы. В 1930 г. формируется первая механизированная бригада, которая в 1932 г. развертывается в механизированный корпус, в состав которого вошли 2 механизированные и стрелково-пулеметная бригада, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, более 500 танков и 200 автомобилей⁶¹.

В 1938 г. механизированные бригады и корпуса были переформированы в танковые. Танковый корпус состоял из 2 легких танковых и моторизованной стрелково-пулеметной бригады, а отдельная легкая танковая бригада — из 4 танковых и разведывательного батальона, тяжелая танковая бригада — из 3 танковых и кадрированного батальона. В составе бронетанковых войск имелось 4 танковых корпуса, 24 отдельные легкие танковые и 4 тяжелые танковые бригады⁶².

Под влиянием ошибочной оценки опыта войны в Испании танковые корпуса в конце 1939 г. расформируются и осуществляется переход на единую организацию танковых соединений в виде танковых бригад РКК из 156 боевых машин. Одновременно принимается решение заменить механизированные корпуса механизированными дивизиями. Однако начавшаяся вторая мировая война заставила пересмотреть это решение. С учетом опыта применения во французской кампании вер-

махтом крупных танковых и механизированных соединений в СССР с середины 1940 г. начинают формировать 9 мехкорпусов по 2 танковые и 1 моторизованной дивизии в каждом. Предполагалось, что танковый корпус будет иметь 1 031 танк. В феврале—марте 1941 г. было решено сформировать еще 20 механизированных корпусов. Для этого требовалось почти 32 тыс. танков, в том числе 16,5 тыс. новых типов. Однако такого количества машин, да еще в течение года, взять практически было неоткуда. Поэтому к июню 1941 г. удалось укомплектовать механизированные соединения в среднем только на 53%⁸³.

По сути, к началу Великой Отечественной войны в СССР не было ни одного полностью укомплектованного и боеготового корпуса. Они больше напоминали учебные соединения, чем боевые единицы. Этой крупной ошибкой удалось бы избежать, если бы формирование механизированных корпусов осуществлялось последовательно с учетом производственных возможностей промышленности. Тогда можно было хотя бы сохранить сколоченные танковые бригады, иметь минимум боеготовых корпусов для решения важных оперативных задач в начале войны.

С 30-х годов в Красной Армии разворачивается новый род войск — воздушно-десантные войска. Начало этому было положено, когда в марте 1931 г. в Ленинградском военном округе был сформирован нештатный опытный авиамотодесантный, а в июне — нештатный парашютно-десантный отряды. В следующем году был образован штатный авиамотодесантный отряд, развернутый в 1933 г. в авиационно-десантную бригаду особого назначения, а в 1936 г. дополнительно созданы 2 авиабригады и 3 авиадесантных полка особого назначения. Спустя год все авиадесантные части разворачиваются в 6 воздушно-десантных бригад⁸⁴. Весной 1941 г. дополнительно формируются еще 9 бригад и создаются 5 воздушно-десантных корпусов. Для централизованного руководства ими при НКО СССР создается специальное управление во главе с командующим ВДВ.

С некоторым отставанием происходила реорганизация специальных родов войск. В 1923 г. инженерные войска кроме подразделений, входивших в состав дивизий, состояли из 43 строевых частей и подразделений — понтонных и электротехнических батальонов, отдельных прожекторных и военно-маскировочных рот, мотопонтонных и других отрядов, а также из 6 учебных частей центрального и окружных подчинений. В 30-е годы инженерные войска были переведены на более стройную организацию, но они по-прежнему оставались слабыми. Лишь в 1939—1941 гг. была проведена их структурная перестройка применительно к характеру операций возможной войны. Техническая оснащенность инженерных войск усилилась, были созданы окружные инженерные и понтонные полки.

Значительные изменения произошли в войсках связи. В 20-х годах они были в основном войсковыми подразделениями и частями. В центральном и окружном подчинении находились 10 полков связи, радиополк, 2 отдельных батальона связи, 10 радиобатальонов, 15 отдельных радиостанций и 12 станций голубиной связи. В 30-е годы отдельные роты и эскадроны связи дивизий и корпусов были развернуты в батальоны (дивизионы) связи, а также созданы армейские части связи, определен типовой комплект частей связи окружного и центрального подчинения.

Быстро рос автомобильный парк Вооруженных Сил. К концу 1940 г. в армии и на флоте имелось около 187 тыс. автомашин и 38 400 тракторов. Артиллерия постепенно переводилась на механизированную тягу. Начали создаваться крупные автомобильные части. К началу Великой Отечественной войны Красная Армия располагала 19 автомобильными полками, 37 отдельными автомобильными батальонами и 65 автомобильными депо⁸⁵.

Усиливались железнодорожные войска. В 1923 г. в их состав входили 6 управлений отдельных железнодорожных бригад, 22 отдельных железнодорожных баталь-

она и 2 коренных парка⁸⁶. Но уже осенью следующего года отдельные железнодорожные батальоны были переформированы в полки (в каждом по 2 эксплуатационных и 2 строительных батальона). В 30-е годы в составе железнодорожных войск был сформирован особый корпус (5 железнодорожных бригад), предназначенный для строительства и эксплуатации оборонных железнодорожных магистралей. В последующем развернули еще 8 отдельных железнодорожных бригад. Такой состав железнодорожных войск в основном обеспечивал решение первоочередных задач по прикрытию и восстановлению железных дорог.

Глубокие структурные преобразования произошли за межвоенный период в Военно-воздушных силах. В 1923 г. советские ВВС насчитывали 41 эскадрилью и несколько отдельных авиационных отрядов. С 1929 г. в их составе формируются однотипные и смешанные авиационные бригады, а в 1933 г. — авиационные корпуса. Наконец, с конца 1936 г., тяжелобомбардировочные корпуса сводятся в авиационные армии особого назначения (АОН), предназначенные для решения самостоятельных оперативно-стратегических задач. Однако в 1938 г. начинается обратный процесс: объединения и соединения разукрупняются, создаются полки по родам авиации, которые затем сводятся в авиационные бригады.

В 1940 г., с учетом опыта военных действий на Западе, ВВС радикально переорганизовываются. С этого времени устанавливается новое их деление: на авиацию Главного командования (дальнебомбардировочную), фронтовую, армейскую и войсковую авиацию.

В авиацию Главного командования входили 5 авиационных корпусов (2 бомбардировочные и истребительная дивизии в каждом), а также 2 отдельные дивизии. Фронтовая (ВВС военных округов) авиация включала отдельные бомбардировочные и истребительные авиационные дивизии однородного состава, а кроме того, смешанные авиационные дивизии в составе бомбардировочных, истребительных и штурмовых авиационных полков, разведывательных авиаполков. Армейская авиация состояла из смешанных авиационных дивизий, а войсковая — из корпусных авиаэскадриль по 16 самолетов в каждой (самолеты-разведчики, корректировщики и связи). Полки всех родов авиации делились на эскадрильи (по 12 самолетов в каждой) общим составом в 60—64 самолета. Всего к июню 1941 г. в ВВС насчитывалось 79 авиационных дивизий и 5 бригад (дальнебомбардировочная авиация — 13 бомбардировочных и 5 истребительных дивизий; ВВС округов и армий — 61 дивизия). Однако 25 авиадивизий, главным образом окружные и армейские, находились в стадии формирования и перевооружения на новые самолеты, а их летный состав проходил переподготовку⁸⁷.

Новое качество приобретают войска ПВО. Их развертывание начинается с 1928 г., когда для прикрытия важнейших административных и промышленных центров начали создаваться зенитно-артиллерийские полки и посты ВНОС. В 1932 г. для прикрытия Москвы, Ленинграда и Баку были сформированы зенитно-артиллерийские дивизии ПВО, а других крупных городов — бригады и полки ПВО. Эти соединения и части преобразуются соответственно в корпуса и бригады ПВО. В состав корпуса ПВО включается истребительная авиация. В начале 1941 г. вся территория Советского Союза была разделена на Северную, Северо-Западную, Западную, Киевскую, Южную, Северо-Кавказскую, Закавказскую, Среднеазиатскую, Забайкальскую, Дальневосточную, Московскую, Орловскую, и Харьковскую зоны ПВО. Общее руководство войсками ПВО возлагается на Главное управление ПВО РККА, подчиненное непосредственно наркомату обороны.

Руководство зоной ПВО осуществлял помощник командующего войсками округа по ПВО, он же являлся одновременно начальником зоны ПВО. Ему подчинялись все средства ПВО, исключение составляла истребительная авиация, которая остава-

лась в подчинении начальника ВВС округа. Зоны ПВО делились на районы, а районы на пункты. В тех случаях, когда в составе зоны имелось много частей ПВО, разбросанных на большой территории, создавались бригадные районы ПВО как промежуточное звено управления.

Военно-морской флот к концу 1923 г. насчитывал 392 корабля различных классов⁸⁸. В следующем году дивизионы эскадренных миноносцев и подводных лодок, отряды траления и заграждения развертываются в бригады. В 1932 г. были созданы Морские Силы Дальнего Востока, а в 1933 г. — Северная флотилия. В январе 1935 г. Морские Силы Балтийского и Черного морей и Морские Силы Дальнего Востока переименовываются во флоты — Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский, а Северная военная флотилия в мае 1937 г. преобразуется в Северный флот.

В декабре 1937 г., в связи с увеличением боевого состава Военно-морского флота и возрастанием его роли в решении оперативно-стратегических задач, он был выделен из РККА, а для руководства им образован Народный комиссариат ВМФ. В его составе кроме четырех флотов развертываются Каспийская, Амурская, Дунайская и Пинская военные флотилии, несколько военно-морских баз и ВВС. Всего Военно-морской флот к середине 1941 г. насчитывал 3 линейных корабля, 7 легких крейсеров, 54 эсминца и лидера, 212 подводных лодок, 270 торпедных катеров, 2 429 самолетов, более тысячи орудий береговой обороны⁸⁹. В постройке находилось еще 296 кораблей различных классов. Однако в составе флотов не хватало тральщиков и вспомогательных судов, средств ПВО, десантно-высадочных средств, а морская пехота имела только на Балтийском флоте.

В целом весь комплекс указанных организационно-структурных преобразований, безусловно, способствовал укреплению отечественных Вооруженных Сил. Однако многие мероприятия завершить не удалось. К тому же большинство их не только было необеспечено материально, но и неувязано между собой. В связи с этим возникли диспропорции в развитии различных родов войск. По-прежнему оставались нерешенными вопросы развертывания оперативных объединений. Начиная с лета 1939 г. в приграничных военных округах началось формирование общевойсковых армий, каждая из которых должна была включать несколько стрелковых корпусов, механизированный корпус, авиационную дивизию и ряд армейских частей. Но слаженность их оставалась низкой, а комплект армейских частей не в полной мере соответствовал своему назначению.

В соответствии с новым Законом о всеобщей воинской обязанности в армию и на флот призывались лица, которым исполнялось не 21 год, как было до сих пор, а 18—19 лет. Срок действительной службы в армии увеличивался с 2 до 3 лет, а на флоте — с 3 до 5. Это позволило к началу Великой Отечественной войны иметь в составе советских Вооруженных сил 5 373 тыс. человек, из них 79,3% находились в Сухопутных войсках, 11,5% — в ВВС, 5,8% — в ВМФ и 3,4% — в войсках ПВО.

Подготовка Вооруженных Сил

В это время одной из важнейших оборонных задач были подготовка и накопление военнообученных контингентов для развертывания Вооруженных Сил на случай войны. Основным способом ее решения была служба в армии и на флоте, где проходила подготовку основная масса военнообязанных. В то же время развивалась и система вневойсковой подготовки. В средних школах и техникумах было введено с этой целью преподавание военного дела. Были организованы соответствующие курсы в различных оборонных и спортивных обществах, прежде всего в Осоавиахиме (Обществе содействия обороне, авиационному и химическому строительству),

основанном в 1927 г. Оно подготовило сотни тысяч военных специалистов, летчиков, парашютистов, танкистов, связистов и др.

Начиная с 1926 г. для учащихся высших учебных заведений и техникумов была введена допризывная подготовка, на которую отводилось 180 часов теоретических занятий и 2 месяца летней практики в военных лагерях. Окончившие вузы и техникумы и прошедшие в них допризывную подготовку служили в армии 9 месяцев, а на флоте — 1 год. После сдачи экзаменов они увольнялись в качестве среднего начсостава запаса.

В 1930 г. в большинстве вузов и техникумов допризывную подготовку студентов заменили вневойсковой подготовкой, которая считалась для них действительной военной службой, причем учебные сборы в частях продолжались 3—4 месяца. После сдачи экзаменов студенты зачислялись в запас средними командирами, а большинство тех, кто заканчивал гуманитарные вузы, готовились в качестве полиработников запаса. С осени 1939 г. вневойсковая подготовка осталась только в высших учебных заведениях, а в школах для учащихся старших классов была введена допризывная подготовка. Кроме того, периодически проводилась переподготовка комсостава запаса.

В 30-е годы в Вооруженных Силах сложилась довольно стройная система оперативной, мобилизационной, боевой и политической подготовки. В последующем она непрерывно совершенствовалась. В войсках систематически проводились учения и маневры, в ходе которых отрабатывались различные виды боевых действий, проверялись основные положения боевых уставов, испытывалась новая техника. Наибольший интерес представляли маневры войск Киевского (1935) и Белорусского (1936) военных округов.

Однако в конце 30-х годов в связи с массовыми репрессиями против командного состава армии и флота созданная система боевой учебы начала постепенно разваливаться. Хуже всего то, что был утрачен методический опыт. В учебном процессе широкое распространение получили попустительство, упрощенчество, очковитирательство. Занятия и учения, как правило, проводились формально, что не замедлило отразиться на боевой выучке войск, а затем и на боевых действиях, особенно во время советско-финляндской войны. Положение удалось несколько поправить с приходом в наркомат обороны Тимошенко. Существенно подняв требовательность, он возродил старый принцип: «учить войска тому, что надо на войне». Но время было упущено, и армия вступила в Великую Отечественную войну недостаточно обученной.

Самым уязвимым местом в боеготовности Вооруженных Сил после окончания гражданской войны являлась подготовка командных кадров. В большинстве случаев их общеобразовательный и профессиональный уровень был чрезвычайно низким. Поэтому уже в конце 1921 г. по решению Совета труда и обороны принимаются меры по расширению сети военно-учебных заведений. На 1 октября 1923 г. действовали Военная академия РККА, 78 командных курсов, высших и нормальных военных школ⁹⁰. Были разработаны новые учебные планы и программы по военным и общеобразовательным предметам. В 1924—1925 гг. из стен военно-учебных заведений были выпущены 16 299 человек⁹¹. Этого, однако, было явно недостаточно для того, чтобы восполнить пробел, возникший после увольнения из армии бывших офицеров и генералов. В результате к 1925 г. в стрелковых войсках 36% старшего и 50% среднего комсостава имели образование ниже нормальной военной школы, в кавалерии 26,7% среднего и 48% старшего командного состава вовсе не имели военного образования⁹². Не лучше обстояло дело и в других родах войск.

Еще 26 ноября 1924 г. вышло постановление пленума РВС СССР «О сети военно-учебных заведений», а 30 ноября 1925 г. появился приказ о введении в действие «Положения о военных школах РККА». Одновременно продолжалось создание но-

вых вузов. К концу 20-х годов насчитывалось 6 военных академий, 5 военных факультетов при гражданских вузах, 2 высшие военные школы для подготовки высшего и старшего комсостава. С целью переподготовки среднего и части старшего начсостава были открыты курсы усовершенствования, а для командиров высшего звена управления — в 1925 г. курсы усовершенствования высшего начсостава (КУВНАС) при Военной академии РККА. Одновременно действовало 57 нормальных военных школ со сроком обучения 3—4 года, которые к началу 30-х годов подготовили около 24 тыс. человек⁹³.

С весны 1925 г. в войсках стали регулярно проводиться занятия в системе командирской подготовки. Все это позволило достичь определенных результатов в обучении командного состава. В итоговом приказе РВС СССР за 1928/29 учебный год отмечалось, что командир стал быстрее принимать решения на бой и операцию, возросло его умение применять технические средства борьбы, повысилось качество работы штабов в полевых условиях⁹⁴.

Важную роль в подготовке командных кадров сыграла директива «Система оперативной подготовки начсостава и штабов» от 7 января 1935 г. за подписью наркома обороны Ворошилова. Основной целью оперативной подготовки ставилась выработка твердых навыков по планированию операций, обеспечению непрерывного управления и взаимодействия в различных условиях боевой обстановки, организации бесперебойной работы тыла⁹⁵. В указании начальника Генерального штаба Егорова от 6 января 1936 г. четко определялись формы и методы обучения командного состава и штабов⁹⁶.

Первая половина 30-х годов характеризуется дальнейшим повышением уровня подготовки военных кадров благодаря интенсивному проведению различного рода занятий. Например, летом 1930 г. начсостав Московского военного округа участвовал в сборах по изучению новой техники и способов ее применения, а в Ленинградском военном округе летом 1933 г. начсостав получил навыки в организации и осуществлении ввода в прорыв механизированного корпуса⁹⁷. Комсостав Приволжского военного округа в 1933—1934 гг. принимал участие в опытных учениях с боевой стрельбой, где проверялись основные положения теории глубокой операции и боя. В Киевском военном округе в марте 1936 г. командиры и их штабы на окружной двусторонней оперативно-стратегической военной игре отрабатывали вопросы организации и ведения армейской наступательной операции⁹⁸. В ноябре 1936 г. нарком обороны Ворошилов отмечал, что высший начсостав и штабы «значительно выросли и в основном освоили теорию и практику оперативного вождения войск»⁹⁹.

Однако в середине 30-х годов массовые репрессии, обрушившиеся на командные кадры, практически свели на нет всю ранее проделанную работу. В 1940 г. удельный вес лиц с высшим военным образованием сократился более чем в два раза по сравнению с 1936 г., 70% командиров и начальников имели образование в объеме средней школы и краткосрочных курсов, а лица с боевым опытом составляли всего-навсего 26%¹⁰⁰. Для исправления возникшего положения в 1940 г. было сформировано 42 военных училища, количество слушателей в военных академиях по сравнению с 1937 г. увеличилось более чем в два раза, а курсантов — почти в пять раз¹⁰¹. К началу Великой Отечественной войны в СССР военные кадры готовили 19 военных академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, 7 высших военно-морских и 203 военных училища, 68 курсов усовершенствования, на которых обучались свыше 300 тыс. слушателей и курсантов¹⁰².

С 1940 г. возобновилась практика проведения военных игр и командно-штабных учений. И все же к началу Великой Отечественной войны полностью устранить все пробелы в подготовке командных кадров так и не удалось. Многие командиры не

умели организовывать бой на местности, управлять войсками в ходе маневренных оборонительных и наступательных действий, слабо знали организацию и тактику вероятного противника, порядок организации взаимодействия и обеспечения операций. «Крупным недостатком программ военных академий является то, — отмечалось в акте о приеме НКО, — что в этих программах отводится мало времени специальным дисциплинам, что отражается на качестве подготовки. Новыми образцами вооружения военные академии и военные училища обеспечены недостаточно. В военных академиях и военных училищах отмечается низкая требовательность, имеет место завышение оценок. Подготовка слушателей в военных академиях и курсантов в военных училищах имеет ряд существенных недостатков, из коих главными являются: а) недостаточное знание материальной части; б) недостаточность практических навыков»¹⁰³. Все это пришлось оплачивать кровью с началом войны.

3. Развитие теории ведения стратегических операций

На рубеже 30-х — 40-х годов в мире сложилась исключительно сложная и напряженная военно-политическая обстановка, обострился экономический кризис, расширился масштаб военных угроз, вызванный агрессивной политикой правящей верхушки Германии, Японии и Италии. Наряду с этим наблюдались небывалая гонка вооружений, быстрый рост армий всех государств, увеличение арсенала находившихся на их оснащении средств вооруженной борьбы. Все это, вместе взятое, вынуждало к активному поиску целесообразной политической и военной стратегии, которая позволила бы полнее и надежнее гарантировать национальную безопасность, успешнее отразить вероятную агрессию, добиться достижения целей в предстоящей войне. С учетом установившихся представлений о ее характере, реального состояния и возможностей собственных Вооруженных Сил и в то же время армий вероятного противника важно было в первую очередь определить, как начнется война, какие стратегические задачи возникнут перед Вооруженными Силами и как их решать. Соответственно на первый план выдвигались прежде всего такие вопросы, как проблема начального периода войны, подготовки и ведения первых и последующих операций.

Взгляды на начальный период войны

В первой половине 20-х годов в основе концепции начального периода войны лежали взгляды, сложившиеся на основе опыта первой мировой войны. В соответствии с ними считалось, что период этот будет охватывать промежуток времени от объявления войны до завершения развертывания и начала решающих операций главных сил воюющих сторон. При этом предполагалось, что с момента объявления войны противники проведут мобилизацию, а под прикрытием ограниченных боевых действий одновременно или с некоторым разрывом по времени сосредоточат и развернут на театрах военных действий необходимые стратегические группировки своих вооруженных сил. Ожидалось, что этот период продлится не менее 10—15 суток.

Однако вскоре выяснилось, что в связи с бурным развитием авиации и танковых войск война скорее всего начнется с внезапного нападения агрессора, т. е. без официального ее объявления, а ее начальный период в отличие от первой мировой войны будет характеризоваться ожесточенной борьбой на земле, в воздухе и на море за захват и удержание стратегической инициативы. Причем еще в мирное время агрессор будет стремиться скрытно и в короткие сроки провести частичную мобилизацию, попытается сосредоточить в приграничных районах значительное ко-

личество войск (армии вторжения), ядром которых явятся танковые и моторизованные соединения. При поддержке авиации они до общей мобилизации приступят к проведению приграничных наступательных операций с целью разгромить приграничные войска, сорвать мобилизацию главных сил, их сосредоточение и стратегическое развертывание.

С учетом всего этого начальник Штаба РККА Тухачевский уже в начале 1926 г. определил важнейшей задачей военно-теоретической мысли исследование одного «из существеннейших вопросов нашей подготовки к войне — вопроса об определении характера предстоящей нам войны и ее начального периода, в первую очередь, конечно, на Европейском театре»¹⁰⁴. В том же году в своей брошюре «Вопросы современной военной стратегии» он подчеркнул, что старые представления о способах развертывания войск и ведения приграничных сражений уже не соответствуют возможностям новых боевых средств. По его мнению, агрессор попытается сорвать планомерную мобилизацию в примыкающих к границе районах, в связи с чем особую важность приобретает разработка первого периода войны¹⁰⁵.

В начале 30-х годов эти взгляды стали, по существу, общепризнанными. Р. П. Эйдеман, начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе, в статье «К вопросу о характере начального периода войны» писал, что качественные показатели, отличающие армию 1930 г. от армий 1914 г., вносят изменения в военно-технический характер завязки войны, а «тот, кто этого не учтет, будет жестоко наказан». По его мнению, первые же часы войны ознаменуются ожесточенной воздушной борьбой. При поддержке авиации в наступление перейдут подвижные механизированные войска с целью как можно глубже вторгнуться в пределы территории противника. А тем временем под прикрытием войск вторжения и ударов авиации будет проводиться мобилизация и вводиться в сражение первый стратегический эшелон. «Борьба за право развернуться первым, — подчеркивал автор, — вот что, по нашему мнению, будет характеризовать завязку будущей войны»¹⁰⁶.

В свою очередь начальник ВВС РККА Я. А. Алкснис предостерегал от чрезмерного растягивания по времени предмобилизационного периода, чтобы не позволить более слабому противнику выхватить инициативу из рук более сильного. Этот период, как указывал он, необходим в трех случаях: когда армия недостаточно подготовлена к войне и мобилизации; когда нет уверенности, что конфликт завершится войной; когда обе стороны не желают брать на себя ответственность за объявление войны¹⁰⁷.

О начальном периоде войны писали в то время С. И. Венцов, С. Н. Красильников, Е. А. Шниловский, Р. С. Циффер и др. Циффер, например, в своей статье «Характеристика предстоящей войны» отмечал, что начальный период займет время от начала военных действий до сосредоточения сил, достаточных для решительных пограничных сражений. Он полагал важным сократить продолжительность начального периода за счет дислокации в пограничных районах сильных гарнизонов, что, по его мнению, уменьшило бы количество перевозимых войск во время развертывания армии, а также за счет широкого использования для ее сосредоточения автотранспорта. Во всяком случае, автор статьи убеждал всех, что начальный период не будет продолжительным, а в качестве довода приводил такой аргумент: в случае нападения на СССР империалистических стран в их тылу трудящиеся начнут гражданскую войну¹⁰⁸.

Проблемы начального периода войны глубоко анализировались в Генеральном штабе РККА и военных академиях. В 1932 г. под руководством начальника Штаба РККА Егорова были разработаны, а затем представлены в Реввоенсовет СССР тезисы «Тактика и оперативное искусство РККА начала тридцатых годов». В них подчеркивалось, что «новы е средства во ору ж е н н о й б о р ь б ы (авиация, меха-

низированные и моторизованные соединения, модернизированная конница, авиадесанты и т. д.), их качественный и количественный рост ставят по-новому вопросы начального периода войны и характер современных операций». В этом документе были определены основные цели групп вторжения: а) уничтожение частей прикрытия; б) срыв в пограничных районах мобилизации и новых формирований; в) захват и уничтожение запасов, образованных противником для ведения войны и удержание районов оперативного значения, указанных в задаче как одна из основных целей глубокого вторжения на территорию противника; г) вынудить противника отвести развертывание глубоко в тыл¹⁰⁹. Решая эти задачи, стороны, по мнению Егорова, будут стремиться упредить противника в развертывании главных сил и захвате стратегической инициативы.

Особо подчеркивалось, что в начальный период главную опасность будет представлять авиация, которая бомбовыми ударами и высадкой десантов может на глубине 600—800 км помешать перевозкам войск. Поэтому «основной гарантией возможности бесперебойного выполнения плана сосредоточения является наличие мощного воздушного флота, средств зенитной обороны...»¹¹⁰. Не меньшую опасность могут представлять подвижные соединения. Для их нейтрализации авторы тезисов предлагали использовать мощные механизированные группы и конные части, соответствующим образом дислоцированные в мирное время. Вместе с тем Егоров утверждал, что «группы вторжения в состоянии будут создать лишь ряд кризисов, нанести ряд поражений армии прикрытия, но не могут разрешить вопроса окончания войны или нанесения решительного поражения его главным силам. Это — задача последующего периода операций, когда закончится оперативное сосредоточение»¹¹¹. Такой вывод лишний раз доказывает, что по-прежнему отдавалась дань старому.

Вопросы, связанные с начальным периодом войны, стали отрабатываться на военных играх, учениях и маневрах. Так, в мае 1929 г. по замыслу армейской двустепенной двусторонней военной игры, состоявшейся под руководством командующего Московским военным округом И. П. Уборевича, условный противник («синие») упредил «красных» в развертывании и нанес удар на киевском направлении. В свою очередь «красные», перейдя к обороне на этом направлении, сосредоточили крупные силы в Белоруссии, которые начали наступление на варшавском направлении. Оценивая сложившуюся обстановку на разборе игры, Уборевич верно подметил: «У поляков железнодорожная сеть богаче, а у нас беднее и территория больше. Поэтому мы будем опаздывать. Это было во время германской войны, это будет и в предстоящей войне»¹¹².

Вместе с тем надо учесть, что в полном соответствии с замыслом этой игры «синие» начинали нападение на «красных» с объявления войны. Это характерно и для односторонней военной игры высшего начсостава ВВС РККА, состоявшейся в октябре 1931 г., где отрабатывалось нападение на СССР объединенных сил «желтых», «зеленых» и «синих» (имелись в виду Румыния, Венгрия, Болгария и Франция). По условиям игры «красные» на четвертый день после объявления войны развернулись в районе Днестра и отбили все попытки условного противника переправиться через реку¹¹³.

Последующие исследования показали ошибочность таких установок. Выход в свет целого ряда теоретических трудов позволил глубже разобраться в сущности и содержании начального периода войны, особенностях проводимых в тот период операций и боевых действий. Значительный вклад в решение этих проблем внесли как отечественные военные ученые и военачальники, так и зарубежные военные деятели.

Немецкий генерал Х. Сект в своей статье «Мысли солдата» утверждал, что будущая война начнется с внезапного нападения воздушных сил и небольшой, отлично вооруженной профессионально-народной армии (армия прикрытия или оперативная

армия)¹¹⁴. Его взгляды разделяли некоторые французские генералы, в том числе Ф. Кюльман и Шалеа, английский генерал Б. Лиддел Гарт. Большинство же западных военных теоретиков исходило из того, что это будет война массовых армий и начнется она крупными решительными операциями всех видов вооруженных сил.

Подобный способ действий на Западе отрабатывался в основном при проведении оперативных учений. Так, в 1933 г. в Польше была проведена военная игра, в ходе которой было отработано вторжение на территорию Советского Союза под предлогом обеспечения прикрытия развертываемых вооруженных сил¹¹⁵. В 1934—1936 гг. в Германии, Польше, Италии и Франции также отрабатывались действия армий вторжения с прорывом их на территорию противника с целью уничтожения войск прикрытия. Изучалась возможность рейдов мотомеханизированных соединений при поддержке конницы в тыл противника для срыва мобилизации и сосредоточения его главных сил. Исследовались способы нанесения массированных ударов авиации по важным политическим, административным, военным центрам и объектам¹¹⁶. Основной упор при этом делался на внезапность нападения и быстрый захват стратегической инициативы.

Советское высшее военное руководство придерживалось иного мнения, а именно: возможности и неизбежности более решительных и масштабных действий в этот период. Впрочем, и большинство отечественных военных теоретиков разделяли эту точку зрения. Так, Шиловский в статье «Начальный период войны» писал в 1933 г.: «Даже при поверхностном обзоре современной политической ситуации и состояния военной техники (особенно развития авиации и мотомеханизированных войск) ясно, что начальный период будущей войны будет резко отличаться от такового в 1914 г. Он будет совсем другой, как по своему содержанию, так и по формам военных действий. В определенных случаях его даже может не быть в прежнем понимании, как четко ограниченного отрезка времени: он, с одной стороны, может раствориться в длительно проводимых мероприятиях подготовительного порядка, а с другой — незаметно перейти в ведение операций»¹¹⁷.

Что касается характера военных действий в начале войны, то Шиловский в отличие от зарубежных авторов считал, что вместо действий относительно небольших групп в узкой пограничной полосе, как было в начальный период первой мировой войны, в будущей войне ожесточенная борьба развернется с первых же часов на большом пространстве. При этом авиация и мотомеханизированные войска могут настолько сильно потрясти противника, что результат их действий решающим образом скажется на ходе последующих операций и, возможно, даже на исходе всей войны. Обосновав огромное влияние начальных операций на ход и исход войны, он показал необходимость подготовки страны и Вооруженных Сил к такой войне, которая позволила бы с самого ее начала вести наступательные операции с решительными целями.

Еще более определенно на этот счет высказался Тухачевский в работе «Характер пограничных операций». Он сделал вывод, что действия армии прикрытия выльются в ожесточенное пограничное сражение крупного масштаба, которое раньше считалось прерогативой главных сил. В связи с этим войска первого стратегического эшелона, призванные вести это сражение, Тухачевский назвал не армией прикрытия, а передовой армией. «Пограничное сражение, — писал он, — будут вести не главные силы армии, как это было в прежних войнах, а особые части, особая передовая армия, дислоцированная в приграничной полосе»¹¹⁸. Ядро передовой армии, по его мнению, должны составлять механизированные и кавалерийские соединения, содержащиеся по штатам военного времени и дислоцирующиеся в 50—70 км от границы, а также соединения авиации, расположенные в 120—200 км от границы.

В день объявления войны и начала общей мобилизации передовая армия, как полагал он, вступит в сражение, содержанием которого явятся: удары авиации по

аэродромам и посадочным площадкам противника в полосе глубиной 150—200 км; действия авиадесантов в полосе глубиной до 250 км по срыву мобилизации противника, подрыву его железных и шоссейных дорог, изоляции его гарнизонов и уничтожению войск; налеты штурмовой авиации на железнодорожную сеть противника в целях полного срыва его стратегического сосредоточения; уничтожение противника в полосе глубиной до 250 км совместными усилиями авиации, авиадесантов, механизированных войск, конницы и стрелковых войск на автомобилях. В случае успеха пограничного сражения, по мнению автора, откроется возможность беспрепятственного решения задачи стратегического сосредоточения и развертывания главных сил с широким использованием железных дорог. При этом войска могут подаваться к самой границе, а некоторые части будут высаживаться даже на территории противника.

Вместе с тем Тухачевский допускал активные действия со стороны противника. Он предупреждал о возможности в первые часы войны высадки в тылу советских войск авиадесантов противника, а также проникновения вглубь отдельных групп его танков. В связи с этим он подчеркивал необходимость надлежащей подготовки и готовности своих войск, но главное, на чем он настаивал, — нельзя недооценивать противника. «Утешать себя тем, что наши возможные противники медленно перестраиваются по-новому, не следует, — предостерегал Тухачевский. — Противник может перестроиться внезапно и неожиданно. Лучше самим предупредить врагов. Лучше поменьше делать ошибок, чем на ошибках учиться»¹¹⁹.

Наряду с военными теоретиками, проблемы начального периода войны пытались решать и политические деятели, которые имели весьма смутное представление о военной науке. Так, в 1932 г. Пленум Исполкома Коминтерна отметил на его взгляд качественно новое явление в процессе подготовки войны, ее развязывания и ведения — так называемое «вползание в войну». Это было подхвачено некоторыми военными теоретиками. «Новый термин «вползание в войну», — отмечал Шиловский, — подразумевает скрытые методы подготовки к войне и фактическое начало военных действий без официального объявления войны, чтобы замаскировать, скрыть от народных масс момент возникновения новой империалистической мировой войны»¹²⁰. При этом сосредоточение и развертывание армии вторжения, а также мобилизация главных сил будут осуществляться постепенно, маскируясь различными предложениями, как то — сборы, маневры, учения и т. д.

Обстоятельный анализ военно-политических и военно-стратегических факторов, обусловленных рождением этого нового явления, был сделан В. А. Меликовым и С. Н. Красильниковым. Последний, в частности, писал, что характерными чертами «вползания» являются переплетение состояния «войны» и «не войны», наличие дипломатических и торговых отношений и переговоров между странами, фактически проводящими мобилизацию и частичное сосредоточение сил друг против друга. В этой связи «вползание в войну» он рассматривал только в качестве переходного этапа «к всеобщей мобилизации и сосредоточению, их первый акт в новых условиях»¹²¹.

По мнению Красильникова, применение такого способа действий вызывается стремлением агрессора:

а) поднимать народ на войну не путем одновременной мобилизации, а постепенно, отдельными группами, чтобы «замазать» начало войны;

б) получить возможно большую свободу маневра во внешней политике в условиях внутривнутриполитической неустойчивости, использовать предпоследний аргумент дипломатии — давление сосредоточением военных сил без объявления мобилизации и войны;

в) отмобилизовать промышленность ранее начала мобилизации армии и изготовиться к войне в порядке чрезвычайных ассигнований;

г) собрать и полностью изготовить минимум сил, необходимых для предварительных операций до начала войны и объявления мобилизации, исключив тем самым необходимость с началом военных действий проводить сосредоточение под воздействием современной авиации и других средств¹²².

Особое значение военные ученые и практики придавали срыву планов противника в начальном периоде войны. Главным условием этого считались высочайшая бдительность, активность и решительность. Всеми единодушно подчеркивалось, что пассивность, выжидание могут привести к плачевным результатам. «Самое худшее в современных условиях — писал Эйдеман, — это стремление в начальный период войны придерживаться тактики выжидания. Такая тактика при активном противнике, подготовившем свой воздушный флот и подвижные наземные войска для активных действий уже в начальный период войны, приведет к тому, что авиация обороняющегося, будучи принуждена распылять свои усилия по всему пространству обороняемой территории, неизбежно понесет в этой борьбе крупные потери и вступит в конечном счете в решающий фазис войны достаточно измотанной и морально подавленной»¹²³.

На основе теоретических исследований Генеральный штаб в 1934 г. разработал проект «Наставления по операции вторжения». В нем начальный период войны был определен как период борьбы за стратегическое развертывание вооруженных сил. На войска (группы) вторжения возлагались задачи, определенные еще в тезисах «Тактика и оперативное искусство РККА начала тридцатых годов». Основные положения проекта «Наставления по операции вторжения» были проверены высшим начсоставом Белорусского и Приволжского военных округов во время полевой поездки, состоявшейся в мае 1935 г. Возглавил ее начальник Генерального штаба РККА Егоров. Тема полевой поездки — «Действия в начальном периоде войны в условиях, когда противник упреждает в развертывании»¹²⁴. По ее итогам был сделан следующий вывод: войска прикрытия должны сохранять силы даже ценой частичной потери своей территории.

В начале января 1936 г. были изданы директивы наркома обороны СССР Ворошилова и начальника Генерального штаба РККА Егорова, в соответствии с которыми 1936 г. объявлялся годом отработки проблем начального периода на оперативном фоне будущей войны. На сентябрьских маневрах войск Киевского военного округа года один из этапов был непосредственно посвящен этой проблеме. В соответствии с преднамеренно созданной обстановкой условный противник, как и прежде, имел преимущества в развертывании и вторжении на территорию СССР. Но в отличие от игры 1935 г. «красные», усилив войска прикрытия стрелковыми, кавалерийскими и механизированными соединениями, сумели остановить продвижение противника и под угрозой окружения вынудили его отойти на свою территорию¹²⁵.

На следующий год в Генеральном штабе под руководством Егорова прошла военно-стратегическая игра на тему «Начальный период войны на Западном театре войны». По обстановке авиация «синих» (подразумевались Германия и Польша) без объявления войны нанесла удары по железнодорожным узлам, аэродромам и районам сосредоточения групп вторжения «красных». В ответ на это «красные» перешли границу, сосредоточив основные усилия на юго-западном стратегическом направлении. Тем не менее, игра показала, что главные силы Красной Армии опаздывают в сосредоточении на 10 дней, а «синие» благодаря этому получают возможность наносить им поражение по частям.

В последующие годы на учениях и маневрах отработка разновариантных действий больше не допускалась. Единственным и определяющим стал вариант, по которому Красная Армия с первых дней войны наносила поражение противнику, отбрасывала его от границы и вела наступление на вражеской территории. При этом нарком

обороны Ворошилов требовал все задачи по отработке начального периода войны строить «на отвлеченной обстановке, не приближенной в политическом отношении к условиям сегодняшнего дня»¹²⁶.

В целом официальный взгляд на начальный период войны в конце 30-х годов сводился к следующему:

1. Современные войны не объявляются, а начинаются внезапно, вероломно. Поэтому уже в мирное время должны быть созданы могучие вооруженные силы, находящиеся в постоянной боевой готовности.

2. Война начнется крупными силами, но не основными. В это время главные силы будут завершать мобилизацию, продолжат сосредоточение и стратегическое развертывание под прикрытием первого эшелона.

3. Войска приграничных военных округов (армии прикрытия), заранее отмобилизованные, развернутые и приведенные в повышенную боевую готовность, должны нанести немедленный ответный удар. Одновременно начнется всеобщая мобилизация для создания второго стратегического эшелона главных сил Красной Армии.

4. В ходе начального периода армии приграничных округов, опираясь на действия авиации, бронетанковых и механизированных войск, отразят нападение противника и перенесут борьбу на его территорию. Одновременно завершаются мобилизация, сосредоточение и развертывание главных сил, которые, опираясь на успешные действия войск армий прикрытия, начнут свои операции в значительно более выгодных условиях, чем это было возможно при прежних взглядах на ведение начального периода войны.

Однако эти установки во многом уже не отвечали изменившимся условиям развязывания войны. Это со всей очевидностью выявилось при нападении Германии на Польшу, а затем при разгроме Франции. И в том и в другом случае Германия нанесла удар скрытно отмобилизованными и развернутыми главными силами. Нельзя сказать, что это обстоятельство осталось в СССР незамеченным. «Германо-польская война началась самим фактом вооруженного вторжения Германии на земле и в воздухе, — писал преподаватель Военной академии Генерального штаба Иссерсон. — Она началась сразу, без обычных для практики прошлых войн предварительных этапов»¹²⁷. В сущности это явилось главной стратегической внезапностью для поляков, так как военные руководители Польши и мысли не допускали о том, что Германия нападет на них всеми необходимыми, заранее и скрытно отмобилизованными силами.

Новые явления в содержании начального периода отмечал и Красильников в труде «Наступательная армейская операция», изданном в Академии Генерального штаба в 1940 г. Он писал: «Начальный период войны не является ныне подготовительным этапом войны, так как подготовительным этапом становится предвоенный более или менее длительный период, в который могут быть проведены полностью или частично все мероприятия, ранее составлявшие содержание начального периода войны... Начальный период непосредственно и постепенно перерастает в период главных операций, а грань между этими периодами стирается»¹²⁸.

Внезапное нападение Германии на Польшу обсуждалось в декабре 1940 г. на совещании высшего руководства РККА. На нем были подмечены внезапность нападения, решающая роль авиации и танковых войск в ведении маневренной войны и нанесении мощных ответных ударов по противнику в самом ее начале. В то же время считалось, что внезапное нападение заранее отмобилизованными силами возможно лишь в войне с небольшим государством. Для нападения же на Советский Союз противнику потребуется определенное время, чтобы отмобилизовать, сосредоточить и развернуть основные силы. Предполагалось, что обе стороны начнут бое-

вые действия лишь частью сил, а для развертывания главных сил Красной Армии, равно как и главных сил вермахта, потребуется около двух недель.

На этом совещании генерал-лейтенант П. С. Кленов, начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа, с резкой критикой обрушился на Иссерсона, автора книги «Новые формы борьбы», за его оценку опыта германо-польской войны, особенно по поводу того, что «начального периода войны не будет», а начнется она вторжением готовых сил. «Я считаю подобный вывод преждевременным, — заявил Кленов. — Он может быть допущен для такого государства, как Польша, которая, зазнавшись, потеряла всякую бдительность и у которой не было никакой разведки того, что делалось у немцев в период многомесячного сосредоточения войск»¹²⁹. Увы, сама жизнь опровергла столь самонадеянный вывод генерала.

В январе 1941 г. Генеральный штаб РККА провел две оперативно-стратегические игры с целью дать возможность высшему командованию попрактиковаться в планировании и организации фронтовой и армейской наступательных операций, но, к сожалению на обеих играх из розыгрыша полностью были исключены операции начального периода войны.

В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Жуков отмечал: «Крупным пробелом в советской военной науке было то, что мы не сделали практических выводов из опыта сражений начального периода второй мировой войны на Западе»¹³⁰. А далее он писал: «При переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы, и условия были далеко не равными»¹³¹.

Взгляды на стратегическое наступление

Официальная оценка характера будущей войны как революционно-классовой ориентировала советскую военную стратегию на самые решительные действия для достижения военно-политических целей. Поэтому в 30-е — 40-е годы разработка способов ведения стратегического наступления имела приоритетное значение в трудах отечественных военных теоретиков. Эти же положения были закреплены и во всех руководящих документах. Во Временном полевом уставе 1925 г., например, отмечалось: «Обороняясь, можно только ослабить противника, но не уничтожить его. Уничтожение же его боевых единиц достигается только путем наступления»¹³².

Правда, были и сторонники более экономных способов действий, особенно в стратегическом масштабе. Так, командующий Сибирским военным округом Н. Н. Петин, выступая на I Всероссийском съезде командного и политического состава с докладом «Маневр как основной стимул стратегии и тактики», заявил: «Задача войны — разгром противника, но каким путем. Не путем поголовной резни, бойни, а путем психологического воздействия на массу, внушения ей мысли о бесплодности и бесцельности дальнейшего сопротивления и необходимости покориться воле противника. Достигнуть этого в рамках стратегии и тактики скорее всего можно маневром, который производит ошеломляющее, всесокрушающее впечатление своими молниеносными ударами, если последние наносятся неожиданно в наиболее уязвимые пункты неприятельского расположения»¹³³.

Однако подобная точка зрения не была поддержана. Так, в «Наставлении по ведению операций» (1924) подчеркивалось: «Задачей каждой операции и боя является

уничтожение вооруженной силы врага и его технических средств борьбы»¹³⁴. На этой позиции твердо стояло большинство, но активнее всех это требование отстаивал Тухачевский. Критикуя взгляды Петина, он в своей работе «Вопросы высшего командования» писал: «Операции ведутся для уничтожения живой силы врага, что необходимо для достижения целей войны. Наиболее выгодное уничтожение достигается путем пленения противника, так как помимо ослабления неприятельской армии пленные экономически укрепляют тыл победителя. Если пленение затруднительно или не удается, операция должна достигнуть уничтожения путем физического истребления врага. На активности, избрательности, на решительном стремлении к уничтожению армии противника должны быть воспитаны командиры всех степеней»¹³⁵. По мнению Тухачевского, после уничтожения вооруженной силы открывается беспрепятственная дорога для занятия основных промышленных районов противника, победа над последним автоматически передает в руки победителю всю обороняемую противником территорию, что является основным правилом.

Одним из важных вопросов являлось определение способов ведения стратегических операций. Анализируя опыт первой мировой и гражданской войн в России, отечественная военно-теоретическая мысль пришла к выводу, что в большой войне из-за высокой живучести армий для победы над противником недостаточно одного удара, одной наступательной операции, даже если она будет гигантской по своим масштабам. Необходимо поэтому серия наступательных операций, проводимых на широком фронте и на большую глубину. Обосновывая это положение, Каменев в работе «Очередные военные задачи» подчеркивал: «В войне современных больших армий для действительного разгрома противника нужна сумма непрерывных и планомерных побед на всем фронте борьбы, последовательно дополняющих одна другую и связанных между собой по времени. Только при помощи такой цепи побед можно рассчитывать сокрушить волю противника, не позволив ему использовать имеющиеся в его распоряжении живые и материальные средства для восстановления разгромленных участков»¹³⁶.

Оценка характера будущей войны как войны длительной, затяжной predeterminedляла необходимость ее расчленения на периоды, кампании и стратегические операции, определения характера и масштабов тех задач, которые могли быть решены на пути к конечной цели войны. Однако четких определений понятий «период войны», «этап войны», «кампания», «стратегическая операция» в 20-х и даже в 30-х годах еще не было, что приводило к их различному толкованию.

Тухачевский, например, под кампанией понимал «ряд операций, объединенных одной общей идеей и построенных на непрерывном действии»¹³⁷. Кампании, по его мнению, могли характеризовать то целый период войны, то часть его, то совпадать с рядом последовательных операций. Свечин понимал под кампанией «несколько операций, объединенных временем и местом»...¹³⁸ Н. Н. Мовчин считал, что кампания — это собирательное понятие, обнимающее собой всю совокупность действий на определенном театре военных действий за большой промежуток времени, а ряд последовательных операций составляет наиболее существенную и решающую часть кампании, хотя последняя может содержать в себе и несколько весьма непоследовательных операций¹³⁹. В Большой советской энциклопедии за 1937 г. кампания определялась как «совокупность военных операций, связанных общим замыслом и составляющих по времени и месту определенный отрезок той или другой войны. А далее отмечалось: «Война в большинстве случаев состоит из кампаний, причем учитываются отдельные театры, на которых они развертываются»¹⁴⁰.

Еще сложнее обстояло с установлением целесообразной последовательности действий Вооруженных Сил и распределением их усилий. Все были согласны с тем, что даже после полного стратегического развертывания Вооруженные Силы не могут

вести стратегическое наступление одновременно на всех театрах военных действий против вооруженных сил нескольких государств, входивших во враждебную коалицию. Поэтому разгром их предусматривалось осуществлять путем проведения последовательного стратегического наступления, т. е. крупных операций на различных театрах военных действий, начиная с главного.

«...Ведя войну против коалиции, — писал Тухачевский, — нужно уметь построить план ликвидации не всей коалиции сразу, а по частям, последовательно и планомерно. Умение оценить таким образом обстановку, разложить ее на составные части, подметить значение одного, другого, третьего члена этой коалиции и правильно построить план их последовательной ликвидации, пока не создается выгодное, подавляющее в нашу пользу соотношение сил, все это является основной трудностью и вместе с тем основой искусства современной стратегии. Борьба в наших условиях должна распадаться на целый ряд периодов войны»¹⁴¹.

Считалось, что для разгрома противника на главном театре военных действий — Западном необходимо развернуть два фронта, а на остальных — по одному фронту в составе 3—4 армий и 1—2 кавалерийских корпусов на каждом (всего до 50 дивизий).

Постепенно формировались и уточнялись взгляды на характер и способы ведения стратегических наступательных операций. Опыт первой мировой и гражданской войн в России показал, что глубина стратегического наступления имеет свой определенный предел, так как наступающие войска неминуемо слабеют за счет потерь в боях и больных, а также из-за того, что они вынуждены оставлять часть сил для закрепления занятой у противника территории, растягивать свои коммуникации и использовать резервы. Поэтому одной из важнейших проблем военно-теоретической мысли была проблема теоретического расчета глубины стратегического наступления в войне. Основательнее всего она была освещена Свечинным в «Стратегии», Тухачевским в «Вопросах высшего командования» и Триандафилловым в «Характере современных операций».

Свечин отмечал, что так как стратегическое наступление требует значительной затраты сил, предпосылкой длительного наступления является непрерывный приток свежих сил, а в противном случае даже самое искусное стратегическое наступление ведет к катастрофе. «Политик, устанавливая конечную политическую цель войны, должен внимательно выслушать консультацию стратега, так как из политической цели определено будет вытекать и конечная военная цель, — писал он. — Наступление, перевалившее за свою кульминационную точку, очень быстро приобретает характер авантюры, и всякое дальнейшее его развитие является лишь наиболее совершенной подготовкой перехода неприятеля от преследования негативных целей к преследованию позитивных целей, которые могут получить самый большой размах... Отсюда понятно, как важно оценить вовремя предел, за которым наступление переходит в авантюру и начинает обращаться в подготовку неприятельского контрудара... Наступающий должен помнить, что простое продвижение вперед только ослабляет его и представляет очень условный плюс: уменьшается то расстояние до кульминационной точки, на протяжении которого он может собрать урожай своих успехов.»¹⁴² Свечин настаивал на том, что, как только наступает момент потери войсками тактических преимуществ, стратегия должна пересмотреть вопрос о целесообразности продолжения операции и закончить ее на соответствующем рубеже, иногда, может быть, даже с отказом от части захваченной территории.

В 20-х годах из-за почти полного отсутствия автотранспорта подвоз всех средств материального снабжения войск приходился на железные дороги и гужевой транспорт. Поэтому считалось, что фронты в состоянии безостановочно в течение месяца продвинуться на глубину от 350 до 400 км. Однако на такую глубину не могла

наступать одна и та же группировка, хотя бы потому, что изменялся фронт наступления, а главное — противник был способен предпринять попытку либо ускользнуть из-под удара, либо подвести новые силы. В результате для его разгрома на том или ином этапе стратегического наступления могло потребоваться создание новой группировки сил и средств.

С учетом этого при разработке способов ведения стратегического наступления большое внимание уделялось вопросам наращивания усилий войск и ведения последовательных фронтовых наступательных операций. «В наших западных условиях, — писал по этому поводу Тухачевский, — ряд последовательных операций является нашим окончательным средством для уничтожения армий противника ... Наша Красная Армия... должна быть на сто процентов готова к выполнению непрерывных операций. В этом заключается основа нашего стратегического успеха, в этом заключается для нас ключ экономного ведения войны.»¹⁴³ Он считал, что быстро развивающиеся последовательные операции могут не дать противнику возможности перегруппироваться, и он окажется прижатым к последнему рубежу в невыгодной для себя группировке.

Предполагалось, что в ходе непрерывного наступления на глубину 350—400 км фронты проведут 2—3 операции, после чего они вынуждены будут приостановить наступление на определенное время, чтобы наладить коммуникации и подтянуть тылы. Непрерывное наступление фронтов на глубину свыше 350—400 км считалось возможным лишь тогда, когда в первом столкновении (исходной операции) основной группировке противника удастся нанести решительное поражение, а уцелевшие его силы при отходе не успеют разрушить железные дороги и мосты, а также в случае, если в тылу врага вспыхнет революция¹⁴⁴.

На основе обобщения опыта первой мировой и гражданской войн был сделан вывод, что стратегическое наступление должно вестись на широком фронте. Отмечалось, в частности, что одной из главных причин неудачи большинства наступлений, проведенных противоборствовавшими сторонами в позиционный период первой мировой войны, являлось то, что они предпринимались на узком фронте — 30—40, максимально — 80 км. В результате этого оборонявшиеся имели возможность отражать удар наступающих, вводить в бой не только свои резервные дивизии, но и дивизии, снятые с пассивных участков фронта. Чтобы лишить противника этой возможности, рекомендовалось проводить стратегическое наступление с таким расчетом, чтобы в ходе первого удара наступающие войска охватили не менее половины, а минимум — треть обороняющихся сил. Триандафиллов, например, считал, что для успешного наступления фронта, развернутого на 400-километровом пространстве, активные действия необходимо вести в полосе не менее 150—200 км¹⁴⁵.

Стратегическое наступление, проведенное на театре военных действий с таким размахом, естественно, вело к выводу о необходимости организации стратегической операции группы фронтов. Однако большинство военных теоретиков понимали под ним лишь крупную фронтовую операцию. В отличие от них Свечин называл ее «гигантской операцией», а Тухачевский — «решающей операцией».

Вообще в области стратегии многие коренные вопросы разрабатывались в 30-е годы недостаточно обстоятельно. В итоге по большей части проблем возник слишком большой разброс во мнениях. И это не случайно. По указанию председателя РВС СССР Фрунзе еще в 1925 г. цикл лекций по стратегии в Военной академии РККА был сокращен при одновременном увеличении времени на изучение тактики. С 1929 г. стратегия из чисто практического предмета превращается в военно-образовательный предмет с целью дать слушателям единую точку зрения «на все военное дело, прививать правильное понимание основ ведения войны и теории оперативного искусства»¹⁴⁶. В приказах РВС СССР на 1924/1925 учебный год вопросы

стратегии практически не затрагивались, а все внимание концентрировалось на том, чтобы овладеть основами подготовки и ведения боя и операции оперативного масштаба. Такое положение сохранилось и в дальнейшем. Более того, наркомвоенмор Ворошилов в 1930 г. не поддержал предложение начальника Штаба РККА Шапошниково продолжать проведение больших маневров, ссылаясь на то, что «маневры — дорогое удовольствие, и часто делать их не можем»¹⁴⁷. Фактически же это явилось следствием молчаливого запрета Сталина на вторжение в стратегическую область, которую он считал своей монополией. Вот почему разработка многих стратегических проблем оказалась недопустимо запущенной.

С учетом опыта стратегического руководства в гражданской войне одним из важнейших условий успешного проведения стратегического наступления считался умелый выбор направления главного удара, сочетавшийся с решительным массированием сил и средств. Главный удар предусматривалось наносить по основной группировке противника, по возможности по ее наиболее уязвимому месту. Тухачевский писал, что «в нормальных условиях обстановки, при выборе направления главного удара нужно исходить из соображений стратегического порядка, т. е. из условий выхода во фланг и тыл главной группировки противника с целью ее окружения и уничтожения»¹⁴⁸.

Массирование сил и средств на направлении главного удара мыслилось проводить за счет смелого снятия их с второстепенных направлений фронта. Считалось, что во встречном сражении на направлении главного удара необходимо иметь 1,5—2-кратное превосходство, при прорыве поспешно занятой обороны противника — 3-кратное, при прорыве подготовленной обороны — 5—6-кратное превосходство, а плотность артиллерии соответственно — 25—30, 40—50 и 60—80 орудий на 1 км фронта прорыва¹⁴⁹. Причем продолжительность артиллерийской подготовки допускалась 3—5 часов. На направлении главного удара рекомендовалось использовать большую часть авиации и бронесил.

Способы и формы ведения стратегического наступления избирались в зависимости от начертания линии фронта, характера обороны, группировки войск противника и других факторов. В коллективном труде «Армейская операция» намечались четыре формы ведения фронтовой операции. Первая — фронтальный удар, нанесенный обычно силами двух армий, с целью прорыва обороны противника и стремительного развития успеха в глубину. Вторая форма — концентрический удар (два фланговых удара по сходящимся направлениям) обычно двумя-тремя армиями, усиленными кавалерийскими соединениями, с целью окружения и разгрома главных сил противника. Третья форма — фланговый удар силами не менее двух армий с целью охватить или обойти основную группировку противника, прижать ее к естественному рубежу, а затем разгромить. Четвертая форма — фронтальный удар на широком фронте с расчетом раздробить фронт противника и разгромить его по частям.

Независимо от способа и формы ведения наступления выдвигалось требование главный удар дополнять рядом энергичных ударов на вспомогательных направлениях, чтобы, во-первых, лишить противника возможности маневра силами для отражения наступления основной группировки войск, а также ввести его в заблуждение в отношении намерений наступающего.

Окружение главных сил противника считалось самой эффективной формой стратегического наступления. Однако учитывалось, что в маневренной войне окружение и уничтожение крупных группировок — дело весьма трудное. Вот почему подобную форму операции рекомендовалось применять только при наличии значительного превосходства в силах, и, главным образом, при наступлении силами двух фронтов.

Анализируя метод подхода к определению форм операций, Свечин писал, что они «избираются нами не произвольно, а диктуются соотношением сил и средств... мощностью различных магистральных путей, конфигурацией театра военных действий и важнейших его рубежей. Форма операции должна быть избрана такой, чтобы ставила наши войска в выгодное тактическое положение... В то же время форма операции должна быть максимально проста. Всякая добавка боевых и маневренных наслоений к операции неприемлема не только потому, что она крайне осложняет вопросы управления: всякий лишний маневр, всякий бой, не являющийся неизбежно необходимым для достижения цели операции, таит в себе величайшую опасность увлечь нас от цели на ложный путь... Форма операции по чеканности, ясности и стройности своих линий должна напоминать нам не завитушки рококо, а строгую прямолинейность очертаний греческого храма»¹⁵⁰.

С середины 30-х годов большое внимание уделяется правильному расчету и обеспечению высоких темпов наступления войск, особенно в начале операции. Предполагалось, что в типовых условиях при встречном сражении с противником или при прорыве поспешно занятой его обороны среднесуточный темп наступления стрелковых войск должен составлять 10—12 км в сутки, при прорыве подготовленной обороны — 5—6 км, а при действиях в его оперативной глубине — 15—20 км¹⁵¹.

В то же время считалось, что даже самый блестящий прорыв не может иметь решающего значения, если он сразу же не перерастет в неотступное преследование противника. Для этого необходимо, чтобы главная ударная группировка действовала компактно, а ее наступление велось стремительно и носило маневренный характер. Предусматривалось, что наибольшего успеха дает параллельное преследование в сочетании с наступлением части сил с фронта. Главная ударная группировка фронта должна своими решительными и стремительными действиями не дать противнику возможность организованно отойти, осуществить перегруппировку и занять оборону на новом рубеже.

Изменение характера будущей войны в связи с быстрым ростом технических средств борьбы заставило по-новому подойти к исследованию проблемы прорыва стратегического фронта противника. В тезисах Штаба РККА «Тактика и оперативное искусство РККА начала тридцатых годов» отмечалось, что новые средства борьбы (авиация, артиллерия РГК, танки) позволяют «поражать противника одновременно на всей глубине его расположения в отличие от нынешних форм боя и атаки, которые можно характеризовать как последовательное подавление отдельных расчленений боевого порядка»¹⁵². На основании этих оценок была разработана теория глубокой операции. В основу ее было положено одновременное подавление артиллерией и авиацией обороны противника на всю глубину, быстрый прорыв и развитие тактического успеха в оперативный путем применения мощных подвижных соединений и воздушных десантов.

Согласно теории глубокой операции прорыв стратегического фронта противника предусматривалось осуществить в два этапа. На первом этапе предполагалось подавить оборону на всю тактическую глубину мощными ударами авиации и артиллерии, а затем прорвать ее безостановочным наступлением пехоты и танков. Второй этап включал ввод в прорыв подвижных войск — механизированных и кавалерийских соединений, высадку воздушных и морских десантов, развитие прорыва в глубину, превращение тактического успеха в оперативный, завершение разгрома противника с захватом важнейших его экономических районов, аэродромов и баз снабжения.

Непременными условиями успешного проведения глубокой операции считались завоевание господства в воздухе, наступление на широком фронте с решительным массированием сил и средств на направлении главного удара, изоляция района на-

ступления ударной группировки от резервов противника путем нанесения по ним авиационных ударов и высадки воздушных десантов, а также воспрепятствования подвоза материальных средств его атакованным войскам.

Теория глубокой операции во второй половине 30-х годов проверялась и конкретизировалась на маневрах и военных играх в Белорусском, Киевском и других военных округах, а также на военно-стратегической игре, проведенной Генеральным штабом РККА в 1936 г. К сожалению, в дальнейшем ввиду репрессий, обрушившихся на ее авторов, о ней постарались забыть. Свое признание она получила лишь в 40-х годах. В декабре 1940 г. на совещании высшего командного и политического состава РККА генерал армии Жуков выступил с докладом «Характер современной наступательной операции». В нем, в частности, говорилось: «В условиях нашего Западного театра военных действий крупная наступательная операция со стратегической целью, мне кажется, должна проводиться на широком фронте, во всяком случае масштаба 400—450 км»¹⁵³. Для проведения такой операции он считал необходимым сосредоточить 85—100 стрелковых дивизий, 4—5 механизированных и 2—3 кавалерийских корпуса, 30—35 авиационных дивизий. В принципе эти положения развивали идеи Эйдемана, Тухачевского и Триандафиллова, высказанные ими еще в 30-е годы.

Вместе с тем, исходя из опыта локальных конфликтов и начавшейся второй мировой войны, Жуков перечислил ряд новых требований к наступлению. «Современная наступательная операция, — отмечал он, — может рассчитывать на успех лишь в том случае, если удар будет нанесен в нескольких решающих направлениях, на всю глубину оперативного построения, с выброской крупных подвижных сил на фланг и тыл основной группировки противника. Одновременно с действиями на решающих направлениях наступательными и вспомогательными ударами противник должен быть деморализован на возможно широком фронте. Только такая наступательная операция может в относительно короткие сроки привести к окружению и разгрому основной массы сил противника на всем фронте предпринимаемого наступления»¹⁵⁴.

Как Жуков, так и Тимошенко, подводивший итоги совещания, детально и по большей части вопросов с новых позиций проанализировали характер и способы ведения современных фронтовых операций на главном — Западном — театре военных действий. По их мнению, современная операция полнее всего развертывается во фронтовом масштабе, причем фронт является оперативно-стратегической организацией. Достижение конечной цели войны или кампании предусматривалось осуществлять путем проведения ряда промежуточных фронтовых операций. Ширина полосы наступления фронта определялась в 80—300 км, глубина — 60—250 км, темп наступления — 10—15 км и более в сутки¹⁵⁵.

Тимошенко выделил три формы оперативного прорыва, который, по его словам, надо рассматривать в качестве основного вида наступательной операции. Первая форма — это единый удар сосредоточенными силами нескольких ударных армий на сравнительно узком участке фронта (80—100 км) с задачей пробить брешь, а затем ее широко развернуть, что позволит обеспечить пропуск в тыл противника крупных конно-механизированных объединений и стремительное развитие успеха в глубину и в стороны флангов. Вторая форма предполагала наступление нескольких ударных армий на широком фронте (200—250 км) с расчетом нанести поражение всей группировке противостоящего противника, а кроме того сковать его резервы. Третья форма предусматривала нанесение нескольких взаимосвязанных ударов в общей полосе шириной 350—450 км, образование отдельных армейских прорывов на нескольких направлениях, дробление фронта противника, окружение и разгром отдельных его группировок по частям.

По расчетам Тимошенко, на ударных направлениях следовало бы иметь 50—100 орудий и 50—100 танков на 1 км фронта. При нанесении удара сосредоточенными силами на узком участке оперативное построение войск фронта должно быть из 2 оперативных эшелонов, 1—2 подвижной и авиационной группы, резервов специального назначения. В состав первого оперативного эшелона намечалось включить 4—7 армий, а во второй — 1 общевойсковую армию. В подвижной группе фронта рекомендовалось иметь механизированный и кавалерийский корпуса или 1—2 механизированных корпуса, в авиационной группе — фронтовую авиацию и воздушные десанты. В том случае, если фронт наносит несколько взаимосвязанных ударов, второй эшелон и подвижную группу целесообразнее создавать только в армиях, наступавших на направлении главного удара.

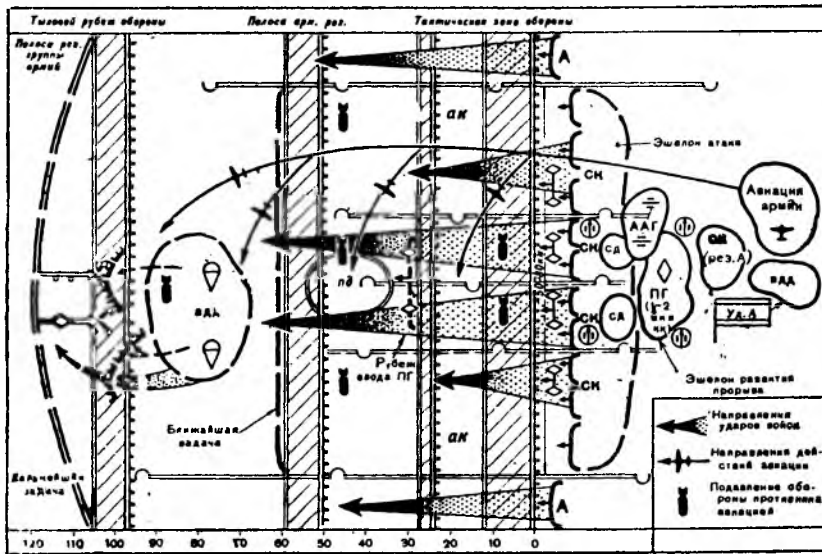
В первом эшелоне намечалось развертывать ударную и сковывающую армии. Ударная армия предназначалась для наступления на главном направлении. Она могла иметь в своем составе 14—18 стрелковых дивизий (4—5 стрелковых корпусов), 10—12 артиллерийских полков резерва Главного командования, 6—8 отдельных танковых бригад, 2—3 авиационные дивизии, механизированный или кавалерийский корпус. Сковывающая армия предназначалась для прикрытия флангов, сковывания противника и разгрома его сил на второстепенных направлениях.

Наступательную операцию фронта предполагалось проводить в два этапа: на первом — сокрушить оборону противостоящего противника на всю ее оперативную глубину (100—120 км), на втором — завершить его разгром и создать условия для проведения новой фронтовой наступательной операции. Начинать ее предусматривалось с мощной артиллерийской и авиационной подготовки продолжительностью от 1,5 до 2 часов. Наступление стрелковых войск и танков непосредственной поддержки пехоты должно сопровождаться огнем артиллерии и массированными ударами авиации. При этом в зависимости от характера обороны противника и полноты разведанных о расположении его огневых средств артиллерийская подготовка атаки могла осуществляться огневым валом на глубину до 2 км, последовательным сосредоточением огня по важнейшим объектам обороны или сочетанием этих видов огня.

Подвижную группу фронта рекомендовалось использовать в двух вариантах. В случае, если тактическая зона обороны противника хорошо оборудована в инженерном отношении да еще плотно занята его войсками, весьма целесообразным вводить эту группу в прорыв после стрелковых корпусов. Если противник не располагает необходимыми силами для создания прочной обороны на второй полосе, подвижные группы лучше вводить в прорыв сразу после того, как стрелковые корпуса преодолеют его главную полосу. При вводе в прорыв группу намечалось строить в несколько эшелонов: особый — воздушный десант; первый — бомбардировочная авиация; второй — части тяжелых танков; третий — части средних и легких танков; четвертый — мотопехота; пятый — артиллерия; шестой — стрелковые войска.

Задача подвижных групп заключалась в стремительном продвижении в глубину обороны противника, разгроме его подходящих резервов, недопущении создания ими нового фронта, выходе на пути отхода основной группировки противника и при поддержке авиации окружении ее во взаимодействии с воздушно-десантными войсками. Причем поспешно занятые оборонительные рубежи требовалось прорывать с ходу, не ожидая подхода стрелковых войск и тоже при поддержке авиации. Развитие тактического успеха в оперативный должны были осуществлять не только подвижные группы, но и главные силы фронта. Оперативный прорыв считался завершенным тогда, когда достигался разгром главной группировки противника и его оперативных резервов, а в то же время создавались условия, исключавшие возможность занятия противником оборонительных полос в тылу, чтобы восстановить фронт.

А. НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ УДАРНОЙ АРМИИ

Б. ФРОНТОВАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

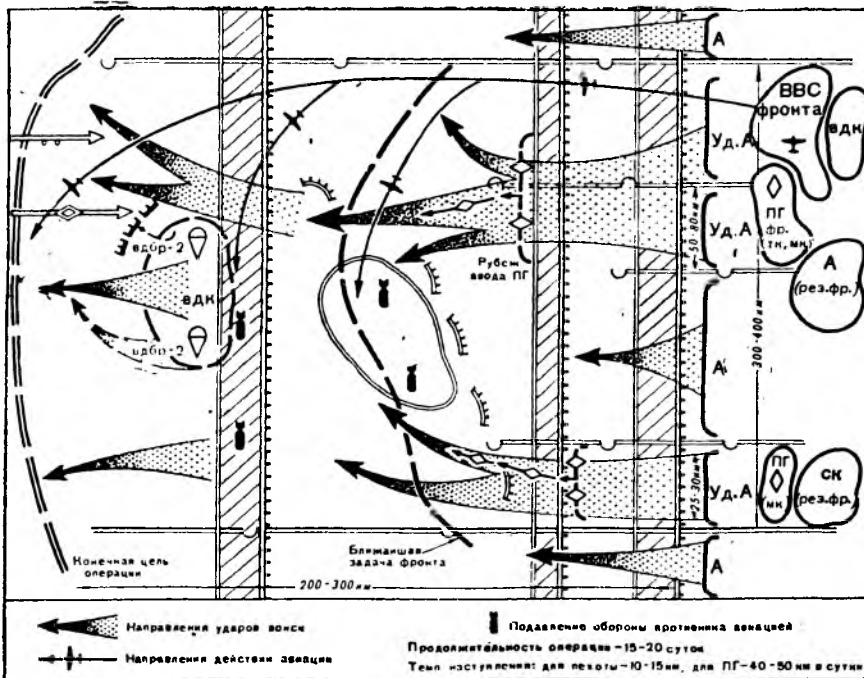

Схема 33. Предвоенные взгляды на построение наступательной операции (глубокая операция)

В качестве важнейших условий достижения целей операции рассматривались: уничтожение основной группировки противника по частям в процессе ее отхода, упреждение врага в занятии выгодных для обороны рубежей отходящими частями и выдвигаемыми резервами. Преследование должно было осуществляться стремительным наступлением подвижных соединений по путям, параллельным отходу основных сил противника, что позволяло упредить его на переправах, в теснинах, на узлах дорог, задержать его отход, а затем окружить и уничтожить. Основная роль в преследовании отводилась подвижным соединениям, авиации, воздушным десантам. Им предписывалось не ввязываться в затяжные бои за крупные центры сопротивления или опорные пункты, а обходить их.

В связи с тем, что предстоящая война рассматривалась как маневренная, должное внимание уделялось встречным сражениям. Указывалось, что они могли возникнуть как в начальный период войны, когда обе стороны будут стремиться к захвату инициативы, так и в ходе наступательной операции, когда удастся прорвать тактическую зону обороны противника. Характерными особенностями встречного сражения считались: отсутствие ясности и определенности в быстро меняющейся обстановке; стремительность и скоротечность развития боевых действий, требующих всемерного проявления инициативы; борьба за упреждение в развертывании, за выигрыш флангов, захват и удержание инициативы.

Решающее значение в наступательных операциях придавалось организации непрерывного и твердого управления войсками. От командующих фронтами требовалось правильно учитывать политические и военные факторы обстановки, ее возможные изменения, четко формулировать цели операции, определять необходимые для их достижения людские и материальные ресурсы. Важнейшей задачей командования и штабов считалось глубокое проникновение в планы противника, создание и поддержание в ходе операции превосходства над ним в силах и средствах на главном направлении, осуществление гибкого маневра войсками, поддержание устойчивого взаимодействия между участвующими в операции видами Вооруженных Сил, родами войск и элементами оперативного построения.

Все эти установки были в основном правильными и для своего времени передовыми. Однако они недостаточно учитывали возможное противодействие противника, степень устойчивости современной обороны, но главное — опирались на моральное превосходство Красной Армии, которого в действительности не было, и не брали во внимание реальный материальный потенциал Вооруженных Сил. Поэтому многие положения теории наступления оказались в первые годы войны нежизненными и не могли быть реализованы на практике.

Взгляды на стратегическую оборону

Отечественная военная стратегия в 20-е — 30-е годы признавала не только правомерность, но и необходимость как оперативной, так и стратегической обороны. Ее целесообразность и важность признавались в целом ряде случаев: при неблагоприятной общей стратегической обстановке, прежде всего на второстепенных направлениях и театрах военных действий, для экономии сил, выигрыша времени, отражения наступления превосходящих сил противника, закрепления достигнутого успеха и решения других задач.

Но даже в те годы отношение к обороне было весьма противоречивым. Ее роль, главным образом, в силу политических соображений, принижалась. Постоянно подчеркивалось, что оборона — это вспомогательный вид военных действий и что обороной не только войну, но и сражение выиграть нельзя. И это не было случайным,

так как подготовка и воспитание армии велось в духе решительных и бескомпромиссных действий, безусловной победы в будущей войне.

В последующем недооценка обороны как в теории, так и в практике стратегического планирования начала проявляться все определеннее. Особенно явственно это стало вырисовываться на рубеже 30-х — 40-х годов. Дело дошло до того, что об обороне говорили как об «уделе обреченных». О стратегической обороне не только ничего не появлялось в военной литературе, но и в разговоре упоминать о ней считалось большим грехом. Правда, совсем она не отрицалась, ибо допускалась как эпизодический момент действий Вооруженных Сил при выполнении задач оперативного прикрытия стратегического развертывания до вступления в сражение главных сил.

События советско-финляндской войны вынудили несколько изменить отношение к обороне. Но полностью ее недооценка так и не была тогда преодолена. Не случайно поэтому проблемы обороны оказались разработанными значительно слабее, чем вопросы наступления. Это не значит, однако, что представления об обороне, способах ее организации и ведения не развивались. В 20-х годах под влиянием опыта гражданской войны в основе взглядов на стратегическую оборону лежала идея сдерживания и истощения противника в маневренных боевых действиях. Стратегическая оборона в начале возможной войны мыслилась как средство обеспечения развертывания Вооруженных Сил или прикрытия участков фронта между направлениями, на которых предпринимается наступление.

Обосновывая это положение, Тухачевский в 1923 г. писал: «Наши будущие боевые столкновения... будут маневренного характера, т. е. решительного и подавляющего... Стремление к решительным столкновениям потребует смелых, плотных группировок на решающих направлениях и смелого оголения участков неважных, связующих. Войска связующих участков на неважных направлениях обыкновенно будут обороняться, а при недостатке сил иногда и отступать»¹⁵⁶. При этом как в первом, так и во втором случае на передний план выдвигался вопрос: на что делать ставку — на сохранение своих войск или на удержание территории? По данному вопросу в печати развернулась оживленная дискуссия. Большинство авторов стояли на той точке зрения, что главная задача — уберечь войска от разгрома. В коллективной работе «Армейская операция», например, утверждалось: «В случае оборонительных действий встает вопрос о том, чему отдать предпочтение, сохранению ли живой силы, или сохранению во что бы то ни стало обороняемой территории. Исходить в этом случае прежде всего нужно из того положения, что без живой силы оборонять территорию невозможно. Если нет шансов на удержание позиций, на выигрыш сражения, то лучше из такого положения ускользнуть, перегруппироваться и дать новые бои в более выгодных, более обеспеченных условиях. Рисковать живой силой придется лишь в том случае, когда район обороны совпадает с районом, от которого зависит возможность продолжения войны, т. е. районом военной обрабатывающей промышленности. Только в этом случае необходимо связать участь армии с участью обороняемой полосы или района... В нормальных условиях живая вооруженная сила является основной заботой командования. При наступлении его заботой будет уничтожать живую силу врага, при обороне и отступлении — сохранять свою живую силу. Всякие компромиссы и неясности в решении этих вопросов являются обычно источником неудач и поражений»¹⁵⁷.

Возможность того, что обстоятельства могут вынудить оставить территорию, допускал Фрунзе, который, отстаивая правомерность отхода, писал: «...отступление не есть бегство... бывает и стратегическое отступление, вызываемое стремлением либо сохранить живую силу, либо сократить фронт, либо глубже завлечь врага, чтобы тем вернее его разгромить»¹⁵⁸. В то же время другие авторы настаивали на необходимости жесткого удержания обороняемых рубежей, а выбор способов ведения стратеги-

ческой обороны, применения маневренных или позиционных ее форм ставили в зависимость от размеров территории государства и важности прикрываемых объектов. Свечин, например, отмечал: «В будущих войнах нужно считаться с тем, что хотя бы некоторые участки позиционного фронта будут организованы уже с самого начала, в период оперативного развертывания. Если граница тянется лишь на немногие сотни километров и опирается на солидные географические рубежи, то можно ожидать уже в начале войны возникновения позиционного фронта»¹⁵⁹. Он подчеркивал также обусловленность плотности обороны фронта характером обороняемого района. «Богатый промышленный центр, — писал Свечин, — важный узел сообщений, близость ценной для рокировки магистрали заставляют крепче занимать участок; остальная местность, лишенная ценных географических объектов, будет прикрываться слабее, но эта разница не будет столь значительна, как в маневренной войне»¹⁶⁰.

Соответственно в теории рассматривалась возможность организации оперативной и тактической обороны на нормальном и на широком фронте. На нормальном фронте оборону рекомендовалось создавать на тех направлениях, где надо было удержать занимаемые рубежи, а оборону на широком фронте — на второстепенных направлениях, где требовалось удерживать только важнейшие районы. При любых вариантах построения обороны особое значение придавалось ее активности, смелому нанесению по противнику решительных контратак и контрударов с целью разгрома прорвавшихся опасных группировок, восстановления положения и создания нового устойчивого оборонительного фронта. Оборону предполагалось эшелонировать в глубину, создавая полосы охранения, главного сопротивления и корпусных резервов, а также тыловые рубежи на глубину до 100 км. Средняя ширина полосы обороны фронта определялась в пределах 400 км.

С начала 30-х годов взгляды на стратегическую и оперативную оборону изменились: все внимание теперь сосредоточено на обеспечении ее непреодолимости. «Оборона должна быть непреодолимой для врага, — отмечалось во Временном полевом уставе 1936 г., — как бы силен он ни был на данном направлении»¹⁶¹. В связи с этим требовалось повысить ее способность противостоять массированным ударам крупных сил артиллерии, авиации и танков. Однако разработке этих вопросов помешали репрессии. По существу, к данной проблеме вернулись лишь в 1940 г., уже после начала второй мировой войны.

На совещании высшего командного и политического состава РККА, состоявшемся в декабре 1940 г., генерал армии И. В. Тюленев в своем докладе «Характер современной оборонительной операции» был вынужден признать: «Мы не имеем современной обоснованной теории обороны, которую могли бы противопоставить современной теории и практике глубокой армейской наступательной операции»¹⁶². Вывод его таков: оборонительные действия в зависимости от задач, предусмотренных оперативным планом и условиями, которыми они вызваны, могут носить либо длительный характер, что, по его словам, якобы обречает обороняющегося на неудачи, а следовательно, и на позиционную войну, либо временный характер, что «вызывается закономерностью общего боя и позволяет обороняющемуся при создании наивыгоднейших для него условий нанести противнику поражение малыми силами»¹⁶³. С учетом общего плана войны, оперативной задачи и ряда экономических причин он считал, что оборонительные операции будут строиться на сильных инженерных укреплениях и широком использовании новейших средств борьбы, находившихся на оснащении современных армий. «Чтобы противопоставить современному мощному наступлению, эшелонированному на большую глубину, стремящемуся одновременно парализовать сильной авиацией, мотомехсоединениями всю оборону, — подчеркивал Тюленев, — необходимо так организовать оборону, чтобы она была способна не только дать одновременный мощный

Схема 34. Советско-финляндская война 1939—1940 гг.

огневой отпор на всей глубине проникновения танковых, моторизованных, авиационных и пехотных соединений, но и сломить наступающего морально и физически частыми контрударами, а также общим контрнаступлением оперативных резервов, в полном взаимодействии с войсками фронта нанести противнику сокрушительный удар»¹⁶⁴. Тем не менее генерал Тюленев в своем докладе ограничился только рамками армейских оборонительных операций. Однако и нарком обороны Тимошенко в своем заключительном слове не поставил вопрос о стратегической и даже о фронтовой обороне. В результате теория стратегической обороны и ведения фронтовой оборонительной операции, как и прежде, ограничивалась теми положениями, что имели отношение к действиям сил прикрытия в начале войны. Предполагалось, что в ходе ее войскам не понадобится прибегать к длительной обороне, а тем более в широких масштабах, что отрицательно сказалось на ведении оперативной и стратегической обороны в ходе Великой Отечественной войны.

Правда, на том же совещании ряд проблем оперативной обороны получили более глубокое, чем прежде, освещение. В частности, и Тюленев, и Тимошенко заявили, что к обороне следует переходить тогда, когда нет достаточных сил для наступления или когда в создавшейся обстановке она выгодна для того, чтобы подготовить наступление. Оба они подчеркивали, что оборона может применяться как на второстепенных фронтах, так и на главных направлениях. В последнем случае переход к обороне должен осуществляться с целью «выждать время до исхода операций на других направлениях, фронтах или театре» либо для подготовки наступательной операции, а также если «оборона является составной частью задуманного маневра операции»¹⁶⁵.

Впервые на этом совещании было указано, что оборона должна быть противотанковой, т. е. рассчитанной на сохранение живой силы и огневых средств от поражения массовым артиллерийским огнем противника. Отмечалось также, что современная оборона должна быть противотанковой, чтобы обеспечить отражение массовой танковой атаки на решающих участках, когда на 1 км фронта приходится 100—150 танков наступающего врага. Наконец, требовалось, чтобы оборона была противосамолетной, т. е. способной противостоять сильному авиационному воздействию наступающего противника.

Исходя из опыта советско-финляндской войны, Тимошенко поставил вопрос о том, чтобы современная оборона была «многоэшелонной, многополосной, глубокой, с нарастающим в глубине сопротивлением», а также упорной и активной¹⁶⁶. По его мнению все эти черты наиболее полное выражение найдут в рамках армейской оборонительной операции, хотя в законченном виде они проявились прежде всего как во фронтовом, так и в стратегическом масштабах.

Относительно армейской обороны на совещании было подтверждено требование о создании в ее рамках полосы обеспечения, тактической и оперативной зон обороны. Указывалось, что полоса обеспечения глубиной 10—15 км должна создаваться в условиях непосредственного соприкосновения с противником с той целью, чтобы его сдерживать и измотать, выиграть время для подготовки оборонительной полосы. Для ее обороны предназначались передовые части и разведывательные подразделения. Не исключалось и создание передовой оперативной зоны заграждения глубиной от 30 до 50 км.

Тактическую зону обороны предусматривалось оборонять стрелковыми корпусами первого эшелона. В ее границах создавались две полосы, а между ними отсечные позиции. Первая полоса глубиной 8—10 км являлась основной, для ее удержания выделялись главные силы армии и корпусов. Считалось, что уже при бое за нее противник будет измотан, обескровлен и остановлен. Полосу предполагалось создавать из главной позиции сопротивления и позиций вторых боевых эшелонов и резервов дивизии. Перед главной полосой, на удалении 1—3 км, намечалось иметь

позицию боевого охранения, а иногда и передовую позицию. Вторая полоса, на которой располагались корпусные резервы, должна была преградить прорвавшимся подвижным войскам противника доступ в глубину обороны и в то же время служить исходным рубежом для собственных контратак и контрударов. Общая глубина тактической зоны обороны составляла 15—20 км.

Оперативная зона включала в себя тыловой армейский рубеж, противотанковые районы и отсечные рубежи. Они предназначались для борьбы с подвижными войсками противника, прорвавшимися в глубину обороны. В оперативной зоне располагались и действовали армейские резервы, усиленные бронетанковыми войсками и противотанковыми средствами резерва Главного командования. Глубина оперативной зоны составляла 20—30 км, а общая глубина армейского оборонительного района — 50—60 км. Подчеркивалось, что инженерное оборудование местности — одно из решающих условий, обеспечивающих прочность обороны. Поэтому предусматривалось иметь линии сплошных траншей с ходами сообщения и укрытиями для личного состава.

При обороне на вероятном направлении главного удара противника ширина полосы обороны войск определялась из следующих средних нормативов: для армии —

80—100 км, для стрелкового корпуса — 20—30 км и для стрелковой дивизии — 6—12 км. При обороне на второстепенном направлении армия оборонялась в полосе 200 км и более, корпус — 50—60 км, дивизия — 20—24 км. В этих случаях оборона основывалась не на траншейной системе, а на очагах сопротивления, главным образом батальонных районах обороны. Для отражения атаки танков противника требовалось на 1 км фронта главной полосы обороны иметь до 13—17 противотанковых орудий, а также привлекать всю артиллерию и авиацию действующих войск¹⁶⁷. В целях срыва атаки противника предусматривалась артиллерийская и авиационная контрподготовка.

В основу ведения обороны были заложены неперемные требования: упорство, активность и решительность действий, готовность

в любое время перейти в наступление. В успешном отражении наступления противника большое значение придавалось подвижности войск, их умению быстро осуществлять маневр из глубины и с неатакованных участков на угрожаемые направления. Особое внимание уделялось контрударам, которые считались высшим проявлением активности обороны. Главная цель контрударов — это разгром вклинившегося противника и создание условий для перехода в наступление.

К проведению контрударов привлекались резервы армий и корпусов. Контрудары предусматривалось наносить в ходе борьбы за удержание тактической и оперативной зон обороны, а иногда и перед передним краем своей обороны для срыва наступления противника и нанесения ему потерь. Из всех вариантов предпочтение

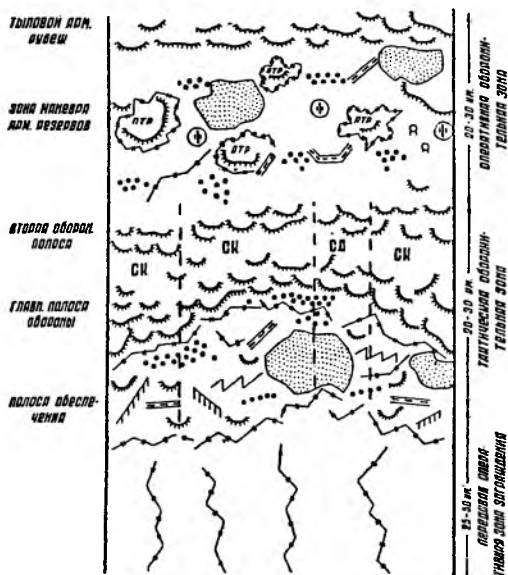

Схема 35. Предвоенные взгляды на построение оперативной обороны

отдавалось нанесению контрударов при подходе противника ко второй полосе тактической зоны обороны. В ходе борьбы за оперативную зону контрудары должны были проводиться во взаимодействии с подошедшими фронтовыми резервами. Однако основным средством нанесения армейских и фронтовых контрударов являлись механизированные корпуса. Одновременно с ведением позиционной обороны предусматривалась и маневренная оборона. Именно так стали называть подвижную оборону. Ее мыслилось применять в тех случаях, когда подавляющее превосходство противника исключало возможность ведения позиционной обороны.

Количество оборонительных рубежей и длительность удержания каждого из них зависели от характера местности, своих сил и наличия времени. На каждом из намеченных рубежей обороняющиеся войска должны были организовать упорное сопротивление, чтобы вынудить противника к развертыванию главных сил. Оборонительные действия на рубежах предусматривалось вести специально создаваемыми эшелонами войск. Первый эшелон должен был удерживать рубеж до тех пор, пока второй не займет следующий рубеж и не организует на нем оборону. Лишь после этого первый эшелон получал задачу на отход под прикрытием огня второго эшелона на последующий промежуточный рубеж с целью организовать там оборону. Последний рубеж служил основой для перехода войск к упорной позиционной обороне или в контрнаступление.

Основой маневренной обороны считались оборонительные бои на промежуточных рубежах, ускользание от противника, сочетаемое с короткими ударами и действиями из засад. Сила маневренной обороны заключалась во взаимодействии маневра (подвижных действий войск) с огнем и широким применением всех видов заграждений. При этом важная роль отводилась заблаговременно созданным сильным подвижным резервам, особенно противотанковым. Ведение маневренной обороны обычно предусматривалось на широком фронте и на значительную глубину. К сожалению, нападение Германии на СССР сразу же поставило Красную Армию в такое положение, при котором все попытки организовать и вести стратегическую и оперативную оборону на основе изложенных выше положений оказались сорванными

Взгляды на стратегическое применение ВВС, Войск ПВО и ВМФ

В межвоенный период велись активные исследования в области стратегического применения видов Вооруженных Сил в возможной войне.

Разработкой теоретических проблем применения Военно-воздушных сил занимались Генеральный штаб, Главное управление ВВС, а также большая группа военных ученых. Важный вклад в решение этой задачи внесли А. С. Алгазин, В. Колосовский, А. Н. Лапчинский, С. А. Меженинов, В. В. Хрипин и ряд других военных теоретиков. В 1925 г. Колосовский, отмечая возросшее значение авиации в войне, поставил вопрос об особой воздушной стратегии — «искусстве наиболее рационального применения воздушных сил в масштабе всего театра войны»¹⁶⁸. В статье «Стратегия воздушной войны» он выделил следующие характерные черты воздушной стратегии: наступательность, непрерывность и повторяемость ударов. На этой же точке зрения стоял, по существу, Меженинов, полагавший, что необходимо создать такие воздушные силы, которые были бы способны «провести операцию самодовлеющего значения» с целью «потрясения жизненных центров» на территории противника. Алгазин разработал теорию самостоятельных и совместных воздушных операций ВВС¹⁶⁹.

Другие специалисты также отдавали должное авиации, но они рассматривали ее действия только в тесном согласовании с операциями наземных войск и Военно-морского флота. При этом считалось, что ВВС будут решать задачи, связанные с ведением разведки, завоеванием господства в воздухе, авиационной поддержкой войск

и сил флота, изоляцией поля боя, ведением борьбы с резервами противника, разрушением тыловых объектов, дезорганизацией управления противника и т. п. Эти положения уже в 1928 г. прошли проверку на специальных маневрах ВВС РККА, в которых приняли участие три авиационные бригады и авиагруппа. Отрабатывались действия авиации фронта «в интересах наземной операции» и по прикрытию железной дороги от воздушного нападения. В отчете о маневрах отмечалось, что удар по железной дороге в период оперативных перевозок при противодействии ВВС противника — это ничто иное, как воздушная операция, проводимая путем сосредоточения боевой группы авиации в составе нескольких однотипных бригад.

На Всесоюзных Бобруйских больших маневрах, состоявшихся в сентябре 1929 г. с участием войск Белорусского, Московского, Ленинградского, Украинского и Северокавказского военных округов, авиация выполняла следующие задачи: наносила удары по оборонявшемуся «противнику», развивала успех штурмовыми действиями совместно с конницей и мотомеханизированными частями, прикрывала свои войска, наносила бомбовые удары по железным дорогам и транспортным узлам с целью срыва оперативных перевозок «противника», вела борьбу с воздушным «противником» для достижения собственной свободы в действиях.

Опыт этих маневров был затем обобщен в теоретическом труде Лапчинского «Воздушные силы в бою и операции». В нем автор исследовал вопросы применения авиации в различных видах операций сухопутных войск и при самостоятельных действиях. Особое внимание он уделил борьбе за господство в воздухе. По мнению Лапчинского, абсолютное господство в воздухе вообще недостижимо, можно достичь лишь временного или местного превосходства в воздухе¹⁶⁹. Причем, по его словам, для этого необходимы совместные действия всех родов авиации, зенитных средств, дальнобойной артиллерии, стрелковых войск, конницы, мотомеханизированных частей и партизан. Хрипин, наоборот, считал, что завоевание господства в воздухе можно достигнуть не только силами истребительной авиации, но и с помощью ударов по аэродромам на всю оперативную глубину. В свою очередь, Алгазин предполагал достичь господства в воздухе активными комбинированными и согласованными действиями всех родов авиации.

В 30-х годах в теоретических исследованиях центральное место заняли подготовка и проведение Военно-воздушными силами различных видов воздушных операций. Отрабатывались они и практически. Так, в феврале 1934 г. под руководством помощника командующего Ленинградским военным округом по авиации В. Н. Лопатина был проведен оперативно-тактический сбор высшего начсостава. На сборе проводились занятия на тему «Воздушная операция по срыву железнодорожных перевозок противника». По итогам сбора был сделан вывод, что возможны следующие виды воздушной операции: воздушно-бомбардировочная, воздушно-десантная и их сочетание. «Наиболее частая и эффективная форма самостоятельного использования авиации, — отмечал Лопатин, — является воздушно-железнодорожная операция»¹⁷¹.

В 1936 г. по приказу наркома обороны Ворошилова Военно-воздушными силами предлагалось всесторонне отработать «самостоятельные действия и операции Воздушных Сил в условиях взаимодействия авиации с другими родами войск в современном общевойсковом глубоком бою и операции»¹⁷². Необходимые теоретические установки на этот счет содержались в вышедшей в апреле 1936 г. «Временной инструкции по самостоятельным действиям Воздушных Сил РККА». Согласно ей авиационным армиям резерва Главного командования в начале войны предстояло наносить удары по самолетам противника на аэродромах, морскому флоту в море и на базах, разрушать крупные политико-экономические центры в глубине территории врага, срывать мобилизацию и стратегическое сосредоточение путем проведения целого ряда самостоятельных операций. Указывалось, что при решении этих задач

воздушная армия РКК может действовать: самостоятельно на морском театре или на фланге фронта; во взаимодействии с воздушными силами фронта в начальном периоде войны, когда для нанесения решительного удара по авиации противника используется вся боевая авиация, а также при проведении решительной операции на направлении главного удара.

В конце 30-х и начале 40-х годов центральное место в стратегическом использовании ВВС стало отводиться проблеме достижения господства в воздухе. С учетом опыта локальных и начавшейся второй мировой войн П. П. Ионов в статье «Господство в воздухе», опубликованной в 1937 г., выделил три его вида: тактическое, оперативное и стратегическое. Тактическое господство означало, по его мнению, достижение господства авиации в ограниченной зоне действия наземных войск над полем боя. Под оперативным господством понималось временное господство в воздухе на период проведения наземной, воздушной или морской операции. Стратегическое господство в воздухе предлагалось понимать так, как его понимал итальянский генерал Д. Дуэ, т. е. как такое положение, «при котором мы, разгромив воздушные силы противника, уничтожив источники их восстановления (склады и авиационную промышленность) и не допуская восстановления этих источников, в состоянии выполнять все свои последующие задачи»¹⁷³.

Решение задачи по достижению стратегического превосходства в воздухе предполагалось возложить на воздушные армии. Такие армии, названные авиационными армиями особого назначения (АОН), стали создаваться с января 1936 г. Однако в 1940 г. на основе опыта советско-финляндской войны был сделан вывод об их громоздкости и трудноуправляемости. Потому-то они и были расформированы. Несмотря на это, некоторые военные теоретики считали необходимым иметь в составе ВВС стратегические воздушные армии для проведения самостоятельных воздушных операций стратегического назначения.

В декабре 1940 г. на совещании высшего командного и политического состава РККА высказывались различные точки зрения по вопросам применения ВВС. Но большинство поддержало положения, выдвинутые в докладе начальника Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта авиации П. В. Рычагова. Среди основных задач авиации он особо выделял задачу по завоеванию стратегического и оперативного господства в воздухе¹⁷⁴. Ее выполнение предлагалось организовать путем проведения ряда воздушных операций по уничтожению действующей авиации противника, запасов материальной части и горючего, разрушению авиационной промышленности. В оперативном масштабе господство в воздухе считалось необходимым завоевывать на период определенной операции. Отмечалось, что лучшим способом поражения авиации противника на земле является одновременный удар всех родов авиации по большому количеству аэродромов возможного базирования вражеской авиации. Фронтovou авиацию предполагалось использовать преимущественно для поддержки наземных войск, их прикрытия с воздуха, обеспечения высадок десантов, но особенно для нанесения ударов по стратегическим и оперативным резервам противника и по его тылу. Особое внимание обращалось на взаимодействие авиации с конно-механизированными войсками. Однако проблемы обеспечения живучести ВВС так и остались без достаточно обстоятельной проработки.

Теория стратегического применения войск ПВО начала разрабатываться в конце 20-х годов. Первоначально в ее рамках рассматривалась защита объектов только в приграничной полосе. В дальнейшем встал вопрос об организации противовоздушной обороны объектов на всей территории страны, для чего считалось целесообразным создавать зоны, районы и секторы ПВО. В каждом из них для отражения воздушного нападения намечалось иметь части зенитной артиллерии, истребительную авиацию, прожекторные части, средства воздушного наблюдения, оповещения и

связи (ВНОС). По вопросу применения авиации ПВО существовали различные точки зрения. Одни теоретики, в частности, Н. С. Виноградов и М. Спирин, предлагали сконцентрировать истребители и другие средства ПВО для обороны отдельных пунктов. Другие, например А. Н. Лапчинский и М. Е. Медведев, полагали целесообразным использовать истребительную авиацию для обороны целого района или создать подвижный фронт противовоздушной обороны. Но несмотря на то, что вопросы противовоздушной обороны уже к началу 30-х годов теоретически были разработаны, на практике она строилась по-старому. Отсутствовали единый план противовоздушной обороны и централизованная система управления¹⁷⁵.

В таких условиях начальник 6-го управления Штаба РККА М. Е. Медведев в сентябре 1931 г. предложил установить четкие понятия ПВО армии и тыла (территории страны), срочно реорганизовать и пересмотреть систему противовоздушной обороны. В последующие годы была всесторонне разработана система ПВО военного, административно-политического и промышленного пункта (центра). В ее основу была положена идея создания глубоко эшелонированной ПВО, базирующейся на тесном взаимодействии авиации и зенитной артиллерии. Эта система была рассчитана на отражение массированных ударов авиации противника с любых направлений, в широком диапазоне высот и скоростей полета, в любое время суток и в любых метеословиях.

С учетом опыта начавшейся второй мировой войны и возросших возможностей бомбардировочной авиации возник вопрос о необходимости не только объектового, но и зонального прикрытия важнейших центров и районов. Принципы зональной ПВО были детально разработаны в труде Виноградова «Противовоздушная оборона крупного центра», изданном в начале 1941 г. Их суть заключалась в том, что в угрожаемой зоне важнейшие пункты обеспечивались пунктовым прикрытием, а вся угрожаемая зона — пространственным прикрытием. Борьбу с авиацией противника намечалось вести двумя методами: уничтожением его самолетов на аэродромах путем нанесения ударов бомбардировщиками, а в воздухе — истребителями и зенитной артиллерией¹⁷⁶. В соответствии с «Наставлением ПВО пунктов», изданным в 1940 г., требовалось оборонять отдельные объекты, пункты и районы, наиболее подверженные угрозе нападения с воздуха, а силы и средства ПВО использовать массированно для прикрытия важнейших объектов.

Новые взгляды на стратегическое применение Военно-морского флота сформировались на рубеже 20-х — 30-х годов. Процесс этот проходил в острой дискуссии. Некоторые военные теоретики, например Б. Б. Жерве, высказывались за необходимость завоевания полного господства на море путем уничтожения флота противника или его блокирования в операционной базе¹⁷⁷. Эта концепция потребовала бы строительства большого количества надводных кораблей. К тому же она не учитывала роли и значения быстро развивающейся морской авиации, не говоря уже об использовании подводных лодок в первой мировой войне.

М. А. Петров, К. И. Душенов и др. в своих трудах, опубликованных во второй половине 20-х годов, начали разрабатывать теорию «малой войны на море». Так, А. М. Якимычев, учитывая огромную стоимость современных крупных кораблей и невозможность в ближайший период построить мощный линейный флот, настаивал на том, чтобы перейти к наиболее приемлемому способу ведения борьбы — к «малой войне»¹⁷⁸. Для ее ведения он предлагал использовать авиацию, подводные лодки, торпедные катера и другие быстроходные легкие силы надводного флота.

Официальные документы придерживались середины. Во Временном полевом уставе 1936 г., например, указывалось, что наряду с самостоятельными операциями флот может участвовать «в совместных действиях с сухопутными войсками на мор-

ском побережье»¹⁷⁹. В 30-е годы значительное внимание уделяется разработке способа нанесения комбинированных ударов по превосходящему морскому противнику. Его суть сводилась к одновременной атаке надводными кораблями различных классов, подводными лодками и авиацией с использованием артиллерии береговой обороны и минно-артиллерийских средств. Основными условиями успешных действий считались создание превосходства сил флота над противником на направлении главного удара, правильное комбинирование разнородных сил в оперативном и тактическом взаимодействии. На морских сообщениях противника предусматривалось в первую очередь использовать подводные лодки. При ведении боевых действий на приморских направлениях флот должен был поддерживать сухопутные войска огнем корабельной артиллерии и ударами морской авиации, прикрывать их фланги от ударов противника с моря, обеспечивать свои морские сообщения и нарушать коммуникации противника, а также высаживать в его тыл морские десанты и, наоборот, воспрещать высадку его морских десантов.

На качественно новый уровень в 30-е годы была поднята разработка проблем тылового обеспечения войск в операциях всех видов. Мобилизационное развертывание тыла планировалось осуществлять исходя из взглядов на начальный период войны. В первую очередь требовалось отобилизовать тыловые части и учреждения армий прикрытия приграничных военных округов, а также основных сил авиации и войск ПВО. Фронтвые тыловые части и учреждения, военно-учебные заведения и запасные части планировалось отобилизовать после развертывания фронтов, а находящиеся в глубине территории страны подлежали отобилизованию в последнюю очередь. Поэтому в мирное время содержалось лишь небольшое количество органов стратегического тыла, необходимое для обеспечения повседневной деятельности войск и развертывания тыла в установленные мобилизационными планами сроки.

Фронтвой тыл предполагалось развернуть на базе окружных стационарных тыловых учреждений. Для размещения тыловых частей и учреждений, использования местной материально-технической базы фронту определялся тыловой район глубиной до 500 км, через который должны проходить 2—3 железные дороги. Считалось, что для проведения фронтвой наступательной операции необходимо иметь 8—10 боекомплектов боеприпасов, до 10 заправок горючего, продовольствия и зернового фуража на месяц¹⁷⁹.

Количество ремонтных предприятий для фронтов определялось наличием в них боевой, транспортной и специальной техники, а также предполагаемым числом ее ремонтов при подготовке и в ходе операции. В основу технического обеспечения легла единая для всех родов войск и служб планово-предупредительная система обслуживания и ремонта: текущий осуществлялся экипажами (расчетами) и войсковыми ремонтными средствами, средний — в ремонтных подразделениях и учреждениях оперативного звена, капитальный — в ремонтных учреждениях фронтов, центра и на предприятиях промышленности.

Взгляды на организацию медицинского обеспечения нашли отражение в «Наставлении по санитарной службе Красной Армии», введенном в действие приказом наркома обороны от 9 мая 1941 г. Во фронте планировалось иметь фронтвой эвакуационный пункт емкостью в 40 тыс. коек, эвакуационно-транспортные и противоэпидемические средства, органы управления во главе с военно-санитарным управлением. Во фронтвом тылу намечалось также развернуть лечебные учреждения местного (на 3—15 тыс. коек) и вспомогательного эвакуопунктов (на 20 тыс. коек)¹⁸¹. К фронтвому эвакуопункту приписывались военно-санитарные поезда из расчета 3—5 на каждый корпус.

Непосредственное руководство тылом Красной Армии возлагалось на Генеральный штаб, руководство тылом округов, армий, соединений и частей — на соответ-

ствующие штабы. Считалось, что в маневренной войне только общевойсковые штабы будут постоянно в курсе обстановки и смогут правильно организовать работу тыла.

Так складывалась система теоретических взглядов по главным проблемам военной стратегии накануне Великой Отечественной войны. Параллельно формировалась база для их практической реализации в военное время.

Стратегическая подготовка Вооруженных Сил к отражению агрессии

Быстро нарастающая военная опасность, ее предвзятая оценка вынуждали большевистское руководство и командование Красной Армии уже с конца 20-х годов принимать все более энергичные политические, экономические, дипломатические и собственно военные меры по укреплению обороны государства и подготовке Вооруженных Сил к отражению той мнимой, а затем и реально возможной агрессии. Особенно активно и масштабно они стали осуществляться с 1940 г., когда угроза близкой и неизбежной войны стала очевидной.

По этим вопросам была проделана значительная работа, но многое было и упущено. Далеко не все, что требовалось сделать, удалось реализовать. Как и на рубеже 20-х — 30-х годов, так и особенно накануне Великой Отечественной войны были допущены грубейшие ошибки и просчеты, которые затем поставили страну и армию в тяжелейшее положение. Суть их раскрыта и проанализирована во многих трудах, вышедших в последние годы. Отталкиваясь от этого анализа в настоящей работе, представляется необходимым остановиться главным образом на вопросах стратегической подготовки страны и армии к отражению вероятной агрессии, прежде всего в таких важнейших областях, как стратегическое планирование, обеспечение высокой постоянной боевой готовности Вооруженных Сил, планирование и подготовка их стратегического и мобилизационного развертывания. Эти вопросы постоянно находились в центре внимания Генерального штаба РККА, других органов стратегического руководства, хотя подход к ним неоднократно и притом коренным образом менялся.

Еще в начале 20-х годов Штаб РККА разработал первый вариант плана ведения войны. Весной 1926 г. он был утвержден председателем РВС СССР Ворошиловым. В соответствии с ним главным театром войны считался Западный. В его границах выделялось шесть театров военных действий: 1-й и 2-й финские, Прибалтийский, 1-й и 2-й польские, Румынский. Предусматривались два варианта возможного развертывания Красной Армии на западе: первый — в случае нападения на СССР армий Польши, Румынии, Эстонии и Латвии при вооруженном нейтралитете Германии, Финляндии и Литвы и косвенной поддержке Великобритании и Франции; второй — в случае нападения Польши и Румынии при нейтралитете всех прибалтийских стран и той же позиции европейских держав.

По обоим вариантам для отражения возможной агрессии соединения РККА на Западном театре войны намечалось довести до 112 дивизий и 7 бригад. А распределение их по направлениям определялось в зависимости от вариантов развязывания войны. Считалось, что наличных сил будет недостаточно для противостояния объединенным силам противника, состав вооруженных сил которого после их развертывания оценивался в пределах 122 пехотных и кавалерийских дивизий. При таком положении перед Красной Армией ставилась задача поочередно разгромить группировки врага на северо-западе, западе и юго-западе. Последовательность нанесения ударов устанавливалась в зависимости от конкретных условий военно-политической обстановки.

Эти оценки и планы в начале 30-х годов были пересмотрены. При этом учитывались качественное усиление вооруженных сил противника, усиление военной угрозы не только на западе, но на востоке и на юге, а также возросшие военно-экономиче-

ские возможности СССР. Исходя из этого изменилась нарезка театров военных действий. Кроме Западного стали рассматриваться Ближневосточный, Средневосточный, Дальневосточный и Прибалтийско-Скандинавский ТВД. Главным театром войны по-прежнему оставался Западный. По расчетам Штаба РККА вероятный противник на этом театре в случае войны против СССР будет в состоянии выставить 123 дивизии, 1 340 самолетов и 500 танков. На востоке — Китай и Япония, а на юге — Иран и Турция могут развернуть 63 дивизии, 875 самолетов и 160 танков.

Для отражения возможного нападения по мобрасписанию «МП-31» на западных границах предусматривалось развернуть 110 стрелковых дивизий, основные силы стратегической конницы, почти все танки и большую часть авиации. В отличие от предыдущих планов их развертывание намечалось осуществить с некоторым упреждением. При этом учитывалось, что как главный противник Польша может завершить сосредоточение и развертывание своей армии на 16-й день мобилизации. Для упреждения ее предполагалось развернуть первый стратегический эшелон Красной Армии на 12-й день мобилизации, а второй — на 28-й день. В соответствии с этим планировалось сосредоточить главные силы (63 дивизии) севернее Полесья, где ожидалось нанесение главного удара польской армией.

В связи с резким изменением международной обстановки в середине 30-х годов, особенно после прихода в Германии к власти Гитлера и заключения им антикоминтерновского пакта, стратегическое планирование стало осуществляться на принципиально новых оценках. Главным противником СССР стала считаться Германия, а в качестве ее возможных союзников — Польша, Венгрия, Финляндия, Турция, Румыния, Болгария, Литва, Латвия, Эстония. Разработанный с учетом этого Генеральным штабом РККА план войны предусматривал, что против Советского Союза может быть развязана агрессия с участием Польши, Эстонии и Финляндии, но при нейтралитете остальных Прибалтийских государств. На развертывание своих армий им, по мнению Генерального штаба РККА, могло потребоваться от 20 до 30 суток. Вероятная группировка вооруженных сил противника оценивалась в 137 дивизий, 13 бригад, до 7 500 орудий, 6 300 танков и танкеток, около 3 700 самолетов. Ожидалось, что в составе главных сил севернее Полесья будет задействовано из этого числа до 90 дивизий. Со стороны РККА для отражения нападения севернее Полесья намечалось развернуть 82 дивизии, а после этого предусматривалась возможность нанесения упреждающего удара по развертывающемуся противнику с целью его разгрома по частям. На востоке в качестве возможного противника рассматривалась Япония.

В конце 30-х годов неблагоприятное развитие обстановки в мире, особенно в Европе, вынудило руководство СССР и Красной Армии еще раз радикально пересмотреть все оценки и стратегические расчеты. 24 марта 1938 г. начальник Генерального штаба РККА Шапошников представил на рассмотрение наркому обороны Ворошилову доклад по новому варианту стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР. В ноябре он был проанализирован на заседании Главного военного совета и в основном одобрен.

В соответствии с уточненной оценкой Советскому Союзу надлежало готовиться к войне на два фронта: на западе — против Германии, Италии, Польши и тяготевающим к ним Румынии, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы; на востоке — против Японии. Считалось, что эти государства могут выставить от 230 до 240 пехотных, моторизованных и кавалерийских дивизий, 13 077 орудий, 7 980 танков, 5 775 самолетов. Предполагалось, что на западе будут задействованы 146—156 дивизий, 8 500 орудий, 6 380 танков и 4 136 самолетов. Развертывание этих сил представлялось по двум вариантам. Первый вариант: севернее Полесья создавалась группировка из почти 90 дивизий, 8 кавалерийских бригад, 5 500 орудий, 3 800 танков и 2 700 самолетов, а южнее Полесья — около 40 дивизий и 13 кавбригад, 2 000 орудий, 2 500

танков и 1 000 самолетов. Второй вариант считался менее вероятным: севернее Полесья будут развернуты 43 дивизии, 2 168 орудий, 1 000 танков и 900 самолетов, а южнее него — 93 дивизии, 5 332 орудия, 4 700 танков и 2 800 самолетов¹⁸². На Восточном ТВД ожидалось развертывание японских войск в составе 27—33 дивизий, 9 бригад, 2 827 орудий, 1 400 танков и 1 000 самолетов.

Советские войска планировалось развернуть с таким расчетом, чтобы нанести противнику поражение как на западе, так и на востоке, причем основные усилия — до 80% всех — сил предполагалось сосредоточить на Западном ТВД. В случае агрессии на данном театре намечалось немедленно отразить нападение противника, в кратчайшие сроки перейти в наступление и нанести ему главный удар либо к северу от Полесья, либо южнее него. На Восточном ТВД ставилась задача не допустить вторжения японских войск в пределы Дальнего Востока, нанести им решительное поражение в Северной Маньчжурии и удержать за собой тихоокеанское побережье.

Но уже спустя год обстановка коренным образом изменилась. Среди новых факторов, определивших необходимость пересмотра плана войны и всей системы стратегического планирования, особое значение приобрели три: изменение внешнеполитического курса СССР, подписание 23 августа 1939 г. договора о ненападении между Советским Союзом и Германией, начало второй мировой войны.

В соответствии с приложенным к советско-германскому договору секретному протоколу разграничивались сферы интересов двух стран. Граница между ними на случай территориальных и политических изменений в Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы устанавливалась по северной границе Литвы, а в Польше — по линии рек Нарев, Висла и Сан. Кроме того, Советскому Союзу предоставлялось право реализовать свои интересы в отношении Бессарабии.

Дальнейшие события развивались стремительно. 1 сентября 1939 г. войска вермахта напали на Польшу и стали быстро продвигаться в глубь ее территории. Правительства Франции и Великобритании объявили войну Германии, однако активных военных действий с целью оказания помощи Польше не предпринимали. 17 сентября польскую границу перешли советские войска (Украинский и Белорусский фронты). Продвигаясь почти без сопротивления, они к началу октября вышли на демаркационную линию Львов—Брест—Белосток, захватив при этом в плен более 450 тыс. польских солдат и офицеров¹⁸³. 29 сентября между СССР и Германией был подписан договор о дружбе и границе, опять же с приложением секретных протоколов и карты. В соответствии с секретным протоколом территория Литвы попадала в сферу интересов Советского Союза, а к Германии отходили Люблинское и часть Варшавского воеводств.

Под давлением СССР правительства Эстонии, Латвии и Литвы вступили в переговоры с советским правительством. 28 сентября вынуждены были подписать договор с СССР Эстония, 5 октября — Латвия, а 10 октября — Литва. По этим договорам Советский Союз обязался оказывать им военную помощь в случае нападения на них любой державы. С этой целью он получил право разместить на их территории свои войска, создать морские и воздушные базы. Со своей стороны и Прибалтийские государства обязались оказать помощь СССР в случае нападения на него любой европейской державы через их территорию, а также со стороны Балтийского моря.

Подобного рода договор руководство СССР предложило подписать и правительству Финляндии. В октябре 1939 г. на переговорах в Москве финской делегации было предложено заключить пакт о взаимопомощи, предусматривавший дислокацию контингента советских войск и создание военных баз на территории Финляндии. Однако ее правительство не приняло это предложение. Тогда на его рассмотрение был направлен новый вариант. Его суть заключалась в том, чтобы на Карельском перешейке отодвинуть существующую государственную границу на несколько де-

сятков километров в глубь Финляндии, передать СССР ряд островов в Финском заливе, часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море, а также полуостров Ханко в аренду на 30 лет для строительства там советской военно-морской базы. В обмен на это Финляндии предложили в два раза большую по размерам, но неравноценную по качеству и значению территорию Северной Карелии. Правительство Финляндии, ссылаясь на свой нейтралитет, заявило, что не может уступить Ханко и острова, но готово сделать другие равноценные уступки, притязания же СССР оно оценило как проявление «русского империализма». В этой связи финны предупредили Москву, что будут любыми средствами защищать свою территорию и независимость. В Москве это расценили как прямую угрозу СССР.

Во второй половине ноября 1939 г. войска 7-й армии Ленинградского военного округа получили приказ совместно с авиацией и силами Краснознаменного Балтийского флота разгромить финские части, овладеть на Карельском перешейке укрепленной линией Маннергейма, а далее во взаимодействии с 8-й армией наступать в общем направлении на столицу Финляндии — Хельсинки¹⁸⁴.

Поводом для начала военных действий послужил инспирированный советской стороной инцидент, в районе селения Майнила. По официальной версии штаба Ленинградского военного округа, финская артиллерия 26 ноября обстреляла советскую территорию, что привело к гибели 4 и ранению 9 командиров и красноармейцев. Ясно однако, что в этом Финляндия никак не была заинтересована. Начавшаяся 30 ноября бесславная война выявила крупнейшие недостатки в боеспособности и подготовке Красной Армии, что стоила ей больших жертв¹⁸⁵. Только к середине марта 1940 г. Финляндия вынуждена была подписать мирный договор, согласно которому граница северо-западнее Ленинграда отодвигалась за линию Выборг—Сартавала. К СССР отходили Карельский перешеек, ряд островов в Финском заливе, небольшая территория с городом Куолаярви, а также часть полуостровов Рыбачий и Средний, полуостров Ханко передавался советской стороне в аренду с правом создания на нем военно-морской базы. Летом 1940 г. в состав СССР были включены Эстония, Латвия и Литва, а затем были присоединены Бессарабия и Северная Буковина.

В результате всех этих мероприятий государственная граница СССР была отодвинута на запад. В стратегическом плане это обстоятельство безусловно имело позитивное значение, так как позволяло снизить угрозу ряду важнейших промышленных и административных центров страны, выиграть пространство и время для отражения неминуемой агрессии Германии. Но вместе с тем перенос границы вызвал немало осложнений, связанных с необходимостью перестройки всей группировки войск первого стратегического эшелона, прочного укрепления новых границ, оперативного оборудования приобретенных территорий, переработки всех оперативных планов.

Во второй половине 1940 г. на новой границе началось строительство 20 укрепленных районов (УР), предназначенных надежно прикрыть важные операционные направления, а также создать опорные рубежи для действий полевых войск в обороне и наступательных операциях. Для руководства строительством УР в системе Наркомата обороны было создано Управление начальника строительства (УНС), которое возглавил заместитель наркома обороны маршал Шапошников. Для выполнения строительных работ было привлечено 84 только что сформированных строительных батальона, 25 отдельных строительных рот и 17 автомобильных батальонов. Кроме того, с апреля 1941 г. к этому количеству добавились 160 инженерных и саперных батальонов приграничных округов и 41 саперный батальон внутренних округов¹⁸⁶. Хотя были установлены крайне сжатые сроки выполнения работ, из-за недостатка материалов и вооружения строительство задерживалось. Чтобы как-то исправить положение, военные советы Прибалтийского, Киевского и Западного Осо-

рых военных округов с одобрения правительства приняли решение снять орудия со многих дотов законсервированных старых УР и перебросить их для оснащения строящихся укрепленных районов. Однако и эта вынужденная мера не смогла удовлетворить все потребности в вооружении. К началу войны строительство новых УР так и не было закончено. Из построенных 2,5 тыс. дотов, только около 1 тыс. имели орудия, в остальных устанавливались одни пулеметы. Между некоторыми УР и узлами обороны имелись совсем неукрепленные участки шириной от 10 до 80 км и более. Причем большая часть укрепрайонов оказалась в непосредственной близости от границы. Огневые сооружения их могли быть поражены даже огнем прямой наводкой, так как они находились в зоне наблюдения противника. Да и боеготовность некоторых УР оказалась не на высоте из-за неукомплектованности постоянных гарнизонов.

Вместе с долговременными огневыми сооружениями в приграничной полосе возводились различного рода укрепления для полевых войск. Строительство же тыловых оборонительных рубежей за новыми УР намечалось только с началом войны. Поэтому единственным тыловым оборонительным рубежом оперативно-стратегического назначения оставалась линия старых укрепленных районов. Директива Генштаба от 8 апреля 1941 г. обязывала командующих Западным и Киевским Особыми военными округами содержать Себежский, Слуцкий, Шепетовский, Изяславский, Староконстантиновский и Остропольский УР в таком состоянии консервации, чтобы на 10-й день войны можно было их привести в боевую готовность. Но это требование так и осталось на бумаге. С февраля 1941 г. началось строительство противодесантной обороны на о-вах Саарема (Эзель), Хийумаа (Даго), Моон, а также в Виплавском и Либавском УР на побережье Балтийского моря. Однако к началу войны строительные работы там были в стадии развертывания.

Большой размах той весной получили работы по созданию в приграничных районах полевых аэродромов и строительству на постоянных аэродромах бетонных взлетно-посадочных полос. Предусматривалось построить 190 аэродромов. Однако недостаток сил и средств, не говоря уже о времени, не позволил завершить намеченный план к началу войны. Во многих районах авиация по-прежнему базировалась скученно и слишком близко от границы, не хватало запасных аэродромов. Но главное в другом: местоположение всех аэродромов было точно известно противнику.

Существенное значение в подготовке Западного ТВД имело строительство железных и шоссейных дорог, различных складов и линий связи. Пропускная способность железных и автомобильных дорог в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине была недостаточной, к тому же железные дороги еще требовалось перешить на общесоюзную колею. Основные железнодорожные узлы оставались слаборазвитыми, так как многие линии не имели вторых путей, что в значительной степени сказывалось на возможностях по обеспечению стратегического развертывания войск с началом войны. Не удалось также закончить прокладку подземных линий связи.

Наряду с этим принимались меры по усилению состава приграничных военных округов. Во второй половине апреля в западных приграничных военных округах началось формирование 10 артиллерийских противотанковых бригад резерва Главного командования и 4 воздушно-десантных корпусов. Из внутренних военных округов, Забайкалья и с Дальнего Востока перебрасывались на запад 8 стрелковых дивизий и 2 воздушно-десантные бригады. Кроме того, планировалось направить управления 2 стрелковых и механизированного корпуса, 2 стрелковые, 2 танковые и 1 моторизованную дивизию. Войска доукомплектовывались и оснащались новой техникой. В мае и начале июня, были призваны из запаса около 800 тыс. военно-обязанных, что позволило повысить укомплектованность почти 100 стрелковых ди-

визий, ряда УР и других войск. 14 мая нарком обороны отдал приказ о досрочном выпуске курсантов военных училищ и немедленной отправке их в войска. Еще раньше он приказал командующим приграничными военными округами все дивизии, дислоцировавшиеся в тыловых районах, к 1 июля скрытно перевести ближе к государственной границе, в районы, предназначенные им по плану обороны. Но приграничные дивизии оставались на прежнем месте, и вывод их к государственной границе мог быть осуществлен лишь по особому приказу.

Из-за того что Сталин, а под его давлением и Генеральный штаб РККА ошибочно оценивали обстановку и намерения возможного противника, все необходимые меры для приведения Вооруженных Сил в боеготовное состояние не принимались. Поступавшие от разведки данные о сосредоточении у советских границ около 160 полностью боеготовых немецких дивизий, о возможном наступлении вермахта 15, 22 или 25 июня 1941 г., о вероятных замыслах германского командования, почти точно воспроизводивших план «Барбаросса», Москва либо игнорировала, либо рассматривала как провокационные. Более того, 14 июня в газете «Правда» было опубликовано сообщение ТАСС, в котором объявлялось, что слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы. Все это дезориентировало командование Красной Армии, связывало ему руки и притупляло бдительность.

Несмотря на чрезвычайную опасность, нависшую над СССР, верхи проявляли беспечную медлительность в отношении переработки плана войны. Подготовка его велась с начала 1940 г., а первый вариант был готов уже к концу июля того же года. Но план не был рассмотрен. Лишь в сентябре нарком обороны Тимошенко представил в ЦК ВКП(б), Сталину и Молотову доклад об основах стратегического развертывания Вооруженных сил. В докладе, как и в плане на 1938—1939 гг., указывалось, что Советскому Союзу надо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддерживаемой Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, а на востоке — против Японии, пока занимающей позицию вооруженного нейтралитета. Правда силы Германии, ее союзников и Японии определялись в более значительных размерах: 280—300 дивизий, 12 тыс. танков, почти 30 тыс. орудий и 14—15 тыс. боевых самолетов¹⁸⁷. Предполагалось, что свои главные удары противник нанесет на Ригу, Ковно, Полоцк и Минск. Одновременно допускалась возможность его наступления от Сувалок и Бреста на Волковыск и Барановичи, а также из района Люблина на Киев.

Варианты развертывания Красной Армии остались прежними, но группировки были существенно усилены. Предложение начальника Генерального штаба Шапошникова о сосредоточении главных сил РККА севернее Полоцка категорически отверг нарком обороны Тимошенко. 5 октября 1940 г. план стратегического развертывания РККА был рассмотрен руководством страны. При этом Сталин указал наркому обороны и Генеральному штабу на необходимость более рельефного обозначения сосредоточения усилий в Европе, прежде всего на юго-западном направлении, а потому следовало еще более усилить Юго-Западный фронт. Хотя второй вариант развертывания главных сил (севернее Припяти) и не был отвергнут, но и поддержки не получил. Доработанный с учетом этих поправок документ был 14 октября утвержден ЦК ВКП(б) и правительством СССР. Его окончательная корректировка проводилась в мае и начале июня 1941 г. При этом на юго-западное направление дополнительно выделялось еще 25 дивизий.

Перенацеливание основных усилий с западного на юго-западное направление явилось серьезной ошибкой, допущенной под прямым давлением Сталина, считавшего, что основные события развернутся именно на юге. Он был абсолютно убежден, что Германия в первую очередь вознамерится овладеть Украиной и Донбассом, без

которых она якобы не в состоянии вести длительную войну. В результате такого решения западное направление оказалось ослабленным.

Всего для отражения возможной агрессии со стороны третьего рейха и его союзников предусматривалось привлечь 237 стрелковых дивизий из 303, 51 танковую дивизию из 61, 25 моторизованных дивизий из 31, все противотанковые бригады и воздушно-десантные корпуса, основную часть артиллерийских полков РКК и авиации¹⁸⁸. Войска первого стратегического эшелона (186 дивизий) предполагалось свести в четыре фронта: Северо-Западный, Западный, Юго-Западный и Северный. Второй стратегический эшелон должна была составить 51 дивизия РКК. Прикрытие развертывания возлагалось на армии первого эшелона приграничных военных округов. В основе плана прикрытия, по существу, лежал принцип организации армейской обороны, а действия фронтов на случай внезапного нападения противника не определялись. Не были разработаны мероприятия и в случае возможного срыва развертывания противника.

Новая схема стратегического развертывания Вооруженных сил СССР, естественно, потребовала коренной переработки мобилизационного плана. С августа 1940 г. по январь 1941 г. Генеральный штаб подготовил три варианта плана. В феврале последний вариант был доложен Сталину и им утвержден, хотя отдельные уточнения плана продолжались вплоть до июня. В сравнении с планом 1938—1939 гг. удельный вес развертываемых стрелковых дивизий сокращался на 2,3%, а кавалерийских соединений — в 3 раза. Количество развертываемых механизированных соединений увеличивалось в 5 раз, а авиационных частей и войск ПВО — в 2 раза¹⁸⁹. Хотя это было и правильным решением, многие недостатки, присущие прежнему плану, так и не были устранены. В частности, планировалось формирование нереально большого количества новых соединений и частей, не учитывались возможности промышленности по обеспечению войск оружием и военной техникой, не определялись меры по завершению мобилизации в случае упреждающего удара противника.

Для проверки основных положений нового плана войны в Генеральном штабе под руководством Тимошенко в январе 1941 г. были проведены две оперативно-стратегические игры. Они позволили уточнить ряд расчетов, но самый важный вопрос, связанный с отражением внезапного удара агрессора, так и остался неотработанным. Было недостаточно уточнено также истинное положение войск на границе, что не позволило по-настоящему реально оценить слабость созданных там группировок.

В середине мая, когда обстановка еще больше обострилась, началось скрытное выдвижение на запад пяти (19, 20, 21, 22 и 16-й) армий из Северокавказского, Орловского, Приволжского, Уральского и Забайкальского военных округов. Но в июне оно было частично приостановлено. С 13 июня стали проводиться отдельные мероприятия по развертыванию войск прикрытия. Буквально в последний момент были отданы указания о маскировке аэродромов, но выполнить их не успели. 18 июня в округа поступило распоряжение о выделении фронтовых управлений и выходе их на командные пункты. Но все эти меры осуществлялись слишком робко, а главное — с большим опозданием.

Более организованно действовал флот. 19 июня нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов на свой страх и риск приказал всем флотам перейти на боевую готовность № 2, а в ночь на 22 июня по его приказу все флоты и флотилии были приведены в полную боевую готовность № 1. Это позволило морякам успешно отразить первые удары противника и в целом организованно начать боевые действия. Тимошенко 13 июня попытался было убедить Сталина в необходимости привести войска приграничных военных округов в боевую готовность и развернуть первые эшелоны по планам прикрытия, но на все аргументированные доводы наркома Сталин заявил: «Вы что

же, предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война!»¹⁹⁰. Увы! Слишком поздно удалось получить согласие Сталина и на директиву о боевой готовности, отданную лишь в ночь на 22 июня. В результате до многих штабов и войск она просто не дошла.

К утру 22 июня 1941 г. советские войска располагались следующим образом:

Все войска Ленинградского военного округа оставались в местах своей постоянной дислокации. Для усиления кандалакшского направления перевозилась по железной дороге одна танковая дивизия. В Прибалтийском Особом военном округе в полной боевой готовности находились 6 стрелковых дивизий 8-й и 11-й армий, 2 механизированных корпуса (без отмотелизования). 3 дивизии 8-й армии заняли районы обороны согласно плану прикрытия. К границе из глубины территории округа выдвигались 3 дивизии фронтового и армейского резерва, а остальные продолжали оставаться в лагерях и пунктах дислокации.

В Западном Особом военном округе все соединения и части армий первого эшелона располагались в местах постоянной дислокации. 3 стрелковых корпуса, выдвигаемые из глубины территории округа, оказались в 150—400 км от границы. В глубине округа формировались воздушно-десантный и 2 механизированных корпуса, 3 противотанковые бригады, для укомплектования которых не хватало технических средств.

Войска Киевского Особого военного округа также оставались в пунктах постоянной дислокации. 5 стрелковых корпусов окружного резерва совершали марш в 100—250 км от границы. В глубине территории округа располагались воздушно-десантный и 3 механизированных корпуса. Только в Одесском военном округе дивизии первого эшелона были подняты по тревоге, а авиация распродоточена на оперативные аэродромы.

Всего к 22 июня западные приграничные военные округа имели в своем составе 170 дивизий, 2 отдельные стрелковые и 12 воздушно-десантных бригад. Кроме того, на их территории располагались 7 дивизий, 2 бригады, 11 оперативных полков внутренних войск и 49 пограничных отрядов. В 10—50 км от границы в первом эшелоне армий прикрытия находились 53 стрелковые и 3 кавалерийские дивизии, 2 отдельные стрелковые бригады. Второй эшелон, располагавшийся в 50—100 км и более от границы, составляли 13 стрелковых, 3 кавалерийские, 24 танковые и 12 моторизованных дивизий. В 100—400 км от границы сосредоточились 62 дивизии резерва округов, на рубеже рек Западная Двина и Днепр — еще 13 дивизий, предназначенных для Юго-Западного фронта и армий резерва Главного командования. В движении были 10 дивизий внутренних военных округов¹⁹¹. Все самолеты оставались на постоянных аэродромах.

В целом созданная группировка войск не была подготовлена ни к обороне, ни к наступлению. В этом одна из главных причин тех тяжелых неудач, что постигли Красную Армию в начале Великой Отечественной войны. По сути, это результат тех серьезных противоречий, которые характеризовали развитие отечественной военной стратегии в межвоенный период. Наряду со многими безусловно правильными идеями она включала и явно ошибочные установки. В свою очередь стратегическая практика часто не считалась с выводами теории, а исходила, как правило, из прагматических соображений, которые порой позволяли успешно решать текущие задачи, но весьма негативно проявляли себя в долгосрочной перспективе.

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Великая Отечественная война — один из самых тяжелых и трагических периодов в истории нашей Родины. Она явилась жесточайшим испытанием для страны, потребовала невероятных усилий и больших жертв. Но, разумеется, самый главный экзамен пришлось держать армии и флоту, а вместе с ними — принципам военного строительства, подготовки и применения Вооруженных Сил, теории и практике военного дела.

В ходе войны отечественная военно-теоретическая мысль и военная практика получили разностороннее развитие, и это явилось важным фактором в достижении победы. Этот процесс проходил в напряженном противоборстве с врагом. Особенно острым и бескомпромиссным оно было в области военной стратегии.

Было немало случаев, когда военная стратегия третьего рейха добивалась значительных успехов, обеспечивала крупные победы вермахта, ставила военно-политическое руководство и Вооруженные Силы нашей страны в тяжелое, а порой и в критическое положение. Но так или иначе, военная стратегия врага, в конечном счете, терпела крах, а отечественная, несмотря на временные неудачи, оказывалась, как правило, на высоте. Сделав новый, большой шаг в своем развитии и продемонстрировав его высокий уровень, она убедительно доказала полное превосходство над военной стратегией фашистской Германии и в итоге одержала верх.

Опыт войны подтвердил в целом правильность и жизненность ее многих принципиальных положений, выработанных в предвоенные годы. Однако не все предвоенные взгляды выдержали суровый экзамен войны. Прежде всего, это имеет отношение к сложившимся в предвоенные годы представлениям о характере и способах ведения войны, роли ее начального периода, системе стратегических действий Вооруженных Сил и стратегического руководства ими. Большинство же других военно-стратегических положений и установок не только не было опровергнуто, но и было подтверждено, обогатилось по содержанию и получило дальнейшее развитие на полях сражений. Их творческое применение во многом способствовало успешному решению задач, вставших перед Вооруженными Силами. Опираясь на них, военная стратегия разрешила широкий круг сложнейших проблем, связанных с отражением глубоких ударов противника, прорывом его оперативной и стратегической обороны, последовательным разгромом крупных группировок врага, ведением совместных операций видами Вооруженных Сил и крупными стратегическими группировками, управлением коалиционными группировками войск, созданием эффективной системы стратегического руководства Вооруженными Силами.

В ходе войны еще рельефнее проявилась зависимость стратегии от политики. По существу, ни в одной из минувших войн стратегические цели, замыслы и планы сторон, направленность применения вооруженных сил, их задач не находились под таким давлением политики, как в этой войне. Порой политические соображения играли решающую роль при определении значимости фронтов, последовательности проведения операций, сосредоточении основных усилий Вооруженных Сил, не говоря уже о таких принципиальных вопросах, как открытие второго фронта, объем военной помощи союзникам, очередность вывода противников из войны и т. п. Поэтому не случайно именно по политическим мотивам принимались в ряде случаев не совсем целесообразные с точки зрения стратегии решения и, наоборот, отклонялись необходимые в стратегическом плане действия.

В такой же мере усилилась зависимость военной стратегии от экономики. Это нашло свое выражение в прямой обусловленности применяемых способов и форм вооруженной борьбы от перевода экономики на военные рельсы, развития военного производства, поставок оружия и военной техники в Вооруженные Силы, а также в организации целенаправленных действий по разрушению важнейших промышленных центров противника, захвату его основных районов добычи угля, нефти и других видов стратегического сырья, проведении крупных операций на железнодорожных и морских коммуникациях врага.

В годы войны военную стратегию, как никогда, обеспечивали все формы идеологической и дипломатической борьбы. Идеологические и дипломатические средства эффективно использовались для того, чтобы, с одной стороны, постараться разложить ряды противника, а значит, ослабить его, внести раскол в его коалицию, а с другой — укрепить моральный дух своих воинов и населения страны, усилить политические позиции собственного государства, как можно больше сплотить антигитлеровскую коалицию, добиться от союзников более тесной координации усилий в сфере вооруженной борьбы.

В ходе войны и теория, и практика военной стратегии развивались параллельно. Но предпочтение, разумеется, отдавалось практике. Возникавшие задачи и складывавшаяся обстановка вынудили активно искать более эффективные формы стратегических действий, совершенствовать организацию Вооруженных Сил и способы их применения. Теория стратегии шла вслед за практикой. С определенным временным уступом она обобщала накопленный опыт, обосновывала достижения практики, вырабатывала новые положения, которые в свою очередь толкали практическую стратегию к поиску более эффективных решений и действий.

1. Главные направления развития военной стратегии во время войны

На всем протяжении войны военная стратегия СССР характеризовалась высокой активностью и была подчинена одной общей цели — защите страны от внешней агрессии и достижению победы над врагом. Эта цель достигалась выполнением конкретных военно-политических задач, решавшихся Вооруженными Силами в те или иные периоды войны. Наиболее важными из них были: в начале войны — отражение агрессии, срыв наступательных планов противника, нанесение поражения вторгнувшимся группировкам его войск; затем — изгнание врага с оккупированных им территорий и перенос военных действий за пределы страны; в конце войны — освобождение государств Восточной Европы, вывод из войны союзников Германии и принуждение ее к безоговорочной капитуляции. В свою очередь, каждая из военно-политических задач требовала решения сложного комплекса общих и частных военно-стратегических задач, выполнявшихся в ходе отдельных военных кам-

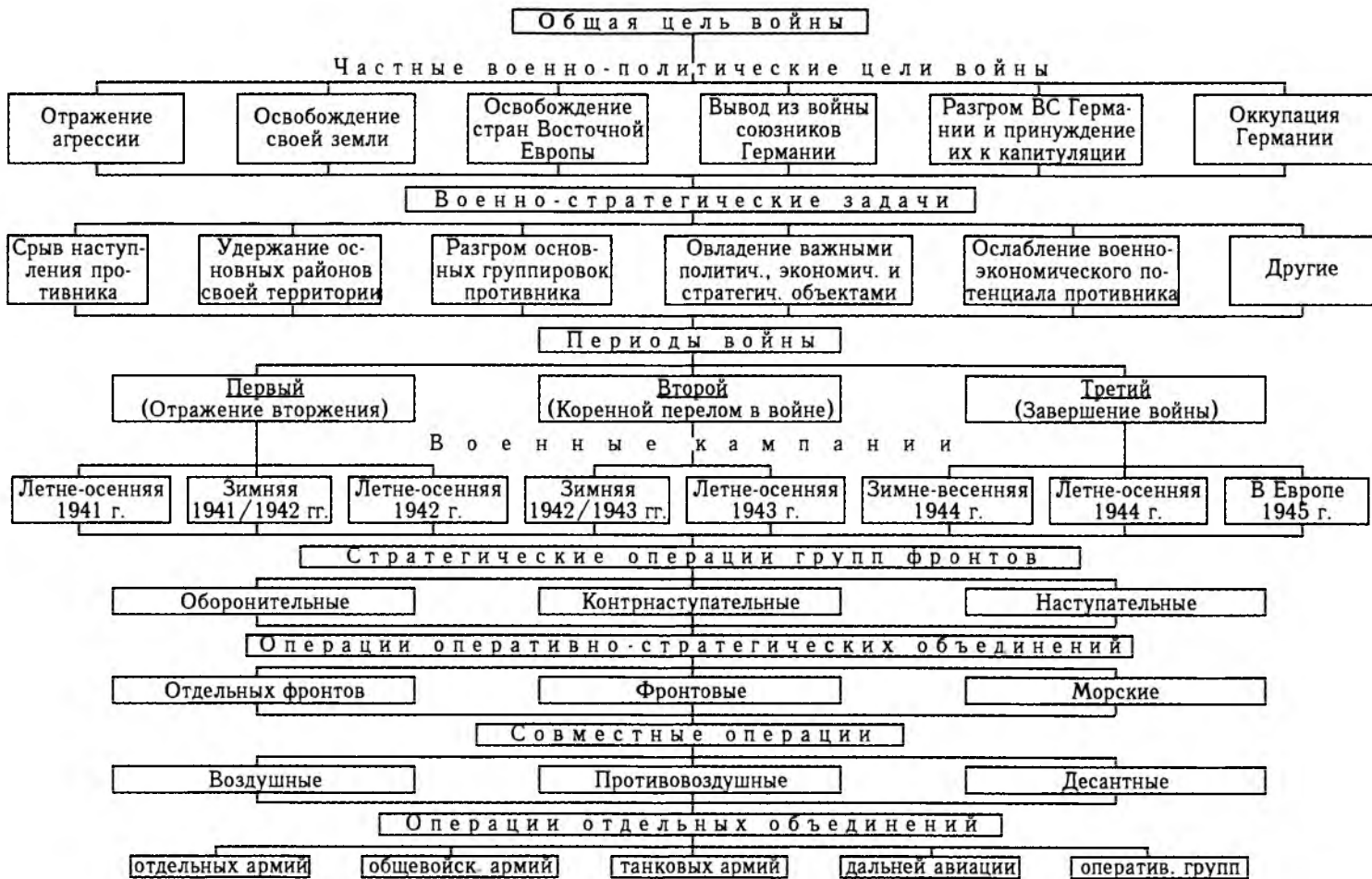

Схема 36. Система операций Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне

паний, битв и крупных стратегических операций, проводившихся в единой системе стратегических действий Вооруженных Сил.

В ходе войны система стратегических действий Вооруженных Сил, впрочем, как и стратегия ведения войны в целом, неоднократно менялась. Речь идет о цели, характере вооруженной борьбы, масштабах, пространственных и временных характеристиках проводимых операций, их содержании. Обычно периоды резких переломных скачков сочетались с эволюционным развитием стратегии. Процесс этот шел по восходящей линии, подчиняясь общим закономерностям развития вооруженной борьбы. Решающее влияние на него оказывали постоянно менявшаяся военно-политическая и стратегическая обстановка, реально складывавшееся соотношение сил и средств, изменения в балансе экономических и военных возможностей сторон. По мере расширения военного производства, количественного роста и качественного совершенствования советских Вооруженных Сил, поступления на их оснащение новых видов оружия и техники, военная стратегия становилась все более решительной. Огромное влияние на нее оказывали особые условия ведения войны, но — прежде всего, три следующих фактора.

В первую очередь это — несоразмерность усилий, затраченных СССР и его западными союзниками в борьбе с общим врагом, особенно в первые и самые тяжелые для Советского Союза годы войны. В течение трех лет он вынужден был фактически один на один сражаться с главными силами фашистской Германии и ее европейских партнеров. Во всяком случае, вплоть до лета 1944 г. на советско-германском фронте было сосредоточено в 15—20 раз больше вражеских сил, чем на всех других фронтах, где сражались американско-английские войска (Северная Африка и Италия)¹. Тогда против советских Вооруженных Сил действовало от 70 до 75% всех дивизий и около 75% военной техники фашистского блока. На это же время приходится и основная масса понесенных ими потерь. С 22 июня 1941 г. до 30 июня 1944 г. безвозвратные потери армии и флота составили 9 645 тыс., а санитарные — 13 617 тыс. человек, или 78,6% от общих потерь за всю войну².

Распределение сил по фронтам изменилось лишь после открытия второго фронта в Европе, однако и в дальнейшем противник имел на других европейских театрах военных действий в 1,8—2,8 раза меньше сил, чем на советско-германском фронте. Это явное доказательство того, что военная стратегия СССР оказала определяющее влияние на стратегию всей второй мировой войны. Причем советское командование решало не только сугубо собственные задачи, но и косвенно способствовало действиям союзных армий. Конечно, несмотря на свою ограниченность в масштабах, операции англо-американских войск тоже имели немаловажное значение, потому что как-то облегчали положение советских Вооруженных Сил. Однако, тогда они не представляли для противника особой угрозы и в критические моменты не могли помешать переброске его войск с Запада на Восток, с чем советскому руководству приходилось постоянно считаться.

В стратегическом плане СССР был больше всего заинтересован в открытии союзниками второго фронта в Западной Европе в 1941—1943 гг. В дальнейшем острота этого вопроса снизилась, а во второй половине 1944 г., когда стало очевидно, что СССР способен и самостоятельно разгромить Германию, — потребность в помощи союзников и вовсе отошла на второй план. Более того, в стратегических действиях вооруженных сил участников антигитлеровской коалиции появились даже элементы состязательности. Каждый из них стремился быстрее добиться большей результативности с тем, чтобы в полной мере воспользоваться плодами приближающейся победы.

Не раз советскому командованию приходилось учитывать в своих стратегических решениях и действиях такой фактор, как потенциальная возможность перехода

от войны на одном фронте к войне на нескольких фронтах, причем одновременно на западе, востоке и юге. Такая угроза стала наиболее реальной в связи с возможным нападением Японии, не прекращавшей своих военных приготовлений на дальневосточных границах СССР. Сохранялась также опасность вступления в войну Турции. В этом отношении критическими оказались декабрь 1941 г. и сентябрь—октябрь 1942 г., т. е. периоды наивысших успехов вермахта, когда его войска наступали на Москву, Сталинград и Кавказ.

Вот почему советскому руководству, даже в самой сложной обстановке на советско-германском фронте, приходилось держать на дальневосточных и южных рубежах страны значительные группировки войск. На 1 декабря 1941 г. численность размещенных там соединений в людях и артиллерии составляла почти половину того, что было в действующей армии, танков было больше в 1,3 раза, а боевых самолетов — равное количество. В 1942—1943 гг. она была чуть меньше: свыше трети личного состава, две трети танков, САУ и боевых самолетов, более четверти орудий и минометов³.

На протяжении почти двух лет это, естественно, сильно осложняло решение многих стратегических задач на советско-германском фронте, вынуждало разрабатывать стратегию войны с учетом ситуации не только в Европе, но и в Азии, точно рассчитывать уровни возможного риска и соответственно этому распределять силы по фронтам. Особой задачей стратегии в такой обстановке стала организация межтеатрового маневра войсками, силами и средствами. Наряду с планированием операций на советско-германском фронте потребовалась параллельная корректировка планов возможных военных действий на Дальнем Востоке и юге страны.

Только с середины 1943 г., когда прямая угроза войны со стороны Японии и Турции была снята, появилась возможность свободно распоряжаться силами и средствами, хотя задача сдерживания потенциальных противников не снималась вплоть до конца войны в Европе. Очередной поворот в отечественной военной стратегии произошел в 1945 г., еще до победы над Германией, когда возникла необходимость в подготовке к предстоящей военной кампании против Японии. Для этого потребовалась организация стратегической перегруппировки сил в обратном направлении — с запада на восток. Иначе говоря, стратегия ведения войны на главном фронте в Европе — советско-германском, так или иначе была тесно связана со стратегией готовности к проведению крупных операций на других театрах военных действий.

И наконец, еще одна характерная особенность отличала отечественную военную стратегию. Она состояла в том, что с самого начала война приняла весьма неблагоприятный для СССР оборот. Враг прочно захватил инициативу, нанес огромные, казалось бы, невосполнимые потери стране и ее Вооруженным Силам. По существу, была потеряна большая часть кадровой армии. Только безвозвратные потери советских Вооруженных Сил за первые 1,5 года войны составили 6 396 тыс. человек, или 56,7% потерь за всю войну. Они лишились 9,6 млн. единиц стрелкового оружия (62,1%), 208,7 тыс. артиллерийских орудий и минометов (65,7%), 35,6 тыс. танков (36,8%), и 30 тыс. боевых самолетов (34%)⁴.

Последствия этого особенно чувствительно ощущались в 1941 и 1942 гг. в условиях снижения экономического потенциала страны и перехода экономики на военные рельсы. Войска на фронте испытывали острый недостаток в бронетанковой технике, боевых самолетах, противотанковых и зенитных средствах, автоматическом оружии, средствах связи и автотранспорте, но особенно в боеприпасах, по которым нехватка в 1942 г. была наибольшей за все годы войны. Военные действия советским Вооруженным Силам приходилось вести при явно неблагоприятном соотношении сил и средств, низких оперативных плотностях. Недостаток танков, бронетранспортеров, тягачей, автомобильного транспорта ограничивал маневренные

возможности войск. Как в обороне, так и в наступлении не обеспечивалась необходимая надежность огневого поражения противника. В результате войска несли неоправданно большие потери, многие из предпринятых операций не приводили к ожидаемому успеху; нередко они оставались незавершенными, а порой и вообще заканчивались провалом.

В таких условиях в области стратегии возник целый ряд сложнейших проблем, связанных прежде всего с коренной реорганизацией Вооруженных Сил, ликвидацией образовавшихся диспропорций, завершением стратегического развертывания, отражением глубоких ударов противника, восстановлением нарушенного стратегического фронта, захватом оперативной и стратегической инициативы, последовательным разгромом крупных группировок врага.

Война с самого ее начала нарушила многие предвоенные стратегические планы и расчеты. Вот почему пришлось пересматривать всю систему стратегических действий, принимать неординарные решения, вырабатывать и проводить в жизнь стратегические установки, принципиально отличавшиеся от некоторых довоенных положений.

Так, ранее предполагалось, что будущая война явится классовой войной пролетарского государства со всем капиталистическим миром. Из этого исходил в первую очередь сам Сталин. На это собственно рассчитывал и Гитлер, имея в виду неизбежность политической и военной изоляции СССР. Жизнь, однако, внесла свои коррективы: различия в идеологии и общественном строе не помешали объединению Советского Союза с демократическими государствами Запада в борьбе против общего врага. Наоборот, столкновение интересов внутри капиталистического мира оказалось сильнее тех противоречий, что были до этого между СССР, США и Великобританией. А это, в свою очередь, привело к образованию мощной антигитлеровской коалиции и заставило ее участников коренным образом пересмотреть как военную политику, так и военную стратегию.

До войны не вызывало никакого сомнения: советские Вооруженные Силы будут вести военные действия, главным образом, на чужой территории, а пришлось более трех лет сражаться на собственной земле.

Наконец, считалось, что война будет носить исключительно маневренный характер, в то время как в ходе ее нашли широкое применение и маневренные и позиционные формы борьбы. Планировалось, что к обороне придется прибегать лишь в исключительных случаях, фактически же ее надо было организовывать слишком часто, причем не только в оперативном, но и в стратегическом масштабе.

Сравнительно простой до войны представлялась система операций Вооруженных Сил. Ожидалось, что стратегические задачи будут выполняться силами фронтов и флотов во фронтовых операциях. Фактически же система операций приняла чрезвычайно сложный вид. В ее рамках нашли применение стратегические операции групп фронтов, фронтовые оборонительные, контрнаступательные и наступательные операции, армейские операции всех видов, воздушные и противовоздушные операции, десантные и противодесантные операции, морские операции с различными целями. Причем главной формой стратегических действий стала операция группы фронтов.

Наиболее важные и радикальные перемены в стратегии происходили при переходе от одного периода войны к другому. Именно в это время коренным образом менялась вся военно-политическая и военно-стратегическая обстановка на фронте и в тылу, возникали новые задачи вооруженной борьбы. Соответственно менялась и военная стратегия.

Первый период войны (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.) был самым тяжелым для СССР и его Вооруженных Сил и наоборот, наиболее благоприятным для

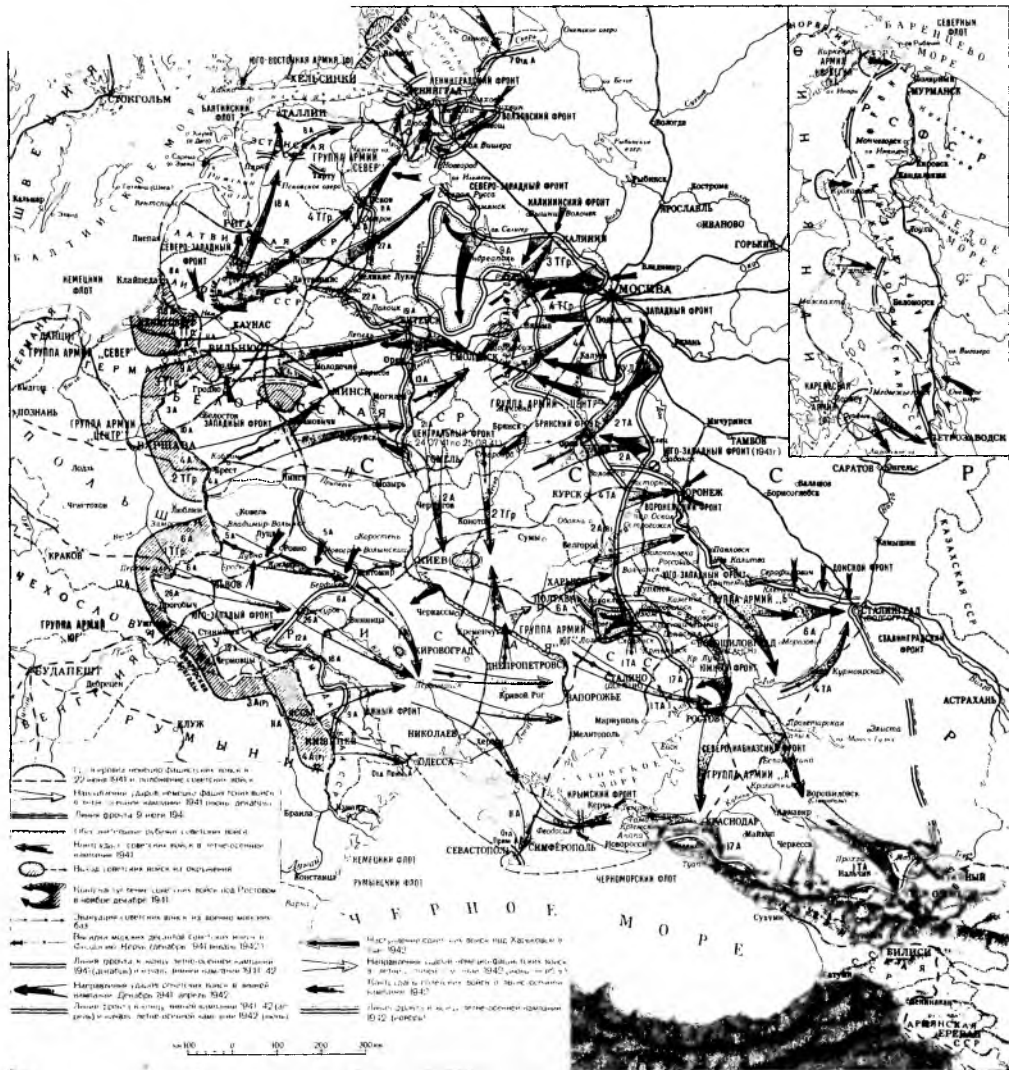

Схема 37. Общий ход военных действий в первом периоде Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.)

фашистской Германии. На этом этапе принятой на вооружение рейхом стратегии молниеносной войны советская сторона противопоставила стратегию вынужденной обороны. Цель стратегических действий состояла в том, чтобы сорвать блицкриг, подорвать наступательный потенциал вермахта, выиграть время для завершения развертывания своих Вооруженных Сил, перевода промышленности на военные рельсы, вырвать из рук противника стратегическую инициативу, изменить военно-политическую обстановку в свою пользу.

Эта цель достигалась решением нескольких последовательных стратегических задач: формированием более эффективной системы государственного управления и стратегического руководства Вооруженными Силами применительно к условиям военного времени; вынужденной организацией стратегической обороны, изматыванием противника на последовательно обороняемых рубежах, выводом своих войск из-под ударов врага; отражением вторжения и последующего наступления противника сначала на всем советско-германском фронте, а затем на одном только южном стратегическом направлении; нанесением максимального урона главным ударным группировкам противника упорной обороной, контрударами и проведением частных наступательных операций; переходом в контрнаступление и захватом стратегической инициативы; восстановлением боеспособности Вооруженных Сил, наращиванием их состава и созданием крупных стратегических резервов; развертыванием вооруженной борьбы в тылу врага.

В первый период советские Вооруженные Силы провели две летне-осенние оборонительные кампании (в 1941 и 1942 гг.) и одну наступательную (зимой 1941/1942 гг.). В ходе них были организованы и проведены 12 стратегических оборонительных, 4 стратегические наступательные, 1 крупная морская десантная операция, не говоря уже о целом ряде частных фронтовых оборонительных и наступательных операций.

Несмотря на то, что еще в приграничных сражениях немецко-фашистским войскам удалось окружить и уничтожить значительную часть сил Северо-Западного, Западного, Юго-Западного, а затем и Южного фронтов, захватить Прибалтику, Белоруссию, большую часть Украины, блокировать Ленинград, овладеть Крымом и выйти на ближайшие подступы к Москве, советские Вооруженные Силы все же смогли преодолеть опаснейший кризис. А выстояв, они перешли в контрнаступление сначала под Тихвином и Ростовом, а с 5 декабря и под Москвой. В результате на всех трех стратегических направлениях главные ударные группировки врага были разбиты. С переходом Красной Армии в общее наступление он был отброшен на 150—400 км. Однако закрепить и развить успех советским войскам тогда не удалось.

Ценой чрезвычайных мер германское командование сумело восстановить боеспособность своих вооруженных сил, нарастить их состав, в том числе за счет армий партнеров по агрессии, и уже летом 1942 г. развернуть второе мощное наступление, на сей раз на южном крыле советско-германского фронта. И вновь советские войска потерпели тяжелое поражение: в Крыму и под Харьковом были окружены и разбиты крупные силы, Севастополь, Керчь, южные районы Донбасса оказались в руках противника. А он, развивая успех, рвался к Воронежу, Сталинграду и на Северный Кавказ. Создалась угроза его прорыва в Закавказье и далее — на Ближний Восток. Глубина вторжения врага на юге достигла 2 тыс. км. Советский Союз потерял огромную территорию, на которой до войны проживало 42% населения страны и производилось около трети всей промышленной продукции. Отступавшие советские войска были до предела истощены. Тем не менее и на этот раз противник не достиг своих целей. Его войска были в еще большей степени обескровлены, растянута на огромном фронте, застряли в Сталинграде и на Северном Кавказе и в итоге сами попали в опасное положение. Таким образом, германская стратегия, несмотря на

первоначальный успех, снова оказалась несостоятельной. Напротив, советская военная стратегия сумела не только найти выход из, казалось бы, совершенно безвыходного положения, но и обеспечить создание такой обстановки, при которой достигнутые противником успехи в конечном счете обернулись для него поражением.

Становление рациональной советской военной стратегии происходило в этот период чрезвычайно противоречиво и в какой-то мере вынужденно. Трижды (в начале войны, осенью 1941 г., а также весной 1942 г.) был допущен серьезный просчет в оценке возможностей противника и направления его главного удара. Так, перед началом войны считалось, что он сосредоточит свои основные усилия на юго-западе, а главный удар был нанесен им на западном направлении. Осенью 1941 г. предполагалось, что враг будет продолжать наносить главный удар на центральном (западном) участке советско-германского фронта, а он перенес свои усилия на юг. Весной 1942 г. ожидалось, что противник предпримет решающее наступление на западном направлении, тогда как немецкие войска нанесли главный удар на юге.

Не оправдали себя и попытки советского Верховного Главнокомандования в 1941 г. восстановить положение за счет контрударов и многочисленных наступательных операций. Плохо подготовленные и столь же плохо проведенные, они, в ряде случаев, лишь осложнили обстановку. С серьезными ошибками организовывалась оборона в Прибалтике, на киевском и московском направлениях. Не в полной мере были использованы и те благоприятные возможности, что создались в результате контрнаступления под Москвой и Сталинградом.

Вместе с тем, военной стратегии в этот период удалось разрешить проблему ликвидации крупных брешей в обороне, удержания важных рубежей и районов, длительной обороны ряда таких ключевых центров, как Ленинград, Москва, Киев, Одесса, Севастополь, Сталинград, формирования и ввода в сражение крупных стратегических резервов. Важным ее достижением явилась организация внезапного перехода от обороны к стратегическому наступлению в момент наибольшего ослабления наступательного потенциала противника. Это создало благоприятные предпосылки для нанесения новых, еще более мощных ударов по врагу. К сожалению, такая возможность не была в полной мере использована, причем частично из-за недостатка сил и допущенных просчетов в организации и ведении операций, а также из-за принятого на лето 1942 г. ошибочного плана дальнейшего ведения войны. Во всяком случае попытка весной 1942 г. перейти к наступательной стратегии закончилась провалом.

Вновь пришлось возвращаться к стратегии вынужденной обороны, но уже в другом ее варианте. На этот раз в основу стратегических действий советских войск было положено ведение маневренной обороны на юго-западном направлении со своевременным выводом главных сил из-под удара противника и с организацией жесткой обороны на тыловых рубежах, прочное удержание занимаемых рубежей на остальном советско-германском фронте с осуществлением на ряде участков скользящих наступательных действий, проведение более широкого стратегического маневра войсками с других направлений, сохранение и накопление стратегических резервов для нанесения решающего удара по противнику. Именно эта стратегия себя оправдала.

Во втором периоде войны (с 19 ноября 1942 г. до конца 1943 г.) военная стратегия Германии сводилась в основном к попыткам взять реванш и добиться возврата стратегической инициативы, а когда они провалились, — к переводу войны в позиционные формы. Противостоявшая ей советская военная стратегия поставила цель добиться коренного перелома в войне, решительно изменив ее ход в свою пользу. Указанная цель достигалась в три этапа, каждый из которых составил особую фазу борьбы за коренной перелом в войне.

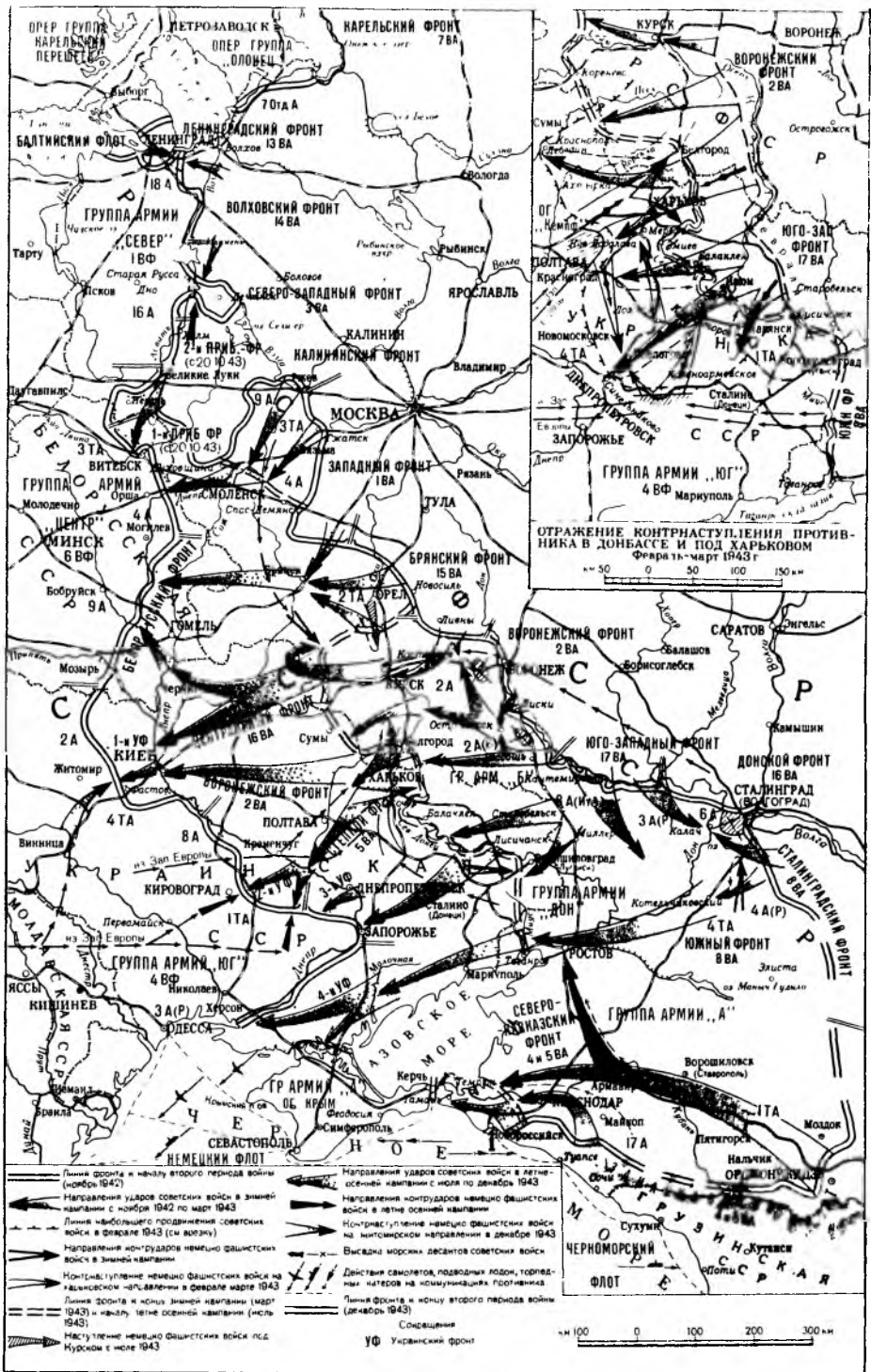

Схема 38. Общий ход военных действий во втором периоде Великой Отечественной войны (19 ноября 1942 г. — декабрь 1943 г.)

На первом этапе (зимой 1942/1943 г.) основными целями стратегических действий советских Вооруженных Сил были: захват и удержание стратегической инициативы, разгром главной группировки войск противника на южном крыле советско-германского фронта, расширение фронта стратегического наступления с распространением его на юго-западное, западное и северо-западное направления, освобождение Дона, Северного Кавказа, Донбасса, центральных областей России, ликвидация угрозы, все еще нависавшей над Ленинградом и Москвой.

Цель противника заключалась в отражении советского контрнаступления, стабилизации линии фронта и создании условий для возобновления крупномасштабных наступательных действий.

На втором этапе (летом 1943 г.) в основу стратегических действий советских Вооруженных Сил был положен срыв третьего немецкого стратегического наступления под Курском с преднамеренным переходом к кратковременной обороне и развертыванием вначале контрнаступления, а затем и общего наступления на северо-западном, западном, юго-западном и южном направлениях.

В противовес этому стратегия Германии заключалась в организации крупного стратегического наступления на центральном участке Восточного фронта с последующим развитием успеха на северо-восток, восток и юго-восток, а после его срыва — в намерении перевести войну в позиционные формы.

На третьем этапе (осенью и зимой 1943 г.), Советский Союз стремился нарушить этот план, а Германия пыталась всячески удержать фронт и заставить советские Вооруженные Силы отказаться от крупномасштабных стратегических наступательных операций. По сути, командование вермахта окончательно взяло на вооружение активную оборонительную стратегию со ставкой на длительную войну.

Во втором периоде войны советские Вооруженные Силы провели две военные кампании: зимой 1942/1943 г. — наступательную, летом и осенью 1943 г. — оборонительно-наступательную, 2 стратегические оборонительные, 11 стратегических наступательных, а кроме того, целый ряд отдельных фронтовых и армейских операций.

Начался этот период переходом советских войск в контрнаступление под Сталинградом. В ходе его они захватили стратегическую инициативу, окружили и уничтожили 330-тысячную группировку противника, прорвавшуюся к Волге, затем нанесли ему поражение на Среднем и Верхнем Дону, освободили большую часть Северного Кавказа, Донбасс, прорвали блокаду Ленинграда. За 4 месяца враг был отброшен на 500—600 км. Ему удалось стабилизировать фронт лишь после срочной переброски резервов с запада и других участков Восточного фронта, а также перехода в контрнаступление под Харьковом и на Донбассе.

Хотя победа под Сталинградом и положила начало коренному перелому в войне, но руководство третьего рейха еще не оставляло надежд на изменение ее хода в свою пользу. В результате тотальной мобилизации людских и материальных ресурсов Германии и завоеванных территорий к лету 1943 г. ему удалось значительно повысить боевую мощь действовавшей на Восточном фронте армии и предпринять третье стратегическое наступление — под Курском. Этот план, как уже упоминалось выше, был сорван советскими войсками. Ударные группировки врага были остановлены в тактической глубине, они вынуждены были отойти в исходное положение, а затем оставить орловский и белгородско-харьковский выступы, повсеместно перейти к жесткой обороне. Это явилось кульминационным моментом в развитии коренного перелома в войне.

Используя достигнутый успех, советские Вооруженные Силы с августа по декабрь 1943 г. провели ряд успешных наступательных операций, в ходе которых противнику было нанесено новое серьезное поражение, а главное — сорвана его

попытка удержать созданный по Днепру оборонительный рубеж — так называемый «Восточный вал». Всего с ноября 1942 г. по декабрь 1943 г. советские войска продвинулись на запад на 500—1300 км, вышли к границам Прибалтики, в восточные районы Белоруссии, вступили на Правобережную Украину, блокировали противника в Крыму.

Обстановка вынудила германское командование последовательно перейти от активной наступательной стратегии к стратегии жесткой обороны, а затем и к стратегии сдерживания. В то же время советская сторона окончательно перешла к стратегии нарастающего наступления. Тем самым был завершён коренной перелом в войне.

Характерной чертой стратегических действий в тот период явилась острая борьба за стратегическую инициативу. Немецкие войска по крайней мере трижды (в феврале, июле и октябре 1943 г.) пытались вернуть ее в свои руки; иной раз им даже удавалось поставить отдельные советские фронты в сложное положение. Но в целом советское Верховное Главнокомандование уже само диктовало врагу свою волю и правила ведения войны.

Впервые с начала Великой Отечественной войны советские Вооруженные Силы смогли провести тогда операции на окружение и уничтожение крупных стратегических группировок противника, нанести по нему мощные рассекающие удары, последовательно прорвать его оборонительные рубежи. В то же время под Курском они создали самую мощную за войну глубоко эшелонированную оборону, о которую разбилось крупное наступление врага.

Отсюда, конечно, совсем не следует, что в стратегических решениях и действиях советских войск не было недостатков. Как и прежде, фронтам и армиям нередко ставились нереальные задачи, из-за чего войска несли неоправданно большие потери. Серьезный просчет был допущен в оценке обстановки и возможных действий противника в феврале и марте 1943 г., когда Ставка ВГК, а вслед за ней и командующие Воронежским и Юго-Западным фронтами, полагая, будто немецкие войска отходят за Днепр, долгое время не принимали необходимых мер для отражения стратегического контрнаступления вермахта в Донбассе и под Харьковом. Все эти просчеты, безусловно, оказали самое негативное влияние, что отдалило достижение коренного перелома в войне.

В третьем периоде войны (с января 1944 г. по май 1945 г.) основу военной стратегии СССР составляло ведение широкомасштабных наступательных операций по всему фронту с нанесением нарастающих по силе последовательных и одновременных ударов. Согласовываемые с операциями англо-американских войск в Европе они были направлены на быстрейший вывод из войны союзников Германии, завершение изгнания врага с советской земли, освобождение от германской оккупации стран Европы, полный разгром вермахта и победное завершение войны.

Этой стратегии гитлеровское руководство пыталось противопоставить стратегию затяжки войны в надежде на разногласие в антигитлеровской коалиции и истощение советских Вооруженных Сил путем жесткой позиционной обороны за счет постепенного сокращения линии фронта и осуществления варварской тактики «выжженной земли» на пути наступления советских войск.

Стратегические действия Красной Армии в этот период приобрели наибольший размах. Было проведено три наступательные кампании (зимне-весенняя 1944 г., летне-осенняя 1944 г. и завершающая кампания в Европе 1945 г.), а в рамках их — 19 стратегических операций.

Важным событием этого периода явилось открытие второго фронта в Европе. В условиях, когда Германия оказалась вынужденной отражать наступление и на Востоке и на Западе, советские Вооруженные Силы с лета 1944 г. нанесли ряд мощ-

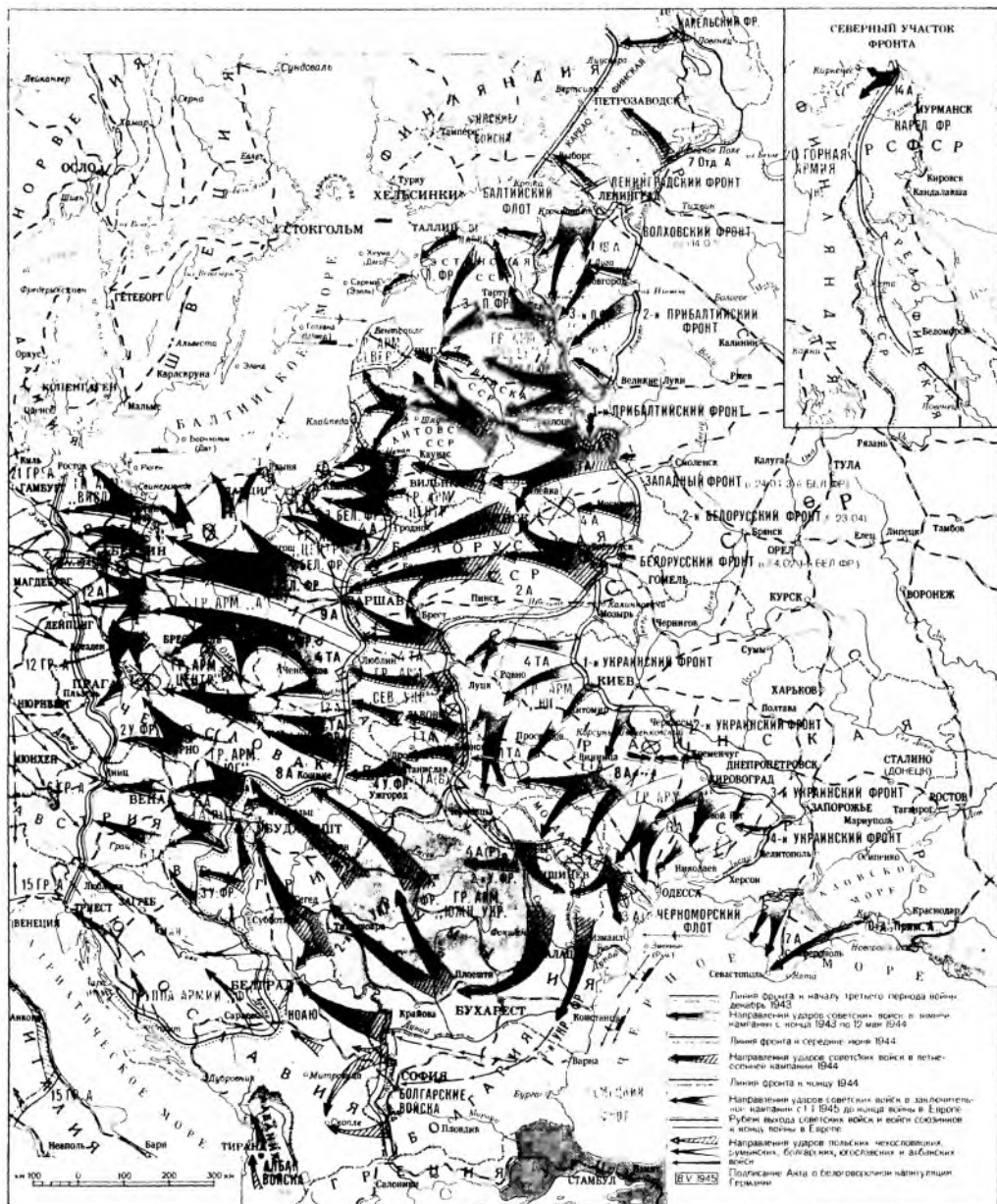

Схема 39. Общий ход военных действий в третьем периоде Великой Отечественной войны (январь 1944 г. — май 1945 г.)

нейших ударов. В результате были освобождены вся Белоруссия, большая часть Прибалтики, Правобережная Украина, Крым. На нескольких участках советские войска вышли на государственную границу и перенесли боевые действия на территорию Польши и Румынии. В дальнейших операциях вначале Румыния, а затем и Финляндия были выведены из войны на стороне фашистской Германии. Советские войска вторглись в пределы Восточной Пруссии и на территорию Венгрии.

В последующих операциях были освобождены Польша, Болгария, часть Чехословакии, Австрия. Советские войска отразили попытки противника предпринять контрудар в районе озера Балатон, форсировали Одер, захватили всю Восточную Пруссию, Верхнюю и Нижнюю Силезию. И вот боевые действия развернулись в центральных районах Германии. Наконец, в мае 1945 г. под ударами советских войск и союзных армий третий рейх капитулировал. Война в Европе была завершена.

Важной чертой отечественной военной стратегии в тот период войны стало то, что многие операции осуществлялись коалиционными группировками войск, т. е. при участии объединений и соединений польской, чехословацкой, югославской, а позже румынской и болгарской армий. Вместе с тем свое дальнейшее развитие получили способы ведения стратегических, фронтовых и армейских операций. Увеличился их пространственный размах, были освоены действия по штурму крупных городов и ведению наступления в индустриальных районах. Смелее применялся стратегический маневр войсками, силами и средствами.

Теперь военная стратегия СССР уже превосходила военную стратегию Германии по всем показателям, хотя надо отдать ей должное: даже в безнадежной обстановке германские войска продолжали упорное сопротивление.

С 9 августа по 2 сентября 1945 г. советские Вооруженные Силы провели еще одну военную кампанию — на Дальнем Востоке. Ее цель состояла в ликвидации последнего очага второй мировой войны, обеспечении безопасности восточных регионов СССР и усилении его влияния на страны Азии. Реализована она была путем разгрома в короткий срок почти миллионной квантунской группировки японских войск в Маньчжурии, Северной Корее и на Курильских островах, для чего потребовалось:

- осуществить небывалую по размаху стратегическую перегруппировку войск, сил и средств с запада на восток;
- провести стратегическое развертывание трех фронтов, Тихоокеанского флота, дальней и военно-транспортной авиации, трех армий ПВО и стратегического тыла;
- осуществить Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию на фронте более 5 тыс. км и на глубину 600—800 км;
- провести Курильскую морскую десантную операцию с целью овладения Курильскими островами и Южным Сахалином;
- высадить несколько воздушных десантов для захвата важных административных и военных объектов в Маньчжурии и Северной Корее.

Военные действия начались внезапным переходом советских войск в наступление одновременно на шести сходящихся направлениях. Развивая успех, 1-й и 2-й Дальневосточные, а также Забайкальский фронты относительно легко сломили сопротивление Квантунской армии, захватили все ключевые пункты Маньчжурии и вынудили противника к капитуляции. Операция продолжалась всего-навсего 25 суток. При этом средние темпы наступления стрелковых войск составили 35—40 км, а танковых и механизированных соединений — 70—90 км в сутки.

Характерным для отечественной военной стратегии при решении этих задач были решительность действий, рассчитанных на быстрое завершение всей кампании, нанесение ударов по изолированным направлениям, использование большей части

сил в первом эшелоне, стремительное продвижение подвижных группировок войск в глубину и их активные действия в значительном отрыве от главных сил.

При ведении операции советские войска творчески использовали опыт войны на советско-германском фронте. Вместе с тем учтены были особые условия Дальневосточного театра военных действий, успешно решены весьма своеобразные задачи, в том числе такие, как прорыв мощных укрепленных районов на границе, развитие наступления в горно-таежных районах, захват островных территорий.

В целом за годы Великой Отечественной и второй мировой войн стратегия всех участников приобрела много новых черт в связи с изменившимися условиями борьбы. В общем русле развивалась и отечественная военная стратегия. Но все же её совершенствование шло, как всегда в России, по особому пути. На всем протяжении войны она исходила из решающего значения военных действий прежде всего на сухопутных фронтах, учитывала необходимость проведения последовательных и одновременных операций всех видов, придавала особое значение экономическим и моральным факторам в достижении побед. От кампании к кампании её возможности постоянно росли.

Противостоявшая ей военная стратегия Германии была по своему высоко развитой, а потому чрезвычайно опасной. Но ее возможности год от года сокращались. Она приносила успех в борьбе со слабыми противниками и в благоприятной для себя обстановке, так как отличалась предельной решительностью и дерзостью, но оказалась несостоятельной в войне с Советским Союзом, поскольку базировалась на временных, преходящих факторах и включала элементы авантюризма.

Что касается военной стратегии США и Англии, то она строилась прежде всего на достижении подавляющего превосходства в воздухе и на море с последующим нанесением завершающих ударов по противнику на континенте.

Все эти факторы в той или иной мере проявились в военном строительстве различных стран и после войны.

2. Стратегия строительства и развития Вооруженных Сил в ходе войны

Одной из важнейших задач военной стратегии является определение целесообразных направлений военного строительства, прежде всего разработка эффективных путей развития вооруженных сил.

В годы войны эта задача постоянно находилась в центре внимания советского руководства. Причем решалась она сугубо конкретно с учетом реально возникавших перед страной и Вооруженными Силами комплекса военно-политических и стратегических задач, условий обстановки и возможностей своей военной экономики.

На всем протяжении войны основная стратегическая линия в развитии Вооруженных Сил заключалась в том, чтобы неуклонно повышать их боевой и моральный потенциал, своевременно перестраивать их структуру применительно к постоянно менявшимся условиям вооруженной борьбы, обеспечивать наиболее благоприятное соотношение сил и средств с противником. В рамках этого, в те или иные периоды войны особый упор делался на преимущественное развитие либо оборонительных, либо наступательных средств, но во всех случаях — на приоритетное усиление бронетанковых войск и авиации. Важное значение придавалось также повышению огневых, ударных и маневренных возможностей объединений, совершенствованию специальных войск и тыла.

В строительстве Вооруженных Сил пять направлений считались определяющими:

— установление и поддержание их оптимального состава, соотношения его между действующей армией и резервами;

— усиление технической оснащенности войск;

- совершенствование системы управления и организационной структуры;
- улучшение качественных характеристик военных кадров и боевой выучки личного состава соединений и частей;
- неуклонное повышение боевого и морального потенциала.

Война с самого начала потребовала резкого, почти трехкратного увеличения общей численности Вооруженных Сил, прежде всего действующей армии, поддержания их на определенном уровне и в необходимой пропорции с учетом состава вооруженных сил противника, протяженности линии фронта и наличия военнообученных резервов. Так, если на 22 июня 1941 г. в Красной Армии и Военно-Морском флоте состояло по списку 5 434 729 военнослужащих, то к концу 1941 г. численность Вооруженных Сил составляла уже около 9,5 млн. человек⁵. В дальнейшем она колебалась в пределах от 10,5 млн. до 11,5 млн. человек. На 1 июля 1945 г. в Вооруженных Силах СССР по списку числилось 11 390 тыс. человек, в военных формированиях других ведомств, состоявших на довольствии в Наркомате обороны — 403,2 тыс. человек, лечилось в госпиталях — 1 046 тыс. человек⁶.

Действующая армия включала примерно половину общей численности Вооруженных Сил. Среднемесячный состав ее по годам составлял: в начале войны — 3 334 тыс., в 1941 г. — 3 024 тыс., в 1942 г. — 5 313 тыс., в 1943 г. — 6 389 тыс., в 1944 г. — 6 550 тыс. и в 1945 г. — 6 330 тыс. человек. Максимальной численность действующей армии была в июле—сентябре 1943 г. — 6 816 тыс. человек⁷.

В Вооруженные Силы на исполнение потерь, естественной убыли людей, создание новых формирований для обеспечения активных боевых действий на фронтах, защиты дальневосточных и южных рубежей страны, а также для подготовки маршевых пополнений для действующей армии во внутренних военных округах дополнительно были призваны в годы войны 29 574,9 тыс. человек. Таким образом, общая численность поставленных под ружье (вместе с кадровым составом) составила 34 476,7 тыс. человек, или 17,7% всего населения страны, а это более половины самых жизнедеятельных и трудоспособных людей⁸. Само собой разумеется, что такой отток мобилизованных в Вооруженные Силы не мог не вызвать огромного напряжения в работе народного хозяйства.

В Германии удельный вес призванных в вооруженные силы оказался еще более значительным. Так, за годы войны в третьем рейхе было мобилизовано, по официальным данным 17 906 тыс. человек, или 61,3% всего мужского населения⁹. Такое сверхнапряжение не было рассчитано на продолжительную войну и Германия смогла выдержать его определенное время только за счет использования рабского труда миллионов насильственно угнанных с оккупированных территорий людей.

Расчеты и практика войны показывают, что уровень вовлеченных в советские Вооруженные Силы людских ресурсов был предельно допустимым. Он не только обеспечивал максимальный боевой потенциал действующей армии, но и позволил удерживать высокие темпы военного производства, что совершенно необходимо для успешного ведения войны.

Для наращивания стратегических возможностей Вооруженных Сил в годы войны важнейшее значение имело непрерывное повышение количественного и качественного уровня их технической оснащенности. По мере того как в действующую армию во все возрастающих количествах поступали новые танки, артиллерийские орудия, минометы, другая военная техника, увеличивались боевые возможности войск, создавались условия для постановки и решения более сложных задач, применения более эффективных способов ведения операций и войны в целом.

Особенно резкий скачок в техническом перевооружении армии произошел с июля 1942 г. по октябрь 1943 г., когда был завершен перевод экономики на военный лад. Так, выпуск боевых самолетов в этот период увеличился в среднем более чем

в 3 раза, танков — более чем в 5 раз, орудий и минометов — почти в 4 раза¹⁰. С этого времени Советский Союз значительно превосходил Германию по объему среднегодового выпуска военной техники и вооружения: советская промышленность выпускала в 2 раза больше орудий полевой артиллерии, в 5 раз больше минометов, в 2,6 раза больше противотанковых пушек, в 1,5 раза больше боевых самолетов и в 1,5—2 раза больше танков. Если германская военная промышленность в 1942 г. выпустила 6 200, а в 1943 г. — 10 700 танков и штурмовых орудий, то советская промышленность дала своим Вооруженным Силам за эти годы соответственно 24 400 и 24 100 боевых машин¹¹.

О том, что количество оружия и военной техники начиная с 1942 г. быстро увеличивалось, свидетельствуют данные таблицы 4.

Таблица 4
Количество основной военной техники и вооружения в Красной Армии по годам войны¹².

По состоянию	Наименование	Танки и САУ, тыс. шт.	Орудия и минометы*, тыс. шт.	Боевые самолеты, тыс. шт.
На 22.06.1941	всего	22,6	76,5	20,0
	в т. ч. в действующей армии	14,2	32,9	9,2
На 01.01.1942	всего	7,7	48,6	12,0
	в т. ч. в действующей армии	2,2	30,0	5,4
На 01.01.1943	всего	20,6	161,6	21,9
	в т. ч. в действующей армии	8,1	91,4	12,3
На 01.01.1944	всего	24,4	244,4	32,5
	в т. ч. в действующей армии	5,8	101,4	13,4
На 01.01.1945	всего	35,4	244,4	43,3
	в т. ч. в действующей армии	8,3	114,6	21,5
На 09.05.1945	всего	35,2	239,6	47,3
	в т. ч. в действующей армии	8,1	94,4	22,3

Следует, однако, отметить, что с 1942 г. в действующей армии, как видно из таблицы, находилось всего лишь 23—39% танков, 39—60% орудий и минометов и 41—56% боевых самолетов. Остальные размещались в объединениях и соединениях внутренних военных округов, в резерве Ставки ВГК, а также на Дальнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье.

Количество военной техники в действующей армии постоянно менялось. В 1942 г. оно по сравнению с 1941 г. из-за понесенных потерь и резкого снижения темпов военного производства сократилось в 1,3—6,5 раз, но затем, начиная с 1943 до 1945 гг. возросло соответственно по танкам — в 2,6—3,8 раза, по артиллерии и минометам — в 3—3,8 раза, по боевым самолетам — в 2,3—4 раза. При этом количество новой техники увеличилось в 7—10 раз. В последние годы войны уком-

* Без 50-мм минометов.

плектованность войск действующей армии оружием и военной техникой поддерживалась на более или менее стабильном уровне, но к концу каждой крупнейшей операции она на какое-то время резко падала.

С 1942 г. непрерывно улучшалось качественное состояние вооружений. При этом в этой области между СССР и Германией шла острая борьба. Она особенно обострилась в 1943 г., прежде всего по бронетанковым средствам. За годы войны в Советском Союзе было вновь создано, испытано и модернизировано 62 образца танков и САУ¹³. Удельный вес новых машин в танковом парке действующей армии превысил к концу войны 80%. Во втором периоде войны в противобоевых появившихся у врага танкам «Тигр», «Пантера» и штурмовым орудиям «Фердинанд» на оснащение советских Вооруженных Сил стали поступать модернизированный средний танк Т-34-85, самоходные установки СУ-122, СУ-152, а в третьем периоде — тяжелые танки ИС-2 и ИС-3, средний танк Т-44. Их количество быстро росло.

Стремительными темпами развивалась артиллерия. Подавляющая часть новых типов артиллерийских орудий и около половины образцов стрелкового оружия, состоявших на вооружении советских войск к концу войны, были созданы и пущены в серийное производство в военные годы. В возрастающих количествах армия получала новые системы минометов, реактивной, противотанковой и зенитной артиллерии. Калибры танковой и противотанковой артиллерии увеличились почти в 2 раза, а бронепробиваемость снарядов возросла примерно в 5 раз¹⁴.

Резкий качественный скачок был достигнут в развитии авиации. За годы войны были созданы и поступили в производство 25 новых типов боевых самолетов и 23 типа новых авиационных двигателей¹⁵. Основу авиационного парка стали составлять новые типы самолетов: истребители МиГ-3, Як-3, Як-7, Як-9, Ла-5, Ла-7, бомбардировщики Пе-2, Ту-2, штурмовики Ил-2 и Ил-10. Особенно бурно развивалась штурмовая авиация: ее удельный вес возрос с 4,5% до 26—31%¹⁶. Причем если в первые годы войны большинство советских самолетов уступало немецким по летно-техническим характеристикам, то в конце ее это несоответствие было устранено.

В результате колоссальных усилий тыла количественное и качественное соотношение сил с 1943 г. практически по всем видам оружия и военной техники изменилось в пользу советских Вооруженных Сил. Уже летом этого года советские войска превосходили противника по танкам в 1,7 раза, по артиллерии и минометам почти в 2 раза и по боевым самолетам — в 3,4 раза. В дальнейшем это превосходство стало еще более значительным: 3—7-кратным¹⁷.

Изменилось положение и с обеспеченностью войск боеприпасами. Их производство быстро наращивалось, но особенно увеличивался выпуск 57-мм, 76-мм, 152-мм и 203-мм снарядов, реактивных мин М-13 и М-31. Освоение производства боеприпасов новых типов позволило существенно усилить мощь огневого воздействия на врага. В целом за годы войны только Сухопутные войска и авиация израсходовали более 8 млн. тонн снарядов, мин и бомб, или в 1,3 раза больше, чем противник¹⁸. И это стало фактором стратегического порядка.

Для повышения эффективности стратегических действий Вооруженных Сил первоочередное значение имело их организационное строительство. С самого начала войны шел активный поиск более целесообразных организационных структур, оптимальной системы управления войсками, причем направленность решений этих вопросов не раз менялась.

В первом периоде войны, например, главной задачей считалось перестроить в кратчайший срок Вооруженные Силы с учетом понесенных потерь, возрастания размаха вооруженной борьбы, нехватки военной техники и оружия, необходимого количества хорошо подготовленного командного состава в оперативно-тактическом звене, решения оборонительных задач. Суть реорганизации заключалась в разу-

крупнении объединений и соединений — от фронта до дивизии с сокращением численности и упрощением их организационной структуры, что облегчало управление ими недостаточно опытным командным составом и штабами и давало возможность увеличить количество этих формирований.

В результате реорганизации к концу 1942 г. количество фронтов в составе действующей армии возросло почти в 2,5 раза — с 5 до 12. Быстро увеличивалось количество армейских объединений. В начале войны в действующих фронтах было всего 14 общевойсковых армий, к 1 декабря — 49, а через год — 67 общевойсковых, 2 танковые и 11 воздушных армий. К середине 1943 г. их число достигло своего максимума — 69 общевойсковых, 5 танковых и 13 воздушных армий¹⁹. В большом количестве формировались соединения родов войск. Число расчетных стрелковых, танковых и кавалерийских дивизий к концу 1942 г. возросло втрое — с 171 до 514²⁰. Все это позволило Ставке ВГК и командованию фронтов более оперативно осуществлять маневр, реагировать на изменения обстановки и создавать необходимые группировки войск.

Вместе с тем, боевые возможности реорганизованных фронтов, армий и дивизий сократились. В ряде случаев вновь создаваемые фронты уступали довоенным армейским объединениям, а с учетом сокращений численности дивизий, армии соответствовали приблизительно довоенным стрелковым корпусам. К тому же, средняя укомплектованность многих соединений в 1942 — начале 1943 гг. не превышала 50% штатной. Стрелковые дивизии редко имели в своем составе более 5,5 тыс. человек²¹.

Остро стоял вопрос также с обеспечением войск, причем и тех, что сражались на фронтах и тех что только формировались и оснащались оружием и военной техникой, обученным личным составом, но особенно подготовленными офицерскими кадрами.

По существу, в ходе войны проверку на эффективность проходили две различные системы комплектования действующей армии. Советской системе противостоял германский принцип организационного строительства. Количество дивизий в вермахте к концу 1942 г. возросло всего до 266, то есть в 1,4 раза, благодаря чему их укомплектованность поддерживалась на уровне, близком к штатной, что обеспечивало им превосходство над советскими дивизиями по боевым возможностям в 2,5—3 раза и более. Число же групп армий и армий выросло всего на 20—26%²².

При неизменности немецкого принципа комплектования действующей армии направление организационного строительства в Красной Армии в ходе войны претерпевало изменения. С конца 1942 г. был взят курс на усиление боевого состава фронтов, армий и дивизий, формирование крупных танковых, механизированных объединений и соединений, развертывание артиллерийских дивизий, а затем и артиллерийских корпусов, противотанковых бригад, соединений и частей специальных войск. Это позволило поднять оперативно-боевую самостоятельность фронтов и армий, ставить им более масштабные задачи и проводить крупные операции с решительными целями.

На протяжении всей войны исключительно сложной и важной проблемой оставалось укомплектование органов управления и войск опытными кадрами. Ее решение в значительной степени осложнялось огромным ущербом, нанесенным необоснованными массовыми репрессиями в конце 30-х годов по отношению к военным кадрам, большим размахом вооруженной борьбы и увеличением количества войсковых формирований в Вооруженных Силах, крупными потерями, особенно в первые два года войны, в военных кадрах. За 1941—1942 гг. безвозвратные потери в офицерском составе превысили наполовину потери офицеров за всю войну. Только в 1941 г. действующая армия и флот потеряли 203 083 офицера, в 1942 г. — 286 345

офицеров, из них около 5,5 тыс. — командиры батальонов и дивизионов, 16 тыс. — командиры рот, 125 тыс. — командиры взводов. В 1942 г. также погибло 11 командиров корпусов, 76 командиров дивизий, 16 командиров бригад²³.

Государственный Комитет Оборона и Ставка Верховного Главнокомандования вынуждены были принять срочные меры, чтобы восполнить некомплект офицеров в войсках и резко повысить профессиональный уровень командно-начальствующего состава действующей армии. До конца 1941 г. в армию и на флот было призвано около 75% офицеров запаса²⁴. В связи с возросшими потребностями в командных кадрах была перестроена вся система их подготовки. С первых месяцев войны все академии и училища, а также созданные во фронтах и в армиях курсы и школы перешли к ускоренной подготовке офицеров. За первые полгода войны в академиях, училищах, на курсах усовершенствования командных кадров, фронтовых и армейских курсах младших лейтенантов было подготовлено свыше 192 тыс. командиров для всех родов войск²⁵.

В 1942 г. с целью ускорения подготовки военных кадров и ликвидации их некомплекта было дополнительно создано 24 военных училища. Благодаря этим мерам, в течение этого года армия и флот получили из военно-учебных заведений более 564 тыс. офицеров²⁶. К началу 1944 г. подготовкой командных, политических и инженерно-технических кадров занималось свыше 30 высших военно-учебных заведений, 220 военных училищ, более 200 различных школ и курсов, которые ежегодно давали Вооруженным Силам почти 500 тыс. офицеров²⁷. А всего за годы войны военно-учебные заведения подготовили около 2 млн. офицеров²⁸.

Важным источником пополнения командных кадров стало выдвижение на офицерские должности отличившихся в боях солдат, сержантов и старшин. В течение войны из их числа первичные офицерские звания получили 267 тыс. человек²⁹. В общем, уже к октябрю 1943 г. удалось не только удовлетворить потребности действующей армии в командных кадрах, но и создать крупные резервы для всех видов Вооруженных Сил и родов войск. Той же осенью в резерве фронтов и армий находились 93 500 офицеров, обладавших боевым опытом и необходимой военно-теоретической подготовкой³⁰. Одновременно появилась возможность значительную часть командного и инженерного состава перевести в запас. В 1943 г. в запасе числились более 200 тыс. офицеров. С января по октябрь 1943 г. вдвое увеличился генеральский состав Вооруженных Сил и заметно стабилизировался эшелон высшего командного состава³¹. Но, безусловно, главное заключалось в том, что со временем командные кадры приобретали боевой опыт, овладевали искусством управления войсками, неуклонно повышали свое воинское мастерство.

В годы войны сбалансированно развивались все виды Вооруженных Сил и рода войск.

Сухопутные войска, являясь главным и самым многочисленным видом Вооруженных Сил, несли основную тяжесть вооруженной борьбы, выполняли главную часть стратегических и оперативных задач. В их составе к ноябрю 1942 г. находилось 88,4% личного состава³², основная масса военной техники и оружия. В их интересах действовали все остальные виды Вооруженных Сил.

Сухопутные войска в своем составе имели стрелковые войска, артиллерию, бронетанковые и механизированные войска, кавалерию, а также специальные войска: воздушно-десантные, инженерные, связи, противохимической защиты, автомобильные и дорожные.

Главным направлением их развития было повышение ударной и огневой мощи, увеличение маневренности.

Основным оперативным объединением Сухопутных войск являлась общевойсковая армия, а основным тактическим соединением — стрелковая дивизия. Их

ведущая роль на протяжении всей войны оставалась неизменной, хотя структура и состав неоднократно менялись.

На главных направлениях общевойсковые армии в самом начале войны, как правило, включали 2—4 стрелковых корпуса, механизированный корпус и комплект армейских частей. Но уже несколько недель спустя состав армий из-за больших потерь был сокращен, корпусные управления ликвидированы, изъяты некоторые армейские части.

Потом армии были несколько усилены, но они так и не достигли довоенного уровня. В первой половине 1942 г. в состав типовых общевойсковых армий входили обычно 5—8, в некоторых до 10 дивизий и более, 1—3 отдельные танковые бригады, армейские артиллерийские, инженерные и другие специальные части. Средняя численность армии чаще всего не превышала 30—60 тыс. человек. На вооружении ее находилось в лучшем случае 50—150 танков, 600—1000 орудий и минометов³³.

В последующие годы состав армий продолжал нарастать. В 1943 г. было восстановлено корпусное звено управления. После этого в армию обычно входили 2—3 стрелковых корпуса (6—9 дивизий), пушечный, истребительно-противотанковый, минометный и зенитно-артиллерийский полки. В конце войны типовая общевойсковая армия чаще всего включала 3—4 стрелковых корпуса (примерно 12 дивизий), 3—4 артиллерийских и минометных полка или артиллерийскую бригаду, отдельный танковый полк, инженерно-саперную бригаду, ряд других специальных частей. В наступательных операциях армия, действовавшая на главном направлении, получала на усиление, как правило, 1—2 танковых или механизированных корпуса, артиллерийскую дивизию прорыва и другие войска. Такой состав позволял ей сохранять живучесть в течение 15—25 суток³⁴. За счет этого она превращалась в довольно мощное оперативное объединение, способное решать важные оперативные задачи.

Значительное развитие в составе Сухопутных войск получили стрелковые войска, являвшиеся самым многочисленным их родом войск (более 70% численности личного состава). На них ложилась и основная тяжесть ведения вооруженной борьбы. Основным тактическим соединением стрелковых войск была стрелковая дивизия. В годы войны их количество постоянно увеличивалось. Если к началу войны их насчитывалось 198, то к концу 1941 г. за счет формирования новых соединений их стало 384, а к середине 1942 г. — уже 426 дивизий³⁵. Штатный состав и структура дивизий неоднократно менялись. В 1942 г., например, действовали сразу три штата: декабрьский 1941 г., мартовский и июльский 1942 г. Наряду со стрелковыми дивизиями в 1941 г. в качестве вынужденной, временной меры для более быстрого пополнения действующей армии новыми подготовленными резервами стали создаваться стрелковые бригады штатной численностью от 4 356 до 6 000 человек. Они имели более простую организацию и, в сравнении с дивизиями, требовали на свое формирование значительно меньше времени, военной техники и артиллерийского вооружения. Одновременно создавались мотострелковые, воздушно-десантные и лыжные бригады, бригады морской пехоты. К концу 1941 г. насчитывалось 200 таких бригад, к маю 1942 г. — 214, в действующей армии соответственно 83 и 121 бригада³⁶.

Однако уже в следующем году бригады, имевшие слабую огневую и ударную силу начали постепенно переформировывать в стрелковые дивизии. В течение года было переформировано из стрелковых бригад и других соединений и сформировано заново 83 стрелковые дивизии со штатной численностью 9 435 человек. Одновременно вводился штат гвардейской стрелковой дивизии численностью 10 670 человек³⁷. Правда, как и прежде, дивизии почти никогда такой численности на практике не имели, в 1942—1944 гг. лишь четвертая часть их имела около 8 тыс. человек. В

остальных насчитывалось от 5 тыс. до 7 тыс., а то и 3—4 тыс. человек³⁸. Тем не менее, в результате увеличения количества автоматического стрелкового и артиллерийско-минометного оружия, даже при меньшей численности людей, их огневая мощь значительно усиливается: вес артиллерийско-минометного залпа к декабрю 1944 г. возрастает с 548 до 1 589 кг, а к июню 1945 г. — до 2 040 кг³⁹.

Определенную роль в войне сыграл и такой ранее классический род Сухопутных войск, как кавалерия. Кавалерийские соединения (дивизии и корпуса), усиленные танками, артиллерией, да еще под прикрытием авиации в ряде сражений проявили себя самым лучшим образом. Они совершали глубокие рейды по тылам противника, использовались на направлениях, где применение танков было затруднено. Однако в ходе войны роль кавалерии как боевой силы постепенно падала. Ее численность сокращалась ввиду большой уязвимости от огня стрелкового оружия и артиллерии, ударов авиации и танков, а также из-за ее низких маневренных возможностей, которые не шли ни в какое сравнение с танковыми и механизированными соединениями. Не последнюю роль сыграли и затруднения с пополнением кавалерии конным составом. К осени 1943 г. число кавалерийских дивизий сократилось с 82 до 26, а кавалерийских корпусов с 17 до 8⁴⁰.

Оставшиеся кавалерийские соединения применялись главным образом в составе конно-механизированных групп, предназначавшихся для решения задач по прорыву обороны противника во фронтовых (иногда армейских) наступательных операциях, преимущественно в условиях лесисто-болотистой, горной и горно-пустынной местности. Словом, начавшийся в годы первой мировой войны спор между конем и танком закончился в пользу последнего. После войны кавалерия как род войск была вообще упразднена.

В годы войны интенсивно развиваются бронетанковые и механизированные войска — основная ударная сила Сухопутных войск. Техническую базу их составляли танки, самоходно-артиллерийские установки и средства моторизации. Количество бронетанковой техники в действующей армии быстро возрастало: на 1 января 1942 г. в ней насчитывалось 2,2 тыс. танков, на 1 января 1943 г. — 8,1 тыс., на 1 января 1945 г. — 8,3 тыс. танков и САУ⁴¹. Основным направлением в развитии бронетанковых войск стали повышение их огневой мощи, живучести и подвижности, формирование крупных танковых объединений и соединений.

С весны 1942 г. с ростом производства танков вместо отдельных дивизий, бригад и батальонов для проведения наступательных операций начинают создаваться танковые корпуса. По штатам 1942 г. они имели 3 танковые и мотострелковую бригады, всего около 8 тыс. человек и 168 танков⁴². Одновременно формируются первые танковые армии смешанного состава. Обычно такая армия состояла из 2—3 танковых корпусов и 1—2 стрелковых дивизий, что давало ей возможность самостоятельно прорывать оборону и развивать успех в глубину, а в обороне наносить сильные контрудары. Осенью стали восстанавливаться расформированные в 1941 г. из-за больших потерь в танках механизированные корпуса в составе 3 механизированных и одной танковой бригад со штатной численностью 13,5 тыс. человек, 175 танков и около 100 орудий и минометов. К концу того же года в действующей армии уже имелось 2 танковые армии смешанного состава, более 30 танковых и механизированных корпусов⁴³. В это же время увеличивается количество танковых бригад и тяжелых танковых полков прорыва, являвшихся резервом Ставки ВГК, которые она придавала стрелковым дивизиям для использования в качестве танков непосредственной поддержки пехоты.

В начале 1943 г. в развитии бронетанковых и механизированных войск произошел еще один важный качественный поворот, оказавший большое влияние на способы стратегических действий Вооруженных Сил. На состоявшемся в январе заседа-

нии ГКО было принято решение о формировании танковых армий однородного состава (2 танковых и механизированный корпуса, артиллерийские и специальные части, тыловые органы)⁴⁴. Создание таких армий дало в руки Верховного Главнокомандования мощное средство активно влиять на развитие стратегических операций, что в свою очередь придало этим операциям новые черты.

Своего наивысшего развития бронетанковые и механизированные войска получили в 1944—1945 гг. Усилившийся состав, особенно в танках (в армиях в 1,9 раза) и артиллерии (в армиях в 1,5 раза, в корпусах в 2—2,7 раза)⁴⁵, позволил танковым объединениям и соединениям решать самостоятельно задачи в оперативной глубине. В начале 1945 г. в составе действующих фронтов имелось 6 танковых армий, 21 отдельный танковый и механизированный корпуса, значительное число отдельных танковых и самоходно-артиллерийских бригад и полков⁴⁶.

Насыщение действующей армии танками и САУ, создание крупных танковых (механизированных) соединений и объединений значительно повысили ударную мощь и маневренность Сухопутных войск, позволили проводить операции с решительными целями, на большую глубину и в высоких темпах. Бронетанковые и механизированные войска стали средством наиболее эффективного решения важнейших оперативных задач.

Большое значение для наращивания стратегических возможностей войск, увеличения их огневой мощи имело развитие артиллерии. Если в конце 1941 г. в действующей армии было 30 тыс. орудий и минометов, то к концу 1943 г. — 101,4 тыс., а к январю 1945 г. — 114,6 тыс.⁴⁷ Качественное улучшение артиллерии достигалось путем модернизации имевшихся систем и создания новых.

Почти половина орудий всех типов в годы войны была усовершенствована или разработана заново. В результате значительно увеличились ее дальность и скорострельность, повысилась мощность снарядов, возрос удельный вес пушечной, реактивной и противотанковой артиллерии, орудий и минометов крупных калибров. Перевод артиллерии на механическую тягу резко увеличил ее маневренность. В 1942 г. на вооружение поступили новые 76-мм (дивизионная), в 1943 г. — 76-мм (полевая) пушка, 152-мм (корпусная) гаубица, а в 1944 г. — 100-мм (полевая) пушка. Модернизация 82-мм, 120-мм и создание 160-мм минометов существенно повысили возможности этого вида оружия.

Крупнейшим достижением в развитии артиллерии явились разработка, массовое производство и широкое применение реактивных установок — «катюш». Этот качественно новый вид артиллерии — реактивной — по своим боевым возможностям, эффективности и масштабам использования не имел себе равных ни в одной из зарубежных армий. Многозарядность, высокая огневая производительность, возможность одновременного поражения целей на значительных площадях в добавление к внезапности, высокой материальной и моральной эффективности воздействия на противника — таковы важнейшие ее качества. За время войны намного повысились фугасное и осколочное действие снарядов, точность и дальность стрельбы.

Но, разумеется, в плане стратегии решающее значение сыграло не это, а формирование крупных артиллерийских соединений резерва ВГК — артиллерийских дивизий и корпусов прорыва, насчитывавших соответственно по 364—1 576 орудий, минометов и пусковых установок реактивной артиллерии, пушечных артиллерийских (248 орудий) и зенитных артиллерийских дивизий (88 орудий), дивизий реактивной артиллерии (залп весом около 320 тонн) и истребительно-противотанковых артиллерийских бригад (до 72 орудий). К концу 1943 г. Сухопутные войска в своем составе имели 6 артиллерийских корпусов и 26 дивизий прорыва, 7 дивизий гвардейских минометов резерва ВГК. С августа 1944 г. началось формирование еще 4 артиллерийских корпусов и 11 дивизий прорыва. К началу 1945 г. они располагали

105 артиллерийскими дивизиями разного типа, 147 отдельными артиллерийскими, истребительно-противотанковыми, минометными бригадами и бригадами реактивной артиллерии. К концу войны количество артиллерии резерва ВГК увеличилось в 9 раз. Вес ее залпа был в 5,2 раза больше веса залпа войсковой артиллерии⁴⁸. Это позволило Верховному Главнокомандованию создавать на важных стратегических и операционных направлениях мощные артиллерийские группировки, надежно решить задачу прорыва обороны противника и быстрого развития тактического успеха в оперативный.

По иному шло развитие воздушно-десантных войск. Судя по предвоенным взглядам, им отводилась весьма важная роль в развитии операций. С учетом этого, в апреле 1941 г. стали создаваться 5 воздушно-десантных корпусов трехбригадного состава по 10 тыс. человек каждый. Однако завершить их формирование не успели. Начавшаяся война и тяжелейшие условия, в которых оказалась Красная Армия, вынудили советское командование использовать все 5 воздушно-десантных корпусов в качестве обычных стрелковых соединений.

В январе и феврале 1942 г. 4-й воздушно-десантный корпус и 201-я воздушно-десантная бригада 5-го воздушно-десантного корпуса, усиленные отдельным стрелковым полком, провели Вяземскую воздушно-десантную операцию, целью которой было содействие войскам Западного и Калининского фронтов в окружении и разгроме группы армий «Центр». Но в силу отсутствия опыта и ряда допущенных советским командованием просчетов воздушно-десантные части понесли большие потери и лишь частично выполнили свои задачи.

После этой неудачи десантирование воздушно-десантных войск в таких крупных масштабах долгое время не проводилось. Тем не менее, к началу 1943 г. в составе Вооруженных Сил находились в готовности к участию в предстоящих наступательных операциях 10 гвардейских воздушно-десантных дивизий и воздушно-десантная бригада. Однако сложившаяся обстановка вновь заставила Ставку ВГК использовать их как обычные стрелковые соединения. Весной 1943 г. они были переданы в состав стрелковых войск, а вместо них формируются 20 гвардейских воздушно-десантных бригад⁴⁹.

Некоторые из них в сентябре того же года были применены в Днепровской воздушно-десантной операции. Хотя своими активными действиями они оттянули на себя значительные силы противника, конечный результат их десантирования все-таки был против всякого ожидания небольшим. В 1945 г. соединения воздушно-десантных войск использовали в Маньчжурской стратегической операции. Вот там они действовали весьма успешно, показав всю эффективность и перспективность их применения. Но при этом решающее значение имели специфика ТВД и развитие событий в ходе операции.

Из специальных войск самую ответственную роль сыграли инженерные войска. Из тактического средства они превратились в войска оперативно-стратегического значения, обеспечивавшие создание прочной обороны, прорыв оборонительных полос противника, форсирование водных преград и оперативный маневр войск. Разнообразие задач, решаемых инженерными войсками в годы войны, обусловило необходимость непрерывного повышения их боевых возможностей. Это потребовало улучшения организационной структуры и усиления их технической оснащенности. В 1941—1942 гг. в составе Вооруженных Сил были созданы 10 саперных армий, в задачу которых входила подготовка тыловых оборонительных рубежей государственного значения на западном и юго-западном направлениях. Однако с переходом советских войск к наступательным действиям необходимость в таких армиях отпала и они были расформированы. Часть их соединений была передана в распоряжение фронтов, а часть — переформирована в соединения инженерных войск резерва

Ставки ВГК. Основу организационной структуры инженерных войск с 1943 г. стали составлять отдельные бригады (инженерно-саперные, инженерно-минные, понтонно-мостовые), а также инженерно-танковые и моторизованные понтонно-мостовые полки. Создавались такие качественно новые соединения, как штурмовые инженерно-саперные и моторизованные инженерно-штурмовые бригады резерва Ставки, предназначенные для решения самых разнообразных задач по инженерному обеспечению прорыва сильноукрепленных оборонительных рубежей и районов противника. В их состав, кроме саперных батальонов входили части и подразделения подрыва ДЗОТов, разведки, ранцевых огнеметов, танков с минными тралами, огнеметных танков и легкого переправочного парка⁵⁰.

Всего к концу 1943 г. в составе инженерных войск насчитывалось 58 бригад, 9 полков, более 1 тыс. батальонов различного предназначения, что позволяло улучшить инженерное обеспечение сухопутных войск во всех видах боевых действий. В последующем развитие инженерных войск шло в направлении усиления общевойсковых объединений инженерными частями и подразделениями. В ходе войны по количеству батальонов они выросли почти в 5 раз, причем отчетливо проявилась тенденция повышения роли инженерных частей и соединений резерва ВГК, составивших к концу войны около 25% всех инженерных войск⁵¹.

В целях совершенствования управления войсками с самого начала войны обращалось особое внимание на развитие войск связи. Их численный состав за время войны увеличился более чем в 4 раза. Все соединения и части связи оснащались новой техникой, получали в свое распоряжение более совершенную телефонную и телеграфную аппаратуру, новые радиостанции и другие средства. Одновременно осуществлялась их организационная перестройка. В первую очередь она коснулась войск связи высшего звена. Дело в том, что уже первые дни войны вскрыли крупные недостатки в обеспечении связи между Ставкой ГК, Генеральным штабом и фронтами. Серьезные трудности возникли также в организации связи в оперативном звене управления, особенно после ликвидации корпусного звена. Вот почему потребовалось сформировать большое количество новых частей и подразделений связи фронтового и армейского подчинения. До конца 1941 г. в действующей армии дополнительно было развернуто более 1 тыс. линейных, кабельно-шестовых, ремонтно-восстановительных и иных частей⁵². Общее количество полков связи к концу следующего года увеличилось почти в 4 раза, батальонов связи — в 5 раз, радиодивизионов — более чем в 2 раза⁵³.

Во втором периоде войны возникла необходимость в обеспечении связью оперативных групп Генерального штаба с фронтами. С мая по август 1943 г. началось формирование отдельных дивизионов связи резерва Ставки ВГК и узлов связи особого назначения для обеспечения связью ее представителей с Генеральным штабом и штабами фронтов. Одновременно стали создаваться более сильные части связи во фронтах, в общевойсковых и танковых армиях, а в стратегическом звене — отдельные бригады связи резерва Ставки.

В целом Сухопутные войска за годы войны претерпели серьезные изменения, достигнув высокой степени развития и значительно увеличив свою боевую мощь. Доля бронетанковых войск в их составе увеличилась с 4,4 до 11,5%, артиллерии резерва Ставки ВГК — с 12,6 до 20,7%. В то же время удельный вес стрелковых войск сократился с 68,4 до 62,2%, а кавалерии с 4,8 до 3%⁵⁴. Основные рода войск были оснащены новым, более эффективным оружием, что обеспечило военно-техническое превосходство над противником. Насыщение Сухопутных войск бронетанковой и автотракторной техникой положило начало сближению стрелковых и танковых соединений по ударным, огневым и маневренным возможностям. Это полно-

стью соответствовало изменившемуся характеру войны и новым способам ведения стратегических и фронтовых операций.

Военно-Воздушные Силы в годы войны рассматривались в качестве второго по значению вида Вооруженных Сил. Без их участия не проводилась ни одна крупная операция. В наступлении они прикрывали войска фронтов с воздуха, поддерживали общевойсковые и танковые армии при прорыве обороны и развитии успеха, в обороне наносили поражение ударным группировкам противника, уничтожали его подходившие резервы, всячески содействовали наземным войскам в удержании оборонительных рубежей. ВВС принадлежала главная роль в борьбе с немецкой авиацией и завоевании господства в воздухе, нанесении ударов по объектам оперативного и стратегического тыла врага. Широко применяли их для ведения воздушной разведки, переброски войск и грузов, оказания помощи партизанам.

Перед началом войны советские ВВС имели более 20 тыс. самолетов, из них почти 9 тыс. были в составе западных военных округов. Цифра, конечно огромная, но все же следует признать, что большая часть самолетного парка устарела или была неисправной. К тому же, буквально в первые часы войны те силы авиации, которые не удалось вывести из-под удара люфтваффе, понесли большие потери. Советские ВВС оказались в чрезвычайно сложном положении. К концу 1941 г. Вооруженные Силы лишились 17,9 тыс. боевых самолетов, а господство в воздухе надолго перешло к противнику⁵⁵. Радикально изменить ситуацию в свою пользу удалось только через 1,5—2 года.

Это обстоятельство, а также сам характер войны потребовали серьезной перестройки ВВС, пересмотра целого ряда принципов их строительства. В начале войны советская авиация имела довольно сложную и разветвленную структуру, которая себя не оправдала. Она подразделялась на авиацию Главного Командования (дальнебомбардировочную), фронтовую (ВВС фронта), армейскую (ВВС армий) и войсковую (корпусные эскадрильи). Такое ее распыление в условиях больших потерь было просто недопустимым, так как война потребовала решительного массирования авиации на важнейших участках фронта. В связи с этим уже в августе 1941 г. по решению ГКО в ВВС проводятся крупные организационные мероприятия: упразднены управления авиационных корпусов; в авиадивизиях фронтовой авиации сокращено количество авиаполков (до двух); в полках число самолетов уменьшено с 60—63 до 32—33, а затем и до 20 единиц⁵⁶. Одновременно началось формирование резервных, а затем и ударных авиационных групп резерва Ставки ВГК. Было признано наиболее целесообразным свести весь парк самолетов во фронтах в воздушные армии.

В марте 1942 г. дальняя авиация, выведенная из состава ВВС, была преобразована в авиацию дальнего действия (АДД), подчиненную непосредственно Ставке ВГК. В ее состав вошли 7 бомбардировочных авиадивизий, транспортная авиационная дивизия и запасная авиационная бригада, а к началу 1945 г. он увеличился до 17 авиадивизий и с 273 до 1 355 самолетов⁵⁷.

Середина 1942 г. стала поворотным пунктом в развитии ВВС, так как началось формирование крупных оперативных объединений фронтовой авиации — воздушных армий. Благодаря этому появилась возможность централизованно управлять авиацией, массировать ее силы на решающих направлениях, успешно вести борьбу за господство в воздухе, проводить крупные воздушные операции для выполнения важных стратегических задач.

За годы войны было сформировано 17 воздушных армий фронтовой авиации, а затем и воздушная армия авиации дальнего действия. С течением времени некоторые армии снова расформировывали или, наоборот, объединяли. К концу войны в Вооруженных Силах оставалось 13 воздушных армий фронтовой авиации⁵⁸. Их бое-

вой состав менялся в зависимости от обстановки и характера выполняемых фронтами задач. Обычно в воздушную армию входило несколько истребительных, штурмовых и бомбардировочных авиадивизий (иногда авиационных корпусов), а также ряд отдельных авиационных частей. Каждый фронт, как правило, располагал одной воздушной армией, но бывали случаи, когда во фронт входили две воздушные армии, как это было, например, при освобождении Северного Кавказа в 1943 г.

На период проведения стратегических наступательных операций воздушные армии фронтов, действовавших на главных направлениях, нередко усиливались за счет авиационных корпусов и дивизий из резерва Ставки. Последние начали создаваться с осени 1942 г. и вскоре стали в руках Ставки мощным средством маневра авиацией. К началу 1945 г. было сформировано 30 корпусов и 27 отдельных дивизий.

Количественный и качественный состав воздушных армий неуклонно повышался. Так, если в 1942—1943 гг. они обычно имели от 200 до 1 тыс. самолетов, то в 1944—1945 гг. их численность стала намного больше — около 1,5 тыс., а в отдельных операциях (с учетом усиления) — 2,5—3 тыс. самолетов⁵⁹.

Быстро возрастало количество авиационных соединений и частей вместе с общим составом авиационного парка. К концу войны в действующей армии было уже 155 авиационных дивизий, а авиационный парк вырос в 4 раза. Если, например, к концу 1941 г. действующая армия имела всего 5,4 тыс. боевых самолетов, то к концу следующего их число увеличилось до 12,3 тыс., к концу 1943 г. — до 13,4 тыс., а к концу 1944 г. — до 21,5 тыс. В мае 1945 г. в действующей армии было 22,3 тыс. боевых самолетов⁶⁰.

В целом, количественный и качественный рост ВВС, расширение их боевых возможностей явились одним из главных факторов, способствовавших развитию отечественной военной стратегии и достижению победы в войне.

Войска противовоздушной обороны (ПВО) страны в годы войны являлись основным средством прикрытия крупных административных, политических и экономических центров и военных объектов страны, основных группировок Вооруженных Сил и важнейших коммуникаций от ударов немецкой авиации. Вместе с Военно-Воздушными Силами они боролись за господство в воздухе, принимали активное участие во всех оборонительных и наступательных операциях.

В начале войны Войска ПВО состояли из зон противовоздушной обороны, которые считались оперативными объединениями, а потому подчинялись командующим соответствующими военными округами. Состав зон ПВО зависел от важности прикрываемых объектов. Как правило, в состав зоны ПВО входили отдельные корпуса, дивизии и бригады ПВО, а также оперативно подчиненные соединения истребительной авиации ВВС, зенитно-пулеметные, прожекторные полки и батальоны, полки и батальоны аэростатов заграждения, части воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). На вооружении Войск ПВО к июню 1941 г. находилось около 3 330 зенитных орудий среднего (76-мм и 85-мм) и 330 малого (37-мм) калибра, 650 пулеметов, 1 500 прожекторов, 850 аэростатов. В составе ВВС имелось около 1 500 самолетов-истребителей, экипажи которых были подготовлены для ведения боевых действий в системе противовоздушной обороны⁶¹.

Однако уже в первый месяц войны, особенно с началом массированных ударов противника по крупным городам, выяснилась слабость всей системы противовоздушной обороны. Выявилось самое большое упущение в ней — децентрализованное управление силами и средствами ПВО, а в результате не обеспечивалась необходимая надежность оповещения о воздушном противнике, сложности возникали и с организацией маневра и т. п.

В связи с этим уже в ноябре 1941 г. по решению Государственного Комитета Обороны была осуществлена коренная реорганизация всей системы противовоз-

душной обороны страны. Изъятые из подчинения военных округов соединения и части ПВО были переданы в распоряжение командующего Войсками ПВО страны. Далее последовало разделение противовоздушной обороны на ПВО территории страны и ПВО войск. В европейской части СССР зоны ПВО были расформированы, а на их основе развернуты Московский и Ленинградский корпусные районы ПВО, а также 13 дивизионных районов. С января 1942 г. в подчинение командующего Войсками ПВО страны была передана истребительная авиация, до сих пор выполнявшая задачи по прикрытию объектов на всей территории. Все это способствовало усилению противовоздушной обороны, повышению ее надежности и эффективности.

Курс на централизацию и укрупнение объединений и соединений противовоздушной обороны продолжался и в дальнейшем. В апреле и мае 1942 г. создается Московский фронт ПВО и первые две армии противовоздушной обороны — Ленинградская и Бакинская. В это же время некоторые дивизионные районы противовоздушной обороны преобразуются в корпусные.

С переходом Вооруженных Сил к проведению крупных наступательных операций осуществляется очередная реорганизация противовоздушной обороны. Прежде всего принимаются меры для усиления прикрытия войск и объектов тыла фронтов, организации ПВО освобожденных районов и совершенствования системы ПВО крупных городов в глубине страны. С этой целью в 1943 г. управление командующего Войсками ПВО страны упраздняется, а руководство противовоздушной обороной возлагается на командующего артиллерией Красной Армии. Войска ПВО страны разделяются на Западный и Восточный фронты ПВО с разграничительной линией между ними по рубежу Архангельск—Кострома—Краснодар—Сочи. Войскам Западного фронта ПВО предстояло осуществлять противовоздушную оборону Мурманска, Ленинграда, Москвы, Центрального промышленного района, а также прифронтовых объектов и путей сообщения. В его состав включается Особая Московская армия ПВО, 11 корпусных и дивизионных районов ПВО, а также 14 соединений истребительной авиации ПВО. Перед войсками Восточного фронта ПВО ставится задача противовоздушной обороны важнейшие районов Урала, Средней и Нижней Волги, Кавказа и Закавказья. Он состоял из Закавказской зоны ПВО, 7 корпусных и дивизионных районов ПВО, 8 соединений истребительной авиации.

Наконец, в 1944 г., т. е. на завершающем этапе войны, проводится третья реорганизация противовоздушной обороны. Западный и Восточный фронты ПВО преобразуются в Северный и Южный фронты ПВО, а в конце года — в Западный и Юго-Западный фронты ПВО. Кроме того, образуется Закавказский фронт ПВО. Особая Московская армия ПВО развертывается в Центральный фронт ПВО. Корпусные и дивизионные районы ПВО реорганизовываются в корпуса и дивизии ПВО. Одновременно образуется Центральный штаб войск ПВО Красной Армии.

Всего, к концу войны в составе Войск ПВО страны имелось 4 фронта, 6 армий (в том числе 1 воздушная), 19 корпусов (в том числе 4 авиационных), 42 дивизии (в том числе 24 авиационные) и 5 отдельных бригад ПВО. На их вооружении находилось около 3,2 тыс. самолетов, 18,7 тыс. зенитных орудий, 5,4 тыс. зенитных прожекторов, 1,4 тыс. аэростатов и другая техника⁶². Таким образом, в ходе войны Войска ПВО страны приобрели черты самостоятельного вида Вооруженных Сил, получили возможность надежно отражать удары авиации противника, проводить противовоздушные операции большого масштаба.

Военно-Морской Флот, тесно взаимодействуя с Сухопутными войсками, войсками ПВО и ВВС, решал крупные оперативные и оперативно-тактические задачи на морских театрах и приморских направлениях, вел активные боевые действия по уничтожению сил флота и транспортов противника, обеспечивал прикрытия военных и народно-хозяйственных морских, озерных и речных перевозок, содействовал

приморским группировкам войск в оборонительных и наступательных операциях. Одной из ответственных задач флота являлось обеспечение внешних коммуникаций, связывавших северные порты страны с портами союзников по антигитлеровской коалиции. Большую роль сыграл Военно-Морской Флот в удержании совместно с Сухопутными войсками приморских плацдармов и военно-морских баз. Активное участие моряки приняли в наступательных и оборонительных операциях войск на приморских направлениях. Около 500 тыс. матросов и офицеров героически сражались в составе Сухопутных войск⁶³.

К началу войны в состав ВМФ входили 4 флота — Северный, Балтийский, Черноморский, Тихоокеанский, а также Каспийская морская и три речные флотилии — Пинская, Амурская и Дунайская.

Самыми мощными являлись Балтийский и Черноморский флоты. В отличие от других флотов они имели по эскадре (1—2 линкора, несколько крейсеров и дивизионов эсминцев), по отряду легких сил и по 2 соединения подводных лодок. Кроме того, в их состав входили части ВВС, береговые части и средства противовоздушной обороны. Тихоокеанский флот не имел крупных надводных кораблей, но зато был значительно сильнее по составу торпедных катеров, подводных лодок и авиации. Северный флот был самым малочисленным. Основу его боевых сил составляли соединения подводных лодок, 8 эсминцев, 7 сторожевых кораблей и 116 самолетов. Береговая оборона флота включала 14 стационарных артиллерийских батарей с орудиями калибра 100—180 мм⁶⁴.

В ходе войны боевая мощь флотов, несмотря на потери (погибло 1 014 кораблей различных классов)⁶⁵, постепенно возрастала. Свыше тысячи боевых кораблей дала флоту отечественная промышленность. Часть была отремонтирована непосредственно на флотах. Некоторое количество кораблей ВМФ получил от союзников в качестве поставок по ленд-лизу. Одновременно совершенствовалось вооружение. На флоты поступали более эффективные типы мин, торпед, радиолокационных и гидроакустических устройств. Интенсивнее всего наращивался состав Северного флота, на который по морю, по речным каналам и железной дороге были перебазированы часть надводных кораблей и подводных лодок с Балтийского и Тихоокеанского флотов, Каспийской флотилии, а кроме того поступили корабли из Англии и США.

Быстро менявшаяся в ходе войны стратегическая обстановка заставила проводить неоднократную частичную реорганизацию Военно-Морского Флота. Уже в самом начале войны стали создаваться принципиально новые формирования — оборонительные районы. Первым объединением такого рода явился Одесский оборонительный район, созданный по решению Ставки ВГК в августе 1941 г. Затем образуются Севастопольский, Новороссийский и другие оборонительные районы. Как показал опыт войны, такая рожденная боевой практикой организация обеспечивала более целесообразное использование разнородных сил ВМФ и Сухопутных войск при обороне стратегически важных территорий и объектов на приморских направлениях, их надежную защиту с суши, воздуха и моря.

Характерная особенность организационного развития флота в этот период заключалась в формировании на его базе большого количества соединений и частей (бригад, полков и батальонов) морской пехоты. Как правило, они создавались за счет личного состава кораблей, береговых экипажей, курсантов военно-морских училищ и маршевого пополнения и использовались на различных фронтах, но преимущественно — на приморских направлениях. Морская пехота в годы войны превратилась в самостоятельный род сил флота. На различных фронтах сражались 21 бригада морской пехоты и около 40 морских стрелковых бригад, несколько десятков отдельных полков и батальонов морской пехоты.

Одновременно, в связи с развитием наступления и продвижением войск вдоль морского побережья, возникает необходимость в создании новых военно-морских баз (ВМБ), а также особых морских оборонительных районов (МОР), включавших по нескольку ВМБ и секторов береговой обороны. В частности, в 1944 г. образуются Таллинский и Рижский МОР.

Неоднократно меняется состав речных, озерных и морских флотилий. В зависимости от обстановки одни из них расформируются, другие создаются вновь. В 1941 г., например, были расформированы Пинская и Дунайская речные флотилии, а взамен создано 7 новых флотилий — Беломорская, Ладожская, Онежская, Ильменская, Чудская, Азовская и Волжская. Затем Онежская флотилия ликвидируется, но в 1942 г. образуется вновь. В 1943 г. формируются Днепровская и вторично Азовская флотилии. В 1944 г. восстанавливаются Дунайская и, вторично, Чудская флотилии.

Значительное развитие в годы войны получила авиация ВМФ. В ее составе появились крупные соединения минно-торпедной, бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации. Самолетный парк ее увеличился почти вдвое и к концу войны насчитывал около 5 тыс. боевых самолетов⁶⁶. Благодаря этому авиация ВМФ получила возможность решать задачи не только в интересах флотов, но и содействовать фронтам на приморских направлениях, наносить более мощные и эффективные удары по административно-политическим, промышленным и военным объектам в глубоком тылу противника.

В целом основная стратегическая линия в строительстве ВМФ подчинялась общим целям вооруженной борьбы на континентальных театрах военных действий и в прибрежных зонах. Главное внимание уделялось повышению возможности флотов по поддержке действий Сухопутных войск на приморских направлениях. Вместе с тем постепенно наращивались силы для действий на морских коммуникациях противника и выполнения задач по борьбе с его военно-морскими силами при защите своих водных путей сообщения.

Получив всестороннее развитие, ВМФ сыграл важную роль в достижении победы над врагом.

Определенная роль в ведении войны отводилась пограничным и внутренним войскам. Пограничные войска приняли активное участие в отражении вторжения противника, а в дальнейшем прикрывали государственную границу на севере, юге и востоке страны. Внутренние войска обеспечивали охрану стратегических и промышленных объектов, железнодорожных коммуникаций и фронтового тыла, вели борьбу с агентурой и подрывной диверсионной деятельностью врага.

Уже летом 1941 г. на базе пограничных и внутренних войск были сформированы и переданы в состав действующей армии 15 стрелковых дивизий⁶⁷. В последующем часть личного состава войск систематически направлялась для формирования резервов и восполнения потерь на фронте. С выходом Красной Армии на западную государственную границу была восстановлена пограничная служба.

Тыл Вооруженных Сил, который является одним из важнейших элементов их боевого потенциала, играл в годы войны огромную роль в реализации планов стратегии. Организационно он подразделялся на войсковой, оперативный и тыл центра. Последний являлся высшим звеном Тыла Вооруженных Сил. Его основу составляли тыловые соединения, части и учреждения, склады и арсеналы с запасами материальных средств, госпитали, ремонтные и другие органы центрального подчинения. Главные задачи Тыла — удовлетворение потребностей действующих фронтов и флотов в боеприпасах, горючем, продовольствии и других материальных средствах, восстановление поврежденной техники, эвакуация и лечение раненых и больных.

Опыт первых месяцев войны показал, что готовность тыла к обеспечению действующей армии всем необходимым была ниже всякой критики. Его развертыва-

ние осуществлялось медленно, многое из той техники, что была по мобилизации передана из народного хозяйства, было просто не пригодно для использования в боевой обстановке. Недостаточная подвижность тыловых органов нередко приводила к их отставанию от войск. Положение усугублялось ненадежной работой транспорта. Поэтому сразу же сложилась напряженная, а в ряде случаев критическая обстановка с обеспечением войск материально-техническими средствами, особенно боеприпасами.

На основе опыта военных действий летом и осенью 1941 г. была проведена первая довольно существенная реорганизация Тыла Вооруженных Сил, благодаря чему удалось укрепить его взаимосвязь с народным хозяйством страны. Материальные средства были теперь приближены к войскам, решена проблема поддержания на строго определенном уровне их запасов в войсках, во фронтах созданы полевые склады и армейские полевые базы, мощные автомобильные соединения, части подвоза и эвакуации. Одновременно подвергся реорганизации и авиационный тыл. В системе Тыла Вооруженных Сил появились новые специальные войска — автомобильные и дорожные, а железнодорожные войска пополнились рядом новых специальных формирований.

Одновременно были предприняты меры к совершенствованию систем медицинского и технического обеспечения.

Все это на какое-то время улучшило тыловую обстановку в Вооруженных Силах. Однако в 1944—1945 гг. в связи с проведением крупных стратегических наступательных операций потребности войск в материально-технических средствах резко возросли. Пришлось срочно принимать дополнительные меры для значительного усиления возможностей тыла во всех звеньях, но прежде всего в оперативном и стратегическом.

Так, грузоподъемность фронтового транспорта была увеличена с 1—1,5 тыс. до 6—8 тыс. тонн. Укреплены железнодорожные войска. На стыке советской колеи с западноевропейскими были оборудованы перевалочные районы. Сокращено плечо подвоза в оперативном и войсковом тылу. Глубина тыловых районов фронтов уменьшилась до 150—250 км, а армий — до 50—100 км⁶⁸. Все это способствовало повышению надежности тылового обеспечения Вооруженных Сил.

В целом, общая стратегия строительства и развития советских Вооруженных Сил осуществлялась во время войны с учетом ее характера и подчинялась военно-политическим и стратегическим задачам. Она была направлена, главным образом, на упреждающее противника наращивание боевой мощи войск и сил флота, причем вначале для эффективного отражения его наступления, а затем на ведение преимущественно крупных стратегических наступательных операций с решительными целями, повышение боеготовности фронтов и флотов, их способности успешно решать разнообразные задачи в любых, в том числе и в самых сложных условиях военно-политической и стратегической обстановки.

3. Стратегическое развертывание Вооруженных Сил и ведение военных действий в начальный период войны

Быстрое развитие в конце 30-х годов новых средств вооруженной борьбы, особенно танков и авиации, круто изменило условия вступления государств в войну. Возникла угроза, что агрессор нанесет мощные и внезапные удары и в самом начале войны подвергнет разгрому своих противников еще до того, как они успеют развернуть и ввести в действие основную часть своих вооруженных сил. Именно на таком варианте строились стратегические планы Германии при ее нападении на

европейские страны в 1939—1940 гг. Аналогичная идея присутствовала и в плане «Барбаросса».

Советское военно-политическое руководство учитывало такую опасность, но все же полагало, что в отношении СССР она не может быть реализована из-за огромных размеров территории страны, ее колоссальных возможностей и неблагоприятного для Германии соотношения сил и средств. Во всяком случае, оно было абсолютно убеждено, что в случае войны в начальный ее период, несмотря на всю его важность, вряд ли возникнут трудноразрешимые проблемы. Вся надежда была на то, что военные действия станут развиваться по типовой схеме, характерной для прошлых войн.

Реальная действительность, однако, опровергла эти надежды. Начальный период войны во многом оказался роковым для советских Вооруженных Сил. Связанные с ним задачи перевода страны и Вооруженных Сил с мирного на военное положение, стратегического развертывания и ведения первых операций приобрели невиданную остроту и на долгие месяцы предопределили неблагоприятный ход событий.

Фашистская Германия, которая продолжительное время готовилась к нападению на Советский Союз, создала огромный военно-экономический потенциал и невиданно мощную военную машину. Общая численность ее вооруженных сил к середине 1941 г. составила около 7,3 млн. человек. Сухопутные войска, насчитывавшие около 5,2 млн. человек, включали 214 дивизий и 7 отдельных бригад. На их вооружении было 5 639 танков и штурмовых орудий, свыше 10 тыс. самолетов, более 61 тыс. орудий и минометов. Военно-морской флот к этому времени имел 5 линкоров, 4 тя-желых и 4 легких крейсера, 43 эсминца и миноносца, 161 подводную лодку и другие корабли⁶⁹.

Для нападения на Советский Союз командование вермахта выделило вместе с союзниками 190 дивизий, в том числе 19 танковых и 14 моторизованных. Эта группировка насчитывала 5,5 млн. человек, около 4 300 танков и штурмовых орудий, 47 200 орудий и минометов, почти 5 тыс. боевых самолетов и свыше 190 боевых кораблей. На Восток было брошено 83% сухопутных войск вермахта и 4 из 5 воздушных флотов. Все эти силы и средства были развернуты на трех стратегических направлениях: северном, центральном и южном. В резерве главного командования сухопутных войск оставалось только 24 дивизии⁷⁰.

В соответствии с планом «Барбаросса» ближайшей целью первых операций было нанесение внезапных мощных ударов, уничтожение в кратчайшие сроки войск советских приграничных военных округов между границей и реками Западная Двина и Днепр, что должно было открыть путь немецким войскам для продвижения на Ленинград, Москву и в Донбасс.

К июню 1941 г. в советских Сухопутных войсках имелось 303 стрелковых, танковых, моторизованных и кавалерийских дивизий (из них около четверти находилось в стадии формирования). Военно-Морской Флот имел в строю 3 линкора, 7 крейсеров, 54 лидера и эсминца, свыше 157 других надводных кораблей, 477 боевых катеров и 212 подводных лодок⁷¹.

Отражение возможной агрессии с Запада возлагалось на войска пяти приграничных военных округов (Прибалтийского, Западного и Киевского Особых, Ленинградского и Одесского), на три флота (Северный, Краснознаменный Балтийский и Черноморский) и две флотилии (Пинскую и Дунайскую). Эта группировка насчитывала 163 стрелковых, кавалерийских, танковых и моторизованных дивизий, 12 бригад, 2 743 тыс. человек, 57 тыс. орудий и минометов, 12 782 танка, 8 696 исправных боевых самолетов и 545 боевых кораблей (в том числе 3 линкора, 7 крейсеров, 45 лидеров и эсминцев, 127 подводных лодок)⁷². Все эти силы составляли первый стратегический эшелон Вооруженных Сил. На западных границах для ее прикрытия было развернуто 13 общевойсковых армий

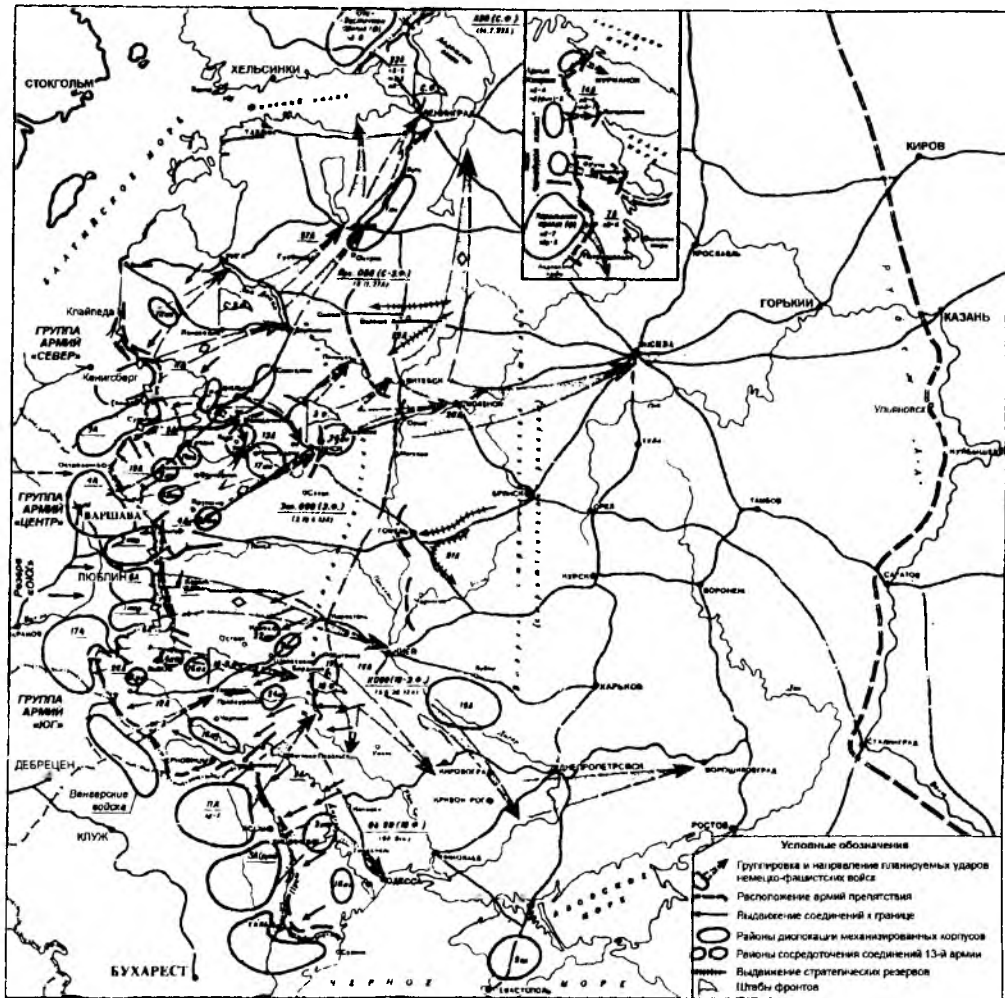

Схема 40. Исходная группировка сил к началу Великой Отечественной войны.
План «Барбаросса»

Второй стратегический эшелон включал 7 общевойсковых армий, которые продолжали сосредоточение и развертывание на намеченном для этого рубеже по р. Днепр. В их составе находилось 77 стрелковых, танковых и моторизованных дивизий.

В отличие от войск вермахта, которые были полностью отобилизованы и развернуты, и к тому же обладали двухлетним боевым опытом, советские войска оставались в основном в штатах и в дислокации мирного времени, были рассредоточены на огромной территории и не имели четко выраженной оперативной группировки, отвечающей реально складывающейся обстановке. А в тот момент это имело решающее значение.

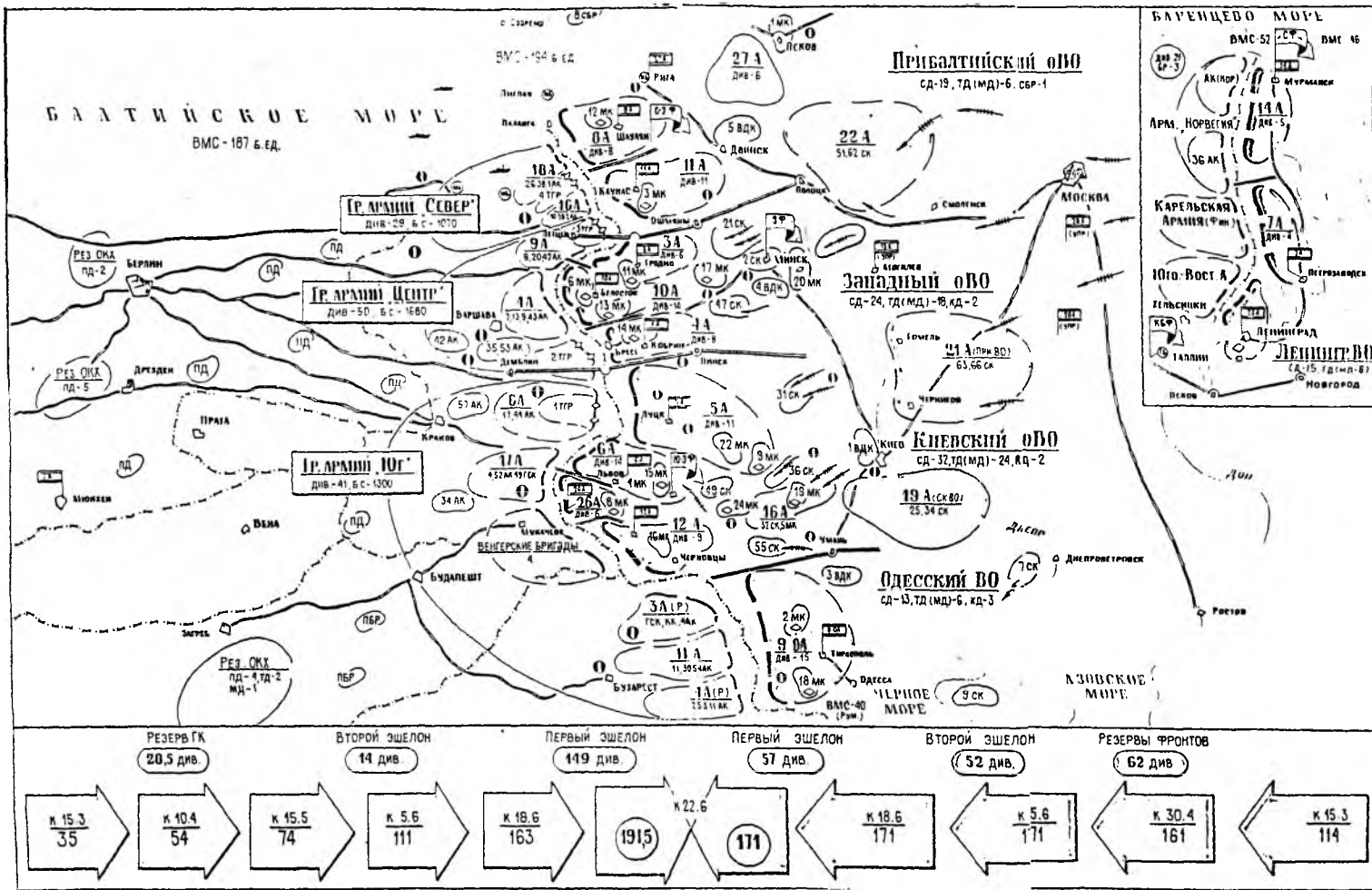
Порядок развертывания советских Вооруженных Сил на случай войны определялся рядом документов. «План стратегического развертывания вооруженных сил» Нарком обороны еще 14 октября 1940 г. направил на утверждение правительства, но он так и не был рассмотрен и одобрен. Утвержденные же в феврале 1941 г. мобилизационный план «МП-41» и в мае того же года «План оперативного прикрытия государственной границы» постоянно корректировались. Но самое главное — в разработанных планах были допущены крупные просчеты. Во-первых, не были предусмотрены необходимые меры для обеспечения четкой реализации плана развертывания и предупреждения его срыва противником. Во-вторых, из-за неверной оценки возможных действий агрессора основная группировка советских войск была создана на юго-западном, а не на важнейшем западном направлении, где в связи с этим возникло явно неблагоприятное соотношение сил. В-третьих, оперативное развертывание планировалось без всякого учета реального состава и состояния боеготовности войск; в ряде случаев в первый эшелон включались объединения и соединения, формирование которых едва началось; наконец, большинство укрепленных районов создавалось совсем недалеко от границы. На очень близкое расстояние к границе были подтянуты склады и базы с запасами материальных средств, так как исходили из интересов предполагаемого в последующем перехода в наступление. В результате почти все это попало в руки противника.

Характерно и то, что по уточненному мобилизационному плану все войска отобилизовывались не в три, как предусматривалось прежде, а в одну очередь, причем формирование многих новых соединений, в частности механизированных корпусов, планировалось даже без учета поступления техники. Итог оказался печальным: многим из них пришлось вступать в сражение в небоеспособном состоянии.

В военных округах из всех документов плана войны окончательно отработаны были только планы прикрытия. Остальные все дорабатывались, а к планам первых операций вообще еще не приступали. Безусловно, такая незавершенность планирования не могла не отразиться на действиях командования и войск в начале войны.

Положение усугубило и то, что Сталин, стремясь оттянуть неизбежное столкновение с Германией, дважды (13 и 20 июня 1941 г.) отклонял предложения Наркомата обороны о приведении приграничных военных округов в полную боевую готовность. Поэтому вплоть до рокового дня 22 июня 1941 г. они оставались в режиме мирного времени. Любая инициатива командующих, направленная на повышение готовности объединений и соединений к отражению возможного внезапного нападения противника, решительно пресекалась из Кремля под тем предлогом, что это может спровоцировать врага на выступление.

И все же отдельные мероприятия по стратегическому развертыванию Вооруженных Сил, правда, с определенной осторожностью, начали осуществляться еще с середины мая 1941 г. Так, в мае и начале июня из запаса призвали около 800 тыс. военнообязанных, что позволило доукомплектовать почти 100 стрелковых дивизий, ряд частей других родов войск и ВВС⁷³. 14 мая был проведен выпуск второкурсни-

*Схема 41. Стратегическое развертывание Вооруженных Сил в 1941 г.

ков военных училищ с направлением их в приграничные военные округа⁷⁴. А со следующего дня началась переброска на западное и юго-западное направления, на рубеж рек Десна и Днепр, армий второго стратегического эшелона, в том числе в район Витебска — 22-й армии из Уральского военного округа, в район Могилева — 20-й армии из Орловского военного округа, в район Чернигова, Гомеля и Бахмача — 21-й армии из Приволжского военного округа, в район Белой Церкви, Черкассы — 19-й армии из Северо-Кавказского военного округа, в район Проскурова, Хмельники — 16-й армии из Забайкальского военного округа, в район Мироновки — 25-го стрелкового корпуса из Харьковского военного округа. Со второй половины июня более половины вторых эшелонов и резервов приграничных военных округов стали последовательно выдвигаться в районы, удаленные от государственной границы на 20—80 км. Однако все эти меры сильно запаздывали и к началу войны не были завершены. Поэтому полномасштабное стратегическое развертывание пришлось проводить уже в ходе начавшейся войны, в тяжелой обстановке, под мощными ударами наступающего противника.

22 июня Прибалтийский, Западный и Киевский Особые военные округа были преобразованы во фронты, а на следующий день в стране была объявлена мобилизация военнообязанных граждан 1905—1918 гг. рождения (от 23 до 36 лет). К 1 июля в армию и на флот были мобилизованы 5,3 млн. человек, дополнительно сформировано 96 соединений. Одновременно началось создание предусмотренных мобилизационным планом объединений, соединений и частей во внутренних округах с отправкой их в действующую армию. В основном мобилизацию удалось завершить организованно и в установленный срок. В приграничных районах она, однако, фактически была сорвана: более 500 тыс. мобилизованных оказались в немецком плену, так и не прибыв в свои части⁷⁵. Не поступил в войска и предназначенный им транспорт из народного хозяйства.

Трагический исход начального периода войны и огромные потери советских войск не позволили довести численность Вооруженных Сил до предусмотренного мобилизационным планом уровня и заставили пересмотреть его принципиальные положения. Для восполнения потерь, комплектования большого количества новых войсковых соединений и создания резервов в августе 1941 г. была проведена дополнительная мобилизация еще четырнадцати возрастов военнообязанных 1890—1904 гг. и призывников до 1923 г. рождения, а также началось формирование ополченских соединений на добровольной основе. В итоге, к концу 1941 г. численность Вооруженных Сил стала составлять около 9,5 млн. человек, на 600 тыс. больше предусмотренной мобилизационным планом.

В сложнейших условиях началось и проводилось оперативное развертывание войск. Директива наркома обороны № 1 о приведении войск в полную боевую готовность, отданная в половине первого часа ночи 22 июня, поступила в военные округа слишком поздно: до начала войны оставалось 1,5—2 часа. В некоторых армиях штабы заканчивали ее расшифровку уже после начала военных действий. До многих соединений приказ о приведении их в боевую готовность вообще не был доведен, так что они оказались просто захваченными врасплох. На большинстве участков подъем войск по боевой тревоге и их выход на назначенные рубежи осуществлялся неорганизованно. Сразу же выявилось несоответствие планов прикрытия реальной обстановке. Попытки действовать строго по этому плану лишь усугубили и без того кризисное положение войск.

Дело в том, что в соответствии с планом прикрытия на фронте 2 тыс. км — от Баренцева моря до Черного — предписывалось развернуть в первой линии 40 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии. Таким образом на каждую из них приходилось около 50 км, а то и до 100 км. Это позволило противнику на направлениях наноси-

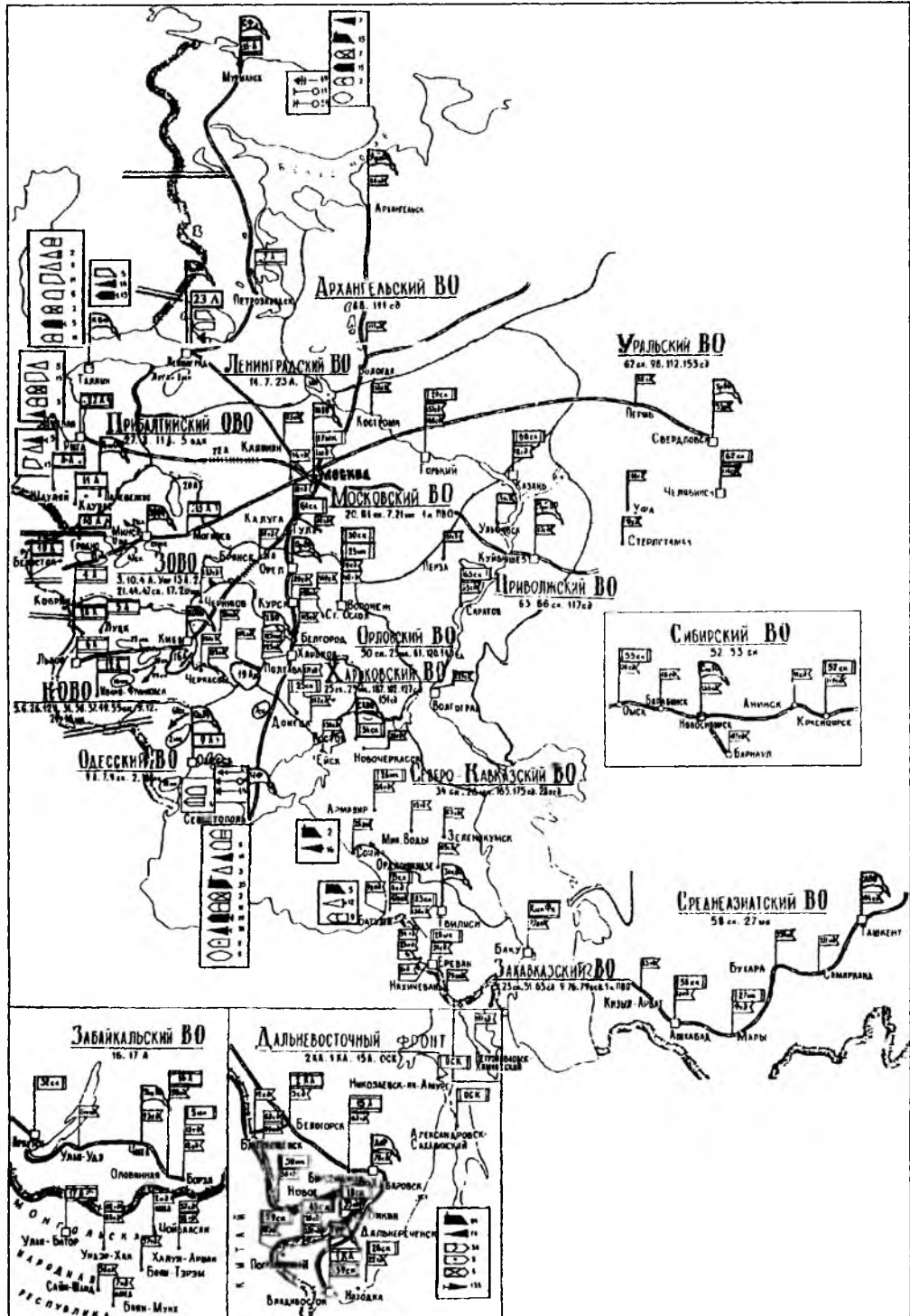

Схема 42. Стратегическое положение Вооруженных Сил СССР к началу Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.)

мых им ударов добиться превосходства в 5—8 раз и более. К этому, разумеется, никто не был готов.

Не соответствовали обстановке и поставленные перед войсками задачи. Так, по плану каждой армии первого эшелона назначался район прикрытия с задачей «упорной обороной на госгранице не допустить вторжения противника, прочно прикрыть отмотелизованные, сосредоточенные и развертываемые главные силы, а в случае прорыва врага ликвидировать его». Однако в создавшихся условиях такая задача была совершенно невыполнима потому, что большинству дивизий для подъема по боевой тревоге и выхода на свои направления требовалось от 3 до 10 часов, не считая времени на то, чтобы занять оборону и подготовиться к бою. Вследствие этого большинство дивизий не успело развернуться. Многие из них вступали в бой с ходу по частям, неся при этом большие потери. Часть соединений вступала в сражение без полевой и зенитной артиллерии, отправленных ранее на окружные полигоны для учебных стрельб.

Трагичнее всего было то, что с самого начала управление войсками оказалось нарушенным. Большинство командующих армиями, командиров корпусов и дивизий, их штабы потеряли связь с подчиненными войсками. Не зная истинной обстановки, они отдавали противоречивые приказы, выполнить которые было невозможно. На многих направлениях к всеобщей растерянности добавились неорганизованность и беспорядок в развертывании и действиях войск.

В Прибалтийском Особом военном округе до начала войны вышли на назначенные рубежи прикрытия у границы только отдельные батальоны и полки. Остальные войска развертывались и вступали в бой с превосходящими силами противника с марша. Особенно тяжелое положение создалось в Западном Особом военном округе, где начало войны застало большинство войск в военных городках. В Киевском Особом военном округе передовые части приступили к выходу на государственную границу к 4—6 часам утра, когда противник уже перешел ее, а на ряде участков глубоко вклинился на советскую территорию. Более благоприятной оказалась обстановка в Одесском военном округе, где начальник штаба генерал М. В. Захаров в отсутствие командующего по собственной инициативе, еще до получения директивы наркома обороны, отдал приказ о подъеме войск по боевой тревоге, занятии частями прикрытия своих районов и рассредоточении авиации по полевым аэродромам. Поэтому первые попытки противника перейти в наступление были здесь отражены.

В крайне тяжелое положение попали советские ВВС. В первый же день войны внезапным ударам противника с воздуха подверглись 66 аэродромов. Уже к полудню 22 июня было уничтожено около 1 200 самолетов, из них свыше 800 на земле. Свыше половины этих потерь пришлось на Западный Особый военный округ, где врагу удалось вывести из строя 738 самолетов, главным образом новых типов. Авиация Киевского Особого военного округа к тому же времени потеряла 277 самолетов⁷⁶. В итоге германская авиация сразу же захватила господство в воздухе.

Организованнее всего первые удары врага встретил Военно-Морской Флот. Проведенные на флотах еще за несколько дней до начала войны подготовительные меры по приведению сил в готовность № 2, а затем и № 1 позволили им успешно отразить первые удары противника с воздуха и избежать потерь.

С 6—7 часов утра 22 июня на всем протяжении западной границы завязались тяжелые бои. Отдельные части и пограничные заставы оказывали героическое сопротивление, сражались до последнего человека. Тем не менее общая обстановка с каждым часом становилась все более угрожающей. На большинстве направлений противник быстро продвигался вперед. Командующие фронтами и армиями, по существу, утратили контроль над развитием событий. Не имел реального представле-

ния об обстановке и Генеральный штаб. В 7 ч. 15 мин. народный комиссар обороны Тимошенко отдал директиву № 2, в которой потребовал: «...всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения границу не переходить. ...Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиации наносить на глубину германской территории до 100—150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать»⁷⁷.

Трудно себе представить насколько эти требования не соответствовали тому, что происходило на фронтах. Достаточно сказать, что уже к вечеру 22 июня немецкие танковые и механизированные соединения продвинулись на северо-западном и западном направлениях на глубину 50—60 км. Особенно угрожающая обстановка создалась на стыке Северо-Западного и Западного фронтов. Здесь образовалась многокилометровая брешь, через которую 3-я немецкая танковая группа, форсировав Неман, устремилась к Вильнюсу и Минску. Рассеченные на части ударом 4-й танковой группы, которая входила в группу армий «Север», войска Северо-Западного фронта вынуждены были спешно отходить. В результате правое крыло Западного фронта оказалось под угрозой глубокого обхода противником. Не лучше складывалась обстановка и на левом крыле этого фронта. На 4 дивизии действовавшей здесь 4-й армии обрушился удар 10 дивизий немецкой группы армий «Центр», в том числе 4 танковых дивизий 2-й танковой группы. Застигнутые врасплох советские войска на этом направлении не смогли выдержать натиск превосходящих сил врага и тоже отступили. А противник, захватив Брест и Кобрин, продолжал стремительное продвижение. Лишь Брестская крепость, в которой осталась часть сил 2 дивизий, стойко сражалась в окружении на протяжении многих недель. В полосе Юго-Западного фронта группа армий «Юг» прорвалась на глубину 15—20 км и силами 1-й танковой группы развила наступление на Луцк, охватывая главную группировку фронта с севера.

Таким образом, уже в первый день войны противник добился крупных стратегических результатов, поставив войска приграничных военных округов под угрозу разгрома. Между тем, в Москве все представлялось совсем по-иному. В оперативной сводке Генерального штаба на 22 часа 22 июня положение на фронте изображалось так, будто там все относительно благополучно, во всяком случае не вызывает особой тревоги. «Германские регулярные войска, — говорилось в сводке, — в течение 22 июня вели бои с погранчастями СССР, имея незначительный успех на отдельных направлениях. Во второй половине дня с подходом передовых частей полевых войск Красной Армии атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника»⁷⁸.

Исходя из такой совершенно неправильной оценки обстановки, советское высшее военное командование продолжало руководствоваться в своих действиях прежним замыслом, заложенным в основу плана прикрытия государственной границы. В 21 ч. 15 мин. 22 июня народный комиссар обороны Тимошенко с одобрения Сталина подписал директиву № 3, в которой потребовал со следующего утра перейти на главных направлениях к наступательным действиям с целью разгрома ударных группировок врага. Войскам Северо-Западного и Западного фронтов приказывалось силами 4 механизированных корпусов при поддержке фронтовой авиации и авиации дальнего действия нанести удары из районов Каунаса и Гродно в направлении Сувалки, окружить и уничтожить сувалковскую группировку противника и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки. Юго-Западному фронту ставилась задача силами 5-й и 6-й армий с привлечением не менее 5 механизированных корпусов и всей

авиации фронта при поддержке авиации дальнего действия нанести удары по сходящимся направлениям на Люблин, окружить и уничтожить там группировку противника, наступавшую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, а к исходу 24 июня овладеть районом Люблина. На крыльях советско-германского фронта войска Северного и Южного фронтов должны были выполнять оборонительные задачи⁷⁹.

По сути весь этот план был построен на песке, ибо не только игнорировал реальную обстановку, но и не считался с фактическим положением и состоянием механизированных корпусов, которые, слабо укомплектованные техникой, находились на удалении от 120 до 400 км от намеченных районов развертывания. Более того, они и сами подвергались мощным ударам авиации противника. В итоге, поспешно организованные контрудары еще больше осложнили и без того тяжелое положение фронтов. Правда, на ряде направлений на какое-то время удалось сковать войска противника, но при этом фронты израсходовали свои последние резервы. Они понесли большие потери и были вынуждены продолжать отходить.

На северо-западном направлении все попытки нанести силами 12-го и 3-го механизированных корпусов фланговые контрудары по наступавшим немецким войскам юго-западнее Шяуляя и в районе Расейняй оказались сорваны. Продолжая стремительное наступление, противник уже 25 июня продвинулся на глубину 130—170 км, а утром следующего дня своими передовыми частями вышел у Даугавпилса к р. Западная Двина.

На гродненском направлении контрудар попытался нанести только 11-й механизированный корпус. Несмотря на отсутствие артиллерийской и авиационной поддержки, ему удалось не только остановить, но и несколько потеснить противника. На следующий день в бой с ходу включились подошедшие из района Белостока соединения 6-го механизированного корпуса. Однако из-за недостатка горючего и боеприпасов контрудар развития не получил. Противник, захватив Вильнюс, двинулся на Минск.

На брестском направлении понесший большие потери 14-й механизированный корпус так и не смог провести контрудар. Используя это, немецко-фашистские войска форсировали р. Шара и подошли к Барановичам. Создавалась угроза захвата Минска и окружения основных сил Западного фронта в гигантском «мешке». Чтобы не допустить этого, Ставка Главного Командования 25 июня приказала отвести 3-ю и 10-ю армии фронта на рубеж Лида—Слоним—Пинск.

На юго-западном направлении контрудар перерос в крупное танковое сражение. Оно развернулось в районе Луцк, Радехов, Броды, Дубно и продолжалось с 23 до 29 июня. Главные усилия были направлены на разгром 1-й танковой группы врага, прорвавшейся на стыке 5-й и 6-й армий Юго-Западного фронта. Удары предполагалось нанести по ее левому флангу — на Сокаль и Дубно силами трех механизированных корпусов, а по правому флангу сначала на Берестечко, а затем тоже на Дубно двумя механизированными корпусами. Однако 23 июня в бой вступили лишь передовые части 22-го и 15-го механизированных корпусов, а главные силы были введены в сражение только на следующий день. 25 июня их усилия удалось нарастить: на юге — с помощью 8-го механизированного корпуса, совершившего 400-километровый марш из района Самбора, что южнее Львова, а на севере — 9-м и 19-м механизированными корпусами, введенными в сражение после 200—220-километрового марша из районов Новоград-Волынского и Житомира. Но, в связи с тем, что все они развертывались и вступали в сражение по частям, единого мощного контрудара не получилось. Удалось всего лишь ненадолго задержать танковую группировку противника и на несколько часов вернуть Дубно. Ни о каком разгроме немецких войск в ходе этого контрудара не могло быть и речи. Как и на других направлениях, Юго-Западный фронт вынужден был отступать.

29 июня противник на северо-западном направлении форсировал на ряде участков Западную Двину; а на западном направлении 28 июня охватывающими ударами с севера и юга захватил Минск. В результате главные силы войск Западного фронта (3-я и 10-я армии) оказались окруженными западнее Минска, в районе Налибокской пущи. На юго-западном направлении немецко-фашистские войска развернули наступление на Житомир и Проскуров. На южном крыле советско-германского фронта они форсировали Прут и повели наступление на Бельцы. А в это время с территории Финляндии немецкая армия «Норвегия» и финские войска перешли в наступление на мурманском, ухтинском и ленинградском направлениях.

В создавшейся обстановке Ставка Главного Командования вынуждена была принять решение о переходе к стратегической обороне в Карелии, в районе Ленинграда, по р. Западная Двина и линии укрепленных районов по старой государственной границе. Таким образом, приграничное сражение завершилось крупным поражением советских войск: первый стратегический эшелон потерял почти половину своего боевого состава. Противник продвинулся в глубь советской территории на 150—300 км, угрожая Ленинграду, Таллину, Пскову, Смоленску, Киеву, Одессе. Советская военная стратегия не справилась с возникшими перед ней задачами. Срочно потребовалось коренное изменение всего стратегического плана войны.

В свою очередь, германское верховное командование считало, что операция «Барбаросса» развивается классически, а потому даже не помышляло вносить какие-либо серьезные коррективы в последующие действия своих войск. Правда, Гитлера беспокоило упорное сопротивление окруженных западнее Минска советских армий. Поэтому их уничтожение он возложил на армейские корпуса, прибывшие из резерва ОКХ вместе с управлением 2-й немецкой армии. Остальные силы, в том числе и танковые группы, объединенные в 4-ю танковую армию, получили приказ решительно развивать наступление на восток.

Стратегический план советского командования на этом этапе состоял в том, чтобы остановить продвижение противника, подорвать его наступательную мощь, удержать важные рубежи и районы, выиграть время для развертывания новых сил и подготовки в тылу оборонительных рубежей. При этом возникало немало новых задач: предстояло окончательно стабилизировать фронт, восстановить боеспособность войск первого стратегического эшелона, особенно на западном направлении, создать глубокую оборону, образовать стратегические резервы, перебазировать силы флотов из угрожаемых зон и т. п. Считалось, что, выполнив весь комплекс этих задач, можно обеспечить проведение мероприятий по эвакуации населения и промышленных предприятий из угрожаемых районов вглубь страны, выиграть время для перестройки работы промышленности на нужды войны и наращивания военного производства.

Надо заметить, что к этому времени Ставке Главного Командования удалось наконец вскрыть истинные замыслы противника, установить его силы и их распределение по участкам советско-германского фронта. С учетом этого были приняты меры по срочному усилению группировки войск на важнейшем направлении — смоленско-московском и созданию здесь глубокоэшелонированной обороны. С юго-западного направления сюда начали спешно перебрасывать 19-ю и 16-ю армии.

Войска второго стратегического эшелона (19, 20, 21 и 22-я армии), которые объединялись в группу армий резерва Главного Командования под руководством маршала Буденного, должны были занять оборону в тылу Западного фронта — от Полоцкого укрепленного района и далее по рубежу Витебск—Орша, а затем по р. Днепр до Лоева. Восточнее этого рубежа, на удалении 180—200 км, занимали оборону 24-я и 28-я армии. Впоследствии эти мероприятия сыграли важную роль, особенно в хо-

де Смоленского сражения, ставшего кульминационным пунктом начального периода войны.

В целом на протяжении этого периода (с 22 июня по 9 июля 1941 г.) советские Вооруженные Силы провели три одновременные стратегические оборонительные операции: Прибалтийскую — войсками Северо-Западного фронта и силами Балтийского флота, Белорусскую — войсками Западного фронта, силами дальнебомбардировочной авиации и Пинской флотилии и Львовско-Черновицкую — силами Юго-Западного фронта. Все они осуществлялись в полосах протяженностью от 350 до 800 км. За 15—18 суток советские войска отошли в глубину на 300—600 км. Эти полные трагизма для советских воинов дни отличались крайне острой и напряженной борьбой на суше, в воздухе и на море. На первом этапе ее основу составили действия по отражению вторжения противника в приграничных сражениях, на втором — оборона стратегически важных рубежей и районов с расчетом не допустить его прорыва к важнейшим военно-политическим и промышленным центрам страны.

На втором этапе, как и в первые дни войны, стратегическая обстановка продолжала оставаться на всех направлениях исключительно сложной. На северном направлении советские войска отошли на ближние подступы к Мурманску, оставили Петрозаводск и Выборг, но по-прежнему удерживали все ключевые районы Заполярья и Кировскую железную дорогу.

На северо-западном направлении, в результате контрудара 21-го механизированного и 2-го воздушно-десантного корпусов под Даугавпилсом, советским войскам на некоторое время удалось задержать противника в среднем течении Западной Двины. Однако вскоре войска группы армий «Север» прорвали оборону 8-й и очень слабой 27-й армий, входивших в состав Северо-Западного фронта, захватили Ригу и, развивая успех, вышли на подступы к Таллину и овладели Псковом. Создалась угроза их прорыва к Луге и Новгороду.

На западном направлении советские войска, попавшие в окружение западнее Минска, до 8 июля продолжали героически драться. Многим частям удалось вырваться из кольца, но большинство сложили там свои головы или попали в плен. Остатки войск фронта были отброшены за р. Березину, а затем и к Днепру. Для ликвидации образовавшейся брешки Западному фронту была передана группа армий резерва Главного Командования. Это позволило на некоторое время задержать врага, но попытка 5-го и 7-го механизированных корпусов контрударом отбросить его на запад не удалась. Вскоре немецкие войска, захватив Витебск, Оршу, Могилев, стали готовить удар на Смоленск.

К началу июля на Западном фронте произошла полная смена командования. Командующий фронтом генерал Д. Г. Павлов и ряд других ответственных должностных лиц были сняты с должностей и расстреляны. В командование фронтом вступил сначала генерал А. И. Еременко, а спустя несколько дней маршал С. К. Тимошенко. Но смена фигур на шахматной доске к большому удивлению Сталина ничего не дала: изменить обстановку и после этого не удалось.

На юго-западном направлении советские войска с 1 по 10 июля отходили на рубеж Коростеньского, Новоград-Волынского, Шепетовского, Староконстантиновского и Проскуровского укрепленных районов. Предпринимались все меры, чтобы занять их войсками заблаговременно и остановить врага. В свою очередь противник стремился отсечь советские войска от УРов (по немецкой терминологии — «линии Сталина») и на плечах отходящих частей прорваться к Днепру и Киеву.

Вначале отход советских войск проходил организованно. Все армии Юго-Западного фронта заняли укрепленные районы, однако закрепиться на них им не удалось. Внезапным ударом противник пробил брешь сначала в Новоград-Волынском, а затем в Шепетовском и Староконстантиновском УРах и, бросив в прорыв танковые

и моторизованные части, 9 июля стремительным ударом с севера-запада захватил Бердичев. Спустя двое суток немецкие танковые дивизии прорвались в Житомир. Попытки советских войск контрударом выбить их из этих городов оказались тщетными. Теперь врагу открылся путь на Киев и юго-восток, вдоль Днепра, в обход главным силам Юго-Западного и Южного фронтов.

На южном направлении положение долгое время оставалось относительно устойчивым. Но когда часть дивизий пришлось срочно перебросить с этого фронта на Юго-Западный, соотношение сил на южном крыле изменилось в пользу противника. Используя это, 11-я немецкая, а затем две румынские армии усилили натиск, прорвались к Днестру и развернули наступление на Кишинев.

Ожесточенными боями, развернувшимися 9—10 июля на подступах к Луге, Смоленску, Киеву и Кишиневу, начальный период войны закончился. С этого времени перед войсками обеих сторон возникли новые задачи. В сражение вступали соединения второго стратегического эшелона советских Вооруженных Сил. Начинались новые стратегические оборонительные операции.

В целом, политические и стратегические последствия начального периода войны оказались исключительно тяжелыми для СССР и его Вооруженных Сил. Советские войска потерпели жестокое поражение. Но и противнику победа досталась немалой ценой. Впервые с начала второй мировой войны он встретил такое упорное сопротивление.

Вооруженная борьба в этот период велась с невиданным напряжением, военные действия развернулись на огромном фронте и по отдельным направлениям, велись в высокодинамичных, маневренных формах при больших разрывах в построении войск. Используя отсутствие сплошного фронта, противник имел возможность осуществлять глубокие прорывы, вести наступление в высоких темпах, рассекать и окружать отдельные группировки советских войск.

Со своей стороны и советское командование пыталось наносить по противнику контрудары, гибко маневрировать силами и средствами. Оборонительные операции советских войск осуществлялись в широких полосах: армии — 100—200 км, фронта — 300—500 км, с неизменным стремлением любой ценой остановить врага, нанести ему максимальный урон. Однако общая неблагоприятная обстановка часто вынуждала советское командование бросать вторые эшелоны и резервы в сражение с ходу, вводить их в действие по частям, что приводило к неустойчивости как оперативной, так и стратегической обороны. К концу начального периода войны противник продвинулся в полосе Северо-Западного фронта на глубину 400—450 км, Западного фронта — 450—600 км, Юго-Западного фронта — 300—350 км. Средний темп продвижения его составлял от 20 до 30 км в сутки, а танковых группировок — 40—60 км⁸⁰.

Тем не менее поставленная перед группами армий «Север», «Центр» и «Юг» главная стратегическая задача, предусматривавшая уничтожение советских войск в Прибалтике, Белоруссии и на Правобережной Украине, не была выполнена. Советские Вооруженные Силы выстояли и, несмотря на отступление и большие потери, сохранили силы для последующих сражений.

На протяжении всего начального периода войны наряду с наземными операциями велась ожесточенная борьба в воздухе и на море.

Главная задача советских Военно-Воздушных Сил заключалась в прикрытии и поддержке оборонительных действий войск фронтов, а также в ведении борьбы за завоевание господства в воздухе. Тяжелая обстановка, сложившаяся в начале войны, вынуждала использовать основные силы авиации преимущественно в интересах наземных войск. Вместе с тем она широко применялась и для решения других задач. Всего за 20 суток боевых действий советские летчики совершили 47 тыс. са-

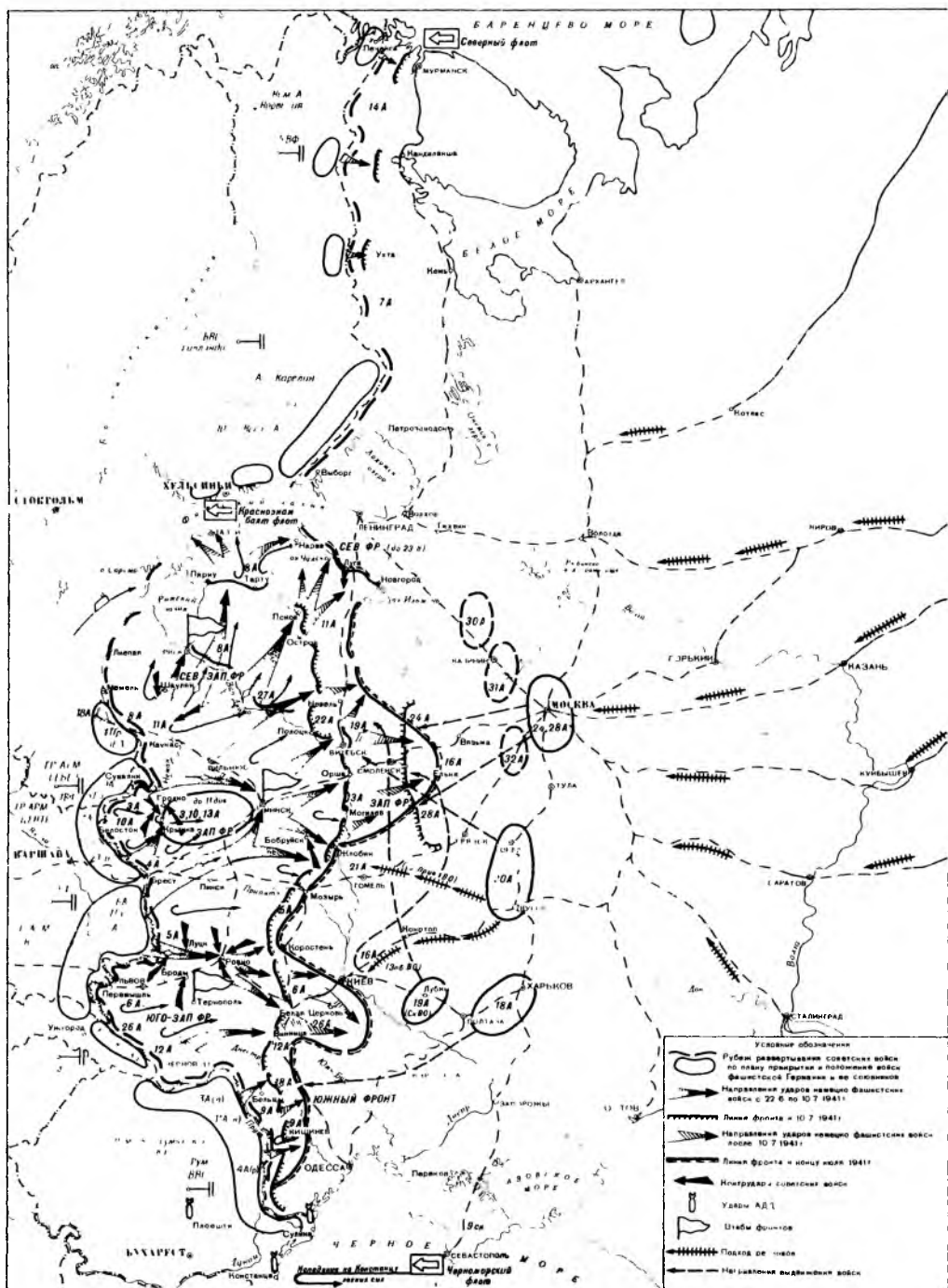

Схема 43. Общий ход начальных операций в Великой Отечественной войне

молето-вылетов, хотя, безусловно, в активности они значительно уступали авиации противника⁸¹.

В отличие от немецких ВВС, в действиях которых важнейшее место занимали удары по аэродромам, советская авиация сосредоточивала свои главные усилия на уничтожении самолетов противника в воздухе. При благоприятных условиях организовывались удары по аэродромам и объектам глубокого тыла врага. Так, с 25 по 30 июня была проведена первая воздушная операция по уничтожению авиации противника на аэродромах Финляндии и Северной Норвегии. К участию в ней привлекалось почти 540 самолетов. Удары были нанесены по 19 аэродромам и уничтожено не менее 130 самолетов врага. 8 июля авиация Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов нанесла удары по 28 немецким аэродромам, а дальняя авиация подвергла бомбардировке еще 14 аэродромов. Всего летчики ВВС фронтов с 22 июня по 10 июля для ударов по аэродромам произвели более 1 тыс. самолето-вылетов и вывели из строя 348 самолетов противника⁸².

Уже на второй день войны советская дальнебомбардировочная авиация и Военно-Воздушные Силы ВМФ нанесли ночные удары по важным военно-промышленным объектам в районах Клайпеды, Кенигсберга, Данцига, Бухареста, Плоешти, Хельсинки, Турку. Правда, в то время они имели не столько военное, сколько политическое значение.

Военные действия советских флотов в начальный период войны были направлены в основном на содействие Сухопутным войскам на приморских направлениях, организацию минной борьбы и воспреещение высадки морских десантов противника. Долгое время Балтийский флот удерживал за собой Ханко и Моонзундские острова, преграждая тем самым вход кораблей врага в Финский залив и отвлекая значительные силы его сухопутных войск с главных направлений. Ударами авиации и корабельной артиллерии силы флота обеспечивали фланги своих оборонявшихся войск. Большую роль сыграл Балтийский флот в срыве планов германского командования по быстрому захвату Прибалтики и выходу вдоль побережья Финского залива к Ленинграду. Северный флот с первых дней войны активно действовал на морских коммуникациях врага, а затем непосредственно участвовал в отражении немецкого наступления в Заполярье. Черноморский флот и Дунайская флотилия не позволили немецко-румынским войскам развернуть успешное наступление вдоль побережья Черного моря.

В целом, несмотря на тяжелейшие поражения, Красная Армия и Военно-Морской Флот в начальный период войны смогли серьезно нарушить первоначальный стратегический замысел врага. Противнику был нанесен серьезный ущерб. Его войска за 20 суток потеряли до 100 тыс. человек, около половины общей численности танков и 1 284 самолета⁸³.

Конечно, по общим масштабам войны и в сравнении с жертвами, понесенными советскими войсками, это были небольшие потери. Но и они не шли ни в какое сравнение с потерями врага в Западной Европе. Теперь, после окончания приграничных сражений немецкие ударные группировки уже не смогли безостановочно наступать, как это предполагалось по плану «Барбаросса». Командование вермахта вынуждено было делать оперативные паузы в действиях своих войск, осуществлять перегруппировку сил, ставить новые задачи и вновь организовывать наступательные операции с прежними целями.

Высокую стойкость советских войск вынуждены были признать даже высшие чины вермахта. В своем военном дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер 22 июня сделал такую запись: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен, в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народно-

стей (перед фронтом 6-й и 9-й армий). Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т. п. в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражаются, пока их не убьют...»⁸⁴.

И все же в результате успешно проведенных немецко-фашистскими войсками первых наступательных операций советские Вооруженные Силы были поставлены на грань катастрофы. Из имевшихся к началу войны в западных приграничных военных округах дивизий 28 были полностью разгромлены, еще 70 лишились более половины своего состава. Безвозвратные потери Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов с 22 июня по 10 июля составили 588 598 человек, санитарные потери за этот же период — 159 272 человек. Одновременно была утрачена большая часть военной техники, в том числе 18 794 орудия и миномета, 11 703 танка и 3 985 самолетов⁸⁵.

На захваченной врагом территории остались около 200 складов с вооружением, боеприпасами, горючим и другими материально-техническими средствами⁸⁶. Все это весьма неблагоприятно отразилось на дальнейшем ведении войны.

4. Стратегическая оборона

Как уже отмечалось, в годы Великой Отечественной войны отечественная военная стратегия использовала самые разнообразные виды, формы и способы военных действий. Главным видом стратегических действий советских Вооруженных Сил в конечном счете стало стратегическое наступление. Количество проведенных крупных наступательных операций почти в три раза превышает число оборонительных операций стратегического масштаба. В общем балансе времени боевые действия войск, связанные с отражением наступления противника, занимают лишь 11—12 месяцев из 47. Но, если учесть оперативные паузы между наступательными операциями, когда войска пассивно удерживали занимаемые рубежи, удельный вес обороны окажется куда значительнее.

Во всяком случае, война уже с самого ее начала заставила советское руководство резко изменить отношение к обороне на всех уровнях, прежде всего в области стратегии. Господствовавшее ранее мнение, будто стратегическая оборона может применяться только в исключительных случаях и лишь на второстепенных направлениях, оказалось несостоятельным. Реальная обстановка потребовала организации и ведения стратегической обороны в течение длительного времени как на отдельных стратегических направлениях, в первую очередь главных, так и на всем советско-германском фронте.

К стратегической обороне одновременно на всех стратегических направлениях советское командование прибегало трижды: в 1941, в 1942 и летом 1943 гг. В 1941 и 1942 гг. оборона была вынужденная, так как противник владел стратегической инициативой и навязывал свою волю. Переход к временной стратегической обороне оставался для советских Вооруженных Сил единственно возможным способом действий. В 1943 г. советская сторона была свободна в выборе форм борьбы. Обстановка и состав советских войск позволяли решать задачи как обороной, так и наступлением. Но была выбрана оборона, как наиболее надежный и экономный способ срыва наступательного плана врага.

В последующем (осенью 1943 и в 1944 гг.) оперативная и стратегическая оборона организовывалась только на отдельных направлениях, причем на короткое время. Она была призвана обеспечить ведение решительных наступательных операций там, где определялась судьба войны.

Каждая оборонительная кампания, как, впрочем, и каждая стратегическая оборонительная операция, имела свои особенности. Самой продолжительной и масштаб-

ной была летне-осенняя кампания 1941 г., когда советским Вооруженным Силам пришлось вести стратегическую оборону и отражать наступление агрессора одновременно на трех стратегических направлениях. В этой кампании были последовательно проведены три группы стратегических операций: первая группа в начальный период войны с 22 июня по 9 июля в Прибалтике, Белоруссии и на Правобережной Украине; вторая — с середины июля до конца сентября на подступах к Ленинграду, в западных областях России и на Левобережной Украине; третья — в октябре—ноябре 1941 г. при отражении наступления противника на Тихвин, Москву и Ростов.

Стратегические оборонительные операции второй группы осуществлялись сохранившими боеспособность войсками первого и главной группировкой войск второго стратегического эшелона. Они велись в условиях уже сложившегося стратегического фронта, но в столь же острой, высокодинамичной и напряженной обстановке.

На этом этапе враг стремился захватить Мурманск, Ленинград, Смоленск, Киев, разгромить группировки советских войск на днепровском рубеже и открыть себе дорогу на Архангельск, Москву и в Донбасс. Иначе говоря, решались очередные стратегические задачи, вытекавшие из плана «Барбаросса». По расчетам командования вермахта, их выполнение не представляло для войск особой сложности. Гальдер в своем дневнике записал: «...когда мы форсируем Западную Двину и Днепр, то речь пойдет не столько о разгроме вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы забрать у противника его промышленные районы и не дать ему возможность, используя гигантскую мощь своей индустрии и неисчерпаемые людские резервы, создать новые вооруженные силы...»⁸⁷. Пройдет, однако, совсем немного времени и он воочию убедится, как жестоко заблуждался.

А советские войска сосредоточили свои усилия на том, чтобы удержать занимаемый стратегический рубеж и обеспечить окончательную стабилизацию линии фронта. С этой целью они, продолжая отражать наступление противника, провели Смоленское сражение и три стратегические оборонительные операции: в Заполярье и Карелии, Ленинградскую и Киевскую.

Решающее значение имело развернувшееся на московском стратегическом направлении Смоленское сражение. Оно проходило в течение двух месяцев (с 10 июля по 10 сентября) в обширном районе — по фронту около 600—650 и глубиной 200—250 км. По своему характеру это сражение представляет собой комплекс взаимосвязанных фронтовых оборонительных и наступательных операций: Смоленская оборонительная, Смоленская наступательная, наступательная на бобруйском направлении, Гомельско-Трубчевская оборонительная и Ельнинская наступательная.

С немецкой стороны в сражении участвовала группа армий «Центр», а с советской — Западный, Центральный, Резервный и Брянский фронты. При этом последовательно развертывались, а по мере подхода сил и включались в боевые действия на правом крыле Западного фронта сначала 22-я и 19-я армии, а затем и 29-я армия, в центре — сначала 20-я, а затем 16-я и наконец 30-я, 24-я и 28-я армии, на левом крыле фронта — 21-я армия. Одновременно в резерв выводились утратившие боеспособность остатки 3-й, 4-й и 10-й армий.

10—11 июля группа армий «Центр» силами танковых войск, не ожидая подхода пехотных дивизий, нанесла мощные удары по крыльям Западного фронта в районе Полоцкого укрепленного района, под Невелем, восточнее Витебска, а затем севернее и южнее Могилева. Форсировав Днепр, противник уже 16 июля захватил большую часть Смоленска. В то же самое время его танковые соединения прорвались к Великим Лукам, Ярцево, Ельне и Рославлю. Дальнейшее их продвижение задержали только что введенные в сражение резервные армии. А на бобруйском и гомельском направлениях советским войскам удалось даже отбросить немецкие дивизии, вырвав-

шиеся к Днепру, освободить, правда на короткое время, Рогачев и Жлобин. Здесь развернулись ожесточенные бои.

Между тем Ставка Верховного Командования, преобразованная 10 июля из Ставки Главного Командования, успешно наращивала глубину обороны. 14 июля в тылу Западного фронта создается фронт резервных армий в составе 6 объединений (30 июля он будет преобразован в Резервный фронт) с задачей перейти к обороне на рубеже Старая Русса—Осташков—Белый—Ельня—Брянск. Еще через 4 дня на западных подступах к Москве создается фронт Можайской линии обороны в составе трех армий. А 24 июля из части сил Западного фронта на гомельском направлении выделяется Центральный фронт в составе двух армий.

В связи с возросшим сопротивлением советских войск командование вермахта вынуждено было 30 июля принять решение о временном переходе на московском направлении к обороне и переносе своих основных усилий на север с целью захвата Ленинграда, а на юг — овладения Киевом, разгрома на Правобережной Украине войск Юго-Западного и Южного фронтов и подготовки условий для последующего наступления на Донбасс. Для этого часть сил 3-й танковой группы была перенацелена с западного направления на северо-запад, а для удара с севера, в тыл гомельской и киевской группировок советских войск, перегруппированы 2-я танковая группа и 2-я полевая армия из группы армий «Центр».

К сожалению, эти изменения в замысле противника не сразу были вскрыты советским командованием. Поэтому оно, находясь в полной уверенности в том, что вермахт по-прежнему нацеливает все силы для наступления на столицу, но не лобовым ударом, а обходным маневром, Ставка ВГК, заботилась, как и до того, в основном об укреплении обороны на московском направлении, сохранении в своих руках великолукского и гомельского выступов, а также о продолжении частных наступательных операций против главных сил группы армий «Центр». В то же время, меры по ликвидации угрозы, нависавшей над правым крылом Юго-Западного и левым крылом Северо-Западного фронтов принимались нерешительно и с большим опозданием.

В конце июля и в течение всего августа Западный, Центральный, а затем и Резервный фронты предпринимали настоячивые попытки возвратит Смоленск, пробиться к Рославлю, Быхову и ликвидировать опасный ельнинский выступ, что юго-восточнее Смоленска. Даже ввод в сражение 29, 30, 24 и 28-й армий положения не изменил. А причина была в том, что наносились разрозненные удары, которые не могли принести успеха. Более того, в конце июля противнику удалось восточнее Смоленска окружить 16-ю и 20-ю армии Западного фронта. Лишь через 8—9 дней остатки этих армий едва вырвались из окружения.

В первых числах сентября Западный, Резервный и Брянский (развернутый с середины августа для прикрытия брянского направления) фронты силами семи армий предприняли еще одно наступление северо-восточнее Смоленска, в районе Ельни и западнее Брянска. Однако реального успеха добилась одна 24-я армия Резервного фронта, вынудившая ельнинскую группировку врага отойти. На других участках операция развития не получила. С 10 сентября на всем западном направлении фронты перешли к обороне. Смоленское сражение закончилось. Главный его итог в том, что советские войска на длительное время сковали крупные силы врага, а благодаря этому удалось укрепить оборону Москвы.

Совершенно иной характер приобрели стратегические оборонительные операции на северо-западном и юго-западном стратегических направлениях.

Ленинградская стратегическая оборонительная операция началась с 10 июля, когда войска группы армий «Север» вышли на подступы к Таллину и, прорвав оборону советских войск юго-восточнее Пскова, развернули наступление на Лугу и Новгород. К участию в операции были привлечены войска Северного (с 23 августа —

Ленинградского) и Северо-Западного фронтов, а также 52-я отдельная армия и силы Балтийского флота. Попытки немецких войск с ходу прорвать Лужскую линию обороны были сорваны упорным сопротивлением, фронтальными и фланговыми контр-ударами советских войск. С 19 июля противник был вынужден приостановить наступление.

Возобновилось оно лишь в начале августа. На этот раз немецкие войска, расчленив 8-ю армию Северного фронта, прорвались к Финскому заливу, блокировали Таллин, а затем с трех направлений предприняли повторное наступление на Ленинград. В последних числах августа они овладели Новгородом и Таллином, прорвались к Красногвардейску и, наконец, вышли на близкие подступы к Ленинграду.

Третье наступление на Ленинград началось 8—9 сентября. После ожесточенных боев, продолжавшихся до 18 сентября, противник захватил на юго-западных подступах к г. Урицк и блокировал часть сил 8-й армии на Ораниенбаумском плацдарме. На юге он вышел к внешнему городскому оборонительному рубежу в районе Пулково, а восточнее Ленинграда прорвался к Ладожскому озеру и овладел Шлисельбургом. Ленинград оказался в кольце блокады. Началась героическая 900-дневная борьба ленинградцев в блокированном городе.

Еще более сложной и тяжелой для советских войск явилась Киевская стратегическая оборонительная операция. Более двух месяцев войска Юго-Западного фронта удерживали Киев. Неоднократные попытки противника взять его лобовым ударом с запада были отражены. Однако в конце июля группа армий «Юг» силами 1-й танковой группы нанесла сильный охватывающий удар вдоль правого берега Днепра на Первомайск. Одновременно немцы предприняли с запада и с рубежа р. Днестр наступление на Первомайск и Одессу. В результате, несмотря на нанесенные контрудары, две советские армии (6-я и 12-я) были окружены и уничтожены в районе Умани, а еще одна (9-я) расчленена и прижата к морю в районе Одессы. В последующем с захваченного в районе Кременчуга на левом берегу Днепра плацдарма противник своей 1-й танковой группой с юга нанес удар в обход киевской группировки советских войск. Но главная угроза для нее возникла в это время на севере.

Перешедшие в наступление 8 августа с рубежа Быхов—Рославль на юг 2-я полевая армия и 2-я танковая группа прорвали оборону сначала Центрального, потом Брянского фронтов, захватили Гомель и Конотоп, а затем, через образовавшуюся 120-километровую брешь, прорвались в тыл правофланговой армией Юго-Западного фронта. Командования фронта и Юго-Западного направления попытались было вывести эту группировку из-под удара и высвободить силы для закрытия бреши за счет оставления Киева, но их разумное решение было в самой категорической форме отвергнуто Сталиным. Последствия оказались катастрофическими.

15 сентября 1-я и 2-я танковые группы противника соединились в районе Лоховице. В результате оказавшиеся в окружении 4 армии Юго-Западного фронта были расчленены и вскоре разбиты. А это означало, что все южное крыло советско-германского фронта фактически развалилось. Только за счет огромных усилий удалось восстановить организованный оборонительный фронт. Три месяца держалась оборона Одессы. Но севернее группа армий «Юг», развивая успех, прорвалась к Донбассу и Крыму.

В целом обстановка и ход борьбы для советских Вооруженных Сил с середины июля до конца сентября 1941 г. складывались неблагоприятно. Советские войска, ослабленные в предыдущих оборонительных сражениях, испытывая острый недостаток в оружии, военной технике и боеприпасах, сдерживали натиск врага ценой больших усилий, людских и материальных затрат. Они за это время потеряли свыше 1 400 тыс. человек, 3 797 танков, более 48 тыс. орудий и минометов, свыше 3 тыс. самолетов⁸⁸. Противнику удалось продвинуться на восток еще на 240—300 км. Вме-

сте с тем, он понес значительные потери и ни на одном из стратегических направлений не мог достичь полностью намеченных им целей. К концу сентября войска вермахта потеряли свыше 552 тыс. человек, или 16,7% от первоначальной их численности. Было сбито 1 603 и повреждено 1 028 немецких самолетов. Однако численное превосходство оставалось по-прежнему на стороне врага: в людях — в 1,3 раза, в орудиях и минометах — в 1,9 раза, в самолетах — в 2,1 раза⁸⁹.

На третьем, заключительном этапе летне-осенней оборонительной кампании 1941 г. советское командование основные усилия сосредоточило на западном направлении и стремилось защитить столицу страны, а также отстоять Донбасс и Крым, удержать Ленинград и подготовить условия для перехода в контрнаступление. С 29 сентября по 5 декабря советские войска провели две стратегические оборонительные операции — Московскую и Донбасско-Ростовскую. Важнейшей и решающей явилась Московская, в ходе которой войска Западного, Калининского, Резервного и Брянского фронтов провели шесть фронтовых оборонительных операций, отразив два наступления немецко-фашистских войск на Москву.

30 сентября — 2 октября командование вермахта, перегруппировав на московское направление крупные силы, в том числе 8 механизированных корпусов, а всего около 80 дивизий, приступило к давно готовившейся операции «Тайфун». Тремя ударными группировками противник прорвал оборону советских войск восточнее Духовщины, Рославля и Шостки и, развивая успех по сходящимся направлениям, через несколько дней окружил в районе Вязмы 4 армии Западного и Резервного фронтов, а южнее Брянска — 2 армии Брянского фронта. Уже к 10—12 октября были взяты Ржев, Гжатск, Орел, затем Калинин и Калуга. Путь на Москву оказался открыт.

Чтобы восстановить нарушенный фронт, Ставка ВГК (стала именоваться так с 8 августа) начала спешно стягивать на Можайскую линию обороны все, что у нее имелось. Сюда же отходили вырвавшиеся из окружения соединения, части и отдельные группы Западного и Резервного фронтов. 10 сентября войска этих фронтов были объединены в один Западный. На непосредственных подступах к столице была восстановлена 16-я армия, из войск Можайской линии образована 5-я армия, а южнее развернуты 43-я и 49-я армии, в районе Тулы — 50-я армия. Началось строительство оборонительных рубежей, опоясывавших Москву. 20 октября в городе было объявлено осадное положение. Эти и другие чрезвычайные меры позволили задержать противника, а затем к концу октября после ожесточенных боев под Калинин (из войск правого крыла Западного фронта там был образован Калининский фронт), Волоколамском, Можайском, Малоярославцем и Мценском остановить врага восточнее Калинина, в 60—80 км западнее Москвы, и в районе Тулы.

Однако положение оставалось опасным. 15—16 ноября, после двухнедельной паузы, противник начал второе наступление на Москву, охватывая ее с севера и в обход Тулы — с юга. В начале декабря он был на ближних подступах к столице. Но упорным сопротивлением советские войска остановили врага, а затем, начавшимся контрнаступлением Западного и Калининского фронтов, Москва была спасена.

Одновременно с Московской стратегической оборонительной операцией на юго-западном и южном направлениях проводилась Донбасско-Ростовская оборонительная операция. В ходе ее советские войска не смогли удержать занимаемые рубежи. Противник захватил Харьков, Донбасс, Крым, блокировал Севастополь, ворвался в Ростов. Но и здесь поставленной цели — развить наступление на Кавказ — он не достиг.

Таким образом, в летне-осенней кампании 1941 г. все стратегические оборонительные операции развивались весьма неблагоприятно и неудачно для советских Вооруженных Сил. Но тем не менее ни в одной из них, несмотря на блестящие, ка-

залось бы, успехи противника он ни разу не достиг тех результатов, на которые рассчитывал. Германский вермахт к началу зимы 1941/1942 г., когда намечалось победоносно закончить войну с СССР, был далек от намеченных целей и не имел сил для ведения крупных наступательных действий на Восточном фронте. Это свидетельствовало о провале гитлеровской стратегии блицкрига. В поисках выхода из создавшегося положения немецко-фашистскому командованию пришлось пересмотреть последовательность проведения операций на всем Восточном фронте, а это повлекло за собой новые потери в войсках, а главное — потерю времени.

В летне-осенней оборонительной кампании 1942 г. советские Вооруженные Силы вели стратегические оборонительные операции только на южном крыле советско-германского фронта. Как и в 1941 г., они развивались неблагоприятно для советских войск, ибо сопровождалась большими потерями и глубоким (на 600—1 200 км) отходом. Одна из главных причин этого заключалась в переоценке советским Верховным Главнокомандованием результатов стратегического наступления зимой 1941/1942 г., неверном представлении о возможностях и характере предстоящих действий противника и в связи с этим ошибочном планировании операции на весну и лето 1942 г.

Непосредственно в ходе кампании вооруженная борьба развертывалась в столкновении двух стратегических планов.

Стратегический наступательный план германского командования содержался в директиве Гитлера № 41, подписанной им в апреле 1942 г. Он заключался в организации и проведении на южном крыле Восточного фронта ряда последовательных наступательных операций с целью разгрома советских войск западнее Дона, выхода к Волге в районе Сталинграда, овладения нефтеносными районами Кавказа и коммуникациями, которые ведут через Кавказ в Иран. Одновременно предполагалось захватить Ленинград и Севастополь.

После того как закончились провалом частные наступательные операции в Донбассе и Крыму, советский стратегический оборонительный план состоял в том, чтобы, сохраняя крупную группировку войск на московском направлении, остановить наступление противника, удержать Сталинград и Кавказ, а за счет выигранного времени создать условия для подготовки контрнаступления.

В ходе кампании советские войска провели три стратегические оборонительные операции: Воронежско-Ворошиловградскую, Сталинградскую и Северо-Кавказскую. Первая началась 28 июня с целью отражения наступления основных сил группы армий «Юг» на Воронеж. Ослабленные в предыдущих тяжелых боях и не успевшие закрепиться на оборонительных рубежах, войска левого крыла Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов не сумели удержать занимаемые позиции. Противник прорвал их оборону сначала севернее, а затем и южнее Старого Оскола, окружил и уничтожил часть сил двух армий и 4—6 июля вышел к Воронежу. Чтобы ликвидировать прорыв, Ставка ВГК перебросила на это направление 2 общевойсковые и 1 танковую армии, а также 3 танковых корпуса. Для того чтобы закрыть образовавшийся между Брянским и Юго-Западным фронтами разрыв, был развернут Воронежский фронт. Это позволило остановить противника, но не могло изменить общую неблагоприятную для советских войск обстановку. С 7 июля немецко-фашистские войска развернули наступление на юго-восток, вдоль Дона, с намерением выйти в тыл основным силам Юго-Западного и Южного фронтов. Ставке ВГК пришлось принять решение на их отвод за Дон и к Ростову. Противник захватил Донбасс, форсировал Дон в его нижнем течении и создал прямую угрозу Сталинграду и Северному Кавказу.

Сталинградская и Северо-Кавказская стратегические оборонительные операции проводились почти одновременно (первая началась 17 июля, а вторая — 25 июля). В

ходе их для советских войск не раз создавалась кризисная обстановка, но в отличие от 1941 г., они, ведя маневренную оборону, своевременно выводили свои основные силы из-под удара вражеских войск. Противнику так и не удалось окружить главные группировки Юго-Западного и Южного фронтов.

В таких условиях германскому командованию неоднократно приходилось менять свои планы. Вначале главные усилия своих войск оно сосредоточило на сталинградском направлении с расчетом последующего их поворота на Кавказ. А начиная с 18 июля основные силы 1-й и 4-й танковых армий были брошены в обход Ростова. Однако уже 23 июля обе танковые армии были перенацелены на Кавказ. Неделей позже им была поставлена новая задача: одновременно овладеть Сталинградом и Кавказом. Причем на каждое направление были нацелены примерно одинаковые силы.

Особо напряженный характер приобрели боевые действия по отражению наступления противника на Сталинград. Они велись войсками Сталинградского (Донского) и Юго-Восточного (Сталинградского) фронтов на протяжении 125 суток в полосе шириной 250—520 км при глубине отхода советских войск на 150 км. Со второй половины июля развернулись сражения на дальних подступах к Сталинграду, с середины августа — на ближних подступах к городу, и, наконец, в сентябре — непосредственно в самом Сталинграде. Несмотря на неоднократные штурмы, врагу не удалось завершить захват города. Напротив, завязнув в Сталинграде, войска групп армий «Б» оказались растянутыми на огромном фронте. Имея ослабленные фланги, они попали в опасное положение.

На кавказском направлении наступление группы «А» отражали войска Южного (до 28 июля 1942 г.), Северо-Кавказского и Закавказского фронтов при содействии сил Черноморского флота и Азовской военной флотилии. В течение 160 суток в полосе шириной 320—1000 км они провели 7 фронтовых оборонительных операций. Советские войска вынуждены были отойти на 400—800 км, оставить Новороссийск, Тамань, Кубань, большую часть Северного Кавказа. В конце концов, они были отброшены к перевалам Главного Кавказского хребта и р. Терек, но все же они отразили все попытки врага прорваться к Баку и в Закавказье.

Таким образом, и в данном случае стратегические оборонительные операции советских Вооруженных Сил, несмотря на серьезные поражения, привели к срыву наступления противника, который перешел к обороне на всем фронте, истощению его ударных группировок, изменению соотношения сил и созданию предпосылок для перехода в контрнаступление.

В летне-осенней кампании 1943 г. особое место заняла Курская стратегическая оборонительная операция, проведенная войсками Центрального, Воронежского и Степного фронтов. Продолжалась она 19 суток — с 5 по 23 июля, причем лишь на одном центральном участке советско-германского фронта в полосе шириной 550 км и при глубине отхода советских войск на 12—35 км. Но по своему влиянию на весь последующий ход военных событий роль ее трудно переоценить. К тому же по своему характеру, условиям и способам действий советских войск эта операция принципиально отличается от всех предыдущих стратегических оборонительных операций.

Прежде всего следует отметить, что в данном случае стратегическая оборона организовывалась не вынужденно, а преднамеренно. Советские войска имели реальную возможность предупредить противника в своих действиях и первыми начать стратегическое наступление. Однако ввиду того, что на Курском выступе он также готовил удар мощными танковыми группировками, советское командование признало более целесообразным временно перейти к стратегической обороне, чтобы встретить врага на подготовленных рубежах, в оборонительных сражениях измотать и обескровить его ударные группировки, а затем, введя свежие резервы, перейти в

решительное контрнаступление, а потом и в общем стратегическое наступление. Во-вторых, советские войска создали самую развитую и мощную за всю войну систему глубоко эшелонированной обороны. Причем они имели значительное преимущество над противником в силах и средствах, а главное — еще до начала операции располагали всем составом необходимых сил не только для обороны, но и для последующего перехода в контрнаступление. В-третьих, оборонительной операции впервые предшествовали крупные воздушные и противовоздушные операции, велась активная борьба за завоевание господства в воздухе.

Наконец, начиная наступление, противник рассчитывал не на внезапность, как обычно, а на мощь своего первого удара, так как направления его ударов были хорошо известны советскому командованию. Тем не менее, даже в таких условиях оборонительная операция потребовала от советских войск огромного напряжения. Обе стороны с самого ее начала стремились упредить друг друга в наращивании сил. Уже в борьбе за тактическую зону были использованы не только армейские и фронтовые, но частично и стратегические резервы.

Немецкие войска пытались узким «клином» пробиться к Курску. Кульминационным пунктом стали крупнейшие танковые сражения на северном фесе Курской дуги, в районе Поньрей, и на южном фесе — в районе Прохоровки. Неблагоприятный для немецкой стороны исход, а также внезапный переход в наступление советских войск на орловском плацдарме вынудили командование вермахта уже 13 июля отдать приказ о прекращении наступления и переходе к обороне, а затем и об отходе на исходные рубежи. Это предрешило крах всех планов германского командования не только на летнюю кампанию 1943 г., но и на последующее ведение войны.

Опыт рассмотренных стратегических оборонительных операций позволяет выявить характерные их черты, полнее разобраться в особенностях отечественной оборонительной стратегии в годы Великой Отечественной войны.

На всем ее протяжении стратегическая оборона применялась советскими войсками в неблагоприятной для них обстановке с одной целью — сорвать стратегическое наступление немецкой войск, в основе которого лежало несколько определяющих принципов. Организуя такое наступление, командование вермахта во всех случаях ставило перед собой решительные цели и с большим упорством пыталось добиться их достижения. Как правило, наступление велось в форме крупной операции силами одной или нескольких групп армий на одном или нескольких стратегических направлениях. При этом каждая группа армий решала самостоятельные задачи.

Обычно боевой состав группы армий в наступлении включал 3—5 полевых армий, 40—80 пехотных и танковых дивизий, 1—1,6 тыс. самолетов. Ширина наступления группы армий колебалась от 350 до 1 250 км, глубина продвижения — от 300 до 600 км. Решающая роль в нем отводилась сухопутным войскам и авиации. Главной ударной силой являлись танковые соединения, сведенные в корпуса и танковые группы (армии). Военно-воздушные силы применялись массированно для завоевания и удержания господства в воздухе и непрерывной поддержки наземных войск, особенно танковых группировок. Сосредоточивая превосходящие силы на избранных направлениях, немецко-фашистские войска прорывали оборону на узких участках и развивали стремительное наступление в глубину, имея в первом эшелоне ударных группировок большую часть войск, в том числе почти все танковые соединения. Созданные танковые «клинья» должны были разорвать оборону и глубокими охватывающими ударами взять в «клещи» основные группировки советских войск, окружить и расчленить их. Окончательное уничтожение окруженных сил обычно возлагалось на полевые армии.

В ходе войны, однако, стратегия немецкого наступления постепенно менялась. Цели и задачи стратегических наступательных операций раз от раза ограничивались.

масштабы операций сокращались. Соответственно менялся и характер стратегических оборонительных операций советских войск. Они становились все более активными и динамичными, повышалась устойчивость обороны, создавались необходимые предпосылки для последующего перехода их в контрнаступление. Все это нашло отражение в стратегической оборонительной операции на Курской дуге, там она приобрела классические формы.

Цели стратегических оборонительных операций определялись, как правило, Ставкой ВГК. Обычно они вытекали из общих военно-политических задач войны и преследовали несколько целей: отражение ударов противника на определенном стратегическом направлении; изматывание и истощение его войск, удержание занимаемых рубежей, выигрыш времени и накопление сил для перехода в наступление.

Так, в первых оборонительных операциях начального периода войны основные усилия были направлены на то, чтобы не допустить разгрома основных сил приграничных военных округов, ослабить ударные группировки вражеских войск, выиграть время, необходимое для сосредоточения и развертывания резервов, создать устойчивый стратегический фронт обороны. Осенью 1941 г. основные цели оборонительных операций заключались в том, чтобы не допустить прорыва противника к крупным промышленным и административно-политическим центрам, объектам и рубежам стратегического значения, создать благоприятные условия для нанесения решительного поражения тем ударным группировкам врага, что вторглись в глубь страны. Летом и осенью 1942 г. целями оборонительных операций являлись: не допустить захвата Сталинграда и Кавказа, выиграть время для сосредоточения и развертывания крупных ударных группировок, чтобы затем перейти в решительное контрнаступление. А Курская оборонительная операция должна была преднамеренной обороной измотать и обескровить ударные группировки противника, а затем переходом в контрнаступление завершить их полный разгром.

В ряде операций, особенно в 1941 г., поставленные цели достигались далеко не всегда. Основные причины этого — превосходство противника в силах и средствах, особенно на направлениях его главных ударов, высокая маневренность немецких танковых группировок при неизменной авиационной поддержке, использование противником фактора внезапности, запаздывание советских войск с выходом из наметившегося окружения, как это случилось, например, в оборонительной операции Юго-Западного фронта на Левобережной Украине. В некоторых случаях сыграли свою отрицательную роль неудовлетворительная организация взаимодействия фронтов и слабая обеспеченность их стыков (оборонительные операции Брянского и Юго-Западного фронтов в августе 1941 г. и на воронежском направлении в июле 1942 г.). В последующем основные задачи оборонительных операций выполнялись полнее, а главное — в более короткие сроки.

Война подтвердила, что важнейшими условиями успешного ведения стратегических оборонительных операций являются: своевременное вскрытие стратегического замысла противника и сосредоточение основных усилий на направлениях его главного удара; умелое построение стратегической обороны; вовремя восстановленный стратегический фронт обороны; создание и эффективное использование стратегических резервов; организация тесного взаимодействия между группировками войск на разных стратегических направлениях.

Особое значение имело возможно более раннее установление наступательного плана противника, направления его главного удара и рациональное распределение собственных сил. В 1941 г. истинное направление главного удара врага советское командование определило уже в ходе начавшихся военных действий. Вот и пришлось ему срочно перебрасывать с юго-западного на западное направление крупные силы, что в остродинамичной обстановке, при постоянных ударах авиации против-

ника по коммуникациям заняло слишком много времени. А так как резервы вступали в сражение по частям, противник успел добиться решающих успехов еще до того, как сложилась соответствующая оборонительная группировка советских войск.

Аналогичное положение возникло и в 1942 г., когда, вопреки прогнозам Ставки ВГК, враг нанес главный удар не на западном, а на юго-западном направлении. И вновь в спешном порядке советскому командованию пришлось организовывать перегруппировку войск из-под Москвы и с других направлений сначала под Воронеж, а затем под Сталинград и на Северный Кавказ для локализации образовавшихся брешей. И снова было потеряно много времени, что явилось одной из основных причин глубокого прорыва врага.

Лишь в 1943 г. Ставке ВГК удалось за три месяца безошибочно установить замысел предстоявшего стратегического наступления немецко-фашистских войск и всесторонне подготовиться к отражению их удара. Благодаря этому на Курской дуге, составлявшей 13% всей протяженности советско-германского фронта, советское командование без особого для себя риска заранее сосредоточило около трети личного состава войск и боевых самолетов, почти половину танков и САУ, более четверти орудий и минометов действующей армии⁹⁰. Это и сыграло решающую роль в срыве немецких планов.

Характерная черта стратегических оборонительных операций заключалась не только в их пространственном размахе, но и в значительном количестве участвовавших войск, сил и средств. Это наглядно подтверждают данные таблицы 5 (стр. 315).

Из этого видно, что большинство оборонительных операций проводилось на фронте 450—650 км, при глубине отхода советских войск до 300—600 км и более. Состав войск в ходе операций менялся. Как правило, на первом этапе операций, в связи с потерями, он резко сокращался, но затем, по мере подхода резервов, возрастал.

Почти все стратегические оборонительные операции 1941 г. велись при остром недостатке сил и значительном превосходстве противника. В 1942 г. общее соотношение сил улучшилось, но на главных направлениях противник, как и прежде, еще имел возможность добиваться определенного превосходства в силах и средствах. Чаще всего, на этих направлениях соотношение сил и средств составляло 1,5—1,7:1 по личному составу, 1,5—2,5:1 по артиллерии и 1,5—2,8:1 по танкам. В последующем положение резко изменилось. Начиная с 1943 г. во всех оборонительных операциях как общее превосходство, так и превосходство на направлениях главных ударов обычно сохранялось на стороне советских войск.

Большинство стратегических оборонительных операций представляли собой сложный комплекс разнообразных операций и боевых действий. В их системе обычно проводилось несколько одновременных и последовательных фронтовых и армейских оборонительных операций. Так, Московская стратегическая оборонительная операция состояла из Вяземской, Можайско-Малоярославецкой, Калининской, Орловско-Брянской, Тульской и Клинско-Солнечногорской операций действовавших под Москвой фронтов, т. е. из шести фронтовых операций, объединенных общностью целей Верховного Главнокомандования. Аналогично обстояло дело с Киевской, Ленинградской, Сталинградской и Северо-Кавказской стратегическими оборонительными операциями. В ряде случаев в ходе стратегической обороны проводились также частные наступательные операции с ограниченными целями, велись боевые действия объединений и соединений дальней авиации и Войск противовоздушной обороны страны. Даже в 1941 г. и летом 1942 г., наряду с оборонительными действиями, советские войска провели свыше 50 отдельных наступательных операций армейского масштаба, в ходе которых наносилось поражение отдельным группировкам врага и сковывались его силы⁹¹.

Вынужденная оборона

- ограниченные сроки подготовки под активным воздействием противника
- последовательное удержание выгодных рубежей

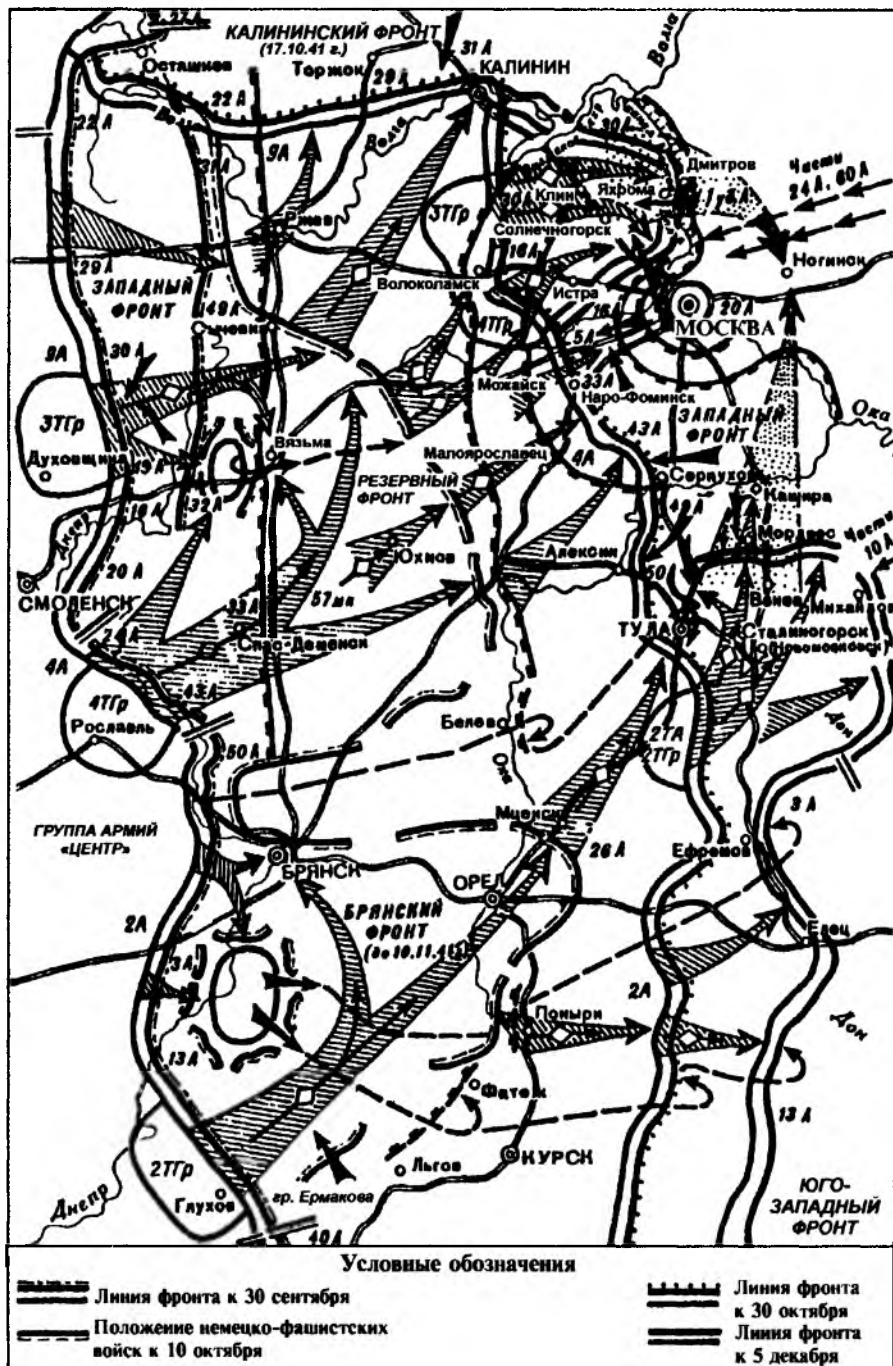

Схема 44. Московская стратегическая оборонительная операция (30 сентября—5 декабря 1941 г.)

В первый период войны практически все стратегические оборонительные операции проводились без предварительной их подготовки. Иначе и не могло быть, поскольку оборона тогда носила вынужденный характер. Во втором периоде чаще всего оборона планировалась заблаговременно еще до начала наступления противника. Обороняющиеся войска, как правило, уже создавали развитую систему оборонительных рубежей и соответствующую группировку сил, что позволяло им в более высокой готовности встречать удары врага.

Коренные изменения в годы войны произошли в построении стратегической обороны. Главная тенденция состояла в повышении ее устойчивости путем увеличения глубины эшелонирования войск, оборонительных позиций, полос и рубежей, совершенствования инженерного оборудования местности. В начале войны из-за острого недостатка сил обороняющиеся войска, как правило, имели неглубокое одноэшелонное построение. Только некоторые группировки развертывались в два эшелона. Многие оборонительные операции начинались при отсутствии стратегических, а иногда и оперативных резервов. Последние обычно формировались уже в ходе отражения наступления противника. Однако уже при ведении приграничных сражений стало очевидным, что без сильных резервов противостоять глубоким ударам мощных танковых группировок врага нельзя. Поэтому при обороне Москвы на западном стратегическом направлении создаются два сильных оперативных эшелона: первый — в составе Западного и Брянского фронтов и второй — в составе Резервного фронта. Однако общая глубина эшелонирования войск все еще оставалась небольшой. Под Москвой, например, она не превышала 40—80 км. Ясно, что такая оборона не могла быть достаточно эффективной и нередко сравнительно легко преодолевалась противником.

В последующие годы глубина эшелонирования оборонительных группировок войск неуклонно возрастала. В 1942 г. она стала составлять 100—120 км, а к лету 1943 г. увеличилась в 2—2,5 раза и на Курской дуге достигла 300 км. Там были созданы сильные вторые эшелоны и резервы в армиях и на фронтах. За фронтами первого эшелона перед началом Курской битвы был развернут Степной фронт в качестве второго эшелона оборонительной группировки советских войск. Все это обеспечило высокую надежность и непреодолимость стратегической обороны.

Исключительно большое значение для повышения ее эффективности имело также увеличение глубины инженерного оборудования местности, создание развитой системы оборонительных полос и рубежей. Уже в 1941 г. развернулось их ускоренное строительство на всех трех стратегических направлениях. Так, 24 июня 1941 г. было принято решение о создании Лужской линии обороны на рубеже по р. Луга от Финского залива до оз. Ильмень, которая должна была прикрыть подступы к Ленинграду с юга. С ее созданием и последующим строительством Красногвардейского укрепленного района и оборонительных рубежей непосредственно на окраинах Ленинграда глубина обороны на ленинградском направлении стала составлять 100—120 км. На следующий день, 25 июня, принимается решение о строительстве на западном направлении стратегического оборонительного рубежа по Западной Двине от Полоцка до Витебска и по Днепру от Орши до Лоева, затем, 29 июня, — о сооружении Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа, и наконец — 18 июля — Можайской линии обороны. В результате, к середине июля глубина стратегической обороны благодаря принимаемым мерам достигла 250—300 км⁹². В августе—сентябре, по мере продвижения противника от Днепра на восток, стратегическая оборона наращивалась созданием Московской зоны обороны, включавшей полосу обеспечения и два оборонительных рубежа: главный (подмосковный) и городской (по окраинам Москвы). Принимались также меры по строительству целой системы тыловых оборонительных рубежей. В частности, в октябре 1941 г. ГКО принял решение о

Преднамеренная оборона

- продолжительная подготовка без активного воздействия противника
- прочное удержание занимаемых рубежей

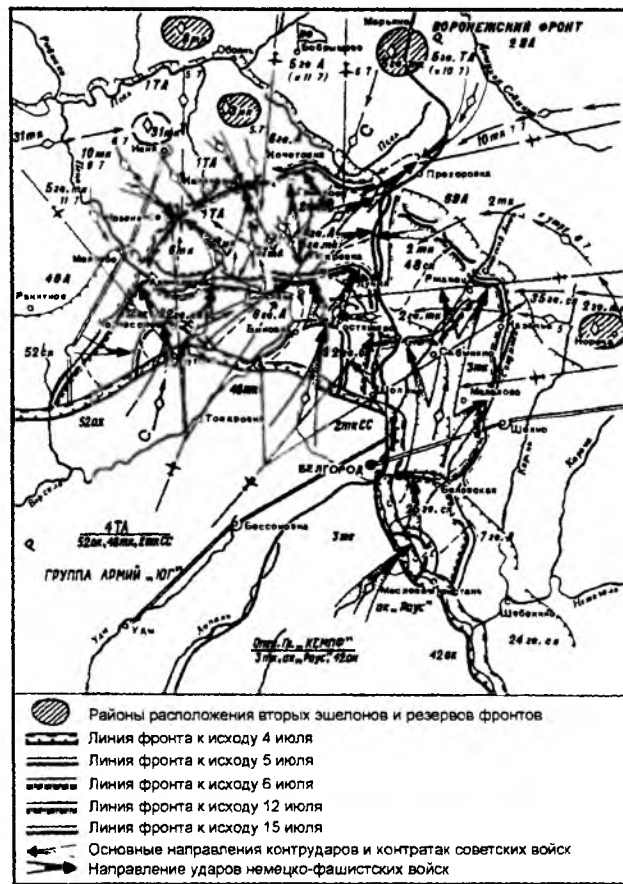

Схема 45. Курская стратегическая оборонительная операция (5—23 июля 1943 г.)

строительстве тылового государственного оборонительного рубежа по восточному берегу Волги с оборонительными обводами вокруг крупных городов — Ярославля, Саратова, Сталинграда, Астрахани. На юго-западном направлении оборонительные полосы и рубежи создавались для прикрытия Киева, Одессы, Севастополя, Донбасса. Их строительство осуществлялось инженерно-саперными частями, а потом саперными армиями и силами местного населения.

Весной 1942 г. развернулись огромные оборонительные работы на курском, воронежском, сталинградском направлениях, а также на Северном Кавказе. Строительство тыловых оборонительных рубежей обеспечивало постоянное наращивание глубины подготовленной в инженерном отношении стратегической обороны. Так, если в 1941 г. на московском направлении (к началу битвы под Москвой) она составляла 250—300 км, то в 1942 г. (на юго-западном направлении) возросла до 600 км⁹³.

К сожалению, подготовку многих оборонительных рубежей не удавалось завершить в срок. При большом объеме работ, отсутствии необходимого опыта и времени постоянно ощущался недостаток строительной техники и материалов, а главное — очень часто в нужный момент не оказывалось войск, чтобы занять уже готовые оборонительные полосы. Только в битве под Курском этого удалось избежать. Здесь впервые глубина тактической зоны обороны достигла 15—20 км. В оперативной зоне на глубину 250—300 км были оборудованы 5—6 оборонительных полос и тыловой оборонительный рубеж. Наконец, на левом берегу Дона был создан государственный рубеж обороны. Первая оборонительная полоса прикрывалась инженерными заграждениями с плотностью до 2 тыс. мин на 1 км фронта, что было в 2—3 раза выше, чем в первом периоде войны. А самое главное — в отличие от лета 1941 и 1942 гг. на направлениях вероятных действий противника первые три полосы на глубину 50—70 км, а также тыловой рубеж были заранее заняты войсками с высокой плотностью сил и средств⁹⁴.

Основным способом ведения стратегических оборонительных операций в годы войны являлось упорное удержание оборонительных рубежей в сочетании с контрударами и частными наступательными операциями.

Большое значение, например, имело упорное удержание советскими войсками днепровского рубежа, крупных городов и военно-морских баз, особенно Брестской крепости, Киева, Одессы, Севастополя, Ленинграда, Сталинграда, Новороссийска и др. Их стойкая оборона позволяла на длительное время сковывать значительные силы противника, наносить им большие потери, срывать планы немецкого командования по развитию наступления.

Аналогичные цели достигались и упорным сопротивлением окруженных группировок войск в том случае, когда они продолжительное время сохраняли боеспособность. На практике, однако, в зависимости от обстановки, принимались различные решения: в одних случаях окруженным войскам приказывалось занять оборону и держаться до последнего; в других — пробиваться из окружения любым путем. Последний способ являлся главным. Так было, например, при окружении противником 3-й и 10-й армий Западного фронта западнее Минска; 6-й и 12-й армий Южного фронта — в районе Умани; 19-й и 20-й армий в районе Смоленска; четырех армий Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы; 3-й и 13-й армий Брянского фронта южнее Брянска. В большинстве из этих случаев удавалось вывести из окружения лишь часть личного состава, как правило без тяжелого вооружения (за исключением Смоленска). Оставшиеся в окружении войска обычно сравнительно быстро теряли боеспособность. Так, окруженная группировка войск западнее Минска сражалась всего в течение 10 суток, в районе Умани — 8—9 суток, западнее Киева — 7—10 суток, в районе Вязьмы — 8 суток.

Особое внимание во всех стратегических оборонительных операциях уделялось обеспечению высокой активности обороны. Контрудары предпринимались при первой же возможности даже в совершенно безвыходной обстановке. В большинстве случаев они наносились по флангам наступающих ударных группировок противника, но в некоторых случаях проводились в лоб или предпринимались и на смежных направлениях, как это было, например, в Смоленском сражении, когда для обеспечения оборонительных действий 19-й и 20-й армий в районе Смоленска был организован короткий удар силами 21-й армии на бобруйском направлении, а затем силами 28-й армии — в районе Рославля.

В ряде случаев из-за недостаточной подготовки такие контрудары не давали ожидаемых результатов. Но очень часто, в том числе в оборонительных операциях 1941 г., они являлись чуть ли не единственным наиболее эффективным средством сковывания сил противника, ослабления его ударных группировок и выигрыша времени для организации обороны на тыловых рубежах. Так, в Сталинградской оборонительной операции контрудары и частные наступательные операции Сталинградского (Донского) фронта в сентябре—октябре 1942 г. заставили немецко-фашистское командование часть войск 6-й полевой армии, а также 3-ю румынскую и 8-ю итальянскую армии развернуть фронтом на север, что ослабило группировку противника, наступавшую непосредственно на Сталинград, а в дальнейшем позволило сохранить плацдармы, с которых советские войска перешли в стратегическое контрнаступление.

Наивысшим проявлением активности являлась оборона советских войск на курском направлении летом 1943 г. Контрудары в полосах Центрального и Воронежского фронтов силами отдельных стрелковых и танковых корпусов и танковой армии были начаты уже в первый день операции. Они продолжались и в последующие дни. Особенно большое значение в срыве наступления немецкого вермахта имел контрудар 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий, вылившийся во встречное танковое сражение в районе Прохоровки в июле 1943 г., в котором участвовало с обеих сторон до 1 200 танков и САУ.

Одной из наиболее сложных и важных проблем стратегической обороны в годы Великой Отечественной войны стало восстановление нарушенного стратегического фронта. Эта задача решалась путем восстановления боеспособности группировок войск, действовавших в полосе прорыва, создания нового стратегического оборонительного рубежа, перегруппировки сил между различными направлениями и участками фронта и, наконец, за счет ввода в сражение стратегических резервов.

Первый опыт восстановления целостности стратегического фронта обороны был получен летом 1941 г. при его прорыве противником на северо-западном и западном направлениях. В результате прорыва противником в конце июня 1941 г. обороны Северо-Западного и Западного фронтов, окружения и разгрома значительной части их сил образовались обширные бреши и создалась угроза его быстрого выхода к Пскову, Витебску, Орше и Могилеву, а затем развития наступления на Ленинград и Москву. Для восстановления стратегического фронта Ставка ГК приняла решение об организации обороны на новом стратегическом оборонительном рубеже, опиравшемся на Псковский и Островский укрепленные районы в полосе Северо-Западного фронта и на реки Западная Двина и Днепр на западном направлении. Удаление этого рубежа от линии соприкосновения советских войск с противником на 150—200 км позволяло выиграть по крайней мере 10—15 суток для организации обороны в глубине.

Другая задача состояла в том, чтобы изыскать для этого необходимые силы — и эта задача в основном была решена. Только в период с 27 июня по 10 июля

Таблица 5
Размах некоторых стратегических оборонительных операций советских войск в первом и втором периодах войны⁹⁵

Операции	Число фронтов	Силы и средства к началу операции					Глубина отхода войск км	Ширина полосы обороны км	Продолжительность операции суток	Число дивизий бригад, переброшенных на усиление фронтов*
		дивизии (расчетные)	личный состав тыс. чел	орудия и минометы шт.	танки и САУ шт.	самолеты шт.				
Ленинградская (10.07—30.09.1941)	2	49	517	5000	700	155	270—300	450	83	20
Смоленская (10.07—10.09.1941)	4	70	581	6900	1090	380	250	650	63	59/2**
Киевская (10.07—26.09.1941)	1	51	627	9200	260	750	600	300	82	28/4
Московская (30.09—05.12.1941)	4	104	1250	7600	990	677	250—300	700—1100	67	34/40
Сталинградская (17.07—18.11.1942)	3	48	547	2200	400	454	150	520	125	56/33
Курская (05.07—23.07.1943)	3	94	1336	19100	3444	2172	12—35	550	19	31/1

Таблица 6
Размах и результаты наступательных кампаний Великой Отечественной войны⁹⁶

Кампании	Общая протяженность фронта км	Ширина фронта наступления км	Число фронтов в действующей армии	Число фронтов, участвовавших в наступлении	Глубина наступления км	Число уничтоженных дивизий	Число разгромленных дивизий
Зимняя 1941/42	св. 4000	до 2000	10	9	150—400	—	50
Зимняя 1942/43	6100	3000	12	11	300—700	32	68
Летне-осен. 1943	4300	2000	12	9	300—600	24	94
Зимне-весен. 1944	4400	2500	11	10	300—500	33	142
Летне-осен. 1944	4500	4500	11	11	600—1100	108	230
1945 г. в Европе	2200	2100	10	9	800	98	149***

* При подсчете две бригады приравнены к одной дивизии.

** дивизии/бригады

*** 56 дивизий были пленены и 93 дивизии капитулировали в связи с окончанием войны.

Ставка ГК передала из своего резерва в состав Западного фронта 5 общевойсковых армий (36 дивизий). Позднее с целью создания крупной стратегической группировки сюда дополнительно было направлено 13 общевойсковых армий (104 дивизии и 33 бригады). Таким же путем была достигнута стабилизация фронта на северо-западном и юго-западном направлениях, куда было направлено более 140 стрелковых дивизий и 50 стрелковых бригад⁹⁷.

Еще большие усилия потребовались при вторичном восстановлении прорванно-го стратегического фронта на западном (московском) направлении в октябре 1941 г. Всего из резерва Ставки ВГК и с других участков фронта в ходе летне-осенней кампании 1941 г. на это направление были перегруппированы 150 стрелковых дивизий и 44 стрелковых бригады⁹⁸.

Восстановление группировки войск на новых оборонительных рубежах осуществлялось по-разному. На подступах к Москве, например, в октябре 1941 г. на Можайскую линию обороны выдвигались в основном резервы, а отходившие войска сосредоточивались за ними, приводились в порядок, затем снова вводились в первую линию. В противоположность этому, на Украине, после крушения Юго-Западного фронта, для прикрытия Донбасса отошедшие войска сразу занимали оборону в непосредственном соприкосновении с противником, сюда же последовательно выдвигались и подходящие резервы. Часть небоеспособных дивизий направлялась в тыл, где они доукомплектовывались и переформировывались. Таким путем на Западном фронте было восстановлено 23, а на Юго-Западном — 27 дивизий.

Принципиально иной характер приняло восстановление стратегического фронта в летне-осенней кампании 1942 г. Попытка восстановить стратегическую оборону силами первого стратегического эшелона с использованием трех армий из резерва Ставки на рубеже Вешенская, Миллерово, Ростов закончилась неудачно в связи с запозданием отвода на него войск Юго-Западного фронта. Прорыв противником этого рубежа и форсирование Дона в нижнем течении привели к возникновению в стратегической обороне советских войск бреши шириной до 500, глубиной 150—400 км, которая быстро расширялась в направлении Сталинграда и Северного Кавказа. В сложившейся обстановке было принято решение о создании нового стратегического рубежа обороны по р. Дон в его среднем течении, и далее по линии Сталинград—Астрахань—Большой Кавказский хребет с развертыванием на нем войск резервных армий, заблаговременно подготовленных Ставкой ВГК, а также отдельных дивизий, перебрасывавшихся с Дальнего Востока.

Большую роль в стабилизации восстанавливаемого стратегического фронта обороны на этом направлении сыграли также предпринятые советскими войсками частные наступательные операции на других участках советско-германского фронта. Их проведение сковало действия противника на северо-западном направлении и под Москвой, лишило его возможности отсюда перебрасывать свои силы под Сталинград и на Кавказ. Это сыграло также немаловажную роль в подготовке благоприятных условий для перехода советских войск осенью 1942 г. в контрнаступление.

В стратегической оборонительной операции под Курском проблема восстановления нарушенного стратегического фронта уже не стояла. Не возникала она и в последующих оборонительных операциях, проводившихся осенью 1943 г. под Кривым Рогом и в районе Житомира, в 1944 г. в районе Проскурова и на Сандомирском плацдарме, наконец, в 1945 г., у оз. Балатон. Эти операции, как правило, не выходили из оперативных рамок и носили кратковременный характер. Однако и в этих операциях был накоплен полезный опыт, особенно в ведении борьбы с сильными танковыми группировками врага.

5. Стратегическое наступление

Великая Отечественная война полностью подтвердила основное положение советской военной науки о том, что только в результате решительного наступления можно одержать победу в войне. Стратегическое наступление являлось основным и решающим видом действий советских Вооруженных Сил. Из девяти военных кампаний в семи велось стратегическое наступление. По времени они составляли более 70% всей продолжительности военных действий против Германии и милитаристской Японии. Советские войска приобрели опыт ведения наступления во все возрастающих масштабах, при разнообразных военно-политических и стратегических условиях, различном соотношении в силах и средствах.

Начиная со второго периода войны, отечественная военная стратегия вышла, по существу, на новый, более высокий уровень планирования, организации и проведения не только отдельных операций, но и наступательных военных кампаний, представлявших собой целую систему взаимосвязанных и подчиненных общей цели стратегических операций и действий всех видов Вооруженных Сил. Одновременно развивались формы и способы стратегических наступательных операций. Они становились все более масштабными, динамичными и результативными.

Эту тенденцию можно четко проследить по данным таблицы № 6.

Зимняя кампания 1941/1942 г. явилась первой наступательной военной кампанией советских войск. В ее ходе они провели пять стратегических наступательных операций: Московскую, Тихвинскую, Ростовскую, Ржевско-Вяземскую, Керченско-Феодосийскую десантную, а также ряд отдельных фронтовых наступательных операций.

Проводилась она в два этапа. Основу первого составили контрнаступательные операции под Москвой, Тихвином и Ростовом. Вначале советским войскам удалось захватить стратегическую инициативу на флангах. 10 ноября 1941 г. в контрнаступление перешли 54-я армия Ленинградского фронта и Новгородская армейская группа Северо-Западного фронта. Затем в операцию включился Волховский фронт. Овладев Тихвином и нанеся поражение пробивавшейся на соединение с финнами тихвинской группировке войск группы армий «Север», они, с одной стороны, ликвидировали угрозу двойного окружения Ленинграда, а с другой — создали условия для развертывания наступления на северо-западном направлении и перехода в контрнаступление под Москвой. Спустя несколько дней в контрнаступление перешли войска Южного фронта. Разбив прорвавшиеся к Ростову танковые дивизии 1-й танковой армии группы армий «Юг», они отбросили противника на 60—80 км к западу, а следовательно, и опасность прорыва немецких войск на Кавказ была ликвидирована.

Тем временем главные события развертывались на московском направлении. Правда, этому предшествовали важные изменения в обстановке: к началу декабря Ставка ВГК заканчивала формирование 11 армий, 5 из которых были направлены на западное направление. Свою роль сыграло и то, что группа армий «Центр», которая понесла большие потери, израсходовала все свои резервы, уже была не в состоянии продолжать наступление, и вместе с тем, еще не создала оборонительной группировки войск. Воспользовавшись этим, войска Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов, не дожидаясь, пока придут все резервы, перешли в контрнаступление севернее и южнее Москвы.

Фланговыми ударами на Волоколамск, Калугу, Сталиногорск и Елец противник уже через несколько дней был отброшен на 30—60 км от столицы. Более того, он оказался вынужденным начать отход на всем центральном участке фронта. 18 декабря в контрнаступление перешел Брянский фронт, вновь образованный на стыке Западного и Юго-Западного фронтов. Это позволило усилить нажим на фланги

группы армий «Центр» и создать реальную угрозу ее окружения. К началу января враг был отеснен на 100—250 км. Его главные ударные группировки потерпели первое крупное поражение. Такого с войсками вермахта еще не случалось с начала второй мировой войны. Москва и весь Московский промышленный район избавились от смертельной угрозы, а кроме того, были созданы условия для перехода советских Вооруженных Сил в общее наступление.

В январе—апреле 1942 г., т. е. на втором этапе кампании, наступательные операции велись на всех основных стратегических направлениях. Важнейшей из них была Ржевско-Вяземская стратегическая операция, которую проводили сообща Западный и Калининский фронты. В ходе ее противнику было нанесено еще одно серьезное поражение: основные силы группы армий «Центр» были охвачены с северо-запада, востока и юга и поставлены в невыгодное оперативное положение.

Тогда же крупного успеха советские войска достигли на северо-западном направлении. Разбив южное крыло группы армий «Север», они вышли к Старой Руссе и Велижу, на подступы к Витебску и Смоленску. В это же время на юго-западном направлении в результате Барвенково-Лозовской наступательной операции южнее Харькова был образован оперативный выступ, открывавший путь в Донбасс, а на юге, в результате Керченско-Феодосийской десантной операции, освобожден Керченский полуостров и создан оперативный плацдарм в Крыму.

Словом, при довольно ограниченном составе сил 9 из 10 советских фронтов добились весомых стратегических результатов. Пусть хотя бы и временно, но советские войска захватили стратегическую инициативу. Всем главным ударным группировкам противника был нанесен ощутимый урон: более 50 его дивизий утратили боеспособность. На фронте около 2 тыс. км (почти 50% общей протяженности советско-германского фронта) враг был отброшен на 150—400 км. Его попытки удержать важные рубежи для организации нового наступления провалились. Фашистская Германия была поставлена перед неизбежностью затяжной войны, к которой она не была готова. На моральном состоянии ее армии и населения заметно сказались поражения и тяжелые потери. Успехи советских войск оказали большое влияние на сплочение антифашистских сил и способствовали подъему освободительного движения на оккупированных территориях. Тем не менее, первое зимнее наступление осталось незавершенным. Причина в недостатке подвижных войск, неоправданном распылении усилий на многих направлениях, плохо организованном вводе резервов в сражение и других просчетах. Ни на одном из направлений не удалось окружить и уничтожить главные группировки противника, не говоря уже о прорыве блокады Ленинграда. Не получило своего развития наступление в Донбассе и Крыму. В таких условиях требовалась очень внимательная оценка обстановки и тщательная подготовка последующих операций. К сожалению, этого не произошло, и весной 1942 г. противник вновь захватил стратегическую инициативу.

Вторая наступательная военная кампания была проведена зимой 1942/1943 гг. Так же, как и кампания первой военной зимы, она включала два этапа и проводилась после отражения мощного стратегического наступления противника. Но имелись и отличия от контр наступления под Москвой. Она готовилась заблаговременно, в течение длительного времени и проходила в более благоприятной обстановке, при примерно равном, но постоянно изменявшемся в пользу советских войск соотношении сил и средств и при последовательном расширении фронта стратегического наступления.

В рамках этой кампании советские войска провели четыре стратегические наступательные операции: Сталинградскую, Воронежско-Харьковскую, по прорыву блокады Ленинграда и Северо-Кавказскую, а также ряд самостоятельных фронтовых (групп фронтов) операций с частными задачами. Кампания началась с перехода

Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов в контрнаступление, в результате которого была окружена 330-тысячная сталинградская группировка противника, разгромлены румынские и немецко-итальянские войска на Среднем Дону и сорвана попытка его деблокирующего удара. Затем, на втором этапе, в ходе ряда последовательных операций было нанесено поражение немецким и венгерским войскам на Верхнем Дону, ликвидирована окруженная группировка противника в районе Сталинграда, разгромлены острогожско-россошанская и воронежско-касторненская его группировки, освобождена большая часть Северного Кавказа. Развивая успех, советские войска освободили Курск и Харьков, вышли на подступы к Днепру. Но в результате мощного немецкого контрнаступления в Донбассе и под Харьковом и резкого ослабления наступательных возможностей советских войска они были отброшены в этих районах на 100—120 км и опять были вынуждены перейти к обороне.

Несмотря на это, стратегическое наступление советских войска в зимней кампании 1942/1943 гг. имело огромное значение. Оно привело к резкому изменению обстановки на всем советско-германском фронте, положило начало коренному перелому в Великой Отечественной и во всей второй мировой войне. Противник понес огромные потери: 1 700 тыс. человек, свыше 3,5 тыс. танков, 24 тыс. орудий и минометов, 4,3 тыс. боевых самолетов⁹⁹. Впервые удалось окружить и уничтожить ряд его крупных группировок. Почти 100 немецких, румынских, итальянских и венгерских дивизий были разбиты. На центральном, юго-западном и южном направлениях враг был отброшен на 300—700 км к западу. На северо-западном и западном направлениях была прорвана блокада Ленинграда, разгромлена группировка врага в районе Великих Лук, ликвидированы демянский и ржевско-вяземский плацдармы. Началось изгнание захватчиков с оккупированных советских территорий.

После оперативной паузы и отражения третьего стратегического наступления вермахта под Курском летом и осенью 1943 г. советские войска провели восемь стратегических наступательных операций. Важнейшими из них были Орловская, Белгородско-Харьковская, Донбасская, Смоленская и Киевская. С августа по ноябрь 1943 г. наступление велось на фронте протяженностью свыше 2 тыс. км. В нем участвовали 9 из 12 советских фронтов. Общая глубина продвижения войска составила от 300 до 600 км.

В ходе наступления советские войска нанесли серьезное поражение группам армий «Центр» и «Юг», освободили Донбасс, Левобережную Украину и Таманский п-ов, а также такие крупные города, как Орел, Харьков, Белгород, Смоленск, Гомель, Полтаву, Днепрпетровск и Киев. На 750-километровом участке они форсировали Днепр и прорвали так называемый «Восточный Вал», с помощью которого противник рассчитывал стабилизировать фронт. Тем самым был завершен коренной перелом в войне. В ходе кампании советские войска разгромили 118 дивизий врага, иными словами, до половины всех сил вермахта, сосредоточенных на советско-германском фронте к началу лета 1943 г.

И хотя германское командование в конце ноября и начале декабря еще раз попыталось нанести мощные контрудары с целью ликвидации захваченных советскими войсками на Днепре плацдармов и возврата Киева, своей цели оно не достигло. С этого времени и вплоть до конца войны советские Вооруженные Силы прочно удерживали стратегическую инициативу.

В зимне-весенней наступательной кампании 1944 г. стратегическое наступление велось главным образом на северо-западном, юго-западном и южном участках советско-германского фронта. Были проведены ряд отдельных фронтовых, три крупных стратегических наступательных операции: Днепровско-Карпатская, Ленинградско-Новгородская и Крымская. В них участвовали 10 фронтов, отдельная Примор-

ская армия, силы Балтийского и Черноморского флотов, а также Азовской военной флотилии.

В ходе их была полностью снята блокада Ленинграда, освобождены Правобережная Украина и Крым, включая стратегически важные порты и военно-морские базы на Черном море — Севастополь, Одесса, Николаев и Херсон. Противник вновь понес значительные потери. Было разгромлено 172 дивизии и 7 бригад, из них 30 дивизий и 6 бригад полностью уничтожены¹⁰⁰. За 2,5—3,5 месяца советские войска продвинулись на северо-западном направлении на 220—280 км, а на юге — от 250 до 450 км. Они форсировали реки Южный Буг, Днестр и Прут, вышли на подступы к Южной Польше, Чехословакии, вторглись в северные районы Румынии. Таким образом, впервые за годы этой войны боевые действия были перенесены за пределы СССР.

Летне-осенняя наступательная кампания 1944 г. оказалась еще более сложной и напряженной. В ходе ее стратегическое наступление распространилось на весь советско-германский фронт. Его вели все 11 фронтов, из них 9, а то и 10 одновременно. За 6,5 месяцев они провели девять стратегических наступательных операций, весьма разнообразных по форме, содержанию и способам действий войск. Вначале главные усилия сосредоточивались в центре, а затем на том и другом крыле советско-германского фронта. Последовательно наносившиеся мощные удары, как правило, заставляли противника врасплох, вынуждали его метаться, спешно перебрасывать силы с одного направления на другое, постоянно опаздывая, он не успевал занимать подготовленные тыловые оборонительные рубежи.

В июне и августе три Белорусских и 1-й Прибалтийский фронты провели самую крупную за войну Белорусскую стратегическую наступательную операцию. В результате ее советские войска нанесли решающее поражение одной из наиболее сильных группировок врага — группе армий «Центр», освободили Белоруссию и южную часть Прибалтики, вступили на территорию Польши и вторглись в пределы Восточной Пруссии.

С некоторым уступом по времени началась проводимая 1-м Украинским фронтом Львовско-Сандомирская наступательная операция. В ходе ее советские войска вышли к Висле и захватили плацдарм на ее левом берегу. В августе 1944 г. силами 2-го и 3-го Украинских фронтов была проведена Яско-Кишиневская операция, в итоге которой из войны на стороне Германии была выведена Румыния, а кроме того, созданы условия для развития наступления на территориях Венгрии и Болгарии.

В сентябре и ноябре 1944 г. с участием 9 фронтов были проведены четыре стратегические наступательные операции — Восточно-Карпатская, Прибалтийская, Белградская и Петсамо-Киркенесская. Начавшаяся тогда же Будапештская стратегическая наступательная операция закончилась только в следующем году.

Проведенные летом и осенью 1944 г. операции отличались, как правило, большим размахом. Они включали весь арсенал стратегических действий, связанных с прорывом сильно укрепленной обороны противника, рассечением, окружением и уничтожением крупных его группировок, последовательным форсированием водных преград, преодолением горных районов и отражением мощных контрударов врага. В ходе их советские войска уничтожили и взяли в плен 96 дивизий и 24 бригады, разгромили 219 дивизий и 22 бригады вермахта и союзников Германии, продвинулись на 600—1 100 км к западу, вышли на рубежи, позволявшие нанести по врагу завершающие удары¹⁰¹.

Вместе с тем эти операции имели и огромное политическое значение. В их итоге военно-политическое и экономическое положение Германии резко ухудшилось: она почти полностью потеряла оккупированные территории в Восточной и Юго-Восточной Европе, лишилась большинства своих европейских союзников (Румынии,

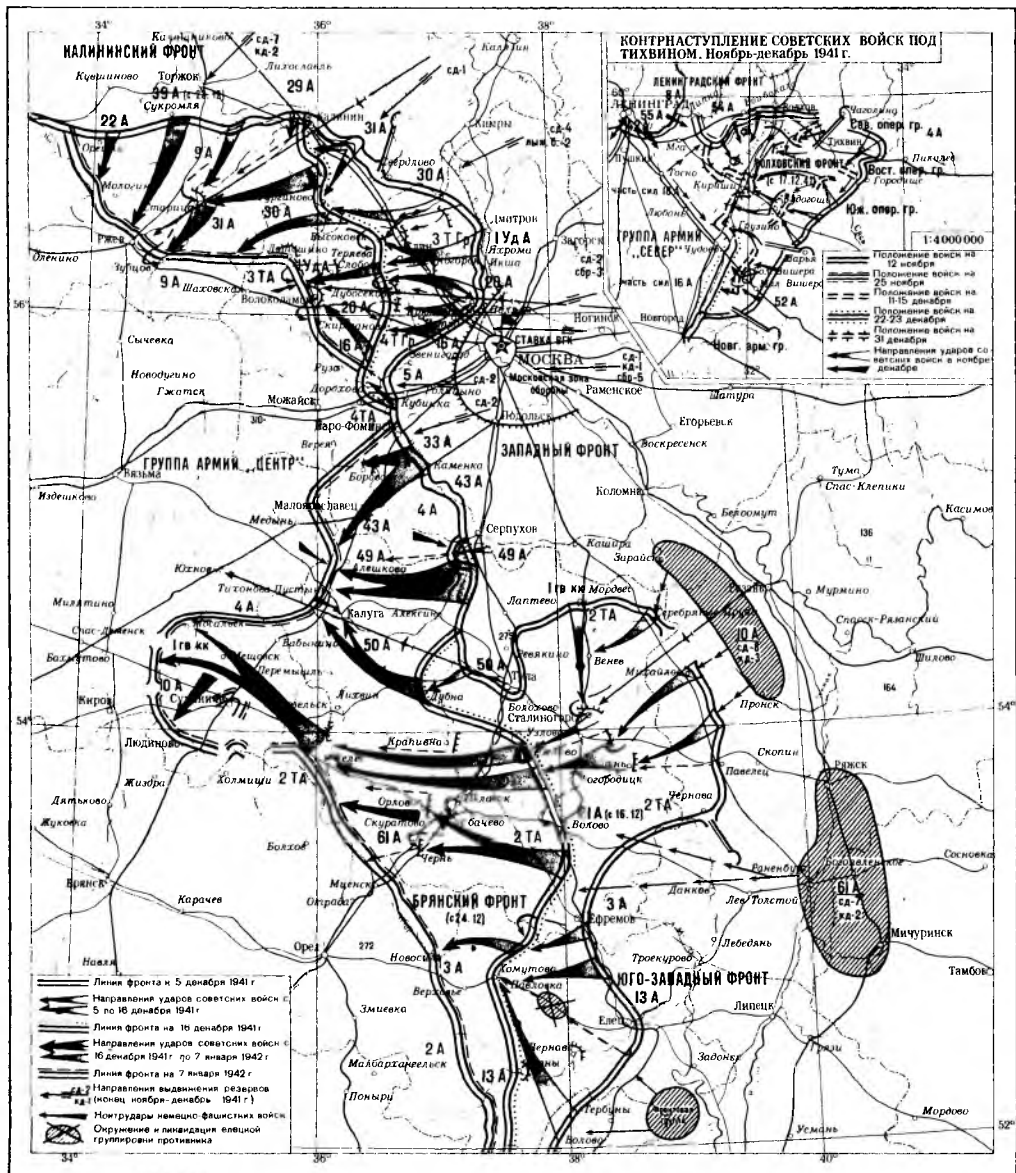

Схема 46. Контрнаступление советских войск под Москвой (5 декабря 1941 г. — 7 января 1942 г.)

Болгарии, Финляндии), утратила последние нефтяные источники в Румынии и Венгрии. К тому же, нейтральные государства к концу 1944 г. прекратили снабжение Германии стратегическими материалами. Начиная со второй половины 1944 г., промышленность ее начала резко сокращать производство оружия, военной техники и другой важной продукции. Моральное состояние личного состава вермахта и населения стремительно падало. Все это создавало союзникам по антигитлеровской коалиции благоприятную обстановку для победоносного завершения войны.

В завершающей наступательной военной кампании в Европе (с января по май 1945 г.) отечественная наступательная стратегия достигла в своем развитии наивысшего уровня. В этот период стратегическое наступление велось одновременно 8—9 фронтами на всем советско-германском фронте. В полосе шириной свыше 2 100 км, от Балтийского моря до Балкан, советские войска на территории Польши, Чехословакии, Венгрии и Австрии, а также непосредственно в самой Германии провели восемь стратегических наступательных операций. Висло-Одерская, Восточно-Прусская, Восточно-Померанская, Берлинская и Пражская — самые крупные из них. В ходе их советские войска совместно с союзными армиями полностью разгромили вооруженные силы третьего рейха и принудили фашистскую Германию к безоговорочной капитуляции.

Почти все наступательные операции этой кампании развивались в высоких темпах. За 4 месяца советские фронты продвинулись в центре Европы более чем на 800 км, взяли Берлин, соединились с союзными войсками в Шлезвиг-Гольштинии, на Эльбе, в Судетах и в Западной Австрии. Такой финал — наглядное свидетельство торжества отечественной военной стратегии.

В годы Великой Отечественной войны советские Вооруженные Силы применяли две формы стратегических наступательных действий: стратегические контрнаступательные и стратегические наступательные операции. И те и другие обычно проводились группой фронтов с решительными целями.

Контрнаступление — это особый вид наступления, ибо он тесно связан с предшествующей обороной, имеет свои характерные черты и особенности. Необходимые для контрнаступления условия обычно создавались в ходе тяжелых оборонительных сражений. В свою очередь, контрнаступление завершало собой оборону и создавало благоприятную обстановку для перехода Вооруженных Сил в общее стратегическое наступление.

Контрнаступательные операции наиболее характерны для первого периода войны. Именно с них начинались три первые наступательные кампании: зимняя 1941/1942, зимняя 1942/1943 и летне-осенняя 1943 гг.

Основной целью стратегического контрнаступления обычно являлись завершение разгрома главных ударных группировок противника, срыв его наступления, овладение важными в стратегическом отношении районами или рубежами, захват стратегической инициативы. Чаще всего контрнаступление велось 2—4 фронтами с привлечением крупных стратегических резервов. В ряде случаев к участию в нем привлекались не только оборонявшиеся на данном участке фронты (как это было в контрнаступлении под Москвой), но и фронты, действовавшие на смежных направлениях (контрнаступление под Сталинградом и Курском).

Важнейшими факторами, определявшими необходимость и возможность перехода в контрнаступление, являлись: истощение ударных группировок противника, образование слабых и уязвимых мест в его оперативном положении, стабилизация фронта оборонявшихся войск, хотя бы и на отдельных участках; подход к ним свежих резервов. Эти условия были определяющими при переходе советских войск в контрнаступление и в 1941, и в 1942, и 1943 гг. Но формировались и реализовывались они по-разному. Так, контрнаступление под Москвой готовилось несколько

недель. А ослабление группировок противника было достигнуто главным образом благодаря упорному сопротивлению оборонявшихся войск в сочетании с фронтальными контрударами. Переход в контрнаступление осуществлялся оборонявшимися фронтами, усиленными резервами. Причем удары по группировкам противника наносились в то время, когда эти группировки еще продолжали активные наступательные действия.

Под Сталинградом контрнаступление готовилось на протяжении 2 месяцев в ходе напряженных оборонительных боев. Ударные группировки врага удалось обеспечить прежде всего с помощью контрударов на флангах в сочетании с упорной обороной на острие «клина» его наступления. Переход в контрнаступление был осуществлен созданными заранее группировками войск, когда противник уже перешел к обороне, но еще не создал глубокоэшелонированных оборонительных рубежей.

Наконец, под Курском общая предварительная подготовка перехода в контрнаступление длилась 3 месяца, но из-за стремительного развития событий в ходе оборонительного этапа битвы непосредственная подготовка его была осуществлена в кратчайший срок. Контрнаступление началось на тех направлениях, где противник длительное время создавал систему сильно укрепленных оборонительных рубежей и имел соответствующую им группировку (орловское направление). Затем оно распространилось на участки, куда немецкие войска только что отошли после провала своего наступления (белгородско-харьковское направление). Причем советские войска изматывали ударные группировки врага в ходе обороны прежде всего своими мощными контрударами.

Ввиду различного соотношения сил неодинаковыми были и условия развития контрнаступления. Под Москвой, при переходе в контрнаступление, численный перевес в личном составе, танках и артиллерии был на стороне противника. Под Сталинградом советские фронты, располагая примерно равным с немцами количеством личного состава и боевых самолетов, имели в 1,5 раза больше орудий и минометов, в 2,2 раза больше танков¹⁰². Под Курском и по численности личного состава, и по количеству всех видов военной техники советские войска превосходили противника в 2—3 раза на орловском направлении и в 1,3—4 раза — на белгородско-харьковском¹⁰³.

В зависимости от обстановки переход в контрнаступление осуществлялся на завершающих этапах оборонительных операций или путем перерастания контрударов в наступление основных сил (под Москвой), или одновременным и внезапным ударом основных сил на флангах войск противника, перешедшим к обороне (под Сталинградом), либо нанесением ударов на смежных направлениях в сочетании с наступлением с фронта (под Курском).

Как показал опыт, успех контрнаступления зависел от многих факторов: учета соотношения сил и средств и динамики его развития; правильного выбора направления главного удара; умения создать выгодные условия для перехода в контрнаступление в ходе обороны путем нанесения противнику большого урона, удержания важных рубежей и плацдармов; своевременной скрытной перегруппировки сил, создания сильных резервов и своевременного их ввода в сражение; целесообразного определения исходных рубежей для развертывания войск, сохранения сил до перехода в контрнаступление; искусного выбора момента перехода в контрнаступление; обеспечения скрытности подготовки и внезапности перехода войск к наступательным действиям.

Особое значение имел правильный выбор направлений ударов и момента перехода в контрнаступление. Чаще всего удары наносились по ослабленным флангам ударных группировок противника (Сталинград, Курск), но в некоторых случаях они осуществлялись и с фронта (под Москвой). Момент перехода в контрнаступление

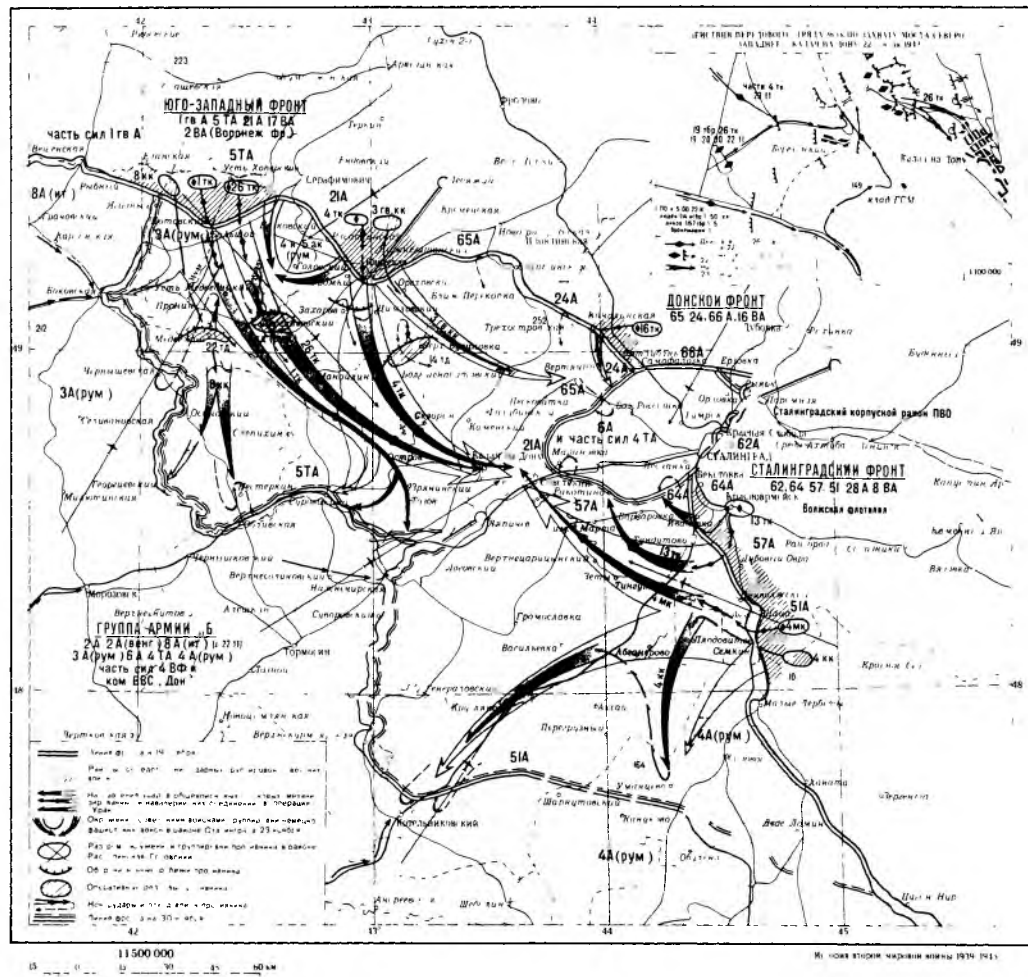

Схема 47. Контрнаступление советских войск под Сталинградом (19—30 ноября 1942 г.)

выбирался с таким расчетом, чтобы застать противника врасплох, обрушиться на него в тот момент, когда он уже не в силах продолжать наступление и вместе с тем не совсем еще готов к обороне, так как не успел перегруппироваться и закрепиться на достигнутых рубежах. По существу, так было и под Москвой, и под Сталинградом, и под Курском.

Характерным является то, что контрнаступление советских войск осуществлялось с применением самых решительных способов разгрома противника. Это окружение и уничтожение под Сталинградом, рассечение крупной стратегической группировки мощным ударом на большую глубину и разгром ее по частям в Белгородско-Харьковской операции под Курском, дробление стратегической группировки противника на изолированные части с последующим их уничтожением рядом мощных ударов на нескольких направлениях с развитием их в глубину и в стороны флангов (под Москвой, Орловская операция под Курском). Эти операции, особенно в контрнаступлении под Сталинградом и Курском, отличались высокой интенсивностью и динамичностью за счет применения крупных масс бронетанковых и механизированных войск (танковых армий, отдельных танковых и механизированных корпусов), а также постоянного наращивания усилий войск путем ввода в сражение свежих армейских объединений из резерва Ставки ВГК. Ввод таких сил надежно обеспечивал достижение целей операции.

В ходе войны масштабы контрнаступления, его размах возрастали от кампании к кампании. Это особенно проявлялось в количественном составе привлекаемых сил и средств, вследствие чего повышалась результативность действий войск. Во всех случаях (особенно в зимней кампании 1942/1943 гг.) успешно проведенное контрнаступление, как правило, резко меняло общую военно-политическую и военно-стратегическую обстановку, создавало условия для перехода в общее стратегическое наступление. По сути, контрнаступательные операции являлись первым этапом такого наступления.

Типовые стратегические наступательные операции готовились и проводились либо после более или менее длительных оперативных пауз, либо после успешно проведенного контрнаступления, либо в развитие предшествовавших наступательных операций. В зависимости от обстановки подготовка их осуществлялась в различные сроки — от нескольких недель до нескольких месяцев. Если Ставка ВГК стремилась начать наступление как можно раньше, то командующие фронтами, наоборот, чаще всего просили продлить подготовку. Однозначно определить, кто же здесь был прав, чрезвычайно трудно. С одной стороны, продление сроков подготовки операции обеспечивало более полную готовность войск, но с другой — это нередко было чревато потерей внезапности, выгодного момента нанесения удара по противнику, не говоря уже о том, что и он получал возможность лучше подготовиться к отражению ударов. Конкретное время начала операций обычно устанавливала сама Ставка ВГК, исходя из характера стоявших перед войсками задач и реальной, хотя бы и частичной их готовности.

На способности ведения стратегических наступательных операций и их развитие большое влияние оказывали, разумеется, планы командования вермахта, его взгляды на роль и построение стратегической обороны, особенности ее организации в различных кампаниях войны и на различных стратегических направлениях.

В зимних кампаниях 1941/1942 и 1942/1943 гг., когда германское руководство еще не утратило надежд на победу, в стратегической обороне оно преследовало цель измотать и обескровить советские войска, выиграть время и подготовить условия для возобновления стратегического наступления. В то время немецкую оборону отличало исключительное упорство в боях за удержание занимаемых рубежей, которое сочеталось с гибким маневром войсками и сильными контрударами (напри-

мер, под Москвой, Сталинградом и Харьковом). За такую оборону вермахт расплачивался большими потерями, но она тем не менее сыграла свою роль, ибо во многих случаях позволяла сдерживать наступление советских войск, а то и вновь захватить инициативу. Во всяком случае именно таким путем военному руководству Германии удалось преодолеть кризис и зимой 1941/1942 гг., и зимой 1942/1943 гг., восстановить устойчивость фронта, создать условия для второго и третьего стратегического наступления сначала на юге, а затем на центральном участке советско-германского фронта.

С лета 1943 г. и до конца войны командование вермахта на всем Восточном фронте перешло к стратегической обороне как к главному виду военных действий. В кампаниях 1943—1945 гг. общая цель германской обороны состояла в том, чтобы дать возможность третьему рейху выстоять, затянуть войну в расчете на то, что у союзников по антигитлеровской коалиции начнутся разногласия, которые приведут к ее расколу. Эти планы, однако, постоянно срывались. Под ударами советских войск то на одном, то на другом участке фронта возникали обширные бреши, а для их ликвидации требовались все новые и новые силы.

Между тем, у германского руководства в подходе к решению возникавших в связи с этим задач не было единства. Генеральный штаб сухопутных войск (ОКХ) и большинство командующих группами армий требовали сокращения линии фронта для высвобождения войск и создания резервов. Напротив, Гитлер и верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) добивались удержания занимаемых рубежей до последней возможности. Однако как один, так и другой путь позволяли лишь на некоторое время стабилизировать фронт.

В обеспечении устойчивости обороны немцы особое внимание уделяли удержанию естественных рубежей: крупных рек, озерно-болотистых и горных районов, заблаговременному оборудованию оборонительных полос, эшелонированных на глубину до 200—250 км и более. Слишком большое значение придавалось также удержанию сравнительно небольшими гарнизонами блокированных городов (Великие Луки, Велиж, Познань, Бреславль, Кюстрин, Будапешт, Кенигсберг), объявлявшихся по приказу Гитлера «крепостями».

В вермахте основной формой ведения стратегической обороны считалась оборонительная операция группы армий. Как и в наступлении, в ее состав обычно входило от 2 до 4 армий, 50—80 пехотных и танковых дивизий. Ширина полосы обороны группы армий колебалась от 200—300 км до 800—1000 км, а глубина от 60 до 100 км. До 80% и более сил обычно развертывалось в первом эшелоне в тактической зоне, а в резерве оставлялся минимум.

При удержании важных рубежей и районов войска противника проявляли большое упорство и высокую активность. Оборонительные действия обычно сопровождались сильными контрударами, в ряде случаев перераставшими в контрнаступление (в Донбассе, под Харьковом и Киевом в 1943 г., у оз. Балатон в 1945 г.). Немцы постоянно совершенствовали оборону, что требовало новых и все возрастающих усилий для ее преодоления. Слабым местом стратегической обороны, как и стратегического наступления, являлось отсутствие у немецкого верховного командования сильных резервов.

Целью большинства стратегических наступательных операций, проведенных советскими войсками в первые два периода войны, обычно являлся разгром крупных стратегических группировок противника (от 30—40 до 60—80 дивизий), овладение важными в политическом, экономическом и стратегическом отношениях районами (например, Северным Кавказом, Донбассом, Крымом, Киевским промышленным районом) или стратегическими рубежами (например, по рекам Десна, Днепр, Висла, государственной границе), освобождение административных территорий (Прибалтика,

Белоруссия, Молдавия). В третьем периоде войны в качестве целей стратегических наступательных операций кроме того ставились: освобождение оккупированных противником стран (Польша, Чехословакия, Югославия), последовательный вывод из войны на стороне Германии ее союзников (Румынии, Финляндии, Венгрии), завершение ее разгрома. Разумеется, для достижения этих целей требовалась не одна, а несколько операций разного масштаба.

В большинстве случаев стратегические наступательные операции велись группой фронтов (2—4). Но иногда важные стратегические задачи решались и силами одного фронта (например, в Киевской, Львовско-Сандомирской, Петсамо-Киркенеской и др.).

В системе стратегического наступления применялись два основных способа: проведение последовательных операций по фронту и глубине и проведение одновременных операций на нескольких, а иногда и на всех стратегических или операционных направлениях. Выбор каждого из них осуществлялся с учетом обстановки, возможностей своих войск и противника, а также вероятного характера его действий.

Последовательные стратегические наступательные операции по фронту проводились в кампаниях 1942—1944 гг., когда отсутствовала возможность обеспечить решающее превосходство над врагом на всех направлениях при общей протяженности советско-германского фронта в 4 000—6 100 км. Применение такого способа действий позволяло бить противника по частям, расшатывать его стратегический фронт. При этом советские войска имели возможность последовательно сосредоточивать необходимое количество сил и средств на избранных направлениях, выбирать удобное для перехода в наступление время на тех или иных участках фронта, добиваться крупных оперативных результатов, которые затем обеспечивали общий стратегический успех. А тем временем противник, вынужденный расплыть свои силы, опаздывал с принятием необходимых ответных мер.

Именно так зимой 1942—1943 гг. были поочередно разгромлены сталинградская, северо-кавказская, острогожско-россошанская, воронежско-касторненская и курская группировки врага. В летне-осенней кампании 1943 г. завершившие Орловскую и Белгородско-Харьковскую операции Центральный, Воронежский и Степной фронты осуществили крупную стратегическую операцию по освобождению Левобережной Украины, а после форсирования Днепра провели новые операции на гомельском, киевско-житомирском и кировоградском направлениях. В 1944 г. советские войска последовательно переносили усилия с севера-западного направления на юг (Крымская операция), затем на западное направление (Белорусская операция), а после этого на юго-запад (Львовско-Сандомирская и Яско-Кишиневская операции) и, наконец, снова на северо-запад (Прибалтийская операция).

Обычно каждая новая стратегическая группировка начинала действовать в тот момент, когда противостоявший ей противник был уже значительно ослаблен из-за переброски сил на другие направления, где советские войска вели наступление. Так, сокрушительные удары и стремительное наступление советских войск в Белоруссии и на Западной Украине в июне и июле 1944 г. вынудили германское командование перебросить сюда значительные силы из Прибалтики и Румынии и тем самым ослабить группы армий «Север» и «Южная Украина». Этим немедленно воспользовалось советское командование, которое в благоприятный для себя момент развернуло операции на северо-западном и юго-западных направлениях.

Широкое применение нашло проведение последовательных операций по глубине. Особенно показательны в этом отношении военные действия на Балканах. Здесь в 1944 г. практически без оперативных пауз в течение 4 месяцев одна за другой были проведены пять операций: Яско-Кишиневская, Трансильванская, Дебрецен-

Таблица 7

Размах важнейших стратегических наступательных операций советских войск*¹⁰⁴

Операции	дивизий (расчетных)	Количество (шт.)			Ширина фронта наступления (км)	Глубина про- движения (км)	Продолжительность операции (суток)
		орудий и минометов	танков и САУ	самолетов			
Контрнаступление под Москвой (1941)	<u>127</u>	<u>7650</u>	<u>774</u>	<u>1000</u>	1000	100—250	34
	71	13500	1170	615			
Контрнаступление под Сталинградом (1942)	<u>115</u>	<u>15500</u>	<u>1460</u>	<u>1350</u>	850	150—200	76
	50	10290	675	1220			
Орловская операция (1943)	<u>106</u>	<u>21000</u>	<u>2400</u>	<u>3000</u>	400	150	38
	37	7000	1200	1100			
Белгородско-Харь- ковская операция (1943)	<u>74</u>	<u>12000</u>	<u>2400</u>	<u>1300</u>	300—400	140	21
	18	3000	600	1000			
Освобождение Правобережной Украины (1944)	<u>253</u>	<u>28650</u>	<u>2015</u>	<u>2600</u>	1400	250—450	116
	94	16800	2200	1460			
Белорусская операция (1944)	<u>221</u>	<u>36400</u>	<u>5200</u>	<u>5300</u>	1100	600	68
	64	9500	900	1350			
Яско-Кишинев- ская операция (1944)	<u>112</u>	<u>16000</u>	<u>1870</u>	<u>2200</u>	500	300—320	10
	50	7600	400	810			
Висло-Одерская операция (1945)	<u>199</u>	<u>33500</u>	<u>7000</u>	<u>5000</u>	500	500	23
	33	5000	1220	630			
Восточно-Прус- ская операция (1945)	<u>163</u>	<u>25420</u>	<u>3860</u>	<u>3097</u>	550	200	103
	44	8200	700	775			
Берлинская операция (1945)	<u>240</u>	<u>41600</u>	<u>6250</u>	<u>7500</u>	300	100—220	23
	86	10400	1500	3300			

* В числителе — данные по советским войскам, в знаменателе — по немецко-фашистским войскам. Количество орудий, танков, самолетов округлено.

ская, Белградская, Будапештская. Общая глубина продвижения советских войск составила при этом 1 100 км.

В кампании 1945 г. в Европе, когда мощь советских Вооруженных Сил возросла еще больше, в условиях резкого сокращения протяженности советско-германского фронта (до 2 200 км) стратегическое наступление осуществлялось путем одновременных операций на всех стратегических направлениях. При таком способе в кратчайший срок достигались дробление и рассечение стратегического фронта обороны противника, окружение и ликвидация его группировок одновременно на ряде стратегических направлений, в то время как противник лишался возможности маневрировать силами и средствами, чтобы отразить удары советских войск.

В рамках стратегической наступательной операции обычно проводилось несколько одновременных операций фронтов первого эшелона. В свою очередь, каждый фронт проводил на своем направлении по две, а иногда и по три последовательные операции. Вместе с тем бывали случаи, когда фронты первого эшелона начинали наступление не одновременно, а поочередно.

Размах стратегических наступательных операций характеризовался значительным количеством участвовавших в них сил и средств, большой шириной полосы наступления, постоянно возрастающей глубиной продвижения войск, различной продолжительностью операций и темпами наступления. В ходе войны показатели размаха по всем этим параметрам изменялись. Это наглядно видно из данных таблицы 7.

Прежде всего неуклонно возрастало количество участвовавших в операциях войск и боевых средств. Так, состав сил и средств, привлеченных к завершающим стратегическим наступательным операциям, в сравнении с первым периодом войны увеличился по личному составу в 2—2,3 раза, по орудиям и минометам в 4,4—5,4 раза, танкам и САУ — в 6,7—9 раз, а по самолетам — в 5—7,5 раз¹⁰⁵. В крупнейших операциях 1944/1945 гг. обычно участвовало от 100 до 216 дивизий, от 16 до 41,6 тыс. орудий и минометов, от 1,9 до 7 тыс. танков и САУ, от 2 до 7,5 тыс. самолетов.

В ходе операций Ставка по мере возможности старалась усилить состав наступавших войск. Например, при развитии Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции 1942 г. в состав Западного и Калининского фронтов поступили дополнительно 29 дивизий и 33 бригады; в Сталинградской наступательной операции зимой 1942/1943 гг. — 5 танковых и 3 механизированных корпуса, а также 6 бригад; в Северо-Кавказской в январе—феврале 1943 г. — 5 дивизий и 6 бригад; в Днепровско-Карпатской операции 1944 г. — 6 танковых и 2 механизированных корпуса, а также 33 дивизии и т. п.¹⁰⁶

В то же самое время состав сил противника постепенно сокращался, что способствовало увеличению пространственных показателей размаха, особенно глубины и темпов наступления. Так, если в 1943 г. стратегические операции развивались в большинстве случаев на глубину от 100 до 300 км с темпом наступления стрелковых войск от 1,5—2,5 до 7—10 и танковых и механизированных соединений от 4 до 15 км в сутки, то в операциях 1944 г. глубина продвижения войск достигла 300—600 км при среднесуточных темпах наступления стрелковых войск 20—25, а танковых войск — 30—65 км в сутки. Средняя ширина полосы наступления группы фронтов составляла 400—800, а в крупнейших операциях она достигала 1 000—1 400 км. Продолжительность операций колебалась от 10 до 51 суток, хотя отдельные операции растягивались на 2—3 месяца и более¹⁰⁷.

Как показал опыт войны, в большинстве случаев успех стратегического наступления в решающей мере предопределялся умелым выбором направлений главного удара и решительным сосредоточением на них превосходящих сил и средств.

При выборе направления главного удара Ставка ВГК обычно исходила из требований стратегии, политики и экономики. Чаще всего главный удар наносился по наиболее уязвимым участкам фронта противника, на направлениях, обеспечивавших выход в тыл наиболее мощной группировки его войск и ее разгром. Одновременно учитывалась возможность массированного использования на этом направлении крупных войсковых масс, а в политико-экономическом плане — наличие важных политических и экономических объектов, а также возможность первоочередного разгрома союзных Германии войск. При этом, в одном случае приоритет отдавался политическим, в другом случае — экономическим соображениям. Но определяющую роль почти всегда играли все же стратегические мотивы. В силу этого, чаще всего удары наносились прежде всего по наиболее опасным группировкам врага, угрожавшим жизненно важным центрам страны или прикрывавшим такие центры.

Так, в зимней кампании 1941/1942 гг. основные усилия советских войск были сосредоточены на западном направлении непосредственно против главной стратегической группировки противника — группы армий «Центр», наступавшей на столицу СССР. Это позволило отвести непосредственную угрозу от Москвы, обеспечить благоприятные условия для работы московского промышленного района и важнейшего в экономическом и стратегическом отношении железнодорожного узла страны.

Зимой 1942/1943 гг. главные усилия были сосредоточены на юго-западном направлении, где вновь действовала самая мощная и активная группировка противника. Причем на этот раз удары наносились по ослабленным флангам группы армий «Б», а затем с фронта и по флангу группы армий «А» и по стыку групп армий «В» и «Центр». Разгром этих сил привел к резкому изменению обстановки на всем советско-германском фронте, создал предпосылки для освобождения харьковского промышленного района и Донбасса. В дальнейшем была предпринята попытка перенести главные усилия на западное направление, но она не удалась из-за отсутствия свободных сил и необходимости срочной переброски резервов под Курск и Харьков для отражения немецкого февральско-мартовского контрнаступления.

Летом 1943 г. главные усилия советских войск вначале также концентрировались на юго-западном и южном направлениях, а потом были перенесены в центр. Причем, в связи с установкой Сталина о необходимости быстрейшего вытеснения врага с оккупированных территорий, удары наносились не по флангам главных группировок войск противника, а с фронта.

В летне-осенней кампании 1944 г. главный удар вначале наносился на западном направлении. Это привело к разгрому самой сильной центральной группировки противника и слому всего ее стратегического фронта, позволило завершить освобождение Белоруссии и Литовской ССР, восточных областей Польши, открыло пути для развертывания последующего наступления на кратчайшем, варшавско-берлинском направлении к сердцу Германии. Кроме того, выбор этого направления обеспечивал достижение внезапности. Немецкое командование было твердо убеждено в том, что советские войска летом 1944 г. основные операции развернут на юго-западном направлении и держало здесь наиболее сильную группировку войск. Когда же противник ослабил это направление, советские войска перенесли сюда свои главные усилия. Это дало возможность освободить Левобережную Украину, вывести из войны Румынию и перенести боевые действия на территорию Венгрии. Причем на этот раз удары наносились в основном уже по флангам главных стратегических группировок противника с целью их последовательного окружения и уничтожения порознь.

В кампании 1945 г. в Европе главный удар наносился на западном направлении. Советские войска кратчайшем путем выдвигались в центральные районы Германии, к Берлину и нацеливались против основных сил противника, уничтожение которых приводило к окончательному разгрому вермахта. Учитывалось также то,

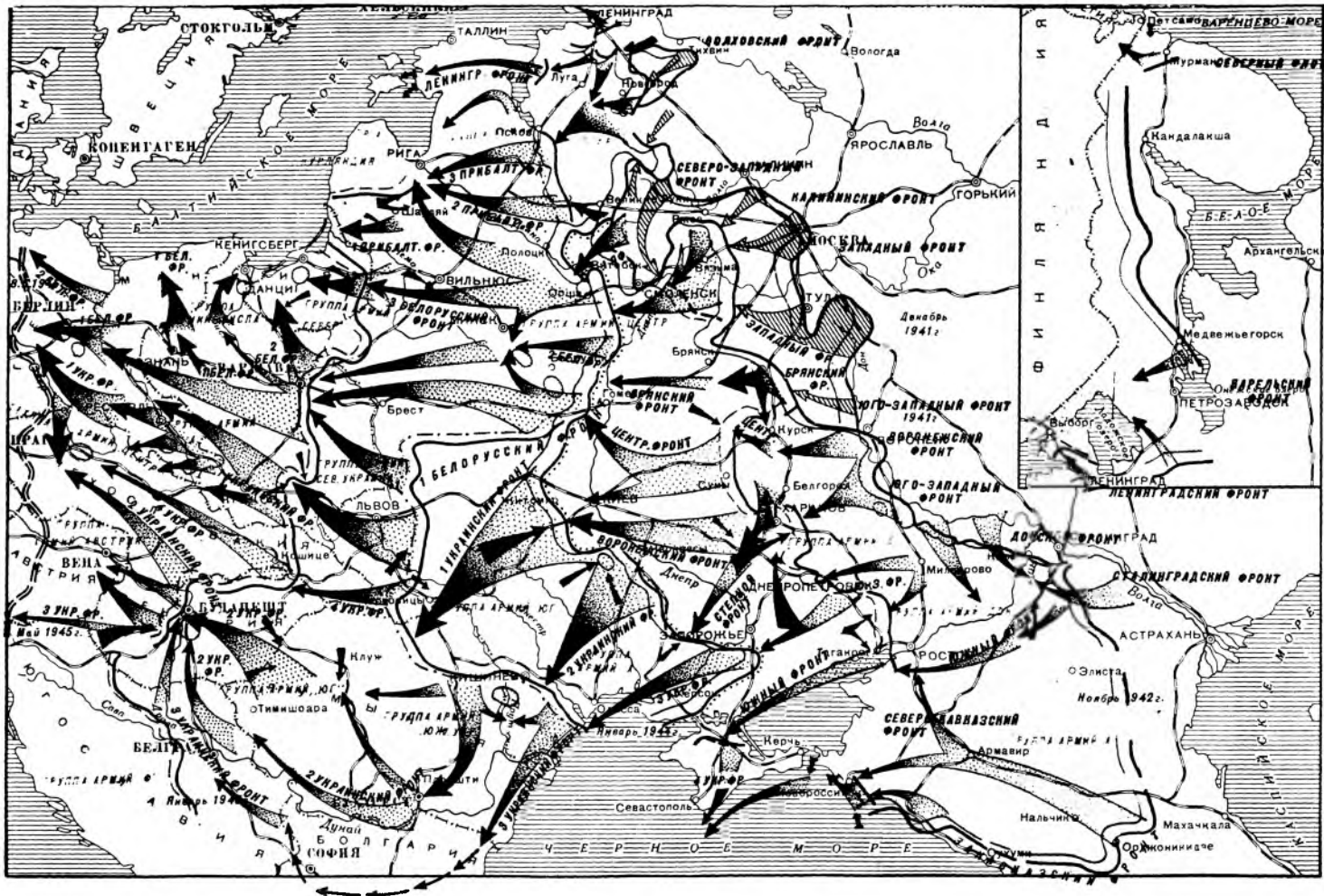

Схема 48. Стратегическое наступление советских Вооруженных Сил 1941—1945 гг.

что на этом направлении, обладавшим хорошей сетью дорог, имелась возможность развернуть и использовать крупные массы войск и боевой техники (в частности, 5 танковых армий), а также наилучшим образом согласовать усилия советских войск с действиями союзников, наступавших с рубежа р. Рейн на восток. Удары по противнику в этой кампании наносились как с флангов, так и с фронта. Как правило, они направлены были на важнейшие административно-политические и экономические центры противника, прежде всего, на Берлин, Кенигсберг, Прагу, Вену, Будапешт и Белград.

Переход к столь крупным стратегическим наступательным операциям с особой остротой поставил вопрос о способах создания на главных направлениях мощных ударных группировок. В первые годы войны этим искусством в совершенстве владел один противник. Постепенно его осваивало и советское командование.

В первый период войны Ставка ВГК при организации наступления очень часто допускала распыление сил. Ее стремление решать задачи на широком фронте при общем недостатке войск приводило лишь к тому, что на главных направлениях нередко создавались слишком слабые группировки, которые были не в силах преодолеть вражескую оборону, не говоря уже о развитии успеха на большую глубину. Однако с каждой очередной кампанией на направлениях главных ударов создавались все более мощные группировки войск, увеличивалась степень массирования сил, обеспечивалось все более значительное превосходство над противником.

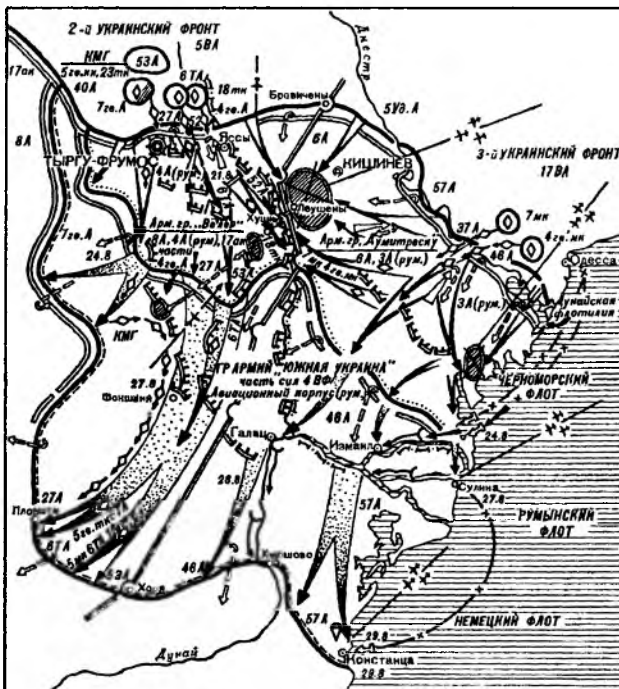
В начале зимней кампании 1942/1943 гг., например, были созданы две оперативные группировки войск на сталинградском, две — на северокавказском и две — на воронежском направлениях. А для ведения летне-осенней кампании 1943 г. были образованы 4 стратегические ударные группировки: на смоленском, орловском, белгородско-харьковском и донбасском направлениях. Спустя год, перед началом летне-осенней кампании, также были развернуты 4 стратегические ударные группировки: в Восточной Карелии и на Карельском перешейке, в Белоруссии, на Западной Украине и в Молдавии. В состав каждой из них входили несколько фронтовых объединений, от 600 тыс. до 2,5 млн. человек, до 40 тыс. орудий и минометов, свыше 6 тыс. танков и самоходных установок, от 700 до 7 000 и более боевых самолетов¹⁰⁸.

Развертывание таких сил позволяло добиваться существенного перевеса над противником в районе проведения важнейших стратегических операций. Так, в летне-осенней кампании 1944 г. для проведения Белорусской операции в составе 4 фронтов, занимавших 1100-километровый участок (24,4% общей протяженности советско-германского фронта) было сосредоточено 36,3% личного состава, 37,1% орудий и минометов, 73,2% танков и САУ, 41% всей авиации действующей армии. Это позволило добиться здесь превосходства над противником по личному составу войск в 2 раза, по артиллерии — в 3,8 раза, по танкам и САУ — в 5,8 раза и по боевым самолетам — в 3,9 раза¹⁰⁹. Еще более ощутимое преимущество в силах и средствах было достигнуто на варшавско-берлинском направлении в кампании 1945 г. в Европе. При общем превосходстве над противником к началу этого года по личному составу в 1,8 раза, по артиллерии — в 1,9 раза, по танкам и САУ — в 1,5 раза, по боевым самолетам — в 3,6 раза, советские войска при проведении Висло-Одерской операции имели на 480-километровом участке (22% общей протяженности советско-германского фронта) почти 4-кратное превосходство в людях, 5,7—6,7-кратное в артиллерии и танках, почти 8-кратное в авиации¹¹⁰.

Для ведения стратегических наступательных операций в свою очередь создавались по 3—4 оперативные группировки войск, в состав которых включалось 70—80% всех сил и средств фронтов. При этом важное значение придавалось их качественным характеристикам: ударной и огневой мощи, маневренности, боевой устойчивости. Во втором и третьем периодах войны в состав главных ударных группиро-

1. Окружение группировки противника

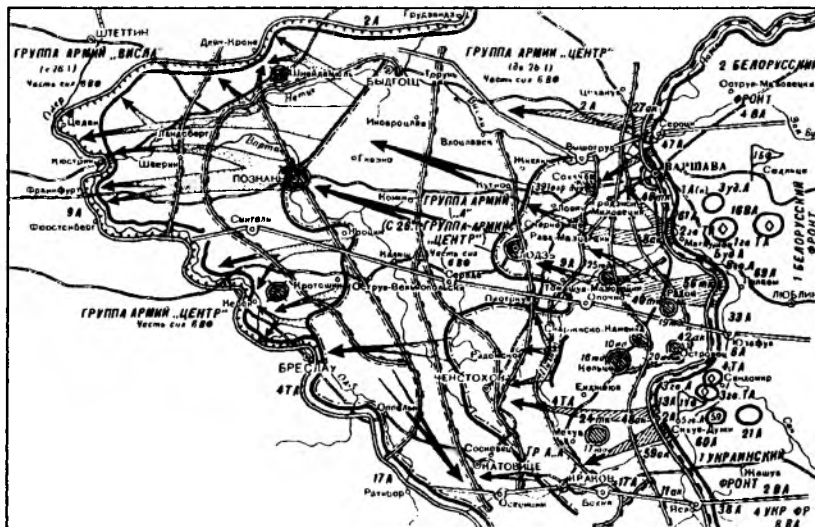
Нанесение двух одновременных ударов по сходящимся направлениям

Яско-Кишиневская операция (20—29 августа 1944 г.)

2. Рассечение группировки противника

Нанесение глубокого рассекающего удара на всю глубину стратегического расположения противостоящей группировки противника

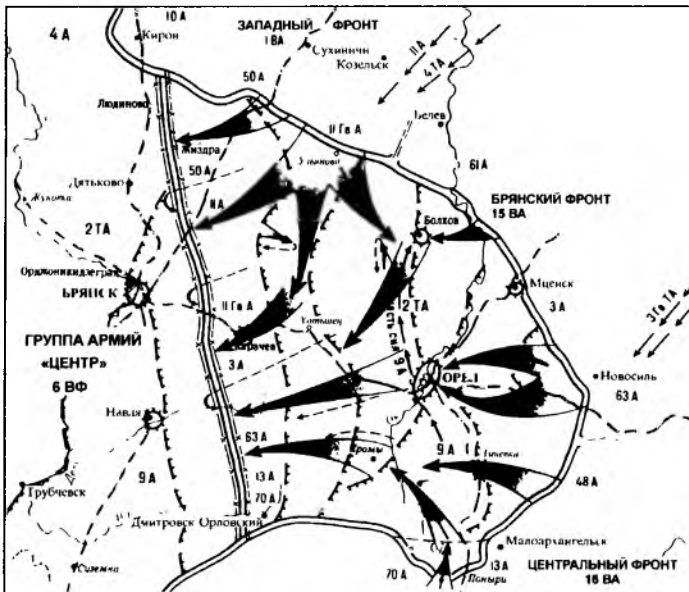

Восточно-Прусская операция (13 января— 25 апреля 1945 г.)

Схема 49а. Формы стратегических наступательных операций и способы разгрома группировок противника в Великой Отечественной войне

3. Дробление группировки противника

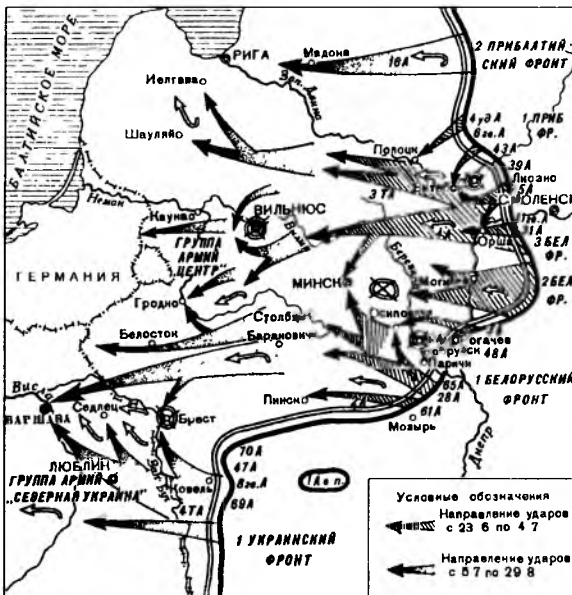
Нанесение ряда ударов на широком фронте на нескольких направлениях с развитием наступления в глубину и в стороны флангов

Орловская операция (12 июля—18 августа 1943 г.)

4. Сочетание нескольких форм операций и способов разгрома группировок противника

*На первом этапе — окружение витебской, бобруйской и минской группировок
На втором этапе — дробление группировки противника развитием наступления по расходящимся направлениям*

Белорусская операция (23 июня—29 августа 1944 г.)

Схема 496 Формы стратегических наступательных операций и способы разгрома группировок противника в Великой Отечественной войне

вок, как правило, включались танковые армии, танковые и механизированные корпуса. Их использование позволяло обеспечивать стремительное развитие тактического прорыва в оперативный, в короткие сроки выходить в глубокий тыл противника, окружать его основные силы, а при необходимости переносить усилия с одного направления на другое.

Формы и способы разгрома противника в стратегических наступательных операциях отличались большим разнообразием: это окружение и уничтожение его крупных группировок; рассечение его сил мощным ударом на большую глубину и разгром их по частям; дробление противостоявшей стратегической группировки рядом мощных ударов на нескольких направлениях с развитием успеха в глубину и в стороны флангов. Во многих операциях эти способы сочетались. Выбор того или иного способа разгрома осуществлялся с учетом конкретной обстановки, соотношения сил, характера театра военных действий, начертания линии фронта, положения и возможностей своих войск и противника. Поэтому каждая новая наступательная операция, как правило, отличалась от предыдущих.

Важным достижением отечественной военной стратегии в годы войны стало проведение операций на окружение и уничтожение крупных группировок войск противника. Особенно широкое применение они нашли во втором и третьем периодах войны. При их проведении использовались в основном две формы маневра: нанесение одновременных ударов на двух направлениях с прорывом обороны на флангах группировки противника и развитием наступления в глубину по сходящимся направлениям (Сталинградская, Корсунь-Шевченковская, Ясско-Кишиневская, Пражская, Маньчжурская операции); нанесение одного мощного охватывающего удара с прижатием группировки противника к морю и другим труднопреодолимым преградам (операции по освобождению Прибалтики, Восточно-Прусская и Восточно-Померанская операции). Окружение осуществлялось как в самом начале операции, так и в ходе ее развития, в результате оперативного преследования (105 тыс. человек в районе Минска в июле 1944 г. и 60 тыс. человек в районе Познани в январе 1945 г.)¹¹¹.

Классическим примером окружения крупной группировки противника стала Сталинградская стратегическая наступательная операция зимой 1942/1943 гг. Однако в этом случае уничтожение окруженных войск растянулось на длительное время — 62 суток. В последующем эта задача решалась обычно куда быстрее. В 1944—1945 гг. уничтожение окруженных группировок противника осуществлялось чаще всего за 2—8 суток (витебской и бобрусской — в течение 2—3, а минской — за 7 суток) без снижения темпов наступления войск на внешнем фронте окружения. Это достигалось благодаря совершенствованию способов создания внутреннего и внешнего фронтов окружения, быстрому дроблению, расчленению и уничтожению окруженных войск по частям. В последних операциях войны окружение, расчленение и уничтожение противника сливались по существу в единый процесс.

Успех операций на окружение обеспечивался применением крупных сил бронетанковых и механизированных войск. Это позволяло достигать высоких темпов наступления, осуществлять окружение раньше, чем противник успевал организовать противодействие. Большое значение имело также и то, что, наряду с изоляцией группировок врага на земле, их блокировали с воздуха, а на приморских направлениях и с моря.

Со второго периода войны в системе стратегического наступления стали широко применяться операции с рассечением противостоявших стратегических группировок противника. Наиболее характерными в этом отношении являлись Белгородско-Харьковская операция (август 1943 г.), операция 1-го и 2-го Украинских фронтов на Правобережной Украине (март—апрель 1944 г.), и Висло-Одерская операция (ян-

варь—февраль 1945 г.). В Белгородско-Харьковской операции впервые за годы войны главный удар наносился смежными крыльями войск двух фронтов (Воронежского и Степного) с вводом в сражение двух танковых армий для развития успеха. Такое массированное использование войск на направлении главного удара обеспечило решающее превосходство над противником (на участках прорыва — 3—4-кратное по людям и более чем 10-кратное — по артиллерии), быстрый прорыв его обороны, а затем рассечение на большую глубину¹¹².

Среди наступательных операций на рассечение стратегической группировки противника особенно показательна Висло-Одерская операция. Наряду со стремительным продвижением ударных группировок войск в глубину в ходе ее был умело применен маневр объединения с целью обхода и охвата германских войск в районе Варшавы и в Силезском промышленном районе, а также при обеспечении правого крыла 1-го Белорусского фронта от ударов противника из Восточной Померании.

Операции на рассечение из года в год проводились все решительнее. Неуклонно возрастал их пространственный размах; разгрому подвергались все более крупные вражеские группировки. Так, если в Белгородско-Харьковской операции рассекающий удар наносился на глубину около 140, в Проскуровско-Черновицкой — 250, то в Висло-Одерской — уже на глубину почти 500 км¹¹³. В целом опыт войны показал, что операции на рассечение являются самым эффективным способом разгрома крупных группировок противника.

При благоприятных условиях, как развитие такого способа разгрома противника, проводились операции с дроблением стратегической группировки врага путем нанесения по ней ряда мощных ударов. При этом осуществлялись они на широком фронте и в нескольких районах с развитием их в глубину по параллельным или расходящимся направлениям. В результате группировку удавалось расчленить на изолированные части, что затем облегчало уничтожение противника порознь. Ярким примером подобных действий могут служить Орловская наступательная операция (июль—август 1943 г.), Черниговско-Полтавская операция (август—сентябрь 1943 г.), Нижнеднепровская операция (сентябрь—декабрь 1943 г.), Восточно-Померанская операция (февраль—апрель 1945 г.). Применение такого способа позволяло скрытно проводить подготовку операции, затрудняло противнику определение направлений главного удара, рассредоточивало его внимание и силы на широком фронте.

Во многих стратегических наступательных операциях, особенно в завершающих кампаниях войны, различные способы разгрома противника органически сочетались, дополняя друг друга. Типичной в этом отношении является Белорусская стратегическая наступательная операция (июнь—август 1944 г.). В ходе ее была прорвана оборона противника одновременно на шести далеко отстоявших один от другого участках, что привело к дроблению его сил на части. Затем были рассечены, окружены и уничтожены группировки немецких войск в трех районах: под Витебском, Бобруйском и восточнее Минска. После этого фронты нанесли мощные удары по расходящимся направлениям для расчленения стратегической группировки противника на всю ее глубину.

Важную роль в обеспечении успеха наступления играли вопросы подготовки стратегических операций и достижения внезапности действий войск. Стратегические наступательные операции в годы войны готовились либо в ходе предшествовавших им контр наступательных операций, либо в период оперативных или стратегических пауз, либо при завершении наступательных боевых действий, проводившихся ранее на тех же стратегических направлениях. Основательнее всего подготовка осуществлялась во время стратегических пауз, продолжавшихся обычно от 2 до 4 месяцев. Во всех остальных случаях она проводилась в короткие сроки, как

правило, в динамичной обстановке, что вынуждало постоянно уточнять планы предстоящих действий.

Наряду с оперативным планированием особое внимание в подготовительный период обычно уделялось пополнению войск людьми и военной техникой, накоплению запасов материальных средств, созданию резервов, боевой подготовке, оборудованию исходных районов, организации взаимодействия, управлению, и, наконец, развертыванию ударных группировок войск на участках прорыва.

Предметом особой заботы Ставки ВГК, командований направлений и фронтов как при подготовке, так и в ходе стратегических операций, было достижение внезапности, как одного из главных факторов успеха. Наибольшее значение внезапность имела в операциях первого и второго периодов войны, когда превосходство советских войск над противником было относительно небольшим. Однако она сохраняла свое значение и во всех последующих операциях, так как позволяла в более короткие сроки добиваться ощутимых результатов, вынуждала противника допускать крупные просчеты.

Для достижения внезапности решающее значение обычно имели: сосредоточение и неожиданный для противника ввод в сражение крупных резервов, нанесение первых ударов большей силы, чем ожидал противник, применение на главных направлениях мощных танковых группировок, ведение глубоких наступательных операций в высоких темпах, быстрый перенос усилий с одного стратегического направления на другое, наращивание последовательных ударов в оперативной и стратегической глубине. Большую роль в достижении внезапности играли также мероприятия оперативной маскировки и стратегическая дезинформация. Во многих случаях таким путем удавалось дезориентировать противника. Ложные действия нередко заставляли немецкое командование принимать ошибочные или запоздалые решения.

В Московской стратегической наступательной операции, например, достижению внезапности в значительной мере способствовали следующие факторы: переход в контрнаступление без оперативной паузы, предварительное развертывание фронтовых контрнаступательных операций под Тихвином и Ростовом, на южном и северном крыле советско-германского фронта. Они-то и отвлекли внимание командования вермахта от основной для его войск опасности.

В зимней кампании 1942/1943 гг., при проведении Сталинградской контрнаступательной операции, большую роль сыграли: сохранение в глубокой тайне всех мероприятий по подготовке наступления, особенно перегруппировки стратегических резервов, удачно проведенная оперативная маскировка во фронтах, активные действия советских войск против группы армий «Центр» на великолукском и ржевско-вяземском направлениях, формирование и расположение стратегических резервов главным образом восточнее и юго-восточнее Москвы. Все это позволило «убедить» противника в том, что будто зимой 1942/1943 гг. главные события развернутся именно на центральном, а не на южном участке советско-германского фронта. Полной неожиданностью для командования вермахта оказался удар по правому флангу сталинградской группировки немецких войск.

Куда сложнее было достигнуть внезапности при подготовке наступательных операций в летне-осенней кампании 1943 г. Противник заблаговременно и довольно точно узнал о намерениях советского командования после завершения Курской стратегической оборонительной операции. Да и скрыть их при такой концентрации сил в районах орловского и курского выступов было сложно. Наряду с развитием Орловской операции важную роль здесь сыграло нанесение на белгородско-харьковском направлении мощного рассекающего удара смежными крыльями двух фронтов, причем без продолжительной оперативной паузы, а затем введение в сражение

Степного фронта на Белгород, Харьков и далее на запад, а также быстрое расширение фронта наступления с нанесением ударов на смежных направлениях.

Проводившиеся советским командованием меры по стратегической дезинформации в стратегических наступательных операциях зимне-весенней кампании 1944 г. своих целей не достигли, но внезапность все же была обеспечена за счет непрерывности наступления советских войск на широком фронте от Полесья до Черного моря, несмотря на распутицу.

Напротив, в летне-осенней кампании 1944 г. в достижении внезапности свою роль сыграла именно стратегическая дезинформация, особенно имитация подготовки главных ударов на Украине и в Прибалтике. Большое значение имело то обстоятельство, что 4 танковые армии из 5, а также основная часть танковых корпусов оставались на южном и юго-западном направлениях. Германская разведка постоянно держала их под своим наблюдением и поскольку они не трогались с места, пришла к выводу, что летнее наступление советских войск скорее всего начнется именно здесь. Между тем, советское командование скрытно перегруппировало и сосредоточило на центральном участке советско-германского фронта 5 общевойсковых, 2 танковые, воздушную армию, 1-ю Польскую армию, 5 отдельных танковых, 2 механизированных, 4 кавалерийских, 11 авиационных корпуса, десятки отдельных полков и бригад всех родов войск.

Наконец, в стратегических операциях завершающей кампании войны в Европе в основу достижения внезапности были положены мероприятия, направленные на отвлечение части главной стратегической группировки противника с варшавско-берлинского направления на фланги советско-германского фронта. В последующем это во многом способствовало успешному развитию главного удара на Берлин.

В годы войны отечественная военная стратегия решила также и ряд сложных проблем развития стратегических наступательных операций в изменившихся условиях ведения войны. Среди них особое значение имела проблема прорыва немецкой обороны.

Успешный прорыв стратегического фронта противника достигался сосредоточением на направлениях главных ударов превосходящих сил и средств, созданием на участках прорыва высоких оперативных и тактических плотностей войск, эффективным огнем подавлением вражеской обороны, нанесением по нему мощного первоначального удара, решительным развитием прорыва в глубину и в стороны флангов, своевременным вводом в сражение бронетанковых и механизированных войск, массированными действиями авиации, высокими темпами наступления и упреждением противника в наращивании им усилий из глубины.

Надо заметить, что в первый период войны многие попытки прорыва немецкой обороны заканчивались безуспешно. По меньшей мере трижды не удавался прорыв блокады Ленинграда. Шесть раз проваливались операции по прорыву обороны на различных участках Волховского фронта. Семь раз не смогли прорвать оборону в так называемом «рамушевском коридоре» и ликвидировать полуокруженную демянскую группировку врага. Восемь раз оказались тщетными попытки прорыва немецкой обороны фронтами Западного стратегического направления. Неоднократно не удавалось развить во многих операциях тактический прорыв в оперативный. Главными причинами этого обычно были поспешная и неумелая подготовка прорыва, слабое вскрытие разведкой обороны противника, низкая эффективность ее огневого подавления, недостаток подвижных войск для развития достигнутого успеха, плохое взаимодействие и др.

По мере роста технической оснащенности войск, наращивания их ударной мощи и маневренности, овладения боевым опытом и совершенствования способов действий советские войска все чаще и с большей надежностью в любых условиях

обстановки прорывали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону врага. Наиболее успешно эта задача решалась в Сталинградской, Черниговско-Полтавской, Белорусской, Яско-Кишиневской, Львовско-Сандомирской, Прибалтийской, Висло-Одерской и Восточно-Прусской операциях. Были найдены целесообразные способы прорыва обороны в северных, лесисто-болотистых и горных районах, завершение прорыва тактической зоны с использованием подвижных войск, стремительного развития успеха в глубину. В важнейших наступательных кампаниях 1944 и 1945 гг. прорыв обычно осуществлялся одновременно на ряде участков протяженностью до 10—20 км при средней плотности артиллерии и минометов 200—250 стволов и 60—80 единиц танков на 1 км фронта.

Для ликвидации прорыва и создания нового фронта обороны немецко-фашистскому командованию обычно требовалось продолжительное время. Иногда оно было вынуждено отводить войска на глубину 500—600 км или перебрасывать к участку прорыва от 30 до 60 дивизий. Новый фронт обороны противнику удавалось создать главным образом на крупных естественных рубежах (на реках или в горах), да и то лишь с подходом его резервов.

Опыт войны убедительно подтвердил важность, а вместе с тем и большую сложность развития достигнутого успеха на значительную глубину. С полной очевидностью выявилось, что в наступательных операциях любого масштаба, прежде всего стратегического, эта проблема связана, во-первых, с упреждением противника в наращивании усилий, во-вторых, с быстрым переносом усилий в оперативную глубину, в-третьих, с гибким маневром войсками, силами и средствами.

В стратегических наступательных операциях Великой Отечественной войны наращивание усилий осуществлялось за счет перехода в наступление новых фронтов на смежных направлениях, ввода в сражение вторых эшелонов, оперативных и стратегических резервов при одновременной изоляции первого эшелона противника от его вторых эшелонов и резервов, нанесения им поражения по частям. В большинстве операций второго и третьего периодов войны усилия наращивались за счет ввода в сражение танковых и механизированных корпусов, общевойсковых и танковых армий. В ряде случаев в сражение, как уже указывалось, вводились и целые фронты. Так было, например, зимой 1942/1943 гг. и при вводе в сражение Центрального фронта на курском направлении, а летом того же года при вводе в сражение Степного фронта на харьковском направлении.

Порядок наращивания усилий обычно определялся еще при планировании операций и уточнялся в ходе их с учетом конкретной обстановки. Большое значение при этом имел правильный выбор времени и направлений наращивания усилий. Как показал опыт, преждевременный ввод в сражение вторых эшелонов и резервов приводил к их втягиванию в тяжелые бои, преждевременному их изматыванию и ослаблению, а запаздывание — к утрате темпа и выгодных условий для быстрого развития успеха, так как давало противнику дополнительное время для упрочения своей обороны в глубине и усложняло условия ее прорыва. В большинстве операций вторые эшелоны армий, фронтов и резервы Ставки ВГК вводились в сражение на направлении главного удара. Но иногда сама обстановка вынуждала использовать их на флангах или на вновь открывшихся операционных направлениях, для отражения контрударов противника и закрепления достигнутого успеха.

Накануне и в ходе почти всех стратегических наступательных операций осуществлялись крупные перегруппировки войск и гибкий маневр войсками, силами и средствами. Нередко целые объединения перебрасывались с одного направления на другое, что позволяло наращивать удары по врагу, усиливать наиболее важные свои группировки войск, при необходимости создавать новые, в зависимости от обстанов-

ки и характера возникавших задач переносить усилия в другие районы, парировать контрудары врага.

Перед началом военных кампаний и новых стратегических наступательных операций, как правило, проводились наиболее крупные стратегические перегруппировки войск. Обычно они осуществлялись на большие расстояния с использованием всех видов транспорта, имея своей целью перенос усилий с одного стратегического направления или театра военных действий на другие. Самой значительной стратегической перегруппировкой считается переброска с Запада на Дальний Восток и в Забайкалье, то есть на расстояние в 9—12 тыс. км двух фронтовых управлений, трех общевойсковых и танковой армий, большого количества авиационных частей, а также соединений и частей родов войск, специальных войск, тыла и материальных средств для проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции. Трижды в ходе войны целые фронты перегруппировывались на новые направления. Так, в зимней кампании 1942/1943 гг., как уже отмечалось, значительная часть сил Донского фронта после ликвидации окруженной группировки противника под Сталинградом была переброшена на курское направление, благодаря чему там удалось уплотнить стратегический фронт. В заключительной кампании 1945 г. в Европе 2-й Белорусский фронт после выполнения задач в Восточной Померании был переброшен на рубеж нижнего течения р. Одер для участия в Берлинской наступательной операции. 4-й Украинский фронт после завершения Крымской операции был развернут на карпатском направлении.

Не менее крупными были также перегруппировки отдельных армий и соединений различных родов войск. Так, в 1944 г. из Крыма и с Правобережной Украины были переброшены в Белоруссию 3 общевойсковые, 1 танковая армии и соединения артиллерии РКК; из районов Прибалтики, Ленинграда и с Балкан на варшавско-берлинское направление — 8 общевойсковых армий и соединения артиллерии РВГК; из Молдавии в район Львова — 3 общевойсковые и танковая армии¹⁴. В больших масштабах осуществлялись внутрифронтовые перегруппировки. Это позволяло удерживать оперативную инициативу, наращивать темпы наступления на важнейших направлениях, ставить противника перед необходимостью решения новых внезапно возникших перед ним сложных задач.

Одним из условий успешного развития стратегического наступления на большую глубину было воспреещение отхода противника, срыв его планомерного отступления, упреждение в захвате тыловых оборонительных рубежей путем оперативно-преследования.

Умело организованное преследование нередко приводило к крупным успехам. Наиболее поучительным примером в этом отношении может служить Белорусская операция 1944 г., когда войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов вели параллельное, а 2-го Белорусского фронта — фронтальное преследование, в результате чего была окружена и уничтожена 105-тысячная группировка немецко-фашистских войск восточнее Минска. Вместе с тем, очень часто преследование не давало ожидаемых результатов. Так, в Северо-Кавказской стратегической наступательной операции 1942/1943 гг., несмотря на неоднократные попытки перехватить пути отхода противника, немецкое командование смогло без особых потерь и достаточно организованно отвести большую часть 1-й танковой армии с Северного Кавказа в Донбасс. Весной 1943 г. советским войскам также не удалось помешать командованиям групп армий «Север» и «Центр» отвести свои войска с демянского и ржевского плацдармов.

Важно отметить также, что, наряду с успешными, целый ряд операций в годы Великой Отечественной войны остались незавершенными. Это приводило не только к напрасным жертвам, но и к невыполнению важных оперативно-стратегических задач со всеми вытекавшими отсюда негативными последствиями. Так, из-за незавершен-

ности Старо-Русской наступательной операции Северо-Западного фронта в 1941 г. не удалось сорвать выход противника к Ленинграду; невыполнение задач войсками Брянского фронта в Рославльско-Новозыбковской операции 1941 г. привело к прорыву 2-й немецкой танковой группы в тыл Юго-Западного фронта и т. п.

И в последующем, многие наступательные операции не достигали своих целей. В частности, незавершенными остались 2-я и 3-я Синявинские операции Ленинградского и Волховского фронтов в 1942 г., 1-я Ржевско-Сычевская операция 1942 г. Калининского и Западного фронтов, зимние операции Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов в 1943 г. Неудачный исход этих и других операций явился следствием игнорирования Ставкой ВГК реальной обстановки, возможностей своих войск и противника, стремления добиваться успеха «любой ценой». Сказывалось также отсутствие должного опыта у командования фронтов и армий. Поспешность в принятии решений, попытки слепого следования ранее разработанному плану, постановка войскам непосильных задач нередко вели к тому, что войска быстро теряли свою боеспособность и наступление не получало развития. В дальнейшем многие из этих недостатков удалось преодолеть. Во всяком случае, большинство стратегических и фронтовых операций, проводившихся в 1944 и 1945 гг. достигло своих целей.

Из года в год и от кампании к кампании результативность стратегических наступательных операций повышалась. Возрастали показатели их пространственного размаха, повышались темпы наступления, все более значительными становились их оперативные итоги. В ходе важнейших стратегических операций нередко разгрому подвергались 50—90 и более дивизий противника. Особенно результативными были стратегические операции летне-осенних кампаний 1943 и 1944 гг., в ходе которых в общей сложности удалось разгромить соответственно 118 и 338 дивизий врага¹¹⁵. Ряд операций приводил к освобождению огромных территорий и выводу из войны целых государств. Так, разгром крупных сил противника в Яско-Кишиневской операции сыграл важнейшую роль в выводе из войны Румынии; Выборгско-Петрозаводская и Петсамо-Киркенесская операции способствовали выводу из войны Финляндии, а Будапештская стратегическая операция — последнего союзника Германии — Венгрии.

В конечном счете, именно благодаря успешно проведенным стратегическим наступательным операциям, рациональности отечественной наступательной стратегии, война была доведена до победного ее завершения.

6. Формирование и использование стратегических резервов в войне

Важнейшим средством, с помощью которого советское Верховное Главнокомандование активно влияло на развитие стратегических операций, военных кампаний и войны в целом, являлись стратегические резервы. В отличие от Верховного командования вермахта, постоянно недооценивавшего их роль, Ставка ВГК всегда уделяла особое внимание их формированию, восстановлению и целесообразному использованию.

В ходе войны Ставка ВГК имела в своем резерве общевойсковые, танковые и воздушные армии, стрелковые, танковые, артиллерийские и авиационные корпуса и дивизии, различного назначения специальные части и соединения, резервы вооружения, боеприпасов, горючего и других материально-технических средств. Новым в отечественной и мировой практике было то, что на отдельных этапах войны в резерве Ставки имелись не только армии, но и целые фронты: Резервный фронт — на московском направлении в 1941 г., Степной фронт — под Курском в 1943 г.

Конкретный состав резервов, находившихся в распоряжении Ставки ВГК к началу основных военных кампаний, приведен в таблице 8.

Таблица 8
Состав стратегических резервов¹¹⁶

Время образования	Общевойсковые армии	Танковые армии	Стрелковые (возд-десант. и кавалерийские) дивизии	Танковые и механизированные корпуса	Артиллерийские дивизии, корпуса	Воздушные армии	Авиационные дивизии
1 декабря 1941 г.	8	—	50	—	—	—	3
1 ноября 1942 г.	5	1	36	—	—	—	4
1 июля 1943 г.	9	2	78	13	8	1	15
1 января 1944 г.	6	2	19	12	4	1	4
1 июня 1944 г.	2	1	36	16	11	1	36
1 января 1945 г.	2	—	31	4	5	2	4

В зависимости от конкретных условий военно-политической обстановки создание стратегических резервов в годы войны осуществлялось различными способами.

В первом периоде войны, когда советским войскам пришлось дважды вести стратегическую оборону, основным источником образования стратегических резервов являлась мобилизация новых контингентов военнообязанных. Резервы создавались главным образом за счет образования новых формирований в тылу страны (85%) и частично путем вывода войск из состава действующих фронтов на доукомплектование (15%). Такой способ создания резервов диктовался тем, что в условиях утраты стратегической инициативы и ведения вынужденной обороны Ставка ВГК имела ограниченные возможности для вывода войск в резерв из состава действующих фронтов. К тому же иногда требовались свежие силы для стабилизации фронта там, где противнику удавалось его прорвать.

В этот период Ставка ВГК сформировала 28 управлений общевойсковых армий, 2 танковые армии, 29 танковых и механизированных корпусов, 367 стрелковых дивизий, 336 отдельных бригад (стрелковых, танковых, механизированных, артиллерийских), 480 отдельных полков (танковых, механизированных, артиллерийских). Она вывела из состава действующих фронтов и доукомплектовала 3 управления общевойсковых армий, 12 танковых и механизированных корпусов, 73 стрелковые дивизии, 130 отдельных бригад, отдельный артиллерийский полк¹¹⁷.

Во втором периоде войны условия для создания стратегических резервов существенно изменились. Было ликвидировано количественное превосходство противника в боевой технике и вооружении. Военная промышленность не только в достатке вооружила боевой техникой и оружием войска на фронте, но и обеспечила создание стратегических резервов. С переходом стратегической инициативы в руки советского командования создались лучшие возможности для вывода войск из действующих фронтов в резерв для доукомплектования, обучения и последующего их применения на нужных направлениях. Поэтому в данный период войны 70% стратегиче-

ских резервов составили войска, выведенные из действующих фронтов, и только 30% — новые формирования. В общей сложности в это время из состава действующих фронтов было выведено 565 объединений, соединений и частей, а вновь сформировано лишь 231¹¹⁸.

При подобном способе создания резервов обеспечивались более выгодные условия их подготовки и слаживания. Прежде всего в выводимых соединениях сохранялся боевой костяк личного состава (в среднем 3,5 тыс. человек в стрелковой дивизии). Закаленный в боях, он играл важную роль в обучении прибывавшего пополнения боевому мастерству. Благодаря этому улучшалось качество полевой выучки личного состава, что в свою очередь способствовало сокращению сроков приведения резервных соединений в боеготовое состояние. В завершающих кампаниях войны развертывание новых объединений и соединений в тылу страны практически прекратилось.

Стратегические резервы широко применялись для выполнения как оборонительных, так и наступательных задач. В начале войны и в летне-осенней кампании 1942 г. они в основном использовались в целях обороны: для восстановления стратегического фронта, усиления оборонительных группировок и увеличения глубины обороны на важнейших направлениях. Такое их применение позволяло во многих случаях преодолеть создавшийся в обстановке кризис. Но нередко резервы не справлялись с поставленными им задачами. Дело в том, что основную массу стратегических резервов в то время составляли новые формирования, подготовленные в крайне ограниченные сроки. В связи с отсутствием времени для сколачивания и боевого обучения многие из них направлялись в действующую армию не полностью укомплектованными и недостаточно обученными, что резко снижало их боевые возможности.

Самая важная и сложная задача, которая решалась в оборонительных кампаниях с помощью резервов, заключалась в восстановлении стратегического фронта обороны на важнейших направлениях. Во всяком случае, большая часть стратегических резервов, направленных летом и осенью 1941 г. на западное направление, была использована именно для этого. Развертывание и ввод в сражение резервов Ставки ВГК позволили также стабилизировать фронт на северо-западном и юго-западном направлениях. В летне-осенней кампании 1942 г. для стабилизации фронта на сталинградском направлении было использовано 72 стрелковые дивизии, 11 танковых и механизированных корпусов, 2 кавалерийских корпуса, 38 танковых бригад и другие соединения и части¹¹⁹.

Особенно крупные силы резервов требовалось одновременно развертывать в том случае, когда противнику удавалось образовать большую брешь в стратегической обороне наших войск, как, например, при развале Западного фронта в начале июля 1941 г. Аналогичные задачи, правда в несколько меньшем масштабе, возникали в августе 1941 г. на северо-западном направлении, затем в сентябре 1941 г. на юго-западе после окружения и уничтожения противником крупных сил советских войск под Киевом и, наконец, в октябре 1941 г. после окружения и уничтожения под Вязьмой значительных сил Западного и Резервного фронтов.

В некоторых случаях стратегические резервы использовались только для усиления действующих фронтов на главных направлениях, наращивания глубины обороны и обеспечения флангов. Это позволяло укреплять наиболее ответственные направления, важнейшие оборонительные группировки и постепенно изменять в свою пользу соотношение сил и средств. Так, если в начале октября 1941 г. Западный фронт имел в своем составе 30 стрелковых дивизий, то в первых числах декабря он насчитывал их уже 50. Количество стрелковых бригад увеличилось с 1 до 16, авиационных дивизий — с 5 до 8, кавалерийских дивизий — с 3 до 16, танковых бри-

гад — с 3 до 22, артиллерийских полков резерва Ставки ВГК — с 28 до 53, гвардейских минометных дивизионов — с 1 до 30, отдельных зенитных дивизионов — с 11 до 16¹²⁰.

В годы войны широко применялось заблаговременное развертывание резервов на тыловых рубежах. Это давало возможность наращивать глубину эшелонирования стратегической обороны и тем самым повышать ее устойчивость. Например, в Смоленском сражении, когда на Вяземском оборонительном рубеже за войсками Западного фронта был развернут Фронт резервных армий. И затем при отражении второго немецкого наступления на Москву, когда стратегические резервы заняли Можайскую линию обороны.

Особая роль отводилась стратегическим резервам при нанесении контрударов, проведении частных наступательных операций и в обеспечении перехода от обороны в контрнаступление. Это придавало стратегической обороне активный характер. В конце ноября и начале декабря 1941 г. для развертывания активных наступательных действий под Москвой только в состав Западного фронта Ставка ВГК передала кроме 3 общевойсковых армий 9 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии, 8 стрелковых и 6 танковых бригад. С 27 ноября по 3 декабря на это направление было переброшено 30 дивизий и 12 стрелковых бригад в составе резервных армий. Всего же за первые полгода войны было передано фронтам 221 вновь сформированных и 8 восстановленных дивизий, 110 стрелковых и танковых бригад, а также большое количество артиллерийских, авиационных и инженерно-технических частей, частей противовоздушной обороны. Из резерва Ставки в действующую армию было направлено также 97 дивизий довоенного формирования¹²¹. Непосредственно перед началом контрнаступления под Сталинградом и в ходе его, с октября до 31 декабря 1942 г., для создания наступательной группировки войск Ставка ВГК передала фронтам из своего резерва 45 стрелковых дивизий, 9 танковых и 7 механизированных корпусов¹²², 7 отдельных танковых бригад, 25 артиллерийских полков и 2 авиационных корпуса.

Летом 1943 г. для ведения стратегической обороны под Курском и перехода в контрнаступление на усиление Центрального и Воронежского фронтов из резерва Ставки ВГК с апреля по июль 1943 г. были переданы: 10 стрелковых дивизий, 10 истребительно-противотанковых артиллерийских бригад, 13 отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских полков, 14 артиллерийских полков, 8 гвардейских минометных полков, 7 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков и другие части. С марта по июль в распоряжение этих фронтов было передано 5 635 орудий и 3 522 миномета, а также 1 294 самолета¹²³. А в ходе контрнаступления в сражение, как отмечалось, был введен Степной фронт, включавший в свой состав более половины всех резервов, имевшихся в то время в распоряжении Ставки ВГК.

В наступательных операциях стратегические резервы использовались преимущественно на главных направлениях для создания ударных группировок, усиления фронтов, выполнявших наиболее ответственные задачи, наращивания усилий в ходе развития наступления, обеспечения флангов, отражения контрударов противника, переноса основных усилий на новые направления и решения других задач.

Так, при подготовке стратегических наступательных операций в летне-осенней кампании 1944 г. для создания мощных ударных группировок на белорусском направлении из резерва Ставки ВГК были переданы в 1-й Прибалтийский, 1-й, 2-й и 3-й Белорусские фронты 7 общевойсковых и 2 танковые армии, 76 стрелковых дивизий, 12 танковых и механизированных корпусов, 11 артиллерийских и минометных дивизий, 33 авиационные дивизии, значительное количество частей и соединений артиллерии, свыше 210 тыс. человек маршевого пополнения¹²⁴. Еще в большем мас-

штабе резервы Ставки привлекались в период подготовки завершающей кампании 1945 г. в Европе.

В целях наращивания усилий войск в Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции дополнительно были введены в сражение 3 армии, 30 дивизий и 6 бригад, в Белорусской операции — 2 армии, танковый корпус и 24 дивизии, в Восточно-Карпатской операции — 2 танковых корпуса и 5 дивизий, в Прибалтийской операции — 1 армия, 6 дивизий и бригада, в Восточно-Прусской операции — 1 армия и 9 дивизий и т. п.¹²⁵ В Киевской стратегической наступательной операции 1943 г. 1-й Украинский фронт, израсходовавший большую часть своих сил при отражении контрудара противника под Житомиром, был усилен из резерва Ставки общевойсковой армией, что позволило ему не только остановить врага, но и продолжить наступление.

Для усиления объединений, участвовавших в наступательных операциях, групп фронтов, из резерва Ставки было введено: в первом периоде войны — 12 армий, всего 142 дивизии (расчетных); во втором периоде — 28 армий, всего 249 дивизий; в третьем периоде — 57 армий, всего 415,5 дивизий¹²⁶.

В целом умелое использование стратегических резервов давало возможность советским войскам успешно противостоять противнику, срывать его планы, захватывать и удерживать стратегическую инициативу, наращивать мощь своих ударов, эффективно решать внезапно возникающие задачи.

7. Стратегическое применение видов Вооруженных Сил

В годы Великой Отечественной войны отечественная военная стратегия исходила из того, что победа в ней может быть достигнута только совместными усилиями всех видов Вооруженных Сил и использованием сильных сторон каждого из них.

Решающая роль в достижении целей войны отводилась Сухопутным войскам, большая часть которых (около 57%) находилась в действующей армии. Они составляли основу стратегических группировок как в обороне, так и в наступлении. Характерные особенности их стратегического применения: массирование войск, сил и средств и сосредоточение их усилий на важнейших направлениях для выполнения наиболее важных оперативно-стратегических задач; гибкий маневр объединениями и соединениями; тесное взаимодействие с авиацией, Войсками ПВО, а на приморских направлениях и с силами флота.

Во время войны Сухопутные войска вынесли на себе основную тяжесть вооруженной борьбы. При поддержке ВВС и ВМФ они разгромили главные сухопутные группировки врага, что оказало определяющее влияние на ход и исход не только Великой Отечественной войны, но и второй мировой войны в целом. Их усилиями было разбито в три с лишним раза больше вражеских дивизий, чем это сделали вооруженные силы наших союзников.

Военно-Воздушные Силы применялись для поддержки войск фронтов (армий) и проведения самостоятельных воздушных операций. В ходе войны ими совершено более 3 млн. боевых самолето-вылетов, сброшено на различные объекты противника свыше 30 млн. бомб общим весом более 660 тыс. тонн¹²⁷.

В стратегических операциях главные усилия ВВС направлялись для действий непосредственно в интересах войск, на их поддержку. Для выполнения связанных с этим задач использовалось от 40 до 56% самолето-вылетов в каждой стратегической операции¹²⁸.

В оборонительных операциях воздушные армии фронтовой авиации содействовали наземным войскам в отражении наступления противника; подавляли и уничтожали вражескую авиацию; прикрывали от ударов с воздуха главные группировки

войск; вели борьбу с резервами противника, а также осуществляли воздушную разведку. Новым в применении фронтовой авиации стало проведение авиационной контрподготовки с целью ослабления ударов наступавшего врага. Основными объектами действий ВВС в обороне были ударные группировки противника, особенно войска его первого эшелона, оперативные резервы, узлы коммуникаций и пункты управления. Уничтожение их осуществлялось в течение всей оборонительной операции.

В первых стратегических оборонительных операциях советская авиация из-за понесенных больших потерь эффективной помощи наземным войскам не оказывала. В это время немецкие ВВС безраздельно господствовали в воздухе. Только с середины 1942 г. и особенно в 1943 г. в стратегической оборонительной операции под Курском советские ВВС стали в основном успешно решать возложенные на них задачи. Важную роль в этом сыграли переход к массированному применению авиации за счет сосредоточения значительных сил на направлениях главных ударов противника, создание и использование авиационных резервов Ставки ВГК, широкое применение самолетов новых типов, приближение базирования всех родов авиации к оборонявшимся войскам, что позволило увеличить время пребывания самолетов над полем боя.

Активное участие авиация принимала при нанесении контрударов советскими обороняющимися войсками. Так, в Курской стратегической оборонительной операции для поддержки контрударов Центрального и Воронежского фронтов 16-я и 2-я воздушные армии, а также авиация дальнего действия провели за 4 дня свыше 7 тыс. самолето-вылетов, или более 30% всех вылетов, совершенных в период оборонительного сражения¹²⁹.

В оборонительных операциях роль и масштабы применения авиации оказались значительно большими, чем это предусматривалось перед войной. Свои задачи в обороне она решала не в армейских, а во фронтовых и даже стратегических оборонительных операциях

Начиная со второго периода войны, основной формой оперативного применения авиации в стратегических наступательных операциях стало авиационное наступление. Сущность его заключалась в непрерывных действиях ВВС в тесном взаимодействии с наступающими общевойсковыми и танковыми армиями фронтов. Первый опыт авиационного наступления был приобретен под Сталинградом, а наиболее полное развитие оно получило в операциях третьего периода войны. Это был важный шаг в развитии оперативного искусства ВВС: от эпизодических и разрозненных ударов советская авиация перешла к массированным действиям на направлениях главных ударов фронтов, хорошо согласованным с действиями войск.

В ходе авиационного наступления на ВВС возлагались обычно следующие задачи: авиационная подготовка наступления (предварительная и непосредственная) с целью подавить оборону противника; поддержка наземных войск при прорыве ими тактической и оперативной обороны; прикрытие главных группировок при подготовке и в ходе наступления; обеспечение ввода в сражение подвижных групп, вторых эшелонов и резервов; участие в отражении контрударов противника; борьба с его авиацией и резервами; воздушная блокада окруженной вражеской группировки; ведение воздушной разведки. Надежное решение этих задач обеспечивалось массированным применением авиации на главных направлениях и в решающие моменты операции. С этой целью Ставка ВГК осуществляла гибкий маневр своими авиационными резервами. Так, для участия в контр наступлении под Сталинградом на это направление были переброшены 4 авиационных корпуса и 7 отдельных авиационных дивизий. Для ведения стратегических наступательных операций в ходе битвы под Курском и после нее Ставка выделила из своего резерва 18 авиационных корпу-

сов¹³⁰. Это, а также смелый маневр авиацией фронтов позволили непрерывно усиливать удары с воздуха по оборонявшемуся противнику.

Во время войны впервые была решена проблема применения авиации в операциях на окружение, разработаны способы боевых действий при создании внутреннего и внешнего фронтов, отражении контрударов, а также во время уничтожения окруженных войск.

Совершенно новым явлением в оперативном искусстве ВВС явилось успешное осуществление воздушной блокады окруженных группировок противника под Сталинградом, Корсунь-Шевченковским, Бобруйском, Витебском, Минском, Яссами, Кишиневом, Кенигсбергом, Бреслау, Берлином.

С самого начала войны в стратегических действиях ВВС важное место заняли самостоятельные воздушные операции. Обычно они проводились с целью разгрома авиационных группировок противника и завоевания господства в воздухе, подавления и разрушения политических и экономических центров врага, его портов и морских баз, для блокады и разгрома окруженных немецких группировок, оказания помощи партизанам.

В завоевании господства в воздухе принимали участие все виды Вооруженных Сил, хотя основная роль в этом принадлежала Военно-Воздушным Силам. Основным способом решения этой задачи являлось уничтожение авиации врага в воздушных боях. Из общего числа уничтоженных на советско-германском фронте немецких самолетов в воздушных боях было сбито 57%, уничтожено на аэродромах — 17%, сбито огнем зенитной артиллерии — 6%¹³¹. Большую роль играли и воздушные операции по разгрому авиационных группировок противника на аэродромах. Первые подобного рода операции, как уже отмечалось, были проведены авиацией Северного фронта, Балтийского и Северного флотов с 25 по 30 июня 1941 г., когда были нанесены удары по аэродромам Финляндии и Норвегии. Затем авиация дальнего действия 6 и 7 августа 1941 г. нанесла удары по аэродромам на территории Белоруссии. В ноябре того же года ВВС Калининского, Западного и Брянского фронтов, а также авиация дальнего действия и Московской зоны обороны во время оборонительного сражения под Москвой совершили налет на аэродромы немецкой авиационной группировки, наносившей удары по советской столице. В конце 1942 г. и начале 1943 г. воздушные операции по уничтожению авиации противника на аэродромах проводились силами 8-й воздушной армии и дальней авиации на сталинградском направлении, а силами 4-й и 5-й воздушных армий, корпуса дальней авиации и ВВС Черноморского флота — на северо-кавказском направлении.

Наиболее крупными и эффективными были воздушные операции по завоеванию господства в воздухе, проведенные в мае—июне 1943 г. В первой из них с 6 по 8 мая участвовало 6 воздушных армий. Удары наносились по 24 аэродромам в полосе шириной более 1 тыс. км на глубину до 200 км. Во второй операции в июне применялись 3 воздушные армии и авиация дальнего действия. В обеих операциях было уничтожено около 750 самолетов противника, что послужило одной из причин утраты им стратегического господства в воздухе на всем советско-германском фронте¹³². За время войны для ударов по аэродромам было произведено более 58 тыс. самолето-вылетов (около 2%), в результате которых немецко-фашистская авиация потеряла 13 300 самолетов, т. е. 23% общего количества уничтоженных на советско-германском фронте. Это было эффективной формой борьбы с вражеской авиацией. В среднем на каждый выведенный из строя на аэродроме самолет противника затрачивалось всего 5 самолето-вылетов, в то время как на уничтожение одного самолета в воздухе требовалось до 30 самолето-вылетов, то есть в 5—6 раз больше¹³³.

Воздушные операции по подавлению и разрушению экономических объектов, административно-политических центров, портов и морских баз противника из-за

недостатка сил и средств в годы войны проводились редко, но уже с 24 июня по 3 июля 1941 г. два корпуса дальнебомбардировочной авиации Главного Командования совместно с ВВС Балтийского и Черноморского флотов нанесли удары по военно-промышленным объектам в Кенигсберге, Данциге, Варшаве, Бухаресте. В ночь на 8 августа 1941 г. впервые был осуществлен налет на Берлин. В последующем по объектам глубокого тыла противника наносились лишь эпизодические удары. Только в конце войны воздушные операции с нанесением ударов по глубоким тылам врага стали проводиться чаще, хотя в сравнении с английскими и американскими ВВС действия советской авиации из-за недостатка сил серьезного ущерба противнику не причиняли.

Особое место в стратегических действиях ВВС занимали воздушно-транспортные операции. Всего за войну в этих операциях для оказания помощи партизанам было совершено около 110 тыс. самолето-вылетов дальней авиацией и Гражданским воздушным флотом, в том числе 13 тыс. с посадкой на площадках у партизан. В тыл врага и из партизанских районов на «Большую землю» было перевезено свыше 83 тыс. человек, доставлено партизанам большое количество боеприпасов, вооружения, медикаментов и прочих грузов (17 тыс. тонн)¹³⁴.

В целом, советские ВВС приобрели большой опыт в решении оперативных и стратегических задач. Их действия оказали существенное влияние на ход и исход военных кампаний и всей войны.

Войска Противовоздушной обороны страны являлись основным средством прикрытия важнейших группировок войск и важных объектов страны в прифронтовых районах и в глубине. Условия их стратегического применения в ходе войны постоянно менялись. Одно дело в начале ее, когда немецкая авиация, обладая господством в воздухе, проявляла большую активность не только на поле боя, но и на большой глубине. Вот тогда-то и возросло значение надежного прикрытия важных экономических и административно-политических центров страны. На решение этой задачи в 1941—1942 гг. было выделено от 60 до 87% истребительной авиации и от 60 до 80% зенитной артиллерии ПВО¹³⁵. Во втором и третьем периодах войны господство в воздухе постепенно перешло к советским ВВС. Противник был вынужден сосредоточить главные усилия своей авиации в прифронтовых районах для поддержки сухопутных войск. В связи с этим основные усилия Войск ПВО страны были перенесены накрытие ударных группировок фронтов, важных объектов оперативного тыла, прежде всего фронтовых коммуникаций на глубину 300—500 км от линии фронта. На это было израсходовано около 50% сил и средств.

Наибольшего напряжения от Войск ПВО страны потребовали действия по отражению массированных ударов авиации противника на крупные города — Москву, Ленинград, Горький, Сталинград, Киев, Минск и др. Первый налет немецкой авиации на столицу состоялся в ночь на 22 июля. В нем участвовало свыше 220 самолетов противника из лучших авиационных частей, уже имевших опыт разрушения крупных городов Европы. Тем не менее, налет был сорван: 22 самолета противника были сбиты истребителями и зенитной артиллерией. К объектам ударов прорвались лишь одиночные бомбардировщики, остальные сбросили бомбы, так и не долетев до намеченных целей. В дальнейшем немецкая авиация совершала систематические налеты на Москву группами от 50—80 до 100—120 самолетов. Всего на этом направлении было совершено 12 100 самолето-пролетов. Тем не менее ПВО страны выполнила свою задачу. Противник не смог причинить Москве сколько-нибудь существенного ущерба, но сам потерял более 1 300 самолетов¹³⁶.

Оказалась тщетной и попытка противника парализовать жизнедеятельность Ленинграда. Налеты на этот город начались с июля 1941 г. В дальнейшем они предпринимались почти ежедневно. Только в сентябре противник нанес за 3 дня 12

ударов по Ленинграду и Кронштадту с целью уничтожить корабли Балтийского флота, но безуспешно. Начиная с октября немецкая авиация отказалась от массированных дневных налетов на Ленинград и в основном перешла к эшелонированным ночным действиям¹³⁷.

В прифронтовых районах Войска ПВО взаимодействовали с истребительной авиацией и зенитной артиллерией фронтов и флотов. При этом особое внимание уделялось прикрытию прифронтовых железных дорог. Силы, выделенные для их защиты в 1944 г., возросли по сравнению с 1942 г. по зенитной артиллерии среднего калибра в 5 раз, а по зенитной артиллерии малого калибра — в 22 раза¹³⁸. Совершенствовалась также система прикрытия коммуникаций. Наряду с прикрытием основных железнодорожных узлов и мостов стали применяться маневренные группы ПВО для обороны наиболее важных участков железных дорог, так называемые «кочующие группы» для действий из засад, а также подвижные группы зенитных средств для сопровождения железнодорожных эшелонов.

С 1943 г., в связи с продвижением советских войск на запад, система противовоздушной обороны прифронтовых районов последовательно наращивалась за счет маневра силами и средствами из глубины страны. Например, в мае и июне 1944 г. из тыловых районов Южного фронта ПВО в прифронтовую зону 1-го и 2-го Украинских фронтов были перебазированы 2 истребительные авиационные дивизии и более 40 зенитных артиллерийских частей. Летом и осенью того же года за пределы СССР для прикрытия объектов в прифронтовой полосе из глубины страны были выдвинуты 5 корпусов ПВО¹³⁹.

Составной частью Войск ПВО страны являлась местная противовоздушная оборона (МПВО). Находясь в ведении народного комиссариата внутренних дел, она опиралась на развитую систему местных частей и различных служб (противопожарной, медико-санитарной службы, связи и др.). Все население угрожаемых районов от 16 до 60 лет должно было принимать посильное участие в мероприятиях местной ПВО. В 1942 г. численность различных формирований МПВО превышала 6 млн. человек¹⁴⁰. Система МПВО сыграла большую роль в ликвидации последствий воздушных налетов противника, тушении пожаров, предотвращении различных аварий на объектах народного хозяйства, обезвреживании неразорвавшихся авиабомб и т. д.

Эффективность действий Войск ПВО непрерывно повышалась. Этому способствовало более решительное сосредоточение сил и средств на обороне важных объектов, укрупнение группировок войск, маневр силами противовоздушной обороны вслед за наступающими войсками фронтов, совершенствование способов применения истребительной авиации и зенитной артиллерии. В общем за годы войны Войска ПВО уничтожили 7 313 самолетов противника, из них 4 168 самолетов — истребителями. Это сыграло немаловажную роль в завоевании господства в воздухе, обеспечении успешного развития операций фронтов и жизнедеятельности прифронтовых районов страны. Ощутимый урон они нанесли и наземному противнику, уничтожив свыше 1 тыс. танков, около 1,5 тыс. орудий и минометов, а также много другой боевой техники и живой силы врага¹⁴¹.

Опыт войны показал важность создания системы противовоздушной обороны страны еще в мирное время как единой системы на всей обороняемой территории, что успешное решение стоящих перед Войсками ПВО страны задач находится в прямой зависимости от наличия надежно работающих средств обнаружения, оповещения и связи.

Военно-Морской Флот в годы войны, в силу континентального характера военных действий, сосредоточил свои главные усилия на содействии операциям Сухопутных войск, но вместе с тем вел и самостоятельные боевые действия.

В наиболее сложных условиях, ввиду господства противника в воздухе и потери важнейших районов базирования, а также из-за сокращения судоремонтной базы в первый период войны выполняли свои задачи Балтийский и Черноморский флоты. На протяжении всей войны они наиболее тесно взаимодействовали с приморскими фронтами. В стратегических оборонительных операциях эти флоты способствовали фронтам в отражении наступления противника на приморских направлениях и прикрывали фланги их войск с моря. Важное значение имела оборона ими совместно с Сухопутными войсками и ВВС приморских городов и крупных военно-морских баз, в том числе Либавы, Таллина, Новороссийска, Ханко, но особенно Одессы и Севастополя. Сложность решения такой задачи заключалась в том, что большинство баз не были заблаговременно подготовлены к обороне с суши, поэтому приходилось создавать ее уже в ходе военных действий при быстром продвижении противника вдоль побережья.

Особой задачей флотов являлось обеспечение эвакуации войск и военно-морских баз с изолированных участков побережья. Она, как правило, проводилась флотом по решению Ставки Верховного Главнокомандования, когда дальнейшее их удержание становилось нецелесообразным или невозможным, либо возникала необходимость использования оборонявших эти районы войск на других направлениях. Масштабы эвакуации были значительными. Так, при эвакуации войск и мирного населения из Таллина и Ханко флот вывез все войска (более 42,5 тыс. человек) с оружием, военной техникой, боезапасами, продовольствием и другими грузами, которые затем включились в оборону Ленинграда. Из Одессы Черноморский флот эвакуировал в Крым значительное количество оружия, военной техники, около 25 тыс. тонн различных грузов, 86 тыс. военнослужащих и 15 тыс. жителей города, большая часть которых приняла участие в его обороне, а затем защищала Севастополь¹⁴². Когда и над ним нависла угроза, несколько тысяч бойцов были эвакуированы на Северный Кавказ. Однако из-за запоздалого решения на эвакуацию в этом случае значительную часть техники и личного состава вывезти не удалось.

В стратегических наступательных операциях флоты прикрывали приморские группировки Сухопутных войск от ударов противника с моря, участвовали в артиллерийской и авиационной подготовке наступления, содействовали им в окружении и уничтожении прижатых к морю войск противника, проводили самостоятельные и совместные десантные операции различного масштаба. Самыми крупными и важными из них являлись: Керченско-Феодосийская десантная операция 1941—1942 гг., Новороссийская и Керченско-Эльтигенская десантные операции 1943 г. на Черном море, Моонзундская десантная операция 1944 г. на Балтике, Курильская десантная операция 1945 г. на Тихом океане. Всего за годы войны флоты обеспечили высадку более 110 оперативных и тактических морских десантов общей численностью свыше 250 тыс. человек¹⁴³. Главными целями таких операций были: захват плацдармов на побережье противника для дальнейшего наступления на новых операционных направлениях (Керченско-Феодосийская, Керченско-Эльтигенская), овладение важными островными территориями (Моонзундская, Курильская), нанесение удара во фланг и тыл оборонявшейся группировке врага (Новороссийская). Не все десантные операции были успешными, но в целом они сыграли важную роль в решении стратегических задач на приморских флангах советско-германского фронта.

Наиболее важными стратегическими задачами, которые решал Военно-Морской Флот в самостоятельных операциях, являлись борьба на морских коммуникациях противника и защита своих морских сообщений. Для Северного флота эти задачи оказались главными. Они вытекали из необходимости обеспечения прочной двусторонней связи между основными членами антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритании) через Атлантику.

Борьба на вражеских коммуникациях проводилась как в ходе повседневной боевой деятельности флотов (в первом и втором периодах войны), так и в специальных операциях. Зимой 1943/1944 гг. такие операции проводились главным образом в Норвежском и Баренцевом морях. С 1944 г. они стали предприниматься на Балтийском и Черном морях, в том числе с целью блокирования крымской и курляндской группировок немецких войск. Их результативность постепенно возрастала. С 1942 по 1944 гг., например, число потопленных вражеских транспортов увеличилось в 2,5 раза. Всего за годы войны ВМФ было потоплено около 1 300 транспортов противника. Наиболее эффективным средством борьбы на коммуникациях являлись авиация и подводные лодки, на долю которых приходилось почти 88% судов¹⁴⁴.

Война подтвердила важность надежной защиты своих морских сообщений. В ходе ее Военно-Морской Флот обеспечил перевозку более 105 млн. тонн различных грузов и 10 млн. человек военнослужащих и гражданского населения. Один только Северный флот провел в своей операционной зоне свыше 2,5 тыс. судов в составе внутренних конвоев и около 1,5 тыс. транспортов в составе союзных конвоев¹⁴⁵. На Балтике и Черном море эта задача особенно остро стояла в первом периоде войны при обороне Ленинграда, Одессы и Севастополя. Определенное значение она сохраняла и в последующем.

Большие масштабы с самого начала войны приняла минная борьба на море. Обе стороны широко применяли постановку минных заграждений, причем как для защиты своих баз и коммуникаций, так и для блокирования баз противника. Только в 1941 г. на создание минно-артиллерийских позиций советские флоты израсходовали около 32 тыс. различных мин¹⁴⁶. Но в решении этой задачи допускались и ошибки. В частности, имели место случаи необоснованной постановки некоторых минных заграждений в 1941 г. в Черном море. Впоследствии они затруднили боевую деятельность Черноморского флота.

В целом за годы войны в вопросах стратегического применения Военно-Морского Флота был достигнут немалый прогресс. Однако силы флота действовали преимущественно в прибрежных районах. Не были разработаны и освоены способы разгрома группировок военно-морских сил противника в ведении борьбы за господство на море.

8. Стратегическое руководство вооруженной борьбой

Стратегическое руководство вооруженной борьбой в Великой Отечественной войне заключалось в постоянной и целеустремленной деятельности высших военно-политических и государственных органов, направленной на мобилизацию сил и средств для ведения войны, совершенствование строительства Вооруженных Сил, их техническое оснащение и стратегическое использование, определение наиболее эффективных форм вооруженной борьбы, кампаний и стратегических операций, организацию стратегического взаимодействия между фронтами, группами фронтов и видами Вооруженных Сил, управление ходом вооруженной борьбы и ее всестороннее обеспечение.

Начавшаяся война с ее огромным пространственным размахом, невиданной напряженностью и динамичностью военных действий, применением больших масс войск и военной техники, огромными материальными издержками и потерями потребовала кардинального изменения всей системы политического, государственного и военного руководства.

В связи с мобилизацией всех сил и ресурсов страны, использованием их в интересах достижения целей войны возникла необходимость в максимальной цент-

рализации руководства государством с сосредоточением всей полноты власти в руках одного полномочного органа. Таким органом стал образованный 30 июня 1941 г. по решению Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР Государственный Комитет Оборона (ГКО). На время войны он, обладавший всей полнотой власти в стране, объединял военное, политическое и хозяйственное руководство. Председателем ГКО был утвержден Сталин, заместителем председателя — В. М. Молотов, членами — К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков. Спустя некоторое время в состав ГКО были введены Н. А. Булганин, Н. А. Вознесенский, Л. М. Каганович, А. И. Микоян¹⁴⁷.

На основе общих политических целей войны ГКО стоял перед Верховным Главнокомандованием и в целом перед Вооруженными Силами военно-политические задачи и предоставлял необходимые силы и средства для их выполнения. Он же устанавливал численность Вооруженных Сил, исходя из потребностей вооруженной борьбы, нужд экономики и наличия людских ресурсов, определял структуру Вооруженных Сил, направление их технического оснащения и общий характер использования в войне, принимал решения об изменении органов высшего военного управления и о назначении руководящих кадров центрального и фронтового аппарата. Наркоматы обороны и ВМФ являлись рабочими органами ГКО по военным вопросам, непосредственными организаторами и исполнителями его решений. Стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного Главнокомандования. Создание ГКО и сосредоточение в его руках всей полноты власти сыграло решающую роль в развитии системы стратегического руководства и повышении его эффективности.

Сложнее обстояло дело с организацией стратегического руководства Вооруженными Силами. Сложившаяся в предвоенный период система органов руководства ими соответствовала по сути опыту первой мировой и гражданской войн, когда в распоряжении Верховного Командования находилось ограниченное число фронтовых объединений, и не отвечала новым требованиям и условиям вооруженной борьбы, не обеспечивала необходимой централизации руководства Вооруженными Силами. Партийно-государственное руководство страны не учло опыта и уроков начавшейся на Западе второй мировой войны и не предприняло никаких шагов к пересмотру и обновлению структуры аппарата управления Вооруженными Силами. Не было принято также предложение Генерального штаба, подготовленное в мае 1940 г., о создании Главного Командования, как чрезвычайного органа управления Вооруженными Силами в военное время. Утверждение этого проекта (в котором, по свидетельству Г. К. Жукова, было предусмотрено назначение на должность председателя Ставки Сталина) неоднократно откладывалось и, в конце концов, так и не состоялось до самого начала войны. «В силе осталось существовавшее положение, что боевыми действиями в случае большой войны будет руководить Главный военный совет во главе с наркомом обороны» — это констатация маршала А. М. Василевско-го¹⁴⁸. Следует отметить, что указанная структура органов стратегического руководства не была проверена ни на стратегических учениях, ни в полевых поездках и на учениях с войсками.

В результате, реорганизация высших органов военного управления происходила уже в ходе войны, когда целесообразные формы и методы их функционирования пришлось выработать чисто эмпирически, что зачастую было сопряжено с крупными просчетами в руководстве войсками. Положение осложнялось еще и тем, что перед войной не была досконально продумана организация Главного Командования и его рабочего аппарата по управлению действующей армией. Речь идет о персональном составе, структуре, командных пунктах, системе связи, размещении, материально-техническом обеспечении и жизнеобеспечении. Например, предполагалось, что

руководство действующей армией из Генерального штаба будет осуществляться со штатных рабочих мест штатными средствами связи из служебных кабинетов, а связь с фронтами и армиями намечалось обеспечивать главным образом по общегосударственной сети и т. д.¹⁴⁹

В первый день войны военными действиями советских Вооруженных Сил руководил, как и предусматривалось, Главный военный совет во главе с наркомом обороны. На следующий день в соответствии с разработанным накануне войны проектом создания Главного Командования, по предложению наркома обороны и начальника Генерального штаба постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) создается Ставка Главного Командования. В нее вошли нарком обороны маршал С. К. Тимошенко (председатель), начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков, генеральный секретарь ЦК ВКП(б), председатель СНК СССР И. В. Сталин, нарком иностранных дел В. М. Молотов, председатель Комитета обороны при СНК СССР маршал К. Е. Ворошилов, первый заместитель наркома обороны маршал С. М. Буденный, нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов¹⁵⁰. По свидетельству маршала Жукова, «ее состав несколько отличался от проекта, предложенного Наркоматом обороны». Не было принято предложение о назначении Главнокомандующим Сталина и о включении в состав Ставки первого заместителя начальника Генерального штаба Н. Ф. Ватутина¹⁵¹.

Слабым местом во всей системе руководства явилась та поспешность, с которой создавались высшие органы управления в сложных условиях начавшейся войны. Первоначальная структура, состав и методы работы Ставки Главного Командования и ГКО не были заранее продуманы и требовали дальнейшего совершенствования. Поэтому состав Ставки пришлось корректировать уже 10 июля. Как показали первые же дни войны, назначение наркома обороны председателем Ставки оказалось ошибочным. Динамичность военных действий с быстрым и резким изменением обстановки на огромном фронте требовали высокой оперативности в руководстве войсками. Между тем, маршал Тимошенко не мог самостоятельно, без согласования со Сталиным, принимать каких-либо решений по руководству Вооруженными Силами. Как отмечает в своих воспоминаниях маршал Жуков, в первые дни войны было как бы «два главнокомандующих: нарком С. К. Тимошенко — юридический, в соответствии с постановлением, и И. В. Сталин — фактический», что значительно «осложняло работу по управлению войсками и неизбежно приводило к излишней трате времени на выработку решений и отдачу распоряжений»¹⁵².

В целях обеспечения централизованного и более оперативного управления Вооруженными Силами и в связи с созданием Главных командований стратегических направлений ГКО постановил преобразовать Ставку Главного Командования в Ставку Верховного Командования, а ее председателем назначить Сталина. Одновременно из ее состава был выведен адмирал Кузнецов и включен маршал Шапошников¹⁵³. Назначение Сталина председателем Ставки в значительной мере содействовало упорядочению служебных отношений внутри этого органа. Несмотря на то, что постановление ГКО юридически не определяло персональные обязанности, в том числе и председателя Ставки, решающее слово всегда принадлежало Сталину, который, не говоря уже о том, что занимал ключевые посты в государстве (генеральный секретарь ЦК ВКП(б), председатель СНК и ГКО), пользовался безграничным авторитетом в стране, партии и Вооруженных Силах. В результате этих преобразований роль Ставки в руководстве вооруженной борьбой заметно повысилась.

Тем не менее Ставка по-прежнему испытывала большие трудности, прежде всего из-за раздвоенности в руководстве Наркоматом обороны. В целях ликвидации этого недостатка 19 июля 1941 г. Сталин назначается наркомом обороны СССР, а 8 августа, в связи с переименованием Ставки Верховного Командования в Ставку

Верховного Главнокомандования (ВГК), — Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами СССР¹⁵⁴.

С этого времени постепенно утверждается четкий порядок в работе Ставки (докладов обстановки и выработки решений). В первую очередь было установлено, что приказы Ставки подписываются Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба. Определелись функции представителей Ставки. Персональный ее состав в годы войны изменялся незначительно. В нее были последовательно включены занимавшие пост начальника Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников (с июля 1941 г.), генерал-полковник А. М. Василевский (11 мая 1943 г.), генерал армии А. И. Антонов (17 февраля 1945 г.). Последнее изменение состава Ставки ВГК произошло в феврале 1945 г., что было обусловлено сложившейся к тому времени обстановкой. Постановлением ГКО от 17 февраля 1945 г. был определен следующий ее состав: И. В. Сталин, Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Антонов, Н. И. Булганин и Н. Г. Кузнецов¹⁵⁵.

Ставка ВГК осуществляла стратегическое руководство Красной Армией, Военно-Морским Флотом, пограничными и внутренними войсками, партизанскими силами. Она занималась чрезвычайно широким кругом военно-стратегических вопросов: оценкой военно-политической и стратегической обстановки; определением стратегических задач Вооруженным Силам в соответствии с военно-политическими целями войны; принятием решений по подготовке и проведению военных кампаний и стратегических операций; созданием стратегических группировок войск; организацией взаимодействия между ними и оперативными объединениями различных видов Вооруженных Сил и партизанами; согласованием усилий советских Вооруженных Сил и армий союзных государств; организацией стратегической разведки и маскировки; подготовкой и использованием стратегических резервов; материально-техническим обеспечением войск с учетом поставленных задач; обобщением опыта боевой деятельности Вооруженных Сил и другими важными проблемами вооруженной борьбы¹⁵⁶.

Ее рабочими органами являлись Генеральный штаб и управления Наркомата обороны и Наркомата ВМФ. В июле и августе 1941 г. была проведена их коренная реорганизация, в результате которой были уточнены функции каждого из них в условиях войны, а также сформирован ряд новых управлений. Для руководства формированием резервов, подготовки маршевого пополнения, руководства запасными и учебными частями в Наркомате обороны было создано Главное управление формирования и укомплектования войск (Главупраформ). Для координации работы Тыла Вооруженных Сил было образовано Главное управление Тыла, учреждена должность начальника Тыла Красной Армии со штабом Тыла с подчинением его непосредственно Верховному Главнокомандующему.

Генеральный штаб сосредоточил основные усилия на оперативно-стратегическом руководстве Вооруженными Силами. С этой целью он был освобожден от многих функций, напрямую не связанных с руководством военными действиями. Так, в соответствии с постановлением ГКО от 23 июля 1941 г. были сняты с Генерального штаба функции мобилизации, комиссования, призыва, организации Вооруженных Сил, снабжения, военных перевозок, руководства военно-учебными заведениями. Из его состава были выведены организационное и мобилизационное управления, управление по устройству и укомплектованию войск, автодорожное управление, управление устройства тыла, вооружения и снабжения, а также узел связи¹⁵⁷. К сожалению, не все эти меры себя оправдали. Так, снятие с Генерального штаба функций руководства организационно-мобилизационной работой и военными сообщениями оказалось ошибочным. В 1943—1944 гг. эти задачи вновь были возложены на Генеральный штаб.

«В результате реорганизации, — вспоминал маршал Жуков, — Генштаб стал более работоспособным, оперативным органом и смог гораздо результативнее выполнять возложенные на него задачи...»¹⁵⁸ Генеральный штаб, выполняя такой колоссальный объем работы, в полном смысле слова являлся творческой лабораторией Ставки ВГК. Он осуществлял сбор и тщательный анализ данных обстановки на фронтах с подготовкой выводов и предложений Верховному Главнокомандованию. На основе принятых решений Генштаб разрабатывал планы использования Вооруженных Сил, подготовки и проведения военных кампаний и стратегических операций, организовывал стратегическое взаимодействие видов Вооруженных Сил и фронтов, доводил до войск решения, приказы, директивы Верховного Главнокомандования, осуществлял контроль за их выполнением, руководил военной разведкой, контролировал формирование резервов и их использование в соответствии с решением Верховного Главнокомандования, следил за состоянием, обеспечением и боеспособностью войск, решал целый ряд других вопросов. Он являлся основным организатором практического претворения в жизнь стратегических замыслов и планов военных действий.

Однако в первые годы войны сам Верховный Главнокомандующий недооценивал его роль. Видимо, считая себя непревзойденным полководцем, Сталин нередко не только игнорировал предложения Генерального штаба, но и зачастую принимал решения вопреки всем советам его. Чаще всего это приводило к тяжелым провалам на фронтах. Только в первый год войны сменилось пять начальников ведущего управления Генерального штаба — оперативного. Многие генералы из числа руководящего состава Генерального штаба по приказу Верховного Главнокомандующего были направлены в действующую армию. В ряде случаев это действительно было вызвано объективной необходимостью усилить штабы фронтов и армий опытными работниками, но чаще всего, по свидетельству маршалов Жукова и Василевского, других авторитетных военачальников, это было следствием недооценки роли Генштаба в управлении войсками и своеобразного взгляда Сталина на методы его работы.

Лишь к концу первого периода войны отношения Верховного Главнокомандующего с Генеральным штабом в значительной мере нормализовались. Сталин стал больше опираться на Генштаб, даже воспринимать его как важный орган стратегического руководства. Да и Генеральный штаб к этому времени приобрел богатый опыт, стал работать более организованно. Поэтому не случайно, что Сталин начиная с лета 1942 г., как правило, не принимал ни одного решения без предварительного заслушивания мнения Генерального штаба.

Принимались и другие меры по совершенствованию системы стратегического руководства Вооруженными Силами. Так, в связи с расширением масштабов вооруженной борьбы, увеличением количества соединений и частей видов Вооруженных Сил и родов войск в действующей армии и необходимостью их более эффективного применения в ходе боевых действий были учреждены должности командующих Военно-Воздушными Силами, Войсками ПВО страны, авиации дальнего действия, бронетанковыми и механизированными войсками, восстановлена должность начальника, а затем командующего артиллерией Красной Армии, упраздненная в 1940 г., учреждена должность командующего гвардейскими минометными частями и командующего воздушно-десантными войсками с подчинением их непосредственно Ставке ВГК. В 1942 г. для руководства партизанской борьбой создается Центральный штаб партизанского движения¹⁵⁹.

Наряду с реорганизацией центральных органов стратегического руководства шел непрерывный поиск путей развития управления в оперативно-стратегическом звене, повышения его оперативности, установления более тесного взаимодействия фронтов, развернутых на смежных операционных направлениях. В этих целях было

принято решение о переходе от двухступенной системы стратегического руководства (Ставка ВГК — фронт) к трехступенной.

Вопрос о создании между Ставкой и фронтом промежуточной командной инстанции встал уже в первые дни войны, когда в условиях быстро меняющейся обстановки, при отсутствии устойчивой связи с фронтами и своевременной, достоверной информации о положении войск Ставка систематически опаздывала с принятием решений, допускала грубые ошибки. Попытки устранить этот недостаток путем направления во фронты руководящих лиц наркомата обороны не дали результатов. Поэтому Постановлением ГКО от 10 июля 1941 г. были созданы три Главных командования стратегических направлений. На Главное командование войск Северо-Западного направления во главе с маршалом Ворошиловым возлагалась координация действий Северного и Северо-Западного фронтов, а также Северного и Балтийского флотов. Главное командование войск Западного направления во главе с маршалом Тимошенко должно было координировать действия Западного фронта и Пинской военной флотилии, а позже Западного фронта, фронта резервных армий и Центрального фронта. Главному командованию войск Юго-Западного направления во главе с маршалом Буденным предстояло координировать действия Юго-Западного, Южного, а затем и Брянского фронтов. В его оперативное подчинение передавался также Черноморский флот¹⁶⁰.

В задачу Главных командований входило изучение и анализ оперативно-стратегической обстановки в полосе направления, информирование Ставки о положении на фронтах, руководство подготовкой операций в соответствии с замыслами и планами Ставки, координация действий объединений на стратегическом направлении, руководство партизанской борьбой в тылу врага¹⁶¹. Как показал опыт войны, введение промежуточных органов стратегического руководства в сложных условиях первого периода войны было совершенно оправданным. Главные командования имели возможность обеспечить более надежное, четкое управление войсками и организацию взаимодействия между фронтами, оперативнее организовывать отражение наступления противника.

Тем не менее, в силу ряда причин главкомы не сумели улучшить руководство фронтами. Объясняется это главным образом тем, что они не только не имели четко определенных функций и достаточно широких полномочий, но и не располагали необходимыми резервами сил и материальными ресурсами для активного влияния на ход боевых действий подчиненных им войск. Поэтому вся их деятельность нередко сводилась к передаче информации от фронтов в Ставку ВГК и, наоборот, приказов Ставки во фронты. По существу, даже при наличии главкомов направлений Ставка ВГК нередко была вынуждена по-прежнему непосредственно управлять боевой деятельностью фронтов, флотов и армий.

Наряду с объективными причинами немалую роль сыграл здесь субъективный фактор: невысокий уровень руководства, проявленный теми военачальниками, которые были назначены главкомы. В первую очередь это касается Ворошилова и Буденного. Оценка деятельности Ворошилова на посту главкома войск Северо-Западного направления и командующего войсками Ленинградского фронта была дана в апреле 1942 г. в беспрецедентном постановлении Политбюро ЦК ВКП(б): «1. Признать, что т. Ворошилов не справился с порученной ему работой на фронте. 2. Направить т. Ворошилова на тыловую военную работу»¹⁶². Тем не менее, и в дальнейшем Сталин дважды направлял Ворошилова на фронт как представителя Ставки (в январе 1943 г. на Ленинградский и Волховский фронты, в декабре — в Отдельную Приморскую армию), а весной 1944 г. он вместе с Василевским координировал действия войск в Крымской стратегической наступательной операции.

Более успешно осуществлял руководство войсками на посту главкома маршал Тимошенко. Под его непосредственным руководством были разработаны замыслы наступательных операций на орловско-брянском и донбасском направлениях, а в январе 1942 г. успешно проведена Барвенково-Лозовская операция. Однако и он допускал грубые просчеты, особенно в мае 1942 г. в Харьковской наступательной операции, которая закончилась разгромом крупной группировки советских войск.

По мере того, как обстановка все более стабилизировалась и накапливался опыт в управлении войсками со стороны командования и штабов фронтов, а связь Ставки с фронтовыми управлениями становилась все более устойчивой и надежной, необходимость в промежуточном звене стратегического управления отпала. Поэтому главные командования стратегических направлений были поочередно упразднены. Главное командование войск Западного направления было упразднено 10 сентября, Северо-Западного — 29 сентября и Юго-Западного — в декабре 1941 г.¹⁶³ Однако Ставка ВГК от них окончательно не отказалась. Уже в начале 1942 г. были снова восстановлены Главные командования войск Западного и Юго-Западного направлений. Правда, появились некоторые нововведения: главкомы теперь одновременно являлись и командующими фронтами и получили относительную самостоятельность в решении оперативных вопросов. В феврале 1942 г. Ставка возложила на командующего Западным фронтом генерала армии Жукова обязанности главкома Западного направления для координации боевых действий Западного и Калининского фронтов в ходе Ржевско-Вяземской операции. Аналогичным образом командующий Юго-Западным фронтом маршал Тимошенко в качестве главкома Юго-Западного направления должен был координировать действия своего и соседнего Брянского фронта. Как показала практика, такое совмещение должностей главкома направления и командующего фронтом оказалось нецелесообразным, так как оно сужало возможность главкома по координации действий других фронтов, чем была вынуждена заниматься сама Ставка, и вскоре от подобной системы управления пришлось отказаться. Главное командование войск Западного направления второго формирования было ликвидировано 5 мая 1942 г., а Юго-Западного — 21 июня 1942 г.¹⁶⁴

21 апреля 1942 г. для руководства действиями войск на южном крыле советско-германского фронта было образовано Главное командование войск Северо-Кавказского направления (главком — маршал Буденный) с подчинением ему Крымского фронта, Севастопольского оборонительного района, Северо-Кавказского военного округа, Черноморского флота и Азовской военной флотилии. Но и оно просуществовало недолго: спустя месяц это командование было упразднено.

К подобной системе стратегического руководства, но уже в более совершенном виде Ставка прибегла лишь в 1945 г., в период военной кампании на Дальнем Востоке. Учитывая удаленность театра военных действий от Центра, Ставка ВГК образовала главное командование советских войск на Дальнем Востоке (главнокомандующий — маршал Василевский). Причем в отличие от Главных командований войск направлений 1941—1942 гг. оно, имея в своем распоряжении крупные силы и средства, было наделено значительно большей самостоятельностью в решении вопросов подготовки и ведения военных действий, хотя и здесь Ставка ВГК сохраняла за собой право управления фронтами и Тихоокеанским флотом.

Начиная с лета 1942 г. Ставка осуществляла руководство фронтами и флотами непосредственно, т. е. без промежуточного звена. Эта система получила в ходе войны наибольшее применение и развитие, так как при наличии одного стратегического фронта вооруженной борьбы она обеспечивала высокую оперативность и эффективность управления боевыми действиями войск. Ставка ВГК, имея прямой контакт с фронтами и флотами, располагала возможностью непосредственно следить за разви-

тием обстановки в районе их действий, своевременно реагировать на ее изменения и оказывать влияние на боевую деятельность войск.

С сентября 1942 г. Ставка ВГК перешла к руководству боевыми действиями фронтов через своих представителей. Начало этому было положено еще в 1941 г., когда на фронты со специальными заданиями в качестве уполномоченных Ставки были направлены заместитель наркома обороны по авиации генерал А. А. Новиков, начальник артиллерии Красной Армии генерал Н. Н. Воронов, начальник главного автобронетанкового управления генерал Я. Н. Федоренко и др. Но тогда их функции были ограничены изучением обстановки и оказанием помощи фронтовому командованию в решении чисто специфических задач.

В полной мере институт представителей Ставки ВГК сложился к началу зимней кампании 1942/1943 гг., когда при подготовке контрнаступления под Сталинградом в Юго-Западный, Донской и Сталинградский фронты выехали Жуков и Василевский. На месте они провели всю работу по уточнению планирования и организации предстоящих операций, согласованию планов и действий фронтов. В последующем представители Ставки ВГК регулярно направлялись туда, где возникала кризисная обстановка или где по плану Верховного Главнокомандования решались важные задачи. Чаще всего в этой роли выступали Г. К. Жуков, А. М. Василевский, С. К. Тимошенко, К. Е. Ворошилов, А. И. Антонов, С. М. Штеменко, Н. Г. Кузнецов, А. А. Новиков, Н. Н. Воронов, Л. З. Мехлис и др. Обладая большими полномочиями и распорядительными правами, имея всестороннюю ориентировку о замыслах и планах Верховного Главнокомандования, они оказывали командованию фронтов большую помощь в подготовке операций, координировали действия смежных фронтов, осуществляли контроль за выполнением указаний Ставки, способствовали быстрому решению тех вопросов, которые требовали вмешательства Верховного Главнокомандования.

Помимо полномочных представителей, которые непосредственно на местах проводили в жизнь решения Ставки, на фронты нередко направлялись и специальные уполномоченные. Они выезжали в войска с целью помочь командованию войск и основным представителям Ставки в использовании различных видов Вооруженных Сил и родов войск.

Объем обязанностей и прав основных представителей Ставки ВГК в ходе войны возрастал. Если вначале они не могли принимать по собственной инициативе самостоятельных принципиальных решений, изменять состав фронтов и разграничительные линии между ними, то с середины 1944 г. положение кардинально изменилось. На Жукова, Василевского и других основных представителей Ставки возлагалось прямое руководство войсками группы фронтов. Это позволило повысить конкретность и оперативность стратегического руководства.

Институт представителей Ставки ВГК просуществовал до конца 1944 г. В дальнейшем необходимость в нем отпала в связи со значительным сокращением стратегического фронта вооруженной борьбы и возросшим полководческим искусством командования и штабов фронтов. Поэтому большим крупнейших операций 1945 г. проводилось уже без участия представителей Ставки. Руководство действиями фронтов в этих операциях (Восточно-Прусской, Висло-Одерской и некоторых других) осуществлялось непосредственно Верховным Главнокомандующим через Генштаб.

С самого начала войны быстро менявшаяся оперативно-стратегическая обстановка на крыльях советско-германского фронта потребовала тесного взаимодействия между флотами и действовавшими на приморских направлениях войсками фронтов. Первоначально флоты и флотилии с этой целью передавались в оперативное подчинение приморских фронтов. Однако их командующие не всегда полно ориентировали флоты об общих задачах и перспективах их деятельности и часто не уделяли долж-

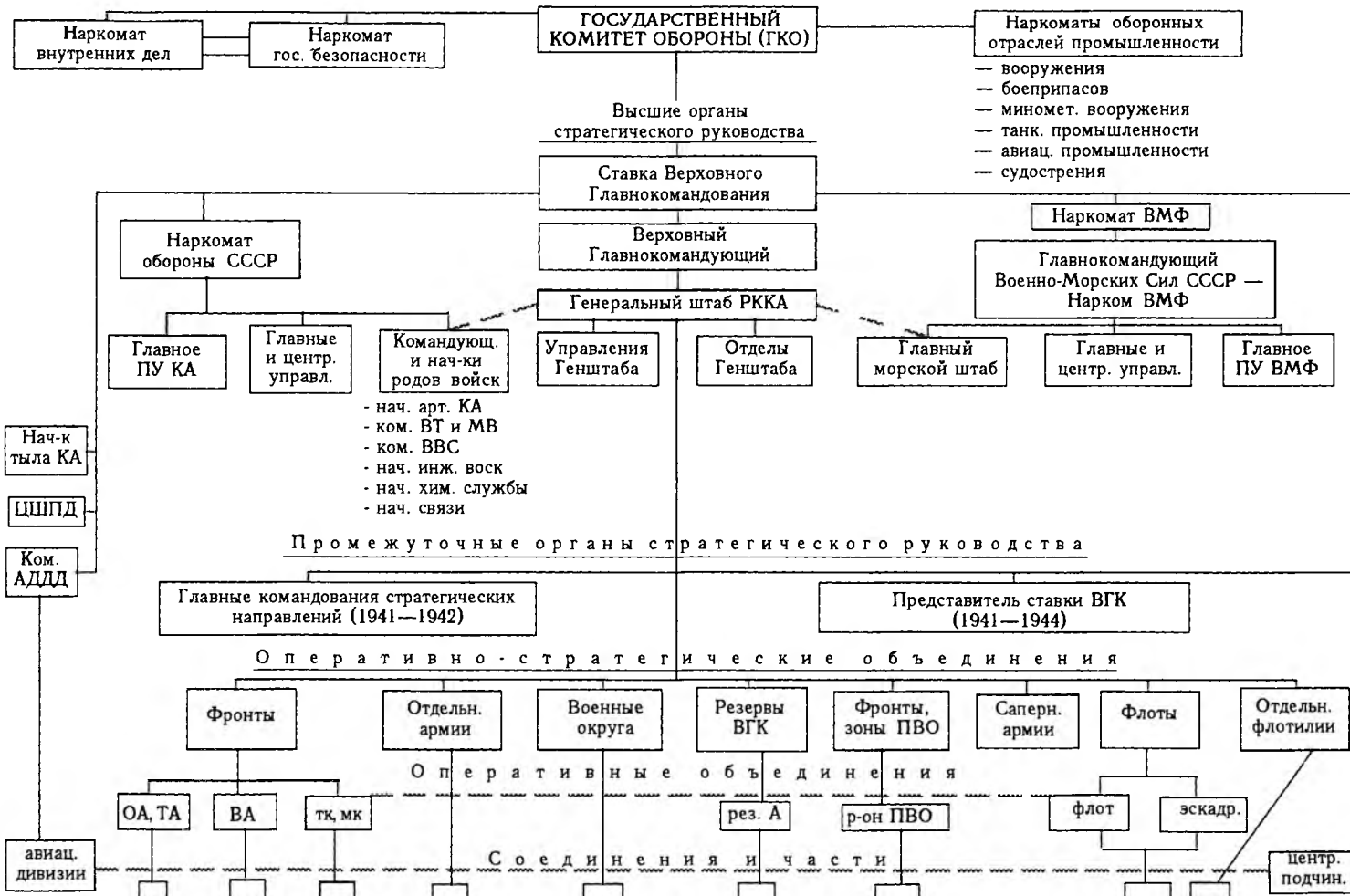

Схема 50. Организация стратегического руководства Вооруженными Силами СССР в Великой Отечественной войне

ного внимания выполнению флотами самостоятельных задач на морских театрах. В связи с этим, а также ввиду усложнения обстановки на море возникла потребность в коренном улучшении оперативно-стратегического руководства силами флотов. Директивой Ставки ВГК от 31 марта 1944 г. была учреждена должность главнокомандующего Военно-Морскими Силами СССР, которым был назначен Народный комиссар ВМФ. По этой же директиве Балтийский флот был оставлен в оперативном подчинении Ленинградского фронта, а Северный и Черноморский флоты подчинены непосредственно главному ВМС. В этой же директиве указывалось, что впредь задачи флотам будет ставить Ставка ВГК. Отныне использование морской авиации на сухопутных фронтах допускалось лишь в исключительных случаях и то только с разрешения Ставки. За оборону побережья на морских театрах ответственность возлагалась на командующих приморскими фронтами, одновременно определялась степень участия и ответственности флотов за решение этих задач. Причем командующим фронтами запрещалось вмешиваться в тактические морские вопросы и внутреннюю службу подчиненных им в оперативном отношении флотов. В целом новая система руководства Военно-Морскими Силами предоставляла больше самостоятельности военно-морскому командованию, что позволяло успешнее решать чисто морские задачи исходя из общих указаний Ставки ВГК.

Стиль и методы работы ГКО и Ставки ВГК в ходе войны постоянно совершенствовались. Работа этих органов становилась все более конкретной и деловой.

Бывший начальник Тыла Красной Армии генерал А. В. Хрулев вспоминал: «...Заседаний ГКО в обычном понимании, то есть с определенной повесткой дня, секретарями и протоколами не было». Сначала от имени ГКО вопросы рассматривались единолично его председателем или отдельными членами, в последующем подготовка и принятие постановлений ГКО, в том числе и по военным вопросам, осуществлялись в узком кругу лиц: как правило, это были некоторые члены Политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО¹⁶⁵. Каждый член ГКО имел конкретное поручение и отвечал за производство тех или иных видов военной техники.

Примерно по этому же принципу работала и Ставка Верховного Главнокомандования. «Ставка Верховного Главнокомандования, — отмечал маршал Жуков, — была коллективным органом руководства военными действиями Вооруженных Сил. В основе ее работы лежало разумное сочетание коллегиальности с единоначалием»¹⁶⁶. В сущности она являлась коллективным органом стратегического руководства, однако в полном составе по свидетельству Жукова и Василевского ни разу не собиралась. Часть ее членов, как правило, находилась в войсках, другие выполняли особые задания. В заседаниях Ставки обычно принимали участие только те, кого приглашал сам Сталин. Коллегиальность, однако, проявлялась в том, что все важнейшие стратегические решения принимались после тщательной их подготовки в Генеральном штабе с последующим обсуждением в Ставке, чаще всего с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б), некоторых членов ГКО и руководителей Генштаба. В ряде случаев на заседания в Ставку приглашались руководящие работники Наркомата обороны и ВМФ. В дальнейшей работе по подготовке планов операций самое активное участие принимали командующие видами Вооруженных Сил и родами войск. С отсутствующими членами Ставки Сталин держал постоянную связь и при необходимости узнавал их мнение по тому или иному вопросу. Все это позволяло рассматривать вопросы глубоко и всесторонне, вырабатывать целесообразные решения, оперативно проводить их в жизнь.

Однако к этому Ставка пришла не сразу. В первом периоде войны, и особенно в первые ее месяцы, принцип коллегиальности практически не соблюдался. На стиль ее работы большое влияние оказывала сложившаяся в предвоенные годы практика решения стратегических вопросов в Политбюро ЦК ВКП(б) (в военных конфлик-

тах у оз. Хасан, р. Халхин-Гол и особенно в советско-финляндской войне) и руководства военными действиями Вооруженных Сил, по словам наркома ВМФ адмирала Кузнецова, «распоряжениями, поступавшими из кабинета И. В. Сталина»¹⁶⁷. В первые месяцы войны Сталин при принятии решений, как правило, очень редко советовался с руководящими работниками Генерального штаба, Наркоматов обороны и ВМФ, командующими фронтами. Почти все решения принимались им единолично, и нередко, в силу его недостаточной оперативно-стратегической подготовки, не совсем целесообразны. Крайне негативно на ходе операций отражались попытки Сталина подавлять инициативу командующих фронтами и вместе с тем его стремление вмешиваться в их деятельность по мелочам. Своих ошибок он никогда не признавал и всю ответственность за них не раз перекладывал на подчиненных с трагическими для тех последствиями. Достаточно напомнить о расправе с командованием Западного фронта. Да и в дальнейшем он неоправданно часто заменял одного командующего другим. Так, только в 1941—1942 гг. сменилось 17 командующих фронтами, 12 из которых пребывали в этой должности не более месяца¹⁶⁸. По мнению маршала Василевского, переломным моментом в глубокой перестройке стиля работы Сталина как Верховного Главнокомандующего и Ставки ВГК в целом явился сентябрь 1942 г. Именно с этого времени он стал постоянно опираться на коллективный опыт и разум военачальников¹⁶⁹. Роль и авторитет Ставки ВГК в руководстве военными действиями Вооруженных Сил стали неуклонно расти.

По мере приобретения опыта и изменения условий ведения войны в благоприятную для Советского Союза сторону ошибок и просчетов становилось все меньше. Сложилась относительно стройная система подготовки и принятия как принципиальных долгосрочных, так и частных текущих решений. Были выработаны и освоены четкие принципы стратегического планирования, разработки замыслов и планов военных кампаний, стратегических и фронтовых операций.

Война подтвердила, что, когда сталкиваются мощные в экономическом и военном отношениях страны или коалиции стран, когда военные действия охватывают огромные пространства и ведутся продолжительное время одновременно на суше, море и в воздухе, добиться конечной цели войны можно только путем последовательного достижения промежуточных военно-политических и стратегических целей. С учетом этого Ставка ВГК и Генеральный штаб в ходе войны последовательно переходили от решения отдельных неотложных стратегических задач распорядительным порядком к заблаговременному планированию операций фронтов, потом стратегических операций групп фронтов и, наконец, военных кампаний.

Планирование военных кампаний — важное достижение отечественной военной стратегии, новый этап в ее развитии. Каждая кампания имела свои особенности, отличалась неповторимым характером и своеобразными чертами. Ее цели, содержание и размах зависели от конкретных условий военно-политической обстановки. Поэтому и принципы планирования оборонительных и наступательных кампаний, а также каждой военной кампании в отдельности были различными.

Первая оборонительная военная кампания 1941 г. проводилась без четко выраженного плана. Это и понятно: ведь она осуществлялась в тяжелых условиях, когда инициатива находилась в руках противника, а советские войска под ударами превосходивших его сил отходили на значительную глубину. В этой обстановке цели, содержание и замыслы действий войск формировались уже в ходе отражения наступления врага. Не только стратегические, но и все фронтовые операции готовились и проводились распорядительным порядком. Таким же образом решались вопросы взаимодействия и обеспечения боевых действий.

Вторая летне-осенняя оборонительная военная кампания 1942 г. первоначально планировалась как наступательная. Ее замысел начали разрабатывать еще в марте.

Однако подготовленный план был сорван тяжелыми поражениями советских войск на южном крыле советско-германского фронта. Дальнейшее планирование кампании осуществлялось, как и в 1941 г., в ходе упорных оборонительных сражений, сопровождавшихся отходом советских войск к Воронежу, Сталинграду и предгорьям Кавказа. Поэтому в основу вновь был положен распорядительный порядок с определением и постановкой задач в зависимости от конкретно сложившейся обстановки.

Только в начале летне-осенней кампании 1943 г., когда противник утратил стратегическую инициативу, оборона была спланирована и организована заблаговременно в стратегическом, оперативном и тактическом звеньях.

Наступательные военные кампании, как правило, во всех случаях планировались заранее. Их подготовка осуществлялась в более благоприятных условиях. Многие мероприятия (перегруппировки войск, строительство и восстановление дорог, устройство стратегического и оперативного тыла, накопление запасов материальных средств) начинались еще в конце предшествовавших кампаний. Однако в планировании каждой конкретной наступательной кампании тоже были свои особенности и принципиальные отличия. Так, планирование зимних наступательных кампаний 1941/1942 гг. и 1942/1943 гг. натолкнулось на трудности, связанные с недостаточной определенностью обстановки, неустойчивостью линии фронта, недостатком сил и материально-технических средств. На зимнюю кампанию 1941/1942 гг. фронтам первоначально были определены задачи только на период перехода в контрнаступление. Последующие наступательные операции планировались с учетом конкретных результатов, достигнутых в контрнаступлении под Тихвином, Ростовом и под Москвой.

План зимней кампании 1942/1943 гг. разрабатывался более основательно. Особенно тщательно были спланированы первые стратегические операции под Сталинградом (операция «Уран»), на Среднем Дону (операция «Сатурн») и на Северном Кавказе. Вместе с тем были заблаговременно определены также задачи групп фронтов на всех других стратегических направлениях вплоть до завершения кампании. По мере прояснения обстановки они воплощались в конкретные планы соответствующих стратегических и фронтовых операций.

Начиная с лета 1943 г. планирование военных кампаний постепенно приобретало все более четкие формы. Этому способствовало то обстоятельство, что стратегическая инициатива окончательно перешла к советским войскам. Поэтому стало возможным прогнозировать развитие военных событий с большей достоверностью и на значительный период времени вперед. С этого времени военные кампании стали разрабатываться более основательно. Их планирование и подготовка обычно проводились за два, а то и за три месяца до их начала.

Так, планирование летне-осенней кампании 1943 г. началось сразу же после отражения немецкого контрнаступления в Донбассе и под Харьковом. Одновременно разрабатывались планы как оборонительных, так и наступательных стратегических операций. Но вопрос о том, какими именно операциями начать кампанию, долгое время оставался открытым. Лишь в конце апреля было окончательно решено встретить готовившийся удар противника преднамеренной обороной. Тем не менее, планирование наступательных операций не прекращалось. Напротив, оно приобрело более конкретный характер с учетом предстоящего перехода войск от обороны в стратегическое контрнаступление. Уже в середине июня была завершена разработка планов Орловской и Белгородско-Харьковской стратегических наступательных операций (операции «Кутузов» и «Полководец Румянцев»). Затем последовательно были спланированы Смоленская стратегическая операция («Суворов») и, наконец, осенние стратегические операции (Донбасская, Нижнеднепровская, Черниговско-Полтавская, Киевская и др.).

В связи с достигнутым коренным переломом в войне после 1943 г. встал вопрос о новой форме военных кампаний с проведением операций не на одном-двух направлениях, а на всем советско-германском фронте с последовательным нанесением ударов по врагу. Это требование было положено в основу планирования зимне-весенней, а затем и летне-осенней кампании 1944 г.

Планирование летне-осенней кампании 1944 г. началось в конце марта, когда командующие фронтами получили указания Ставки ВГК о разработке своих соображений на лето 1944 г. В начале апреля эти соображения поступили в Генеральный штаб, где они были тщательно изучены и обобщены. На основе этого были определены цели, общий замысел кампании и замыслы первых стратегических операций. 12 апреля они были рассмотрены и с некоторыми поправками одобрены на заседании ГКО. После этого Генеральный штаб при непосредственном участии командующих фронтами приступил к детальному планированию первых стратегических операций по направлениям. К концу мая разработка плана первого этапа летней кампании 1944 г. была полностью завершена. Он предусматривал проведение с 10 июня до конца августа четырех крупных стратегических наступательных операций, из которых важнейшей считалась Белорусская стратегическая операция («Багратион»), а в сентябре—декабре — еще четырех стратегических операций. Во второй группе операций наиболее масштабной была признана Прибалтийская стратегическая наступательная операция.

Планирование завершающей военной кампании в Европе началось в ходе летне-осенней кампании 1944 г. Ее замысел вырабатывался постепенно. В начале ноября первый вариант плана в основном был готов. Вся кампания планировалась в два этапа. На первом ее этапе намечалось провести наступательные операции в Восточной Пруссии, Польше и на венском направлении. На втором этапе — развернуть решающие наступательные операции на берлинском и пражском направлениях.

Наметки замысла военной кампании по разгрому японской Квантунской армии подготавливались зимой 1944/1945 гг., а непосредственное ее планирование началось в апреле 1945 г. В конце июня Ставка ВГК отдала оперативные директивы фронтам и Тихоокеанскому флоту, правда, предварительные указания они получили значительно раньше.

В общем виде планирование военных кампаний, как правило, заключалось в определении их целей, стратегического замысла, а также в установлении количества стратегических операций, распределении сил и средств по направлениям, расчете состава и построения стратегических группировок войск, планировании первых стратегических операций, организации стратегического взаимодействия между группами фронтов и видами Вооруженных Сил, разработке мероприятий по материально-техническому обеспечению Вооруженных Сил. При этом первые стратегические операции разрабатывались наиболее полно и всесторонне, последующие намечались только в общих чертах: определялись лишь основные стратегические и оперативные задачи, направления действий фронтов, возможные силы и средства для их ведения и т. д.

Безусловно, весь указанный перечень охватывает лишь часть наиболее важных вопросов, которые разрабатывались при планировании каждой военной кампании, но и он дает представление, насколько сложной и многогранной была эта работа. Оперативная часть плана военных кампаний обычно отрабатывалась на обобщенной карте. Кроме нее готовились развернутые соображения с определением замысла и задач фронтов, расчеты распределения сил и средств, планы развертывания (перегруппировки) резервов, накопления материальных запасов и другие документы. В планах первых наступательных кампаний чаще всего отражались стратегические операции, проводившиеся на главных направлениях, а операции на вспомогательных

направлениях нередко разрабатывались особо в ходе уже развернувшихся военных действий. В целом они составляли общее содержание военной кампании.

Во всех случаях планирование военных кампаний строилось на учете конкретных разведывательных оперативных данных о противнике, на прогнозах его возможных действий, а также на оценке возможного наращивания обеими сторонами военного производства и вероятного развития обстановки на других театрах второй мировой войны. Планирование стратегических операций в рамках каждой военной кампании осуществлял Генеральный штаб с привлечением командующих фронтами и их штабов.

Детально этот процесс можно проследить по воспоминаниям Жукова: «При разработке очередной операции И. В. Сталин обычно вызывал начальника Генерального штаба и его заместителя и кропотливо вместе с ними рассматривал оперативно-стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте: состояние войск фронтов, данные всех видов разведки и ход подготовки резервов всех родов войск.

Потом в Ставку вызывались начальник тыла Красной Армии, командующие различными родами войск и начальники главных управлений Наркомата обороны, которым предстояло обеспечивать данную операцию.

После этого Верховный Главнокомандующий, заместитель Верховного и начальник Генштаба обсуждали оперативно-стратегические возможности наших войск. Начальник Генерального штаба и заместитель Верховного получали задачу — продумать и рассчитать наши возможности для той или тех операций, которые намечались к проведению. Обычно для этой работы Верховный отводил нам 4—5 дней. По истечении срока принималось предварительное решение. После этого Верховный давал задание начальнику Генштаба запросить мнения Военных советов фронтов о предстоящей операции.

Пока работали командование и штаб фронта, в Генеральном штабе шла большая творческая работа по планированию операции и взаимодействию фронтов, намечались задачи органам разведки, авиации дальнего действия, партизанским силам, находящимся в тылу вражеских войск, органам военных сообщений по переброске пополнения и резервов Верховного Главнокомандования, материальных запасов.

Наконец, назначался день, когда командующие фронтами должны были прибыть в Ставку для доклада плана операции фронта. Обычно Верховный слушал их в присутствии начальника Генштаба, заместителя Верховного и некоторых членов ГКО.

После тщательного рассмотрения докладов И. В. Сталин утверждал планы и сроки операции с указанием на что именно обратить внимание. Определялось, кто персонально направляется представителем Ставки для координации действий фронтов и кому осуществлять контроль за материальным обеспечением войск, своевременной перегруппировкой войск и резервов Верховного Главнокомандования»¹⁷⁰.

Иногда Ставка ВГК требовала от командующих фронтами их предложений по поводу фронтовых операций еще до разработки замысла той или иной стратегической операции. В таких случаях представленные командующими планы рассматривались в Генеральном штабе с точки зрения их соответствия общему замыслу военной кампании. Исходя из этого затем разрабатывался сводный план стратегической операции и при необходимости вносились уточнения в планы фронтов. Например, на основе сводного плана на Корсунь-Шевченковскую стратегическую операцию Ставка изменила направления главных ударов 1-го и 2-го Украинских фронтов, так как первоначально они не обеспечивали намеченного стратегическим планом окружения и уничтожения корсунь-шевченковской группировки врага.

Большое значение Ставка ВГК придавала конкретной постановке задач фронтам. Обычно они ставились оперативными директивами. Кроме того разрабатывалась директива по тылу, отдавались указания по другим видам обеспечения. В опе-

ративной директиве обычно определялись цель и время проведения операции, указывались силы и средства, привлекаемые для ее осуществления, направление сосредоточения основных усилий, порядок взаимодействия с соседями, дальней авиацией и флотом (на приморских направлениях) и другие исходные данные. При подготовке наступательных операций в директиве указывались, как правило, ближайшая и дальнейшая задачи фронта, ширина участков прорыва, плотность сил и средств на них, оперативное построение войск фронта, способы применения подвижных групп и вторых эшелонов. В отдельных случаях определялись цели и задачи не только фронта, но и армий, даже отдельных соединений. В этом проявлялось стремление Ставки ВГК как можно лучше организовать операцию и обеспечить более четкое взаимодействие, однако на практике этим связывалась инициатива командования фронтов.

При разработке большинства стратегических операций планы проводимых в их рамках первых фронтовых наступательных операций нередко рассматривались с вызовом командующих фронтами в Москву, где после совместного рассмотрения они утверждались Верховным Главнокомандующим. При подготовке последующих фронтовых операций из-за ограниченности времени Ставка обычно не вызывала командующих. В таких случаях командующие на основе полученных указаний чаще всего представляли на утверждение в Ставку только развернутые решения. Так готовились Восточно-Померанская операция 2-го Белорусского фронта (февраль 1945 г.), операции по разгрому немецко-фашистских войск в Венгрии и Югославии (осень 1944 г.) войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. Нередко командующие фронтами и сами обращались в Ставку ВГК с предложениями по дальнейшему ведению операций.

Установилась и такая практика: Ставка ВГК предварительно информировала командующих фронтами о предстоящих задачах. Это имело место, например, на завершающем этапе Белорусской операции. Летом 1944 г. командующие были заранее извещены о характере и общем содержании дальнейших задач, что послужило основой для разработки планов последующих операций.

Вообще-то, в ходе стратегических наступательных операций, особенно в завершающий период войны, вызовы командующих фронтами в Ставку практиковались редко. Необходимые указания им обычно отдавались путем личных переговоров по прямому проводу. Командующие докладывали обстановку и свои соображения по поводу дальнейших действий и тут же, как правило, получали новые задачи. Иногда Ставка, минуя фронты, таким же образом ставила задачи и непосредственно армиям. Но прибегала она к такому методу лишь в исключительных случаях, когда обстановка не допускала даже малейшего промедления с принятием необходимых мер.

Что касается флотов, то конкретные вопросы их стратегического и оперативного применения по согласованию с Генеральным штабом разрабатывали нарком ВМФ и Главный морской штаб. Более детально они прорабатывались в штабах войск направлений, а также в штабах флотов и приморских фронтов. Аналогичным образом осуществлялось планирование действий ВВС и Войск ПВО страны. Ставка ВГК определяла лишь общие их задачи. Конкретным планированием занимались Главкомы и штабы соответствующих видов Вооруженных Сил. Планы ведения партизанской борьбы разрабатывали Центральный штаб партизанского движения и Военные советы фронтов.

В ходе операций принятые решения и разработанные планы обычно подвергались серьезной корректировке. Нередко пересматривались направления ударов и способы действий войск. Иногда даже возникала необходимость в проведении дополнительных операций.

В целом система стратегического планирования в советских Вооруженных Силах за годы войны стала довольно эффективной. Как отмечал маршал Жуков, Ставка

ВГК «видела дальше и лучше, чем гитлеровское стратегическое руководство... она лучше противника понимала и конкретную обстановку, определяющую ход событий на фронтах». ... «Наша Ставка, — по его утверждению, — отчетливо представляла себе вероятные действия немецко-фашистского командования, принимала меры, чтобы разрушить его намерения и добиться своей цели. Все это, вместе взятое, и обеспечило высокую действенность нашего военного планирования»¹⁷¹.

Одной из важнейших задач стратегического руководства во время войны была организация стратегического взаимодействия путем согласования усилий фронтов, флотов и объединений других видов Вооруженных Сил для достижения поставленных целей.

Основы стратегического взаимодействия закладывались Ставкой ВГК еще при разработке замыслов и планов кампаний и стратегических операций. Они находили свое выражение: в определении задач стратегических группировок, роли и места фронтов и других объединений в операциях, в разработке согласованных способов ведения стратегического наступления и обороны, в установлении последовательности выполнения задач и оказании взаимной помощи. Особое внимание при этом уделялось, прежде всего, согласованию ударов фронтов, действовавших на смежных направлениях, созданию более благоприятных условий для действий тех группировок, которые выполняли самые ответственные задачи, взаимному использованию ими достигнутого успеха на различных направлениях.

В стратегических оборонительных операциях важное внимание уделялось согласованию контрударов, которые наносились в полосах различных фронтов, как это было, например, при отражении наступления противника на Сталинград и в Курской битве. Очень часто в решающие моменты оборонительного сражения один фронт наносил контрудары в целях ликвидации кризиса, создавшегося на соседнем фронте: в 1944 г. 54-я армия в интересах Ленинградского фронта, Центральный и Брянский фронты в интересах Юго-Западного фронта. Нередко усилия воздушных армий нескольких фронтов сосредоточивались в полосе одного фронта, где создавалась особенно напряженная обстановка. Предусматривалась также переброска резервов с одного направления на другое для закрытия образовавшихся в обороне брешей.

В стратегических наступательных операциях при организации стратегического взаимодействия все внимание было сконцентрировано на согласовании последовательных операций и ударов на различных направлениях с тем, чтобы раздробить фронт противника, поочередно разгромить основные его группировки, постепенно расширить свой фронт стратегического наступления. При проведении одновременных операций на нескольких направлениях принимались согласованные меры для обеспечения флангов наступающих группировок, срыва маневра резервов противника с одного направления на другое и надежного закрепления достигнутого на каждом из направлений успеха.

Стратегическое взаимодействие фронтов с дальней авиацией обычно обеспечивалось за счет привлечения соединений дальних бомбардировщиков в соответствии с планами Ставки и фронтов к нанесению ударов на направлениях главных ударных группировок войск для подавления важных узлов сопротивления врага, ослабления его резервов, поражения авиации на аэродромах, узлов коммуникаций и других объектов в его оперативном тылу.

Взаимодействие между фронтами и Войсками ПВО страны обеспечивалось главным образом путем согласования противовоздушного прикрытия тыла фронтов и войск средствами ПВО страны и усиления противовоздушной обороны некоторых прифронтовых объектов страны фронтовыми средствами.

Взаимодействие фронтов с флотами осуществлялось путем согласования их задач и действий на приморских направлениях и организации совместных операций.

Во многих операциях наступательные и оборонительные действия фронтов поддерживали партизанские формирования, действовавшие в тылу врага. Обычно с этой целью усиливались удары партизан на коммуникациях врага.

Чаще всего организованное стратегическое взаимодействие полностью себя оправдывало, поэтому оно эффективно поддерживалось на протяжении всей операции. Но иногда оно нарушалось с самого начала или в кризисные моменты операции, что приводило, как правило, к срыву выполнения поставленных задач. Так, в августе—сентябре 1941 г. не удалось должным образом согласовать операции Центрального, Брянского и Юго-Западного фронтов, а это, как известно, закончилось катастрофой под Киевом. В мае 1942 г. при проведении Харьковской наступательной операции с самого начала оказалось нарушенным взаимодействие между Юго-Западным и Южным фронтами. В результате противник через полосу Южного фронта прорвался в тыл главной ударной группировки войск Юго-Западного фронта и она понесла тяжелое поражение. В ходе борьбы по уничтожению курляндской группировки врага в 1945 г. не удалось достигнуть согласованных действий между фронтами и Балтийским флотом. Противник не был блокирован с моря, что не только затянуло его ликвидацию, но и позволило командованию вермахта беспрепятственно перебросить из Курляндии на берлинское направление около десяти своих дивизий.

Важное значение в совершенствовании стратегического руководства занимало развитие системы стратегической связи Вооруженных Сил. В ходе войны для обеспечения устойчивого руководства потребовалось создать войска связи резерва Ставки ВГК и применить новые способы организации связи с широким использованием дублирующих каналов как в оперативном звене, так и в стратегическом. Система узлов связи особого назначения (УСОН) Генерального штаба с 1943 г. стала основой организации связи на всем фронте. С 1944 г. связь Генерального штаба организовывалась по стратегическим и операционным направлениям. На завершающем этапе войны в Европе начали создаваться узлы связи специального назначения (УССН), которые обеспечивали связью не только военное командование, но и органы советской военной администрации.

В целом к 1945 г. система стратегического руководства Вооруженными Силами в основном соответствовала характеру военных действий, общим требованиям политики и военной стратегии. Отличаясь высокой надежностью, она обеспечивала устойчивое, непрерывное и эффективное управление войсками и силами флота, успешное выполнение всего комплекса военно-политических и стратегических задач.

9. Стратегические проблемы ведения коалиционной войны

Война с сильными и коварными противниками потребовала от государств, вошедших в антигитлеровскую коалицию, объединения политических, экономических и военных усилий, четкого согласования действий их вооруженных сил. Прежде всего, надо было установить и согласовать цели вооруженной борьбы на главном и других театрах военных действий, очередность развертывания на них крупных стратегических операций, сроки и масштабы открытия второго фронта в Европе, а затем скоординировать совместные действия по разгрому вооруженных сил врага. В Советском Союзе, Великобритании и в Соединенных Штатах зачастую подход ко всем этим вопросам был различным, что усложняло и отодвигало по времени достижения конечных целей во второй мировой войне.

Совместные решения по всем возникавшим проблемам политического, а иногда и чисто военного характера вырабатывались в процессе переписки глав государств, а также на двусторонних встречах и конференциях. Особо важное значение имели

конференции глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране в 1943 г., в Ялте в 1945 г. и в Потсдаме в 1945 г. Благодаря поездкам Черчилля в Москву (1942 и 1944) и Молотова в Лондон и Вашингтон (1942), визитам других ответственных представителей США и Великобритании в Москву удалось согласовать ряд ключевых вопросов коалиционной политики и военной стратегии. Их дальнейшая разработка осуществлялась по линии министерств иностранных дел и генеральных штабов соответствующих государств. Этому в значительной мере способствовал обмен военными миссиями.

Так, например, в 1941 г. и начале 1942 г. при советском Генеральном штабе были учреждены военные миссии союзников: американскую возглавлял генерал Дин; британскую — генерал Берроуз, французскую — генерал Делатр-де-Тассиньи, норвежскую — полковник Даль. Советскую военную миссию в Англии вначале возглавлял генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, затем контр-адмирал Н. М. Харламов, а в конце войны — генерал-лейтенант А. Ф. Васильев. При экспедиционных войсках США во Франции находился генерал-майор И. А. Суслопаров¹⁷².

Проблема согласования стратегических усилий СССР, США и Великобритании приобрела особую остроту после открытия второго фронта в Европе. С этого времени возникла потребность в более тесной координации военных операций, проводимых как на Западе, так и на Востоке, с тем, чтобы затруднить противнику, вынужденному одновременно отражать удары армий стран антигитлеровской коалиции, перебрасывать силы и средства с Запада на Восток и обратно. Возникла настоятельная необходимость согласовать воздушные бомбардировки объектов на территории Германии и других стран фашистского блока. Одним из ярких примеров согласования военных действий являются события декабря 1944 — января 1945 гг., когда германские войска, внезапно развернув контрнаступление в районе Арденн, поставили англо-американские войска в тяжелое положение. Тогда-то Черчилль обратился к Сталину с просьбой ускорить начало наступления на советско-германском фронте и этим оказать содействие в ликвидации угрозы разгрома войск союзников в Арденнах. Советские Вооруженные Силы выполнили свой союзнический долг, развернув в январе 1945 г. решительное наступление, которое планировалось несколько позже. Оно имело большое влияние на изменение военно-политической обстановки в Европе и оказало огромную помощь союзным войскам, позволившую им подготовиться и начать наступательную операцию на Рейне. В завершающей кампании войны в Европе союзникам потребовалось согласовывать по месту и времени удары наступавших навстречу друг другу группировок войск, устанавливать рубежи их встречи, зоны огня и действий авиации, совместно решать на территории Германии вопросы административного характера.

Важное значение приобрели согласованные действия союзных флотов по обеспечению проводки конвоев, доставлявших грузы по ленд-лизу из США и Великобритании в северные порты СССР. В своих операционных зонах Северный флот СССР и ВМС Англии в основном успешно обеспечивали их защиту. Однако в ряде случаев взаимодействие нарушалось, принимались односторонние, часто неоправданные решения, что приводило к большим потерям транспортных судов, как это случилось, например, в 1942 г. с конвоем PQ-17. Затем, в самый трудный для СССР момент, когда враг рвался к Сталинграду и на Кавказ, англо-американская сторона в одностороннем порядке, несмотря на протесты советского руководства, приостановила военные поставки по этому пути. После этого в советско-американских отношениях произошло резкое охлаждение.

Немаловажную роль в войне сыграли согласованные бомбардировки промышленных объектов на территории рейха, в том числе осуществляемые ВВС США в ходе так называемых «челночных» операций. Бомбардировщики взлетали с аэродромов

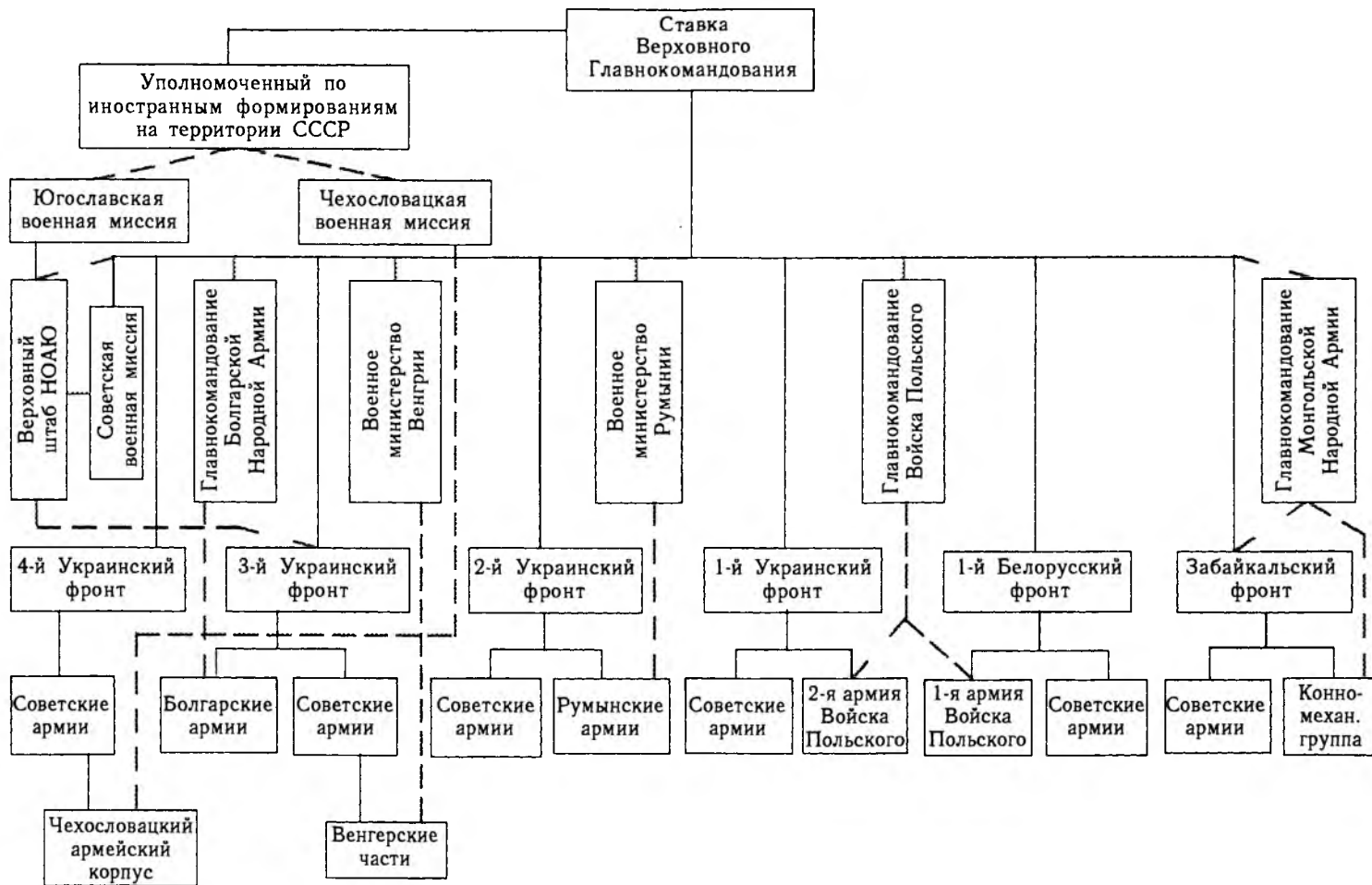

Схема 51. Организация стратегического руководства союзными войсками во второй мировой войне

Англии, наносили бомбовые удары по целям в Германии, а затем продолжали полет на восток. Садились они на аэродром Полтавского аэродромного узла. Там заправлялись, пополнялись боезапасом и наносили повторные удары по уточненным целям с посадкой в Англии. Благодаря этому интенсивность воздушных налетов на Германию существенно повысилась.

Сложившаяся во время войны в Европе система стратегического взаимодействия советских Вооруженных Сил с союзниками позволила успешно решить некоторые совместные задачи. Тем не менее должного развития она не получила. Вплоть до конца войны так и не было создано единого органа, который лучше координировал бы действия союзных армий. Может быть, именно поэтому в последних операциях возникало много несогласованностей при встрече союзных войск. Хотя заранее была установлена линия продвижения советских и американско-английских войск, она зачастую нарушалась и теми и другими.

Иной характер носило взаимодействие советских Вооруженных Сил с чехословацкими, польскими, румынскими и болгарскими соединениями, действовавшими на советско-германском фронте, а в период дальневосточной кампании и с Народно-революционной армией Монголии. По существу, перед советским военным руководством впервые встала проблема разработки принципов коалиционной стратегии. По мере развития войны, особенно с переносом военных действий за пределы СССР, она приобрела исключительную остроту. Плечом к плечу с советскими войсками сражались тогда шесть общевойсковых армий, несколько корпусов, десятки дивизий союзных войск из стран Восточной и Юго-Восточной Европы. В таких условиях вести операции прежними методами было уже нельзя. Требовалось оценить особенность каждой союзной армии, установить целесообразные в политическом и стратегическом отношении способы их оперативного применения, определить порядок создания и развертывания коалиционных группировок войск, найти рациональные формы и способы оперативного, специального и тылового обеспечения с учетом национальных особенностей союзных объединений и соединений. Все эти вопросы приходилось решать в ходе боевых действий, при отсутствии какого-либо опыта.

Уже в первый период войны СССР оказал всестороннюю помощь в формировании на своей территории первых частей, соединений и объединений польских и чехословацких войск, которые затем активно участвовали в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками сначала на советской территории, а затем в освобождении своих стран. Впоследствии эти формирования стали костяком новых вооруженных сил своих государств. В состав боровшихся на стороне Советского Союза сил затем последовательно включились румынские и болгарские войска. В конце войны в составе 1-го Белорусского, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов действовали две польские, две румынские, две болгарские армии, чехословацкий армейский и польский танковый корпуса, а также ряд соединений всех родов войск. Включенные в советские фронты и армии по согласованию с правительствами соответствующих государств они выполняли поставленные им задачи по планам советского командования.

Взаимодействие осуществлялось путем постоянного представительства, личных встреч руководящих лиц и переписки между ними, контактов командования взаимодействующих войск. В каждое из иностранных формирований посылались представители советского командования, Генерального штаба, оперативные группы, советники, инструкторы, а в советских фронтовых и армейских штабах находились представители союзных войск. При их непосредственном участии разрабатывались планы боевых действий, происходил обмен информацией. Такая система обеспечивала единство понимания оперативных задач и целеустремленное управление при совместных действиях, полностью учитывала национальные особенности и суверенитет со-

юзных войск. Вместе со специалистами иностранных формирований советские советники и инструкторы занимались организацией подготовки войск, техники, всех видов обеспечения, взаимодействия, управления и связи. Боеприпасами и горючим эти формирования обеспечивались с советских складов, а продовольствием, вещевым имуществом и некоторыми специальными средствами — за счет ресурсов собственных стран.

Союзные войска приняли самое активное участие в Висло-Одерской, Будапештской, Западнo-Карпатской, Восточно-Померанской, Венской, Берлинской и Пражской наступательных операциях. Они форсировали Вислу и Одер, преодолевали Карпаты, штурмовали Берлин. Накопленный в ходе выполнения этих боевых задач опыт затем эффективно использовался в строительстве и подготовке армий государств — участников Варшавского договора.

10. Стратегический тыл

В первые дни войны советское правительство приняло кардинальные меры не только по поводу мобилизации экономических ресурсов страны, перестройки народного хозяйства на военный лад, но и по поводу коренной перестройки Тыла советских Вооруженных Сил во всех его звеньях — войсковом, оперативном, стратегическом.

Новая система Тыла начала складываться после обобщения опыта военных действий в первый месяц войны. Как уже упоминалось выше, 1 августа 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял решение о создании Главного управления Тыла Красной Армии и введении должности начальника Тыла — заместителя наркома обороны. Непосредственно ему подчинялись такие управления, как продовольственного снабжения, интендантское, автомобильное, дорожное, военных сообщений, военно-санитарное, снабжение горючим, финансовое и ветеринарное. А снабжение артиллерийской, бронетанковой, инженерной и другой специальной техникой оставалось в ведении командующих родами войск. Однако вопросы подвоза, эвакуации и дислокации их органов снабжения решались в штабе Тыла Красной Армии. Была проведена также реорганизация тыла Военно-Воздушных Сил и Военно-Морского Флота.

Перед начальником Тыла Красной Армии неизменно стояла одна главная цель — централизовать обеспечение военных действий, упорядочить связь органов Тыла с народным хозяйством. Непосредственными функциями Главного управления Тыла являлись: подвоз фронтам всех средств обеспечения, перевозка людей, раненых и больных, конских пополнений; организация баз и складов, распределение их между фронтами и военными округами; распределение районов заготовок в соответствии с решениями правительства; организация эвакуации с театра военных действий и из прифронтовых зон; руководство санитарной и ветеринарной службами.

Во фронтах и в армиях также были введены должности начальника тыла и образованы штабы тыла. Один из членов военных советов фронтов и армий отвечал за работу тыла. В соединениях и учреждениях тыла были образованы политотделы тыла армий и фронтов. Все органы Тыла постоянно укреплялись квалифицированными кадрами.

Совершенствовалась система центральных органов управления Тылом непрерывно. В начале 1942 г. было ликвидировано двойное подчинение железнодорожных войск, отныне они находились в ведении наркома путей сообщения. Аналогичным образом обстояло дело с автодорожной службой: в 1943 г. она была разделена на самостоятельные службы — автомобильную и дорожную. В том же году начали формироваться тыловые части резерва Ставки ВГК. Летом ГКО принял решение об изменении системы подвоза. Теперь ответственность за подвоз всех видов матери-

альных средств в подчиненные войска была возложена на старшего начальника. Следующий шаг — формирование дополнительного числа автотранспортных бригад, полков и батальонов. В связи с ростом материальных резервов, передаваемых из народного хозяйства в действующую армию, увеличивалось число складов и баз центра. Управление тылом во всех звеньях резко улучшилось.

В Великую Отечественную войну было израсходовано огромное количество материальных средств. Это объяснялось напряженностью боевых действий, большой численностью войск, непрерывным ростом количества оружия и военной техники. За годы войны было израсходовано 10 млн. тонн боеприпасов, свыше 16 млн. тонн горючего, около 40 млн. тонн продовольствия и фуража¹⁷³.

Организация тыла и материально-технического обеспечения войск в стратегических операциях — новое явление в советском военном искусстве. При подготовке военных кампаний и стратегических операций Верховное Главнокомандование принимало самые энергичные меры для накопления во фронтах и на флоте необходимых материально-технических средств. Потребность в них быстро росла. Так, в заключительном периоде войны при проведении крупных стратегических операций, в которых участвовало от двух до четырех фронтов, обычно расходовалось около 1 млн. тонн боеприпасов, свыше 300 тыс. тонн горючего, несколько десятков тысяч тонн продовольствия и фуража. Правда, с подачей такого количества материальных средств Тыл справлялся с большим трудом.

Во втором и в третьем периодах войны при возрастающей глубине стратегического тыла глубина оперативного тыла сократилась до 200—300 км. Постепенно тыловые части и учреждения приближались к войскам, одновременно повышались маневренность и мобильность тыла. Во всех звеньях Тыла твердо установилась система подвоза сверху вниз («от себя») и эвакуация раненых («на себя»). Структура подвоза отвечала новому характеру войны. Если в первую мировую войну почти две трети подвоза в русской армии приходилось на продовольствие и фураж, то в Великой Отечественной войне первое место в подвозе занимали боеприпасы (свыше 29%), горючее (около 28%), военная техника и прочие грузы (свыше 23%), а удельный вес продовольствия и фуража в перевозимых грузах не превышал 20%¹⁷⁴.

Немаловажное значение в годы минувшей войны приобрели охрана и оборона объектов Тыла. Возникла необходимость взаимодействия тыловых органов союзных армий Польши, Румынии, Болгарии, Чехословакии. Кроме того, за пределами СССР перед советским командованием, военной администрацией и органами Тыла встало много других проблем, связанных с необходимостью восстановления в больших городах, сильно разрушенных войной, нормальных жизненных условий для населения, снабжения его продовольствием, топливом, водой и т. д.

Огромная работа по оперативным и снабженческим перевозкам легла на железные дороги. Особенно большая нагрузка на них выпала в 1941—1942 гг. в связи с большими масштабами эвакуационных перевозок. Только во второй половине 1941 г. для эвакуации заводов, промышленных предприятий, учреждений и населения из угрожаемых районов в центральные и восточные районы страны потребовалось 1,5 млн. вагонов¹⁷⁵. Чтобы как-то упорядочить перевозки, пришлось создать при ГКО специальный Транспортный комитет, который решал вопросы согласованного использования всех видов транспорта и его развития.

Трудности в работе железных дорог были огромными. В связи с тем, что производство подвижного состава почти полностью прекратилось, а также из-за понесенных потерь, вагонный и паровозный парк сократился, в то время как объем железнодорожных перевозок возрастал, условия работы железных дорог усложнились. Резко повысились требования к срочности перевозок. Так, переброску войсковых эшелонов требовалось осуществлять с оперативной скоростью от 600 до 800 км в

сутки. Возросли также интенсивность и срочность снабженческих перевозок. Все это обуславливало исключительно высокую напряженность в работе железных дорог.

После перехода советских войск в стратегическое наступление на первый план выдвинулась новая проблема: восстановление железных дорог. В 1941—1942 гг. восстанавливали по 2,5—3,5 км в сутки, в 1943—1945 гг. — 8—12 км, а на отдельных направлениях и больше¹⁷⁶. Приходилось строить и новые железные дороги. Так, после прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г. была построена железная дорога вдоль южного берега Ладожского озера. Благодаря этому Ленинград получил наконец непосредственную связь с тылом страны. Дороги строились на сталинградском и курском направлениях. Особенно трудно было восстанавливать крупные железнодорожные узлы и возводить мосты на широких реках. Только самоотверженность личного состава мостостроительных частей позволила восстановить мост через Днепр у Киева длиной 1 059 м за 13 суток, навести мосты у Кременчуга и Днепропетровска¹⁷⁷. Постоянные железнодорожные переправы были наведены через Днепр у Днепропетровска и через Днестровский лиман.

По мере удаления фронта на запад удлинялись и железнодорожные коммуникации. При выходе советских войск к западным государственным границам СССР наряду с восстановлением железных дорог возникла новая и весьма сложная задача: перешивка железных дорог на зарубежные территории с западноевропейской на отечественную колею. На варшавско-берлинском направлении в полосе каждого фронта перешивалось по одному железнодорожному направлению¹⁷⁸. Для организации перевозок на зарубежной территории выделялись уполномоченные начальники военных сообщений (ВОСО) Красной Армии в Польшу, Румынию, Венгрию. На стыках железнодорожных коммуникаций создавались перевалочные базы центра, куда подавались снабженческие грузы для питания войск.

Огромную роль сыграли железные дороги при подготовке и ведении Дальневосточной кампании в 1945 г. На них лег практически весь объем перевозок Сухопутных войск, ВВС, специальных войск, тыловых частей и учреждений с Западноевропейского на Дальневосточный театр на расстояние почти 10 тыс. км.

Об огромном размахе восстановительных работ на железных дорогах во время войны свидетельствуют следующие данные: было восстановлено и перешиито 120 тыс. км путей, восстановлено и построено 15 тыс. мостов, проложено 12 тыс. км новых железнодорожных линий¹⁷⁹.

Общий объем железнодорожных перевозок за время войны достиг 19,6 млн. вагонов (что эквивалентно почти 300 млн. тонн груза), из них половина была использована на оперативные перевозки. Железные дороги выполняли три четверти всех перевозок для обеспечения действующей армии¹⁸⁰. Обычно каждому фронту выделялось 1—2 железнодорожных направления. Остальная часть перевозок приходилась на работу автомобильного, морского, речного и воздушного транспорта.

В ходе войны постоянно возрастала роль автомобильного транспорта. В самом начале ее из народного хозяйства было мобилизовано 265,5 тыс. автомашин и тракторов, что позволило увеличить состав автотранспорта Вооруженных Сил почти вдвое, но во всех звеньях Тыла его по-прежнему не хватало. Поэтому уже тогда потребовалось перевезить материальные средства войскам с баз и складов центра автотранспортом резерва Ставки ВГК. Так, из баз, расположенных под Москвой, в июле 1941 г. было подано 19,5 тыс. тонн грузов, а в августе того же года — 35,2 тыс. тонн материальных средств¹⁸¹. Осенью, когда линия фронта приблизилась к столице, Ставка ВГК вновь помогала Западному фронту в доставке снабженческих грузов в войска своим автотранспортом. В июле 1941 г. были сформированы автотранспортная бригада и 5 отдельных автотранспортных батальонов резерва Ставки ВГК, 8 авиагрупп и отрядов транспортной гражданской авиации, а также Московская особая авиагруппа как средство Ставки ВГК.

В самом начале войны была создана система военно-автомобильных дорог (ВАД), хотя недостаток дорожных и автотранспортных частей сильно затруднял их обслуживание. Огромное стратегическое значение имела такая дорога к осажденному Ленинграду. В зимнее время она проходила по льду Ладожского озера, летом грузы переправлялись на плавсредствах. По этой «Дороге жизни» непрерывным потоком шло снабжение войск Ленинградского фронта и населения города, осуществлялась эвакуация людей, ценного заводского и научного оборудования. Начиная с 1943 г. фронты имели, как правило, по две и даже по три военно-автомобильные дороги. На основных стратегических направлениях у Ставки ВГК были свои военно-автомобильные дороги, ведущие от центра к линии фронта. В ходе войны возрастали коэффициент использования автотранспорта, длина среднесуточного пробега. В Висло-Одерской операции (1945) бывали случаи, когда грузы в войска подвозились на расстояние 500—600 км.

В кампании на Дальнем Востоке советским войскам пришлось столкнуться со слабо развитыми путями сообщения на огромном пространстве, сложными географическими условиями (горы, тайга, безводные районы). Военно-автомобильная дорога 1-го Дальневосточного фронта имела общую протяженность 1,5 тыс. км, а Забайкальского фронта — около 2,3 тыс. км.

К концу войны в Вооруженных Силах насчитывалось более 664 тыс. автомашин, из них 80% находилось в автомобильных войсках оперативного тыла и центрального подчинения. Общий объем перевозок, выполненных автомобильным транспортом в ходе минувшей войны, составил 145 млн. тонн различных грузов¹⁸².

Серьезной проблемой в деятельности Тыла являлось медицинское обеспечение. На территории страны была развернута огромная сеть стационарных госпиталей, постепенно устранялся недостаток в развертывании госпиталей в оперативному тылу. В результате предпринятых мер из общего количества тыловых частей и учреждений медицинские стали составлять 45—50%. Большой размах приобрела эвакуация раненых и больных (в основном военно-санитарными поездами) из оперативного тыла в глубь страны. Непрерывно совершенствовалась постановка лечебного дела. Героическими усилиями медицинского персонала удалось возвратить в строй более 72% раненых¹⁸³.

Совершенствование технического обеспечения способствовало быстрому возвращению в строй поврежденного оружия и военной техники. Силами и средствами ремонтных органов Вооруженных Сил было восстановлено 304 129 единиц артиллерийских систем, 20 365 тыс. стрелково-минометного вооружения, 25 998 боевых машин реактивной артиллерии, выполнено более 622 тыс. ремонтов танков и САУ, свыше 82,3 тыс. капитальных ремонтов танковых двигателей. Произведено около 2 млн. только средних и капитальных ремонтов автомобилей. На Балтийском, Черноморском и Северном флотах было выполнено 8 800 ремонтов кораблей¹⁸⁴.

Все это свидетельствует о том, что во время войны в советских Вооруженных Силах был создан централизованный и крепкий, хорошо управляемый Тыл. Имея налаженное взаимодействие с центральными и местными партийными и народнохозяйственными органами, он сыграл большую роль в достижении победы над врагом.

* * *

Великая Отечественная война явилась важнейшим этапом в развитии отечественной военной стратегии. Именно в этой войне наиболее полно сформировались и отшлифовались основные ее принципы и были решены важнейшие проблемы ведения вооруженной борьбы огромного масштаба. Она продолжалась 1 418 дней и ночей, в ней на различных ее этапах с обеих сторон действовали от 8 до 12,8 млн.

человек, от 84 до 163 тыс. артиллерийских орудий и минометов, от 5,7 до 20 тыс. танков САУ и штурмовых орудий, от 6,5 до 18,8 тыс. самолетов¹⁸⁵. Такого сосредоточения войсковых масс и военной техники на одном фронте вооруженной борьбы мировая история еще не знала.

Уроки начального периода минувшей войны требуют постоянного поддержания высокой готовности Вооруженных Сил к отражению внезапного нападения агрессора, способности их в любой момент выполнить поставленные перед ними задачи.

Опыт войны учит, что необходимо использовать все известные виды стратегических действий, средства и способы борьбы в зависимости от конкретно складывающейся обстановки. Советские Вооруженные Силы, сообразуясь с военно-политической обстановкой и состоянием военно-экономической базы страны, вели стратегическую оборону, переходили в контрнаступление, а затем в общее стратегическое наступление на широком фронте. Возрастание масштабов и напряженность вооруженной борьбы, решительность целей и задач характеризовали и оборону, и наступление — наиболее сложные виды стратегических действий, в ходе которых применялись самые активные способы ведения операций. Возросшие до невиданных в прошлом масштабов оборонительные и наступательные операции, огромное количество применявшихся в них сил и средств, высокая результативность этих операций коренным образом меняли стратегическую и военно-политическую обстановку на основных направлениях и на всем советско-германском фронте.

Война внесла много нового в развитие теории и практики подготовки и ведения стратегического наступления и стратегической обороны. Крупным достижением отечественной военной стратегии явилось решение такой важнейшей стратегической проблемы, как переход от стратегической обороны в контрнаступление и развитие его без каких-либо пауз в общее стратегическое наступление. Творческий характер стратегии проявился в искусном применении различных способов ведения стратегического наступления, наиболее полно отвечавших политической, экономической и военной обстановке на каждом этапе войны и обеспечивавших достижение намеченных целей, разнообразных способов разгрома противника в операциях. Показателем высокого уровня развития является успешное решение вопросов выбора направления главного удара в кампаниях, массирование сил и средств на нем и достижения внезапности его нанесения, проведения операций на окружение и уничтожение крупных группировок войск противника.

В целом успешное решение проблемы подготовки и ведения стратегического наступления в кампаниях на большую глубину и на широком фронте явилось значительным шагом в развитии отечественной военной стратегии. Опыт ее решения не утратил своего значения и для современных условий, когда значительно возрастает размах боевых действий, объем и содержание стратегических задач. Особого внимания заслуживает опыт борьбы за захват и удержание стратегической инициативы, подготовки и использования резервов, обеспечения высоких темпов наступления и действий группировок Вооруженных Сил в условиях быстрых и резких изменений обстановки, достижения внезапности ударов.

Военная стратегия в годы войны решила и сложную, фактически новую для себя, проблему стратегической обороны. Организация и ведение стратегической обороны, обеспечивавшей в конечном итоге срыв наступательных планов врага и создание необходимых условий для перехода советских войск в контрнаступление, является убедительным свидетельством ее высокого уровня. Решить подобную задачу оказалось не под силу ни одному из государств Западной Европы, которое подвергалось фашистской агрессии. Наибольшего внимания заслуживает опыт решения стратегией проблемы восстановления нарушенного стратегического фронта, сохранения его целостности.

Большим достижением стратегии явились разработка и успешное применение принципиально новой формы стратегических действий в виде операций групп фронтов.

В ходе минувшей войны успешно были решены и такие важные проблемы стратегии, как подготовка стратегических резервов и их наиболее целесообразное использование, создание четкой структуры стратегического руководства и развитие твердого централизованного управления войсками во всех звеньях, организация наиболее отвечающей нуждам войны структуры Тыла Вооруженных сил и, наконец, совершенствование организационной структуры Вооруженных Сил в соответствии с характером войны, возможностями военно-экономической базы и изменением стратегических задач. В ходе войны выросли, закалились и окрепли кадры талантливых военачальников, проявивших высокое искусство в управлении войсками, руководстве операциями большого масштаба.

Опыт Великой Отечественной войны обогатил советское военное искусство, поднял стратегию на более высокую ступень и служит одним из важнейших источников для дальнейшего ее развития в современных условиях. Его глубокое изучение способствует расширению стратегического кругозора военных кадров, позволяет глубже познать закономерности развития теории и практики вооруженной борьбы. Он учит творческому подходу к решению проблем военного искусства, умению видеть ведущие тенденции в его развитии, всесторонне учитывать требования современных условий. Опыт войны еще раз наглядно раскрыл важность и необходимость постоянного развития и совершенствования военной стратегии, творческого подхода к разработке и решению ее важнейших проблем.

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После минувшей войны и вплоть до начала 90-х годов отечественная военная стратегия прошла в своем развитии сложный и довольно противоречивый путь. Отличительные черты этого времени — чрезвычайно резкие и глубокие перемены в политике, экономике, технике, а следовательно, и в военном деле, но особенно в стратегии. В свою очередь и для стратегии были характерны взлеты и заблуждения, достижения и неудачи. При этом настойчивый поиск новых и совершенно нетрадиционных решений сопровождался острой борьбой между полярными точками зрения, концепциями и взглядами на строительство Вооруженных Сил, характер, формы и способы ведения войны. В методологическом отношении процесс реформирования и эволюция военной стратегии в те годы имел, по меньшей мере, три принципиальные особенности.

Первая — это небывало радикальный и всеохватывающий характер изменений в подходах к решению важнейших задач стратегии, причем во всех ее областях. Никогда ранее столь серьезной и радикальной ломке не подвергались основополагающие установки, а тем более принципы военной стратегии, вечные и, казалось бы, незыблемые ее постулаты. Большинство классических положений чуть ли не одновременно заменялись не просто новыми, а диаметрально противоположными воззрениями, взглядами и требованиями. Оказались опровергнутыми почти все прежние представления о пространственных и временных параметрах военных действий, об их организации и ведении, о главных объектах вооруженной борьбы и способах разгрома противника, о роли соотношения сил и средств, а также других факторов в достижении стратегического успеха, о распределении усилий Вооруженных Сил и формах их стратегического применения. По существу, потребовалась полная перестройка всей системы военного строительства, военной теории и практики, военного мышления.

Вторая особенность состоит в том, что все важнейшие концепции, установки и требования новой стратегии вырабатывались и утверждались преимущественно на базе умозрительных заключений и теоретических расчетов. О том, чтобы они прошли полномасштабную проверку на практике, не могло быть и речи из-за труднопредсказуемых последствий ядерной войны. Лишь отдельные элементы некоторых стратегических установок получили экспериментальное подтверждение, но они позволяли составить лишь частичное, а потому весьма отдаленное представление о возможном облике войны с неограниченным применением всех средств борьбы.

Это и обусловило недостаточную определенность ряда стратегических требований и предположительный их характер.

Наконец, в 70-е — 80-е годы впервые пришлось столкнуться с таким положением, когда огромный рост потенциальных возможностей стратегии вошел в глубокое противоречие с вероятностью их практической реализации. В связи с этим появилась необходимость поиска и выработки компромиссных способов действий с преднамеренным ограничением масштабов, районов и времени применения наиболее разрушительных видов оружия. В результате с определенного момента развитие стратегии пошло по новой спирали со все большим возвратом к традиционно классическим, но многократно усовершенствованным средствам борьбы и к некоторым прежним стратегическим установкам, правда, в глубоко модернизированном и преобразованном виде.

В целом после второй мировой войны в развитии отечественной военной стратегии можно выделить шесть основных этапов. Все они связаны с крупными изменениями в военно-политической обстановке, в состоянии своих Вооруженных Сил и вооруженных сил вероятных противников.

Первый этап, который охватывает восемь с половиной лет — с 1945 по 1953 гг., в политическом отношении связан с новой расстановкой военно-политических сил, началом «холодной войны» и формированием двух противостоявших друг другу блоков — Организации Варшавского договора и Североатлантического союза. В военно-техническом плане он обусловлен переводом Вооруженных Сил на мирное положение, их реорганизацией и технической модернизацией. В это время была осуществлена полная механизация и моторизация армии, проведено техническое обновление всех родов войск, создана реактивная авиация и образованы Войска ПВО страны.

Соответственно советская военная стратегия была переориентирована на новых противников — США и европейские страны НАТО. Превосходству США в ядерном оружии была противопоставлена линия на создание и поддержание подавляющего преимущества в обычных средствах борьбы. Одновременно разрабатывались и осваивались более кардинальные формы решения стратегических задач на континентальных ТВД, были приняты меры по усилению защиты и обороны важнейших объектов страны. Однако в принципиальных вопросах так и остались в силе те взгляды и стратегические установки, с которыми СССР пришел к концу Великой Отечественной войны.

Второй этап занимал шестилетний срок — с 1954 по 1960 гг. Для него характерно усиление противоборства между США и СССР, возникновение в различных регионах планеты острых кризисных ситуаций, не раз ставивших мир на грань новой большой войны. В военно-техническом плане он примечателен массовым оснащением всех видов Вооруженных Сил ядерным оружием, созданием и внедрением новых видов оружия и военной техники, перестройкой организационных структур войск и сил флота с учетом их действий с применением оружия массового уничтожения. Именно тогда была разработана стратегия ведения ядерной войны на различных театрах военных действий, основанная на решении важнейших военно-политических и стратегических задач путем нанесения по противнику массированных ядерных ударов.

Третий этап включает последующие десять лет — с 1961 по 1970 гг. Он явился переломным, а потому отличался наивысшим накалом политического, экономического и военного противоборства СССР и других стран Варшавского договора с США и НАТО, косвенным вовлечением Советского Союза в локальные военные конфликты на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, а также резким изменением отношений с Китаем — от дружбы до открытой конфронтации по всем линиям. В во-

енно-технической области — это было десятилетие создания и сверхприоритетного развития стратегических ядерных сил, прежде всего их главного ядра — Ракетных войск стратегического назначения, массового внедрения во все виды Вооруженных Сил ракет различного назначения и базирования, появления военно-космических средств, резкого скачка в развитии информационных и управляющих систем, коренного пересмотра всех направлений военного строительства.

Именно на этом этапе была сформирована новая глобальная военная стратегия — стратегия неограниченной ракетно-ядерной войны, радикально изменились взгляды на условия, характер, ход и исход вооруженной борьбы, разработана теория крупномасштабных стратегических операций с распространением их на все континенты, океаны и моря, околоземное воздушное и космическое пространство.

Четвертый этап также продолжался десять лет — с 1971 по 1980 г. Примечателен он тем, что в его рамках развернулась борьба за достижение военно-политического и стратегического паритета между СССР и США, ОВД и НАТО. Характеризовался этот этап существенным изменением форм военно-политического противоборства между ними. В связи с неотвратимо губительными для обеих сторон возможными последствиями применения накопленных запасов ядерного оружия назрела насущная необходимость политическим путем урегулировать ряд международных проблем. Хотя и развернулся новый, интенсивный виток гонки вооружений, стало возможным в условиях образовавшегося примерного баланса военных сил заключить соглашение по ограничению отдельных видов стратегического оружия, а также начать разработку совместных мер по предотвращению ядерного столкновения.

Резкий качественный рывок произошел в состоянии Вооруженных Сил СССР. Их стратегический потенциал возрос в несколько раз. Появилась возможность гарантированного поражения стратегическим оружием многочисленных точечных и высокозащищенных целей. Одновременно наметился крупный прорыв в развитии обычных средств борьбы.

Тогда-то сложилась и утвердилась стратегия поэтапного ведения войны. Были разработаны различные варианты развития военных действий с постепенным переходом (в зависимости от уровня угрозы) к применению более разрушительных и истребляющих видов оружия.

Пятый этап начался в 1981 г. и продолжался до 1991 г., т. е. вплоть до распада СССР. В политическом отношении он характеризовался острой борьбой довольно противоречивых тенденций, стабилизирующих и дестабилизирующих факторов. В связи с этим периоды некоторого снижения международной напряженности чередовались с периодами очередного их обострения. Советскому Союзу пришлось считаться с возможностью согласованного выступления против него как стран НАТО, так и Китая и в соответствии с этим строить свою внешнюю политику. Все попытки советского руководства внести раскол в НАТО и одновременно укрепить свои позиции на Юге и Востоке нередко приводили к обратному результату. Вооруженные Силы оказались втянуты в длительную и совершенно бесперспективную афганскую войну, которая закончилась для СССР позорным провалом. В середине этапа начался процесс постепенной дезинтеграции Организации Варшавского договора, завершившийся ее распадом, а вместе с ним и крушением советской коалиционной стратегии.

В военно-техническом плане гонка вооружений вступила в стадию острого состязания новых военных технологий. С середины 80-х годов главной ее отличительной чертой стали форсированная разработка и массовое внедрение в Вооруженные Силы систем высокоточного управляемого оружия. В связи с этим резко изменился характер военных действий с использованием обычных средств борьбы, появилась возможность гарантированного уничтожения этими средствами самых раз-

ных объектов на обширных территориях и надежного выполнения задач в короткие сроки.

В этих условиях утвердилась стратегия равной готовности к ведению как ядерной, так и обычной войны в новых ее формах и отражению агрессии ответными, преимущественно адекватными действиями.

Шестой этап начался в 1991 г., когда одновременно с распадом СССР не стало единых советских Вооруженных Сил, образовались Содружество независимых государств, Российская Федерация и ее Вооруженные Силы. Это резко изменило всю военно-политическую и стратегическую обстановку в мире, а главное — завершилась «холодная война». Но вместе с тем изменились геополитическое положение России, ее экономические и военные возможности. Созданная за многие годы система обороны страны оказалась нарушенной. Направленность одних возможных военных угроз отпала, но возникли другие. Все это потребовало разработки принципиально новой военной доктрины России, а вместе с ней и новой военной стратегии.

В целом отечественная военная стратегия после второй мировой войны развивалась скачкообразно, с максимальным упором на последние достижения науки и техники, экономические и научно-технические возможности государства в условиях напряженной и исключительно острой борьбы с США и НАТО за военно-техническое, а значит, и стратегическое превосходство. Стратегия СССР по всем без исключения направлениям активно противостояла американской и натовской военной стратегии. Это отнюдь не исключало определенного тождества в способах решения важнейших стратегических задач, а порой и взаимного заимствования отдельных положений. Как в военной политике и технике, так и в военной стратегии даже незначительный прорыв одной стороны в какой-либо области тут же вызывал адекватную реакцию другой. Вопрос состоял в том, как предупредить вероятных противников в разработке более совершенных средств борьбы, более эффективных форм и способов их применения с тем, чтобы постоянно сохранять за собой инициативу, иметь политические, военно-технические и стратегические преимущества.

1. Факторы, определявшие послевоенный прогресс стратегии

Вскоре после окончания второй мировой войны в мире возникли новые тенденции, существенно усилившие влияние политики, экономики и научно-технического прогресса на военную стратегию.

В области политики важное значение имели те глубокие сдвиги, что произошли в расстановке военно-политических сил. Мир из многополярного стал биполярным. Победа, одержанная во второй мировой войне, не только смела с исторической арены наиболее агрессивные силы, но и упразднила прежнюю международную структуру; обозначился иной миропорядок, который определялся господством двух сверхдержав. Образовались две мировые социально-политические системы, глубоко враждебные друг другу, два лагеря: с одной стороны, во главе с СССР, а с другой стороны — во главе с США. Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции превратились в противников. Во всех без исключения сферах общественной жизни между ними и сгруппировавшимися вокруг них странами развернулась непримиримая борьба. Она приобрела особую форму — «холодной войны» с опасным балансированием на грани войны «горячей».

Это уникальное в социально-политическом и военном аспектах явление не имеет аналогов в истории. Небывало жесткое противостояние в политике, экономике, идеологии, но особенно в военном деле стало питательной средой для постоянных столкновений, острых кризисов и конфликтов. Вместе с тем мощные сдерживающие факторы не позволяли политикам все доводить до крайности, вынуждали счи-

таться с чрезвычайно опасными для каждой стороны последствиями прямого военного столкновения, заставляли идти на компромиссы, искать обходные пути для достижения военно-политических целей.

Внешняя политика и СССР, и Соединенных Штатов Америки в тот период была активно наступательной. Более того, она включала элементы политического и военного экстремизма. Обе стороны стремились любыми средствами укрепить свои политические, экономические и военные позиции. Однако условия и возможности достижения поставленных целей не были одинаковыми, а их направленность оказалась диаметрально противоположной. Советский Союз стал одним из тех немногих государств, которые в итоге второй мировой войны получили территориальные приобретения. В то же время его экономика пострадала больше всего. Поэтому руководство СССР сосредоточивало свои главные усилия на том, чтобы как можно быстрее восстановить народное хозяйство и вместе с тем стремилось обеспечить гарантированную защиту своих завоеваний, сохранить территориальную целостность государства в расширившихся границах, укрепить свое положение в странах Восточной Европы, создать благоприятные предпосылки для широкого распространения коммунистических идей и советских режимов во всех регионах мира.

В свою очередь ведущие капиталистические государства в результате победы в войне устранили своего политического и военного конкурента в Центральной Европе, но одновременно сами утратили контроль над целым рядом малых стран. Сфера их влияния сузилась из-за стремительного распада колониальной системы. Буквально на глазах развалились Британская и Французская империи. Не случайно экс-премьер-министр Великобритании У. Черчилль тогда не раз повторял, что «победа в этой войне оказалась ненужной и даже бессмысленной». Одни Соединенные Штаты извлекли из нее большие выгоды: их политическое, экономическое и военное могущество стало подавляющим. Более того, экономический и военный центр всего капиталистического мира переместился на американский континент.

В военно-стратегическом отношении определяющее значение имело то обстоятельство, что американцы захватили и на протяжении почти пяти лет продолжали сохранять монополию на ядерное оружие. Это позволяло им держать в страхе весь мир, строить планы завоевания мирового господства, рассчитывать на политику ядерного шантажа и открытого военного давления. В апреле 1949 г. американский президент Г. Трумэн откровенно заявил, что он «не поколеблется принять решение на применение атомной бомбы, если на карту будет поставлено благосостояние Соединенных Штатов Америки или демократий мира»¹.

Во всяком случае США и их европейские союзники использовали любую возможность, чтобы блокировать Советский Союз и другие страны, принявшие курс на социалистическую ориентацию. Они прилагали огромные усилия, только бы остановить и устранить «коммунистическую угрозу», восстановить свое влияние в Восточной Европе и Юго-Восточной Азии, добиться безраздельно лидирующей роли в мировой политике и экономике. Именно эту цель преследовали принятые в 1947 г. и так называемая внешнеполитическая «доктрина Трумэна», по сути обосновывавшая право США вмешиваться в дела любой страны, если затрагивались американские интересы, и «план Маршалла», открывший путь американской экономической программе в Европе и возрождения германского экономического, а затем и военного потенциалов.

Объективно СССР в это время был больше всего заинтересован в сохранении мира и так же, как и США в осуществлении политических преобразований мирным путем. Но логика борьбы постоянно толкала их на крайние меры, а порой и на открыто агрессивные действия. Причем инициатива чаще всего принадлежала США.

Советский Союз и дружественные ему восточноевропейские государства, а также Китай в Азии были охвачены кольцом враждебных военно-политических группировок, окружены сетью многочисленных американских военных баз. Уже в 1949 г. создается Североатлантический блок (НАТО), который должен был противостоять СССР в Европе. Затем в различных регионах мира возникают другие военно-политические союзы антисоциалистической и антисоветской направленности: в 1954 г. — СЕАТО, в 1955 г. — СЕНТО, в 1966 г. — АЗПАК.

В то же время разветвляется беспрецедентная по масштабам гонка вооружений. Военные бюджеты государств и военных союзов обеих сторон непрерывно растут. Так, если в 1949 г. расходы НАТО на военные цели составляли 18,8 млрд. долларов, то в 1953 г. они достигли 65,5 млрд., а к 1974 г. — 132 млрд. долларов, т. е. увеличились более чем в 7 раз. В США военные ассигнования составляли в 1949 г. 13,5 млрд., в 1960 г. — 47,4 млрд., в 1970 г. — 77 млрд. долларов². Еще интенсивнее росли военные расходы СССР. Хотя официально они не превышали 17—18% бюджета, в действительности они достигали 40—45%. Конкретные цифры, однако, составляли государственную тайну.

С 1950 г. быстро наращивается состав вооруженных сил. Численность объединенных вооруженных сил НАТО, например, с 1949 по 1952 гг. увеличилась почти в 4 раза. В 80-х годах она составила 4 933 тыс. человек. Советские Вооруженные Силы при переводе их с военного на мирное положение сократились с 12 млн. до 2 874 тыс. человек. Затем их численность возросла на 1,5 млн. человек, в 1960 г. последовало новое сокращение — на 1,2 млн. Однако с 1982 г. состав советских Вооруженных Сил стал возрастать и к началу 90-х годов превысил 4,8 млн. человек³.

Еще более серьезные изменения произошли в качественном состоянии вооруженных сил обеих сторон. На их оснащение во все возрастающих темпах поступали новые и новые виды военной техники и оружия, причем большой разрушительной и поражающей силы.

Подавляющая часть экономического и военного потенциала капиталистического мира была сконцентрирована на территории США. Уже в конце 50-х годов удельный вес американского промышленного производства в мировом капиталистическом производстве превысил 46%. Американские монополии контролировали важные отрасли промышленности остальных ведущих капиталистических государств и, разумеется, все источники стратегического сырья во многих развивающихся странах. На долю США в 50-е — 60-е годы приходилось 95% мощностей по производству ядерных боеприпасов, 90% ракетостроения и около 60% производства обычных вооружений.

В те годы американские вооруженные силы располагали 98% запасов ядерного оружия и 43% обычных вооружений капиталистических государств. На территории США были развернуты 80% основных стратегических средств ведения войны, представлявших для СССР наибольшую угрозу. Исходя из этого, а главной — с учетом непримиримо враждебной направленности американской внешней политики советская военная стратегия с конца 40-х годов рассматривала США как врага номер один.

Западноевропейские союзники США по НАТО, прежде всего Англия и Федеративная Республика Германии, рассматривались как враг номер два. Считалось, что совокупный военно-промышленный потенциал этих государств, людские ресурсы и мощное техническое оснащение вооруженных сил представляют собой прямую угрозу для СССР. Впрочем, и само руководство НАТО создание такой военно-политической организации обосновывало насущной необходимостью обеспечения безопасности Запада от возможной экспансии со стороны Советского Союза. Так или иначе вся структура Североатлантического блока, организация его вооруженных сил, их

группировки, система подготовки, а в равной степени и планы боевого применения были подчинены возможному столкновению Запада с Востоком. Словом, Европа вновь превращалась в главную арену политического и военного противоборства.

Опасный очаг напряженности возник и на Ближнем Востоке, где столкнулись интересы Советского Союза, США и других западных держав. Их прямое вмешательство в перманентные конфликты на стороне разных стран, разумеется, накаляло обстановку, дестабилизировало всю систему международных отношений.

Что касается Азиатско-Тихоокеанского региона, то победа коммунистического Китая, казалось бы, создала здесь благоприятные условия для укрепления позиций СССР. Но на самом деле завязывался очень сложный узел противоречий: ведь, кроме СССР, упрочить свое положение стремились и Китай, и США. Не исключалась вероятность скорого восстановления японского промышленного, а затем и военного потенциалов. Пытались возродить свое бывшее влияние здесь Англия и Франция. Возникшие в связи с этим корейская война (1950—1953), конфликт между КНР и Тайванем (с 1949), франко-вьетнамская (1945—1954), а затем и начавшаяся в 1959 г. война сопротивления вьетнамского народа, довели обстановку в этом регионе до наивысшего накала.

Исходя из субъективного представления о положении в мире, характера реальных военных угроз и общей направленности проводимой политики, советское руководство осуществляло комплекс разнообразных мер по обеспечению безопасности государства. Оно выступило с рядом инициатив, направленных на укрепление мира и международную стабильности, в том числе о проведении переговоров по урегулированию советско-американских отношений (1948), о принятии Пакта мира и о начале постепенного разоружения (1949), о заключении Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе (1954) и др. Все они, однако, были отвергнуты западными державами. СССР предпринимал и более активные шаги: сорвав все попытки вмешательства Запада во внутренние дела Польши, Болгарии, Румынии, Венгрии и Чехословакии, он сам навязал им просоветский курс развития. Одновременно СССР начал проводить в жизнь систему крупномасштабных оборонных мер и форсированных военных приготовлений.

В мае 1955 г. была создана Организация Варшавского договора, в состав которой вошли восемь (с 1962 г. — семь) государств⁴. В соответствии с заключенным договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи были образованы Объединенные вооруженные силы стран Варшавского договора во главе с объединенным военным командованием. Отныне политическое, экономическое, а тем более военное сотрудничество приобрело всеохватывающий характер. Начался переход к системе коалиционного военного планирования. В результате военно-политическое противостояние выросло до уровня двух враждебных коалиционных блоков. Соответственно этому начали разрабатываться принципы коалиционной стратегии ядерного века.

Новый серьезный поворот в военно-политической обстановке, а затем и в стратегии произошел в начале 60-х годов, когда резко обострились отношения между Советским Союзом и Китаем. В силу объективных и субъективных причин идеологические противоречия между ними переросли в открытую конфронтацию. В то же время наметилось сближение Китая с США. Советскому руководству приходилось учитывать возможность их совместного (поочередного или одновременного) выступления против СССР.

Таким образом, из главного союзника СССР Китай превратился во врага. Более того, ввиду непредсказуемости китайской внешней политики и возможности с его стороны крупномасштабных провокаций некоторые военно-политические деятели СССР были склонны рассматривать своего недавнего союзника в качестве против-

ника номер один. Это вынудило в корне пересмотреть направленность военной политики СССР, скорректировать свою стратегию на востоке. Прежде всего в Приморье и Забайкалье были созданы новые мощные группировки Вооруженных Сил, а также развернуты ширококомасштабные работы по восстановлению и развитию военной инфраструктуры. Потребовалось пересмотреть все военно-стратегические планы, причем не только по Дальневосточному, но и по всем остальным театрам военных действий. К тому времени относится формирование концепции многовариантной войны, под которую была подведена соответствующая материальная и идеологическая база.

Такое положение сохранялось вплоть до конца 70-х годов. В военно-политическом отношении это был, пожалуй, самый сложный период в послевоенном развитии СССР. Он потребовал принятия радикальных решений по всему комплексу военно-политических и оборонных задач. Обстановку усугубляло и то, что обострение советско-американских и советско-китайских отношений совпало с целым рядом острейших международных кризисов, локальных столкновений и конфликтов, непосредственно затрагивавших государственные интересы и национальную безопасность СССР. Наиболее значительными и опасными были карибский кризис (1961), чехословацкий кризис (1968—1969); арабо-израильские войны (1964 и 1973), американо-вьетнамская война (1964—1975), советско-китайский конфликт у острова Даманского (1968), вьетнамо-китайская война (1979) и ряд других.

Так или иначе, сам Советский Союз участвовал в них прямо или косвенно, ибо политически связанной с ним стороне он оказывал политическую и экономическую помощь, содействовал поставками оружия, боеприпасов, горючего, военного имущества, технологического оборудования и военными специалистами. В некоторых военных конфликтах использовались отдельные подразделения и части советских экспедиционных войск, выполнявшие в основном задачи противовоздушной обороны.

Что же касается карибского и чехословацкого кризисов, то они сопровождались проведением крупных военных мероприятий как в советских Вооруженных Силах, так и в армиях других стран Варшавского договора. Приобретенный при этом опыт имел важные последствия: он вынуждал корректировать не только военную политику, но и стратегию, другие составляющие военного дела. Более того, цепь взаимосвязанных кризисов и конфликтов, распространившихся тогда на все континенты и многие регионы мира, заставила СССР разработать особую область стратегических приемов, связанную с координацией военных акций в отдаленных районах без прямого участия либо с частично открытым или скрытым применением собственных Вооруженных Сил.

В конце 70-х и в начале 80-х годов в военно-политической обстановке стали проявляться некоторые новые тенденции довольно противоречивого характера. С одной стороны, получил развитие процесс переговоров. Было заключено несколько важных договоров, направленных на снижение в мире военного противостояния: договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСН-2); договор об обычных вооруженных силах в Европе; договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ); договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности; конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и об его уничтожении и другие. В это же время несколько улучшились отношения с Китаем.

Однако в 1979 г. Советский Союз ввязался в длительную и совершенно бесперспективную афганскую войну. На этой почве вновь резко обострились отношения с США, другими странами НАТО, рядом арабских государств. Поиск целесообразных решений в таких условиях привел к более осмотрительному политическому курсу и соответственно к усилению оборонительных аспектов в области военной

стратегии. В результате была уточнена система военных угроз, пересмотрены способы и варианты возможного реагирования на действия вероятных противников, соответственно откорректированы направления развития и подготовки Вооруженных Сил, положено начало формированию стратегии сдерживания и предупреждения войны.

Таким образом, внешнеполитический курс советского государства в послевоенные годы то ужесточался, то становился более гибким и уравновешенным. Соответственно менялся и характер военной стратегии. Но, конечно, складывавшиеся в то время военно-стратегические взгляды определялись не только объективными условиями и субъективно-политическими процессами, но и их идеологической трактовкой. Во всяком случае многие военно-стратегические положения основывались на официально принятых государственных установках. Например, считалось, что после второй мировой войны мир вступил в новую эпоху необратимого перехода от капитализма к коммунизму. В числе важнейших особенностей послевоенной обстановки особая роль отводилась образованию двух противоположных мировых общественно-политических систем, двух военно-политических блоков с перспективой неуклонного расширения социалистического лагеря при одновременном сужении сферы влияния капитализма. Исходя из этого постулата, главной военно-политической задачей в СССР признавалось укрепление мира, защита социализма от «империалистических происков», активная поддержка революционных, антиимпериалистических и национально-освободительных сил. Из нее вытекали соответствующие военно-стратегические задачи: укрепление оборонного могущества стран социалистического Содружества и отражение возможной агрессии.

Весьма тенденциозно рассматривалось геополитическое и геостратегическое положение СССР. Предполагалось, что его внешнеполитические и стратегические позиции постоянно укрепляются, что расстановка военно-политических сил будет меняться под воздействием все возрастающего влияния социалистических стран, а день ото дня крепнущее сотрудничество Советского Союза с развивающимися государствами и расширение мирового коммунистического движения в конце концов обеспечат общий кризис капитализма. Применительно к такому выводу разрабатывалась стратегия обороны СССР и всей мировой системы социализма.

Последующие события показали, насколько однобоки и недальновидны были эти установки. Но в то время они казались неизбежными и закономерными.

В 50-х — 80-х годах зависимость стратегии от экономики стала еще более значимой и многогранной. Экономические возможности СССР явились решающим критерием наращивания и поддержания на должном уровне оборонного потенциала, а все структурные элементы экономики превратились в один из главных субъектов вооруженной борьбы.

После окончания второй мировой войны советской экономике пришлось решать целый комплекс сложнейших задач. Необходимо было в кратчайшие сроки восстановить разрушенное войной народное хозяйство, создать условия для быстрого наращивания материально-технической базы, ввести в строй экономические объекты коренной перестройки и совершенствования обороны страны, создать эффективную систему экономической помощи союзным государствам.

Во второй половине 40-х и в начале 50-х годов главные усилия были сосредоточены на переводе народного хозяйства с военного на мирное положение, быстрейшем восстановлении и модернизации наиболее важных промышленных отраслей сельского хозяйства и транспорта, а в оборонном секторе — на создании и наращивании новых производственных мощностей в танковой, авиационной, радиоэлектронной промышленности. Особое внимание уделялось объектам, связанным с производством расщепляющихся материалов для ядерного оружия.

Восстановление народного хозяйства — это еще одна героическая страница в истории советского государства. Уже к концу 1948 г. был достигнут довоенный уровень индустриального производства, добычи угля, нефти, выработки электроэнергии. Да в общем-то и последующие годы характеризовались высокими темпами развития всех промышленных отраслей. Советский Союз, вступив в тотальное противоборство с США и другими западными державами, быстро наращивал свою экономическую мощь. Наиболее полно это отразилось на росте национального дохода страны. Если в 1961—1963 гг. этот показатель составил 840 млрд. руб., то в 1968—1970 гг. — 1 трлн. 166 млрд. руб., в 1971—1975 гг. — 1 триллион 674 млрд. руб., а в 10-й пятилетке он увеличился еще на 400 млрд. руб. В 1983 г. национальный доход превысил 530 млрд. руб., в то время как за пять довоенных лет (1936—1940) он составлял всего 154 млрд. руб. Основные показатели развития народного хозяйства в 1945—1983 гг. приведены в таблице 9.

Таблица 9.

Основные показатели развития народного хозяйства СССР в 1945—1983 гг.

Виды продукции	Уровень промышленного производства						
	1945 г.	1955 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Электроэнергия, млрд. квт/ч	48,3	170,2	507,0	740,9	1038,0	1295,0	1419,0
Нефть (с газ. конд.), млн. т.	27,8	101,2	243,0	353,0	491,0	603,0	616,0
Газ, млрд. куб. м.	3,3	9,0	129,0	200,0	289,0	435,0	536,0
Уголь, млн. т.	149,3	389,9	578,0	624,0	701,0	716,0	716,0
Сталь, млн. т.	12,3	45,3	91,0	116,0	141,0	148,0	153,0

Особенно стремительно развивались отрасли, связанные с научно-техническим прогрессом и укреплением обороны государства: электроэнергетика, химическая и нефтехимическая промышленность, машиностроение, станко- и приборостроение, радиоэлектроника.

Было налажено поточное производство ядерного оружия, создана мощная ракетная промышленность. Авиационная отрасль освоила выпуск реактивных самолетов различных типов. Были введены в строй новые мощности по производству артиллерийских систем, бронетанковой техники, средств противовоздушной обороны, новых средств связи, разведки, радиоэлектронной борьбы, боеприпасов различного назначения.

Самого высокого уровня промышленное производство достигло в период 1983—1985 гг. По сравнению с 1945 г. национальный доход тогда увеличился в 20,4 раза, продукция промышленности — в 28 раз, сельского хозяйства — в 4,8 раза⁶. В эти же годы в абсолютных цифрах СССР добился максимального объема выпуска большинства видов военной и гражданской продукции. Резко расширилась номенклатура выпускаемых изделий. Было освоено производство многих новых видов ракетной, авиационной и космической техники. Судостроительная промышленность расширила строительство боевых кораблей новых проектов, в том числе атомных подводных крейсеров, ракетных и авианесущих кораблей.

Однако, начиная с 60-х годов, темпы развития экономики стали постепенно снижаться. Так, если с 1950 по 1960 гг. промышленное производство в целом по стране возросло на 264%, то в следующее десятилетие (с 1960 по 1970 гг.) прирост

сократился до 230%, а в 70-х годах он составил только 150%. В дальнейшем темпы роста еще больше снизились. Причем по выпуску отдельных видов продукции производство стало уменьшаться, хотя военные отрасли в те же годы развивались с не меньшей интенсивностью.

К 1985 г. Советский Союз по общему объему промышленного производства занимал второе место в мире и первое — в Европе. Его экономический потенциал составлял почти 80% экономического потенциала США, а суммарная доля социалистических государств — членов СЭВ в общемировом производстве достигла 32%. Но по национальному доходу СССР уступал Соединенным Штатам Америки более чем в три раза.

Только благодаря предельному напряжению и ограничению ассигнований на социальные программы удавалось выдерживать развернувшуюся гонку вооружений и поддерживать военное равновесие со странами вероятного противника. Тем не менее мощная экономическая база СССР позволяла и в тот период ориентироваться на наступательную стратегию, быстро развивать Вооруженные Силы, постоянно обновлять их технический арсенал и ставить перед ними самые решительные цели. Опираясь на эту базу, Советский Союз рассчитывал успешно противостоять США, НАТО и Китаю как в кратковременной, так и в длительной войне с многократным восстановлением Вооруженных Сил.

Тем не менее прогрессивно возрастающая роль экономического фактора в войне заставила руководство СССР пересмотреть способы применения Вооруженных Сил, по-новому оценить основные объекты приложения стратегических усилий. Особое значение приобрели защита своих экономических объектов от ударов врага и надежное уничтожение его аналогичных объектов. Изменился также подход к вопросам борьбы за территорию, овладения жизненно важными районами противника, выживания в ядерной войне.

Третий и главный фактор, под влиянием которого в тот период происходили глубокие изменения в стратегии, связан с научно-техническим прогрессом. И в прошлом развитие науки и техники оказывало огромное воздействие на все стороны военного дела, приводило к созданию новых, более эффективных средств вооруженной борьбы, а затем и к крутому повороту в способах ведения войны и боевых действий. Подлинную революцию в военной сфере вызвало в свое время появление огнестрельного оружия, а затем аналогичным образом повлияли появление танков и авиации, моторизация и механизация армий. Но никогда прежде научно-технический прогресс не приводил к столь крутым и радикальным переменам в характере войны, в военном искусстве, особенно в стратегии, как это произошло во второй половине XX столетия. Этот короткий временной отрезок примечателен цепью следовавших одна за другой революций в военном деле. Вызванные грандиозными научными прорывами в ядерной физике, оптике, физике твердого тела, радиофизике, газодинамике, теплофизике, космической, электронной и лазерной технике, химии, математике, кибернетике и других научных отраслях, а затем созданием на основе этих достижений принципиально новых средств вооруженной борьбы большой разрушительной силы, они привели к подлинному перевороту во взглядах на войну и способы ее ведения.

Глобальные изменения в военном деле связаны с созданием и поступлением на оснащение Вооруженных Сил в конце 40-х и начале 50-х годов ядерного оружия. Затем последовало еще несколько крупных революционных взлетов, вызванных появлением ракет различного назначения, особенно ракет межконтинентальной дальности, реактивного оружия и реактивных двигателей, средств радиоэлектронной борьбы, автоматизированных систем управления войсками и оружием, быстродействующими

щих цифровых средств связи космических обеспечивающих систем и, наконец, высокоточного управляемого и самонаводящегося оружия.

В своей совокупности все эти средства не только в корне изменили условия ведения вооруженной борьбы на суше, в воздухе и на море, но и привели к возможности распространить ее на космос, создав предпосылки для мгновенного уничтожения крупных группировок войск и тысяч разнообразных объектов на огромных пространствах. Перед военными предстала перспектива решить таким путем многие стратегические задачи, о которых до того не мог помышлять даже самый смелый мечтатель.

В целом в 50-х — 80-х годах не только обозначились, но и приобрели решающее значение несколько новых направлений военно-технического плана, оказавших доминирующее воздействие на военную стратегию ведущих стран мира, прежде всего СССР и США, участников Варшавского договора и Североатлантического блока. Можно выделить не менее пяти таких направлений.

Первое — это создание и развитие ядерных вооружений, которые были основаны на использовании внутриатомной энергии, выделяющейся при цепных реакциях деления и синтеза ядерного ядра.

Впервые созданная в США, ядерная бомба была испытана в августе 1945 г. Через месяц американцы применили ее для бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки, хотя военной необходимости в этом уже не было. В СССР ядерное оружие появилось в конце 40-х, а в 50-х годах обладателями ядерного оружия последовательно стали Великобритания, Франция и Китай. Сегодня этим оружием располагают еще Израиль, Индия и Пакистан. Научные разработки ведут и другие страны.

Уже на начальной стадии ядерное оружие по своей боевой мощи на два-три порядка превзошло все применявшиеся до него средства вооруженной борьбы. С его созданием появилась возможность комплексного поражения объектов как путем прямого воздействия за счет ударной волны, светового излучения, проникающей радиации, так и в результате вторичного поражения вследствие радиоактивного заражения местности, водных акваторий и атмосферы в обширных зонах и районах. Это сразу же выделило данное средство в особый класс оружия массового поражения. В результате система вооружений разделилась на два качественно отличных друг от друга комплекса средств вооруженной борьбы, а их умелое сочетание в военных действиях явилось одной из важнейших задач стратегии.

Первоначально ядерное оружие существовало в виде авиационных атомных бомб и поэтому рассматривалось исключительно как средство стратегического назначения, предназначенное для поражения крупногабаритных объектов, главным образом административно-политических и промышленных центров, важнейших городов. Тем не менее уже тогда оно, изменив весь облик вероятной войны, превратилось в мощное орудие политики. Во всяком случае именно так его пытались использовать военно-политические круги США, встав на путь открытого ядерного шанса в период, когда Советский Союз такого оружия еще не имел.

К счастью, американская монополия на ядерное оружие продолжалась недолго — всего 4 года. Появление в 1949 г. ядерного оружия в СССР уравнило шансы сторон и тем самым сыграло большую роль в предотвращении третьей мировой войны, хотя и создало критическую обстановку ядерного противостояния, в которой один неверный шаг грозил всему человечеству катастрофическими последствиями.

Начиная с 50-х годов гонка ядерных вооружений превратилась в один из определяющих факторов международных отношений и военного противоборства двух систем. Советский Союз стремился любой ценой догнать и превзойти США в количестве и качестве ядерных боеприпасов. В свою очередь, Соединенные Штаты Аме-

рики пытались сохранить и нарастить свои преимущества. Шло интенсивное наращивание ядерных арсеналов, форсированно создавались все новые, более совершенные и мощные ядерные боеприпасы, расширялся состав средств их доставки к целям.

В конце 50-х и начале 60-х годов в связи с созданием термоядерных зарядов, а затем и межконтинентальных ракет с термоядерными боеголовками стратегия получила в свое распоряжение средства огромной разрушительной силы для массивного воздействия на территорию врага, поражения объектов в любой точке земного шара. Это предопределило потенциальную вероятность развязывания и ведения всеобщей глобальной войны, не знающей никаких границ.

В СССР ядерное оружие стало активно внедряться во все без исключения виды Вооруженных Сил и основные рода войск. Оно поступило на оснащение Сухопутных войск, Военно-воздушных сил, Военно-морского флота и Войск ПВО страны. Были разработаны новые модификации усовершенствованных авиационных атомных бомб малого, среднего и большого калибра, авиационные и морские крылатые ракеты с ядерными зарядами, ядерные торпеды, артиллерийские ядерные снаряды и мины, ядерные и термоядерные боеголовки для баллистических ракет различного назначения, спецзаряды для зенитных ракет, глубинные ядерные бомбы, инженерные ядерные фугасы и т. п. Словом, появилась возможность широкого применения ядерного оружия в стратегическом и оперативнотактическом масштабах, в различных операциях и даже непосредственно на поле боя.

Наряду с непрерывным совершенствованием ядерного оружия быстро росли его запасы. Скоро количество накопленных ядерных боеприпасов в США и СССР намного превысило все разумные пределы, т. е. достигло такого уровня, при котором обеспечивалось многократное уничтожение всего живого на Земле.

В 70-х годах появилось ядерное оружие третьего поколения: ядерные боеприпасы с переменным тротиловым эквивалентом, нейтронные ядерные боеприпасы, малогабаритные ядерные заряды и т. п. Крупнейшим научно-техническим достижением, оказавшим огромное влияние на стратегию, явилось создание многоблочных ядерных головных частей с самонаводящимися элементами. В перспективе это позволяло в несколько раз увеличить число поражаемых объектов, а главное — обеспечить надежное уничтожение высокозащищенных целей, причем на любых дальностях.

Только с 80-х годов количественный рост ядерных арсеналов затормозился. В соответствии с заключенными между СССР и США соглашениями часть боезарядов была уничтожена, началась плановая утилизация устаревших ядерных боеприпасов. Но, несмотря на запрет проведения ядерных испытаний в трех средах, процесс их совершенствования не прекращался. Более того, и в США, и в Советском Союзе развернулись работы по созданию ядерного оружия четвертого поколения и оружия направленного действия (лазерное и лучевое)*.

Второе направление военно-технического прогресса — развитие ракетостроения и массовое внедрение ракет во все виды Вооруженных Сил. Их разработка началась сразу же после окончания второй мировой войны, вначале на базе немецкой технологии ФАУ-1 и ФАУ-2, а затем и по принципиально новым технологиям с расчетом создания сверхскоростных, малоуязвимых и дальнобойных носителей ядерных боеприпасов.

Первоначально приоритет явно отдавался крылатым ракетам. Но очень скоро все внимание в этом плане было сосредоточено на создании баллистических ракет, сначала средней, а затем и межконтинентальной дальности.

В Советском Союзе первый ракетный комплекс был создан и испытан в 1954 г., а межконтинентальные баллистические ракеты — в 1959 г. Примерно в это же

* Супероружие, принцип действия которого основан на использовании мощной энергии электромагнитного излучения

время аналогичные испытания проводились и в США. Несколько позднее баллистические ракетные комплексы наземного и морского базирования появились в Великобритании, Франции и Китае.

С развертыванием довольно крупных группировок баллистических ракет средней, а в последующем и межконтинентальной дальности в действие вступили новые факторы, обусловившие не только возможность внезапного нападения, но и неотвратимость ударов по намеченным объектам и целям, гарантированную вероятность их уничтожения буквально в считанные минуты. Отныне былая неуязвимость географически удаленных объектов и территорий ушла в прошлое. Над всеми странами нависла угроза вероятной ракетно-ядерной атаки, от которой в то время не было никакой защиты, кроме ответных адекватных действий.

С момента объединения ядерного и ракетного оружия в единые ракетно-ядерные комплексы будущая война стала рассматриваться как ракетно-ядерная. Начала формироваться триада стратегических ядерных сил как главное средство ее ведения. Складывалась и система взглядов на способы стратегических действий вооруженных сил в подобных условиях.

В развитии ракетных вооружений новым важным этапом стали 70-е годы. В это время продолжалось интенсивное совершенствование стратегических ракет наземного, морского и авиационного базирования. В строй вступили атомные подводные лодки с баллистическими ракетами межконтинентальной дальности. Непрерывно улучшались показатели боевой готовности, защищенности и точности ракет. Круговое вероятное отклонение боевых блоков ракет с разделяющимися боеголовками от точек прицеливания с нескольких километров сократилось до нескольких сотен и даже десятков метров. Степень защищенности наземных ракетных комплексов повысилась с 2—3 до 20—30 кг/кв.см, а затем и до нескольких сотен кг/кв.см. Были созданы твердотопливные ракеты. Появились подвижные ракетные комплексы промежуточной, средней и межконтинентальной дальности.

Интенсивно развивалось ракетное вооружение оперативного и тактического назначения. Во все возрастающих количествах оно поступало на оснащение всех видов Вооруженных Сил. Были разработаны различные типы тактических и оперативно-тактических ракет класса «земля-земля», «воздух-земля», «земля-воздух», «воздух-воздух», «воздух-поверхность», «земля-корабль», «корабль-корабль», «корабль-воздух». С появлением управляемых и самонаводящихся ракет высокой точности могла быть реализована возможность широкого их применения не только в ядерном, но и в обычном снаряжении для поражения самых разнообразных целей во всех видах операций и боевых действий. Благодаря этому удалось отодвинуть так называемый «ядерный барьер», т. е. момент перехода к неограниченному применению ядерного оружия. Вместе с тем во всех пространственных сферах операции и боевые действия приобрели новые черты. Важнейшим фактором их ведения стали ракетно-огневое поражение противника и защита от аналогичного воздействия с его стороны.

В 80-х годах ракетные системы различного назначения в армиях стран ОВД и НАТО составляли основу наступательных и оборонительных вооружений. В это время появились многочисленные модификации наземных, морских и авиационных ракетных комплексов, зенитных противотанковых и противорадиолокационных ракет. Наряду с баллистическими ракетами особое значение приобрели крылатые ракеты нового поколения. На оснащение флотов поступили эффективные береговые и корабельные комплексы морских крылатых ракет. Были созданы маловысотные и малозаметные стратегические крылатые ракеты средней и большой дальности. Это позволило ощутимо расширить объем стратегических, оперативных и тактических задач, решаемых с использованием ракетного оружия.

Третье направление — модернизация и совершенствование так называемых классических вооружений на основе создания и использования новых материалов и конструкций, внедрения реактивных, турбореактивных и газотурбинных двигателей, высокоэффективного бортового оборудования, стабилизирующих и новых прицеливающих систем, боеприпасов повышенной мощности и объемного взрыва.

Наиболее значимые качественные изменения произошли в авиации, артиллерии, бронетанковых войсках и войсках противовоздушной обороны. Вся авиация стала реактивной и ракетноносной, а ее боевые возможности возросли в 10—18 раз. Скорости полета боевых самолетов достигли 2—3 скоростей звука (2—3 М). При ведении боевых действий особую роль приобрела армейская авиация, основу которой составили вертолеты различного назначения.

Скачкообразно развивалась артиллерия, особенно реактивная. Основу полевой артиллерии составили самоходные артиллерийские установки. Дальность стрельбы артиллерийских систем возросла в 3—6, а точность поражения целей — в 2,5—5 раз.

Полностью преобразовались и бронетанковые войска. Теперь танки превратились в сложнейшие боевые комплексы: их защищенность с использованием многослойной брони и динамической защиты увеличилась в 10—12 раз, а огневая мощь — в 5—7 раз и более. Важнейшим боевым средством сухопутных войск стали боевые машины пехоты, что резко повысило их боевую маневренность.

Коренной структурно-технической перестройке подверглись войска противовоздушной обороны. Основу средств ПВО составили зенитные ракетные комплексы, способные поражать аэродинамические цели в широком диапазоне высот и скоростей. В составе войск ПВО наряду с противосамолетными средствами появились средства предупреждения о ракетном нападении, противоракетной и противокосмической обороны.

Всего за каких-нибудь сорок с лишним лет в вооруженных силах США, СССР, других государств НАТО и ОВД сменилось 3—5 поколений обычных видов оружия и военной техники, и, как следствие этого, операции и боевые действия с использованием обычного оружия приобрели качественно новый облик. Особенно глубокие сдвиги в способах их ведения произошли на рубеже 70-х — 80-х годов, когда в развитии классических видов оружия наметилась новая тенденция, связанная с разработкой и широким внедрением высокоточного управляемого оружия, в том числе разведывательно-ударных систем. В результате появилась возможность с одного-двух выстрелов гарантированного уничтожения точечных целей на больших пространственных расстояниях, причем с минимальным расходом боеприпасов. По существу, возможности обычного оружия достигли параметров ядерных средств малой и сверхмалой мощности. Вследствие этого боевые действия приобрели необычайно напряженный, высокодинамичный и истребительный характер, что потребовало пересмотра многих принципов их ведения в оперативно-тактическом и стратегическом масштабах.

Четвертое направление военно-технического прогресса — это стремительное развитие военной радиоэлектроники. С одной стороны, это привело к подлинной революции в области управления войсками и оружием, что позволило в несколько раз повысить эффективность боевых систем, обеспечить возможность создания качественно новых боевых средств и добиться надежного решения многих оперативных и стратегических задач, связанных с сверхбыстродействующими процессами, а с другой — выдвинуло на авансцену еще одну сферу вооруженной борьбы — радиоэлектронную войну.

Начиная с 50-х годов в военном деле стали применяться электронно-вычислительные машины, сначала для решения ряда расчетных задач и проектирования

военной техники, затем для управления войсками. В 60-х годах были созданы первые автоматизированные системы управления. В последующем их интенсивно внедряли во все звенья Вооруженных Сил. Появились АСУ второго, третьего и четвертого поколений со все большим быстродействием и резко возрастающими возможностями. На этой основе было автоматизировано управление Ракетными войсками стратегического назначения, Войсками противовоздушной обороны страны, Военно-воздушными силами, Военно-морским флотом, артиллерией, а значит, в несколько раз повысилась их боевая эффективность. На оснащение армий СССР, США и ряда других стран поступили автоматизированные системы управления тактического и оперативного звеньев. В результате была достигнута более высокая степень оптимизации решений, резко повысились оперативность и качество планирования, сократились сроки сбора и обработки информации.

В 70-х — 80-х годах удалось решить задачу автоматизации управления высших звеньев руководства Вооруженными Силами. Появилась возможность использования автоматизированных систем для повышения достоверности и точности оценки военно-политической и стратегической обстановки, разработки и выбора различных вариантов боевых действий, прогнозирования операций и войны в целом. Словом, преобразовался не только весь процесс стратегического планирования, но и произошли серьезные изменения в способах стратегических действий Вооруженных Сил, организации работы высших органов военно-политического и стратегического руководства в мирное и военное время.

Еще большее влияние на способы военных действий оказали появление и развитие средств радиоэлектронной борьбы. Уже в 50-х годах стало очевидным, что за счет их применения можно почти полностью парализовать управление авиацией и средствами ПВО противника, на несколько порядков снизить их боевую эффективность. В дальнейшем радиоэлектронная борьба распространилась на все остальные сферы военных действий. Были созданы разнообразные средства радиоэлектронного, оптико-электронного и гидроакустического подавления, самонаводящиеся ракеты и бомбы. Стремительно разрабатывались различные средства и способы радиоэлектронной защиты собственных систем управления войсками и оружием. Соотношение возможностей сторон в ведении радиоэлектронной борьбы превратилось в один из решающих показателей боевого потенциала Вооруженных Сил.

Пятое направление — прорыв в космос, создание боевых и обеспечивающих средств космического базирования. В военных целях космос стал использоваться уже в конце 60-х годов. А в следующее десятилетие были разработаны спутниковые системы общей и детальной разведки, связи, навигации, выведены на околоземные орбиты метеорологические и топографические спутники. СССР и США развернули космические системы предупреждения о космическом нападении. Одновременно осуществлялась интенсивная разработка космических и противокосмических боевых систем. В 80-х годах появились первые противокосмические комплексы наземного и авиационного базирования. Проектировались и создавались разнообразные боевые ударные системы типа «космос-космос» и «космос-земля».

Иными словами, космос превращался в еще одну сферу вооруженной борьбы, став очень важным театром военных действий. Завоевание господства в космосе в стратегическом масштабе приобрело еще большее значение, чем стратегическое господство в воздухе или на море. Применение военно-космических средств коренным образом изменило все представления о масштабах и размахе вооруженной борьбы, придавало всем стратегическим операциям невиданные ранее черты, позволило в несколько раз повысить эффективность решения многих стратегических задач.

В то же время в развитии военно-технического прогресса обозначилось еще одно направление, связанное с разработкой оружия на новых физических принципах.

пах. С начала 80-х годов почти одновременно в СССР и США развернулись исследовательские работы в области лазерного, пучкового (нейтронного), сверхвысокочастотного, инфразвукового и кинетического оружия. Появились идеи создания генетического, кинематического и геофизического оружия. Пожалуй, можно сказать, что на данном рубеже перешли Рубикон: появились предпосылки для создания принципиально новых средств борьбы глобального действия; теперь человечеству угрожало массовое уничтожение на огромных пространствах и в невиданных до того масштабах.

Правда, в дальнейшем на этом пути возникли серьезные научно-технические и финансовые трудности. Это обстоятельство, а также изменение военно-политической обстановки в мире привели к частичному свертыванию подобных работ, но в принципе совсем от них не отказались. Возможность появления таких средств вполне реальна. Одно это вынуждает заранее уточнять стратегические планы и концепции, принимать соответствующие превентивные меры предупредительного характера. Не приходилось сомневаться в том, что назревает новый крупнейший поворот в военном деле, прежде всего в стратегии ведения войны.

На протяжении всех послевоенных лет и вплоть до распада СССР советская военная стратегия развивалась под знаком противостояния военной стратегии США и НАТО. Именно поэтому многие ее положения формировались с учетом тех или иных военно-стратегических концепций Пентагона, получавших официальное признание в НАТО.

В начале 50-х годов в США была принята стратегия «массированного возмездия». Она основывалась на собственном превосходстве в ядерном оружии и при любых вариантах возникновения войны заключалась в немедленном нанесении по противнику массированных ядерных ударов с использованием всего накопленного ядерного потенциала для достижения победы в кратчайшие сроки.

В соответствии с этой концепцией американцы разработали несколько планов ведения войны против СССР, причем из года в год количество предлагаемых для использования ядерных боезарядов и число поражаемых городов-целей возрастало. Так, в 1947—1948 гг. ядерным ударам намечалось подвергнуть 15—20 городов Советского Союза, в 1950 г. — уже 129, а в 1953 г. — более 200. Судя по плану «Дропшорт», разработанному в 1949 г., на советские объекты предполагалось сбросить 300 атомных бомб. В последующих планах количество ядерных боеприпасов исчислялось уже тысячами единиц. Например, по плану, относящемуся к концу 1967 г., по Московскому промышленному району намечалось нанести 72 ядерных удара.

Однако по мере наращивания советского ракетно-ядерного потенциала США все более утрачивали свою неуязвимость. Более того, становилось совершенно очевидным, что в случае ядерного нападения Америка сама может подвергнуться уничтожающему советскому ядерному удару. В Штатах как среди политиков, так и в военных кругах появились предостерегающие оценки на этот счет.

Так, бывший министр обороны США Р. Макнамара указывал на катастрофическую уязвимость 200 самых крупных американских городов, где сконцентрировано около 75% промышленного производства. Американские ученые Т. Мартин и Д. Лэттем в книге «Стратегия выживания» отмечали, что в 218 промышленных центрах США проживают почти 96 млн. человек. По мнению этих специалистов, которые вплотную занимались вопросами гражданской обороны, потери США от ядерных ударов могут быть колоссальными — не менее 130 млн. человек. В западной печати широко освещались выводы американского физика Г. Канна, сделанные им на случай поражения американской экономики ядерным оружием. Он писал, что если потери США составят 100 млн. человек, то для экономического восстановления страны потребуется как минимум 100 лет. Ученые подсчитали и вероятные потери США от ответного удара Советского Союза по американским базам авиации, ВМС и

ракетным базам. Вывод был неутешительным: 56 млн. американцев погибнут сразу, а более 100 млн. человек получат смертельную дозу радиации.

Под давлением общественного мнения Пентагон разработал более осмотрительные военно-стратегические варианты стратегии «массированного возмездия», в том числе концепцию контрсилowych действий, которая предусматривала первоначальное нанесение ядерных ударов по ракетным базам СССР.

В начале 60-х годов вместо стратегии «массированного возмездия» в США была принята стратегия «гибкого реагирования». С 1967 г. она стала официальной стратегией НАТО. В соответствии с ней допускались различные варианты начала и ведения обычной и ядерной войн с дозированным и выборочным применением ядерного оружия, использованием различных вариантов нанесения упреждающих и ответных ударов. В основе ее, как и прежде, лежали принципы поддержания превосходства над Советским Союзом в стратегическом и тактическом ядерном оружии. Вместе с тем предусматривались ускоренное развитие обычных средств поражения и создание условий для контроля за развитием локальных военных конфликтов.

Реализация этих принципов сопровождалась непрерывным ростом американских ядерных сил наземного, воздушного и морского базирования. В середине 60-х годов США уже имели 1 173 установки стратегических баллистических ракет, в том числе 304 ракеты на подводных лодках, а также 1 110 самолетов стратегической авиации, из них 630 бомбардировщиков В-52⁷. Одновременно наращивалась общая численность вооруженных сил. В состав объединенных вооруженных сил входило 60 дивизий, 11—12 тыс. танков и 5,5 тыс. самолетов.

В соответствии со стратегией «гибкого реагирования» допускалась возможность ведения всеобщей ядерной войны, ограниченной ядерной войны, войны с использованием обычных средств поражения и, наконец, войны, начинающейся с применения обычного оружия, но затем с переходом к использованию ядерного оружия. Как бы в развитие этой стратегии в середине 60-х годов было еще разработано несколько концепций. Самые примечательные среди них — это концепции «гарантированного уничтожения» и «ограниченного ущерба».

Концепция «гарантированного уничтожения» предусматривала способность к абсолютно надежному уничтожению любого противника при различных вариантах начала и ведения войны. Какой стратегический замысел закладывал Пентагон в эту концепцию, видно из доклада министра обороны США Макнамары на заседании по делам вооруженных сил палаты представителей Конгресса США. В том документе подчеркивалось, что США должны иметь такое количество стратегических средств ядерного нападения, которое при любой обстановке обеспечит уничтожение трети или четвертой части населения, а также примерно двух третей промышленности Советского Союза.

Главная цель стратегической концепции «ограниченного ущерба» — обеспечить выживание США в ядерной войне. В ее основе лежало требование о нанесении упреждающих ударов по средствам ядерного нападения в месте их базирования, а кроме того, совершенствовании своих ПВО и ПРО, повышении эффективности мер гражданской обороны с тем, чтобы возможный ущерб от ответных действий противника оказался минимальным.

В начале 70-х годов в плане совершенствования и частичного изменения стратегии «гибкого реагирования» Соединенные Штаты Америки приняли стратегию «реалистического устрашения». Она предусматривала сдерживание противника угрозой неотвратимого уничтожения и организации последовательного ввода в действие все более мощных и разрушительных средств вооруженной борьбы. В этих условиях в составе американских вооруженных сил предусматривалось иметь 1 тыс. межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования, 656 балли-

стических ракет на 41 атомной подводной лодке и более 650 тяжелых стратегических бомбардировщиков. В случае ядерного столкновения с противником за счет применения этих сил, а также средств оперативно-тактического назначения предполагалось организовать глобальное стратегическое ядерное наступление и ядерное наступление на театрах военных действий. При этом принцип «неоспоримого превосходства» был заменен принципом «оборонной достаточности».

В 1984 г. взамен стратегии «реалистического устрашения» Пентагон разработал стратегическую концепцию «прямого противодействия». Она легла в основу американской военной доктрины 80-х годов. Главный смысл концепции — активное противодействие СССР и странам Варшавского договора в глобальном и региональном масштабах путем достижения полного и неоспоримого военного превосходства и завоевания лидирующей позиции США в мире. Концепция исходила из многовариантного применения ядерных сил — от нанесения одиночных ядерных ударов по отдельным целям до массированного применения ядерного оружия по всему комплексу военных, индустриальных и административно-политических объектов.

В очередной раз военная стратегия США была пересмотрена в связи с распадом СССР и резким изменением всей военно-политической обстановки в мире. Теперь в основу ее была положена новая концепция строительства и применения вооруженных сил. Она исходит из категорий риска и необходимости отражения внезапно возникших угроз на любом направлении путем упреждающих или ответных действий тем составом сил и таким способом, что окажутся целесообразными в конкретной обстановке.

Наряду со стратегическими потенциалами менялись и некоторые общие военно-доктринальные установки США. Так, в 1971 г. взамен установки на ведение глобальной войны против СССР и других стран Варшавского договора была принята военно-политическая концепция «полтора войн», учитывавшая возможность ведения в каком-либо регионе одной всеобщей ядерной и одной локальной войны. В 1980 г. ее заменили концепцией «двух с половиной войн», которая предусматривала готовность вооруженных сил к ведению двух крупномасштабных войн (ядерной и обычной) и одной локальной в совершенно обособленном районе. С середины 80-х годов эту установку заменили концепцией «множественности войн». Согласно ей США допускали возможность ведения двух крупномасштабных и нескольких локальных войн в различных регионах мира.

Что касается НАТО, то в Североатлантическом блоке с момента его образования и до 1963 г. официально придерживались так называемой периферийной стратегии. Она исходила из подавляющего военного превосходства СССР и других стран — участников Варшавского договора в Европе, особенно по сухопутным войскам. С учетом этого допускалось временное оставление вооруженными силами НАТО части своей территории с последующим переходом в контрнаступление, в ходе которого допускалось применение ядерного оружия с переносом военных действий на территорию восточноевропейских государств.

В 1963 г. одновременно с принятием стратегии «гибкого реагирования» в качестве официальной стратегии НАТО была признана стратегическая концепция «передовых рубежей». Она предполагала организацию оборонительных рубежей как можно ближе к восточной границе ФРГ, исключала значительный отход в глубь ее территории и предусматривала различные уровни «ядерной порчи», т. е. момента и условий перехода к применению ядерного оружия. В 90-х годах в связи с объединением Германии и распадом СССР эта концепция утратила свое значение.

Таким образом, в 50-е — 80-е годы советская военная стратегия корректировалась и уточнялась с учетом каждой из указанных стратегических концепций США. При этом предусматривались как адекватные, так и несимметричные действия. Од-

нако общая направленность стратегии определялась не каким-то одним, а всей совокупностью перечисленных выше военно-политических, стратегических и военно-технических факторов. Именно это и обуславливало сложность и многоплановость последовательного перехода ко все более гибким ее формам.

2. Основные принципы советской военной стратегии в послевоенные годы

Как уже отмечалось, с появлением ракетно-ядерного оружия роль военной стратегии не только возросла, но и стала главенствующей. Хотя сохранялась ее зависимость от политики и экономики, резко усилилось обратное влияние стратегии на политику. Фактически экономические, материально-технические, научно-интеллектуальные и собственно военные возможности государства начали оказывать необычно сильное влияние на цели политики, способы и формы их достижения. Нередко многие политические решения обуславливались стратегическими соображениями, а иногда и сами вытекали из них. Политика СССР, опиравшаяся на военную стратегию, формировалась и проводилась, как правило, таким образом, чтобы в случае столкновения с США или каким-то другим вероятным противником можно было обеспечивать более благоприятную обстановку для решения главных военно-стратегических задач. Исходя из этого заключались союзы, предпринимались политические акции, направленные на усиление стратегических позиций СССР в различных районах мира, мобилизовывались внутренние возможности государства для обеспечения успешной деятельности своих Вооруженных Сил.

Интересам военной стратегии во все большей степени подчинялось и развитие советской экономики. В Советском Союзе, как и на Западе, начал формироваться мощный военно-промышленный комплекс. С каждым годом возрастал его удельный вес в народном хозяйстве страны, большинство отраслей которого так или иначе работало на оборонные цели. Исходя из изменившихся условий ведения войны пересматривалось географическое размещение промышленных предприятий, предъявлялись новые требования к интеграции и кооперации производства. Широкий размах приобрели мероприятия гражданской обороны по обеспечению защиты населения и экономических структур от нападения вероятного противника.

Изменилось и соотношение между различными областями военного искусства, но традиционная взаимосвязь между стратегией, оперативным искусством и тактикой сохранилась: сумма тактических успехов ведет к определенному оперативному успеху, а совокупность последних дает конечный стратегический результат. Вместе с тем не только появились, но и приобрели определяющее значение другие закономерности, не известные ранее.

Во-первых, возникла вероятность того, что конечных целей войны можно добиться за счет непосредственного применения стратегических средств борьбы, арсенал которых значительно расширился, а поражающая мощь превысила интегрированные возможности всех оперативно-тактических средств различных видов Вооруженных Сил вместе взятых. При таком раскладе роль оперативного искусства по сути сводилась к завершению успеха, достигнутого стратегией, а роль тактики — к реализации результатов, достигнутых оперативным искусством. Правда, в последующие годы возможность многовариантного ведения войны возродила прежнюю зависимость, но только до момента перехода к неограниченному применению ядерного оружия.

Во-вторых, изменились временные параметры стратегических действий Вооруженных Сил. Создались реальные предпосылки для достижения целей войны, буквально в одной операции и даже одним ударом. Соответственно глубокие изменения произошли в самом представлении о войне как о более или менее длительном

периоде продолжения политики насильственными средствами. По существу, наметилась тенденция к превращению войны в акт мгновенного действия. Но опять-таки это оказалось справедливым лишь для неограниченного применения сторонами всех накопленных запасов ядерных средств.

В-третьих, многократно возросли пространственные возможности стратегии. Вместо классического развития военных действий с постепенным распространением их на новые территории и районы типовым вариантом становится одномоментное вовлечение в вооруженную борьбу практически всех без исключения пространственных сфер. В пределах досягаемости средств поражения оказались все континенты, океаны и моря, любая точка на планете Земля. В итоге война приобрела колоссальный размах: стерлись бывшие грани между фронтом и тылом. Основу ведения войны теперь составляли глобальные и межконтинентальные операции. Причем так же, как и в предыдущих случаях, эта закономерность в полной мере могла проявляться в случаях ввода в действие стратегических ракетно-ядерных сил.

Другими словами, характер советской военной стратегии так же, как и характер военной стратегии США, был поставлен в прямую зависимость от использования стратегического ядерного оружия. По сути, в рамках единой военной стратегии СССР сформировались два направления: стратегия глубоких ракетно-ядерных ударов в сочетании с действиями всех видов Вооруженных Сил для одновременного поражения и уничтожения экономического потенциала и вооруженных сил противника на всю глубину его территории с завершением войны в короткие сроки; стратегия ведения войны обычным оружием с расчетом последовательного поражения и уничтожения вооруженных сил и основных элементов экономического потенциала врага и достижения победы как в быстротечной, так и в продолжительной борьбе.

На практике оба эти направления проявлялись в различных сочетаниях и формах. Фактически советская военная стратегия прошла по крайней мере три качественно отличительные друг от друга стадии. Для первой характерно то, что ядерная стратегия считалась единственно возможной. Вторая стадия допускала вероятность согласованного осуществления стратегии обычной и стратегии ядерной войны, причем с перерастанием первой во вторую, а третья — когда в зависимости от обстановки требовалось обеспечить равную готовность страны и Вооруженных Сил к обособленному осуществлению в одном случае ядерной стратегии, а в другом — стратегии обычной войны при постоянной угрозе ядерного конфликта.

Уже в начале 50-х годов в Советском Союзе сформировалось новое представление о сущности и содержании военной стратегии в ядерный век. Считалось, что в круг ее проблем входят следующие задачи: изучение сил, средств и способов ведения военных действий вероятными противниками, их экономических и моральных возможностей; выявление основных черт и особенностей возможной ядерной войны, ее общего характера; определение сил и средств, необходимых для достижения стратегических задач в соответствии с поставленными политическими целями, экономическими и морально-политическими возможностями государства, условиями театров военных действий; развитие системы вооружений и организационной структуры Вооруженных Сил; определение целей ядерного поражения, военных кампаний и стратегических операций; организация стратегического взаимодействия как между ядерными и атомными силами, видами Вооруженных Сил, так и между стратегическими группировками на различных направлениях и театрах военных действий; изучение вопросов морально-политической подготовки личного состава Вооруженных Сил, обеспечение их людскими контингентами, вооружением, материально-техническими средствами, резервами всех видов⁸.

В 60-х — 70-х годах военная стратегия определялась «как высшая составная часть военного искусства, включающая теорию и практику подготовки страны и

Вооруженных Сил к защите завоеваний социализма, планирование и ведение стратегических операций и войны в целом». При этом теория военной стратегии рассматривалась как система научных знаний, включающих изучение закономерностей и характера мировых ядерных и локальных обычных войн и способов их ведения, а также разработку теоретических основ планирования, подготовки и ведения стратегических операций. К практической деятельности советской военной стратегии относились: оценка условий военно-политической обстановки и конкретных вероятных противников; определение стратегических задач Вооруженных Сил, а также необходимых сил и средств для ведения стратегических действий; разработка мероприятий по подготовке Вооруженных Сил, театров военных действий, экономики и населения страны к защите социалистического Отечества; планирование военных действий в целом и конкретных стратегических операций; поддержание Вооруженных Сил в постоянной боевой готовности; организация развертывания Вооруженных Сил и руководство ими при проведении операций; изучение возможностей вероятных противников по внезапному нападению и ведению войны⁹.

В дальнейшем в содержании советской военной стратегии произошли принципиально новые изменения. К важнейшим задачам военной стратегии стали относиться: исследование характера как ядерных, так и обычных мировых, региональных и локальных войн; разработка способов и форм защиты государства в условиях применения агрессором как ядерного, так и обычного оружия, строительство Вооруженных Сил с учетом важности обеспечения возможностей отражения массированного ядерного нападения агрессора; создание системы постоянной высокой боевой готовности Вооруженных Сил и обеспечение их организованного вступления в войну в любых условиях; разработка общих основ военной стратегии стран социалистического Содружества, в которых органически сочетаются интернациональные интересы союзных государств; разработка системы руководства Вооруженными Силами в условиях угрозы ядерного нападения со стороны империалистических агрессоров и в ходе развязывания ими войны¹⁰. В это же время была радикально пересмотрена структура основных военно-политических и стратегических задач, решаемых не только в мирное время, но и в ходе войны.

Наряду с типовыми задачами, особое значение приобрело военно-политическое и стратегическое предупреждение войны. Это вытекало из установок XXII съезда КПСС и принятой им новой Программы КПСС, в которой подчеркивалось: «Основной вопрос современности — вопрос о войне и мире... Главное — предотвратить термоядерную войну, не дать ей вспыхнуть»¹¹. С середины 80-х годов эта установка стала определяющей во внешнеполитическом курсе государства. В качестве важнейшего положения она вошла в официально принятую новую советскую военную доктрину и через нее привела к активной разработке стратегических аспектов решения этой сложнейшей задачи. Соответственно были изменены требования к боевой готовности Вооруженных Сил, организации их стратегического развертывания в зависимости от уровня реальных военных угроз. Была разработана система военно-политических и стратегических мер по сдерживанию потенциальных противников, предупреждению и отражению военной агрессии в новых, в том числе и скрытых ее формах.

В общей системе исследуемых и решаемых военной стратегией задач особую роль приобрела задача стратегического предупреждения страны и Вооруженных Сил о готовящемся и начавшемся ракетно-ядерном нападении противника. По своему характеру и содержанию она вышла далеко за рамки прежней задачи, связанной с выявлением непосредственной подготовки противника к войне. Пожалуй, в корне изменился весь ее смысл. Теперь на первый план выдвинулся вопрос о практически мгновенном установлении начала старта ракет противника, об определении масшта-

бов и возможных объектов ракетно-ядерной атаки для незамедлительного ввода в действие собственных стратегических средств ведения войны.

Для этого потребовались создание принципиально новой технической базы разведки, постоянное слежение за противником, разработка и внедрение сверхбыстродействующих автоматизированных систем управления, сбор и обработка глобальной информации, радикальное изменение порядка принятия экстренных военно-политических и стратегических решений, доведение задач и приказов до всех командных инстанций и непосредственно до боевых средств.

С особой остротой перед стратегией встала задача, связанная с отражением возможной агрессии в случае использования противником новых средств борьбы. Основу ее теперь составляли: действия по отражению внезапного массированного ракетно-ядерного нападения, осуществляемого одновременно со всех направлений и на всю глубину территории страны; срыв последующего вторжения противника с воздуха, суши и моря; противодействие разрушающему воздействию агрессора на природную среду; активная защита Вооруженных Сил, населения и экономики страны от поражения боевыми средствами мгновенного или неопределенно длительного действия.

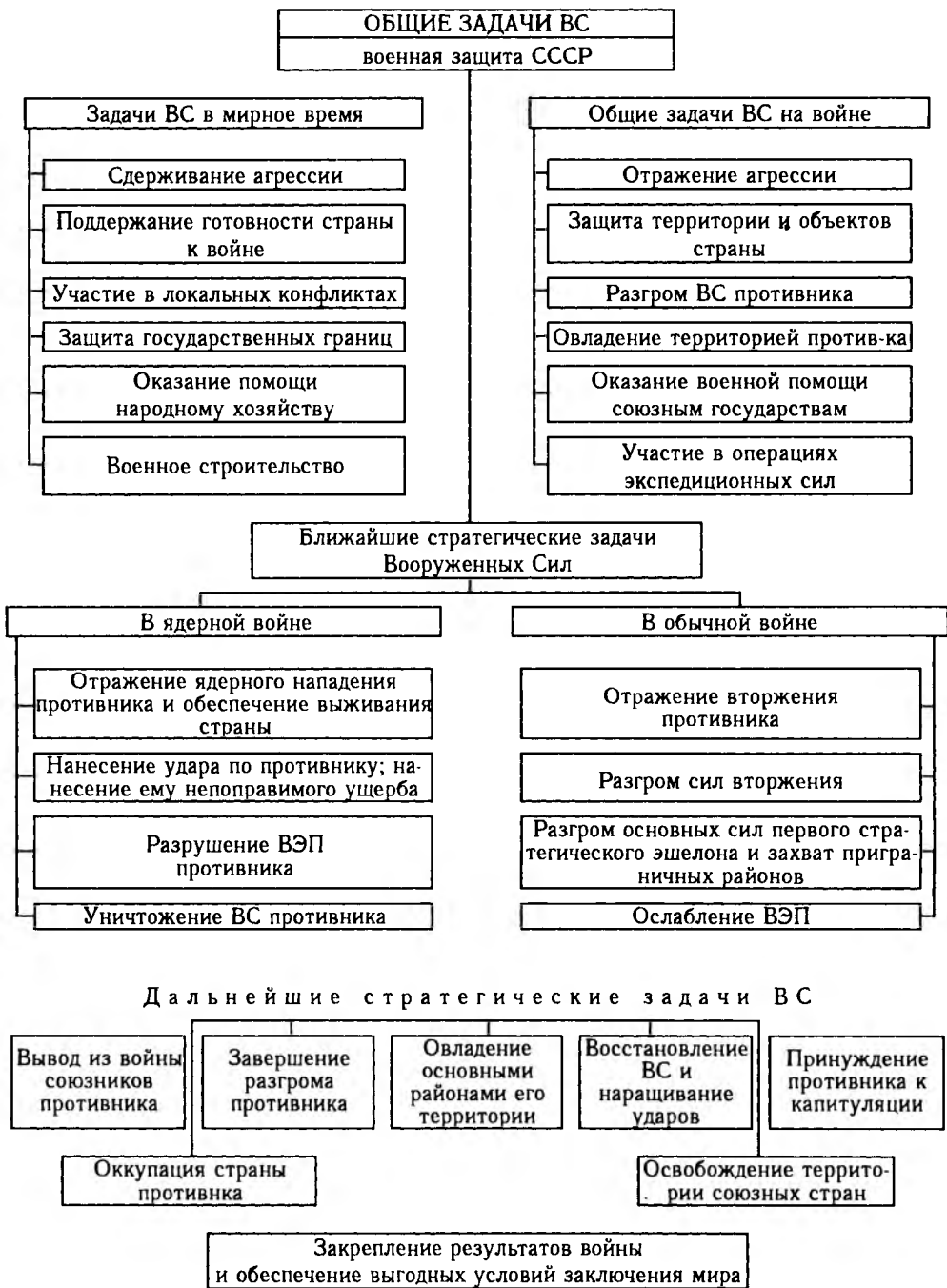
При этом с совершенно иных позиций пришлось рассматривать понятие «внезапность», ибо при новых средствах ожидать удара вероятного противника можно было в любой момент, т. е. из положения мирного времени или при незавершенном развертывании Вооруженных Сил. Изменились и сами критерии отражения нападения, так как не представлялось возможным предотвратить либо сорвать ракетно-ядерные удары. Теперь речь могла идти только об их максимальном ослаблении, снижении уничтожающих последствий нападения и гарантированном нанесении по противнику адекватного удара.

Иной характер приобретала и другая задача стратегии — разгром противника и вывод его из войны. Появилась перспектива не только сокрушения всей структуры вооруженных сил, но и уничтожения целых государств вместе со всем населением, экономикой и инфраструктурой. На первый план выдвинулась проблема более или менее надежно защитить собственные военно-экономические и стратегические объекты. Потребовалось разработать целую систему новых мер и действий, направленных не только на обеспечение выживаемости страны, но одновременно на организацию надежной защиты войск и населения от оружия массового поражения, развертывание сложнейших систем противоракетной и противокосмической обороны, срыв аналогичных мер и действий со стороны противника.

Особой областью военной стратегии стала гражданская оборона. С этой целью были созданы войска и силы гражданской обороны, разработаны стратегия и тактика ликвидации последствий ядерного нападения, восстановления боеспособности Вооруженных Сил и жизнедеятельности самых важных военно-экономических структур государства.

Существенный вклад в формирование и развитие военно-стратегических взглядов в СССР внесли Генеральный штаб Вооруженных Сил, главные штабы видов Вооруженных Сил, военные академии и научно-исследовательские организации. Решающее значение при этом имела разработка новых наставлений по ведению операций.

К сожалению, в первые послевоенные годы практика стратегии развивалась куда быстрее теории. В результате наставления по ведению операций, подготовленные в 1948, 1952 и, наконец, в 1955 гг., так и остались на уровне проектов. Первым официальным руководством, с принципиально новых позиций рассматривавшим задачи стратегии в ядерный век, стал изданный Министерством обороны в 1961 г. труд «Операции Вооруженных Сил СССР». Но он, по сути, включал всего лишь об-

*Схема 52. Стратегические задачи Вооруженных Сил
(по взглядам 60-х — 80-х гг.)*

щетеоретические установки для военных кадров, так как его авторы признавали, что на оперативном, а тем более на стратегическом уровне ни одна операция не может быть похожей на предыдущую. При этом они указывали, что структура и содержание операций должны определяться конкретной обстановкой, в связи с чем ни о каких строгих рекомендациях по их планированию и ведению якобы не может быть и речи.

Только спустя 19 лет, в 1980 г., было издано утвержденное Советом обороны СССР капитальное руководство «Основы стратегических операций Вооруженных Сил СССР». В нем в развернутом виде рассматривались все вопросы стратегии и оперативного искусства, давались исчерпывающие установки по работе органов стратегического и оперативного руководства. В 1989 г. вышло второе, переработанное издание «Основ».

Фундаментальные проблемы стратегии постоянно апробировались на учениях, теоретически разрабатывались и анализировались в многочисленных академических трудах, учебниках, монографиях, диссертациях, освещались на страницах журнала «Военная мысль».

Весь спектр новых стратегических проблем нашел отражение в труде «Характер современной войны и ее проблемы». Он был разработан в 1953 г. коллективом авторов Военной академии Генерального штаба. Через 6 лет вышел не менее интересный в этом отношении труд — «Современная война и военная наука». Важным событием в исследовании стратегии ядерной войны стал выход в 1960—1961 гг. разработанного опять же Генеральным штабом фундаментального (закрытого, а позднее рассекреченного) труда «Современная война». Но поистине сенсацией явилась «Военная стратегия», подготовленная коллективом авторов под руководством Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского. Так как этот труд был без грифа «секретно», его переиздали во многих странах мира. В последних двух работах впервые в обобщенном и концентрированном виде была изложена суть новой советской военной стратегии, раскрыты способы ведения ядерной войны.

В последующих трудах основные положения ядерной стратегии развивались и уточнялись. К числу наиболее значительных академических работ по стратегии, появившихся с 1961 по 1980 гг., можно отнести «Начальный период войны» (1964, ВАГШ), «Общие проблемы советской военной стратегии» (1969, ВАГШ), «Стратегическая операция на театре военных действий» (1966, Генштаб), «Война и военное искусство» (1972, Генштаб), «Локальная война» (1968, Генштаб), «Война и армия» (1977, Министерство обороны) и др.

В разработке отдельных вопросов военной стратегии активное участие принимали многие военные ученые, в том числе М. А. Гареев, А. И. Гастилович, А. А. Данилевич, К. И. Джорджадзе, И. Г. Завьялов, В. И. Земсков, С. Н. Красильников, В. А. Ларионов, Н. Г. Попов, Д. М. Проектор, Н. А. Сбытов, С. А. Тюшкевич, Е. А. Шиловский и др.

Как в теоретическом, так и в практическом плане большое влияние на формирование и развитие советской военной стратегии оказали министры обороны Г. К. Жуков, А. М. Василевский, Р. Я. Малиновский, А. А. Гречко, С. Л. Соколов, начальники Генерального штаба В. Д. Соколовский, М. В. Захаров, В. Г. Куликов, Н. В. Огарков, С. Ф. Ахромеев, видные военные руководители В. И. Варенников, Н. Н. Воронов, А. И. Грибков, С. П. Иванов, М. М. Козлов, И. С. Конев, С. М. Штеменко и др.

Совместными усилиями Генерального штаба и главных штабов Вооруженных Сил, военных академий и научно-исследовательских институтов в 50-х — 80-х годах удалось в основном успешно решить такие фундаментальные задачи стратегии, как выявление возможного характера будущей войны и целесообразных способов ее ведения с использованием новых средств вооруженной борьбы, установление

стратегической периодизации войны, системы стратегических операций Вооруженных Сил. Были разработаны и теоретически обоснованы главные направления в развитии Вооруженных Сил, принципы поддержания их боевой готовности, организации их развертывания и ввода в действие, создана теория стратегического наступления и стратегической обороны, теоретически решена проблема борьбы за господство в космосе, в воздухе и на море.

В 50-х — 60-х годах практически полностью были пересмотрены все важнейшие принципы стратегии. Прежде всего это относится к существовавшему с IV в до н. э. принципу сосредоточения сил и средств на решающих направлениях*.

В отличие от минувших войн, когда успеха можно было достигнуть не иначе, как путем создания решающего превосходства над противником на главных направлениях за счет концентрации сил и средств на важнейших участках фронта, теперь пришли к выводу, что в ядерной войне подобный подход не только утратил свое значение, но и стал опасным ввиду того, что он лишь усиливает угрозу уничтожения войск ядерным оружием.

В результате было выдвинуто требование о массировании усилий войск не за счет развертывания чрезмерно плотных группировок сил и средств, а преимущественно за счет маневра ядерными и огневymi ударами. Считалось, что в изменившихся условиях решающую роль приобретают не столько выбор направления главного удара, сколько определение основных районов приложения усилий, а также точный расчет сил и средств по объектам ударов, установление последовательности их поражения¹².

По-прежнему стал рассматриваться принцип экономии сил. В отличие от прежних установок, предполагавших по мере развития войны постепенное наращивание усилий, теоретически было обосновано новое требование о необходимости концентрации всех сил и средств на выполнении задач в самом начале войны, от чего, как предполагали, может в решающей мере зависеть ее успех. Считалось, что вряд ли разумно рассчитывать на использование в ядерной войне потенциальных возможностей государства, а значит, и резервировать большую часть сил для ведения военных действий в последующие ее периоды. По мнению военных теоретиков, следует, наоборот, стремиться вложить максимум сил в первые удары по противнику и в первые операции¹³.

Изменилась оценка принципа частной победы. Если в прошлом непреложным законом считалось, что общий успех в войне складывается из множества частных успехов на различных фронтах и в различных сферах вооруженной борьбы, то теперь стали исходить из того, что решающих результатов возможно и даже необходимо добиваться в самые короткие сроки с помощью одновременного применения стратегических ядерных средств, а в ряде случаев даже без привлечения сил и средств оперативно-тактического назначения. Соответственно был сделан вывод, что победа в войне больше не является суммой частных побед, а становится результатом «одноактного приложения всей мощи государства, накопленной до войны»¹⁴.

Безусловно, такой подход к этим и другим принципам стратегии не оставался неизменным. Он безоговорочно признавался лишь в 50-х и первой половине 60-х годов. С середины 60-х годов многие новые установки постепенно уточняются. Вырабатываются компромиссные положения, которые органически сочетали в себе как новые, так и традиционно классические требования.

Необходимо отметить, что в первые годы после создания в СССР мощного ракетно-ядерного потенциала допускалась его переоценка, потому и развитие стра-

* Его впервые применил фиванский полководец Эпаминонд против спартанцев в сражении при Левктрах в 371 г до н. э.

тегии шло в несколько однобоком порядке. Разработка способов стратегических действий Вооруженных Сил продолжительное время велась по обособленным проблемам, что ограничивало согласованное развитие всех областей военного искусства. Не обошлось без субъективного толкования отдельных положений. Недостаточно учитывались возможности ядерного оружия США и перспективы создания вероятными противниками новых средств борьбы. Лишь к концу 60-х годов подход к этим проблемам стал более объективным, взвешенным и реальным.

Следует подчеркнуть, что на протяжении всех послевоенных лет, несмотря на ряд разветвлений, советская военная стратегия базировалась на принципах ее неразделимости по сферам борьбы. Поэтому и были отвергнуты попытки некоторых военных ученых обосновать стратегию отдельных видов Вооруженных Сил как совершенно обособленную область в военном искусстве. На основе опыта Великой Отечественной войны и объективной оценки стратегических возможностей каждого вида Вооруженных Сил была подтверждена необходимость разработки единой военной стратегии, основанной на строго согласованном применении всех видов Вооруженных Сил, причем в тесном их взаимодействии.

Важность целостной стратегии обосновывалась возможным характером будущей войны, из которого вытекало, как никогда ранее, требование иметь единую политику в строительстве Вооруженных Сил, единый стратегический план применения войск (сил), централизованного руководства ими, тщательного согласованных усилий всех видов, родов войск и сил, координации действий армий и флотов всех союзных государств для достижения победы над агрессором. В то же время теоретическая мысль признавала необходимость глубокой разработки проблем стратегического применения каждого вида Вооруженных Сил, способов решений ими стратегических и оперативно-стратегических задач при ведении как совместных, так и самостоятельных операций.

Весьма характерно и то, что в первые послевоенные годы военная стратегия продолжала развиваться в основном как стратегия континентальных действий. Но уже с конца 50-х годов она начала объединять в себе элементы воздушной и океанской стратегий, а в последующем стала стратегией всеядерной вооруженной борьбы.

Попутно в рамках единой военной стратегии формировались две ее области: стратегия ведения войны в целом и стратегия войны на континентах и театрах военных действий. Официально такую установку впервые выдвинул маршал Гречко на военно-научной конференции Вооруженных Сил в 1972 г. Так и не получив разносторонней теоретической разработки и детального освещения в печати, она, однако, нашла практическое воплощение в реальном стратегическом планировании.

Между тем целесообразность подобного раздвоения стратегии была обусловлена рядом обстоятельств: расширением масштабов и пространственного размаха войны; усложнением операций на континентальных и океанских театрах военных действий; возможностью ведения крупномасштабных войн как глобальных, так и в границах определенных континентов, а также на других более или менее крупных, но обособленных территориях с прилегающим к ним космическим, воздушным и морским пространством.

Безусловно, стратегия ведения войны в целом и стратегия войны на театрах военных действий были взаимосвязаны, но при этом вторая подчинялась первой. Имели они и существенные различия по масштабу и характеру решаемых задач.

Стратегия ведения войны в целом координировала стратегические действия на различных театрах войны и театрах военных действий. Она определяла цели и задачи всех Вооруженных Сил, а также иных средств, направленных на поражение вооруженных сил противника, уничтожение его экономической базы, вывод из войны тех государств, что могли стать противником. Связанная в основном с межкон-

тинентальными действиями стратегических наступательных и оборонительных средств, она объединяла в себе глобальные стратегические операции этих средств и сил.

Суть стратегии ведения войны на театрах военных действий сводилась к разгрому группировок войск и сил противника. Она охватывала и рассматривала главным образом проблемы, касающиеся подготовки и ведения операций на континентальных и океанских ТВД.

Такой подход оказался особенно целесообразным после того, как в советских Вооруженных Силах были созданы главные командования на театрах военных действий, вследствие чего планирование глобальных операций стало прерогативой исключительно Генерального штаба, а подготовка, планирование и ведение стратегических операций на ТВД — задачей соответствующих главных командований.

В целом, в течение четырех послевоенных десятилетий развитие военной стратегии в СССР характеризовалось переходом от разработки теории обычной машинной войны с использованием модернизированных, полностью моторизованных и механизированных армий к разработке теории ядерной войны с неограниченным применением ракетно-ядерного оружия с самого начала ее и до конца. Затем получила развитие теория поэтапной войны с последовательным переходом к использованию все более разрушительных средств вооруженной борьбы. И наконец начала формироваться теория равной готовности. Здесь имелась в виду как ядерная, так и обычная война с широким использованием высокоточных боевых средств и автоматизированных систем управления войсками и оружием.

Надо заметить, что теория обычной машинной войны начала складываться сразу же после окончания Великой Отечественной войны. В ее основу был заложен обобщенный опыт этой войны с учетом новой расстановки военно-политических сил, перестройки организационной структуры Вооруженных Сил и их оснащения эффективными видами обычных вооружений. Имелось в виду создание реактивной авиации, полная моторизация сухопутных войск, резкое увеличение в их составе бронетанковых сил. Соответственно разрабатывались более решительные способы ведения операций и боевых действий. При возросших показателях их размаха особый упор делался на высококомбинированные военные действия с нанесением по противнику стремительных и глубоких ударов.

В обобщенном виде теория ведения обычной машинной войны нашла свое отражение в вышедшем в 1948 г. Полевом уставе Вооруженных Сил. Вплоть до 1954 г. применительно к его положениям и требованиям велось строительство армии и флота. В том же духе осуществлялось стратегическое и оперативное планирование, организовывалась подготовка военных кадров и штабов.

Формирование теории неограниченной ядерной войны относится к 50-м годам. Вначале ядерное оружие рассматривалось как исключительно мощное, но все же вспомогательное средство вооруженной борьбы. Полагали, что главные стратегические задачи в войне будут решаться массовыми вооруженными силами с обычным вооружением. Ядерное оружие предполагалось использовать в основном в стратегических целях. По существовавшим в то время взглядам, его применение на поле боя весьма ограничено из-за несовершенства носителей и недостаточного количества имевшихся тогда в распоряжении сторон ядерных боеприпасов.

Поэтому изданное в 1954 г. наставление рассматривало, по существу, не стратегию и тактику действий в ядерной войне, а всего-навсего особенности ведения военных действий с использованием атомных бомб. Иначе говоря, в силе сохранялись все классические способы ведения операции и боя. Лишь кое-какие уточнения были внесены в вопросы построения войск, организации их защиты, планирования боевых действий и выполнения боевых задач, ибо приходилось учитывать угрозу приме-

нения противником атомного оружия, а также использование своих ядерных боеприпасов в тактических и оперативных целях.

В обобщенном виде эти положения нашли отражение в проектах боевых уставов 1954—1958 гг. Свою завершенность они получили после оперативного учения в Прикарпатском военном округе, проведенного в 1955 г. под руководством Н. А. Булганина, где имитировались ядерные удары по войскам, а также после тактического учения на Тоцком полигоне в 1957 г. с реальным применением ядерной бомбы среднего калибра, проведенного под руководством маршала Жукова.

Поворотным пунктом в создании теории всеобщей неограниченной ядерной войны стало начало 60-х годов, когда в СССР были созданы Ракетные войска стратегического назначения.

Несмотря на то что отдельные положения о радикальном изменении характера войны высказывались и ранее, они вплоть до 1959—1960 гг. так и не были сведены в единую систему. Процесс разработки теории ядерной войны в ее новом варианте начался с доклада «О характере современной ракетно-ядерной войны», с которым в Военной академии Генерального штаба выступил начальник Генерального штаба маршал Соколовский. Он был подготовлен на основе обстоятельных теоретических исследований Генерального штаба и главных штабов видов Вооруженных Сил. Резкой критике докладчик подверг все основополагающие принципы доядерной стратегии, а потом выдвинул принципиально новые положения о характере и способах ведения войны и операций, стратегическом и оперативном применении Вооруженных Сил, организации всех видов обеспечения, оперативного и стратегического тыла.

Важнейшие установки этого доклада были развиты в уже упоминавшихся трудах «Современная война» и «Военная стратегия». В качестве основного вида военных действий авторы этих теоретических трудов рассматривали ракетно-ядерные удары сторон. Фактически отрицая необходимость заблаговременного развертывания Вооруженных Сил, они предлагали считать главным объектом военных действий экономику врага. Отсюда следовал такой вывод: «ракетно-ядерная война, если она все же возникнет, будет вестись принципиально иными способами по сравнению с прошлыми войнами... всякие попытки перенести в современные условия без каких-либо изменений способы вооруженной борьбы, выработанные в ходе второй мировой войны, весьма опасны, ибо эти попытки могут нанести ущерб готовности Вооруженных Сил и страны в целом к отпору агрессии»¹⁵.

И сегодня многие идеи, выдвинутые в книгах «Современная война» и «Военная стратегия», поражают своей смелостью и дальновидностью. Правда, не все положения оправдались. Авторы не учли перспективы развития как ядерного, так и обычного оружия, ошиблись в своем прогнозе военно-политической обстановки. Бесспорно, нельзя согласиться с огульным отрицанием всех канонов классического военного искусства. Не совсем были обоснованы и авторские оценки объектов вооруженной борьбы, роли обычных средств поражения и продолжительности войны. И тем не менее столь решительный пересмотр всех взглядов был необходим как воздух. Он позволил освободиться от давно устаревших догм в военном искусстве, дал мощный импульс развитию военной мысли, особенно в области стратегии, что сыграло большую роль в обеспечении военной безопасности страны.

В последующие годы сложились более взвешенные и объективные взгляды на ядерную войну, включая ее возможное развитие и характер проводимых Вооруженными Силами операций. В соответствии с ними были переработаны все оперативные планы, уточнены основные направления развития Вооруженных Сил.

Важнейшие положения теории ядерной войны исследовались и проверялись на многочисленных стратегических и оперативных учениях и играх. Среди них особое значение имело проведенное в 1970 г. министром обороны Гречко стратегическое

командно-штабное учение под условным наименованием «Решающий удар». На учении присутствовало высшее руководство страны: Генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета обороны Л. И. Брежнев, Председатель Совета министров А. Н. Косыгин, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный. Учение проводилось с реальными пусками ракет и выполнением обозначенными силами отдельных задач при полномасштабном использовании всех систем управления и всех без исключения центральных командных пунктов.

В основу замысла учения были положены реальные планы сторон по применению стратегических сил, что позволяло в самом приближенном виде представить себе обстановку в ядерной войне. Результаты проигрыша этих планов выявили потрясшую всех присутствовавших картину. Впервые высшее военно-политическое руководство государства смогло убедиться в катастрофических последствиях первых ядерных ударов. Судя по расчетам, получалось, что после первого же упреждающего удара по Соединенным Штатам Америки погибнет почти 87% боевого состава их вооруженных сил, около 80—90 млн. человек, что составляло не менее 70%, и 68—72% промышленного потенциала. Но и территория всей европейской части Советского Союза оказывалась в таком случае в зоне сплошного радиоактивного заражения с уровнем радиации от 300 рентген в час и выше. Сделанные на основе проведенного учения выводы заставили принять разносторонние решения, направленные на развитие средств ответного удара и повышение защищенности СССР, уточнена была и система степеней боевой готовности Вооруженных Сил.

Способы ведения операций на театрах военных действий, стратегических и операционных направлениях отрабатывались на оперативно-стратегических учениях. Наиболее важными из них были «Буря» в 1962 г., «Тайфун» в 1963 г., «Днепр» в 1967 г., «Неман» в 1968 г., «Весенний гром» в 1968 г., «Восток» в 1969 г., «Запад» в 1969 г., «Север» в 1970 г., «Океан» в 1970 г. и др. Полученные на основе их результаты позволили выявить основные проблемы ведения операций в рамках неограниченной ядерной войны в различных условиях ее начала и ведения.

И все-таки представление о ядерной войне менялось не столько под влиянием учений, сколько под воздействием реальных материальных факторов, прежде всего приходилось учитывать быстрый рост ракетно-ядерных потенциалов США и СССР. В 60-е годы запасы ядерных боеприпасов в США возросли в 15, а в СССР — в 25 раз. Резко расширились возможности средств их доставки к целям. Разумеется, все это не могло не отразиться на способах решения стратегических задач.

Первоначально обмен ракетно-ядерными ударами рассматривался весьма упрощенно. Как правило, эффективность собственных ударов по врагу переоценивалась, а результативность противоположной стороны принижалась. В связи с этим слишком оптимистично рассматривались перспективы ведения операций, не говоря уже о войне в целом. До сих пор почему-то считали, что при всех обстоятельствах победа будет за Советским Союзом. А во главу угла ставились морально-политические преимущества социалистического государства, огромные размеры территории СССР и, наоборот, высокая степень концентрации населения и экономики США, превосходившей в полтора раза концентрацию населения и экономики Советского Союза. В последующем оценки стали более осмотрительными и реальными, а упрощенная схема ведения войны постепенно заменялась целой системой разнообразных операций, осуществляемых с участием всех видов Вооруженных Сил.

На характер взглядов и оценок ракетно-ядерной войны определяющее влияние оказывал субъективный подход к этой проблеме со стороны высшего военного руководства страны, прежде всего министров обороны. Например, Булганин нанесению ударов по противнику ядерными средствами придавал первостепенное значение, а потому операции сухопутных войск считал малосущественными. Жуков, на-

против, все свое внимание обращал на развитие способов ведения операций на театрах военных действий в условиях применения ядерного оружия. В свою очередь Малиновский считал Ракетные войска стратегического назначения техническим видом Вооруженных Сил, применение которого сводится, по его мнению, к техническому акту, а значит, не имеет никакого отношения к военному искусству. По его мнению, ядерное оружие самым коренным образом изменило содержание стратегии, но в тактике продолжают действовать прежние классические принципы. Он же первым поставил вопрос о создании средств противоракетной обороны страны. Наконец, деятельность Гречко можно охарактеризовать как решительный курс на выравнивание ядерного баланса и установление стратегического равновесия.

В конце 60-х и начале 70-х годов началась разработка теории поэтапной ядерной войны. Она была вызвана осознанием и в СССР, и в США обоюдной опасности в случае неограниченного применения ядерного оружия и основывалась на переходе к его использованию не с начала войны, а в ходе ее развития, причем в самый критический момент.

Возможность такого способа действий первыми обосновали американские политики и военные теоретики. Особую роль в этом сыграли Р. Пана, выдвинувший концепцию «эскалации» войны, Р. Осуд, который в конце 50-х годов написал работу под весьма симптоматичным названием «Ограниченная война», Б. Броди — автор труда «Стратегия в век ракетного оружия», М. Тейлор, подготовивший книгу «Ненадежная стратегия», и др.

В СССР теоретические разработки по проблемам поэтапной войны начались с критики американских взглядов. Однако очень скоро и советские военные теоретики пришли к аналогичным выводам, признав целесообразность более гибкой стратегии поэтапного ведения ядерной войны. В самом развернутом виде концепция этой стратегии обсуждалась в 1972 г. на военно-научной конференции Вооруженных Сил. Примечательно, что в дальнейшем все вышедшие в свет теоретические труды, наставления и руководства базировались на выводах той конференции.

При практической разработке способов ведения поэтапной ядерной войны большую роль играли ежегодно проводимые стратегические и оперативно-стратегические учения Вооруженных Сил, особенно учения стратегических ядерных сил и оперативно-стратегические учения со средствами связи и обозначенными войсками на Западе, Востоке и Юге. С 1970 по 1979 гг. было проведено 8 стратегических учений типа «Центр». В ходе них отрабатывались типовые варианты войны, которая начиналась обычными средствами, затем перерастала в ограниченную, а завершалась неограниченной ядерной войной.

В этом отношении особый интерес представляли такие учения, как «Удар-71», «Центр-74» и «Центр-78», ибо для них были характерны практические пуски ракет наземного, морского и воздушного базирования. Впервые в ходе этих учений в едином комплексе с развертыванием Вооруженных Сил и их стратегическим применением в войне решались вопросы перевода народного хозяйства с мирного на военное положение, работы экономики в «особый период», оценивались масштабы ущерба, который мог быть нанесен различным отраслям промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, определялись минимально возможные объемы восстановительных работ. Во всех случаях наиболее детально проигрывались военные действия без применения ядерного оружия, а главное — отражение первого массированного ядерного удара противника и ввод в действие своих стратегических ядерных сил. Обычно этим учения завершались. А вот процесс развертывания последующих операций не исследовался ввиду исключительной сложности и неопределенности обстановки, которая может сложиться после обмена сторонами первыми массированными ядерными ударами.

В эти же годы была создана стройная система оперативно-стратегических учений на театрах военных действий. С 1971 по 1980 гг. было проведено 9 таких учений на Западе, 7 учений на Востоке, 2 учения на Юге, 4 оперативно-стратегических учения войск ПВО, 3 оперативно-стратегических учения ВВС, 2 стратегических учения ВМФ. На развитие теории и практики ведения оперативно-стратегических операций, операций фронтов и флотов особенно повлияли учения «Весна-72», «Восток-72», «Зенит-72», «Пролив-72», «Весна-73», «Запад-73», «Восток-74», «Амур» (1975), «Закавказье» (1975), «Запад-77», «Атлантика-78», «Восток-79», «Океан» (1979), «Юг-80» и др.

В тот период особое внимание обращали на отработку вопросов управления Вооруженными Силами и стратегического обеспечения их действий. С подобной целью были специально проведены крупные учения: «Горизонт-74», «Эфир-74», «Электрон-75», «Импульс-76», «Квант-76» и др. Это позволило детально исследовать важнейшие проблемы стратегического руководства войной, организации и ведения стратегической разведки, радиоэлектронной борьбы, стратегической маскировки

Реализация принципов поэтапной ядерной войны потребовала радикального пересмотра системы боевой готовности Вооруженных Сил, порядка их стратегического развертывания, ведения первых и последующих операций. На этой основе начала складываться принципиально иная система стратегических действий Вооруженных Сил. Изменились взгляды на способы разгрома противника: все больше склонялись к последовательному выводу государств коалиции противника из войны.

Большое влияние на новые теоретические установки оказали все без исключения области строительства Вооруженных Сил, прежде всего развитие военной техники и оружия. Наряду с совершенствованием стратегического ядерного оружия приоритетное внимание стало уделяться разработке оперативно-тактических и тактических ядерных вооружений. К тому же быстро накапливались запасы тактических ядерных боеприпасов на театрах военных действий, совершенствовалась система их хранения и перевода в высшие степени готовности. Была разработана стройная организация службы ракетно-технического и ядерно-технического обеспечения. Большую роль в этом отношении сыграли специальные учения, проведенные с центральными органами управления, а также в Группе советских войск в Германии, Северной группе войск, Белорусском и Прикарпатском военных округах, в Военно-воздушных силах и на Военно-морском флоте.

Одновременно интенсивно развивались обычные вооружения, особенно техника бронетанковых войск, артиллерии, инженерных войск, Военно-воздушных сил, Войск противовоздушной обороны страны. Тем самым закладывалась материальная база для появления, разработки и реализации новой теории войны — теории равной возможности как мировой ядерной войны в различных ее вариантах, так и мировой обычной войны в качественно новом ее виде.

Такая теория создавалась по мере выявления катастрофических последствий возможной ядерной войны и вынужденного удаления «ядерного порога». Наконец, пришли к выводу, что без применения ядерного оружия могут быть проведены не только первые, но и последующие стратегические операции на театрах военных действий, а в конце концов и вся война от ее начала и до полного завершения.

Впервые вопрос о возможности развития полномасштабных обычных войн, в том числе между СССР и США, государствами НАТО и Варшавского договора, был поставлен в 1981 г. на стратегическом командно-штабном учении, проведенном под руководством министра обороны маршала Д. Ф. Устинова. В дальнейшем Генеральный штаб, главные штабы видов Вооруженных Сил, Военная академия Генерального штаба, управление стратегических исследований, Институт военной истории

и другие организации тщательно проанализировали его в своих теоретических разработках.

А на практике положения, возникшие в связи с этой идеей, проверялись на маневрах, стратегических командно-штабных учениях и играх 1982—1987 гг. Полнее всего данная теория была освещена в «Основах подготовки и ведения операций Вооруженных Сил» (изданных в 1981 г. и переизданных в 1989 г.), а также в выводах по крупнейшему за все послевоенные годы стратегическому учению Вооруженных Сил с обозначенными войсками и силами флота, проведенному в 1988 г. министром обороны генералом армии Д. Т. Язовым.

Следует подчеркнуть, что до распада СССР военные действия обычными средствами обязательно проигрывались с учетом постоянной готовности внезапного перехода к ядерной войне. Более того, на стратегических командно-штабных тренировках, получивших широкое распространение начиная с 1984 г., систематически изучались все новые и новые варианты ввода в действие стратегических и оперативно-тактических ядерных сил.

Примерно такая же направленность в развитии военно-стратегических взглядов сложилась в вооруженных силах США и НАТО. В 80-х годах на самых крупных учениях НАТО, особенно на учении типа ОТЭМ-«Фордт», обстоятельно изучались способы ведения войны в Европе с использованием и обычного, и ядерного оружия, причем, как правило, с постепенным переходом от одиночных ядерных ударов по военным целям к ограниченной и, наконец, неограниченной ядерной войне.

К середине 80-х годов, когда изменилась обстановка в мире и появились новые взгляды на войну и стратегию ее ведения, как в США, так и в СССР, а также в других государствах НАТО и ОВД были существенно переработаны программы строительства вооруженных сил и планы их оперативного применения на театрах военных действий. Тогда же существенной корректировке подверглись планы действий стратегических ядерных сил. Характерной их чертой стала многовариантность нанесения первых и последующих ядерных ударов с таким расчетом, чтобы избежать неотвратимого перехода к глобальному применению ядерного оружия, по крайней мере до тех пор, пока сохраняется возможность ограничения масштаба военных действий и контроля за их развитием.

В связи с этим в Советском Союзе все больше внимания стали уделять стратегии вынесенных стратегических оборонительных рубежей. Суть ее состояла в том, что обычная война и первые ее операции, связанные с ограничением возможной агрессии противника на западе, могут быть проведены без распространения полномасштабных действий сухопутных войск на внутренние территории СССР, в основном за счет сил первого стратегического эшелона. Иными словами, за счет групп войск, армий государств — участников Варшавского договора, приграничных военных округов, флотов и Войск ПВО при частичном их усилении резервами, развернутыми в ходе мобилизации. В принципе, это был особый вариант натовской стратегии «передовой обороны», но, конечно, более масштабный и обстоятельно проработанный.

По отношению к советской доктрине, отражавшей важнейшие официально принятые взгляды на характер и способы выполнения оборонных задач, отечественная военная стратегия занимала подчиненное положение. При этом она разрабатывала и исследовала вполне конкретные вопросы, касающиеся не только характера войны, подготовки к ней страны и Вооруженных Сил, но и способов ее ведения. Вместе с тем выводы и рекомендации военной стратегии во многом определяли содержание военной доктрины, особенно это касалось ее военно-технической стороны.

Но нельзя не отметить сложившееся в то время определенное расхождение между некоторыми положениями военной доктрины и военной стратегии. В своей основе военная доктрина СССР носила преимущественно оборонительный характер.

Она исходила из необходимости активной защиты советского государства и союзных стран от агрессии. Но в то же время основным доктринальным требованием являлось положение, что Советский Союз ни при каких условиях не должен первым применять ядерное оружие. В решении конкретных стратегических задач военная стратегия, безусловно, не могла не считаться с этим. Не случайно с конца 60-х годов в военно-стратегических разработках и планах перестали рассматриваться способы нанесения упреждающих ударов по противнику. Отсюда все больше повышалась роль оборонительных действий.

Однако при всем этом советская военная стратегия всегда носила предельно решительный наступательный характер, так как исходила из необходимости полного разгрома противника и достижения победы любой ценой. Требование бескомпромиссных действий пронизывало все без исключения установки по строительству и применению Вооруженных Сил, а главным видом военных действий считалось наступление. Лишь с середины 80-х годов стали допускать возможность преднамеренного ограничения наступательных военных действий. В соответствии с этим и была разработана теория стратегической обороны. Получила признание и возрастающая роль стратегической обороны в войне. Тем не менее установка на решительный разгром противника путем развертывания стратегического наступления неизменно оставалась определяющей.

Другая важная особенность военной стратегии 50-х — 80-х годов заключалась в том, что она развивалась как стратегия социалистической военной коалиции, основанная на согласованном использовании объединенной военной мощи всех государств Варшавского договора и прочих союзных стран. Именно в эти годы были разработаны принципы согласованного строительства и подготовки союзных армий, ведения операций коалиционными группировками вооруженных сил, их стратегического взаимодействия, всестороннего обеспечения и организации управления.

К тому же периоду относится разработка стратегических аспектов военного сотрудничества СССР с развивающимися странами, оказания им интернациональной помощи, в том числе и военными средствами. На основе опыта участия советских военных специалистов, а также некоторых боевых частей в локальных войнах и военных конфликтах, прежде всего в Корее, на Ближнем Востоке, во Вьетнаме, но особенно в Афганистане, была создана новая теория ведения локальных войн с возможным участием в них ограниченных контингентов советских Вооруженных Сил. Однако ввиду ее идеологической подоплеки и тенденциозного представления о причинах и характере таких войн многие ее положения на практике себя не оправдали.

3. Стратегия строительства Вооруженных Сил

После окончания второй мировой войны во всех официальных и неофициальных документах подчеркивалось, что Вооруженные Силы созданы исключительно в целях защиты СССР от нападения извне, однако при определенных условиях они могут выполнять и внутренние функции.

На протяжении всех послевоенных лет общая направленность строительства Вооруженных Сил СССР определялась прагматическими соображениями, которые вытекали из реально складывавшейся военно-политической обстановки: это возможные военные угрозы советскому государству, прогнозируемый характер будущей войны, конкретное предназначение Вооруженных Сил страны, их военно-политические и стратегические задачи.

Советская военная стратегия рассматривала строительство Вооруженных Сил как один из основных элементов общегосударственного строительства. Считалось, что оно должно вестись с учетом особого характера советского общественного строя,

который тенденциозно определялся как самый передовой и прогрессивный общественный строй на земном шаре, и вытекать из политики Коммунистической партии Советского Союза.

Исходя из этих установок, декларировалось, что в строительстве Вооруженных Сил основой основ является всестороннее руководство ими со стороны КПСС. Подчеркивалось, что меры, принимаемые и осуществляемые партией, имеют решающее значение для укрепления боевой готовности и боеспособности армии и флота, боевого и морально-политического духа войск, надежного обеспечения безопасности государства.

И в самом деле: без одобрения центральных партийных органов не принималось ни одно решение в области обороны и строительства Вооруженных Сил. Однако руководящая роль партии переоценивалась. К тому же из-за недостаточной компетентности партийных лидеров нередко допускались грубые просчеты, которые наносили серьезный урон обороноспособности страны, особенно на рубеже 50-х — 60-х и 70-х — 80-х годов.

После окончания второй мировой войны Вооруженные Силы СССР перестраивались и развивались с учетом вероятного военного столкновения с США — самым могущественным в военном и экономическом отношениях государством мира, обладавшим к тому же колоссальным научно-техническим и военно-экономическим потенциалом. По взглядам советского политического руководства, они должны были успешно противостоять объединенным вооруженным силам НАТО, Японии, а после расхождения с руководством Китая и с ним. На практике такая оценка требовала не только превосходства в численном составе над армиями вероятных противников, но и высокого уровня их технического оснащения. Даже временное отставание в этих вопросах от армий указанных государств считалось недопустимым.

Определяющее влияние на общую направленность стратегии развития Вооруженных Сил оказывали характер военных задач, вставших перед Советским Союзом в изменившейся геополитической обстановке, расширение объема и непрерывно возрастающая сложность их решения. Помимо обеспечения безопасности собственного государства возникли специфические задачи по защите всего социалистического лагеря, оказанию интернациональной военной помощи другим странам социалистической ориентации, а также национально-освободительному движению.

Соответственно изменилось и содержание стратегических задач Вооруженных Сил. Им предписывалось отразить возможную агрессию с применением ракетно-ядерного оружия с любых направлений и обеспечить выживаемость страны, завоевать господство в космосе, воздухе и на море, в кратчайшие сроки разгромить вооруженные силы противника и вывести из строя его военно-экономический потенциал, быть готовыми к усиленным действиям в локальных войнах как вблизи границ СССР, так и на отдаленных территориях. Для выполнения этих задач требовалось решить как минимум две проблемы: создать и развивать многоплановые, универсальные Вооруженные Силы, располагающие самыми разнообразными средствами вооруженной борьбы стратегического, оперативного и тактического назначения; готовить армию и флот как к мировой войне, так и к ограниченным (локальным) войнам и вооруженным конфликтам.

В целях наращивания потенциала Вооруженных Сил и поддержания их боеспособности на современном уровне в военном строительстве использовались самые последние достижения науки и техники. Интересам обороны была подчинена большая часть научных исследований, что позволяло не только форсированно модернизировать находившиеся на оснащении Вооруженных Сил различные виды военной техники, но и в короткие сроки создавать новое оружие. По мере перевооружения

армии и флота проводилась соответствующая организационно-структурная перестройка Вооруженных Сил.

Безусловно, в стратегии строительства Вооруженных Сил учитывались реальные возможности экономики страны. Исходя из этих соображений, планы развития вооружений во многих случаях приходилось ограничивать. Но с учетом сложной международной обстановки постоянно действовал незыблемый принцип: на оборону денег, средств и усилий не жалеть. Нередко во имя выполнения важнейших оборонных программ и проектов свертывались самые насущные социальные планы. Только это и позволяло успешно состязаться с США и другими странами НАТО, выдерживая мощный пресс гонки вооружений.

В послевоенном строительстве армии и флота учитывались новые тенденции в развитии вооруженных сил вероятного противника. Главное требование заключалось в том, чтобы иметь постоянное преимущество над ним в основных средствах борьбы, особенно в огневой мощи, подвижности и маневренности войск. Считалось, что советские Вооруженные Силы должны располагать всем тем, что есть или может быть у потенциального противника. Не случайно многие направления развития вооруженных сил в СССР, США и других странах НАТО совпадали, а на их оснащение с небольшим временным интервалом поступали практически тождественные виды оружия и техники. Однако вследствие особого военно-географического положения СССР и США, а также их стремления найти оптимальные пути и эффективные средства в решении важнейших стратегических задач каждый из них по многим вопросам строительства вооруженных сил пошел своим путем.

Большинство проблем в области обороны советское руководство решало довольно своеобразно, исходя из собственного представления о характере и содержании возможной войны. Это касалось и общей структуры Вооруженных Сил, и состава стратегических ядерных средств, и направлений развития Сухопутных войск, ВВС, особенно Военно-морского флота, принципов комплектования и, разумеется, направленности боевой, морально-психологической и идеологической подготовки личного состава.

Как уже отмечалось, в первые послевоенные годы строительство Вооруженных Сил осуществлялось с учетом уроков и опыта Великой Отечественной войны. После перевода армии и флота с военного положения на мирное, сокращения личного состава до 2 874 тыс. человек, т. е. фактически до уровня 1939 г.¹⁶, проводилась их активная техническая модернизация.

Сухопутные войска были полностью моторизованы. Создавались механизированные армии и новые механизированные дивизии. Последние органически вошли в состав стрелковых корпусов. Одновременно были восстановлены воздушно-десантные войска.

Интенсивно развивались Военно-воздушные силы. Почти вся авиация была заменена на реактивную. За 8 лет (с 1946 по 1953) удельный вес ВВС возрос более чем в три раза. Организационную самостоятельность получили дальняя и военно-транспортная авиация.

Войска ПВО с 1948 г. оформились в самостоятельный вид Вооруженных Сил. Была полностью реорганизована система противовоздушной обороны страны. С этой целью вся территория СССР была разделена на две части: приграничную полосу, противовоздушное прикрытие которой возлагалось на военные округа, и внутреннюю территорию, прикрываемую объединениями (районами) ПВО территории страны. С 1950 г. на оснащение ПВО стали поступать реактивные истребители, а затем и зенитные ракетные комплексы первого поколения.

С учетом противостояния США и Великобритании на морских театрах военных действий наметилась тенденция к ускоренному наращиванию боевой мощи Военно-

морского флота. Резко возросли темпы ввода в строй новых кораблей. В составе флотов непрерывно увеличивался удельный вес подводных лодок. Были восстановлены Беломорская, Дунайская и Днепровская военные флотилии.

Однако, несмотря на интенсивное развитие Вооруженных Сил, их структурная организация оставалась в целом такой же, как и в конце Великой Отечественной войны.

Положение резко изменилось с начала 50-х годов, когда на оснащение советских Вооруженных Сил стало поступать ядерное оружие, а затем и ракеты в качестве главного средства доставки ядерных боеприпасов к целям. Вызванная этим нововведением революция в военном деле привела к коренному пересмотру концепции строительства Вооруженных Сил. Радикальному пересмотру подверглись и все главные направления и основополагающие принципы их развития. Были признаны устаревшими и не соответствующими изменившимся условиям практически все традиционные положения военного строительства, которые до сих пор использовались. На смену им пришли не просто новые, но и нередко диаметрально противоположные суждения, причем многие из них получили официальное признание. Коренной ломке подверглись подходы к оценкам необходимого состава Вооруженных Сил, их организации, технического оснащения, комплектования, боевой и мобилизационной готовности, подготовки, развертывания и многие другие установки.

Разумеется, процесс перевооружения армии и флота на новые средства борьбы не был одноразовым актом. Он занял по меньшей мере целое десятилетие. Хотя первая атомная бомба была испытана в СССР еще в 1949 г., массовое оснащение войск ядерными боеприпасами стало осуществляться значительно позже. В Военно-воздушные силы они поступили в 1954 г., а в Сухопутные войска, Военно-морской флот — только с начала 60-х годов. Войска ПВО эти средства получили и того позже.

Первые экспериментальные ракеты Р-1 и Р-2 были созданы на основе германской технологии в 1952—1954 гг., а баллистическая ракета средней дальности Р-5 — в 1955 г. Первый пуск межконтинентальной баллистической ракеты был осуществлен в августе 1957 г. Но лишь спустя два года начали формироваться войска для их применения.

Примечательно, что взгляды на строительство Вооруженных Сил развивались скачкообразно. Причем самые серьезные и динамичные изменения приходятся на 1954—1955 гг. и 1959—1960 гг. Определившиеся в эти сжатые сроки новые направления тоже неоднократно корректировались и уточнялись, но не так резко, как на переломных этапах. Борьба нового со старым в развитии Вооруженных Сил проходила в жестком столкновении различных точек зрения, по многим проблемам высказывались взаимоисключающие мнения.

У одних возникали совершенно естественные вопросы: нужны ли в век ядерного оружия многомиллионные массовые вооруженные силы; может быть, следует вместо них создать мобильную, ограниченную по составу, но хорошо оснащенную новейшими средствами борьбы армию? Сторонники такой точки зрения не получили серьезной поддержки, несмотря даже на то, что ее активно поддерживал глава государства Н. С. Хрущев.

Их противники доказывали, что новое оружие и новая техника не сокращают, а наоборот, «увеличивают потребности Вооруженных Сил в людском составе как непосредственно для боевых, так и обеспечивающих частей»¹⁷. Они настаивали на том, что сохранение массовых армий обуславливается вероятностью больших одновременных потерь от ядерных ударов, необходимостью создания крупных резервов для пополнения войск и восстановления их боеспособности. По их мнению, увеличение пространственного размаха войны, а также возможность образования после ядер-

ного нападения обширных зон разрушений и радиоактивного заражения местности потребуют и большого количества войск для охраны и обороны огромных территорий, тыловых объектов и коммуникаций. В связи с этим делался вывод, что многомиллионные Вооруженные Силы необходимо иметь уже в самом начале войны, так как в условиях применения ядерного оружия военные действия сразу же развернутся на всех театрах военных действий, а значит, с первых же часов примут решительный и ожесточенный характер.

Как отмечалось выше, после некоторого роста численности с 1950 по 1962 гг. Вооруженные Силы СССР дважды сокращались. Примечательно, что начальник Генерального штаба маршал Соколовский, категорически возражавший против подобных действий, был снят с занимаемой должности. Однако в последующем их состав из года в год возрастал.

К концу 80-х годов в Вооруженных Силах, с учетом внутренних, пограничных и железнодорожных войск, проходили службу 6 200 тыс. человек. На их оснащении находилось 63 900 танков, 66 880 артиллерийских орудий и минометов, 76 520 боевых машин пехоты и бронетранспортеров, 12 200 боевых самолетов и вертолетов, 435 боевых кораблей. В то время Министерство обороны и Генеральный штаб исходили из конкретных расчетов необходимого соотношения сил по поддержанию превосходящего боевого потенциала страны в условиях, когда потери могли значительно превысить объем возможного производства оружия и военной техники.

С 1989 г. в связи с изменением военно-политической обстановки в мире и принятием новой военной доктрины Вооруженные Силы СССР вновь стали сокращаться. К 1990 г. их численность уменьшилась на 260 тыс. человек. По постановлению Верховного Совета СССР из армии и флота были уволены 173 тыс. студентов. Началась ликвидация ракет средней дальности. Численность центрального аппарата Министерства обороны и военных округов сократилась на 20—40%. Были расформированы Среднеазиатский и Уральский военные округа, 3 общевойсковые армии и 6 танковых дивизий. Начался вывод советских соединений и частей с территорий Венгрии, Польши, Чехословакии и Монголии. Из всех групп войск выводились тактические ядерные боеприпасы, десантно-штурмовые и десантно-переправочные соединения и части.

К концу 1989 г. было расформировано свыше 50 соединений, частей и подразделений РВСН, Сухопутных войск, войск ПВО и ВВС на территории СССР. Из боевого состава Сухопутных войск было исключено около 7 тыс. танков, большое количество орудий и десантно-переправочных средств, из Военно-воздушных сил — около 600 боевых самолетов, из ВМФ — 12 подводных лодок и 28 надводных кораблей.

Интенсивный процесс сокращения Вооруженных Сил продолжался и в следующем году. В РВСН было расформировано 1 управление ракетной армии и 6 ракетных дивизий. В Сухопутных войсках управление Забайкальского военного округа было переведено на штат внутреннего округа. Численность управлений других военных округов, армий и армейских корпусов сократилась на 5%, а Западной и Центральной групп войск, Киевского и Закавказского военных округов — на 10%. Расформированию подверглись управление 39-й общевойсковой армии (МНР) и 4 танковые дивизии. 10 мотострелковых дивизий и 8 территориально-учебных центров (ТУЦ) были переформированы в базы хранения оружия и военной техники, а 8 дивизий — в базы хранения имущества.

В послевоенный период возникли серьезные разногласия относительно структурной организации Вооруженных Сил. Ни у кого из военачальников не вызывало никакого сомнения, что разделение на виды и рода войск целесообразно, а вот роль отдельных структурных элементов оценивалась по-разному. Уже в конце 50-х годов встал вопрос о необходимости вывода ракетных соединений из состава Военно-

воздушных сил и образования нового вида — Ракетных войск стратегического назначения. Такое решение имело исключительно важное значение, так как позволило сконцентрировать усилия на быстром развитии стратегических ракет и создании эффективной системы централизованного управления ими. В свою очередь, это предопределило принципиальное различие в дальнейшем развитии стратегических ядерных сил СССР и США, поскольку американцы в составе ВВС сохраняли соединения межконтинентальных баллистических ракет.

С образованием Ракетных войск стратегического назначения развернулись острые дискуссии о приоритетности различных видов Вооруженных Сил и их роли в будущей войне. Многие военачальники и теоретики продолжали считать, что и в условиях применения ядерного оружия Сухопутные войска должны рассматриваться как главный вид Вооруженных Сил. Свою мысль они обосновывали тем, что Советский Союз — континентальная держава, а при любых обстоятельствах конечной цели войны в Европе можно достигнуть, лишь захватив территорию неприятельских государств.

Именно такой точки зрения придерживалось большинство командующих военными округами, в то время как Хрущев и руководящий состав Генерального штаба Вооруженных Сил, в том числе Малиновский, Воронов и др., полагали, что при возникновении ядерной войны главная роль в решении стратегических задач перейдет к Ракетным войскам стратегического назначения, Сухопутным же войскам предстоит лишь использовать результаты ударов РВСН для завершения разгрома противника. Естественно, эта точка зрения, получив официальное признание, стала господствующей на все последующие годы, вплоть до 80-х.

Немало попыток предпринималось, чтобы пересмотреть также роль танковых войск, артиллерии, Военно-воздушных сил и Военно-морского флота. И здесь последнее слово осталось за Хрущевым, который считал, что «ракеты, изменив коренным образом соотношение сил, резко сдвинули все понятия»¹⁸.

Так как срочно потребовалось изыскать личный состав для развертывания вновь создаваемых ракетных соединений и частей, расформировали две трети артиллерийских корпусов и дивизий, переориентировали многие научно-исследовательские учреждения, занимавшиеся артиллерийской тематикой, упразднили Академию артиллерийских наук. Как потом оказалось, такие меры привели к потере ведущего положения в артиллерийском деле, а его Россия, а затем и СССР занимали долгие годы. В последующем для восстановления утраченного потребовались не только время, но и огромные усилия.

Под сомнение была поставлена необходимость дальнейшего развития танков и авиации. Появилось мнение, будто в ракетно-ядерный век эти средства вооруженной борьбы все больше становятся простым анахронизмом. Особенно резко позицию на этот счет занимал Хрущев. В 1963 г. на одном из заседаний Совета обороны он заявил: «Современная война никак не походит на то, что мы видим, она становится страшнее, изощреннее, из войны моторов превращается в войну умов».

Развивая ту же мысль, он, по воспоминаниям его сына, продолжал: «Возьмем, к примеру, танки. Во время прошлой войны они служили ядром наступления и стержнем в обороне. Они были неуязвимы для стрелкового оружия и поддавались только пушке... Борьба шла на равных... Сегодня противотанковая ракета уничтожает бронированные машины на пределе дальности их собственного огня... Танки, самоходные орудия, бронетранспортеры становятся просто ловушками для экипажей. А мы бездумно даем все новые и новые заказы... Самолеты тоже практически потеряли былое значение. Зенитные ракеты резко сокращают их боевые возможности. Если раньше стрельба с земли в воздух не приносила результатов, то теперь

достаточно одной, ну двух ракет. И тут следует пересматривать установившиеся взгляды».

В заключение глава государства потребовал «пересмотреть всю структуру Вооруженных Сил — оставить очень небольшую, но очень квалифицированную армию»¹⁹. Ядром этой армии, по его мнению, должны были стать Ракетные войска стратегического назначения. Кроме того он требовал создать небольшую, но очень мобильную группировку для защиты ракет, остальная армия должна строиться на региональной милиционной основе.

В военных кругах эти требования были встречены весьма настороженно и с большой тревогой. Несомненно, в той или иной мере они стали бы проводиться в жизнь, если бы Хрущев в следующем году не был отстранен от власти.

С приходом к руководству Брежнева Министерство обороны в лице Малиновского и Гречко сравнительно легко убедило нового советского лидера в недопустимости осуществления такой опрометчивой стратегии в развитии Вооруженных Сил. С этого времени снова был взят курс на пропорциональное развитие всех видов Вооруженных Сил. Интенсивно стал наращиваться тактический ракетно-ядерный потенциал, явно недооцененный Хрущевым, усилилось внимание к совершенствованию обычных средств борьбы.

Тем не менее и в последующем продолжались поиски оптимальных структур видов Вооруженных Сил. Продолжительное время велась острая дискуссия вокруг проблем, связанных с ролью и путями развития Военно-морского флота. Вплоть до 1956 г. главное командование ВМФ во главе с адмиралом флота Н. Г. Кузнецовым отстаивало концепцию строительства мощного артиллерийского надводного флота, способного действовать в любой точке мирового океана. Предложенная им десятилетняя программа создания такого флота была решительно отвергнута. Участие строившихся линкоров и крейсеров была незавидной: они пошли на слом, прекратилось проектирование авианосцев. Взамен этого был взят курс на создание океанского подводного атомного ракетного флота, морской ракетноносной авиации, ракетных, ракетно-артиллерийских и противолодочных кораблей. Ядерные силы флота стали рассматриваться как один из важнейших составных элементов ядерной триады. Новый поворот в этом плане произошел в конце 70-х годов, когда в связи с расширением локальных военных конфликтов, возникавших в различных регионах мира, резко возросла роль боевой службы флота. С того времени началось строительство авианесущих кораблей.

Иными словами, после вступления в эпоху ракетно-ядерного оружия советская стратегия строительства Вооруженных Сил прошла по крайней мере через три скачка, а вернее, через три переломные стадии.

Первая из них приходится на 50-е — 60-е годы, когда в результате форсированного наращивания ядерного потенциала страны Вооруженные Силы получили на оснащение различные виды ядерных боеприпасов: малого калибра — от нескольких единиц до 20 килотонн, среднего — 20—100 килотонн и большого — свыше 100 килотонн. В это время были созданы и испытаны термоядерные боеприпасы мощностью от нескольких тонн тротила до 50 млн. тонн.

Осуществлялось интенсивное перевооружение на ракетную технику всех видов Вооруженных Сил. Тем не менее, США продолжали сохранять свое ядерное преимущество. К 1962 г. соотношение запасов ядерных боеприпасов составляло 17:1 (5000 — США, 300 с небольшим — СССР). Лишь к 1968 г. ядерный арсенал Советского Союза превысил 1800 боевых зарядов. На этой основе, но в условиях сохранявшегося ядерного преимущества США формировались новые способы ведения ракетно-ядерной войны.

Вторая стадия охватывает 70-е годы. В основе развития Вооруженных Сил тогда доминировали принципы достижения военного равновесия и стратегического ядерного паритета с Соединенными Штатами Америки. Под первым из них понималось примерное равновесие боевой мощи государств и коалиций, выражавшееся в относительно равном количественно-качественном соотношении сил и средств сторон. Суть второго принципа — равенство возможностей СССР и США, стран Варшавского договора и НАТО в осуществлении ракетно-ядерного нападения, нанесении противнику непоправимого ущерба, а также в отражении ядерного нападения, ограничении собственного урона и в обеспечении выживаемости Советского Союза и союзных государств.

Считалось, что для этого потребуется ориентировочно равный (но не «зеркальный») состав стратегических ядерных сил, прежде всего это касалось стратегических ракет наземного и морского базирования, ядерных зарядов. Кроме того предполагалось уравнивать их качественные характеристики, установить взаимообусловленные уровни строительства систем противоракетной и противокосмической обороны (ПРО и ПКО). В эти годы была создана триада стратегических ядерных сил Советского Союза. Общие запасы ядерных боеприпасов СССР достигли 40—50 тыс. единиц, из них 10—12 тыс. стратегических ядерных зарядов.

Дальнейшее развитие получили средства доставки ядерного оружия к цели. Создание головных частей с разделяющимися самонаводящимися боевыми блоками позволяло уничтожать огромное количество целей и объектов на всех без исключения территориях; но это означало, что нависла опасность полного взаимного уничтожения не только воюющих государств, но и всего живого на планете. Хорошо, что это вовремя осознали политики ведущих ядерных держав.

Наконец, третья, пожалуй, переломная фаза в строительстве Вооруженных Сил относится к 80-м годам. Она связана как с дальнейшим качественным развитием ядерных сил, так и с быстрым прогрессом средств общего назначения, форсированным совершенствованием обычного оружия, появлением самонаводящегося, управляемого и так называемого высокоточного оружия²⁰.

Одновременно с этим осуществлялась новая серьезная организационная перестройка Вооруженных Сил, на этот раз на основе принципов оборонной достаточности и приоритета качественных параметров. Развернулись крупные исследования в области оружия на новых физических принципах²¹. В результате стали пересматриваться доктринальные установки, рождалась новая стратегия ведения войны.

Разумеется, изложенные здесь изменения не исчерпывают всех чрезвычайно сложных процессов, которые происходили в то время в Вооруженных Силах. 50-е — 80-е годы связаны с принятием исключительно широкого круга разнообразных решений во всех областях военного строительства, с перестройкой всей системы подготовки Вооруженных Сил, обучения военных кадров, организации руководства обороной страны, с выработкой принципиально новых подходов к оборудованию театров военных действий, устройству тыла и т. п. Да и в технической политике наряду с главными направлениями было немало своих зигзагов.

Однако самое существенное состояло в том, что СССР включался во все новые и новые витки вооружений. В полной мере это относилось и к США. В основе военного строительства лежал вначале один принцип: «не отстать», добиться и далее поддерживать «военное превосходство над врагом». Лишь с середины 80-х годов, когда стала очевидной бессмысленность и даже обоюдная опасность этого подхода, постепенно начали вступать в силу другие принципы: разумной достаточности, оборонной достаточности, ограничения вооружений и вооруженных сил и наконец их адекватного сокращения.

Сущность этих принципов сводилась к следующему. Под разумной достаточностью понималось соответствие военного потенциала государства уровню военных угроз. Оборонная достаточность предполагала сохранение вооруженных сил и вооружений на уровне, не превышающем потребностей гарантированного отражения агрессии. При этом под критерием достаточности ядерных сил подразумевали наличие такого минимального количества ядерных средств, которое обеспечивало бы надежное сдерживание агрессора от развязывания ядерной войны, а под достаточностью обычных сил и средств — такой уровень боевого потенциала вооруженных сил общего назначения, который позволил бы не только надежно отразить нападение противника обычными средствами, но и исключить возможность развертывания широкомасштабных наступательных операций группировками войск мирного времени.

Принцип ограничения вооружения и вооруженных сил практически воплощался в принятии взаимных договорных обязательств по ограничению стратегических наступательных вооружений (договоры ОСВ-1 и ОСВ-2), сокращению и ограничению СНВ (Договор о СНВ) и по сокращению обычных вооруженных сил НАТО и ОВД в Европе до определенных и совместно установленных уровней.

В соответствии с Договором об ОСВ-2, заключенным в 1979 г., стратегические наступательные вооружения ограничивались суммарным количеством носителей, равным 2 400 единицам. В этих рамках для СССР и США определялось не более 1 320 единиц пусковых установок на межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) и подводных лодках, оснащенных разделяющимися головными частями индивидуального наведения, а также на тяжелых бомбардировщиках с крылатыми ракетами с дальностью свыше 800 км, из них 820 пусковых установок (ПУ) МБР.

В это же время запрещались строительство дополнительных стационаров для пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет и их передислокация. Вводились качественные ограничения на стратегические вооружения. Однако этот договор и к осени 1999 г. в России не был ратифицирован, хотя его положения обе стороны в течение полутора лет в основном соблюдали.

В соответствии с Договором о СНВ, заключенным 31 июля 1991 г., т. е. буквально накануне распада СССР, предусматривалась новая динамика сокращения стратегических наступательных вооружений, отображенная в таблице 10.

Таблица 10
Динамика сокращения СНВ США и СССР

Вооружение	Количество сил и средств по этапам							
	01.01.1990 г.		I этап — 3 года		II этап — 5 лет		III этап — 7 лет	
	США	СССР	США	СССР	США	СССР	США	СССР
1. Боезаряды:								
а) всего	10 563	10 271	—	—	—	—	—	—
б) в т. ч.								
МБР БРПЛ	8 280	9 416	8 050	9 150	6 750	7 950	4 900	6 000
2. Носители (ПУ МБР, БРПЛ, ТБ)	2 246	2 500	2 100	2 200	1 900	1 900	1 600	1 600

Этим договором запрещались создание новых типов тяжелых МБР, любых других типов пусковых установок МБР, за исключением пехотных и мобильных, средств скоростного перезаряжения ПУ МБР, крылатых ракет воздушного базирования боль-

шой дальности, оснащенных разделяющимися головными частями (РГЧ), установка баллистических ракет на плавучих средствах, не являющихся подводными лодками, переоборудование тяжелых бомбардировщиков для ядерного вооружения, не являющихся носителями ядерных крылатых ракет, переоборудование предназначенных для неядерных вооружений тяжелых бомбардировщиков в носители для ядерных вооружений, в том числе крылатых ракет средней дальности, а также производство, испытание и развертывание средств (включая ракеты) для вывода ядерного оружия или любых иных видов оружия массового уничтожения на околоземную орбиту или частично околоземную орбиту.

При реализации положений Договора об СНВ предполагалось уничтожить 42% ядерных боезарядов сторон, ликвидировать 36% стратегических носителей СССР и 20% стратегических носителей США.

Однако распад СССР не позволил приступить к практическому выполнению договора. В связи с этим в декабре 1991 г. в Минске было заключено соглашение между государствами СНГ, а в следующем году достигнута так называемая «рыночная договоренность» между президентами Российской Федерации и США. В соответствии с последней стороны согласились после вступления в силу Договора о СНВ сократить в течение семи лет свои стратегические ядерные силы: по количеству одних боезарядов — до уровня 3 800—4 250 единиц, а к 2000—2003 гг. — до 3 000—3 500 единиц. Эта договоренность была затем положена в основу Договора о СНВ-2, подписанного в январе 1993 г.

В соответствии с Договором по обычным вооружениям и обычным вооруженным силам в Европе, который был заключен еще в декабре 1990 г. в Париже между 16 государствами — участниками НАТО и 6 (после объединения Германии) государствами — участниками ОВД, предусматривалось за 40 месяцев со времени вступления его в силу довести их состав до уровней, указанных в таблице 11.

Таблица 11
Предлагаемые уровни ограничения вооружений

Вооружение	Для государств НАТО и ОВД					Для одного государства (в регуляр. частях и на складах)
	весь район		Расшир. Центр. Европа	Центр. Европа	Фланговые районы	
	всего	в рег. частях	в регулярных частях			
Танки	20 000	16 500	10 300	7 500	4 700	13 300
БМП и БТР	30 000	27 300	19 260	11 250	5 900	20 000
Артиллерия	20 000	17 000	9 100	5 000	6 000	13 700
Боевые самолеты	6 800	—	—	—	—	5 150
Ударные вертолеты	2 000	—	—	—	—	1 500

Для СССР уровни вооружений определялись в основном исходя из последней графы, а именно: 13 300 танков, 20 000 БМП и БТР, 13 700 орудий и минометов, 5 150 боевых самолетов и 1 500 боевых вертолетов. Но так же, как и по стратегическим ядерным силам, этот уровень вооружений в связи с распадом СССР пришлось пе-

рассматривать, т. е. определять конкретные подуровни для России, Украины, Белоруссии и прибалтийских стран.

Конкретные направления военного строительства в послевоенные годы рельефнее всего проявлялись в развитии различных видов Вооруженных Сил.

Ракетные войска стратегического назначения, как уже отмечалось, были созданы в 1960 г. на основе постановления Совета Министров СССР от 17 декабря 1959 г. Уже к июню 1960 г. был образован центральный аппарат, сформированы первые соединения и части РВСН, вооруженные межконтинентальными баллистическими ракетами (Р-7), ракетами малой и средней дальности (Р-1, Р-2 и Р-5), а затем с наземными групповыми стартами (Р-12 и Р-14). В состав войск вошли научно-исследовательские организации, полигоны, военно-учебные заведения, части обеспечения и обслуживания. Первым главкомом РВСН стал главный маршал артиллерии М. И. Неделин.

Буквально с первых дней своего существования РВСН превратились в войска постоянной готовности. Было организовано их непрерывное боевое дежурство. Однако вначале из-за конструктивного несовершенства боевых систем первого поколения время приведения войск в боевую готовность исчислялось многими часами, а порой и сутками. С целью боевого применения ракеты нужно было вывозить из ангаров, устанавливать на стартовых столах, заправлять компонентами топлива, пристыковывать головные части. Да и в заправленном состоянии они могли находиться лишь 10-12 суток, после чего их требовалось менять. Ясно, что при таком положении РВСН являлись, по существу, только средством первого и упреждающего, но никак не ответного удара.

Наиболее мощной считалась группировка жидкостных ракет средней дальности, предназначенная для поражения целей в Европе. Группировка МБР первоначально ограничивалась тремя боевыми стартами и учебно-боевым комплексом Р-7 на жидком кислороде и керосине (конструктор С. П. Королев). Лишь с 1961 г. на вооружение стали поступать МБР Р-16 на азотной кислоте (конструктор М. К. Янгель). К концу 1962 г. Советский Союз располагал 10—12 дввоенными стартами таких ракет.

В 1963 г. были построены первые шахтные установки для МБР Р-16. С 1964—1965 гг. все МБР, а также РСД Р-14 строились только в шахтном варианте, что позволило резко повысить их живучесть. Мощности головных ядерных частей на МБР и ракет средней дальности (РСД) уже в 1961 г. достигли 1 мегатонны, а к 1963 г. — 2,4 мегатонны и более. Улучшились показатели точности попадания ракет (до 1—2 км). Это позволяло с высокой надежностью поражать крупногабаритные цели.

С 1967 г. на вооружение Ракетных войск стратегического назначения в массовом количестве стали поступать межконтинентальные стратегические ракеты второго поколения: универсальная управляемая ампулизированная ракета УР-100 (конструктор В. Н. Челомей) и мощная глобальная МБР Р-36 с боевой мощностью до 18 мегатонн (конструктор М. К. Янгель). Были завершены испытания МБР Р-9А (конструктор С. П. Королев), однако она так и осталась в опытных экземплярах.

Время боевой готовности ракет сократилось до нескольких минут, а затем и десятков секунд. Вероятное отклонение не превышало сотен метров. Принятие на вооружение этих систем означало, что создается «ядерный щит СССР», основанный на строительстве одиночных безлюдных стартов. Состав группировки РСД и МБР уже исчислялся сотнями пусковых установок, и с каждым годом он возрастал: сначала на 50—60, а затем на 100—150 стартов.

С 1970 по 1980 гг. непрерывно увеличивается количество стартов при одновременном улучшении качественных характеристик боевых ракетных комплексов. Повышаются их точность и защищенность. Вместо шахтных установок с защитой 2 кг/кв.см строятся старты с защитой до 20 кг/кв.см и более. На вооружение

были приняты усовершенствованные ракеты УР-100н и УР-100 к, Р-36м. Была создана мощная группировка мобильных твердотопливных ракет Р-10 («Пионер»). Появились твердотопливные ракеты промежуточной («Темп-С») и межконтинентальной дальности (ТР-1) в мобильном и стационарном вариантах. Совершенствовались системы управления ракетами. Началась разработка головных частей с разделяющимися блоками индивидуальной наводки.

Словом, сложилась довольно стройная организационная структура РВСН. В составе Вооруженных Сил к тому времени находилось 6 ракетных армий, каждая в составе 6—10 ракетных дивизий. Была создана единая автоматизированная система управления стратегическими силами типа «Сигнал».

80-е годы ознаменовались новым качественным скачком в развитии РВСН. На их оснащение стали поступать ракеты третьего и четвертого поколений — УР-100МР, Р-36МР, которые по боевым возможностям не уступали американским ракетам «Минитмен-3» и «МХ». Были созданы твердотопливные мобильные ракеты наземного и железнодорожного базирования типа «Тополь».

В процессе совершенствования РВСН главными направлениями стали: форсированное оснащение боевых ракетных комплексов разделяющимися головными частями (РГЧ) с 3-4-6-8 и 10 блоками индивидуального наведения; увеличение точности попадания ракет (до нескольких десятков метров); повышение их эксплуатационной надежности, боеготовности, живучести; дальнейшее сокращение сроков подготовки к пуску, а также повышение способности преодолеть противоракетную оборону противника.

Оснащение ракет РГЧ позволило в 6—8 раз увеличить число объектов поражения. Появилась возможность гарантированного уничтожения многочисленных точечных высокозащищенных целей, включая ракетные старты, аэродромы, военно-морские базы, пункты управления, узлы связи, склады и т. п. Создались условия для осуществления гибкого маневра ракетно-ядерными ударами, быстрого перенацеливания пусковой установки, перехода с одной программы на другую и с одного плана применения РВСН на другой. С созданием высокозащищенных стационарных стартов (с защитой до 220 и даже до 300 кг/кв.см), а также мобильных пусковых установок в составе РВСН возникли силы гарантированного ответного удара (ядерного резерва), способные осуществить пуски при любых масштабах ядерного нападения противника.

Повышались забрасываемые веса ракет, улучшались их баллистические характеристики, совершенствовалось астрономо-геодезическое, гравиметрическое и баллистическое обеспечение. Широкое использование разведывательных и навигационных спутниковых систем позволило топографически связать континенты, уточнить истинные географические координаты целей и тем самым обеспечить их надежное поражение.

На новый уровень поднялось управление РВСН. Был введена в строй усовершенствованная система управления Ракетными войсками — «Сигнал-А», совмещенная с централизованной системой боевого управления Вооруженными Силами (ЦБУ «Центр»). На вооружение поступили средства, которые позволяют осуществить пуски ракет при поражении наземных пунктов управления (с воздушных пунктов управления и с помощью автоматически стартующих ракет, управляемых системой «Периметр»). Наконец, были созданы переносные системы управления и ввода в действие стратегических ядерных сил для высшего военно-политического руководства страны (система «Казбек»).

С начала 80-х годов, в связи с начавшимися в США разработками по созданию территориальной системы ПРО (программа «СОИ»), в СССР особое внимание стало уделяться обеспечению ее прорыва. С этой целью были созданы маневрирующие

головные части, а ракеты оснащались головными частями с полными боевыми блоками, ловушками, усиливалась их противорадиационная и тепловая стойкость. Кроме того разрабатывались различные варианты пуска ракет по прямым и обратным траекториям, начали создаваться РГЧ с использованием технологии малой заметности (типа «Стэлс»).

Все это, безусловно, придало Ракетным войскам стратегического назначения совершенно новые качества. Но именно тогда наметилось постепенное сокращение их количественного состава. 1 июля 1988 г. в силу вступил договор между США и СССР о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). В соответствии с ним были уничтожены все баллистические и крылатые ракеты наземного базирования с дальностью от 500 до 5500 км с ядерным и неядерным оснащением. Советский Союз снял с боевого дежурства и уничтожил мобильные ракеты — Р-10 (американцы их называют СС-20), Р-12 (СС-4), Р-14 (СС-5), крылатые ракеты РК-55 (ССЦ-Х-4), ракеты малой дальности (РМД) — ОТР-22 (СС-12), ОТР-23 (СС-23).

Со своей стороны США уничтожили развернутые в Европе новые РСД «Першинг-2», крылатые ракеты ВГМ-109 («Томагавк») наземного базирования, РМД «Першинг-1А» и «Першинг-1В». В общей сложности за 36 месяцев обе стороны ликвидировали 898 развернутых, 700 неразвернутых РСД и 1096 РМД (из них 387 развернутые), 56% из которых — это ракеты Советского Союза.

Таким образом, в конце 80-х годов впервые был уничтожен целый комплекс ракетно-ядерного вооружения. В связи с этим существенно сократился состав советских РВСН, изменилась и их структура. Вместо прежних двух родов войск (средней и межконтинентальной дальности) остались одни войска межконтинентальной дальности, которые разделились на стационарные и мобильные. Соответственно перераспределились объекты поражения. На важнейшие объекты Европы и Азии теперь нацеливали МБР, а с менее значительных объектов удары были сняты. Так или иначе боевая мощь РВСН все равно превышала реальные потребности ядерного поражения. Вплоть до распада СССР они продолжали считаться главным видом Вооруженных Сил, составляя основу сил сдерживания.

Сухопутные войска в 50-е — 80-е годы продолжали развиваться как второй по значимости и наиболее массовый вид Вооруженных Сил. Считалось, что при ведении военных действий как с применением, так и без применения ядерного оружия они будут играть важную роль. Основным направлением их развития являлось дальнейшее повышение огневой мощи, ударной силы, подвижности и живучести объединений, соединений и частей. С этой целью осуществлялось их массовое перевооружение на новую технику.

В первые послевоенные годы быстрее всего развивались мотострелковые и танковые войска. В состав мотострелковых дивизий и полков были введены танковые части и подразделения. К началу 50-х годов общее количество танков в мотострелковой дивизии превысило их численность в механизированном корпусе, а в танковой дивизии — танкового корпуса периода Великой Отечественной войны. Основную часть танкового парка в 60-е годы составляли модернизированные танки первого послевоенного поколения — Т-54 и Т-55. В последующем на оснащение Сухопутных войск поступили танки второго поколения — Т-62, Т-64, Т-64-А и Т-64-Б с усиленной броней и стабилизаторами вооружения. Все танки стали оснащать не только пушками, но и противотанковыми ракетами, средствами радиационной защиты, многослойной броней, системами автоматического заряжания, лазерными прицелами.

Особенно резкий скачок в количественно-качественном состоянии танкового парка произошел в 70-е — 80-е годы, когда началось перевооружение войск на танки третьего поколения — Т-72, Т-80 и Т-80 УД, оснащенные газотурбинными

силовыми установками. Количество танков в составе основных группировок войск возросло в 4—5 раз. Благодаря этому на европейских театрах военных действий соотношение сил по танкам составляло 6:1 в пользу советских войск. Для успешного ведения стратегических наступательных операций в Европе в условиях ядерной войны такое преимущество считалось не только целесообразным, но и абсолютно необходимым.

Улучшались и качественные характеристики бронетанковой техники. Особое значение в 70-е — 80-е годы придавалось повышению защиты танков от противотанковых средств и оружия массового поражения путем применения комбинированной брони, новых сплавов, полимеров и более совершенной технологии, использования систем динамической защиты, повышения возможностей танкового вооружения по поражению бронированных и других целей на больших дистанциях, увеличения запаса хода и маневренности танков на поле боя. Был создан новый класс бронетанковой техники на основе боевых машин пехоты. Усиливалась защита, повышались огневые и маневренные возможности вооружения.

На оснащение воздушно-десантных войск поступили десантируемые боевые машины БМП-Д. Возникла идея создания летающей боевой машины пехоты, однако она не была реализована.

С переводом Сухопутных войск на танковую основу не только установилось генеральное направление их строительства, но и решающим образом определились тактика и стратегия их применения в войне.

Со второй половины 60-х годов возобновилось форсированное развитие артиллерии. Особый упор при этом делался на увеличение дальности и точности стрельбы, мощности и эффективности артиллерийских боеприпасов, улучшение средств защиты расчетов и материальной части, повышение подвижности. В войска поступали новые артиллерийские системы: сначала 130-мм пушка М-46, 152-мм пушка М-47, 240-мм миномет, затем реактивные системы «Град», «Гром», «Ураган» и наконец самоходные артиллерийские установки «Гиацинт», «Гвоздика», «Акация».

Были созданы новые артиллерийские боеприпасы повышенной мощности и объема взрыва, управляемые и самонаводящиеся снаряды и мины («Смелычак» и «Краснополь»), активно-реактивные снаряды. А появление автоматизированных систем управления огнем артиллерии позволило в несколько раз сократить сроки подготовки и в то же время резко увеличить эффективность огневого поражения противника.

Но, разумеется, важнейшим поворотным пунктом в развитии артиллерии да и Сухопутных войск в целом явилось оснащение их крылатыми, а потом и баллистическими ракетами тактического и оперативно-тактического назначения. На этой основе в начале 60-х годов был создан новый род войск — ракетные войска и артиллерия, предназначенные для ядерного и огневого поражения противника в бою, армейских и фронтовых операциях. Сначала на их оснащении находились крылатые ракеты П-5, затем баллистические ОТР первого поколения на жидком топливе — Р-11 и Р-17. В последующие годы ракетные войска и артиллерия стали оснащаться твердотопливными баллистическими ракетами ТР-1, «Луна», «Луна-М» и «Луна-У» и, наконец, «Точка», оперативно-тактическими баллистическими ракетами 8-К-14 (Р-300), «Ока». В 80-х годах все артиллерийские системы были приспособлены для стрельбы ядерными снарядами. Благодаря этому появилась возможность надежного поражения самых разнообразных целей как с применением, так и без применения ядерного оружия в зоне до 300 км и более, т. е. на всю глубину армейских операций.

Быстро возрастала противотанковая устойчивость Сухопутных войск. Решающую роль в этом сыграло их оснащение новыми противотанковыми средствами. Начиная со второй половины 60-х годов в войска стали поступать противотанко-

вые управляемые реактивные снаряды (ПТУРС) первого поколения. Их сменили противотанковые управляемые ракеты (ПТУР) второго, третьего и четвертого поколений с полуавтоматическими и автоматическими системами наведения, обеспечивавшими поражение целей с броней от 750 до 900 мм на дальностях от 50 до 5 тыс. метров. С 80-х годов наиболее распространенными стали системы, управляемые по лазерному лучу, в том числе противотанковые управляемые ракеты (ПТУР) «Штурм», «Конкурс М» и «Метис-М» и др.

Очень важным направлением в развитии Сухопутных войск в 70-х годах явилось создание нового рода войск — десантно-штурмовых, предназначенных для высадки тактических и оперативно-тактических десантов, а также для действий в ближайшей тактической и оперативной глубине противника. В короткий срок в армейских объединениях были сформированы десантно-штурмовые батальоны, а в военных округах — десантно-штурмовые полки и бригады. Вместе с дальнейшим развитием воздушно-десантных войск их применение позволило придать операциям Сухопутных войск более глубокий наземно-воздушный характер, повысить темпы наступления, существенно расширило круг решаемых ими оперативных и оперативно-стратегических задач.

В начале 80-х годов в Сухопутных войсках организационное оформление получил еще один новый род войск — армейская авиация. Ядром ее стали армейские фронтовые части транспортно-боевых и боевых вертолетов, в основном Ми-8, Ми-24 «Акула» и др. Их развитие осуществлялось по пути совершенствования летно-технических характеристик летательных аппаратов, их грузоподъемности, скорости и дальности полета, усиления вооружения и бортового оборудования, модернизации средств управления. Из года в год, особенно за последнее десятилетие, повышалась оснащенность боевых вертолетов и штурмовиков противотанковыми и другими управляемыми средствами для поражения всего комплекса стационарных и подвижных целей на поле боя. Это позволило им выполнять более широкий объем задач в операциях и вместе с тем изменяло боевые свойства объединений Сухопутных войск, в том смысле, что способствовало повышению их боевой самостоятельности.

Определяющее значение в повышении боевого потенциала, особенно живучести Сухопутных войск, с самого конца минувшей войны приобрели войска противовоздушной обороны. Им отводилась главная роль в прикрытии от воздушных ударов противника своих группировок войск на поле боя и объектов тыла во фронтовой полосе, в ведении борьбы с воздушными десантами врага и нейтрализации его воздушной разведки, а также в решении ряда других задач.

Переломным рубежом в их развитии стали 60-е годы, когда на вооружение Сухопутных войск в значительных количествах поступили первые зенитные ракетные комплексы С-75, маловысотные и средневысотные радиолокационные станции, зенитные комплексы «Шилка» и другие средства. Но радикальная перестройка войск ПВО началась лишь в 70-х годах в связи с оснащением их зенитно-ракетными комплексами второго и третьего поколений («Круг», «Куб», «Тор»), ракетно-пушечными комплексами «Тунгуска», новым парком радиолокационных станций, а также автоматизированными системами управления огнем зенитно-ракетных войск (ЗРВ) тактического и оперативного звена.

Эти средства органически вошли в состав мотострелковых и танковых дивизий. Были сформированы армейские и фронтовые зенитно-ракетные бригады. На этой основе удалось перейти от объектовой к зонально-объектовой, а затем и зональной системе ПВО, создать в прифронтовых полосах сплошное радиолокационное поле, что позволило значительно повысить эффективность борьбы с воздушным противником в широком диапазоне скоростей и высот. А так как возможности средств воздушного нападения росли быстрее, необходимая надежность противовоз-

душного прикрытия не обеспечивалась. Существенно поднять ее удалось с поступлением на вооружение Сухопутных войск новых зенитных ракетных комплексов С-300 В. Однако и до сих пор многие проблемы ПВО остаются нерешенными.

Наряду с родами войск в составе Сухопутных войск ускоренно развивались специальные войска, особенно войска разведки, радиоэлектронной борьбы, инженерные, химические, войска связи. Был создан комплекс новых средств радиотехнической и радиоразведки, сигнально-разведывательные средства различного назначения, сформированы фронтовые бригады «Спецназ», предназначенные для разведывательной-диверсионной деятельности.

Формировались инженерно-саперные и инженерно-технические бригады резерва Верховного Главнокомандования, понтонно-мостовые и десантно-понтонные части, оснащенные новыми парками, что позволяло с ходу и в высоких темпах форсировать любые водные преграды на всех ТВД. Были развернуты соединения и части химической защиты для ликвидации последствий применения всех видов оружия массового поражения и т. п. Однако следует подчеркнуть, что между уровнем развития специальных войск и возможностями боевых средств образовался значительный разрыв.

В целом строительство Сухопутных войск в послевоенные годы осуществлялось с учетом их применения как в наступательных, так и в оборонительных операциях на континентальных театрах, при решении задач по отражению внезапных ударов противника, разгрому противостоящих его группировок, овладению основными промышленными районами и стратегически важными центрами, захвату проливных зон и т. п. При этом главное внимание уделялось наращиванию наступательных возможностей войск, их способности вести безостановочное стратегическое наступление в высоких темпах, используя результаты ядерных ударов, авиации и ракетных войск.

С середины 80-х годов, когда была принята новая военная доктрина, этот стратегический курс был уточнен. Постепенно приоритет отдавался первоочередному развитию оборонительных систем оружия и техники. В составе мотострелковых и танковых соединений резко уменьшилось количество танков. Были расформированы многие десантно-штурмовые и понтонно-десантные части. Одновременно повысился удельный вес противотанковых и противовоздушных средств. Тем не менее вплоть до распада Советского Союза Сухопутные войска, воплощая в себе огромную боевую мощь, играли во всех стратегических планах государства исключительно важную роль.

Войска противовоздушной обороны в первые послевоенные годы развивались как противосамолетные. С 1947 г. на их оснащение стали поступать реактивные самолеты-истребители МиГ-15, МиГ-17, а с середины 50-х годов — первые зенитные ракетные комплексы. На базе стационарных зенитно-ракетных комплексов С-25 была развернута система круговой зенитно-ракетной обороны «Москва». Затем началось ускоренное перевооружение войск на подвижные зенитные ракетные дивизионы С-75.

Для прикрытия важнейших административно-политических и промышленных центров были развернуты маловысотные зенитные комплексы С-125. Истребительная авиация постепенно перевооружалась на истребители-перехватчики МиГ-19 и МиГ-21. Одновременно расформировывались зенитно-артиллерийские, зенитно-прожекторные и другие технически устаревшие соединения и части.

В конце 50-х годов наряду с зенитно-объектовой системой ПВО на основных воздушно-операционных направлениях, прежде всего на западе и юге страны, начала создаваться рубежная система противовоздушной обороны. Районы ПВО преобразовывались в армии ПВО. Кроме них были созданы мощные объединения — округа

ПВО для прикрытия Московского и Бакинского промышленных районов. В их составе развертывались дивизии и корпуса ПВО.

С середины 60-х годов на оснащение войск поступают новые истребители — СУ-7, СУ-9 и др. Вскоре на вооружение были приняты зенитные ракетные комплексы дальнего действия — С-200. Полностью переоснащенный радиолокационный парк позволил перейти от зенитно-объектовой к зонально-территориальной системе ПВО.

Последующее развитие противосамолетной обороны войск ПВО шло в направлении расширения их возможностей по борьбе с маловысотными и стратосферными скоростными малоразмерными целями в условиях широкого применения противником различных радиоэлектронных помех, с крылатыми ракетами всех типов, в том числе с американскими типа «Томагавк», самолетами-носителями противника еще до их выхода на рубеж пуска ракет, а также по уничтожению малозаметных летательных аппаратов, созданных на основе технологии «Стэлс».

В зенитных ракетных войсках появился предназначенный для борьбы со всеми современными средствами воздушного нападения и оперативно-тактическими ракетами (ОТР) противника новый всевысотный и многоканальный зенитно-ракетный комплекс средней дальности — С-300-ПМ, обладающий большой огневой производительностью и высокой помехозащищенностью. А для уничтожения высотных скоростных целей на дальних подступах к обороняемым объектам стал создаваться ЗРК большой дальности — С-400.

В качестве основного типа самолета-перехватчика в авиацию ПВО поступили всевысотные авиационные комплексы с ракетным и пушечным вооружением — МиГ-23, Су-27, способные вести борьбу с основными средствами воздушного нападения в радиусе 600—800 км и более. Для создания рубежей дальнего перехвата «Барьер» на вооружение были приняты самолеты дальнего радиолокационного дозора «Шмель», всевысотные авиационные комплексы МиГ-31, предназначенные как для перехвата высотных скоростных целей, так и для уничтожения малоразмерных целей и ракет класса «воздух-земля». Началась разработка всевысотного авиационного комплекса дальнего перехвата с радиусом действия 2500—3000 км, способного уничтожать носители крылатых ракет на дальних рубежах.

Сильно преобразились и радиотехнические войска. Основу их составляли теперь автоматизированные радиолокационные комплексы различного назначения, высокопотенциальные радиолокационные станции программного обзора, автоматизированные маловысотные радиолокационные станции (РЛС), комплексы средств пассивной локации и другие средства. Для прикрытия важнейших объектов были развернуты части радиоэлектронной борьбы типа «С». Широкое применение получили различного рода маскировочные части.

Но особое значение для повышения эффективности противосамолетной борьбы имело создание и широкое внедрение автоматизированных систем управления (АСУ) войсками и оружием. На вооружение объединений ПВО поступили АСУ типа «Алмаз», автоматизированные системы управления ЗРВ и истребительной авиацией оперативно-тактического и тактического звена. АСУ противовоздушной обороны европейской части Советского Союза вошла в единую систему ПВО государств — участников Варшавского договора.

Появление стратегического ракетного оружия как основного средства вооруженной борьбы вынудило уже в 60-х годах пересмотреть всю концепцию противовоздушной обороны СССР. Наряду с противосамолетной обороной возникла необходимость в создании противоракетной и противокосмической обороны. Прежде всего нужна была надежная система предупреждения о ракетном нападении (СПРН).

В решении этой задачи Советский Союз и Соединенные Штаты Америки шли примерно одним и тем же путем. Первоначально на главном Северо-Западном ракетно-ядерном направлении были построены подобно американской системе «Бимороз» два узла надгоризонтной локации, обеспечивавшие обнаружение головных частей на дальностях до 5 тыс. км. Затем аналогичные узлы были развернуты на других направлениях (юго-западе, юге и востоке). Одновременно началось сооружение станций загоризонтной локации с дальностью обнаружения до 10 тыс. км. Наконец, в строй вступила космическая система обнаружения стартов ракет. В результате предпринятых усилий были оборудованы эшелоны СПРН (один космический и два наземных), обеспечивавшие выявление начала, масштабов и объектов ракетно-ядерного нападения с информативной выдачей информации на центральные командные пункты Вооруженных Сил, РВСН и Войск ПВО.

Время предупреждения о стартах МКР было доведено до 30—35 минут, а о стартах РСД и БРПЛ — до 5—8 минут, что давало возможность оценить обстановку и своевременно принять решение на ввод в действие своих стратегических ядерных сил.

В целях противоракетной обороны, подобно американской системе «Сейфгард», в конце 60-х годов начала создаваться система ПРО Москвы, основанная на использовании противоракет ближнего и дальнего действия (система А-35, затем А-135). Но она обеспечивала перехват только одиночных и несложных космических целей. Поэтому приступили к проектированию системы ПРО А-235, рассчитанной на перехват сложных групповых баллистических целей. Однако ее развертывание не было осуществлено.

В мае 1971 г. США и СССР заключили договор об ограничении противоракетной обороны (договор по ПРО). Обе державы обязались ограничить свои системы ПРО двумя районами: один — для прикрытия столицы государства, а второй — для прикрытия одного из позиционных районов МБР. Стороны пришли к соглашению не создавать территориальную систему ПВО, не испытывать и не развертывать компоненты ПРО морского, воздушного и космического базирования, не размещать противоракетные средства вне национальной территории.

Через три года между США и СССР согласно протоколу и договору по ПРО было достигнуто соглашение об ограничении систем ПРО одним районом: для СССР — вокруг Москвы, а для США — районом размещения шахтных пусковых установок МБР, имея не более 100 противоракет на стартовых позициях.

В 80-х годах Соединенные Штаты Америки развернули исследования по созданию широкомасштабной территориальной системы ПРО с элементами космического базирования — СОИ. Это вынудило и в Советском Союзе заняться аналогичными разработками, которые, однако, с распадом СССР были прекращены.

В конце 70-х годов обе державы наряду с ПРО особое внимание уделяли созданию системы противокосмической обороны, предназначенной для завоевания господства в космосе, перехвата и уничтожения космических объектов военного назначения противника и защиты своих орбитальных систем. С этой целью в СССР были созданы первые противоспутниковые ударные системы наземного базирования «ИС», а затем «ИС-М», началась разработка ракетного противокосмического комплекса «Наряд».

В противоположность этому в США главные усилия сосредоточились на развертывании противоспутниковых средств воздушного базирования. Американцы создали и испытали противоспутниковую систему «Асат». Размещенная на самолетах Ф-15 с противокосмическими ракетами, она обеспечивала поражение искусственных спутников Земли (ИСЗ) на высотах до 1 тыс. км. Одновременно развернулись работы по созданию орбитальных противоспутниковых комплексов перехвата.

С середины 80-х годов разработка ударных противокосмических средств и в СССР, и в США была заморожена. Функционировала лишь информационно-вычислительная сеть, хотя исследовательские работы в этом направлении не прекращались.

В то же время в Советском Союзе войска СПРН, ПРО и ПКО, а также средства контроля космического пространства (СККП) были объединены в войска ракетно-космической обороны. Они-то и составили основу стратегических оборонительных сил сдерживания. А начальник Генерального штаба маршал Н. В. Огарков выдвинул идею о создании единых Войск противовоздушной обороны на территориях соответствующих военных округов. Обосновывал он свою идею тем, что только объединенные войсковые и территориальные системы ПВО могут обеспечить более эффективное и согласованное их применение как в мирное, так и в военное время. Проведенные с этой целью учения показывали, что при организации единых Войск ПВО возрастет централизация управления всеми силами и средствами противовоздушной обороны, отпадет необходимость в разработке двух планов ПВО, возникнут условия для рациональной организации боевого дежурства, появится возможность для создания единого радиолокационного поля.

Предполагалось, что ввод в сражение сил и средств ПВО округа (фронта) при новой системе пройдет более организованно, по единому замыслу и под единым руководством командующего округом (фронтом). При этом, благодаря гибкому маневру силами и средствами ПВО, появится возможность быстро сосредоточить их усилия на главных направлениях. В итоге удалось бы создать благоприятные условия для нанесения решительного поражения воздушному противнику, а значит, недопущения его прорыва в глубь страны.

Вместе с тем военные теоретики пришли к выводу, что создание единых Войск ПВО потребует серьезного уточнения функций главнокомандующего и главного штаба Войск ПВО страны, а также начальника и штаба войск ПВО Сухопутных войск, не говоря уже о создании единой автоматизированной системы управления всеми силами и средствами ПВО. Большие трудности возникли из-за необходимости перестройки систем оповещения и связи, переоборудования командных пунктов и решения других задач. Поэтому в конце концов от идеи маршала Огаркова пришлось отказаться.

Военно-воздушные силы за послевоенные годы по крайней мере трижды перевооружались на новую авиационную технику и подвергались коренной организационной перестройке. Причем их роль как вида Вооруженных Сил то переоценивалась, то принижалась. Сразу же после окончания Великой Отечественной войны генеральной линией в строительстве ВВС явилось превращение их в универсальный многоцелевой вид Вооруженных Сил. Он предназначался для самостоятельных или совместных действий по завоеванию господства в воздухе и решению целого комплекса других стратегических, оперативных и тактических задач в операциях всех видов как с применением, так и без применения ядерного оружия.

В относительно короткие сроки вся авиация была перевооружена на сверхзвуковые реактивные самолеты. Основу авиационного вооружения стали составлять наряду с бомбами ракеты класса «воздух-воздух», «воздух-земля», «воздух-корабль» и «воздух-РЛС». Это придало ВВС принципиально новые боевые свойства.

Особое значение приобрела стратегическая (дальняя) авиация, включавшая в свой состав корпуса, дивизии и части стратегических и дальних бомбардировщиков, самолетов-разведчиков и самолетов специального назначения. Вначале на ее оснащении состояли относительно несовершенные бомбардировщики Ту-16 и М-4. Положение, однако, изменилось с 70-х годов, когда дальняя авиация стала перевооружаться на средние бомбардировщики-ракетоносцы Ту-22, затем Ту-22М и наконец

Ту-22МЗ, межконтинентальные самолеты Ту-95 и Ту-95 МС, а потом Ту-160 с крылатыми ракетами большой дальности.

Высокая скорость и значительный радиус действия этих самолетов, существенно увеличенный в связи с внедрением систем дозаправки топлива в полете, оснащение их средствами преодоления ПВО, новейшим бортовым оборудованием (средствами автоматики, навигации, защиты от противосамолетных ракет) позволяли дальней авиации успешно действовать в любых метеорологических условиях без захода в зоны ПВО противника, наносить эффективные удары по наземным объектам на всю глубину континентальных театров военных действий, уничтожать авиационные соединения и корабельные группировки, нарушать океанские и морские коммуникации врага.

Исключительно быстро развивалась фронтовая авиация. Наряду с бомбардировочной, истребительной, разведывательной и вспомогательной авиацией в ее составе была создана и истребительно-бомбардировочная, ставшая надежным средством поражения наземных и воздушных целей. Составной частью фронтовой авиации стала также армейская (войсковая) авиация, включавшая часть боевых и транспортно-боевых вертолетов, а затем и штурмовиков.

В 60-х годах основу авиационного парка фронтовой авиации составляли пришедшие на смену реактивным самолетам первого поколения (МиГ-15, МиГ-17, МиГ-19, Ил-28) истребители-бомбардировщики Су-17, Су-17М, истребители Су-9, МиГ-21 и ряд других типов с улучшенными боевыми характеристиками.

Но особенно бурный рынок авиации произошел в 70-х годах, когда появились самолеты с изменяемой геометрией крыла, усиленными энергетическими установками и мощным ракетным вооружением. В то время на оснащение ВВС поступили: фронтовые бомбардировщики — Су-24 и Су-24М, истребители-бомбардировщики — Су-17МЗ и М4, МиГ-27 и МиГ-27М, штурмовики — Су-25, фронтовые истребители — МиГ-23, МиГ-25, боевые вертолеты — Ми-24 и др.

С появлением этих авиационных комплексов скорости полета фронтовых самолетов увеличились в 2—3 раза, достигнув 3—3,5М. Их дальность возросла в 1,5—2 раза, бомбовая нагрузка — в 1,5—1,8 раза. Появилась возможность поражения целей без захода в зоны ПВО с минимальным расходом боеприпасов. Уменьшилась зависимость авиации от условий базирования и погоды. В дальнейшем были созданы самолеты с вертикальным и укороченным взлетом. Поступившие на вооружение новые системы управления, наведения, более совершенные навигационные приборы и радиолокационные прицелы позволяли с высокой точностью выходить на цели и поражать их с максимальных дистанций.

В 80-х годах началось перевооружение фронтовой авиации на четвертое поколение самолетов. Она была оснащена фронтовыми бомбардировщиками усовершенствованного варианта (Су-24М), армейскими штурмовиками (Су-25ТК и Ил-102), истребителями-бомбардировщиками (Су-24М), истребителями завоевания господства в воздухе (Су-27), легкими фронтовыми истребителями (МиГ-29), боевыми вертолетами (Ми-28), новыми ракетами «воздух-воздух» и «воздух-земля» малой, средней и большой дальности, корректируемыми авиабомбами с лазерными головками самонаведения и другими средствами. Это еще более расширяло боевые возможности ВВС, особенно при ведении обычной войны.

Резко повысилась роль военно-транспортной авиации как главного средства обеспечения стратегического маневра и десантирования оперативных воздушных десантов в тыл противника. С перевооружением ее на новые большегрузные военно-транспортные самолеты Ил-76МД и Ан-124 («Руслан») суммарная грузоподъемность ВТА увеличилась в 3—4, а радиус применения — в 2,5 раза. Существенно возросли ее возможности по преодолению ПВО противника.

Вместе с развитием авиационной техники и изменением характера задач ВВС совершенствовались организационная структура авиационных объединений, соединений и частей, система управления, базирования, аэродромно-технического и инженерно-технического обеспечения, осуществлялись мероприятия по повышению живучести авиации на земле и в воздухе.

В середине 80-х годов были созданы воздушные армии стратегической авиации. Одновременно расформировывались воздушные армии фронтовой авиации. Вместо них были образованы единые ВВС фронтов и военных округов, в состав которых вошли также истребительно-авиационные части приграничных объединений ПВО.

Армейская авиация, оставаясь организационно в составе единых ВВС, передавалась в оперативное подчинение командующим общевойсковыми и танковыми армиями. Ответственность за ее боевое применение возлагалось на общевойсковое командование, а за специальную подготовку и все виды обеспечения — на командующих ВВС. Считалось, что такой подход упростит управление авиацией, будет способствовать более тесному ее взаимодействию с наземными войсками, сократит время доведения задач до авиационных соединений и частей.

Как вскоре оказалось, эти преобразования себя не оправдали. В подготовке авиации и боевом ее применении возникли трудноразрешимые проблемы. Поэтому к началу 90-х годов все вернулось на круги своя. Были восстановлены воздушные армии фронтовой авиации, а истребительная авиация ПВО, изъятая из ВВС, поступила в состав Сухопутных войск.

Одновременно была принята развернутая программа качественного развития ВВС. Началось создание самолетов пятого поколения, ликвидировать отставание от США в двигательных установках, бортовом оборудовании, оснастить командные пункты ВВС более совершенными системами автоматизированного управления авиацией, обеспечить возможность полетов при нулевой видимости и т. п. Предусматривалось завершить разработку гиперзвуковых самолетов, самолетов с ядерными двигательными установками, воздушно-космических летательных аппаратов. Однако после распада СССР реализация этих программ была приостановлена.

Военно-морской флот СССР за четыре послевоенных десятилетия полностью обновился. Обладая огромными стратегическими возможностями, он вышел из прибрежных вод и закрытых морей, освоил просторы мирового океана, приобрел способность как самостоятельно, так и во взаимодействии с другими видами Вооруженных Сил вести решительные стратегические операции на всех океанских и морских театрах военных действий.

Его удельный вес, роль и значение в общем составе Вооруженных Сил повысились в несколько раз. Однако по своей боевой мощи он по-прежнему существенно уступал военно-морским силам вероятного противника. Тем не менее соотношение сил на океанах стало более благоприятным, а в закрытых морях изменилось в пользу СССР. При таких условиях, а главное — благодаря новому оружию советский ВМФ получил возможность не только активно бороться с военно-морскими силами США и НАТО на океанских ТВД, но и наносить мощные удары на всю глубину сухопутной территории противника. По существу, он превратился в вид Вооруженных Сил глобального действия.

Подлинную революцию в ВМФ вызвало оснащение его ракетами и атомными силовыми установками, появление в его составе качественно новых родов — атомных ракетных подводных лодок, морской ракетноносной авиации, ракетных подводных ударных сил, корабельных и авиационных противолодочных сил, береговых ракетно-артиллерийских войск, а также авианесущих кораблей.

Интенсивно развивались подводные силы стратегического и общего назначения. Первые ракетные подводные лодки оснащались крылатыми ракетами П-5 (конструктор В. Н. Челомей) с относительно ограниченной дальностью стрельбы — 500 км. В 1955 г. с подводной лодки впервые был осуществлен пуск баллистической ракеты средней дальности Р-21 (конструктор В. П. Макеев). Однако по своим характеристикам она значительно уступала американской ракете «Поларис».

В конце 60-х годов в строй стали вводиться атомные подводные лодки новых проектов с ракетами межконтинентальной дальности (Р-27 и Р-29), что позволило не только догнать, но и обойти США. Подлинным триумфом советского кораблестроения явилось создание атомных ракетных подводных крейсеров «Тайфун», имевших двадцать баллистических ракет на борту. Другими словами, появилась возможность нанесения неотвратимых массированных ракетно-ядерных ударов по объектам на американском континенте не из зон боевого патрулирования, как это предполагалось ранее, а из собственных прибрежных районов и даже непосредственно из своих баз.

С количественным увеличением атомных ракетных лодок продолжалось их качественное совершенствование. Улучшались показатели автономности, дальности и скрытности плавания, увеличивались дальность стрельбы и точность поражения целей, модернизировались боевые информационно-управляющие системы подводных стартов ракет и т. п.

В 80-е годы были решены проблемы увеличения скорости подводного хода лодок (до 70 км и более), глубины их погружения (до 700 м и более), повышения скрытности действий и боевой устойчивости, снижения шумности и улучшения характеристик гидроакустических систем. Началось строительство глубоководных лодок с погружением на тысячу метров и с более повышенной скоростью хода. В строй вводились лодки с противорадиолокационным, радиопрозрачным и противозумным покрытием, сверхмалые и безкипажные подводные лодки — автоматы с дистанционным управлением. Баллистические ракеты подводных лодок так же, как и МБР, стали оснащаться разделяющимися головными частями с 10 блоками.

Вторым по значению родом сил флота стала морская ракетноносная авиация. Основу ее вооружения составляли ракетноносцы Ту-22М. Их применение позволяло вести успешную борьбу с авианосными соединениями и другими корабельными группировками противника, причем на значительном удалении от своих берегов, уничтожать ВМБ, береговые пункты управления, нарушать морские и океанские коммуникации врага.

Наращивался состав и улучшались тактико-технические характеристики противолодочной авиации. На ее оснащении состояли самолеты-амфибии Пе-12 (с 80-х годов — «Альбатрос»), противолодочные вертолеты Ка-25 и Ка-50 с радиолокационной и гидроакустической аппаратурой, ракетами и глубинными бомбами.

С 80-х годов получила быстрое развитие и авиация корабельного базирования: самолеты вертикального взлета Як-38, Як-40, многоцелевой корабельный истребитель Як-141. Это позволило существенно повысить боевую устойчивость корабельных группировок в море, успешнее решать задачи по обеспечению высадки и по огневой поддержке морских десантов.

Развитие надводных кораблей шло по пути увеличения их скорости, маневренности, дальности плавания, улучшения вооружения (крылатых и зенитных ракет, дальных глубинных самонаводящихся торпед, ракет-торпед, морских реактивных сил, бомбометных реактивных установок и т. п.). Основу надводных сил флота стали составлять ракетные и ракетно-артиллерийские крейсера, большие и средние противолодочные корабли, корабли противовоздушной защиты.

Быстро наращивался состав противолодочных сил. Оснащение их новой аппаратурой обнаружения атомных ракетных подводных лодок (ПЛАРБ) (в том числе по незначительному изменению температурного градиента, химического состава воды и по магнитной аномалии), а также внедрение средств автоматизации процессов передачи сигналов позволили резко повысить эффективность обнаружения подводных лодок и наведения на них противолодочных сил флота.

Одновременно с кораблями океанской зоны усиливался состав сил прибрежного действия, прежде всего торпедных и ракетных катеров с крылатыми ракетами П-15.

Из года в год повышались возможности амфибийных (десантно-высадочных) сил. На их оснащение во все возрастающих количествах поступали большие, средние и малые корабли, корабли на воздушной подушке. Разрабатывались экранопланы со скоростью в несколько сот километров в час, что позволило бы решить проблему внезапной высадки передовых эшелонов десанта на необорудованное побережье. Во всех флотах на этой основе были созданы эскадры десантно-высадочных сил, сформировано по бригаде, а на Тихоокеанском флоте — дивизия морской пехоты. На реальную основу была поставлена проблема захвата проливных зон и охват противника с моря при ведении наступления на приморских направлениях.

С поступлением на вооружение новых береговых ракетных комплексов большой и средней дальности в корне изменились береговые ракетно-артиллерийские войска. Их применение позволило на огромных участках морского побережья создать надежную береговую оборону, прикрыть от ударов с моря военно-морские базы и другие важные объекты.

В послевоенные годы ВМФ, как и прежде, состоял из четырех флотов: Северного, Тихоокеанского, Балтийского и Черноморского. Однако их состав, структура и роль резко изменились. Самыми мощными стали Северный и Тихоокеанский флоты, предназначавшиеся для ведения операций на океанских ТВД. Именно на этих флотах был сосредоточен основной состав морских стратегических ядерных сил, сформированы флотилии ракетных подводных лодок, образованы эскадры крупных надводных сил.

Сфера действий Балтийского и Черноморского флотов ограничивалась закрытыми морскими театрами, но при этом их операционные зоны расширились: первого — на Северное, а второго — на Средиземное моря, где постоянно несли боевую службу довольно сильные корабельные группировки.

Надо, однако, признать, что, несмотря на предпринятые усилия, сравняться с вероятным противником по морской боевой мощи СССР не удалось. Многие слабые стороны советского ВМФ так и не были преодолены. Узким местом оставалось базирование. Отрицательно сказывались отсутствие передовых военно-морских баз (ВМБ) (кроме Свинёуйссе на Балтике и Камрань на Тихом океане), а также необходимость преодоления узостей и проливов при развертывании сил флота на океанской акватории. К тому же продолжала оставаться невысокой боевая устойчивость корабельных группировок надводных сил. Советский Союз практически на порядок уступал вероятному противнику по шумности подводных лодок.

Крайне тяжелое положение складывалось с ремонтом кораблей: многие из них находились в ремонте по 7—10 лет. Десятилетиями не обеспечивалось своевременное восстановление ресурса кораблей, не хватало средств для их обслуживания и энергетического питания пирсов. Долгое время преобладала практика ввода в строй недостроенных кораблей. С достаточной надежностью не были решены некоторые вопросы централизованного управления силами, организации ядерно-технического обеспечения, спасательной службы. Все это затрудняло решение многих задач в операциях флотов, а следовательно, ограничивало возможности советской стратегии по ведению войны на море.

Принципиально новым направлением в строительстве Вооруженных Сил стало создание и развитие военно-космических сил. В их состав вошли средства запуска, управления и орбитальные группировки космических аппаратов военного назначения. По сравнению с другими средствами они обладали рядом преимуществ: глобальностью действий, способностью решать поставленные задачи в мирное и военное время, универсальностью и высокой степенью автономности, возможностью находиться в режиме функционирования на орбитах в течение длительного времени. Это не могло не предопределить целесообразность использования военно-космических средств во всех формах стратегических действий Вооруженных Сил.

В 80-е годы кроме космических систем раннего предупреждения появились космические средства контроля космического пространства, засечки ядерных взрывов, разведки, навигации. Разрабатывались ударные средства космического базирования — «космос-земля» и «космос-космос». В результате борьба в космосе в форме взаимного уничтожения находящихся на орбите космических аппаратов приобретала большое значение. Завоевание господства в космосе стало одной из важных стратегических задач Вооруженных Сил. В перспективе не исключалось, что космос может оказать главное и непосредственное влияние на достижение победы над врагом.

Военно-техническая революция в военном деле непосредственно затронула и организацию Тыла Вооруженных Сил. Решающее значение имели три обстоятельства: необходимость повышения живучести Тыла, удовлетворения многократно возросших потребностей Вооруженных Сил в материально-технических средствах, создания систем тылового обеспечения новых видов Вооруженных Сил и родов войск.

В 60-е годы в составе стратегического Тыла Вооруженных Сил находились центральные арсеналы, базы, склады с запасами материальных средств. Он располагал и специальными войсками: железнодорожными, автомобильными, трубопроводными, инженерно-аэродромными, авиационно-техническими, а также вспомогательным флотом, ремонтно-строительными, медицинскими и другими частями, учреждениями, подразделениями. Обеспечение деятельности Тыла возлагалось на части инженерных и химических войск, войск связи, ПВО и охраны, входивших в его состав.

В соответствии с новыми задачами, вставшими перед Тылом, и изменившимися условиями ведения стратегических действий принимались меры для повышения его подвижности и маневренности, механизации работ. Коренным образом были реорганизованы соединения, части и все органы тылового и технического обеспечения.

Вместо существовавших ранее фронтовых и армейских баз снабжения были сформированы мобильные бригады материально-технического обеспечения. Увеличение в два раза грузоподъемности автотранспорта бригад по сравнению с базами позволило содержать запасы материальных средств на двое суток ведения боевых действий. В состав бригад включались новые структурные элементы: автомобильные части, части массовой заправки техники горючим, роты по ремонту техники, дорожно-комендантские подразделения и части охраны. Такая организация позволила бригадам собственными силами обеспечивать содержание запасов и подвоз материальных средств войскам, организовывать инженерное оборудование районов размещения, регулировать движение, выполнять погрузочно-разгрузочные работы, осуществлять оборону и охрану тыла.

Для быстрого перевода Тыла Вооруженных Сил с мирного на военное положение была пересмотрена структура создаваемых в народном хозяйстве формирований войскового типа, автомобильной и другой техники. Считалось весьма важным, чтобы эти средства прибывали из народного хозяйства не разрозненно, а в виде автомобильных колонн различного назначения, дорожных и мостовых отрядов, спецформирований Министерства путей сообщения и Министерства транспортного строительства.

В связи с многократным возрастанием возможных санитарных потерь (в 10—20 раз) осуществлялась коренная реорганизация медицинской службы: создавались мобильные части медицинского обеспечения, пересматривались структура госпитальных баз, механизм эвакуации раненых и пораженных.

Радикальной перестройке подверглась также система технического обеспечения Вооруженных Сил. В Министерстве обороны, видах Вооруженных Сил, в военных округах и на флотах были образованы аппараты заместителей по вооружению. Создавались новые технические службы ядерно-технического и ракетно-технического обеспечения. В оперативном звене все ремонтные органы объединялись в единые фронтовые и армейские ремонтные бригады и базы. Были сформированы специальные соединения и части для хранения и сборки ядерных боеприпасов и ракет.

Подверглась реорганизации служба ГСМ. Были созданы части обеспечения войск ракетным топливом, сформированы трубопроводные бригады и полки. Стационарные трубопроводы, развернутые заблаговременно на всех ТВД, от мест производства горючего доводились до фронтовых тыловых баз, крупных аэродромов и портов. Полевые трубопроводы предполагалось развертывать в военное время, так как они рассматривались как одно из важнейших средств снабжения войск горючим, потребности в котором по сравнению с Великой Отечественной войной возросли в 15—18 раз.

С учетом огромного размаха стратегических операций и резко возросшей уязвимость коммуникаций со стороны вероятного противника была выработана принципиально иная концепция транспортного обеспечения. Ее суть состояла в комплексном использовании всех видов транспорта: автомобильного, железнодорожного, морского (океанского), воздушного. Сформированные специальные соединения и части предназначались для быстрого восстановления и строительства дорог, развертывания временных перегрузочных районов (ВПР) на путях прерванного движения и водных рубежах.

Пересматривались также принципы руководства и управления тылом. Во всех звеньях были созданы тыловые пункты управления. Была изменена сама структура органов тыла, вырабатывались новые формы и методы их работы, осваивались автоматизированные системы управления тылом стратегического и оперативного звена.

С середины 80-х годов в связи с принятием оборонительной военной доктрины уточняются некоторые ранее сложившиеся концептуальные проблемы тыла. В частности, была выдвинута идея о переходе к стационарным защищенным структурам тыла не только в стратегическом, но и в оперативном звене.

Опасность ядерной войны вынудила принять ряд радикальных мер для усиления живучести Вооруженных Сил, населения и экономики страны. Важнейшим элементом оборонного потенциала государства стала гражданская оборона СССР. За короткий срок была выработана ее новая концепция, определены вероятные последствия широкомасштабного ядерного нападения и необходимые меры по их ликвидации. Сформировалась централизованная система оповещения о ракетно-ядерном нападении.

Развернулись работы по повышению защищенности важнейших объектов экономики, строительству радиационных убежищ для населения, по созданию аварийных запасов продовольствия, воды, топлива, стратегических материалов, по оборудованию защищенных командных пунктов гражданской обороны. Создавались войска и особые формирования сил гражданской обороны для проведения аварийно-спасательных работ. Разрабатывались планы осуществления всего комплекса работ по операционным направлениям гражданской обороны.

Первоначально основным способом защиты населения была признана его массовая эвакуация из наиболее угрожаемых районов в сельскую местность. В соот-

ветствии с планом эвакуации подлежали от 20 до 50 млн. человек. Однако в связи с ростом масштабов возможного ракетно-ядерного нападения противника этот способ защиты населения признали абсолютно нереальным, так как угрожаемой практически стала вся территория страны. В таких условиях главные усилия гражданской обороны были переключены на строительство защитных сооружений.

С окончанием второй мировой войны сильно изменились задачи входивших в состав Вооруженных Сил СССР пограничных и внутренних войск. Возникла необходимость охраны новых государственных границ Советского Союза. В связи с этим были образованы новые пограничные округа, отряды и комендатуры, бригады и дивизионы пограничных сторожевых кораблей. На их оснащение поступила новая военная техника, в том числе танки, бронетранспортеры, вертолеты, специальные сигнальные системы и т. п.

В 1957 г. пограничные войска были переданы из подчинения Министерства внутренних дел в подчинение Комитета государственной безопасности. На военное время предусматривалась их передача в оперативное подчинение командующих соответствующими фронтами и флотами. Был определен порядок их боевого применения при отражении агрессии вероятного противника, ведении первых оборонительных и наступательных операций и выполнении задач по борьбе с диверсионно-разведывательной деятельностью врага.

Серьезной реорганизации подверглись внутренние войска. Их состав существенно сократился. Были образованы округа и дивизии внутренних войск. Наряду со специальными задачами на них были возложены защита и оборона важнейших внутренних районов и объектов территории страны, борьба с воздушными и морскими десантами, диверсионно-разведывательными силами противника, совместно с войсками гражданской обороны участие в мероприятиях по ликвидации последствий ядерного нападения.

Коренные сдвиги произошли в содержании оперативной, боевой и мобилизационной подготовки Вооруженных Сил. Она была полностью переориентирована на условия ракетно-ядерной войны. В практику внедрялась система крупных стратегических и оперативно-стратегических учений, маневров и тренировок. А широко развернувшаяся научно-исследовательская и военно-научная работа способствовала активному поиску дополнительных мер по повышению боевой мощи Вооруженных Сил и оборонного потенциала всей страны.

Таким образом, в послевоенные годы стратегия военного строительства была подчинена главной цели — созданию надежной материальной основы для успешного выполнения всего комплекса новых оборонных задач, возникших перед государством и Вооруженными Силами в ядерный век. В общем-то, эта стратегия в основном себя оправдывала. Однако при ее реализации было допущено немало серьезных просчетов, отрицательно сказавшихся на ведущих областях оборонного строительства. Главные из них — превышение разумных пределов в наращивании состава вооружений, нарушение принципов пропорционального развития видов Вооруженных Сил.

Серьезные диспропорции возникли в оснащении Вооруженных Сил боевыми и обеспечивающими средствами. На их боеспособности крайне отрицательно сказывались многотипность вооружений, дублирование производства многих систем оружия и техники. Так, к середине 80-х годов на оснащении Вооруженных Сил находилось 62 основных типа артиллерийского и стрелкового оружия (в США — 7), 60 марок бронетанковой техники (в США — 16), из них 5 типов танков (в США — 1), 26 типов вооружения ПВО (в США — 3), 10 типов космических средств разведки (в США — 5), 26 систем связи (в США — 4), 8 типов фронтовых самолетов (в США — 5), 5 типов атомных подводных лодок (в США — 2), 9 проектов крупных

надводных кораблей (в США — 4). Само собой разумеется, это приводило к усложнению и удорожанию техники, затрудняло ее освоение, обслуживание и эксплуатацию в войсках.

Эти и другие недостатки ограничивали стратегические возможности Вооруженных Сил. Тем не менее они были способны успешно противостоять любому потенциальному противнику, а в случае необходимости отразить агрессию в любых ее формах.

4. Развитие взглядов на характер войны

Выявление возможного характера будущей войны всегда являлось да и сегодня является самой сложной и важной задачей военной стратегии. Только на основе правильного научного прогноза ее вероятного возникновения, а тем более хода и исхода политическое и военное руководство СССР могло целесообразно решать вопросы строительства Вооруженных Сил, стратегического планирования, подготовки страны к обороне.

Великая Отечественная война явилась убедительным примером влияния довоенных оценок относительно характера надвигающейся трагедии на те крупные стратегические просчеты, которые советское руководство допустило в подготовке государства и Вооруженных Сил к войне, особенно к ее начальному периоду.

В условиях возможного применения ракетно-ядерного оружия определение характера войны приобрело еще большее значение, причем задача эта невероятно усложнилась. И не только потому, что не было опыта в практическом использовании ядерного оружия на поле боя, а вторичные последствия его массированного применения не поддавались сколько-нибудь достоверному анализу, но и потому, что возникли принципиально новые политические, стратегические и военно-технические обстоятельства, с которыми никто и никогда не сталкивался ранее. Пришлось учитывать радикально изменившуюся расстановку военно-политических сил, резкое расширение возможных военных угроз, изменение их характера, но не в последнюю очередь и то, что главный противник находится не вблизи границ Советского Союза, а за океаном, даже на другом континенте. При таком раскладе большинство прежних представлений о политическом и стратегическом облике войны утрачивало свою силу. Требовалось не просто пересмотреть уже сложившиеся взгляды на войну и способы ее ведения, но и найти принципиально иные критерии ее оценки. Все осложнялось и тем, что военно-политическая и стратегическая обстановка в мире, средства ведения вооруженной борьбы постоянно и очень резко менялись. Поэтому почти каждые 3—5 лет, а иногда и чаще приходилось уточнять прежние оценки и выводы, пересматривать теоретические прогнозы, оценки возможного хода и исхода войны, все стратегические концепции.

Правда, более устойчивыми оказались выводы относительно возможного политического характера войны, хотя и они корректировались, особенно после обострения отношений с Китаем. Исходя из новой расстановки военно-политических сил, образования двух мировых систем, развивавшихся в диаметрально противоположных направлениях, а также учитывая основные противоречия эпохи, в СССР считали, что по своему социально-политическому содержанию возможны, а то и неизбежны войны различных типов: между двумя социально-общественными системами; между отдельными капиталистическими и социалистическими государствами; между империалистическими странами и народами, ведущими национально-освободительную войну. Допускалась также мысль о войнах между различными капиталистическими государствами, не говоря уже о гражданских войнах между антагонистическими классами в капиталистических государствах. Сложилось мнение, что возможно воз-

никновение мировой и локальных войн. Война с участием Советского Союза однозначно рассматривалась как мировая война двух общественных систем. Лишь с середины 60-х годов стала признаваться возможность вовлечения СССР в локальные войны различной интенсивности.

Многие были убеждены, что рано или поздно столкновение социалистического лагеря с капиталистическим миром приведет к мировой глобальной войне. Считалось, что если агрессор навязет такую войну Советскому Союзу и другим социалистическим государствам, то это явится величайшим испытанием всех военных, экономических и моральных сил народов. При этом блоку империалистических держав и поддерживающих или совместно выступающих с ним государств будет противопоставлен союз стран социалистического Содружества, основу которого составит организация Варшавского договора.

Со стороны СССР и его союзников подобная война рассматривалась как общенародная и справедливая. Как представлялось советскому руководству, народ и Вооруженные Силы совместно с армиями союзных стран будут защищать свое социалистическое Отечество, отстаивать независимость, территориальную целостность, безопасность советского государства и других братских социалистических стран, выполняя интернациональный долг. А развязанная агрессором война квалифицировалась им как война империалистическая, захватническая, а потому несправедливая и антинародная. Предполагалось, что в ходе ее «империалистические государства будут стремиться нанести поражение СССР, ликвидировать общественно-политический строй государств социалистического Содружества и реставрировать в них капитализм»²². В 50-х — 60-х годах утвердилось мнение, что война окажется абсолютно бескомпромиссной, ибо стороны будут преследовать в ней самые решительные классовые цели и стремиться достигнуть их любой ценой.

При этом подчеркивалось, что СССР и другие социалистические страны располагают многими важными преимуществами, обусловленными «прогрессивным характером социалистического общественного строя, большой мобилизующей силой идей коммунистического строительства, выгодным географическим положением, наличием обширной, компактно занимаемой территории, возможностью быстрой мобилизации всех сил на ведение войны». Они могут «рассчитывать на активную поддержку со стороны колониальных и зависимых стран, ведущих мужественную борьбу против империализма и колониализма, а также на поддержку народов капиталистических государств, кровно заинтересованных в сохранении мира». Исходя из этого и на основе оценки соотношения сил следовал вывод, что социалистический лагерь имеет все необходимое для успешного отражения нападения любого агрессора, его разгрома и достижения полной победы и что при любых условиях будущая мировая война закончится полным поражением империалистических государств — зачинщиков войны. Империализм как система будет похоронен²³.

Однако в 60-х, но особенно с начала 70-х годов, эти оценки утратили былую категоричность. Уже на XXI съезде КПСС был сделан вывод, что «мировая война не является фатально неизбежной, что еще до полной победы социализма на земле при сохранении капитализма в части мира возникает реальная возможность исключить войну из жизни общества, что, независимо от социального устройства государств, народы должны жить в мире, что спорные вопросы, возникающие между государствами, должны решаться мирным путем, а не путем войны»²⁴. Такой вывод обосновывался тем, что «дальнейшие успехи в строительстве коммунистического общества окажут глубокое влияние на всю международную обстановку, приведут к упрочению сил мира и ослаблению сил войны, вызовут огромные изменения не только в нашей стране, но и во всем мире, произойдут решающие сдвиги в области экономики на мировой арене в пользу социализма»²⁵.

С 1970 г. теоретически допускалась возможность преднамеренного ограничения масштабов используемых в войне средств борьбы. Был даже снят тезис «о неминуемой гибели империализма в войне». А в дальнейшем (с середины 80-х годов) было выдвинуто положение о невозможности достижения победы в ядерной войне.

В связи с наличием двух противоположных мировых общественных систем и крупных военно-политических союзов, а также из-за переплетения интересов многих государств было принято считать, что мировая война неизбежно приобретет коалиционный, блоковый характер. Она потребует объединения усилий и ресурсов всех союзных стран, четкой координации военных и иных действий с распределением военно-политических и стратегических задач, а иногда и районов ведения военных действий. Имелось в виду, что агрессивную коалицию будут представлять крупнейшие империалистические державы, к которым добровольно, а то и по принуждению присоединятся остальные страны капиталистического мира. Основу этой коалиции составят государства — участники НАТО во главе с США, располагающие крупными боеготовыми группировками вооруженных сил, объединенных общим руководством уже в мирное время. Не исключалось, что накануне войны отдельные государства выйдут из империалистической коалиции. Но эта коалиция может увеличиться за счет присоединения ранее нейтральных капиталистических стран или других государств, преследующих антисоциалистические цели.

Противоположную коалицию составят государства социалистического Содружества во главе с Советским Союзом. Эту коалицию будет отличать полное единство целей в войне, «обусловленное единством политики стоящих во главе государств коммунистических и рабочих партий, единой марксистско-ленинской идеологией, общностью общественного и экономического уклада». В соответствии с идеологическими установками не исключалось, что к системе социалистических государств, объединенных Варшавским договором, могут присоединиться и другие страны, сохраняющие в мирное время нейтралитет и не входящие ни в какие военно-политические союзы.

Реальное развитие событий заставило внести определенные коррективы в такую упрощенную схему. Пришлось признать, что на каждой стороне в войне могут принять участие и государства, преследующие собственные национальные цели. А в качестве враждебной СССР силы возможно выступление не только различных империалистических блоков и союзов, возглавляемых США, но и Китая, проводившего тогда антисоветскую политику. Это, по мнению идеологов, значительно осложнит политическое содержание войны, придаст ей еще более противоречивые черты.

Что касается взглядов на стратегический характер будущей войны, то они многократно подвергались коренному пересмотру, а порой и радикальной ломке. Решительным образом менялись все представления о ее возможном стратегическом облике, характерных особенностях и чертах, формах и способах вооруженной борьбы, временных и пространственных параметрах военных действий.

Вначале теоретические взгляды на характер будущей войны мало чем отличались от представлений, сложившихся в конце второй мировой войны. Вместе с тем не вызывало никакого сомнения, что она будет характеризоваться еще большей решительностью целей, дальнейшим расширением размаха военных действий, их огромной маневренностью. Отмечалось, что такая война будет вестись одновременно на нескольких театрах военных действий, а потому потребует большей гибкости в организации и ведении вооруженной борьбы. Вот почему для достижения ее целей нужно будет провести систему крупных стратегических операций с участием всех видов Вооруженных Сил. При этом решающую роль будут играть Сухопутные войска, составляющие основу Вооруженных Сил СССР. Разгром противника предполагалось осуществлять главным образом на континентальном ТВД. Одновременно

принималось во внимание возросшее значение Военно-воздушных сил и Военно-морского флота, возможность развертывания и ведения крупномасштабных операций в воздушном пространстве и на морских театрах военных действий.

Признавались также огромные поражающие возможности атомного оружия, но его решающее влияние на войну, по существу, отрицалось. Почти все проблемы, связанные с применением этого оружия, как в теоретических разработках, так и в официальных руководствах обходились молчанием.

Со второй половины 50-х годов взгляды на характер возможной войны радикально изменились. Пришли к выводу, что будущая мировая война — это прежде всего ракетно-ядерная война. Основу ее ведения составит массовое применение ядерных ракет всеми видами Вооруженных Сил. Использование этого оружия «закonomерно приведет к существенным изменениям в военно-стратегических целях сторон, вызовет коренную ломку способов ведения войны и военных действий»²⁶.

В силу этого мировой ядерной войне будут присущи качественно новые черты: бескомпромиссность политических и предельная решительность военных целей противоборствующих сторон; неограниченное использование всех средств массового поражения, прежде всего стратегического ядерного оружия, катастрофические последствия его применения не только для воюющих сторон, но и для государств, не участвующих в войне; возможность разрушения и уничтожения в кратчайшие сроки важнейших административно-политических центров и городов, основных экономических районов; нанесение уже в первых ударах массового невосполнимого урона населению и Вооруженным Силам; прогрессирующее нарастание потерь в результате поражающего воздействия вторичных факторов — радиоактивного, химического и биологического (бактериологического) заражения обширных территорий, атмосферы, акваторий морей и океанов, а также необратимые экологические изменения природной среды; невозможность продолжения организованных военных действий в обычных, а иногда и в любых других формах.

Исходя из этого, делался вывод о необходимости обеспечения высочайшей боеготовности Вооруженных Сил. Подчеркивалась резко возрастающая роль экономического, политического и морально-психологического факторов в войне. С полным основанием считалось, что потенциальные возможности экономики воюющих государств могут оказать решающее влияние на развитие и конечные результаты войны, поскольку от состояния и уровня развития промышленности, сельского хозяйства и транспорта во многом зависят способность государства выдержать неимоверное напряжение войны, производство необходимых средств борьбы, обеспечение ими Вооруженных Сил и восполнение их огромных потерь.

Отмечалось, что главным средством ведения войны, решения основных стратегических и оперативных задач станет ядерное оружие, прежде всего ракеты с ядерными зарядами. Что же касается средств обычного назначения Сухопутных войск, Военно-воздушных сил и Военно-морского флота, то их главная задача будет состоять в использовании результатов ядерного поражения для окончательного разгрома противника. Правда, какое-то время отдельные военные теоретики и особенно военные практики продолжали придерживаться другой точки зрения, считая, что целесообразнее ядерному оружию отвести вспомогательную роль как обеспечивающего средства всех видов Вооруженных Сил, главным образом Сухопутных войск.

Но эта позиция была резко раскритикована на том основании, что только в ядерном оружии концентрируется главная мощь Вооруженных Сил и что по своим возможностям оно далеко выходит за рамки обеспечения боевых действий войск. Более того, массированное его применение позволит в короткий срок уничтожить не только средства ведения войны противника, но и стереть с лица земли целые го-

сударства. А это придаст всей войне невиданно разрушительный и истребительный характер.

Считалось, что способы воздействия на противника, формы и методы вооруженной борьбы будут в принципе отличаться от всех войн прошлого. Определяющим способом ведения войны станут массированные ракетно-ядерные удары, а главными объектами этих ударов явятся стратегические средства вооруженной борьбы, промышленные и административные центры, важнейшие звенья государственного и военного управления, группировки вооруженных сил, развернутые на театрах военных действий. Уже после первых таких ударов практически одновременно может быть выведена из войны страна с небольшой территорией, а в крупных государствах уничтожена большая часть жизненно важных административно-политических и промышленных центров, что решающим образом подорвет их способность к ведению войны.

Особое значение придавалось использованию всей мощи Вооруженных Сил, особенно ядерного оружия, с той целью, чтобы с первых же минут войны добиться решающих результатов, причем еще до того, как будут уничтожены свои основные ядерные средства и важнейшие элементы военно-экономического потенциала. В «Наставлении по ведению операций», вышедшем в 1963 г., подчеркивалось, что всякое промедление в развертывании таких действий, а тем более ориентированное на пассивную оборону — смерти подобно.

Предполагалось, что одновременно с действиями стратегических ядерных сил немедленно начнутся крупные наступательные операции на континентальных театрах. Их главные особенности — массированное применение ядерного оружия на всю глубину расположения противника, высокоманевренные боевые действия и их развитие по отдельным направлениям. Не исключалось, что применение новых средств борьбы приведет к устранению прежней линейности в построениях и действиях войск, к глубоким взаимным вклинениям сторон, развертыванию очаговых боевых действий в тылу, к частым и резким изменениям положения фронта. В то же время изменятся способы оперативного и стратегического маневра. При этом на смену маневру крупными соединениями и объединениями Сухопутных войск, как это было в минувшую войну, придет главным образом маневр ядерными ударами. Это позволит в короткие сроки переносить усилия на любое направление, словом, быстро изменять обстановку и тем самым обеспечивать успешные действия войск.

По-иному представлялись операции на морских и океанских театрах военных действий. Предполагалось, что столкновения между корабельными группировками военно-морских сил примут в основном форму обмена ракетными ударами на больших дальностях. Причем важнейшее значение приобретет не столько непосредственное уничтожение кораблей, сколько разрушение пунктов их базирования, а также поражение ударами с моря экономических объектов на побережье и в глубине территории врага.

В отличие от прежних взглядов считалось, что центр тяжести вооруженной борьбы будет перенесен из зоны непосредственного боевого соприкосновения сторон, как было принято в прошлых войнах, в глубину расположения противника, включая самые отдаленные районы. Правда, в дальнейшем этот вывод был несколько уточнен: наряду с ударами по удаленным объектам постепенно все большее внимание стало уделяться разгрому непосредственно противостоящих группировок врага.

По-новому оценивались пространственные и временные характеристики войны. Представлялось, что мировая ядерная война с самого начала приобретет глобальный размах. Это связывалось с предельной решительностью политических и военных целей сторон, с военно-географическим расположением двух ведущих стран, возглавлявших противостоящие друг другу военные коалиции, а главное — с огромной

дальнобойностью новых средств поражения, способных наносить мощные удары по самым отдаленным объектам. Предполагалось, что сразу же развернувшаяся в Европе и Азии война распространится на другие континенты, охватит все без исключения районы глубокого тыла воюющих государств.

Что же касается временных характеристик войны, оценки ее возможной продолжительности, то за послевоенные годы теоретические обоснования и официально признанные установки несколько раз менялись. Первоначально доминировало мнение, что ракетно-ядерная война будет скоротечной, буквально молниеносной. Такой блицкригсовский подход оставался господствующим не только в 50-х, но и в начале 60-х годов.

Высшее военное руководство страны считало, что современные средства борьбы не только обеспечат в считанные часы уничтожение враждебных стран, но и позволят достичь победы над врагом в короткие сроки. Решающую роль при этом, по мнению С. С. Бирюзова, М. В. Захарова, К. С. Москаленко, В. Д. Соколовского и других военачальников, должен сыграть первый ядерный удар продолжительностью не более 30 минут.

С середины 60-х годов на этот счет делались уже более осмотрительные выводы. Так, в 1963 г. министр обороны маршал Р. Я. Малиновский на военно-научной конференции Вооруженных Сил СССР заявил, что длительно воевать — это значит воевать плохо, воевать с большими жертвами, неумело использовать новую технику, это удел отставших, и мы не хотим быть в их числе. Тем не менее, он подчеркивал, что наличие технических возможностей достижения целей войны в короткие сроки отнюдь не означает, что вся подготовка СССР и его Вооруженных Сил должна ориентироваться на легкую победу и в короткие сроки.

Весьма характерны в этом отношении и другие высказывания маршала Малиновского. Так, в своей работе «Бдительно стоять на страже мира» он отмечал: «Теперь никто не может отрицать возможности быстротечной войны прежде всего потому, что первые же внезапные ракетно-ядерные удары могут нанести невиданные разрушения, истребить огромное количество войск в местах их обычного расквартирования и уничтожить значительную часть населения крупных городов. Вместе с тем совершенно ясно, что в зависимости от условий возникновения войны вооруженная борьба не на жизнь, а на смерть не ограничится лишь ударами ядерного оружия. Она может затянуться, потребовать длительного и предельного напряжения всех сил армии и страны в целом»²⁷.

Исходя из этой установки выдвигалось требование о тщательной и всесторонней подготовке Вооруженных Сил, экономики государства и его народа к серьезной и напряженной борьбе. С конца 60-х годов постоянно подчеркивалось: скоротечные войны могут вероятнее всего возникнуть в том случае, если одна из сторон будет иметь решающее военное превосходство и в полной мере использует при начале агрессии фактор внезапности. Однако и в этих условиях она по идее сможет принять затяжной характер, если не предусмотреть надлежащие меры для отражения агрессии. В 60-х годах по поводу данного положения высказывались еще определеннее. По-прежнему считалось, что ядерное оружие и другие быстродействующие средства вооруженной борьбы предопределяют возможность скоротечной войны. Однако в войне между крупными государствами даже при условии массовых потерь сохранится возможность продолжения борьбы. Вследствие этого делался вывод, что война коалиций, располагающих мощным военным и экономическим потенциалами, а также вооруженными силами с достаточно высокой степенью живучести и мобильности, не будет сводиться только к ударам стратегических ядерных сил. Скорее всего она выльется в довольно длительные действия с участием всех сохранивших-

ся сил и средств. Поэтому нужно делать ставку на равную готовность противостоящих вооруженных сил как к скоротечной, так и к длительной мировой войне.

Наконец, в 80-х годах произошел еще один крутой поворот во взглядах на продолжительность такой войны. Был сделан вывод, что в войне двух мощных военных коалиций, обладающих многомиллионными вооруженными силами, крупными людскими ресурсами, огромными экономическими и военными возможностями, обширными территориями, а также способностью многократно восстанавливать свой военный потенциал, вряд ли вообще возможно одержать быструю победу. Вот почему возобладала идея готовиться прежде всего к длительной, затяжной войне.

Следовательно, в историческом плане прослеживаются по крайней мере три поочередно сменявших друг друга взгляда на характер будущей мировой войны. В 50-х — 60-х годах признавалась возможность ее ведения от начала и до конца только в форме неограниченной ракетно-ядерной войны. В 70-х годах она рассматривалась главным образом как поэтапная, с постепенным переходом к применению все более разрушительных средств вооруженной борьбы. Наконец, в 80-х годах была признана возможность двух видов мировой войны: ядерной и обычной, хотя вероятность первой все более ставилась под сомнение.

А как представляла теория стратегии характер и содержание этих трех вариантов войны?

В первые послевоенные годы военные теоретики рассматривали мировую неограниченную ядерную войну как обмен массированными ядерными ударами. Со временем схема ее ведения все более усложнялась. Прежде всего расширялись ожидаемые масштабы, пространственные и временные границы применения ракет и ядерного оружия, все большее значение придавалось согласованному с ними использованию обычных средств борьбы. Но, как и прежде, считалось, что основу вооруженной борьбы составят первые массированные ядерные удары, благодаря которым предполагалось решить главные задачи войны.

В официальных документах утверждалось, что вероятнее всего неограниченная ядерная война начнется внезапным ядерным нападением противника и, следовательно, его отражением со стороны СССР. Однако и теория, и практика стратегического планирования главным вариантом действий считали нанесение советскими Вооруженными Силами упреждающего ракетно-ядерного удара по агрессору.

Подобный вариант обуславливался не только непредсказуемо тяжелыми последствиями первого внезапного ядерного удара США, но и тем, что к иному способу действий ядерные силы СССР просто не были готовы. К этому времени группировку советских ракет как основного средства доставки ядерных боеприпасов к цели ограничивало небольшое количество наземных незащищенных стартов, да и на подготовку их к применению требовались многие часы. К тому же Советский Союз значительно уступал США и НАТО в авиации

Лишь по мере развития ракетно-ядерного оружия стратегического и оперативно-го назначения, когда в СССР к 70-м — 80-м годам были созданы полноценные стратегические ядерные силы, стали разрабатываться другие варианты ввода его в действие, прежде всего путем нанесения встречных или ответных ударов.

До этого война представлялась в форме проведения ракетных, воздушных и противовоздушных операций различного масштаба, а главными из них считались ракетные операции, которым отводилась ведущая роль в системе всех других операций. Предполагалось, что с помощью их удастся нанести решающее поражение противнику и обеспечить срыв его ракетно-ядерных ударов. Исходя из такого подхода определялись задачи подобных операций: уничтожение авиации и ракет противника, максимальное снижение возможностей агрессора в применении ядерного оружия по Вооруженным Силам и объектам тыла Советского Союза. Одновременно с ними

должны были решаться задачи по дезорганизации тыла, подрыву военно-экономического потенциала, подавлению воли неприятеля к сопротивлению.

Одновременно намечалась серия воздушных операций на театрах военных действий с целью уничтожения важнейших группировок противника. В результате их проведения предполагалось захватить стратегическую инициативу. Так как аналогичные действия ожидались и со стороны противника, то им противопоставлялись противовоздушные операции с участием ВВС, Войск ПВО территории страны и войсковой противовоздушной обороны. Большая роль отводилась мерам противотомной, противохимической и противобактериологической защиты.

В конце 60-х годов стратегические цели войны предусматривалось реализовать тремя путями:

— нанесением ядерных ударов по административно-политическим и научно-промышленным центрам, а также стратегическим средствам ведения войны, важнейшим группировкам войск и объектам глубокого тыла стран вражеской коалиции;

— активной противовоздушной и противоракетной обороной своей страны и группировок Вооруженных Сил;

— ведением операций с решительными целями на сухопутных и морских театрах.

Предполагалось, что ядерные удары Ракетных войск стратегического назначения, соединений дальней авиации и атомных подводных лодок по жизненно важным объектам тыла, базам МБР и аэродромам стратегической авиации противника позволят в короткое время полностью дезорганизовать его тыл, систему государственного управления и экономику, а кроме того, уничтожить стратегические средства ведения войны, а также значительно ослабить группировки сухопутных войск и силы флота в глубине театров военных действий. В результате будет подорвана военная мощь вражеского государства и созданы благоприятные условия для последующего ведения военных действий всеми видами Вооруженных Сил.

В 70-х годах сложилась новая, более завершенная схема неограниченной ядерной войны. Считалось, что основу ее составят действия стратегических ядерных сил, стратегические операции на континентальных и океанских ТВД, стратегические действия Войск ПВО страны по отражению воздушно-космического нападения противника, а также воздушные операции по разгрому его авиационных и ракетно-ядерных группировок.

В качестве главной и определяющей формы стратегических действий Вооруженных Сил рассматривались действия стратегических ядерных сил. Они-то и будут включать первый ядерный удар, причем самый мощный, с последующими ударами по заранее намеченным и вновь выявленным объектам. Продолжительность действий оценивалась в несколько суток.

Полагали, что одновременно с применением стратегических ядерных сил на главных воздушно-ракетных направлениях Войска ПВО страны начнут отражать воздушно-космическое нападение противника, а в их действиях примут участие все средства противосамолетной, противоракетной и противокосмической обороны.

Не приходилось сомневаться, что в результате таких действий обе стороны понесут огромные потери, сопровождающиеся разрушением важнейших военно-экономических и административно-политических центров, нарушением системы государственного и военного управления, работы транспорта и тыла. На огромных территориях возникнут обширные зоны радиоактивного заражения, разрушения, завалы, пожары. В течение продолжительного времени дальнейшие действия на многих направлениях будут невозможными, а в ряде случаев необходимость в них вообще отпадет. Войска приступят к ликвидации последствий ядерных ударов и восстановлению боеспособности группировок Вооруженных Сил.

Однако, несмотря на сложность обстановки, вслед за ядерными ударами немедленно или спустя какое-то время могут развернуться решительные операции, причем сначала в форме ядерных ударов, а затем в действие вступят сухопутные войска, авиация и силы флота с целью завершить разгром противника и добиться его капитуляции.

Теория поэтапной ядерной войны начала складываться в первой половине 70-х годов. Возможный характер такой войны был всесторонне исследован и проанализирован сначала в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР, затем на военно-научных конференциях в Министерстве обороны (1972), потом видами Вооруженных Сил, в Военной академии Генерального штаба (1975) и наконец в военных округах, группах войск и на флотах.

С учетом обоюдной опасности неограниченного применения ядерного оружия и дальнейшего развития обычных средств борьбы сначала в США, а затем в Советском Союзе стали доминировать совсем иные взгляды: переход к неограниченному применению ядерного оружия может быть оправдан лишь в критической ситуации, а до ее возникновения необходимо принять все меры, чтобы удержать войну на возможно более низком уровне.

Из этой установки вытекало предположение, что в случае возникновения мировая война, развиваясь вероятнее всего поэтапно, будет включать несколько периодов: военные действия с применением обычного оружия; военные действия с ограниченным применением ядерного оружия; военные действия с неограниченным применением ядерного оружия; один или даже несколько периодов завершающих военных действий. В рамках каждого из них будут выполняться определенные стратегические задачи, применяться соответствующие используемым средствам борьбы военные действия. Не исключалось и то, что при определенных условиях те или иные периоды войны могут вообще отсутствовать, а иногда она может начаться сразу с неограниченного применения всех видов оружия.

Характеризуя сложившиеся в начале 80-х годов взгляды на возможное развитие такой войны, следует заметить, что они исходили из самых разнообразных вариантов. В качестве типовой схемы рассматривалась следующая модель.

Период военных действий может начаться с нанесения массированных огневых ударов обычного оружия с воздуха, суши и моря, которые противник постарается отразить. При этом будут одновременно вводиться в действие основные силы авиации, войска ПВО, силы боевой службы флотов, созданные заранее боеготовые группировки войск на границах. Вслед за этим начнется развертывание и ввод в сражение главных сил Сухопутных войск и флота. Продолжительность такого периода оценивалась по-разному: от нескольких часов до 3—7, 15—20 и даже 45 суток.

Вначале считалось, что в ходе этого периода будут выполняться отдельные стратегические задачи на континентальных и океанских (морских) ТВД, проводиться первые армейские, морские, а иногда и первые фронтовые операции, а также воздушные и противовоздушные операции. В середине 80-х годов не исключалась возможность того, что в ряде случаев и без применения ядерного оружия удастся завершить первые, а то и последующие стратегические операции на континентальных и океанских ТВД.

Важнейшая особенность этого периода в том, что, как представлялось, военные действия предстоит вести в условиях постоянной угрозы применения противником ядерного оружия. Последнее обстоятельство не только окажет серьезное влияние на оперативное построение и способы действий войск, на базирование авиации и флота, на выбор способов развертывания резервов, но и потребует постоянной готовности ядерных средств к немедленному нанесению ядерных ударов.

Не исключалось, что в критической обстановке противник перейдет к ограниченному применению ядерного оружия, стараясь нанести удары по группировкам войск и отдельным объектам на театрах военных действий.

А какова должна быть реакция Советского Союза на такие действия? В середине 70-х годов руководители государства однозначно заявляли, что в ответ на любое, даже ограниченное применение ядерного оружия СССР немедленно нанесет массированный удар с использованием всего своего ядерного потенциала. Такая установка обуславливалась тем, что в случае ограниченного применения ядерного оружия стороны окажутся в неравном положении: в то время как ядерным ударам будут подвергнуты многие объекты на территории Советского Союза и других государств Варшавского договора, территория США останется в целостности и сохранности. Однако уже в конце 70-х годов признали целесообразным отвечать на действия противника соразмерным применением ядерных средств для нанесения адекватного ущерба.

Считалось, что данный период мировой войны будет по продолжительности коротким — от 3 до 5 суток. За это время может выборочно применяться небольшое количество тактических и оперативно-тактических ядерных средств по определенным группировкам войск и объектам в отдельных районах. При этом обе стороны продолжат начатые операции и боевые действия, но в более активных формах.

Не исключалось, что ввиду очевидности непредсказуемых угроз война завершится на стадии ограниченного применения ядерного оружия. Но более вероятной считалась другая перспектива: переход сторон к неограниченному применению всех средств вооруженной борьбы, в первую очередь стратегического ядерного оружия.

Период военных действий с неограниченным применением ядерного оружия рассматривался как главный и решающий период войны. Предполагалось, что он начнется с отражения ядерного нападения противника и нанесения по нему одновременных массированных ядерных ударов не только стратегическими силами, но и всем составом оперативно-тактических и тактических ядерных средств. Продолжительность этого периода определялась в пределах 5—7 суток. Имелось в виду, что основу военных действий будут составлять операции стратегических ядерных сил и стратегические операции по отражению воздушно-космического нападения противника. Одновременно могут продолжаться или только начаться стратегические операции на континентальных или океанских ТВД с нанесением массированных ударов оперативно-тактическим и тактическим ядерным оружием. После первых массированных ядерных ударов организованные боевые действия на суше, в воздухе и на море будут вести на некоторых изолированных направлениях (в районах, зонах) лишь сохранившие боеспособность группировки войск (сил). Главным же станут подготовка и нанесение последующих ядерных ударов, срыв и отражение ядерных ударов противника. Вместе с мероприятиями по восстановлению боеспособности Вооруженных Сил и подготовкой их к выполнению последующих задач будут проводиться спасательные и неотложные аварийно-восстановительные работы на территории страны.

В завершающем периоде военных действий, — а он начнется после израсходования сторонами основных запасов ядерного оружия, — предполагалось ввести ограничения по масштабам операции до достижения конечных стратегических целей войны. В это время как на ТВД, так и во внутренних районах страны возникнет чрезвычайно сложная обстановка: огромные территории подвергнутся опустошению, а все крупные города превратятся в развалины, обширнейшие районы, атмосфера и водные пространства будут иметь смертельные уровни радиации. Да и состав Вооруженных Сил сократится в сотни раз. Но и в таких условиях допускалась возможность продолжения войны. Правда, вооруженная борьба примет тогда совершенно иные формы. На первом ее этапе главной задачей станет восстановление боеспособности.

способности отдельных группировок Вооруженных Сил и особо важных элементов экономики страны; следующий этап — ведение ограниченных боевых действий силами отдельных отрядов с использованием обычных средств, на третьем, разумеется, после спада основных уровней радиации — проведение операций частично восстановленными группировками войск и сил флота.

Не исключалось, что при определенных условиях завершающие военные действия могут принять форму своеобразных, заново организованных фронтовых, армейских и флотских операций с постепенным наращиванием состава действующей армии за счет использования сохранившихся людских ресурсов, запасов оружия и техники, боеприпасов, горючего и других материальных средств, а также поступления их из народного хозяйства по мере восстановления военного производства. Целью таких действий могут быть овладение сохранившимися жизненно важными районами противника на ТВД и принуждение его к капитуляции.

В середине 80-х годов на смену теории поэтапной мировой войны пришла, как уже отмечалось, концепция равной вероятности мировой ядерной и мировой обычной войн. Проанализировав развитие ситуации, специалисты сделали вывод о том, что из-за катастрофических последствий для обеих сторон массированного применения ядерного оружия, а также из-за наличия высокоэффективных систем управления обычным оружием вероятность мировой обычной войны все больше возрастает. Однако нельзя было исключить и опасность развязывания агрессором ядерной войны, в том числе путем внезапного ядерного нападения.

Вероятность такой войны ставилась в прямую зависимость от сохранения стратегического ядерного паритета, нанесения так называемых «разоружающих» и «обезглавливающих» ударов, а также от создания эффективных систем широкомасштабной противоракетной обороны с элементами космического базирования.

Ожидалось, что стратегический ядерный паритет может быть нарушен при условии, если одна из сторон добьется резкого отрыва в создании оружия на новых физических принципах. Но ввиду чрезвычайной сложности возникавших в этом плане проблем такая опасность до 2000 г. по существу исключалась. Вместе с тем накопленные к 80-м годам огромные ядерные потенциалы (свыше 40—50 тыс. зарядов у каждой стороны) потребовали заново переоценить непредсказуемые последствия их неограниченного применения. В расчет были приняты не только прямые результаты, возникающие после нанесения многих тысяч ядерных ударов, но и вероятность вторичных необратимых изменений в природной среде: возможность наступления так называемой «ядерной зимы» и «ядерной ночи». Проведенные исследования подтвердили, что в этом случае неизбежно погибнет все живое на планете. Более того, даже от одностороннего применения ядерного оружия будет уничтожен не только противник, но и тот, кто решится на ядерный удар. В итоге и в США, и в СССР пришли к выводу о невозможности войны с неограниченным применением всех имеющихся ядерных сил.

Советская военная стратегия пыталась найти выход из создавшегося положения по четырем направлениям:

- сокращение ядерных потенциалов до взаимно приемлемых предельно низких уровней;
- применение новых, строго контролируемых способов ведения ограниченной ядерной войны;
- нанесение силовых «разоружающих» ударов;
- развертывание широкомасштабных и высокоэффективных систем противоракетной обороны.

Примечательно, что все эти направления стали реализовываться с середины 80-х годов. Преднамеренное сокращение ядерных потенциалов нашло свое прояв-

ление в заключении договоров об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений: сначала о СНВ в 1991 г., а затем о СНВ-2 в 1993 г. Принцип контролируемой ядерной войны воплотился в идею «разумной достаточности». Принцип «разоружающего» удара получил развитие в разработках так называемого Супер-ЭМИ оружия — особой разновидности ядерного оружия, основанного на использовании высотных взрывов термоядерных боеприпасов с направленным жестким электромагнитным излучением²⁸, посредством которого за счет электромагнитного импульса огромной мощности предполагалось мгновенно вывести из строя все системы управления и привести в небоеготовое состояние большую часть управляемых систем оружия, в том числе стратегических ракет. В соответствии с этим же принципом предполагалось нанести упреждающий ядерный удар с применением высокоточных РГЧ по ракетным стартовым позициям врага.

Следует подчеркнуть, что опасность этого направления в СССР не была должным образом оценена. Более того, ввиду отказа от применения ядерного оружия первыми этот способ действий официально отрицался. Так, начальник Генерального штаба маршал Н. В. Огарков на пресс-конференции в Москве 5 декабря 1983 г. заявил: «Американское руководство во что бы то ни стало хочет придать своим стратегическим ядерным силам способность к нанесению так называемого «разоружающего» ядерного удара, т. е. такого удара, который лишил бы СССР возможности нанести по агрессору ответный ядерный удар.

Достижима ли такая цель? Ответ здесь однозначный — нет и еще раз нет. В современных условиях при наличии у сторон больших запасов ядерного оружия и разнообразных систем их базирования, при широко развитых, многократно дублированных системах управления это исключено. Возмездие во всех случаях последует неотвратимо. Поэтому делать ставку на такой ядерный удар могут только авантюристы и самоубийцы»²⁹.

Большие опасения в Советском Союзе вызывала так называемая стратегическая оборонная инициатива (СОИ) американского президента Р. Рейгана. Совершенно справедливо ее оценили как попытку создать условия для безнаказанного нанесения первого массированного ядерного удара. В ответ на это в СССР развернулись исследования как аналогичного характера (по созданию ширококомандной территориальной системы ПРО), так и по разработке эффективных средств и способов гарантированного преодоления ПРО потенциального противника.

Принципиально по-иному оценивался теперь и характер обычной войны. Считалось, что такая война может быть всеобщей или ограниченной. Всеобщая война может распространиться на целые континенты, а при определенных условиях она способна принять глобальный размах. Ограниченная обычная война будет носить локальный характер и вестись с использованием лишь части вооруженных сил. Причем в современных условиях и та, и другая разновидности войны будут отличаться широким применением высокоэффективного управляемого (высокоточного всесущего и всепогодного) оружия, новейших автоматизированных средств разведки и целеуказания, радиоэлектронной борьбы, особенно боевых и обслуживающих систем космического базирования. В ходе войны ударам подвергнутся атомные электростанции, объекты хранения и производства высокотоксичных веществ, что приведет к заражению огромных территорий. В короткие сроки на больших пространствах возникнет возможность поражения крупных группировок вооруженных сил. Словом, обычная война примет некоторые черты ограниченной ядерной войны.

С учетом этого были выработаны и начали осваиваться новые способы ведения всех видов стратегических, фронтовых, воздушных и противовоздушных, космических и противокосмических, океанских и морских операций с использованием новейших и перспективных видов обычного оружия. В наиболее полном виде эти

способы были апробированы и изучены в 1988 г. на стратегическом учении Вооруженных Сил в европейской части СССР, проведенном под руководством министра обороны СССР генерала армии Д. Т. Язова.

Таким образом, взгляды советской военной стратегии на характер будущей войны непрерывно изменялись, подвергаясь в отдельные периоды коренному пересмотру. На их основе вырабатывались положения для разработки конкретных проблем высшей области военного искусства, а именно: поддержания боевой готовности Вооруженных Сил, теории и практики их развертывания, взглядов на начальный период войны, совершенствования форм и способов военных действий Вооруженных Сил.

Б. Развитие системы боевой готовности Вооруженных Сил, взглядов на их развертывание и на начальный период войны

В последние несколько десятилетий XX в. как Советскому Союзу, так и Соединенным Штатам Америки, всем государствам Варшавского договора и НАТО пришлось считаться с резко изменившимися условиями возможного вступления вооруженных сил в войну. Как уже отмечалось, обе стороны исходили из того, что она, вероятнее всего, начнется внезапно массированными ударами на всю глубину занимаемых территорий.

Вместе с тем в СССР не исключали и такого варианта, когда война против него и других социалистических государств будет развязана агрессором после постепенного нарастания напряженности в международной обстановке или в условиях резкого, даже внезапного ее обострения. С учетом этого допускалась возможность угрожаемого периода различной продолжительности (длительного или короткого), для которого характерны высокий накал политических отношений между государствами и активизация непосредственных приготовлений к войне, расширение военных конфликтов.

Предполагалось, что этот период агрессор может использовать для укрепления своих политических позиций в различных регионах, заблаговременного скрытного перевода экономики на военное положение, усиления своих группировок вооруженных сил на театрах военных действий, дестабилизации политической обстановки и экономической изоляции стран, на которых он готовится напасть.

Советский Союз и его Вооруженные Силы будут, в свою очередь, использовать этот период для завершения подготовки к отражению возможной агрессии, срыва вероятных военных провокаций противника, повышения готовности экономики страны к выполнению задач в условиях военного времени, проведения необходимых мероприятий по переводу Вооруженных Сил на военное положение, их развертыванию в требуемом объеме, для усиления защиты группировок войск и сил флота, важнейших объектов тыла, систем военного и государственного управления. При выполнении всех этих мероприятий большое значение придавалось своевременности, скрытности и четкой их организации, для чего предусматривалось заблаговременное введение в стране или в отдельных ее регионах режима угрожаемого положения.

Но все же доминирующим взглядом была установка на отсутствие угрожаемого периода. При этом вовсе не исключалось, что агрессор в расчете застать врасплох, т. е. без явных признаков подготовки нападения, может начать войну неожиданно, используя современные средства борьбы, а также заранее созданные или дополнительно развернутые на театрах военных действий крупные боеготовые группировки войск и сил.

В таких условиях особое значение приобретала проблема организованного вступления Вооруженных Сил в войну. Главная роль в ее успешном решении отводи-

лась организации стратегической разведки, созданию надежной системы стратегического предупреждения, постоянному поддержанию Вооруженных Сил в высокой боевой готовности, тщательному планированию и гибкому проведению их стратегического развертывания, отработке различных способов действий Вооруженных Сил при отражении внезапного нападения и ведении первых операций.

С учетом памятных тяжелых уроков начала Великой Отечественной войны в Советском Союзе уже в первые послевоенные годы было организовано постоянное слежение за повседневной деятельностью вероятного противника, особенно за состоянием его стратегических ядерных сил. С этой целью были задействованы прежде всего оперативные и стратегические средства разведки: агентура, соединения и части радиотехнической и радиоразведки «Осназ». Позже были разработаны, освоены и стали широко применяться различные системы обзорной и детальной фото-радиоразведки, радиолокационной и телевизионной космической разведки с использованием разведывательных спутников.

Автоматизированная обработка поступающей от этих средств информации с использованием АСУ «Дозор» в сочетании с системой предупреждения о ракетном нападении, системой контроля космического пространства, применением средств разведки ПВО, флота и ВВС позволили образовать единую систему стратегического предупреждения Вооруженных Сил. Считалось, что она должна обеспечить получение достоверных данных о подготовке нападения противника уже на самой ранней ее стадии.

Особое внимание уделялось выявлению изменений в характере деятельности вооруженных сил вероятного противника и состоянии готовности стратегических средств ядерного нападения, уточнению объектов для нанесения первых ударов. Тщательно отслеживалось положение на базах МБР. Велось постоянное наблюдение за барражированием самолетов стратегической авиации США по плану «Гигантское копьё» и за боевым патрулированием атомных подводных лодок. Регистрировался каждый поход, а тем более выход американских авианосцев в районы боевого маневрирования. Велась активная разведка всех крупных учений США и НАТО, особенно таких, как «Отэм Фордис» и «Редфордджерс», имея в виду, что под их прикрытием могло осуществляться скрытное развертывание вооруженных сил НАТО в Европе.

На протяжении всех послевоенных лет в советских Вооруженных Силах с учетом изменявшихся условий начала и ведения войны проводилась разносторонняя работа по совершенствованию их боевой готовности. Особенно много в этой области было сделано с 1956 по 1983 гг. министрами обороны СССР Г. К. Жуковым, Р. Я. Малиновским, А. А. Гречко, Д. Ф. Устиновым и С. Л. Соколовым.

По состоянию уровней боевой готовности Вооруженные Силы были разделены на несколько категорий. При этом большая часть войск, сил и средств, способная немедленно приступить к выполнению боевых задач даже без дополнительного развертывания, относилась к войскам постоянной готовности. Это Ракетные войска стратегического назначения, все группы войск, значительная часть Войск ПВО, Военно-воздушных сил и Военно-морского флота. Ко второй категории относились соединения с коротким сроком готовности (1—2 суток), требовавшие частичного доукомплектования, так как они не могли выполнять боевые задачи в штатах мирного времени; большинство их входило в состав приграничных военных округов. Кроме того имелись войска сокращенного состава со сроками мобилизационной готовности от 3—5 (МЗ—М5)³⁰ до 10—15 дней и от 10 до 15 суток с начала войны. К четвертой категории относились кадрированные соединения и части со сроком развертывания от 20 до 30 суток также от начала войны.

В 50-х — 70-х годах в Вооруженных Силах СССР действовала ступенчатая система боевых готовностей. Первоначально она предусматривала три степени готовности войск: постоянную, повышенную и полную. В постоянной готовности войска находились в мирное время. Повышенная готовность предусматривала проведение мер, существенно сокращавших время их подготовки к выполнению боевых задач, но без отмотилизования. По полной готовности войска отмотилизовывались, рассредоточивались, приводили технику в боеготовое состояние и достигали уровня, позволяющего немедленно приступить к боевым действиям. Содержание мероприятий по каждой степени готовности систематически уточнялось с тем расчетом, чтобы обеспечить большую скрытность действий, повысить защищенность войск, добиться их всесторонней подготовки к выполнению поставленных задач.

В связи с возросшей в 80-х годах вероятностью внезапного нападения противника в советских Вооруженных Силах между повышенной и полной готовностями была введена еще одна степень — военная опасность, по которой проводились мероприятия по рассредоточению и частичному развертыванию войск. В целом новая четырехступенчатая система готовности позволяла более гибко реагировать на изменение уровня военных угроз.

С 50-х до 80-х годов включительно время приведения всех войск в боевую готовность сократилось в несколько раз. В Ракетных войсках стратегического назначения оно уже исчислялось секундами и минутами, в Войсках ПВО — десятками минут, в Сухопутных войсках — часами, в Военно-морском флоте — сутками. С помощью этого были созданы несравнимо более благоприятные условия для отражения внезапного нападения противника.

Между тем все более важное значение приобретала проблема повышения защищенности войск и сил флота, организации их вывода из-под готовящегося удара противника. С этой целью в 60-х годах авиация и флот были переведены на систему более рассредоточенного базирования. Значительно расширилась сеть оперативных, скрытых и запасных аэродромов. Были созданы пункты рассредоточения базирования флота и образованы его передовые базы. Время рассредоточения авиации сократилось до 1,5 часа. Сроки оставления соединениями Сухопутных войск мест своей постоянной дислокации были доведены до 40—45 минут, а выход основных сил флота из баз — до 6—10 часов.

Принимались меры по дополнительному рассредоточению запасов материально-технических средств и организации их быстрой переброски на вероятные направления боевых действий. Усилилась охрана военных и тыловых объектов на ТВД. Одновременно началось форсированное строительство баз флота, защищенных пунктов управления и узлов связи, а с конца 70-х годов укрытий для самолетов фронтовой авиации. Запасные районы вывода войск по боевой тревоге оборудовались в инженерном отношении.

Еще в 50-х годах с целью повышения готовности войск к отражению внезапного нападения противника и нанесения немедленных ответных ударов была разработана и введена в действие система постоянного боевого дежурства и боевой службы. В последующем она неоднократно уточнялась и совершенствовалась. В конце 70-х годов на боевом дежурстве находились 100% РВСН, 60—70% Войск ПВО, до 10—15% ВВС. На флотах боевую службу несли почти 50% ракетных подводных лодок, 6—7% сил постоянной готовности, а также оперативные эскадры и другие соединения, действовавшие в Средиземном и Северном морях, Индийском и Тихом океанах.

С 80-х годов была введена система боевого дежурства для уничтожения первоочередных объектов противника. К ее несению привлекались специально выделенные ракетные части с ракетами в обычном снаряжении, части и подразделения

фронтальной авиации, некоторые ракетные корабли флота. Задача этих сил состояла в том, чтобы в случае внезапного нападения противника нанести немедленный ответный удар, обеспечив при этом уничтожение особо важных его целей и объектов на основных операционных направлениях.

Менялись взгляды и на организацию стратегического развертывания Вооруженных Сил. В 50-х годах, например, существовало мнение, что в будущей войне необходимость в их стратегическом развертывании отпадет. Войскам и силам флота придется начинать и вести операции тем составом сил, который имеется на ТВД в мирное время, в крайнем случае потребуются провести оперативное развертывание войск.

Однако в Генеральном штабе очень скоро пришли к выводу, что и в условиях ракетно-ядерной войны никак не обойтись без полномасштабного стратегического развертывания Вооруженных Сил. Вместе с тем на практике все еще придерживались прежней точки зрения. В соответствии с ней считалось, что и в мирное время следует иметь такие Вооруженные Силы, которые при внезапном нападении агрессора могли бы еще до прибытия формирований, развертываемых по мобилизации, успешно вести активные действия. Но моделирование ситуации показало, что указанных сил и средств будет явно недостаточно для решения даже первоочередных стратегических задач. Потому потребуются многократное увеличение их состава, проведение мобилизационного развертывания Вооруженных Сил, своевременное наращивание усилий первого стратегического эшелона, ввод в действие отобилизованных соединений и объединений второго эшелона и резерва.

Стало очевидным и то, что в изменившихся условиях стратегическое развертывание Вооруженных Сил нельзя отождествлять с аналогичными установками накануне Великой Отечественной войны. Теперь под этим термином понимался сложнейший комплекс мер и действий по приведению Вооруженных Сил в полную боевую готовность с параллельным их отобилизованием, сосредоточением и созданием стратегических группировок, завершением их непосредственной подготовки к войне.

Главными составными элементами стратегического развертывания являлись: перевод Вооруженных Сил с мирного на военное положение; оперативное развертывание войск и сил на театрах военных действий; выдвижение войск из глубины на ТВД; проведение межтеатровых стратегических перегруппировок, создание и развертывание стратегических резервов; развертывание стратегического тыла, стратегических систем управления и обеспечения, сил территориальной и гражданской обороны.

Принципиально иной характер приобрела задача выдвижения войск из глубины страны на театры военных действий. Резко возросли ее масштабы, особенно на Европейском ТВД, где для усиления войск первого стратегического эшелона в кратчайшие сроки предстояло на расстоянии 800—1000 км перегруппировать войска, авиацию и тылы четырех фронтов. Сама эта перегруппировка превращала выдвижение в сложнейшую стратегическую операцию, в результате которой предполагалось резко изменить соотношение сил на всех стратегических и операционных направлениях Северо-Западного, Западного и Юго-Западного ТВД.

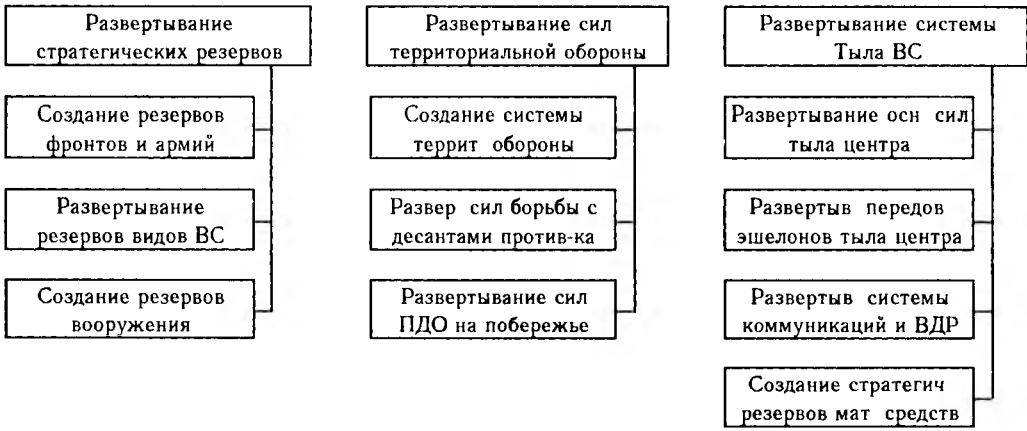
Значительно усложнилось содержание остальных элементов стратегического развертывания, а главное — претерпели изменения его временные и пространственные параметры, не говоря уже о требованиях к его организации и проведению. Предполагалось, что стратегическое развертывание распространится не только на всю территорию страны и прилегающие акватории морей и океанов, но и охватит территории всех союзных государств. Последнее обстоятельство потребовало централизованного планирования, заблаговременной подготовки театров военных дейст-

ЦЕЛЬ РАЗВЕРТЫВАНИЯ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЫГОДНЫХ УСЛОВИЙ ВСТУПЛЕНИЯ В ВОЙНУ

Основные элементы стратегического развертывания

Дополнительные элементы стратегического развертывания

Развертывание системы Гражданской обороны СССР

Схема 53. Стратегическое развертывание Вооруженных Сил
 (по взглядам 60-х — 80-х гг.)

вий и внутренних районов страны, прежде всего по оборудованию дорожных направлений и воздушных трасс.

Резко повышались требования к скрытности развертывания, но особенно к надежности его осуществления. Очень остро встал вопрос о мерах по предупреждению срыва от мобилизации и оперативного развертывания войск на театрах военных действий. Теперь уже эта задача не ограничивалась оперативным прикрытием границ. Возникла необходимость в организации стратегического прикрытия мобилизации и развертывания Вооруженных Сил. Оперативное прикрытие становилось лишь одним из элементов этой системы, причем его содержание тоже менялось. Требовалось не только надежно удержать приграничные рубежи, но и обеспечить отражение дежурными силами внезапного вторжения противника с воздуха, суши и моря.

Особое значение приобретала проблема организованного завершения развертывания в ходе уже начавшейся войны. Приходилось серьезно считаться с тем, что противник мог в короткий срок разрушить коммуникации, мосты на водных преградах, передовые аэродромы. Предстояло заранее продумать и спланировать комплекс мер по восстановлению маршрутов движения, организации преодоления зон разрушений и заражений, предусмотреть вариант новых способов развертывания.

Следовательно, на повестку дня встал вопрос о разработке более гибкой системы стратегического развертывания, проведения его по различным вариантам (в полномасштабном и ограниченном виде с постепенным осуществлением отдельных мероприятий) с широким маневром развертываемых сил как по фронту, так и по глубине.

В теории стратегии в тесной взаимосвязи с проблемами стратегического развертывания рассматривались и решались вопросы ведения операций в начальный период войны. Надо заметить, что на различных этапах послевоенного строительства роль этого периода оценивалась по-разному, а значит, по-разному определялось и его содержание.

В первые послевоенные годы концепция начального периода войны трактовалась в основном с учетом опыта минувшей войны. Считалось, что основу его содержания составят крупномасштабные операции на суше, в воздухе и на море, проводимые с самыми решительными целями при одновременном завершении стратегического развертывания Вооруженных Сил и переводе народного хозяйства на работу по планам военного времени. Особо подчеркивалось возросшее влияние этих операций на дальнейший ход и исход войны. В то же время многие новые требования, возникшие в связи с появлением атомного оружия, не всегда учитывались, а иногда и вообще игнорировались.

Считалось, что в начальный период войны обе стороны будут стремиться как можно быстрее захватить стратегическую инициативу и упредить противника в нанесении первых ударов. Попытки наступающих использовать временную неготовность противоположной стороны вынудят их начать боевые действия наземными войсками задолго до завершения полного их сосредоточения по плану развертывания. Исходя из этого предполагалось, что начальные операции начнутся ограниченными силами, а те могут наращиваться по мере подхода от мобилизованных войск.

Характерной особенностью наступательных операций этого периода явятся действия по отдельным направлениям, отсутствие сплошных фронтов и небольшая плотность сил и средств. Важнейшей чертой таких операций будет нанесение стремительных ударов на большую глубину, в том числе по подходящим резервам противника, с целью срыва развертывания его вооруженных сил. Широкое применение в ходе их проведения найдут воздушные и морские десанты.

К числу основных особенностей оборонительных операций начального периода относили: отсутствие сплошного фронта обороны; высокую активность действий группировок войск, обороняющих важнейшие направления; широкий маневр силами и средствами с одних направлений на другие; нанесение мощных контрударов. Главная цель подобных действий будет состоять в выигрыше времени, необходимого для сосредоточения достаточных сил и средств с последующим переходом в наступление.

Более обстоятельное изучение всего комплекса вопросов, относящихся к начальному периоду войны, развернулось лишь в конце 50-х годов. Этого потребовала резко возросшая опасность внезапного ракетно-ядерного нападения. В проекте Наставления по ведению операций, изданном в 1958 г., и в последующих официальных руководствах, а также в многочисленных публикациях тщательно анализировались уроки начального периода прошлой войны, исследовалось влияние новых средств борьбы на характер первых операций, рассматривались возможные способы их ведения. Особое внимание обращалось на коренное изменение стратегического содержания начального периода войны. Например, в труде «Военная стратегия» подчеркивалось, что «решающее значение для исхода всей войны будет иметь ее начальный период. При этом главной его проблемой считается отработка способов надежного отражения внезапного ядерного нападения, а также способов срыва агрессивных замыслов противника путем своевременного нанесения по нему сокрушительного удара»³¹.

Это же положение проходит красной нитью в выступлениях многих советских военачальников. Маршал С. С. Бирюзов в одной из своих статей писал: «В современных условиях внезапное нападение агрессора может повлечь за собой куда более тяжелые последствия. Стало быть, в центре внимания офицеров, генералов, адмиралов должна всегда стоять важнейшая задача начального периода войны — срыв внезапного удара противника и немедленное нанесение ответного сокрушительного удара. А решить эту задачу способна лишь армия, располагающая совершенным ракетно-ядерным оружием. Именно стратегическими ракетами можно нанести решающий ответный удар по главным объектам противника — его вооруженным силам, и в первую очередь по стратегическим средствам ядерного нападения. В результате такого удара уже в первые дни войны могут быть достигнуты ее основные цели»³².

Аналогичную мысль высказывал начальник кафедры стратегии Военной академии Генерального штаба генерал-полковник Н. А. Ломов. В статье «О советской военной доктрине» он отмечал: «Новая мировая война может явиться результатом либо внезапного нападения со стороны агрессивного блока, либо перерастания локальной войны. Реально оценивая обстановку, следует считать, что против СССР и других социалистических стран империалисты готовят именно внезапное ядерное нападение. Поэтому советская военная доктрина самой важной, самой главной и первоочередной задачей Вооруженных Сил считает: быть в постоянной готовности к надежному отражению внезапного нападения врага и к срыву его преступных замыслов.

Сорвать ядерное наступление противника и захватить стратегическую инициативу — такова одна из основных задач начального периода войны. Особо важная роль в решении этой задачи принадлежит Ракетным войскам стратегического назначения, а также Войскам противовоздушной обороны страны»³³.

В 60-х годах утвердилось мнение, что начальный период войны станет не только решающим, но и возможно единственным периодом войны. Считалось, что основная ее цель будет состоять в срыве ядерного нападения противника и нанесении ему сокрушительного поражения. Для ее достижения предлагалось решить сложный комплекс стратегических задач. К числу важнейших из них относились: уничтожение средств ядерного нападения агрессора; разгром развернутых или развертывающихся

ся его группировок войск (сил) на главных направлениях сухопутных и морских театров военных действий; срыв мобилизационных мероприятий и стратегического развертывания вооруженных сил; дезорганизация государственного и военного управления; разрушение и уничтожение основных отраслей экономики, особенно промышленности, производящей ядерные боеприпасы и средства доставки их к цели; овладение важными политическими и экономическими центрами и районами, захват которых помешает противнику вести в дальнейшем успешные военные действия; моральное и физическое подавление воли противника к сопротивлению.

При достижении главной цели начального периода войны особое значение уделялось захвату стратегической инициативы и навязыванию своей воли противнику. Касаясь этого вопроса, генерал армии С. М. Штеменко писал: «С первых же минут войны развернется ожесточенная борьба за захват стратегической инициативы. С этой целью воюющие стороны, по-видимому, используют большую часть имеющихся к началу войны ядерных зарядов, ракет и самолетов-носителей»³⁴.

Одновременно, по его мнению, должны развернуться активные боевые действия огромного размаха, которые сразу же охватят как фронт, так и глубокий тыл. Наряду с операциями военно-воздушных и противовоздушных сил, а также наземных войск генерал Штеменко предлагал широко использовать воздушные и морские десанты, которые помогут завершить разгром основных группировок противника на ТВД.

В то же время считалось, что наступление на главных стратегических направлениях может сочетаться с активной обороной на второстепенных ТВД. В любом случае проводимые операции будут отличаться предельной решительностью, огромным напряжением сил и возможностей, высочайшей динамичностью и маневренностью, массовым применением всех видов ракет и ядерных боеприпасов различной мощности. Отмечалось, что ни в коем случае нельзя ограничиваться пассивным отражением ударов противника, тем более недопустим отход в глубь страны с потерей значительной территории, как это было в минувшей войне. В этом, как, впрочем, и в ряде других вопросов, явно просматривались недооценка противника, упрощенный подход к проблеме начального периода войны и перспективам возможного ее развития.

Особое значение в достижении целей начального периода в ракетно-ядерной войне придавалось подготовке и нанесению по противнику первых ракетно-ядерных ударов. С их помощью предполагалось уничтожить основные группировки его вооруженных сил, разрушить важнейшие элементы экономической базы, нарушить систему государственного управления. Считалось, что этими действиями могут быть выполнены основные военно-политические задачи начального периода войны, заключающиеся в разгроме агрессора и подрыве его способности для дальнейшего ведения войны.

Предполагалось, что первые ядерные удары будут нанесены по решению высшего политического руководства страны. В этом случае, после получения приказа задача военного руководства — тщательное их планирование, подготовка и проведение этой акции в самый короткий срок, исключая распыление сил и средств. По взглядам того времени, удары должны быть спланированы по наиболее важным районам и объектам, поражение которых в наибольшей мере изменит соотношение сил в нашу пользу и создаст благоприятные условия для дальнейших действий.

Ожидалось, что сразу же или через некоторое время после ядерных ударов сохранившиеся наземные группировки при поддержке авиации перейдут в решительное наступление, а там, где войска понесут наибольшие потери, удастся организовать активную оборону. На океанских и морских театрах военных действий уцелевшие силы флота будут решать задачи по уничтожению авианосных соединений против-

ника, его ракетных подводных лодок, срыву морских и океанских перевозок и защите своих коммуникаций.

Продолжительность начального периода войны определялась с учетом возможности выполнения всего комплекса перечисленных задач, а также времени, необходимого для использования накопленного запаса ядерных боеприпасов, завершения мобилизационного и оперативного развертывания Вооруженных Сил. В принципе считалось, что он будет относительно коротким.

Однако все эти теоретические выкладки противоречили общим представлениям о возможном характере ракетно-ядерной войны. И в самом деле: с одной стороны, считалось, что все главные задачи войны будут решены буквально в считанные часы первым ударом стратегических ядерных сил. А с другой — предполагалось, что в начальный период будут достигнуты только ближайšie ее цели. При этом утверждалось, что дальнейшие действия после ядерных ударов могут свестись к простой оккупации безжизненных территорий противника, хотя предусматривалось проведение целой системы крупномасштабных операций.

С учетом анализа этих противоречий в 70-х годах был сделан вывод о том, что применительно к неограниченной ядерной войне, которая начнется и закончится ядерными ударами, понятие «начальный период войны» теряет свой былой смысл. Считалось, что в такой войне кульминационным пунктом являются первые ее часы, в связи с чем выработанная стратегическая периодизация войны оказывается нежизненной. Следовательно, необходим был переход к иной периодизации, которая исходила бы не из последовательности решаемых стратегических задач, а из характера применяемых средств вооруженной борьбы.

В основу новой стратегической периодизации были взяты совершенно иные критерии. Вместо начального и последующего периодов войны теперь рассматривали четыре основных элемента: период военных действий с применением только обычного оружия; период ограниченного применения ядерного оружия; решающий период неограниченного применения ядерного оружия; завершающий период войны. Теория, однако, не исключала того, что на практике могут найти применение те или иные сочетания этих периодов.

Данная концепция просуществовала четырнадцать лет. В 1983—1984 гг., когда были выработаны новые стратегические взгляды относительно возможных длительных военных действий с применением только обычного оружия, в рамках которых допускалось проведение не только первых фронтовых, но и первых стратегических операций, понятие «начальный период войны» было восстановлено. Однако теперь оно имело принципиально иную базу.

С тех пор под начальным периодом войны стал пониматься первый и самый важный этап войны, в ходе которого произойдет военно-политическое размежевание государств, завершится стратегическое развертывание вооруженных сил сторон, начнутся и будут осуществляться подготовленные еще в мирное время операции, направленные на достижение ближайших или основных военно-политических целей войны. Одновременно начнется перестройка всей экономики и хозяйственной системы государств с мирного на военное положение с проведением мобилизации всех ресурсов для ведения войны.

Считалось, что основными чертами этого периода войны будут: крайняя сложность и динамичность военно-политической и стратегической обстановки; выполнение задач группировками, созданными еще в мирное время и развернутыми по мобилизации; прямая зависимость хода военных действий от уровня боевой готовности вооруженных сил сторон при их вступлении в войну, стратегической и оперативной внезапности; максимальная решительность и активность военных действий, но особо острая и напряженная борьба за захват и удержание стратегической ини-

циативы; широкое использование высокоточного оружия; необходимость выполнения внезапно возникающих задач; использование новых, ранее не известных средств вооруженной борьбы.

Предполагалось, что основной целью военных действий в начальный период станут отражение и срыв агрессии противника. При этом могут быть проведены первая, а то и вторая стратегические операции по отражению воздушно-космического нападения противника, первые фронтовые, а иногда и стратегические оборонительные, а затем и контрнаступательные операции на ТВД, несколько воздушных операций дальней авиации, начнутся стратегические действия на океанских ТВД. Благодаря совместным усилиям всех видов Вооруженных Сил должны быть созданы условия для достижения коренного перелома в ведении войны. Когда речь заходила о сроках начального периода, то подчеркивалось, что в обычной войне он, как правило, будет продолжительным. По времени этот этап может растянуться на 2—3 месяца, а то и больше. Его результаты окажут определяющее влияние на последующий ход войны.

Изменившиеся взгляды потребовали уделить особое внимание заблаговременному планированию и всесторонней подготовке операций начального периода войны, без чего, как думали, нельзя рассчитывать на успех. Предлагалось разработать несколько вариантов действий (оборонительных и наступательных), а целесообразный вариант выбирать в соответствии с общим политическим решением или непосредственно перед самым началом войны в зависимости от складывающейся обстановки в угрожаемый период.

Важное значение в этом плане отводилось систематической корректировке планов и проведению практических мероприятий по подготовке первых операций еще в мирное время с учетом непрерывного совершенствования средств и способов вооруженной борьбы, развития экономики и науки, а также изменений в международной обстановке.

6. Система стратегических действий Вооруженных Сил

Как известно, важнейшие категории военной стратегии — это виды, формы и способы военных действий. В своей совокупности они составляют целую систему стратегических действий вооруженных сил, охватывающую все виды операций стратегического и оперативно-стратегического масштаба, а также комплекс других взаимосвязанных операций и действий, направленных на достижение целей войны. Определяющее влияние на их содержание и развитие оказывают основополагающие требования военной доктрины государства, характер будущей войны, задачи и боевые возможности вооруженных сил.

После второй мировой войны в Советском Союзе начала складываться принципиально иная система стратегических действий. Процесс этот был сложным и противоречивым.

В первый послевоенный период (1945—1953) советская военная стратегия, как уже отмечалось, опиралась на традиционные средства ведения войны и целиком исходила из обобщенного опыта недавно закончившейся войны. Она развивалась с учетом возросших военно-экономических возможностей государства, новых военных доктрин США и НАТО, а также серьезного обострения военно-политической обстановки в мире. Считалось, что цели будущей войны могут быть достигнуты только совместными усилиями всех видов Вооруженных Сил при главной роли Сухопутных войск, а все остальные виды Вооруженных Сил должны вести военные действия в их интересах. Отсюда вытекал вывод, что к основным видам стратегических действий относятся наступление, контрнаступление и оборона.

Главным видом стратегических действий признавалось стратегическое наступление. Проводить его предусматривалось в форме стратегических и фронтовых наступательных операций. Стратегические операции, как и в годы минувшей войны, предполагалось осуществлять силами нескольких фронтовых объединений с привлечением дальней авиации, воздушно-десантных войск, Войск ПВО страны, а при действиях на приморских направлениях и Военно-морского флота. Цель стратегического наступления заключалась в полном разгроме главной группировки противника (в составе 70—100 дивизий) на основных стратегических направлениях и достижении кардинального изменения обстановки на том или ином театре военных действий.

В связи с ростом экономического и военного могущества СССР, развитием Вооруженных Сил, их полной механизацией и моторизацией изменились взгляды на стратегические наступательные операции. Теперь считалось, что они будут преследовать более решительные цели, а их достижение предполагалось путем решения ряда одновременных и последовательных задач, каждая из которых составляла содержание соответствующей фронтовой операции.

Фронтовые формирования относились к высшим оперативным, а с 1953 г. — к оперативно-стратегическим объединениям Вооруженных Сил. Они были способны самостоятельно наносить поражение крупным группировкам противника, развернутым на отдельных операционных или стратегических направлениях. В основном способы их действий оставались такими же, как и в годы минувшей войны, т. е. оперативный прорыв, окружение и уничтожение противостоящего противника, расчленение его стратегического (оперативного) фронта, дробление фронта с последующим уничтожением окруженных группировок и т. д.

Особое внимание уделялось окружению как самому эффективному способу разгрома противника. Его предусматривалось осуществлять ударами по сходящимся направлениям или одним-двумя охватывающими ударами с тем, чтобы прижать противника к естественной преграде (например, к морю); одновременно предполагалось расчленение и уничтожение прижатого противника. Непременное условие успеха операции на окружение — это блокирование изолированной группировки с воздуха, а на приморских направлениях и с моря.

Важным способом ведения стратегического наступления считалось расчленение крупной группировки неприятеля путем нанесения взаимодействующими фронтами мощных ударов на всю глубину операции с последующим ее уничтожением по частям. В достижении цели операции на расчленение большая роль отводилась массированному применению бронетанковых и механизированных войск и авиации, действующих на главном направлении.

Дробление стратегического фронта противника планировалось осуществлять нанесением ряда сильных ударов в широкой полосе с развитием наступления в глубину по параллельным или расходящимся направлениям. Подобный способ обеспечивал скрытность подготовки операции и затруднял противнику маневр, так как сковывал его силы на широком фронте. Однако для прорыва обороны на нескольких участках требовалось привлекать большое количество войск и техники³⁵.

В соответствии с теоретическими установками утвердилось мнение, что стратегическое наступление может проводиться на одном-двух, а то и на трех стратегических направлениях с выходом на стратегически важный рубеж. Однако для полного разгрома противника на ТВД нужно было провести еще несколько одновременных и последовательных стратегических операций, тесно связанных между собой общей целью и единым замыслом.

В сравнении с минувшей войной пространственные показатели стратегических операций возросли примерно в полтора раза. Так, на стратегическом учении, которое

проводилось в 1948 г. на Украине с привлечением войск Прикарпатского, Одесского, Киевского, Таврического военных округов и сил Черноморского флота стратегическая операция планировалась на фронте 1200 км и на глубину 750 км. А в 1950 г. на маневрах в Белоруссии аналогичную операцию предполагалось вести в полосе до 1000 км и на глубину 700—850 км.

В каждом конкретном случае для проведения операции привлекалось, как правило, 80—120 дивизий и более, 20—30 тыс. орудий и минометов, 6—8 тыс. танков и САУ, 4—6 тыс. боевых самолетов. Это позволяло создавать более высокие плотности сил и средств на направлениях главных ударов, но особенно на участках прорыва.

Важная роль в стратегических наступательных операциях отводилась Военно-воздушным силам, Войскам ПВО, воздушно-десантным войскам, Военно-морскому флоту. Они могли не только участвовать в операциях фронтов, решая задачи, определенные им планом таких действий, но и проводить самостоятельные операции.

Непременным условием успешного ведения стратегических операций считалось наличие крупных резервов в распоряжении Верховного Главнокомандования.

В соответствии с теоретическими взглядами, сложившимися в 50-х годах, стратегическое наступление должно было отличаться от аналогичных действий периода Великой Отечественной войны более высокой активностью, решительностью и непрерывностью действий, широким маневром силами и средствами, твердым и непрерывным управлением войсками.

Стратегическое контр наступление стало рассматриваться как особый, наиболее сложный вид наступления. Считалось, что оно может проводиться силами одного или нескольких фронтов с целью ликвидации наступления противника, нанесения решительного поражения его главной ударной группировке, захвата стратегической инициативы, восстановления утраченного положения, овладения важными районами и выгодными рубежами. В случае его успешного осуществления оно могло перерасти в общее стратегическое наступление.

Для достижения целей контр наступления требовалось прежде всего истощить силы наступающего противника, сохранить боеспособность своих войск в ходе оборонительных сражений, своевременно перегруппировать и сосредоточить резервы, завоевать господство в воздухе, создать на решающих направлениях необходимое превосходство в силах и средствах.

Предполагалось, что контр наступление может начинаться в различных условиях обстановки. Чаще всего — после остановки противника обороняющимися, а также в ходе продолжающегося продвижения его группировки.

В отдельных случаях, прежде всего, если продвижение противника угрожало потерей важных в политическом, экономическом и военном отношении районов и рубежей или при явном достижении стратегической внезапности, контр наступление допускалось при равенстве сил или даже при невыгодном их общем соотношении.

Таким образом, теория стратегического наступления оставалась в основном на позициях военных лет. По-прежнему сохранялось мнение о создании на главных направлениях высоких оперативных плотностей сил и средств, особенно на участках прорыва.

Стратегической обороне не уделяли должного внимания. Она признавалась только как временный вид стратегических действий. Предполагалось, что она может быть организована под давлением обстоятельств и проводиться в форме стратегических оборонительных операций нескольких фронтов, тесно взаимодействующих с дальней авиацией, Войсками ПВО, а на приморских направлениях — силами флота.

Как и в минувшую войну, основная цель такого вида стратегических действий заключалась в том, чтобы отразить, затормозить, а в лучшем случае остановить на-

ступление противника, обескровить его ударные группировки, выиграть время для создания благоприятных условий с целью последующего перехода в наступление. Представлялось возможным вести оборону и для закрепления захваченных у противника важных районов или рубежей, а также для прикрытия приграничных районов страны либо отдельных направлений. В то же время послевоенная теория настойчиво подчеркивала, что обороной как видом военных действий в стратегическом масштабе достигаются лишь ограниченные цели, поэтому ее применение может носить исключительно временный характер. Считалось разумным прибегать к стратегической обороне в тех условиях, когда в сложившейся обстановке наступление окажется невозможным или нецелесообразным, либо потребуются обеспечить наступление на других, более перспективных направлениях театра военных действий.

В разработанном в начале 1952 г. «Наставлении по ведению операций» излагались четкие требования, предъявляемые к стратегической обороне. В нем указывалось, что она должна быть глубоко эшелонированной, активной, непреодолимой в противотанковом, противовоздушном и противодесантном отношениях. Наряду с мощным первым эшелонем в составе оборонительной группировки рекомендовалось иметь сильные вторые эшелоны и резервы различного назначения. Способы ведения стратегической обороны могли быть самыми разнообразными. Их выбор во многом зависел от условий обстановки, в первую очередь от характера наступления противника. Исходя из опыта минувшей войны главными способами признавались стойкая и активная оборона занимаемых рубежей войсками первого эшелона, мощная контрподготовка, армейские и фронтовые контрудары, поражение наступающих вражеских группировок массированными ударами авиации, артиллерии и других средств борьбы.

В целом развитие теории стратегической обороны в те годы шло в направлении сокращения сроков ее подготовки, совершенствования способов применения видов Вооруженных Сил и родов войск, повышения устойчивости обороны, что нашло выражение в увеличении глубины ее построения, требованиях тщательного оборудования в инженерном отношении оборонительных рубежей, активном использовании стратегических резервов.

Свое дальнейшее развитие в первые послевоенные годы получили взгляды на стратегическое применение Военно-воздушных сил, Войск ПВО и Военно-морского флота.

Одной из форм стратегического применения ВВС являлась воздушная операция. Ее предполагали проводить с целью завоевания господства в воздухе и разрушения важных объектов тыла противника. Для проведения воздушной операции планировалось привлекать несколько армий фронтовой и дальней авиации, а также авиацию флотов и ПВО страны.

Исходя из опыта войны считалось, что завоевание господства в воздухе и его прочное удержание — одно из важнейших условий для успешного ведения военных действий на суше и море, надежной защиты жизненно важных центров в глубине территории страны, особенно в начальный период войны. Разгром авиации противника в воздушных сражениях рассматривался как главный способ завоевания и удержания господства в воздухе на определенном театре военных действий или на главном стратегическом направлении.

Основным способом ведения воздушных операций признавалось нанесение массированных ударов по аэродромам, транспортным узлам и объектам государственного управления противника.

В первые послевоенные годы в связи с быстрым количественным и качественным ростом авиации в США и НАТО, созданием атомных бомб большое внимание

в СССР уделялось стратегическому применению Войск ПВО страны. Предусматривалось расширение сферы их ответственности по обеспечению надежного прикрытия с воздуха политических, административных и экономических центров страны и, разумеется, основных группировок Вооруженных Сил. Исходя из этого, было положено начало разработки теории противовоздушных операций.

Стратегическое применение Военно-морского флота предусматривалось в форме проведения им самостоятельных морских операций и совместных с сухопутными войсками действий. На основании опыта минувшей войны теоретики считали, что самостоятельные морские операции могут осуществляться с целью разгрома группировок сил флота противника, а также срыва его морских и океанских перевозок. Но все же главной задачей флота, по их мнению, оставалось содействие сухопутным войскам на приморских направлениях.

В первый послевоенный период значительным шагом в развитии стратегии явилась разработка теории воздушно-десантных операций, проводимых воздушно-десантными войсками*.

В соответствии с принятыми взглядами эта форма действий включала как самостоятельные операции ВДВ, так и операции, проведенные в интересах сухопутных войск и флота с целью захвата стратегических и оперативных объектов, плацдармов противника, создания нового фронта вооруженной борьбы, оказания содействия силам внутреннего сопротивления на территории, захваченной врагом.

В середине 60-х годов ввиду резкого изменения концепции относительно характера возможной войны коренному пересмотру подверглись взгляды на способы стратегических действий Вооруженных Сил. Дело в том, что существовавшая до сих пор теория стратегических действий, отводившая главную роль Сухопутным войскам, уже не отвечала требованиям ракетно-ядерной войны. Экономика, система государственного управления, стратегические ядерные средства, вооруженные силы агрессора — все это стало вполне досягаемым для ракетно-ядерного оружия, а потому могло быть уничтожено в короткие сроки, причем не только на всю глубину театра военных действий, но и за его пределами.

Ракетные войска стратегического назначения, стратегическая авиация и атомные ракетные подводные лодки стали обладать способностью решать главные задачи войны. Ракетно-ядерное оружие значительно расширило рамки войны: отныне она могла охватить одновременно всю территорию государств, входящих во вражескую коалицию, а не только театры военных действий, как это имело место в минувшую войну. Массированные ядерные удары стратегическими средствами позволяли достигнуть политических целей в более короткие сроки.

В таких условиях отпала надобность делить стратегические действия на стратегическое наступление и оборону. Теперь стратегическая оборона как таковая вообще исключалась. Допускалась возможность ее ведения только в оперативном, чаще всего в армейском масштабе. Военные теоретики в один голос однозначно утверждали, что ядерная война обладает особенностью ставить перед Вооруженными Силами выбор: либо наступать, либо терпеть поражение. Исходя из этого основными видами стратегических действий были признаны: ракетные операции, операции по защите территории страны и группировок войск от ядерных ударов противника, стратегические наступательные операции на сухопутных ТВД и военные действия на морских театрах. Каждому из этих видов стратегических действий соответствовали вполне конкретные цели и формы использования сил и средств.

Ракетные операции предполагалось проводить с целью уничтожения стратегических ядерных сил и объектов, составляющих основу военно-экономического по-

* В 1946 г. ВДВ были выведены из состава ВВС.

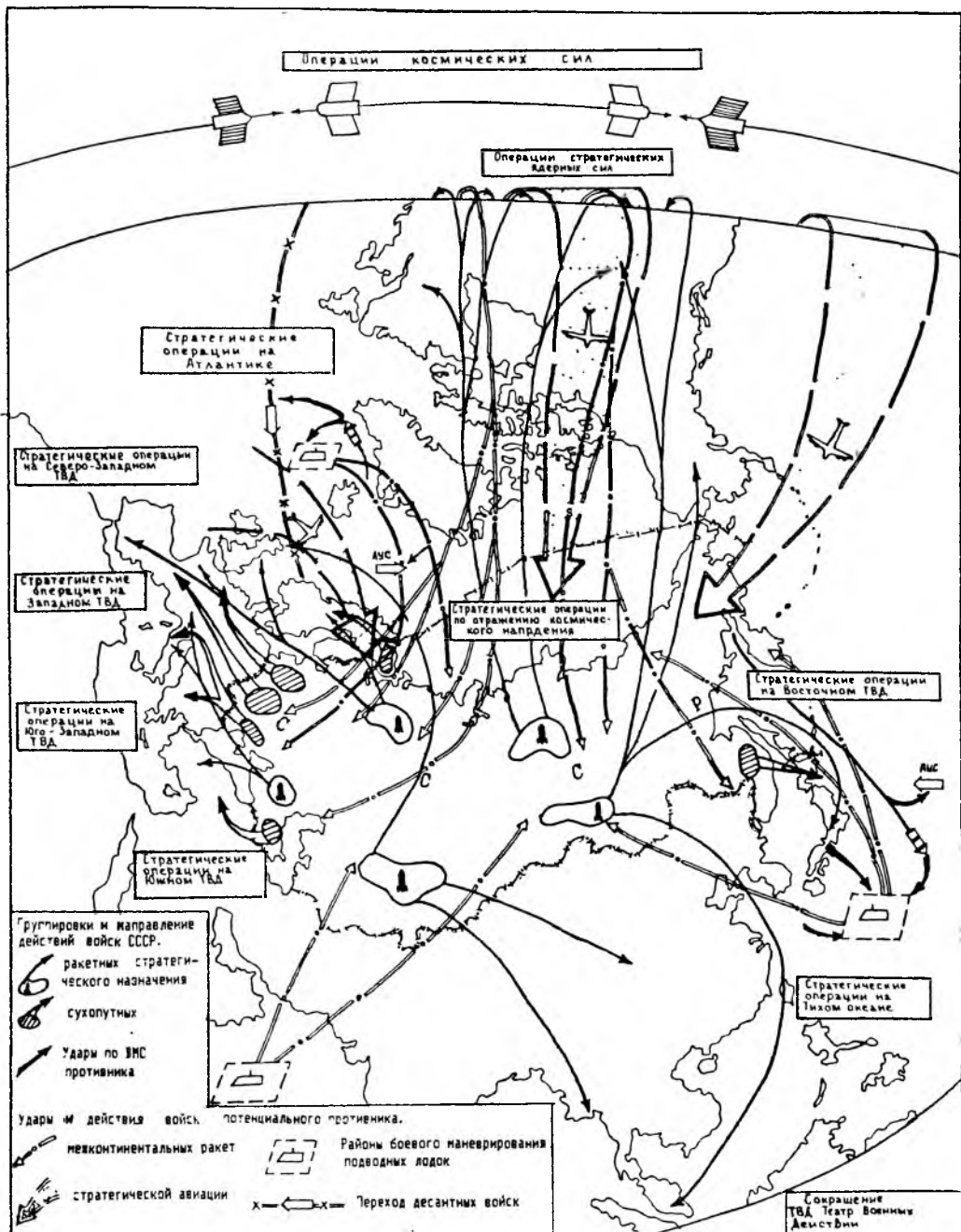

Схема 54 Система стратегических операций Вооруженных Сил СССР
(по взглядам 60-х — 70-х годов)

тенциала противника, нарушения системы его государственного и военного управления, разгрома главных группировок войск врага. Этот вид стратегических действий находил свое воплощение в форме ответных ракетно-ядерных ударов Ракетных войск стратегического назначения, а также в воздушных операциях дальней авиации.

Стратегическое наступление на сухопутных ТВД предусматривалось проводить для завершения разгрома группировок противника, овладения стратегически важными объектами (районами) неприятеля и занятия (оккупации) его территории.

Особое значение придавалось стратегическим действиям по защите территории своей страны и собственных группировок войск от ядерных ударов врага. Это обуславливалось тем, что успешное ведение войны и обеспечение нормальной жизнедеятельности государства считалось невозможным, пока не будет организована надежная противовоздушная оборона государства с применением новейших средств борьбы. Система таких действий предполагала отражение авиационных атомных ударов противника по важнейшим административно-политическим и экономическим центрам, группировкам ракетных войск, авиации и флота, районам формирования резервов и другим объектам. Защита страны от ядерных ударов противника мыслилась в форме противовоздушных операций Войск ПВО страны. Предполагалось, что в решении этих задач им будут оказывать содействие Ракетные войска стратегического назначения.

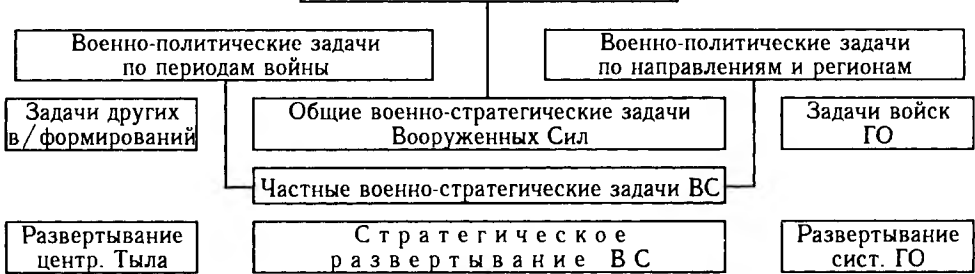
Военные действия на морских театрах преследовали цель разгрома группировок сил флота противника, нарушения его морских и океанских коммуникаций, защиты коммуникаций ВМФ СССР и побережья от ударов с моря. Считалось, что оснащение флота ядерным оружием, атомными подводными лодками-ракетоносцами и ракетной авиацией дальнего действия открывает перед ним большие возможности для успешного ведения вооруженной борьбы на морских и океанских просторах.

Действия всех видов Вооруженных Сил, как и прежде, предусматривалось строго согласовывать между собой. Одновременно были радикально пересмотрены все ранее существовавшие принципы ведения операций. Коренному изменению подверглись их пространственные и временные нормативы. Например, фронтовые наступательные операции намечалось вести в полосах шириной 500—600 км и на глубину до 1000 км со средним темпом 100 км в сутки. Именно с таким пространственным размахом эти операции планировались на учениях «Буря» (1964), «Днепр» (1967), «Запад» (1969).

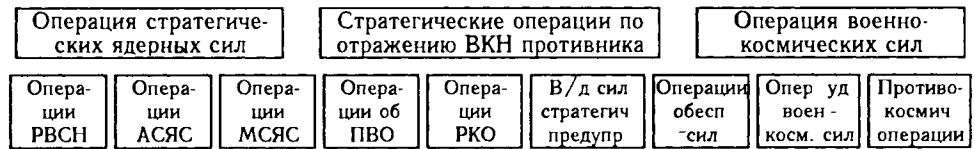
В 70-х годах в связи с уточнением взглядов на войну и дальнейшим развитием средств вооруженной борьбы вся система стратегических действий Вооруженных Сил была вновь пересмотрена. В число основных форм стратегических операций, как уже указывалось, стали включаться операции стратегических ядерных сил, стратегические операции на континентальных ТВД, стратегические операции на океанских ТВД, стратегические действия по отражению воздушно-космического нападения противника. Кроме них планировалось проведение воздушных операций на континентальных и океанских ТВД со стратегическими целями. Неотъемлемой составной частью всех военных действий стала радиоэлектронная борьба как одно из главных мероприятий их всестороннего обеспечения.

Исходя из взглядов на общий характер стратегических действий, выработанных к тому времени, считалось, что основу будущей войны составит система взаимосвязанных стратегических операций Вооруженных Сил, проводимых по единому замыслу Верховного Главнокомандования в трех сферах: на континентах, в воздушно-космическом пространстве, в океанах и морях. Было признано, что независимо от способов развязывания агрессором войны и различия условий, в которых Вооружен-

ОБЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ВОЙНЫ

Глобальные стратегические операции ВС

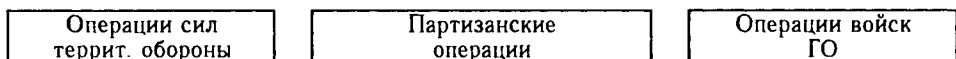
Стратегические операции на театрах военных действий (региональные операции)

Оперативно-стратегические операции

Другие операции

*Схема 55 Стратегические действия Вооруженных Сил СССР
(по взглядам 70-х — 80-х гг.)*

ные силы СССР вступят в военные действия, решающим актом мировой ядерной войны явится первый удар стратегических ядерных сил.

По существовавшим тогда взглядам, действия стратегических ядерных сил (СЯС) представляли собой систему стратегических ядерных ударов, проводимых различными видами СЯС по единому замыслу и плану Верховного Главнокомандования по важнейшим объектам противника на ТВД и другим удаленным территориям. Цель этих действий заключалась в нанесении решительного поражения главным государствам вражеской коалиции и выводе из ядерной войны союзных им стран. Предполагалось, что данную цель можно достигнуть путем уничтожения военно-экономической базы противника, его государственного и военного управления, поражения ядерных средств, важнейших объектов и группировок вооруженных сил. Для выполнения перечисленных задач предусматривалось привлечь Ракетные войска стратегического назначения, атомные ракетные подводные лодки стратегического назначения и дальнюю авиацию.

Важнейшей составной частью стратегических ядерных сил являлись Ракетные войска стратегического назначения. Обладая высокой боеготовностью и исключительным быстродействием, они были способны за десятки минут осуществить ядерные удары по важнейшим стратегическим объектам противника, расположенным в любой точке земного шара. Считалось, что даже в случае внезапного ядерного нападения со стороны агрессора РВСН смогут нанести ответный удар основной частью пусковых установок еще до того, как боезаряды ракет противника достигнут советской территории. Задачи, возлагаемые на ракетные войска, намечалось решать путем нанесения массированных, групповых и одиночных ударов.

Ракетные подводные лодки стратегического назначения, имевшие на вооружении баллистические ракеты, обладали высокой подвижностью, скрытностью маневра, свободой в выборе районов огневых позиций, малой уязвимостью и большой живучестью. Их удельный вес в составе СЯС непрерывно увеличивался. С учетом этих обстоятельств считалось, что в зависимости от условий развертывания и порядка ввода в действие ракетные подводные лодки будут решать задачи нанесения одновременных или последовательных ударов по важнейшим стратегическим объектам неприятеля, главным образом на заокеанской территории, для успешного поражения которых важное значение имело малое полетное время ракет.

Объекты поражения для ракетных подводных лодок определялись с учетом использования других компонентов триады ядерных сил. Так, если основные усилия РВСН направлялись на уничтожение ракетно-ядерных сил противника, то ракетные подводные лодки использовались в основном для разрушения объектов военно-экономической базы, аэродромов стратегической авиации, средств предупреждения о ракетном нападении, объектов противоракетной обороны и других важнейших объектов.

Дальнюю авиацию предусматривалось применять главным образом для поражения сохранившихся и вновь выявленных стратегических объектов противника, прежде всего для уничтожения важнейших звеньев военной промышленности и энергетики, авиационных баз, оперативно-тактических ракет на стартовых позициях, складов ядерного оружия, объектов государственного и военного управления и группировок войск, причем главным образом в районах, не поражаемых ударами Ракетных войск стратегического назначения и атомных ракетных подводных лодок. Часть ее сил предусматривалось использовать во взаимодействии с ВМФ для нанесения ударов по морским целям неприятеля: авианосцам, ракетным подводным лодкам, надводным противолодочным силам и объектам, обеспечивающим их боевую деятельность.

Действия стратегических сил планировались, как правило, в такой последовательности: нанесение первого ракетно-ядерного удара всеми (или частью) боеготовыми пусковыми установками РВСН; нанесение последующих ударов РВСН; проведение морских операций по разрушению наземных объектов противника ударами подводных лодок стратегического назначения, развернутых в районах боевых действий заблаговременно или в ходе начавшейся войны; проведение дальней авиацией воздушных операций и в их динамике нанесение первых и последующих ударов с применением ядерного оружия.

Действия СЯС мыслилось осуществлять одновременно на всех театрах военных действий и отдаленных территориях. Но не исключался и такой вариант, когда по некоторым территориям удары придется наносить со смещением по времени или снять их вообще.

Особое место в действиях стратегических ядерных сил отводилось массированным ядерным ударам по объектам на заокеанских территориях, где базировалась основная группировка стратегических ракет и авиации, где размещалась производственная база военно-экономической мощи главного вероятного противника СССР и его союзников.

Считалось, что первый массированный ядерный удар может быть нанесен в начале войны после завершения периода военных действий с применением обычного оружия или непосредственно вслед за ограниченным применением ядерного оружия. Право принятия решения на его нанесение принадлежало политическому руководству страны. В его же компетенцию входило определение времени и масштаба его осуществления, а также последовательности ввода в действие ядерных сил.

Предполагалось, что первый удар будет нанесен в глобальном масштабе, причем одновременно по объектам, расположенным не только на всех ТВД, но и на заокеанских территориях с привлечением всех боеготовых стратегических ядерных сил и средств. Вместе с этим ударом СЯС намечались удары оперативно-тактическими ядерными средствами.

В случае внезапного ядерного нападения агрессора и недостатка времени на подготовку всех носителей после поступившего предупреждения о запуске ракет противника к участию в первом ударе предполагалось привлекать только те силы и средства, что имели наивысшую боеготовность, остальные предусматривалось вводить по мере их готовности. Допускался и такой вариант: стратегические ядерные силы задействованы для последовательного уничтожения объектов на театрах и заокеанских территориях или выборочного поражения целей и объектов определенных стран, входивших во враждебную коалицию.

Советская военная стратегия признавала, что в зависимости от конкретных условий военно-политической обстановки, готовности ядерных сил и последовательности ввода их в действие время осуществления первого ядерного удара может иметь различную продолжительность. В том случае, если к началу ядерной войны все ядерные силы СССР находятся в полной боевой готовности, признавалось целесообразным наносить данный удар в установленное Верховным Главнокомандованием время залпом баллистических ракет с одновременным подъемом в воздух дальней авиации. По этому варианту общая продолжительность проведения удара, как показывали предварительные расчеты, составила бы 4—5 часов на континентальных ТВД и 10—12 часов — по заокеанским территориям.

В результате первых ударов СЯС сторон радикально изменится вся стратегическая обстановка в мире. В течение нескольких часов уничтожению подвергнутся жизненно важные объекты и районы вражеских государств, серьезный урон будет нанесен группировкам противника, на какое-то время нарушится их управление.

Многие города окажутся разрушенными, а населению это грозит большими потерями, парализуется работа тыла. В некоторых странах, особенно с малой территорией, жизнедеятельность полностью прекратится.

Последующие удары стратегических ядерных сил предполагалось проводить сохранившимися средствами с учетом конкретных условий обстановки, результатов первых ядерных ударов сторон, состояния СЯС и систем управления ими, результатов разведки, количества не пораженных предыдущими ударами целей, быстроты перенацеливания сил и средств, времени восстановления боеспособности соединений и частей РВСН, дальней авиации и сил флота, а также проведения других мероприятий, направленных на ликвидацию последствий ядерного нападения агрессора.

Стратегические действия по отражению воздушно-космического нападения противника рассматривались как вторая глобальная форма применения Вооруженных Сил в ядерной и обычной войне. Теория этих действий возникла на базе теории противовоздушных операций Войск ПВО еще в 60-х годах. Но тогда это были по сути только противосамолетные операции. В 70-х и особенно в 80-х годах перед страной и Вооруженными Силами встала принципиально иная стратегическая задача. Развитие ядерного оружия, баллистических ракет различного назначения, возможность широкого применения военно-космических средств потребовали организации более надежной защиты не только от аэродинамических, но и от баллистических средств нападения противника. Встал вопрос о создании единой системы воздушно-космической обороны, органически включающей в себя противосамолетную, противоракетную и противокосмическую оборону, а также систему предупреждения о ракетном нападении противника и систему контроля космического пространства.

Анализ состояния и направлений развития сил воздушно-космического нападения вероятных противников, их взглядов на роль, задачи и формы применения этих сил в современной войне привел советскую военно-стратегическую мысль к однозначному выводу: чтобы обеспечить надежную защиту СССР и Вооруженных Сил, необходимо противопоставить стратегическим действиям сил воздушно-космического нападения противника соответствующие по масштабам и еще более решительные по целям стратегические действия своих Вооруженных Сил. Основной формой таких действий стала стратегическая операция по отражению воздушно-космического нападения противника.

Первоначально такую стратегическую операцию предусматривалось проводить Войсками ПВО страны во взаимодействии с силами и средствами ПВО других видов Вооруженных Сил. Однако в ходе дальнейших исследований выяснилось, что достичь ее целей, а тем более сорвать воздушно-космическое нападение только путем уничтожения в полете его самолетов, баллистических и крылатых ракет, ударных и обеспечивающих средств невозможно даже при тесном взаимодействии всех сил и средств ПВО. Осилить эту задачу удастся лишь в случае привлечения сил и средств различных видов Вооруженных Сил, причем для поражения средств воздушно-космического нападения противника не только в полете, но и на земле, море и в космосе.

В связи с этим стратегическая операция по отражению воздушно-космического нападения противника начала рассматриваться как совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, месту и времени противовоздушных операций, ударов и боевых действий всех видов Вооруженных Сил при решающей роли Войск ПВО страны, проводимых по единому замыслу и под общим руководством Верховного Главнокомандования.

К проведению подобной стратегической операции намечалось привлечь: отдельные армии (округа) противовоздушной обороны, объединения (соединения) противо-

ракетной и противокосмической обороны, объединения (соединения) предупреждения о ракетном нападении, войска противовоздушной обороны и военно-воздушные силы фронтов, военных округов, флотов, отдельные воздушные армии, части радиоэлектронной борьбы фронтов, военных округов, флотов и резерва Верховного Главнокомандования, а также стратегические ядерные средства и ракетные войска фронтов.

В 70-х — 80-х годах важнейшими составными элементами стратегической операции по отражению воздушно-космического нападения противника считались следующие: первые и последующие противовоздушные операции, а также систематические боевые действия отдельных объединений ПВО; боевые действия объединений (соединений) противоракетной и противокосмической обороны; первые и последующие противовоздушные операции на континентальных ТВД; боевые действия сил и средств ПВО на океанских ТВД; боевые действия войск ПВО, истребительной авиации внутренних округов; удары части стратегических ядерных сил, фронтовой авиации, ракетных войск и артиллерии фронтов по ракетным и авиационным базам, пунктам управления и навигационным системам противника; боевые действия части сил флотов по уничтожению ракетных подводных лодок и авианосных соединений противника.

При этом предполагалось, что в системе стратегической операции по отражению воздушно-космического нападения противника удары других видов Вооруженных Сил будут наноситься как по планам операции стратегических ядерных сил, так и по замыслу стратегических операций на континентальных и океанских ТВД. Однако все они будут осуществляться в едином плане воздушно-космической операции.

Пространственный размах стратегической операции по отражению воздушно-космического нападения, по мнению теоретиков, зависел от содержания и характера войны, ширины фронта вторжения агрессора и глубины проникновения его в воздушное пространство СССР. Учитывалась вероятность того, что противник осуществит воздушно-космическое нападение или в глобальном масштабе, или одновременно на главных театрах военных действий. Не исключалось и то, что в большинстве случаев подобная операция могла охватить все или несколько стратегических военно-космических направлений, причем на всю глубину территории страны.

По сложившимся тогда взглядам, продолжительность этой операции определялась от момента обнаружения сил воздушно-космического нападения противника до того времени, когда агрессор вынужден будет отказаться от дальнейшего проведения своей воздушно-космической операции. Теоретические расчеты и опыт многих стратегических учений (типа «Зенит») показали, что стратегическая операция по отражению воздушно-космического нападения противника может продолжаться от 2—3 до 5—7 суток и более. Ее характерные черты — решительность целей, исключительная сложность обстановки, скоротечность и резкие изменения, высокая маневренность, напряженность и интенсивность боевых действий, необходимость многоразового восстановления разрушенной системы воздушно-космической обороны, большой объем задач и сложность управления.

Непременными условиями успешного ведения операции признавались четкая организация взаимодействия сил и средств, входивших во все виды Вооруженных Сил и осуществлявших боевые действия на различных ТВД, высокая степень автоматизации управления войсками, высокая профессиональная, физическая и морально-психологическая подготовка личного состава. Особое значение в этом плане придавалось таким вопросам, как своевременное вскрытие подготовки, выявление начала ракетного и воздушного нападения противника, определение построения его сил и ве-

рост намерений их применения, установление порядка использования средств радиоэлектронного подавления, радионавигации и систем управления средствами воздушно-космического нападения противника, а также четкая организация всех видов обеспечения.

Воздушные операции первоначально предполагалось проводить лишь в рамках стратегических операций на континентальных и океанских ТВД. В последующем они могли осуществляться и в масштабе операций стратегических ядерных сил.

По сложившимся к концу 70-х годов взглядам, воздушные операции представляли собой согласованные по целям, месту и времени боевые действия Военно-воздушных сил и авиации других видов Вооруженных Сил, в том числе и союзных армий, осуществляемые по единому замыслу и плану на одном или нескольких смежных континентальных и океанских театрах. Их намечалось проводить не только в начале войны при применении обычных средств поражения, но и в случае использования ядерного оружия.

Считалось, что цель воздушной операции должна состоять в изменении соотношения сил в воздухе в пользу советской стороны, решительном ослаблении ракетно-ядерной группировки неприятеля и обеспечении благоприятных условий для действий своих наземных войск и ВМФ. Для ее достижения требовалось выполнить сложный комплекс оперативных задач. Важнейшие из них следующие: уничтожение самолетов и личного состава авиации противника; разрушение, блокирование и минирование аэродромов; уничтожение оперативно-тактических и тактических ядерных комплексов, складов и пунктов снабжения ядерными боеприпасами; разгром и подавление зенитных ракетных комплексов и зенитной артиллерии; уничтожение и подавление пунктов управления авиацией, ракетным оружием и средствами ПВО. Выполнение перечисленного комплекса задач возлагалось в основном на дальнюю и фронтовую истребительную авиацию объединений Войск ПВО страны и авиацию флота.

Концепция воздушной операции была отработана на основе опыта учений типа «Воздух». Предполагалось, что она будет включать взаимосвязанные массированные удары авиации, эшелонированные действия ВВС по избранным объектам и целям, а также систему воздушных боев и сражений. Что касается важнейших принципов ведения воздушной операции, то теория стратегии исходила из необходимости решительного массирования усилий авиации, других сил и средств для разгрома главной авиационной и ракетно-ядерной группировки противника в короткие сроки, сочетания внезапности нанесения ударов и непрерывности воздействия на вражескую авиацию в воздухе и на аэродромах, осуществления глубокого маневра силами для последовательного разгрома авиационных группировок и ядерных средств противника на различных направлениях и ТВД.

В соответствии со взглядами 70-х годов стратегические операции на континентальных театрах военных действий представляли собой принципиально новую форму стратегических действий Вооруженных Сил. От применявшихся в годы Великой Отечественной войны и предлагаемых теорией в 50-х — 60-х годах она отличалась следующими тремя обстоятельствами.

Прежде всего предполагалось, что основу таких операций составят согласованные огневые и ядерные удары, осуществляемые в самом начале войны на всю глубину континента. По своему размаху такая операция должна охватить весь театр военных действий как по фронту, так и по глубине. Наконец, подобная стратегическая операция объединит в себе комплекс наступательных и оборонительных действий, но при приоритете первых.

По сформировавшимся в конце 70-х годов взглядам, стратегическая операция на континентальном ТВД представляла собой совокупность согласованных и взаимо-

Цель операции: разгром ВС на театре и вывод из войны опред государства

Стратегические показатели операции

Фронт наступления:
1000—1500 км

Глубина продвижения:
90—1200 км

Продолжительность:
до 30—35 суток

Основные стратегические задачи ВС в операции

Ближайшие (выполненные первыми фронтовыми операциями) задачи

Дальнейшие (выполненные последующими фронтовыми операциями) задачи

Глубина
500—600 км

Продолжитель.
10—12 суток

Темп
20 км/сут.

Глубина
600—700 км

Продолжитель
12—20 суток

Темп
20 км/сут.

Перв опер
250—300 км

Втор опер
250—300 км

Перв. опер
до 300 км

Втор опер.
до 350 км

Составные элементы операций

1) первые фронтовые наступательные операции

2) вторые фронтовые наступательные операции

3) частные оборонительные операции

4) воздушные операции на ТВД

5) противовоздушные операции на ТВД

6) десантные операции на ТВД

7) операции флота

8) операции мобильных сил

Отдельные массированные ракетно-огневые удары

Состав участвующих сил

— фронты	—	2—4
— общевойсковые и танковые армии	—	6—10
— воздушные армии	—	2—3
— дивизии	—	25—30
— флоты, ВДД	—	1—2

Схема 56 Структура стратегической наступательной операции на континентальном ТВД (по взглядам 70-х — 80-х гг)

связанных по цели, месту и времени ударов, операций и боевых действий различных видов Вооруженных Сил, объединенных единым замыслом и проводимых под общим руководством Верховного Главнокомандования для достижения стратегической цели войны на данном театре. Конкретный состав группировки Вооруженных Сил для подобной операции определялся с учетом особенностей ТВД, цели операции, решаемых в ней стратегических задач, учитывались также и другие факторы. Предполагалось, что в такой операции будут участвовать несколько фронтов, флот, а также объединения и соединения других видов Вооруженных Сил.

Теория признавала, что в условиях ядерной войны основная роль в стратегической операции на континентальном ТВД будет принадлежать объединениям и соединениям ракет средней дальности, на которые возлагалось уничтожение стратегических и оперативно-тактических ядерных средств противника, запасов его ядерного оружия в глубине театра, разрушение центров и объектов военной экономики, уничтожение пунктов государственного управления, командных пунктов и узлов связи стратегического и оперативного звеньев управления, разгром крупных группировок вооруженных сил неприятеля, а также разрушение узлов коммуникаций и уничтожение других не менее важных объектов.

При применении обычного оружия основная роль в такой операции принадлежала Сухопутным войскам, главная задача которых заключалась в разгроме противостоящих группировок противника и овладении его территорией.

Объединениям и соединениям ВВС в ходе стратегической операции на ТВД предстояло решать задачи по уничтожению или ослаблению авиационных и ракетно-ядерных группировок противника, поддержке боевых действий наземных войск, сил ВМФ и десантов, прикрытию их от ударов с воздуха, ведению борьбы с резервами неприятеля, разрушению его объектов военной промышленности и узлов коммуникаций, дезорганизации государственного и военного управления, срыву оперативно-стратегических перевозок противника, ведению воздушной разведки, переброске своих войск и материальных средств по воздуху. Эти задачи они могли выполнять как самостоятельно, так и во взаимодействии с силами и средствами других видов Вооруженных Сил.

Приграничные (прифронтовые) объединения и соединения Войск ПВО страны должны были прикрывать от ударов противника из воздушно-космического пространства важнейшие экономические районы и центры, крупные узлы коммуникаций и другие важные объекты, а также группировки Вооруженных Сил, объекты оперативного тыла и тыла центра, военно-морские базы.

Флоту ставились задачи по разгрому основных группировок военно-морских сил противника на морской части ТВД, уничтожению его наземных объектов на побережье и в глубине, содействию войскам фронтов в наступлении на приморских направлениях, в форсировании широких водных преград и захвате проливных зон, по обеспечению высадки морских десантов, блокированию прижатых к морю группировок врага, срыву его десантных операций, нарушению морских перевозок и обеспечению перевозки морем своих войск и материальных средств.

По опыту стратегических учений, проведенных в 70-х годах («Весна-73», «Запад-74», «Запад-77», «Восток-74», «Юг-80» и др.), в ходе стратегической операции на ТВД предусматривались: массированные ядерные удары по объектам и целям в границах театра (в ядерной войне); массированные ракетно-огневые и авиационные удары (при ведении боевых действий обычными средствами); первые и последующие наступательные операции; первые и последующие фронтовые оборонительные операции; воздушные операции на ТВД с участием авиации различных видов Вооруженных Сил; одна-две операции дальней авиации для решения самостоятельных задач; одна-две воздушно-десантные операции; боевые действия приграничных (при-

фронтовых) объединений и соединений Войск ПВО страны; морские операции флотов по разгрому противника на морских театрах военных действий и в прилегающих к континентальному ТВД районах океана, а также по содействию войскам фронтов, действующих на приморских направлениях.

Примечательно, что апробированные на учениях действия были положены в основу реального стратегического планирования операций на Западе, Востоке и Юге. При этом считалось, что в ядерной войне на каждом ТВД боевые действия ограничатся проведением лишь одной стратегической операции. Вначале допускалось, что и в обычной войне непрерывное наступление обеспечит завершение разгрома противника на всю глубину театра. Однако в дальнейшем пришлось признать, что для достижения этой цели в ряде случаев потребуется не одна, а две или даже три последовательные стратегические операции.

Продолжительность стратегической операции определялась временем, необходимым наземным войскам для захвата жизненно важных районов территории противника. Так, на Западном ТВД, глубина которого составляла 1200—1500 км от государственных границ стран, входивших в Варшавский договор, продолжительность стратегической операции при среднесуточных темпах наступления фронтов в 30—35 км определялась в 30—35 суток и более. Подобная операция на Восточном ТВД рассчитывалась в пределах 40—45 суток. В случае применения сторонами ядерного оружия решающее значение для достижения успеха придавалось искусному нанесению по противнику первого массированного ядерного удара, умелому использованию его результатов, эффективному отражению ядерного наступления неприятеля и быстрому восстановлению боеспособности своих войск.

При действиях с применением только обычного оружия разгром противника предполагалось осуществлять последовательно силами фронтовых объединений и авиации Военно-морского флота. Особая роль в достижении этой цели отводилась первым фронтовым наступательным, а на второстепенных направлениях — первым оборонительным операциям, в ходе которых намечалось захватить стратегическую инициативу, обеспечить тем самым выполнение объединениями ближайших стратегических задач. При этом вновь пришлось пересмотреть показатели размаха подобных операций. Динамика этих изменений представлена в таблице 12.

Из таблицы видно, что через каждые 5-10 лет изменялись показатели размаха операции. Постепенно стратегическая операция распространяется на весь театр военных действий, а глубина фронтовой операции сначала повышается до 1 тыс. км, а затем сокращается в 1,5—2 раза, достигнув параметров начала 50-х годов. Примерно такая же тенденция обозначилась и в динамике изменения темпов наступления: вначале они возросли до 100 км в сутки, а к 1985 г. снизились до 25—30 км в сутки.

Изменения показателей размаха операции обусловлены не только развитием средств вооруженной борьбы. Во многом это объясняется субъективным подходом к стратегическому планированию, а главное — не всегда правильной оценкой реальных условий ядерной войны и заведомым принижением возможностей противника. Совершенно очевидно, что даже в случае одностороннего применения ядерного оружия из-за больших разрушений и потерь темпы наступления в 100 км в сутки были бы абсолютно нереальны при массированном ответном использовании противником ядерного оружия. А при его упреждающем ударе они вероятнее всего свелись бы к нулю. Во всяком случае в течение длительного времени войска не могли бы вести никаких наступательных действий.

Таким образом, лишь в 80-х годах советской стратегии удалось в полном аспекте осознать реалии и скорректировать показатели размаха операций до приемлемых параметров.

Таблица 12

Показатели размаха стратегических и фронтовых наступательных операций (по опыту учений)

Годы	Ширина фронта (км)	Глубина операций (км)	Средние темпы наступления (км/сутки)	Продолжительность операции (сутки)
Стратегические операции				
1945—1953	до 1000	700—800	20—25	30—35
1954—1960	до 1000	до 1000	50—80	до 20
1961—1970	до 1000	1000—1200	80—100	20—25
1971—1980	весь ТВД (1500—2500 и более)	весь ТВД (1500 и более)	40—90	30—35
1981—1985	весь ТВД (1500—2500 и более)	весь ТВД в ядерной войне, 1000—1500 в обычной войне)	20—25	45—50 и более
Фронтовые операции				
1945—1953	300—500	350—500	20—25	15—20
1954—1960	500—600	до 600	70—80	12—15
1961—1970	до 600	до 1000	до 100	10—12
1971—1980	500 и более	700—750	до 50	15—20
1981—1985 (в обычной войне)	500 и более	500—700	25—30	20—25

Следует подчеркнуть, что с середины 70-х годов начал меняться подход к самой сущности способов действий в стратегической операции на ТВД. По сути, она превращалась в наземно-ракетно-воздушную операцию. При этом по степени значимости борьба в воздухе стала признаваться такой же важной, а при некоторых обстоятельствах даже более актуальной, чем боевые действия на земле.

В действиях Сухопутных войск особое внимание уделялось теперь стремительным прорывам и рейдам так называемых оперативных маневренных групп в глубину обороны противника. Но особо остро стояла задача по завоеванию с самого начала войны господства в воздухе. Центральное место в операциях приобретало ракетно-огневое превосходство над агрессором. В достижении целей операции повышалось значение борьбы на море с учетом возрастающих возможностей врага.

Менялся и подход к стратегической обороне. Как уже отмечалось, в 60-х годах стратегическая оборона вообще отрицалась. Однако в 70-х годах военно-теоретические взгляды на этот вид стратегических действий начали восстанавливаться в правах. Была разработана теория фронтовой оборонительной операции. При этом считалось, что на Западном ТВД фронт может вести такую операцию в полосе 500—600 км, а на Восточном — 1 000—2 000 км. Фронтовую оборону предполагалось создавать на глубину до 300 км, в пределах которой намечалось оборудовать 3—4 оборонительных рубежа: первый из двух полос, затем армейский рубеж, один или два фронтовых.

Во всех случаях фронтовую оборонительную операцию планировалось вести с предельной активностью, нанося ответные ракетно-огневые, авиационные, а в ядер-

ной войне — прежде всего ядерные удары, проводить решительные контрудары и осуществлять стремительный маневр силами и средствами. Она имела своей целью создание условий для перехода в контрнаступление и решительное наступление.

Фронтвые оборонительные операции систематически отрабатывались на многочисленных учениях, проводившихся на всех стратегических направлениях. Предусмотрены они были и в реальных планах. С середины 70-х годов практически все фронтвые объединения готовились к проведению с началом войны либо оборонительных, либо наступательных операций. Однако независимо от обстановки основным способом действий оставался наступательный вариант.

Что касается стратегической обороны, то она мыслилась лишь в рамках единой стратегической операции на ТВД. Предполагалось, что она будет одним из частных элементов операции, предназначенной для отражения внезапного нападения агрессора. Достижение этой цели намечалось осуществить в течение короткого времени (не более 5-7 суток) путем проведения первых армейских, в крайнем случае первых фронтных оборонительных операций. В дальнейшем предполагалось развернуть стремительное стратегическое наступление на всю глубину ТВД. Примечательно, что в ходе стратегического наступления на короткое время не исключались отдельные оборонительные операции, главным образом в армейском или фронтном масштабе, для отражения контрударов или начавшегося контрнаступления врага.

Важно отметить, что вопросы, касающиеся стратегической оборонительной операции на ТВД применительно к Востоку, а потом и к Западу, были подняты лишь в начале 80-х годов. Однако сделано это было очень робко. В те годы они рассматривались только в теории, а на учениях ни разу не отрабатывались.

Свое официальное признание теория стратегической оборонительной операции на ТВД получила только в 80-х годах. Она нашла отражение во втором издании «Основ подготовки и ведения операций Вооруженных Сил СССР», апробирована впервые на учении «Центр-84». В 1988 г. она отрабатывалась наиболее тщательно под руководством министра обороны генерала Язова на стратегическом учении в европейской части СССР.

Стратегическая операция на океанском театре военных действий начала разрабатываться в середине 70-х годов. Основные военно-теоретические положения были проверены на стратегических учениях «Атлантика» (1978) и «Океан» (1979). В ее разработке участвовали Генеральный штаб и главный штаб ВМФ. Важная роль в этом плане принадлежала главному ВМФ адмиралу флота С. Г. Горшкову. В законченном виде теория стратегической операции на океанском ТВД оформилась к 1980 г. В это же время она была реально спланирована на Атлантическом и Тихоокеанском театрах военных действий.

По своей сущности стратегическая операция на океанском ТВД представляла собой совокупность согласованных операций и боевых действий флотов, а также объединений и соединений других видов Вооруженных Сил, проводимых по единому замыслу и плану в целях разгрома основных группировок военно-морских сил противника, срыва или ослабления его ударов с океанских и морских направлений по объектам СССР и Вооруженным Силам, воспрепятствования (нарушения) океанских стратегических перевозок, блокады островных государств или захвата их территорий, а также создания благоприятных условий для решения советским флотом других стратегических задач, которые могут возникнуть в ходе войны.

К участию в стратегической операции на океанском ТВД намечалось привлекать силы одного или двух флотов, отдельные соединения и части дальней фронтовой и военно-транспортной авиации, армии, действующие на приморских направлениях, воздушно-десантные войска, приморские соединения Войск ПВО страны. В

отдельных случаях не исключалось использование Ракетных войск стратегического назначения.

Главная задача сил в стратегической операции на океанском ТВД заключалась в уничтожении ракетных подводных лодок, авианосных соединений и основных группировок противолодочных сил противника. Прежде всего требовалось вывести из строя его стратегическую подводную ракетно-ядерную систему, представлявшую собой совокупность взаимосвязанных элементов. Она включала атомные ракетные подводные лодки — носители ракетных комплексов, береговые и плавучие средства базирования и материально-технического обеспечения ракетных подводных лодок, наземные и космические системы навигационного обеспечения действий подводных лодок, системы управления ракетными подводными лодками и т. п.

Задача эта оказалась исключительно сложной. Практика 70-х годов показала, что общая площадь возможных районов маневрирования подводных лодок противника превышает 20 млн. кв. км. Поэтому даже в условиях непрерывного слежения за ними еще в мирное время обнаружить и уничтожить их с началом войны до пуска ими ракет практически невозможно. Вот почему наряду с поисково-ударными операциями особое внимание уделялось решению задач по уничтожению подводных лодок в пунктах базирования и при выходе их из ВМБ.

Второй по важности комплекс задач заключался в уничтожении океанских ядерных соединений противника — его основных средств завоевания господства на океанском театре. Они представляли серьезную угрозу не только для Военно-морских сил СССР, но и для других важных объектов и группировок войск на приморских направлениях. Решение этой задачи достигалось путем нанесения согласованных ударов по авианосцам противника силами морской ракетноносной и дальней авиации, а также многоцелевыми подводными лодками. Считалось, что эффективные результаты могут быть достигнуты в том случае, если удастся поразить авианосцы до подъема с их палуб авианосной авиации.

Разгром основных группировок противолодочных сил и разрушение его системы противолодочного наблюдения планировалось осуществлять методом последовательного уничтожения сил, развернутых в противолодочной зоне и на противолодочных рубежах, а также путем нарушения системы дальнего обнаружения подводных лодок, разрушения пунктов управления и базирования противолодочных кораблей, перехвата и уничтожения противолодочных самолетов.

Ответственной считалась также задача по борьбе на океанских коммуникациях противника. Предполагалось, что срыв отлаженных его перевозок позволит изолировать сосредоточенные в Европе группировки его войск, а значит, они будут обречены на быстрое поражение. С этой целью планировалось наносить последовательные удары по всем элементам коммуникаций: портам погрузки, конвоям на переходе и портам разгрузки. Вначале эти задачи представлялись весьма реальными. Однако опыт учений «Океан» показал, что флот способен уничтожить не более 10—15% стратегических транспортов противника, следующих с американского континента в Европу.

Исходя из этого, в последующем перед ВМФ ставилась задача лишь на частичное нарушение океанских перевозок. Одновременно началась интенсивная разработка новых средств — морских разведывательно-ударных систем, с помощью которых предполагалось в несколько раз повысить эффективность борьбы на океанских коммуникациях противника.

Успех действий флотов в стратегических операциях на океанских ТВД теснейшим образом связывался со своевременным развертыванием сил в районах предстоящих боевых действий. Это обуславливалось тем, что из-за особенностей военно-

географического положения этих районов флотам для выхода в них предстояло преодолевать узости и проливные зоны, контролируемые противником. В этих условиях наряду с умелым использованием сил боевой службы и своевременным их наращиванием особое значение приобретало превентивное развертывание главных сил.

Исходя из содержания основных задач стратегической операции на океанском ТВД предусматривались соответствующие группировки разнородных сил и средств, включавшие следующие элементы: уничтожение атомных ракетных подводных лодок; уничтожение авианосных ударных группировок; уничтожение противолодочных сил; нарушение перевозок противника на океанских коммуникациях; обеспечение пролета авиации через зону ПВО противника; вывод из строя объектов противолодочной обороны, системы наблюдения, управления и навигационного обеспечения. К тому же на период боевых действий с применением обычного оружия в дальней и морской ракетноносной авиации создавались силы ядерного резерва.

В целом состав группировок сил и средств, сроки их формирования и оперативного построения определялись с учетом выработанной последовательности и способов решения основных задач операции.

Советская военная стратегия исходила из того, что в рамках стратегической операции на океанских ТВД будут осуществляться: удары стратегических ядерных сил по береговым и морским объектам и целям в интересах разгрома морского противника; первые и последующие морские операции по разгрому ударных сил флота противника и нарушению или срыву его океанских перевозок; воздушные операции на океанском ТВД; боевые действия дальней авиации с нанесением ударов по морским и береговым объектам и целям противника; морские десантные и воздушно-десантные операции в целях захвата отдельных островных территорий; боевые действия Войск ПВО страны по прикрытию собственных сил флота в море и базах в пределах радиуса действий истребительной авиации и возможностей средств наведения.

Как и стратегическую операцию на континентальном ТВД, операцию на океанском театре предполагалось начинать с отражения нападения противника, нанесения встречных и ответных ракетно-огневых, авиационных, а в ядерной войне и ядерных ударов по основным группировкам ВМС противника, запланированным прибрежным его объектам в закрытых морях и оперативно важных зонах океана. Далее намечалось сосредоточиться на уничтожении либо резком ослаблении заблаговременно развернутых или развертываемых в начале войны ударных сил флота противника, а также завоевании господства в зоне глубиной до 1500 км от своих берегов. В последующем эти зоны расширились до 2 500—3 000 км. В них предполагалось уничтожить группировки второго оперативного эшелона ВМС противника, а также развернуть активные операции по нарушению его океанских коммуникаций, блокаде и захвату островных территорий введенными в районы боевых действий ударными и противолодочными силами.

В 80-х годах все эти положения подверглись существенной корректировке. Причина в том, что в условиях ядерного паритета снизилась вероятность ядерной войны, но усилилась возможность мировой обычной войны. Кроме того этот процесс был обусловлен появлением новых высокоточных систем управления оружием, ускоренной разработкой средств вооруженной борьбы в космосе, более реальным подходом к планированию операций и боевых действий, а главное — принятием СССР новой оборонительной доктрины. Определяющим фактором оборонительного характера военной доктрины являлось то обстоятельство, что в начале войны основным способом применения всех видов Вооруженных Сил будут ответные дейст-

вия по отражению агрессии. В соответствии с этим основополагающим положением строилась и вся система операций Вооруженных Сил.

Важнейшее значение в эффективном отражении агрессии приобретало стратегическое развертывание Вооруженных Сил, которое стало рассматриваться как особая форма их стратегических действий. Выдвинутые новые требования состояли в том, чтобы строго учитывать при стратегическом развертывании конкретные условия военно-политической обстановки и уже на первой стадии ее возможного обострения обеспечить, а по мере нарастания военной угрозы осуществить заблаговременное последовательное развертывание сил и средств с тем, чтобы завершить его до начала войны.

С учетом вышеизложенных требований была разработана новая система приведения войск в боевую готовность. Она предусматривала распорядительный порядок и возможность экстренного развертывания войск и сил, различные варианты скрытого последовательного решения этой задачи, в том числе без подъема войск по боевой тревоге, развертывание под прикрытием систематических учений, а также действия по возвращению своих войск из высоких степеней готовности в более низкие и т. п. В целом новая система обеспечивала более высокую готовность Вооруженных Сил к отражению возможного нападения противника в любых его формах.

Существенной корректировке подверглась операция стратегических ядерных сил. В связи с ликвидацией ракет средней дальности была полностью пересмотрена программа целей как на отдаленных территориях, так и на театре военных действий. Принимались дополнительные меры по обеспечению гарантированного ввода в действие СЯС в любых условиях начала войны, осуществлялся комплекс мероприятий по обеспечению надежного поражения площадных и точечных целей меньшим количеством средств. Наконец, разрабатывалась и осваивалась теория действий стратегических ядерных сил при длительном ведении обычной войны.

Как оказалось, эта проблема имела два аспекта. Первый состоял в поддержании постоянной готовности ядерных сил к применению и усилении их защиты в обычной войне. А второй заключался в придании СЯС способности наносить ракетно-огневые удары по объектам и находящимся на любом удалении группировкам войск, а также боеприпасами в обычном снаряжении.

Одна из задач, возникших при корректировке операции СЯС, решалась путем совершенствования системы боевой готовности РВСН, дальней авиации и соединений ракетных подводных лодок, усиления охраны и обороны позиций ракетных войск, аэродромов и баз, организации специальных операций по обеспечению развертывания и боевой устойчивости ракетных подводных лодок стратегического назначения.

С целью нанесения ракетно-огневых ударов по объектам на удаленных территориях была разработана новая форма применения Военно-воздушных сил — стратегическая воздушная операция на нескольких ТВД и в отдаленных военно-географических районах (на других континентах). Для поражения целей на заокеанских территориях предполагалось подготовить в Европе и Азии часть сил с применением крылатых ракет дальнего действия.

Однако эти операции оказались недостаточно исследованными и изученными, а в их теории не были решены многие сложные проблемы, а именно: обеспечение пролета дальней авиации к объектам удара (подавление ПВО,крытие и др.); организация управления авиацией при одновременном решении стратегических задач на нескольких ТВД; обеспечение заправки самолетов в воздухе при действиях на предельных дальностях; повышение живучести авиации; взаимодействие, управление и др.

С принятием новой оборонительной военной доктрины коренной переработке подверглась теория стратегических действий на континентальных ТВД. Вместо еди-

ной стратегической операции были разработаны три вида операций: стратегическая оборонительная операция, стратегическая контрнаступательная операция и стратегическая наступательная операция.

Основательнее всего разрабатывалась стратегическая оборонительная операция. В 80-е годы возможность ведения такой операции предусматривалась и на второстепенных, и на главных ТВД, в том числе в Европе. Стратегическую оборону намечалось создавать на всем театре на глубину 450—500 км. Операцию предполагалось начинать с отражения воздушно-космического нападения противника и немедленно нанесения ответных ракетно-авиационных огневых ударов сначала дежурными силами по первоочередным объектам, а затем и первого массированного огневого удара по всему комплексу целей.

В дальнейшем имелось в виду отражать вторжение противника и наносить поражение его наступающим группировкам путем проведения первых, а если потребуется, то и вторых фронтовых оборонительных операций. Одновременно планировались операции флотов по отражению нападения агрессора с моря и разгрому основных группировок его ВМС, причем в ограниченных операционных зонах и без их расширения. Предполагалось также проведение ряда воздушных и противовоздушных операций на ТВД, а на случай возможного вторжения противника с моря готовились противодесантные операции.

Что касается теории стратегических контрнаступательных операций на театре военных действий, то они планировались в самом начале войны после отражения агрессии противника. Для этого намечалось привлечь те силы, которые вели стратегическую оборону, а также войска второго эшелона, выдвинутые из глубины страны. Цель подобной операции заключалась в разгроме вторгнувшихся группировок противника, восстановлении положения на границе и переносе военных действий на территорию врага до установленных рубежей. Затем предполагалось либо добиться прекращения войны, либо развернуть стратегическое наступление с решительным его наращиванием на всю глубину театра военных действий.

По-новому трактовалась теперь и стратегическая наступательная операция на континентальном ТВД. Правда, как и прежде, предусматривалась возможность ее ведения с применением либо без применения ядерного оружия. Однако способы ведения наступления были пересмотрены с учетом наличия у сторон высокоточного оружия, возможности преднамеренного разрушения атомных электростанций и объектов производства и хранения высокотоксичных веществ.

Показатели размаха операции были несколько сокращены. Исключалось применение импровизированных оперативно-маневренных групп. Вместо их использования были разработаны способы действия танковых армий и авиации в отрыве от основных сил с широким применением оперативного (воздушно-десантная дивизия) и оперативного-тактических воздушных (десантно-штурмовые бригады) десантов.

С созданием на ТВД главных командований Западного, Юго-Западного, Южного и Дальневосточного направлений подверглись кардинальной переработке вопросы организации, планирования и управления всех трех видов стратегических операций на ТВД. Теперь вопросы, связанные с подготовкой этих операций, возлагались на командования направлений, а за Генштабом оставалось планирование глобальных стратегических действий, операции стратегических ядерных сил и стратегической операции по отражению воздушно-космического нападения противника.

Радикальному пересмотру подверглись проблемы ведения вооруженной борьбы на океанских и морских театрах военных действий. С учетом соотношения сил к тому времени было признано целесообразным вместо стратегической операции на океанском ТВД проводить действия ВМФ в стратегически важных районах Мирового океана.

При этом намечалось решить четыре основные задачи: обеспечить развертывание и боевую устойчивость ракетных подводных лодок стратегического назначения; гарантированно уничтожать авиационные группировки противника; нарушать его океанские и морские коммуникации; содействовать войскам фронтов в проведении оборонительных и наступательных операций на приморских направлениях. Одновременно предусматривались действия флота по завоеванию и удержанию господства в ограниченной зоне океанского театра, блокаде проливных зон и важных приморских районов.

Дальнейшее развитие получила теория стратегической операции по отражению воздушно-космического нападения противника. В частности, обстоятельно были разработаны вопросы борьбы с крылатыми ракетами всех видов базирования, а кроме того, исследована и введена в общую систему действий операция войск ракетно-космической обороны.

Наконец, в 80-е годы впервые были разработаны теоретические основы операции космических сил в целях решения комплекса как глобальных боевых задач, обеспечивающих Вооруженные Силы во всех видах их стратегических действий, так и задач по борьбе с противником в особом ТВД — в космическом пространстве. Тем самым была открыта совершенно новая страница в теории советской военной стратегии.

7. Стратегия локальных войн и военных конфликтов

В послевоенные годы внимание военных теоретиков и историков было сосредоточено не только на проблемах минувшей второй мировой войны, но и на возникших то в одном, то в другом регионе земного шара локальных войнах и военных конфликтах. Дело в том, что количество их в этот период непрерывно возрастало. Так, только с 1950 по 1990 гг. в мире произошло 250 государственных переворотов, 127 внутригосударственных, антиколониальных и других войн и конфликтов, 25 локальных межгосударственных войн различного социального характера, масштаба и продолжительности. Никогда прежде мировому сообществу ни с чем подобным не приходилось сталкиваться.

Объяснялось это многими причинами: блоковым противостоянием государств, обстановкой «холодной войны», распадом колониальной системы, возникновением новых антагонизмов на экономической, территориальной, этнической, религиозной и межобщинной почве и т. д. Претерпевали изменения многие качественные и количественные показатели, характеризующие социальный характер и политическое содержание локальных войн и вооруженных конфликтов, а также формы использования в них военной силы, способы их ведения, ожидаемые последствия. Несмотря на ряд существенных различий, их объединяло одно — резко возросшая опасность перерастания в крупномасштабные, в том числе и межсистемные войны. Прямо или косвенно все эти войны и конфликты затрагивали коренные интересы мировых держав, особенно СССР и США, сказывались на общей расстановке мировых военно-политических сил, серьезно влияли на международную и региональную безопасность.

Вот почему Советский Союз и Соединенные Штаты Америки, проводившие глобальную политику, не могли оставаться в стороне. Более того, очень часто они сами оказывались прямо или косвенно втянутыми в эти войны и конфликты. Участие в них в различной форме стало неотъемлемой частью внешней политики и военной стратегии этих крупных мировых держав.

Так, СССР, используя политические, дипломатические и иные меры, реагировал почти на 130 военных столкновений, происходивших в Азии, Африке, Центральной и

Южной Америке, Европе, причем в 88 военных конфликтах использовалось советское оружие, которое поставлялось воюющей стране непосредственно или через третьи государства. Данные, приведенные в таблице 13, отражают непосредственное участие советских войск и военных специалистов в 16 крупнейших локальных войнах и военных конфликтах.

Таблица 13

Участие советских Вооруженных сил в локальные войны и военных конфликтах

Войны и конфликты годы	Контингенты советских войск и военная годы помощь
1	2
Война в Корее (1950—1953)	авиационный корпус: несколько истребительных авиадивизий, свыше 5 тыс. человек, 200 специалистов, поставки техники
Боевые действия в Алжире (1962—1964)	военные советники и специалисты, поставки техники
Война во Вьетнаме (1965—1974)	военные советники и специалисты, несколько полков (зенитно-ракетных дивизионов), ЗРВ, 3 истребительно-авиационных полка, поставки техники
Вторая арабо-израильская война (1962—1964)	военные советники и специалисты, поставки техники
Третья арабо-израильская война (1969—1973)	военные советники и специалисты, дивизия ПВО (3 бригады), 2 истребительно-авиационных полка, поставки техники.
Четвертая арабо-израильская война (1980—1983)	военные советники и специалисты, зенитно-ракетная бригада смешанного состава, 3 зенитно-ракетных полка, 2 зенитно-артиллерийских полка, поставки техники
Боевые действия в Анголе (1975—1979)	военные советники и специалисты, поставки техники
Боевые действия в Мозамбике (1975—1979)	военные советники и специалисты, поставки техники
Боевые действия в Эфиопии (1977—1990)	военные советники и специалисты, поставки техники, самолеты-разведчики с советскими экипажами
Советско-китайский кон- фликт на Дальнем Восто- ке и в Казахстане (1969)	часть войск Дальневосточного и Среднеазиатского военных округов
Афганская война (1979—1989)	40-я армия, войска КГБ и МВД, 4-5 мотострелковых дивизий, воздушно-десантная дивизия, 5 отдельных бригад, 4 отдельных полка, 5 авиаполков, 3 вертолетных полка, другие части всего 80—104 тыс. военнослужащих и 5—7 тыс. служащих. В общей сложности 620 тыс. чел. приняли участие в военных действиях в Афганистане, в том числе военные советники и специалисты, массовые поставки техники
Берлинский кризис (1948)	Группа советских оккупационных войск в 1948 г. Германии: 5—6 дивизий, части ВВС и ПВО (блокада Западного Берлина и коммуникаций)

1	2
Карибский кризис (1962)	Группа войск на Кубе: 2 ракетные дивизии — Р-12 и Р-14 (60 ПУ), 2 дивизии ПВО (144 ПУ), 4 мотострелковых полка, бомбардировочный авиаполк Ил-28 (50 самолетов), МиГ-21 (36 самолетов), вертолетный полк Ми-4 (36 вертолетов) авиаполк, ракетный полк береговой обороны, 2 дивизиона ракетных катеров и др. части, всего до 50 тыс. человек, перевозки и развертывание, военные советники и специалисты, массовые поставки техники
Польский кризис (1956)	2 дивизии СГВ, к границам подтягивались 1956 г. 12 дивизий ГСВГ, БВО, ПрикВО, ввд и др. части
Венгерский кризис (1956)	вначале Особый корпус (2 междивизии, бомбардировочно-истребительная дивизия и др. части), затем дополнительно 2 ввд, 7 мсд и т. д., др. части, всего — свыше 60 тыс. человек
Чехословацкий кризис (1968—1969)	центральная группа войск, войска ПрикВО, БВО, КВО, ГСВГ, СГВ

В середине 80-х годов перед отечественной военной наукой возникла задача: разработать методологические основы и оценки локальных войн и конфликтов, а главное — создать стратегию локальных войн и военных конфликтов, способную противостоять соответствующим концепциям, принятым в США, европейских странах НАТО и других государствах.

Прежде всего советским военным теоретикам предстояло исследовать характер локальных войн и военных конфликтов, разобраться в их типах и видах, разработать их системную классификацию. Начало этой работы было положено выходом в свет труда «Локальная война», подготовленного Генеральным штабом в 1966 г.³⁶ На страницах журналов «Военная мысль», «Военно-исторический журнал» и других изданий появились многочисленные статьи, посвященные этой же проблеме. В 1981 г. Военная академия Генерального штаба завершила комплексное исследование «Локальные войны»³⁷. Научное осмысление опыта локальных войн и военных конфликтов нашло отражение в реферативных сборниках «Государства НАТО и военные конфликты» (1987), «Региональные локальные конфликты: история и современность» (1989)³⁸, а также в изданной Генеральным штабом серии обзоров по войнам в Корее, во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в Персидском заливе и др.

Проведенный анализ показал, что системная классификация локальных войн и военных конфликтов должна учитывать многие параметры, но в первую очередь географический масштаб, место их в общеполитической системе мира, уровень вооруженной борьбы, социальные признаки, характер противоречий и др. К 90-м годам по масштабам принято было различать несколько типов военных конфликтов: ограниченные глобальные конфликты с открытым участием центросиловых держав и их стратегических союзников; региональные центропериферийные конфликты, охватывающие обширные районы; локальные интернационализованные и неинтернационализованные конфликты.

Характерным примером ограниченного глобального конфликта является Карибский кризис 1962 г., который по сути поставил весь мир на грань планетарной ядерной катастрофы. Тогда критическая конфронтация, сложившаяся в отношениях только между СССР и США, прямо или косвенно затронула безопасность всех без исключения государств. К сожалению, осмысление возможных непредсказуемых глобальных последствий, которых, надо признать, удалось избежать буквально чудом, началось

лишь в 90-х годах, когда общественности стали известны не только факты и события того времени, но и увиденные воочию страшные последствия Чернобыльской трагедии.

Как свидетельствует опыт, региональные центропериферийные военные конфликты коренным образом изменяют обстановку как в отдельных регионах, так и на целых континентах. Характерными примерами таких конфликтов могут служить вьетнамская война (1965—1974) и войны на Ближнем Востоке (1962—1983). Непосредственное участие в войне в Юго-Восточной Азии принимали Демократическая Республика Вьетнам, Южный Вьетнам и США. Но затем в нее были вовлечены СССР, Китай, Южная Корея, Таиланд, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия. Из этого перечня следует, что война распространилась на значительную часть Азиатско-Тихоокеанского региона.

Во втором случае военные действия велись между Израилем, Египтом, Сирией, Ираком и Ливаном. Но в них приняли участие войска США, Советского Союза, Иордании, Марокко, Саудовской Аравии, Кувейта, а также Иран, Алжир, Тунис. По существу, война по своему пространственному размаху охватила весь Ближневосточный регион и примыкающие к нему территории Северной Африки.

В системе международных отношений советская военная стратегия, в зависимости от места, различала межсистемные, межгосударственные и внутригосударственные войны, вооруженные конфликты и столкновения. Первые происходили между странами или группами стран, находившимися на стыке различных социально-общественных систем (вьетнамская и корейская войны).

Межгосударственные системные войны и военные конфликты — это вооруженные столкновения в рамках одной системы. В основном это войны, возникавшие на почве политических, идеологических и религиозных разногласий, экономической борьбы и территориальных споров.

В 50-е — 80-е годы советская военная теория однозначно исходила из того, что такие войны происходят в результате острых противоречий только между различными государствами, принадлежащими к капиталистическому лагерю. Действительно, в то время случилось немало острых военных конфликтов подобного рода. Сюда можно отнести арабо-израильские войны, индо-пакистанскую войну, англо-аргентинский конфликт из-за Фолклендских (Мальвинских) островов, ирано-иракскую войну и многие другие.

Полной неожиданностью для советских военных теоретиков явилось осознание того, что локальные военные столкновения отнюдь не исключены и в социалистическом мире. Советско-китайский конфликт на острове Даманском, китайско-вьетнамская война, наконец, события в Венгрии и Чехословакии показали, что острые противоречия сохраняются и при социализме, а значит, они могут привести не только к политической, но и к военной конфронтации. Это заставило пересмотреть многие догматические установки и уже с иных позиций оценить проблемы национальной безопасности СССР.

Советская военная стратегия относила внутригосударственные войны к гражданским войнам. Но если прежде принято было считать, будто они возникают на классовой основе, то в ядерную эпоху пришлось признать, что большинство таких войн представляет собой столкновения на межэтнической, межобщинной, межплеменной, исторической и национальной почве. 50-е — 80-е годы изобиловали такого рода войнами и военными конфликтами. Не прекращаются они и поныне, причем по своей бескомпромиссности и жесткости они не только не уступают, но подчас даже превосходят межгосударственные локальные войны.

Но особого внимания заслуживает классификация локальных войн и конфликтов по уровням их ведения. В СССР и США на основе обобщения всех вооружен-

ных столкновений периода «холодной войны», особенно в 70-е — 80-е годы, пришли примерно к одним и тем же выводам. Советская военная теория признала целесообразным различать военные конфликты мирового уровня, локальные войны низкой, средней и высокой интенсивности.

К военным конфликтам мирового уровня стали относить внутригосударственные мятежи, перевороты, этнические, межобщинные и религиозные столкновения, массовые террористические и партизанские акции, питательной средой которых являются социально-политическая напряженность в обществе, национализм, расовая нетерпимость, религиозно-общинная рознь, религиозный фундаментализм.

Межгосударственные локальные войны низкой интенсивности представлялись в основном как ограниченные по времени и пространству пограничные столкновения, территориальные конфликты, столкновения из-за иммиграционных процессов. Как правило, они быстро затухают, а потому не вызывают какого-либо обострения международной обстановки.

Особо распространенными, а значит, и более опасными являются локальные войны средней интенсивности. Обычно они возникали да и сейчас возникают вследствие глубинных противоречий. Поэтому они, отличаясь большей напряженностью и остротой, нередко довольно продолжительны. Но все же главная их особенность состоит в том, что они несут в себе потенциальную опасность расширения до уровня войны большого масштаба. К такому типу в 50-х — 70-х годах относятся около 60 локальных войн в Азии, Африке, Латинской Америке.

Особую угрозу человечеству несут локальные войны высокой интенсивности. К ним относятся региональные войны, затрагивающие интересы многих стран. В свою орбиту они вовлекают и крупные державы, в результате чего весь мир может оказаться на грани войны. В этих локальных войнах высокой интенсивности обычно сталкивается комплекс интересов: политических, экономических, идеологических, территориальных, этнических, религиозных и других. Так как обостряются отношения не только между отдельными государствами, но и между противостоящими военно-политическими группировками, то резко накаляется обстановка во всем регионе, а иногда и в мире.

Следует выделить еще одну существенную особенность, присущую локальным войнам и военным конфликтам 50-х — 80-х годов. Как известно, до второй мировой войны на долю развитых стран приходилась почти треть всех вооруженных конфликтов и 88% потерь. Затем картина резко изменилась: 65% всех конфликтов и 90% потерь выпало на долю развивающихся стран. Но это вовсе не означает, что ведущие государства мира отошли на второй план. Напротив, логика развития локальных войн была такова, что их ход и исход, масштабы и последствия зависели не только и даже не столько от непосредственно воюющих сторон, сколько от стоящих за их спинами мировых сверхдержав. Вот почему именно США и СССР были главной движущей силой в большинстве локальных войн, ибо их прямая или косвенная помощь в решающей мере определяла характер военных действий в этих войнах, позволяла противостоявшим сторонам восстанавливать потери, что давало им возможность длительное время продолжать борьбу.

Политические и стратегические решения, принимаемые руководством этих сверхдержав, их противоборство чаще всего предопределяли развитие, ход и исход локальной войны. Во всяком случае почти всегда США и СССР находились по разные стороны баррикады. Стоило лишь не соблюсти этот принцип, как динамика войны резко менялась. Наглядным примером может служить война в Персидском заливе 1990—1991 гг. Вследствие того что СССР, сменивший свой внешнеполитический курс, занял ту же позицию, что и коалиция межнациональных сил во главе с США,

война закончилась в кратчайший срок безраздельной победой над Ираком. Не вызывает никакого сомнения тот факт, что события развивались бы совершенно по-иному, будь Советский Союз на другой стороне. А то, что при прежнем политическом курсе он занял бы именно такую позицию, совершенно бесспорно.

Анализируя локальные войны последних лет, советская военная стратегия пришла к выводу, что любому вооруженному конфликту предшествует внутренний или международный кризис, а сами конфликты проходят через несколько фаз: мирная — начало обострения обстановки, промежуточная — начало конфронтации, развернутая — вооруженная борьба, заключительная — окончание конфликта.

В развитии локальной войны существенное значение имело определенное событие, которое и являлось началом кризиса. В 50-х — 70-х годах в 14% случаев это был какой-то политический акт в виде угрозы, ультиматума, обвинения, требования или протеста одной из сторон; в 27% — дипломатические и экономические санкции; в 16% — изменения в повседневной деятельности вооруженных сил; в 12% — смена политических режимов, государственный переворот, восстание, мятеж и т. д.; в 10% — демонстрация силы в виде мобилизации, передвижения войск с явно агрессивными намерениями; в 11% — непосредственное применение военной силы, нарушение границ, пограничные столкновения, прямое вторжение; в 10% — другие причины.

Безусловно, в любом кризисном конфликте переломным является момент применения военной силы. Судя по опыту последних десятилетий, вооруженные группировки вступают в действие на различных стадиях развития кризиса. В одном случае сила применяется при зарождении кризиса, в другом — с его началом, в третьем — при развитии кризиса, а могла и вообще не применяться. Словом, в каждом из этих вариантов военные действия, различные по своему характеру, получали своеобразный скачок. Поэтому и кульминационный момент борьбы мог наступить на разных стадиях войны (кризиса). Иногда это происходило в самом начале войны (кризиса), но чаще всего напряженность военных действий нарастала постепенно, достигая своего максимального накала накануне или непосредственно на завершающей фазе войны (кризиса).

Показательны также способы урегулирования кризисов. Анализ показывает, что этот процесс находил свое разрешение при обоюдном истощении сил сторон или в результате переговоров между ними. Нередко он достигался благодаря посредничеству третьих стран или международных организаций, чаще всего ООН. И наконец, урегулирование кризисной ситуации осуществлялось посредством политического, экономического, а иногда и прямого военного давления со стороны мировых держав.

Безусловно, почти все локальные войны, военные конфликты и кризисы 50-х — 80-х годов таили в себе определенную опасность как для втянутых в их сферу государств, так и для международной стабильности в целом. Однако степень этой опасности не равнозначна. Менее опасными являлись те конфликты, которые серьезно не затрагивали интересы крупных держав и не угрожали политическому режиму. Более опасными представлялись те войны и конфликты, что ставили под угрозу территориальную целостность воевавших государств и их политический строй. Но еще опаснее были такие, которые угрожали нарушению политического и военно-стратегического равновесия в мире. Последние, как правило, принимали бескомпромиссный характер, нередко вызывая острый международный кризис.

Участие Советского Союза в локальных войнах и военных конфликтах проявлялось в различных формах. Нередко оно ограничивалось оказанием политической, дипломатической, экономической и финансовой помощью одной из сторон, а иногда и обеим сторонам одновременно. В других случаях СССР направлял своих советни-

ков и специалистов, осуществлял поставки оружия и военной техники, проводил подготовку национальных военных кадров. Наконец, в ряде вооруженных столкновений непосредственное участие принимали советские войска. Самое значительное из таких событий — это афганская война 1979—1989 гг.

Экспедиционные войска, направленные в районы локальных войн и конфликтов, несли неизбежные потери. О том, какие потери нес при этом Советский Союз, можно судить по данным, приведенным в таблице 14.

Таблица 14
Потери советских войск в некоторых локальных войнах и конфликтах

Войны и конфликты	Потери в личном составе (чел.)			Потери техники, (единиц)
	безвозвр.	санитарн.	всего	
Война в Корее	299	данных нет	данных нет	335 самолетов
Польский кризис	15	данных нет	данных нет	—
Венгерский кризис	720	2 260	2 980	данных нет
Чехословацкий кризис	96	87	183	данных нет
Афганская война	14 453*	53 753**	68 206	118 самолетов, 333 вертолета, 147 танков, 1 314 БМП и БТР, 433 ор. и минометов, 11 369 автоматов

Серьезные потери в локальных войнах несли и Соединенные Штаты Америки. Однако в отличие от американского общества в Советском Союзе потери воспринимались более спокойно, но и они, особенно во время афганской войны, серьезно озадачивали советское политическое и военное руководство, вынуждая принимать определенные меры, направленные на их сокращение. С этой целью совершенствовались организация войск и тактика их действий, дорабатывалась военная техника. Более тщательно проводилась подготовка личного состава. Особое внимание уделялось обобщению боевой практики, для чего проводились совещания, военно-научные конференции, издавались обобщенные обзоры боевого опыта.

В ходе этой кропотливой работы делались важные выводы не только в отношении конкретной локальной войны, но и по общим проблемам военного строительства. Одновременно апробировались стратегические и оперативные взгляды, испытывались образцы новых видов оружия, уточнялись направления и планы развития Вооруженных Сил. Во многом поучителен в этом отношении опыт вьетнамской и афганской войн, а также войны в Персидском заливе.

На основе практики вьетнамской войны коренным образом были пересмотрены принципы ведения противовоздушной обороны, осознана исключительно важная роль радиоэлектронной борьбы. Война в Афганистане позволила выработать способы защиты от самонаводящегося оружия противника, освоить тактику рейдов и проведения мелкомасштабных наземно-воздушных операций. Опыт войны в Персидском заливе нацелил отечественных военных теоретиков на пересмотр всей системы

* Кроме того, в плену у моджахедов оказались 417 человек, из них 119 к 1995 г. освобождены.

** Кроме того, 415 932 человек заболели, из них 411 015 возвращены в строй, 343 уволены, 574 умерли.

взглядов относительно ведения обычной войны с использованием высокоточного управляемого оружия.

Примечательно, что после афганской войны стратегия участия советских Вооруженных Сил в локальных войнах и конфликтах была существенно уточнена. Более взвешенной и объективной оценке подверглись все обстоятельства, связанные с вовлечением страны и армии в подобные войны, была выработана система принятия решений, планирования и управления военными действиями, разработаны принципы взаимодействия участвующих в войне всех сил и средств, уточнен порядок согласования политических, дипломатических, военных и экономических усилий.

В начале 90-х годов более пристальное внимание стало уделяться всестороннему прогнозированию перспектив ведения войны, тщательному анализу театров военных действий, вариантов возможного вмешательства третьих стран, а также национальных, религиозных и других особенностей. Большой вклад в разработку этих вопросов внесли С. Ф. Ахромеев, В. И. Варенников, М. А. Гареев, А. А. Данилевич, П. И. Ивашутин, Н. В. Огарков и др.

Отечественные военные специалисты сделали важные выводы о целесообразности использования в локальных военных конфликтах мобильных войск специальной организации, дооборудованных систем оружия и военной техники, создания соответствующих управленческих структур. На их основе началась разработка особых форм операций и боевых действий в локальных войнах и вооруженных конфликтах, в том числе и в «миротворческих акциях». Продолжалось исследование проблемы эволюции локальных войн, возможных условий и форм их перерастания в крупномасштабные вооруженные столкновения.

8. Стратегическое руководство Вооруженными Силами

После окончания Великой Отечественной войны, когда армия и флот переводились с военного на мирное положение, потребовалась радикальная перестройка всей системы руководства обороной страны и управления Вооруженными Силами, особенно в стратегическом звене.

4 сентября 1945 г. был упразднен Государственный комитет обороны, прекратила свою деятельность и Ставка Верховного Главнокомандования. В феврале следующего года произошла реорганизация народных комиссариатов обороны и Военно-морского флота. Руководство армией, авиацией и флотом возглавил Наркомат Вооруженных Сил, с марта того же года — это уже Министерство Вооруженных Сил. При нем был создан Высший военный совет — коллегиальный орган руководства, в состав которого вошли некоторые члены Политбюро ЦК партии, министр Вооруженных Сил, начальник Генштаба и другие военачальники. Одновременно по решению Политбюро было создано единое для армии и флота Главное политическое управление Вооруженных Сил, которое работало на правах отдела ЦК ВКП(б).

До марта 1947 г. наркомом, а затем и министром Вооруженных Сил оставался И. В. Сталин. Его на этом посту сменил Н. М. Булганин, потом министром был назначен маршал А. М. Василевский. В феврале 1950 г. Министерство Вооруженных Сил вновь разделилось на два министерства: Военное и Военно-морское. Высшим государственным органом руководства всеми Вооруженными Силами стал Высший военный совет, но созданный теперь при Совете Министров СССР. В марте 1953 г. после смерти Сталина два оборонных министерства опять воссоединились в Министерство обороны СССР, и при нем был создан совещательный орган — Главный военный совет.

Ведущая роль в системе управления Вооруженными Силами отводилась Генеральному штабу, главным и центральным управлениям Министерства обороны СССР.

Управление видами Вооруженных Сил — Сухопутными войсками, ВВС, войсками ПВО и ВМС — возлагалось на соответствующих главнокомандующих и главные штабы. При главнокомандующих были созданы совещательные органы — военные советы видов Вооруженных Сил.

Однако практика первых послевоенных лет показала недостаточную эффективность функционирования военных советов в статусе совещательных органов. Поэтому в середине 1950 г. ЦК КПСС принял решение о восстановлении военных советов всех уровней в качестве коллегиальных органов управления войсками и значительном расширении их прав. Отныне на военные советы возлагалась вся ответственность за состояние боевой и мобилизационной готовности войск, их политико-моральное состояние и дисциплину. Но в то же время при осуществлении всех этих мероприятий одно оставалось неприкосновенным — единоличная власть командующих войсками. Примечательно, что в соответствии с указанным выше решением была восстановлена должность члена военного совета из числа кадровых политработников.

Чтобы повысить ответственность и расширить права начальника Генштаба и главнокомандующих всеми видами Вооруженных Сил в мае 1953 г. было принято решение назначить их одновременно заместителями министра обороны Вооруженных Сил СССР. В 50-е годы были образованы инспекции видов, а затем и Главная инспекция Вооруженных Сил СССР.

Значительной перестройке подверглись органы управления родами войск, а также структура руководства Тылом Вооруженных Сил. С 1958 г. была учреждена должность начальника Тыла Министерства обороны. В последующем его права были расширены: он стал начальником Тыла Вооруженных Сил и одновременно заместителем министра обороны.

В конце 1959 г., как уже отмечалось выше, принимается решение об образовании пятого вида Вооруженных Сил — Ракетных войск стратегического назначения. С 1960 г. он оформляется организационно и приступает к выполнению своих задач.

В 1961 г. с образованием гражданской обороны СССР ее начальник был непосредственно подчинен Председателю Совета Министров СССР и одновременно назначен заместителем Министра обороны.

Крупная реорганизация осуществлялась в органах управления военными округами и на флотах. Военные округа разукрупнились: к 1 октября 1945 г. на территории СССР насчитывалось 32 военных округа. Однако вскоре выяснилось, что такое их количество сильно осложняет руководство войсками, затрудняет формирование на их базе фронтов и армий, в связи с чем уже через год 11 округов было упразднено. В конце 60-х годов в Вооруженных Силах имелось 28, а к началу 80-х годов — 16 военных округов: Ленинградский, Прибалтийский, Белорусский, Прикарпатский, Одесский, Закавказский, Туркестанский, Среднеазиатский, Московский, Киевский, Северокавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Забайкальский и Дальневосточный.

Выполнение СССР союзнических договоров потребовало образования новых административно-территориальных объединений для тех войск, что находились за границей. Части и соединения, временно дислоцировавшиеся на территории зарубежных государств, были объединены в группы войск: Группу советских оккупационных войск в Германии (ГДР), Северную группу войск (Польша), Центральную группу войск (Австрия, Венгрия) и Южную группу войск (Румыния, Болгария). В связи с изменениями в международной обстановке они в последующем несколько раз реорганизовывались.

Так, в 1949 г. Группа советских оккупационных войск в Германии была преобразована в Группу советских войск в Германии. В 1957 г. в связи с выводом

советских войск из Румынии и Болгарии расформируется Южная группа войск, а в 1956 г. она создается вновь, но уже на территории Венгрии. В 1955 г., когда были выведены советские войска из Австрии, расформируется Центральная группа войск, однако в 1968 г. она воссоздается, но уже на территории Чехословакии. В 1957—1968 гг. правовой статус этих объединений стал определяться соответствующими двухсторонними договорами.

Одновременно шел активный поиск целесообразных форм управления флотами. Первоначально флоты разукрупнялись. Так, по аналогии с американским принципом на базе Тихоокеанского флота образуется два флота — 5-й и 7-й, но в 1953 г. они вновь объединяются в Тихоокеанский флот. Всего к концу 60-х годов в составе ВМФ находилось четыре флота, а также Каспийская военная флотилия и ряд отдельных военно-морских баз.

В 1957 г., после октябрьского пленума ЦК КПСС, когда по обвинению в недооценке значения партийного руководства в армии, роли партийных организаций, партийно-политической работы в Вооруженных Силах и якобы склонности к авантюризму как во внешней политике СССР, так и в руководстве Министерством обороны с поста министра обороны был снят Жуков, в органах стратегического и оперативно-стратегического звеньев управления произошли новые изменения. Изменился статус политических управлений: должность члена военного совета округа, группы войск, флота, армии и флотилии была совмещена с должностью начальника соответствующего политического управления (отдела). А члены военных советов видов Вооруженных Сил становятся одновременно заместителями начальника ГлавПУРа СА и ВМФ.

Был расширен и состав военных советов. В качестве их членов в обязательном порядке кроме начальника политуправления (политотдела) включались секретарь ЦК компартии союзной республики или секретарь обкома (райкома) партии. Расширялись права и повышалась ответственность штабов и начальников родов войск.

Еще в 1955 г. в связи с осложнениями международной обстановки создается Совет обороны СССР и вводится должность Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР. Им становится первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев. Совет обороны имел широкие полномочия: принимал решения по важнейшим вопросам обороны страны; разрабатывал мероприятия по подготовке государства и Вооруженных Сил к войне; определял бюджетные ассигнования на армию и флот; вырабатывал принципиальные направления развития Вооруженных Сил, устанавливал их состав и организационную структуру, рассматривал планы ведения войны; руководил военно-технической политикой; определял мероприятия по подготовке экономики, населения, территории страны и театров военных действий в военном отношении. Его решения оформлялись постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

В последующем система стратегического руководства Вооруженными Силами продолжала корректироваться в направлении все большего повышения централизации управления ими со стороны высших партийных структур и первых лиц государства. Так, в Конституции СССР 1977 г. был закреплен приоритет ЦК партии и его Политбюро в определении генеральной политической линии укрепления обороны страны, уточнялись функции Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР в решении задач общего руководства армией и флотом.

После создания в апреле 1949 г. блока НАТО руководство СССР решило противопоставить ему свою блоковую структуру. В связи с этим в мае 1955 г., как уже указывалось, был оформлен военно-политический союз социалистических стран —

Организация Варшавского договора, которая наряду с политическими и военными интегрировала и экономические усилия. Одновременно создается целая система органов, призванных руководить этой организацией, а также созданными в ее рамках Объединенными вооруженными силами.

Высшим политическим органом союза становится Политический консультативный комитет. В его состав включаются генеральные и первые секретари центральных комитетов коммунистических и рабочих партий, а также главы правительств государств-участников Варшавского договора. В начале 1969 г. окончательно складывается структура управления Объединенными вооруженными силами. В нее вошли Комитет министров обороны государств-участников Варшавского договора, Объединенное командование, Военный совет, штаб и Технический комитет Объединенных вооруженных сил. В принятом «Положении» определялись задачи, функции и порядок работы этих органов. Было утверждено также «Положение о единой системе противовоздушной обороны государств — участников Варшавского договора».

Каждое союзное государство выделяло в распоряжение Объединенного командования часть своих вооруженных сил, которая тем не менее не изымалась из подчинения национального командования. На основе коллективно согласованного решения должность главнокомандующего Объединенными вооруженными силами, начиная с момента заключения этого союза и до прекращения его существования (1991), занимали советские военачальники. В числе их маршалы И. С. Конев (1955—1960), А. А. Гречко (1960—1967), И. И. Якубовский (1967—1977), В. Г. Куликов (1977—1988), П. Г. Лушев (1988—1991).

Серьезная структурная перестройка в управлении группировками вооруженных сил на театрах военных действий произошла в 1979 г. В связи с обострением отношений с Китаем было создано главное командование войск Дальнего Востока, а в 1984 г., когда произошел переход на новую систему стратегического планирования, — главные командования Западного, Юго-Западного и Южного направлений. Первыми главнокомандующими этих группировок стали генералы армий И. М. Третьяк, Н. В. Огарков, И. А. Герасимов, Ю. П. Максимов.

Однако следует отметить, что в высших эшелонах серьезные разногласия, возникавшие по вопросу создания главных командований на театрах военных действий, были преодолены не сразу. На этот счет сложилось несколько мнений. Большинство военачальников и специалистов стояли на той точке зрения, что нецелесообразно создание главных командований на ТВД, аргументируя это ссылками на не оправдавший себя опыт работы главных командований в годы Великой Отечественной войны. Этому мнению придерживались все послевоенные министры обороны: Г. К. Жуков, Р. Я. Малиновский, А. А. Гречко. Их активно поддерживали начальники Генерального штаба, особенно М. В. Захаров и С. С. Бирюзов. На ссылки своих оппонентов, что такие командования есть в объединенных вооруженных силах НАТО, они отвечали, что систему стратегического руководства нужно строить на собственной традиционной основе, ибо появление еще одной промежуточной командной инстанции только усложнит управление, приведет к потере времени, что в ракетно-ядерной войне абсолютно недопустимо.

Их оппоненты придерживались мнения, что главные командования на ТВД могут быть созданы, но лишь на военное время, в крайнем случае в угрожаемый период. Наконец, третья группа военачальников и военных теоретиков настаивала на том, чтобы такие командования были созданы еще в мирное время, потому что лишь в этом случае удастся заранее сплотить и всесторонне подготовить личный состав этих органов управления. Свою точку зрения они обосновывали тем, что созданные

импровизированно главные командования на ТВД накануне войны окажутся неработоспособными и, следовательно, не справятся со своей задачей.

Особенно активно последнюю точку зрения отстаивал Н. В. Огарков, назначенный в 1977 г. начальником Генерального штаба Вооруженных Сил. В своей правоте ему удалось убедить министра обороны Д. Ф. Устинова. Вскоре на всех четырех главных театрах военных действий (направлениях), как уже указывалось выше, были созданы главные командования. Их развернули в Чите, Виннице, Ивано-Франковске и в Баку. Эти органы сразу же приступили к работе по планированию в мирное время стратегических операций на ТВД, выполнению задач по поддержанию боевой готовности соответствующих группировок войск, руководству дооборудованием театров в оперативном отношении, управлению развертыванием войск, организацией прикрытия государственных границ, обеспечению взаимодействия между объединениями и соединениями Вооруженных Сил, организации систем управления войсками (силами) и т. п. В ходе возможной войны на главные командования возлагались анализ и оценка обстановки, принятие решений на применение подчиненных войск (сил), постановка им задач и организация их выполнения вплоть до завершения первых и последующих стратегических операций на соответствующих континентальных ТВД.

В 60-х годах, ввиду угрозы массированного применения ядерного оружия, на всю глубину территории СССР потребовалось принять экстренные меры по повышению живучести и надежности всей системы управления Вооруженными Силами. С этой целью за 5—7 лет были построены основные и запасные защищенные пункты управления, в том числе Центральный командный пункт (ЦКП) Ставки ВГК и Генерального штаба, главных командований направлений всех видов Вооруженных Сил, гражданской обороны, военных округов, групп войск, флотов и войск Объединенных вооруженных сил стран Варшавского договора. На всех перечисленных пунктах управления организовывалось постоянное боевое дежурство.

В системе стратегического руководства особое место отводилось правительственным командным пунктам и ЦКП Генерального штаба. На боевой расчет последних возлагались следующие задачи: сбор и обработка данных обстановки; обеспечение боевого дежурства на автоматизированных системах боевого управления; контроль своевременного доведения до исполнителей приказов и распоряжений высшего военного руководства; проверка состояния боевой готовности войск (сил), систем и средств связи, а также автоматизированных систем управления.

В дальнейшем созданные подземные пункты управления дополнились воздушными и железнодорожными, а в оперативном звене — полевыми подвижными пунктами управления. Считалось, что при любых условиях начала войны они позволяют обеспечить гарантированную передачу команд и ввод в действие Вооруженных Сил, особенно ракетно-ядерных средств стратегического и оперативно-тактического назначения. Большое внимание уделялось взаимозаменяемости пунктов управления, готовности ЦКП Генерального штаба взять на себя определенные функции КП главных штабов видов Вооруженных Сил, а при необходимости и главнокомандования на ТВД.

В целом к началу 80-х годов была создана развитая система пунктов управления, обеспечивавшая высокую степень надежности устойчивого управления Вооруженными Силами при любых масштабах ракетно-ядерного нападения противника.

Важнейшим элементом системы управления Вооруженными Силами являлась общая связь. Изменившаяся структура Вооруженных Сил, а главное — новые условия ведения войны потребовали коренной перестройки связи, иными словами, развертывания ее на новых принципах и совершенно иной материально-техниче-

ской базе. В решении этой проблемы основополагающее значение приобрели такие меры, как создание сети защищенных узлов и разветвленной сети дублирующих и обходных каналов связи, комплексное использование всех видов и средств засекреченной связи, повышение защищенности от электронных помех и воздействия ядерных взрывов, переход на новую систему обмена данными, внедрение автоматизированных (АСУ) и коммуникационных систем.

Советская военная стратегия неукоснительно требовала, чтобы все основные элементы системы управления, в первую очередь защищенные стационарные узлы пунктов управления от Ставки ВГК до соединений РВСН, дальней авиации и ракетных подводных лодок, а также узлы связи фронтов (округов, групп войск), специальные узлы связи Генерального штаба, и в мирное время постоянно содержались в действующем состоянии. Важное значение придавалось также обеспечению связи через опорные (вспомогательные) узлы, ибо считалось, что в ходе войны она будет наращиваться полевыми средствами войск связи.

Опыт локальных войн все больше подтверждал, что устойчивое управление Вооруженными Силами может быть обеспечено только благодаря комплексному применению радио-, радиорелейных, тропосферных, космических и проводных средств связи при широком использовании единой унифицированной аппаратуры засекречивания всех видов информации с гарантированной стойкостью.

Решительно возрастали роль и значение космической связи. Уже в 60-е годы первоначальный опыт ее практического использования убедительно подтвердил явное ее преимущество перед другими видами. Она обладала высокой мобильностью, надежностью, четким качеством передачи, причем независимо от метеогеографических условий и времени суток, а главное — практически неограниченной дальностью. В случае нанесения противником ядерных ударов космическая связь могла оказаться единственным устойчивым средством управления Вооруженными Силами.

В интересах поддержания устойчивости связи, особенно в условиях массированного применения неприятелем ядерного оружия, важнейшее значение придавалось широкому использованию самолетов-ретрансляторов. Они должны были обеспечить дублирование (ретрансляцию) команд, сигналов, распоряжений и донесений, осуществлять одновременную передачу информации по нескольким линиям и каналам проводной связи, используя сверхдлинноволновые и коротковолновые радиосети.

Последующее развитие системы связи, внедрение более совершенной аппаратуры, тропосферных и космических средств позволили Генеральному штабу и штабам округов (фронтов) довести в 80-х годах прямую засекреченную связь до КП дивизий. Этим самым исключалась многоступенчатость в прохождении важнейшей оперативной информации.

И все-таки серьезной проблемой оставались разработка мер по защите средств и узлов связи от поражающих факторов ядерных взрывов, изысканию возможностей для обеспечения устойчивости функционирования аппаратуры связи в условиях сильных помех, увеличению пропускной способности, достоверности и скорости передачи информации. Для ее решения была развернута работа по созданию интегральной информационной сети. Суть ее состояла в том, что передача различных видов информации (телефонной, телеграфной, фототелеграфной) предусматривалась в единой цифровой форме.

Стала осуществляться программа по освоению оптического диапазона волн и разработке принципиально новых оптико-электронных и оптико-волоконных средств связи. Но все же наибольшее значение в те годы приобрело создание единой автоматизированной системы связи. Решение этой проблемы позволило молниеносно передавать информацию в системах предупреждения о ракетно-космическом нападении.

дении, обеспечить надежность управления быстродействующими средствами всех видов Вооруженных Сил, в несколько раз повысить оперативность и устойчивость связи.

В 70-е годы развернулись ширококомасштабные работы по автоматизации управления в центре, в видах Вооруженных Сил, в военных округах и на флоте. Были созданы и поставлены на боевое дежурство командная система централизованного боевого управления (КСБУ) «Центр», а также информационно-расчетные системы Генштаба и видов Вооруженных Сил. В то же время разрабатывались и принимались на вооружение Военно-воздушными силами автоматизированные системы управления Ракетными войсками стратегического назначения, Войсками ПВО, Сухопутными войсками, Военно-воздушными силами, Военно-морским флотам. Тылом Вооруженных Сил и гражданской обороной СССР.

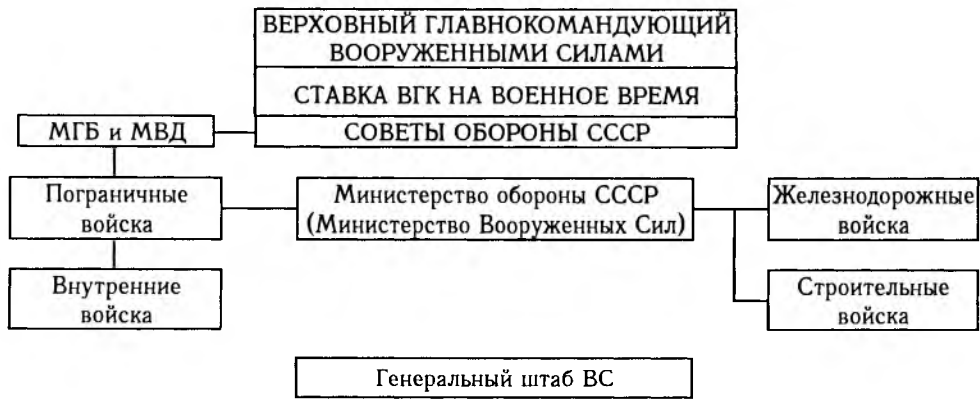
Особое внимание уделялось решению проблемы полной автоматизации управления в РВСН. Принятый на вооружение АСУ «Сигнал-А» позволял доводить сигналы на пуск ракет и получать необходимую информацию буквально в считанные секунды. Созданная автоматизированная система предупреждения о ракетном нападении (СПРН) позволяла немедленно получать достоверную информацию о пусках ракет, траекториях их полета и точках нанесения ожидаемых ударов на всей территории СССР. А для гарантированного ввода в действие ядерных сил с целью нанесения ответного удара по агрессору была разработана и принята на вооружение система «Казбек».

Наряду с развитием материальной базы управления совершенствовались и методы работы органов стратегического руководства. В первые послевоенные годы они основывались главным образом на опыте работы Генерального штаба, главных и центральных управлений Наркомата обороны в период Великой Отечественной войны. Но уже в начале 50-х годов стало ясно, что практиковавшиеся методы явно устарели. В результате многие принципы руководства Вооруженными Силами были пересмотрены

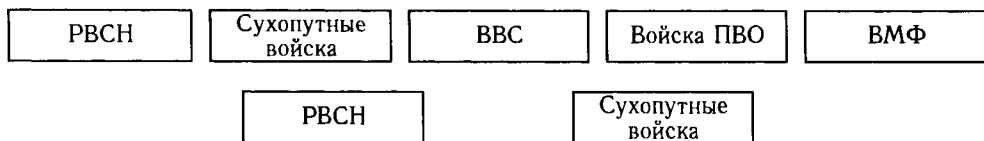
Правда, предполагалось, что в случае войны высшим органом стратегического руководства вооруженной борьбой и всеми Вооруженными Силами страны, как и прежде, будет Ставка Верховного Главнокомандования, а возглавит ее Верховный Главнокомандующий — Первый секретарь ЦК КПСС, но по-прежнему она будет органом коллективного руководства. Тем самым намечалось обеспечить единство политического и стратегического руководства, которое в ракетно-ядерной войне приобретет, по устоявшемуся мнению, еще большее значение.

Считалось, что, как и в годы минувшей войны, Генеральный штаб станет основным органом Ставки ВГК по управлению Вооруженными Силами. В военное время ему предстояло выполнять довольно большой объем задач: сбор и анализ обстановки; подготовка предложений для принятия стратегических решений; стратегическое планирование, организация управления, взаимодействия и обеспечения действий Вооруженных Сил; руководство их стратегическим развертыванием, ведением всех видов стратегических операций, комплектованием Вооруженных Сил, подготовкой театров военных действий; координация усилий союзных армий и т. п.

Тем не менее, многие задачи управления приходилось решать совершенно по-новому. Требовалось обеспечить непрерывное слежение за обстановкой в глобальном масштабе, т. е. получать данные о развитии военных событий в кратчайшие сроки в различных районах земного шара. Необходимо было в считанные минуты принимать решения и отдавать приказы, осуществлять управление стратегическими операциями одновременно на нескольких континентальных ТВД, а также в воздухе, на море и в космосе и т. д. Никогда прежде высшие органы стратегического руководства СССР с такими проблемами не сталкивались.

Главные командования видов ВС

Главные командования направлений

Командования оперативно-стратегическими объединениями

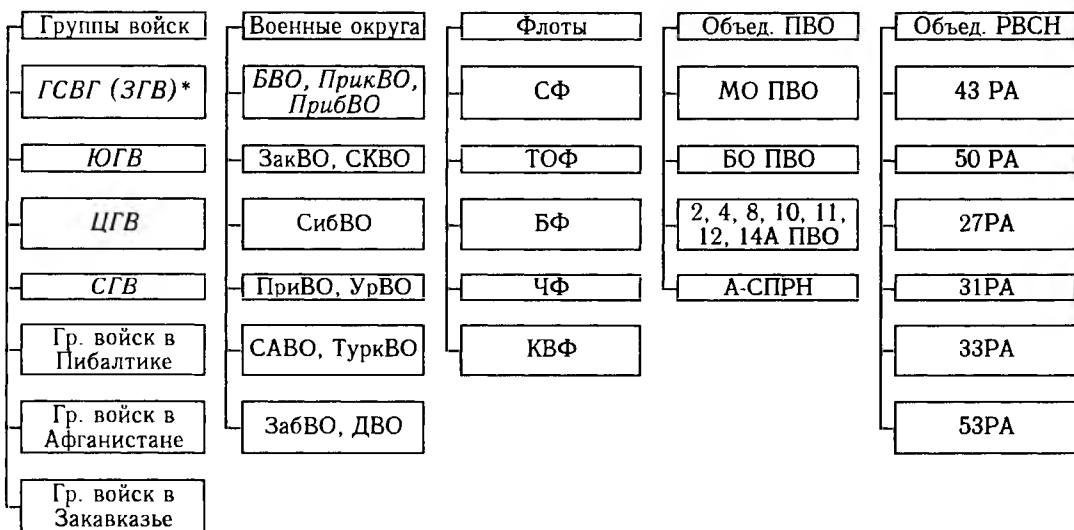

Схема 57. Развертывание системы стратегического руководства Вооруженными Силами в 60-х — 80-х гг.

* Курсивом выделены упраздненные объединения.

Изменились не только масштабы, но и содержание стратегического планирования. Резко повысились требования к его безошибочной точности. Провести его «ручным» способом, особенно разработать мероприятия по применению стратегических ядерных средств, уже не представлялось возможным. Нужно было всю эту деятельность переводить на автоматизированную основу с использованием ЭВМ.

В новых условиях возникала необходимость в передаче команд непосредственно до пусковых установок, ракетных подводных лодок и авиационных частей, минуя все промежуточные инстанции. Потребовалось перестраивать всю систему обработки информации с ее отображением на экранах, создавать новые средства микрофильмирования, копирования и размножения, обработки и хранения данных.

Наконец, ни Ставка ВГК, ни Генштаб не могли, как прежде, осуществлять управление из постоянных мест дислокации. Обеспечить надежное руководство Вооруженными Силами можно было лишь с постоянно действующих, отлично защищенных и технически оснащенных командных пунктов, которые требовалось занять еще до начала войны. Все это и многое другое вынуждало перейти на новую структуру органов стратегического управления, разработать иные принципы их действий в боевой обстановке.

Основной упор в решении этой проблемы делался на высочайшую централизацию управления. Вместе с тем стало совершенно очевидным, что в современной войне сосредоточение всех функций руководства в одном органе не только нецелесообразно, но и невозможно. Огромный объем задач по руководству Вооруженными Силами на нескольких театрах военных действий, необходимость решения огромного количества вопросов вряд ли позволили бы Ставке ВГК и Генеральному штабу заниматься деталями оперативного характера. Прежняя централизация управления неизбежно вызвала бы такую лавину информации, которую стратегическое звено было бы не в состоянии освоить, изучить, а тем более принять по ней необходимые решения. В связи с этим потребовалось строго разграничить функции между Ставкой, Генеральным штабом, главкомками и главными штабами видов Вооруженных Сил, командованиями фронтов и флотов.

В 70-х — 80-х годах была тщательно отработана система руководства всеми группировками Вооруженных Сил в операции стратегических ядерных сил, стратегической операции по отражению воздушно-космического нападения и в стратегических операциях на океанских театрах военных действий.

Управление стратегическими ядерными силами предполагалось осуществлять строго централизованно с учетом специфических особенностей и различных вариантов возможного развязывания ракетно-ядерной войны. Право принятия решения на ввод их в действие принадлежало исключительно высшему политическому руководству страны, а боевые задачи вплоть до каждой пусковой установки, ракетной подводной лодки и любого экипажа стратегической авиации разрабатывал Генеральный штаб. Полетные задания рассчитывались в главных штабах РВСН, ВВС и ВМФ.

Приказы Верховного Главнокомандования на перевод сил в повышенную и полную боевую готовность, на первый пуск ракет и первый боевой вылет дальней авиации предполагалось передавать с ЦКП Генерального штаба по АСУ Центра боевого управления (ЦБУ) непосредственно на КП ракетных частей и подразделений, на КП авиационных полков (на аэродромы) дальней авиации и ракетным подводным лодкам. Эти приказы одновременно принимались на ЦКП видов Вооруженных Сил, КП объединений и соединений. Сбор информации предусматривалось осуществлять в одно и то же время с выдачей ее на ЦКП Генштаба.

Руководить отражением воздушно-космического нападения также планировалось через Генеральный штаб. Непосредственное управление объединениями Войск

ПВО страны, отдельными соединениями противоракетной, противокосмической обороны и соединениями предупреждения о ракетном нападении возлагалось на главнокомандующего Войсками ПВО страны, а силами и средствами ПВО фронтов и флотов — на командующих фронтами (флотами). Система управления Войсками ПВО страны строилась с использованием автоматизированных систем во всех звеньях, начиная от подразделений и заканчивая Центральным командным пунктом.

Руководство стратегической операцией на океанском ТВД со стороны Верховного Главнокомандования предполагалось осуществлять через Генеральный штаб и главнокомандующего Военно-морским флотом. Развертывание сил и нанесение первых ударов намечалось проводить централизованно. В целях согласованного применения сил ВМФ между зонами действий флотов определялись разграничительные линии, устанавливалась единая система опознавания.

Непосредственное руководство силами и средствами Военно-морского флота в ходе операции возлагалось на главнокомандующего и Главный штаб ВМФ. При этом имелось в виду, что управление подводными лодками стратегического назначения в районах боевого патрулирования будет возложено на главкома ВМФ, а ударами можно будет нанести только по приказу Верховного Главнокомандования с ЦКП Генштаба.

Что касается сил общего назначения флота, то решающая роль в управлении ими отводилась главному командованию ВМФ, на которое возлагались планирование и организация развертывания сил, координация усилий флотов, поддержание взаимодействия между группировками разнородных сил, проведение и согласование мероприятий по всем видам оперативного и специального обеспечения.

Руководство стратегическими воздушными операциями намечалось осуществлять через Генеральный штаб, а непосредственное управление авиацией при ведении этих операций — через главкома и Главный штаб ВВС. Они же, опираясь на штаб дальней авиации, должны были руководить ее самостоятельными действиями. Применение ВВС на театрах военных действий возлагалось на главкоматы соответствующих стратегических направлений.

Советская военная стратегия особое значение придавала организации управления коалиционными группировками вооруженных сил. Согласование мероприятий по мобилизации и распределению всех сил и ресурсов государств, объединенных Варшавским договором, реализация единой стратегической цели во время войны не представлялись сколь-нибудь возможными без общего стратегического руководства, четкой координации их действий и усилий. С этой целью предполагалось создание единого Верховного Главнокомандования Объединенными вооруженными силами. В соответствии с утвердившимися взглядами этот орган должен был опираться в своей практической деятельности на Генеральный штаб ВС СССР, штаб ОВС и на сложившуюся в мирное время систему управления.

Наряду с централизованным руководством союзными группировками вооруженных сил допускалось управление объединениями и соединениями союзных армий, входившими в состав коалиционного фронта (флота), через командующих фронтами (флотами).

При организации управления коалиционными группировками учитывались национальные особенности каждой союзной армии, специфические условия их комплектования и обеспечения, а также все трудности, связанные с языковым барьером. Поэтому обмен информацией между штабами различной национальной принадлежности предполагался на русском языке. А для обеспечения взаимодействия войск предусматривался взаимный обмен оперативными группами и соответствующими документами по управлению.

В 80-х годах в Генеральном штабе и во всех видах Вооруженных Сил проводилась большая работа по совершенствованию управления. На учениях и в боевой практике широкое применение нашли новые средства автоматизации и механизации, повсюду внедрялась передача команд и сообщений короткими сигналами, разрабатывались и осваивались новые системы шифрования и криптографии. Особо жесткие требования предъявлялись к оперативности управления, сокращению сроков планирования, сбору и обработке информации, доведению приказов и распоряжений до войск. Одновременно принимались энергичные и разносторонние меры для защиты систем управления и связи стратегического звена от ударов возможного противника и всех видов преднамеренных активных или пассивных радиопомех. Повышалась защищенность узлов и других объектов связи. Все стационарные пункты управления строились с защитой, выдерживающей силу удара от 50 до 100 кг/кв.см и более.

В целом повышение непрерывности, гибкости и устойчивости управления в стратегическом звене всегда считалось одной из приоритетных и важнейших задач укрепления обороны страны.

Таким образом, в послевоенные годы резко возросли роль и влияние военной стратегии на все стороны военного дела, а стратегические действия Вооруженных Сил приобрели качественно новые, а главное — эффективные формы. В этот период произошел качественный скачок в теории стратегии и методах руководства Вооруженными Силами

СОВРЕМЕННАЯ ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Новый крутой поворот в развитии отечественной военной стратегии произошел в 90-х годах. Вернее, это был даже не поворот, а глубокий разлом. Буквально на глазах разрушились все существовавшие до сих пор военно-политические и стратегические установки. Почти одновременно оказались низвергнутыми или подверглись развенчанию многие прежние представления о целях, средствах и способах обороны страны, признаны ошибочными основные принципы обеспечения ее безопасности, напрочь отброшены общепризнанные положения о направленности и характере государственного военного строительства. Причем произошло это совершенно неожиданно, в невиданно сжатые сроки и не из-за каких-то военно-технических причин, а исключительно в силу особых военно-политических обстоятельств внутреннего и международного порядка, анализ и оценка которых заслуживают особого внимания.

Перемены были настолько радикальны, настолько поразительны по своим масштабам и последствиям, что в военной истории прошлого им просто трудно найти даже отдаленный аналог. За несколько месяцев оказались опровергнуты многие, казалось бы, незбылемые стратегические постулаты. Утратили силу все или почти все стратегические ценности, сформировавшиеся после октября 1917 г., полностью пересмотрена официальная система оборонных задач. Бывшие противники вдруг превратились в союзников или партнеров, а прежние союзники стали либо потенциальными врагами, либо в лучшем случае нейтральными странами.

Столь разительный переворот в политике и стратегии отнюдь не случаен. Отчасти он явился следствием самороспуска Организации Варшавского договора, а затем крушения Советского Союза как централизованного государства и появления на его месте искусственно созданного Содружества независимых государств. В итоге оказалась расстроена вся система межгосударственных отношений. Изменилось геополитическое положение всех восточноевропейских государств, в том числе и России.

Возникшая на обломках Советского Союза Российская Федерация круто изменила свою внутреннюю и внешнюю политику. Соответственно стала формироваться и новая военная стратегия. Конечно, отсюда не следует, что были полностью перечеркнуты все без исключения элементы советской военной стратегии. Этого, к счастью, не случилось. И на этот раз общие закономерности, исторические и национальные традиции оказались сильнее политических амбиций и других приводящих обстоя-

тельств. Тем не менее целый ряд стратегических установок подвергся радикальной корректировке. Применительно к изменившейся обстановке и новым политическим целям Российской Федерации пересмотрены представления о возможном характере войн, способах их ведения, организации обороны страны, подготовке и использовании Вооруженных Сил. В то же время некоторые другие положения, несмотря ни на что, по-прежнему сохранили свою жизненность.

В целом процесс формирования новой военной стратегии России идет чрезвычайно сложно и противоречиво, в столкновении и острой борьбе противоположных установок, взглядов и тенденций. Да иначе и быть не может, так как само Российское государство находится на перепутье, а перспективы его развития недостаточно ясны. Экономика переживает глубокий кризис, находится в болезненной стадии перехода к рынку, а внутренняя политика пока не приобрела должной уравновешенности. Еще более неопределенным является внешнеполитический курс России. Международная обстановка вокруг Российской Федерации слишком неустойчива. Сложные, до конца еще не развившиеся процессы происходят в ближнем и дальнем зарубежье. В самой России действуют механизмы, являющиеся источником серьезных дестабилизирующих и разрушающих явлений. На всем периметре российских границ сохраняются потенциальные очаги напряженности, а в ряде регионов идет война*.

Со всем этим новая военная стратегия России не может не считаться, так или иначе она должна реагировать на изменившиеся условия. Во всяком случае стратегические принципы Российского государства должны быть переориентированы на новые требования, без учета которых нельзя ни правильно судить о современном многомерном мире, ни эффективно решать задачи обеспечения безопасности и обороны страны. А именно с этих позиций сегодня можно и нужно рассматривать современную военную стратегию России.

1. Основные факторы формирования военной стратегии России

Военная стратегия России формируется сейчас под воздействием сложного комплекса разнообразных объективных и субъективных факторов. Из них наиболее существенное и определяющее значение имеют политические факторы, причем как внешние, так и внутренние. Разумеется, наряду с политикой большое влияние на стратегию, как и прежде, оказывают экономические, военно-технические, социальные, правовые, национально-этнические, военно-географические и другие причины. Но в данное время их воздействие на стратегию не столь существенно хотя бы потому, что перемены в этих областях происходят не так динамично, как в политической сфере. Тем не менее, переплетаясь друг с другом, они придают многим элементам современной стратегии новые черты и в своей совокупности создают чрезвычайно противоречивую стратегическую ситуацию, в которой не просто разобраться.

Важно учесть и то обстоятельство, что указанные выше объективные факторы действуют далеко не прямолинейно. Напротив, они нередко развиваются в диаметрально противоположном направлении. Причем одни из них придают стратегии устойчивый характер, даже стабилизируют обстановку. Другие, наоборот, вносят элементы неопределенности, а значит, оказывают дестабилизирующее воздействие на те процессы, от которых зависят международная и национальная безопасность, надежность обороны государства. Прежде всего это относится к внешней политике.

Казалось бы, ушло в далекое прошлое открытое противостояние Восток—Запад, которое держало всю планету на опасной грани военной катастрофы и грозило

*Временной диапазон рассматриваемых в главе проблем — конец 1991 г — март 1999 г

вылиться в глобальное столкновение двух систем. Ныне мир утратил свою биполярную структуру, снята непосредственная опасность мировой войны, создались предпосылки для укрепления международного доверия, перехода от конфронтации к сотрудничеству и интеграции международного политического пространства. Во всяком случае складывающаяся система международных отношений, взаимная заинтересованность многих государств в поддержании мира, решении экологических проблем, совместном использовании мировых сырьевых и энергетических ресурсов создадут предпосылки для укрепления политической, экономической и военной стабильности.

Есть все основания полагать, что интересы развития политических и хозяйственных связей, укрепления экономики, преодоления нарастающих кризисных явлений, образования единого мирового рынка будут способствовать позитивному развитию межгосударственных отношений. Не исключено, что главными центрами мирового сближения станут США, ФРГ и Россия. Вполне вероятно, что именно этим трем государствам удастся блокировать деструктивные политические процессы в мире. Но нельзя не видеть и того, что на месте прежних политических и идеологических противоречий в международных отношениях возникли новые расхождения и трудноразрешаемые проблемы.

В первую очередь все более усугубляются сепаратистские устремления. Они стали реальностью в Югославии, на Кавказе и в Средней Азии. При определенных условиях подобные тенденции могут проявиться и в других регионах европейского, африканского и азиатского континентов. Связанное с этим дробление крупных государств неизбежно приведет к образованию новых очагов напряженности, усилению конфронтации и другим, не менее опасным явлениям.

Особую угрозу ныне представляет расширяющийся процесс территориального переустройства мира. Система Ялтинских и Потсдамских соглашений, безотказно действовавшая на протяжении почти пяти десятилетий, фактически разрушена. Из-за того что демонтирован военно-стратегический паритет, перестали действовать прежние принципы военно-стратегического сдерживания. У сильных мира сего появился соблазн использовать слабость отдельных государств и государственных систем для достижения определенных экономических и политических целей путем открытого экономического, дипломатического и военного давления.

Словом, международное противоборство отнюдь не исчезло, оно лишь приняло иные формы, переместилось в иные области. Теперь все более явственно на первый план выступает не идеологическое и даже не политическое, а экономическое противостояние мировых цивилизаций, столкновение интересов по линии Север—Юг. Все более опасными и дестабилизирующими очагами становятся страны так называемого третьего мира, а также распадающиеся государства. Нестабильны и искусственные государственные образования, в том числе СНГ, а конкретно сама Россия со множеством раздирающих ее противоречий.

Элементы потенциальных противоречий сохраняются практически во всех регионах мира: в Европе и Азии, в Африке и Центральной Америке. И если их не поспешить нейтрализовать, они рано или поздно дадут о себе знать и не исключено, что самым трагическим образом.

Наряду с этой главной тенденцией в мировой политике появились и многие другие весьма противоречивые моменты, которые не могут не отразиться на политическом курсе России, а следовательно, и на ее военной стратегии. Взять хотя бы такой вопрос, как разоружение. Процесс этот начался несколько лет назад, когда гонка вооружений достигла своего апогея. Разумеется, благодаря ему снижается уровень военного противостояния. Но, как известно, все соглашения и ограничения по сокра-

щению вооружений были выработаны применительно к разделению мира на две противоположные системы, а ныне положение резко изменилось.

Все это с учетом сложного характера политических отношений внутри отдельных регионов вносит в современную военно-политическую обстановку элементы неопределенности, затрудняет ее прогнозирование, требует от руководства России проведения гибкой, но в то же время дальновидной и осмотрительной политики, формирования взвешенной стратегии, создания надежных механизмов и структур обеспечения безопасности.

Принципиально иная обстановка создалась также в военно-экономической области. Военно-экономические возможности России не могут быть соизмеримы не только с возможностями Советского Союза, но и входившей в ее состав РСФСР. Дело в том, что существенно снизились ее производственные мощности, а главное — оказались разрушены прежние управленческие структуры вместе с межреспубликанскими хозяйственными и научными связями, перестало существовать единое экономическое пространство, ядром которого являлась Россия. В сочетании с сократившейся территорией и уменьшившейся численностью населения это привело к резкому падению военно-экономического потенциала новой России, что в свою очередь сильно ограничивает возможности ее военной стратегии. Теперь Россия не только не в состоянии ориентироваться на глобальную военную стратегию, тождественную советской военной стратегии 50-х — 80-х годов, но и не может эффективно противостоять в стратегическом отношении США и другим державам.

Резко сузившаяся военно-экономическая база уже не позволяет Российскому государству содержать многомиллионные Вооруженные Силы, в прежних масштабах создавать и производить современные виды оружия и военной техники, накапливать необходимые мобилизационные запасы, своевременно обновлять и восстанавливать технический арсенал Вооруженных Сил, на равных соревноваться с ведущими странами мира в военно-экономической и военно-технической областях. В лучшем случае речь может идти лишь о поддержании военно-экономической мощи государства на минимально допустимом уровне. Но самая большая опасность в том, что продолжает неуклонно разрушаться российский военно-промышленный комплекс. И не только из-за плановой конверсии, но и из-за стихийного закрытия уникальных производств, распада передовых технологий, отсутствия государственных заказов, массовой утечки квалифицированных кадров и научных мозгов за рубеж.

Серьезная опасность создается в связи с усилением зависимости России от экономики других стран, что в случае войны может поставить развертывание ее Вооруженных Сил и стратегические планы под угрозу срыва. Все это вынуждает торопиться с уточнением и переоценкой объема, масштабов и характера стратегических задач Вооруженных Сил, а также способов их действий. Во всяком случае продолжение военного строительства в тех масштабах, темпах и по тем направлениям, которые намечались в конце 80-х годов, теперь абсолютно нереально. Коренному пересмотру подлежат все принципы военного строительства, развития и подготовки Вооруженных Сил, а тут еще приходится считаться с неизбежностью резкого сокращения военных расходов. Поэтому необходим решительный отказ от громоздких, неоправданно раздутых Вооруженных Сил. Встает вопрос о переходе к реализации принципов «разумной оборонной достаточности» в их самой жесткой форме. Россия уже не может руководствоваться прежней установкой на завоевание и удержание военно-стратегического и военно-технического превосходства над условным противником, обеспечение военного равновесия, стратегического баланса сил. Ее стратегия должна быть перестроена на выполнение лишь самых важных и крайне необходимых локальных задач, причем ограниченными силами и более экономными способами.

Определенное влияние на современную военную стратегию России оказывает военно-географический фактор. Казалось бы, в этом отношении мало что изменилось, но на самом деле перемены весьма значительные. До 1991 г. Россия была главной составной частью СССР, занимавшего шестую часть суши с населением около 260 млн. человек. Формально ее площадь и ныне осталась все той же — 17,2 млн. кв. км. Но по сути Российское государство отброшено к границам XVII в., а население уменьшилось до 148 млн. человек. И это серьезно отразилось на всех сторонах ее безопасности. В несколько раз снизились потенциальные возможности обороны, сократились ее мобилизационные ресурсы, уменьшилась способность противостоять крупномасштабной агрессии. Возросла уязвимость страны не только от ядерного, но и от обычного оружия, от широкомасштабного нападения и периферийных конфликтов. Вместе с тем следует учитывать, что Россия отделена украинско-белорусско-прибалтийским барьером от восточноевропейских государств, на которые она совсем недавно оказывала большое влияние. За исключением Польши Российская Федерация уже не имеет общих границ с Чехией, Венгрией, Румынией, Турцией, Пакистаном и Афганистаном, между ними образовались теперь обширные буферные зоны. Казалось бы, это позитивный момент, но это только на первый взгляд. В действительности за всем этим кроются серьезные негативные последствия. Сузились пространственные коридоры, выведившие Россию к Балтийскому и Черному морям, за обладание которыми Российская империя сражалась на протяжении многих столетий.

Вместе с тем существенно возросла протяженность внешних границ Российского государства. Причем большие участки сухопутных границ оказались незащищенными в природном отношении, а в стратегическом плане попросту открытыми. Многие внутренние районы страны превратились в приграничные, целый ряд очень важных промышленных и административно-политических центров попал в приграничную зону. Аналогичные изменения произошли и с некоторыми районами топливно-энергетических ресурсов и запасов стратегического сырья, центрами производства важнейших видов техники и оружия. А ведь они планомерно создавались и развивались в течение многих лет на безопасном удалении от границ.

Особенно остро стоит вопрос о влиянии на военную стратегию социально-общественных сдвигов, происшедших за последнее время в России: насильственно разрушен советский государственный и общественный строй, полным ходом идет процесс формирования капиталистических отношений и соответствующих им новых политических структур. В связи с этим происходят коренные перемены в различных слоях российского общества. Образуются новые социальные группы, в том числе спекулятивная буржуазия с ее особыми корпоративными интересами. Это вызывает определенные передвижки не только во властных органах, но и в армии, на флоте, других структурах государства. Меняется социальный облик Вооруженных Сил.

В целом вся совокупность перечисленных объективных факторов прямо или косвенно отражается на официальных военно-доктринальных установках, влечет за собой переориентировку многих основополагающих военно-стратегических концепций. В соответствии с изменившимися геополитическими интересами России на первый план выдвигаются новые оборонные задачи, возникает необходимость в пересмотре приоритетных направлений военного строительства. Наряду с этим на развитие современной российской военной стратегии существенно влияют и субъективные факторы, причем в ряде случаев их взаимодействие оказывается решающим.

2. Особенности современного военно-политического положения России и их влияние на военную стратегию

Чтобы правильно оценить современную военную стратегию России, надо прежде всего обстоятельно разобраться с особенностями ее геополитического положения, характером взаимоотношений с соседними государствами, изменившимися параметрами контролируемого ею военно-политического и стратегического пространства.

Безусловно, Российская Федерация все еще играет важную роль в мировой политике, оказывает существенное, хотя и значительно меньшее, чем в прежние времена, влияние на глобальную международную обстановку. Несмотря на то что западные державы прилагают немалые усилия, чтобы ограничить сферу ее активности, Россия и сегодня вследствие многих политических, военных и иных причин интенсивно воздействует на международные процессы, особенно в Европе. Решающее значение при этом имеют ее отношения с Соединенными Штатами Америки, от характера и направленности которых по-прежнему зависит положение в различных регионах как в западном, так и в восточном полушариях.

Как уже упоминалось выше, главных причин идеологического, политического и военного противоборства России с США в настоящее время нет: после распада СССР Россия больше не угрожает Соединенным Штатам Америки. Более того, сама Российская Федерация все в большей мере вовлекается в сферу американского влияния. Разумеется, политические и экономические интересы США и России совпадают не во всем. Тем не менее их возможности стали настолько несоизмеримыми, что серьезно говорить о российско-американском экономическом и политическом противоборстве не приходится. Ну, и конечно, совершенно нереально ставить вопрос о возможном военном противоборстве. Военное превосходство США настолько очевидно, что ни о каком столкновении России и США в прежних глобальных формах уже не может быть и речи.

Достигнутые в последнее время между Россией и Соединенными Штатами Америки политические и военные соглашения, в том числе о согласованных действиях при решении основных международных задач, глубоком сокращении стратегических ядерных и обычных вооружений, нулевом переприцеливании стратегических ракет, создании единой системы защиты от ракетного нападения, ликвидации некоторых опасных видов вооружения, укрепляют взаимное доверие и открывают путь перехода к более широкому сотрудничеству в военной сфере. Но надо иметь в виду, что элементы отчужденности, взаимной осторожности, а главное — различного подхода к мировым проблемам до конца еще не преодолены. США по-прежнему претендуют на политическое лидерство в мире, а это так или иначе ущемляет интересы России. Американское руководство стремится подчинить своему влиянию не только азиатские и восточноевропейские страны, но и некоторые государства СНГ, что, по сути, идет вразрез с безопасностью самой Российской Федерации. США ни в коей мере не заинтересованы в возрождении России как могущественной экономической державы, способной на равных конкурировать с Америкой на мировом экономическом рынке, а это подрывает экономическую стабильность России, ставит ее в зависимое положение.

Конечно, в своих устремлениях США не намерены идти дальше определенной критической черты. Политический распад и полный экономический крах Российского государства противоречат интересам США, ибо могут привести к серьезным общеευропейским, а возможно, и к глобальным потрясениям. Но даже в этих условиях российско-американские противоречия нередко дают о себе знать, а в дальнейшем, вероятно, они будут проявляться в еще более открытой форме. Важно, однако, удер-

жать их в приемлемых рамках. Это нужно и для России, и для США, и для сохранения мира во всем мире.

Особо стоит вопрос о противоречиях между Россией и США в военной области. Безусловно, сейчас война между ними немыслима. Да для этого и нет реальных причин. Но вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что вооруженные силы России и США по-прежнему структурно рассчитаны на борьбу главным образом друг с другом. Нельзя исключать также возможность возникновения чрезвычайных ситуаций, которые США и Россия могут посчитать для себя взаимно опасными.

Поэтому нужны эффективные военно-политические меры, которые бы исключили вероятность крутых поворотов в военной политике. Требуется выработать ряд предупредительных мер, международных соглашений и действий, способных блокировать кризисные ситуации. Вместе с тем обоим государствам важно найти пути взаимного согласования перспективных направлений военного строительства на основе взаимного учета интересов национальной и международной безопасности.

В Европейском регионе решающее значение для укрепления военно-политического положения России имеет характер ее политических и военных взаимоотношений с европейскими странами, входящими в состав НАТО. После распада Варшавского договора эти отношения приобрели более устойчивый характер и качественно новый смысл. Весьма важным является, в частности, и другое обстоятельство: Россия и страны НАТО официально объявили, что они больше не считают друг друга потенциальным врагом. По многим политическим и экономическим вопросам намечилось определенное сближение России с ФРГ, Англией, Францией, Бельгией, Норвегией и другими государствами Североатлантического союза. Положительное воздействие на характер европейских отношений оказывают также объявленное Североатлантическим союзом намерение о сокращении вооруженных сил НАТО, уточнение политических и военных концепций Североатлантического блока. Укреплению европейской стабильности и терпимости может способствовать идея сотрудничества европейских стран на основе программы «Партнерство ради мира».

Но вместе с тем приходится считаться с еще сохраняющимися противоречиями между Россией и западноевропейскими странами, с различным подходом к решению балканской проблемы и особенно с возможностью расширения сферы влияния НАТО на восток и все усиливающимся дисбалансом военных сил на европейском континенте. Такой дисбаланс станет особенно ощутимым, если в НАТО будет принят ряд восточноевропейских и прибалтийских стран¹. По существу, в этом случае вся Западная и Восточная Европа будет противостоять России со всеми вытекающими отсюда опасностями. Уже теперь военное превосходство европейских стран НАТО над Россией и другими государствами СНГ стало подавляющим. Если же в Североатлантический блок вступят Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, а затем и прибалтийские государства, то все разумные критерии баланса утратят свою силу.

Такое положение не может не вызывать серьезного беспокойства. Европа — самый противоречивый и потенциально опасный регион мира. Огромные людские и материальные ресурсы, гигантский экономический потенциал обуславливают ее особое положение в мире. Нельзя забывать, что именно Европа уже была источником двух мировых и многих локальных войн, почти полвека она являлась главной ареной «холодной войны», открытого политического противоборства капиталистических и социалистических государств. За послевоенные годы обстановка в этом регионе не раз ставила мир на грань войны. А теперь этот континент остается самым насыщенным вооружениями районом земного шара. Здесь располагаются наиболее современные и эффективные средства вооруженной борьбы. Европейские государства обладают самыми значительными мобилизационными ресурсами, развитой военной инфраструктурой. Поэтому крупные военные столкновения здесь чреваты непредска-

зуемыми последствиями, угрозой неминуемого перерастания военного конфликта в мировую войну.

При таких условиях европейская безопасность не может не стоять в центре внимания всех европейских государств, в том числе и России. Главные особенности сложившейся в Европе современной обстановки заключаются прежде всего в устранении былого военного противостояния двух блоков — ОВД и НАТО при резком сокращении военно-стратегического пространства, не так давно находившегося под контролем СССР, и в то же время значительном расширении сферы действий НАТО, создании особой обширной полосы, которая отделяет НАТО и восточноевропейские страны от СНГ.

Произошло новое размежевание сил. В настоящее время в Европе образовалось по меньшей мере четыре-пять групп государств различной политической ориентации. Существенно изменилось и внешнее окружение России. Вокруг Российской Федерации сложились четыре внешних пояса государственных образований. Первый образуют страны НАТО; второй — восточноевропейские государства, ранее входившие в Варшавский договор; третий — прибалтийские и скандинавские страны, а также нейтральные европейские государства; четвертый — страны ближнего зарубежья. Каждый из этих поясов имеет свои особенности, но для всех них характерна общая заинтересованность в поддержании стабильности и взаимной безопасности.

Со временем происходит некоторая нивелировка позиций: в одних случаях переход государств от откровенно враждебных отношений к добрососедским, а в других — от союзническо-подчиненных отношений к взаимовыгодному сотрудничеству разного уровня. В результате формально образовалось военно-стратегическое пространство, на котором, казалось бы, нет больше врагов, но нет и друзей, что характерно было для еще совсем недавнего прошлого. Теперь принято говорить о ближнем и дальнем зарубежье. Но на практике все обстоит гораздо сложнее, ибо распалась система послевоенного устройства Европы. Все восточноевропейские государства, ранее входившие в ОВД (Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния), оказались в буферной зоне. Россию от них отделяют Балтия, Беларусь и Украина. По отношению к России ее бывшие союзники занимают двойственную позицию. С одной стороны, до сих пор сохраняется их заинтересованность в сотрудничестве с Россией, Украиной и Беларусью, а с другой — явная ориентация на Запад. Причем эта тенденция усиливается. Настойчиво продвигается идея вхождения в НАТО. Иными словами, наблюдается возврат к обстановке 30-х годов, когда Польша, Чехословакия и Венгрия планировали войну на два фронта, считая, однако, что главная опасность грозит им с востока.

Разумеется, сейчас ни одна из этих стран не может открыто предъявить каких-либо претензий к России, но потенциально такие претензии зреют и при определенных условиях (в случае развития деструктивных процессов в России, включения Польши, Чехии, Словакии и Венгрии в НАТО, объединения их в единый блок, выдвижения на их территорию передового эшелона НАТО)* они могут проявиться в той или иной форме. По этой причине ближний Запад для СНГ и России следует считать зоной «относительной безопасности».

На северо-европейском направлении военно-стратегическая ситуация для России более благоприятна. Но и она несет в себе ряд потенциальных угроз. В образовавшейся здесь зоне из трех скандинавских государств и трех вышедших из СССР прибалтийских республик события могут развиваться по-разному. Со скандинавски-

* 8 июля 1997 г. Польша, Чехия и Венгрия получили статус приглашенных в НАТО; их окончательное полноправное членство в этом блоке было оформлено 12 марта 1999 г.

ми странами (Финляндией, Швецией, Норвегией) скорее всего сохранятся дружественные, хотя и относительно холодные отношения, если только там не возобобладают уже сегодня высказываемые претензии к ряду районов России (имеются в виду Карелия и Крайний Север). Отношения с Эстонией, Латвией и Литвой будут зависеть от позиций обеих сторон. Россия полностью заинтересована в том, чтобы иметь в их лице дружественные и даже союзные государства. Прямая заинтересованность в развитии экономических связей сохраняется и со стороны Балтии. Но все-таки в военном отношении не исчезают элементы недоверия, которые при определенных условиях могут перерасти в противостояние. Это необходимо предотвратить даже за счет некоторых уступок им. Вместе с тем важно закрыть образовавшуюся на этом направлении стратегическую брешь и восстановить на новой границе надежную систему обороны.

На южноевропейском направлении только недавно главную опасность представляли очаг военного противостояния на Балканах, а также серьезные противоречия между Венгрией и Румынией, Молдовой и Приднестровьем. Казалось бы, напрямую они не затрагивают интересы России, но это только внешне. В случае разрастания конфликта Россия вынуждена будет занять ту или иную позицию и, следовательно, оказаться в сфере военного противоборства сторон.

Особое положение складывается на южной границе Российского государства, где она граничит с Украиной, Грузией, Азербайджаном и Казахстаном. С каждой из этих республик характер ее отношений особый. В целом они дружественные, но вместе с тем их омрачает целый комплекс серьезных политических, экономических и территориальных противоречий, которые при определенных условиях могут привести к серьезному кризису.

Южноазиатский регион в военно-политическом и стратегическом отношениях становится для России все более уязвимым. Это связано с тем, что обстановка здесь весьма противоречивая и сложная. До конца еще не определились позиции Турции, Ирана и Афганистана. К тому же регион охвачен межнациональными конфликтами, которые так и не удается заглушить. Наоборот, постоянно возникают все новые и новые горячие точки. Важно учитывать по крайней мере три серьезных фактора, которые могут оказать отрицательное влияние на обстановку. Это смещение главного центра противоборства с линии Запад—Восток на линию Север—Юг, постоянное усиление противоречий на религиозной основе, общая взрывоопасность региона. Ситуация может стать особенно грозной, если арабские государства Ближнего и Среднего Востока предпримут попытку объединения с Азербайджаном и бывшими советскими среднеазиатскими республиками на почве исламского фундаментализма. Предотвратить такое положение — одна из главных военно-политических задач России.

Военно-политическое положение России на дальневосточном направлении и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе за последнее время упрочилось, что обусловлено благоприятными изменениями в ее отношениях с Китаем, Кореей и Японией. Но потенциальная военная опасность продолжает сохраняться.

Не осталась без последствий и прежняя конфронтация с Китаем. При определенных условиях она может возобновиться или принять еще более острые формы, если не будут учтены допущенные ранее ошибки. Но не исключено, что развитие отношений пойдет и в относительно благоприятном направлении. В таких условиях важно приложить все усилия к тому, чтобы добиться утверждения Китая в качестве дружественного государства, что позволит России укрепить безопасность на Востоке, сократить состав Вооруженных Сил на восточном направлении и избежать распыления своих сил. Необходимы и другие меры, которые могли бы способствовать повышению стабильности в приграничных с Китаем районах, в частности,

договориться о взаимной ликвидации тактического ядерного оружия, о создании на паритетных началах российско-китайской системы предупреждения о ракетном нападении, об уменьшении концентрации вооруженных сил в приграничных районах, удалении из зоны непосредственного соприкосновения сторон ударных вооружений, а кроме того постараться воспрепятствовать развитию сепаратистских тенденций в автономных областях России.

Сложнее обстоит дело с Японией. Основная причина, вызывающая напряженность в отношениях между ней и Россией, связана с проблемой северных территорий. С одной стороны, возвращение их могло бы в значительной мере снять это напряжение, ускорить подписание мирного договора и открыть путь для более широкого политического и экономического сотрудничества. Но с другой — это усложнило бы положение Тихоокеанского флота, а кроме того явилось бы прецедентом для распространения японских притязаний на всю Курильскую гряду и Южный Сахалин.

Представляется, что со временем, особенно в случае осложнения обстановки в самой России и усиления японского военного потенциала, руководство Японии может занять в этих вопросах более жесткую позицию или даже попытается заблокироваться с Китаем и Кореей, что вынуждает Россию сохранять здесь устойчивую систему обороны, хотя и более ограниченными силами.

Особое значение в плане обеспечения стратегической стабильности приобретает сохранение устойчивой обстановки на территории Содружества независимых государств и внутри России. Все государства, вошедшие в это Содружество, несмотря на многие противоречия, тесно связаны между собой в политическом, экономическом и военном отношениях. Вне всякого сомнения, требуется по возможности восстановить единое экономическое и военно-стратегическое пространство этих государств, укрепить и расширить межреспубликанское сотрудничество во всех сферах. К сожалению, существующие между республиками разногласия по территориальным и иным вопросам до конца еще не разрешены: между Россией и Украиной из-за Крыма; между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха; между Россией и Молдовой из-за Приднестровья; между Казахстаном и Россией из-за северо-западных областей; между Казахстаном и Узбекистаном из-за Каракалпакии; наконец, непосредственно в России из-за сепаратистских устремлений на Северном Кавказе, в Татарстане и Башкортостане. Эти же процессы привели к Чеченской войне, а в дальнейшем они таят в себе новые угрозы. Положение осложняется еще и в связи с тем, что территориальные проблемы здесь тесно переплетаются с экономическими, национальными и религиозными противоречиями.

Совокупность перечисленных военно-политических факторов, безусловно, не может не отразиться на задачах, содержании и перспективах развития российской военной стратегии.

3. Военно-стратегическое положение России и система военных угроз

Превратившись из союзной республики в самостоятельное государство, Россия стала правопреемницей СССР, приобрела статус одной из мировых держав, получила возможность проводить собственную внутреннюю и внешнюю политику, иметь национальные Вооруженные Силы, дипломатическую, таможенную и пограничную службы, а также другие атрибуты государственности.

Надо отметить, что в сравнении с другими государствами, образовавшимися после развала Советского Союза, Россия сразу же заняла особое место в мировом сообществе. Обладая большей территорией, самыми крупными людскими и матери-

альными ресурсами, огромными запасами стратегического сырья, мощной экономикой, развитой наукой и широкой сетью транспортных связей, она составила ядро СНГ. Одновременно она сохранила свою политическую и экономическую значимость на всем европейско-азиатском пространстве. России по-прежнему принадлежит одно из ведущих мест в мире по экономической мощи, добыче нефти, газа, угля, производству стали и чугуна, выплавке цветных металлов. Огромным остается и ее военно-стратегический потенциал. Все это позволяет Российской Федерации оказывать большое влияние на европейские и мировые дела.

Бесспорным является и тот совершенно очевидный факт, что не только политическое и экономическое, но и военно-стратегическое положение Российской Федерации с начала 80-х годов радикально переменилось: во-первых, экономические возможности страны существенно сократились, а во-вторых, резко изменилось соотношение военных сил в пользу западных держав. По проведенным расчетам, боевой потенциал стран НАТО даже при дальнейшем сокращении обычных вооружений может в 2—3 раза превысить возможности стран СНГ, взятых вместе, и в 5—6 раз потенциал одной России. Причем и этот показатель весьма относителен, поскольку он не отражает качественной стороны реальной боевой мощи государств. Нельзя не считаться с тем, что к настоящему моменту разрушена вся прежняя оборонительная структура СССР, а следовательно, и России. В то же время вооруженные силы НАТО продолжают наращивать свои военные возможности. Россия же выпала из создаваемой десятилетиями системы коллективной обороны восточноевропейских стран и в военном отношении оказалась, по существу, изолированной. Оборонные соглашения, заключенные между рядом стран СНГ, практически не действуют. Взятые по ним обязательства не выполняются. В лучшем случае дело сводится к взаимным консультациям и никого ни к чему не обязывающим решениям чисто декларативного характера. Словом, в обеспечении своей безопасности Россия вынуждена рассчитывать исключительно на собственные силы.

На оборонительных возможностях Российской Федерации особенно негативно сказалось разрушение военно-оборонительной структуры ОВД и СССР. Прежде в основу обороны советского государства, а значит, и России было положено отражение агрессии на вынесенных за пределы российских границ оборонительных рубежах. Теперь эта система уничтожена. Все группировки Вооруженных Сил за пределами России ликвидированы, за исключением символических сил в Молдове, Закавказье и Таджикистане. Распался главный (первый) стратегический эшелон российских Вооруженных Сил на западе и юге. Демонтажу подверглись и многие основные элементы второго стратегического эшелона. Внутренние военные округа превратились в приграничные. На всех стратегических направлениях существующие группировки войск перестали соответствовать новой обстановке и реальным оборонным задачам.

Полностью расстроена система противовоздушной обороны страны. Ее передовой эшелон ликвидирован. Некоторые воздушные направления оказались, по существу, открытыми. Резко усложнились условия базирования авиации и флота. Разрушается флотская инфраструктура на Балтике и Черном море.

Россия лишилась значительной части своих мобилизационных запасов, резервов оружия и военной техники, складов и арсеналов, защищенных пунктов управления, учебных центров, полигонов и т. п. За ее пределами остались 80% станций наземной системы предупреждения о ракетном нападении, многие оборудованные позиционные районы для средств радио- и радиотехнической разведки, аэродромы, предприятия военной промышленности. Оказалась раздробленной группировка Ракетных войск стратегического назначения, что подтверждается данными таблицы 15.

Таблица 15
Состав стратегических ядерных вооружений,
оставшихся на территории государств бывшего СССР

Государства	МКР		БРПЛ		Тяж. бомб-ки		Всего	
	носит.	б/г	носит.	б/г	носит.	б/г	носит.	б/г
Россия	912	397	188	2652	79	271	1773	6893
Украина	176	124	—	—	39	420	215	1660
Казахстан	98	980	—	—	40	240	138	1220
Беларусь	81	81	—	—	—	—	81	81
Всего	1267	6271	188	2652	158	931	2213	9854

И хотя Украина, Беларусь и Казахстан стали участниками Договора СНВ-1, взяли на себя обязательства о присоединении к Договору о нераспространении ядерного оружия и ликвидации своих ядерных арсеналов, на начало 1995 г. ситуация оставалась довольно неопределенной. Так, например, Беларусь ратифицировала Договор СНВ-1 и Лиссабонский протокол к нему, но согласилась вывести на территорию России стратегические ракеты, части ракетно-технического обеспечения, космической связи и ПКО только к 1997 г. Казахстан ратифицировал Договор ОСВ-1, но пока не присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия. Украина также ратифицировала Договор ОСВ-1 и Лиссабонский протокол, но с существенными оговорками. Она готова присоединиться к безъядерному статусу только при условии получения надежных гарантий своей безопасности от западных ядерных держав и России. По заключенному между Россией и Украиной соглашению разуконплектование и уничтожение ядерных боезарядов, размещенных на территории Украины, должно происходить только под ее непосредственным контролем. В целом процесс вывода и ликвидации ядерного оружия, оставшегося на Украине, рассчитан на семь лет, но он может затянуться и на более продолжительное время.

Ясно, что при таком раскладе ядерная мощь России уже не может конкурировать с ядерным потенциалом США, тем более, что эксплуатационные сроки значительной части стратегических ракет приближаются к своему пределу, а программа развертывания новых подвижных стартов осуществляется очень медленно. Из всего этого напрашивается однозначный вывод: военные возможности России, ее стратегическое положение, несмотря на снижение уровня военного противостояния, стали менее благоприятными.

В оценке стратегического положения любого государства, в том числе и России, всегда важное место занимали и занимают поныне правильное определение кто союзник, а кто противник, а также объективная квалификация потенциальных военных угроз.

В прошлом вопрос о союзниках и противниках СССР решался довольно просто. К первым относились все страны социалистической ориентации, ко вторым — империалистические государства во главе с США и их союзники. Кроме того, всегда существовала группа государств, занимавших промежуточную или нейтральную позицию. В общем-то за привлечение их на свою сторону шла непрерывная борьба. В настоящее время проблема намного усложнилась. Однозначно отнести те или иные государства к разряду вероятных врагов или друзей практически невозможно, ибо любая страна в зависимости от конкретных условий обстановки может быстро изменить свою позицию и оказаться по ту или другую сторону барьера. Следовательно, при оценке вероятных союзников и противников Россия вынуждена исходить не столько из конкретной расстановки политических сил на данный момент,

сколько из прогноза перспективных вариантов на основе общих принципов военно-политического анализа.

К числу важнейших из них относятся четыре доктринальные положения:

1. Россия ни к одному государству, ни к одному народу не намерена относиться как к своему врагу.

2. Россия не будет считать потенциальным противником ни одну страну с иным политическим строем, ни одного своего соседа, в том числе ни одного отделившегося от СССР государства. Она не применит свои Вооруженные Силы и другие войска против любого государства, кроме как для индивидуальной или коллективной самообороны, если произойдет вооруженное нападение на Российскую Федерацию, ее граждан, территорию, Вооруженные Силы или на ее союзников.

3. Россия в качестве своих потенциальных союзников будет рассматривать только демократические государства, не преследующие агрессивных целей.

4. Россия намерена добиваться установления дружественных союзнических отношений между всеми странами ближнего зарубежья, а также Балтии.

В конкретном плане Российская Федерация намерена решать вопрос о союзниках и противниках на тех же основах, что США и НАТО, а именно: исходить из того, что у нее нет прямых врагов, но сохраняются потенциальные угрозы или, следуя американской терминологии, «категории риска», которые непременно должны учитываться во всех стратегических расчетах и планах.

Суть этого термина была раскрыта в январе 1991 г. в декларации НАТО о новой стратегической концепции Североатлантического блока, в которой, в частности, указывалось: «В отличие от главной угрозы прошлого сохраняющийся риск для безопасности союзников многогранен по природе и имеет многие направления, что осложняет его прогнозирование и оценку. НАТО должно быть в состоянии отреагировать на такой «риск», чтобы стабильность в Европе и безопасность членов Союза были сохранены...»

Судя по оценке руководства НАТО, маловероятно, что «риск для безопасности союзников» будет результатом сознательной агрессии; «скорее всего он станет результатом неблагоприятных последствий той нестабильности, которая может возникнуть из-за серьезных экономических, социальных, политических трудностей, включая национальные конфликты и территориальные споры, с чем уже столкнулись многие страны в Центральной и Восточной Европе»².

Хотя современная российская оборонная концепция базируется на тех же принципах, формулируется она в несколько иной форме: определяются те или иные конкретные кризисные ситуации, в которых военная опасность перерастает в непосредственную военную угрозу, что позволяет на этой основе те или иные страны отнести к категории врага.

Такая установка, безусловно, имеет политический смысл. Она соответствует оборонительной направленности военной стратегии России, ориентированной на отражение неспровоцированной агрессии. Но вместе с тем ее абстрактность не позволяет целеустремленно готовить к обороне страну и Вооруженные Силы. По существу, из нее вытекает, что России нужно рассматривать в качестве своих вероятных противников все без исключения государства. Из этого следует, что оборону надо строить буквально по всем ракурсам и быть в готовности вести войну с любой коалицией враждебных сил, что, разумеется, не только непосильно, но и неразумно ни в политическом, ни в стратегическом плане. Иными словами, получается, что в перспективе почти каждую страну надлежит рассматривать и как врага, и как союзника. Причем в равной степени это относится не только к США, ФРГ, Англии, но и к Польше, Венгрии, Чехии, Румынии, ко всем государствам Балтии и даже к Украине, Казахстану, среднеазиатским республикам. Поэтому для России создается весьма

парадоксальная ситуация: ей приходится готовить свою армию и разрабатывать стратегию в расчете на все случаи жизни.

Стратегический анализ расстановки военно-политических сил тесно связан с оценкой возможных военных угроз. Вопрос этот имеет исключительно важное значение как в теоретическом, так и в практическом отношении. Опасно недооценивать военные угрозы, но не менее опасно и переоценивать их, так как это неизбежно приведет к ошибкам в политике, наращиванию Вооруженных Сил сверх разумных пределов, а следовательно, к срыву выполнения намеченных социально-экономических программ. Только на основе точного прогноза реальных военных угроз можно предотвратить случайности, правильно рассчитать и распределить потенциальные ресурсы и возможности государства, обеспечить их рациональное использование, организовать надежную оборону с минимальным ущербом для экономики и экологии страны.

Применительно к современной России проблема военных угроз сводится к выяснению следующих вопросов. Продолжает ли существовать военная опасность для Российской Федерации в изменившейся обстановке? Если такая опасность имеется, то насколько она реальна? Будет ли в дальнейшем военная опасность снижаться или, наоборот, возрастать? Какие обстоятельства могут превратить потенциальную военную опасность в реальную военную угрозу? При каких условиях военная угроза может вызвать военное столкновение того или иного масштаба?

Прежде чем ответить на эти вопросы, надо иметь в виду, что характер современных военных угроз кардинально изменился. Приходится особо различать внешнюю и внутреннюю военные угрозы, а также угрозы различного масштаба — глобального, регионального и местного характера, угрозы действительные и мнимые. Вместе с тем нельзя упускать из виду, что вероятность многих угроз резко снизилась. Некоторые из них вообще сошли со сцены возможного развития мировых событий. Однако возник целый ряд новых военных угроз, которые еще несколько лет назад считались маловероятными или по крайней мере малозначимыми. Одновременно усилилась взаимосвязь между внешними и внутренними угрозами. Усложнилась сама структура военных угроз, расширилась их причинность и т. п.

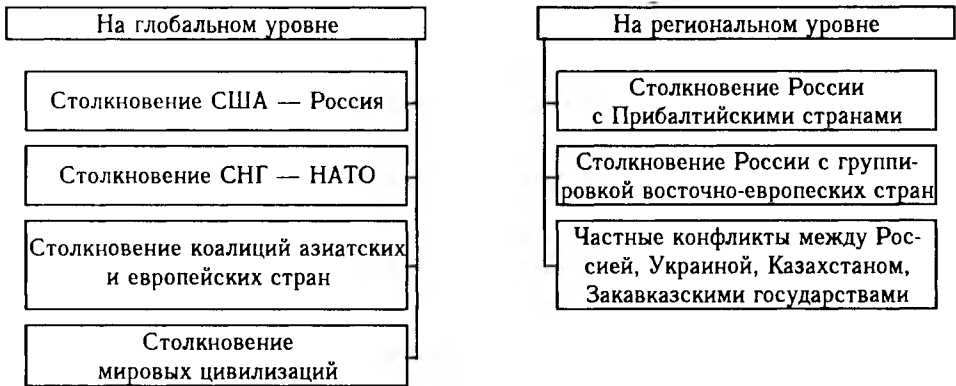
Решающее значение приобрело, в частности, то обстоятельство, что за последнее время уменьшилась вероятность мировой ядерной войны. В то же время возросла опасность региональных, локальных, но особенно внутригосударственных конфликтов и войн. Сильно изменился и характер обстановки, которая может предшествовать военным столкновениям. Наконец, совершенно иным стал состав противостоящих сил; изменились и средства, которые могут использоваться для военного давления и реализации военных угроз.

Если в недавнем прошлом Советский Союз и США рассматривали друг друга как «врага номер один», то в настоящее время военное столкновение США и России, по крайней мере в ближайшее время, вообще исключено. Оно не только бессмысленно политически, но и стратегически неосуществимо. США и Россия взаимно заинтересованы в стабильном развитии на основе рационального баланса интересов. К сожалению, нельзя полностью исключить ситуацию, когда интересы США и России могут столкнуться. В этой обстановке правящие круги обоих государств могут пойти на изменение своего политического курса, а при определенных условиях стать на путь экономического и военного давления. Резкий поворот в американском или российском политическом курсе возможен также в случае прихода к власти агрессивных сил. Конечно, положение США и России сейчас далеко не равнозначно. Соединенные Штаты Америки вынуждены считаться с Россией лишь постольку, поскольку она еще обладает огромным ядерным потенциалом. Что же касается России, то она, лишившись былых союзников, резко ослабленная в экономическом и воен-

Внешние угрозы

Районы внешних военных конфликтов

Внутренние угрозы и потенциальные районы их возникновения

Схема 58. Структура современных военных угроз России

ном отношении, не только не способна эффективно противостоять Западу, но и, напротив, вынуждена искать помощи и поддержки со стороны.

России в целях обеспечения своей гарантированной безопасности надо заранее предвидеть такую опасность, как бы она ни была мала, и соответственно принимать необходимые политические, военно-стратегические и военно-технические контрмеры для ее предупреждения. Но главное — необходимо использовать любую возможность, чтобы скрытые российско-американские противоречия вновь не переросли в противостояние, а противостояние в свою очередь не вылилось бы в вооруженное противоборство.

К таким мерам прежде всего относятся согласование военной политики России и США, СНГ и НАТО, их военных доктрин, национальных стратегий, а также заблаговременное создание надежных механизмов локализации военных угроз с обеих сторон. Важное значение в этом плане могли бы иметь еще более глубокое и соразмерное сокращение стратегических ядерных вооружений, скоординированное развитие стратегических оборонительных сил, совместное создание объединенной системы раннего предупреждения о возможном нападении, взаимное совершенствование СПРН, разведки и других средств, исключающих несанкционированное или случайное применение наступательного оружия.

Среди внешних региональных военных угроз следует различать европейские, южноазиатские и восточноазиатские. Наиболее важными и опасными среди них, безусловно, являются европейские военные угрозы. Характер их зависит от позиции НАТО, перспектив расширения Североатлантического блока на восток за счет включения в его состав восточноевропейских государств, а то и Балтии, дальнейшего наращивания боевой мощи блока и развития его стратегии.

Расширение Североатлантического блока на восток будет означать не только расширение сферы влияния НАТО, но и существенное увеличение военного потенциала западных держав, а также образование принципиально иной стратегической ситуации, при которой Россия, а вместе с ней Беларусь и Украина окажутся один на один с могущественной силой, которой они вряд ли смогут надежно противостоять. Неизбежным результатом такой ситуации станет осложнение отношений между НАТО и Россией, в том числе и с объединенной Германией. С учетом слияния экономических и военных потенциалов ФРГ уже сейчас превратилась в могущественное государство, которое в состоянии решать крупные военно-стратегические задачи не только на европейском континенте, но и за его пределами. Правда, в настоящее время ФРГ еще признает неизменность европейских границ. Пока не вызывает сомнения и то, что в силу благоприятного состояния своей экономики Германия на данном этапе не заинтересована в военном решении своих политических проблем. Однако это лишь до поры до времени. В случае развития кризиса в России, на Украине и в Беларуси, их дальнейшего ослабления, одновременного изменения политического курса и роста военного могущества Германии ее отношение к восточным странам может измениться. Не исключено, что у нее появится соблазн, используя свое превосходство, оказать военное давление на ослабленную Россию, Польшу и Чехию с расчетом так или иначе заставить их возратить утраченные в результате поражения во второй мировой войне территории — Восточную Пруссию (Калининградскую область), Силезию, Померанию. Не случайно уже сегодня среди реваншистских кругов ФРГ появляются высказывания подобного толка, причем в ряде случаев они декларируются почти открыто. Правда, некоторые политики утверждают, что столкновение России и ФРГ физически невозможно из-за отсутствия между ними единых границ, но при современных средствах нападения это уже не имеет существенного значения, о чем свидетельствует опыт многих локальных конфликтов

Потенциально опасные очаги военных угроз вызревают также на территориях бывших союзников СССР — в Польше, Венгрии, Румынии. Конечно, в настоящее

время все еще сохраняется определенная экономическая зависимость этих стран от России. Но их ориентация на Запад становится все более очевидной, и не исключено, что скоро она станет доминирующей. При таких условиях враждебные настроения к России постепенно могут усиливаться. Конечно, самостоятельно ни Польша, ни Венгрия, ни Румыния не в состоянии оказывать военного давления на Российскую Федерацию, Украину и Беларусь. Однако в случае подрыва российского ядерного потенциала либо расчленения России, либо своеобразного образования в рамках НАТО, или совершенно обособленного локального блока восточноевропейских стран Польша и другие бывшие союзники СССР составят весьма значительную силу, которая может угрожать России.

А что ожидать России от стран Балтии? Безусловно, ввиду слабости их армий они не представляют для нее реальной опасности. Но их территория может стать важным плацдармом для развертывания активных действий третьих стран. Во всяком случае сбрасывать это со счетов нельзя уже и теперь.

Характер военных угроз на южных границах России будет определяться положением в Закавказье, на Северном Кавказе, в частности, развитием событий в Чечне, Осетии и Нагорном Карабахе, а также политикой Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана. Приходится считаться с тем, что после распада СССР этот регион стал еще взрывоопаснее, тем более, что здесь переплетаются и сталкиваются многочисленные противоречия политической, экономического, этнического, религиозного и территориального характера. Некоторые из них, вызревающие на протяжении десятилетий и даже столетий, ныне дают о себе знать в полную силу.

На ближневосточном направлении военная угроза для России пока не приняла острых форм. Но и она может стать реальной при попытке иранского руководства захватить лидерство в регионе, распространить свое влияние на Азербайджан, Туркмению и другие районы, где преобладает исповедующее ислам население. Не случайно, что, используя внутреннюю нестабильность в этих государствах, Иран пытается создать здесь местную проиранскую инфраструктуру типа партии «Воинство Аллаха» и др. К тому же надо учитывать, что оснащенная современным оружием иранская армия по количественному составу превышает 465 тыс. человек. Если ранее для СССР это не представляло опасности, то сегодня, когда северокавказская группировка России уступает ей в силах, противостоять такой угрозе будет далеко не просто.

На средневосточном направлении военная ситуация за последнее время также стала весьма тревожной, и пока нет надежды, что она улучшится. Афганистан и таджикская оппозиция проявляют все большую активность. В случае вмешательства третьих сил (Пакистана и Китая) обстановка и здесь может стать чрезвычайно сложной, что потребует от России отвлечения на это направление значительных сил.

Военная угроза на Дальнем Востоке в данное время менее опасна. Но в перспективе, особенно в случае ошибок со стороны российского и китайского руководства, они могут обостриться и даже приобрести чрезвычайный характер.

В последние годы особую опасность для России приобрели внутренние военные угрозы. Попытки силового подавления внутренних противоречий пока не дают положительных результатов. Напротив, они лишь усиливают сепаратистские устремления. Если такие процессы будут нарастать, в России возникнет реальная опасность дестабилизации внутренней обстановки. Нельзя исключить возникновение отдельных локальных конфликтов на социальной, территориальной, национальной и религиозной почве. По крайней мере к концу 1996 г. насчитывалось 20—25 очагов опасного напряжения. В последующем положение может усугубиться вследствие массовой миграции населения, роста терроризма, развития воинственного национализма и других негативных явлений, что не только подорвет единство Российской

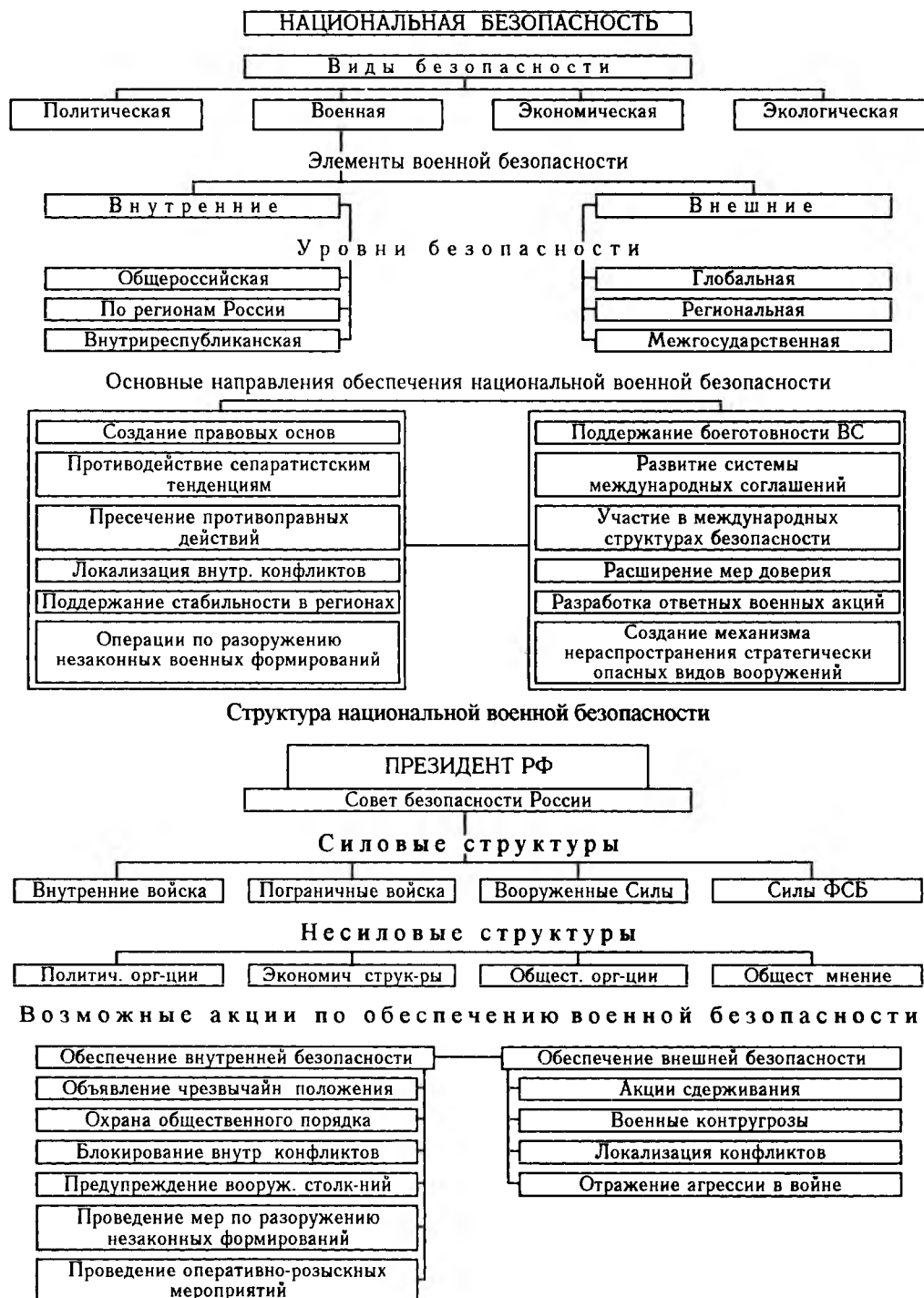

Схема 59. Структура обеспечения национальной безопасности России

Федерации, но и вызовет международную эскалацию насилия со всеми вытекающими отсюда труднопредсказуемыми последствиями.

Основные корни внутренних локальных конфликтов в России лежат в ее историческом прошлом. Они обусловлены различными причинами, в том числе произвольным установлением царским режимом губернских границ, а в советское время насильственной депортацией народов и волюнтаристским изменением территориально-административных границ. Сейчас ко всему этому добавляются ошибки российского руководства в социальной и национальной политике, столкновение противоречий на религиозной, экономической и иной почве.

И наконец, есть еще одна категория угроз, с которой нельзя не считаться. Она связана с социально-политической напряженностью в стране, ухудшением экономической ситуации, а также с опасностью перерождения демократических структур в тоталитарный или авторитарный режим. Все это усиливает социальное недовольство населения, прежде всего в крупных административно-политических центрах и некоторых слабо развитых районах, которое при определенных условиях может перерасти в перманентную гражданскую войну.

В общем комплексе задач рассмотренные выше вопросы оказывают прямое воздействие на военную стратегию России, требуют определения в ее рамках эффективных мер по предупреждению и отражению как внешних, так и внутренних угроз. Нужна срочная разработка развернутой концепции укрепления обороны страны применительно к обстановке, создание менее громоздких, но более эффективных Вооруженных Сил и миротворческих формирований, не говоря уже о глубоком исследовании способов стратегических действий во всех видах политических и военных столкновений.

4. Новая концепция военной доктрины России

Изменившаяся политическая и военная обстановка потребовала радикального пересмотра военных доктрин большинства европейских и многих азиатских стран. В настоящее время этот процесс развивается повсеместно и взаимосвязанно. Уточнены военные доктрины США, НАТО, ФРГ, Великобритании, Франции, всех восточноевропейских государств. Заново разрабатываются военные доктрины выделившихся из СССР прибалтийских, закавказских и среднеазиатских стран.

Особое значение, с точки зрения военных интересов России, имеют уточнения, внесенные в военные концепции США и Североатлантического блока. Официально объявлено об отходе от прежней концепции «передовых рубежей» и перестройке обороны на основе «сокращенного присутствия». Признано необходимым изменить некоторые принципы «стратегии гибкого реагирования» с учетом меньшего уровня военной угрозы с востока и готовности к быстрому выдвиганию сил так называемого передового эшелона в зоны потенциальных угроз, в том числе на территории восточноевропейских и балтийских государств.

В документе, принятом на сессии Совета НАТО 8 ноября 1991 г. в Риме, по этому поводу указано: «Цели союза являются чисто оборонительными... силы союзников должны быть в состоянии защитить границы Союза, остановить продвижение агрессии на возможно более дальних рубежах, поддерживать или восстанавливать территориальную целостность государств — союзников и быстро завершить войну, заставив агрессора пересмотреть свое решение, прекратить наступление и ответить войска».

Применительно к новой военной доктрине НАТО переработана военная доктрина ФРГ. Завершается разработка новых военных доктрин восточноевропейских го-

сударств: Чехии, Польши, Венгрии, Румынии. Все они формально носят оборонительный характер, но теперь исходят из преимущественной защиты своих стран от угрозы не с запада, как было прежде, а с востока. Завершается подготовка новых военных доктрин в постсоветских республиках: на Украине, в Азербайджане, Армении, Грузии, а также в Эстонии, Латвии и Литве. Исключительно остро эта задача встала и перед Россией. До 1991 г. Российская Федерация ориентировалась в основном на военную доктрину СССР, принятую в 1987 г. Однако после распада Советского Союза эта доктрина утратила свою силу. Более того, многие ее установки вошли в противоречие с новым социально-политическим устройством Российского государства, его геополитическим положением, экономическими возможностями и требованиями национальной безопасности.

Формирование новой военной доктрины России шло чрезвычайно сложно и противоречиво. В течение полутора лет были разработаны по меньшей мере семь различных ее вариантов. Первые из них по сути воспроизводили в несколько уточненном виде основные положения прежней советской военной доктрины с той лишь разницей, что учитывалось новое политическое окружение России, изменившийся характер угроз, предусматривалась организация обороны страны в рамках коллективной обороны не ОВД, а стран СНГ. Последующие варианты постепенно включали все новые и новые установки, в том числе и такие, которых никогда не было в прошлом. События 3—4 октября 1993 г. явились побудительным толчком, потребовавшим форсировать завершение этой работы. В короткий срок был создан принципиально новый вариант военной доктрины. В ноябре того же года на заседании Совета безопасности ее проект был одобрен, а затем введен в действие Указом Президента Российской Федерации № 1833.

В обнаруженных основных положениях военной доктрины указывалось, что она представляет собой «систему официально принятых в государстве взглядов на предотвращение войны, вооруженных конфликтов, на военное строительство, подготовку страны к обороне, организацию противодействия угрозам военной безопасности государства, на использование Вооруженных Сил и других войск Российской Федерации для защиты жизненно важных интересов Российской Федерации»³. При этом подчеркивалось, что военную безопасность страны предполагается обеспечивать всей совокупностью имеющихся в распоряжении России средств при приоритете политико-дипломатических и иных мирных усилий. Отмечалось, что Вооруженные силы «могут быть применены лишь как крайнее средство, в случае совершения агрессии против Российской Федерации или ее союзников; для проведения операций по поддержанию мира в соответствии с решениями Совета Безопасности ООН или международными обязательствами; для пресечения вооруженных конфликтов и любого противоправного вооруженного насилия на государственных границах и в пределах территории страны».

Нетрудно заметить, что в этих и некоторых других вопросах новая военная доктрина России в какой-то мере согласована с отдельными доктринальными установками США и НАТО или даже повторяет их. Однако в основу ее все же были положены принципиально иные требования, вытекающие из специфических условий России и особого характера стоящих перед ней национальных задач. В принятой военной доктрине наиболее важное значение имеют следующие характерные особенности.

Она включает не два, как это было ранее, а три взаимосвязанных раздела: политический, военно-стратегический и военно-технический. Тем самым более четко раскрываются все главные составные элементы, определяющие условия обеспечения военной безопасности государства, характер и способы выполнения стоящих перед ним оборонных задач.

Впервые разграничиваются меры внешней и внутренней безопасности России, организация национальной и коллективной обороны в рамках СНГ, на региональном и глобальном уровнях.

Снято ранее существовавшее пропагандистское обязательство о неприменении ядерного оружия первыми, а вместо этого определены условия, при которых такое оружие может быть использовано в ответном, ответно-встречном и упреждающем вариантах.

Пересмотрены прежние доктринальные установки на размещение и использование Вооруженных Сил в пределах национальных границ; с учетом новых реалий предусмотрена возможность дислокации и действий Вооруженных Сил на зарубежных территориях для выполнения определенных военных задач.

Впервые предусмотрена возможность применения Вооруженных Сил для осуществления миротворческих операций по решениям ООН.

Допускается использование Вооруженных Сил во внутренних конфликтах и для пресечения противоправных действий, вооруженных столкновений, разъединения противоборствующих сторон и защиты стратегических военных объектов на территории России.

Новая военная доктрина, разработанная к середине 90-х годов, предполагала и предполагает радикальную перестройку всей военной системы государства и его Вооруженных Сил с сосредоточением основных усилий на совершенствовании видовых структур армии и флота, повышении их качественных характеристик. В частности, предусматривались постепенный переход на смешанную систему комплектования войск, создание новых группировок Вооруженных Сил и иной инфраструктуры в границах России. Предполагалось первоочередное развитие сил и средств, предназначенных для сдерживания агрессии, а также мобильных сил, способных в короткие сроки переместиться в удаленные районы и приступить к маневренным боевым действиям на том направлении, где может возникнуть угроза безопасности Российской Федерации. В целом эта военная доктрина, сохраняя свою оборонительную направленность, приобрела бы более решительный, активный и многоплановый характер.

Разумеется, это не означает, что все положения этой военной доктрины незыблемы. По сути, объявленная доктрина являлась военной доктриной переходного периода. Но уже в настоящее время не все ее требования оказались приемлемыми на практике. Например, выявилось несоответствие доктринальных установок реальным военным угрозам, условиям возникновения и ведения современных войн, а кроме того, недостаточная обоснованность выдвигаемых требований к строительству и подготовке Вооруженных Сил, способам ведения военных действий. В связи с этим началась работа по уточнению многих положений этого документа. Одновременно встал вопрос о разработке наднациональной и межгосударственной военной доктрины СНГ, которая определила бы важнейшие задачи и принципы коллективной обороны стран Содружества, направления их стратегического сотрудничества. Такая доктрина, очевидно, должна включать систему общих установок о порядке совместной защиты интересов и территориальной целостности союзных стран, исходя из достигнутого согласия, что любые действия, направленные против любого государства, подписавшего договор о коллективной безопасности, «будут рассматриваться как посягательство на общие интересы и вызывать соответствующие ответные меры с использованием как национальных, так и межнациональных объединений военных структур».

К чему сводятся основные установки и военные критерии политического раздела военной доктрины России? В нем определены отношение государства к войне, возможный ее политический характер, направленность основных военно-политиче-

ских целей и оборонных задач, общие принципы организации национальной и коллективной безопасности, политические меры по предупреждению войны и поддержанию международной безопасности. Важнейшие из них сводятся к следующему.

Отношение к войне и ее политический характер. В настоящее время Россия исходит из того, что война как средство разрешения межгосударственных, межреспубликанских и внутриреспубликанских противоречий себя изжила, т. е. стала недопустимой. В первую очередь это относится к ядерной войне, в которой не может быть ни победителей, ни побежденных. Всем давно ясно, что такая война закончится только неизбежным взаимным уничтожением обеих сторон, глобальной катастрофой, гибелью всей цивилизации. Чрезвычайно опасными по своим разрушительным последствиям становятся теперь и обычные крупномасштабные войны, причем не только из-за неизбежных колоссальных потерь, но и из-за вероятности их перерастания в ядерную войну. В этой связи они тоже перестают быть рациональным средством политики.

Наиболее распространенными сегодня становятся локальные войны. Ввиду ограниченного их масштаба и обычного неравенства воюющих сил вполне возможно достижение победы, но уже само их развязывание таит в себе угрозу эскалации военных действий с перерастанием в крупномасштабную войну. Кроме того, необходимо помнить, что любая локальная война связана с огромными материальными и морально-политическими издержками, большими потерями личного состава вооруженных сил сторон и среди населения.

С учетом этого в качестве приоритетной политической и военно-стратегической задачи выдвигается предупреждение войны во всех ее формах и видах.

Что касается политического характера возможных войн, то в настоящее время российская военная доктрина исходит из того, что основной тип войны, к которой в прежние годы готовился Советский Союз, а именно — мировая война как глобальное столкновение двух мировых общественных систем, снимается с повестки дня. Она невозможна потому, что уже нет раскола мира на два противоположных лагеря — социалистический и капиталистический. Тем не менее нельзя исключить войны между отдельными странами капиталистической и социалистической ориентации, между демократическими и тоталитарными государствами, наконец, между государствами и группами государств с тождественными социально-политическими режимами, но преследующими разные интересы и цели.

Предполагается, что в настоящее время резко ограничена вероятность не только мировой глобальной войны с применением ядерного оружия, но и с использованием обычных средств вооруженной борьбы. В то же время явно просматривается тенденция к увеличению разнотипности военных столкновений. В частности, в современных условиях, учитывая по-прежнему высокий уровень военного противостояния в мире, наличие крупных противоречий, а также вероятность случайного военного столкновения, вполне допустима возможность крупномасштабных всеобщих и ограниченных войн, региональных войн между группами государств, локальных войн между отдельными государствами как в отдаленных районах, так и в непосредственной близости от границ России, гражданских войн в государстве, частных военных конфликтов различной интенсивности.

Вероятнее всего, что в этих войнах и конфликтах будут использованы не только традиционные, но и новейшие высокоэффективные виды оружия, исключая оружие массового поражения. Однако в случае столкновения крупных государств, обладающих ядерным оружием, нельзя исключать, что при определенных условиях и оно будет в ограниченных масштабах пущено в ход, причем случайно или преднамеренно одной или даже обоими сторонами.

Другая характерная политическая черта всех современных войн согласно нынешним военно-доктринальным установкам России состоит в том, что преобладающим мотивом их развязывания будут, видимо, социально-экономические, религиозные и этнические причины, территориальные и иные споры, что отнюдь не снизит их ожесточенность.

Поэтому важно принимать все меры, чтобы Россия не оказалась вовлеченной в любую из таких войн. Если же избежать этого не удастся, необходимо приложить максимум усилий, чтобы закончить войну в кратчайший срок и с минимальными для себя потерями.

Основные военно-политические цели и задачи России. Общие военно-политические цели России по своему характеру имеют сугубо оборонительную направленность. При этом следует исходить из того, что сфера интересов ее не замыкается рамками национальной территории. Она распространяется на все военно-политическое пространство бывшего СССР и ограничено — на отдельные, особо важные регионы Европы, Азии и Африки.

Своей главной военно-политической целью Россия ставит сохранение мира и международной стабильности, предотвращение войны, обеспечение национальной безопасности и безопасности СНГ, защиту жизненно важных политических и экономических интересов Российского государства. Эту задачу она рассчитывает решить, не прибегая к политическому, идеологическому, экономическому, а тем более военному насилию, если только такое же насилие не будет применено к ней другими странами.

В случае агрессии главная военно-политическая цель России состоит в отражении агрессии и ликвидации ее последствий, защите независимости и территориальной целостности своего государства, а при определенных условиях — и союзных стран. В последнем случае с ее стороны могут быть применены те силы и средства, которые окажутся необходимыми в конкретной обстановке или будут вытекать из обязательств по коллективной обороне.

При отражении агрессии извне Россия, исходя из принципа оборонной достаточности, намерена ограничить свои действия главным образом рамками защиты, прибегая для этого к действиям как оборонного, так и наступательного характера. В любых условиях, однако, она будет искать пути для быстрого завершения войны и установления справедливого мира. Российская Федерация ни при каких условиях не намерена стремиться к захвату чужих территорий или изменению существующего у противника политического строя. Но это не означает, что при необходимости военные действия не будут перенесены на территорию противника.

Одной из важнейших военно-политических задач России явится предупреждение внутренних войн и конфликтов как в самой России, так и в рамках СНГ. Если же такой конфликт возникнет, то Россия приложит максимум усилий, чтобы добиться его быстрого урегулирования политическим путем и прекращения военных действий.

Военно-политические меры по поддержанию мира и международной стабильности. Содержание новой военной доктрины России было расширено за счет комплекса установочных взглядов, военно-политических мер и действий, направленных на поддержание международной стабильности, предотвращение войны, межреспубликанских и внутриреспубликанских конфликтов. В числе таких доктринальных установок наиболее важными являются: интегрирование национальных систем безопасности в новые системы международной, европейской и азиатско-тихоокеанской безопасности; принятие мер к сокращению, а

в последующем и к взаимному отказу от размещения военных баз вне пределов национальных границ; развитие мер доверия в Европе и других регионах мира; готовность строить отношения со всеми соседними государствами на основе взаимного учета интересов безопасности; развитие контактов по политической и военной линии с США, странами НАТО, восточноевропейскими странами, Китаем, Японией, а также с другими заинтересованными государствами; заключение соглашений по предотвращению возможных конфликтов и кризисов в зонах непосредственного соприкосновения; создание надежных международных механизмов предупреждения агрессии, в том числе за счет образования единых европейских и азиатских представительных военно-политических органов (советов) по предупреждению и анализу конфликтных ситуаций, а также за счет установления прямых горячих линий связи, в том числе между стратегическими командными пунктами, и другие мероприятия; разработка дополнительных ограничений на деятельность вооруженных сил, особенно в потенциально опасных районах; «обнуление» целевых программ применения стратегических ядерных сил, их перенацеливание на океанские просторы и ограничение их боеготовности; совместное совершенствование национальных и создание объединенных систем разведки и предупреждения о ракетном и воздушном нападении; организация взаимного обмена политической и стратегической, в том числе разведывательной, информацией в целях предупреждения и локализации возможных военных конфликтов в различных районах мира.

Особую систему мер предполагается разработать для поддержания и обеспечения военной безопасности в военно-политическом пространстве СНГ. Пока такая система только формируется. Но ее основу, видимо, могут составить следующие основные мероприятия: создание межгосударственных мобильных сил для локализации конфликтов; установление порядка принятия совместных решений на случай возникновения конфликтов между республиками и внутри республик СНГ; строгое ограничение состава Вооруженных Сил за пределами оборонной достаточности; организация оперативного взаимодействия стран Содружества и их вооруженных сил на случай возникновения конфликтных ситуаций для их локализации в самом начале; установление зон безопасности (разделения сил) в районах возможного возникновения конфликтов; создание чрезвычайных органов управления для урегулирования политических и экономических отношений и руководства военными мерами на случай вооруженных столкновений.

Безусловно, этот перечень далеко не исчерпывает всех политических и военных мер, необходимых для предупреждения и ограничения военных столкновений. Более того, как показал опыт военных действий в Чечне, эффективность многих из них может оказаться низкой или даже безрезультативной, если допущены ошибки в их практическом осуществлении.

Основные установки и критерии военно-стратегического раздела российской военной доктрины. В военно-стратегической части военной доктрины дается оценка стратегического облика возможных войн и конфликтов, содержания военно-стратегических задач, направлений военного строительства, способов применения Вооруженных Сил, организации руководства обороной государства, подготовки населения и страны к войне⁴. Все эти вопросы, как известно, непосредственно относятся и к военной стратегии. Доктрина на этот счет определяет лишь общие и принципиальные требования, связанные прежде всего с направленностью военно-стратегического курса государства. В зависимости от масштабности решаемых задач он представляется в трех ракурсах.

Дальнеракурсный стратегический курс России предполагается проводить исходя из осмотрительного военного сближения с США, европейскими странами НАТО и

Китаем. Соответственно имеется в виду разработать такую стратегию, которая позволила бы окончательно освободиться от военного противостояния с указанными государствами, открыла бы путь для более широкого сотрудничества с ними в военной сфере, но в то же время сохранила бы элементы стратегического сдерживания и надежного отражения неспровоцированной агрессии, откуда бы она ни последовала. При этом намечается исходить из возможности разновариантного развития российско-американских, российско-натовских и российско-китайских отношений, разрабатывать стратегию, соответствующую прежде всего наиболее сложному и опасному из этих вариантов.

Ближнеакурный стратегический курс России предполагается строить на дифференцированном отношении к различным группам соседних государств с расчетом создания вокруг России пояса если и не союзных, то во всяком случае дружественных или по крайней мере нейтральных государств. В этом плане наиболее важным считается не допустить образования в данном стратегическом пространстве враждебных России военно-политических блоков типа союза прибалтийских или альянса восточноевропейских стран с антироссийской направленностью, а также расширения НАТО на восток. Новая военная стратегия России учитывает также вероятность возникновения в этом поясе остроконфликтных ситуаций, любая из которых может поставить под угрозу ее интересы. Поэтому предполагаются разработка и подготовка соответствующих ответных или упреждающих действий для противодействия такой угрозе.

Внутриакурный стратегический курс России должен иметь своей целью стратегическую консолидацию всех стран Содружества независимых государств с образованием в пределах их территорий единого стратегического оборонительного пространства и всемерным развитием всех форм военного и военно-технического сотрудничества. В основе его лежат прежние принципы коллективной обороны, но уже со странами ближнего зарубежья или преимущественной опоры на собственные национальные силы и военные средства.

Новая военная доктрина России определяет характер военных действий в вооруженных конфликтах всех уровней, начиная от крупномасштабных войн и кончая военными столкновениями низкой интенсивности. Особо подчеркивается, что современные войны «могут отличаться широким диапазоном применяемых средств вооруженной борьбы и участием в войне различных военных формирований — от регулярных вооруженных сил до иррегулярных и ополченческих сил». Впервые устанавливаются факторы, которые могут привести к перерастанию локальных конфликтов в крупномасштабные войны. В их числе особо выделяются преднамеренные действия, направленные на нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, объектов ядерной энергетики и химической промышленности⁵. Обстоятельно рассматриваются задачи Вооруженных сил в мирное и военное время. Даются основополагающие установки по организации стратегического руководства Вооруженными Силами накануне и в ходе войны.

В качестве основных принципов строительства Вооруженных Сил особо выделяется подконтрольность органов военного управления высшим органам государственной власти, централизация военного руководства и единоначалие, соответствие организационных структур, боевого состава и численности Вооруженных Сил характеру их задач, международным обязательствам и экономическим возможностям России. Предполагается, что ее Вооруженные Силы должны создаваться в соответствии с требованиями разумной оборонной достаточности, быть разумно ограничены по своему составу, но в то же время обладать мощным боевым потенциалом, высокой мобильностью и способностью вести борьбу в любых видах войн и военных конфликтов, против любых противников в самых различных, в том числе и не-

благоприятных условиях обстановки. Важнейшими качествами Вооруженных Сил предлагается считать: их универсальность, структурную стройность, возможность применения в полном составе или частью сил, централизованно и децентрализованно, постоянную готовность к немедленному применению и др.

Особо анализируются в военной доктрине способы отражения агрессии, нанесения поражения противнику, операции по поддержанию мира, предупреждению и пресечению внутренних военных конфликтов⁶. Указывается, что в случае агрессии действия Вооруженных Сил должны быть предельно решительными, рассчитанными на нанесение противнику сокрушительного поражения. Вместе с тем допускается преднамеренное ограничение масштабов и целей военных действий. Не исключается возможность компромиссов, если это не противоречит интересам обеспечения безопасности государства.

Основные установки и критерии военно-технического и экономического разделов российской военной доктрины. Эта часть военной доктрины содержит положения и требования, определяющие цели и направленность военно-технической политики России, принципы технического оснащения Вооруженных Сил, характер военно-технического сотрудничества с другими государствами, развитие военно-промышленной базы, подготовку экономики к обороне, процессы разоружения и военной конверсии⁷.

Главной целью военно-технической политики России определено своевременное оснащение и материальное обеспечение Вооруженных Сил эффективными системами вооружений, боевой техникой и имуществом в количествах, необходимых и достаточных для гарантированной защиты интересов общества и государства. Для этого предусматриваются создание национальных систем вооружений, обеспечивающих дальнейшее повышение боевой эффективности Вооруженных Сил, оснащение армии и флота преимущественно новыми видами оружия и военной техники, применение в военном производстве новейших технологий, дальнейшее развитие производственных и мобилизационных возможностей военной промышленности, а также развитие военно-технических связей с другими государствами⁸.

При этом учитывается, что из всех государств СНГ сегодня только Россия в состоянии сама разрабатывать и производить современные, а тем более перспективные виды вооружений. Это обеспечивает ей военно-техническую самостоятельность и вместе с тем открывает большие возможности для военно-экономического сотрудничества с другими странами Содружества.

Военная доктрина России середины 90-х годов исходила из того, что в современных условиях научно-технический прогресс предъявляет повышенные требования к вооружениям, военной технике и военному производству. В частности, очень остро вставал вопрос о разработке долгосрочных программ развития оружия и техники. Возникла необходимость в серьезной структурной перестройке многих военно-промышленных отраслей, совершенствовании системы государственных военных заказов, внедрении в военное производство новых финансово-экономических механизмов с учетом перехода на рыночные отношения и внедрения конкурентной контрактной системы заказов.

В вопросах технического оснащения Вооруженных Сил новая военная доктрина России основывалась на признании нецелесообразности или невозможности продолжения борьбы за военно-техническое превосходство над противником, но не допускала она и отставания от передовых держав в ключевых военных технологиях. Доктрина накладывала некоторые ограничения на создание наиболее разрушительных средств вооруженной борьбы и одновременно требовала опережающего развития фундаментальных и прикладных исследований, которые позволили бы эффек-

тивно реагировать на возникающие военно-технические угрозы. Она отдавала предпочтение разработке и производству высокоэффективных систем управления войсками и оружием, связи, разведки, предупреждения о ракетном нападении, радиоэлектронной борьбы, высокоточных мобильных безъядерных средств поражения, а также их информационного обеспечения. Особое внимание уделялось поддержанию на высоком уровне комплексов стратегического вооружения, повышению индивидуальной технической оснащенности военнослужащих и улучшению эргономических характеристик вооружений в системе «человек—машина»⁹.

Важное значение в военной доктрине придается дальнейшему развитию оборонно-промышленного потенциала страны. При этом обращается внимание на рациональное, сбалансированное развитие военной экономики и ее инфраструктуры, создание и дальнейшее развитие мощностей по выпуску и ремонту оружия, военной и специальной техники, на разработку и осуществление дополнительных мер по повышению мобилизационной готовности народного хозяйства и созданию мощных государственных мобилизационных резервов.

Признается важным развитие военно-технического сотрудничества с другими государствами, прежде всего в рамках СНГ. Указывается на необходимость быстрого восстановления и расширения на взаимовыгодной основе кооперативных связей предприятий, образующих оборонно-промышленный комплекс, и отраслевых научно-исследовательских организаций Содружества независимых государств¹⁰.

Особое место в доктрине отводится рациональному развитию военной конверсии с тем, однако, расчетом, чтобы этот процесс не наносил ущерба обороноспособности страны.

В 1994—1995 гг. обоснованию новой концепции военной доктрины был посвящен целый ряд официальных и авторских публикаций. Наибольший интерес представляла статья бывшего министра обороны П. С. Грачева «Военная доктрина и безопасность России»¹¹. В ней он утверждал, что «военная доктрина позволяет народам нашей страны и мировому сообществу правильно понимать цели и задачи России в сфере борьбы за предотвращение возможных вооруженных конфликтов и войн, в подготовке к отражению возможной агрессии против России и защиты ее жизненно важных интересов». Ради справедливости следует отметить, что новая военная доктрина с самого начала вызвала не только одобрение, но и серьезные возражения у различных кругов российского общества, особенно в военной среде. Больше всего критике подверглись три ее положения.

В первую очередь оппоненты подчеркивали неопределенность так называемого переходного периода, на который и рассчитана военная доктрина. Они отмечали абстрактный характер военно-политических и стратегических установок, касающихся именно этого периода, отсутствие глубокого анализа политической и военно-стратегической ситуации в стране, а также тенденций ее развития. По их мнению, в положениях военной доктрины не рассмотрены место и интересы России в новом многополярном мире, не определена долгосрочная политика по отношению к бывшему главному противнику — США и НАТО, в связи с чем трудно, как они считают, рационально анализировать и прогнозировать военные угрозы, определять возможную направленность их развития.

Резкой критике подверглось также отсутствие в доктрине конкретной оценки возможных театров военных действий, форм и способов вооруженной борьбы, особенно в крупномасштабной войне. Все это, по мнению ряда обозревателей, вызвало определенную настороженность за рубежом. Во всяком случае нежелание совершенно однозначно высказаться в официальном доктринальном документе по поводу будущих военно-политических отношений России с США, НАТО, Китаем, Японией воспринято критиками как попытка скрыть истинные цели и намерения России.

Не менее настороженно отнеслись они к изменению ядерной политики Российской Федерации. Новая установка о возможности превентивного применения ядерного оружия оценена рядом экспертов как замаскированная угроза Западу, готовность первыми развязать ядерную войну.

Но особое неприятие вызвала впервые зафиксированная в военной доктрине установка на возможность применения Вооруженных Сил во внутренних военных конфликтах для предотвращения или подавления беспорядков в стране. Перспектива вмешательства армии во внутреннюю жизнь государства была воспринята как серьезная потенциальная опасность для российской демократии, связанная со стремлением определенных политических кругов закрепить за Вооруженными Силами ту роль, которую им пришлось сыграть в событиях 3—4 октября 1993 г., и с попыткой силой оружия удержаться у власти.

Острая дискуссия развернулась и по другим установкам новой доктрины. По сути, она отразила существующий разрыв в российской политической жизни и противоречивость подходов к обеспечению безопасности страны. Нагляднее всего это проявилось на фоне развития войны в Чечне. Уже в самом начале ее обнаружилось различные подходы к ее оценке. При этом выявилось несоответствие между официальной оценкой боеспособности Вооруженных Сил и их реальным состоянием. Обозначилась неоправданность некоторых военно-стратегических установок. В частности, речь шла о роли и назначении мобильных сил, возможности Вооруженных Сил, построенных с учетом требований крупномасштабной войны, решать задачи во внутренних военных конфликтах, о несовершенстве организационной структуры и некоторых принципов управления федеральными войсками.

Тем не менее введенная в действие новая военная доктрина по-прежнему составляет ту главную идейную базу, на основе которой разрабатываются важнейшие положения современной российской военной стратегии.

5. Создание, развитие и реформирование Вооруженных Сил России

Вопрос о создании национальных Вооруженных Сил России возник не сразу, и решался он далеко не однозначно. После развала СССР на протяжении довольно продолжительного времени политическое и военное руководство России отстаивало необходимость сохранения Объединенных вооруженных сил СНГ. Считалось, что они будут иметь единую структуру и объединенные руководящие центральные органы, выполнять задачи в едином военно-стратегическом пространстве в интересах всего Содружества. Эта позиция, однако, натолкнулась на открытое противодействие со стороны Украины, закавказских и среднеазиатских государств. Пришлось выработать новый вариант, согласно которому предполагалось создать два типа военных формирований: межнациональные Объединенные вооруженные силы СНГ и национальные вооруженные силы в каждой республике. В состав объединенных вооруженных сил намечалось включить все стратегические наступательные ядерные силы, в первую очередь Ракетные войска стратегического назначения, а также Войска ПВО, дальнюю авиацию, основные силы флота, космические силы и некоторые другие средства центрального подчинения. Национальные вооруженные силы предполагалось создать на основе пропорционального разделения между республиками Сухопутных войск, Военно-воздушных сил, сил общего назначения, ВМФ, а также специальных войск и тыла.

Руководство Объединенными вооруженными силами должен был осуществлять министр обороны и Объединенный штаб СНГ, а руководство национальными вооруженными силами — министры обороны и генеральные штабы соответствующих республик.

Однако и этот вариант не был принят. Украина, Беларусь, Азербайджан и Армения стали в одностороннем порядке формировать собственные армии, используя находившиеся на их территории войска и запасы материальных средств. Все боевые средства на территории соответствующих республик были объявлены их национальным достоянием. Киевский, Прикарпатский, Одесский и Белорусский военные округа, в одночасье выведенные из центрального подчинения, превратились в объект дележа. Закавказский и Среднеазиатский округа были раздроблены, Прибалтийский округ преобразован в Северо-Западную группу войск, а Западная, Центральная и Северная группы войск подлежали расформированию.

Вот в каких условиях Россия вынуждена была приступить к созданию собственных Вооруженных Сил. Они были образованы Указом Президента России от 7 мая 1992 г. В их состав вошли Ракетные войска стратегического назначения, Сухопутные войска, Войска ПВО, ВВС и ВМФ, также ВДВ, военно-космические силы, тыловые части, строительные войска, находившиеся в территориальных границах Российской Федерации. Из прежних в Вооруженных Силах России сохранилось восемь военных округов: Ленинградский, Московский, Северокавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Забайкальский и Дальневосточный, а также три группы войск: Западная (расформирована в августе 1994 г.), Северная (расформирована в 1993 г.), Северо-Западная (расформирована в сентябре 1994 г.) и Закавказская (просуществовала до 1995 г.), четыре флота — Северный, Тихоокеанский, Балтийский, Черноморский, а также отдельные армии РВСН, ВВС, ПВО и вновь образованная вместо Закавказская группа войск.

На момент создания российские Вооруженные Силы имели в своем составе 2,8 млн. человек. На их оснащении находились 912 МКР, 79 тяжелых бомбардировщиков Ту-160, Ту-95МС, Ту-95К и Ту-95К22, а также 62 атомные подводные лодки со стратегическими ракетами. Что касается обычных вооружений, то по соглашению от 15 мая 1992 г. они были разделены между семью государствами Содружества в соответствии с Венскими соглашениями исходя из следующих квот.

Таблица 16
Квоты обычных вооружений

Страны	Виды вооружений*				
	танки	БМП	артсистемы	боевые самолеты	ударные вертолеты
Россия**	6400	11480	6415	3450	890
	1425	955	1310		
Украина	4080	5050	4040	1900	330
	950	700	800		
Беларусь	1800	2600	1615	260	80
	275	425	240		
Азербайджан	220	135	285	100	50
Армения	220	135	285	100	50
Грузия	200	135	285	100	50
Молдова	210	130	210	50	50
Среднеазиатские республики	2260	3780	?	1085	185

* Знаменатель — всего; числитель — на хранении.

** Только в европейской части.

Фактически же на оснащении армий всех стран Содружества оказалось значительно больше, чем предполагалось вначале, техники, подлежащей сокращению вследствие упомянутых выше соглашений, а также из-за невозможности содержать вооруженные силы такого масштаба.

Особо надо сказать о силах общего назначения Вооруженных Сил России. В их состав вошли все войска, находившиеся к маю 1992 г. на территории бывшей РСФСР, войска, которые были выведены из Германии, Польши, Венгрии, Чехословакии, а в последующем из Эстонии, Латвии, Литвы; к ним добавились некоторые соединения и части, главным образом авиационные, ПВО, спецвойска, передислоцированные из Беларуси, Украины, Грузии, Армении, Азербайджана и среднеазиатских республик.

Таким образом, обычный военный потенциал России оказался весьма внушительным. Однако выведенные с других территорий соединения и части размещались не из расчета стратегической целесообразности, а чаще всего исходя из наличия казарменного и жилого фонда. Вследствие этого их новая дислокация во многих случаях не отвечала требованиям реальной обстановки. А она еще больше осложнилась в связи с тем, что распределение вооружений в соответствии с договором о сокращении обычных вооружений вошло в резкое противоречие с необходимой расстановкой сил по театрам военных действий. О том, какие арсеналы ВВТ разрешилось иметь России в центре и на флангах, свидетельствуют данные таблицы 17.

Таблица 17
Распределение квот ВВТ России по направлениям

Военная техника	Военные округа		Всего
	Ленинградский и Северокавказский	Московский, Приволжский, Уральский, Калининградская область	
Танки	1300	5100	8400
из них на хранении	600	825	1425
БМП	1380	10100	11480
из них на хранении	800	155	955
Артсистемы	1680	4735	6415
Боевые самолеты			3450
Ударные вертолеты			890

Указанные ограничения явились тем искусственным барьером, что препятствует созданию рациональной группировки Вооруженных Сил и их эффективному применению при решении оборонных задач. Дело в том, что наиболее напряженные регионы оказались как раз на флангах, где разрешенные договором уровни состава Вооруженных сил минимальны. Непокойная обстановка создавалась вокруг судьбы Черноморского флота. С его разделением он утратил многие свои боевые качества. Возникла необходимость в рациональном решении вопросов распределения боевых кораблей различного назначения, базирования, сохранения береговой инфраструктуры флота. В изменившейся обстановке потребовался пересмотр всех задач и способов применения флота в Черноморско-Средиземноморском бассейне, организации взаимодействия российских и украинских ВМС*. Исключительно сложные проблемы возникли также в связи с расформированием Западной и Северо-Запад-

* Урегулирование проблемы финансирования российского Черноморского флота и использования им основной базы в Севастополе на условиях аренды в течение 20 лет было осуществлено 31 мая 1997 г. в ходе государственного визита на Украину Президента Российской Федерации.

ной групп войск, Бакинского округа и 2-й армии ПВО, Каспийской военной флотилии и ряда других объединений, с созданием баз в Армении, Грузии и Таджикистане. Все это вызвало серьезную организационную перестройку армии и флота.

Одним из решающих элементов, определивших содержание военной стратегии России, стало установление нового предназначения, задач и боевого состава Вооруженных Сил и других войск, их организационной структуры, оснащения и характера подготовки к боевому применению.

Предназначение Вооруженных Сил раскрыто в соответствующих положениях военной доктрины, в Законе об обороне, в других официальных документах. Там указывается, что они предназначаются для предотвращения войн и военных конфликтов, сдерживания потенциальных агрессоров от разжигания любых войн, угрожающих интересам Российской Федерации, и вооруженной защиты страны. Исходя из этого на Вооруженные Силы возложены следующие стратегические задачи:

1) совместно с силами и средствами внешней разведки Российской Федерации, МИД и МВД своевременное вскрытие готовящегося вооруженного нападения или угрожающего развития ситуации, а также предупреждение о них высшего руководства государства;

2) поддержание состава и состояния стратегических ядерных сил на таком уровне, который обеспечивал бы гарантированное нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях обстановки;

3) поддержание боевого потенциала группировок войск и сил общего назначения мирного времени на уровне, обеспечивающем отражение агрессии локального или национального масштаба;

4) обеспечение стратегического развертывания Вооруженных Сил и других войск в рамках государственных мероприятий по переводу страны с мирного на военное положение;

5) охрана государственной границы в воздушном пространстве, надводной и подводной среде;

6) отражение возможного нападения агрессора из космоса, с воздушных, сухопутных, морских и других направлений;

7) удержание важных районов на своей территории и обеспечение защиты и выживаемости основных объектов страны.

На Вооруженные Силы возлагается кроме того участие в миротворческих операциях, помощь внутренним и пограничным войскам в предупреждении и пресечении внутренних конфликтов, в охране коммуникаций и важных государственных объектов, в борьбе с терроризмом, оказание помощи населению и силам гражданской обороны в ликвидации последствий аварий, катастроф и стихийных бедствий.

Боевой состав Вооруженных Сил устанавливается с учетом всего объема этих задач, а также конкретных условий обстановки, состава вооруженных сил вероятных противников и возможного характера военных угроз.

Уже в 1993 г. выяснилось, что Россия не в состоянии содержать Вооруженные Силы 3—4-миллионной численности. Поэтому встал вопрос об их сокращении. Первоначально в качестве исходной расчетной цифры уровня Вооруженных сил, необходимого для надежного обеспечения безопасности страны, была взята норма 1—1,5% от общей численности населения России, т. е. 1,4—1,5 млн человек. Кстати, большинство европейских армий вполне укладывается в этот норматив. Но вскоре выяснилось, что Россия не может ориентироваться на такой чисто формальный показатель, так как помимо всего прочего следует учитывать ее особое геополитическое положение, огромную протяженность границ, невысокую плотность населения за Уралом, многообразие угроз и т. п. Вот почему при расчете численности Вооруженных Сил стали исходить не из абстрактных цифр, а из вполне конкретных военно-по-

литических, стратегических и военно-географических условий, а также складывающегося соотношения сил и динамики возможного развития военно-политической обстановки в мире. Немаловажное значение могут иметь демографическая ситуация в стране (снижение рождаемости), наличие подготовленных людских ресурсов и запасов вооружения, возможности экономики реализовывать и удовлетворять потребности страны и одновременно намеченные военные и социальные программы.

Комплексный анализ всех этих факторов дал основание полагать, что в современных условиях относительный состав Вооруженных Сил мирного времени должен колебаться в пределах от 1,8 млн. до 2,2 млн. человек. В дальнейшем, однако, возникшие бюджетные трудности и обвальное сокращение военного производства вынудили отказаться от такого оптимального состава и пойти на сокращение численности Вооруженных Сил мирного времени до 1,5 млн. человек, что и было подтверждено соответствующим решением. Но на военное время все же предусмотрено увеличить Вооруженные Силы по меньшей мере в 5—6 раз, т. е. довести их до 6—8 млн. человек.

Безусловно, сокращение Вооруженных Сил до указанного уровня не может осуществляться механически. Требуется радикальная их структурная перестройка, усиление важнейших компонентов, решительное упразднение устаревших и маловажных структур.

В последние годы в основу строительства Вооруженных Сил были положены пять главных требований: повышение качественных характеристик армии и флота; соответствие армии и флота реальному уровню военных угроз; пропорциональное развитие всех видов Вооруженных Сил и родов войск, наступательных и оборонительных вооружений; упразднение громоздких организационных структур; их рациональная перестройка с учетом характера возможных военных столкновений.

На ближайшие годы имелось в виду сохранить пятивидовую структуру Вооруженных Сил. Вместе с тем началась их постепенная реорганизация. Прежде всего были уточнены главные параметры стратегических ядерных сил России. Их состав и структура стали приводиться в соответствии с Договором СНВ-1. Сняты с боевого дежурства ракетные комплексы, оказавшиеся вне российских границ. Расформированы две ракетные армии и несколько ракетных дивизий. Пересмотрены планы перевооружения РВСН. Главное внимание сосредоточено на замене стационарных систем мобильными ракетными комплексами. Изменены состав и базирование стратегической авиации. Выведены из боевого состава ракетные подводные лодки с устаревшими ракетами. Соответственно перенацелены стратегические средства.

Дальнейшее развитие должны были получить стратегические оборонительные силы страны, главным образом войска СПРН. В связи с тем что значительная часть надгоризонтных станций ПРН оказалась на территориях Балтии и Украины, потребовалось принять меры к восстановлению радиолокационного поля. Были заключены соглашения о временном оставлении некоторых из действующих станций (Скрунда, Мукачево), строительстве новых станций для перекрытия образовавшихся брешей в контролируемом пространстве, об усилении группировки космических средств ПРН.

Крупной реорганизации подверглись силы общего назначения, прежде всего Сухопутные войска, Войска ПВО страны и Военно-воздушные силы. Особое внимание стало уделяться созданию так называемых мобильных сил. Обосновывалось это тем, что Россия не сможет держать на всех стратегических направлениях крупные группировки Вооруженных Сил. Ввиду этого, а также из-за непредсказуемости обстановки и возрастающей вероятности локальных войн был сделан вывод, что прежняя система развертывания сил по всему периметру государственных границ теряет свое былое значение. Возникла необходимость в создании особой группировки войск, которую можно было бы в кратчайший срок перебрасывать на то направление, где

возникает угроза безопасности страны. Основу такой группировки, как предполагалось, должны были составить воздушно-десантные войска, десантно-штурмовые части, соединения и части морской пехоты, мобильные части сухопутных войск специальной организации, а также военно-транспортная и боевая авиация.

В 1994 г. эта идея начала реализовываться на практике. Тогда представлялось, что она безупречна, но уже события в Чечне показали, что мобильные войска мало-пригодны для выполнения целого ряда задач. В связи с этим напрашивался вывод, что отказ от типовых объединений и соединений по меньшей мере преждевременен.

В Сухопутных войсках резко сократили количество общевойсковых и танковых армий, вместо них стали создаваться армейские корпуса. Многие мотострелковые и танковые дивизии переформировывались в мотострелковые бригады. В соединениях и частях существенно уменьшилось количество танков и другой тяжелой военной техники.

Произошла крупная реорганизация в ВВС. Армейская авиация была передана в Сухопутные войска в качестве одного из родов войск, упразднены воздушные армии фронтового назначения, созданы ВВС резерва, перестроен авиационный тыл.

Объединенные Войска ПВО страны перевели на новую организационную структуру, их оперативные границы пересмотрены с учетом новых воздушно-операционных направлений. Образованы новые зоны и районы ПВО. Перестроены группировки РТВ и ЗРВ в приграничных районах на западе и юге. Создано командование силами воздушно-космической обороны.

Была упрощена организационная структура флота. Ряд флотилий, эскадр и других крупных объединений флота расформирован. Пересмотрен состав сил постоянной готовности. На новую организацию переведены войска береговой охраны. Реорганизована система боевой службы. Состав сил, постоянно несущих боевую службу в удаленных районах океана и морей, резко сокращен.

Крупные изменения произошли в управленческих структурах Вооруженных Сил. Министерство обороны и Генеральный штаб были перестроены с учетом новых задач. Некоторые главные и центральные управления объединены или упразднены вообще. Ликвидированы и главные командования направлений. В то же время созданы многие новые управленческие структуры. Уточнен состав управлений военных округов и флотов.

Все эти и другие меры проводились и проводятся в рамках объявленной военной реформы, предусматривавшей полную перестройку всей оборонной системы страны. Глубокое реформирование Вооруженных Сил началось еще в 1992 г. Но тогда оно велось без четко очерченной концепции и общей программы по отдельным направлениям. Позже такие программы и концепция были определены, конкретно установлены цели, содержание, сроки и этапы осуществления реформы. В частности, до 1996 г. намечалось создать новые группировки войск и сил на территории Российской Федерации, усовершенствовать видовую структуру войск, завершить вывод соединений и частей, расположенных за пределами России, осуществить переход на смешанную систему комплектования, которая сочетала бы службу на основе призыва граждан на действительную военную службу по экстерриториальному принципу со службой в добровольном порядке (по контракту).

С 1996 до 2000 гг. намечено завершить реорганизацию структуры Вооруженных Сил, перевести их на четырехвидовую организацию, закончить переход на смешанную систему комплектования, усилить группировки войск на ответственных направлениях, создать новую инфраструктуру на территории Российской Федерации. Наконец, с 2000 до 2010 гг. предполагается полностью перестроить Вооруженные Силы в соответствии с перспективной системой оборонных задач, планируется перевести их на качественно новую военно-техническую базу. К этому времени в

составе Вооруженных Сил намечается иметь полноценные силы стратегического сдерживания, стратегические оборонительные силы, силы общего назначения, мобильные силы, спецвойска различного назначения и полустационарный стратегический тыл. Все войска должны быть переоснащены на современные, высокоэффективные и высокоточные системы оружия, новые образцы бронетанковой, артиллерийской, авиационной, инженерной и другой военной техники. Полностью будут обновлены авиационный парк и значительная часть войсковых средств ПВО, войдут в строй некоторые новые корабли флота. Дальнейшее развитие получат космические войска, средства разведки, связи и информационные системы. Будет осуществлен переход на автоматизированные средства и системы управления войсками и оружием нового поколения. Широкое распространение получат роботизированные боевые средства и средства искусственного интеллекта.

Наряду с реконструкцией организационной структуры и обновлением технического оснащения Вооруженных Сил намечалось осуществить глубокое реформирование всей системы подготовки военных кадров, управления войсками, организации научно-исследовательской работы, реорганизовать сеть НИИ, перестроить весь военно-промышленный комплекс на основе внедрения самых передовых военных технологий и новой организации производства.

Разумеется, все перечисленные направления военной реформы нельзя было считать окончательно устоявшимися. Дело в том, что жизнь и реальная обстановка потребовали их серьезной корректировки или даже радикального пересмотра, тем более, что Вооруженные Силы испытывали большие трудности: многие мероприятия не реализовывались в установленный срок, возникали дополнительные требования, которые приходилось учитывать в строительстве Вооруженных Сил, выявлялись слабости, ранее себя не проявлявшие. Вероятно, появятся и новые идеи, которые потребуют серьезного научного обоснования и глубокой экспериментальной проверки при реализации завершающих этапов реформы.

По мере продвижения военной реформы в России будет складываться новая система обороны страны. Основу ее составит согласованное использование ударных сил стратегического сдерживания, стратегических оборонительных сил, сил общего назначения и мобильных сил, опирающихся на развитую военную инфраструктуру, привязанную к измененной нарезке ТВД, стратегических и воздушно-космических направлений. Это позволит надежно обеспечивать безопасность России, гарантировать ее от всяких случайностей.

Разумеется, все это дело будущего, а пока реформы идут с большим трудом. Состояние Вооруженных Сил вызывает серьезную тревогу. Их боеготовность и боеспособность из года в год снижаются. Ограниченный военный бюджет не позволяет в необходимом количестве обеспечивать войска новой военной техникой, продолжать капитальное строительство, совершенствовать систему базирования сил. В особенно сложном положении оказались Сухопутные войска: многие соединения укомплектованы личным составом лишь на 25—30%. К тому же они обременены большим количеством неисправной техники и вооружения, не имеют положенных запасов материальных средств.

Постепенно изнашивается парк боевых самолетов, зенитных ракетных систем, но особенно радиолокационных средств. Все большее количество кораблей из-за небезопасности ремонтом выводится из боевого состава.

Расстроена установившаяся система оперативной, боевой и мобилизационной подготовки войск. Пришлось окончательно отказаться от таких крупных форм боевого слаживания органов управления и войск, как оперативные маневры и стратегические учения с обозначенными силами. Практически перестали проводиться армейские, дивизионные и полковые учения. Боевой налет во фронтовой авиации сни-

зился в 5—6 раз. Резко уменьшился состав сил боевого дежурства и боевой службы. В ряде частей боевая учеба сведена к одиночной подготовке или подготовке мелких подразделений. Сокращено количество сборовых мероприятий.

Все это не только ставит Вооруженные Силы перед серьезными проблемами, но и затрудняет реализацию новых стратегических принципов, необходимых для обеспечения надежной обороны страны.

Несравнимо более сложен анализ отдаленных перспектив развития Вооруженных Сил России — на второе, третье и последующие десятилетия XXI в., не говоря уже о долгосрочном прогнозировании военно-политической обстановки, будущего самой Российской Федерации, ее экономики, социального устройства, а главное — о выявлении результатов научно-технического прогресса. В этом случае придется считаться с целым рядом неопределенностей. И дело тут не только в том, что все политические, экономические, военные и иные процессы будут идти быстрее, динамичнее, но и в том, что на них в большей степени, чем когда бы то ни было раньше, будут оказывать влияние многие случайные факторы. Во всех областях военного дела, в том числе и в военном строительстве, неотвратно придется столкнуться со многими труднопредсказуемыми явлениями.

Поэтому нельзя выстроить какую-либо одну типовую модель Вооруженных Сил третьего тысячелетия. Можно лишь говорить о ряде возможных вариантов армии будущего и о тенденциях, которые определяют ее контуры.

Но ясно одно: в первой половине следующего века Вооруженные Силы России приобретут качественно новый облик. Если за прошедшие пятьдесят лет практически ничего не осталось от армии периода Великой Отечественной войны, то за следующие пять десятилетий в ее структуре и оснащении тем более произойдут радикальные перемены. Глубокие сдвиги можно считать неизбежными, если усилится процесс размежевания военно-политических сил, возникнут опасные очаги международной, межцивилизационной и внутрицивилизационной напряженности, образуются новые конфронтационные блоки, открыто столкнутся интересы России и США, усилится угроза российской безопасности со стороны других стран дальнего зарубежья, а главное — произойдут крупные военно-технологические прорывы. Будут разработаны и внедрены новые средства борьбы, включая оружие, основанное на новых физических принципах.

По крайней мере с достаточной степенью достоверности можно предвидеть следующие характерные черты российских Вооруженных Сил будущего.

Во-первых, существенно усилится ее профессиональное ядро. Видимо, армия мирного времени станет профессиональной, а комплектоваться будет главным образом путем добровольного набора на военную службу.

Во-вторых, изменятся пропорции между средствами стратегического и оперативного назначения, а также между видами Вооруженных Сил и родами войск, предназначенными для действий в различных пространственных сферах: на земле, в воздухе, на море и в космосе. Резко повысится удельный вес и значение стратегических наступательных и оборонительных сил. Видимо, сократятся численность и сравнительная доля сухопутных войск, а возможно, и военно-морских сил, но вместе с тем увеличится удельный вес ВВС, Войск ПВО и сил космического базирования. Уже в сравнении с второй мировой войной во всех армиях мира относительный состав ВВС и Войск ПВО возрос с 10—12% до 25—30% по отношению к общей численности вооруженных сил. В будущем эта тенденция проявится еще более рельефно. Может произойти интеграция некоторых видов Вооруженных Сил, их объединение, но одновременно возникнут новые рода войск и сил для решения определенного вида новых задач.

В-третьих, в организационном строительстве возобладает тенденция к повышению мобильности всех компонентов Вооруженных Сил, отказу от громоздких военных структур во всех звеньях, созданию универсальных объединений и соединений модульного типа.

В-четвертых, резко изменится характер управленческих и информационных органов и структур Вооруженных Сил. Их основу составят многофункциональные автоматизированные системы различного назначения. Соответственно на всех уровнях произойдут коренные изменения в содержании и характере управленческой деятельности.

Наконец, наряду с унифицированными могут быть созданы специализированные формирования, предназначенные для ведения крупномасштабных войн, но особо для ведения специальных операций в локальных войнах и конфликтах.

Нужно полагать, что в последующие 30—50 лет ядерное оружие сохранится на оснащении как российских Вооруженных Сил, так и других ядерных держав. Соответственно останутся стратегические ядерные силы сдерживания, но их состав и структура могут существенно измениться. Видимо, их основу составит относительно небольшая группировка мобильных средств наземного, морского, а возможно, и космического базирования с ядерным оружием очередного поколения.

Могут быть созданы также стратегические неядерные наступательные силы с использованием разведывательно-ударных систем и боевых средств на новых физических принципах, а также многофункциональные стратегические оборонительные силы для территориального прикрытия страны и Вооруженных Сил от всех средств воздушного и космического нападения противника.

Мощным компонентом Вооруженных Сил станут Военно-воздушные силы общего назначения, приспособленные для самостоятельных действий в воздушном пространстве и ведения всех видов воздушных и противовоздушных операций.

Военно-морские силы, по-видимому, будут существенно сокращены. Их основу составят ракетные корабли новых проектов, а также морские разведывательно-ударные комплексы.

Сухопутные войска, по всей вероятности, превратятся в наземно-авиационные силы общего назначения. Кроме того, могут быть образованы особые войска мобильных сил и сил специального назначения.

Безусловно, нельзя исключать и другие варианты организации перспективных Вооруженных Сил. Более или менее определенно можно будет судить о них ориентировочно в начале следующего тысячелетия.

6. О стратегическом характере современных войн и способах стратегического применения Вооруженных Сил

Современная военная стратегия России принципиально по-новому оценивает условия возникновения, характер и способы ведения возможных войн и вооруженных конфликтов. Имеется в виду, что страна и Вооруженные Силы должны быть готовы к предупреждению и ведению значительно более разнообразного арсенала крупномасштабных и локальных войн, военных конфликтов различного уровня. Следовательно, возникает необходимость в более гибкой и разновариантной военной стратегии, обеспечивающей эффективное решение оборонных задач в различных видах и типах войн и конфликтов.

Определенные политические круги считают, что изменившиеся условия исключают вероятность возникновения ядерной войны как в настоящее время, так и в будущем. На деле, однако, опасность такой войны не только не исключена, но со временем она может быть еще более реальной, хотя, конечно, в сравнении с теми пред-

ставлениями, которые сложились о ней в 70-е — 80-е годы, она будет совершенно иной. Надо полагать, что крупномасштабная ядерная война может быть развязана только в результате неблагоприятного стечения случайностей или роковых ошибок. Не исключено, что она возникнет вследствие эскалации военных действий.

Но вероятнее всего, что ядерная война будет не глобальной, а ограниченной, а главное — управляемой. По-видимому, пока такая возможность не будет достигнута, никто на ядерную войну не решится. Это значит, что обе воюющие стороны попытаются, опираясь на новые информационные структуры, удержать ядерную войну в каких-то ограниченных рамках, постараются завершить ее до того, как она примет неуправляемые формы. В ход будут пущены не все, а лишь некоторые из имеющихся средств борьбы. Каждая сторона сделает все, чтобы в полной мере использовать свой ядерный потенциал для нанесения максимального урона противнику, но при этом сама она не может исключить поражение для себя и своих союзников.

В стратегическом отношении основу крупномасштабной ядерной войны составят глобальные операции ударных стратегических ядерных и стратегических оборонительных сил. Такие операции начнутся и будут вестись во всех пространственных сферах с максимальным напряжением. В итоге их могут быть почти одновременно уничтожены многие города, военные и другие объекты, разрушены основные военно-политические и административные центры, целые промышленные районы, а население и вооруженные силы обеих сторон понесут неисчислимы потери. Радиоактивному заражению подвергнутся огромные территории и водные пространства. Многие районы превратятся в радиоактивную пустыню, не исключен эффект «ядерной ночи» и «ядерной зимы». А это означает, что не только ведение, но даже анализ неограниченной ядерной войны в стратегическом плане лишен реального смысла, ибо достигнуть победы в такой войне невозможно.

С учетом этого в практическом плане можно говорить лишь о стратегии ограниченной ядерной войны. В такой войне военная стратегия России может преследовать три цели: 1) нанести непоправимый ущерб противнику, не выходящий, однако, за рамки опасности для собственного государства; 2) обеспечить выживаемость населения и важнейших элементов экономики страны; 3) не допустить расширения масштабов войны, удержать военные действия в границах отдельных территорий (районов) при допустимом количестве используемых ядерных боеприпасов.

Безусловно, при столкновении ядерных держав ведение подобной войны предполагает определенный компромисс. Уже в самом начале ее должны быть приняты согласованные решения, которые предотвратят ядерную эскалацию и вынудят стороны прекратить активные военные действия, по крайней мере с использованием ядерных средств и других видов оружия массового поражения.

Даже в современных условиях чрезвычайно сложные стратегические черты и формы примет и крупномасштабная обычная война. Главная ее особенность будет состоять в том, что в ходе военных действий обе стороны попытаются применить новые высокоэффективные средства борьбы, прежде всего высокоточное оружие, разведывательно-ударные комплексы, боеприпасы повышенного могущества и т. п. Весьма вероятно, что воюющие государства не ограничатся традиционными объектами ударов. Большое значение может приобрести приоритетное уничтожение объектов атомной энергетики, баз хранения и производства особо опасных химических веществ, плотин, электростанций. В результате помимо поражающих результатов огневого воздействия образуются обширные (но все же локальные) зоны заражения, разрушения, затопления, пожаров. Иначе говоря, в какой-то мере возникнет ситуация, аналогичная последствиям ограниченной ядерной войны.

В таких условиях неизбежны массовые потери, полное восстановление которых вряд ли возможно. Поэтому интенсивность военных действий периодически будет

то нарастать, то снижаться. Ожесточенная борьба развернется во всех пространственных сферах, но особенно напряженный характер она приобретет в воздухе. Широкое применение найдут в такой войне пробный обмен мощными огневыми ударами, а также все виды наступательных и оборонительных операций стратегического, фронтового и армейского масштаба.

Что касается локальных войн и внешних вооруженных конфликтов, то их масштабы, формы и способы ведения будут зависеть от политических целей и характера военных столкновений, состава и возможностей участвующих сторон, отношения к ним третьих стран, а также от особенностей театра военных действий. Чаще всего при их ведении будут применяться традиционные средства борьбы, но в ограниченных количествах могут использоваться, в том числе в порядке полигонных испытаний, и новые средства поражения, как это было во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в Афганистане и во время конфликта в Персидском заливе. Военные действия могут ограничиться относительно небольшим районом, но в некоторых случаях они распространятся на целый регион, а их продолжительность может колебаться в широких пределах — от нескольких дней до нескольких лет. Вероятнее всего, вооруженная борьба в таких войнах будет развиваться спазматически, то есть проходить через ряд стадий с периодическим повышением и снижением активности проводимых операций.

Еще более сложным, противоречивым и труднопредсказуемым стратегическим характером могут отличаться внутренние конфликты и гражданские войны. В них будут тесно переплетаться типовые действия регулярных войск с действиями иррегулярных сил, ополченческих формирований и партизанской борьбой. Особенно острые формы могут принять внутренние конфликты в приграничных районах, где не исключено прямое или косвенное вмешательство других государств. В таких войнах должны заблаговременно приниматься меры на случай вероятной агрессии извне.

При ведении всех типов как крупномасштабных, так и локальных войн российская военная стратегия исходит из достижения победы в возможно более короткие сроки (хотя бы потому, что современная Россия не в состоянии вести длительную войну). В ходе войны предусматривается применение различных видов, способов и форм военных действий тактического, оперативного и стратегического масштаба, допускается использование всех видов обычного оружия, главным образом высокоточных боевых систем, «которые в наибольшей степени отвечают сложившейся обстановке, обеспечивают захват инициативы и нанесение поражения агрессору»¹². Вместе с тем предполагается так организовывать и проводить операции, чтобы вооруженная борьба не вышла из-под контроля и не превысила опасного уровня. Для этого могут вводиться определенные ограничения на способы выполнения некоторых стратегических и оперативных задач. Они касаются в основном таких действий, которые могут вызвать перерастание обычной войны во всеобщую ядерную.

Особо надо сказать о стратегическом характере возможных войн с применением перспективных видов оружия, в первую очередь оружия, основанного на новых физических принципах. Очевидно, такая война будет существенно отличаться не только от классических, но и от всех возможных вариантов крупномасштабных и ограниченных ядерных войн. В этом случае главной сферой борьбы станет прежде всего космос. Военные действия там могут начаться еще задолго до того, как развернутся крупные стратегические операции на суше, в воздухе и на морях. Основным их содержанием явится взаимное, в том числе скрытное, уничтожение боевых и обеспечивающих средств космического базирования. Лишь после того как эта задача в той или иной мере будет решена, могут развернуться межконтинентальные, континентальные и океанские наземно-воздушные и воздушно-морские операции различного масштаба. По-видимому, они охватят огромные пространства, причем главные

усилия будут сосредоточены на поражении объектов и группировок вооруженных сил преимущественно во внутренних районах страны. В приграничных районах военные действия в таком случае могут преследовать вспомогательные цели.

Способы стратегического применения Вооруженных Сил. Неопределенность военно-политической обстановки в мире, многоплановость военных угроз, необходимость поддержания постоянной готовности страны к отражению агрессии и ведению различных видов войн резко расширяют рамки современной военной стратегии России, усложняя ее содержание. Возникает необходимость в разработке более гибкой стратегии, изыскании новых способов действий Вооруженных Сил, ведения ядерной и обычной, крупномасштабной и региональной войн, вооруженных конфликтов высокой, средней и низкой интенсивности. Это означает, что современная военная стратегия России наряду с традиционными общими установками должна быть дополнена рядом новых принципов, конкретизирована и обогащена за счет комплекса дополнительных требований, вытекающих из специфических особенностей возможной предвоенной обстановки и необычного характера современных войн. Как и прежде, в основе ее должна лежать, с одной стороны, готовность Вооруженных Сил к применению различных форм и способов боевых действий, в том числе тех, которые есть или могут быть в арсенале вооруженных сил вероятно противника, а с другой — способность эффективно им противостоять.

В конце 80-х годов и особенно с образованием российских Вооруженных Сил в теории, в официальных высказываниях отдельных политиков и стратегов, а затем и на официальном государственном уровне было выдвинуто положение, что с учетом оборонительной направленности военной доктрины военная стратегия России должна быть в своей основе тоже оборонительной. Исходя из этого обосновывались следующие руководящие стратегические принципы:

1. Россия ни при каких условиях первой не начнет военные действия, а тем более первой не применит ядерное оружие.

2. Российские Вооруженные Силы не будут разрабатывать, осваивать и применять какие-либо действия, рассчитанные на осуществление внезапного нападения или превентивного удара по противнику.

3. В ходе войны Вооруженные Силы России не будут наносить преднамеренных ударов по крупным городам, культурным центрам, а также по ряду некоторых других гражданских объектов, если только сам противник не прибегнет к подобным действиям.

4. Отражение агрессии может и будет осуществляться главным образом путем ответных, преимущественно оборонительных и контрнаступательных действий.

5. Не предусматривается, а в ряде случаев вообще исключается возможность развертывания Вооруженными Силами России крупномасштабных наступательных операций с самого начала войны.

В соответствии с этим стали расширяться рамки принципов оборонной достаточности. Кое-кто принялся доказывать целесообразность сокращения наступательных вооружений, необходимость отказа от применения таких формирований, как десантно-штурмовые войска, оперативные маневренные группы, обосновывать возможность ведения активных операций только на собственной территории и т. п.

Вскоре, однако, стало ясно, что подобные установки обрекают Вооруженные Силы России на пассивность, заведомо ставят их в невыгодное положение, даже более того, подталкивают агрессора к опрометчивым и авантюристическим действиям. По существу, в случае критической ситуации российские войска при таком положении вынуждены были бы пассивно выжидать удара противника, а после его нанесения лишь отбиваться от агрессора.

Дальнейший анализ убедительно показал не только нецелесообразность, но и опасность подобной стратегии. Поэтому уже в 1992—1993 гг. она была отвергнута. А кроме того, был сделан вывод, что оборонительная военная доктрина вовсе не означает необходимость ориентироваться на пассивную оборонительную стратегию. Напротив, действия Вооруженных Сил и в этом случае должны быть максимально активными и решительными, направленными на полный разгром агрессора. А это может быть достигнуто лишь оборонительно-наступательной стратегией, т. е. при разумном сочетании обороны, контрнаступления и наступления.

С учетом этого почти все рассмотренные выше стратегические ограничения на действия Вооруженных Сил были сняты. С 1993 г. стратегия России стала наступательно-оборонительной. А вопрос о приоритете того или иного вида военных действий вообще отпал. В равной мере теперь признаются рациональными и возможными и наступление, и оборона. Применение того или иного вида военных действий отныне поставлено в зависимость не от абстрактных политических мотивов, а от конкретных задач и возможностей Вооруженных Сил с учетом реальной обстановки.

Из этого положения вытекают конкретные способы применения Вооруженных Сил в операциях и в войне. Россия и ее Вооруженные Силы не намерены предпринимать каких-либо действий, которые могут привести к обострению международной военно-политической обстановки либо создать реальную угрозу тому или иному государству. Но на любую военную угрозу со стороны агрессора будут непременно предприняты ответные меры. В таком случае действия российских Вооруженных Сил могут носить адекватный, а при определенных условиях и упреждающий характер. В частности, при нарастании военной опасности войска и силы флота могут приводиться в высшую степень готовности, развертываться и предпринимать ограниченные, а иногда и крупномасштабные действия предупредительного характера. Как правило, это будет иметь место в случае опасного наращивания группировок войск (сил) у российских границ, ввода иностранных войск на территорию сопредельных с Россией государств (если это, конечно, не связано с мерами по восстановлению и поддержанию мира по решению Совета Безопасности ООН), нападения на объекты и сооружения на государственной границе Российской Федерации, развязывания пограничных конфликтов и вооруженных провокаций, нарушения функционирования систем ПРН, ПРО и ПКО, вооруженного терроризма и т. п.

Во всех этих и подобных им случаях на угрожаемые направления могут перебрасываться дополнительные войска, прежде всего мобильные силы, с последующим развертыванием необходимых группировок войск, а кроме того организовываться частные операции с ограниченными целями и готовиться отдельные удары. В случае локального нападения чаще всего будет использоваться ограниченная группировка российских Вооруженных Сил. Она может проводить воздушные, противовоздушные, оборонительные, контрнаступательные или наступательные операции фронтового или армейского масштаба, готовить и осуществлять ракетно-огневые и авиационные удары по определенным категориям объектов и целей противника. Если конфликт примет затяжной характер, то могут привлекаться дополнительные силы. Тогда организуется целая система последовательных и одновременных операций с поочередным разгромом отдельных группировок противника и овладением ключевыми районами на его территории.

Принципиально иные способы действий потребуются при возникновении и ведении крупномасштабной войны. Такая война, как правило, с самого начала потребует привлечения всех или большей части Вооруженных Сил и полной мобилизации усилий страны. Предполагается, что крупномасштабная война может вестись на одном или одновременно на нескольких континентах, сухопутных, морских и океанских театрах военных действий, а при определенных условиях способна распростра-

ниться и на космические пространства. Для достижения поставленных стратегических целей в такой войне в большинстве случаев потребуется проведение не только фронтовых, но и целого ряда стратегических операций (возможно, операций групп фронтов) с участием всех видов Вооруженных Сил. Каждая подобная операция будет вестись обычно на нескольких стратегических и воздушно-космических направлениях, а также в прилегающих морских акваториях на глубину 300—400, а при некоторых условиях — 500—600 км.

Что касается характера самих операций, то в настоящее время на этот счет существуют различные точки зрения. Исходя из опыта операции «Буря в пустыне», высказывалось мнение, что главная роль перейдет к воздушно-космическим, воздушным и противовоздушным операциям с использованием высокоточных авиационных средств поражения. Действительно, возможность и значение таких операций существенно возросли. Однако конечные цели войны вряд ли могут быть достигнуты только этими операциями, ибо ни в одной из локальных войн борьба в воздухе не привела к полному разгрому противника. Так было во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в Афганистане, так было и во время войны в Персидском заливе. В течение 38 суток американцы массированно бомбили объекты Ирака. Но лишь после того как в наступление двинулись сухопутные войска, войну удалось завершить уже на четвертые сутки. По-видимому, подобное положение окажется еще более характерным для крупномасштабной войны будущего. Вместе с тем очевидно, что теперь воздушные операции могут проводиться не за 5—7 суток, как было принято считать в 70-е — 80-е годы, а непрерывно в течение многих недель и даже месяцев. В результате должна быть создана такая обстановка, которая позволит группировке сухопутных войск при поддержке ВВС и флота отразить агрессию и быстро решить основные задачи по завершению разгрома противника в ходе высокоманевренных военных действий.

Надо полагать, что характер стратегических, фронтовых и армейских операций всех видов существенно изменится. Прежде всего это касается контрнаступательных и наступательных операций. Они, вероятнее всего, будут начинаться с завоевания господства в воздухе и на море, мощных ракетно-огневых ударов и решительно-го наступления мобильных войск с последующим вводом в действие главных сил. Предполагается, что в ходе стратегических наступательных и контрнаступательных операций могут осуществляться одновременные и последовательные фронтовые наступательные, а иногда и частные оборонительные операции, широкомасштабные десантные действия, наноситься глубокие рассекающие удары. Войска будут стремиться к тому, чтобы в кратчайшие сроки захватить важнейшие центры противника, провести стремительные рейды по его тылам, охватывать, окружать, рассекать и уничтожать наиболее опасные группировки врага. В стратегическом наступлении основные силы сухопутных войск должны будут, по-видимому, завершить разгром главных сил противника, обеспечить захват важнейших районов в глубине его территории, нанести поражение резервам, лишить противоборствующую сторону материальной базы, которую она может использовать для воспроизводства военной техники и оружия. Очень важно уметь сочетать военные действия во всех пространственных сферах с высокоэффективной деятельностью всех видов разведки при гибком согласовании огневого поражения и ударов наземными силами, позиционных и маневренных форм борьбы, тесном взаимодействии всех видов Вооруженных Сил и родов войск¹³.

В стратегической обороне основная роль в отражении наступления противника будет, вероятнее всего, принадлежать группировкам Сухопутных войск, ВВС, Войск ПВО и флота, развернутым на главных стратегических направлениях. Им предстоит не допустить завоевания противником господства в воздухе и на море, удержать ос-

новные районы своей территории, остановить и обескровить вторгнувшиеся группировки неприятеля, изолировать их, а затем контрударами и переходом в контрнаступление уничтожить силы вторжения, восстановить положение, а при необходимости и перенести военные действия на территорию врага. Мобильные силы в таких операциях будут использоваться, видимо, для локализации образовавшихся брешей, а главное, для отсечения прорвавшихся группировок и последующего их разгрома. Силы флота будут бороться за удержание господства в закрытых морях, защищать свои коммуникации и вести борьбу на коммуникациях неприятеля.

Как в стратегическом наступлении, так и в стратегической обороне современная российская военная стратегия особое значение отводит нанесению по противнику массированных авиационных и ракетно-огневых ударов. Они могут быть упреждающими, ответно-встречными или ответными. Как правило, к их нанесению будут привлечены крупные силы ракетных войск оперативного назначения, авиации, дальнобойной артиллерии, а на приморских направлениях и силы флота. Ожидается, что удары будут осуществляться в решающие моменты операции на всю глубину построения противника для поражения его ударных средств, авиации, резервов, важнейших объектов базирования ВВС и флота, пунктов управления, узлов коммуникаций и т. п. В промежутках между ними могут организовываться эшелонированные действия авиации, наноситься отдельные ракетные и артиллерийско-огневые удары по точечным и высокозащищенным целям.

Важным является вопрос о применении в войне ядерного оружия и, в частности, о нанесении по противнику ответных, ответно-встречных и упреждающих ядерных ударов. Выше уже указывалось, что ядерное оружие может быть использовано лишь тогда, когда его роль в качестве средства сдерживания будет полностью исчерпанной, либо в критической обстановке, когда та или иная сторона окажется на грани поражения. В таких условиях могут быть нанесены удары ограниченным количеством средств или применен сразу весь ядерный потенциал. Способы ввода в действие ядерного оружия могут быть различными. В 80-е годы возможность нанесения советскими Вооруженными Силами упреждающего ядерного удара вообще исключалась. В то время речь шла только об ответных и ответно-встречных ударах, причем лишь после того, как противник применит или начнет применять ядерные средства поражения.

В современной военной стратегии подход к этому вопросу резко изменился. Как и в стратегии западных держав, новая российская военно-стратегическая концепция исходит из допустимости нанесения не только ответных и ответно-встречных, но и упреждающих ядерных ударов. На доктринальном уровне были определены условия, при которых ядерное оружие могло быть пущено в ход в случае вооруженного нападения на Россию или на ее союзников ядерного государства или государства, связанного договором со страной, обладающей ядерным оружием.

Иными словами, подразумевается довольно широкий диапазон вариантов, когда может быть нанесен превентивный ядерный удар. На практике, однако, указанные формальные признаки вряд ли могут служить основанием для ввода в действие ядерного оружия в любом его количестве и любой форме. Каждый раз будет тщательно проанализирована обстановка и принято конкретное решение, причем непосредственному нанесению ядерного удара может предшествовать предварительное предупреждение.

Совсем другое дело, если противник сам начнет ядерную войну. В таком случае решение на ответный ядерный удар будет приниматься немедленно по данным системы предупреждения о ракетном нападении или достоверной информации о состоявшихся ядерных ударах врага по тем или иным объектам России и ее союзников.

Особого рассмотрения требуют способы ведения российскими Вооруженными Силами так называемых миротворческих операций. Это совершенно новый вид военной деятельности, опыта в которой российская армия до настоящего времени не имела. Предполагается, что миротворческие операции будут предприниматься по решению Совета Безопасности ООН или соответствующего регионального органа коллективной безопасности при согласии руководства России, а на территории Российской Федерации — по решению Президента с согласия Федерального собрания. Для этого могут создаваться необходимые экспедиционные группировки войск, которые под международным контролем будут перебрасываться в район конфликта. Главная их задача — локализация военных действий и содействие в их прекращении. С этой целью могут создаваться зоны размежевания противоборствующих сторон, проводиться частные операции по разоружению отдельных группировок, организовываться охрана и оборона объектов ядерной энергетики, химического и бактериологического производства. В ряде случаев могут проводиться особые операции по недопущению поставок в район конфликта оружия, военной техники, боеприпасов и специального снаряжения военного назначения. Именно эти задачи, в частности, выполняли и выполняют российские миротворческие силы в Югославии, Грузии, Молдове, Приднестровье, Таджикистане. Но, разумеется, конкретная обстановка может потребовать и другие действия, к которым тоже надо быть готовым.

Стратегические категории времени и пространства. Современная военная стратегия России вынуждена искать новые подходы к решению проблемы времени и пространства. Как уже отмечалось, в советский период военная стратегия ориентировалась в основном на продолжительную войну, хотя и признавала необходимым решать главные задачи по разгрому врага в возможно более короткие сроки. Ныне ориентировка на длительную войну опасна и нецелесообразна. Россия не сможет выдержать продолжительное военное напряжение, особенно в борьбе с сильным противником. Во всяком случае она уже не в состоянии в полном объеме восполнять на протяжении нескольких лет возможные боевые потери Вооруженных Сил. Поэтому особое значение приобретает требование о завершении войны в возможно более короткие сроки.

Ставка на быстротечную войну не имеет, однако, ничего общего с блицкригом. Речь идет о том, что война либо должна быть завершена в течение нескольких месяцев, максимум через 1—2 года, либо прекращена на определенной стадии, желательно более благоприятной для российских войск. Что же касается оперативных и стратегических задач, то сроки их выполнения должны определяться, соотносясь с реальными возможностями и условиями обстановки. Однако важно упреждать противника в действиях, по возможности быстрее развертывать Вооруженные Силы, как можно раньше наносить огневые удары, в сжатые сроки готовить операции, вести их в более высоких темпах, чем это доступно противнику. Как и прежде, это составляет главное и определяющее условие захвата и удержания стратегической инициативы в своих руках.

Резко меняются подходы к категориям стратегического пространства. Известно, что в связи с распадом СССР размеры территории, на которой расположены российские Вооруженные Силы и в пределах которой возможно их развертывание, значительно сократились. В силу этого Российская Федерация крайне заинтересована в сохранении хотя бы ограниченного контроля над всем стратегическим пространством бывшего СССР, составляющим более 22 млн. кв. км. Такой контроль может осуществляться путем ведения разведки на всю глубину СНГ и других сопредельных стран, сохранения в отдельных районах российских военных и военно-морских баз (в Закавказье, Молдове, Беларуси, Севастополе, на Украине, в Армении,

Грузии, Узбекистане, Таджикистане и т. п.), а также с помощью проведения совместных военных мероприятий в соответствии с заключенным в январе 1995 г. договором о военном сотрудничестве.

Военно-стратегическое пространство, занимаемое странами Восточной Европы и Балтии, для России надо считать утраченным. Более того, эта пространственная область постепенно переходит под контроль НАТО. Отсюда вытекают по меньшей мере три обстоятельства:

— сокращаются внутренние стратегические линии, по которым возможен маневр российских Вооруженных Сил при их стратегическом развертывании, но вместе с тем возрастает уязвимость внутренних районов страны;

— повышается значимость приграничных районов, которые при новых условиях должны быть удержаны любой ценой;

— расширяется глубина пространства, в пределах которого предстоит наносить ракетно-авиационные огневые удары и проводить операции в случае переноса военных действий на территорию противника.

В любом случае в современных стратегических планах Российской Федерации надо учитывать возрастающую ценность пространственных факторов, расширять сферу воздействия на противника, настойчиво стремиться к достижению превосходства над ним в маневре, досягаемости средств вооруженной борьбы и обеспечении их эффективного применения для решения задач на возможно больших территориях и в короткие сроки.

Оборудование театров военных действий. Большие сложности возникают перед Россией в создании новой инфраструктуры, прежде всего в оперативном оборудовании возможных театров военных действий. Как уже указывалось, созданная в послевоенные годы военная инфраструктура оказалась на западе и юге либо разрушенной, либо отошла к соседним государствам. Следовательно, предстоит создавать на этих направлениях новую инфраструктуру под изменившуюся систему военных угроз и вытекающие отсюда оборонные задачи.

Так или иначе решать этот вопрос на прежних основаниях невозможно вследствие многих причин: отсутствия средств, недостатка времени, неясности обстановки, а главное — из-за неопределенности возможного характера военных действий на том или ином ТВД.

Ясно одно: в первую очередь новую инфраструктуру необходимо создать на северо-западе, западе и юго-востоке. Программа ее строительства должна предусматривать: развитие аэродромной сети, подготовку позиционных районов мобильных БРК РВСН и ЗРК, Войск ПВО, создание новых баз флота; строительство защищенных пунктов управления, узлов и линий связи; развитие дорожной сети, восстановление системы охраны границ, наконец, рекогносцировку и предварительную подготовку фортификационного оборудования важнейших оборонительных рубежей, включая привязку к местности отдельных сооружений, разработку документации и т. п.

Необходимо приступить, не откладывая, к оперативной подготовке прибалтийского и северокавказского направлений ввиду сложности складывающейся там обстановки. Одновременно должны быть выполнены минимальные работы по обеспечению развертывания Вооруженных Сил на основных направлениях Западного театра военных действий. Наконец, требуется дальнейшее развитие (но в ограниченных масштабах) инфраструктуры Восточного ТВД. Что же касается юго-западного, южного и юго-восточного направлений (украинского, северокавказского, среднеазиатского), то на их границах, по-видимому, потребуются осуществить особые меры, которые позволят в чрезвычайных условиях обстановки быстро сосредоточить, развер-

нуть и применить соответствующие группировки ВВС и соединения оперативных мобильных сил.

Руководство обороной страны и организация управления Вооруженными Силами. В соответствии с новой Конституцией и Законом об обороне общее руководство обороной страны и Вооруженными Силами возложено на Президента Российской Федерации — Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами России. Высшие органы государственной власти и управления Российской Федерации, а также ее субъектов вместе с органами местного самоуправления несут всю полноту ответственности за обеспечение военной безопасности, состояние обороноспособности, боевую и мобилизационную готовность и боеспособность Вооруженных Сил в пределах их полномочий, определенных Конституцией.

Всю деятельность, связанную с решением задач обеспечения безопасности страны, организует, контролирует и координирует Президент Российской Федерации. Он же возглавляет Совет Безопасности — конституционный орган, осуществляющий подготовку решений Президента России в области обеспечения безопасности граждан, общества и государства¹⁴.

Непосредственное руководство Вооруженными Силами возложено на Министерство обороны и его органы — Генеральный штаб, главные и центральные управления, главнокомандующих и главные штабы видов Вооруженных Сил. Кроме того, рассматривалась возможность создания главных командований определенных регионов.

На время войны для руководства объединенными Вооруженными Силами создается Ставка Верховного Главнокомандования во главе с Верховным Главнокомандующим. Его рабочим органом явится Генеральный штаб Вооруженных Сил.

Надо отметить, что целесообразность такой системы руководства подтверждена практикой Великой Отечественной войны и послевоенного периода. На официальном уровне ее поддерживает высшее политическое руководство страны. Вместе с тем существует и другая точка зрения, в соответствии с которой систему руководства Вооруженными силами целесообразно разделить (по аналогии с США) на два ствола: административный и оперативный. По мнению сторонников такой позиции, необходимо создать две взаимосвязанные системы управления:

— административную (военно-политическую) систему, которая должна осуществляться Министерством обороны Российской Федерации, преобразованным в гражданский орган, с подчинением ему центральных управлений, которые предназначены для решения вопросов, связанных с проведением военной, военно-технической, бюджетной и кадровой политики, а также с руководством заказами и закупками вооружения;

— оперативно-стратегическую (военно-стратегическую) систему, осуществляемую Генеральным штабом, подчиненным непосредственно Президенту страны, а также главными командованиями видов Вооруженных Сил для решения вопросов, связанных с оперативно-стратегическим планированием, поддержанием боевой и мобилизационной готовности Вооруженных Сил и их оперативно-стратегическим использованием.

Несомненно, в этих предложениях есть определенный смысл, но в целом они противоречат сложившейся в российской армии многолетней традиции, а главное — существенно усложняют структуру взаимодействия между государственными и военными органами управления. Поэтому принятие такой системы весьма проблематично.

Как и ранее, на случай войны предусмотрено преобразование военных округов во фронты и армии. Кроме того, не исключено образование командований театров военных действий на базе командований оперативно-стратегических районов.

В числе практических задач организации стратегического руководства Вооруженными Силами особую остроту в настоящее время приобретают по крайней мере пять проблем.

Прежде всего это проблема восстановления на национальной территории системы защищенных оперативно-стратегических и оперативных пунктов управления на вновь обозначившихся стратегических направлениях. Ясно, что создание таких пунктов в короткие сроки немыслимо. Поэтому на ближайшие годы и весь переходный период приходится ориентироваться на использование на ТВД главным образом подвижных пунктов управления — полевых, железнодорожных, воздушных, имея для них соответствующую сеть подготовленных в инженерном отношении основных и запасных районов, выводов линий связи, а также средств маскировки и прикрытия от ударов с воздуха, в том числе средств защиты от высокоточного оружия. Одновременно возникает необходимость в модернизации защищенных центральных командных пунктов, их переоборудовании и техническом переоснащении с учетом возросшей уязвимости от высокоточного оружия и изменившейся структуры Вооруженных Сил. Возможно, потребуются создание дополнительных резервных пунктов управления в районах, находящихся на более значительном удалении от современных российских границ.

Вторая проблема — техническая модернизация систем и средств управления. Это касается прежде всего использования АСУ войсками и оружием, а также систем связи. Большая их часть уже не отвечает новым требованиям. Со временем их моральное и физическое старение дойдет до такого уровня, что эффективное их использование окажется невозможным. Следовательно, требуется плановое перевооружение Вооруженных Сил на новые отечественные системы управления войсками и оружием с расширенными возможностями, предельно высокой защищенностью от средств радиоэлектронного подавления противника. Их разработка ведется, но слишком медленно, а внедрение затягивается из-за отсутствия средств. Проблему эту надо решать в срочном и притом сверхприоритетном порядке, иначе боевые возможности Вооруженных Сил нельзя будет использовать в полной мере.

Третья проблема — организационная перестройка органов управления. Уже сейчас центральные управленческие структуры оказались чрезмерно громоздкими, а главное — не приспособленными к новым условиям ведения войны. Война в Чечне подтвердила это со всей очевидностью. Но еще в большей мере наметился разрыв между органами управления и требованиями крупномасштабной войны. Сегодня многие центральные органы и созданные в них организмы приспособлены в основном для решения задач мирного времени. Некоторые из них в случае войны окажутся совершенно не нужными. В то же время органы управления, предназначенные для непосредственного руководства военными действиями, урезаны или ослаблены. Это касается и Генерального штаба Вооруженных сил, главных штабов видов ВС, а также некоторых главных и центральных управлений Министерства обороны. Необходимо устранить этот разрыв, ибо надеяться на перестройку органов управления применительно к военным условиям с началом обострения обстановки, а тем более с началом войны слишком опасно. На этот счет мы уже имеем печальный опыт начала Великой Отечественной войны. Повторить ошибку было бы не только непростительной глупостью, но и преступлением.

Безусловно, нуждается в рассмотрении и решение вопроса о восстановлении региональных органов стратегического руководства. Остро стоит вопрос об организации руководящих структур для управления Вооруженными Силами на востоке, юге,

Определение политических целей и задач
возможной войны

Оценка воен.-полит. и
стратегич. обстановки

Принятие решений

Разработка стратеги-
ческих планов

Постановка задач

А. Система основных документов
стратегического планирования

1) План стратегического
применения ВС

2) План стратегического
развертывания ВС

3) Мобилизационный
план

4) План развития ВС

5) План развития ВВТ

6) План применения
видов ВС

7) План операций СЯС

8) План стратегич. опе-
рации по отражению ВКН

9) План стратегич.
воздушной операции

10) План стратегич. опе-
раций на континент ТВД

11) Планы операций на
океанск. ТВД

12) План применения
космических войск

13) План обеспечения ВС

14) План применения
родов войск

15) План территориаль-
ной обороны

16) План стратегической
дезинформации

17) План управления и
связи

18) Другие документы

Б. Система основных документов оперативного планирования

1) Планы фронт. и
флотских операций

2) План оператив-
ного развертывания

3) Планы обеспече-
ния операций

4) План применения
мобильных сил

В. Системы других документов

1) План перевода н/х
на военное положение

2) План дипломатическо-
го обеспечения войны

3) План психологической
войны

4) Планы военного
сотрудничества

5) План гражданской
обороны

6) Планы применения ВС
в локальных конфликтах

Схема 60. Система стратегического планирования применения

западе и в центре страны. Но его требуется решать капитально с перспективой на отражение агрессии и ведение маневренных боевых действий в большой войне на всех потенциально возможных ТВД.

Четвертая проблема — перестройка системы оперативного и стратегического планирования на военное время. Ныне все оперативные документы, включая стратегические, мобилизационные, организационные и оперативные планы, разработанные в прошлые годы, не только устарели, но и полностью обесценены. Вместо них подготовлены документы временного характера. Однако в крупномасштабной войне будущего они не могут обеспечить успешные действия Вооруженных Сил при их развертывании и выполнении боевых задач. Все осложняется еще и тем, что до сих пор нет четкого представления о новой системе стратегического планирования, о том, какими должны быть стратегические планы ведения войны. Совершенно ясно, что при современном стратегическом планировании нельзя исходить из мифических угроз; требуется четко представлять возможные сценарии предвоенной обстановки и начала войны в различных ее видах и вариантах. Разработка таких сценариев должна быть положена в основу стратегического планирования.

Между тем сейчас она сковывается формальными мотивами, стремлением избежать политических обвинений. Но такое отношение наносит огромный ущерб истинной боевой готовности Вооруженных Сил. События в Чечне лишний раз показали, насколько опасно предвзятое и упрощенное прогнозирование обстановки и к чему это может привести при ведении войны на собственной территории. Следовательно, к стратегическому планированию требуется подойти с иных позиций, ориентируясь не только на самый благоприятный, но прежде всего на самый сложный и опасный военно-политический сценарий. Затем с учетом этого нужно оценить различные варианты возможного развития событий, отработать их на учениях и только потом заложить в реальные планы стратегического и оперативного уровня.

Пятая проблема — выработка четкого механизма принятия стратегических решений. В настоящее время такой механизм определен лишь на случай ввода в действие стратегических ядерных сил. Порядок принятия, оформления и доведения решений на применение сил общего назначения даже не выработан. Несостоятельность импровизированных решений наглядно подтверждает опять же опыт чеченских событий. В крупномасштабной войне такой поверхностный подход мог бы повлечь за собой непредсказуемо тяжелые последствия.

Поэтому проблема состоит в том, чтобы детально разобраться в следующих вопросах: кто и по каким направлениям оценивает предвоенную обстановку; на каком уровне, когда и какие принимаются решения; как они оформляются; как осуществляется конкретное оперативное планирование; каким, в какой форме и с помощью каких средств отдаются исполнительные директивы и приказы; как организуется их выполнение; какие меры принимаются по обеспечению решений и как они контролируются. Особо следует определить возможность привлечения современных автоматизированных систем управления высшего звена и высокопроизводительных ЭВМ для прогнозирования обстановки, расчета вариантов действий, планирования операций и определения их последствий.

Итак, отечественная военная стратегия, как и остальные области деятельности государства в военной сфере, в данный момент находится в стадии становления. Для ее разработки уже многое сделано. Значительный вклад внесли Генеральный штаб, главные штабы видов Вооруженных Сил, Военная академия Генерального штаба, другие научные и исследовательские организации Министерства обороны, многие практики военного дела и видные военные ученые.

Но еще очень многие проблемы ждут своего решения. Необходима детальная разработка основных принципов российской военной стратегии на переходный пе-

риод. Требуется определить характерные черты и особенности стратегии ведения крупномасштабных и локальных войн, военных конфликтов различной интенсивности. Должны быть разработаны и обоснованы возможные способы стратегических действий в различных операциях с учетом современной и перспективной военно-политической обстановки, определены важнейшие стратегические задачи Вооруженных Сил, выработаны теоретические принципы их решения. По всем этим вопросам как воздух нужны новые фундаментальные труды и официальные руководства, подготовка и издание которых должны быть максимально ускорены.

7. Перспективы развития военной стратегии и системы военной безопасности России

На вопросы, в каком направлении и как может развиваться военная стратегия России в будущем, дать даже приблизительный ответ нелегко хотя бы потому, что все еще нет ясности в главном: что произойдет в перспективе с Европой и Азией, Содружеством независимых государств и с самой Россией; сохранится ли блок НАТО и какие он примет формы; удастся ли построить эффективную систему глобальной европейской и азиатской безопасности или она так и останется в мечтах; сохранится ли СНГ, будет ли это Содружество развиваться в направлении интеграции или, наоборот, распада; удастся ли обеспечить единство России или вместо нее возникнут отдельные государственные образования; в каком направлении будет развиваться научно-технический прогресс; какой облик примут вооруженные силы и средства борьбы в третьем тысячелетии? Все это далеко не праздные вопросы, которые встают перед политиками и стратегами всего мира.

Вполне вероятно, что при неблагоприятном развитии событий отечественная военная стратегия будет носить на себе все негативные черты общества. В лучшем случае ей удастся сохранить свои традиционные черты, но все равно она будет внутренне противоречива, пассивна и непоследовательна. При худшем раскладе она может утратить свою самостоятельность и стать придатком военной стратегии НАТО, зависимой от военной политики и стратегии США.

Но лучше быть оптимистами. Допустим, что ничего этого не произойдет. Россия, преодолев все свои трудности, сохранит статус великой державы, а в политической сфере ей удастся обуздать сепаратистские устремления и сохранить свою целостность. В стране наступит экономическая стабилизация и начнется возрождение национальной экономики. В большей или меньшей степени будут решены многие социальные проблемы. Удастся удержать на необходимом уровне военно-промышленный комплекс, преодолеть кризис в развитии науки и техники. После завершения военной реформы и Вооруженные Силы страны восстановят свою боевую мощь.

В каком же направлении может развиваться при таком ходе событий отечественная военная стратегия?

С достаточной степенью достоверности можно ожидать, что военная политика и военная стратегия выйдут на новый этап своего развития. Безусловно, будет скорректирована, а скорее всего разработана принципиально новая военная стратегия, которая сконцентрирует в себе некоторые элементы традиционной российской военной стратегии; но, разумеется, она будет серьезно отличаться как от советской военной стратегии, так и от стратегии переходного периода. Это будет стратегия активных и решительных действий, базирующаяся на высших достижениях науки и техники, основанная на рациональном применении тонких военных технологий и новых способов вооруженной борьбы во всех пространственных сферах. Безусловно, это лишь самые общие контуры стратегии. Конкретные стратегические концепции будут зависеть от многих обстоятельств.

В военно-технической области многое может зависеть, с одной стороны, от того, удастся ли создать оружие на новых физических принципах, развернуть ударные системы космического базирования, образовать эффективную территориальную ПРО, а с другой — как будет идти разоруженческий процесс.

Как известно, согласно Договору СНВ-2 через 7—10 лет предусматривается оставить на оснащении вооруженных сил США и России ограниченное количество ядерных вооружений. Возможная динамика этого процесса представлена в таблице 18.

Таблица 18
Динамика сокращения СНВ

Этапы сокращения	Количество боеголовок на носителях			
	МБР	БРПЛ	ТБ	Всего
Россия на момент подписания СНВ-1	6612	2084	855	10271
после выполнения СНВ-1	3100	1800	1100	6000
через 7 лет после ратификации СНВ-2	1200	2160	440-880	3800-4250
через 10 лет после ратификации	500	1700-1750	750-800	3000-3500
США на момент подписания СНВ-1	2450	5760	2353	10563
после выполнения СНВ-1	1400	3500	1100	6000
через 7 лет после ратификации СНВ-2	1200	2160	440-880	3800-4250
через 10 лет после ратификации	500	1700-1750	750-800	3000-3500

Таким образом, в случае ратификации Договора СНВ-2 Россия на 1 января 2003 г. будет иметь на вооружении 1 055 МБР, 344 ракеты на БРПЛ и 79 тяжелых бомбардировщиков, а также 3000—3500 стратегических ядерных боеприпасов.

Анализ этих цифр показывает, что обе стороны будут обладать формально равными возможностями сдерживания, но реализация СНВ-2 вынуждает Россию полностью перестроить стратегические ядерные силы, ликвидировать наиболее эффективные МБР, оснащенные РГЧ, уничтожить все старты тяжелых ракет. А это потребует огромных финансовых затрат, да и вообще вряд ли осуществимо в короткий срок. Создание и развертывание новых стратегических ракетных систем типа «Тополь-М2» в подвижном и шахтном вариантах вместо устаревших МБР позволят лишь частично решить связанные с этим сложные проблемы.

Вполне закономерен вопрос: достаточно ли остающихся носителей и боезарядов для выполнения задач сдерживания? Оценочный анализ дает положительный результат. Поэтому можно и дальше идти по пути поэтапного уменьшения стратегических ядерных потенциалов всех ядерных государств мира, но, разумеется, на строго паритетной и равноправной основе. Вместе с тем надо считаться и с некоторыми опасными моментами, которые при таком решении могут возникнуть. Это создание одной из сторон (скорее всего Соединенными Штатами Америки) высокоэффективной ПРО с элементами космического базирования, развертывание новых типов крылатых ракет дальнего действия с ядерными боеголовками и системами высокоточного наведения, а также дальнейшее развитие средств «информационной войны», что может существенно нарушить баланс стратегических сил. При таких условиях возникнут сложные проблемы, которые могут серьезно подорвать основы международной безопасности.

Еще более существенное влияние на перспективную военную стратегию России окажет военно-политическая обстановка, в том числе возможная структура европейской военной безопасности и коллективной безопасности СНГ. Уже сейчас в

этой области возникает множество весьма непростых вопросов: Как строить систему военной безопасности? В чем может состоять ее предназначение? Из каких составных элементов эта система должна состоять? Какой может быть ее внутренняя и внешняя структура? Как ее организовать и каким должен быть механизм ее действия в мирное время и в случае войны? Как в общую систему общеевропейской и азиатской безопасности вписать национальные оборонные структуры отдельных государств, а также коллективную безопасность СНГ?

Указанные проблемы нуждаются в безотлагательной теоретической проработке. При этом было бы ошибкой исходить только из современной военно-политической ситуации. Надо учитывать ближайшие и долгосрочные перспективы возможного развития обстановки не только в Европе, Азии, но и во всем мире. Соответственно важно исследовать различные варианты формирования политической и собственно военной системы безопасности. В их числе должны быть особо рассмотрены по крайней мере пять основных вариантов, каждый из которых так или иначе может воздействовать на военную политику и стратегию России. Главная суть этих важнейших версий состоит в следующем.

1. Система военной безопасности Европы, охватывая весь европейский континент от Атлантики до Урала, образуется на базе НАТО с преобразованием этого блока и расширением сфер его ответственности на восточноевропейские страны, включая в перспективе территории России, Украины, Белоруссии и Балтии.

2. Система военной безопасности создается на основе взаимодействия двух союзов — НАТО и оборонительного союза СНГ (на основе договора о коллективной европейско-азиатской обороне).

3. Система европейской военной безопасности формируется в условиях создания и согласованного существования нескольких блоков: НАТО, Союза восточноевропейских государств, Союза балтийских государств, Союза четырех европейско-азиатских стран, Союза трех славянских стран (России, Украины и Белоруссии) и т. п.

4. Система военной безопасности создается на безблоковой основе в условиях роспуска НАТО (целесообразнее преобразовать его в политическую структуру) и отказа от формирования других замкнутых военно-политических организаций.

5. Система азиатской безопасности организуется в единстве с европейской системой безопасности или как самостоятельная структура с участием США, России, Китая, Японии и других азиатских государств.

Разумеется, нельзя игнорировать и промежуточные варианты, такие как формирование отдельных элементов военной безопасности в рамках модернизированной программы «Партнерство ради мира», роспуск СНГ или, наоборот, укрепление его интеграционных связей.

Критическая оценка каждой из названных моделей предполагает, естественно, различные условия военно-политической обстановки, которые могут возникнуть к началу третьего тысячелетия и даже в более отдаленной перспективе. Конечно, дать однозначный прогноз какими станут Европа и Азия лет через 10—20, а тем более спустя 50 лет, чрезвычайно трудно. Однако с достаточной достоверностью можно предвидеть минимум пять сценариев возможного развития политической ситуации.

1. Европа консолидируется на основе идеи единого европейского дома, создания общего экономического и валютного пространства, образования европейской системы коллективной обороны с включением в нее преобразованных национальных военных систем всех или большинства государств. Военная организация НАТО реорганизуется в общеевропейскую политическую структуру. Членами НАТО станут восточноевропейские страны и СНГ. Военное присутствие США сократится, а все очаги военных столкновений будут нейтрализованы.

2. Произойдет дальнейшее сближение восточноевропейских и западноевропейских стран на основе их вхождения в НАТО и усиления противостояния с Россией. В то же время СНГ распадется или сохранится в формальном виде.

3. Усилится раскол Европы. Возрастут внутренние противоречия в НАТО. Образуется несколько обособленных военно-политических блоков, противостоящих друг другу. Противоречия между отдельными государствами усилятся. Подобный вариант особенно опасен, а потому он должен быть по возможности предотвращен.

4. В Азии наметится сближение на антирусской основе Японии и Китая, а возможно, и ряда других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

5. На азиатском континенте установится относительно стабильная обстановка на основе улушения отношений Китая и Японии с Россией.

Вряд ли стоит сегодня анализировать последствия каждого из указанных сценариев. Хотелось бы, однако, обратить внимание на то, что любая попытка строить военную безопасность в Европе и Азии на противопоставлении интересов США и НАТО (в любом виде), а также Китая и Японии интересам России и СНГ чревата самыми тяжелыми последствиями. Представляется не только ошибочным, но и весьма опасным уже частично реализованный вариант расширения НАТО за счет принятия в этот союз только восточноевропейских государств и стран Балтии, исключая Россию, Украину и Беларусь. Это неминуемо приведет к усилению напряженности, недоверия, нарастанию тенденции очередного раскола мира. Оно и понятно, ибо при таком решении Россия окажется в политической и военной изоляции перед лицом международной военно-политической коалиции, которой станет расширенный Североатлантический союз.

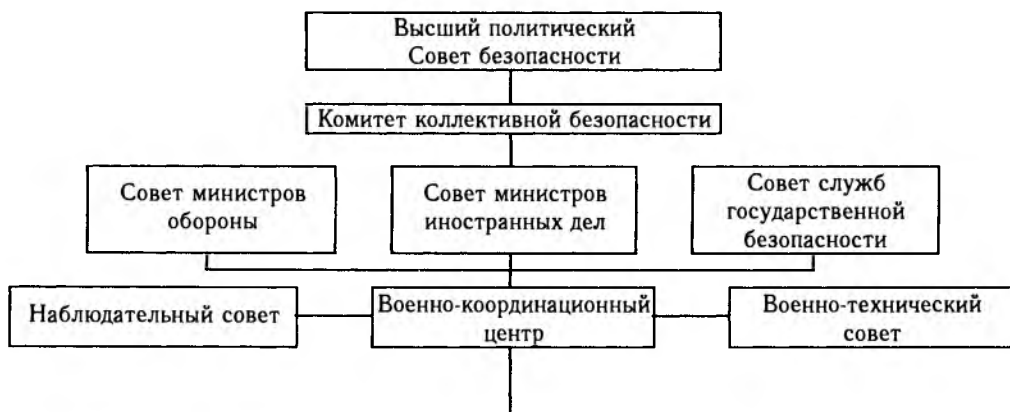
Представляется, что в этих условиях определенные проблемы возникнут и внутри НАТО, так как создастся почва для дополнительных противоречий перед его весьма неоднородными участниками. Будет нарушена былая стабильность блока, усложнится система военного планирования и строительства объединенных вооруженных сил. Следовательно, в общих интересах самыми приемлемыми могут считаться лишь два варианта: создание международной системы военной безопасности на базе включения в НАТО всех без ограничения европейских государств, в том числе и непременно России; формирование безблоковой системы на основе дальнейшего развития процесса ОБСЕ и превращения НАТО в политическую структуру. Из этих вариантов целесообразно исходить при оценке перспективной модели безопасности и разработки долгосрочной стратегии России.

В настоящее время эффективная система военной безопасности как в Европе, так и в Азии практически отсутствует. В Европе созданы лишь некоторые ее элементы, связанные с поддержанием паритета военных сил, установлением контроля за деятельностью вооруженных сил, их подготовкой, обменом информацией по ряду оборонных вопросов, организацией прямых линий «горячей» связи. Этого, однако, совершенно недостаточно для эффективного обеспечения военной безопасности XXI в. Еще сложнее обстоит дело в Азии, где все вопросы безопасности решаются далеко не полно, главным образом на основе взаимонеувязанных двухсторонних соглашений.

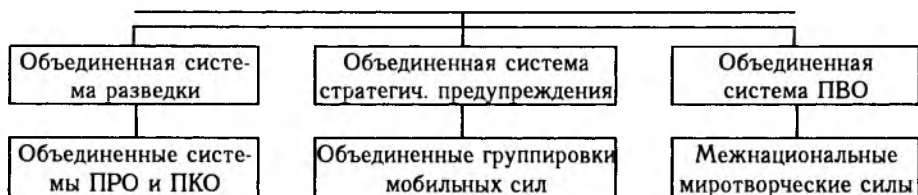
Представляется, что новая система военной безопасности должна включать как национальные, так и межгосударственные оборонные структуры, предусматривать координацию и сокращение оборонных организмов всех европейских, а возможно, и азиатских государств, согласованную направленность их боевой деятельности, подготовки вооруженных сил, организации скоординированного военного планирования. Ее важнейшими составными элементами могут быть следующие пять блоков: объединенные органы военного управления; совмещенные системы связи и взаим-

Цель: обеспечение совместной безопасности стран европейского и азиатского регионов

Совместные структуры руководства

Международные военные структуры

Система действий сил коллективной безопасности

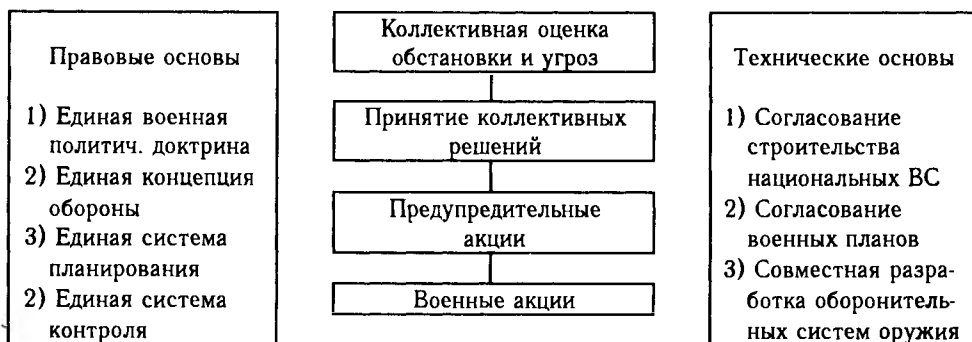

Схема 61. Перспективная система коллективной безопасности

ной информации; объединенные системы военной разведки, стратегического предупреждения, в том числе ее главной составляющей — СПРН; объединенные системы ПРО и ПВО; единые межнациональные группировки мобильных сил для оперативного реагирования на опасные ситуации.

При всем этом ни европейская, ни азиатская, ни объединенная европейско-азиатская военные системы безопасности не могут и главное — не должны противостоять мировому сообществу. Напротив, они в полной мере обязаны соответствовать укреплению международной безопасности в глобальном масштабе, позитивному развитию международных отношений, нейтрализации очагов напряженности и разрешению возникающих спорных проблем в различных регионах мира. Вместе с тем такие системы должны соответствовать политическим целям входящих в нее государств, способствовать укреплению регионального мира, предупреждению возможной агрессии, исключению войны и внутрисоюзных конфликтов.

Важно, чтобы каждая из таких систем носила сдерживающий характер, обеспечивала локализацию возможных очагов напряженности, предусматривала применение оружия лишь в крайнем случае. В основу их военных структур должны быть положены оборонительные средства, а предпринимаемые меры не направлены против той или иной группы стран.

Перспективная система военной безопасности обязана быть достаточно гибкой, постоянно совершенствоваться и периодически видоизменяться в зависимости от конкретной политической и военно-стратегической ситуации. В организационном отношении она должна быть многоплановой, опираться на новейшие военные технологии и обеспечивать возможность надежного отражения агрессии, откуда бы она ни исходила.

Безусловно, формирование новых моделей региональных и национальных систем военной безопасности так же, как и формирование соответствующей им военной стратегии, потребует создания аналогичной материальной и правовой базы. Для этого нужно иметь взаимосогласованные программы развития вооруженных сил США, России, Китая, Казахстана, всех европейских и азиатских стран по крайней мере на 10—15 лет вперед. Необходимо выработать конкретные критерии оборонной достаточности для каждого государства и группы держав определенного региона, взаимно увязать военные доктрины и национально-стратегические концепции, разработать строго согласованные планы военного строительства, подготовки вооруженных сил и их применения в критических ситуациях. Особенно важно организовать и обеспечить согласованную работу объединенных органов военно-политического и стратегического руководства, наблюдательных и координационных структур, совместно выработать единую стратегическую концепцию военной безопасности, а также определить взаимосогласованный порядок оценки военно-политической и стратегической обстановки, уровня военных угроз, подготовки рекомендаций по направлениям строительства вооруженных сил и координации их действий, руководства объединенными системами военной безопасности, планирования и организации выполнения военных акций по обороне и защите интересов отдельных государств, локализации конфликтов и т. п.

Создание коллективной системы обороны, разумеется, ни в коем случае не исключает постоянное совершенствование национальных оборонительных структур России и разработку перспективной национальной военной стратегии. В дальнейшем Вооруженные Силы России могут развиваться с учетом международных соглашений («СНВ-3», «Вена-2,3»), но главным образом на базе собственных государственных программ. При этом в основу создаваемых группировок должны быть положены новые принципы их эшелонирования и распределения по направлениям

(ТВД), исходя из реальных возможностей новых средств вооружения и характера потенциальных угроз.

Надо полагать, что перспективная военная стратегия России будет рассчитана на отражение агрессии как в рамках коллективных систем военной безопасности Европы, Азии и СНГ, так и собственными силами. Причем последний вариант наиважнейший. В таком случае военная стратегия России должна быть предусмотрена на отражение агрессии с самых опасных направлений, а также последовательный и поочередный разгром противников. Большое значение в таких условиях приобретают гибкий межтеатровый маневр силами и средствами, прежде всего мобильными средствами, сковывание противника на одних направлениях и решительное сосредоточение усилий на других, изоляция второстепенных противников и разгром их по частям, умелое сочетание стратегических операций с решительными целями со стратегической обороной и частными наступательными операциями мобильных и других сил.

Можно ожидать, что военная стратегия России в своей основе останется континентальной. Однако постепенно будет возрастать роль военных действий в воздухе и космосе. При определенных условиях крупные воздушные, воздушно-космические, противовоздушные и противокосмические операции могут занять ведущее место в вооруженной борьбе и даже составить ее основу. Особое значение приобретут масштабированные и групповые ракетно-огневые удары по комплексу основных объектов и целям противника на всю глубину его территории, широкое использование оперативных морских и воздушных десантов, специально созданных подвижных групп.

Иной характер может принять мобилизационное и оперативное развертывание Вооруженных Сил, причем не только для крупномасштабных, но и для локальных войн. Как правило, оно будет осуществляться в короткие сроки, поэтапно, преимущественно в скрытных формах.

Существенной корректировки потребует также экономическая подготовка страны к отражению агрессии. Придется установить соизмеримые предельные уровни развития военной экономики в мирное и военное время, предусмотреть меры кооперации военного производства, согласовать планы конверсии и мобилизационной подготовки экономики, уточнить порядок реализации некоторых оборонных военно-технических программ. Перевод экономики на военное положение будет осуществляться более динамично, чаще всего в короткие сроки.

Особое внимание должно быть уделено повышению живучести экономики, перестройке всей системы военной подготовки населения к обороне, исходя из нового характера войн и уточненных положений Закона об обороне, а также других законодательных актов Российского государства.

Несомненно, возможные контуры будущей военной стратегии России по мере прояснения обстановки и тенденций ее развития будут вырисовываться более четко и определенно.

* * *

Рассмотренные аспекты развития военно-стратегической мысли и практической военной деятельности Российского государства, его политической и военной стратегии наглядно свидетельствуют об огромном военно-теоретическом богатстве, накопленном в России за ее тысячелетнюю историю, о самобытности и неповторимости высшей области отечественного военного искусства. Оно развивалось отнюдь не изолированно от общемирового процесса, однако его своеобразному пути присущ специфический стиль.

Российская военная стратегия всегда носила активный характер. Наиболее отличительными ее чертами являлись: использование потенциальных возможностей на-

рода и национальных российских Вооруженных Сил, применение разнообразных форм, видов и способов военных действий, решительное сосредоточение усилий на главных направлениях против наиболее опасного противника, создание и умелое использование крупных резервов, централизованное руководство вооруженной борьбой.

В теории стратегии всегда придавалось особое значение правильному определению возможного характера будущей войны, установлению рациональной структуры Вооруженных Сил, разработке новых способов и приемов стратегических действий с учетом состояния и перспектив развития политической обстановки, экономики и средств вооруженной борьбы.

Отсюда, однако, не следует, что развитие отечественной военной стратегии шло прямолинейно. К сожалению, бывали периоды застоя, отхода от традиционных путей, не раз отечественная стратегия претерпела резкие повороты, разломы и спады. Нередко накануне и в ходе больших войн допускались крупные стратегические просчеты. Это вело к военным неудачам, а иногда и к тяжелым поражениям. Но в целом российская военная стратегия в своей основе была победоносной.

Изучение военной стратегии России в минувшие эпохи имеет и сейчас неограниченное значение, поскольку позволяет творчески решать задачи обеспечения безопасности государства, укрепления его обороны. Вместе с тем надо учитывать, что на данном этапе исторического развития перед Россией встают совершенно иные военные задачи, коренным образом меняются требования к обеспечению ее безопасности. Нужно искать и находить принципиально новые подходы к организации обороны государства, а следовательно, разрабатывать соответствующую национальную военную стратегию. Это одна из важных и приоритетных задач, которая встает сейчас перед всеми ветвями государственной власти, другими государственными структурами, научно-исследовательскими центрами и военными кадрами России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

- ¹ Банов А. Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909. Вып. 1. С. 3.
- ² Гумилев Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992. С. 31—45.
- ³ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1944. С. 197.
- ⁴ Там же. С. 317.
- ⁵ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы. Киев, 1884. С. 149.
- ⁶ Голицин Н. С. Русская военная история. СПб., 1877. Ч. 1. С. 31.
- ⁷ Пузыревский А. История военного искусства в средние века. СПб., 1881. С. 67.
- ⁸ Ловягин Е. Две беседы святейшего патриарха Константинопольского Фотия по случаю нашего шествия россов на Константинополь: Христианское чтение. СПб., 1882. Ч. II. С. 430—435.
- ⁹ Ключевский В. Курс русской истории. М., 1937. Т. 1. С. 41.
- ¹⁰ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1846. Т. 1. С. 12.
- ¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Т. I—IV. Кн. 2. С. 79.
- ¹² Цит. по: Гаркави А. Я. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 131—132.
- ¹³ ПСРЛ. Т. 1. С. 19.
- ¹⁴ Разин Е. А. История военного искусства. М., 1957. Т. 2. С. 80.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. С. 27.
- ¹⁶ Лебедев И. Войны Святослава I // Исторический журнал. 1938. № 5.
- ¹⁷ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 267.
- ¹⁸ Чертков А. Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967—971 гг. СПб., 1843. С. 24.
- ¹⁹ История Льва Диякона Калойского. СПб., 1820. С. 83.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 1. С. 31.
- ²¹ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы. С. 83.
- ²² Строков А. А. История военного искусства: Рабовладельческое и феодальное общество. М., 1955. Т. 1. С. 191.
- ²³ Цит. по: Орлов А. С. Владимир Мономах. М., 1946. С. 128.
- ²⁴ История литературы. М., 1941. Т. 1. С. 10.
- ²⁵ История СССР с древнейших времен до конца XIII в. М., 1975. С. 146.
- ²⁶ Пашуто В. Т. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV веках // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 113—114.
- ²⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Т. 1. С. 1190.
- ²⁸ Строков А., Богусевич В. Новгород Великий. Л., 1939. С. 27.
- ²⁹ Ключевский В. Курс русской истории. М., 1937. Т. 1. С. 289.
- ³⁰ Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911. С. 51.
- ³¹ Подр. см.: Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976. С. 5—6.
- ³² Рыбаков Б. А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1959. Ч. 1. С. 349.
- ³³ Цит. по: Казанская история. М.—Л., 1954. С. 45.
- ³⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1949. С. 695.
- ³⁵ Строков А. А. История военного искусства. Т. 1. С. 246.

- ³⁶ Разин Е. А. История военного искусства. Т II. С 154
- ³⁷ О начальных этапах развития русского военного искусства Сборник статей М., 1951 С 20
- ³⁸ ПСРЛ. Т V. С. 178.
- ³⁹ О начальных этапах развития русского военного искусства. С 92.
- ⁴⁰ Строков А. А. История военного искусства Т I. С 260
- ⁴¹ Цит. по: Разин Е. А. История военного искусства. Т II. С. 159.
- ⁴² Баюров А. Курс истории русского военного искусства Вып I. С. 34.
- ⁴³ ПСРЛ. СПб., 1891. Т. XI. С. 8
- ⁴⁴ Греков Б Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950 С. 240—241.
- ⁴⁵ О начальных этапах развития русского военного искусства. С. 108
- ⁴⁶ Из истории Москвы 1147—1703. Очерки М., 1836 С 44.
- ⁴⁷ О начальных этапах развития русского военного искусства С 112
- ⁴⁸ Приселков М. Д. Троицкая летопись М., 1950. С 420
- ⁴⁹ Чернов А. В. Вооруженные силы русского государства в XV—XVII вв. М., 1954. С 18
- ⁵⁰ Разин Е. А. История военного искусства Т II. С. 300
- ⁵¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1937. Т II. С. 221
- ⁵² Там же С. 222
- ⁵³ Соловьев С М История России с древнейших времен кн. I С. 1512—1513
- ⁵⁴ Чернов А В Вооруженные силы русского государства в XV—XVII вв С 26
- ⁵⁵ Масловский Д Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник 1890. № 9 С. 7
- ⁵⁶ Разин Е. А. История военного искусства. Т II С 305
- ⁵⁷ Сборник исследований и материалов артиллерийского исторического музея Красной Армии М., 1940. Вып. I С. 243
- ⁵⁸ Чернов А В Вооруженные силы русского государства в XV—XVII вв С 34
- ⁵⁹ Шумаков С. К истории московских приказов // Юридические записки Демидовского лицея. Вып II—III СПб., 1911. С. 515
- ⁶⁰ Строков А. А. История военного искусства. Т I С 366—367
- ⁶¹ Разин Е. А. История военного искусства Т II С 301
- ⁶² Чернов А В Вооруженные силы русского государства в XV—XVII вв С 33
- ⁶³ Там же С 46
- ⁶⁴ Разин Е А История военного искусства. Т II С 368.
- ⁶⁵ Платонов С Москва и Запад в XVI — XVII вв. Л., 1925 С. 54
- ⁶⁶ Чернов А В Вооруженные силы русского государства в XV—XVII вв С 132
- ⁶⁷ Масловский Д Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. 1890 № 9 С 22.
- ⁶⁸ Масловский Д Записки по истории военного искусства России СПб., 1894 Вып. II С 4—5
- ⁶⁹ Цит по: Лещинский Л. М Военное искусство в начале XVIII в. М., 1951 С 5.
- ⁷⁰ Елагин. История русского флота Период Азовский СПб., 1864. Приложение. Т. I. С 6
- ⁷¹ Порфирьев Е. И Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота М., 1952 С 43
- ⁷² История военного искусства Курс лекций М., 1955 Т. 2. С. 107.
- ⁷³ Голиков Деяния Петра Великого — мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам М., 1788 Ч II С. 533.
- ⁷⁴ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в М., 1958. С. 19—29
- ⁷⁵ См История СССР с древнейших времен до наших дней. Т 3 С. 244
- ⁷⁶ Уставы Петра I Государственная библиотека ордена Ленина им Ленина М., 1947. С 199
- ⁷⁷ Устав воинский СПб., 1826. Ч I Гл 8.
- ⁷⁸ Цит по Строков А А История военного искусства Т. I. С. 469
- ⁷⁹ Советская военная энциклопедия Т I. Ст. Балтийский флот.
- ⁸⁰ Журнал или Поденная Записка Петра Великого. СПб., 1770. Ч. I. С. 5—6
- ⁸¹ История военного искусства: Курс лекций. Т. 2 С 120
- ⁸² Крылова Т. К Россия и Великий Союз. // Исторические записки М., 1942. Т 13.
- ⁸³ Строков А А История военного искусства Т 2 С. 487.
- ⁸⁴ Журнал или Поденная Записка Петра Великого Т I С. 23.
- ⁸⁵ Лещинский Л. М. Военное искусство в начале XVIII в. С. 36.
- ⁸⁶ Базилиевич К Петр I — основоположник русского военного искусства // Большевик 1945. № 11 С 36
- ⁸⁷ Лещинский Л М Военное искусство в начале XVIII в. С. 37.
- ⁸⁸ Цит по Тельпуховский Б С Северная война. С 58
- ⁸⁹ Иванов В Военное искусство Петра I // Военно-исторический журнал. 1981. № 8 С 69

- ⁹⁰ Лещинский Л. М. Военное искусство в начале XVIII в. С. 62.
⁹¹ Там же. С. 63.
⁹² Строков А. А. История военного искусства. Т. 1. С. 503—504.
⁹³ Война с Турцией в 1711 г. Материалы // Под ред. Мышлаевского. СПб., 1898. С. 25.
⁹⁴ Голиков. Дополнения к деяниям Петра Великого. Т. XI. С. 337.
⁹⁵ Масловский Д. Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886. Вып. I. С. 8—9.
⁹⁶ Там же.
⁹⁷ Коробков Н. Семилетняя война. М., 1940. С. 36.
⁹⁸ Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1762 гг. М., 1948.
- С. 71.
- ⁹⁹ Масловский Д. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. I. С. 191.
¹⁰⁰ Семилетняя война: Материалы... С. 106.
¹⁰¹ Золотарев В. А. Апостолы армии российской. М., 1993. С. 60.
¹⁰² Семилетняя война. Материалы... С. 221.
¹⁰³ Там же. С. 251.
¹⁰⁴ История военного искусства: Курс лекций. Т. 2. С. 226.
¹⁰⁵ Там же. С. 229.
¹⁰⁶ Коробков Н. Семилетняя война. С. 238.
¹⁰⁷ Семилетняя война. Материалы... С. 425.
¹⁰⁸ История военного искусства: Курс лекций. Т. 2. С. 281.
¹⁰⁹ Строков А. А. История военного искусства. Т. 1. С. 552.
¹¹⁰ История военного искусства: Курс лекций. Т. 2. С. 265.
¹¹¹ Лещинский Л. М. Военное искусство во второй половине XVIII в. С. 23.
¹¹² Строков А. А. История военного искусства. Т. 1. С. 554.
¹¹³ Коротков Н. М. Фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский. М., 1944. С. 54.
¹¹⁴ Лещинский Л. М. Военное искусство во второй половине XVIII в. С. 35.
¹¹⁵ История военного искусства. Курс лекций. Т. 2. С. 275.
¹¹⁶ Лещинский Л. М. Военное искусство во второй половине XVIII в. С. 46.
¹¹⁷ Фельдмаршал Румянцев: Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 68.
¹¹⁸ Там же. С. 85.
¹¹⁹ Масловский Д. Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1894. Вып. II. С. 311.
¹²⁰ Лещинский Л. М. Военное искусство во второй половине XVIII в. С. 64.
¹²¹ Генералиссимус Суворов: Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 148—151.
¹²² Строков А. А. История военного искусства. Т. 1. С. 585.
¹²³ См.: Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1885. Ч. I. С. 96—97.
¹²⁴ Ушаков Ф. Ф. Сборник документов. М., 1951. Т. I. С. 68.
¹²⁵ Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. Т. I. С. 341.
¹²⁶ Там же. С. 367.
¹²⁷ Лещинский Л. М. Военное искусство во второй половине XVIII в. С. 87.
¹²⁸ История военного искусства. Курс лекций. Т. 2. С. 305.
¹²⁹ Ушаков Ф. Ф. Сборник документов. Т. 2. С. 375—386.
¹³⁰ Генералиссимус Суворов: Сборник документов и материалов. С. 221.
¹³¹ Лещинский Л. М. Военное искусство во второй половине XVIII в. С. 117.
¹³² Генералиссимус Суворов: Сборник документов и материалов. С. 223—224.
¹³³ Там же. С. 75.
¹³⁴ История военного искусства: Курс лекций. Т. 2. С. 442.
¹³⁵ Бескровный Л. Г. Русское военное искусство в начале XIX века. М., 1950. С. 16.
¹³⁶ Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 54.
¹³⁷ Цит. по: Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. С. 91.
¹³⁸ Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968. С. 75.
¹³⁹ Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. СПб., 1859—1860. С. 512—513.
¹⁴⁰ Мокряков П. Т. Отечественная 1812 года. М., 1970. С. 10.
¹⁴¹ Баиов А. Курс истории русского военного искусства. Вып. VII. С. 390.
¹⁴² Гарнич Н. Ф. Отечественная война 1812 года. М., 1951. С. 18.
¹⁴³ Омелянович. План Фуля. СПб., 1898. С. 7.
¹⁴⁴ Мокряков П. Т. Отечественная война 1812 года. С. 12.
¹⁴⁵ Кутузов М. И. Сборник документов. М., 1954. Т. 4. Ч. I. С. 79.
¹⁴⁶ Гарнич Н. Ф. Отечественная война 1812 года. С. 64.
¹⁴⁷ Там же. С. 68.
¹⁴⁸ Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению истории русского военного искусства. М., 1954. С. 179—188.

- ¹⁴⁹ Медем Н. В. Обзорение известных правил и систем стратегии. СПб., 1836; Неелов Н. Очерки современного состояния стратегии. СПб., 1849; Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики СПб., 1847; Языков П. Опыт теории стратегии. СПб, 1842.
- ¹⁵⁰ Языков П. Опыт теории стратегии. С. 1.
- ¹⁵¹ Там же. С. 27—28.
- ¹⁵² Там же. С. 34.
- ¹⁵³ Там же. С. 70.
- ¹⁵⁴ История военного искусства: Курс лекция. Т. 2. С. 565.
- ¹⁵⁵ История военно-морского флота. Л, 1953. Т. II. С. 121.
- ¹⁵⁶ Подробнее см.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М., 1973.
- ¹⁵⁷ Военно-энциклопедический словарь. М., 1986. С. 378.
- ¹⁵⁸ История военного искусства. Курс лекций. Т. 2. С. 572.
- ¹⁵⁹ Бескровный Л. Г., Лапин Н. П. Русское военное искусство в ходе Крымской войны. М., 1950.
- С. 15.
- ¹⁶⁰ История развития военно-технической мысли. М., 1952. С. 83.
- ¹⁶¹ Исторический очерк деятельности военного управления России (1855 — 1880) СПб., 1880.
- Т 5 С. 121.
- ¹⁶² Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1977. С. 38.
- ¹⁶³ Исторический очерк деятельности военного управления России (1855 — 1880). Т. 5 С. 67.
- ¹⁶⁴ Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. С. 313.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 315.
- ¹⁶⁶ История военного искусства: Курс лекций. Т. 2. С. 751.
- ¹⁶⁷ Леер Г. А. Стратегия. СПб., 1898; Петров А. Н. К вопросам стратегии. СПб., 1898; Мартынов Е. И. Стратегия в эпоху Наполеона I и в наше время. СПб., 1844; Гейсман П. А. Война. Ее значение в жизни народа и государства. СПб., 1896; Гулевич А. А. Сравнение экономического строя России и главнейших европейских государств с военной точки зрения. СПб., 1898.
- ¹⁶⁸ Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1903 г.: Общий обзор. СПб., 1905. С. 10.
- ¹⁶⁹ Российский Государственный Военно-Исторический Архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7452; Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Приложение 3 С. 344—346.
- ¹⁷⁰ РГВИА. Ф. 1 Оп. 2 Д. 88. Л. 2.
- ¹⁷¹ Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 6. С. 488.
- ¹⁷² Там же. С. 476.
- ¹⁷³ Там же. С. 477.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Подробнее см.: Строков А. А. История военного искусства. Т. 3. С. 209—242.
- ¹⁷⁶ Ростунов И. И. Русский фронт мировой войны: (Исследование опыта стратегического руководства вооруженных сил). М., 1974. С. 31.
- ¹⁷⁷ Михневич Н. П. Стратегия. СПб., 1906. Кн. 1. С. 120.
- ¹⁷⁸ Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне: Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. С. 155.
- ¹⁷⁹ Меликов В. А. Стратегическое развертывание: (По опыту первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. и гражданской войны в СССР). М., 1939. Т. 1. С. 28.
- ¹⁸⁰ Коркодинов П. Стратегические взгляды в период подготовки к первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 1959. № 11. С. 44.
- ¹⁸¹ Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 31—32.
- ¹⁸² Военно-исторический журнал. 1959. № 11. С. 44—45.
- ¹⁸³ Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 34.
- ¹⁸⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 131455. Л. 26, 26 об.
- ¹⁸⁵ Козлов С. Военная наука и военные доктрины в первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 1964. № 11. С. 32.
- ¹⁸⁶ Леер Г. А. Метод военных наук. СПб., 1894. С. 76.
- ¹⁸⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 135455. Л. 54.
- ¹⁸⁸ Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 108.
- ¹⁸⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 131. Л. 146. Подробнее см.: Шацилло К. Ф. Развитие вооруженных сил России накануне первой мировой войны: Военные и военно-морские программы царского правительства в 1906—1914 гг. М., 1976. Дисс. докт. ист. наук. С. 336—337.
- ¹⁹⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 179293. Л. 4.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 8.

- ¹⁹² Ю. Н. Данилов через 2 года, в 1910 г., стал генерал-квартирмейстером ГУГШ, т. е. начальником Оперативного управления Генерального штаба, и оставался на этом посту до 1914 г.
- ¹⁹³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 175710.
- ¹⁹⁴ Там же. Л. 18.
- ¹⁹⁵ Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 16.
- ¹⁹⁶ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914—1918 гг. С. 37.
- ¹⁹⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 176953. Л. 4.
- ¹⁹⁸ Цит. по: Меликов В. А. Стратегическое развертывание. С. 228.
- ¹⁹⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1811.
- ²⁰⁰ Там же. Л. 12 об.
- ²⁰¹ Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 227.
- ²⁰² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 459. Л. 7.
- ²⁰³ Емец В. А. О роли русской армии в первый период мировой войны 1914 — 1918 // Исторические записки. Т. 77. С. 67.
- ²⁰⁴ Меликов В. А. Стратегическое развертывание. С. 237.
- ²⁰⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 182077. Л. 17.
- ²⁰⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 126884. Л. 1.
- ²⁰⁷ См.: Коркодинов П. Стратегические взгляды в период подготовки первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 1959. № 11. С. 45.
- ²⁰⁸ Бернгарди Ф. Современная война. СПб., 1912. Т. 1. С. 51.
- ²⁰⁹ Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 42.
- ²¹⁰ Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914. С. 6, 7, 14, 15, 57—58.
- ²¹¹ Цит. по: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Русские законы о всеобщей воинской службе. // Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 79.
- ²¹² Ростунов И. И. Русский фронт мировой войны. С. 68.
- ²¹³ Там же. С. 70.
- ²¹⁴ См.: Меликов В. А. Стратегическое развертывание. С. 296.
- ²¹⁵ Там же. С. 295.
- ²¹⁶ Там же. С. 251.
- ²¹⁷ Белицкий С. М. Стратегические резервы. М.—Л., 1930. С. 62.
- ²¹⁸ Коркодинов П. О способах решения стратегических задач. // Военно-исторический журнал. 1964. № 7. С. 50.
- ²¹⁹ Белицкий С. М. Стратегические резервы. С. 63.
- ²²⁰ Меликов В. А. Стратегическое развертывание. С. 285.
- ²²¹ Там же. С. 285.
- ²²² См.: Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. С. 331—334.
- ²²³ История первой мировой войны. М., 1975. Т. 2. С. 550.
- ²²⁴ Там же.
- ²²⁵ Там же.

Глава вторая

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 366.
- ² Деникин А. И. Поход на Москву: Очерки русской смуты. Мн., 1991. С. 179.
- ³ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 122—123; М., 1958. Т. 2. С. 339—354.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 176.
- ⁵ Известия ЦК КПСС. М., 1989. № 6. С. 178.
- ⁶ Тыл Советской Армии. М., 1968. С. 7.
- ⁷ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). М., 1978. Т. 4. С. 355.
- ⁸ Подсчитано по: Коваленко Д. А. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970. С. 227, 340, 383, 392.
- ⁹ Цит. по: Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): Сборник документов. М., 1969. С. 322.
- ¹⁰ Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987. P. 144, 167.
- ¹¹ Деникин А. И. Поход на Москву. С. 96.
- ¹² Там же. С. 55, 179.
- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 315.
- ¹⁴ Серринья. Размышления о военном искусстве. Пер. с франц. Л., 1924. С. 91.
- ¹⁵ Деникин А. И. Поход на Москву. С. 38—39.

- ¹⁶ Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 32, 42.
- ¹⁷ Деникин А. И. Поход на Москву. С. 228.
- ¹⁸ Конев А. М. Красная гвардия на защите Октября. М., 1989. С. 264.
- ¹⁹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 356, 434—441.
- ²⁰ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 4. С. 20.
- ²¹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.
- ²² Кавтрадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920. М., 1988. С. 28, 222.
- ²³ Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1965. С. 147.
- ²⁴ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 334—335, С. 541—544.
- ²⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее — КПСС в резолюциях). М., 1983. Т. 8. С. 92—103.
- ²⁶ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 4. С. 55, 112, 227.
- ²⁷ Там же. С., 56, 111, 227.
- ²⁸ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 154, 326.
- ²⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 10—21.
- ³⁰ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 4. С. 43—49, 95.
- ³¹ Там же. С. 219; Отечественная артиллерия. 600 лет. М., 1986. С. 127, 134.
- ³² РГВА. Ф. 6. Оп. 6. Д. 27. Л. 49.
- ³³ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 61.
- ³⁴ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 327.
- ³⁵ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 4. С. 232.
- ³⁶ Партия и армия. М., 1977. С. 74.
- ³⁷ Mawdsley E. The Russian Civil War. P. 167; Доклад отдела иностранных дел Всевеликого войска Донского Большому войсковому кругу. Новороссийск, 1919. С. 13; ГАРФ. Ф. 200. Оп. 3. Д. 85. Л. 70.
- ³⁸ Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 2. С. 13, 154, 198.
- ³⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 13. Л. 20—22.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 4. Д. 976. Л. 1—2.
- ⁴¹ Там же. Л. 2.
- ⁴² Там же. Л. 1—2.
- ⁴³ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1081. Л. 1—2.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 13. Л. 51.
- ⁴⁵ Там же. Д. 64. Л. 12—12 об.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 3. Д. 7. Л. 155. Д. 51. Л. 38, 41, 67. Mawdsley E. The Russian Civil War. P. 144.
- ⁴⁷ РГВА. Ф. 169. Оп. 1. Д. 24. Л. 202—207.
- ⁴⁸ Филимонов Б. Б. Белоповстанцы: Хабаровский поход зимы 1921/22 г. Шанхай, 1932. Кн. 1. Ч. 1 и 2. С. 3, 5.
- ⁴⁹ Марушевский В. В. Белые в Архангельске. Л., 1930. С. 132.
- ⁵⁰ Авалов П. В борьбе с большевизмом. Глюкштат и Гамбург, 1925. С. 72.
- ⁵¹ Иностранная военная интервенция в Прибалтике 1917—1920 гг. М., 1988. С. 202; РГВА. Ф. 40298. Оп. 1. Д. 63. Л. 1—3.
- ⁵² Надежный Д. На подступах к Петрограду летом 1919 года. М., 1922. С. 88, 108—109; РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 2407. Л. 85.
- ⁵³ РГВА. Ф. 40147. Оп. 1. Д. 35. Л. 26.
- ⁵⁴ Авалов П. В борьбе с большевизмом. С. 212.
- ⁵⁵ Белое дело. Берлин, 1928. Кн. VI. С. 190.
- ⁵⁶ Коротков И. С. Разгром Врангеля. М., 1955. С. 32—33.
- ⁵⁷ Разгром Врангеля. Харьков, 1920. С. 16; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 4. С. 524.
- ⁵⁸ Разгром Врангеля. С. 16; РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 116. Л. 15; Ф. 101. Оп. 1. Д. 149. Л. 7, 8; Ф. 198. Оп. 3. Д. 620. Л. 20—23.
- ⁵⁹ РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 2740. Л. 46; Ф. 6. Оп. 12. Д. 117. Л. 46.
- ⁶⁰ Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России: Состояние, организация и деятельность по данным на 1 октября 1921 г. М., 1921. С. 22, 24.
- ⁶¹ Українська загальна енциклопедія. Львів, Б. г. Т. 3. С. 1002.
- ⁶² Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928. С. 62.
- ⁶³ Кадисhev А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 363.

- ⁶⁴ РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 2740. Л. 92—93.
- ⁶⁵ Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande. Berlin, 1942. Bd. 13. S. 362—363.
- ⁶⁶ Coates W. and Coates Z. Armed Intervention in Russia 1918—1922. L., 1935. P. 151.
- ⁶⁷ Липатов Н. П. 1920 год на Черном море. М., 1958. С. 53—55.
- ⁶⁸ Dobson Ch. and Miller J. The Day they almost Bombed Moscow; The Allied War in Russia 1918—1920. N. Y., 1986. P. 269.
- ⁶⁹ Скандинавский сборник. Таллин, 1978. Т. XXIII. С. 105.
- ⁷⁰ РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 2955. Л. 3—4.
- ⁷¹ Мариевский И. П. Советско-польская война 1920 года: Учебное пособие. М., 1941. С. 29—31.
- ⁷² Операции на Висле в польском освещении: Сборник статей и документов. М., 1931. С. 33—36.
- ⁷³ РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 2955. Л. 27—29.
- ⁷⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 357.
- ⁷⁵ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 142—152, 153—169, 169—171, 310—312, 313—316, 316—324, 349—351.
- ⁷⁶ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 20.
- ⁷⁷ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. 1870—1924. М., 1974. Т. 5. С. 75.
- ⁷⁸ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г.: Сборник документов. М., 1973. С. 290.
- ⁷⁹ Советские архивы. 1988. № 1. С. 31.
- ⁸⁰ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 25—26.
- ⁸¹ РГВА. Сборник приказов народного комиссариата по военным делам за 1918 год: Приказ № 219 от 19 марта 1918 г.
- ⁸² Декреты Советской власти. Т. 2. С. 570.
- ⁸³ РГВА. Сборник приказов народного комиссариата по военным делам за 1918 год: Приказ № 339 от 8 мая 1918 г.
- ⁸⁴ Там же. Приказ № 357 от 12 мая 1918 г.
- ⁸⁵ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 52.
- ⁸⁶ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 268, 372—373.
- ⁸⁷ Там же. М., 1968. Т. 4. С. 150—152.
- ⁸⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 65. Л. 374.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1081. Л. 5.
- ⁹⁰ Там же. Л. 30—31, 40.
- ⁹¹ Там же. Ф. 6. Оп. 12. Д. 1. Л. 2.
- ⁹² Декреты Советской власти. Т. 3. С. 515—516.
- ⁹³ Там же. М., 1971. Т. 5. С. 340—341.
- ⁹⁴ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 95; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). М., 1971. Т. I. С. 380—381.
- ⁹⁵ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 54—55.
- ⁹⁶ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 152—157.
- ⁹⁷ Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. I. С. 293.
- ⁹⁸ РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 873. Л. 1—2; Ф. 185. Оп. 3. Д. 1485. Л. 7.
- ⁹⁹ Там же. Л. 1.
- ¹⁰⁰ Военно-блоковая политика империализма: История и современность. М., 1980. С. 61.
- ¹⁰¹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары: Пер. с англ. М., 1937. Т. 6. С. 87—88.
- ¹⁰² Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 2. С. 36.
- ¹⁰³ Из истории гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1960. С. 87—88, 90—93, 96; Т. 2. С. 60; Черчилль У. Мировой кризис: Пер. с англ. М., Л., 1932. С. 111.
- ¹⁰⁴ Турнэс Р. Фош и победа союзников 1918 года. Пер. с франц. М., 1938. С. 25.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 31.
- ¹⁰⁶ Из истории гражданской войны в СССР. Т. I. С. 25—26; Т. 3. С. 69—70, 80—81, 92, 95—97, 99, 103—106, 116—118, 120, 127—130, 133—139, 147—148, 150—152 и др.
- ¹⁰⁷ Турнэс Р. Фош и победа союзников 1918 года. С. 69.
- ¹⁰⁸ Из истории гражданской войны в СССР. Т. I. С. 5—8, 16—29 и др.
- ¹⁰⁹ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 678. Л. 1.
- ¹¹⁰ Колчаковщина. Сборник документов. Екатеринбург, 1924. С. 89.
- ¹¹¹ Деникин А. И. Поход на Москву. С. 44.
- ¹¹² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 976. Л. 2.
- ¹¹³ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 174. Л. 23—26.
- ¹¹⁴ Там же. Ф. 104. Оп. 4. Д. 2955. Л. 38—39.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1081. Л. 32—34.

- ¹¹⁶ Гражданская война: Сборник первый. Сообщения по стратегии гражданской войны, читанные сотрудниками штаба 5-й армии. Б. м. Инспекция военно-учебного дела Восточного фронта. 1919; Основы современной стратегии: Лекции, читанные А. А. Незнамовым на ускоренном курсе Академии Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии в 1918/19 учебном году. М., 1919; Тухачевский М. Н. Стратегия национальная и классовая: Лекция, читанная в Академии Красной Армии Генерального штаба 24 декабря 1919 года. Ростов-на-Дону, 1920, и др.
- ¹¹⁷ Незнамов А. Оборонительная война. Военное дело. 1918. № 6; Гутор А. Характер современной войны. Военное дело. 1918. № 21.
- ¹¹⁸ Военно-исторический сборник: Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. Вып. 1—4. М., 1919—1921.
- ¹¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 27.
- ¹²⁰ Цит. по: Октябрьская революция и армия. С. 325.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50 С. 285—286.
- ¹²³ РГВА Ф. 33987. Оп. 1. Д. 28. Л. 158, 159.
- ¹²⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 89. Л. 66.
- ¹²⁵ Там же. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 28. Л. 158.
- ¹²⁶ Подсчитано по: Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920); Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.) Т. 1—4.
- ¹²⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 114. Л. 31.
- ¹²⁸ Там же. Ф. 100. Оп. 3. Д. 385. Л. 10, 21.
- ¹²⁹ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 183.
- ¹³⁰ РГВА. Ф. 104 Оп. 4. Д. 2436. Л. 12.
- ¹³¹ Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 320. Л. 10, 24.
- ¹³² Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых операциях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 30—31.
- ¹³³ Гражданская война в СССР Т. 2. С. 47.
- ¹³⁴ Там же С. 154.
- ¹³⁵ РГВА. Ф. 201 Оп. 12 Д. 57. Л. 48.
- ¹³⁶ Там же Ф. 6 Оп. 4 Д. 75. Л. 5
- ¹³⁷ Там же. Л. 41.
- ¹³⁸ Там же. Ф. 11. Оп. 4 Д. 5 Л. 81.
- ¹³⁹ Там же Ф. 106 Оп. 3. Д. 8. Л. 110—112.
- ¹⁴⁰ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 123—124
- ¹⁴¹ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 604 Л. 53.
- ¹⁴² Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 52 Л. 4; Д. 45 Л. 45.
- ¹⁴³ Там же. Д. 53. Л. 31.
- ¹⁴⁴ Горшков С. Г. Морская мощь государства. М., 1979. С. 188.
- ¹⁴⁵ История военно-морского искусства М., 1963. Т. 2. С. 107.
- ¹⁴⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 18а Д. 2. Л. 229
- ¹⁴⁷ Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 193. Л. 30—31.
- ¹⁴⁸ Там же. Д. 641 Л. 70.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. 4 Оп. 18. Д. 1 Л. 12—13
- ¹⁵⁰ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920) С. 553—555
- ¹⁵¹ Там же. С. 117—127, 130—139, 153—169, 324—344 и др.
- ¹⁵² РГВА Ф. 6 Оп. 4 Д. 84 Л. 72
- ¹⁵³ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 1—3
- ¹⁵⁴ РЦХИДНИ Ф. 17 Оп. 109 Д. 19 Л. 6.
- ¹⁵⁵ РГВА Ф. 6. Оп. 4 Д. 5 Л. 80
- ¹⁵⁶ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 194—196.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 152.
- ¹⁵⁸ Там же С. 168.
- ¹⁵⁹ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 4 С. 323, 324, 327.
- ¹⁶⁰ Цит. по: Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920) С. 311
- ¹⁶¹ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 4 С. 325.
- ¹⁶² РГВА. Ф. 6. Оп. 4 Д. 119. Л. 9
- ¹⁶³ Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве: Избранные статьи М., 1963. С. 73
- ¹⁶⁴ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.) Т. 4. С. 332
- ¹⁶⁵ Там же. С. 254, 260.

- ¹⁶⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 1. Л. 12—13.
¹⁶⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 94. Л. 50; Ф. 108. Оп. 1. Д. 240. Л. 35—36.
¹⁶⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 3. Д. 42. Л. 18, 646 68, 69, 299; Л. 270. Д. 50. Л. 277.
¹⁶⁹ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 432. 438—439.
¹⁷⁰ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 513; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 2. С. 571; Т. 4. С. 613.
¹⁷¹ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). Т. 4. С. 222.
¹⁷² Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. С. 77.
¹⁷³ Зверев Б. И. В. И. Ленин и флот (1918—1920). М., 1978. С. 179.
¹⁷⁴ Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1978. С. 145.
¹⁷⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 93. Л. 127.
¹⁷⁶ Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 122. Л. 53.
¹⁷⁷ Развитие Тыла Советских Вооруженных Сил (1918—1988). М., 1989. С. 61.
¹⁷⁸ Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 494—495.
¹⁷⁹ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 139—140.
¹⁸⁰ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 14. Л. 33.
¹⁸¹ Там же. Ф. 106. Оп. 3. Д. 62. Л. 181.
¹⁸² Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 386. Л. 262—263, 275—276.
¹⁸³ Гриф секретности снят. С. 40, 54, 57.
¹⁸⁴ Гражданская война 1918—1921 гг.: В 2-х т. М., 1928. Т. 2. С. 83.
¹⁸⁵ Гриф секретности снят. С. 35, 36.

Глава третья

- ¹ КПСС в резолюциях... Т. 2. С.375.
² Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1984, С. 409.
³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 79.
⁴ КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 4. С. 177.
⁵ Война будущего. М., 1925. С. 10.
⁶ Фрунзе М. В. Избранные произведения. С. 456.
⁷ Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. С. 16.
⁸ Цит. по: Война и революция. М., 1930. Кн. 6. С. 15.
⁹ Там же. С. 17.
¹⁰ Цит. по: Война и революция. М., 1931. Кн. 5. С. 101.
¹¹ Там же. 1931. Кн. 10—11. С. 8.
¹² Временный полевой устав РККА. Часть II (дивизия и корпус). М., 1926. С. 33.
¹³ Война и революция. М., 1931. Кн. 12. С. 45.
¹⁴ Цит. по: XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 26 января — 10 февраля 1934 г.: Стенографический отчет. М., 1934. С. 12.
¹⁵ Военная мысль. М., 1939. № 12. С. 49.
¹⁶ Ворошилов К. Е. Оборона СССР. С. 626.
¹⁷ Цит. по: Война и революция. 1932. Кн.3. С. 82—83.
¹⁸ Там же. 1927. № 2. С. 27.
¹⁹ Будущая война. С. 37—41.
²⁰ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б): 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 13.
²¹ Цит. по: Война и революция. 1934. Сентябрь-октябрь. С. 13.
²² Фрунзе М. В. Избранные произведения. С. 456.
²³ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 12.
²⁴ Баторский М. А. Подготовка плана войны и операции: Работа высших штабов и командования. М., 1921. С. 3.
²⁵ Свечин А. А. Стратегия. М., 1927. С. 180.
²⁶ Против реакционных теорий на военно-научном фронте. М., 1931. С. 6, 7.
²⁷ Цит. по: Война и революция. 1931. Кн. 10—11. С. 129.
²⁸ Там же. 1932. Кн.1. С. 93.
²⁹ Там же. С. 97.
³⁰ Там же. 1931. Кн. 10—11. С. 130.
³¹ Там же. 1931. Кн. 12. С. 88.
³² Дуэ Д. Господство в воздухе: Сборник трудов по вопросам воздушной войны. Пер. с ит. М., 1936. С. 208—209.

- ³³ Фрунзе М. В. Избранные произведения С 182—183
- ³⁴ Тухачевский М. Н. Избранные произведения Т. 1 С 252.
- ³⁵ Вацетис И. И. О военной доктрине будущего. М., 1923. С. 22.
- ³⁶ Зайончковский А. М. Лекции по стратегии, читанные на военно-академических курсах высшего состава в Военной академии РККА в 1922—1923 г. М., 1923. Ч. II. С. 46.
- ³⁷ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 435.
- ³⁸ Съезды Советов: Всесоюзные и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935. С. 351
- ³⁹ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (6): Стенографический отчет. М.—Л., 1930
- С. 24.
- ⁴⁰ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (6) С. 14.
- ⁴¹ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (6). С. 24.
- ⁴² Временный полевой устав РККА. 1936. (ПУ-36) М., 1937. С. 9.
- ⁴³ Полевой устав Красной Армии. 1939 Проект М., 1939. Ст. 2.
- ⁴⁴ Фрунзе М. В. Избранные произведения С. 65.
- ⁴⁵ Какурин Н. Е. Характер и метод нашей военно-научной работы Военный вестник 1922 № 3
- С 5
- ⁴⁶ Тухачевский М. Н. Избранные произведения Т. 1 С 110.
- ⁴⁷ Вольпе А. Фронтальный удар Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой войны М., 1931 С. 388.
- ⁴⁸ Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. 2 С 248.
- ⁴⁹ Фрунзе М. В. Избранные произведения С. 57
- ⁵⁰ Цит. по: Казаков М. Н. Над картой былых сражений М., 1971. С. 61
- ⁵¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. М., 1993 Т. 12(1). С. 339.
- ⁵² Цит. по: Пятнадцатый съезд ВКП(б): Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. М., 1962
- Т 2 С. 1442.
- ⁵³ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). М., 1978 Т. 4. С. 228.
- ⁵⁴ Отчет народного комиссариата по военным делам за 1921 год М., 1922 С. 5; Отчет народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/23 гг М., 1925. С. 5.
- ⁵⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 84 Л. 2
- ⁵⁶ Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978 С. 195, 234; РГВА. Ф. 4
- Оп. 1 Д. 606. Л. 1—13.
- ⁵⁷ КПСС в резолюциях Т. 2 С. 377—378.
- ⁵⁸ Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1923/24 год. М., 1925. С. 52
- ⁵⁹ Берхин И. Б. Военная реформа в СССР (1924—1925 гг.) М., 1958 С. 96.
- ⁶⁰ Советские Вооруженные силы: История строительства. С. 195.
- ⁶¹ РГВА Ф. 4. Оп. 1. Д. 720 Л. 6
- ⁶² Отчет Народного комиссариата по военным делам за 1921 год. С. 7
- ⁶³ РГВА Ф. 4. Оп. 1. Д. 720. Л. 8
- ⁶⁴ Фрунзе М. В. Избранные произведения. М.—Л., 1926. Т. 2. С. 151.
- ⁶⁵ Берхин И. Б. Военная реформа в СССР (1924—1925 гг.). С. 65.
- ⁶⁶ Фрунзе М. В. Собрание сочинений Т. 2. С. 28.
- ⁶⁷ РГВА Ф. 4 Оп. 1 Д. 720. Л. 11.
- ⁶⁸ Там же Л. 15
- ⁶⁹ Берхин И. Б. Военная реформа в СССР (1924—1925 гг.) С. 160.
- ⁷⁰ Известия ЦК КПСС 1990 № 1 С. 193—208
- ⁷¹ Советские Вооруженные силы История строительства С. 170
- ⁷² РГВА Ф. 4. Оп. 1 Д. 167. Л. 5.
- ⁷³ Там же. Оп. 4 Д. 641 Л. 49—76, Д. 695. Л. 37—38, Советские Вооруженные силы. История строительства. С. 128—129, 131
- ⁷⁴ Советские Вооруженные силы: История строительства. С. 162, 163, 166.
- ⁷⁵ История второй мировой войны 1939—1945: В 12-ти т. М., 1973. Т. 1 С. 258
- ⁷⁶ Советские Вооруженные силы: История строительства. С. 187.
- ⁷⁷ История отечественной артиллерии. М.—Л., 1964. Т. 3. Кн. 8. С. 216.
- ⁷⁸ Военно исторический журнал. 1971. № 2. С. 6.
- ⁷⁹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. С. 421, 425.
- ⁸⁰ Там же. Т. 3. С. 419
- ⁸¹ 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1969. С. 202.
- ⁸² Советские Вооруженные силы: История строительства. С. 202.
- ⁸³ Там же. С. 240.
- ⁸⁴ Советские воздушно-десантные: Военно-исторический очерк. М., 1986. С. 36

- ⁸⁵ Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1977. С. 53—54.
- ⁸⁶ Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/23 г. С. 29.
- ⁸⁷ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. С. 424.
- ⁸⁸ Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1923/24 г. С. 322, 331.
- ⁸⁹ Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941. М., 1992. С. 675.
- ⁹⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2664. Л. 85.
- ⁹¹ Берхин И. Б. Военная реформа в СССР (1924—1925 гг.). С. 261.
- ⁹² Там же. С. 264.
- ⁹³ Ворошилов К. Е. Статьи и речи. М., 1937. С. 230.
- ⁹⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3165. Л. 100—101.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 180. Л. 41—42.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 7. Оп. 15. Д. 9. Л. 243.
- ⁹⁷ Там же. Ф. 25883. Оп. 4. Д. 495. Л. 152—153; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 160. Л. 1.
- ⁹⁸ Там же. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 78. Л. 20.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 31988. Оп. 2. Д. 202. Л. 12.
- ¹⁰⁰ Советские Вооруженные силы: История строительства. С. 248; РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 82.
- Л. 233.
- ¹⁰¹ Иовлев А. М. Деятельность КПСС по подготовке командных кадров. М., 1968. С. 135.
- ¹⁰² История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. С. 417.
- ¹⁰³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 208.
- ¹⁰⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 682. Л. 7.
- ¹⁰⁵ Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. 1. С. 261.
- ¹⁰⁶ Цит. по: Война и революция. 1931. Кн. 8. С. 12.
- ¹⁰⁷ Там же. 1929. Кн. 10. С. 15.
- ¹⁰⁸ Там же. 1931. Кн. 10—11. С. 13.
- ¹⁰⁹ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). С. 377—378.
- ¹¹⁰ Там же. С. 379.
- ¹¹¹ Там же. С. 378.
- ¹¹² РГВА. Ф. 25883. Оп. 3. Д. 548. Л. 335.
- ¹¹³ Там же. Ф. 29. Оп. 76. Д. 52. Л. 24.
- ¹¹⁴ Цит. по: Война и революция. 1931. Кн. 6. С. 105.
- ¹¹⁵ РГВА. Ф. 37977. Оп. 3. Д. 778. Л. 41.
- ¹¹⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1314. Л. 2—6, 201—214, 235—239.
- ¹¹⁷ Война и революция. 1933. Сентябрь-октябрь. С. 4.
- ¹¹⁸ Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. С. 217.
- ¹¹⁹ Там же. С. 221.
- ¹²⁰ Война и революция. 1933. Сентябрь-октябрь. С. 5.
- ¹²¹ Там же. 1934. Март-апрель. С. 37.
- ¹²² РГВА. Ф. 37997. Оп. 3. Д. 848. Л. 673.
- ¹²³ Война и революция. 1931. Кн. 8. С. 13—14.
- ¹²⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 3. Д. 860. Л. 1785—1799.
- ¹²⁵ Там же. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 80. Л. 47.
- ¹²⁶ Вопросы истории. 1989. № 10. С. 53.
- ¹²⁷ Иссерсон Г. С. Новые формы обороны: (Опыт исследования современных войн). Вып. 1. М., 1940. С. 29.
- ¹²⁸ Цит. по: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). С. 487.
- ¹²⁹ Русский архив: Великая отечественная. Т. 12(1). С. 153.
- ¹³⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 323—324.
- ¹³¹ Там же. С. 338.
- ¹³² Временный полевой устав РККА. Часть II. (Дивизия и корпус). С. 218.
- ¹³³ Цит. по.: Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. 1. С. 106—107.
- ¹³⁴ Высшее командование. М., 1924. С. 5.
- ¹³⁵ Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. 1. С. 185.
- ¹³⁶ Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. С. 72.
- ¹³⁷ Тухачевский, Варфоломеев, Шиловский. Армейская операция. С. 16.
- ¹³⁸ Свечин А. Стратегия. С. 296.
- ¹³⁹ Мовчин Н. Последовательные операции по опыту Марны и Вислы. М.—Л., 1928. С. 116.

- ¹⁴⁰ Большая советская энциклопедия М., 1937. Т. 31 С. 139.
- ¹⁴¹ Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. 1. С. 256.
- ¹⁴² Свечин А. Стратегия. С. 271—273.
- ¹⁴³ Тухачевский, Варфоломеев, Шиловский. Армейская операция. С. 86.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 85.
- ¹⁴⁵ Триандафиллов В Характер операций современных армий. С. 154.
- ¹⁴⁶ Война и революция. 1928 Кн. 11 С. 21.
- ¹⁴⁷ РГВА. Ф. 7. Оп. 3 Д. 209. Л. 545; Д. 210. Л. 1100.
- ¹⁴⁸ Тухачевский, Варфоломеев, Шиловский. Армейская операция. С. 50.
- ¹⁴⁹ История отечественной артиллерии Т. 3. Кн. 8. С. 141—142
- ¹⁵⁰ Свечин А. Стратегия. С. 311—312.
- ¹⁵¹ Триандафиллов В Характер операций современных армий. С. 179.
- ¹⁵² Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.)
- С. 375
- ¹⁵³ Цит. по: Русский архив Великая Отечественная. Т. 12(1) С. 135
- ¹⁵⁴ Там же
- ¹⁵⁵ Там же. С. 349—350.
- ¹⁵⁶ Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. 1 С. 110.
- ¹⁵⁷ Тухачевский, Варфоломеев, Шиловский Армейская операция. С. 33—35.
- ¹⁵⁸ Фрунзе М. В Избранные произведения. М., 1957 Т. 2. С. 60.
- ¹⁵⁹ Свечин А. А Стратегия С. 189.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 187—188
- ¹⁶¹ Временный полевой устав РККА 1936 (ПУ—36). С. 16.
- ¹⁶² Цит. по: Русский архив Великая Отечественная. Т. 12(1). С. 209—210.
- ¹⁶³ Там же С. 211
- ¹⁶⁴ Там же С. 213.
- ¹⁶⁵ Там же С. 342.
- ¹⁶⁶ Там же С. 343.
- ¹⁶⁷ История отечественной артиллерии. Т. 3. Кн. 8 С. 368.
- ¹⁶⁸ Война и революция 1925. Кн. 7—8. С. 128.
- ¹⁶⁹ Там же 1926. № 1—2 С. 109, Алгазин А. С. Обеспечение воздушных операций М.—Л., 1928 С. 46—50.
- ¹⁷⁰ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.)
- С. 632.
- ¹⁷¹ РГВА. Ф. 31983 Оп. 2. Д. 159. Л. 41.
- ¹⁷² Там же. Ф. 4. Оп. 15 Д. 6 Л. 136.
- ¹⁷³ Цит. по: Военная мысль. 1937. № 5—6. С. 77.
- ¹⁷⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). С. 176.
- ¹⁷⁵ РГВА. Ф. 32871. Оп. 1 Д. 3. Л. 18.
- ¹⁷⁶ Виноградов Н. С. Противовоздушная оборона крупного пункта. М., 1941. С. 74, 82
- ¹⁷⁷ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. (1917—1940 гг.)
- С. 685.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 701
- ¹⁷⁹ Временный полевой устав РККА. 1936 (ПУ-36). С. 15
- ¹⁸⁰ Развитие тыла Советских Вооруженных Сил (1918—1988). М., 1989. С. 104.
- ¹⁸¹ Там же. С. 106.
- ¹⁸² Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 128—129.
- ¹⁸³ Гриф секретности снят. С. 86.
- ¹⁸⁴ Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 29
- ¹⁸⁵ В период советско-финляндской войны Красная Армия потеряла 333 084 человека, в том числе убитыми и умершими от ран — 65 384, пропавшими без вести — 19 610, ранеными, контужеными, обмороженными и обожженными — 196 198. См.: Гриф секретности снят. С. 99.
- ¹⁸⁶ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. С. 439.
- ¹⁸⁷ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995 С. 80.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 82.
- ¹⁸⁹ Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 228.
- ¹⁹⁰ Цит. по: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 367.
- ¹⁹¹ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. С. 93.

Глава четвертая

- ¹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. М., 1982. С. 217.
- ² Подсчитано по: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 157, 158.
- ³ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 7. М., 1976. С. 96, 97; Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Статистический сборник № 2 (1 декабря 1941 г.). М., 1995. С. 33, 34, 106, 144, 155, 171, 173.
- ⁴ Гриф секретности снят. С. 157, 367.
- ⁵ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). М., 1994. С. 50; Статистический сборник № 3 (1 января 1942 г.). М., 1995. С. 14.
- ⁶ Гриф секретности снят. С. 141.
- ⁷ Там же. С. 152, 153.
- ⁸ Там же. С. 139.
- ⁹ Подсчитано по: Гриф секретности снят. С. 391.
- ¹⁰ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. С. 168; Гриф секретности снят. С. 349.
- ¹¹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. С. 168, 200.
- ¹² Составлена по: Гриф секретности снят. С. 350.
- ¹³ Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М., 1979. С. 17.
- ¹⁴ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. С. 168.
- ¹⁵ Там же. С. 169.
- ¹⁶ Военная мысль. 1966. № 12. С. 51.
- ¹⁷ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 7. С. 114; Военная мысль. 1975. № 4. С. 26.
- ¹⁸ Военная мысль. 1966. № 12. С. 56.
- ¹⁹ Гриф секретности снят. С. 228.
- ²⁰ Михалев С. Н. Силами групп фронтов: Исследование опыта наступательных операций групп фронтов Красной Армии 1941—1945 гг. М., 1992. С. 32, 34.
- ²¹ Там же. С. 32.
- ²² Там же. С. 32, 35.
- ²³ Гриф секретности снят. С. 143, 317.
- ²⁴ Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978. С. 296.
- ²⁵ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. М., 1970. С. 98.
- ²⁶ КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил. М., 1967. С. 299.
- ²⁷ Там же. С. 305, 306.
- ²⁸ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. С. 586.
- ²⁹ ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11456. Д. 476. Л. 56; Д. 688, Л. 40.
- ³⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 3. М., 1961. С. 223.
- ³¹ КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил. С. 305.
- ³² История второй мировой войны 1939—1945. Т. 5. М., 1975. С. 334.
- ³³ Армейские операции. М., 1977. С. 7; Военное искусство во второй мировой войне и послевоенный период. (Стратегия и оперативное искусство). М., 1985. С. 215.
- ³⁴ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. С. 244; Развитие Советских Вооруженных Сил и военного искусства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1988. С. 28; Военная мысль. 1983. № 1. С. 35.
- ³⁵ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 269, 270. Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). С. 7; Статистический сборник № 3 (1 января 1942 г.). С. 11; Статистический сборник № 4 (1 мая 1942 г.). М., 1996. С. 11.
- ³⁶ Советские Вооруженные Силы: История строительства. С. 281; Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Статистический сборник № 3 (1 января 1942 г.). С. 11—12, 21—22; Статистический сборник № 4 (1 мая 1942 г.). С. 12, 21—22.
- ³⁷ Советские Вооруженные Силы: История строительства. С. 317.
- ³⁸ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. С. 87.
- ³⁹ Тактика в боевых примерах Дивизия. М., 1976. С. 14.
- ⁴⁰ Советские Вооруженные Силы: История строительства. С. 317; Великая Отечественная война. 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 311.
- ⁴¹ Гриф секретности снят. С. 350.

- ⁴² Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. С. 69.
- ⁴³ Там же. С. 59, 70.
- ⁴⁴ Советские Вооруженные Силы: История строительства. С. 320; История второй мировой войны 1939—1945 Т. 12. С. 246.
- ⁴⁵ Подсчитано по: Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. С. 69, 70; Радзиевский А. И. Танковый удар (танковая армия в наступательной операции фронта опыту Великой Отечественной войны). М., 1977. Схема 1.
- ⁴⁶ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. С. 247.
- ⁴⁷ Гриф секретности снят. С. 350.
- ⁴⁸ История второй мировой войны 1939—1945 Т. 9. М., 1978. С. 501; Советская Военная Энциклопедия. Т. 3. М., 1977. С. 454, Советские Вооруженные Силы: История строительства С. 318, 319; Военно-исторический журнал. 1977. № 11 С. 32.
- ⁴⁹ Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. С. 165.
- ⁵⁰ Советские Вооруженные Силы: История строительства. С. 321.
- ⁵¹ Там же; Военно-исторический журнал 1977. № 11. С. 49.
- ⁵² ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12214. Д. 285. Л. 4, 26, 46, 82.
- ⁵³ Советские Вооруженные Силы: История строительства. С. 286.
- ⁵⁴ Там же. С. 366, 367
- ⁵⁵ Гриф секретности снят. С. 367; Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). С. 17, 51.
- ⁵⁶ 50 лет Вооруженных Сил СССР С. 271.
- ⁵⁷ Советские Вооруженные Силы: История строительства. С. 288.
- ⁵⁸ История второй мировой войны 1939—1945 Т. 12. С. 250, Советские Вооруженные Силы: История строительства. С. 350
- ⁵⁹ История второй мировой войны 1939—1945 Т. 12 С. 251.
- ⁶⁰ Гриф секретности снят С. 350
- ⁶¹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. С. 252.
- ⁶² Развитие Советских Вооруженных Сил и военного искусства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 46—47
- ⁶³ Там же. С. 36
- ⁶⁴ Советская Военная Энциклопедия Т. 7. М., 1979. С. 294
- ⁶⁵ Гриф секретности снят. С. 374.
- ⁶⁶ История второй мировой войны 1939—1945 Т. 12 С. 252.
- ⁶⁷ Советские Вооруженные Силы: История строительства С. 293.
- ⁶⁸ Тыл Советской Армии М., 1968 С. 243, 247.
- ⁶⁹ Советская Военная Энциклопедия. Т. 2 М., 1976. С. 54.
- ⁷⁰ Там же. С. 55.
- ⁷¹ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). С. 47, 51, 52, 65, 66
- ⁷² Там же. С. 13, 14, 16, 76, 138, 249.
- ⁷³ История второй мировой войны 1939—1945 Т. 3 М., 1974. С. 440
- ⁷⁴ Военно-исторический журнал 1981. № 6. С. 28
- ⁷⁵ Там же С. 31
- ⁷⁶ ЦАМО. Ф. 218 Оп. 2688 Д. 1 Л. 11; История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4 М., 1975 С. 35.
- ⁷⁷ Цит. по: Анфилов В. А. Бессмертный подвиг (Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны). М., 1971 С. 210
- ⁷⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 Т. 2. М., 1963 С. 29
- ⁷⁹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513 Д. 9 Л. 444; История второй мировой войны 1939—1945 Т. 4 С. 38
- ⁸⁰ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 47, 130; Военно-исторический журнал 1985. № 11. С. 17.
- ⁸¹ Военно-исторический журнал. 1976. № 9. С. 21.
- ⁸² Там же; Начальный период войны. М., 1974 С. 331
- ⁸³ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 59
- ⁸⁴ Гальдер Ф. Военный дневник Пер. с нем. Т. 3 Кн. 1. М., 1971. С. 60.
- ⁸⁵ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 58; Гриф секретности снят. С. 162, 163, 164, 368.
- ⁸⁶ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 58.
- ⁸⁷ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 80.

- ⁸⁸ Гриф секретности снят. С. 165—169, 224, 368.
- ⁸⁹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 88, 91.
- ⁹⁰ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 7. С. 120.
- ⁹¹ Военное искусство во второй мировой войне. (Стратегия и оперативное искусство). С. 236.
- ⁹² Военно-исторический журнал. 1988. № 7. С. 55—56.
- ⁹³ Там же. С. 56; История второй мировой войны 1939—1945. Т. 5. С. 323.
- ⁹⁴ Военно-исторический журнал. 1980. № 12. С. 3.
- ⁹⁵ Составлена по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 93; Т. 5. С. 158, 159; Т. 7. С. 144; Гриф секретности снят. С. 166—169, 171, 178, 187, 188; Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период. (Стратегия и оперативное искусство). С. 190, 191.
- ⁹⁶ Составлена по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4., С. 323; Т. 6. М., 1976. С. 467; Т. 7. С. 278; Т. 8. М., 1977. С. 467; Т. 9. С. 531; Т. 10. М., 1979. С. 501; Т. 12. С. 283; Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период. (Стратегия и оперативное искусство). С. 155—156.
- ⁹⁷ Военная стратегия. Изд. 3-е. М., 1968. С. 197; Военно-исторический журнал. 1971. № 10. С. 15.
- ⁹⁸ Военная мысль. 1994. № 2. С. 63.
- ⁹⁹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 6. С. 467.
- ¹⁰⁰ Там же. Т. 8. С. 467.
- ¹⁰¹ Там же. Т. 9. С. 506, 531.
- ¹⁰² Там же. Т. 6. С. 45.
- ¹⁰³ Там же. Т. 7. С. 158, 159, 170, 172.
- ¹⁰⁴ Составлена по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 283, 284; Т. 6. С. 44, 45; Т. 7. С. 158, 159, 170, 172; Т. 8. С. 66; Т. 9. С. 47, 104; Т. 10. С. 59, 90, 92, 311, 315; Т. 12. С. 284; Гриф секретности снят. С. 174, 181, 182, 189, 190, 197, 198, 202—216, 219, 220; Советская Военная Энциклопедия. Т. 7. С. 518, 519.
- ¹⁰⁵ Подсчитано по: Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период. (Стратегия и оперативное искусство). С. 159.
- ¹⁰⁶ Подсчитано по: Гриф секретности снят. С. 176, 181, 183, 197.
- ¹⁰⁷ Подсчитано по: Гриф секретности снят. С. 181, 183, 185—186, 188—197, 199—211.
- ¹⁰⁸ Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период. (Стратегия и оперативное искусство). С. 158.
- ¹⁰⁹ Подсчитано по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 9. С. 19, 47.
- ¹¹⁰ Подсчитано по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 10. С. 37, 38, 59, 60.
- ¹¹¹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 9. С. 54; Т. 10. С. 80; Военно-исторический журнал. 1981. № 8. С. 22.
- ¹¹² История военного искусства. М., 1984. С. 209.
- ¹¹³ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. С. 284; Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 597.
- ¹¹⁴ Военно-исторический журнал. 1973. № 12. С. 16—18.
- ¹¹⁵ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 7. С. 278; Т. 9. С. 531.
- ¹¹⁶ Составлена по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 5. С. 324; Т. 7. С. 489—490; Т. 9. С. 21; Т. 10. С. 37; Военно-исторический журнал. 1972. № 5. С. 31; № 12. С. 49—51; 1974. № 3. С. 78.
- ¹¹⁷ Военно-исторический журнал. 1977. № 4. С. 13, 14.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Развитие Советских Вооруженных Сил и военного искусства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 105.
- ¹²⁰ Военно-исторический журнал. 1972. № 12. С. 48.
- ¹²¹ Там же; Военная мысль. 1994. № 2. С. 60.
- ¹²² Военно-исторический журнал. 1971. № 10. С. 16; Военная мысль. 1994. № 2. С. 64.
- ¹²³ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 7. С. 135.
- ¹²⁴ Подсчитано по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 9. С. 44; Михалев С. Н. Силами групп фронтов. С. 127.
- ¹²⁵ Гриф секретности снят. С. 199, 202, 206, 208, 215.
- ¹²⁶ Михалев С. Н. Силами групп фронтов. С. 219.
- ¹²⁷ Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1968. С. 438.
- ¹²⁸ Тимохович И. В. Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М., 1976. С. 107.
- ¹²⁹ Военное искусство во второй мировой войне. М., 1973. С. 428.
- ¹³⁰ Военно-исторический журнал. 1972. № 11. С. 47, 48; 1982. № 11. С. 25; 1976. № 9. С. 25.

- ¹³¹ Военное искусство во второй мировой войне. С. 414.
- ¹³² История второй мировой войны 1939—1945 Т. 7. С. 128—131.
- ¹³³ Тимохович И. В. Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне С. 93.
- ¹³⁴ Военный энциклопедический словарь. С. 139; Великая Отечественная война 1941—1945 Энциклопедия. С. 148
- ¹³⁵ Военная мысль. 1973 № 12. С. 78.
- ¹³⁶ Военное искусство во второй мировой войне. С. 505—508.
- ¹³⁷ Там же. С. 508.
- ¹³⁸ Там же. С. 510.
- ¹³⁹ Там же. С. 512.
- ¹⁴⁰ Советская военная энциклопедия. Т. 5. М., 1978. С. 254
- ¹⁴¹ Военная мысль 1973 № 12. С. 78; Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период. (Стратегия и оперативное искусство). С. 332.
- ¹⁴² Подсчитано по: Советская военная энциклопедия Т. 6 М., 1978. С. 26; Т. 7 С. 645, Т. 8 М., 1980 С. 356; Военно-исторический журнал 1972. № 7. С. 18
- ¹⁴³ Военное искусство во второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство) С. 313.
- ¹⁴⁴ Там же С. 317—318.
- ¹⁴⁵ Военный энциклопедический словарь С. 663.
- ¹⁴⁶ Басов А. В. Флот в Великой Отечественной войне 1941—1945 (Опыт оперативно-стратегического применения). М., 1980. С. 133
- ¹⁴⁷ Военно-исторический журнал 1989 № 3. С. 16
- ¹⁴⁸ Василевский А. М. Дело всей жизни 6-е изд. М., 1988. Кн. 2. С. 291.
- ¹⁴⁹ Органы руководства Вооруженными Силами СССР (1941—1945): История организации и деятельности в годы Великой Отечественной войны М., 1988. С. 65.
- ¹⁵⁰ Там же С. 80
- ¹⁵¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления Т. 2 М., 1990 С. 62.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Органы руководства Вооруженными Силами СССР (1941—1945). С. 81
- ¹⁵⁴ Там же С. 82
- ¹⁵⁵ Там же. С. 199
- ¹⁵⁶ История второй мировой войны 1939—1945 Т. 12 С. 331, Советская военная энциклопедия Т. 7 С. 512
- ¹⁵⁷ Органы руководства Вооруженными Силами СССР (1941—1945). С. 88
- ¹⁵⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 71.
- ¹⁵⁹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4 С. 54; Т. 12 С. 332; Советские Вооруженные Силы История строительства С. 279, 288, 321
- ¹⁶⁰ Органы руководства Вооруженными Силами СССР (1941—1945). С. 85
- ¹⁶¹ Михалев С. Н. Силы групп фронтов С. 190
- ¹⁶² Там же. С. 193
- ¹⁶³ Там же С. 191, Органы руководства Вооруженными Силами СССР (1941—1945) С. 85
- ¹⁶⁴ Органы руководства Вооруженными Силами СССР (1941—1945). С. 85.
- ¹⁶⁵ Военно-исторический журнал 1961. № 6 С. 66; 1989 № 3. С. 17.
- ¹⁶⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления Т. 2 С. 76
- ¹⁶⁷ Органы руководства Вооруженными Силами СССР (1941—1945). С. 33; Кузнецов Н. Г. Накануне М., 1969. С. 308
- ¹⁶⁸ Михалев С. Н. Силы групп фронтов. С. 39, 40
- ¹⁶⁹ Василевский А. М. Дело всей жизни М., 1983 С. 479—480.
- ¹⁷⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2 С. 76, 77.
- ¹⁷¹ Там же С. 80
- ¹⁷² Военно-исторический журнал. 1975. № 6. С. 22, 23
- ¹⁷³ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 М., 1978 С. 492, История тыла Л., 1974 С. 198, 200
- ¹⁷⁴ История тыла С. 206
- ¹⁷⁵ Там же С. 62
- ¹⁷⁶ Там же С. 205
- ¹⁷⁷ Тыл Советской Армии М., 1968 С. 274, 275
- ¹⁷⁸ История тыла С. 117
- ¹⁷⁹ Там же. С. 153
- ¹⁸⁰ Там же С. 201.

¹⁸¹ Там же. С. 63.

¹⁸² Там же. С. 198.

¹⁸³ Гриф секретности снят. С. 136.

¹⁸⁴ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. С. 217, 218.

Глава пятая

¹ Цит. по: Внешняя политика Советского Союза 1949 г. М., 1953. С. 522.

² Советская военная энциклопедия. М., 1979. Т. 7. С. 69; Мировая экономика и международные отношения. 1982. № 3. С. 13.

³ Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 158.

⁴ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (Варшавский договор) подписали Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия. С 1962 г. представители Албании участия в работе ОВД не принимали.

⁵ Народное хозяйство СССР в 1978 г.: Статистический ежегодник. М., 1979. С. 142—146; Народное хозяйство СССР в 1984 г.: Статистический ежегодник. М., 1985. С. 161—170; Правда. 1984. 29 янв.

⁶ Народное хозяйство СССР в 1984 г.: Статистический ежегодник. М., 1985. С. 49.

⁷ Magazine (США). 1972. Т. 55. № 9. С. 24.

⁸ Военная стратегия. М., 1968. 3-е изд. С. 15—19.

⁹ Советская военная энциклопедия. Т. 7. С. 555—565.

¹⁰ Там же. С. 563.

¹¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1975. С. 97.

¹² Военная стратегия. С. 21.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 21—22.

¹⁵ Там же. С. 332.

¹⁶ КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил. М., 1967. С. 356.

¹⁷ Военная стратегия. С. 295.

¹⁸ Хрущев С. Никита Хрущев: Кризисы и ракеты. М., 1994. Т. 2. С. 425.

¹⁹ Там же. С. 425—426.

²⁰ Высокоточное оружие — оружие, обеспечивающее гарантированное поражение целей на любой дальности с вероятностью, превышающей 0,9 и выше (при максимальном отклонении от целей на ближних дистанциях в пределах метра, на средних дистанциях — десятка метров, а на межконтинентальных дальностях — порядка 100—200 м). Основано на принципе «выстрел — поражение». К типовым видам такого оружия в армии США первоначально относились артиллерийские снаряды «Копперхэд», противотанковые комплексы «Хэлфайер», противокорабельные ракеты «Экзосет», «Х-31», авиабомба «Уолай»; в СССР — артиллерийский снаряд «Краснополь», противотанковые комплексы «Метис-М», «Конкурс-М», «Штурм-С», противокорабельные ракеты «Гарпун» и др. В дальнейшем был создан широкий класс такого оружия различного назначения.

²¹ Оружие на новых физических принципах — новые средства вооруженной борьбы, поражающее действие которых основано на использовании направленных высокоэнергетических излучений и полей, нейтральных или заряженных частиц, а также на других нетрадиционных способах поражения людей и военной техники. К ним относятся:

а) лазерное оружие, использующее низкоэнергетические и высокоэнергетические силовые лазерные устройства (газовые, химические, твердотопливные, жидкостные лазеры) для поражения узконаправленными световыми лучами;

б) ускорительное оружие, основанное на принципах пучков элементарных частиц, нейтронов и атомов водорода;

в) СВЧ — оружие с направленным излучением сверхвысоких радиоволн миллиметрового и сантиметрового диапазона;

г) инфразвуковое оружие, основанное на поражающем воздействии звуковых колебаний от единицы до 30 герц;

д) геофизическое оружие, основанное на инициировании катастрофических природных явлений.

Кроме того, к этому классу относятся и некоторые другие перспективные виды оружия.

²² Соколовский В. Д. Будущая война и проблемы советской военной доктрины (Лекция для профессорско-преподавательского состава и слушателей выпускных курсов Военной академии Генерального штаба ВС СССР). М., 1959. С. 5.

²³ Военная стратегия. С. 227, 253.

²⁴ Материалы XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 119.

- ²⁵ Военная стратегия С 223
- ²⁶ Там же С 243.
- ²⁷ Малиновский Р. Я Бдительно стоять на страже мира М , 1962. С. 26
- ²⁸ Супер-ЭМИ-оружие — особая разновидность ядерного оружия, основанного на использовании высотных взрывов термоядерных боеприпасов с направленным жестким электромагнитным излучением.
- ²⁹ Цит. по: Правда. 1983 6 декабря.
- ³⁰ Индекс МЗ-М5 — время готовности объединений, соединений и частей к третьему-пятому дню мобилизации.
- ³¹ Военная стратегия. С. 255
- ³² Цит по: Проблемы революции в военном деле: Сборник статей. М., 1965 С. 27.
- ³³ Там же. С. 80—84.
- ³⁴ Цит. по Проблемы революции в военном деле. С. 80—81.
- ³⁵ История военного искусства. М., 1984. С. 447—448.
- ³⁶ Локальная война /Под ред С К Скоробогаткина М , 1966.
- ³⁷ Локальные войны /Под ред. И. Е. Шаврова. М., 1981
- ³⁸ Государства НАТО и военные конфликты. М., 1987, Региональные и локальные конфликты. история и современность М., 1989.

Глава шестая

¹ 12 марта 1999 г. в состав НАТО были приняты Польша, Венгрия и Чехия. В результате этой акции боевой состав европейской группировки сил блока увеличился почти на 13 дивизий, пополнился примерно 360 тыс. военнослужащих и более чем 8 тыс. единиц боевой техники практически целиком советского производства, в том числе 3,6 тыс. танков, 4 тыс. бронетранспортеров и боевых машин пехоты, почти 400 боевых самолетов.

² ТАСС. Международная экспресс-информация. 1991. 8 октября. Л. 33.

³ Красная Звезда. 1993 19 ноября.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Независимая газета. 1994. 13 апреля.

¹² Основные положения военной доктрины Российской Федерации (Изложение). М., 1993 С. 7.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 4.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Август II* (August) Сильный — 48, 50, 52, 53
Айронсайд Уильям Эдуард — 154
Алгазин А. С. — 242, 243
Александр I — 78—80
Александр Македонский — 10
Александр Невский (Александр Ярославович) — 30—32
Алексеев Михаил Васильевич — 100, 109, 110, 124, 137
Алкснис Яков Иванович — 220
Амирагов Л. С. — 195
Анна Павловна — 78
Антонов Алексей Иннокентьевич — 354, 358
Антонов-Овсенко Владимир Андреевич — 146
Апраксин Степан Федорович — 56, 57
Апраксин Федор Матвеевич — 52, 54
Ахмат (Ахмед) — 38
Ахромеев Сергей Федорович — 401, 486

Б

- Багратион* Петр Иванович — 78, 363
Баиов Алексей Константинович — 18, 33, 174
Бальфур (Balfour) Артур Джеймс — 153
Барклай-де-Толли Михаил Богданович — 78
Бастико Эттаре — 198
Баторий (Batory) Стефан — 41, 42
Баторский М. А. — 197
Батый (Бату-хан) — 28
Берия Лаврентий Павлович — 352
Бермондт-Авалов Павел Михайлович — 141
Бернгарди (Bernhardi) Ф. — 104
Берроуз — 368
Бестужев-Рюмин Алексей Петрович — 56
Биргер Ярль (Birger Jarl) — 30, 31
Бирюзов Сергей Семенович — 441, 454, 489
Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич — 146, 147, 149, 174
Брежнев Леонид Ильич — 406, 416
Броди Б. — 407

- Брусилов* Алексей Алексеевич — 112, 124
Буденный Семен Михайлович — 193, 295, 353, 356, 357
Булганин Николай Александрович — 352, 354, 405, 406, 486
Бурцев Иван Григорьевич — 84
Бутурлин Александр Борисович — 56, 60
Бюлов (Bulow) Адам Генрих Дитрих фон — 11, 84

В

- Вандам* А. Е. — 140
Варенников Валентин Иванович — 401, 486
Василевский Александр Михайлович — 15, 352, 354—358, 360, 361, 401, 486
Василий I (Василий Дмитриевич) — 35
Василий III — 37
Васильев А. Ф. — 368
Ватутин Николай Федорович — 353
Вацетис Иоаким Иоакимович — 130, 148, 162, 164, 174, 179, 180—182, 185, 192, 199, 200, 205
Вегетий (Vegetius) Флавий Ренат — 10
Величко Константин Иванович — 174, 175
Венцов-Кранц С. И. — 220
Верховский Александр Иванович — 197, 198
Вильгельм II (Wilhelm) Гогенцоллерен — 106
Виноградов Н. С. — 245
Владимир Святославович — 19, 24, 25
Владимир II Мономах — 19, 25, 26
Вознесенский Николай Алексеевич — 352
Войнович Марко Иванович — 68
Войрш — 108
Вольпе Абрам Миронович — 199, 201
Воронов Николай Николаевич — 358, 401, 415
Ворошилов Климент Ефремович — 193, 194, 202, 206, 208, 218, 224, 225, 230, 243, 247, 248, 352, 353, 356, 358
Врангель Петр Николаевич — 138, 141, 153, 156, 160, 165, 167, 170, 172, 173, 178, 187, 188, 201

Г

- Галактионов М. Р. — 197
 Галил-бей — 62
 Гальдер (Хальдер) (Halder) Франц — 299, 301
 Ганнибал (Hannibal) — 10, 132
 Гареев Махмут Ахметович — 401, 486
 Гаспилович А. И. — 401
 Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих — 11
 Гейсман (с 1916 — Гейсманс) Платон Александрович — 93
 Герасимов Иван Александрович — 489
 Гернеросс Е. А. — 99, 100
 Геродот — 10
 Гинденбург (Hindenburg) Пауль фон — 110
 Гитлер (Hitler) Адольф — 196, 210, 248, 260, 305, 326
 Гиттис Владимир Михайлович — 136
 Глинка Федор Николаевич — 84
 Говоров Леонид Александрович — 15
 Голиков Филипп Иванович — 368.
 Голицын Александр Михайлович — 61, 62
 Голубев А. В. — 15, 193, 197
 Горчаков Михаил Дмитриевич — 86
 Горшков Сергей Георгиевич — 474
 Грачев Павел Сергеевич — 523
 Греков Борис Дмитриевич — 18, 19, 26
 Гречко Андрей Антонович — 15, 401, 403, 405, 407, 416, 449, 489
 Грибков Анатолий Иванович — 401
 Гулевич А. А. — 93, 97
 Гурко Иосиф Владимирович — 93
 Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Давыдович) — 205
 Густав IV Адольф — 45

Д

- Даль Понт Адриано — 368
 Данилевич Андриан Александрович — 401, 486
 Данилов Ю. Н. — 99, 100, 103, 105
 Дарий I — 10
 Даун (Daun) Леопольд — 58
 Делаварди (De la Gardie) Якоб — 42
 Делатр-де-Тассини Жан — 368
 Деникин Антон Иванович — 130—132, 137, 138, 141, 145, 153, 155, 156, 160, 162, 167, 170, 171, 177, 184—188, 201
 Денстервилль Л. — 154
 Джемс У. — 198
 Джорджадзе К. И. — 401
 Дибич — 141
 Дин Аллан М. — 368
 Дитерихс Михаил Константинович — 155, 156
 Дмитрий Донской — 27, 30, 33—35
 Добрынин — 110
 Долгоруков Василий Михайлович — 64
 Драгомиров Михаил Иванович — 93
 Дутов Александр Ильич — 158

- Духонин Николай Николаевич — 146
 Душенов Константин Иванович — 245
 Дуэ (Douhet) Джулио — 198, 244
 Дыбенко Павел Ефимович — 146, 147

Е

- Евдокимов — 110
 Егоров Александр Ильич — 136, 148, 208, 218, 220, 221, 224
 Егорьев Владимир Николаевич — 136
 Екатерина II Алексеевна — 60, 62
 Елизавета Петровна — 56, 60
 Елчанинов А. Г. — 95
 Еременко Андрей Иванович — 296

Ж

- Жанен М. — 154
 Жерев Борис Борисович — 245
 Жигур Я. М. — 194
 Жилинский Яков Григорьевич — 100, 109, 110
 Жомини (Jomini) Антуан Анри (Генрих Вениаминович) — 11, 84
 Жоффр (Joffre) Жозеф Жак Сезер — 124
 Жубер (Joubert) Бартеlemi Катрин — 72
 Жуков Георгий Константинович — 15, 202, 226, 232, 352—355, 357, 358, 360, 364, 365, 401, 405, 406, 449, 488, 489

З

- Завьялов Иван Григорьевич — 401
 Зайончковский Андрей Медардович — 95, 96, 99, 101, 199
 Захаров Матвей Васильевич — 15, 292, 401, 441, 489
 Земсков В. И. — 401

И

- Иван I Калита — 32, 33
 Иван II Красный — 33
 Иван III — 35—38, 40
 Иван IV Грозный — 37, 40—42
 Иванов Николай Иудович — 109, 110, 124
 Иванов Семен Павлович — 15, 401
 Иващутин Петр Иванович — 486
 Игорь — 19, 21
 Игорь Северский — 27
 Иннокентий IV (Innocentius) — 30
 Иоанн I Цимисхий — 24
 Ионов П. П. — 244
 Ираклий II — 64
 Иссерсон Георгий Самойлович — 15, 193, 225, 226
 Истомин Владимир Иванович — 87

К

- Казанович Лазарь Моисеевич — 352
 Казимир IV (Kazimierz) Ягеллончик — 38
 Какурин Николай Евгеньевич — 197, 201

Каледин Алексей Максимович — 158
 Калмыков И. М. — 139
 Каменев Сергей Сергеевич — 136, 148, 167, 183, 192, 205, 208, 227
 Каменский Михаил Федотович — 65
 Канн Г. — 393
 Карамзин Николай Михайлович — 20
 Карл, эрцгерцог — 84
 Карл XII (Karl) — 49, 50, 52, 53
 Кевес — 108
 Клаузевиц (Clausewitz) Карл фон — 11, 84
 Кленов П. С. — 226
 Ключевский Василий Осипович — 20, 28
 Кобург — 68
 Козлов Михаил Михайлович — 401
 Коломб (Colomb) Филип Хауард — 12
 Колосовский В. — 242
 Колчак Александр Васильевич — 130, 139, 140, 145, 153, 154, 156, 160, 162, 167, 168, 172, 173, 177, 180, 185—188, 201
 Конев Иван Степанович — 15, 401, 489
 Кононенко А. — 193
 Константин VII Багрянородный — 20
 Конфуций — 10
 Корк Август Иванович — 199
 Корнилов Владимир Алексеевич — 87
 Королев Сергей Павлович — 420
 Костяев Федор Васильевич — 149, 181
 Косыгин Алексей Николаевич — 406
 Красильников Сергей Николаевич — 15, 220, 223, 225, 401
 Краснов Петр Николаевич — 137, 160
 Крыленко Николай Васильевич — 146, 147, 158
 Ксенофонт — 10
 Кузнецов Николай Германович — 253, 353, 354, 358, 361, 416
 Куйбышев Валериан Владимирович — 205
 Куликов Виктор Георгиевич — 401, 489
 Куммер — 108
 Куропаткин Александр Николаевич — 96
 Кутузов Михаил Илларионович — 55, 76, 77, 80, 82, 84, 362
 Кюльман Ф. — 198, 222

Л

Лансинг Р. — 153
 Лапчинский Александр Николаевич — 15, 199, 242, 243, 245
 Ларионов В. А. — 401
 Лаудон — 58
 Лебедев Д. А. — 156
 Лебедев Павел Павлович — 149, 178, 208
 Левальд — 57
 Левенгаупт (Lewenhaupt) Адам Людвиг — 52
 Левицкий Н. А. — 193
 Левицев В. Н. — 208
 Леер Генрих Антонович — 11, 93, 97
 Ленин (Ульянов) Владимир Ильич — 126, 128, 145, 146, 148, 157, 162, 180—182, 192—194

Лефевбюр — 198
 Либекер — 52
 Ливен А. П. — 141
 Лиддел Гарт (Liddell Hart) Базил — 124, 198, 222
 Ллойд (Lloyd) Генри — 11, 84
 Ломов Н. А. — 454
 Лопатин В. Н. — 243
 Луцшев Петр Георгиевич — 489
 Лэтэм Д. — 393
 Людендорф (Ludendorff) Эрих — 198

М

Мавродин Владимир Васильевич — 22
 Майгур П. М. — 149
 Макдональд (Macdonald) Жак Этьен Жозеф Александр — 72
 Макеев Виктор Петрович — 431
 Макнамара Роберт — 393, 394
 Максимов Юрий Павлович — 489
 Маленков Георгий Максимилианович — 352
 Малиновский Роднон Яковлевич — 15, 401, 407, 415, 416, 441, 449, 489
 Маллесон У. — 154
 Мамай — 34
 Маркс (Marx) Карл — 132, 194
 Мартин Т. — 393
 Мартинов Евгений Иванович — 93
 Масловский Дмитрий Федорович — 45
 Массена (Massena) Андре — 74
 Медведев М. Е. — 245
 Медем Николай Васильевич — 11, 84
 Меженников Сергей Александрович — 208, 242
 Мелас — 71
 Меликов В. А. — 95, 100, 102, 223
 Менгли-Гирей — 38
 Меншиков Александр Данилович — 47, 54
 Меншиков Александр Сергеевич — 87
 Мерецков Кирилл Афанасьевич — 15
 Меррик Джон — 42
 Мехлис Лев Захарович — 358
 Мехоношин Константин Александрович — 147
 Микоян Анастас Иванович — 352
 Миллер Евгений Карлович — 140, 155, 156, 187
 Милютин Дмитрий Александрович — 84, 88, 93, 96
 Минин Кузьма Минич — 42, 44
 Михаил III — 20
 Михаил Федорович — 44
 Михневич Николай Петрович — 12, 95
 Мовчин Н. Н. — 227
 Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович — 252, 352, 353, 368
 Мольтке (Moltke) (Старший) Хельмут Карл — 11, 97
 Моро (Moreau) Жан Виктор — 72
 Морозов Н. А. — 197, 198
 Мосин Сергей Иванович — 211

Москаленко Кирилл Семенович — 441
 Муравьев А. И. — 87
 Муравьев Никита Михайлович — 84
 Мэхэн (Mahar) Алфред Тайер — 12
 Мюрат (Murat) Иоахим — 80, 82

Н

Наполеон (Napoléon) Бонапарт — 71, 72, 74, 76—80, 82, 84, 97, 132
 Нахимов Павел Степанович — 87
 Неделин Митрофан Иванович — 420
 Неелов Н. — 84
 Незнамов Александр Александрович — 95, 120
 Николаев — 120
 Николай I — 85, 86
 Николай II — 101, 106
 Николай Николаевич (Младший) — 124
 Новиков Александр Александрович — 358
 Нокс (Кнок) Альфред Уильям — 154

О

Обручев Николай Николаевич — 90, 93, 96
 Огарков Николай Васильевич — 401, 428, 447, 486, 489, 490
 Олег — 19, 20, 21
 Олег Иванович (рязанский) — 34
 Ольгерд (Альгирдас) — 33
 Омер-паша — 86
 Онисандр — 10
 Орановский В. А. — 109
 Орлов Алексей Григорьевич — 64
 Осман-паша — 87
 Осуд Р. — 407
 Отани К. — 154

П

Павел I — 70, 71
 Павлов Дмитрий Григорьевич — 202, 296
 Пана Р. — 407
 Панин П. П. — 62, 64
 Пестель Павел Иванович — 84
 Петин Николай Николаевич — 226, 227
 Петлюра Симон Васильевич — 142
 Петр I Великий — 45—55, 57, 74, 82
 Петр III Федорович — 60
 Петров Андрей Николаевич — 93
 Петров М. А. — 245
 Пилсудский (Piłsudski) Юзеф — 143
 Пишон Ж. — 153
 Подвойский Николай Ильич — 146, 147
 Подгорный Николай Викторович — 406
 Пожарский Дмитрий Михайлович — 42, 44
 Попов Н. Г. — 401
 Потемкин Григорий Александрович — 66, 68—70
 Прадт — 79
 Проектор Д. М. — 401
 Прошьян Прош Перчевин О. П. — 147

Пугачев Семен Андреевич — 206
 Пуль Ф. К. — 154

Р

Раглан Ф. Дж. — 87
 Радецкий Федор Федорович — 93
 Разумовский Андрей Кириллович — 72
 Ратэль Николай Иосифович — 149
 Рейган (Reagan) Рональд Уилсон — 447
 Рекен — 198
 Ренненкампф Павел Карлович — 109, 110
 Рибас (Ribas) Хосе де (Дерибас Осип Михайлович) — 70
 Римский-Корсаков А. М. — 74
 Рокоссовский Константин Константинович — 15
 Роман I Лакапин — 21
 Романовский И. П. — 156
 Рузский Николай Владимирович — 109, 124
 Румянцев-Задунайский Петр Александрович — 55, 58, 60—62, 64—66, 70, 74, 76, 82, 362
 Рыбаков Борис Александрович — 28, 30
 Рыков Алексей Иванович — 150
 Рычагов Павел Васильевич — 244
 Рюрик — 19

С

Сазонов Сергей Дмитриевич — 106
 Салтыков Петр Семенович — 56, 58, 60, 65
 Самойло Александр Александрович
 Самсонов Александр Васильевич — 109, 110
 Сбытов Н. А. — 401
 Свердлов Яков Михайлович — 181
 Свечин Александр Андреевич — 15, 197, 198, 227—229, 231, 238
 Святослав Игоревич — 19, 21, 22, 24, 26
 Сект Х. — 198, 221
 Селивачев В. И. — 181
 Семен Гордый — 33
 Семенов Григорий Михайлович — 139, 140
 Сент-Арно (Saint-Arnaud) Арман Жак Леруа де — 87
 Серрицы — 131
 Сигизмунд III (Zygmunt) Ваза — 42
 Склянский Эфрам Маркович — 147
 Скобелев Михаил Дмитриевич — 93
 Соколов Сергей Леонидович — 401, 449
 Соколовский Василий Данилович — 15, 401, 405, 414, 441
 Спиридов Григорий Андреевич — 64
 Спирин М. — 245
 Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — 193, 194, 201, 206, 230, 252—254, 260, 288, 293, 296, 303, 352—356, 360, 361, 364, 368, 486
 Суворов Александр Васильевич — 55, 65, 66, 68—76, 80, 82, 84, 362
 Суньцзы — 10

Суслопаров И. А. — 368
 Сухомяинов Владимир Александрович — 100
 Сытин Павел Павлович — 136

Т

Тейлор М. — 407
 Теодори Г. И. — 162, 164
 Тимирев — 155
 Тимошенко Семен Константинович — 202, 208,
 217, 232, 234, 240, 252, 253, 293, 296, 353,
 356—358
 Токарев Федор Васильевич — 212
 Томасов Александр Петрович — 78
 Тохтамыш — 33, 35
 Третьяк Иван Моисеевич — 489
 Триандафиллов Владимир Кириакович — 15,
 197, 228, 229, 232
 Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович — 145,
 147, 148, 158, 162, 174, 181, 186, 206
 Трумэн (Гитман) Гарри — 381
 Тухачевский Михаил Николаевич — 15, 131,
 136, 192, 197, 199, 201, 205, 206, 208, 220,
 222, 223, 227—230, 232, 237
 Тюленев Иван Владимирович — 202, 238, 240
 Тюшкевич Степан Андреевич — 401

У

Уборевич Иероним Петрович — 221
 Укилихт Иосиф Станиславович — 192, 204,
 206
 Устинов Дмитрий Федорович — 408, 449, 490
 Уззы — 10
 Ушаков Федор Федорович — 68, 70—72

Ф

Федоренко Яков Николаевич — 358
 Фельдман Б. М. — 198
 Фермор (Fegmog) Виллим Виллимович — 56—
 58
 Фотий — 20
 Фош (Foch) Фердинанд — 12, 153, 154
 Франц Фердинанд (Franz Ferdinand) — 106
 Френсис Давид Роулэнд — 153
 Фридрих II — 56—58, 60, 77
 Фрунзе Михаил Васильевич — 15, 133, 136,
 158, 180, 191, 192, 196—198, 200, 201, 205,
 206, 208, 220, 229, 237
 Фукидид — 10
 Фуллер (Fuller) Джон Фредерик Чарлз — 198
 Фуль (Pfuel) Карл Людвиг Август —
 79

Х

Халлер Ю. — 143
 Ханжин М. В. — 168
 Харламов Н. М. — 368
 Хорват Дмитрий Леонидович — 139

Хрипин В. В. — 242, 243
 Хрулев Андрей Васильевич — 360
 Хрущев Никита Сергеевич — 413, 415, 416,
 488

Ц

Цезарь Гай Юлий (Gaius Julius Caesar) — 9,
 10, 132
 Циффер Р. С. — 193, 220

Ч

Челомей Владимир Николаевич — 420, 431
 Черемисов В. А. — 95
 Чернышев Захар Григорьевич — 60
 Черчилль (Churchill) Уинстон Леонард Спен-
 сер — 153, 368, 381
 Чингиз-хан — 28

Ш

Шалеа — 222
 Шамиль — 86, 87
 Шапошников Борис Михайлович — 15, 199,
 208, 230, 248, 250, 252, 353, 354
 Шатилов П. Н. — 156
 Шиловский Евгений Александрович — 15, 220,
 222, 223, 401
 Шлиффен (Schlieffen) Альфред фон — 12, 99,
 105
 Шорин Василий Иванович — 181
 Шпагин Георгий Семенович — 212
 Штеменко Сергей Матвеевич — 358, 401, 455
 Шуваев А. Д. — 110
 Шутко К. И. — 147

Щ

Щербачев Д. Г. — 124

Э

Эйдеман Роберт Петрович — 220, 224, 232
 Энгельс (Engels) Фридрих — 132, 157
 Эпминонд — 9, 402

Ю

Юденич Николай Николаевич — 140, 155, 156,
 160, 187
 Юрий Всеволодович — 28

Я

Ягайло (Ягелло) (Jagiello) Владислав — 34
 Язов Дмитрий Тимофеевич — 408, 448, 474
 Языков П. А. — 84
 Якимычев А. М. — 245
 Яковлев П. А. — 11
 Якубовский Иван Игнатъевич — 489
 Янгель Михаил Кузьмич — 420
 Ярослав Всеволодович — 30
 Ярослав Мудрый — 19, 25

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Абакум — 21
Австралия — 482
Австрия — 48, 53, 56—58, 61, 64, 66, 68, 69, 71, 72, 74, 76, 86, 87, 96, 106, 268, 322, 487, 488
Австрия Западная — 322
Австро-Венгрия — 96—99, 101, 103, 106, 108, 114, 143, 147, 173
Адда, р. — 72
Адрианополь — 92
Адриатическое море — 68, 71
Азербайджан — 41, 142, 505, 506, 513, 516, 525, 526
Азиатско-Тихоокеанский регион — 383, 482, 505
Азия — 22, 191, 193, 196, 259, 268, 382, 422, 441, 477, 479, 483, 499, 519, 545, 547, 548, 551
Азия Малая — 61
Азия Средняя — 10, 41, 99, 160, 271, 499
Азия Центральная — 94
Азия Юго-Восточная — 378, 381, 482
Азов — 46, 48, 53, 65
Азовское море — 22, 46, 141, 178
Аккерман — 61, 64, 158
Александрополь — 86
Алжир — 480, 482
Альма, р. — 87
Альпы — 74
Америка — *см. Соединенные Штаты Америки*
Америка Латинская — 483
Америка Центральная — 479, 499
Америка Южная — 480
Амьен — 114
Анатолия — 90
Англия — *см. Великобритания*
Ангола — 480
Ардаган — 92
Арденны — 368
Армения — 142, 506, 516, 525—527, 539

Артуа — 112, 124
Архангельск — 140, 153, 282, 301
Астраханское ханство — 36, 40
Астрахань — 41, 61, 185, 313, 316
Атлантика — 114, 350, 547
Аустерлиц — 76, 77
Ауэрштедт — 77
Афганистан — 195, 410, 480, 485, 501, 505, 513, 534, 537
Африка — 479, 483, 499, 519
Африка Северная — 258, 482
Ахалцик — 86

Б

Байкал — 168
Бакинский промышленный район — 426
Баку — 21, 215, 306, 490
Балатон — 268, 316, 326
Балканский хребет — 61, 90, 93
Балканы — 16, 22, 24, 54, 61, 64—66, 68—70, 77, 86, 87, 90—92, 110, 322, 327, 340, 505
Балтийское море — 25, 36, 37, 40—42, 44, 45, 48—50, 53, 55, 60, 71, 86, 87, 143, 178, 216, 249, 251, 322, 351, 501
Балтика — 48, 55, 87, 116, 350, 351, 432, 507
Балтия — 504, 505, 509, 512, 513, 528, 540, 547, 548
Барановичи — 103, 252, 294
Баренцево море — 87, 250, 290, 351
Батум — 90, 92
Бахмач — 290
Башкадыклар — 86
Башкортостан — 506
Баязет — 92
Белая Церковь — 290
Белгород — 319, 338
Белград — 16, 332
Белое море — 87
Белорусская советская республика — 127
Белоруссия (Беларусь) — 44, 45, 52, 173, 178,

- 221, 262, 266, 268, 297, 301, 320, 326, 327, 330, 332, 340, 347, 420, 459, 504, 508, 512, 513, 525, 526, 539, 547, 548
 Белоруссия Западная — 251
 Белосток — 99, 103, 249, 294
 Белый — 302
 Бельгия — 72, 100, 110, 503
 Бельск — 103
 Бельцы — 295
 Бендеры — 61, 62, 64, 69, 158
 Бердичев — 160, 297
 Березина, р. — 82, 296
 Берестечко — 294
 Берислав — 184
 Берлин — 57, 58, 60, 98, 101, 109, 118, 322, 330, 332, 338, 347, 348, 371
 Бессарабия — 87, 249, 250
 Ближний Восток (Ближневосточный регион) — 86, 87, 90, 94, 110, 262, 378, 383, 410, 481, 482, 505, 534, 537
 Бобр, р. — 96
 Бобруйск — 158, 336, 347
 Болгария — 22, 24, 112, 194, 221, 248, 268, 320, 322, 372, 383, 487, 488, 504
 Болгария Восточная — 22
 Болгария Северная — 90
 Большая Орда — 38
 Большой Кавказский хребет — 316
 Борисов — 153
 Бородино — 80
 Босфор — 90, 92, 98
 Браилов — 64, 69
 Бреславль — 98, 326
 Бреслау — 347
 Брест — 99, 104, 249, 252, 293
 Брест-Литовск — 96, 104, 170
 Броды — 294
 Бромберг — 98
 Брянск — 33, 80, 103, 174, 302, 304, 313
 Буг, р. — 18, 22, 65
 Буг Южный — 320
 Буго-Нарева, р. — 96
 Будапешт — 101, 118, 326, 332
 Буковина — 162
 Буковина Северная — 250
 Булгар — 28
 Бухарест — 299, 348
 Быхов — 302, 303

В

- Вагай р. — 188
 Ваксхольм — 54
 Вапнярка — 160
 Варта, р. — 57
 Варшава — 96, 120, 170, 185, 336, 348
 Варшавский район — 103, 104
 Варшавское воеводство — 249
 Варшавское герцогство — 78
 Васильсурск — 35, 37
 Вашингтон — 368
 Ведроша, р. — 36
 Вейсенштейн — 158
 Велиж — 318, 326
 Великие Луки — 301, 319, 326
 Великобритания (Англия) — 12, 13, 42, 48, 49, 56, 61, 66, 69, 71, 72, 76, 78, 86, 87, 90, 93, 94, 105, 112, 122, 124, 130, 138—141, 143, 152, 153, 194—195, 247, 249, 260, 269, 283, 350, 367, 368, 370, 382, 383, 388, 390, 412, 503, 509, 515
 Вена — 48, 57, 72, 98, 101, 118, 332
 Венгерская долина — 118
 Венгрия — 15, 28, 162, 194, 221, 248, 252, 268, 320, 322, 327, 330, 341, 365, 373, 383, 414, 482, 487, 488, 501, 503—505, 509, 512, 513, 516, 526
 Венецианская республика — 48
 Верден — 112, 114, 124
 Вешенская — 316
 Византия — 18—22, 24, 25
 Вилькомир — 82
 Вильно — 50, 79, 82, 103, 112
 Вильнюс — 293, 294
 Винница — 490
 Висла р. — 96, 99, 100, 118, 162, 170, 249, 320, 326, 371
 Висла Нижняя — 58
 Висла Средняя — 52, 120
 Витебск — 158, 290, 295, 296, 301, 311, 314, 318, 336, 347
 Владивосток — 144, 153
 Владикавказ — 87
 Владимир — 26
 Владимир-Волынский — 294
 Владимиро-Суздальское княжество — 26, 32
 Вода (Водская пятина) — 31
 Вожа, р. — 35
 Волга р. — 18, 21, 22, 24, 35, 38, 41, 185, 265, 305, 313
 Волга Нижняя — 19, 179, 282
 Волга Средняя — 183, 282
 Волжская Булгария — 18
 Волжско-Камская система — 158
 Волковыск — 252
 Вологда — 179
 Воложин — 82
 Волоколамск — 304, 317
 Волхов р. — 174
 Вольнь — 50
 Вопь, р. — 82
 Воронеж — 46, 168, 173, 262, 305, 309, 362
 Выборг — 53, 55, 104, 250, 296
 Вьетнам — 410, 480, 481, 534, 537
 Вязьма — 82, 304, 313, 343
 Вятка — 179

Г

- Гаджибей — 69, 70
 Галац — 62
 Галиция — 100, 101, 110, 112, 124, 162
 Галич — 18
 Гамбург — 205
 Гангут — 54, 87
 ГДР — 487
 Гельсингфорс (Хельсинки) — 54, 177
 Германия — 12, 13, 53, 56, 93, 94, 96—101, 103, 105, 106, 108, 109, 112, 114, 120, 124, 127, 130, 141, 143, 147, 173, 174, 195, 196, 205, 210, 219, 222, 224—226, 242, 247—250, 252, 255, 256, 258, 259, 262, 263, 265, 266, 268—272, 285, 286, 288, 317, 318, 320, 322, 326, 327, 330, 368, 370, 395, 408, 419, 480, 487, 512, 526
 Германия Южная — 72
 Гжатск — 304
 Гирсово — 64
 Главный Кавказский хребет — 306
 Гнезно — 82
 Голландия — 48
 Голштиния — 48
 Гомель — 103, 290, 303, 319
 Горький — 348
 Гренгам — 54
 Греция — 194
 Гродно — 50, 79, 104, 170, 293
 Гросс-Егерсдорф — 57
 Грузия — 28, 62, 66, 142, 505, 516, 525—527, 539, 540
 Гумбиннен — 110

Д

- Даго — см. Хийумаа
 Дайлен — 21
 Дальний Восток — 94, 104, 110, 139, 154, 160, 178, 195, 203, 216, 249, 251, 259, 268, 271, 316, 340, 357, 374, 480, 489, 513
 Дания — 30, 48, 49, 53
 Данциг — 299, 348
 Дарданеллы — 62
 Даугавпилс — 294, 296
 Двина Западная — 79, 254, 286, 294—296, 301, 311, 314
 Демократическая Республика Вьетнам — 482
 Дербент — 28
 Дерпт — 30
 Дерптское епископство — 31
 Дештын-кипчак — 28
 Десна, р. — 25, 290, 326
 Джиль — 21
 Дмитров — 33, 42
 Днепр, р. — 20, 21, 35, 45, 46, 65, 178, 254, 266, 286, 288, 290, 295—297, 301—303, 311, 314, 319, 326, 327, 373
 Днепропетровск — 319, 373

- Днестр, р. — 18, 22, 61, 68, 70, 221, 297, 303, 320
 Днестр Верхний — 61
 Днестровский лиман — 373
 Дон, р. — 21, 34, 35, 46, 158, 170, 178, 179, 265, 305, 313, 316
 Дон Верхний — 265, 319
 Дон Средний — 265, 319, 362
 Донбасс (Донецкий бассейн) — 162, 164, 167, 168, 178, 188, 252, 262, 265, 266, 286, 301—305, 313, 316, 318, 319, 326, 330, 340, 362
 Донская область — 137, 181
 Дорогобуж — 82
 Доростол — 24
 Древняя Греция — 10
 Древняя Русь — 19, 21, 25, 26
 Древний Египет — 9
 Древний Китай — 10
 Дрисса — 79, 158
 Дубно — 294
 Дунай, р. — 21, 22, 24, 54, 61, 62, 64, 65, 69, 70, 77, 86, 87, 90, 92
 Дунайская Болгария — 22
 Духовщина — 304

Е

- Египет — 61, 482
 Европа — 15, 16, 28, 40, 48, 55—57, 60, 64, 72, 76—78, 85—87, 94, 97, 100, 102, 153, 191, 193, 196, 202, 205, 252, 258, 259, 266, 268, 322, 329, 330, 332, 338, 340, 345, 348, 363, 367, 368, 370, 381, 383, 384, 387, 395, 408, 415, 418—420, 422, 423, 441, 449, 475, 477, 478, 480, 499, 502—504, 519, 520, 545, 547, 548, 551
 Европа Восточная — 15, 28, 153, 256, 320, 370, 381, 503, 509, 540
 Европа Западная — 10, 28, 30, 38, 40, 48, 49, 61, 71, 199, 205, 258, 299, 503
 Европа Центральная — 381, 419, 509
 Европа Юго-Восточная — 320, 370
 Екатеринбург — 179
 Елец — 317
 Ельня — 301, 302
 Еникале — 65

Ж

- Жизца — 32
 Житомир — 158, 294, 295, 297, 316, 345
 Жлобин — 160, 302
 Жолкиев — 52
 Журжу — 64

З

- Забайкалье — 140, 251, 340, 384
 Закавказье — 19, 21, 78, 86, 99, 103, 110, 142, 154, 158, 160, 178, 262, 271, 282, 306, 507, 513, 539

Закарпатье — 142
 Закаспийская область — 137
 Западно-Украинская Народная республика — 142
 Западный Берлин — 480
 Заполярье — 296, 299, 301
 Звенигород — 33
 Зерж — 104
 Золотая Орда — 28, 30, 32—34, 36, 38, 40

И

Ивангород — 37, 42, 96, 104
 Ивано-Франковск — 490
 Иена — 77
 Ижора, р. — 30
 Изборск — 30—32, 158
 Измаил — 64, 68—70
 Израиль — 388, 482
 Ильмень, оз. — 174, 311
 Имеретия — 64
 Ингерманландия — 48, 50
 Ингрия (Ижорская земля) — 49
 Индийский океан — 450
 Индия — 41, 388
 Ионические о-ва — 71
 Иордания — 482
 Ипр — 112, 114
 Ирак — 482, 484, 537
 Иран — 76—78, 86, 248, 305, 482, 505, 513
 Исакча — 62, 64
 Испания — 213
 Истр, р. — 22
 Италия — 71, 72, 96, 112, 122, 124, 152, 153, 194, 195, 219, 222, 248, 252, 258
 Италия Северная — 70—72, 74
 Итиль — 21, 22

К

Кабарда — 65
 Кавказ — 28, 64—66, 77, 86, 87, 90, 92, 96, 97, 99, 102, 104, 112, 131, 143, 188, 259, 282, 304—306, 308, 316, 317, 362, 368, 499
 Кавказ Северный — 22, 24, 61, 99, 131, 137, 170, 178, 179, 184, 189, 262, 265, 281, 305, 306, 309, 313, 316, 319, 326, 340, 350, 362, 506, 513
 Кавказ Центральный — 86
 Кагул — 62, 65
 Казанское ханство — 36, 40, 41
 Казань — 37, 40, 41
 Казахстан — 480, 505, 506, 508, 509
 Калинин — 304
 Калининградская область — 512
 Калка, р. — 28
 Калуга — 62, 80, 82, 304, 317
 Камбре — 114
 Каменец-Подольск — 61

Камрань — 432
 Каракалпакия — 506
 Карелия — 48, 295, 301, 505
 Карелия Восточная — 332
 Карелия Северная — 250
 Карельский перешеек — 249, 250, 332
 Карлаты — 110, 371
 Карс — 87, 90, 92
 Каспийское море (Каспий) — 21, 42, 185
 Каунас — 293
 Кашин — 33
 Кексгольм — 53, 55
 Кенигсберг — 57, 60, 110, 293, 299, 326, 330, 347, 348
 Керченский п-ов — 318
 Керченский пролив — 21, 70
 Керчь — 65, 104, 262
 Киев — 18, 20, 21, 24—26, 28, 50, 61, 78, 109, 252, 263, 295—297, 301—303, 313, 319, 326, 343, 348, 367, 373
 Киевская область — 137
 Киевская Русь — 18—21, 24
 Киевский государственный район — 326
 Киевское государство — 18, 19, 22, 25, 28
 Килия — 64
 Кинбурн — 65, 66, 68
 Кинбурнская коса — 66
 Кинбурн-Херсонский район — 66
 Китай — 14, 28, 45, 139, 195, 196, 248, 378, 379, 382—384, 387, 388, 390, 411, 436, 438, 489, 505, 506, 513, 520, 521, 523, 547, 548, 550
 Кишинев — 62, 92, 297, 347
 Клайпеда — 299
 Клязьма — 38
 Кобрин — 293
 Ковель — 82, 104
 Ковно — 57, 82, 104, 252
 Козлуджа — 65
 Кольберг — 58, 60
 Конотоп — 303
 Константинополь — 20
 Копенгаген — 49
 Копорье — 31, 32
 Корея — 410, 480, 481, 485, 505, 506
 Корсунь — 18
 Корсунь-Шевченковский — 347
 Корфу, о-в — 71
 Кострома — 282
 Красногвардейск — 303
 Краснодар — 282
 Красное — 82, 99
 Кременчуг — 303, 373
 Кривой Рог — 316
 Кронштадт — 62, 88, 104, 177, 178, 349
 Кроссен — 58
 Крым — 21, 28, 46, 53, 61, 64—66, 70, 87, 138, 141, 170, 172, 192, 262, 266, 268, 303—305, 318, 320, 326, 340, 350, 506

Крымский п-ов — 189
 Крымское ханство — 36
 Крыстынополь — 294
 Куба — 481
 Кубань — 62, 66, 158, 178, 306
 Кувейт — 482
 Кунерсдорф — 58, 60
 Куолярви — 250
 Курильские о-ва (Курильская гряда) — 268, 506
 Курляндия — 48, 57, 100, 367
 Курск — 18, 177, 265, 266, 307, 313, 316, 319, 322, 323, 325, 330, 341, 344, 346
 Кутаис — 64
 Кюрюк-Дара — 87
 Кюстрин — 57, 326

Л

Ладога — 30
 Ладожское озеро — 18, 174, 303, 373, 374
 Ларга, р. — 62, 65
 Латвийская республика — 127
 Латвийская советская республика — 127
 Латвия — 142, 194, 195, 247—250, 505, 516, 526
 Левкстры — 402
 Ледовитый океан — 45, 140
 Ленинград — 215, 250, 262, 263, 265, 282, 286, 295, 299, 301, 303—305, 311, 314, 317—320, 338, 340, 341, 348—351, 373, 374
 Лесная, р. — 52
 Либава — 141, 350
 Ливан — 482
 Ливония — 36, 40—42
 Лида — 103, 294
 Лион — 72
 Литва — 33, 35, 36, 38, 40, 41, 57, 100, 112, 194, 195, 247—250, 505, 516, 526
 Литовская республика — 127
 Литовская советская республика — 127, 330
 Лифляндия — 50
 Ловча — 92
 Лоев — 295, 311
 Ломбардия — 72
 Ломжа — 96, 104
 Лондон — 42, 152, 368
 Лотарингия — 106
 Лоховице — 303
 Луга — 31, 296, 297, 302, 311
 Луцк — 293, 294
 Любеч — 35
 Люблин — 170, 185, 252, 294
 Люблинское воеводство — 249
 Люксембург — 72, 110
 Люцернское оз. — 74
 Львов — 52, 99, 170, 185, 249, 294, 340
 Ляхово — 82

М

Маас, р. — 109
 Мазурские озера — 98, 110
 Майнила — 250
 Малкин — 103
 Малоярославец — 82, 304
 Маньчжурия — 195, 268
 Маньчжурия Северная — 249
 Мариенбург — 50
 Марининская водная система — 184
 Марна, р. — 110, 114
 Марокко — 482
 Мачин — 64
 Медынь — 82
 Мемель — 293
 Мессин — 114
 Меча, р. — 35
 Миллерово — 316
 Минск — 103, 252, 293—296, 313, 335, 336, 340, 347, 348, 419
 Мироновка — 290
 Млава — 98
 Могилев — 160, 290, 296, 301, 314
 Могилев на Днестре — 158
 Можайск — 33, 304
 Мозамбик — 480
 Мозырь — 158, 160
 Молдавия (Молдова) — 326, 332, 340, 505—507, 525, 539
 Монголия — 370, 414
 Моон, о-в — 251
 Моонзундские о-ва — 299
 Москва — 32, 33, 35, 36, 38, 40—42, 44, 52, 78—80, 82, 100, 125, 128, 130, 160, 174, 175, 187, 204, 215, 249, 250, 252, 259, 262, 263, 265, 282, 286, 293, 301, 302, 304, 309, 311, 313, 314, 316—318, 321—323, 325, 326, 328, 330, 337, 344, 347, 348, 362, 365, 368, 373, 427, 447
 Московская — 42, 44
 Московский промышленный район — 393, 426
 Московское государство — 35—38, 40—42, 44
 Московское княжество — 32, 34, 35
 Мукачево — 528
 Мурманск — 153, 282, 296, 301
 Муром — 33
 Мценск — 304

Н

Нагасаки — 388
 Нагорный Карабах — 506, 513
 Налибокская пуца — 295
 Нарва — 37, 42, 49, 50, 55, 158
 Нарва, р. — 35, 45
 Нарев, р. — 99, 120, 249
 Нева, р. — 30, 31, 35, 45, 49, 50, 55

Невель — 158, 174, 301
 Неман, р. — 79, 110, 293
 Неман Средний — 98
 Ниеншанц — 50
 Нижний Новгород — 42
 Николаев — 320
 Новая Зеландия — 482
 Новгород (Великий) — 27, 30—32, 35, 44, 49, 296, 302, 303
 Новгородская республика — 30
 Нови — 72
 Новогеоргиевск — 96, 100, 104
 Новоград-Вольнский — 294, 296
 Новороссийск — 167, 306, 313, 350
 Новосиль — 33
 Ногайская Орда — 36
 Норвегия — 347, 503, 505
 Норвегия Северная — 299
 Норвежское море — 351
 Нотебург (Шлиссельбург) — 50

О

Овруч — 158
 Одер, р. — 57, 58, 268, 340, 371
 Одесса — 69, 87, 160, 263, 295, 303, 313, 320, 350, 351
 Ока, р. — 21, 34, 37, 38
 Оленовская — 46
 Омск — 156
 Онежское озеро — 18, 174
 Оргеев — 158
 Орел — 168, 170, 173, 174, 304, 319
 Оренбург — 176
 Орша — 158, 295, 296, 311, 314
 Осетия — 513
 Османская империя — 17
 Осовец — 96, 104
 Осташков — 302
 Остер, р. — 25
 Остров — 158
 Остроленка — 96, 104
 Оттоманская Порта — 46
 Очаков — 62, 66, 68, 104

П

Павловская — 46
 Пакардия — 114
 Пакистан — 388, 501, 513
 Париж — 72, 110, 153, 419
 Первомайск — 303
 Перекопский перешеек — 188
 Переяславец — 22
 Переяславль — 25
 Пернун — 50
 Персидский залив — 481, 483, 485, 534, 537
 Персия — 19, 40, 41, 195
 Петербург — см. Санкт-Петербург

Петроград — 125, 130, 133, 147, 150, 160, 173—176, 178, 204
 Петрозаводск — 296
 Петропавловск-Камчатский — 87
 Печора, р. — 35
 Пинск — 294
 Пиренейский п-ов — 28
 Плевна — 92
 Пловдив — 92
 Плоешти — 299
 Поволжье — 179, 203
 Поднепровье — 38
 Подольск — 80
 Познань — 58, 98, 109, 326, 335
 Полесье — 100, 248, 249, 338
 Полоцк — 41, 42, 50, 252, 311
 Полоцкое княжество — 32
 Полтава — 53, 55, 319
 Польша — 15, 25, 28, 36, 38, 41, 42, 44, 45, 49, 50, 52, 53, 56, 60, 61, 78, 100, 112, 124, 127, 131, 142, 153, 156, 185, 194—196, 222, 224—226, 247—249, 268, 320, 322, 327, 330, 363, 372, 373, 383, 414, 487, 501, 503, 504, 509, 512, 513, 516, 526
 Польша Южная — 320
 Померания — 54, 57, 58, 60, 512
 Померания Восточная — 336, 340
 Понт Эвксинский — 20
 Поныри — 307
 Поросье — 25
 Потсдам — 368
 Прага — 332
 Прейсиш-Эйлау — 77
 Прибалтийские страны — 153
 Прибалтика — 27, 30, 31, 38, 42, 45, 48—50, 53, 54, 56, 58, 141, 143, 178, 251, 262, 263, 266, 268, 297, 299, 301, 320, 326, 327, 335, 338, 340
 Привислинский район — 96, 98
 Приднестровье — 505, 506, 539
 Прикаспий (Прикаспийский регион) — 40, 158
 Приморье — 384
 Приморье Южное — 140
 Припять — 252
 Причерноморье — 178
 Проскуров — 290, 295, 316
 Прохоровка — 307, 314
 Пруссия — 56, 60, 61, 64, 66, 69, 76, 86
 Пруссия Восточная — 57, 60, 77, 96, 99—101, 106, 109, 110, 118, 124, 268, 320, 363, 512
 Прут, р. — 18, 53, 54, 62, 66, 68, 295, 320
 Псков — 30—32, 42, 49, 158, 295, 296, 302, 314
 Пулково — 303
 Пултуск — 77, 96, 104
 Путивль — 42
 Путна, р. — 69
 Пьемонт — 72

Р

Радехов — 294
 Расейный — 294
 Ревель (Талинн) — 50, 56, 62, 158, 177
 Рейн, р. — 332, 368
 Речь Посполитая — 17, 41, 44
 Ржев — 42, 304
 Рига — 30, 48, 50, 52, 53, 141, 252, 296
 Рим — 515
 Рогачев — 302
 Рожаны — 96, 104
 Рославль — 301–304, 314
 Россия — 82
 Российская Империя — 5, 55, 85, 93, 125, 127, 142
 Российская Республика — 146
 РСФСР — 128, 130, 133, 134, 136, 145, 147, 148, 150, 152, 160, 181, 182, 189, 500, 526
 Российская Федерация — 13, 15, 16, 380, 419, 497, 498, 502, 504, 507, 509, 510, 513, 516, 517, 519, 524–527, 529, 531, 536, 539–541
 Россия — 5, 6, 11–13, 15–18, 42, 44–47, 49–58, 60, 61, 64, 66, 68–71, 74, 76–79, 82, 84–88, 90, 92–94, 96–109, 112, 114, 116, 118, 120, 122, 124–132, 136–144, 146, 152–157, 162, 168, 170, 173, 187–189, 190, 199, 227, 228, 265, 269, 301, 380, 415, 418, 420, 498–536, 538–541, 543, 545–552
 Ростов — 26, 33
 Ростов-на-Дону — 164, 167, 168, 170, 181, 262, 301, 304–306, 316, 317, 337, 362
 Румыния — 92, 99, 153, 194, 195, 221, 247, 248, 252, 268, 293, 320, 322, 327, 330, 341, 372, 373, 383, 487, 488, 501, 503–505, 509, 512, 513, 516
 Русь — 18–21, 25–28, 30–36, 38, 41
 Русь Северо-Восточная — 28, 33
 Русь Северо-Западная — 30, 32
 Русь Южная — 28
 Рушук — 65, 77
 Рыбачий, пов. — 250
 Рымник, р. — 69
 Рязань Могила — 62
 Рязанское княжество — 32, 35
 Рязань — 25, 80

С

Саарема, о-в — 251
 Сабля — 31
 Саксония — 48–50, 56, 58, 76
 Самбор — 294
 Сан, р. — 249
 Санкт-Петербург (Петербург) — 50, 52, 58, 62, 68, 78, 80, 99, 100
 Сараево — 106
 Саратов — 313
 Сардинское королевство — 86
 Сартавала — 250

Саудовская Аравия — 482
 Сахалин Южный — 268, 506
 Свеаборг — 88
 Свинёуйсце — 432
 Свирь, р. — 174
 Свияжск — 37, 104
 Севастополь — 66, 87, 104, 262, 263, 304, 305, 313, 320, 350, 351, 526, 539
 Северная Корея — 268
 Северная область — 140
 Северное море — 53, 110, 432, 450
 Сен-Готард — 74
 Сен-Миель — 114
 Сербия — 92
 Серет, р. — 62
 Серогозы Верхние и Нижние — 171
 Серпухов — 33
 Сибирское ханство — 36
 Сибирь — 41, 104, 131, 139, 152–154, 167, 178, 179, 184, 203
 Силезия — 56, 58, 512
 Силезия Верхняя — 268
 Силезия Нижняя — 268
 Силезия Южная — 60
 Силезский промышленный район — 336
 Силистрия — 65
 Синоп — 70, 87
 Сирия — 61, 482
 Сити, р. — 28
 Сицилия — 76
 Скрудна — 528
 Слободзея — 77
 Словакия — 503, 504
 Слоним — 174, 294
 Смоленск — 38, 40, 44, 52, 61, 79, 82, 174, 295–297, 301, 302, 313, 314, 318, 319
 Смоленское княжество — 32
 Советская Республика — 148, 153, 160
 Советская Россия — 127, 130, 143, 145, 152–154
 Советский Союз (СССР) — 13, 15, 16, 190–195, 195–210, 214, 215, 217, 218, 220–222, 224–226, 229, 242, 247–250, 252, 253, 256–260, 262, 265, 268–272, 282, 286, 293, 297, 305, 320, 330, 350, 352–354, 360, 361, 367, 368, 370, 372, 373, 378–389, 391–397, 399, 401, 402, 404, 406–422, 425–428, 430, 432, 434–438, 441, 442, 444–450, 454, 457, 458, 461–464, 466–468, 474–476, 479, 481–488, 490, 492, 495, 497, 500–502, 504, 506–510, 513, 515, 516, 518, 519, 524, 539
 Содружество независимых государств (СНГ, Содружество) — 380, 419, 497, 499, 502–504, 506–507, 512, 516, 517, 519–524, 539, 545, 547, 548, 551
 Соединенные Штаты Америки (Соединенные Штаты, США) — 12–15, 114, 122, 127, 138, 139, 153, 194, 195, 260, 269, 283, 350, 362,

367, 378—384, 386—389, 391—397, 403, 406—409, 411, 412, 415—419, 421, 422, 427, 428, 431, 435, 436, 438, 442, 444—446, 448, 449, 457, 460, 479, 481—485, 499, 500, 502, 503, 508—510, 512, 515, 516, 520, 523, 531, 541, 545—548, 550

Сокаль — 294

Соколов — 99

Соловецкий монастырь — 87

Сомма, р. — 112

Сочи — 282

Средиземное море — 24, 62, 68, 71, 72, 90, 432, 450

Средний Восток — 505

Средний, п-ов — 250

Сталинград — 259, 262, 263, 265, 305, 306, 308, 309, 313, 314, 316, 319, 322—326, 328, 340, 344, 346—348, 352, 362, 366, 368

Сталиногорск — 317

Стамбул — 61, 90, 92

Старая Русса — 302, 318

Стародуб — 33

Старый Оскол — 305

Стокгольм — 54

Страсбург — 72

Стучка, р. — 25

Сувалки — 252, 293

Судеты — 322

Суздаль — 26, 33

Суха, р. — 25

Сухум-Кале — 87

Т

Табаристан — 21

Таврия Северная — 168, 170

Таганрог — 46, 53

Таганрогский п-ов — 46

Таджикистан — 507, 527, 539, 540

Таиланд — 482

Тайвань — 383

Таллин — 177, 295, 296, 302, 303, 350

Таманский п-ов — 319

Тамань — 306

Таматархи — 22

Таруса — 33

Тарутино — 80

Татарстан — 506

Тверское княжество — 32, 33, 35

Тверь — 33, 35

Тегеран — 368

Тендр, о-в — 68

Терек, р. — 61, 306

Тернополь — 98

Терско-Дагестанский край — 137

Тесово — 31

Тильзит — 78

Тироль — 124

Тифлис — 86

Тихвин — 42, 262, 301, 317, 337, 362

Тихий океан — 45, 87, 350, 432, 450

Тмутараканское княжество — 22

Тмутаракань — 22

Тобол, р. — 177

Томск — 140

Торопец — 32, 42

Трансильвания — 68

Треббия, р. — 72

Троицкая — 46

Трубеж, р. — 25

Тула — 79, 80, 130, 304

Тулча — 64

Тунис — 482

Туркестан — 97, 104, 154

Туркмения — 513

Турку — 299

Туртукай — 65

Турция — 41, 44—46, 48, 53, 54, 61, 62, 64—66, 68—71, 76—78, 86, 87, 90, 112, 114, 195, 248, 259, 501, 505, 513

У

Углич — 33

Угра, р. — 38

Узбекистан — 506, 540

Украина — 44, 46, 52, 53, 61, 62, 68, 142, 143, 156, 158, 167, 173, 178, 179, 192, 252, 262, 316, 338, 420, 459, 504—506, 508, 509, 512, 513, 516, 524—526, 528, 539, 547, 548

Украина Западная — 251, 327, 332

Украина Левобережная — 44, 301, 308, 319, 327, 330

Украина Правобережная — 266, 268, 297, 301, 302, 320, 328, 335, 340

Украинская Народная республика — 142

Украинская советская республика — 127

Умань — 184, 303, 313

Урал — 167, 168, 178, 183, 203, 204, 282, 527, 547

Урал Северный — 35

Уральск — 176

Урицк — 303

Усвяты — 32

Усть-Двинск — 104

Ф

Федеративная Республика Германии (ФРГ) — 382, 395, 499, 503, 509, 512, 515

Федониси, о-в — 68

Филиппины — 482

Финляндия — 30, 53, 54, 99, 127, 143, 194, 195, 247—250, 252, 268, 293, 295, 299, 322, 327, 341, 347, 505

Финский залив — 31, 50, 55, 68, 177, 250, 299, 303, 311

Фокшаны — 68, 69

Фолклендские о-ва — 482

Франкфурт-на-Одере — 58, 60
 Франция — 12, 48, 53, 56, 58, 61, 66, 70—72,
 74, 76—78, 86, 87, 93, 97, 98, 100, 105, 106,
 108, 109, 112, 120, 122, 124, 130, 138, 143,
 152—154, 194—196, 205, 221, 222, 225, 247,
 249, 368, 383, 388, 390, 503, 515
 Франция Северная — 110
 Фридланд — 77

X

Хазарский каганат — 18, 21, 22
 Харбин — 139
 Харьков — 164, 168, 262, 265, 266, 304, 318,
 319, 326, 330, 338, 362
 Халхин-Гол — 211, 361
 Ханко, п-ов — 250, 299, 350
 Хасан оз. — 211, 361
 Хельсинки — 177, 250, 299
 Херсон — 66, 320
 Хийумаа, о-в — 251
 Хиросима — 388
 Хмельники — 290
 Холм — 174
 Хотин — 61, 62

Ц

Царево-Займище — 80
 Царицын — 176, 181, 185, 189
 Царьград — 19, 20
 Центральный промышленный район — 282
 Цорндорф — 57, 58
 Цуцкват — 64
 Цюрих — 74

Ч

Челябинск — 179
 Червоная Русь — 25
 Черепихинская — 46
 Черкассы — 290
 Чернигов — 38, 290
 Чернишна, р. — 80
 Черногория — 92
 Черное море — 19, 21, 24, 40, 45, 46, 48, 55,
 61, 66, 68—71, 87, 116, 143, 178, 216, 290, 299,
 320, 338, 350, 351, 501, 507
 Черноморское побережье — 153
 Чехия — 15, 501, 503, 504, 509, 512, 516
 Чехословакия — 194, 196, 268, 320, 322, 327,
 372, 383, 414, 482, 488, 504, 526

Чечня — 16, 513, 520, 524, 529, 542, 544
 Чита — 490
 Чонгарский перешеек — 188
 Чудское озеро — 32

Ш

Шампань — 112, 124
 Шара, р. — 294
 Шарван — 21
 Швейцария — 70, 72, 74, 110
 Швеция — 30, 35, 36, 41, 42, 44, 45, 48—50,
 54—56, 64, 66, 68, 69, 76, 86, 505
 Шейново — 92
 Шипкинский перевал — 92
 Шлезвиг-Гольштиния — 322
 Шлиссельбург — 303, 363
 Шоропни — 64
 Шостка — 304
 Штеттин — 58
 Шумла — 65
 Шяуляй — 50, 294

Э

Эзель, о-в — 54
 Эльба, р. — 322
 Эн, р. — 114
 Энзели — 178
 Эрзерум — 90, 92, 98
 Эстляндия — 48, 50
 Эстония — 127, 141, 142, 194, 195, 247—250,
 505, 516, 526
 Эфиопия — 480

Ю

Югославия — 16, 194, 327, 365, 499, 539
 Южная Корея — 482
 Южный Вьетнам — 482
 Юрьев — 158

Я

Ялта — 368
 Ямгород — 42
 Ямполь — 158
 Япония — 13, 94, 122, 127, 153, 195, 196, 219,
 248, 252, 259, 317, 411, 505, 506, 520, 523,
 547, 548
 Ярославец — 42
 Ярославль — 33, 313
 Ярцево — 301
 Яссы — 62, 347

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АВИАДАРМ — Полевое управление авиации и воздухоплавания действующей армии
АДД — авиация дальнего действия
АЗПАК (Asian and Pacific Council, ASPAC) — Азиатско-тихоокеанский совет
АОН — армия особого назначения
АСУ — автоматизированная система управления
АСЯС — авиационные стратегические ядерные силы
БМП — боевая машина пехоты
БРПЛ — боевая ракета на подводной лодке
БРТ — бронетранспортер
ВАД — военно-автомобильная дорога
ВВС — военно-воздушные силы
ВВС — Высший военный совет
ВВТ — вооружение и военная техника
ВГК — Верховный Главнокомандующий
ВГШ — Всероссийский Главный штаб
ВДВ — Воздушно-десантные войска
ВМБ — военно-морская база
ВМС — военно-морские силы
ВМФ — военно-морской флот
ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь
ВОСО — военные сообщения
ВОХР — внутренняя охрана Республики
ВПР — временный перегрузочный район
ВРК — военно-революционный совет
Всебюровоенком — Всероссийское бюро военных комиссаров
Всевобуч — всеобщее военное обучение
Всеголштаб — Всероссийский главный штаб
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ВСЮР — Вооруженные силы Юга России
ВТА — военно-транспортная авиация
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия

ГВИУ — Главное военно-инженерное управление
ГК — Главное командование
ГКО — Государственный комитет обороны
Главвоздухофлот — Главное управление Рабоче-Крестьянского Красного Военного воздушного флота
ГлавПУР — Главное политическое управление
Главснабпродарм — Главное управление по снабжению Красной Армии и Красного Флота
Главупраформ — Главное управление формирования и укомплектования войск
ГСМ — горюче-смазочные материалы
ГУГШ — Главное управление Генерального штаба
ГШ — Генеральный штаб
ДЗОТ — долговременная земляная огневая точка
ЗРВ — зенитно-ракетные войска
ЗРК — зенитно-ракетный комплекс
ИСЗ — искусственный спутник земли
Коминтерн — Коммунистический Интернационал
Коморси — командующий морскими силами Республики
Комуч — Комитет членов Учредительного собрания
КП — командный пункт
КП(б)У — Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КСБУ — командная система боевого управления
КУВНАС — курсы усовершенствования высшего начсостава
МБР — межконтинентальные баллистические ракеты
МОР — морской оборонительный район

МП — мобилизационный план
МПВО — местная противовоздушная оборона
МСЯС — морские стратегические ядерные силы
Наркомат — Народный комиссариат
наркомвоен — народный комиссар по военным делам
наркомвоенмор — народный комиссар по военным и морским делам
НКО — Народный комиссариат обороны
обком — областной комитет
ОВД — Организация Варшавского договора
ОВС — Объединенные вооруженные силы
ОКВ — верховное главнокомандование вермахта
ОКХ (Oberkommando der Heeres, ОКН) — Верховное Главнокомандование сухопутных войск
ООН — Организация Объединенных Наций
Опродком — особая продовольственная комиссия
ОСВ — ограничение стратегических вооружений
Осавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
ОТР — оперативно-тактическая ракета
ПВО — противовоздушная оборона
ПКО — противокосмическая оборона
ПЛАРБ — подводная лодка атомная ракетная большая
ПРО — противоракетная оборона
Политбюро — Политическое бюро
ПТУР — противотанковая управляемая ракета
ПТУРС — противотанковый управляемый реактивный снаряд
ПУ — пусковая установка
ПУАЗО — прибор управления артиллерийско-зенитным огнем
райком — районный комитет
РАФ — радиостанция автомобильная фургона
Реввоенсовет — Революционный военный совет
РВСН — Ракетные войска стратегического назначения
РВСР — Революционный военный совет Республики
РГК — резерв Главного командования
РГЧ — разделяющаяся головная часть
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РККВФ — рабоче-крестьянский красный Воздушный флот
РКП(б) — Рабоче-крестьянская партия (большевиков)
РЛС — радиолокационная станция

РМД — ракета малой дальности
РСБ — радиостанция самолетная батарейная
РСД — ракета средней дальности
РСМД — ракеты средней и малой дальности
СА — Советская Армия
САУ — самоходная артиллерийская установка
СЕАТО (South-East Asia Treaty Organization, SEATO) — Организация договора Юго-Восточной Азии
СЕНТО (Central Treaty Organization, CENTO) — Организация Центрального договора
СККП — средства контроля космического пространства
СНВ — стратегические наступательные вооружения
СНК — Совет Народных комиссаров
Совнарком — Совет Народных комиссаров
СОИ — Стратегическая оборонная инициатива
СПРН — система предупреждения о ракетном нападении
СУ — самоходная установка
СЭВ — Совет экономической взаимопомощи
СЯС — стратегические ядерные силы
ТАОН — тяжелая артиллерия особого назначения
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
ТВД — театр военных действий
ТУЦ — территориально-учебный центр
УНС — управление начальника строительства
УР — укрепленный район; управляемая ракета
УСОИ — узел связи особого назначения
УССИ — узел связи специального назначения
Фронткомснаб — межфронтовая комиссия снабжения войсковых организаций
ЦБУ — центр боевого управления
Цекодарф — Центральный комитет действующих армий и флота
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет
ЦКП — Центральный командный пункт
ЦУПВОСО — Центральное управление военных сообщений
ЦУС — Центральное управление снабжений
Чрезкомснаб — Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии
Чусоснабарм — чрезвычайный уполномоченный Совета обороны по снабжению Красной Армии и Красного Флота
ЭВМ — электронно-вычислительная машина
ЭМИ — электромагнитное излучение

СПИСОК СХЕМ

1. Походы киевских князей в X в. — *стр. 23.*
2. Русь в XIII в. — *стр. 29.*
3. Походы московской рати в конце XV — начале XVI вв. — *стр. 39.*
4. Войны второй половины XVI в. за восстановление русских земель — *стр. 43.*
5. Северная война и другие войны, веденные Россией при Петре I — *стр. 51.*
6. Семилетняя война. Кампания 1759—1761 гг. — *стр. 59.*
7. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. — *стр. 63.*
8. Русско-турецкая война 1787—1791 гг. — *стр. 67.*
9. Итальянский поход Суворова в 1799 г. — *стр. 73.*
10. Швейцарский поход Суворова в 1799 г. — *стр. 75.*
11. Наступление армий Наполеона в 1812 г. — *стр. 81.*
12. Наступление русской армии и уничтожение армии Наполеона — *стр. 83.*
13. Крымская война 1853—1857 гг. — *стр. 89.*
14. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. Общий ход военных действий на Балканах — *стр. 91.*
15. Организация руководства Вооруженными Силами России накануне первой мировой войны — *стр. 107.*
16. Кампания 1914 г. на Восточно-европейском театре — *стр. 111.*
17. Кампания 1915 г. на Восточно-европейском театре — *стр. 113.*
18. Кампания 1916 г. на Восточно-европейском театре — *стр. 115.*
19. Кампания 1917 г. на Восточно-европейском театре — *стр. 117.*
20. Организация руководства Вооруженными Силами России в первой мировой войне — *стр. 121.*
21. Организация Ставки Верховного главнокомандующего — *стр. 123.*
22. Система органов стратегического руководства Советскими Вооруженными Силами в гражданской войне — *стр. 151.*
23. Система органов стратегического руководства Вооруженными Силами белых режимов и интервентов (июль 1919 г.) — *стр. 155.*
24. Начало гражданской войны и военной интервенции в России. Октябрь 1917 г. — май 1918 г. — *стр. 159.*
25. Борьба против интервентов и белогвардейцев. Май 1918 г. — март 1919 г. — *стр. 161.*
26. Разгром основных сил интервентов и белогвардейцев. Март 1919 г. — март 1920 г. — *стр. 163.*
27. Советско-польская война. Разгром Русской армии генерала П. Н. Врангеля. Апрель—ноябрь 1920 г. — *стр. 165.*
28. Разгром белогвардейских войск и изгнание интервентов с Дальнего Востока. Апрель 1920 г. — октябрь 1922 г. — *стр. 169.*
29. Основные способы разгрома противника в годы гражданской войны — *стр. 171.*
30. Система органов стратегического руководства ВС СССР в середине 30-х годов — *стр. 207.*
31. Система органов стратегического руководства ВС СССР накануне Великой Отечественной войны — *стр. 209.*

32. Киевские маневры 1935 г. (замысел и действия сторон) — *стр. 233.*
33. Предвоенные взгляды на построение наступательной операции (глубокая операция) — *стр. 235.*
34. Советско-финляндская война 1939—1940 гг. — *стр. 239.*
35. Предвоенные взгляды на построение оперативной обороны — *стр. 241.*
36. Система операций Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне — *стр. 257.*
37. Общий ход военных действий в первом периоде Великой Отечественной войны Июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г. — *стр. 261.*
38. Общий ход военных действий во втором периоде Великой Отечественной войны. 19 ноября 1942 г. — декабрь 1943 г. — *стр. 264.*
39. Общий ход военных действий в третьем периоде Великой Отечественной войны. Январь 1944 г. — май 1945 г. — *стр. 267.*
40. Исходная группировка сил к началу Великой Отечественной войны — *стр. 287.*
41. Стратегическое развертывание Вооруженных Сил в 1941 г. — *стр. 289.*
42. Стратегическое положение Вооруженных Сил СССР к началу Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.) — *стр. 291.*
43. Общий ход начальных операций в Великой Отечественной войне — *стр. 298.*
44. Московская стратегическая оборонительная операция (30 сентября — 5 декабря 1941 г.) — *стр. 310.*
45. Курская стратегическая оборонительная операция (5—23 июня 1943 г.) — *стр. 312*
46. Контрнаступление советских войск под Москвой (5 декабря 1941 г. — 7 января 1942 г.) — *стр. 321.*
47. Контрнаступление советских войск под Сталинградом (19—30 ноября 1942 г.) — *стр. 324*
48. Стратегическое наступление советских Вооруженных Сил 1941—1945 гг. — *стр. 331.*
49. Формы стратегических наступательных операций и способы разгрома группировок противника в Великой Отечественной войне — *стр. 333, 334.*
50. Организация стратегического руководства Вооруженными Силами СССР в Великой Отечественной войне — *стр. 359.*
51. Организация стратегического руководства союзными войсками во второй мировой войне — *стр. 369.*
52. Стратегические задачи Вооруженных Сил (по взглядам 60-х — 80-х годов) — *стр. 400*
53. Стратегическое развертывание Вооруженных Сил (по взглядам 60-х — 80-х годов) — *стр. 452.*
54. Система стратегических операций Вооруженных Сил СССР (по взглядам 60-х — 80-х годов) — *стр. 462.*
55. Стратегические действия Вооруженных Сил (по взглядам 70-х — 80-х годов) — *стр. 464*
56. Структура стратегической наступательной операции на континентальном ТВД (по взглядам 70-х — 80-х годов) — *стр. 470.*
57. Развертывание системы стратегического руководства Вооруженными Силами в 60-х — 80-х годах — *стр. 493.*
58. Структура современных военных угроз России — *стр. 511.*
59. Структура обеспечения национальной безопасности России — *стр. 514*
60. Система стратегического планирования применения ВС России — *стр. 543.*
61. Перспективная система коллективной безопасности и совместной обороны России и других государств — *стр. 549*

СПИСОК ТАБЛИЦ

1. Соотношение сил сторон на Восточно-европейском театре к началу военных действий — *стр. 108.*
2. Размах важнейших стратегических наступательных операций Красной Армии — *стр. 166.*
3. Размах важнейших стратегических оборонительных операций Красной Армии — *стр. 176.*
4. Количество основной техники и вооружения в Красной Армии по годам войны — *стр. 271*
5. Размах некоторых стратегических оборонительных операций советских войск в первом и втором периодах войны — *стр. 315.*
6. Размах и результаты наступательных кампаний Великой Отечественной войны — *стр. 315.*
7. Размах важнейших стратегических наступательных операций советских войск — *стр. 328.*
8. Состав стратегических резервов — *стр. 342.*
9. Основные показатели развития народного хозяйства СССР в 1945—1983 гг. — *стр. 386.*
10. Динамика сокращения СНВ США и СССР — *стр. 418.*
11. Предлагаемые уровни ограничения вооружений — *стр. 419.*
12. Показатели размаха стратегических и фронтовых наступательных операций (по опыту учений) — *стр. 473.*
13. Участие советских Вооруженных Сил в локальных войнах и военных конфликтах — *стр. 480—481.*
14. Потери советских войск в некоторых локальных войнах и конфликтах — *стр. 485.*
15. Состав стратегических ядерных вооружений, оставшихся на территории государств бывшего СССР — *стр. 508.*
16. Квоты обычных вооружений — *стр. 525.*
17. Распределение квот ВВТ России по направлениям — *стр. 526.*
18. Динамика сокращения СНВ — *стр. 546.*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Данилевич А. А., Пронько В. А.).....	5
Глава первая. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ (Саксонов О. В.).....	17
1. Военные походы как воплощение военной стратегии Древнерусского государства.....	18
2. Решение военно-стратегических задач в период раздробленности Руси.....	26
3. Особенности развития военной стратегии централизованного Русского государства.....	35
4. Военная стратегия Российской империи в XVIII в.....	45
5. Развитие отечественной военной стратегии в XIX в.....	76
6. Военная стратегия России накануне и в ходе первой мировой войны.....	93
Глава вторая. ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1917—1922 гг. (Дайнес В. О.).....	125
1. Особенности гражданской войны в России и ее влияние на военную стратегию.....	126
2. Создание и развитие вооруженных сил противоборствующих сторон в ходе гражданской войны.....	132
3. Органы стратегического руководства вооруженными силами и характер их деятельности.....	145
4. Развитие военной стратегии в гражданской войне.....	157
Глава третья. ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНАМИ (Дайнес О. В.).....	191
1. Взгляды на характер будущей войны.....	191
2. Развитие Вооруженных Сил.....	202
3. Развитие теории ведения стратегических операций.....	219
Глава четвертая. ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (Чекмарев Г. Ф.).....	255
1. Главные направления развития военной стратегии во время войны.....	256
2. Стратегия строительства и развития Вооруженных Сил в ходе войны.....	269
3. Стратегическое развертывание Вооруженных Сил и ведение военных действий в начальный период войны.....	285
4. Стратегическая оборона.....	300
5. Стратегическое наступление.....	317

6. Формирование и использование стратегических резервов в войне.....	341
7. Стратегическое применение видов Вооруженных Сил.....	345
8. Стратегическое руководство вооруженной борьбой.....	351
9. Стратегические проблемы ведения коалиционной войны.....	367
10. Стратегический тыл.....	371

Глава пятая. ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(Пронько В. А.).....	377
1. Факторы, определявшие послевоенный прогресс стратегии.....	380
2. Основные принципы советской военной стратегии в послевоенные годы.....	396
3. Стратегия строительства Вооруженных Сил.....	410
4. Развитие взглядов на характер войны.....	436
5. Развитие системы боевой готовности Вооруженных Сил, взглядов на их развертывание и на начальный период войны.....	448
6. Система стратегических действий Вооруженных Сил.....	457
7. Стратегия локальных войн и военных конфликтов.....	479
8. Стратегическое руководство Вооруженными Силами.....	486

Глава шестая. СОВРЕМЕННАЯ ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ (Данилевич А. А.).....

1. Основные факторы формирования военной стратегии России.....	498
2. Особенности современного военно-политического положения России и их влияние на военную стратегию.....	502
3. Военно-стратегическое положение России и система военных угроз.....	506
4. Новая концепция военной доктрины России.....	515
5. Создание, развитие и реформирование Вооруженных Сил России.....	524
6. О стратегическом характере современных войн и способах стратегического применения Вооруженных Сил.....	532
7. Перспективы развития военной стратегии и системы военной безопасности России.....	544

ПРИМЕЧАНИЯ.....	553
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	571
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.....	576
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	585
СПИСОК СХЕМ.....	587
СПИСОК ТАБЛИЦ.....	589
СОДЕРЖАНИЕ.....	590

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Редактор Г. Кучков
Оформление С. Шехова
Корректор М. Лушина

Издательство «Кучково поле»,
113534, Москва, ул. Янгеля, 14, к. 6.
ГУП «Полиграфресурсы»,
101429, Москва, ул. Петровка, 26

Серия ЛР № 061013

При участии книгоиздательства «Фабула»

Подписано в печать 14.03.2000 г.
Формат 70x100¹/₁₆. Гарнитура «Antiqua».
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л 48,1
Тираж 3000 экз. Зак. № 1880

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ППП типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский пер., 6

